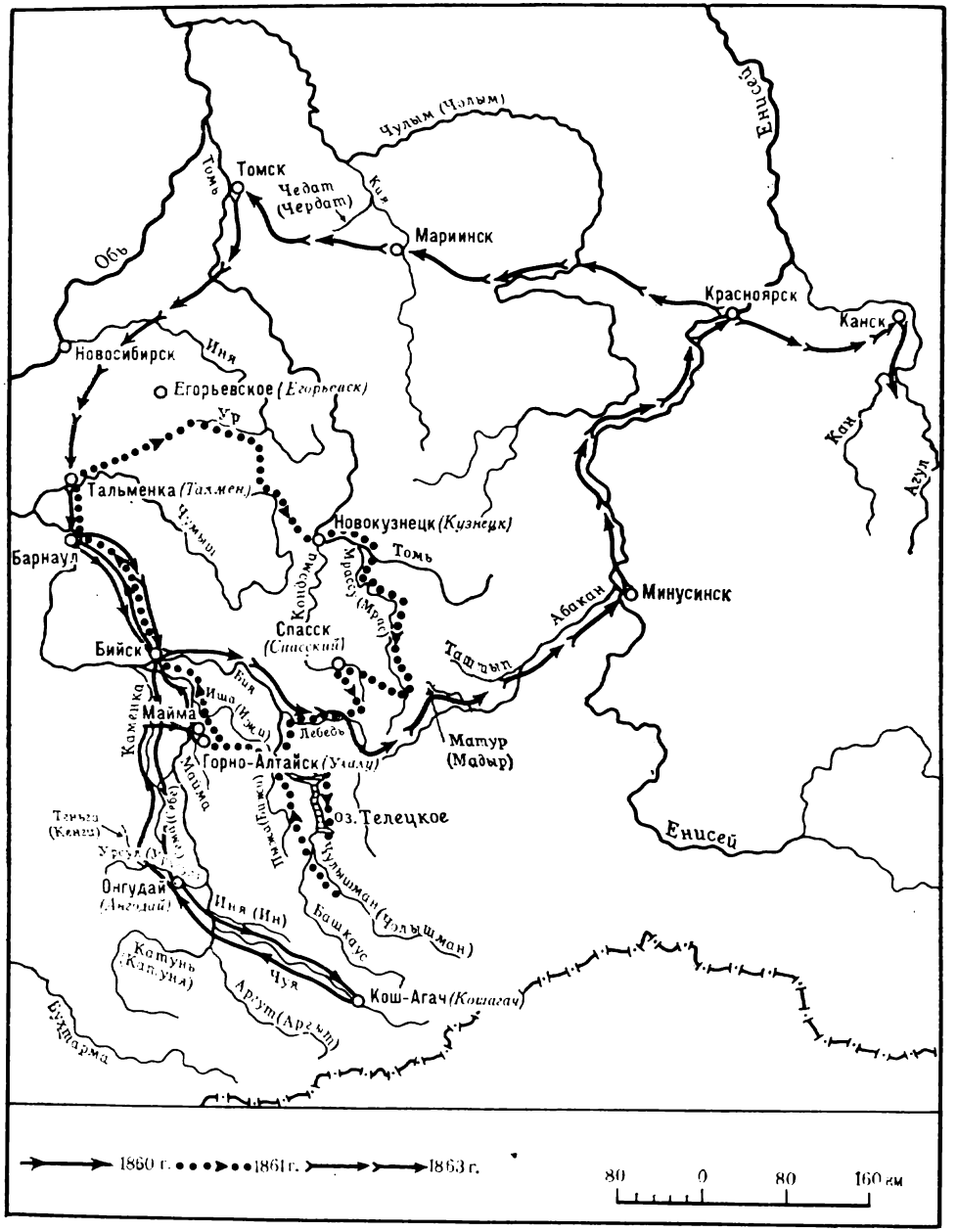
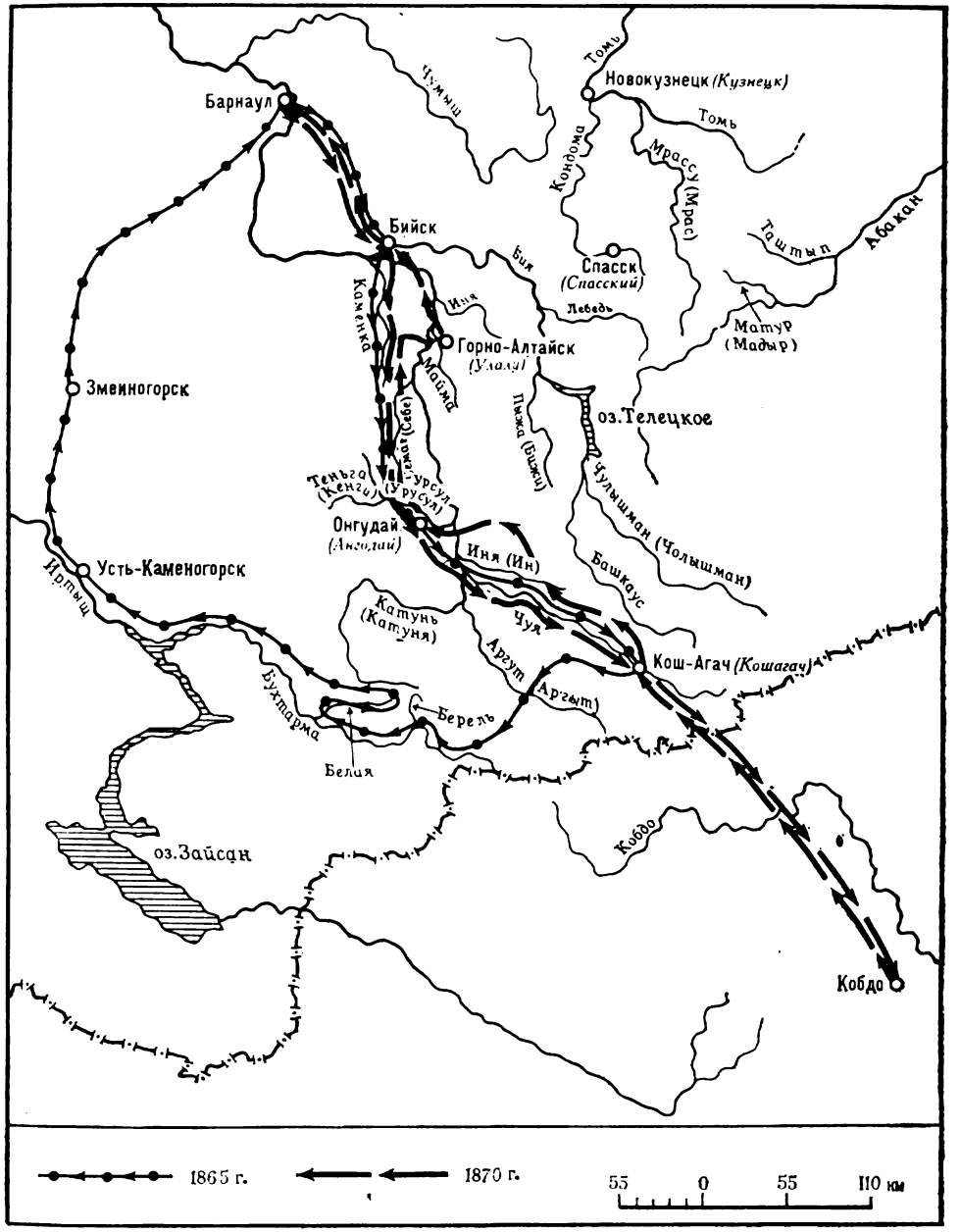

Обь
Томск
Томь
Чулым (Чулым)
Чедат (Чердат)
Кия
Мариинск
Енисей
Красноярск
Канск
Кан
Азул
Новосибирск
Иня
Егорьевское (Егорьевск)
Ур
Тальменка (Тальмен)
Чумыш
Новокузнецк (Кузнецк)
Барнаул
Кондома
Мрасс (Мрас)
Томь
Минусинск
Спасск (Спасский)
Абакан
Таштып
Бийск
Бия
Иша (Ижи)
Лебедь
Майма
Каменка
Горно-Алтайск (Улалу)
Матур (Мадыр)
Маима
Пыжа (Пыжлы)
оз. Телецкое
Чулышман (Чолышман)
Башкаус
Тенъга (Кенга)
Урсул (Урсул)
Онгудай (Ангодай)
Иня (Ин)
Катунь (Катуня)
Чуя
Аргут (Арғыт)
Кош-Агач (Кошагач)
Бухтарма
1860 г.
1861 г.
1863 г.
80 0 80 160 км

Барнаул
Чумыш
Томь
Новокузнецк (Кузнецк)
Кондома
Мрассу (Мрас)
Таштып
Абакан
Бийск
Бия
Спасск (Спасский)
Лебедь
Иня
Каменка
Горно-Алтайск (Улалу)
Матур (Мадыр)
Змеиногорск
Майма
Пыжа (Пыжлы)
оз. Телецкое
Тенъга (Кенга)
Урсул (Урсул)
Онгудай (Ангодай)
Чулышман (Чолышман)
Иня (Ин)
Башкаус
Усть-Каменогорск
Иртыш
Катунь (Катуня)
Чуя
Аргут (Арғыт)
Кош-Агач (Кошагач)
Бухтарма
Берель
Белая
оз. Зайсан
Кобдо
1865 г.
1870 г.
55 0 55 110 км

В. В. Радлов

ИЗ СИБИРИ

страницы
дневника

vk.com/ethnograph

МОСКВА 1989

ББК 63.5
Р15

AUS SIBIRIEN
LOSE BLÄTTER AUS MEINEM TAGEBUCHE
von Dr *Wilhelm Radloff*
Leipzig, 1893

Перевод с немецкого
К. Д. ЦИВИНОЙ и Б. Е. ЧИСТОВОЙ

Примечания и послесловие С. И. ВАЙНШТЕЙНА

Ответственный редактор С. И. ВАЙНШТЕЙН

Топонимическая редакция, схемы маршрутов экспедиций
и аннотированный указатель географических названий
Г. И. ДОНИДЗЕ

Указатель этнических названий
Е. П. БАТЬЯНОВОЙ

Утверждено к печати редколлегией серии
«Этнографическая библиотека»

Р $\frac{0508000000\text{-}161}{013(02)\text{-}89}$ Без объявления

ББК 63.5

ISBN 5-02-017025-9

© Русский перевод, примечания и послесловие: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» с 1983 г. издают серию книг «Этнографическая библиотека».

В серии «Этнографическая библиотека» публикуются лучшие работы отечественных и зарубежных этнографов, оказавшие большое влияние на развитие этнографической науки и сохраняющие по нынешний день свое важное теоретическое и методическое значение. В состав серии включаются произведения, в которых на этнографических материалах освещены закономерности жизни человеческих обществ на том или ином историческом этапе, рассмотрены проблемы общей этнографии. Так как неотъемлемой задачей науки о народах является постоянное пополнение фактических данных, а глубина теоретических обобщений зависит от достоверности и детальности фактического материала, то в составе «Этнографической библиотеки» редколлегия планирует издание также работ описательного характера, и сейчас представляющих интерес благодаря уникальности содержащихся в них сведений и важности методических принципов, положенных в основу полевых исследований.

Серия рассчитана на широкий круг специалистов в области общественных наук, а также на преподавателей и студентов высших учебных заведений.

Серия открылась изданием двух книг: работы Льюиса Генри Моргана «Лига ходеносауни, или ирокезов», вышедшей в свет в 1851 г., сыгравшей большую роль в становлении учения о родовой организации как форме социального устройства на ранних этапах человеческой истории и впервые переведенной на русский язык в наше время, а также известного труда французского этнографа и философа Клода Леви-Строса «Структурная антропология», в котором изложены некоторые основные принципы структурного метода в этнографической науке. В 1985 г. книга Леви-Строса была переиздана без изменений и дополнений.

В 1988 г. вышел в свет сборник избранных работ виднейшего американского этнографа нашего столетия Маргарет Мид «Культура и мир детства» (название дано составителем). Дальнейшая программа издания серии предполагает публикацию ряда трудов отечественных ученых: предлагаемая читателю книга В. В. Радлова «Из Сибири»; впервые переведенный с немецкого на русский язык труд виднейшего русского и советского этнографа чл.-кор. АН СССР Д. К. Зеленина (1878–1954) «Восточнославянская этнография» (издана в 1927 г. в Лейпциге); сборник работ одного из крупнейших исследователей первобытной религии и этнографа-сибиреведа, чл.-кор. Российской Академии наук Л. Я. Штернберга (1861–1927); монументальная работа всемирно известного исследователя народов Севера В. Г. Богораза (Тана) (1865–1936) «Материальная культура чукчей» (также впервые переведенная на русский язык с английского издания 1908 г.). Будет продолжено ознакомление читателей с наиболее значительными и интересными сочинениями зарубежных этнографов. Информацию о готовящихся к публикации в серии «Этнографическая библиотека» книгах редколлегия будет включать в каждый очередной том серии.

Предлагаемый ныне читателям труд выдающегося русского ученого академика Василия Васильевича Радлова (1837–1918), широко известный в Европе и достаточно хорошо знакомый специалистам в нашей стране, по странному стечению обстоятельств никогда не переводился на русский язык, хотя потребность в его русском издании настоятельно ощущалась всеми, кто интересуется вопросами изучения языков, фольклора и этнографии тюркоязычных народов Сибири, Казахстана и Средней Азии. Скромно названная автором «Из Сибири (страницы дневника)», эта книга (вышедшая в свет в Лейпциге в 1884 г. в двух томах) по своему характеру является энциклопедическим собранием материалов о тюркских народах России и некоторых прилегающих стран. Особую ценность книге придает то, что большая часть их была добыта самим автором в результате многолетних научных экспедиций, в которых он выступал не только путешественником-первопроходцем, но и глубоким, квалифицированным ученым-исследователем, собиравшим и самостоятельно осмыслившим гигантский фактический материал. Почти все, что было сделано во второй половине XIX в. в тюркологии, связано с именем Радлова, который с полным основанием заслужил прозвище «отца русской тюркологии». Подробные сведения о жизни и трудах В. В. Радлова и обстоятельную характеристику его книги «Из Сибири» читатель найдет в прилагаемой в конце настоящего издания статье С. И. Вайнштейна.

В связи с необходимостью издания книги в одном томе перевод публикуется с некоторыми сокращениями. Сокращения коснулись главным образом тех фактических сведений, которые излагались Радловым по материалам других авторов (в первую очередь общие сведения о Сибири, в том числе данные о ее географии, экономическом положении, характере и размерах русского переселенческого движения и т. д.) и ныне уже устарели или не представляют первостепенного интереса, так как не имеют прямого отношения к основному предмету книги – описанию всего, что связано с жизнью тюркских народов. Пришлось пожертвовать также некоторыми историографическими разделами, в которых сведения о тюрках излагаются по источникам, поскольку в сегодняшней исторической науке эти вопросы разработаны гораздо полнее и глубже, чем это мог сделать Радлов при современном ему состоянии источниковедения. Наконец, сокращены, как утратившие актуальность, некоторые соображения Радлова по поводу внешнеполитических проблем отношений России с соседними государствами (к тому же эти мысли высказаны мимоходом и не специалистом в этой области).

В то же время в переводе сохранено все связанное с непосредственным предметом исследовательской деятельности В. В. Радлова. В длинном ряду этих не поддающихся простому перечню материалов, собрать которые было под силу только человеку, отличавшемуся фантастическим трудолюбием, целеустремленностью и обладавшему блистательной научной подготовкой (следует помнить при этом, что свои экспедиции Радлов начал, будучи 23 лет от роду!), имеются и такие, которые, хотя и представляют несомненную научную ценность, в не столь отдаленные от нас времена использовались как повод для упреков Радлова в том, что он якобы высказывал в отношении изучавшихся им тюркских народов «расистские» или «шовинистические» взгляды. Недобросовестность и беспочвенность этих обвинений станет ясна каждому, кто прочитает предлагаемую книгу и увидит его высказывания в контексте. На протяжении своей книги В. В. Радлов подробно и не раз описывает быт, облик, характер изучаемых народов. В этих наблюдениях, описаниях и высказанных в связи с ними суждениях нет ни малейшего элемента пренебрежения или недоброжелательства, нет высокомерия «ученого европейца». Картины бедственного положения вымиравших в то время племен Сибири вызывают у Радлова острое сочувствие, он с состраданием говорит об ужасной

пищете и антисанитарии, о болезнях, свирепствующих среди местных жителей, об их эксплуатации русскими купцами. Пессимистические прогнозы о будущей судьбе сибирских тюрков, которые высказывал Радлов, как мы теперь знаем, к счастью, не оправдались, но для этого должна была совершиться великая революция и должно было пройти более ста лет, в течение которых ранее погибавшие племена стали социалистическими нациями и народностями. Читая высказывания Радлова о чертах характера и обычаях народов Сибири, казахов, киргизов и других тюркских народов, легко увидеть, что это был, как мы бы теперь сказали, ученый-гуманист, который с уважением и искренним интересом относился ко всем людям без различия этнического происхождения, языка и религии. Если же иногда у Радлова прорываются нотки добропорядочного христианина, предпочитающего эту веру мусульманской, то это скорее дань времени и настроениям европейских читателей, которым была адресована книга. Впрочем, нетрудно заметить, что в зависимости от конкретной ситуации Радлов считает ислам то культурным благом (когда речь идет о степных кочевниках), то злом (применительно к положению в Средней Азии). Предоставляем читателям самим оценить эти взгляды ученого, отметив, что они не занимают центрального места в его труде.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга В. В. Радлова «Из Сибири» изобилует топонимическим, этнонимическим материалом, терминами и словами из различных тюркских языков. Способы передачи их в русском переводе могут быть различными. Для данного издания были избраны следующие принципы.

Все географические названия передаются знаками русского алфавита без диакритических значков, т. е. практической русской транскрипцией, применяемой на географических картах. Систему такой передачи в настоящем издании разработал и провел Г. И. Донидзе, которому принадлежит топонимическая редакция перевода и которым составлен аннотированный указатель географических названий (объяснение этой транскрипции предпослано указателю), а также схемы маршрутов экспедиций В. В. Радлова на современной карте, помещенные в книге.

Сходные принципы положены в основу передачи этнонимов – названий всех народов и племен, родов и родовых подразделений. Указатель этнонимов составлен Е. П. Батьяновой.

И тот и другой указатели кроме русского написания географических и этнических названий дают их написание в немецком тексте В. В. Радлова, что исключает возможность их неверного отождествления.

Наконец, о передаче всех остальных тюркоязычных материалов. Мы отказались от попытки передать написание тюркских слов в современной орфографии тюркоязычных народов СССР, так как, во-первых, эта орфография очень различна применительно к разным языкам и включает в себя много дополнительных знаков, затрудняющих набор, а во-вторых, во многих случаях пришлось бы слишком определенно привязывать слово или термин к сегодняшней орфографической норме того или иного языка. Поэтому мы приняли решение передавать весь тюркоязычный материал Радлова, данный у него в латинской графике, с помощью соответствующих русских букв, добавив к ним три буквы с диакритикой для передачи немецких «умлаутных» гласных *ä, ö, ü* (соответственно *ä, ö* и *ÿ*). Долгие гласные передаются с помощью удвоения соответствующей русской буквы. Все тюркоязычные тексты в транскрипции выделены курсивом.

Из главы I

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О НАУЧНЫХ ПОЕЗДКАХ В 1860—1870 гг.[1]

<...>

Ради изучения тюркских языков я совершил в шестидесятые годы ряд поездок из города Барнаула, где я жил тогда, по районам расселения тюркских племен. Сразу же по прибытии в Барнаул, летом 1859 г., я сопровождал начальника Алтайского горнорудного района генерала Фрезе в его инспекционной поездке по золотомойням на Верхней Кондоме, Мрасе и Томи и в Салаирские литейные заводы.

I. Летом 1860 г. в сопровождении жены я проехал по собственно Алтаю. Мы отправились через Бийск на юг по Каменке до Себе, а оттуда по Среднему Урусулу; сначала вверх по Урусулу, затем через миссию в Ангодае по большому торговому пути вдоль Улёгёна к Катуни. Потом через Салджар и Ин к устью Чуи и оттуда вверх по Чуе до лавок купцов в Кошагаче в Чуйской степи. Отсюда мы совершили две поездки, сначала к китайскому пограничному пикету Сок, а потом — на ярмарку в Бараты. Из лавок в Кошагаче мы вернулись тем же путем в Ангодай. Отсюда отправились к истокам Кенги, затем к истокам Себе до Каменки. Потом мы поехали на восток через Катуню к расположенной неподалеку от реки Майма деревне Майма, а оттуда — в миссию в Улалу.

II. Летом 1861 г. я проехал по Салаирским горам: через Егорьевскую золотомойню к телеутским[2] селениям на Уре и Бачате — притоках реки Иня. Отсюда я отправился через город Кузнецк к Мрасу и расположенной на Верхней Кондоме Спасской золотомойне, отсюда через Царево-Александровскую золотомойню к Лебеди и по этой реке вверх до Бии. Потом я двигался вверх по течению Бии до Телецкого озера и проехал по нему на лодке до устья Чолышмана. Отсюда я хотел отправиться через китайский район[3] к Абакану; но добрались мы только до Каракёля, здесь блуждали мы несколько недель среди высоких гор и были уж и тому рады, что благополучно вернулись к Чолышману.

Отсюда я поспешил на юго-запад от Телецкого озера через реки Пыша и Кокша к миссии в Улалу, а потом вернулся в Барнаул.

III. Летом 1862 г. я поехал сначала в Кулундинскую степь и посетил киргизские[4] аулы Внутренней орды, расположенные между форпостом Боровым и Семипалатинском. Отсюда я отправился в Семипалатинск и по почтовому тракту через Сергиополь. Из Сергиополя я повернул южнее Тарбагатая к Урджару, потом севернее Сасыккёля снова свернул к почтовому тракту, по которому проследовал через Копал до станицы Кёксинской. Отсюда я поехал на юг через Аламанские горы, пересек Илийскую долину вплоть до реки Каркара восточнее Исиккёля. Потом я повернул на запад в долину Чилика, перевалил через хребет северного отрога Алатау и через станицы Надеждинская и Софийская попал в Верный. От Верного до станицы Кёксинской я держался почтового тракта, а из нее предпринял поездку в китайский город Кулджу. Отсюда я вернулся через Копал, Сергиополь и Семипалатинск в Барнаул.

IV. В 1863 г., следуя течению Бии, я отправился через Бийск на Лебедь. Я поднялся вверх по этой реке и с трудом добрался отсюда к верхнему течению Мраса. От Мраса я отправился к истокам Мадыра и спустился по этой реке до Таштыпа, по его берегам добрался до Абакана и, следуя течению Абакана, доехал до города Минусинска, лишь однажды совершив вылазку из котловины в северное нагорье у Таштыпа. Из Минусинска я проехал на лодке по Енисею до Красноярска. Из Красноярска отправился по восточному почтовому тракту до города Канска, потом повернул на юг до деревни Агульск. По почтовому тракту я вернулся в Красноярск и отсюда направился к Юсской степи, затем через Божье Озеро до города Мариинска, а отсюда в районе Кии к реке Чердат. Потом я через Томск возвратился в Барнаул.

V. В 1865 г. я предпринял путешествие по описанному выше пути через Урусул до лавок на Чуе, вернулся в Курайскую степь, перебрался верхом через Чую и оттуда по расположенному южнее Чуи торговому пути отправился к нижнему течению Арғыта, а потом — в Уймонскую степь. Отсюда я повернул к югу — через западные отроги Катунских гор к Верхней Бухтарме и деревне Белая, а потом поехал на восток через Фыколку до Берельской степи. Отсюда я снова повернул на запад и по течению Бухтармы отправился через Зыряновские серебряные прииски к Иртышу, по течению которого я поехал на барке до Усть-Каменогорска, а оттуда по почтовому тракту вернулся через Змеиногорск в Барнаул.

VI. Летом 1866 г. я сначала объехал Барабинскую степь. Примерно в 120 верстах от города Каинска я расстался с почтовым трактом и посетил татарские[5] селения Карганск и Иткулева

Сагайка в праздничной одежде. Вид спереди. Вид сзади

и деревню Кызыр в районе озера Уба. Отсюда я отправился к городу Каинску, потом по течению реки Оми, достигнув на севере озера Чаны, к озеру Сарыозёк и к Джыланды. Оттуда я поехал по почтовому тракту через Павлодар до Семипалатинска и отсюда в Усть-Каменогорск. Здесь я переправился через Иртыш и отправился к руинам Аблайкита, а потом на юг, к городу Кёкпекти, откуда через Усть-Каменогорск и Змеиногорск вернулся в Барнаул.

VII. Летом 1867 г. я еще раз через Каинск проехал по Барабинской степи и специально задержался в ее северной части. Из деревни Камышинская я отправился по северному почтовому тракту до города Тара. Из Тары я проехал вниз по течению Иртыша — часть пути в лодке, часть в повозке — до Усть-Ишимского, татарского селения в устье Ишима, отсюда через татарские селения Карагай, Сала, Саускан и Юртучак в Тобольск. Из Тобольска я отправился, также следуя расположению татарских сел, в Тюмень и Ялутровск и отсюда по почтовому тракту через Ишим, Тюкалинск и Каинск возвратился в Барнаул.

VIII. Летом 1868 г. я совершил поездку через Семипалатинск, Сергиополь и Копал в Верный. Отсюда через Кастекский перевал я отправился в долину реки Шу, к бывшей линии укреплений, а теперь — русским поселениям Токмак, Пиштек и Мерке. Здесь я расстался с рекой Шу и повернул к городам Аулиета, Чемкенд и Ташкенд. От Ташкенда, все еще придерживаясь почтового тракта, я отправился в Ходженд, Уратепе, Замин и Джизак; из Джизака через Янгыкурган в Самарканд, который тогда лишь недавно был занят русскими. В Самарканде тогдашний генерал-губернатор Туркестана генерал Кауфман ввел меня в комиссию, задачей которой было установление пограничной линии между Россией и Бухарой. Вместе с этой комиссией, где мне надлежало вести переговоры о границах с назначенными Бухарой пограничными комиссарами, я объехал долину Среднего Зеравшана в следующей последовательности. Сначала из Самарканда в Каттыкурган, отсюда пересекли долину по направлению к расположенному на Акдарье бухарскому городу Катырчы. От Катырчы я направился к северу, перевалил через горы Актаг из Нураты и добрался до местечка Акчап. Потом я опять повернул на восток и двинулся через Кошрават в Тюрсюн, расположенный у северных склонов гор Карашатаг. Затем я еще раз приблизился к Каратагу и, обойдя Карашатаг с востока, снова направился через Джумабазар и Чилек в Самарканд. Из Самарканда я возвратился уже пройденным раньше путем через Янгыкурган в Джизак. Отсюда я поехал на этот раз не по почтовому тракту, а по безводной степи через Чинас прямо на Ташкенд и после недолгой остановки там вернулся тем же путем, по которому и приехал, через Верный и Семипалатинск, в Барнаул.

IX. Летом 1869 г. я отправился по почтовому тракту из Барнаула через Семипалатинск и Копал до почтовой станции Алтынэмель. Отсюда я повернул на юг, прошел горное ущелье Алтынэмель и последовал по дороге, идущей севернее реки Или, до сооруженного на бывшей китайской границе лагеря Борохудзир неподалеку от бывшего города солонов[6] Тюрген. Отсюда я ездил осматривать разрушенные города солонов Тюрген, Замал и Коргос, а затем через пикет Алтынэмель отправился в

город Верный. Из Верного через Кастекский перевал я опять направился в город Токмак, а отсюда вышел через Бомское ущелье к речушке Кётюмалды, соединяющей Шу с Исиккёлем. Потом я проехал по северному берегу Исиккёля до его восточной оконечности, устья Тюб, а потом по южному берегу до вновь построенного города Актюбе; здесь я тяжело заболел болотной лихорадкой и поздней осенью, не успев как следует поправиться, возвратился через Верный в Барнаул.

X. Летом 1870 г. в сопровождении ветеринара Калнинга я совершил поездку по торговому пути через Бийск, Урусул и потом по берегу Чуи до русских лавок в Кошагаче. Отсюда через пикет Сок я отправился по линии китайских пикетов до китайского города Кобдо. Из Кобдо я вернулся через пикет Как назад в Чуйскую степь и проследовал отсюда по правому берегу Чуи до устья Айгулака. Потом я отправился на север вверх по течению Айгулака, перевалил через Айгулакские горы, через истоки Яйлагуша вышел к Катуне и отсюда прежним путем, через Урусул, вернулся обратно в Бийск и Барнаул.

Глава II

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО АЛТАЮ И ВОСТОЧНОЙ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

Дневник моего путешествия по собственно Алтаю через Урусул к Чуе в 1860 г., частично дополненный отрывками из дневника 1870 г., когда я в третий раз ездил по этим краям. – Отрывки из дневника моей поездки на Салаирские горы, в Томскую тайгу, на реку Лебедь, к Телецкому озеру и на запад от него по покрытым лесом горам в 1861 г. – Отрывки из дневников моего путешествия по Кулундинской и Восточной Киргизской степи в 1862 г. – Письмо из Верного, 1868 г. – Отрывок из отчета о поездке 1869 г.

(15 мая 1860 г.) Вчера ввечеру я выехал из Барнаула и не один, как это сначала предполагалось, а в сопровождении моей жены, которая, несмотря на все уговоры наших друзей, настоятельно желала ехать вместе со мной. С нами отправились слуга и калмык[1] Яков, присланный мне в Барнаул зайсаном[2] Курту как учитель языка. Он прожил у меня в Барнауле уже шесть месяцев. Наш небольшой караван состоял из двух повозок, очень маленького тарантаса (повозки, покоящейся вместо рессор на длинных жердях), в который сели мы с женой, и обыкновенной русской почтовой телеги с прикрепленным к ней сиденьем волокуши; им впоследствии будет пользоваться моя жена. Теперь же на нем восседал Яков в полуевропейской-полукалмыцкой одежде и, сияя от удовольствия, курил свою китайскую трубку. Вечером, перед закатом, мы прибыли в селение Гоньба, у которого нам предстояло переправиться на пароме через Обь. Пока мы готовились к переезду, солнце зашло и бледные лучи месяца осветили пейзаж; река перед нами текла серебряная и гладкая, как зеркало. Вдоль левого берега тянутся крутые голые глиняные холмы, на вершине их находится селение, а правый — покрытая кустарником низменность — едва возвышается над уровнем воды. Переправа прошла превосходно — при спокойной погоде и волшебном свете луны. Тишину ночи нарушали лишь всплески весел и монотонное пение паромщиков. Река впервые за последние три года опять сильно вышла из берегов и затопила

всю низменную долину, и нам пришлось много верст ехать по Оби. Так как мы взяли на паром свежих лошадей, высадившись, мы сразу же запрягли тарантас и смогли продолжить путешествие.

Из-за разлива путь по низине был почти невозможен. Мы проехали уже много верст, а колеса все еще сидели в воде выше оси, и нам пришлось трижды переправляться по воде, а ночью это было крайне неприятно, тем более что небо затянулось тучами и наступила полная тьма. Ямщик часто сбивался с дороги, и нам ежеминутно грозила опасность опрокинуться вместе с тарантасом в воду.

После семи часов езды мы добрались до станции Белоярск, до которой было 28 верст, и остановились там только на один час. Утром мы уже без всяких приключений проехали деревню Жилина (28 верст), сегодня — Афчинитова (14 верст) и Петровку (20 верст).

Так как в следующей деревне — Харазовке — у телеги сломалось колесо, нам пришлось задержаться здесь на несколько часов, и лишь в 12 часов ночи мы смогли добраться до деревни Буланиха (20 верст), где не оказалось лошадей и волей-неволей пришлось заночевать.

(16 мая.) Сегодня мы получили свежих лошадей довольно поздно и поэтому лишь около 11 часов достигли деревни Шубенка (18 верст), последней станции перед находящимся в 17 верстах отсюда городом Бийском, куда мы прибыли только после обеда. От Белоярска до Шубенки тянутся мощные гряды холмов. Деревья встречаются как исключение в нескольких местах, и лишь по берегам рек и в низинах растет редкий кустарник. От Буланихи местность становится равнинной, и отчетливо заметно, как к востоку начинают нарастать все более мощные гряды холмов. Отсюда дорога идет по обширным, густо поросшим травой заливным лугам и довольно густым березовым и осиновым рощам. За Шубенкой местность опять становится более голой, холмы к югу все повышаются, самый высокий гребень — это уже прибрежные горы реки Бии.

Увидав на их вершине маленькую церковку, мы подумали, что это уже город Бийск. Прибрежные горы спускаются здесь к долине реки довольно круто. Они глинистые, как и высокие берега Оби близ Барнаула. Дорога здесь круто поднимается вверх по краю последнего холма и вьется полукругами по его склону, поэтому город Бийск мы увидели лишь тогда, когда объехали вокруг горы.

Тут нам открылся своеобразный вид: мы находились как раз над городом. Он тянулся узкой полоской внизу, у наших ног,

меж прибрежных гор и берегов Бии. Все дома в городе — деревянные, поэтому он похож на большую деревню; каменные только церковь и пороховой склад, который, хотя он только двухэтажный, выглядит на фоне других домов как дворец.

(17 мая.) Я остановился на квартире, отведенной мне полицией, так как здесь нет гостиницы. Моя квартира, хоть и из трех комнат, выглядела очень неуютно, стены — голые и грязные, штукатурка почти везде обвалилась. Вся меблировка состояла из кровати, стола и одного-единственного деревянного стула. Хозяева вели себя очень неприветливо (что нельзя поставить им в вину, так как нас вселили принудительно), и лишь с большим трудом нам удалось получить за высокую цену немного еды. У меня было одно-единственное дело — вручить здешнему исправнику письмо от губернатора, поэтому я мог все время свободно бродить по городу. Но мало что заслуживает в нем описания. В городе — три длинные улицы, расположенные параллельно Бие, их пересекает множество коротких переулочков. На краю города находилась относительно большая для него базарная площадь, обнесенная квадратом лавок и свидетельствующая о важной роли торговли в городе. При нас базар был не очень оживленным, так как дороги были еще плохи.

Кроме нескольких русских я встретил на рынке много алтайских калмыков[3], таких оборванных, что мой Яков казался среди них князем. Бийск теперь малолюдный и опустевший, в нем всего две-три тысячи жителей. Десять лет назад он имел гораздо большее значение, так как здесь размещался казачий отряд и было по меньшей мере на тысячу жителей больше.

Как во всех маленьких сибирских городах, население делится на три класса. Первый класс составляют служащие: чиновники окружного суда, сельской и городской полиции, окружной кассы и, кроме того, два врача, один городской, другой сельский, т. е. так называемое благородное (дворянское) общество. Второй класс составляют купцы, которые по причине торговли города с Алтаем здесь относительно многочисленны и состоятельны, но в большинстве своем это грубые, необразованные люди. Третий класс составляют мещане, нечто среднее между крестьянами и горожанами, вроде немецких горожан-земледельцев. Ремесленников нет вовсе. Портняжным и сапожным ремеслом занимались лишь некоторые солдаты размещенной здесь инвалидной команды.

Исправник был так добр, что откомандировал для поездки со мной на Алтай казака, который должен был позаботиться обо всем необходимом; кроме того, он прислал мне несколько мешков сушеных продуктов и посоветовал, что нужно еще купить для поездки.

(18 мая.) Мы смогли выехать из Бийска только под вечер. Миновав развалины бывших укреплений, мы поехали по чудесным лугам, тянувшимся между рекой и грядой холмов, потом повернули к пограничным холмам, густо поросшим здесь березой и елью. Дорога, покрытая желтым крупным песком, вилась меж молодых елочек; из их ветвей, покрытых темными иголками, пробилось бесчисленное множество длинных светло-желтых молодых побегов. Освещенные солнцем, они сверкали, как свечки, и будили дорогие сердцу воспоминания о рождестве на родине. По обе стороны дороги земля была покрыта маленькими синими присадами, от них шел чудесный аромат. Теперь дорога вилась по холму, и всякий раз, как мы приближались к его краю и деревья редели, открывался новый вид на могучий поток Бии и приближающуюся к своему супругу Катуню. Вдруг лес расступился, и перед нашими глазами простерлась необозримая водная гладь. Зеленый ковер исчез, берег был покрыт серо-желтыми зарослями кустарника. Катуня достигла своего супруга, и теперь они продолжают путь уже вместе, но девичий стыд еще не позволяет ей слиться с ним, и отчетливо видно, как обе текут, не сливаясь, в одном русле, справа — река Бия с ее светлыми, прозрачными водами, слева — беловато-желтая Катуня.

Вниз к Оби вела столь крутая дорога, что нам пришлось идти пешком. Лошадей распрягли и осторожно спустили повозку. Паром был так велик, что вместе с нашим тарантасом на него смогли въехать еще пять-шесть крестьянских телег. Переправившись на другой берег, я послал вперед моего казака за свежими лошадьми. Отъехав еще версты три, мы оказались вдруг отрезанными от расположенной перед нами деревни ровной водной гладью. Так как казака нигде не было видно, я решил, что он, должно быть, проехал по воде, и велел кучеру ехать прямо к деревне. Но кучер, мальчик лет четырнадцати, скоро сбился с дороги, повозка застряла в скрытых под водой стволах деревьев, и никакими усилиями нельзя было сдвинуть ее с места. Тогда Якова послали верхом в деревню за помощью. Через полчаса вернулись Яков и казак с четырьмя новыми лошадьми, но повозку так и не удалось сдвинуть с места. Посему, чтобы не заночевать в воде, я велел перевезти себя и жену на сушу в лодке и послал отсюда на помощь еще нескольких крестьян. Только тогда удалось доставить сюда наш тарантас. В деревне (Иконикова), в пятнадцати верстах от Бийска, были уже наготове свежие почтовые лошади, так что уже через двадцать минут мы смогли продолжать путь.

Проехав одну версту, мы оказались у рукава Катуни, появившегося лишь недавно в результате прорыва этой реки у деревни Катунская и впадающего в Обь дальше на запад. Этот

рукав Катуни так стремителен, что пришлось установить канатный перевоз. Полпути от Икоиковой мы ехали по низменной голой равнине, но потом местность стала холмистой, местами поросшей мелким березняком. Около девяти часов вечера мы прибыли в деревню Смоленск (30 верст), где и заночевали.

(18 мая.) Дом, в котором мы остановились, просторный, и в нем так чисто, как редко бывает в здешних деревнях. Он выкрашен голубой масляной краской, в нем много столов, скамей и деревянных стульев. У одной стены стояло два шкафа с посудой, а у другой, за белоснежной занавеской,— кровать с белыми простынями и подушками. Такое убранство указывает на особо высокое благосостояние. Мы поднялись очень рано, чтобы уже в три часа утра выехать из деревни. Деревня Смоленск очень велика, в ней несколько сотен домов, и по многим из них заметно, что здесь живут весьма зажиточные люди. Дорога была плохая и неровная, так как к югу холмы поднимались все выше. Местность здесь совершенно утрачивает степной характер. То мы ехали по лощинам, поросшим густым кустарником, то по гребням холмов, покрытым травой, с которых широко открывался вид на прорезанную множеством речек равнину с разбросанными по ней порослями березняка. В половине седьмого мы приехали на станцию Белокурихинская (25 верст). Здесь нас тоже поставили на очень хорошую квартиру, как видно, богатого хозяина. Нас угостили замечательным медом и белейшей пшеничной булкой.

Характер ландшафта почти не изменился. Лишь к югу на горизонте появилась голубая горная цепь. Примерно через 15 верст местность становится опять более плоской, холмы тянутся больше на запад. Часам к десяти мы приехали в село Алтайское (24 версты). Здесь нам предстояло пополнить наш запас продуктов сухарями, потому что дальше на юг мало занимаются земледелием. Раздобыть необходимые нам сухари было нелегко, так как ни у одного крестьянина не было в запасе более десяти фунтов. И Якову вместе с казаком пришлось ходить с хлебным мешком из дома в дом. Пшеничные сухари обошлись мне по рублю за пуд, причиной такой высокой цены было только то, что я не захотел задержаться здесь. В урожайные годы пшеничная мука стоит здесь 20 копеек за пуд, в неурожайные годы и летом цена поднимается до 40 копеек. Южнее Бии крестьяне сеют только пшеницу. На наш вопрос о ржаном хлебе один из моих хозяев сказал: «Слава богу, его нам пока еще здесь не приходилось есть!» Алтайское — большое, примерно на 300 домов, село. Здесь помещается управитель (уездный уполномоченный горного управления). Местное население занимается земледелием и ведет, кроме того, оживленную торговлю с Алтаем, не только снабжая мукой миссии до самого Урусула, но и вывозя много ячменя (обычно в виде перловой крупы). Однако такая

торговля возможна лишь зимой, когда санный путь позволяет совершать более крупные перевозки по Внутреннему Алтаю.

(19 мая.) Только вчера в пять часов вечера мы смогли продолжить наш путь. Следующее селение называется Сараса (*сары-су* — желтая вода), оно расположено всего в восьми верстах от Алтайского, и мы доехали до него за один час. Уже у поскотины (окружающая деревню изгородь, которая преграждает скотине доступ к пашням) нас встретило несколько всадников, которые проводили нас к дому старшины, где уже были готовы предназначенные нам лошади. Здесь собрались жители деревни. Живут в деревне совершенно обрусевшие крещеные киргизы, переселившиеся сюда с Бухтармы. Черты их лиц еще явно свидетельствуют о происхождении местных жителей. Они платят налоги как удельные крестьяне, но полностью освобождены от военной службы. Жители Сарасы производят вполне приятное впечатление. Они хорошо и чисто одеты. Дома их по большей части построены добротно и свидетельствуют о благосостоянии. Основное занятие этих людей — земледелие и пчеловодство, особенно много занимаются последним.

Так как дороги здесь плохие, во всей деревне есть лишь несколько телег. Мужчины и женщины ловко ездят верхом. В мой маленький тарантас впрягли шесть лошадей и погрузили мой багаж на две телеги, в них были запряжены по три лошади, так как, говорят, путь тяжелый, а до следующей станции 45 верст. Около двух верст дорога шла все в гору, характер местности почти не менялся, но теперь, когда мы стали спускаться к Сарасе, пейзаж изменился как по мановению волшебной палочки. Голые темные утесы, местами покрытые желтым, зеленым и красным мхом, вертикально спускаются к реке, пестрой чередой перемежаясь с округлыми вершинами темно-зеленых гор, на которых лес растет по углублениям в склонах, расходясь от вершины лучами. В долине река, извиваясь, течет то по густому ивняку, то по чудесным лугам, покрытым пестрым ковром цветов, и, шумя и пенясь, прокладывает себе путь средь мощного нагромождения камней. Мы проехали верст 25 по долине, стало темно, и ямщик сказал, что отсюда начинается плохой путь и почью его не проехать. Поэтому мы переночевали в тарантасе у пасеки.

Был ледяной холод, начался сильный дождь, и ночь обещала быть не из приятных; к тому же нам пришлось удовлетвориться одним куском черного хлеба, который прихватил с собой ямщик. Несмотря на все это, мы сносно выспались, завернувшись в наши войлочные кошмы. На восходе мы снова отправились в путь. Теперь дорога оставила долину Сарасы и пошла по

правому ее притоку, Камаре. Берега Камары местами скалисты, но чаще покрыты лиственным лесом.

Земля настолько размокла от дождей, что колеса нашего тарантаса глубоко врезались в нее, и была так неровна, что тарантас наш скользил и клонился то вправо, то влево. Но все-таки он лишь однажды совсем опрокинулся на бок, и притом очень мягко, так что мы со всей нашей поклажей упали в сырую траву. Чем дальше мы продвигались, тем более крутой и скользкой становилась дорога, и часто на больших перегонах нескольким мужчинам приходилось поддерживать тарантас плечами, а то он наверняка соскользнул бы в пучину. При этом мне, конечно, все время приходилось помогать, так как ямщик вел лошадей под уздцы. Итак, скорее мы везли тарантас, чем он нас. Такой дорога была почти 15 верст, и лишь последние 5 верст мы стали продвигаться побыстрее. Поэтому мы добрались до следующего селения, Черги, только в 12 часов. (Стало быть, нам понадобилось 7 часов, чтобы проехать 15 верст.)

Деревня Черги расположена на высоте 461 м над уровнем моря на гряде холмов, тянущейся вдоль одноименной реки, недалеко от ее впадения в Себе. Она большая, с добротными постройками и, должно быть, очень богатая. Главнейшее занятие крестьян — пчеловодство. Зерновые они выращивают лишь для покрытия своих нужд. Телег и упряжек у них крайне мало, так как горная местность (как мы в этом убедились на своем печальном опыте) очень затрудняет поездки даже по большой проселочной дороге. И здесь женщины ездят верхом; мы встретили много таких всадниц, возвращавшихся с поля домой с косою и граблями.

От Черги дорога идет к долине Себе, довольно широкой. Часть ее превращена в пашни. По обе стороны реки тянутся невысокие лесистые горы, на их склонах поставлено много ульев. Недалеко от деревни нам пришлось переехать реку вброд. Но река и на месте брода была столь глубока, что наш тарантас зачерпнул воды. У самой деревни нам встретилась конная группа алтайцев, среди которых был брат зайсана Курту. Алтайцы живут уже очень близко отсюда, так что все местные крестьяне умеют говорить по-алтайски. Дорога была совсем неопасная, но уж очень неудобная, так как земля сплошь и рядом усеяна крупными камнями, и наш возок так и трещал от свирепых толчков. В два часа мы достигли миссии у Муйту (которая, по определению Калнинга, расположена уже на высоте 640,4 м над уровнем моря). Это — маленькая бедная деревня, население которой состоит только из крещеных телеутов [1].

(22 мая.) Из миссии Муйту я смог уехать лишь вечером: пришлось искать пристанище для моего тарантаса, так как от-

сюда можно было продвигаться только на обычной крестьянской телеге. Сначала мы переправились через речушку Муйту и скоро добрались опять до правого берега Себе. Характер долины Себе был все тот же, но дорога стала более неровной и каменистой. Недалеко от Муйту дорога привела к месту, довольно опасному для поездки в экипаже. Здесь скала высотой около 100—150 футов вплотную подходила к реке. Дорога шла по самому ее краю и была так узка, что четыре наши лошади могли пройти по ней лишь тесно прижавшись друг к другу, и спуск был столь крут, что на каждом шагу телеге грозила опасность сорваться. В одиннадцать часов ночи мы добрались до заимки калмыка Балгасаина. Его жилище напоминает большой крестьянский дом, в нем очень грязно, оно так и кишит насекомыми. Стоит оно прямо на берегу Себе, в котловине размером в несколько квадратных верст. На противоположном берегу отвесной степой высятся скалы, лишь на самых вершинах окаймленные узкой полоской деревьев. На этом же берегу склоны гор, спадающие к долине, ниже и густо поросли лесом. Сама долина ровная, ее почвы превосходны для земледелия, но почти не возделаны, так как местные жители сеют лишь понемногу ячменя. Вокруг заимки стоят 12—14 строений. В одних живут крещеные и некрещеные алтайцы, другие служат нашему хозяину амбарами, и все они в равно жалком состоянии.

О возникновении заимки я узнал вот что: наш хозяин Балгасаин при крещении выговорил себе разрешение поселиться в этой долине; так он и поселился здесь лет десять назад с дюжиной семейств. Балгасаин считался богатым, у него довольно большие стада. Остальные здешние алтайцы кормились его богатством; в селении царила страшная нищета. Здесь нашлись только две ломаные телеги.

[Проезжая по этой долине в следующий раз, я обнаружил здесь довольно большую русскую деревню Шабалина, ее крестьяне сумели лучше использовать плодородие почвы, чем кучка алтайцев. По данным Калнинга, Шабалина расположена на высоте 856,3 м над уровнем моря. Интересно наблюдать, как все дальше продвигается русское население. Эти люди осели здесь, не имея на то ни малейшего права, а калмыки отступили из страха. Жители деревни Шабалина жили в постоянном страхе, что их выгонят; когда я в первый раз проезжал деревню, они приняли меня за землемера. Осознав свое заблуждение, они очень обрадовались и чистосердечно выложили мне, что им пришлось многое вынести от заседателя, который все время грозит выселить их, но, умасленный подарками, оставляет их в покое. Наверное, эти люди поступили с калмыками несправедливо, но для самой земли, конечно, лучше, что на смену прежнему хозяйству Балгасаина пришли работящие крестьяне.]

Отсюда мы продолжили наше путешествие на лошадях, а жена моя — на своей волокуше (сиденье, прикрепленное к двум оглоблям). Дорога пошла вверх на юго-восток по отвесным склонам правого берега. Сначала она вилась по густому лиственному лесу; множество упавших древесных стволов преграждало нам путь; лес так порос кустарником, что лишь с большим трудом удавалось пробраться сквозь свисающие ветви. Спустя два часа мы достигли вершины горного хребта, где увидели первый *обо* (священную каменную насыпь).

С вершины был небольшой обзор. Вся местность густо поросла лиственничным лесом, других деревьев очень мало, на вершинах гор еще повсюду лежит снег, который остается здесь до середины июня. Мы были в долине Шибилика, притока Себе. Дорога идет большей частью по вершине хребта до истоков Ашьякту (высоту перевала Себе Калнинг определил в 1787 м). Мы перешли здесь через две речушки — Чапчыяк и Кызылташ (Красный камень). Переход через последнюю был довольно опасен, так как ее русло покрыто большими каменными глыбами. Кое-где лед еще не растаял и образовал здесь широкий, но скользкий помост, под которым с шумом, как в туннеле, катилась вода.

На Ашьякту (собственно Апшыякту, что означает: Там, где живет старик [медведь]) лиственничный лес не так густ, как у Себе. Земля покрыта сплошь высокой, очень нежной травой, для коней это отличный корм. На Ашьякту мы обнаружили уже множество берестяных юрт (*алачык*, т. е. островерхие юрты конической формы, построенные из жердей и крытые берестой), большие табуны лошадей и стада коров.

К семи часам вечера мы добрались до островерхой юрты зайсана Курту, представляющей собой восьмиугольный бревенчатый сруб; рядом с ней стояли еще две берестяные юрты, размером поменьше, а неподалеку, на спуске к реке, стоял бревенчатый домик — амбар зайсана. Вокруг юрты паслись сотни коров, а в некотором отдалении — большое стадо овец. Жена зайсана предложила нам переночевать в юрте.

(21 мая.) Ночь, проведенная нами в юрте, была не из приятных. Пока горел огонь, юрта была настолько полна дыма, что нельзя было открыть глаз, а когда огонь потух, стало так холодно, что, несмотря на войлочную кошму, я дрожал всем телом и долго не мог заснуть, к тому же от чада и дыма у меня разболелась голова, да и постелено нам было прямо на твердом полу.

Предприняли рейд к Ашьякту. Видели много берестяных юрт, мест жертвоприношений (конские шкуры, надетые на длинные жерди) [5]. Посетили разные юрты; везде страшная нищета. В одной юрте я нашел старика, за которым ухаживали только

его сыновья — два мальчика 10—12 лет. Отец лежал чуть ли не голый на куче сена, и, так как у него не было шубы, укрыт он был тоже охапкой сена. Все его имущество состояло из одной коровы, кормившей всю семью.

Левый берег Ашьякту лесистый. По большей части здесь лиственницы, среди них растут единичные березы. Правый берег образован отвесными голыми скалами, в которых нет, однако, ничего романтического. Меж каменистых поверхностей всюду мелкая галька.

В долине у самой реки растет много ив, а кое-где — пихты (Pinus pichta). Кроме юрты Курту, из бревен сколочена только юрта его брата. Я видел всего одну юрту, построенную из жердей, покрытых очень плохими кошмами.

(22 мая.) Сегодня мы покинули Ашьякту. Жена зайсана из уважения велела своим людям проводить нас, и при выезде нас сопровождала кавалькада — лошадей сорок. Сначала мы ехали вверх по Ашьякту, потом по речке Толгойок на юг. Характер местности неизменный почти все время: равнинные леса и луга, окруженные невысокими грядами гор. Дважды переехали мы через Толгойок, потом направились на юг к горному плато, отделяющему долину Урусула от долины мелких притоков Катуни. Плато широкое, холмистое, поросшее березняком. Дорога здесь превосходная. К полудню мы добрались до небольшого ручья Карасу (Черная вода) и отдыхали здесь несколько часов в маленькой юрте. Затем мы пустились в путь под проливным дождем, перебрались через Тыткескен, мелкий приток Катуни, и поскакали через горный перевал к еще одному ее притоку — Каспе. Со следующего перевала открывается вид на ущелье, по которому течет Кыскол, тоже впадающий в Катуню.

Горный склон, ведущий к Каспе, очень крут. Из-за густого леса ничего не было видно. У самой Каспы растет густой ивняк и всюду топкая болотистая почва. Невозможно было найти сухое местечко, чтобы разбить палатку. Не оставалось ничего другого, как подложить под нашу палатку слой тонких веток и расположиться на них. Непрерывный дождь.

(23 мая.) На восходе солнца мы снялись с лагеря. Шел проливной дождь. Дорога была бы превосходной, но ее развезло от непрестанного дождя; теперь было так скользко, что лошади не раз падали. Мы ехали безостановочно и в пять часов вечера добрались до Богуштана. Дождь теперь прекратился, небо прояснилось, и ярчайшее солнце осветило чудесный пейзаж высокого правого берега Богуштана. К югу громоздились все более

высокие горы — то голые скалы, то густо поросшие лесом вершины,— сливаясь на горизонте в синюю горную цепь, самые вершины которой увенчаны сверкающей серебряной каймой снежных полей. Голая скала, покрытая валунами, из-под наших ног отвесно спускается к реке. У ее подножия пышная растительность: беловато-зеленая листва густого ивняка перемежается в пестром беспорядке со светло-зелеными березками и величественными черными пирамидами елей и пихт. Меж них, шумя и пенясь, течет река, прокладывая себе путь в гигантских скалах.

Переправа через реку прошла не без трудностей: дорога вьется то меж крутых голых скал, то по непроходимым зарослям кустарника. К сожалению, мы не застали здесь юрт, на которые рассчитывали,— они перекочевали к Коротты. Так как у нас кончился провиант, нам пришлось продолжать путь, несмотря на зарядивший опять проливной дождь, и к семи часам вечера мы добрались до юрт у Коротты.

[В 1860 г. я направлялся из Ашьякту в Коротты через Каспу по более западной дороге и захватил тогда район истоков Коротты. Вот отрывок из моего дневника от 3 и 4 июля: Исток Коротты образует довольно большое озеро, расположенное на обширной равнине, окруженной цепью невысоких холмов. Эта равнина, сплошь покрытая прошлогодней желто-серой травой, производила крайне безрадостное впечатление. Земля здесь сплошь покрыта каменистыми болотами. Такое же состояние характерно и для истоков большинства крупных алтайских рек. На озере было много ангыра (Anas clangula).

Ночевали у притока Коротты Кидисбазара. Рядом с нашей ночевкой находится целебный источник — круглая дыра в 6 квадратных футов и около 1,5 фута глубиной. Вода — молочного цвета, пузырится, холодная, не выше +5 градусов. Зимой замерзает. Считается, что купание в этом источнике помогает от глазных болезней. Рядом с источником стоит куст, обвешанный всевозможными тряпочками и ленточками. Это — пожертвования купавшихся. Вода не имеет определенного вкуса. Мне называли и другие целебные источники: у Катырыма, расположенного между Сумулту и Яйлагуш и впадающего на востоке в Катуню, у Балыксу, притока Черги. Берега Коротты в верхнем течении — низкие, поросшие ивами и лиственницами. Много анемонов.

Еще три-четыре версты характер долины почти не изменяется, она спускается террасами, белыми от покрывающих их анемонов. Потом долина сужается. Верст через шесть мы добрались до Ян-Коротты. Прибрежные горы тут покрыты густым лесом, только на высоком левом берегу видны голые стволы деревьев: четыре года назад здесь бушевал большой лесной пожар. В долине лес еловый, а на горах — кедровый (Pinus cembra). По-

жар, уничтоживший лес, говорят, распространился на много верст вокруг, нанес большой урон местным жителям, так как именно в этих горах охота на белок приносила очень большую добычу. На левом берегу мы переехали верхом через Таштуйыл и немного ниже — через Пюрчюктюайры, который впадает в Коротты справа. Между этими двумя притоками мы переправились через очень удобный брод Коротты, потом переехали речки Оркойтыайры и Талдуайры. Долина теперь опять расширилась, левый берег поднимается голыми террасами, повсюду видны скалы и валуны. Потом река поворачивает на юго-восток, принимая в себя слева приток Богуштан, исток которого совпадает с истоком Каспы. Тридцать лет тому назад, в какой-то особо дождливый год, повыше впадения Богуштана случился большой горный обвал. И сегодня еще на левом берегу видно беспорядочное нагромождение камней и стволов деревьев.]

(24 мая.) После обеда мы переехали верхом Коротты. Река очень широкая и столь бурная, что волокушу моей жены приходилось удерживать на веревках шести-восьми всадникам. Ширина долины Урусула здесь две версты и она покрыта роскошным луговым ковром. Прибрежные горы невысоки. На правом, тенистом берегу — леса, а на левом, солнечном — голо. Берега самого Урусула густо поросли елями и пихтами, и он тянется, извиваясь по долине, как темная аллея. У реки повсюду видишь аулы, образованные группами из трех-пяти юрт. После Коротты нигде уж не видно берестяных юрт, юрты везде покрыты войлочными кошмами — признак того, что здесь живут кочевники. В долине и на нижних уступах террас повсюду паслись многочисленные стада.

Верст через десять мы переправились через Таякту, маленький левый приток Урусула с заболоченными берегами, еще через десять верст — через речушку Талду, на берегу которой живет зайсан Купа. У него мы и остановились на ночлег.

(26 мая.) После полудня мы покинули юрту зайсана Купы. Направились по дороге, ведущей вверх по Урусулу. Здесь долина еще более населена. Характер прибрежных гор не изменился: низкие горы, сильно поросшие лесом на правом берегу, голые — на левом, замыкают широкую луговую долину, по которой, извиваясь, змеится река, с обеих сторон окаймленная широкой полосой елового леса. Жара в долине была невыносимой. Мы ехали по берегу Урусула до впадения в него Кенги — примерно в восьми верстах от Талду,— а потом еще около двух верст по берегам Кенги, до юрты зайсана Муклан.

(27 мая.) Сегодня мы возвратились в долину Урусула и потом поскакали вверх по этой реке. Верст через пять долина сужается, но характер прибрежных гор совсем не меняется. Мы переехали через Урусул немного выше впадения в него правого притока Урмалыка. Другой берег болотистый и, кажется, меньше населен. Прибрежные горы поднимаются на этой стороне реки все выше и выше и завершаются покрытой снегом куполообразной вершиной Мандай. Мы разбили лагерь на берегу Карасу, недалеко от юрты зайсана Чаппана.

(28 мая.) В десять часов утра при чудесной погоде мы покинули юрту зайсана Чаппана и без всяких происшествий тем же путем, что и пришли, переправились обратно через Урусул и Кенги. После обеда небо заволокло тучами и начался сильный дождь. У юрты зайсана Купы мы поменяли лошадей и только к шести часам вечера смогли продолжить наше путешествие. Продвигались мы очень медленно, так как дорогу развезло от дождя. В полной темноте добрались мы до каменистого болота у Таякту. Делать было нечего; конечно, как угодно надо было перебираться через него. Переход с волокушей моей жены оказался крайне опасным, пять раз эта повозка опрокидывалась. Промокшие до нитки, смертельно усталые, мы остановились за Таякту, у юрты калмыка Пабыла, и остались там на ночь.

(28 мая.) Переехали верхом Коротты и поехали вниз по Урусулу. Переправились через две речушки — Талду и Шашакман. На правом берегу над невысоким горным хребтом поднимается довольно высокая гора. Ее называют здесь Караколбажы (исток Каракола). На левом берегу долина образует две нисходящие к берегу террасы. Дорога проходит по верхней из этих террас. Повсюду, в долине и по склонам гор, пасутся многочисленные стада, в долине много больших участков земли окружены частоколом и превращены в пашню. К пашням подведены канавки, так как здесь, на левом берегу Урусула, их приходится искусственно орошать по нескольку раз в лето. [В моем дневнике от 4 июня 1870 г. есть такая запись о долине Урусула южнее Коротты: Долина совершенно изменила свое лицо: там, где когда-то царило такое оживление, теперь все голо, можно увидеть только изредка по нескольку отдельно пасущихся лошадей или коров. По рассказам моего проводника, Алтай страшно обеднел. Говорят, в прошлом году из Чуи занесли чуму крупного рогатого скота. Канавы, орошавшие прежде поля, повсюду пересохли. Все пашни, которые я здесь видел когда-то, теперь невозделаны,

а ограды пошли на дрова. Алтайцы, по-видимому, совершенно разоряются.]

К двум часам мы добрались до переправы через Урусул, примерно в 25 верстах от Коротты. На правом берегу простирается обширное плато, чудесные луга, покрытые светло-зеленой травой и цветами, обрамленные лесистыми горами. На переднем плане раскинулся небольшой миссионерский поселок Ангодай. Плато расположено на высоте 100—150 футов над уровнем реки (по определению Калнинга, плато Ангодай лежит на высоте 816,2 м).

Через реку перевозят в крохотном челне, в нем помещаются только два человека. Перевозчик демонстрировал отменную сноровку: маленький челн несся стрелой по стремнине и водоворотам.

Миссия у Ангодая произвела впечатление очень бедной. В глубине была расположена маленькая, премилая церковка, а вокруг нее сгрудилось около 50 изб. Живут здесь только крещеные алтайские калмыки и телеуты, первые — часто все еще в берестяных юртах. Лучшие дома принадлежат купцам. Мы остановились в одном из них. [Из моего дневника от 6 июня 1870 г.: Миссия в Ангодае внешне мало изменилась. Только купеческих домов стало больше. Некоторые из них теперь абсолютно похожи на пригожие избы русских крестьян. Открыта школа. Калмыки бедны, как и прежде. Говорят, в последний год среди населения страшно свирепствует сифилис.]

Вокруг миссии раскинулись многочисленные пашни. В засушливые годы их приходится трижды искусственно орошать, а в дождливые — только один раз. Поэтому пашут только там, куда можно подвести канавки с водой (алтайцы называют их *су-ак*).

(3 июня.) По ту сторону Ангодая дорога идет верст пятьшесть по чудесной зеленой равнине. Местами равнина сплошь белая от цветов крупной клубники. Вообще, говорят, вся эта местность богата всевозможными съедобными ягодами — малиной, ежевикой, крыжовником, черникой, голубикой, земляникой, красной и черной смородиной.

В конце долины склоны правобережных гор спускаются прямо к реке. Отроги этих гор становятся здесь все круче, и дорога поднимается по их склонам. Сами горы покрыты густым лиственничным лесом. Проехав несколько верст по гребню предгорья, мы оказались у речушки Олётю, которая тоже стекает с Караколбажы. Переезд через Олётю был нелегким. Хоть река и не широка, но падает она столь стремительно, что воды ее с шумом несутся меж огромных отвесных скал, пенясь и образуя глубокие воронки. Переправить здесь волокушу было крайне затруд-

нительно. К ней пришлось привязать четыре веревки, за которые ее держали четыре всадника. По обе стороны Олётю береговые горы отвесно падают к реке, образуя фантастические фигуры в романтическом духе. Дорога вьется меж огромных скал и густого кустарника. И вот здесь, в темных до черноты зарослях, мы услышали вдруг громкие, своеобразные звуки, похожие одновременно и на рычание, и на хрюканье; вокруг нас трещали и ломались ветки, и вдруг почти со всех сторон из чащи появились звериные морды. При виде их мы испуганно отпрянули. Хоть эти морды и напоминали чем-то коровьи, но были обрамлены длинной черной кустистой гривой, из клочьев волос торчали рога фута в два длиной. Наш проводник отогнал этих чудищ, то были сарлыки (Bos gruniens) [6], которых на Чуе часто приручают.

Несколько верст по ту сторону Олётю — и мы опять в долине Урусула. Здесь она узкая. Отвесные скалы подступают слева к самой реке. Верст шесть дорога петляет по узкой речной долине. Здесь господствует пышная растительность: березы, тополя, ели и всякого рода высокий кустарник, как, например, крушина (Prunus padus), дикая сирень и желтая акация и между ними — низкие кусты шиповника, усеянные красными цветами. Все это перемежается высокими каменными глыбами, покрытыми мхом, и зубчатыми дикими скалами. Такой чудесный вид, что глаз от него не оторвать. И воздух к тому же напоен благоуханием. Для нас с нашей волокушей дорога с разбросанными по ней каменными глыбами оказалась поистине тяжелой. Теперь мы свернули к узкой, у входа густо заросшей лесом долине Малого Ульгемена (как называют его русские). Алтайцы называют эту реку Кючю-Улёгён — Малый Улёгён. Оба Ульгемена берут начало тоже с Караколбажы. Берега Ульгемена сначала низкие, поросшие густыми зарослями кустарника, потом правый берег становится более крутым, а дорога очень покатой. Мы проехали несколько верст по реке, и левобережная долина стала шире. Река здесь течет по зеленому луговому ковру, окаймленному полосками густого леса. Лес у реки состоит в основном из лиственницы, древесина которой славится в этой местности особой твердостью. Здешние места мало населены. Нам встретилась только одна заимка купца Хабарова. Вокруг заимки разбросаны отдельные поля.

В районе Ульгемена живет, должно быть, много семей из алтайского племени сойон, они говорят на диалекте, несколько отличном от языка других алтайцев. Названия многих рек здесь сойонские [7], например Кидисбазар (*киис*[алт.] — войлочная кошма=*кидис* [сойон.]).

Через несколько верст после заимки Хабарова (по измерению Калинина, расположенной на высоте 946,5 м) нам нужно было

перейти через труднопроходимую горную цепь Чикетаман, которая тянется между Малым и Большим Ульгеменом (Яп-Улёгён). Дорога здесь так круто подымается в гору, что в волокушу пришлось запрячь четырех лошадей. С трудом вскарабкались мы до середины горного склона. Дорога становилась все круче, и поэтому я решил, что мне и моей жене будет лучше взобраться на гору пешком. Гора оказалась слишком трудной и для пешехода. Нам приходилось то карабкаться по отвесным скалам, то продираться сквозь густой кустарник. На вершине — довольно широкое плато с пышной растительностью: густой травяной ковер, покрытый цветами, и довольно богатый лес. Восточный склон Чикетамана тоже очень крутой, но голый и местами покрыт камнями, так что спуск был, пожалуй, еще тяжелее, чем подъем. Не успели мы добраться до подошвы горы, как нас застала врасплох внезапно наступившая темнота, и нам пришлось спускаться с высоты чуть ли не на четвереньках. В долине Большого Ульгемена мы нашли множество юрт и переночевали там. (По Калнингу, высота Чикетамана [Ульгеменский перевал] 1334 м.)

(4 июня.) На следующий день мы поехали вниз по левому берегу Ульгемена; дорога проходит вдоль довольно крутого склона волнообразной горной цепи, высылающей свои отроги до самого берега. Сами склоны, как и вообще вся местность, голы, и только по обе стороны дороги часто растут осыпанные цветами кусты. Через несколько верст мы перешли сам Ульгемен. Дорога по правому берегу намного приятней, чем по левому. На протяжении нескольких верст она идет по приветливой низине, покрытой светло-зеленой травой и множеством цветущих кустов. Но вдруг кустарник стал гуще, и мы попали в болото. Отчаявшись найти дорогу, мы поднялись вверх по прибрежным скалам и последовали по маленькой речушке Карасу, текущей здесь почти параллельно Ульгемену. Так как места здесь очень болотистые, мы ехали верхом по твердому ложу реки. Оба берега Ульгемена обретают здесь одинаковый характер. И там и здесь — голые, покрытые камнями гряды холмов, поднимающиеся почти от самого берега. Когда мы спустились верхом вниз по последнему склону, нашим взорам открылась широкая равнина — это была долина реки Катуни. Долина окружена могучими горами. Вершины этих гигантских гор уходят далеко в облака, и их едва можно различить. Ближние горы, насколько хватает глаз, кажутся голыми (только в глубоких низинных расселинах виднеются кое-где деревья), они поднимаются террасообразными уступами до самых вершин. Долина Катуни, по которой мы ехали, является второй террасой прибрежных гор. Кое-где она, очевидно, плодородна и хорошо обработана. Проделав несколько

верст по каменистой равнине, мы увидели в отдалении широкую борозду. А когда мы подъехали к ней поближе, оказалось, что это и есть, собственно, настоящая долина реки, так как река шириной в 300—400 футов течет на 100 футов ниже плато, образованного террасой. Береговые склоны, отвесно обрывающиеся к воде, усеяны гигантскими каменными глыбами и спадают чуть ли не к берегу реки. Вдоль него, а иногда и по прибрежным склонам растет множество очень высоких тополей. Могучая река, проносящаяся здесь шумно и стремительно, являет собой величественное зрелище. Редко где поверхность реки гладкая. Во многих местах ее ложе усеяно огромными каменными глыбами. О них ударяются массы воды, вздымаясь вверх, и, пенясь, падают, образуя глубокие водовороты.

Мы переправились здесь через реку на небольшом челне, представлявшем собой выдолбленный ствол дерева десяти футов длины и около трех футов ширины. Лодочник продемонстрировал поразительную ловкость. Сначала он поднялся шагов на 150 вверх у левого берега, потом бросил нос лодки прямо в покрытый белой пеной водоворот, который подхватил лодчонку и стремглав понес ее. Оглушительный грохот и шипение обрушились на нас, заглушив все наши чувства, вокруг была белая пена, и вот челн уже остановился на другом берегу в тихой, безопасной бухте. Как мы перебрались через реку — не знаем сами.

Так как за один раз можно было перевезти через реку только три-четыре мешка с поклажей, мне довелось еще не раз наблюдать мастерство перевозчика, который всякий раз приставал к берегу точно на том же месте. Лошадям нужно было переплыть реку. Разыгралась бурная сцена. Все сопровождавшие нас алтайцы пошли развернутой цепью на сбившихся в табун лошадей, шумя и крича, как загонщики на охоте. Лошади вошли в мелкую воду, но тут уже никакие крики не могли сдвинуть их с места. Поэтому с берега в бедных животных полетел град камней, однако камни метали так ловко, что они попадали в воду около лошадей. И только тогда отдельные лошади начали продвигаться вперед, и в несколько секунд все оказались уже в водовороте. Но, так как некоторые из них неоднократно возвращались к левому берегу, приходилось еще не раз загонять их.

На правом берегу деревьев растет меньше, чем на левом. Мы разбили свою палатку в одном из ущелий второй террасы на правом берегу. То место, где мы переправились через Катуню, называется Кюркечю (Мостовой брод) (по Калнингу, его высота 691,2 м). [Когда я в 1870 г. переправлялся здесь через реку, лодка была уже гораздо больше и переправа показалась менее опасной. Из моего дневника от 6 июня 1870 г.: Название Кюркечю (Мостовой брод) произошло оттого, что недалеко от места переправы в воде у берегов находятся два гигантских каменных

блока. Поверхность каменного блока на левом берегу несколько скошена, а у блока на правом берегу она совершенно горизонтальная. На поверхности каждого из этих камней, в центре находится по искусственно высверленному отверстию диаметром примерно в три вершка и глубиной в треть аршина. И теперь рассказывают легенду, что здесь через реку перешел Амурсана [8] и приказал натянуть на этих двух блоках веревочный мост. Конечно, это только легенда, но, по-моему, здесь некогда все-таки была канатная переправа. В здешних местах в прошлом году хозяйничала страшная эпизоотия и унесла с собой последние остатки скота алтайцев. Лодочник рассказал мне, что купцы, не обращая ни малейшего внимания на его сопротивление, заставили его перевозить через реку больной скот, хоть он и получил от зайсана приказ не пропускать через реку ни одно больное животное. Купец О. сначала купил больной скот, а потом заставил своих людей сдирать шкуры с павших в пути животных и таким образом занес на Алтай заразу. Его примеру последовал богатый купец Г. На Салджаре пало несколько сот голов скота, страшное зловоние отравляло воздух, рассказывал он.]

(5 июня.) Дорога здесь идет по правому берегу Катуни вдоль прибрежных гор, повышающихся террасами; на поверхности террас виднеются прекрасные зеленые луга и пашни, у прудов — густые заросли кустарника; повсюду — многочисленные стада. Первая терраса на правом берегу здесь шириной 300—400 шагов. Прибрежные горы, совершенно голые, громоздятся все выше по обе стороны реки; только на правом берегу голый камень еще иногда перемежается с зелеными полосами лугов, а на левом берегу — повсюду только голые камни, валуны, лишь кое-где отдельные кучки кустарника. Через несколько верст правая прибрежная гора так близко подходит к реке, что мы были вынуждены карабкаться по каменистому склону у реки. Волокушу моей жены пришлось переносить на руках, а мы прошли опасное место (его называют Катынсуунун-Помы) пешком. Теперь дорога поворачивает от реки и идет по речушке Салджар, впадающей здесь в Катуню. Сначала эта речка течет по углублению в скале, где меж мощных каменных громад растет лишь жалкий кустарник. Далее река образует в долине обрамленное лесом ущелье. По нему мы и поскакали. Реки теперь уже не видно, она течет под землей на глубине нескольких саженей. Переночевали в долине Салджара.

(6 июня.) Салджарская долина образует причудливое романтическое горное ущелье; прибрежные горы чаще всего спадают

к самой реке гладкими покатыми поверхностями, на которых главным образом растут лиственницы и пихты. Почва нетвердая и покрыта высоким густым травяным ковром; много болотистых мест. Часто мы видели следы больших горных обвалов, когда отвесную горную стену покрывали тысячи стволов деревьев, повалившихся друг на друга в страшном беспорядке. Во многих местах мы находили тут юрты. Мне показали здесь траву *корон ӧлӧнг*, которая считается очень опасной для лошадей. Это — ядовитое растение с листьями, напоминающими листья аконита (говорят, оно цветет голубыми цветами). Недалеко от вершины горы Салджарбажы (исток Салджара) дорога разделяется: одна ведет прямо через вершину горы к реке Ин и потом к Катуне, другая — на восток, по вершине Салджарских гор к истоку Айгулака. Мы поехали по первой. Лес доходил почти до вершины склона, ставшего под конец таким крутым, что нам пришлось впрячь в волокушу всех шестнадцать наших лошадей, чтобы втащить ее на этот последний участок горы. Здесь, на гребне горы, нет леса, и отсюда глазу открывается великолепная панорама Алтайских гор. На переднем плане — темный лес, к югу — все выше и выше громоздятся горные массивы, завершающиеся снежными гигантами Катунских Альп и Аргытских гор. На западе высятся Коргонские горы и Талицкие Альпы. По ту сторону Салджара дорога, тоже очень круто, уходит вниз. Мы поскакали вниз по течению речушки Караса и наткнулись на несколько юрт. Довольно густой лес покрывает и здесь горные уступы: лиственницы, ели, пихты, кое-где одиночные кедры, а ниже, в распадке, еще ивняк и тополя. Несмотря на то что растительность здесь повсюду самая пышная, все было пустынно, и мы не обнаружили нигде ни единой юрты. Вдали к югу виднеются остроконечные горы, расположенные, должно быть, между реками Ин и Чуя. Сначала мы добрались до покрытой сочной зеленью долины реки Ин и стали спускаться по ней к Катуни. Долина реки Ин оказалась довольно широкой, река извивается по роскошным лугам. На них опять показались юрты алтайцев. В долине растет лишь мелкая поросль и низкий кустарник. Кое-где — огороженные пашни и канавы искусственного орошения. Ближе к устью берега реки Ин становятся отвесными; на правом берегу — песчаник, образующий причудливые колонны. Тропинка ведет вдоль отвесного левого берега и поднимается на вторую террасу долины Катуни, теперь опять открывающуюся нашим взорам. Отсюда она идет на протяжении нескольких верст на юг по прибрежной террасе, пока скалы правого берега Катуни не подступают снова вплотную к реке. Здесь мы опять спустились к руслу реки Катуни, пробравшись меж каменистых утесов. Это так называемый Бичиктюкаяпом (Пом[9] скалы с надписями). Здесь скала под названием Бичиктюкая на много сотен футов вертикально спадает

к берегу Катуни, но в самой нижней части каменная стена отступает на несколько футов, образуя навес, под которым можно найти приют от любой непогоды. Берег здесь покрыт крупными глыбами, ширина его составляет лишь несколько саженей. Свое название Бичиктюкая получила оттого, что в ее нижней части имеются монгольские и китайские надписи, которые теперь уже едва ли можно различить, так как низ скалы почернел от дыма. Дорога здесь очень узкая и вьется меж высоких скал, поэтому мы перебрались через пом пешком; уже начинало темнеть, и наши проводники сбились с дороги. Чтобы снова найти ее, мы в абсолютной ночной темноте карабкались по горам и над пропастями и добрались до юрт на Чуе поздно (около двух часов). Все здешние жители еще алтайцы, наверное, двоеданцев [10] можно будет встретить дальше, в верховьях Чуи и в устье Айгулака.

(8 июня.) В этот день я совершил поездку верхом к Бичиктюкая. Теперь я с ужасом смотрел на ущелья, через которые мы перебрались темной ночью. [Дополню описание местности между Бичиктюкая и устьем Чуи записью из моего дневника 1870 г. 8 июня: Рано утром мы покинули Бичиктюкая; как только мы добрались до верхней прибрежной террасы, нашему взору открылся широкий простор. На юго-востоке видны Аргытские горы, а на юге — гигантские горные массивы, расположенные к югу от Чуи. Отсюда до устья Чуи только полторы версты, а здесь по ее берегу такие же террасы, как и у Катуни. Спачала дорога идет по большим горным уступам, и двигаться по ней очень неприятно из-за гладких, скользких каменных поверхностей. Примерно через две версты добираешься до Чуи. По всему ее нижнему течению левобережные горы по большей части лесистые, а правобережные, напротив, чаще всего голые. Зубчатые гребни гор, замыкая долину, подходят здесь порой к самой реке, и меж ними и рекой берег обычно покрыт муравой. Берега, как правило, поднимаются двумя-тремя террасами. Река очень бурная, из ее русла вздымаются могучие каменные глыбы, мимо которых, шумя и пенясь, несется вода. Вода Катуни и Чуи бело-молочного цвета. В пяти-шести местах здесь есть аулы алтайцев, и у всех у них небольшие стада. А на том берегу виднелись многочисленные стада; там в прошлом году среди крупного рогатого скота не свирепствовала чума, так как этот район полностью отрезан от торгового пути, проходящего севернее Чуи. Хочу привести здесь еще данные по измерениям Калнинга. Высоту берега Ин он определяет в 882,1 м, а высоту берега у устья Чуи — в 870,2 м.]

(9 июня.) Мы продолжили нашу поездку по левому берегу Чуи, на котором лишь голые массивы скал. Дорога все время петляет по скалам, то поднимается по ним вверх, то проходит по краю скалы у самой воды. Переходы порой были так трудны, что приходилось снимать поклажу с лошадей и проводники несли ее на себе по склонам. При впадении речушки Йодро нам встретились первые юрты двоеданцев (чуйцев), которые ничем не отличаются от алтайцев. Так как было уже поздно, мы разбили на ночь свой лагерь у маленького притока Чуи Садакмынара. Весь день мы страдали от дождя.

[Мой дневник от 1870 г. дает подробное описание берегов Чуи: Первый пом, который мы перешли на Чуе,— Кызылотыру (Красный выступ горы), он находится прямо над водой и раньше был труднопроходим. Теперь его поправили и он уже не представляет трудности для перехода с грузовыми лошадьми. Через несколько верст вверх по реке мы преодолели второй пом, который калмыки называют Калбакташ (Плоский камень), потому что там нужно перейти через большую плоскую скалу. Этот пом расположен на небольшой высоте. Здесь прибрежные горы значительно повышаются, их высшая точка — Адаркая. Третий пом называется Акташарпом, и его очень трудно переехать верхом. Чтобы улучшить здесь дорогу, понадобились бы серьезные затраты. По Калнингу, этот пом находится на высоте 988,1 м. По ту сторону этой пропасти течет Йодро — там, где видна плетеная изгородь. На том берегу реки в низине стоит аул. Несколько небольших пашен и оросительных канавок. Здесь, на равнине, пашен могло бы быть гораздо больше. По ту сторону Йодро через несколько верст мы перебрались через четвертый пом — Янсегиртпек (Большой прыжок), хоть он и невысоко, но перебраться через него очень трудно. Потом мы перешли через пятый пом, Кючюсегиртпек (Малый прыжок). Хоть он и выше предыдущего, но перебраться через него на лошадях гораздо легче. Потом мы достигли реки Садакмынар. Вплотную к ней находится шестой пом Чуи. Алтайцы называют его Садакмынардын-Акпомы (Белый пом Садакмынара). Это название легко объяснить, так как скала в западной части обрыва — снежно-белая. Перед самыми склонами — небольшое, поросшее елями предгорье. Подступы к пому страшно крутые. Дорога не меньше чем на версту идет по наклонной, совершенно гладкой стене, так что переход небезопасен даже для пеших. Поразительно, как карабкаются по гладкой стене кони. Калнинг обратил мое внимание на то, что лошади ступают не на все копыто, а на стрелки. Он считает, что было бы опасно пробираться здесь с подкованными лошадьми. Под помом находится вертикальная отвесная скала. Здесь даже все калмыки сошли с лошадей, и лишь мой проводник

Шибэ Битэ решил похвастать и проехал верхом по самым опасным местам. Мне кажется, здесь вряд ли возможно проложить дорогу повозкам. Но можно миновать пом, перекинув через реку мост, чтобы обойти опасное место по левому берегу. По ту сторону Садакмынара мы проехали на лошадях через горный проход Уттюкая, возникший вследствие обвала огромного куска скалы. Когда уровень воды высок, приходится ехать вброд по Уттюкая, а когда он низок, дорога идет у края реки. Проехав версты полторы, попадаешь наконец к седьмому пому, Актакырылган, названному так потому, что некогда там пало много лошадей. Сам по себе пом не длинный, но местами настолько крутой и скалистый, что даже калмыки в двух местах слезали с лошадей. Прибрежная гора на ручье Тыттуой (Поросшая лиственницами низменность) очень крута. По другую ее сторону — впадина долины (без реки), называется Сёрёлюой. Затем следует равнина, по которой протекает маленькая речка Янгыскаин (Одинокая береза). Дальше вниз по реке есть водопад Чырлак, он спадает в узком ущелье по почти вертикальной скале высотой саженей в десять. Саженях в пятидесяти от места падения поток разделяется на два рукава, каждый из них сам по себе впадает в Чую. Берега этих ручьев густо поросли березой. В долине — пышные заросли высоких трав, много деревьев. Из густой зелени долины вздымаются красноватые отвесные зубчатые скалы — экзотическая картина. Вскоре мы перебрались через восьмой, и последний пом, который назван по находящейся за ним реке Айгулактын-Акпомы (Белый пом Айгулака). Крутых скал здесь нет. Узкая тропинка круто поднимается вверх на протяжении не менее 30 саженей. Свое название пом получил по белым камням, которые тут часто выступают из почвы. Здесь тоже плетеная изгородь. С вершины дорога ведет через густые заросли кустарника к устью Айгулака.

По ту сторону небольшой речки Айгулак, где ведущая вниз вторая торговая тропа сливается с дорогой на Чую, она идет дальше то по низменности, то меж гигантских скал по высоким прибрежным террасам. Довольно широкую и стремительную реку Ярбалык мы переехали у самого устья (по измерению Калнинга, она лежит на высоте 1119,8 м над уровнем моря). Раньше через эту реку был деревянный мост, но теперь он очень поврежден весенним половодьем. Переправа вброд опасна, так как вода несется здесь под большим уклоном и легко сносит лошадей. Это-то и побудило купцов несколько лет назад построить здесь мост — уж слишком часто страдали их товары. Нигде, кроме как у самого устья реки, переправиться на лошадях нельзя. Дневной привал мы устроили у реки Бака (Лягушка). Эта река выше по течению тоже образует нечто вроде водопада, но вода падает здесь под углом в 70—80°. Берега реки густо поросли лесом и

выглядят очень дикими. Грохоча и пенясь, несется Бака по могучим скалам. Недалеко от нее расположен аул двоеданцев. Отсюда дорога еще раз поворачивает вниз, к Чуе, и идет по прибрежной долине, покрытой довольно густым лесом. Здесь мы переправились верхом через речку Бельгибаш. Теперь перед нами была небольшая остроконечная, конусообразная гора, которую здесь называют Эчкитуру (Козье стойбище). К югу от этой конической горы течет Чуя, а к северу поднимается довольно высокая горная терраса. Тут мы покидаем долину Чуи и поднимаемся севернее Эчкитуру. Вскоре под нами на юго-востоке уже простирается долина Чуи, а за ней высятся могучие снежные вершины горы-исполина Мангаш. Переправившись верхом через маленькую речушку Сардыма, мы добрались до реки Чибит и поехали по ее заросшей густым лесом долине. У Чибита мы остановились на ночевку.

На следующий день мы переправились на лошадях через Чибит. За полосой частого леса раскинулась широкая равнина, некогда густо населенная, а теперь совершенно пустынная. За равниной течет река Мён, которая впадает в Чибит. (Устье Чибита, по Калнингу, лежит на высоте 1343 м.) Равнина эта тянется дальше на восток, и мы поехали по ней в этом направлении. Мён в конце равнины слегка поворачивает к северу, там густой лиственничный лес. В лесу дорога поднимается вверх по горе до истоков Мёна. (Высота этого места определена Калнингом в 1465 м.) Участки леса здесь все время перемежаются горными болотами, а кое-где текут прозрачные воды ручья. Отсюда опять видны на юге мощные снежные вершины Мангаша. Мне сказали, что высокая гора, виднеющаяся севернее горного болота Чибекечю, называется Кочкорок. Говорят, там водится много каменных баранов (*кочкор*). За Чибекечю нужно перебраться через горный перевал под названием Белькенектин-Погочозы. По горному ручью Кёлёндё мы опять спустились к Чуе. Перед нами простирается маленькая равнина, а на юге тянутся мощные цепи снежных гор. Мы объехали небольшую гору на правом берегу Чуи. Здесь есть узкий проход между двумя рядами камней, которые называют крепостью Шиле. По местной легенде, алтайцы некогда были покорены китайцами, а потом бежали от них, и китайцы преследовали их будто бы до Бичиктюкая и оставили там надписи. А здесь, у крепости, произошло якобы сражение алтайцев с китайцами. Камни для стен взяты, очевидно, из большого кургана, расположенного в центре крепости. У самого берега Чуи здесь есть маленькая остроконечная скала, которую называют Бошту.

У речки Кёлёндё мы снова вышли из долины Чуи, направляясь на северо-восток. Непроходимые участки гор, лиственничный лес. Довольно высокий горный перевал (мне сказали, что он на-

зывается Орчонойдын-Богачы). Очень крутые для лошадей подъемы. На вершине несколько округлых голых горных складок. На юг простирается целая цепь снежных гор; открывается широкий вид на Курайскую степь. Вдали можно различить Чую и некоторые ее притоки по полосам леса, растущего на их берегах. Степь и окружающие ее горы — голые и лишь скудно поросли травой. Мы перебрались через реки Тадюлу, Тоголоктёргюн и Адыртёргюн (по Калнингу, на высоте 1597 м), где в широком каменистом ложе вода течет лишь несколькими узкими ручейками по канавкам; затем через Чибитютёргюн. Две последние речки сливаются и текут потом в реку Курай. У реки Курай мы заночевали. Самую высокую из расположенных к югу снежных гор мне назвали Тётё, а два других очень высоких пика — Актуру и Йошту. С последних двух стекают речки того же названия и, слившись, впадают в Чую. Здесь соединяются дорога, проходящая севернее Чуи, и дорога южная, которая, перейдя через Чую, обходит снежные горы с запада, а оттуда — по южному берегу Катуни до Уймонской степи.

На следующее утро мы покинули Курайскую степь. В длину она верст 10—15, в ширину 5—6. Вершины Курайских гор, расположенных на севере, тоже покрыты снегом. У Чуи виднеется много аулов. В степи повсюду голо, только по берегам реки растут мощные деревья — пихты и лиственницы. С высоты серожелтая степь с темными пятнами и полосами лесов производит очень своеобразное впечатление. На равнине мы переехали верхом еще реку Кызылдаш. Равнина к востоку все сужается и наконец вливается в узкую долину Чуи, окруженную прибрежными горами, которые кажутся не очень высокими, но почти на всех их вершинах — снежные поля. Поднявшись на несколько уступчатых террас, мы переехали верхом Тыттукем, Шираташ и перешли через нетрудный Абумпом, где, по калмыцкой легенде, огромная каменная глыба лежит над могилой принцессы. Мне рассказывали, что купец Павел Шавров распорядился произвести под этим камнем раскопки. От этих раскопок осталась сломанная лиственница, которая лежит теперь под камнем. Покинув второй раз берег Чуи, мы поднялись выше в горы. У реки Куяктанар (по Калнингу, на высоте 1852 м) мы добрались до нескольких больших снежных полей, с которых стекает вниз ручей с чистой черноватой водой. Дорога идет по высокой горе. Мы переехали на лошадях две реки — Мёштюйорык и Балкаш. Горы теперь постепенно понижаются. В некотором отдалении видна расширяющаяся долина. Против Чаганбельтири (устье Чагана) мы устроили полуденный привал. Только что мы ехали по густому лесу из лиственниц и елей, а теперь расположились здесь, на довольно большом лугу. Потом, когда мы проехали еще немного, нам открылась долина Чуи, к которой мы спустились по голым

горным склонам. Здесь Чуя течет гораздо спокойнее и разделяется на множество рукавов. Дорога идет у подножия гор. Сначала встречается много глиняных склонов, по которым, как я уже убедился на собственном горьком опыте, в плохую погоду можно пройти только с опасностью для жизни. Постепенно нашим взорам открывается Чуйская степь: вокруг горы, серо-зеленые и голые, на вершинах много снега, особенно на южных горах. Переехав Балкаштуяр (Глиняная стена), мы переправились в начале степи через речушку Эчкибажы, потом через ручей Уйттютерек. У берегов Чуи много маленьких озер и тряспн. Тростник, повсюду стаи диких уток, гусей и журавлей. К сожалению, нас окружили здесь несметные комариные тучи — бич Верхней Чуи, от чего совершенно избавлены жители Центрального Алтая. Поздно вечером неподалеку от лавок мы перебрались на лошадях через Чую, здесь спокойную и очень глубокую. Вокруг лавок, которые мало изменились за последние десять лет,— густой лиственничный лес.]

Продолжу записями из моего дневника 1860 г.

(13 июня). Сегодня отдохнули у Кошагача. Погода — неприятная, а воздух — сырой и холодный. Весь район вокруг купеческих складов заболочен и порос довольно густым лиственничным лесом. В нем разбросаны единичные дома купцов. Страшный бич здешних мест — комары, даже днем они не дают покоя.

(14 июня.) Отсюда мы пошли по самой реке на восток и переправились на маленькой лодке через один из рукавов Чуи, а наши лошади в это время совершали небольшой обход. Местность на том берегу становится голой и ровной; земля усеяна мелкими камнями и лишь скудно поросла травой. Деревьев и вовсе нет. Верст через восемь мы доехали до реки Цаганбургазун (Белый ивняк), перерезающей степь с юга на север. Река получила свое название из-за берегов, густо поросших ивняком. Почва здесь покрыта повсюду жидкой грязью, а в кустарнике так много насекомых (комаров и больших мух-жигалок), что при поездке верхом люди и лошади оказываются облепленными пеленой насекомых. Мы смогли вздохнуть свободно, лишь пройдя через ивовые заросли шириной в полверсты. Теперь мы повернули на восток и через 30 верст добрались до юрт зайсана Мангдая. Утром погода была прекрасной, но к полудню стало ветрено и холодно, начался даже довольно сильный снегопад и земля покрылась тонким слоем снега. Но ветер вскоре стих, небо очистилось от туч, проглянуло солнце и скоро уничтожило весь снег.

(20—27 июня.) Чуйская степь (плато верст 50—60 в ширину и верст 150 в длину, где от слияния рек Цаганбургазун, Кошагач, Боробургазун и Юстыт образуется Чуя), по измерениям Калнинга, у лавок русских купцов лежит на высоте 1745 м. Юго-восточная часть степи, трижды пересеченная мной в разных направлениях восточнее Цаганбургазуна, представляет собой равнину, скудно поросшую травой, покрытую валунами и перерезанную лишь несколькими оросительными каналами, западная же часть — не столь равнинна и пересечена многими притоками, впадающими в Чую. Северо-западная часть степи имеет совершенно иной характер. Здесь множество маленьких рек, озер и прудов; извиваясь, переплетаясь и перекручиваясь, обрамляют они большие участки леса и болота. Северо-восточную же часть образуют поднимающиеся к северу уступами террасы, покрытые лугами и каменистыми площадками, постепенно переходящие в нагорье. Южная часть степи пустынна, в ней не встретишь ни людей, ни животных. В этих пустынных местах лишь изредка появляются аргали, каменный козел, газель, кабарга, волк. В северо-западной же части степи водятся бесчисленные стаи болотных птиц, журавлей, серых цапель, уток, гусей и бекасов. Здесь поселился и человек. Меж озер и по берегам рек тянется непрерывная цепь аулов и разбросаны одиночные юрты. Многочисленные стада домашнего скота пасутся в покрытых травой степях и забредают иногда дальше на юг, до голой степи, где они находят в изобилии степную соль. Вся степь окружена снежными горами, которые из-за ее огромности кажутся отсюда не более чем цепью холмов. Северная пограничная линия, Курайские Альпы, местами окрашена в темный цвет из-за покрывающих ее лесов. А южная и восточная граница гор, известных как горный хребет Сайлукем, выделяется рядом снежных вершин. На восходе и на закате солнца длинная горная цепь сверкает, как золотой пояс, а вся степь залита тогда своеобразным розовым светом.

Климат степи уже отчетливо высокогорный. Дождь большая редкость, а если он и идет когда — то только мелкий, моросящий, часто переходящий в холодный туман. Столь же редок и длительный снегопад, даже зимой. Снег, выпадающий летом, конечно, быстро тает на солнце, а зимой снег из степи быстро выдувает ветром. Погода здесь крайне неустойчивая, обычно за несколькими солнечными днями опять следует холодная, хмурая погода с долго не рассеивающимся туманом. Все считали большой редкостью и удачей, что во все время нашего десятидневного пребывания тут была хорошая погода. Летом очень жарко только в солнечный полдень. А по ночам всегда холодно, и в июне и в июле я сам не раз наблюдал, что вся равнина покрыта инеем. Зимой, по словам купцов, температура здесь падает до 30° по Реомю-

ру. Когда долго держится плохая или холодная погода, вода в реках убывает, при продолжительной же хорошей погоде количество воды во всех водоемах, наоборот, возрастает, так как в горах тает снег и вода стекает в степь. Примечательно и изменение температуры при наступлении плохой погоды. 23-го утром было так жарко, что в юрте едва можно было дышать; вдруг тучи заволокли небо, и менее чем через час стало настолько холодно, что мы замерзли в своих шубах и пришлось развести в юрте огонь. За несколько часов температура упала не менее чем на 25° по Реомюру. Здешние реки и озера исключительно богаты рыбой. Купцы за несколько дней делают запасы на весь год. Многих видов рыбы здесь, кажется, нет. Мне попадались только хариус и басман, оба очень вкусны, но в последнем слишком много костей.

(4—5 июля.) Возвращение из Чуи в миссию у Ангодая вышеописанным путем.

(10 июля.) В полдень мы покинули миссию и продолжили наше путешествие вверх по левому берегу Урусула. К трем часам мы благополучно добрались до Коротты и перешли через него. Так как здесь нам были уже приготовлены свежие лошади, мы сразу же поехали дальше. В восемь вечера мы подъехали к юрте зайсана Купы, опять поменяли лошадей и, не задерживаясь, продолжили свой путь. До озера Кенги было еще 14 верст, но, хотя уже и начинало темнеть, я решил ехать дальше. Пока мы добрались до устья реки Кенги, совсем стемнело. Местные жители уверяли, что расстояние отсюда до озера Кенги составляет не более двух верст. Вот тут-то мы отчетливо поняли, каково полагаться на такие указания. Проскакав два часа быстрой рысью, мы все еще не одолели этих двух верст. А небо тем временем покрылось тучами, и пошел проливной дождь. К тому же еще было пронзительно холодно и тьма — хоть глаз выколи. Дорога — при полной темноте — была ужасной: то болотистые места, где едва не затягивало наших лошадей, то скалы. Так мы проехали еще два часа, а проводник все утешал нас этим неизменным *äки кыйгырыжым* (две версты). Когда мы еще через час добрались наконец до горного перевала, мы увидели вдали полтора десятка светлых точек, тусклыми линиями преломлявшихся в воде. Это были костры калмыков, расположившихся лагерем на берегу озера. Только к трем часам утра мы добрались наконец до озера и, к величайшей своей радости, обнаружили там приготовленную для нас юрту.

(11 июля.) Длина озера Кенги, которое получило свое название по вытекающей из него реке, пожалуй, не менее версты, ши-

рина — с полверсты. Оно расположено в котловине, окруженной невысокими лесистыми горными хребтами. (Уровень котловины, по определению Калнинга, 1111,1 м.) На вершинах низких холмов здесь повсюду кедры (Pinus cembra), обычно встречающиеся в Алтайских каменистых горах лишь в самых высокогорных районах. А на склонах гор, внизу, лиственничные леса и одинокие пихты и ели (обычная растительность средних районов Алтайских каменистых гор). Берега озера плоские и окружены кольцом каменистых болот, поэтому часто к котловине нельзя подойти ближе чем на сто шагов. Климат здесь, очевидно, очень суровый, особенно часто идут затяжные дожди. Колорит здешних гор в целом мрачный, невеселый, так как трава, покрывающая склоны гор и долину,— серо-желтого цвета, а леса — темного оттенка того же цвета, почти коричнево-зеленые. Тип местного ландшафта вообще очень характерен для гор Алтая. Это или высокие снежные вершины Алтайских Альп с макушками, парящими высоко над облаками, или группы невысоких округлых гор, образующих на уровне плато и реки Кенги ряд котловин. Стекающие с вершин потоки собираются в этих котловинах, образуя небольшие озера и заболоченные каменистые участки, из которых потом вытекают, снова просачиваясь через каменистые болота, более крупные реки.

(15 июля.) Рано утром мы снялись с озера Кенги. Дорога шла на северо-запад и поднималась все выше по гребню горы. Характер ландшафта мало изменился, все те же волнистые гряды гор, покрытые лиственничным лесом. Погода стояла ужасная — холодная, сырая и ветреная, и дороги стали от дождя такими скользкими, что продвигаться верхом можно было лишь с крайней осторожностью. К полудню мы добрались до гребня горы, поросшего здесь низкими, густыми кедрами. Мы перебирались через множество ручьев, со всех сторон стекающих в Кенги. За перевалом дорога стала еще хуже. На шесть верст простерлось глубокое болото, усеянное массивными обломками скал. Лошади проваливались сплошь и рядом по брюхо и застревали меж скал, так что всаднику приходилось силой вытаскивать их. Еще версты две мы ехали поперек болота, и на это у нас ушло два часа. Обычно такие каменистые болота на вершинах горных хребтов являются истоками рек, и то, через которое мы сейчас проезжали, было истоком реки Себе. Мы продолжили наш путь по ее берегам. Дорога здесь стала твердой, и ехать было нетрудно. Мы следовали по течению реки до заимки Балгасаина. Приехали туда вечером. Не задерживаясь, поскакали дальше и поздно вечером прибыли в миссию у Муйту.

(21 июля.) 20-го рано утром выехали из миссии в Муйту и утром проехали мимо деревни Черги. Но так как погода была неблагоприятной и дороги размыты, мы добрались до деревни Сараса лишь поздно вечером и отсюда поехали в деревню Алтайское. В Алтайском заночевали и лишь 21-го поехали дальше. Теперь мы направлялись на северо-восток по речке Каменке. Каменка образует как бы границу Алтайских гор. На север от них простирается ровная степь, такая же, как по ту сторону Катуни, которую я описывал по дороге сюда. На юге возвышается последняя гряда Алтая, и уже отсюда видно, что гряды гор к югу становятся все выше. Берега Каменки густо поросли ивняком, и дорога много верст извивается меж сплошных зарослей кустарника. Вся равнина довольно густо населена, мы часто проезжали большие, богатые деревни и совсем уже поздно добрались до деревни Шульгин Лог, расположенной у самой Катуни, где и заночевали.

Утром из окна нашей комнаты открылся чудесный вид на Катуню. Широкая река несет свои беловатые воды по свежим, зеленым лугам. По ее берегам — причудливые купы ивняка и березовые рощицы; как серебряные нити перерезают их мелкие притоки рек, к югу на горизонте, словно черно-синие облака, громоздятся Алтайские горы.

(22 июля.) Из Шульгина Лога мы поехали вверх по левому берегу Катуни. Верст через десять миновали деревню Платова и еще верст через десять, за версту от деревни Майма, переправились на пароме через Катуню. Катуня здесь очень широка, так как разделяется на множество рукавов большими песчаными отмелями и островами, густо поросшими ивняком. Паромщиками здесь были по большей части крещеные калмыки. Примерно через версту после парома приехали в деревню Майма. Местные жители здесь — чисто русские, но в большинстве своем они происходят от телеутов и алтайских калмыков, о чем явственно свидетельствуют многие физиономии. В Майме мы только поменяли лошадей и около полудня добрались до расположенной в семи верстах миссии в Улалу. Берега реки Майма, на которых расположены и деревня Майма, и Улалу, уже гористые, и дорога змеится по довольно высоким горам. (По определению Калнинга, миссия Улалу расположена на высоте 293,9 м.) Но по своему характеру здешние горы совсем иные, чем горы собственно Алтая, который мы объехали в этом году. Исчез лиственничный лес, и вместо него все вершины покрыты здесь смешанным пихтовым, еловым и березовым лесом. Травяной покров здесь тоже совершенно иной: если на Алтае повсюду землю покрывают

мелколистые травы, а высота густой травы не более нескольких дюймов, то здесь растут повсюду крупнолистые многолетние травы и цветущие кусты, а земля покрыта непроницаемым слоем растительности высотой не менее четырех футов. По мере продвижения на восток кедровых, еловых и пихтовых лесов будет, конечно, все больше.

Русский из Сибири называет горные образования собственно Алтая, по которому мы проехали, «камнем», а характер здешних гор обозначает словом «чернь», так как темные леса как бы затягивают весь этот район траурным покровом и прерывают их лишь долины рек, покрытые белесым ивняком и светло-зелеными березовыми рощами. Алтаец же называет скалистые горы, покрытые лиственничным лесом, *тайга*, а чернь — словом *йыш*. Границу каменистых гор (*тайги*) образует с одной стороны, на востоке, Катуня, с другой стороны она проходит по градусу широты Телецкого озера. Таким образом, к этой геологической формации относится весь Западный и Южный Алтай. Жители этого района называют себя *алтай-кижи* (люди Алтая). Все же горы севернее широты Телецкого озера и восточнее Катуни — «чернь» (*йыш*), и их население алтайцы называют *йыш-кижи* (люди черного леса). *Йыш* простирается далеко за пределы Алтая на северо-восток и по томским и енисейским горам вплоть до Лены. Русские заимствовали слово «тайга» у алтайцев, но понимают они под этим словом только черные горы («чернь», *йыш*) и поэтому говорят о томской, кузнецкой или енисейской тайге.

Название «Алтай», о значении которого так много говорили и писали и которое толковали то как Ала-тау (Пестрые горы), то как Алтын-тау (Золотые горы — *кин-шан*), по всей видимости, является стяжением от *ал-тайга*, я нашел это название во многих сказках. В переводе это слово означает «благородные каменистые горы» [11].

ИЗ ДНЕВНИКА МОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЗАПАДНОМУ АЛТАЮ

(11 мая 1861 г.) 10-го перебрались через Обь у Гоньбы, оттуда по полузатопленной Обской низменности к деревне Озерки (29 верст). Ночью мы проехали через станции Талмен (22 версты), Баровланка (24 версты). У Баровланки мы оставили почтовый тракт. Отсюда опять начались наши муки по окольным дорогам. Лошади чаще всего плохие, дают их с большим опозданием, отсюда вечные задержки.

11-го я миновал следующие станции: Шмакова (15 верст), Беркова (25 верст), Мамонова (15½ верст), Суенга (22 верс-

ты). Между Мамоновой и Суенгой переправлялись через реку Берд на очень ветхом пароме. В Суенге мне пришлось ждать лошадей, так что в Егорьевск, расположенный в 12 верстах от нее, я добрался только к вечеру.

До Берковой местность была чуть ли не сплошь равнинной и покрытой в основном сосновыми лесами. Отсюда она становится более холмистой. У Мамоновой весь ландшафт обретает уже горный характер. Горы становятся все выше, но нигде нет особенно высоких вершин. Основной хребет этого северного отрога Салаирских гор простирается довольно точно с юга на север. На нем растут редкие деревья, в основном это березы и ели, изредка встречаются сосны. От последней станции, Суенга, дорога идет вдоль реки Суенги до золотомойни Егорьевск, расположенной на этой же реке. Дорога извивается по горам и долинам то по правому, то по левому берегу реки, и очень часто проехать по ней можно только с помощью тормозного башмака.

Прежде чем попадешь в Егорьевск, нужно преодолеть несколько высоких горных гряд, чаще всего голых, покрытых скудной желто-зеленой травой. В углублениях повсюду еще лежал снег, природе вообще пока недоставало привлекательности и свежести, так как листочки на деревьях были совсем крошечными и казалось, что на ветви накинута прозрачная вуаль. Когда минуешь последний перевал, видна Суенга, перерезающая долину, и на ее берегах золотомойня — поселок, состоящий из 100—150 домов.

Егорьевская золотомойня — самая старая на всем Алтае. Она была заложена в тридцатые годы и поначалу, говорят, была очень доходной. Здесь, на Суенге, работы уже не ведутся, не ведутся они и на Касме, в 40 верстах от Егорьевска. Теперь нашли золото в 15 верстах отсюда, на Лисвинке. Месторождение, к сожалению, не очень богатое, со 100 пудов земли было намыто 80 долей золота.

11-го я поехал на золотомойню у Лисвинки. Характер горной цепи остается на всем ее протяжении неизменным: ряды холмов, обширные долины, то голые участки земли, то редкие сосновые и еловые рощицы или березово-осиновые лески. Золотомойня здесь только строится. Построен сарай для хранения инструмента, прорыт канал для отвода Лисвинки. До сих пор промыто 2000 пудов земли, средний выход — 50 долей золота на 100 пудов земли.

(12 мая.) В 11 часов мы добрались до деревушки Поднивая, расположенной в 20 верстах. Отсюда дорога становится плохой и болотистой. Местность, все еще холмистая, густо поросла лесом. На второй половине пути она стала более плоской. Лес

здесь не однообразный: можно найти все встречающиеся на Алтае породы деревьев. Среди темно-зеленых елей, пихт и сосен растут зелено-коричневые кедры и бледно-зеленые лиственницы, с их могучих черных ветвей свисают тонкие иголочки. И снова лиственные деревья: береза, осина, тополь, ива — и разнообразнейший кустарник: крушина, боярышник — короче говоря, все древесные растения Сибири. Должно быть, мы уже намного спустились, так как листва на деревьях стала гораздо гуще. Недалеко от Касмы горел лес, и довольно большой отрезок пути мы ехали в дыму. Лесные пожары наносят сибирским лесам большой урон. Часто самые лучшие участки леса выгорают на целые мили, но при сравнительно малочисленном населении этой беде ничем не помочь.

В два часа мы приехали к Касме, небольшой золотомойне, где в этом году уже не работают. Мы задержались здесь только на два часа.

Еще верст десять за Касмой характер пейзажа ничуть не менялся, повсюду тот же пестрый, густой лес, повсюду одинаковые невысокие гряды гор. Но потом лес стал реже, и перед нами раскинулась великолепная обширная равнина. Обильно поросшие травой необозримые луга, перерезанные бесчисленными маленькими речками, а меж ними разбросано множество поселений. Еще нигде в Сибири я не видел такого плотного населения, как здесь. Каждые две-три версты мы проезжали селение, и еще многие виднелись со всех сторон. В шесть часов вечера мы добрались до деревни Брыканова (20 верст). Лошади здесь были уже впряжены в мой тарантас (который я послал из Егорьевска прямо в Брыканову), и поэтому я, не задерживаясь, поехал дальше и в одиннадцатом часу вечера достиг деревни Бедерова (25 верст). Здесь мне пришлось на некоторое время задержаться. Из очень интересной беседы с местным старостой я приведу кое-какие сведения о местных условиях: русские, живущие на равнине севернее Салаира, меньше занимаются земледелием, чем животноводством. Здесь, на границе лесистых гор, создались особо благоприятные условия для разведения скота, так как в изобилии имеется не только сочная лесная трава, но и степные солончаки. Уже много лет вся округа ведет крупную торговлю скотом и снабжает города Барнаул, Томск и Кузнецк скотом и мясом. Свирепствовавшая здесь в прошлом году чума крупного рогатого скота снова уничтожила девять десятых всех стад.

Теперь здесь почти не достать мяса и молока, и крестьяне в большинстве живут хлебом и капустой. Русские крестьяне очень хвалили мне местных телеутов. Среди них много по-настоящему неутомимых тружеников, и живут они поэтому зажиточно. Миновав ночью деревню Тимакова, я добрался утром до первого телеутского аула на реке Ур, где задержался до следую-

щего дня. 14-го я отправился в телеутский улус Солкой, 16-го — в улус Шанды и 17-го — в Улуаил, где я оставался до вечера 18-го, а затем через деревни Соколова, Терешкина и Недорезова отправился в Кузнецк, куда прибыл 18-го утром.

(20 мая.) Расположен Кузнецк прекрасно. Когда переправишься через Томь, дорога на правом берегу идет отвесно вверх по крутым прибрежным склонам. А когда поднимешься на гребень, открывается чудесный вид на обширную зеленую равнину, перерезанную светлой полосой Томи, по берегам которой, живописно сгруппировавшись, тянется город. На возвышенности стоит старая крепость. По ту сторону Томи извивается Кондома и впадает в нее у самого Кузнецка. Когда я ехал с горы по очень опасной крутой дороге, я ушел мыслями в историю этого старого бастиона русской власти на Алтае. О чем могли бы порассказать эти старые стены? Сколько битв они видели? Часто наступали на них орды телеутов [12], и лишь благодаря мужеству и отваге небольшому гарнизону казаков удавалось отразить многочисленного врага. Предаваясь таким размышлениям, я прибыл в Кузнецк. Мне отвели казенную квартиру. Она оказалась весьма жалкой — низкие пустые комнаты. Стены, когда-то белые, покрылись от времени коричневатым налетом; всю мебель составляли два стула да ломберный стол на трех ножках, который мог стоять только прислоненным к стене. Хозяйка была очень приветлива и подала мне, голодному, скромную трапезу.

В самом городе не чувствуется никакой жизни. На улицах, по которым я много бродил, мне лишь изредка встречались в одиночку крестьяне и горожане или иногда чиновник, чаще попадались оборванные солдаты инвалидной команды. Город расположен частью на вершине прибрежной горы, частью в прибрежной долине. К нижнему городу сверху ведет нелегкая дорога. Из камня в Кузнецке построены только две церкви, крепость и один купеческий дом. Все остальные дома — деревянные, чаще всего без фундамента, и поэтому с течением времени большинство их покосилось.

Был я на базаре, четырехугольной большой площади, с двух сторон ограниченной рядами лавок. Кузнецк — самый старый город Алтая (он основан в 1618 г.). Считается, что название городу дали кузнецы-татары. Мне же представляется более вероятным, что кузнецы-татары получили свое название от названия города [13]. Татары называют Кузнецк Абатура. Очевидно, это название ведет свое начало от речки Аба, которая недалеко от Кузнецка впадает в Томь. Но народная этимология истолковывает Абатура как «отец-город» (от *аба* — отец) и в противоположность «отцу-городу» Абатура называет Бийск Яштура — моло-

дой город. Торговлей здесь занимаются очень мало. Татары бедны, и в районе Томи очень мало золотомоен. Жители города Кузнецка и окрестных деревень выращивают много табака, который, говорят, именно здесь прекрасно произрастает.

Рыночные цены на продукты питания здесь, в Кузнецке, были выше в два раза, чем в Барнауле. За пуд говядины просили 3—4 рубля (в Барнауле он стоил 1—2 рубля); за безмен топленого масла (2½ фунта) — 70 копеек (в Барнауле — 35 копеек), пуд ржаной муки стоит 60 копеек (в Барнауле — 30 копеек), пуд пшеничной муки — 90 копеек (в Барнауле — 40—50 копеек). Меня уверяли, что раньше здесь все было дешевле и подорожание наступило лишь после прошлогодней эпизоотии.

(21 мая.) В Кузнецке я оставил свой тарантас и продолжал путь на маленькой крестьянской телеге. Дорога вела сначала вниз к ложу реки Томи и вилась в одной-двух верстах от реки меж кустарника, которым поросла здесь вся долина Томи. Дорога была плохая, и продвигаться по ней можно было только медленно: почва то покрыта камнями, то заболочена настолько, что в ней застревали колеса. А самым неудобным было переезжать через множество ручьев и ручейков, так как дорога почти всегда спадает с берегов отвесно. Через 12 верст мы опять подъехали к Томи, и здесь нужно было перебраться через нее на пароме. На том берегу, в полуверсте от парома, расположена деревня Аттаманова. Река здесь глубокая, и, по словам крестьян, дальше нельзя продвигаться на телеге, поэтому нам пришлось продолжать путь на лодке. Из-за моего багажа нам понадобились две маленькие местные лодки.

Лодки здешних крестьян имеют в длину примерно 10—12 футов, а в ширину от полутора до двух с половиной футов. Их делают из ствола тополя, с обеих сторон они заканчиваются длинными остриями. Управляют такой лодкой два человека, которые длинными шестами отталкиваются от берега, где мелко. Веслами пользуются только на глубоких местах или при переезде реки. За поездку крестьянам платят прогонные (в Сибири за каждую лошадь — полторы копейки за версту), за каждого человека, как и за лошадь, платят по полторы копейки за версту. Когда нужно плыть вниз по течению реки, составляют обычно небольшие перевозы из двух лодок.

На всем своем протяжении Томь довольно широка, и на речном ложе находится много заросших ивняком островов. По левому берегу — сплошь низменность, поросшая густым кустарником, по правому — непрерывная горная цепь, густо поросшая елью и березой; кое-где едущему по реке видны прерывающие эту цепь

скалы из песчаника. Поездка по реке не доставляет удовольствия — приходится плыть против течения, продвигаешься очень медленно, к тому же жара на воде невыносима. Лодочники зарабатывают много прогонных, но за это им приходится беспрерывно напряженно работать. Вечером, перед самым заходом солнца, мы прибыли в деревню Безрукова (25 верст). Обычно эту деревню называют Протока, так как она расположена на одном из рукавов Томи. Она делится на русскую и татарскую половины, последняя расположена на полверсты выше по течению. Так как было уже поздно, я решил переночевать на татарской половине деревни.

(22 мая.) Багаж я отправил из Протоки на лодке, а сам продолжал путь верхом по проселочной дороге. До речушки Подабас, на которой в шести верстах от Протоки лежит большая русская деревня того же названия, дорога была хорошая, ровная, а земля покрыта чудесными лугами. От Подабаса же дорога вела по заросшему густым кустарником болоту, в котором лошади проваливались по брюхо. Поэтому до деревни Балбы, расположенной в двух верстах, мы добрались лишь через несколько часов. В татарской деревне Балбы я не стал задерживаться, так как ее население по большей части обрусело, и продолжил путь по воде. Татарские лодки, на которых мы отправились, очень неудобны, они легче и меньше русских. Борта их очень тонки и разведены распорками. Садясь в лодку, приходится протискиваться меж этих распорок и потом уже нельзя шевельнуться. Зато татары ездят в своих лодках быстрее, чем в русских.

Берег Томи и здесь сохраняет свой характер, лишь холмы на правом берегу становятся выше и песчаные скалы появляются чаще. Недалеко от впадения Мраса мы перебрались через Томь и около двух часов пополудни были в расположенной на правом берегу татарской деревне Праспельтеринде (7 верст от Балбы).

(24 мая.) Вчера вечером выехал из деревни Праспельтеринде. Сначала мы поехали вверх по течению Томи и вскоре переправились через нее как раз у впадения в нее Мраса. Берега Мраса, сначала низкие, поросшие густым кустарником, скоро начинают повышаться, гряды холмов на правом берегу становятся все выше. Проехав шесть верст, мы в полной темноте прибыли в деревню Красноярск (*Кызылъяр* — «Красный берег»).

(28 мая.) 26 мая выехал из Красноярска и добрался до улуса у Сыбыргы. Здесь я задержался на день и поехал дальше вверх по течению Мраса. Примерно через две версты мы добрались до

селения Чыбаш (на левом берегу) и еще через семь верст проехали улус Каинчак. Мрас образует здесь множество рукавов, но судоходен лишь один из них. Течение его столь быстро, что продвигаться на маленьких лодках против несущихся навстречу волн очень трудно. Только к вечеру добрались мы до расположенного в 22 верстах улуса Тос (русские называют его Сосновой Горой). Характер берега здесь тот же, что у Сыбыргы — довольно высокие горные гряды, густо поросшие пихтовым лесом. Но у Сыбыргы левый берег был еще низким, а у Тоса уже и на правом берегу горные гряды, поросшие лесом.

Непрерывный дождь помешал мне продолжить сегодня путь.

(1 июня.) 29-го утром выехали на трех лодках из улуса Тос. День обещал быть прекрасным — на небе ни облачка. Являя собой величественную панораму, проплывали мимо нас гористые берега, дикие романтические пейзажи пестрой чредой сменяли друг друга. Описать все красоты удивительной здешней природы невозможно. Полной картины не передать словами. Вот глаз отдыхает на свежем, весеннем ландшафте прибрежной низменности, густо поросшей роскошными, сочными, зелеными травами, часто на ширину не менее ста шагов. Высокие стебли цветов склоняют свои красивые пестрые головки на могучие, приземистые в эту пору кусты ревеня, которые вытянули свои гигантские листья над рекой, защищая ее от солнца. Вся земля, как мягким волнующимся ковром, покрыта на два-три фута непроницаемым слоем серолистых трав, а над ними поднимается пестрое море цветов, как бы образуя второй ярус растительности. Этот прибрежный цветочный ковер окружен белесым ивняком и светло-зелеными березовыми рощицами. А за ними поднимаются чудесные группы холмов, поросших по большей части густым березняком, над которым словно массивные обелиски вознеслись одиночные стройные остроконечные пихты. Но вскоре этот веселый пейзаж меняется. Исчезает свежая зелень, гигантские скалы поднимаются у самого берега, лес на склонах гор редеет, все громадней становятся живописно нависающие над рекой крутые голые скалы; изборожденные ущельями и расселинами отвесные гиганты, причудливо группируясь, поднимаются все выше. Густые ряды деревьев растут только в расселинах, складках и ущельях гор и кажутся темно-зелеными узкими извилистыми линиями и полосами, или густыми зелеными венцами украшают они вершины гор. Меж причудливых зубцов скал видны вдали высоко вознесшиеся над голым камнем вершины могучих, густо поросших лесом гор. Но вскоре, к нашему удивлению, исчезает и этот причудливый скалистый берег. Полоски леса, обрамляющие скалы, становятся все шире, скалы выступают из них все

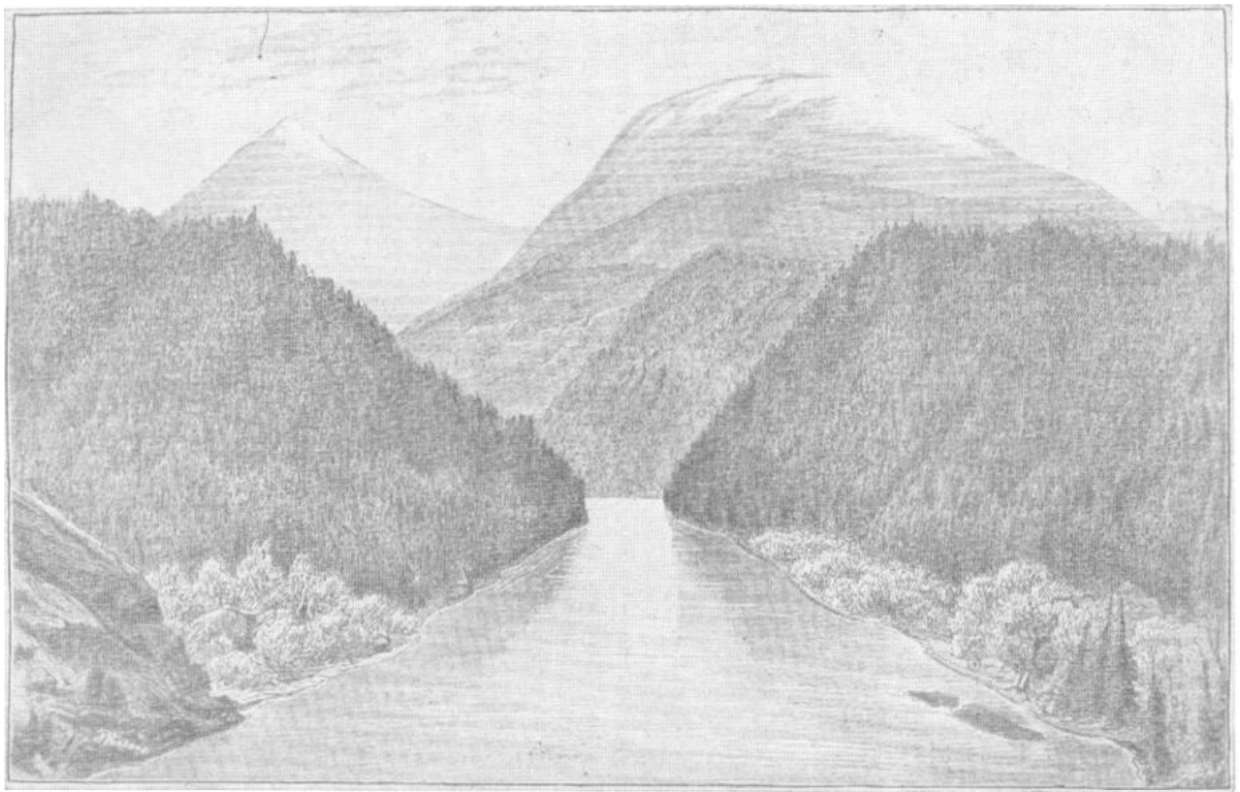

Таблица 1. Вид с берега Мраса на гору Одун

реже, лесной покров все ширится, исчезают зубчатые вершины, лесная растительность как бы подавляет их. Но вот река внезапно делает поворот, лес исчезает как по мановению волшебной палочки, река оказывается заключенной меж двух гигантских каменных стен, лишь на самом верху ее ограждает полоска деревьев. Каменные массивы поросли к тому же мхом — то красным, то желтым с светло-зелеными и серыми полосками и пятнами, что придает однотонному камню особую прелесть. Однако скоро лес опять побеждает, скалы совсем исчезают, но поверхность гор теперь покрыта черной пихтой и темным зелено-коричневым кедром. Вдали поднимаются все выше ряды черных пирамид и придают всему пейзажу мрачный, но величественный вид. Сквозь воздушную дымку окраска горных вершин, поросших лесом, становится по мере удаления все бледнее, все призрачней, и на горизонте виднеется лишь туманное серо-голубое нагромождение гор, на вершинах которых лежит тонкий слой вечного снега. Освещенный солнцем, он сверкает, как серебро. Чем дальше мы едем, тем темнее становится лес, покрывающий прибрежные горы. Нас окружает мертвая тишина, вся природа как бы укрыта черным погребальным покровом, а сверкающая полоска снега на вершине темной пирамиды горы Одун походит на серебряное украшение гроба. Но вскоре вокруг нас снова оказывается веселый, свежий весенний ландшафт. Так вот и сменяются картины, как в калейдоскопе, постоянно образуя разнообразнейшие сочетания. Как ни прекрасны эти прибрежные ландшафты Мраса, им недостает высшего творения природы — жизни. Природа хранит здесь свои чудеса в одиночестве — никогда не жили в этих краях люди, даже животный мир представлен здесь исключительно слабо. Крайне редко можно услышать здесь шорох пробирающейся меж деревьев пугливой лани или пение птицы. Лишь медведь крадется в одиночку по этим лесным зарослям, так как здесь он может вдоволь полакомиться ягодами, медом и кедровыми орешками. Поэтому медвежий рык — единственный живой звук, который часто раздается в безмолвной, тихой ночи лесных гор. Так и кажется, будто в этой изобильной природе растительная жизнь своей мощью подавила животную.

И все-таки во время этого путешествия еще раз подтвердилась пословица «За радостью горе по пятам ходит». От долгого сидения в лодке затекают конечности, солнце ниспосылает на нас свои жгучие лучи, и на воде пекло кажется еще сильнее. Но приходится все сносить спокойно, так как малейшее неосторожное движение может опрокинуть лодку. Как хотелось нам после первого дня поездки, чтобы в последующие дни небо оказалось покрытым тучами! И увы, желание наше исполнилось, и в последующие дни облака принесли нам дождь. Теперь нас

мочило не только сверху, но и снизу: лодка то и дело наполнялась водой, и нам приходилось по нескольку раз в день останавливаться, чтобы вычерпывать воду, наполнявшую лодку. Едва же мы, настрадавшись за день, причалили к берегу, как начались новые мучения: тысячи комаров окружили нас тучами и так искусали, что в считанные минуты лицо и руки покрылись лепешками волдырей. Даже мои туземцы, привыкшие к подобным мукам и физически столь выносливые, едва не обезумев от боли, катались по земле. Когда же потом ночью для комаров стало слишком холодно, началось еще худшее мучение: мелкие мошки, крохотные, как песчинки, мухи, забираются в рот, нос, уши, изводя скот и людей. От всех этих насекомых есть лишь одно средство — дым. Едва причалив и разместив в безопасном месте багаж, все проводники разбредаются в поисках гнилушек. Вокруг лагеря разжигают костры из больших куч гнилых веток и даже в палатках, тщательно подоткнув стенки под дно, раскладывают костры из гнилого дерева. Таким образом, ночь проводишь в сплошном дыму. Глаза горят и слезятся, непрерывно кашляешь, утром поднимаешься со страшной головной болью, но идешь уже на любые неприятности, так как они по крайней мере спасают от этой нечисти.

На следующий день около полудня мы добрались до большой речной препоны, о которой я слыхал уже и раньше как о самой большой помехе на пути. Прибрежные скалы вдаются здесь в реку, но власть времени и воздействие воды разрушили их, и могучие гранитные глыбы, меж которых, шумя и пенясь, мчится вода, покрывают все ложе реки. На лодке проехать здесь невозможно, багаж нужно перетаскивать поверху, по скалам, возвышающимся у берега, а лодки тянут вдоль берега на шестах и веревках. Лодочники уверяли, что длина опасной препоны здесь более пяти верст, и пытались уговорить меня переночевать по эту сторону от нее. Но так как было еще очень рано, я не последовал совету проводников, а велел немедленно переносить багаж. Закусив наспех, я и сам пустился в путь. Дорога здесь извивается вдоль берега меж огромных гранитных глыб. Нужно то прыгать с утеса на утес, то спускаться по отвесным стенам, то лезть по уступам на высокие скалы. Только поздно вечером после четырех-пятичасового марша, совершенно без сил, мы добрались до конца горного завала. Тем временем наши проводники доставили сюда лодки и часть нашего багажа, а сами возвратились за оставшимися вещами. К сожалению, наступила ночь и нам пришлось переночевать по ту сторону речной препоны без теплой одежды, еды, даже без огня. Для привала мы не нашли лучшего места, чем голый плоский выступ утеса, вместо подушек использовали свои седла. Голод, сырость и холод не очень-то способствовали сну. Ночью нас часто беспокоил медвежий рык.

Рано утром принесли еще часть нашего багажа, а к полудню наконец и остальное со съестными припасами.

Лишь на четвертый день нашего путешествия увидели мы на голых прибрежных горах поля, засеянные ячменем, в реке — рыбачьи сети и другие признаки близости человеческого жилья и вечером благополучно прибыли в улус Челей.

Таким образом, мы проехали по Мрасу расстояние в 100 верст и на всем этом участке не встретили ни следа человеческого жилища.

(3 июня.) Сегодня рано утром мы покинули улус Челей и поехали вверх по Мрасу до улуса Усмарга. Здесь для нас были готовы лошади, и поэтому мы поехали по проселочной дороге. Земля размокла от длительных дождей, и лошади часто падали. Багаж мой был невелик, и нам хватило бы восьми лошадей, но нам дали четырнадцать, так как на каждую вьючную лошадь сел проводник. Во второй половине дня мы добрались до улуса Карга.

(4 июня.) Снялись с места еще вчера. Несмотря на то что были лошади, я ехал, по совету татар из Карги, вверх по Мрасу еще 15 верст на лодке. Но до улуса Аккая (Белый утес) мы вчера уже не добрались, а заночевали в юрте у реки, примерно в пяти верстах от Аккая. Здесь долина Мраса населена более густо и кроме улусов по берегу разбросано много отдельных юрт. Берега реки приобретают здесь иной характер, чем до Карги. До Карги берега и вершины покрыты густыми порослями пихтового и кедрового леса, над которыми возвышаются гигантские голые скалы. От Карги берега Мраса и невысокие прибрежные горы покрыты густым сосняком. Оранжевые стволы более светлых сосен придают пейзажу свежесть и приятность, тогда как темный пихтовый лес вызывает ощущение подлинного покоя.

У Аккая были уже наготове лошади, присланные сюда из юрт, расположенных у Мраса. Дорога верст 25 шла по гребню гор правого берега. Вокруг густой девственный лес, крутые горы, отвесные склоны. Узкая тропа вьется меж густых зарослей кустарника. Гигантские повалившиеся стволы деревьев, тянущие к небу, как руки, свои голые ветви, могучие скалы, поросшие мхом и ползучими растениями, болота и водопады — таковы препятствия, то и дело преграждающие дорогу путнику. Лошади то оскользаются на гладких каменных площадках, то застревают в болоте и пробуют перескочить через ствол дерева, а если это не удается, приходится объезжать его и искать дорогу в чаще, где свисающие ветви до крови хлещут по лицу всадника. Но — как ни велики эти муки — красота окружающей природы не перестает восхищать нас. Исполинские пихты и кедры, прямые, как

свечи, уходят в небо. Темные ветви их часто покрыты сплошным налетом белого мха, и лучи солнца лишь с трудом пробиваются сквозь распростертую над нами крышу ветвей. Поэтому мы окутаны волшебным полумраком. Ноги по щиколотку утопают в свежих, зеленых травах и пестрых кустиках цветов, а ползучие растения обвиваются вокруг гладких стволов пихт, как бы связывая ветви деревьев с растительностью почвы. Всюду виднеются следы владыки здешних лесов — медведя (местные жители называют его *апшыйак* — старик). Тут он валялся на травяном покрове, там раскидал муравьиную кучу и разрушил постройки прилежных насекомых, чтобы полакомиться их яйцами. Сюда он ломился за ягодами, хватал своими могучими лапами довольно толстые стволы высоких кустарников и невысоких деревьев, выворачивал их, как ивовую ветвь, и пригибал книзу, и теперь надломленные ветки дерева печально свисают над дорогой. А когда поднимаешься на вершины гор, лес редеет и открывается чудесный вид на Мрас, с шумом несущийся внизу меж прибрежных гор.

К полудню мы добрались до улуса Кызылкая, и, так как мне здесь надо было поработать, мы уехали из него только под вечер.

Мы перебрались на лошадях через реку Псас недалеко от ее впадения в Мрас, отсюда мы поднялись на вершину горного хребта. Наступила ночь. Дорога вела сквозь густые лесные заросли. Нас окружала тьма, так как лунный свет не мог пробиться сквозь полог ветвей. Только стук лошадиных подков и монотонная песня проводников нарушали полную тишину ночи. На вершине лес поредел, и кое-где в ярком лунном свете открылась перспектива. Вокруг вздымались горные великаны, в мягком лунном свете они легкими линиями обозначились на горизонте. В долинах была непроглядная ночь, так как от рек поднялись мощные облака тумана, заполнившие до краев всю котловину. В полночь мы прибыли к улусу Таяш, расположенному на горном гребне недалеко от берега реки Псас.

(5 июня.) От Таяша лесов меньше. Горы становятся более низкими и округлыми. Здесь уже есть просторные луга, и местные жители имеют возможность содержать многочисленные стада крупного рогатого скота. После Александровской золотомойки мы добрались до реки Кондома. Ее прибрежные горы невысоки. Долина Кондомы производит весьма приятное впечатление — она свежа и разнообразна, чего не увидишь в черни. Гряды холмов то покрыты березами, осинами, тополями, елями и соснами, то их склоны — безлесные, поросшие густыми травами. Долина реки широкая, местами заросшая густым лозняком.

(8 июня.) 6-го я приехал в Спасскую золотомойню и задержался здесь до сих пор, чтобы отдохнуть от превратностей пути и привести в порядок мои записи.

Старая золотомойня, где до сих пор живет большинство рабочих, расположена в довольно широкой долине Кондомы. В ней сотня домов, образующих длинную — от дома управляющего до реки — улицу; все это производит весьма приятное впечатление благодаря чистоте и прекрасному расположению этого местечка. Оно лежит в котловине, окруженной невысокими горами, их округлые вершины образуют волнообразную цепь. В самом Спасском сейчас довольно безлюдно, так как из-за малых доходов работы прекращены. В Александровской золотомойне, где работы были прекращены уже давно, теперь обнаружили новые золотоносные жилы и моют уже всю весну. Для рабочих этой новой золотомойни крайне неудобно, что они живут в Спасском, им приходится пешком проделывать долгий путь из Спасского в Александровский — 30 верст. А переселиться в Александровский они не могут, так как все жилые здания там разрушились и непригодны для жилья.

Общее количество золота, намытого в районе Спасской золотомойни за 1842—1860 гг., составляет 69 пудов 15 фунтов 2 золотника 2 доли.

(9 июня.) Уехал из Спасской золотомойни, и притом на телеге. За Спасским снова начинается чернь, и видно, как на юге все выше громоздятся темные горы. Дорога была плохая, так как сообщение с золотомойней Коаран после приостановления работ совершенно прекратилось. В Коаран мы приехали после полудня. Дальше на телеге было уже не проехать. Пришлось сесть на коня. Дорога шла по густой черни, такой же как описанная мной у Мраса. Мои проводники называли горные массивы, вздымающиеся на юго-востоке, Абаканским хребтом. На юго-западе видна еще одна гряда — она тянется к Телецкому хребту. Дорога была хоть и широкая, но очень плохая. Дождь, непрерывно идущий уже несколько недель, размягчил почву и превратил в болото эту дорогу, движение по которой никогда не прекращается. Мы продвигались медленно, так как на каждом шагу ноги лошадей застревали в почве. Это было тем более неприятно, что после обеда все время шел сильный дождь. Поздно вечером добрались мы до этапа (21 верста) — дома, построенного здесь управлением золотомойни. Такие этапы содержат на всех дорогах, ведущих к казенным золотомойням, они служат станциями для разъезжающих по делам золотомоен. Поэтому на каждом из этих этапов имеется некоторое число казенных лоша-

дей. Таких этапных путей в зоне Томи и Кондомы три: 1) от Бийской дороги через Спасский на Царево-Александровский; 2) от Кузнецка вдоль Томи на Царево-Николаевский; 3) от Кузнецка вдоль Усу к золотомойне Царево-Мариинск. Раньше этапная дорога шла от Царево-Николаевского вдоль Мраса.

Здешний этап состоит лишь из одного маленького домика, на вид очень уютного.

(10 июня.) После дурно проведенной ночи (не давали спать насекомые) мы очень рано пустились в путь и к полудню были уже в Бийской золотомойне на речке Андаба; она тоже давно уже заброшена, живут только в этапном домике. Не останавливаясь, я поскакал дальше и вечером прибыл в Царево-Александровскую золотомойню, расположенную в 20 верстах. Дружески встречен знакомым мне управляющим Кулибиным. Характер ландшафта у Царево-Александровского не изменился. Повсюду густая, почти непроходимая чернь. Непрерывно поливавший нас дождь помешал нам увидеть что-либо вдали.

(12 июня.) Всякая такая золотомойня составляет свой особый мирок. Окруженная со всех сторон лесистыми горами, она отрезана от живого сообщения с внешним миром. Почта приходит только раз в неделю, да и то лишь в летние месяцы, в другое же время года месяц может пройти, пока жители золотомойни снова получат весточку извне. Здешняя золотомойня представляет собой довольно значительное поселение на правом берегу речушки Кончак. Оно гораздо больше Спасского. С вершины прибрежной горы открывается вид на весь поселок, расположенный у ее подножия и тянущийся почти до самой реки. Вокруг поселка высятся темные лесистые горы, как бы непреодолимой стеной окружающие эту яркую, веселую долину.

Управляющий золотомойней и врач всего района казенных золотомоен, живущий тут же, ведут здесь в одиночестве весьма сносную жизнь. Эти люди, предоставленные лишь самим себе, сумели довольно уютно устроиться. Они наполнили свою жизнь столь разнообразными развлечениями — музыкой, чтением, садоводством, охотой, рыбной ловлей,— что вряд ли ими часто овладевает скука, по крайней мере летом; зимой же, когда глубокие снега приковывают их к домам, иногда бывает, наверное, невыносимо тоскливо.

Жизнь рабочих золотомойни течет однообразно из года в год. Две недели работы и неделя отдыха. Питаются они, по местным условиям, хорошо, так как получают много муки и мяса (последнее — часть года в сушеном виде). Здесь царит, разумеется,

строгая дисциплина. Каждый рабочий получает ежедневное задание, если же он работает больше или в свободные дни, то это оплачивается особо. Тяжелая работа, скука смертная в свободные от работы дни и нехватка женщин ведут к сильному отупению и большой аморальности среди рабочих, и тяжкие преступления, совершаемые лишь от скуки, здесь не в диковинку. Вот, например, два случая:

Несколько месяцев назад молодая женщина взяла с собой в баню двухлетнего ребенка соседки, которого она очень любила, и там перерезала ему горло. Пойманная на месте преступления, она тут же призналась во всем и как причину преступления указала то, что ее давно уже не покидала мысль убить какого-нибудь ребенка, да только не представлялось удобного случая. Других причин для убийства у нее не было. Несколько недель назад здесь был убит человек. В убийстве заподозрили двух горнорабочих. Их посадили в разные тюрьмы и добились у одного следующего признания: его жена состояла с убитым в преступной связи, и поэтому он решил убить его. Но так как тот был высоким и сильным, а он маленького роста и слабым, он попросил своего друга убить за него его врага, и тот с готовностью оказал ему эту услугу и преданно помог в исполнении задуманного.

Сегодня, в первый день троицы, рабочим выдавалась водка, но только в лавке золотомойни, где они и должны были выпить ее. Несмотря на запрет чиновников уносить водку домой, это все-таки случилось. А кроме того, рабочие добыли водки еще, так что большинство напились и вечером с песнями и криками шатались по улицам. Когда же стемнело, жители собрались на улице у больших костров. Золотомойня, освещенная полусотней таких костров, являла весьма своеобразное зрелище.

На частных золотомойнях население еще более безнравственно, чем на казенных. На казенных рабочие постоянные, а на частных собирается всевозможный сброд, и средь него немало сосланных преступников. Вследствие этого на частных золотомойнях совершаются страшнейшие преступления.

Утром на третий день троицы я посетил работы, которые ведутся у самой золотомойни. Они на самом деле очень значительны и свидетельствуют об энергичности руководства.

Вода речки отведена в новое русло, а сделанный из досок лоток для воды ведет по бревенчатому настилу к колесу машины. Количество воды, приводящей колесо в движение, может регулироваться точнейшим образом с помощью своеобразного шлюзового сооружения.

Машина устроена удобно и практично. По обе стороны водяного колеса имеются круглые углубления аршина в три диаметром. В них ссыпается вырытая земля, доставляемая сюда на тач-

ках. Вертикальный стальной стержень, на конце которого укреплено множество горизонтальных лопаток, вращается вокруг своей оси, перемешивая землю, засыпанную в углубления. На дне углублений есть металлическая плита с отверстиями диаметром в полдюйма, а сверху льется сильная водяная струя, смывающая в отверстия землю и мелкие камешки и отделяющая более крупные камни, которые отгребают мотыгообразными орудиями и убирают прочь двое рабочих, специально приставленных к каждой яме. Смытый в отверстия более мелкий грунт попадает в промывальню, на очень гладкий, слегка наклоненный вперед дощатый пол длиной в аршин и шириной в два аршина, сзади и с боков окруженный бортиком высотой в два-три дюйма. В передней же его части имеются два поперечных желоба глубиной в четверть дюйма. Снизу к этому дощатому полу приделаны еще две-три наклонные ступени в аршин длиной с такими же поперечными бороздками. На этой промывальне с каждой стороны поставлены двое-трое рабочих, которые осторожно дощечками, прикрепленными к длинным шестам, разгребают попавшую в промывальню землю, чтобы вода унесла с собой мелкие частицы, а крупные камни оставила. Их убирают стоящие по обе стороны рабочие. Тяжелый золотой песок, который при таких манипуляциях оседает на гладкой деревянной поверхности, скапливается в бороздках, и после удаления всей земли и камней его собирают. Промытый песок попадает в лотки на нижнем конце промывальни и промывается еще раз. Очень удобен надзор за промывальней. Меж двух промывален под самым водяным колесом устроен навес, где есть скамья, с которой можно легко следить за обеими промывальнями. В среднем 100 пудов земли содержат здесь 2 золотника золота.

(13 июня.) Пообедав, я покинул Царево-Александровский и вернулся к Бийской золотомойне. Не доехав до нее версты полторы, мы повернули на запад от речушки Андаба и поехали вдоль нее до Лебеди, потом по левому берегу Лебеди мы поскакали до речушки Улбас, верстах в 35 от Царево-Александровского. У Андабы были приготовлены мне три лошади. Багаж мой еще утром был доставлен к Улбасу. Берега Лебеди уже не похожи на чернь, это скорее невысокие гряды гор, поросшие, как и долина, березняком и осинником. В самой долине, кроме того, часто встречается серо-зеленый ивняк. У Улбаса я нашел первый улус лебединцев.

(14 июня.) С восходом солнца я покинул Улбас. Дорога верст на двадцать шла вниз по Лебеди. Долина реки очень

широка, и всюду прекрасные луга, по которым течет широкая, но очень мелкая река. Так как луга прерываются болотами и зарослями густого ивняка, а сама река очень извилиста, мы переезжали ее на лошадях не менее десяти раз. Лишь в одном месте переправа оказалась опасной. Несколько наших лошадей потеряли брод и вместе с багажом очутились в реке, так что должны были вплавь добираться до берега. Еще до полудня мы достигли юрт, разбросанных по берегу. В целом Лебедь населена мало. Мне объяснили это обстоятельство тем, что с постройкой Царево-Александровской золотомойни у жителей было отнято много пастбищ, и значительная часть местного населения покинула Лебедь. Хотя уровень воды был очень низким, мне посоветовали все-таки продолжить мое путешествие по реке. Для этого сколотили из досок плот, на котором поставили мою палатку. В задней части на доски насыпали слой земли и на ней развели костер. Команда плота была из шести человек.

(16 июня.) Сначала река была очень мелкой и плот много раз застревал, и лишь ценой больших усилий удавалось снять его с мели. Потом река стала глубже. Поездка чужеземца воспринималась здесь как настоящий праздник, почти все мужское население провожало нас какое-то время по берегу. Как только плот останавливался, эти люди въезжали на лошадях в воду и с песнями и радостными возгласами трудились до тех пор, пока не снимали в очередной раз плот с мели. Чтобы облегчить плот, наш багаж везли десять верст на лошадях и лишь потом погрузили его на плот. Теперь провожавшие нас всадники простились с нами. Течение реки Лебеди в разных местах неодинаковое, часто оно едва заметно, и плот нужно отталкивать шестами, но там, где мелко, река очень бурная и много водоворотов. Долина реки довольно разнообразна, хотя в целом характер ландшафта почти не меняется. Долина то широка и покрыта нетронутыми лугами, то она сужается, становится лесистой, поросшей березой, ивой и осиной. Затем опять встречаются места, где прибрежные горы — то покрытые растительностью, то спадающие отвесно вниз голыми скалами — близко подходят к реке. Пихты и кедры встречаются редко. Лишь иногда выглянет такой темный лесной великан из беловатого лозняка или светло-зеленых берез. Краски и оттенки местного ландшафта чарующе прекрасны: серебристо-белые воды реки обрамлены бледно-зеленым лозняком, за ним — сверкающая зелень лугового ковра, на прибрежных холмах высятся светло-зеленые березы, а вдали уходят ввысь темные горы черни.

Проехав около 24 верст, мы сделали остановку и привязали плот у берега. Но едва мы улеглись, как в ближних кустах раз-

далось страшное рычание. Татары в страхе закричали: *айыг*! *айыг*! (медведь!), и я сразу понял, с кем мы имеем дело, и выстрелил несколько раз из ружья, к тому же громкий лай моей охотничьей собаки, сопровождаемый криками и свистом татар, нагнал на Топтыгина страху, и он живо убрался. Мы отчетливо слышали треск хвороста под его лапами.

(17 июня.) На следующий день мы ехали без помех от восхода солнца до позднего вечера и достигли устья речушки Тогул. Здесь течение Лебеди столь быстро, что наш плот выбросило на противоположный берег. После долгих хлопот моим людям удалось причалить к левому берегу против впадения Тогула. Здесь есть этапный домик на пути, по которому зимой доставляют провиант в Царево-Александровский.

(19 июня.) Во время всей нашей поездки по Лебеди и еще весь вчерашний день была очень дождливая погода. Лишь сегодня к полудню небо прояснилось. Мы покинули юрты Тогула, сели на лошадей и повернули от Лебеди прямо на юг, к верховью Бии. С вершины горного хребта открылся чудесный вид на Тогул, который извивается по обширной, пышно поросшей лугами долине. По ту сторону Лебеди поднимается высокий горный хребет, то покрытый лесом, то мягко вздымающий к горизонту голые вершины. Чем больше мы удалялись от Лебеди, тем гуще становился лес. Через несколько верст мы добрались до первой юрты черневых татар [14]. Растительность здесь такая же пышная, как и у Мраса. На опушке леса так высоко и густо разрослись сочные кусты травяных растений, что из их толщи выглядывают лишь головы лошадей и всадников. И все-таки это еще не настоящая чернь, какую я имел возможность видеть у Мраса. Преобладают все еще осины и березы. Горы нарастают к югу и закрывают перспективу. Отчетливо видно, что два основных горных хребта тянутся на юг, на запад уходит горный хребет, сопутствующий Бие, а на восток — еще один, образующий водораздел между бассейнами Томи и Бии. Эта местность, кажется, особо богата птицами; несметные стаи их носятся здесь по воздуху. Богаты здешние леса и дичью, особенно много глухарей и тетеревов. Первую половину пути была прекрасная погода, а дальше уже пошло не то. Небо заволокло черными тучами, и последние десять верст мы ехали под самым настоящим проливным дождем. Характер леса несколько изменился — большие участки были покрыты здесь ельником и сосняком.

(20 июня.) 20 июня мы покинули улус Кюзён и отправились на юго-восток, следуя в некотором отдалении течению Бии.

На вершинах — пихтовый и кедровый лес, в долинах — березовый и сосновый. На Алтае сосна встречается изредка — свидетельство высокого положения местности. Бунге, обращая на это наше внимание, считает, что наличие сосновых и еловых лесов в долине Чолышмана является свидетельством довольно низкого положения этой местности по сравнению с остальным Алтаем. Но наличие сосновых лесов не всегда может служить признаком низкого положения местности, так как в верховьях Мраса или Бии они встречаются в довольно высоких районах, а вот на Лебеди их нет, хоть она и расположена ниже. Дорога несколько раз поднималась на вершины горного хребта на правом берегу Бии и спускалась до самого берега реки. И долго еще видели мы, как гигантский речной поток пробивает себе путь по заросшей густым лесом долине меж огромных гор — величественное зрелище! Дорога была плохая и болотистая.

Чтобы побывать у одного знаменитого певца, я поехал не прямо в миссию у Кебизена, по самому короткому пути к Телецкому озеру, а повернул восточнее, в горы. Здесь были разбросаны юрты тёлёсов. Мы разбили наш лагерь в прекрасно расположенной местности. Далеко в необозримую даль уходили, будто волнующееся море, пологие округлые горные цепи, а за ними на горизонте вздымались мощные вершины горной цепи у Телецкого озера. Все ближайшие склоны покрыты чернью, и лишь на переднем плане были голые светло-зеленые холмы, на вершинах и склонах которых разбросаны, словно пестрые пятна, пашни татар. На закате солнца все вершины сияли розовым светом, а складки долин были уже окутаны ночной мглой. Казалось, ночь, таящаяся в долинах, борется с днем, который господствует уже только на вершинах, и шаг за шагом она поднимается выше, по мере того как убывает свет заходящего солнца.

(22 июня.) Как и вчера, мы ехали вверх по Бие. Здесь нам снова встретились берестяные юрты. Мы переехали на лошадях через две речки — Тонгошты и Толой и после обеда достигли миссии, расположенной у устья Кебизена.

(23 июня.) Рано утром я выехал из миссии на реке Кебизен. По ту сторону реки находится равнина протяженностью в 6—7 верст, редко где возделанная. Когда мы проехали эту долину, дорога стала извиваться и петлять между большими каменистыми скалами и густым кустарником до самого гребня хребта. Почва была очень мягкой и из-за непрерывных дождей превратилась в болото. К трем часам мы достигли наконец юрты зайсана Орошока, расположенной примерно в полутора верстах от берега Телецкого озера.

Когда дождь кончился, я выехал из юрты зайсана и в сопровождении 15—20 татар поскакал к Телецкому озеру. Великолепная картина: среди огромных лесных массивов прибрежных гор неслась вдаль уже весьма значительная здесь масса воды. Темная зелень гор к горизонту постепенно переходила в серый цвет, а на заднем плане серебристо-серым облаком, нижний край которого сливался с белой, сверкающей поверхностью воды, возвышался могучий Энгильген. На берегу озера стоит сарай, в котором местный купец хранит свои рыболовные снасти и лодки.

(24 июня.) В мои планы входило пересечь Телецкое озеро вдоль, с севера на юг, и для этого я арендовал лодки у купца, который занимается здесь рыболовством. Эти лодки гораздо больше обычных татарских. На каждой была команда из трех человек и провиант на шесть дней: хоть наша поездка была рассчитана на 90—100 верст, из-за бурь часто случаются длительные задержки.

В том месте, где мы находимся, Телецкое озеро изгибается и поворачивает сначала к востоку. Здесь оно неширокое, не шире полуверсты. Прибрежные горы высокие, отвесные и поросли чернью. Около четырех часов гребли мы по левому берегу и миновали устья рек Ойор, Умсер и Ургё. Переехав Умсер, мы обнаружили отдельные юрты черневых татар. Тут небо заволокло тучами и над нами разразилась гроза, за которой последовал затяжной дождь. Постепенно стемнело, и местность лишь время от времени освещалась моментальными молниями. Долгие раскаты грома прокатывались меж высоких горных склонов, будя эхо. Так как дождь становился все сильнее и нам очень мешала накапливающаяся в лодках вода, я велел пристать к берегу, где мы нашли хоть какую-то защиту под ветками кедров и меж скал.

Постепенно гроза утихла и небо прояснилось. Пришлось заново перекладывать груз в лодках, так как багаж наш промок насквозь. Приведя все в порядок, мы продолжили наше путешествие и повернули на восток. По мере нашего продвижения вперед лес на прибрежных склонах все редел и время от времени стали появляться отвесные скалы. Между реками Ургё и Ченченек северный берег чуть ли не сплошь состоял из скал. Из-за их цвета местные жители называют их Аккая (Белая скала). После Ченченека мы оставили северный берег и повернули к югу. Переезд по озеру продолжался довольно долго, так как его ширина здесь по меньшей мере три версты. Когда мы достигли противоположного берега неподалеку от впадения реки Кондор, было уже совсем поздно, мы стали искать место для ночевки. Мне построили здесь шалаш из ветвей, который защи-

щал по крайней мере от дождя, а наши лодочники тотчас принялись ловить рыбу на ужин. И хоть сеть у меня была лишь короткая, они быстро наловили вполне достаточное для еды количество красивых серых рыб, которых татары называют *кызык*, а русские — телецкой сельдью. Кызык — очень вкусная серебристо-серая рыба длиной около десяти, а шириной в два-три вершка. По форме она похожа на байкальского омуля. Татары уверяли, что это первые кызыки, которых они выловили в этом году. Кызык появляется в огромных количествах чаще всего в начале июля. К этому времени сюда приезжают на рыбный промысел купцы. Рассказывают, что в прошлом году купец Четин из Улалу наловил здесь 80 пудов кызыка. И татары стекаются в это время со всех сторон к озеру и заготовляют рыбу на зиму. Русские солят рыбу, а татары сушат ее на воздухе. Кроме кызыка в Телецком озере водятся следующие виды рыб: харпус, таймень (который, говорят, в южной части попадается огромных размеров), щука и лещ.

(25 июня.) Объехав гору Болджор, мы увидели, что озеро здесь совершенно меняет свое прежнее направление и под прямым углом поворачивает на юг. Здесь ширина его гораздо больше — четыре версты в самом узком месте. Прибрежные горы по обоим берегам становятся все выше и уже не тянутся симметричными цепями, а принимают самые причудливые формы и часто на целую версту вдаются в озеро. Нам нужно было переехать здесь через озеро, что небезопасно, так как для этого требуется не менее часа времени, и, если за это время разразится шторм, мы подвергнемся смертельной опасности. Я видел, как лодочники, когда мы начали переправу, клали поклоны, повернувшись к югу, брызгали водой в воздух и бормотали молитвы. Мне объяснили, что они просят благословения отца горы Алтынтаг (Золотая гора) и его помощи при переправе, ибо, если он нашлет ветер, мы погибли.

С середины озера открывается широкий вид на юг. Расстояние так велико, что горы на южном берегу озера совсем исчезают в тумане. Когда же мы наконец добрались до восточного берега южнее реки Кёргюрёк, характер прибрежных гор совершенно изменился. Вместо черни с ее пихтами и кедрами началась теперь *тайга* (скалистые горы). Лишь расселины скал были покрыты иногда узкими полосками леса. По берегу и ущельям тянулись светло-зеленые лиственницы, березы, осины, а кое-где сосны и пихты, придавая прибрежным горам особенно свежий вид. Скоро мы достигли устья Аюкечпес (Медведь не перейдет). Говорят, что причина этого названия реки в том, что медведи, которых здесь, на севере, особенно у Канмы, великое множест-

во, редко переходят эту реку, так как в *тайге* для них гораздо меньше корма, чем в *йыше* (черни). За рекой Адамыш мы сделали часовой привал на обед. Прибрежные горы здесь почти всюду отвесно уходят в воду, так что с трудом можно найти место для причала. Дальше на юг прибрежные горы Чаяк-Пакты и Сёлёк (на восточном берегу) были уже почти голыми, они покрыты лишь травой да валунами. Горный массив Чаяк-Пакты поднимается отлого, а Сёлёк — почти вертикально. Деревья здесь растут лишь у самой воды. Насколько можно различить с западного берега, восточный сохраняет тот же характер. До впадения Кёкшю вид на южный берег озера закрыт выступающим горным массивом Каракорум (Черный горный обвал), но, как только минуешь устье Кёкшю, открывается перспектива на юг и на горизонте появляются могучие вершины Алтынтага и Акташа, возвышающиеся по обе стороны устья Чолышмана. После Кёкшю опять появляются поросшие лесом прибрежные горы. Голых отвесных скал становится меньше.

К вечеру мы достигли устья Толыша, где увидели первые юрты двоеданцев. Здесь самое узкое место озера, и отсюда явственно видно, что и на том берегу чернь кончилась и горы там тоже покрыты лиственничным лесом.

Вечер был чудесный. На небе ни облачка. Двоеданцы вышли из своих юрт, спустились к берегу и собрались вокруг нашего костра.

(26 июня.) Рано утром мы двинулись дальше по восточному берегу. Сначала он скалистый. Мне сказали, что этот горный массив называется Артал. За Арталом восточный берег опять становится лесистым, приобретает округлые очертания и наконец окончательно утрачивает скалистый характер. Говорят, что на вершине хребта стоит много юрт. У горы Пеле мы расстались с восточным берегом и, так как погода была очень благоприятной, поехали на лошадях прямо на юг, в объезд озера. От Каракорума западный берег гораздо круче, чем восточный. Повсюду громоздятся массивы скал, на их вершинах лежит вечный снег. Но самые высокие горы расположены у устья Чолышмана и называются Акташ (Белый камень) и Алтынтаг (Золотая гора). Алтынтаг называют также Отцом гор и озер. Этой горе оказывают особое уважение и почтение: никто еще до сих пор не смог достигнуть ее вершины. Все, кто делал попытки взойти на нее, погибали, так как, говорят местные жители, бог не хочет, чтобы поднимались на Золотую гору.

Около трех часов пополудни мы добрались до устья Чолышмана (высота, по Калнингу, 399,2 м). Эта река многочисленными рукавами впадает в Телецкое озеро, ширина долины у ее

устья — не менее версты. После длительного путешествия по воде прекрасная долина Чолышмана производит на путешественника весьма приятное впечатление.

С обеих сторон она окружена отвесными скалами, вершины которых почти сплошь покрыты снегом, но меж этих неуютных каменных стен раскинулся великолепный ковер лугов, сверкающий свежей майской зеленью. А по нему извиваются, петляют широкие рукава Чолышмана, с их берегами, густо поросшими соснами, тополями и осинами.

Когда Риттер предсказывает Телецкому озеру богатое будущее, когда он представляет себе его берега покрытыми селами и городами, а воды — кораблями ведущих торговлю береговых жителей, то все это фантазии, которые вряд ли когда исполнятся, ибо нигде нет места для пристаней и бухт, нигде не сыскать ровного берега, на котором могла бы поместиться хоть крохотная деревушка. Озеро в своем каменном котле до сих пор было исключено из цивилизации и, видимо, навсегда останется чуждым ей. Единственное место на побережье, которое допускает более плотное население,— это устье Чолышмана. Чолышман уже и сейчас густо населен. Мы встретили войлочные юрты уже в пяти-шести местах. На лугах пасутся многочисленные стада. Недалеко от устья Башкауса (*паш-кёбюзи* — «имеющая много источников») нам пришлось остановиться, так как настала ночь. (Калинин определил высоту этого места в 418,3 м, а озеро Джулукёль, из которого Чолышман берет свой исток, по Калинину, расположено на высоте 2293 м, высота Курайских гор — 2574 м, исток Башкауса — 1789 м.)

(17 июля.) От устья Чолышмана мы отправились сегодня к устью Чюльчё. Примерно через две версты мы добрались до устья Башкауса. У этой реки здесь очень быстрое течение, и переправа через нее на лошадях чревата опасностью. По ту сторону Башкауса ширина долины Чолышмана все время меняется, так как прибрежные скалы во многих местах очень близко подходят к реке. Во второй половине дня мы разбили палатку у устья Чюльчё.

(24 июля.) Во время нашей поездки к китайской границе воды Чолышмана из-за затяжных дождей поднялись так высоко, что у Чюльчё его было не переехать на лошадях. Поэтому мы продолжили путь по правому берегу. Прибрежная долина была здесь очень узкой, а почва покрыта чаще всего галькой. Миновав большой обвал, доходивший до берега реки, мы обнаружили маленькую полусгнившую лодку, на которой переправи-

лись через реку. Так как переправа проходила очень медленно, мы смогли добраться до устья Башкауса лишь в три часа пополудни. У Башкауса мы тоже нашли две маленькие лодки, на которых переехали через реку. Переехать на лодке через стремительный Башкаус труднее, чем через Чолышман. И наша переправа тоже не обошлась без происшествия: лодки опрокинулись. И лодочников, и наш багаж отбросило водоворотом к берегу, но находившиеся на берегу люди спасли их. Переправившись через Башкаус, мы проскакали еще 6—8 верст и заночевали в прибрежном лесу в нескольких юртах.

(25 июля.) Так как был уже конец июля, я предпочел возвратиться по проселочной дороге, которая идет западнее Телецкого озера. Мы снялись с места в десять часов утра при прекрасной погоде. Так как багаж мой намного уменьшился, нам хватило восьми лошадей и трех проводников. Мы запаслись провиантом на несколько дней; к сожалению, не удалось достать соли.

Южнее речушки Ачыман мы поднялись на горы левого берега Чолышмана. Скала вздымается здесь почти вертикально, и тропа шириной в несколько футов ведет вверх по ее ущельям и расселинам, извиваясь и петляя. Сначала скала образует несколько террас, поросших густыми березовыми и осиновыми рощами, но потом лес кончается и из расселин в скалах выбивается лишь низкий кустарник. Дорога становится здесь такой крутой, что лошади, тесно прижавшись к каменной стене, с трудом взбираются на каменные площадки. Одна лошадь скатилась вниз саженей на три и так повредила себе ногу, что пришлось оставить ее. Подобным образом мы поднимались в гору около двух часов, а потом отдохнули полчаса на большом каменном карнизе. Глазам нашим открылся прекрасный вид: прямо под нашими ногами была теперь свежая зелень долины Чолышмана с ее густыми прибрежными лесами, через которые змеей пробивалась река. Двумя гигантскими каменными столбами высились с обеих сторон прибрежные горы, и сквозь арку, образованную ими, мы увидели уходящую вдаль водную гладь Телецкого озера. За ним, слегка подернутые дымкой, высились террасами исполинские горные массивы восточного берега; высочайшие вершины их сливались с голубизной неба.

Здесь, на высоте, есть уже первые признаки черни. Из щелей повсюду растут темные пихты, их корни обвивают снаружи гигантские скалы. Дорога стала тут менее крутой, но была очень узкой и не менее тяжелой из-за каменного грунта. Еще час мы пробирались меж скал на конях, прежде чем достигли речки Ачыман, и еще часа полтора ехали по ее течению.

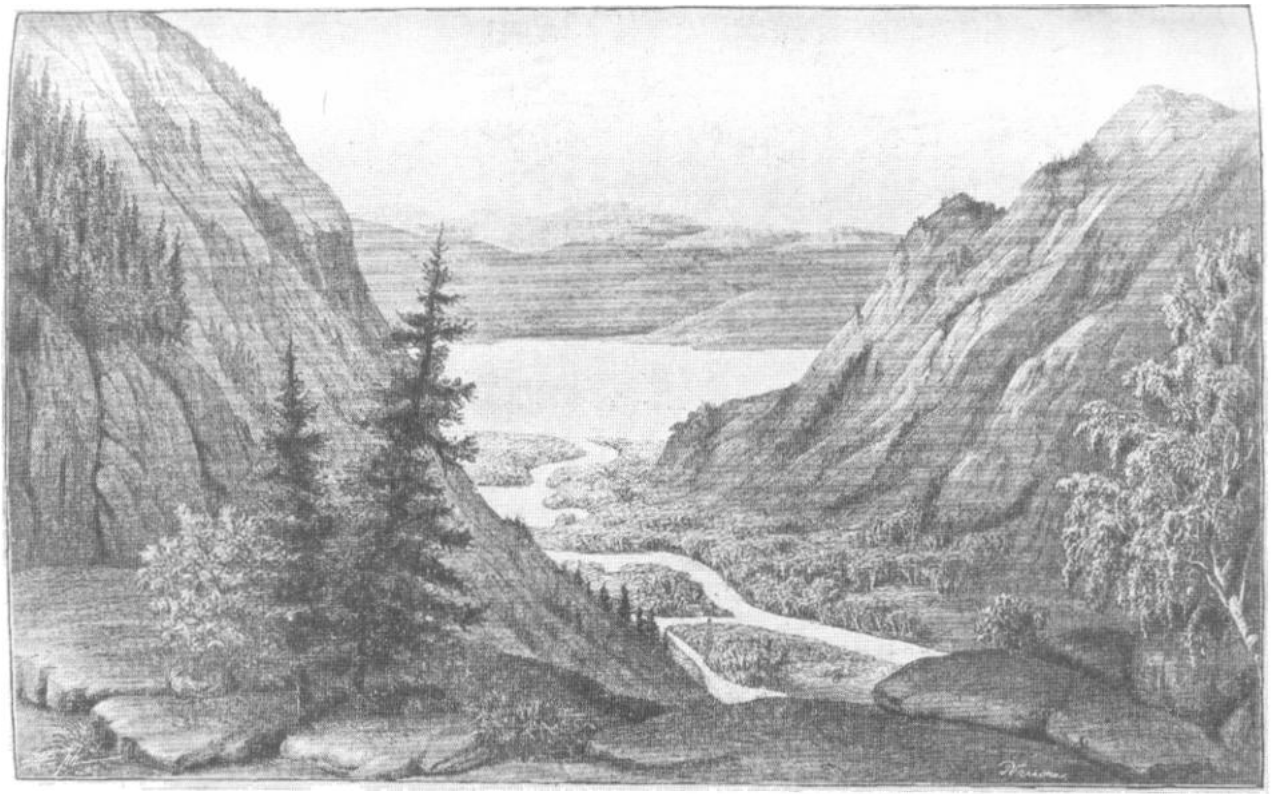

Таблица 2. Вид на Телецкое озеро и устье р. Чолышман

(26 июля.) Теперь мы опять находимся среди густой черни; нас окружает высокий пихтовый и кедровый лес, а земля покрыта буйными травами и цветами. Сегодня мы оставили Ачыман и повернули на запад, к горным вершинам, которые становились все выше. И чем выше мы поднимались, тем реже становился лес: пихты исчезли, а кедры стали ниже и были искривлены. На высоте почва стала опять болотистой, а лес совсем исчез. С самой высокой вершины гребня мы могли обозревать все окрестные горные цепи. На юг тянется горный хребет, окаймляющий реку Башкаус, с высокими снежными вершинами, а на северо-восток простирается горный хребет, окружающий Телецкое озеро. Отсюда видно, что к северо-западу горные цепи все понижаются. Вершины их здесь чаще всего волнообразно округлены, а зубчатые исчезли.

На вершине хребта нас застал сильный ливень. Спустившись по противоположному склону, мы вскоре опять оказались в кедровом лесу и вступили в речную систему Бижи. Сначала мы ехали параллельно речке Аба до ее впадения в Шили, потом — по Шили до впадения в нее реки Актыра, далее поднялись вверх по ее течению. Затем мы пересекли горную цепь между Актырой и Тёлю (тоже приток Шили) и отсюда уже, не спускаясь ни к одной речке, ехали по ходу горного хребта и опять поднялись по нему на большую высоту. Вечером мы добрались по горному хребту южнее Бижи к довольно большому плато, на котором не росло ни одного дерева. Сегодня нам было уж не добраться до Бижи, и поэтому мы остановились здесь на ночевку. Поблизости не было ни одного ключа, пришлось пользоваться водой из дождевой лужи.

(27 июля.) Мы снялись с места очень рано. Погода была неблагоприятной, шел очень сильный дождь. Спуск к реке Бижи при такой погоде был сопряжен с большими трудностями. Дорога ужасающе заросла кустарником и мелкой порослью, нужно было пробираться то по склонам скал, то по болотам. По обе стороны Бижи тянутся невысокие, поросшие лесом горные хребты, которые отвесно спадают к реке на правом берегу, а на левом, наоборот, несколько дальше отступают от нее. При такой плохой погоде мы продвигались вперед очень медленно, и пришлось заночевать, не добравшись до жилья черневых татар.

(28 июля.) По маленькому притоку Бижи мы снова поднялись к горному гребню. Дорога была ужасная: густой лес, болота и каменистые топи. Вчера кончилось у нас мясо, и мы стра-

дали от голода, так как утром выпили только чаю. Поэтому мы ехали без остановок. Чтобы вернуться к Бижи, нам пришлось преодолеть четыре или пять каменистых гряд, покрытых густым первобытным лесом. Здесь мы подкрепились смородиной, так как вся гора густо покрыта кустами смородины и великолепные ягоды свисают тяжелыми гроздьями с ветвей.

С высоты гребня последней горы мы увидели у своих ног долину Бижи. На берегах реки было много юрт, видны были сенокосные луга и пашни. К четырем часам пополудни мы добрались до первой юрты и подкрепились кашей из ячменной муки, которая нам очень понравилась. Так как было еще рано, мы поскакали дальше. Верст через пять мы переехали на лошадях очень широкую и быструю Бижи и поздно ночью прибыли в большое татарское село. Характер долины реки здесь совершенно изменился, чернь исчезла, вдоль реки тянутся просторные луга. Эта местность густо населена, чуть ли не каждые две-три версты нам встречались небольшие деревни. Жители бедны, скота содержат мало и живут только земледелием.

(29 июля.) Сегодня мы следовали течению реки Ульгён. В ее долине уже нет и следа черни. Вдоль реки тянется березово-осиновый лес, перемежающийся свежими, зелеными лугами. К полудню мы добрались до маленького поселения ясачных крестьян и крещеных татар. Эти люди очень зажиточны, и дома их в прекрасном состоянии. Занимаются они здесь земледелием и пчеловодством. Вечером мы приехали к юрте зайсана татар рода кёмнёш на берегу Каракёпшю.

(30 июля.) Теперь наш путь ведет вдоль Каракёпшю, мы проезжаем селение крещеных татар у Паспагыла, где живет единственный крещеный зайсан. От Паспагыла мы повернули к первому притоку Катуни, Ижи. Верстах в восьми от Паспагыла дорога ведет через высокий горный хребет. Прежде чем мы снова спустились в долину, прошло не менее двух часов, и в последнюю татарскую деревню Ташту (Каменное), где живут крещеные кумандинцы [15], мы прибыли темной ночью. Отсюда нам предстояло проехать еще семь верст на лошадях, пока мы не добрались до первой русской деревни, откуда смогли продолжить свой путь в тарантасе до дороги на Бийск.

ИЗ ДНЕВНИКА МОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ 1862 г.

(8 мая.) Вчера в шесть часов вечера мы выехали из Барнаула. На плохих лошадях только ночью добрались до деревни Шахи, расположенной в 15 верстах. Не останавливаясь, поехали дальше. В два часа ночи доехали до сереброплавильного завода Павловск (25 верст). На следующую станцию, Шаболиха (25 верст), приехали утром, потом на станцию Ильинск (прежнее название — Идола). По пути к Оби две маленькие деревушки — Нижний Кушук и Патеро, обе у самого берега Оби, у впадения речушек того же названия. От Ильинска — к деревушке Верхний Кушук (12 верст). До сих пор везде одинаковый степной характер местности, лишь время от времени — сосновые и березовые лесочки. Более густые леса под Павловском (где за ними явно следят) и под Верхним Кушуком. Степь выглядит довольно голой, свежая зелень едва пробивается и еще прячется под серо-желтым покровом прошлогодней травы. Единственное, на чем отдыхает глаз,— сосновая хвоя, на всех остальных деревьях листьев еще нет.

Так как в Верхнем Кушуке нас надолго задержали, мы добрались до деревни Мозихи (20 верст) только в семь часов вечера. Дорога была очень плохая, здесь уже начинаются солончаки. За ночь мы проехали деревни Куликова (10 верст), Шорзина (15 верст), Корзина (20 верст) и Буканова.

(9 мая.) За деревней Буканова местность равнинная и лишь на одном участке встретился нам густой лес; всюду пятна солончаков. Трава и здесь низкая, но зеленая. Верст через восемь увидели мы расположенное к востоку Космалинское озеро. Его длина десять верст, а ширина около полуверсты. Вода пресная, и много карасей, окуней и чубаков. На берегах озера расположены четыре деревни. На западном берегу Бутырки и Космалинск (волостной центр), на восточном — Чипанова и Саравина. Примерно в версте от Космалинска расположено первое солончаковое озеро (длиной в версту) с плоскими берегами без деревьев. Соль здесь не добывается. В двух местах — у Бутырок и Космалинска — курганные захоронения. Восточный берег Космалинского озера порос густым сосновым лесом. Почва у берега — светло-желтый песок. Западный берег — голый, черный перегной. В прошлом году чума крупного рогатого скота поразила стада всех деревень до Шорзиной, почти весь скот пал. Сохранили свой скот деревни начиная с Букановой. От Космалинска мы поехали в Гурелетову (20 верст). Дорога непрерывно идет вдоль восточного края обширного соснового леса, лишь иногда ехали мы несколько верст по лесу. За Космалинском — длинные

цепи курганов. До вечера мы проехали деревни Мормыш (15 верст), Семиверстова (24 версты), ночью — Острово (28 верст); на этом участке мы ехали верст шесть по сосновому лесу. В деревню Волчиха (25 верст) мы приехали утром. В последних трех деревнях живут уже единичные киргизы в качестве работников и пастухов. Местность повсюду равнинная, кроме соснового леса слева, нигде нет никаких деревьев. Повсюду большие и маленькие озера (одни пресные, другие — соленые).

(10 мая.) К полудню мы достигли форпоста Боровой, расположенного в 25 верстах у Сарыкёля (Желтое озеро). Много солончаков, покрывающих землю довольно толстым слоем соли, которая искрится на солнце серебром. Форпост Боровой (от немецкого слова Vorposten, так называли передовые пикеты казаков) населен отчасти казаками, отчасти инвалидами, присланными сюда для добывания соли. Озеро дает около 100 000 пудов соли. При большой жаре соль оседает на дно озера. Осенью ее отбивают и доставляют на берег. Поселок состоит из 50—60 домов. Здесь живут двое служащих, очень дружелюбно принявших меня. И много здесь также пастухов-киргизов. Подкрепившись, мы выехали из форпоста и еще засветло прибыли к киргизским аулам, которых здесь вокруг очень много. Переночевали в ауле Эркимбая.

(11 мая.) Рано утром оставили аул Эркимбая и поехали к юрте богатого киргиза Майкы. По дороге мой проводник рассказал мне, что у Майкы 1000 лошадей, 1500 овец и 200 коров, но он далеко не самый богатый человек в этой округе. Например, у Тютё и его трех братьев 7000 лошадей. По дороге — мало нового. То голая степь, то редкий сосняк, часто встречаются и тополя, на которых пока еще нет листьев. Первые двадцать верст мы нигде не встретили ни одной юрты. Потом мы наткнулись на два аула и недалеко от них на строения, служащие зимним жильем, которые возведены на опушке сосняка в местах, защищенных от ветра. Аул Майкы расположен за небольшим озером, у берегов которого нам пришлось преодолеть несколько опасных соляных болот. Мы видели юрт двадцать пять, расположенных в ряд. Большой поминальный пир по умершей жене хозяина.

(12—14 мая.) Находимся у киргизов Внутренней орды на границе Кулундинской степи.

(15 мая.) К полудню мы благополучно прибыли к первой деревне, Башкёль. Дорога сюда от последних юрт составляет пять верст, но нам на нашем тарантасе понадобилось на нее десять часов. Поездка на тарантасе с киргизскими лошадьми и кучером-киргизом обычно так и происходит: первые две версты мы ехали с ветерком и кучер так загнал лошадей, что потом их было не сдвинуть с места. Кучеру пришлось возвратиться к юрте за новыми лошадьми, а мы ждали битых два часа на жаре, под раскаленным солнцем. Когда запрягли новых лошадей, мы опять лихо промчались две версты, а потом на последнюю версту нам вновь понадобилось два полных часа. Башкёль — поселение казанских татар, переселившихся сюда двадцать лет назад по настоянию правительства. В нем 60 очень добротно построенных деревянных изб. В домах повсюду чистота, и одеты эти люди намного лучше киргизов. После обеда мы продолжили путь, сначала проехали поселки Малый Владимирский (25 верст), Большой Владимирский (8 верст) и ночью прибыли в Капонирский (20 верст). В этих трех деревнях живут крестьяне, лишь недавно оставившие Россию. Они хотели, собственно говоря, поселиться на Амуре, но остались здесь, так как здешняя местность необычайно плодородна. Эти крестьяне славятся в округе своей честностью и прилежанием, говорят, что за короткое время они стали уже довольно зажиточными. От Башкёля дорога идет, пересекая длинную, тянущуюся на восток лесную полосу, только одно место — меж двух Владимирских — совсем безлесное. После Владимирского дорога верст десять идет по густому лесу. По киргизским захоронениям видно, что всюду поблизости живут киргизы.

(16 мая.) Миновав татарскую деревню (15 км), мы приехали к полудню на казацкий пикет Старая Крепость. Не доезжая немного до этой деревни, мы выехали на Омский почтовый тракт. Ехать к Старой Крепости нужно было через сосняк. Почва повсюду песчаная, что очень затрудняет езду. Старая Крепость — это старинная крепость Семипалатинск. Сразу же за пикетом нам предстояло проехать последний участок соснового леса. Местность здесь уже очень неровная и довольно высокие гряды холмов тянутся до самого берега Иртыша. Дорога проходит недалеко от Иртыша, его берега являют нам весьма оживленную картину: по красивой долине, украшенной богатым сочным травяным ковром, разбросаны мельницы, усадьбы, хутора. Невысокие прибрежные горы местами покрыты лиственным лесом. После обеда мы приехали наконец в Семипалатинск.

(17—23 мая.) Семипалатинск — довольно большой город и насчитывает около 6000 жителей. Русских из них не более трети, остальные — татары и киргизы. Семипалатинск был основан в 1718 г. на месте, где сейчас находится Старая Крепость, а через несколько десятилетий перенесен на нынешнее место. Здесь находилось семь зданий монгольских монастырей (семь палат), откуда и идет название города — Семипалатинск. Теперь Семипалатинск стал центром торговли Западной Сибири с Киргизской степью и Западным Китаем. Местные татары и ведут в основном эту торговлю. Они переселились сюда из Восточной России. За последнее время татарское население Семипалатинска намного увеличилось. Кроме русских татар здесь живет еще много ташкендских купцов. Они — не российские подданные и живут здесь с паспортами, выданными им таможней при переходе через Иртыш. Само собой разумеется, что за ташкендцев выдает себя множество беглых и дезертиров. Несколько лет назад тут собралась такая пестрая компания, что правительство вынуждено было навести здесь порядок. Эти люди получили разрешение записаться чала-казаками (полукиргизами) [16], и таким образом иные стали полукиргизами, не зная ни слова по-киргизски. Темное прошлое некоторых из них осталось покрыто мраком неизвестности, никто к нему не возвращается, если не вынуждает к тому расследование новых преступлений. Иртыш у Семипалатинска рассматривается как подлинная граница внутренней империи, здесь кордон и взимается пошлина. Южные же степи рассматриваются как «заграничные места». Семипалатинск — столица Семипалатинской губернии (области). Она состоит из внутреннего округа — Семипалатинск — и четырех внешних — Сергиополь, Кёкпекти, Копал и Верный. (Теперь Семипалатинск, который раньше относили к Западной Сибири, входит в Степную губернию. Верный теперь центр новой губернии, к которой относятся округи Сергиополь и Копал.) Город Семипалатинск, по большей части состоящий из деревянных домов, расположен на правом берегу Иртыша, на левом берегу размещается лишь маленькое предместье. В Семипалатинске две русские церкви и восемь мечетей, но лишь одна из них — кирпичная.

(23—25 мая.) По ту сторону Иртыша местность сначала совершенно равнинная, только вдали на горизонте тянется с запада на восток невысокая горная цепь, которую мне назвали Семейтау (Семипалатинские горы). Дорога была ровная и гладкая, и мы через два часа добрались до первого казацкого пикета, Улугусского. (Деревянный дом. Казарма и конюшни.)

Ночью мы поехали ко второму пикету — Архалыкскому, он походил на первый.

Верст пять к югу от второго пикета местность продолжает оставаться ровной, и лишь изредка приходится проезжать по невысоким холмам и долинным впадинам. А потом мы достигли довольно высокого хребта, который тянется с запада на восток. Мне сказали, что он называется Архалык. Теперь местность поднимается террасами к высоким грядам холмов, все повышающихся к югу. Холмы эти чаще всего округлы и покрыты скудным травяным покровом, сквозь который изредка пробивается темный, серо-синий камень. По таким голым холмам тянется дорога, соединяющая пикеты Аншыкёль, Джарташ, Кызылмола и Аркат. Лишь у последнего пикета горная цепь поднимается к востоку на довольно значительную высоту. Здесь повсюду голые скалы с очень характерными зубчатыми острыми вершинами. Эти горы здесь называют Алджантау и Алджанадыр. Посередине этой горной цепи расположен Алджанадыровский пикет. Меж отдельных горных гребней раскинулись широкие равнины. По своей растительности степь очень монотонна. Всюду вокруг одинаковый покров блекло-зеленой скудной степной травы, прерываемой лишь огромными серо-коричневыми участками солончаковых болот и кое-где скалами и камнями. Нигде не видно леса, лишь по углублениям и стокам тянутся густые заросли кустов карагальника. При сухой погоде дорога превосходна, но как только начинается дождь, солончаки размокают и образуют вязкую массу, налипающую на колеса, так что их приходится очищать через каждые сто шагов.

Почтовые пикеты — единственные русские поселения между Сергиополем и Семипалатинском, а так вся эта местность населена киргизами, которые проводят в районе почтового тракта только зиму, так как здесь очень мало воды. Мы переехали здесь лишь две речушки — Карасауайры южнее Алджанадыра и Аншысу южнее пикета Ингирского. Южнее пикета Ингирского мы видим возвышающиеся на западе горные цепи Чингистау, по своему характеру мало отличающиеся от уже описанных гор. Севернее Сергиополя нам пришлось по мощным горным террасам перейти через восточные отроги этого плоскогорья.

Единственные здания, которые можно встретить на пути от Сергиополя к Семипалатинску,— это помещения пикетных станций. Кроме первого пикета, все они построены из камня и состоят из большого дома с двумя разделенными сенями комнатами (казармы и комнаты для приезжих) и глинобитных конюшен и подсобных помещений. На каждом пикете постоянно находится десять казаков и четыре ямщика. Солдаты предназначаются для конвоя путешественников и почты. Но так как проезд по степи не таит в себе ни малейшей опасности, конвой

требуют в очень редких случаях и казаки живут здесь чаще всего безо всякого дела. Для казацкого населения эти пикеты — сущее наказание, их можно считать школой лени. Казак слоняется два года на пикете безо всякой работы, и когда он возвращается в свою деревню, то оказывается, естественно, что он совершенно разучился работать. Пища казаков по большей части состоит из черного хлеба. Мясо и похлебку они получают редко, только по праздникам. (Когда я второй раз ехал по степи, в 1868 г., казацкие пикеты на почтовом тракте были уже упразднены и все почтовые станции между Семипалатинском и Верным были отданы на откуп купцу Кузнерову. Эту передачу почтового тракта в частные руки следует рассматривать как большой прогресс.) Рассказывают, что вся местность густо населена киргизами. Но мы повстречали киргизов лишь между вторым и третьим пикетами. Говорят, что зимой по почтовому тракту располагается множество аулов. А летом жители уходят к вершинам гор, так как скот там меньше страдает от жары.

(25—28 мая.) Город Сергиополь — первое русское поселение, повстречавшееся мне в степи. За несколько лет оно превратилось из казацкой деревни в город, в котором от 80 до 100 домов, частью глинобитных, частью деревянных. Здешние деревянные дома выглядят жалко, так как на строительство были употреблены кривые стволы тополей. Население составляют чиновники, казаки и татары. Город состоит из трех частей: 1) крепости, окруженной валом и рвом. В ней находятся все учреждения, казармы, госпиталь и очень красивая каменная церковь; 2) русского города, в котором две широкие улицы и четыре-пять поперечных; 3) татарского города с деревянной мечетью, расположенного верстой ниже по реке Аягус.

Очень приятное впечатление производит здешний сад. Это отнюдь не искусно разбитый парк, но человека, проехавшего по безлесной степи, радует тенистый лесок из ив и тополей и протекающая мимо него довольно большая река Аягус. До заселения этой местности в долине Аягуса был тополиный лес протяженностью во много верст. От столь редкого украшения степей сохранился лишь этот остаток, так как казацкое население вырубило его и использовало древесину как строительный материал и топливо. Сейчас в топливе очень большая нужда, его можно достать лишь за 30—40 верст. Поэтому, несмотря на дешевизну перевозки, кубическая сажень березовых дров стоит три рубля. Городок вообще расположен очень неудобно. Выбор местоположения был вызван близостью к почтовому тракту. Но так как в округе здесь нет никаких деревень, жителям городка приходится самим заниматься земледелием, причем самые

близкие поля находятся в 15, а дальние — в 60 верстах от города. Поэтому засеяны лишь немногие из них, и цена на хлеб очень высока. <...> Климат Сергиополя малоприятный: весь год здесь дуют сильные ветры, особенно весной и осенью. Летом — сильная жара, зимой — постоянные снежные бури, такие, что жители по четыре-пять дней не могут выйти из домов. Говорят, что летом здесь умирает большинство детей. Жители татарского города занимаются только торговлей. Среди русского населения есть только один купец. Сергиополь — административный центр округа Сергиополь, входящего в состав Семипалатинской губернии. (Теперь она относится уже к Семиречинской области, административным центром которой является Верный.) Гарнизон состоит из двух рот пехоты, артиллерийского отделения с восемью пушками и казаками, размещенными частью в Сергиополе, частью в Урджаре.

(31 мая.) В полдень мы выехали из Сергиополя и отправились к киргизам, кочевья которых расположены к востоку от города. Сначала мы ехали верст тридцать по почтовому тракту на Урджар (Чугучак). Многочисленные киргизские аулы мы нашли лишь у речушки Каргу.

(1 июня.) Сегодня мы оставили позади долину Аягуса и вступили в долину степной реки Ай. Характер пейзажа не меняется: все те же волнистые гряды поросших скудной травой голых гор, на вершинах и гребнях которых часто выступает камень. Погода была холодной и дождливой. По всей долине много киргизских аулов.

(2 июня.) Так как по дороге к станице Лепсинской теперь никто не живет, я решил двинуться отсюда к Тентеку, где сейчас, по слухам, находится Султан-Бек. По обе стороны на восток и запад тянутся отвесные склоны гор, к востоку они достигают особенно большой высоты. Перед нами на юг простиралась необозримая равнина. Почва покрыта здесь чуть ли не везде валунами и галькой. Весьма незначительная растительность. Небо было безоблачным, и солнце посылало на нас свои жгучие лучи. К тому же на верблюдах мы продвигались крайне медленно. Такая езда под солнцем превращается в истинное мучение. Часа через четыре мы добрались до реки Ай, берега которой поросли ивняком. После долгой поездки по голой степи даже его скудная листва кажется глазу очень приятной. В полдень мы встретили у небольшого ручья караван татарина-купца из Кулджи,

скупавшего скот у киргизов. Здесь мы узнали, что Султан-Бек отправился в Алакул, куда нам отсюда четыре-пять дней пути. Я решил изменить свой маршрут и поехать к линии пикетов. Поэтому мы вернулись к Ай, перейдя ее, поднялись в горы и уже вечером приехали к нескольким аулам.

(3 июня.) Отсюда дорога пошла прямо на запад, все выше в горы. Цель нашей поездки — Оргюльдёк весь день был у нас перед глазами, но добраться до него мы смогли лишь вечером. И сегодня солнце жгло немилосердно, а на всем пути мы не встретили ни деревца, в тени которого могли бы отдохнуть. Вершины гор чаще всего каменистые, серо-желтые, только в складках долин виднеется несколько более пышная трава. Окраска степи очень своеобразна, светлая и неяркая, и по ней, как пестрые арабески ковра, тянутся пятна и полосы густых зарослей карагальника, сильно выделяющиеся темной окраской листьев и тяжелыми желтыми гроздьями цветов на светлом фоне степи. Оргюльдёк — это два высоких горных хребта восточнее Аягуса. Мы поднялись на северный хребет, его восточный склон совершенно гол и очень отлог. Здесь мы обнаружили ключ, который киргизы превратили в водоем, где поят скот. Вода была вкусная и свежая. Дорога шла теперь вдоль высокого хребта; к югу от него верст через пять мы нашли перевал. На вершине повсюду голые камни, но никаких зубцов и громоздящихся скал. Мы миновали четыре-пять балок с источниками и густой травой. Западные склоны хребта более крутые, они сильно выветрены. У самого подножия расположен пикет Оргюльдёк.

(4 июня.) Пикет Оргюльдёк построен из плетеных щитов, обмазанных глиной, и находится в полуразрушенном состоянии. Так как воды Аягуса вышли из берегов, невозможно посетить расположенный за Кызылкыя памятник Козы Көрпёшу. Поэтому я еще ночью опять пустился в путь. Сначала мы проехали пикеты Кызылкыя и Малки-Аягуск. Южнее пикета Оргюльдёк по берегу реки тянется большой тополиный лес. Зимой в этом лесу повсюду аулы киргизов, летом он совершенно пуст. Здешние пикеты все еще выглядят как маленькие форты, хотя давно уже не служат военным целям. В стенах повсюду бойницы, а окна зданий выходят во двор. Уже много лет не было никаких нападений на эти пикеты. Раньше путешественник получал конвой из двух конных казаков. Теперь можно получить на козлы только одного вооруженного казака, но редко кому приходит в голову потребовать такую охрану, ведь путешествие абсолютно безопасно. Днем мы проехали еще пикеты Джюсагаш

(Сто деревьев), Арганат, Ашшыбулак (Соленый ручей), Лепсинск и Баскан. Природа совсем не меняется. Повсюду все та же голая степь и каменистые хребты. Киргизских аулов с почтового тракта нигде не было видно.

(5 июня.) Ночью мы достигли пикета Аксу и еще утром прибыли в пикет Абакумовск. Когда мы проснулись утром, нашим взорам представилась воистину величественная картина: горная цепь Копал на юге. Перед нами простиралась бескрайняя голая степь, а на горизонте поднималась черно-серая горная стена, причудливые зубцы которой на всем протяжении были укрыты широким, сверкающим, словно серебро, снежным покрывалом. Пикет Абакумовск получил свое название по имени казацкого полковника Абакумова, покорившего здешние места. Пикет обставлен недурной мебелью. Отсюда дорога начинает подниматься на южную горную цепь. Невероятных трудов и усилий стоило проложить здесь горную тропу, но зато теперь совершенно безопасно можно проехать по ней на колесах. На целые версты взорваны скалы или дорога выложена большими каменными плитами. Меж отвесных каменных зубцов извивается удобная дорога. Перед глазами все время лишь небольшая часть пути, и порою кажется, что дорога оборвется вдруг у расположенных прямо перед нами крутых отвесов скал. Но всякий раз после поворота дороги возникает выход из горного лабиринта. Благодаря этой дороге, проложенной в скалах, удалось установить надежную связь с южной степью. Только поднявшись на вершину первого горного хребта, снова видишь перед собой ряд снежных вершин. Отсюда ясно видно, что ущелья гор, простирающихся вдали, покрыты густым лесом. Это — следствие того, что стекающие со снежных вершин ручейки обильно орошают горные ущелья. В этих горах, говорят, уже часто встречаются тигры.

Через 21 версту мы достигли русского селения Теплоключинская, которое киргизы называют Арасан (Минеральный источник). Это — небольшое казацкое поселение и одновременно курорт, который посещается летом приезжими. Здесь бьют два теплых источника и один холодный,— как считают, сернистые. Средняя температура теплых источников примерно +28° по Реомюру. У источников разбит очень красивый сад, есть ванны и гостиница. За пользование ваннами посетитель платит три рубля за лето. Сюда переведено одно из отделений копальского военного лазарета с больными подагрой и ревматизмом.

От Арасана дорога становится ровнее. Снежные горы — справа от нас, и кажется, что они очень близко. Но наш ямщик заверил нас, что до них не менее 70 верст. Все киргизские аулы,

очевидно, находятся сразу под линией снегов. Через 29 верст мы прибыли в город Копал. Он расположен на правом берегу Копалки — горного ручья, стекающего со снеговых вершин, и тянется по расселине долины. В Копале несколько сотен деревянных домов, чистеньких, покрытых дощатыми крышами. Севернее расположена крепость, а на восточном конце — базар. Недалеко от него — деревянная церковь. Копал — центр округа Копал, примыкающего с юга к округу Сергиополь. Северной границей его является озеро Балкаш и параллель между пикетом Арганат и Алакулом. С юга он доходит до Караталки.

(6—8 июня.) Сегодня рано утром рота стрелков, несколько пушек и отряд казаков отправились в Кёксу, куда прибыли генеральный консул Кулджи и комиссар пограничного управления полковник Бабков: в этом году должно быть проведено точное определение границы между Китаем и Россией[17]. С этой же целью собирается русское войско у Чугучака. Определение границы начинается с Исиккёля, где в настоящее время тоже находится русский отряд, и должно быть доведено до Шабин-Дабага (между Кемчиком и Абаканом). Китайцы, в свою очередь, тоже, кажется, собирают войска. На протяжении весны вблизи Копала появлялось множество вооруженных отрядов, просивших у русских властей разрешения добраться до Станицы, Лепсинска и Копала, чтобы взыскать долги со своих прежних данников — киргизов. Этого им, конечно, не позволили. Теперь их отряды, говорят, опять появляются у Кёксу. Киргизы, конечно, преувеличивают слухи о вражеском вторжении, так как надеются ловить рыбку в мутной воде, ибо только они одни извлекают выгоду из любого столкновения, всегда присоединяясь к победителю. Если верить тому, что мне здесь рассказывают, то все эти стычки — китайские штучки. Своими набегами китайцы хотят перехитрить русских и продвинуться как можно дальше, чтобы оставить в различных местах принесенные с собой фальшивые пограничные знаки. Позже они собираются основываться на подобных знаках, чтобы передвинуть границу как можно дальше на запад. Говорят, что за последнее время русские не раз находили камни с китайскими надписями.

Базар в Копале довольно большой. Он представляет собой два длинных ряда лавок. И тут основной контингент купцов составляют татары. Лишь немногие из здешних татар-купцов из Семипалатинска, большинство — ташкендские сарты; в этом месте обосновалось даже несколько бухарцев. Местные купцы посредничают в торговле между Семипалатинском и Кулджой, торгуют и в киргизских аулах. Из Кулджи они возят чай и фарфор, у киргизов покупают скот и шкуры. В Китай они возят

русские товары, а киргизам чаще всего — среднеазиатские. Европейские товары для жителей Копала и необходимые продукты и колониальные товары привозят сюда в основном только русские купцы. Остальное население Копала состоит, за небольшим исключением, только из казаков и чиновников. Казаки занимаются земледелием, оно здесь очень выгодно. Правда, приходится искусственно орошать почву, но зато она здесь необычайно плодородна и почти всегда дает урожай зерна сам-пятнадцатый — сам-двадцатый. Здесь выращивают исключительно пшеницу и ячмень. Но удивительно, что при столь выгодных условиях земледелия так высоки цены на зерно. Объяснить это можно лишь инертностью казацкого населения. Пшеничная мука стоит здесь рубль за пуд. У всех здешних жителей есть огороды, где выращивают главным образом огурцы, дыни и арбузы. И тут страшная нужда в дровах. При закладке города здесь еще были приличные леса, но сейчас все они вырублены и употреблены на строительство домов и на отопление. А теперь дрова нужно доставлять за 20 верст по очень трудным горным дорогам. В здешних ущельях растут: березы (их мало), тополя, ивы (только в низинах), ели и дикие яблони, последние дают здесь съедобные плоды. Южнее встречаются и дикие абрикосовые деревья. Климат Копала, по всей вероятности, не очень благоприятен: летом нестерпимая жара, притом весьма непостоянная, так как при близости снежных гор изменение направления ветра часто ведет к ледяному холоду по ночам; к тому же и непрерывные ветры. Зимой погода еще более непостоянна. Морозы в целом умеренные, редко доходят до −20°. Часто среди зимы наступают оттепели. Говорят, что за последние пять-шесть лет зимы стали холоднее. Так, например, в прошлом году снег не таял четыре месяца.

(7 июня.) Сегодня совершил на лошади объезд окрестностей. Всюду я находил здесь довольно высокие курганы: 1) восточнее города, на возвышенности; 2) севернее города, к востоку от дороги на Семипалатинск — целый ряд, доходящий почти до Арасана, среди них много весьма значительных, иные с явными следами старых ограблений; 3) между Копалкой и Кызылагашем, примерно в четырех верстах от города, находятся семь-восемь гигантских курганов, часть их окружена круговыми канавками.

Повсюду степной характер местности, на север и восток — каменистая почва, далее к северу — мягкая почва. Много полей и современных каналов; но гораздо больше так называемых каналов чуди, т. е. брошенных обширных систем каналов прежнего населения. У истока Копалки инженер Никитин нашел шлаки, каменный уголь, плавильную печь и куски свинцовой

руды. Все это позволяет заключить, что когда-то здесь обитало многочисленное население.

Котловины Копала и Лепсинска (у станицы Лепсинской) выглядят в Северо-Восточной Киргизской степи как бы двумя большими оазисами. К северу от них только три оазиса поменьше: Сергиопольский у Урджара, оазис Кёкпектинск и оазис побольше их — котловина Нор-Зайсан. На северо-восток степь простирается до Иртыша, по его правому берегу — от Бухтармнска до Семипалатинска — плодородные местности, благоприятные для земледельцев, населенные также семипалатинскими линейными казаками.

(9 июня.) Покинули Копал. От Агачки до пикета Сарыбулак дорога почти непрерывно идет вверх. Обширные площадки обильно поросли травой и цветами. Цветы одного вида растут рядом и занимают большие участки — поэтому вся степь похожа на пестрый ковер. Между пикетами Сарыбулак и Карабулак — обширная равнина. На юге снова поднимаются горы. Расстояние между отдельными горными хребтами так велико, что то и дело можно увидеть гигантский хребет на всем его протяжении, в Северо-Алтайских горах такого никогда не увидишь. Переехали через реку Сарыбулак, потом через четыре рукава Каратала. При последней переправе у нас сломалось колесо, и возок опрокинулся в воду. К счастью, вблизи оказались юрты батраков и киргизская водяная мельница; нам пришли на помощь, и через три часа удалось извлечь возок из воды. Идти несколько часов вброд по воде было не очень-то приятно. До ближайшей станции была 31 верста. Дорога здесь чаще всего плохая и каменистая. Более удобный почтовый тракт идет по другому берегу Каратала, и в трех верстах от станции мы собирались переехать реку по каменному мосту. Но мост этот, построенный всего несколько лет назад, нынешней весной был сорван водой. Перед тем местом, где раньше был мост, я увидел на правом берегу много курганов и искусственно насыпанные валы.

Карабулак — маленький поселок, в нем 22 дома, и все из глины. Все крыши плоские. Заложен этот поселок лишь в 1859 г. Так как нам невольно пришлось искупаться в Каратале, мы започевали здесь, чтобы просушить вещи. Почва, должно быть, очень благоприятна для земледелия (урожай зерна здесь обычно сам-двадцатый). Повсюду растут дикая горчица и дикая рожь, но очень чувствуется нехватка дров.

(10 июня.) Утром мы отправились из Карабулака. Первая половина дороги, идущей по низине, часто оказывалась болотистой. Низина оказалась поросшей очень высокой травой. И во-

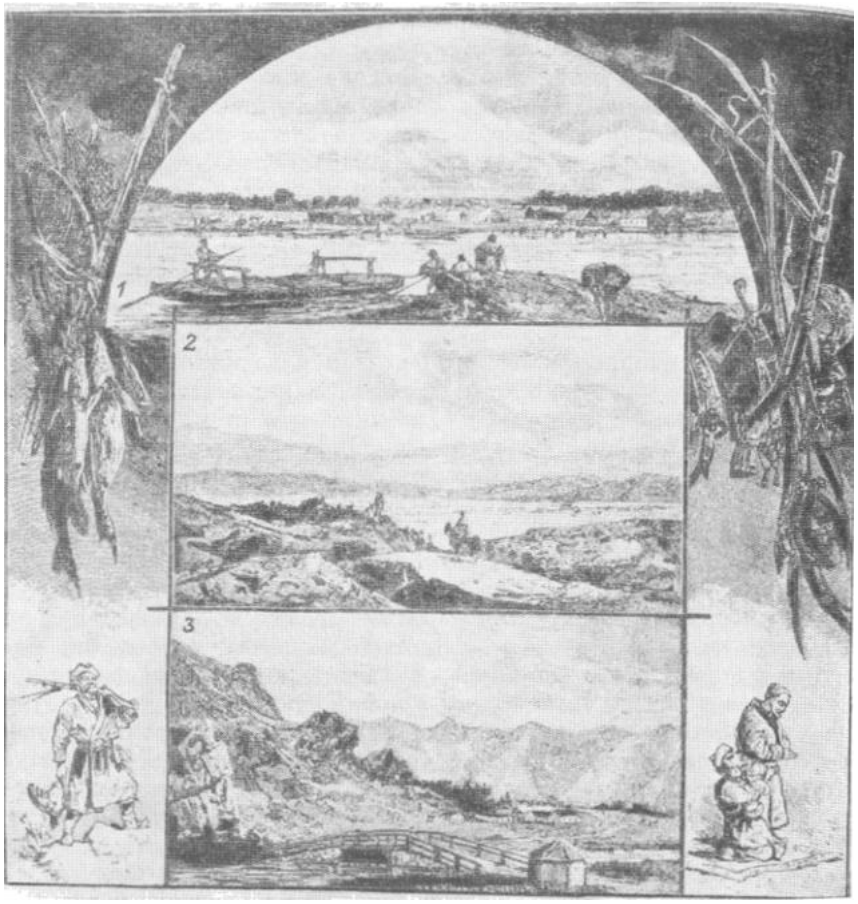

Таблица 3. *1* – переезд через р. Или; *2* – степь в долине р. Или; *3* – Кёксинский мост. Почтовая станция

обще южнее Копала степь и ее растительность изменились, и равнины и горы всюду обильно поросли травой. Здесь мы встретились с возвращающейся стрелковой ротой. В десять часов мы прибыли к реке Янгысагаш. Здесь – пикет (22 версты). Отсюда дорога стала опять каменистой и верст двенадцать вела все вверх, хотя и с небольшим уклоном. Повсюду курганы и кучки кампей. С высоты прибрежных холмов видны на юге высокие снежные хребты Алатау. Теперь дорога шла вниз в долину Кёксу. Обширная холмистая долина, в глубине ее река Кёксу, по берегам которой отчетливо видны ряды деревьев

Проехав верст двенадцать по долине реки Кёксу, мы достигли после полудня селения Кёксу (от пикета 34 версты). У самого селения через реку перекинут новый мост. Само селение лежит на левом берегу той же реки меж высоченных гор, уходящих в небо; слева и справа высятся большие снежные хребты. Деревня очень большая и состоит по большей части из деревянных домов. Земля здесь, очевидно, исключительно плодородна (урожай сам-двадцать пять, сам-тридцать), но, говорят, за последнее время большой урон нанесла саранча. На вершинах ближних гор, сразу же под снежными шапками, был виден густой лес.

После моего приезда разыгралась весьма комичная сцена: не успел я предъявить на станции мой паспорт, как мне предложили остановиться в частном доме, и отвел меня туда казацкий унтер-офицер при полной парадной форме. Такой одежды я не видал еще на всем почтовом пути, так как казаки и на службе носят чаще всего киргизские халаты. Едва я прибыл на квартиру, как мне представились в полной парадной форме старшие офицеры дорожного участка и станции и оба спросили, не будет ли распоряжений. Я узнал от них, что, так как я должен был в этом году по поручению Археологической комиссии проводить вскрытие могильников, прибыл приказ генерал-губернатора оказывать доктору Радлову в его археологических исследованиях максимальные помощь и содействие. Но господа казаки не знали что это такое — археологические исследования, и сочли за лучшее официально представиться мне как всякому заезжему ревизору. Едва я узнал причину официальных визитов, как открывается дверь и еще один казачий унтер-офицер в полной форме представляется мне как старший фельдшер местного лазарета и просит распоряжений. Сначала я был в полном замешательстве, но вдруг вспомнил, что ведь я «доктор» Радлов и подобные изъявления почтения вызваны этим званием. Что мне было делать? Как растолковать, что вышла ошибка? Мне вся эта история показалась слишком смешной. Итак, я с важной миной начальника строго спрашиваю: «Сколько больных лежит в твоем госпитале, братец?» — «Ни одного, ваше высокоблагородие!» — был по-военному краткий ответ. «Ну, это меня очень радует,— коротко ответил я,— больше у меня вопросов нет». Казак берет под козырек и покидает комнату, вскоре откланиваются и господа офицеры. Больших усилий стоило мне оставаться серьезным. Вечером я посетил консула полковника Бабкова, с ним была жена, и мы очень весело провели вечер. Меня все время дразнили моей ролью доктора-ревизора.

(Город Верный, 15 мая 1868 г.) На этот раз ушло девять дней на поездку из Барнаула в Верный, и я хочу, не задерживаясь,

ехать дальше, в Ташкент. О Киргизской степи я могу сообщить мало нового. Но следует сказать, что с 1862 г. многое изменилось здесь к лучшему. Дорога стала гораздо лучше, и почтовая служба благодаря стараниям господ Кузнерова и Поклеевского в превосходном состоянии. Восточная часть Киргизской степи по свойствам ландшафта делится, в свою очередь, на две части: северную — от Семипалатинска до Копальских гор и южную — от Копала до Алатау.

Южная часть степи завершается на востоке гигантскими снежными горами. Дорога идет по большей части по восточным склонам этих гор. После спуска по Гасфордову ущелью на Копальское плато начинается пышная растительность, которая богатым ковром покрывает здесь горы и низины вплоть до реки Или. Прекрасные горные пастбища перемежаются с сочными лугами в низинах. И несмотря на все это, здешняя местность очень мало населена. По дороге к городу Верному есть только три населенных пункта — на Каратале, Кёксу и Или, где сейчас исчез красивый прибрежный лес, который я видел там еще в 1862 г. Может быть, теперь, когда Верный стал губернским городом, население и увеличится. Поля киргизов — лучшее доказательство тому, как плодородна здесь почва: несмотря на плохую обработку, они все-таки дают исключительный урожай. В Верном пуд лучшей пшеницы стоит всего 20—30 копеек. За мою поездку по почтовому тракту я много раз встречал толпы калмыков-беженцев, перебравшихся сюда из китайской части долины Или.

Еще одна выдержка из краткого отчета Русскому географическому обществу от 1869 г.:

Я проехал по почтовому тракту от Алтынэмеля до города Верного, где мало что нашел изменившимся. Только теперь начинают расширять недавно основанный город. <...>

Из Верного я поехал по ущелью Кастек к городу Токмак в долине Шу и прожил там почти месяц в аулах кара-киргизов [18] из родов сары багыш и солту. Было очень опасно оставаться здесь среди болот с их вредными испарениями. Поэтому и заболел мой проводник тифом. Удивительно, как быстро привыкли кара-киргизы к государственному порядку; те, кто еще недавно были угрозою всем караванам, живут теперь столь тихо и мирно, что я безо всякой охраны чувствовал себя у них в полной безопасности.

Город Токмак находится в очень неблагоприятном месте; остается только удивляться, что кто-то мог выбрать такое место для закладки города. Бывшая кокандская крепость Токмак была построена у подножия южных гор с их здоровым и чистым

воздухом для защиты южного ущелья от вторжения с севера. Наше укрепление расположено у самой реки Шу среди болот, поэтому половина гарнизона всегда находится в больнице. Из Токмака я отправился к Исиккёлю через Бомское ущелье. Потом поехал верхом вдоль северного берега Исиккёля, чтобы провести некоторое время в районе крепости Каракёль. Мощное широкое зеркало озера на протяжении всего этого пути открыто взорам путешественника. Гигантское озеро, столь широкое, что глаз не может различить противоположный берег, раскинуло перед нами свои бесконечные синие воды и теряется вдали, как бы растворяясь в голубом тумане воздушного океана, обрамленного во всю ширину горизонта могучей грядой снежных тянь-шаньских гор, которые кажутся издали парящими и отливающими серебром облаками. Окружающая нас природа непрерывно меняет свой характер. То перед нами оказываются широкие зеленые луга, то отвесные, уходящие в небо скалы, то голые безводные горные уступы, то лесистые ущелья, по которым с шумом несутся горные реки, а справа все время — прекрасный вид озера.

От реки Шу до Торайгыра (Гнедой жеребец) северный берег озера отличается плодородием и покрыт всюду пашнями киргизов, которые сейчас откочевали дальше, в ущелья Алатау. От Торайгыра до реки Аксу простирается широкая каменистая степь, где скудная растительность пробивается лишь у берегов горных речек. Начиная от Аксу на север открываются балки, чаще всего поросшие густым еловым лесом,— картина, какую редко увидишь в огромной голой степи. Приозерная низменность образует здесь даже луга и плодородные поля, довольно густо населенные черными киргизами[19] из рода сары багыш и бугу. У восточной окопечности озера строятся две новые деревни русских переселенцев — одна в устье реки Тюб, другая — в восьми верстах дальше на запад. Крестьяне хвалят эту местность, земля, говорят они, изобилует лесом и травами, здесь богатая рыбная ловля. Кроме того, здешние почвы представляются им очень подходящими для земледелия, вот только из-за большой высоты местности урожай зерна созревает здесь очень поздно. 8 августа, когда я проезжал эти деревни, зерно на полях было еще совсем зеленым.

В деревне Тюб я совершенно неожиданно заболел и не мог добраться до крепости Каракёль. Здесь я пролежал два дня в киргизском ауле. Потом, несмотря на страшные боли, я велел перевезти себя на крестьянской телеге в Каракёль. Каракёль — это город, который только создается. Его начали было строить дальше на восток, у реки Аксу, и уже построили там все необходимые административные здания, как вдруг обнаружилось, что из-за очень высоких снежных заносов зимой это место абсолютно не подходит для создания города. Теперь получен приказ пере-

вести город в Каракёль, и здесь начинают строить первые дома. Все чиновники живут до сих пор в юртах, а солдаты — в палатках. На второй день я заболел перемежающейся лихорадкой, да такой опасной, что пришлось перевезти меня в госпиталь в Аксу. Здесь я лежал больной до 24 августа и лишь благодаря самоотверженному уходу доктора Игнатовского смог столь быстро встать на ноги. Болотная лихорадка так меня обессилила, что я едва мог сделать несколько шагов. Но тем не менее уже 24 августа я уехал верхом из Аксу. Первые дни я не мог без посторонней помощи сесть на лошадь, и все же на седьмой день, почти поправившись, я прибыл в город Верный, откуда, не задерживаясь, вернулся в Барнаул. Но весь 1869 г. и до самой моей поездки на Алтай в 1870 г. я еще — с бóльшими или меньшими интервалами — страдал от приступов этой болотной лихорадки; лишь чистый воздух Алтая окончательно избавил меня от этой болезни.

Глава III

НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ДЗУНГАРИИ [1]

(...) Тюркские народы восточных племен: карагасы, абаканские татары, сойоны, телеуты, черневые татары и шорцы. Мусульмане: барабинские и иртышские татары. Степные кочевники, казак-киргизы, кара-киргизы. Оседлые татары Средней Азии: таранчи, узбеки и сарты.

Перейдем теперь к местному населению, вытесненному в леса, горы и степи и состоящему в южной части Западной Сибири исключительно из тюркских племен, и проследим распространение этих племен с востока на запад.

1. КАРАГАСЫ [2]

На самом востоке Южной Сибири живет тюркское племя карагасов, которое, по Штубендорфу, насчитывало в декабре 1851 г. всего лишь 284 соплеменника мужского пола и 259 — женского [3]. В 1863 г. я собирался добраться до карагасов, чтобы сделать у них языковые записи, но, к сожалению, когда я прибыл на реку Кан, карагасы откочевали дальше на восток к истоку Бирюсы, так как за прошлую зиму у них пали все олени. Но севернее города Канска, неподалеку от деревни Рыбинск, я наткнулся на аулы камасинцев [4]. Это были лесные камасинцы, они называли себя *кангбажы* и говорили на одном из тюркских диалектов — качинском. Так как во время путешествия Кастрена эти камасинцы говорили еще по-самоедски, мы можем сделать вывод, что тюркизация самоедских племен за последние пятнадцать лет возросла. В моих данных о карагасах я могу опираться лишь на чужие сообщения, которые, однако, весьма скудны.

По Шифнеру и Кастрену [5], карагасы делятся на пять родов [6]: каш, сарыг каш (желтые каш), тйогды, кара тйогды (черные тйогды) и тептей; первый живет по соседству с сойонами [7], второй — по соседству с камасинцами, пятый — по соседству с бурятами. Район, по которому кочуют карагасы со своими оленьими стадами, расположен между реками Ока, Уда, Бирюса и Кан. Название *карагас*, или *каргас*, Кастрен производит от

кара-каш (черный каш). Это название, как и названия родов каш и сарыг каш, указывает на то, что часть карагасов составляют переселившиеся качинцы [8]. Кастрен твердо уверен, что эти качинцы смешались с местными самоедскими племенами. Об этом свидетельствует не только тип многих карагасов, но и появление таких родовых названий, как ирге, тарак, тйогды и богожы. Кастрен присовокупляет, что карагасы считают род богожы чужим и утверждают, что он вместе с еще двумя родами, тудай и тептей, переселился сюда из Тункинского района. То же рассказывают буряты о еще двух маленьких родах — тйогды и кара тйогды, которые будто бы ведут свое начало от двух монголов, переселившихся сюда вместе с сойонами. На такие указания местных жителей не очень-то можно полагаться. По языку карагасов видно, что здесь действовал еще и другой тюркский элемент кроме качинского, близкий сойонскому или якутскому, по всей вероятности, какое-то племя живших раньше на юге уйгуров [9]. По-моему, уйгуры могли только позже смешаться с некоторыми качинцами, переселившимися сюда с запада. Название народа (как, например, каш) становится родовым именем лишь тогда, когда вместе с народом поселяются некоторые чужеродные индивидуумы.

Одеждой, нравами и обычаями карагасы походят на своих соседей татар. Об их отчасти самоедском происхождении напоминают занятие охотой и оленеводством и их зимние чумы, сооруженные, точно как у самоедов, из шкур оленей [10].

2. АБАКАНСКИЕ ТАТАРЫ [11]

Западными соседями камасинцев являются татары Абаканской долины и Юсской степи, которых я объединю общим названием «абаканские татары». Теперь они составляют четыре больших племени: качинцы, сагайцы, койбалы и кызыльцы, сложившиеся постепенно из многих более мелких племен [12]. Три первых племени живут в Абаканской долине, а кызыльцы в Юсской степи. Три первых племени подчинены официально двум степным думам: 1) Качинской степной думе, расположенной недалеко от устья Абакана; 2) Степной думе объединенных племен различного происхождения (бывшая Сагайская степная дума) [13] у впадения в Абакан реки Аскыс. Раньше существовала еще одна степная дума — Койбальская, но в конце 50-х годов она ликвидирована, а подвластные ей люди частью причислены к сагайцам, частью к качинцам.

Родовые названия этих тюркских племен являются для нас единственным свидетельством их происхождения [14]. Качинцы называют себя чаще всего *кас* (*кач*, *каш*). Дальше на север по

Енисею у реки Качи, где их в XVII в. находили казаки, как теперь совершенно исчезли. По сообщению Кеппена [15], уже полностью обрусевшее татарское население у Качи насчитывало в 1838 г. только 241 лицо мужского пола и 231 — женского. У Абакана в пятидесятые годы жило еще 9436 представителей этого племени. Теперь их число увеличилось, так как к ним причисляют часть койбалов [16]. «История Сибири» [17] свидетельствует о том, что уже в XVII в. с качинцами смешалась часть разрозненных аринов [18], они и сегодня еще образуют один из качинских родов — ара. После того как качинцы поселились в Абаканской долине, это племя увеличилось благодаря присоединению к нему нескольких киргизских семей и других чужеродных элементов, о чем свидетельствуют распространенные и по сей день родовые названия: *тин*, *тястыг*, *тярым*, *тйылтаг*, *сукар* и *туба*. Считается, что тйылтаг и тярым до сороковых годов причислялись к койбалам, а тин и тястыг, по Кастрену, сами считают себя потомками аринов, остальные, несомненно, самоедского происхождения, особенно туба, которые, разумеется, лишь в более позднее время отделились от койбалов. Кастрен считает этих туба ответвлением маторов, так как в китайских областях маторы и по сей день называют себя *туба*. Я хотел бы возразить на это, что сегодня не только все сойопы Танну-Ола называют себя *танну туба*, но и живущие в русской области койбалы [19]. Стало быть, туба — не название рода, а название того широко распространенного народа — самоедов, которых китайцы уже в VII в. называли *дубо* [20]. Таким образом, качинцы образуют в основной своей массе тюркское население, которое состоит главным образом из заброшенных на восток иртышских татар, из-за продвижения русских устремившихся туда через Обь, Томь и Чолым, а потом, после ухода киргизов, переселившихся по Енисею [21] на юг.

Что касается подданных Второй степной думы [22], то в 1863 г. мне дали следующие сведения о численности населения отдельных племен:

Сагай 1-й половины	804 мужчины	302 женщины
2-й »	753 »	307 женщин
Шор	330 мужчин	140 »
Бельтир	1884 мужчины	756 »
Таяс	287 мужчин	116 »
Карга 1-й половины	1041 мужчина	405 »
2-й »	300 мужчин	111 »
Кызыл-кая	112 »	46 »
Томь	324 мужчины	131 женщина
Кый	207 мужчин	83 женщины
Кобый	824 мужчины	353 »
Койбал	578 мужчин	262 »
Всего . . .	7444 мужчины	3012 женщин

Первая половина сагайцев состоит из родов сагай, туран, сарыг, иргит, ечиг [23], кый, аба и тйода; вторая половина — из родов кыргыс, четти пюрю, юс сагай, томь сагай [24]. Бельтиры состоят из родов су какмына, так какмына, ак чыстар, кара чыстар, сарыг, табан-бельтир [25]. Так карга состоят из родов сибидши, саин и карга, а су карга — из родов туран и карга. Таяс делятся на три рода: чедебес, каллар и таяс (сор). Четыре рода: кый, кобый, кызы-кая (кызыл-кая) и томь имеют только племенные названия в качестве родовых.

Родовые названия юс и томь сагай доказывают нам, что часть сагайцев жила ранее у Томи, а другая — у Юса и оттуда позже перебралась к Абакану. Очевидно, томь — не какой-нибудь новый род, а тот же, что и томь сагай. Роды кыргыс и иргит, согласно приведенной выше легенде [26], очевидно, не что иное, как оставшиеся у Абакана киргизские роды. Аба — переселенцы из Кузнецка, т. е. потомки упоминающихся в «Истории Сибири» [27] абинцев. Касательно ак-чыз и кара-чыз следует сказать, что чыз, тйыз, йыш означает «лесистые горы» и, таким образом, это название рода означает «лесные люди». Заметим к тому же, что алтайские горные калмыки пользуются тем же названием для обозначения черневых татар. Сарыг я считаю также киргизским родом [28], так как это название встречается не только у алтайцев и телеутов, но и у киргизов Тянь-Шаня [29]. Чедибеш, таяс и кызыл кая,— несомненно, переселившиеся из Кузнецкой тайги кузнецкие татары [30], которых я (как и следует из вышесказанного) считаю соплеменниками сагайцев. Род шор, или как его называют у Абакана, сор, только в последнее столетие переселился из Кузнецкой тайги к Абакану [31]. О происхождении рода тйоды я не могу сказать ничего определенного. Он встречается у телеутов под названием *тюты*, у сойонов под названием *чоты* [32]. Долгий гласный в телеутском указывает на то, что здесь выпал согласный и что название рода было, собственно, *йокты*. Поэтому я склонен идентифицировать этот род с карагасским родом, который Кастрен называет тйогды и считает самоедским родом [33].

Что касается койбалов, то Кастрен насчитывает у них 12 родов: байгадо (?бай), канг, торадяк, тйода, мадыр, кёль, ынгара, бёгёдьи, артьи, кёйёк, ирге, кайдынг. По мнению Кастрена, бай и кайдынг — енисейско-остяцкого происхождения, а мадыр, бёгёдьи и ирге,— несомненно, самоеды. В 1847 г. Кастрен встретил людей, еще помнивших кое-какие слова из старосамоедского и староостяцкого языков [34]. Я считаю, что род кёль — это сойоны с озера Упса, переселившиеся позже на север [35]. По-моему, не только часть койбалов, но и многие роды сагайцев и кузнецких татар енисейско-остяцкого происхождения, однако большинство их уже в XVII в. говорили на тюркских диалектах.

Когда в конце XVII в. основная масса кыргызов уходила из

Абаканской и Енисейской степей [36], здесь осталось от них лишь несколько родов. Но широкие просторы очень недолго были незаселенными, так как со всех сторон в плодородную низменность стали стекаться племена, жившие в соседних лесистых горах. С юга в обширную Абаканскую долину спустились бельтиры, с юго-востока — койбалы и маторы, с северо-запада—разрозненные племена аринов, и вместе с некоторыми тюркскими племенами, перебравшимися с Алтая на восток, они поселились в южной части Абаканской долины до реки Аскыс. Северной частью Абаканской долины, как я уже упоминал, завладели качинцы.

Кроме койбалов, еще в прошлом столетии говоривших по-самоедски, все племена, поселившиеся теперь в Абаканской степи, сколь ни различно было их происхождение, к моменту переселения уже говорили на тюркских диалектах. Из языка бельтиров, сагайцев и племен, переселившихся с собственно Алтая, сложился диалект, который я называю сагайским. Его можно услышать во всем своеобразии у Таштыпа. Язык качинцев — это диалект, близкий к сагайскому, так как он и раньше наверняка находился под сильным влиянием киргизского и телеутского языков. Таким образом, небольшая кучка койбалов, насчитывавшая, согласно Палласу, в прошлом веке лишь 1400 человек, оказалась меж двух многочисленных татароязычных народов, утратила постепенно свой собственный язык и отчасти усвоила язык сагайцев, а отчасти — качинцев. Благодаря тесному общению сагайцев и качинцев оба их диалекта постепенно смешались. Поэтому неудивительно, что в каждом селении от Мадыра до устья Абакана можно обнаружить постепенные изменения диалекта, и чем ближе расположены соседи, тем эти переходы незаметнее.

Все упомянувшиеся до сих пор абаканские татары относятся к Минусинскому округу, но кызыльцы, живущие по соседству с качинцами, относятся уже к Ачинскому округу. С незапамятных времен живут они в Юсской степи, т. е. на территории обоих Юсов — Ак-Юса и Кара-Юса, до реки Кия и Божьего Озера, так как Фишер [37] упоминает их как союзников киргизов [38] и противников аринов [39] уже в 1635 г. В сороковые годы насчитывалось 4362 кызыльца. Они делятся на десять родов: кызыл, большой и малый ачын (название, которому, несомненно, обязан своим именем город Ачинск), акы, басагар, камлар, аргын (большое тюркское племя, составляющее бо́льшую часть Средней орды — казак-киргизов [40]), калмак, курчык, шю. Таким образом, кызыльцы вобрали в себя весьма различные элементы — киргизов, телеутов (потомки которых называются, конечно, *калмак*) [41] и, разумеется, немало енисейских остяков [42] (ср. род шю). По языку кызыльцы ближе всего к качинцам. Кызыльцы объединены собственной Степной думой, резиденция которой находится у Черного Юса.

3. ЧОЛЫМСКИЕ ТАТАРЫ [43]

К северо-западу от Юсской степи, по Ачинскому округу, частью и по Томской губерпии, среди плотного русского населения живут отдельные полуобрусевшие татары, которых я объединяю названием *чолымские татары*. Число еще сохранивших татарский язык едва ли превышает 500 человек.

Чолымские татары живут точно так же, как русские крестьяне; единственное, что вынуждает их роды, состоящие порой лишь из нескольких десятков человек, придерживаться своей национальности, это то, что как местные жители, обложенные ясаком, они платят меньшие подати. Чолымские татары делятся на три племени:

1) кецик, к югу от Мариинска;

2) кюерик, севернее Мариинска;

3) собственно чолымские татары, к северу от Нижней Кии у реки Чердат.

Язык всех трех племен почти совпадает. Он дает нам убедительные доказательства того, что большинство чолымских татар состоит из пришлых барабинских и иртышских татар и телеутов, часть которых, несомненно, смешалась с тюркским населением Чолымской области, а другая — с рассеянными аринами и их соплеменниками [44].

4. ТАТАРЫ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ [45]

Жители Северного, или, вернее, Северо-Восточного, Алтая (т. е. района Бии и ее южных притоков, Кузнецкого Алатау, района рек Кондома, Мрас, Псас и Верхняя Томь) составляют четыре группы, частично отличающиеся друг от друга языком и обычаями:

а) Кумандинцы [46] — в основном по берегам Бии между Макарьевском и устьем Лебеди и по северным склонам гор. Кумандинцы живут повсюду небольшими селениями по пятьдесять жилищ и занимаются в основном земледелием. Их жилища представляют собой чаще всего грубо сколоченные бревенчатые бараки, землянки или корьевые юрты. Многие из них обрусели целиком или отчасти. Совершенно исчезла национальная одежда, не осталось и следа кочевой жизни. Язык кумандинцев, говорящих еще по-татарски, пополнился множеством русских слов. Кумандинцы делятся на два зайсанства [47]:

1. Зайсанство верхних кумандинцев. Оно состоит из двух родов: со и кубанды, или куманды (они и дали имя всему племени).

2. Зайсанство нижних кумандинцев. Оно состоит из

пяти родов: тастар, юты, чабраш и топ-кубанды[48]. Хочу обратить особое внимание на упоминавшийся уже род юты.

Численность кумандинцев в 1869 г. была:

Нижние кумандинцы . . .	831 мужчина	740 женщин
Верхние кумандинцы . . .	322 мужчины	284 женщины
Всего . . .	1153 мужчины	1024 женщины[49]

б) Лебединские татары. По языку не отличаются от кумандинцев. Живут на Лебеди (Лебедь — русский перевод татарского названия Ку), притоке Бии. Сами называют себя *ку-кижи* (люди с Лебеди) и распадаются на два рода: якшы и чалган[50]. Зайсан их из рода чалган.

в) Черневые татары[51] — это перевод татарского *йыш-кижи*, так как все эти татары живут в горах, заросших густыми хвойными лесами, к востоку от Катуни, а такие местности сибирские русские называют «чернь», а алтайские татары — *йыш*. Алтайцы называют этих татар также и *туба*. (Таково же самоназвание койбалов и сойонов, кроме того, вспомним и о встречающихся в «Истории Сибири» тубинцах[52].) Уже само имя *туба* свидетельствует о том, что эти татары, должно быть, пришли сюда с востока. По всей вероятности, это — самоедские племена[53], уже в тюркизированном виде переселившиеся в начале прошлого столетия в район между Телецким озером и Катунью. Они уже не раз смешивались с алтайцами и телеутами, так что язык их очень близок к алтайскому. Мне кажется, что диалектные особенности их языка доказывают, что тюркизировали эти самоедские племена киргизы[54]. Они и сейчас в основном занимаются охотой и собиранием кедровых орехов и корней, именно так, как китайцы описывают ду-бо[55]. Черневые татары состоят из пяти племен[56], каждое из которых подчиняется своему зайсану: 1) *кюзён* (роды *кюзён* и чедибеш); 2) *тиргеш* (роды тогуз, йобур чыгал); 3) *кёмнёш* (роды кёмнёш, ялан, тон, чыгал и палан); 4) *юс* (роды юс и шор); 5) *торгул*. Состав населения:

Кюзён	275 мужчин	234 женщины
Тиргеш	385 »	383 »
Кёмнёш	756 »	705 женщин
Юс	257 »	232 женщины
Торгул	121 мужчина	116 женщин
Всего . . .	1794 мужчины	1670 женщин[57]

г) Шорцы[58]. Все тюркские племена, которые я объединяю этим названием, живут в лесистых горах между Телецким озером и районом истока реки Томь. Алтайцы называют их *шор*. Сами они не имеют общего названия, а называют себя по рекам,

на берегах которых живут,— *пызас кижи* (люди с Псаса), *мырас кижи* (люди с Мраса), *том кижи* (люди с Томи). Я считаю этих шорцев потомками бывших кузнецких татар, оттесненных теперь в горы и полностью разоренных. О том, что кузнецкие татары ведут свое происхождение от енисейцев [59], я уже говорил. Шорцы и сегодня еще живут большими селениями, как сагайцы. А так как почва черни мало к тому пригодна, а русские от них очень далеко, объяснить такое можно лишь давней привычкой этого народа к оседлой жизни. К их языку очень близок сагайский диалект, что позволяет заключить, что и шорцы были тюркизированы под влиянием своих киргизских соседей [60]. Мне назвали у шорцев такие роды: кызай (кызыл-кая), таяш, конгы, койы, кый, кара шор, сарыг шор, карга, чедебес, челей, себе, тарткын, уста, кобый, аба, тагап, кереш, бар-соят, шалкал, чарагаш, беш бояк [61]. Сравнение этих родовых имен с родовыми именами сагайцев указывает на большую близость этих двух народов, так как целый ряд родовых имен — кызай, таяш, кый, шор, карга, чедебес — совпадают. Из других родовых имен обращу особое внимание на аба и уста. Аба — это, несомненно, предки абинцев, а уста в переводе означает «мастер, кузнец», что явственно указывает на связь с кузнецкими татарами. Официально шорцы делятся на 22 волости, и во главе каждой стоит баштык. Пять из этих областей расположены на Кондоме, три — на Мрасе. Число шорцев, официально зарегистрированных в 1869 г. как кочевники, составляло 5563 мужчины и 5125 женщин. О расселении родов я могу дать сведения только по тем районам, которые посетил сам: на Томи я встретил роды челей, себе, тарткын; на Мрасе — чедебес, челей, койы, кызай, уста; на Псасе — таяш; на Кёбюре — кобый; на Кондоме особенно много шорцев, тарткын, чедебес и себе.

Кроме этих шорцев, официально числящихся кочевниками и живущих в лесистых горах северных отрогов Кузнецкого Алатау, западнее Томи живет еще некоторое число оседлых татар, которых я также считаю смешанными с телеутами потомками кузнецких татар. По языку они отчасти близки к шорцам, отчасти — к телеутам. Официальное их название: «оседлые туземцы». Они живут в деревнях, как русские, и многие из них уже обрусели. Они делятся на шесть волостей со следующим составом населения:

Ач-кештым	214	мужчин	235	женщин
Баян	309	»	118	»
Торгул	176	»	196	»
Кёмнёш	229	»	209	»
Камлар	125	»	129	»
Ачын	296	»	322	женщины
Шю	355	»	385	женщин
Всего . . .	1704	мужчины	1594	женщины

Названия родов указывают на связь этих татар с кызыльцами, телеутами и черневыми татарами. Таким образом, теперь на Северном Алтае живет около 20 000 лиц, относящихся к татарским племенам [62].

5. СОБСТВЕННО АЛТАЙСКИЕ ТАТАРЫ [63]

Названием собственно алтайских татар я объединяю жителей этого горного массива, так называемых алтайских горных калмыков [64], двоеданцев и очень близких им по языку телеутов, хотя часть последних живет в Кузнецком округе.

Алтайцы. Русские называют их алтайскими калмыками, а часть, живущую на Чуе,— двоеданцами (т. е. обязанными платить двойную дань) [65]. Сами они называют себя *алтай кижи* (люди с Алтая) и *чу кижи* (люди с Чуи), редко — общим именем *ойрёт* (воспоминание о бывшем ойратском государстве, в которое они входили) [66]. Собственно алтайцы объединены в семь зайсанств и составляют население в 11 824 человека (6044 мужчины и 5780 женщин). Двоеданцы, с 1865 г. переставшие платить дань Китаю, делятся на два зайсанства общим числом 2000—3000 человек. Двоеданцы кочуют по рекам Чуя, Чолышман и Башкаус. Живущие на Чуе называют себя *теленгит*, на Башкаусе — *улан*, на Чолышмане — *тёлёс* [67].

По языку алтайцев и двоеданцев видно, что это племя [Volksstamm], должно быть, уже давно составляет компактное целое, так как диалектные различия отдельных племен [Stämme], которые называют себя главным образом по рекам, очень невелики.

В языковом отношении к алтайцам очень близки телеуты. Они называют себя *теленгет* или кара калмак и помнят о своей былой принадлежности к государству ойрётов. Когда-то телеуты были весьма многочисленным тюркским народом. Значительная часть их, несомненно, смешалась с южными и западными соседями. Одним из доказательств этого является то, что киргиз-казаки [68] и по сей день называют крепостных рабов-дружинников, принадлежащих султанам Средней и Большой орды, тёлёнгютами. А кроме того, мы уже упоминали, что многие телеуты смешались в XVII и XVIII вв. с северными татарами. Та часть телеутов, которая еще в XVII в. осела у Томска, смешалась с сосланными мусульманами и перешла в ислам. Небольшая группа, называющая себя до сих пор телеутами, живет сейчас по Большому и Малому Бачату в Кузнецком округе вместе с ачкештымами. Отдельные аулы телеутов разбросаны по Кузнецкому Алатау и по соседству с шорцами. Много телеутских селений имеется на Катуни, севернее миссии Улалу, но сейчас их жители чуть ли не полностью обрусели. Часть кузнецких телеутов недавно

переселилась в Бийский округ и живет в миссионерских селениях на Катуни. Это переселение было следствием того, что часть кузнецких телеутов приняла христианство и телеуты-язычники не захотели жить с ними вместе.

В Кузнецком округе сейчас всего 2991 телеут (1498 мужчин и 1493 женщины). В Бийском округе — 2791 (из них 1353 мужчины и 1438 женщин), и делятся жители этого округа на три районных управы. Стало быть, столь воинственный народ телеутов сегодня насчитывает лишь 5782 человека, и большая часть их уже совершенно обрусела.

У а л т а й ц е в роды такие [69]:

мундус, кыпчак, кёбёк, ярамалу, сары-алмат, кёзёгёлю, кара-алмат, тёлёс, ара, татош, найман, чапты, ыргыт, мюркют, тонжон, кан, кёдйо, кергиль, танду, пайлагас, сарт, кыргыс, сойон, монгол.

Роды ч у й ц е в [70]:

йыттас (йытту-ас, вонючий горностай), мундус, котты, кыпчак, сакал, кёбёк, йыдак, алмат, тёлёс.

Роды т е л е у т о в:

а) теленгет [71]: торо, очу, мюркют, ак-тумат, кара-тумат, чорос, кыпчак, сарт [72], найман, тёлёс, торгул, мундус, кочкор-мундус, тотош, пурут, чалман;

б) ач-кештым [73]: юты, тёрт ас (четыре горностая), чюнгюс, анг [74].

Встречающийся у телеутов и алтайцев род сарт, по всей видимости, объединяет чужеземные народы — потомков нескольких семейств сартов [75], бежавших на юго-запад после падения государства Кучум-хана или взятых калмыками в плен. Роды монгол и кыргыс тоже состоят из нескольких семейств, оставшихся на Алтае со времен крушения монгольского государства и изгнания киргизов из долины Енисея. Сойон — потомки тех 50 семейств сойонов, которые 50 лет назад прикочевали на Алтай и уже в 60-е годы полностью стали алтайцами. Примечателен телеутский род пурут, по всей видимости киргизский [76]. Но откуда взялось название *пурут*, ведь так называют тянь-шаньских киргизов только монголы? Может быть, пурут — потомки взятых в плен тянь-шаньских киргизов. (Напомню о предании, что киргизы были уведены на юг войском бурутов.) Так как зайсанство передается по наследству [77] и зайсаны алтайцев, чуйцев и телеутов происходят из родов мундус и кыпчак, мы имеем полное право считать эти роды самыми древними у теленгетов, как и род тотош, которым управляют телеутский и алтайский зайсан. Для всех трех племен общими являются роды тёлёс, кёбёк, найман, мюркют и алмат, и, стало быть, их тоже можно считать древними родами телеутов. Кроме того, зайсанскими родами являются также телеутские чорос, чалман и юты и алтайский ыргыт, который я считаю киргизским родом [78].

Следует еще обратить внимание на род ара (у алтайцев). Очевидно, это — потомки древних аринов и танду [79], переселившихся, несомненно, из Танну-Ола в Западной Монголии.

6. ТАТАРЫ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ [80]

Более точные сообщения о татарах Западной Монголии имеются у нас только от Потанина [81]. Монголы называют этих татар *уранхай* [82] — именем, которым монголы вообще называют алтайских горных калмыков и чуйцев. Русские называют этих тюрков, живущих в китайском районе [83], общим названием *саянцы, алтайцы*, а абаканские татары называют их *сойон*, в научных трудах их называют обычно *сойонами* или *сойотами* [84]. Эти татары называют себя общим названием *туба*, по крайней мере так называли себя Потанину сойоны у Дзинзилика и кокчолуты [85]. (Напомню о дубо китайцев [86] и тубинцах, фигурирующих в «Истории Сибири» [87].) Эти татары живут на узкой полоске земли у русской государственной границы, от истоков реки Кобдо и до озера Косогол, и еще далее на восток и главным образом севернее Танну-Ола. Южнее этого хребта сойонами заселена узкая полоса шириной не более 30—40 верст от Танну-Ола до линии китайских пограничных пикетов [88]. Южнее этой линии Потанин встретил татар лишь в двух местах: 1) на южном склоне Хан-Хухей в долине реки Нарын-Сымын; 2) у истоков реки Кобдо у так называемых кокчолутов [89].

Отдельные татарские роды, живущие дальше к югу, теперь совершенно омонголились. Монгольский элемент вместе с буддизмом все более вторгается в их жизнь [90].

Татары у Дзинзилика называют себя *танну тубасы*, т. е. люди туба из Танну [91]. Они образуют пять кошунов, управляет ими *гурта* Дхасык-тат (по законам сойонской фонетики это слово должно звучать обязательно *курта*) [92]. Один из пяти кошунов называется по имени своего начальника, амбаня, Амбань-Кошуном. Каждый кошун состоит из четырех сумынов [93]. Дзинзиликский кошун [94] состоит из сумынов [95]: Кыргыс, Салджак, Байгара, Нур и Мадер. Сумын Кыргыс расположился меж рек Тарис-Термис (приток реки Тельгирморин) и Султур, впадающей у караула Эрзин в реку того же названия. Его северную границу образует горная цепь Танну. Три других сумына располагаются севернее Танну-Ола. Южнее татары живут лишь у истока реки Ха-Кем (Хуа-Кем). Так как там, должно быть, есть озеро, татары этого сумына называют себя *кёль-сумыны* (нет ли другой причины? Ср. койбальский род кёль) [96]. В низинах Ха-Кема располагается сумын Салджак [97], а ниже слияния рек Ха-Кем и Би(Бей)-Кем — сумын Байгара, или Байгыр [98]. Амбань-хошун состоит из

сумынов: Оин, Ырхыт, Сойон и Чоты [99]. Сумын Оин, или Ойныр, живет у Сангылтая, Чоты — у Харалыка, Ырхыт — у Тарлыкчына, Сойон — у Нарына, южнее реки Тес.

Касательно трех остальных кошунов сойонов из Танну Потанину [100] удалось лишь узнать, что у Кемчика живет кошун Базыр-гурты и состоит он из десяти сумынов [101]. Кроме вышеназванных Потанину назвали еще роды тоджы [102] и маты [103] (напомню о татарах, известных из «Истории Сибири» под названием *мат*), шалык [104] и кемчик [105]. Сойоны, живущие севернее и восточнее озера Косогол, подчиняются особому главнокомандующему, да-нойону (высшему чиновнику), который живет на восточном берегу Косогола [106]. Потанин встретил только двух представителей этого племени, называли они себя гурта-сойонами или эджен-сойонами. У истоков реки Кобдо живут кокчулуты, называющие себя *туба* [107]. Кочующие неподалеку киргиз-казаки [108] называют это племя *кёк-моиншак* (голубые жемчужины). Сопоставляя противоречивые сведения о составе этих сойонов, Потанин сумел лишь констатировать, что кокчулуты состоят из пяти кошунов — Мерен-да, Черен-да, Хомбу-да, Темик-да, Беджин-да. Эти названия [109] показывают, что во главе каждого кошуна стоит должностное лицо, называемое *да*. Наверное, слова, стоящие перед *да*,— имена соответствующих должностных лиц. Этими пятью кошунами управляют, по-видимому, два амбаня, точнее — западный амбань управляет теперь монголоязычными кошунами Мерен-да и Черен-да, а остальными тремя — восточный амбань. Кроме названий кошунов сойоны сообщили Потанину еще следующие названия родов: бюркют (ср. алтайский род мюркют), хотун, донкур, тарбыт и хасик (хасик назван здесь, очевидно, ошибочно). Монголы называют так киргиз-казаков, которые кочуют по территории кокчулутов. Отдельные лица, противореча Потанину, утверждают, что донкур и тарбыт не родовые имена, а названия кошунов). Говорят, что род донкур живет на озере Дулбо, а на Аккёле — два рода: сары-сойон и кара-тёш. Таковы сведения Потанина [110].

Мне самому в 1861 г. встретились у Каракёля [111] аулы сойонов, называвших свой народ именем *туба* и, как правильно указывает Потанин, относившихся к роду сары-сойон. Все, что я писал о языке сойонов вообще, полностью относится и к языку сойонов, живущих на Каракёле. Я не мог получить данных об этих сойонах, так как их начальник строго запретил своим подчиненным сообщать мне хоть какие-нибудь сведения о своем роде, подозревая, что я приехал к ним со шпионскими намерениями.

Кастрену, как и мне, не удалось собрать более точных данных о распространении и членении сойонских родов. В своем путевом очерке он упоминает лишь, что ехал верхом из форпоста Ша-

дацк через главный гребень Сойонских гор и южнее реки Амыл наткнулся на сойонов. Взгляды Кастрена на сойонов можно кратко сформулировать следующим образом: 1) многие сойонские родовые имена совпадают с самоедскими; 2) сойонский род маттер, по преданию, происходит от маторов, которые, несомненно, были самоедами; 3) род тот в древности говорил на том же языке, что и койбальский род кёллёр, у членов его Кастрен еще в 1847 г. обнаружил знание некоторых самоедских слов; 4) Кастрен сделал, кроме того, открытие, что такие роды койбалов, как кайдынг и бай,— остяцко-самоедского происхождения; 5) он полагает также, что отдельные енисейско-остяцкие роды превратились в сойонов, хоть найти их еще труднее, чем самоедские роды [112].

В письме из Иркутска от 1 марта 1848 г. Кастрен еще раз возвращается к сойонам и сообщает, что среди бурятов Тункинской степи поселился сойонский род ыркыт (57 налогоплательщиков). Часть этих сойонов, живущая в степи, полностью превратилась в бурятов [113], а часть, живущая в горах, говорит на тюркском диалекте карагасов.

Из всего сказанного выше очевидно, что общее название сойонов — *туба* и что живут они значительными массивами вдоль границы Сибири, начиная с истока реки Кобдо у Кемчика и в системе Улу-Кем до Косогола и восточнее Косогола до Тункинской степи и системы Селенги. И далее — что все эти сойоны говорят на каком-то языке тюркской группы, который повсюду не очень отличается от языка сойонов Каракёля [114]. В некотором отношении язык сойонов близок к языку уйгуров, карагасов и якутов [115]. И так как уйгуры, по китайским данным, первоначально жили на Селенге и до Алтая, т. е. отчасти в том же районе, который сейчас занимают сойоны, я глубоко убежден, что народом, который смешался с сойонами и тюркизировал их своим влиянием, и были древние уйгуры [116]. Возможно, имя *сойон* вообще обозначает уйгурский род, а может быть, его можно узнать в упоминаемом китайцами названии рода се-ян-ту. И тюркизация и смешение произошли, несомненно, в очень раннее время, так как уже в XVII в. сойоны жили точно так же, как и сейчас, у Кемчика и были южными соседями тёлёсов и киргизов. Последнее смешение с самоедами и енисейскими остяками, которое наблюдал Кастрен, несомненно, произошло позже, в XVIII в., когда часть тубинцев и маторов бежала от русских на юг [117].

Встречающийся у Потанина род кыргыс, составляющий целый сумын, по всей вероятности, является частью киргизов, уведенных в конце XVII в. на юг калмыками [118], а род ыркыт — или уйгурский род, смешавшийся с киргизами, или киргизский род, перешедший когда-то к сойонам. Очень многие сойонские племена сейчас уже целиком и полностью монголизировались, а в других

столь широко распространились буддизм и монгольский язык, что они постепенно совершенно вытеснят тюркский элемент [119].

Если сравнить друг с другом языки вышеназванных тюркских племен, то здесь можно отчетливо различить три периода тюркских языковых напластований, связанных, очевидно, с тремя великими народными переселениями тюркских племен: хионг-ну, тукю и уйгуров [120]. Самый древний слой языковых напластований тюркских племен, прокатившихся южнее, представлен, разумеется, языками алтайских телеутов, второй слой напластований эпохи тукю — языками киргизов, сагайцев, шорцев-бельтиров и черневых татар и новейший, или уйгурский, период — языками соёнов, карагасов и якутов.

Кроме соёнов Потанин встретил в Западной Монголии меж озер Кыргыс-Нор и Упса-Нор еще один маленький тюркоязычный народ. Это — крепостные дэрбёта вана [121], по всей видимости, пленные из Средней Азии, доставленные сюда только в прошлом веке и размещенные калмыцкими ханами по соседству, дабы они исполняли для них сельскохозяйственные работы. Они и сейчас ежегодно должны отдавать вану 400 мешков пшеничной муки, т. е. по мешку с юрты, так как их население исчисляется в 400 юрт. Сами они называют себя *бусерман*, а монголов — *халмик*, а монголы называют их, как и всех сартов, *хотон* (горожане). Одеваются они уже почти по-монгольски, религию свою почти забыли. Теперь они ведут кочевую жизнь, как и их повелители: зиму проводят в горах западнее Кыргыс-Нора, а летом переезжают на реку Телингола, впадающую в озеро Упса. Своего прародителя они называют Кюн-кер и выводят свои восемь родов от его сыновей, которых звали Аджу-Хурман, Яз, Илбе, Бурут, Юдзюбюк, Казыл.

7. ОСЕДЛЫЕ ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕЙ АЗИИ

Здесь я ограничусь, естественно, сообщением только о тех племенах, у которых я побывал сам во время моего путешествия.

а) таранчи [122] долины Или

В 1862 г., когда я посетил долину Или, это тюркское племя насчитывало 8000 податных семейств земледельцев, частично переселившихся сюда из района Шестиградия еще во времена калмыцких ханов, в XVII и XVIII вв., но большая их часть переселилась сюда лишь после завоевания долины Или китайцами. Создается такое впечатление, что китайцы постарались при переселении этих народов перемешать их, и теперь во всех селениях таранчи (по-монгольски — земледельцы) мы находим переселенцев из Кашгара, Яркенда, Аксу и т. п.

В прошлом столетии переселились сюда и китайцы:

1) справа от Или: по ту сторону реки Каш, у канала Ариостен, у канала Байтукай, по рекам Нилка, Олатай, Боробургазун, Билекей, Чубуркай и Йыргалан — 4100 семейств;

2) слева от Или: по рекам Тарксыл, Когуши, Ягыстай, Кайнак, Бугра, Хонокай и Долаты — 1900 семей.

Центр всего татарского населения долины Или образовал татарский город Кулджа, в нем проживало главным образом старое местное татарское население. А кроме того, здесь жили, конечно, и ссыльные из Кашгара, и купцы из Кашгара, Коканда, Ташкента и Бухары. Мне сказали, что население города Кулджа составляет 30 000 человек.

Я считаю таранчей, как основную массу татар Малой Бухарии (района Шестиградия), потомками южной ветви уйгуров. Китайцы и по сей день называют их *хуэйцза*, а дунган (т. е. китайцев-мусульман Северного Китая) они называют *хуэй-хуэй*. Клапрот [123] цитирует касательно этого названия следующее место из «Сюй хун цзянь лу»: «Сначала хуэй-хуэй звали хуэйхэ, до середины эры правления Юан-хэ династии Тан (т. е. между 806 и 820 гг.), когда их начали называть хуэй-хуэй». Во времена монголов в Китае их называли *уйгуёл* (уйгур). Язык таранчей и кашгарских татар гораздо ближе к языку среднеазиатских татар, чем к тому диалекту уйгурского языка, который мы встречаем, например, в «Кутадгу Билиг».

Кроме таранчей имеется еще одно довольно большое поселение татар, тоже, несомненно, являющихся потомками уйгуров и образовавших как бы татарский языковой остров среди монгольских племен. Это татары Хами. Так как татары Хами в языковом отношении очень близки к таранчам и о них у нас есть только сведения Потанина [124], отчеты которого малодоступны немецкому читателю, я хочу сообщить здесь важнейшие из его данных.

Татары Хами, как и таранчи долины Или, называют себя чаще всего *ерлик*, что значит «местные жители», «туземцы», но в отличие от остальных татар они называют себя *хомул-ерлик* [125]. Потанин утверждает (не могу судить, имеет ли он на то достаточно оснований), что значение слова *ерлик* у них целиком покрывает значение слова «мусульманин». А китайцы называют их *шанту*. Думается, что здесь Потанин ошибается, китайцы называют всех мусульман, в том числе и татар Хами, *шанту* (тюрбаны) именно за то, что они мусульмане, а как народ их называют *хуэйцзы*. Мне говорили в Кулдже, что китайцы называют этим именем не только таранчей и татар из района Шестиградия, но и татар хомуль. Монголы называют их, как и всех среднеазиатских сартов, *хотон*, что, собственно, означает «горожанин», «оседлый». Во главе татар Хами стоит наследный князь, ко-

торого они называют *ган*, или *ходжа*, или *аккан* (возможно, *эким-хеким*). Так как он носит китайский титул *ван*, они называют его и *ван-ходжа*.

Сарты-хами живут в самом городе Хами, а кроме того, во множестве селений на восточных отрогах Тянь-Шаня. Потанину назвали следующие селения, расположенные на южных склонах Тань-Шаня: Ташар, Артам, Паташ, Эдиль, Темюрте, Хотунтам, Так, а на северных: Пай, Ном, Адам, Ар, Тюрюк, Картук, Калагайтай, Нарин.

б) Оседлые татары Русского Туркестана

Так как в 1868 г. я посетил только долину Шу [126], бывшую Сырдарьинскую область и Зеравшанскую долину, я могу сообщить данные только об условиях жизни народов этих местностей.

Как киргизы, так и узбеки называют оседлое тюркское население долины Шу и городов Токмак, Мерке, Аулиета, Туркестан, Чемкенд, Ташкенд, а также часть тюркских жителей Ходженда, Джизака, Уратепе и Замина сартами [127]. По своему типу сарты сильно отличаются от остального тюркского населения Средней Азии и внешне очень похожи на персоязычных таджиков, живущих в Ходженде и Джизаке. У всех у них интенсивно черные волосы, большие, глубоко сидящие черные глаза, с кустистыми черными бровями, удлиненные узкие лица, большой изогнутый нос, весьма густая растительность на лице. Сам тип сартов и то, что в Хиве они говорят по-персидски и считаются там потомками персидского коренного населения Средней Азии, заставляет нас предположить, что эти сарты не что иное, как тюркизированные персидские аборигены Турана. Сами сарты ничего не могут сказать о своем происхождении, и у них как будто не сохранилось никаких воспоминаний о своих родовых именах.

Между Ташкендом и Ходжендом живет небольшое оседлое татарское племя, называющее себя *курама*. Оно состоит из пяти родов: джалаир, телеу, тама, джагалбайлы и тараклы. Похоже, что это смесь узбеков и киргизов [128]. Киргизы утверждают, что название *курама* было дано им как раз потому, что они составлялись из многих племен (*кура* — «сшивать, собирать из кусков») [129].

Центром среднеазиатского тюркского населения следует, несомненно, считать Зеравшанскую долину. Подлинно тюркским народом этой долины являются узбеки, которые, очевидно, пришли сюда в результате своих передвижений и осели племенами и родами, заняв где мелкие, где крупные районы [130]. Тюркоязычные народы — казаки и киргизы [131] — кочуют и до сих пор точно таким же образом.

У узбеков («сами себе господа», т. е. свободные люди, *өз* — «сам», *бек* — «господин») [132] имеются следующие племена.

1. *Кытай кыпчак*. Живут в самой Зеравшанской долине от

Самарканда до Катырчы и на север до Чилека. Делятся на следующие группы и роды:

а) Кытай [133]: сары кытай (желтые кытаи), отарчы (которые пасут), канджыгалы (те, кто с ремнем на седле), кош-тамгалы (с двойной тамгой), тараклы (имеющие гребни), балгалы (имеющие молотки).

б) Кыпчак [134]: тёрт тамгалы (имеющие четыре тамги), сары кыпчак (желтые кыпчаки), тогус бай (девять богачей).

В Зеравшанской долине живут главным образом кытай, а кыпчаки, по-видимому, составляют основное население Коканда и ведут там отчасти еще кочевой образ жизни. Эти два племени так тесно связаны друг с другом, что на вопрос об их происхождении всегда отвечают: «Я кытай-кыпчак». (В отношении рода тогус бай я хочу напомнить, что у племени тиргеш черневых татар на Алтае есть род тогус.)

2. *Кыркмен-юз* (т. е. *кырк* — «сорок» и *юз* — «сто»). Они живут на большой низменности между Ходжендом, Уратепе, Заминым, Джизаком и Янгыкурганом и южнее Пенджикенда. На севере живут главным образом представители племени юз, а на юге, у Джизака и Янгыкургана,— кырк. Они состоят из следующих родов:

а) Племя кырк (сорок): кара койлы (имеющие черных овец), карача (черноватые), кара сирак (черные голени), чапанашлы.

б) Племя юз (сотня): карапча, тыгырык, перче юз (часть сотни), эргенекли, солаклы (имеющие загоны), ханходжа кытайсы (кытаи хана Ходжи), хаджи кытайсы [135] (кытаи Хаджи), коян кулаклы (зайцеухие), туяклы (имеющие копыта), сиргели (имеющие серьги).

Следует упомянуть, что у черневых татар Алтая тоже есть племя юс, состоящее из родов юс и шор [136]. Кроме того, я хочу внести поправку в представление о возникновении имени *кыргыс*. Может быть, по законам тюркского языка оно и могло образоваться по всем правилам от *кырк-юс*. Но я не смею допустить, что оно и в самом деле возникло таким образом [137]. Следует также упомянуть (как мы уже заметили, говоря об истории казаков), что казаки делились на три орды, которые они называли юз или джуз. По данным кази Замина генерал Макшеев [138] дает такой подробный обзор юзов [139]:

I. перче юз
1) уч тамгалы
а) баймаклы
б) борун-садак
в) алмачи
г) мырза
д) сиргели
е) юйели
2) кара-калпак
3) пёджегей
4) тёрт тамгали
а) ак кигиз
б) коян-кулаклы
в) балгали
г) ши-кулы
д) ток-бай.
II. кытай юз
1) хан-ходжа кытайсы

а) небюсе
б) сарт юс
в) кара курсак
2) тигирик
а) беш-кой
б) куру казан
в) баки мешей
3) хаджи кытайсы
а) чирки-реюк
б) могал
в) алма-суан
4) тюрюк-пен
5) джаланр
III. салин
1) шалман тыпи
2) нау-фереш
3) тогай тюпи
4) кеюрек
5) даулай
6) кыйрк садак
IV. уяз
1) ак чекмен
2) нарын
3) чун-кан
4) сир-буйунлук
V. карапча
1) бюрджеген
2) конгиргай
3) сегиз-сари
4) найман
5) хоканды
6) кош-тамгали
7) очамейли
8) мангыт
9) кепегес
10) байаут
VI. найман ергенекли чал джийит
VII. беш юс кош тамгали
VIII. солаклы
1) кюль тепюлик
2) бешкел
3) гафир
4) чиркиреюк
5) мырза
6) арык
7) беглер тюпи

3. *Канглы* (двухколесная телега) — маленькое племя, живущее у Джизака.

4. *Найманы* живут к югу от Каттыкургана и в окрестностях города Джизак.

5. *Минг* — довольно многочисленное племя, живущее юго-восточнее Самарканда. По всем данным, минги составляют население городов Каратепе и Ургута и кокандские ханы, очевидно, происходят из племени минг.

6. *Кенегес* — весьма многочисленное племя, по всей вероятности составляющее население Шехрисебза; считается, кроме того, что много кенегесов в Хиве.

7. *Мангыт*. Это племя составляет основное население города Карши и его окрестностей.

8. *Мезит*, *ябы* и *тама* называют общим именем *уч ру* (три рода), они живут в горах Зиаддин, до города Кошкауса.

9. *Сарай* живут западнее Кошкауса, до Ханчарвагы.

10. *Буркут* [140] живут между Кермине и Мелике (ср. телеутский род мюркют).

11. *Аллат* — у Каракёля, между Бухарой и Шардже.

12. *Бехрин* — у Пейшемби, севернее Каттыкургана.

13. *Баташи* — в разных местах [141].

Кроме узбеков живут еще в разных местах оседлые кара-калпаки и туркмены. Из них я встретил:

1) *Кара калпак* (черные шапки) [142]. Северо-восточнее Самарканда во многих селениях у Актепе и Бешарыка. Говорят, они

недавно перекочевали сюда от Амударьи. Из родовых имен я встретил здесь: оймаут, кара-койлы (имеющие черных овец), и кара сенгир (черное предгорье).

2) *Тюрюкпен* (туркмены) [143]. Они живут к северу от центральной Зеравшанской долины, в горах Нурата. Туркмены назвали мне следующие свои роды: казайаглы, канджыгалы и бёгёшёлю [144]. Два последних рода относятся, должно быть, к племени уйсюн, стало быть, состоят в племенном родстве с казахами Большой орды.

Статистические данные об оседлом населении Туркестана:

Сырдарьинская область

1. Округ Туркестан

Город Туркестан	1150 домов
6 деревень	660 »
Всего	1810 домов

2. Округ Чемкенд

Город Чемкенд	750 домов
6 деревень	1860 »
Всего	2610 домов

3. Округ Аулиета

Город Аулиета	200 домов
Поселение Мерке	170 »
Всего	370 домов

4. Округ Ташкенд

Город Ташкенд	16 000 домов
Поселения:	
21 справа от Чирчика 28 слева от Чирчика	4 880 домов
72 поселения курама[145]	3 280 »
4 узбекских поселения	130 »
Всего	24 290 домов

5. Округ Ходженд

а) Район Ходженда	
Город Ходженд	4000 домов
9 деревень	1420 домов
Всего	5420 домов
б) Район Нау	
20 селений	610 домов
в) Район Уратепе	
Город Уратепе	3 000 »
119 деревень	6 070 »
Всего	15 100 домов

6. Округ Джизак
   а) Район Замин
      33 поселения . . . . . 3 800 домов
   б) Район Джизак
      Город Джизак . . . . . 1 150 »
      76 поселений . . . . . 8 580 »

Всего . . . 13 530 домов

Таким образом, в Сырдарьинской области 57 710 домов и, считая по пять человек на дом, в целом около 300 000 оседлых тюрков.

Так как в округах Туркестан, Чемкенд, Аулиета, Ходженд живут главным образом сарты, а в городах Ходженд, Джизак и Уратепе — таджики, говорящие по-персидски, мы можем произвести такой примерный подсчет:

Тюркоязычные сарты	160 000	человек
Персоязычные таджики	40 000	»
Курама	20 000	»
Узбеки	80 000	»
Всего . . .	300 000	человек[146]

8. СЕВЕРНЫЕ СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ [147]

Кочевые народы северных степей, известные под общим названием киргизов, распадаются на две совершенно различные народности — на кара-киргизов [148] и казаков.

Кара-киргизы, которых русские называют дикокаменными киргизами, сами называют себя *кыргыз*. Я уже говорил выше о возможном происхождении этого слова из *кырк* и *юз* (ср. сказанное выше об узбекском роде *кыркмен-юз*). Название «киргизы» начинает упоминаться только при монгольской династии. Я уже суммировал выше все известное нам о предыстории киргизов [149] и писал, что киргизы Тянь-Шаня упоминаются еще в XIII в. Поэтому вполне вероятно, что основная часть тянь-шаньских киргизов живет на Тянь-Шане уже много веков.

Киргизы, которых монголы называют бурутами, а тюркоязычные соседи — кара-киргизами, живут теперь по северным склонам Тянь-Шаня на запад от реки Текес, т. е. южнее Исиккёля, на равнине Шу, и на юг от Кашгара, на восток до Коканда и Таласа. Число кара-киргизов, должно быть, очень велико. Они делятся на две группы: *онг* (правые) и *сол* (левые).

Онг делятся на шесть племен [150]:

1. Племя *бугу* (олень), кочующее между рекой Текес и восточным берегом Исиккёля. Мне сообщили следующие названия

родов бугу: челек (род манапов, «князей»), торго, бапа, елден, такабай, бор (печень), дёлёс (весьма немногочисленный), кыдык, конграт (немногочисленный), монгулдур (немногочисленный), саяк (немногочисленный), шыкмаят, каба, асан тукум, арык тукум, кючюк, серикей, ондон (четыре последних рода в 1862 г. были еще подданными Китая, а все остальные роды бугу перешли к русским; теперь все бугу — русские подданные).

2. Племя *сары-багыш* (желтые лоси), кочующее на севере и востоке Исиккёля. Сары багыш в 1860 г. лишь номинально были подданными России и платили дань Коканду, теперь все они подданные России. Мне назвали следующие названия родов сары-багыш: сару, каба, монгулдур, шыкманат, саяк, ассык, дёлёс, конграт, мундус, кытай и етиген. (Прошу обратить особое внимание на роды дёлёс и мундус, очень многочисленные и у алтайцев.) Конграт,— несомненно, чужой тюркский род казахов, впоследствии объединившийся с киргизами. Кытай,— по-видимому, узбеки, смешавшиеся с киргизами.

3. Племя *солту* кочует к югу от реки Шу и было раньше подданным Коканда; теперь оно относится к Токмакскому району. У солту мне назвали следующие роды: етиген, кучу, сару, монгулдур, кытай, мундус, ассык.

4. Племя *эдигена* у реки Андиджан в 1869 г., когда я был на Исиккёле, еще было подданным Коканда. Мне назвали здесь восемь родов: дёлёс, сару, конграт, монгулдур, мундус, саяк, каба и шыкманат.

5. Племя *чон багыш* (большой лось) кочует западнее Кашгара и было раньше подданным Коканда. Мне назвали роды: аскалы, торо, мачак, ўш тамга, кандабас, кош тамга, куан дуан. (Нужно заметить, что род таро весьма обширно представлен и у телеутов, а роды ўш тамга и кош тамга,— конечно, узбекские.)

6. Племя *черик* (войско) было подданным Коканда. Мне смогли назвать только два его рода: ак-чубак и бай-чубак.

Группа сол гораздо малочисленней, чем онг, они кочуют у реки Талас и состоят из следующих родов: сару, беш берен, мундус, тёнгтёрюп, кучу, кюркюрен, етиген.

Я не могу привести точные данные о числе кара-киргизов, так как даже русское правительство ко времени моей поездки на Исиккёль не имело в своих руках точных статистических данных. По данным знакомых мне манапов, все киргизские роды, включая и те, что являются подданными Коканда и Китая, насчитывают до 80 000 кибиток, что означало бы население свыше полумиллиона.

Касательно же бугу и части сары-багыш, один русский чиновник передал мне составленный им статистический обзор родов и их начальников, перешедших в 1862 г. в подданство России, который дает нам более точную картину соотношения населения.

I. Племя *бугу* (верховный манап Буранбай)

1. Племенная группа *арык* (манап Токсаба) состоит из:

а) кючюк	2000	кибиток	(бий Тюлёгён)
б) ондон	200	»	(бий Тетей)
в) сарик	200	»	(бий Мунач)
г) сары калпак (желтошапочники)	100	»	(бий Мурза)
Всего . . .	2500	кибиток	

2. Племенная группа *бапа* (бий Бекбай) состоит из:

а) чонг чоро	100	кибиток	(бий Бекбай)
б) чылпак	200	»	(бий Султанай)
Всего . . .	300	кибиток	

3. Племенная группа *белек* (манапы: Буранбай, Мурад Али, Кача-Бек) состоит из:

а) алдияр	500	кибиток	(бий Ягыш)
б) алдаш	4 000	»	(манапы: Буранбай, Мурад Али)
в) токой	200	»	(бий Малбай)
г) токаш	100	»	(бий йо Бассар)
д) саты	30	»	
е) такабай	170	»	(бий Кёкчё)
Всего . . .	5 000	кибиток	

4. Племенная группа *кыдык* (бий Борсук) состоит из:

а) якшылык	250	кибиток	(бий Чингиз)
б) яманбай	400	»	(бий Тюкён)
в) тургай	800	»	(бий Койсоймос)
г) кудай-бакты	300	»	(бий Бута-кан)
Всего . . .	1 750	кибиток	

5. Племенная группа *елден* (бий Иман) состоит из:

а) курачбек	400	кибиток	(бий Юпыбек)
б) сары катын	500	»	(бий Иман)
в) балык	150	»	(бий Малбак)
Всего . . .	1 050	кибиток	

6. Племенная группа *бор* (манап Табулда) состоит из:

а) сары бор	200 кибиток	(бий Берди Ходжа)
б) кара бор	200 »	(бий Бай Ходжа)
Всего . . .	400 кибиток	
В целом . . .	11 000 кибиток	

II. *Сары-багыш* (манап Умбёд Али)

1. Племенная группа *изенгюль* (манап Умбёд Али) состоит из:

а) ассык	600 кибиток	(бий Чил)
б) уссюк	150 »	(бий Кызалак)
в) чертики	230 »	(бий Чоды)
г) чагалдак	150 »	(бий Кючюк)
д) абла	300 »	(бий Абла)
е) сабар	100 »	(бий Сара)
ж) чичей	80 »	(бий Чора)
з) тастар	150 »	(бий Бердибек)
и) калмак	350 »	(бий Байзерке)
к) джантай	250 »	(бий Суйундук)
л) едигер	540 »	(бий Байбута)
м) аюке	150 »	(бий Баспан)
н) монгулдур	350 »	(бий Токтор)
о) йарбан	125 »	(бий Юрдесе)
п) етиген	400 »	(бий Янбулат)
р) баш кюрель	600 »	(бий Айылчы)
Всего . . .	4 925 кибиток[151]	

2. Племенная группа *ассык* состоит из:

а) козугун	50 кибиток
б) бучман	60 »
в) бура	100 »
г) бай кючюк	300 »
Всего . . .	510 кибиток

3. Племенная группа *тынай* (манап Янтай).
4. Племенная группа *чирикчи* (манап Тёрёкёлди).
5. Племенная группа *надырбек* (манап Калыгул).

В целом у сары-багыш, очевидно, много больше чем 10 000 кибиток.

Племенные группы и подгруппы постоянно меняются и не делятся строго по родам, так как любая чем-то выделившаяся личность благодаря своему влиянию завладевает различными аулами и вследствие этого возникают новые племенные образования, порой получающие имя своего вождя.

Но, принимая новые родовые и племенные имена, люди не забывают своего происхождения. Так, к вышеупомянутым кыдык относятся люди из племен саяк и черик — 300 кибиток, кроме того, 700 кибиток саяков принадлежат крепостным манапов. Около 70 лет назад племя сары-багыш состояло из четырех групп: булат, темир, надырбек и тынай, а теперь оно состоит из пяти частей: изенгюль, ассык, тынай, чирикчи и надырбек.

Статистический обзор кара-киргизов, по Макшееву:

I. Сырдарьинская область

1. Округ Аулиета

Род сару	1 500	кибиток
» кучу	650	»
» багыш . . .	100	»
Всего . . .	2 250	кибиток

II. Семиречинская область

1. Округ Токмак

Род сары-багыш . .	6 300	кибиток
» солты	7 600	»
» саяк	2 000	»
Всего . . .	15 900	кибиток

2. Округ Иссыккёль

Род бугу	9 175	кибиток
Всех кара-киргизов . . .	27 325	кибиток

Если считать в среднем на каждую семью по пять человек, то в целом кара-киргизское население составляет около 150 000 человек.

Число указанных здесь кибиток бугу меньше, чем указанное мной в 1862 г., так как часть рода в долине Или ушла к таранчам.

Казак-киргизы, как я уже показал раньше, издавна называют себя казаками, и лишь по ошибке русские называли их киргизами, а ученые в официальных документах — кыргыз-кайсаками, чтобы отличить их от собственно киргизов. Казак-киргизы, безусловно, самое многочисленное кочевое племя тюркского происхождения. Число их достигает, несомненно, 2 000 000, и они кочуют по киргизской степи, теперь целиком принадлежащей Российской Империи: на восток — до истоков Иртыша, на запад — до Каспийского моря у устья Волги, на юг — до среднеазиатских ханств и на север — до среднего течения Иртыша, Ишим

ской степи и южных склонов Уральских гор. Хотя названия родов очень явственно свидетельствуют о том, что казак-киргизы сформировались из пестрого конгломерата самых разных тюркских племен с примесью племен монгольских и даже самоедских, приходится все-таки констатировать, что в социально-политическом и языковом отношении все киргизы на огромном участке их распространения так тесно слились и переплавились, что мы по праву можем называть их единым народом, так как им вообще присуще осознание единства своего народа и его неразрывной общности.

Киргизы распадаются на три больших объединения (орды), которые они, как это ни удивительно, называют *джюз* или *дюз* (сотня).

1. *Улу-джюз* (Большая сотня) — Большая орда. Теперь она кочует южнее озера Балкаш, Алатау и Исиккёля, на восток — до Аулиеты, Чемкенда, Туркестана и Ташкенда. Племенное название Большой орды — Уйсун. Орда же распадается на множество родов. Восточный фланг от китайской границы до Исиккёля составляют роды суан и абдан с подразделением на босун, айт кыстык, кызыл пёрюк, конгур пёрюк, сегис сары, алджан и тулат; западный фланг — сихым у Чемкенда, джамыс, темир, шымыр ботпай у Аулиеты, кур улус (люди бия Идеге), беш-тенгбала (пять одинаковых детей), сиргели, ысты, отакчы, джалаир шаппас у Ташкенда. Встречаются и крепостные султанов: каракалпак, тюрюкшен, кангды и тёлёнгют.

2. *Орта-джюз* (Средняя сотня) — Средняя Орда. Она состоит из племен: аргын, найман, кыпчак, кирей и конграт.

Племя аргын кочует у Среднего Иртыша, Тобола, Ишима и т. д., т. е. в самой северной части степи, и распадается на роды: кара-кезек, шар-джетим (четыре сироты), джанджар, тёртаул (четыре аула), атыгай, алтай, тербиш, табакты, боршы карпак, базентин, агыш, калканам, канджыгалы (с ремнями у седла), козуган, кёк-шал.

Племя найман кочует от Среднего Иртыша на восток, т. е. на юг от аргын, у китайской границы и у Балкаша. Оно состоит из родов: эргенекти — на восток от истоков Бухтармы, булатты, терс-тамгалы, тёрт-аул, баганалы, садыр, кендже каптагай, изенгуль, абдан, суан, ак бура и садыр.

Племя кыпчак живет в северо-западной части степи у рек Тургай, Убаган, Тобол, Уя до города Троицка и Усть-Уйской крепости. Оно состоит из родов: торы айгыр, туюшка, кытабак, бултун [152], кара балык, кюндюлен, тана бута, узун и кёк бурун.

Большая часть племени кирей [153] живет в верховьях Иртыша, под властью китайцев. Но живут они и в западной степи до Верхнеуральска. Они распадаются на роды: абак-кирей, кара-кирей и тараkты. Потанин делится следующим весьма интересным

наблюдением о стоянках племени кирей на Черном Иртыше: абак-кирей живут в восточной части долины Иртыша и Зайсанской долины, а кара-кирей — в западной части. Абак-кирей состоят из двенадцати родов: джантыкай, джадык, ширеюши, ители, каракас, мулку, шыбар-айгыр, меркит, итенгмен, джез табан (медная подошва), сары бас (желтая голова), шимойын. А кара-кирей распадаются только на три рода — мурун, бай джигит и тёрт аул.

Большинство членов племени конграт кочует в районе Ташкента и вступает в брачные связи с киргизами Большой орды; таким образом, сейчас очень многие из них сами причисляют себя к Большой орде. Они распадаются на двенадцать родов. Шесть из них называются *алты-ата-кёктинг-улы* (шесть сыновей отца кёк), а другие шесть — *алты-ата-кёктёнгшю* (шесть отцов Кектенгшю). Кроме племени конграт в Ташкенде живет еще несколько племен найманов и аргынов, которые, как и большинство представителей племени конграт, тоже причисляют себя к Большой орде.

3. *Киши-джюз* (Малая сотня) — Малая орда. Она кочует только по западной степи и состоит из большого племени алшын и семи объединенных родов, которые носят общее название *джетти-уры*.

Алчын распадаются на две группы: элим-улы и бай-улы. Элим-улы кочуют у Сыркувана, Янгыдарьи, по песчаной степи Карабурсак и у устья Эмбы. Они распадаются на шесть родов: кара-сакал, кара-кисек, ките, тёрт кара, шюмёкёй и шикти.

Большинство бай-улы, а точнее, роды адай, шеркес, тана, байбакты, маскар, кызыл-курт (красный волк), изентемир, джаппас, алаша, тастар кочуют между Уралом и Эмбой и у Каспийского моря, а часть адай — по полуострову Мангышлак. Часть этого племени в начале XIX в. под предводительством хана Бюкея переселилась в Астраханскую губернию и теперь составляет так называемую Внутреннюю, или Букеевскую, орду.

Из семи объединенных родов род джагалбай задержался в окрестностях крепостей Верхнеозерск и Верхнеуральск; кепте и тама — под Оренбургом и Уральском; здесь же была и часть рода табын, а другая его часть — у Тобола и Эмбы; керент — у Сыра, и, наконец, роды телею и рамадан зимой живут у керент, а летом — у табын. Часть Малой орды, а точнее, ее родов рамадан и алшын ушла в Туркестан и живет у Чинаса, а джагалбайлы, тама и тараклы живут недалеко от Ташкенда.

Как показывает уже этот краткий обзор, племена и роды часто перемешаны, как разноцветные кубики. Фактически же это смешение еще гораздо больше, чем видно из обзора. Сплошь и рядом отдельные лица и семьи объединяются с чужими племенами и родами. Объясняется это тем, что обычно род формировал-

ся вокруг значительных личностей и непрерывная чреда междоусобных войн постоянно рождала новые группировки. Теперь, под эгидой русской короны, киргизская степь разделена на области и округа, а киргизы каждого округа — на волости и районы аулов, которые называются то по родам, то по именам своих выборных управителей. Для нынешних киргизов эти имена значат теперь больше, чем их прежние родовые названия, и стали уже среди них распространяться. Все это рождает такую путаницу, что разобраться в ней можно лишь путем тщательного и длительного исследования. Так как в официальных отчетах имена всех этих родов, волостей и еще более мелких административных единиц не только перепутаны, но и искажены и неправильно поняты русскими чиновниками, то едва ли целесообразно пользоваться этим материалом для статистического обзора племен. Ниже я привожу статистические данные о киргизах генерал-губернаторства Туркестан, по Макшееву:

I. Сырдарьинская область

1. Округ Казалинск

Малая орда:		
кишкине чикти	14 505	кибиток
ходжа кирей	525	»
дюрт-карын	2 650	»
Всего	17 680	кибиток

2. Округ Перовск

Малая орда:		
шюмёкёй	11 325	кибиток
мушы	200	»
шеркес и езентемир	1 850	»
таба	1 700	»
кирей	1 500	»
ходжа	700	»
джаппас	3 700	»
бахтияр	2 110	»
Средняя орда:		
аргын и найман	510	»
кыпчак	2 900	»
кара калпак	150	»
Всего	26 645	кибиток

3. Округ Туркестан

Большая орда:		
джети-ру	760	кибиток
бес-тамгалы	2 000	»
конграт	3 200	»
Всего	5 060	кибиток

4. Округ Чемкенд

Большая орда:		
конграт	330	кибиток
сыргалы	800	»
шымыр	1 600	»
сыйкым	1 600	»
джангыз	1 600	»
Всего	5 930	кибиток

5. Округ Аулпета

Большая орда:		
шымыр	3 500	кибиток
сыйкым	1 500	»
джангыз	700	»
канглы	3 500	»
куралас	1 050	»
ботпай	1 100	»
Всего	8 200	кибиток

6. Округ Ташкенд

Большая орда:		
конграт	890	кибиток
бас-тамгалы	330	»
дулаты	380	»
сыргалы	1 410	»
шапшыклы	2 000	»
канглы	1 650	»
Средняя орда:		
аргын	350	»
найман	115	»
кыпчак	100	»
Малая орда:		
рамадан	610	кибиток
Всего	7 835	кибиток

II. Семпречинская область

1. Округ Верный

Большая орда:		
дулат чапрашты	12 096	кибиток
алдан суан	5 650	»
джалаир	7 321	кибитка
Всего	25 073	кибитки

2. Округ Копал

Средняя орда:		
каптагай матай	1 437	кибиток
кендже матай	1 338	»
аталык матай	1 450	»
езенгуль	2 031	кибитка
торгулба	2 254	кибитки
Всего	8 410	кибиток

3. Округ Сергиополь

Средняя орда:		
тусты	1 961	кибитка
кулача	1 292	кибитки
кара кирей	1 685	кибиток
джангы-улы	1 756	»
Всего	6 694	кибитки

Общее число 103 527 кибиток, или, считая в среднем по пять человек на семью, 550 000 человек[154]. По данным Макшеева, земледелием занимаются:

В округе	Казалинск	4 000	кибиток
»	Перовск	6 000	»

По другим округам число земледельцев не указано. Кроме того, Макшеев приводит отдельно следующее число кибиток каракалпаков:

Округ	Ташкенд	420	кибиток
»	Перовск	150	»
Всего		570	кибиток

9. БАРАБИНСКИЕ ТАТАРЫ[155]

Барабинские татары живут и теперь еще в Барабинской степи, расположенной между Иртышом и Обью[156]. Большой почтовый тракт и расположенные по обе стороны от него русские поселения все больше и больше оттесняли этих татар из плодородных степных районов в лесные болота, где они и теперь еще живут во множестве небольших селений и расположенных группами домов. До начала XIX в. большинство барабинских татар было язычниками, теперь они все перешли в мусульманство[157]. Они делятся на семь волостей, каждая имеет свою управу. Названиями волостей и селений чаще всего служат родовые и племенные названия. Статистический обзор волостей и аулов, составленный мною во время поездки по Барабинской степи в 1865 г., наглядно покажет расселение барабинских татар.

1. Терениинская управа (род терене), по берегам рек Каргат, Ярки и у озера Иткул.

Аул	Шабык	19	мужчин	23	женщины
»	Шабык	14	»	11	женщин
»	Коргош	10	»	10	»
»	Иткёль	26	»	19	»
»	Казыр	9	»	9	»
		78	мужчин	72	женщины
	Всего	150	человек		

2. Чонская управа (род тары), у озера Уба и в системе Верхней Оми.

Аул Кулган	46	мужчин	52	женщины
» Уба	17	»	18	женщин
» Калмак (крещеные тат.)	3	мужчины	7	»
» Ишар	14	мужчин	13	»
» Мексеева	23	мужчины	21	женщина
	103	мужчины	111	женщин
	Всего . . .		214	человек

3. Барабинская управа (род бараба), на Средней Оми и на севере Кулундинского озера.

Аул Тинди	105	мужчин	106	женщин
» Никши	23	мужчины	23	женщины
» Кютес	38	мужчин	32	»
» Касим	32	мужчины	25	женщин
» Биркёль	26	мужчин	21	женщина
» Озин	75	»	65	женщин
» Курапкай	20	»	27	»
» Шагыр	70	»	73	женщины
» Янын	20	»	23	»
» Ургюль	49	»	34	»
» Кырчык	16	»	14	женщин
» Уба	11	»	13	»
» Янгылды (среди них 13 новокрещеных)	43	мужчины	50	»
» Кюверли	13	мужчин	10	»
» Шиби	126	»	137	»
» Карасу	8	мужчин	9	женщин
» Сартлан	22	мужчины	16	»
» Мунк	27	мужчин	26	»
» Тартас	17	»	19	»
» Шалу	15	»	4	женщины
» Кошкёль	64	мужчины	64	»
» Аялы	23	»	24	»
» Арсаклы	14	мужчин	13	женщин
	857	мужчин	828	женщин
	Всего . . .		1 685	человек

4. Турашская управа (род кёлёбё), на реках Кама Тартас и в верховьях Тары.

Аул Кичи-Шебис	72	мужчины	80	женщин
» Улу-Шебис	54	»	45	»
» Белекше	88	мужчин	84	женщины
» Таршамул	160	»	174	»
» Кикшугим	7	»	5	женщин
» Кюзебе	22	мужчины	16	»
» Кёлёбё	27	мужчин	27	»
» Алат	5	»	7	»
» Чыргаргы	23	мужчины	26	»

Аул Качабум	6 мужчин	3 женщины
» Каймак	11 »	11 женщин
» Мангуцун	23 мужчины	20 »
» Кулба	7 мужчин	3 женщины
» Кулцын	13 »	9 женщин
» Арамцас	27 мужчин	20 »
» Коцугац	46 »	50 »
» Улуц	49 »	50 »
» Курмыш	8 »	6 »
» Кюрше	4 мужчины	1 женщина
» Урюс-Каргалу	42 »	40 женщин
» Семенова	20 мужчин	16 »
	714 мужчин	693 женщины
	Всего . . .	1 407 человек

5. Тунушская управа (род лонга), на западе Кёлёбё, к югу от Средней Тары до Оми.

Аул Кендирлю	44 мужчины	51 женщина
» Яркун	15 мужчин	8 женщин
» Киши-Угуй	31 мужчина	33 женщины
» Эски-Угуй	40 мужчин	50 женщин
» Кутайкёль	21 мужчина	14 »
» Атбалык	9 мужчин	12 »
» Киши-Мангыт	22 мужчины	23 женщины
» Багуян	22 »	24 »
» Цекю	50 мужчин	43 »
» Цурацун	26 »	14 женщин
» Агацаул	14 »	11 »
» Майзас	47 »	38 »
» Янаба	34 мужчины	35 »
» Сарыбалык	9 мужчин	5 »
	384 мужчины	361 женщина
	Всего . . .	745 человек

6. Лювейская управа (род лювей), к северу от Оми.

Аул Лювей	57 мужчин	46 женщин
» Темир	8 »	5 »
» Мантыш	3 мужчины	3 женщины
» Сейке	39 мужчин	42 »
	107 мужчин	96 женщин
	Всего . . .	203 человека

7. Каргалинская управа (род каргали), к северу от Оми. Перечня аулов у меня нет, но в дневнике моем сохранились общие данные:

118 мужчин	113 женщин
Всего . . .	231 человек

Всего барабинских татар 4635 душ.

Должен к тому же заметить, что повсюду меня уверяли, будто число барабинских татар с каждым годом падает. Это подтверждается также и перевесом женского населения во многих учтенных нами населенных пунктах.

10. ИРТЫШСКИЕ И ТОБОЛЬСКИЕ ТАТАРЫ

Тобольские и иртышские татары являются смесью вытесненных сюда уже много столетий назад татарских племен, татар, переселившихся в XV и XVI вв. из южных ханств на север, так называемых сартов или бухарцев и, наконец, поволжских татар, частью сосланных, частью переселившихся сюда добровольно. Этот последний из названных элементов сильнее всего представлен в Тюменском и Ялутровском округах Тобольской губернии, особенно на реках Тура и Тобол, где уже после русского завоевания осело еще и большое число бухарцев и сартов. Эта пестрота и перемешанность татарского населения и являются объяснением того, что тюменские и ялутровские татары не сохранили ни малейшего воспоминания о своих племенах и родах и, точно так же как поволжские татары, ощущают свое единство лишь благодаря религии и идентифицируют поэтому свою национальность и религию, только называя себя мусульманами; татары, живущие на Туре и в районе Тюмени, называют себя еще и *тюменлик*.

У татар Тобольского округа воспоминания о своих родах менее стерты. Это объясняется тем, что бóльшая часть этого района расположена вдали от большого почтового тракта и, когда лучшие земли были здесь заняты русскими жителями, татарское население удалилось в леса и там более или менее изолировалось и стало разоряться.

В наиболее чистом виде племена сохранились в Таринском округе, потому что здесь они живут в полной изоляции от большого почтового тракта. Все волости без исключения носят здесь те же племенные названия, что известны нам из истории Сибири XVII в. Поэтому я и хочу начать знакомство со статистическими данными с Таринского округа, потом перейти к Тобольскому округу и затем уже к Тюменскому и Ялутровскому округам.

I. Тарские татары (называют себя *тарлык*)

Основная масса этих татар живет по берегам Иртыша, от устья Тары до Тобольского округа, и недалеко от Иртыша по его малым притокам или у озер, расположенных южнее Иртыша. Они делятся на пришлых, называемых *бухары* и *сарт*, составляю-

щих здесь свою особую волость, и на старых жителей — татар из родов туралы, аялы, курдак, саргат. Официально они разделены на пять волостей: Бухарскую, Аялинскую, Коурдакскую, Тавсконтускую и Саргатскую, которые соответствуют вышеупомянутым родам лишь в самых общих чертах. Так, например, туралы числятся в Бухарской волости. По данным, полученным мной от ахуна Таринского округа, население вышеупомянутых волостей в 1866 г. было следующее:

1) Бухарская волость, в состав которой входят туралы и переселившиеся в Россию сарты (волостей Янгыаул и Шейхлараул)	1 714 мужчин	1 690 женщин
2) Аялинская волость (в том числе деревни Пернеш, Цюпле, Инзес-Цортанлы, Тарлар-Бёргюмак, Таслар, Лебелек-Ходжааул, Кызылгаш, Кыргап, Атак, Оруч)	1 820 »	1 493 женщины
3) Коурдакская волость с деревнями Большой и Малый Ковы, Уштамак, Теппиш, Азы, Байбакты, Ишимтамак и др.	522 мужчины	563 »
4) Тавсконтуская волость с деревнями Мулкар, Шакар, Утус, Тава, Китау и др.	393 »	418 женщин
5) Саргатская волость.	734 »	640 »
	5 183 мужчины	4 804 женщины
	Всего . . .	9 987 человек

Официальные данные переписи городов и деревень Тобольской губернии дают другие цифры, притом по данным 1868—1869 гг.:

Татарское сельское население Таринского округа, включая бухарцев.	3 938 мужчин	3 724 женщины
Городских жителей	108 »	96 женщин
	4 046 мужчин	3 820 женщин
	Всего . . .	7 866 человек

Это расхождение более чем удивительно, так как такое уменьшение населения за 2—3 года невозможно.

II. Тобольские татары

Основная масса тобольских татар живет на Иртыше, на территории от Таринского округа до города Тобольска, и по реке Тобол, между Тобольском и Тюменским округом. Севернее Тобольска татар живет много меньше. Большинство татар на Иртыше и Тоболе, вблизи Тобольска,— это наиболее давнее татарское население, а дальше на запад и вокруг города Тобольска живет

много бухарцев, сартов, а также поволжских татар. Точно разграничить эти татарские племена невозможно. Сначала я приведу здесь статистические данные, которые мы нашли в списках сел и городов Тобольской губернии. По этим данным, в Тобольском округе в 1868—1869 гг. жили татары:

В 1-м районе (между Тобольском и Тюменью)	2 938 мужчин	2 565 женщин
Во 2-м районе (между Тобольском и Тарой)	4 058 »	3 663 женщины
В 3-м районе (севернее Тобольска)	1 066 »	1 027 женщин
В городе Тобольске	211 »	177 »
	8 062 мужчины	4 732 женщины
	Всего . . .	15 704 человека

Тобольские татары делятся на следующие волости, отчасти соответствующие забытым теперь татарским родам:

1. Карагайская волость, прежний род курдак.

2. Иштекская волость, прежний род иштек, очевидно, потомки остяков, которых татары и сегодня еще называют иштеками. Эта волость расположена в основном на большом почтовом тракте.

3. Вагайская волость, названная так по реке Вагай в окрестностях Тобольска.

4. Уватская волость, род тогус живет на границе восточных тундр, и поэтому его называют еще и *сас-калкы* — «болотный народ». (Напомню о роде тогус у черневых татар и роде тогус бай у кыпчаков в Зеравшанской долине.)

5. Бухарская волость, в основном населенная сартами, недалеко от Тобольска.

6. Городовая волость, прежде связанная с Вагайской волостью, а теперь имеющая самостоятельное управление.

7. Чувалчикская волость, в которой живет род цувалцык.

8. Яскалбинская волость, род яскалбы, частично севернее города Тобольска.

9. Нангинская волость, род нанга, к северу от города, в основном у Иртыша. Самое северное селение, в котором живут татары этого рода,— деревня Ясаульские Юрты на Иртыше — находится в 148 верстах севернее города Тобольска.

10. Бабасауская волость расположена между городами Тобольск и Тюмень [158].

III. Татары Тюменского, Ялуторовского и других округов Тобольской губернии [159]

Как я уже писал, эти татары представляют собой смесь давних жителей Иртыша, бухарских и поволжских татар. Так как

нет возможности собрать хоть какие-нибудь воспоминания о племенах, я ограничусь тем, что приведу список селений и городов Тобольской губернии. В 1868—1869 гг. татар было:

1. В Тюменском округе:

1-й район (юго-западнее Тюмени)	595 мужчин	499 женщин
2-й район (восточнее Тюмени)	3277 »	3008 »
3-й район (севернее Тюмени)	922 мужчины	775 »
В городе Тюмени	5 мужчин	2 женщины
	4799 мужчин	4284 женщины
	Всего . . .	9083 человека

2. В Ялутровском округе:

1-й район (восточнее Тобольска) . .	1846 мужчин	1179 женщин
2-й район (западнее Тобольска) . .	916 »	915 »
В городе Ялутровске	3 мужчины	2 женщины
	2262 мужчины	2096 женщин
	Всего . . .	4356 человек

На все остальные округа Тобольской губернии приходится только одно татарское поселение в Туринском округе — это деревня Куртумова в 53 верстах от Туринска на Куртумовском озере, насчитывающая 87 жителей. В остальном же в различных городских округах живут лишь отдельные разрозненные татарские семьи. Список городов и деревень Тобольской губернии дает об этом такие сведения:

Туринский округ:

В селениях	40 мужчин	47 женщин
В городе	2 мужчины	— »
В городе Березове	7 мужчин	7 »
В городе Ишиме	19 »	12 »
В городе Кургане	5 »	— »
	73 мужчины	66 женщин
	Всего . . .	139 человек

Глава IV

ВОСТОЧНЫЕ, НЕМУСУЛЬМАНСКИЕ ТЮРКСКИЕ ПЛЕМЕНА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

1. Алтайцы, или алтайские горные калмыки. Управление. Зайсаны. Физические данные. Одежда. Жилище. Занятия: животноводство, охота, земледелие. Домашние занятия. Пища. Праздники. Особенности характера. Пороки и добродетели. Наречение именем. Свадебные торжества. Похороны. Крещеные калмыки и миссии. – 2. Телеуты. Посещение селений Ур, Солкой, Шанды, Улуаил. Песни телеутов. Метрика. Песня о пяти казахах. Песня, восхваляющая Алтай. Рассказывание сказок. Причитание сороки. – 3. Шорцы: 1) томские татары; 2) татары с Мраса; 3) татары Кондомы. – 4. Лебединские татары и кумандинцы. – 5. Черневые татары. – 6. Абаканские татары. Две культурные группы. Своеобразные нравы и обычаи. Богатырские сказки абаканских татар.

Для того чтобы дать общую картину жизни и деятельности тюркских племен Западной Сибири, мне нужно объединить каким-то общим названием все племена, живущие на Алтае и в Енисейской губернии. И вряд ли я смогу найти более подходящее название, чем «немусульманские племена» [1]. Хотя в большинстве своем они и язычники, мне хотелось бы избежать этого названия, так как большая часть этих племен, по крайней мере официально, числится христианами. С точки зрения социальной жизни они также неоднородны: часть их следует назвать кочевниками, другую — оседлыми земледельцами, третья находится на стадии собирательства и рыболовства, и, наконец, есть среди них и бродячие народы — оленеводы [2]. Общим для всех этих немногочисленных тюркских народов является лишь то, что мусульманская культура не оказала на них ни малейшего влияния, о чем свидетельствуют их язык и обычаи. Все эти народности, кроме телеутов, не имеют своего собственного названия, все это — роды и осколки родов, заброшенные сюда, в северные лесистые и скалистые горы, передвижением народов в ходе завоевательных среднеазиатских войн и поэтому чаще всего совершенно утратившие национальное самосознание, которое могло бы объединить разные роды, и память об общей предыстории. Только у телеутов и алтайских горных калмыков можно найти следы такого национального сознания и особенно у вторых можно наблюдать совершен-

но одинаковые обычаи, быт и язык, что позволяет нам считать их единым народом и объединять их единым названием. Поэтому я хочу начать описание быта немусульманских тюркских племен именно с алтайских горных калмыков [3] и постараться дать более полную и цельную картину их жизни, тогда как при изображении жизни других племен мне придется часто ограничиваться лишь извлечением отдельных описаний из моих дневников.

1. АЛТАЙСКИЕ ГОРНЫЕ КАЛМЫКИ

Общность языка и образа жизни позволяет мне объединить под этим названием все тюркские племена, живущие в Алтайских каменистых горах, которые по-русски называются «камень», а по-татарски — *тайга*, хотя ко времени моей поездки по Алтаю эти племена уже четко делились на алтайцев (*алта-кижи*)[4] и двоеданцев (*чуй-кижи*)[5]. Но это четкое разделение произошло очень поздно в результате исторических событий прошлого столетия. И теперь все племена, подчинившиеся русской короне, называют себя алтайцами, а племена, находившиеся во власти Китая, а затем возвратившиеся уже как китайские подданные в Россию на свои прежние насиженные места в Восточном Алтае и до 1866 г. платившие дань и китайцам и русским,— двоеданцами. И алтайцы и двоеданцы сохранили еще память о своей принадлежности к калмыцкому государству, а поэтому часть их называет себя *калмак* или *ойрот*, хотя за последнее время это племенное название все больше забывается [6]. Настоящее название этого народа — *теленгиты*, или *теленгеты*, но сохраняется оно лишь в сознании двоеданцев. Как я уже показал в третьей главе, когда-то алтайские горные калмыки составляли вместе с телеутами обширный тюркоязычный народ.

Теперь алтайские горные калмыки делятся на девять зайсанств [7], семь из них объединяют алтайцев, два — двоеданцев. Во главе каждого зайсанства стоит зайсан, а ему подчиняются несколько демичи, которым, в свою очередь, подчинены более мелкие административные управители — шуленги. Семьи зайсанов и демичи — из старинных княжеских и байских родов, должности эти до сих пор передаются по наследству.

Но, по воспоминаниям алтайцев, во времена Дзунгарского государства у них было только пять зайсанов, и они называли их также *уктуу* (кровные). Из нынешних зайсанов только четыре — *уктуу*, и они пользуются у народа особым уважением [8].

Для доказательства того, как высоко ценится происхождение зайсанов, достаточно указать только, что повсюду в народе известна их родословная. По сообщенным мне данным, в русское подданство перешли следующие четыре «кровных зайсана»:

1. Кудук из рода кыпчак
2. Пӱдӱкӧ из рода ыргыт
3. Кӧккӱш из рода тотош
4. Пуктус из рода мундус.

Генеалогия зайсанов

1. Род *кыпчак*:
   Кудук
   Казак
   Кӱстӧй
   Муклай — первое зайсанство.
2. Род *ыргыт:*
   Пӧдӱкӧ
   Кӱрӱскӧ
   Мӓтрӓй
   Токойок
   Пӧпӧш — второе зайсанство.
3. Род *мундус:*
   Пуктус
   Наду, который поссорился с чиновниками и хотел отправиться в Китай, поэтому вместо него был выбран демичи
   Пекиш
   Пакай
   Адаруу
   Апанаш
   Курту — шестое зайсанство.
4. Род *тотош* — два зайсана:
   Кӧтӱш Намкай
   Найманак Тотоку
   Мӱштӧй Кӱчӱгӱш
   Падрай — третье зайсанство. Купа — четвертое зайсанство.

При Тотоку один из демичи — Кӧскӧлӧк — отделился и купил себе зайсанское достоинство. Он был из рода *найман.* Его родословная:

Кӧскӧлӧк
Набак
Татарак — пятое зайсанство.

Седьмое зайсанство не пользуется большим уважением, так как оно не кровное, а кроме того, в нем были нарушения наследования зайсанского достоинства: демичи Катыра из рода тёлёс, перешедшего к китайцам, стал русским подданным. Когда он должен был уже получить достоинство зайсана, он умер, и зайсаном стал его сын Ӧнӧк. У Ӧнӧка не было законных детей, но было два сына от служанки. Старший из них, несмотря на протест народа, наследо-

вал звание отца. Младший брат Ойон сумел подружиться с русскими чиновниками и узурпировал зайсанство. И с этих пор началось законное наследование.

Катыра
Ӧнӧк
Чотый Ойон
Пеленек
Чаппан — седьмое зайсанство.

Таблица демичи алтайцев

			Род
1. Зайсан Муклай	2 демичи	Макпуш	кёбёк
		Кыштарак	кыпчак
2. Зайсан Пӧпӧш	7 демичи	Тайбыры, Субук, Маска	иргыт
		Тӱбӱгӧш, Тарбаган	сойон
		Засан	сары алмат
		Кӧйрӱк	коболу
3. Зайсан Купа	5 демичи	Йымак, Кӧгӧснӧк, Айуку	тотош
		Шима, Таталык	кергиль
4. Зайсан Татарак	5 демичи	Йылтыр, Йилӓк, Зангсар, Сибирӓк	найман
		Буйтуи	тонгшон
5. Зайсан Курту	5 демичи	?	?
6. Зайсан Падрай	5 демичи	?	?
7. Зайсан Чаппан	3 демичи	Сарыбала, Татаршка, Остонок	тёлёс

Не могу сообщить никаких подробностей о родословном дереве двоеданских зайсанов. Мне сказали, что оба они *уктуу* (кровные). Зовут их зайсан Чичкан из рода тёлёс и зайсан Мангдай, сын зайсана Монгула, из рода кыпчак.

Внешне алтайские зайсаны ничем не отличаются от остальных калмыков. Немногих лишь жалует русская корона кафтанами, расшитыми золотым галуном, да и те они надевают, лишь являясь к русским чиновникам. Когда-то двоеданские зайсаны, демичи и шуленги получали от китайского правительства форменные шапочки со знаками отличия — шапочка зайсана была увенчана голубым прозрачным шариком полковника (*ухери-да*) и павлиньим пером, демичи — синим шариком *джерги янгин*, шулен-

ги — белым прозрачным шариком *тунда бошко*. Несмотря на то что сейчас они являются подданными лишь русского правительства, еще в 1870 г. я видел на них эти китайские знаки отличия.

Зайсанский чин, как я уже говорил, до сих пор передается по наследству от зайсана к старшему сыну или старшему родственнику. Но чтобы получить его, необходимо подтверждение русского правительства и согласие народа. Процедура назначения зайсана не вполне регулируема, это видно из того, что наследование уже нарушалось раньше при помощи подкупа чиновников вопреки волеизъявлению народа, а потом санкционировалось и народом. В случае несовершеннолетия наследника управление зайсанством принимает на себя мать или близкий родственник совместно с демичи, должность которых тоже передается по наследству. Подданные различных зайсанств живут вперемешку, но каждый шуленги знает своих подчиненных и каждый алтаец знает свое зайсанство. Несмотря на отсутствие каких-либо знаков отличия, никогда не возникает спора о принадлежности к нему.

По отношению к русской короне зайсан облечен обязанностью собирать *калан* (ясачную дань), который в 1860 г. составлял по рублю с мужчины. Хотя женщины и дети освобождены от повинности лично, но на каждую семью наложена еще дань рубля в три. Дань собирается шкурками, принимаются белки, лисицы, куницы и соболя. Зайсанство обязано внести определенное число шкурок, правительству нет никакого дела до того, как раскладывается и с кого собирается эта дань,— это уже внутриплеменное дело. Зайсан с одним из своих демичи привозит калан в Бийск или посылает его туда с доверенным лицом, сдает его в бийскую кассу, откуда он пересылается в Петербург царскому кабинету. По отношению к своему народу зайсан осуществляет судебную и полицейскую власть. Ему сообщают о спорах и преступлениях, в серьезных случаях он собирает своих демичи, причастных к делу лиц и свидетелей и выносит решение, руководствуясь установившимися традициями. В случаях незначительных зайсан решает один. Если стороны относятся к разным зайсанствам, соответствующие зайсаны вместе принимают решение по делу. Если же стороны окажутся неудовлетворены решением, они обращаются к бийским властям и те отдают дело на суд племени, который созывается бийским исправником в определенном месте (один или несколько раз), где под председательством русского чиновника (исправника и заседателя) собираются зайсаны и множество влиятельных калмыков. В конце июля 1860 г. такой суд племени был созван на берегах озера Кенги. Я поспешил туда вместе с заседателем и застал еще 30 юрт, полных калмыков. Но, к сожалению, суд был внезапно отменен, так как исправника и заседателя вызвали в Бийск, и мне поэтому не пришлось на нем побывать. Суд племени тоже решает дела, руковод-

ствуясь традиционными обычаями, и, лишь когда стороны никак не придут к соглашению, может быть применен русский закон. Тогда председательствует русский чиновник с тремя зайсанами в роли заседателей. Решения суда не подлежат апелляции. В качестве наказания зайсаны ограничиваются небольшими имущественными штрафами и пятьюдесятью ударами, других наказаний калмыцкое право не знает. За тяжкие преступления — убийство, грабеж, поджог и т. п.— судят в Бийске по русским законам, там же решают споры между калмыками и русскими.

Но, так как Алтай находится очень далеко от центральных властей в Томске, а алтайцы очень мало образованны, управление алтайцев de facto выглядит, конечно, несколько иначе, чем de jure; по крайней мере во время моего пребывания на Алтае русский чиновник очень мало заботился о традиционных обычаях и праве зайсанов. Зайсаны были для него не более чем волостные старосты русских крестьян, и, руководствуясь личной выгодой, он не раз менял уже принятые зайсанами решения. Мне известны, например, многие случаи, когда при отсутствии всякого основания для полицейского вмешательства калмыков заключали в Бийске в тюрьму или когда чиновник наказывал даже зайсана, но все это — нарушения, которых не избежать в этих условиях. Зайсаны не раз ездили в Томск, и даже к царю в Петербург, и каждый раз им подтверждали во всей полноте их права и наказывали соответствующего чиновника. Но никто не станет жаловаться из-за пустяков — это обойдется гораздо дороже, чем маленькая несправедливость. И даже сибирский русский, вздыхая, говорит:

До бога высоко,
До царя — далеко!

Пока двоеданцы считались китайскими подданными, их зайсаны, демчи и шуленги по отношению к русским были обязаны лишь: 1) вносить калан (он состоял из 160 маральих или лосиных шкур стоимостью в 200 рублей и доставлялся в октябре в Бийск) и 2) заботиться о спокойствии и порядке, в случае надобности предоставлять русским чиновникам лошадей и охранять имущество русских, путешествующих по их местности. Все внутренние дела зайсаны улаживали сами,— конечно, под контролем китайского чиновника из пикета Сок. Но он не имел права вступать на русскую землю или посылать туда своих помощников. Таким образом, фактически зайсаны управляли совершенно самостоятельно. Подати двоеданцы платили китайцам в феврале, зайсаны сами отвозили их в город Кобдо. Они обязаны были здесь платить по 2 соболя или вместо них по 60 белок с каждого мужчины. Но за это они получали в Кобдо подарки от китайского правительства: 12 слитков серебра (*ямба*) и 12 аршин шелка (*кауфа*) для чиновников и 90 кусков хлопчатобумажной ткани

(*дабы*) для жителей каждого зайсанства. Таким образом, выгода от этого подданства была китайцам невелика, тем более что в качестве подати двоеданцы отправляли в Китай самых плохих соболей.

Споры, возникавшие между двоеданцами и алтайцами, рассматривали сначала третейские суды, назначаемые зайсанами. Если и здесь не достигалось согласия, то русский подданный обращался в русский суд, а китайский — в Китай. В таких случаях дело разбиралось в посольстве в Пекине. Подобные процессы возникали очень редко, но все-таки имели место. Я сам присутствовал при переговорах заседателя с зайсаном Мангдаем по поводу одного из таких процессов. В Пекине было решено, что должник-двоеданец за просроченный долг стоимостью в один рубль должен заплатить теперь 81 быка. Процесс тянулся уже более двадцати лет. От имени русского правительства заседатель требовал уплаты. На отказ зайсана платить он грозил экзекуцией. Результат был таков, что на обратном пути мы не нашли на Средней Чуе ни единой юрты двоеданцев и заседатель вернулся несолоно хлебавши. Фома рассказывал тогда, что для чиновника отсрочка в уплате долга была даже выгодна, ибо такое правило взимания налогов все равно что государственный билет, ежегодно приносящий проценты.

С 1865 г. двоеданцы стали русскими подданными, так как были поставлены перед альтернативой — покинуть страну или принять русское подданство. Как выглядят сейчас налоги и управленческий аппарат двоеданцев — не знаю. Слышал только, что управляются они точно так же, как сами алтайцы. В рассуждении о размере ясака алтайцев и бывших двоеданцев я могу сослаться лишь на запись священника Вербицкого [9], в которой указано, что урожепцы Бийского и Кузнецкого округов, т. е. алтайцы, черневые татары, шорцы и телеуты, ежегодно сдают всего 243 соболя, 72 лисицы, 1041 куницу и 10 130 беличьих шкурок.

Алтайцы так и называют себя *алтайцами* или по именам рек, на которых они живут,— Катуни и ее правых притоков от Кёксу до Чуи и левых притоков Катуни — Маймы и бассейнов Ануя, Чарыша и Убы: *урусул-кижи* (люди с Урусула), *чарыш-кижи* (люди с Чарыша) и т. д. Двоеданцы называют себя, как я уже говорил, *теленгитами* или по названиям рек — *чуй-кижи* (люди с Чуи), *башкаус-кижи* (люди с Башкауса) и *чолышман-кижи* (люди с Чолышмана). Но, кроме того, жителей Чолышмана называют еще и тёлёсами, а жителей района Башкауса — уланами. Первое название вполне понятно, так как южнее Телецкого озера издревле жила народность тёлёсов, остатки которой и составляют основную часть чолышманцев. Но не могу сказать, откуда взялось название *улан*. Кроме того, как я уже упоминал в третьей главе, алтайцы распадаются на 24 рода (*сөөк* — «кость»),

в которых отчетливо сохранилось ощущение взаимопринадлежности, несмотря на то что живут они некомпактно и вперемешку. Так, например, члены одного рода не вступают между собой в брак. Они называют себя родовыми братьями (*сёктӱнг карындашы*). У каждого рода есть свой дух-охранитель и имеются свои особые формулы обращения к нему и свои церемонии шаманского камлания. Так, например, род чорос приносит жертвы чаще всего бурхану Тенгри, и, прежде чем выдать замуж девушку из этого рода, обязательно зовут *кама* (шамана), чтобы отвратить от новой семьи несчастье. Я хочу обратить особое внимание на то, что многие из родов не являются исконно алтайскими, а составились из инородных переселенцев, постепенно образовавших новый алтайский род. Так, например, сарт — выходцы из Средней Азии, кыргыз — переселившиеся енисейские киргизы, могул — переселившиеся сюда монголы, сойон — пришлые сойоны и ара — потомки древних аринцев. Что касается рода сойон, то его переселение сохранилось еще в памяти народа, лет тридцать назад они пришли с востока (примерно 50 семейств) и осели у реки Ульгемен [10]. Говорят, что их язык и до сих пор еще немного отличается от алтайского.

Язык алтайцев и двоеданцев повсюду, по всему району их поселений, совершенно одинаков, это — чисто тюркский диалект, сохранивший много древних черт, что является бесспорным доказательством того, что алтайцы уже давно отделились от главного массива живущих южнее тюркских племен и жили здесь изолированно среди монголов уже целые столетия. Вследствие совместной жизни с западными монголами и длительной принадлежности к их государству язык алтайцев содержит довольно богатый слой лексических заимствований из монгольского языка, но этот материал полностью подвергся тюркизации — как фонетической, так и грамматической; так что смеси монгольского и тюркского отнюдь не возникло.

Тип алтайцев и двоеданцев, как и их язык, везде один и тот же и очень разнится от типа коренных жителей. В целом алтайский тип сродни монгольскому, но отличается от него меньшим ростом и более плоским лицом. За небольшим исключением, алтайцы, как и двоеданцы, среднего роста, но изредка среди них можно встретить и людей более высокого роста, в большинстве же своем они — люди коренастые и широкоплечие. Их тела, чаще всего худые и мускулистые, не кажутся очень сильными, может быть, причина этого — плохое питание неимущих классов, так как путешественник наблюдает главным образом только их. Ни среди женщин, ни среди мужчин не встречается полных людей — я не припомню, чтобы видел хоть одного полного алтайца. Их конечности — хрупкие, кисти рук и ступни — маленькие. Ноги почти у всех кривые,— несомненно, следствие того, что с ран-

него детства они постоянно ездят верхом. Их походка, как у всех таких народов,— тяжелая, неловкая и враскачку, чему, может быть, способствует и обувь. Женщины лишены какого-либо изящества и свойственной их полу мягкости походки. Хотя женщины и меньше мужчин ростом, они производят впечатление более сильных главным образом потому, что непрерывно работают, в то время как мужчины ничего не делают. Тип лица почти совершенно одинаков у мужчин и женщин, он столь отчетливо монголоидный и чуждый нашему, что путешествующему европейцу в первое время нелегко различать их. Лица у них широкие и плоские, лоб низкий и уходящий назад, наружные уголки глаз приподняты кверху, глаза маленькие, брови обычно тонкие, скулы сильно выступают, нос приплюснут и непропорционально лицу очень мал, большой толстогубый рот открывает два ряда ослепительно белых зубов. Плохие зубы можно обнаружить лишь у очень старых людей. Подбородок обычно острый, на лице весьма скудная растительность, даже на верхней губе; редко встретишь мужчину с приличной бородой и усами. Цвет лица темный, что, конечно, отчасти можно объяснить условиями жизни в юртах и на открытом воздухе. Волосы и брови — совершенно черные, жесткие, стоят торчком, может быть, от обычая брить голову, так как мужчины удаляют бóльшую часть волос и лишь на затылке оставляют кружок волос, заплетая их в тонкую косу.

Одежда алтайцев очень однообразна и несколько отличается от одежды чуйцев, на которой лежит отпечаток близости Монголии, прежних связей с Китаем и бóльшей зажиточности.

Нижняя одежда жителей собственно Алтая совершенно одинакова у мужчин, женщин и детей. Она состоит из короткой рубашки, спускающейся немного ниже пояса (*чамча*), с косым воротом и открытой спереди. Рукава у такой рубашки длинные, доходят до середины ладони и сверху донизу одинаковой ширины. Узкий ворот никогда не застегивается, рубашка схватывается поясом. У алтайцев такие рубахи сшиты обычно из синей русской дабы, у двоеданцев — из китайской дабы, иногда и других цветов (лилового или коричневого). Они носят очень широкие, едва заходящие за колено штаны, обычно тоже из синей дабы. Скроены они совершенно прямыми, лишь меж ног вставлены широкие клинья, а в верхний край вдевается широкий шнур, завязывающийся спереди и свисающий до колен — один конец ниже другого. Низ рубахи не стягивается шнуром от штанов, а свободно спускается поверх них. Многие алтайцы носят такие же штаны из дубленой, очень мягкой кожи горной козы, иные — из грубого, сурового крестьянского полотна. Обувью им служат доходящие до колена сапоги (*ётўк*): летом — из дубленой овечьей кожи без каблуков, зимой — из недубленых шкур мехом наружу. Голенища меховых сапог сшиты обычно из меха лапок горной

козы. На ногу надевается войлочный чулок (*ук*), он на два дюйма выше голенища. На правой ноге меж голенищем и чулком носят кисет с табаком и трубку, чубук которой обычно выглядывает из сапога. Люди победнее носят летом сапоги с голенищами из грубого холста, укрепленные выше икр шнуром. Зимой при больших холодах ноги оборачивают особо для этого предназначенным тонким мягким сеном, заполняющим все пространство между чулком и сапогом. В этом сене ноге тепло и при самом большом морозе. Штаны всегда заправляют в сапоги или в чулки.

До десяти лет дети — и мальчики и девочки — летом бегают всюду совершенно голыми; редко увидишь на ребенке одежду и обувь, но, когда они есть, покрой их ничем не отличается от покроя одежды взрослых. Такую одежду можно найти лишь в доме, где у богатого человека единственный сын или дочь или когда у пожилых людей появляется сын, т. е. у так называемых баловней (*ӓркӓ-пала*).

Мужчины носят обычно поверх рубахи еще и халат (*чӓйимӓк*) с короткими, до локтя, и не очень широкими рукавами. Халат на два-три вершка длиннее рубахи и шьется у алтайцев обычно из темной пачки (*бӧз*), а у двоеданцев — чаще всего из лиловой или коричневой китайской пачки. По обеим сторонам халата свисают квадратные карманы длиной в три — три с половиной вершка, сшитые всегда из ярко-желтой или розовой бязи (хлопчатобумажная ткань). Воротник у чейимека шалевый, а на груди обычно одна пуговица и петля из шнура, она, как правило, застегнута. Молодые люди побогаче носят чейимеки из черного бумажного бархата (*килинг*), или по крайней мере воротник спереди украшен бархатным кантом. Карманы всегда светлого цвета и на первый взгляд кажутся очень смешными. Некоторые люди носят поверх чейимека длинный кафтан из дабы или пачки с ярким воротником другого цвета и двухдюймовой каймой того же цвета на правой поле, с красными шнурами, нашитыми параллельными полосками от локтя до низа рукавов. Такие кафтаны реже можно увидеть на алтайцах, чаще — на двоеданцах, у которых они иногда совершенно монгольского покроя. На Чуе кафтаны обычно красные или красно-коричневые. На Алтае чаще можно встретить голубые кафтаны, отделанные черным бархатом. Алтайцы носят летом не крытые тканью кожаные кафтаны из шкур жеребенка или дикой козы с шалевым воротником (*йаргак*) мехом наружу. Зимой (да и летом тоже) — шубы из овчины, шкур дикой козы, сурка, реже — хорька. Эти шубы крыты обычно плюшем, бархатом, дабой или пачкой и оторочены широкой каймой, а кроме того, отделаны широкой полосой меха жеребца. Рукава этих шуб, очень широкие от плеча, в запястье узкие. Ширина спины шубы у плеч — между задними швами ру-

кавов — не более шести дюймов, так что широкие рукава шубы почти соприкасаются на спине. Воротника у шубы нет, но на груди имеется квадратный клапан из пестрого холста шириной в несколько дюймов, который называют воротом (*йака*). Бедняки носят не крытые материей шубы из овчины или меха горной козы или кафтаны из белого войлока. Поверх шубы алтаец надевает широкий кожаный пояс с патронташем и мешочком для пуль, огнивом и ножом или матерчатый пояс с огнивом и ножом. Огниво носят за спиной, прикрепляют на ремешке к пуговице, засунутой за ремень, так что его легко снять и снова прикрепить правой рукой. Нож алтаец носит на левом боку в деревянных или костяных ножнах, прикрепленных ремешком к поясу.

Женская одежда отличается от мужской только верхним платьем. Вместо чейимека женщины носят кафтан или крытую материей шубу того же покроя, что и у мужчин, а поверх нее — легкую верхнюю одежду без рукавов с длинными полами — *чăгидăк*. Проймы у этой одежды так велики, что ее можно без труда надеть на шубы с широченными рукавами, которые как бы выступают из них. Спереди чегидек обычно спускается чуть ниже талии, сзади же до щиколоток свисает пола в два-три фута шириной, подобно полам фрака, только без разреза посередине. Чегидек тоже изготовляется обычно из темной материи, а у ворота, подола и пройм украшен пестрой (чаще красной и желтой) каймой. При верховой езде пола чегидека лежит на подхвостнике коня. Чегидек этот носят только замужние женщины, он как бы является символом замужества. Девушки носят кафтан или шубу, но чаще всего ходят в одной рубахе. Слева у них всегда латунная застежка, украшенная низаным жемчугом, ракушками и нашитыми на ленты металлическими пуговицами, к которым они прикрепляют варган и другие безделушки или свои швейные принадлежности.

Головной убор мужчин и женщин одинаков. Он представляет собой почти треугольную, заостряющуюся сзади шапку с отстоящей опушкой из меха черного ягненка. Донышко шапки обтянуто желтой материей, посередине нашит красный лоскут овальной формы (*тап*). С заднего конца шапки свисают две красные ленты или полосы материи длиной в полтора фута. Молодые люди носят шапку прямо, а пожилые, наоборот, несколько набок. Женщины никогда не снимают шапок, даже при своих мужьях. Они не снимают шапок даже перед судьей, так как появиться с непокрытой головой считается для женщины величайшим позором. Девушкам же сие дозволено.

Мужчины и мальчики стригут волосы наголо, оставляя их на макушке лишь в одном месте размером с талер. Этих волос они не стригут никогда, заплетают их в тонкую косу (*кидйă*), в конец которой вплетают украшения длиною около двух с по-

ловиной футов, сплетенные из золотых нитей, шнуров и разноцветного шелка и заканчивающиеся шелковой кистью (*пууш*). У богатых людей шнур двойной и с двумя кистями, бедняки носят бумажные украшения, а то и *кидйа* без всяких украшений.

Женщины и девушки не стригут обычно волос. Замужние женщины заплетают все волосы в две толстые косы, свисающие спереди или сзади. К каждой косе привязано по два железных стержня (*тямир токпок*). Косы женщины должны быть не короче чем до талии; если они не достают до талии, то к ним приплетают чужие волосы, так как токпок укрепляется у талии.

Девочкам до 12 лет стригут переднюю часть головы, а длинные волосы затылочной части заплетают в мелкие косы, прикрепляя к ним золотые шнуры и раковины с перламутровым стеклярусом (*пудук*). Взрослые девушки отпускают волосы спереди и носят их, разделив пробором, свисающими по обе стороны лица прядями (эти пряди называются *шанка*). Косы на затылке взрослых девушек украшаются так же, как у детей, но к их концам прикрепляются еще деревянные палочки (*агач токпок*). При быстрой ходьбе украшения на косах ударяются друг о друга и раздается громкое звяканье. Длинные шанка и деревянные палочки в косах являются признаком взрослости девушки. Взрослые девушки носят уже серьги, и их называют поэтому *сыргалу*, т. е. «носящая серьги», что означает и «невеста» в том смысле, как говорит русский отец: «У меня две невесты в доме» (т. е. у меня две взрослые дочери). Серьги, которые носят повсюду как взрослые девушки, так и женщины, имеют следующую форму: к мочке прикрепляется тонкая медная или серебряная проволока, изогнутая в форме латинского S, на нижнем изгибе прикреплены пучок лебединого пуха и тяжелые нити стеклянных бус, пуговиц и раковин, соединяющие обычно словно цепь обе серьги. Под тяжестью этих подвесок рвутся мочки, и у женщин часто можно наблюдать дважды и трижды надорванную мочку; тогда, чтобы предупредить дальнейшие разрывы мочки, серьги и соединяющие их цепочки прикрепляют к ушной раковине.

Мужчины, женщины и девушки носят в сапогах, как уже упоминалось, табачный кисет и трубку. Табачный кисет — плоский и представляет собой круглый кожаный мешочек с конусообразным горлышком длиной около трех дюймов. Алтайская трубка (*алтай кангсазы*) выкована из железа, головка и чубук составляют одно целое, китайская трубка (*кытай*, или *монгул*, *кангсазы*) состоит из деревянного чубука с латунными мундштуком и головкой.

Таковы в целом одежда и снаряжение каждого алтайца и двоеданца. Последние, как я уже говорил, отличаются главным образом тем, что носят китайские ткани и украшения. Поэтому на Чуе встретишь чаще всего китайские ножи, кисеты, трубки,

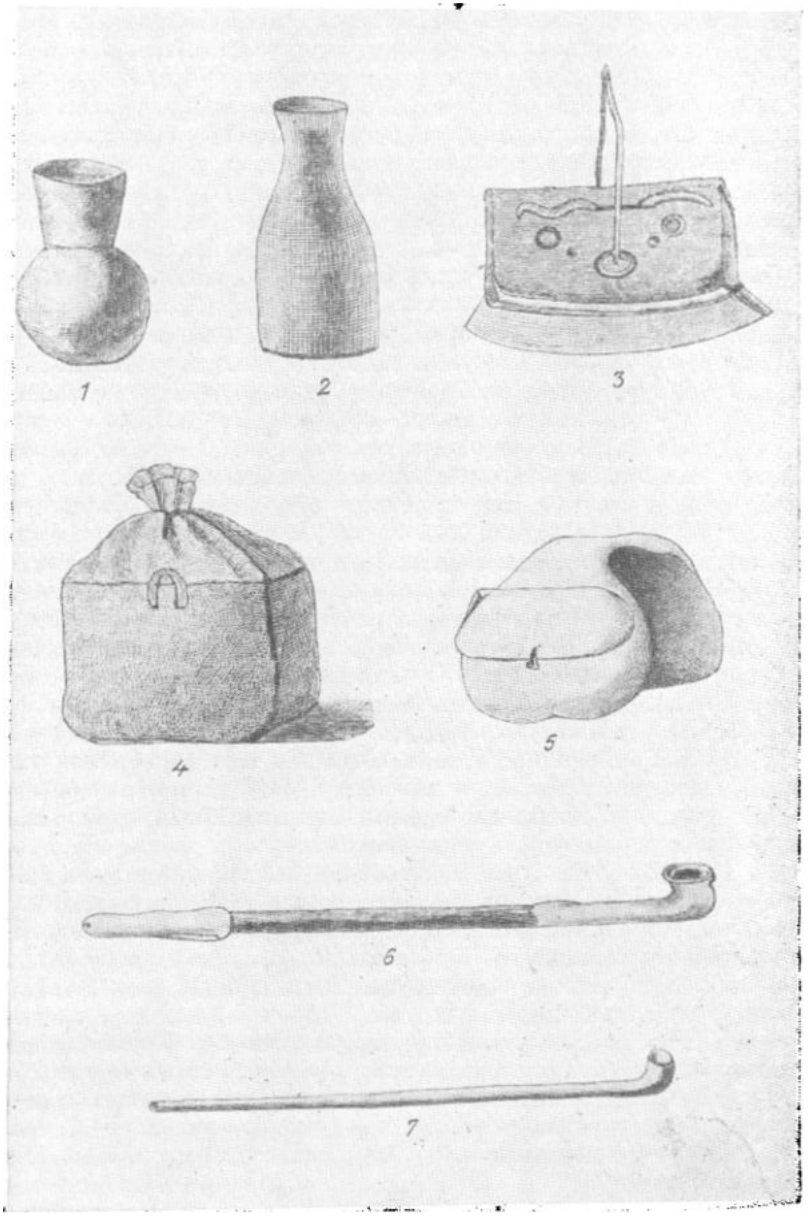

Таблица 4. *1* – кисет; *2* – бутыль для водки; *3* – огниво; *4* – вьючный мешок; *5* – перекидная сума для седла; *6* – китайская трубка; *7* – алтайская трубка

мешочки с огнивом. (Алтайские огнива и мешочки с трутом почти такие же, но меньше и скромнее; и у тех, и у других на огниве, представляющем собой стальную полосу, прикреплен кожаный мешочек, в котором хранится трут.) Шубы богатеев крыты китайским шелком. Серьги и кольца китайской работы. Я видел лишь одну двоеданку, одетую действительно очень богато — это была мать зайсана Мангдая в Чуйской степи. На ней была лисья шуба, крытая розовым китайским шелком в крупных белых и серебряных цветах. Серебряные серьги, кольца, украшения на поясе были очень тонкой китайской работы.

Называя одежду алтайцев в целом одинаковой, я вовсе не хочу сказать тем самым, что все алтайцы одеты так, как описано здесь. Скорее даже очень редко встретишь людей, одетых полностью таким образом. У бедняков обычно есть только сапоги, штаны и шуба, и даже вместо шапки у них — обернутая вокруг головы тряпка; но у всех есть пояса с ножами и трут, а также кисет и трубка. Если летом им слишком жарко, то шуба свисает у них с пояса, совершенно обнажая всю верхнюю часть тела. В таком виде чаще всего ездили на лошадях наши проводники. Реже встретишь алтайцев без шапки. Но часто на девушках увидишь одну только рубаху, а на замужних женщинах—только чегидек, а порой они находятся в такой безнадежной нищете, что им вообще нечем прикрыть свою наготу. Я уже упоминал о том, что дети до десяти лет чаще всего разгуливают голыми, но мне не раз встречались и четырнадцатилетние девушки в одних лишь коротких штанах.

Говоря об одинаковости одежды, я имел в виду лишь одинаковость покроя и ткани. На самом Алтае и бедные и богатые носят одежды из равноценных тканей, и это метко подмечено алтайской пословицей:

Тон ичиндä äр йӱрäр аны кäм пилäр?
Токкум алдында ат йӱрäр аны кäм пилäр?

В шубе живет человек, но кто его знает?
Под чепраком конь, но кто его знает?

Для Алтая совсем не подходит пословица «По одежке встречают...». Тот, кто справил себе новое платье, выглядит приличным и богатым, а тот, кто давно носит свое платье,— бедным и оборванным. Алтайцам неведомо представление о том, что платье украшает человека. Конечно, богач не станет ходить без рубахи и не повяжет на голову платок, не станет он и носить свое платье до тех пор, пока оно на нем не разлезется, ибо все это неудобно. Но так как на Алтае не столь уж много богатых людей, то можно сказать, что алтайцы носят свое платье до тех пор, пока оно еще держится на плечах. Раз алтайские женщины не должны снимать рубахи, чегидеки и шапки, то можно увидеть

хорошенькие экземпляры этой одежды: мне встретилась женщина, рубаха которой состояла из ворота и левого плеча, а у ворота бахромой свисали клочья лохмотьев. У другой от чегидека осталась лишь кайма у пройм и спинка, свисавшая лохмотьями. У третьей верхняя часть тела была совершенно обнажена, хоть она и была одета по обычаю. Очевидно, сняв однажды свою одежду, она уже не могла больше ничего на себя надеть. Мужчины и женщины обычно снимают нижнее платье лишь тогда, когда уже нечего носить, и поэтому оно настолько засалено, что трудно распознать его первоначальный цвет, оно буквально сгнивает на теле.

Лучше и опрятнее всех одеты девушки и богатые молодые женщины, последние — уже в силу своего имущественного положения и еще потому, что, по обычаю, при выдаче замуж их следует одеть во все новое. Кроме того, девушки и молодые женщины носят богатые украшения. Богатого мужчину можно узнать только по ножу, огниву и труту, трубке и металлической отделке пояса. В остальном же довольно трудно отличить по одежде богатого зайсана Маклая от его бедных подданных[11].

Живут алтайцы чаще всего в войлочных юртах. Юрты, крытые корой или построенные из бревен, я обнаружил лишь западнее Катуни, севернее района Урусула и у алтайцев, живущих восточнее Катуни, на Майме, т. е. главным образом в зайсанстве Курту. В районе Урусула, на Ануе, Чарыше и на Шулбе, как и на Кёксу, Катуни и у всех двоеданцев на Чуе, Башкаусе и Чолышмане, живут исключительно в войлочных юртах, так как большинство алтайцев ведет кочевой образ жизни, хотя характер гор и неширокие долины рек не дают им больших возможностей для кочевания.

Внутреннее убранство юрт в основном повсюду одно и то же, с некоторыми мелкими отклонениями. Существует два типа войлочных юрт[12]. 1. Острокопечные юрты на жердях, формой напоминающие сахарную голову. Такие юрты на жердях очень похожи на самоедский чум, их остов состоит из 10—14 жердей длиной от семи до девяти аршин, установленных таких образом, что нижние, более толстые концы расположены по окружности, а верхние концы сходятся, перекрещиваясь в одной точке. Этот остов покрывается войлочными кошмами, обвязанными волосяными арканами таким образом, что верхние кошмы заходят за верхний край нижних (так, чтобы по ним скатывалась, не попадая в юрту, вода), и только у конуса юрты оставляют непокрытыми несколько вершков для дымового отверстия, которое в случае сильного дождя специально прикрывается. Две жерди раздвинуты пошире, и на высоте примерно полутора аршин от земли к ним прикрепляется поперечная перекладина, на которую с одной стороны накладывается копима так, чтобы ее легко было приот-

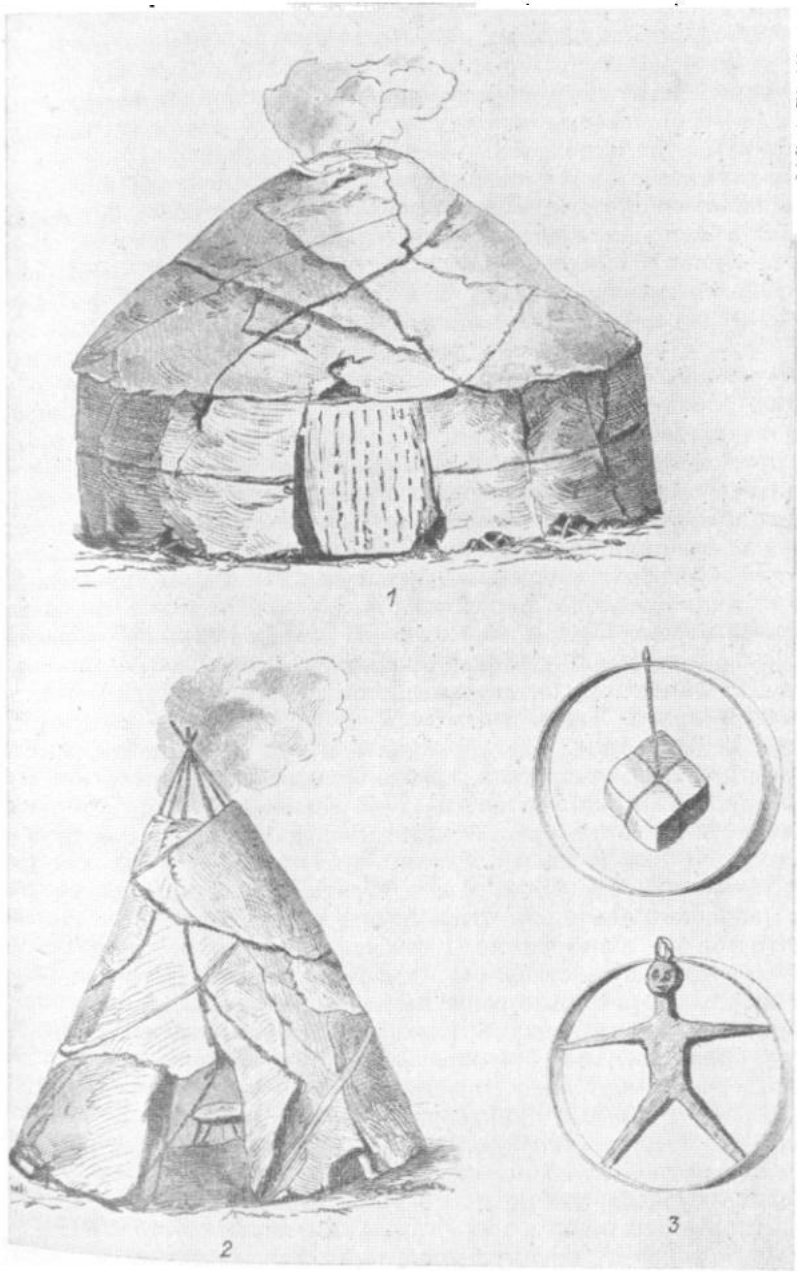

Таблица 5. *1* – алтайская решетчатая юрта, крытая войлоком; *2* – чум, крытый войлоком, у алтайцев; *3* – божки алтайцев

крыть, это — приспособление для входа. Иногда у входа приделывают деревянную раму. У таких юрт на каркасе из жердей диаметр окружности юрты равен обычно ее высоте. В них тесно, темно, да к тому же их и нелегко транспортировать, так как жерди очень длинны и тяжелы. Поэтому у алтайцев, живущих в таких юртах, каркасы из жердей уже установлены в том месте, куда они собираются переезжать, а перевозят туда они только войлочные покрытия. При лесных богатствах собственно Алтая такой тип юрты оказывается самым дешевым, и поэтому только он доступен бедным алтайцам. В районе Чуи юрт на каркасах из жердей гораздо меньше. 2. Юрты с покатой крышей и вертикальными стенами. Они, в свою очередь, делятся на два типа: на юрты с постоянным, неразбирающимся каркасом и на юрты с переносным каркасом (решетчатые юрты). Стены юрт обоих типов образуют цилиндр высотой примерно в полтора аршина, на верхнем краю которого покоится конусообразная крыша. У юрт, не предназначенных для перевозки, каркас состоит из воткнутых в землю вертикальных палок, скрепленных наверху поперечными перекладинами. К каждой вертикальной палке прикреплен нижний конец палок, образующих каркас крыши и сходящихся наверху конусом. Затем крыша и стены кроются войлочными кошмами. Снаружи юрту еще обвязывают посередине толстой веревкой и с одной стороны ставят нечто вроде дверной рамы во всю вышину стены. Дверью служит простеганное двойное войлочное одеяло, спускающееся с крыши и прикрывающее дверной проем. Такие юрты гораздо просторнее и светлее, чем юрты первого типа. Свет проникает в них через двери, а также через дымовое отверстие, гораздо большее. Крыша у них — более плоская, а диаметр круга — 5—6 саженей. Решив переезжать, хозяин такой юрты бросает старый каркас, а на месте, куда переселяется, строит новый. Такими юртами пользуются, естественно, только там, где много леса и утрата старого каркаса не имеет ни малейшего значения. Второй вид таких юрт — решетчатые — почти той же конструкции. Единственное отличие состоит в том, что вертикальную стену составляют не вбитые в землю палки, а складные деревянные решетки из тонких реек, связываемых по краям тонкими ремешками. Каждая из таких решеток называется *канат* (створка), и стены юрт могут быть четырех-, пяти- и шестистворчатыми. Между крайними створками крепится дверная рама. Жерди крыши прикрепляются здесь к верхним концам палок, образующих стену, а верхние острия жердей пропускаются в дыры на кольце дымового отверстия. Такие каркасы для юрт прочнее неразборных и могут быть гораздо большего размера. И дымовое отверстие в них больше, и в юрте оттого светлее. Но самое большое их преимущество в том, что их можно легко разобрать и снова составить. Большинство юрт более зажиточных ал-

тайцев и все юрты двоеданцев — решетчатые. Вертикальные стены таких юрт, как и войлочные кошмы крыши, тоже обвязываются снаружи толстой веревкой. Для обвязывания войлочных кошм на Алтае пользуются только веревками, сплетенными из конского волоса.

В общем и целом все войлочные юрты алтайцев очень обветшали. Кошмы часто обгорелые и дырявые. Даже у богачей не найдешь хорошего покрытия юрт. Кроме юрты зайсана Мангдая, на Чуе я не видел ни одной юрты с аккуратно сколоченным каркасом, и ни одна юрта, в которой я ночевал, не спасала от дождя. Каркас юрты зайсана Мангдая был изготовлен в Монголии и покрыт совершенно новым войлоком. Даже снаружи стены были покрыты белым войлоком.

Жердевые юрты часто ветхи настолько, что совершенно не защищают от дождя.

Корьевые юрты (*алачык*) устроены точно так же, как жердевые, но они значительно больше. Их каркас покрыт слоем бересты и слоем толстой древесной коры, и только над дымовым отверстием помещается одна войлочная кошма. Дверная рама вставлена аккуратно, лучше сработана и имеет две створки, открывающиеся наружу. Хорошая корьевая юрта гораздо практичнее и удобнее войлочной, но она нетранспортабельна и, стало быть, ее можно изготовить и содержать в порядке только в богатых лесом районах [13].

Я встретил у алтайцев лишь две юрты, построенные из бревен,— у зайсана Курту и его брата Корзового. Эти юрты были сработаны из бревен совершенно на манер русской избы. Вертикальная стена юрты представляла собой правильный восьмиугольник и была примерно в человеческий рост. Крыша, тоже восьмиугольная, была из более тонких балок, сужающихся кверху. Дымовое отверстие — не менее двух с половиной футов — снабжено крышкой. Двери в стене ходили совершенно как в русских домах — на петлях. Островерхая крыша поверх балок была крыта слоем березовой коры [14].

Обстановка юрты и распределение внутреннего пространства повсюду одинаковы. Посередине юрты находится очаг, тут стоит большой треножник, а на нем — котел. Здесь целый день непрерывно горит огонь. Если мысленно провести через юрту диаметр от двери и второй — перпендикулярно ему, то левые от двери квадранты составят мужскую половину, а правые — женскую. Квадрант мужской половины, расположенный напротив двери, называется *тёр* и, как передний угол русской избы, является почетным местом для гостей-мужчин. Левый квадрант у двери предназначается для менее почетных гостей-мужчин. Дальний квадрант правой стороны отводится семье, а передний правый — гостям-женщинам. Если же появляется почетная гостья, то ей

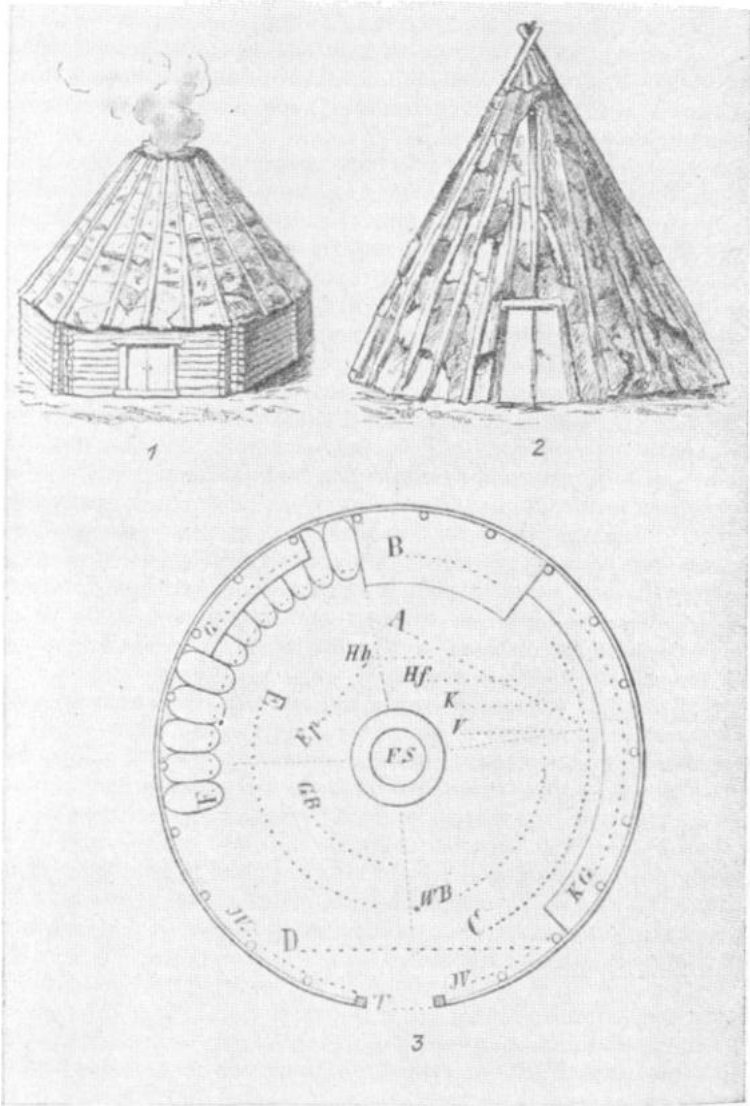

Таблица 6. *1* – жилая юрта зайсана Курту;
2 – алачык: юрта, крытая древесной корой; *3* – внутренний план юрты алтайца; *A* – место для семьи; *B* – кровать; *C* – женское место; *D* – место для бедняков и слуг; *E* – мужская сторона; *Ep* – почетное место; *F* – кожаные мешки с имуществом; *FS* – место очага; *G* – божница; *GB* – место обычных мужских гостей; *Hh* – место хозяина; *Hf* – место хозяйки; *JV* – место молодняка; *K* – детское место; *KG* – кухонная утварь; *T* – дверь; *V* – место для родных; *WB* – место для женщин-гостей

отводят место в передней части семейного места. В семейной части место, расположенное у границы почетного квадранта, принадлежит хозяину, рядом с ним — место хозяйки, а потом идут места остальных членов семьи, кроме взрослых сыновей, которые хоть и имеют право находиться в углу, отведенном семье, но чаще всего держатся на левой половине у двери. Если в доме есть еще и гости, то и мужчины и женщины располагаются на своих половинах таким образом, что, чем менее почетен гость, тем ближе он к двери. Бедные, пришедшие за помощью, и прислуга сидят у самой двери. В глубине семейного места, почти против двери, находится постель (*орун*). Она покоится на основании из досок и в зажиточных домах состоит из десяти-двенадцати слоев войлока, каждый в дюйм толщиной; внешний край войлока обшит пестрой тканью. На постели лежит множество подушек, набитых овечьей шерстью или пером, и целая гора шкур, служащих одеялами. Обычно постель бывает до восьми футов в длину и пяти-шести футов в ширину; она настолько велика, что на ней помещается вся семья — отец, мать и не ставшие еще взрослыми дети. Постель отделена некогда светлым, но чаще всего потемневшим от грязи и дыма пологом, висящим на шнуре, горизонтально натянутом на жердях, образующих крышу. В течение всего дня полог поднят. По левой стене юрты — от постели до самой двери — в один или два ряда расставлены кожаные мешки и всевозможные ящики, в которых хранится все богатство семьи. Эти мешки — предмет гордости хозяев дома, и в глазах алтайцев их число — лучшее доказательство богатства. Налево от постели футов на восемь пол и мешки покрыты коврами. Над коврами с жердей крыши свисают фигурки божков: круглые деревянные обручи шириной в два дюйма, с вписанной в них фигуркой с растопыренными руками и ногами, да еще заячьи шкурки, обернутые в войлок, перевязанные крест-накрест шнуром и подвешенные внутри такого же обруча. Затем с горизонтально натянутого шнура свисают девять пестрых ленточек или лоскутков, средний из которых вырезан в виде человека или животного. Эти лоскутки называются *сомо*. А вообще все божки называются в народе *кудай* (бог), и не думаю, чтобы алтайцев особенно заботил вопрос о том, какие именно это боги. Чаще всего их изготовляют и развешивают шаманы и другие сведущие люди, чтобы они приносили дому счастье и оберегали его от злых, темных сил. Я нигде не мог узнать ничего более определенного об этих божках: хозяин никогда не говорил о них, а мои проводники называли их просто *кудай* или говорили, что это высшее божество Ӱлгӧн, или владыка тьмы Эрлик, Шайтан, или еще они называли их Йер-су, Кыргыз-кан, Алтайдынг атасы (Отец Алтая), Йазык-кан и еще другими именами богов. Не смог я узнать ничего определенного и о назначении заячьих шку-

рок. Поскольку разговор идет о божках, я хочу упомянуть, что перед многими юртами на двух шестах натянут шнур, на котором висит множество пестрых тряпочек. Такой шнур тоже называется *сомо*. Как мне удалось узнать, лоскутки сомо означают девять предков или духов — хранителей юрты. Я никогда еще не видел, чтобы алтаец оказывал своим божкам в переднем углу какие-либо знаки почитания. Но однажды, когда мы прибыли в юрту зайсана Курту, я увидел, как мой учитель Яков разложил на ковре в уголке для божков все полученные от меня в Барнауле подарки, как бы посвящая их богам, и оставил их там на целый день явно для того, чтобы такое богатство не возбудило зависти богов.

Так как алтайцы перевозят все свое имущество только на лошадях, им приходится хранить свои богатства в переметных мешках (*арчпак*). Эти мешки высотой в аршин, с четырехугольным основанием, изготовлены из жесткой кожи. К этим жестким кожаным бокам сверху пришита полоса мягкой выдубленной кожи дикой козы, которая обвязывается шнуром. На узких боках мешка находятся ременные ушки для поперечной веревки, с помощью которой они крепятся на лошади. Мешки установлены в юртах узкими боками вперед. В некоторых юртах я видел более сорока таких мешков, в них хранятся одежда, утварь, ковры, одеяла, войлок, различные украшения, меха, шкуры, плиточный чай, уздечки, ремни, веревки и т. п. Все это имущество стоит здесь, как бы охраняемое божками от вреда и порчи. Далее, на мужской стороне, по направлению к двери, у крыши юрты висит все, что находится в исключительном ведении мужчины: ружья, патронташи, уздечки, ремни, принадлежности верховой езды, седла, вьючные седла, пагайки и т. п. У стены же справа от постели находится все, с чем имеют дело исключительно женщины: женское снаряжение для верховой езды, а затем, ближе к двери,— вся хозяйственная утварь и кухонная посуда: котлы, горшки, деревянные миски, березовые скамейки, каменные мельницы, плоские коробочки из бересты, мешалки, ведра для дойки, самогонные аппараты, кожаные бутыли для водки (*тажуур*) и большие кожаные мешки и мехи для хранения молока, айрана и кумыса. Перед постелью у очага стоит обычно еще и люлька — удлиненная корзина из березовой коры с двумя короткими ножками по одну сторону. Чтобы укачать ребенка, прикрепляют обе ножки к свисающей с юрты веревочной петле таким образом, чтобы укрепленная сторона висела примерно на четыре дюйма над полом, а сторона без ножек касалась бы краем пола. Мать толкает висящий конец люльки. Такая люлька хороша тем, что ребенок лежит всегда в наклонном положении и раскачивается люлька очень мягко.

Вокруг костра разложены на земле от четырех до шести шкур

мехом наружу, обычно это шкуры телят или овец. Они служат для сидящих подстилкой. Очень старые, выношенные, они чуть ли не полностью вытерты и лоснятся от грязи и жира, так как каждый из сидевших на них, поев руками, пользовался этими подстилками как салфетками для их вытирания. Объедки вообще бросают на пол, поэтому пол юрты очень грязен. Счастье еще, что голодные собаки очищают юрту от объедков. Если же приходит почетный гость, то для него на почетном месте тотчас же расстилают новую кошму, а в домах побогаче — ковер.

Чтобы дополнить представление о юрте, добавлю, что крыша ее и жерди черны от дыма, что все помещение всегда наполнено дымом и как результат приготовления сыра и молочных продуктов всегда стоит кисловатый запах, да еще у двери к решетчатой стене привязано множество ягнят, козлят или телят, издающих время от времени жалобные звуки, и, наконец, что в юрте продолжаются все время хозяйственные хлопоты.

Войдя впервые в алтайскую юрту (это была большая бревенчатая юрта зайсана Курту), я чуть не лишился чувств; сплошной дым наполнял все помещение, от боли я невольно закрыл глаза. Лишь через несколько минут я снова пришел в себя и с трудом различил, что ко мне приблизилось человеческое существо и повело нас к месту у самого костра, который теплился посередине. Не сразу глаза мои привыкли к дыму и смогли различить внутренность юрты. Нас посадили на ковер из белого войлока, кроме нас на земле, поджав под себя ноги, сидело еще человек двадцать. Слева на расстеленных на земле шкурах сидела зайсанша со своими тремя детьми. На ней была шуба из белой овчины, крытая черным шелком, а на голове остроконечная алтайская шапочка. Напротив нас сидели на корточках еще четыре женщины, все с покрытой головой. Справа сидели Яков и наши слуги, которым, как полагается гостям, тоже были предложены в качестве подстилок шкуры. А у двери на голой земле сидели наши проводники и слуги зайсана. После ужина нам приготовили ложе из мягких овечьих шкур, и мы легли спать. Спали все на голой земле, и даже зайсанша из уважения к нам не забралась на свою постель. Алтайцы сняли с себя верхнее платье, подстелили его под себя и накрылись шубами. Первая ночь, проведенная в юрте, была малоприятной. Когда огонь погас, стало так холодно, что я почти всю ночь не мог заснуть. От дыма и испарений у меня начались такие сильные головные боли, что, встав утром, я шатался как пьяный. А от жесткого ложа болели все кости.

Таково было первое впечатление о жизни в юрте, богатой и притом единственной в своем роде, сработанной из бревен, да к тому же еще и было это в летнее время.

А теперь о впечатлении, которое произвела на меня бедная

юрта. Мы вошли в юрту из жердей, в ней вокруг очага едва помещалось пять человек. Войлочные кошмы, покрывавшие юрту, были сплошь в дырах, отовсюду свисали клоки. Всю обстановку юрты составляли треножник, котел, несколько деревянных мисок, березовая лавка и несколько мешков из грубого полотна. За очагом на куче сена лежал больной старик, за которым ухаживала дочь, девочка лет пятнадцати. Старик был почти гол, закутан в одну лишь рваную кошму; чтобы утеплить его постель, дочь накрыла его ноги охапкой сена. Мне рассказали, что у старика всего одна корова и две овцы и, кроме дочери, о нем некому позаботиться. На дочери были только штаны и рваная овчина. Нас потрясла эта ужасающая нищета.

Пробыть в калмыцкой юрте подольше можно лишь ценой больших мучений. Дым постоянно теплящегося очага ест глаза и сушит горло, и они сразу же начинают болеть. К этому добавляется и запах подгоревшей еды. Легче пробыть долго в юрте чуйцев, так как в ней хотя бы меньше страдаешь от дыма, но зато там нужно привыкнуть к резкому запаху горящего сухого навоза, который поначалу вызывает дурноту и даже рвоту.

Совершенно непостижимо, как могут алтайцы зимовать в своих юртах, так как здесь они и летом часто страдают от холода. Ветер и дождь проникают во все юрты, а при сильном дожде капает отовсюду, и сидящим в юрте приходится прикрывать голову и спину войлочной кошмой.

Рассказывают, что зимой юрты покрывают вторым слоем кошм, а потом вокруг вертикальной стены юрты насыпают снег; но и тогда в условиях суровых морозов алтайской зимы в таком жилище, наверное, не выдержать без теплой шубы. Говорят, что юрты, крытые корой, благодаря слою земли и снега, насыпанному до половины высоты стены, гораздо лучше защищены зимой от непогоды, чем войлочные.

В богатых долинах Алтая, где по берегам прозрачных горных рек простираются пышные луговые ковры, и на горных террасах, где меж отвесных скал иной раз часами едешь по обширным лугам, часто видны разбросанные на большом расстоянии друг от друга маленькие кучки юрт — аулы, состоящие из двух-четырех юрт. Появление на лугах и заросших травой отвесных скалах скота, пасущегося небольшими стадами, всегда означает близость таких юрт. Для скотоводов Алтай — сущее Эльдорадо, не случайно скотоводство — основное занятие алтайцев. Невысокие травы Алтайских гор, должно быть, особенно здоровый корм для лошадей и рогатого скота, а в скалистых районах находят себе прекрасные пастбища овцы и козы. Условия таковы, что алтайцы держат гораздо больше лошадей и крупного рогатого скота, чем овец и коз. Есть и еще одно большое преимущество для скотоводства: на всем Алтае не водится вредных для

скота насекомых, а горные пастбища зимой свободны от снежного покрова, что позволяет стадам и в зимнее время самим заботиться о пропитании. К тому же на пастбищах, окруженных гигантскими горами, скот совсем не нуждается в пастухах.

Пытаясь далее описать алтайское животноводство, я постараюсь придерживаться почти во всем описаний моего спутника по путешествию 1870 г., ветеринара Калнинга, наблюдавшего его с большим знанием дела.

Алтайская лошадь и ее разведение. Алтайская лошадь представляет собой особую породу, лишь изредка встречающуюся в чистом виде, так как в большинстве своем она смешалась с породами лошадей живущих по соседству русских, киргизов и монголов. За последнее время вообще наблюдается уменьшение поголовья. Лошадей чисто алтайской породы мы обнаружили лишь в малодоступных районах. У алтайской лошади красивая, правильно поставленная сухая голова, большие глаза, широкие ганаши, глубокая межчелюстная ямка и красиво поставленные подвижные уши. Сухая мускулистая шея с глубокой бороздкой для степной жилы относительно коротка по сравнению с общей длиной лошади; образуя четкую границу, она переходит в широкую грудь. Холка не особенно высока и постепенно переходит в спину. Плечи несколько скошены. Голень — сильная и мускулистая, колено широкое, а путовый сустав крутой и короткий. Копыта маленькие и тоже круто срезанные, очень прочные, обычной формы, но с большой стрелкой. Длинная кровлеобразная спина переходит в прямой круп. Грудная клетка широкая и впалая. Брюхо сужается к заду и имеет оленью форму. Хвост, убранный по-арабски, высоко посажен, и на ходу животное высоко несет его. Волос хвоста сравнительно тонок. Бедра — широки и мускулисты, столь же широки и сильны и скакательные суставы. Бабки при этом обычно обращены внутрь и расположены близко друг к другу, отчего ноги занимают как бы балетную позицию. Шкура мягкая и эластичная, с короткими блестящими волосами. Повсюду ясно проступают под тонкой кожей жилки. Губы и внешние половые органы лишены волосяного покрова. Высота лошади в среднем 1 аршин и 13,5 вершка, длина — 2 аршина и 0,5 вершка.

В большинстве своем эти лошади светлой масти, очень много среди них белых. Вороные там — большая редкость. Ход этих лошадей плавный, иноходцы встречаются редко.

Помимо красоты алтайскую лошадь отличают еще быстрота и ум. И хотя весь год напролет единственной пищей ей служит трава, да и ту ей приходится искать самой, она очень выносliва. Доказательством быстроходности алтайского коня является и то, что во время нашего путешествия мы встретили алтайца, который проехал на коне за время от восхода до заката солн-

ца расстояние более 180 верст — из Чуйской степи до переправы через Катуню (Кюркечю). Результат блестящий, если учесть трудности этого пути, которые я описал довольно подробно во второй главе. Бунге [15] совершенно прав, когда пишет: «В трудных местах, пожалуй, вернее положиться на калмыцкую лошадь, чем двигаться пешком, так как эти умные и привычные к таким дорогам животные с удивительной осторожностью и вместе с тем с полной уверенностью соизмеряют свои прыжки, часто им приходится приставлять задние ноги к передним, чтобы удержаться на узких карнизах. При переходе через сложные горные участки лошадь испытывает огромные трудности, особенно вьючная, ибо только всадник может удачно рассчитанным движением помочь ей сохранить равновесие и тем самым хоть немного облегчить трудности». Когда у Акбома мы решили сойти с лошадей, наш проводник Бита крикнул нам: «Сиди, у лошади четыре ноги, а у тебя две; коли закружится голова, смотри на уши коня». Да, на этих лошадей можно положиться. Самая дикая лошадь на крутых склонах становится смирнее овечки. Даже пьяный всадник может спокойно довериться своей лошади, не раз я наблюдал это. Богатый алтаец, приехавший ко мне на Кенги, был так пьян, что не держался на ногах. К нему подвели лошадь, два человека посадили его в седло и сунули ноги в стремена, потом лошади дали пинка, и она понесла домой пьяного седока, мотавшегося из стороны в сторону и готового упасть в любой момент. Через некоторое время мы увидели и его и коня высоко на горной тропе, всадник продолжал мотаться, но лошадь осторожно взбиралась по склону. Как я узнал на следующий день, этот пьяница темной ночью благополучно добрался до дома. Мне даже рассказывали, что однажды какой-то пьяный свалился с лошади, но она остановилась около него и стояла до тех пор, пока он не проспался и не смог опять забраться на нее.

Конские табуны (*бир-ӱр-йылкы*) состоят из 20—60 лошадей. В них обычно от 8 до 20 кобыл (*биӓ*), 5—10 меринов (*ат*), 5—15 годовалых жеребят (*кулун*), от 2 до 8 двухлеток (*йабага*), от 2 до 6 трехлеток (*кунан*) и 1 жеребец-производитель (*айгыр*) [16]. Такие табуны держатся на пастбищах вместе, не смешиваясь с соседними табунами.

Жеребец-производитель в табуне — хозяин и защитник. Когда на стадо нападают хищники, он берет на себя его защиту. Кобылы становятся в круг, мордами к центру, крупами наружу, в центре стоят жеребята. Жеребец, находясь вне этого кольца, вступает в борьбу с нападающим. Рассказывают, что волка он побеждает всегда, а отменный жеребец нередко прогоняет и медведя. Жеребец знает наперечет всех членов своего табуна и, если кто-нибудь отлучится от стада, пригонит его обратно. Еще калмыки рассказывают, что жеребец не терпит измены своих кобы-

лиц, говорят, что кобыл, которых навещают другие жеребцы, он ударами и укусами навсегда изгоняет из табуна. Жеребец в дружбе со всем стадом, он любит молодняк, но, когда молодые кобылы вырастают и заигрывают с ним, он, кусая, изгоняет их из табуна; точно так же избегают ласк своих матерей и сыновья. Когда старый жеребец изгоняет из табуна молодых, они остаются неподалеку и пасутся сами по себе. А молодые кобылы, в противоположность им, бегут (*йожып-йат*) всегда на север или восток и никогда — на юг или запад. Бег их по возможности устремляется по прямой линии (ни горы, ни реки не являются для них препятствием), пока им не встретится табун, к которому они и присоединяются. Владелец табуна должен быть начеку, чтобы вовремя захватить беглянок и самолично доставить их в другое стадо.

Удачное расположение прибрежных долин позволяет алтайцам целиком предоставить их стада самим себе; только вечером лошадей подгоняют поближе к юртам. У юрт держат на привязи только дойных кобыл и их жеребят, а кроме того, нескольких верховых лошадей, часть которых уже оседланными привязана к колышкам у юрты, а другая часть — со спутанными ногами пасется неподалеку от нее. Пускать лошадей пастись без присмотра совершенно неопасно, так как конокрадство считается у алтайцев неслыханным преступлением. Такое может случиться разве что на юге, в верховьях Катуни, откуда киргизы иногда совершают разбойные набеги за лошадьми на север от Бухтармы. Русские конокрады и цыгане не решаются появиться на Алтае, так как суд алтайцев над ними был бы недолог. Сойонов же отделяет от Алтая слишком большая незаселенная полоса земли. Охраняют лошадей только в Чуйской степи, куда иногда совершают свои разбойные набеги дэрбэты [17].

Чтобы иметь возможность всегда узнать свою лошадь, некоторые роды метят их специальными знаками — тавром (*тамга*), которое выжигается на задней ляжке. Я видел 12 таких знаков.

Впрочем, такими таврами пользуются только богачи, так как бедняки и без того знают наперечет своих лошадей. Пометить лошадь тавром вполне достаточно, так как алтайцы редко покупают или продают лошадей, а если и продают, то только русским купцам.

Кобыл, которые содержатся у юрт, привязывают длинной веревкой, новорожденных жеребят оставляют с ними на несколько дней, затем на них надевают узду, сплетенную из шерсти или конских волос, и короткий поводок прикрепляют к веревке, натянутой меж двух вбитых в землю палок (*йäлä*) таким образом, чтобы они не могли повредить друг другу. Здесь и стоят жеребята целыми днями, подойти к матерям и пощипать травку они смогут лишь тогда, когда тех основательно выдоят.

1. *тоскур* (корыто из березовой коры)
2. *йа* (лук)
3. *чорго* (дистилляционные трубки)
4. *сулук* (трензельные удила)
5. *тегерек* (кольца)
6. *ай* (месяц)
7. *эжик* (дверь)
8. *саркай* (крест)
9. ***тажуур*** (кожаный сосуд для вина)
10. *текке* (волынка)
11. *йыракай* (?)
12. *кулджа* (?)

Конские тавра (см. с. 147)

Верховым лошадям, которых держат у юрт, спутывают ноги (*тужап-йат*). Путы для этого (*тужак*) изготовляют из шерсти. Это — веревка длиной около двух с половиной футов, на одном ее конце находится петля, а на другом — узел. Эту веревку берут за середину, обертывают вокруг одной ноги, несколько раз перекручивают и закрепляют на другой ноге, просунув узел в петлю. Есть и другой тип пут, для трех ног (*кижäн*). Он представляет собой широкий сыромятный ремень с петлями на обоих концах, примерно в полуфуте от каждой петли к ремню приделано по скобе. Обе петли надеваются на передние ноги и закрепляются скобами. К середине ремня прикреплен другой ремень или шерстяная веревка, которую привязывают к одной из задних ног. Преимуществом таких пут является то, что они не перетягивают лошадиных ног и не подвергают их опасности трения. Поэтому на алтайском коне не увидишь ран, причиненных стреноживанием. Выловить лошадь из табуна нелегко. Бунге весьма наглядно изображает нам этот процесс: «Чтобы снабдить нас лошадьми, калмыки из соседних юрт погнали большой табун из нескольких сотен лошадей в большую долину и окружили его, имея при себе длинные арканы (*чалма*), сплетенные из конского волоса. Их было пятеро. Вооружившись длинной веревкой, многократно свернутой и накинутой на руку, они объезжали вокруг табуна, чтобы найти и выловить нужных лошадей. А лошади, как бы поняв намерение своих хозяев (что вполне понятно, так как обычно вылавливают все одних и тех же ездовых лошадей), употребили всю свою хитрость на то, чтобы укрыться от преследователей. Они сбиваются в тесную кучу, потом внезапно

разбегаются по двум-трем разным направлениям и с громким ржанием скачут галопом. Но всякий раз калмыки опережают и возвращают их, и намеченной лошади уж не уйти от своей судьбы. Обнаружив метким глазом предмет своих поисков, калмык на бешеном скаку набрасывает петлю на шею лошади, какое-то время скачет вслед за ней, постепенно стягивая веревку, а затем выбрасывается из седла и дает лошади какое-то время тащить себя по земле, пока животное, сдавленное петлей, подчиняясь силе, не станет уменьшать круги, все слабее натягивая веревку, и, наконец устав, не остановится совсем. Но, конечно, не каждый аркан настигает лошадь. Дикие крики калмыков, ржание лошадей и их гулкий топот отдаются эхом в горах. Этот спектакль привлекает к себе всеобщее внимание. Все время находишься в напряжении и то принимаешь сторону красивой смелой лошади, неоднократно хитростью избегнувшей своих преследователей, то радуешься, как метко запустила аркан опытная рука отважного всадника».

Вообще о выращивании коней нужно сказать еще следующее: если зима была не слишком холодной, а весна — без затяжных дождей и заморозков (*джут*), что могло бы отразиться на качестве корма, то жеребые кобылы в положенный срок родят здоровых жеребят. В противном случае, когда на пастбищах вместе с травой кобылы глотают лед, большинство их выкидывает, как это было весной 1870 г. (По данным Калпинга, в том году из 70 кобыл в миссии Ангодай 45 выкинули.) На несколько дней жеребенка оставляют при матери, затем месяц-другой держат у юрты, а потом вместе с матерью его возвращают в табун. На втором году ему выжигают тавро, об эту же пору жеребцов кастрируют. Эту операцию может произвести любой алтаец, и делает он это ножом, который носит на боку. Холощеные жеребцы остаются в табуне, для верховой езды их используют только тогда, когда им будет четыре года (*тёнён*). Сколько-нибудь состоятельные алтайцы не используют для верховой езды племенных кобыл и жеребцов-производителей, их оставляют в табуне, они — богатство и гордость владельца. Поздней осенью у алтайцев забивают лошадей старых, очень худых и с изъяном, считая, что они все равно не переживут зимы, и сохраняют мясо на зиму, когда не будет молочной пищи; в остальное время в пищу могут употребить лишь лошадей, павших от болезни или вследствие несчастного случая. О принесении лошадей в жертву я еще скажу при случае. Лошадь, приносимая в жертву, называется *ыйык*, в знак отличия ей вплетают в гриву ленточку или лоскуток [18].

Алтайский крупный рогатый скот, как и лошади, имеет свои породные особенности.

Короткая голова с широким лбом, крупными глазами и широкой мордой увенчана лироподобными рогами, направленными

вверх или вперед. Шея относительно короткая и мясистая, брюхо довольно большое. Лопатка образует со спиной прямую линию, от направления которой слегка отклоняется широкий крестец, уходя вниз. Хвост посажен высоко и достает до скакательного сустава. Грудная клетка и туловище округлые, передние ноги могучие и сравнительно короткие, ляжки задних конечностей массивны, сами конечности также сильные, копыта — крутые, вымя не очень велико, покрыто волосяным покровом и без выпуклых сосков. Порода — высокомолочная. Тонкая эластичная шкура покрыта гладким волосом различной окраски, но чаще всего встречаются рыжие.

Алтайские коровы дают очень питательное, жирное молоко, примерно 6 штофов (что равно 12 винным бутылкам) в день, доят их только два раза в день. Коровы дают молоко лишь после того, как их пососут телята, поэтому сначала подпускают к коровам телят, а когда они немного пососут, их отгоняют. Такой обычай сложился потому, что коровы пасутся без пастухов, а телят держат дома, чтобы коровы сами стремились вернуться домой. Во время снегопада удой резко падает, а как только становится труднее добывать траву из-подо льда, молоко почти пропадает. Содержат алтайских коров так же, как и всех прочих, но живут они не обособленными стадами, а пасутся на пастбище все вместе.

Алтайская овца. Я уже упоминал, что алтайцы содержат больше лошадей и коров, чем овец. При этом в северных районах овец держат меньше, чем в южных. Объясняется это тем, что Северный Алтай более лесист, слой снега там поэтому гораздо толще, и овцам зимой невозможно найти корм. Да и травы там растут более грубые, более высокие и сочные, а овцы любят мягкую сухую траву.

В высоту алтайская овца — 15 вершков и 16 вершков в длину. Лобная кость и сошник у нее сильно изогнуты, но меньше, чем у киргизской овцы. У самок (*кой*) имеются маленькие, отогнутые назад и вниз рожки, которые на седьмом году начинают шататься и в конце концов отпадают. Рога самцов (*кочкор*) гораздо больше и не отпадают. Далеко расставленные широкие уши мягко свисают. Спина прямая, грудь широкая и впалая, брюхо вислое. Передняя часть туловища гораздо выше задней. Ноги жилистые. Алтайская овца имеет курдюк (*куйрук*), расположенный над хвостовыми позвонками, которые выступают из курдюка и заканчиваются полувитком. Осенью курдюк должен весить от пяти до десяти фунтов. Шерсть становится длинной сразу же за головой и кончается над коленным и скакательным суставами. Шерсть почти исключительно белая. Черные овцы — большая редкость. Шерсть длиной примерно в два дюйма и грубая, у ягнят она мягкая, тоньше и длиннее. Стригут овец два раза в год.

Небольшую часть овец не стригут, с тем чтобы шерсть у них вылиняла, и из этой шерсти изготовляют войлочные кошмы и веревки. Хорошую стриженую шерсть сматывают в клубки и продают. Овцы начинают набирать курдючное сало весной, до осени оно нарастает. С наступлением снегопадов оно опять уменьшается, к весне сальные наросты у хвоста становятся совершенно незаметными. Там, где стада овец большие, овец еще и доят. Мясо овцы — основная пища богатых алтайцев, поэтому продают овец крайне редко.

Алтайская коза размером с овцу, у нее вытянутое тело, маленькая голова и довольно большие рога. Коз на Алтае содержат очень немного, больше ради шерсти, чем ради молока и мяса. Лучшая козья шерсть идет на войлок, та, что похуже,— на веревки.

Когда я ездил по Алтаю в 1860 г., в районе собственно Алтая (т. е. западнее Катуни) еще можно было встретить владельцев довольно крупных стад. Так, мне рассказывали тогда, что у алтайца Толоя на Урусуле — 6000 лошадей. Может быть, эти данные и несколько преувеличены, так как алтаец исчисляет богатство тысячами лошадей, как европеец исчисляет богатство купцов миллионами рублей. Но все же, как я мог сам в этом убедиться, в Чуйской степи были тогда весьма обширные стада. Я сам видел табуны зайсана Мангдая и одной богатой наследницы-калмычки, в каждом из которых было, несомненно, по нескольку тысяч лошадей. В Чуйской и Курайской степях были тогда и стада овец, доходившие до трех тысяч голов. Верблюды встречаются только в Курайской и Чуйской степях, да и там — лишь небольшими стадами. На Чуе можно встретить единичных сарлыков.

Но когда я посетил Алтай в 1870 г., я застал там страшную нищету. Купцы рассказывали мне, что теперь на всем Алтае, исключая жителей Чуи, осталось лишь несколько человек, исчисляющих свои стада сотнями; имеющий 50 лошадей уже считается богатым. Они жаловались, что внутренняя торговля на Алтае теперь не приносит им никаких прибылей, что приходится искать новые рынки сбыта в Монголии. Я сам имел возможность наблюдать разительное уменьшение скота, особенно на Урусуле, где в 1860 г. я видел огромные стада, а в 1870 г. вообще не увидел ни одного животного. К тому же в 1860 г. старики уверяли меня, что теперь Алтай уже обеднел, так как пару десятков лет назад — стало быть, где-то в пятидесятые годы — люди, имевшие только 50—100 лошадей, считались бедными. Как причину обнищания алтайцев мне называли в 1870 г. чуму крупного рогатого скота, которая особенно свирепствовала в 1869 г. Я же думаю, что, скорее, Алтай выкачали русские купцы. Здесь идет борьба за существование, как и повсюду, где цивилизованный человек

сталкивается с чистыми детьми природы. Как в Северной Америке разоряются, гибнут и постепенно исчезают краснокожие, так и в Сибири — туземные жители. Сначала терпит урон их богатство и социальное положение: князья превращаются в сельских старост, богатые скотоводы — в нищих, питающихся кореньями. Из-за ухудшившегося питания раса слабеет и, наконец, постепенно вымирает. Как ни больно и ни грустно филантропу, да и просто любому порядочному человеку видеть насилие и несправедливость более сильной расы, но все это отвечает законам природы, ибо, честно говоря, должно признать: великолепные долины Алтая слишком хороши для кочевников, которые не могут извлечь и использовать богатства этого края [19].

Чтобы волк не смог напасть на отдыхающие ночью у юрт стада коров и овец, каждый алтаец держит множество собак. Но так как их не кормят как следует, они очень худые и злые и приблизиться одному к незнакомой юрте не столь уж безопасно. Дикая свора набрасывается на приближающегося всадника и, прыгая, с лаем провожает его до юрты. Только здесь она оставляет его в покое и умолкает, да и то лишь если жители юрты отгонят ее палками и камнями. Днем собаки слоняются возле юрт, выискивая и внутри и снаружи жалкие объедки, выброшенные человеком, а у алтайцев их весьма немного. Ночью собаки кружат вокруг стад, прежде всего — овец. Часто среди ночи, особенно на Южном Алтае, жителей юрты будят стада овец, вспугнутые приближением волка. Тогда начинается адский шум. Слышен топот овец, пробегающих у самых юрт, сопровождаемый громким лаем и воем целой своры собак; к этому шуму примешиваются крики и свист мужчин, тотчас же выскакивающих из юрт. Через некоторое время шум утихает, но нередко он может повториться три-четыре раза за ночь.

На Алтае нет подлинного кочевания. Алтай повсюду так богат травами, что даже крупные стада перемещаются на очень небольшом участке. Люди победнее круглый год остаются на том же месте. Мне даже кажется порой, что менять местожительство алтайцев вынуждает их нечистоплотность. Оттого что стада всегда ночуют у юрт, уже через месяц накапливаются целые болота навозной жижи; нечистоты набираются и в жилищах. А так как алтаец не умеет ни использовать навоз как удобрение, ни убирать в доме, он предпочитает сменить местожительство. По той же причине меняют свое местожительство и более богатые алтайцы, живущие на Северном Алтае в юртах из березовой коры, хоть переезд и связан для них с немалыми неудобствами [20].

Как уже упоминалось, скот и зимой и летом сам добывает себе пропитание. Зимой это возможно лишь потому, что на высоких скалах и горных террасах всю зиму напролет дуют сильные ветры, сдувающие снег, вследствие чего слой снега на рав-

ние очень тонок и животные легко добывают траву из-под снега. Именно поэтому летом дают скоту пастись там, где трава не очень высока, оставляя более богатые травой участки на зиму. Для молодняка, содержащегося при юрте, заготовляют небольшой запас сена, но его всегда недостает.

Кроме присмотра за стадами, который, как я уже неоднократно упоминал, весьма несовершенен и ограничивается лишь тем, что по нескольку раз на дню скачут к стадам и сгоняют их в одно место, летом на долю мужчин еще приходится и дойка кобылиц — занятие, требующее известной доли отваги. Люди побогаче изредка держат мужскую прислугу для выполнения этих работ; чаще всего им помогают в этом бедные соседи, которым за это разрешается жить поблизости, кормиться из большого котла богача и носить его старое платье. Летом, когда скот предоставляет им обильную пищу, зажиточные мужчины занимаются главным образом тем, что едят, пьют, курят, спят, ездят в гости по соседям и напиваются там. Те, кто победнее, располагаются в юртах тех, кто побогаче, и по мере возможности стараются прокормиться там. Перечисленные выше занятия следуют всегда в определенном порядке: наевшись, закуривают трубку, затем переходят к выпивке. Если в доме нет водки, отправляются в аул к соседу, где можно найти это удовольствие. Потом здесь же или дома лихо выпивают, болтают, рассказывают истории, поют, пока вся компания не напьется так, что едва может встать на ноги. Затем те, кто менее пьяны, едут домой, а остальные, подложив под ухо седло и укрывшись своими шубами, предаются объятиям Морфея, чтобы, проснувшись, опять начать все сначала — т. е. с еды. Для присмотра за стадами посылают только людей помоложе да голодных бедняков.

Алтаец совсем не умеет ходить. Он ходит очень медленно, таща за собой ноги и покачиваясь; отчасти из-за неудобной обуви и шубы, чаще всего свисающей с пояса. Но как только алтаец садится на лошадь, меняется вся его осанка. Здесь он чувствует себя на месте, его взгляд становится свободней, тело выпрямляется, кажется, что в его жилах течет обновленная кровь. Лошадь и всадник сливаются в одно целое, и, глядя на них, начинаешь понимать, как могла фантазия древних греков создать из северных народов, не расстающихся с конем, кентавров.

Алтаец всегда подходит к своей лошади слева, поэтому она никого не подпускает к себе справа[21]. Собираясь сесть на лошадь, он берется левой рукой за веревку, привязанную к левому кольцу мундштука, наматывает ее несколько раз на кисть руки, берет в ту же руку поводья, ставит левую ногу в стремя и, опираясь правой рукой о переднюю луку седла, мгновенно вскакивает на лошадь. В седле он сидит прямо, так крепко прижав руки к бокам, что они не болтаются даже на быстром скаку.

Ремешки, к которым прикрепляются стремена, очень коротки, коленный сустав всадника согнут поэтому под прямым углом и посадка не твердая: всадник сидит как бы на низкой скамеечке. И несмотря на все это, алтаец, приученный с детства к верховой езде, падает крайне редко, как бы он ни носился вверх и вниз по горам, даже иногда и в совершенно нетрезвом виде. Сразу же чувствуется уверенность всадника: его мало волнует, быстро или медленно идет лошадь. Несется ли он быстрым галопом, едет ли по опаснейшим горным тропам, он спокойно вытаскивает из-за правого голенища свою трубку, набивает ее табаком, высекает огонь, засовывает обратно за пояс свое огниво; и все это время поводья остаются на головке передней луки седла, только конец поводьев (*чылбыр*) он не выпускает из рук. Дорога и ход коня во время этих занятий мало волнуют его. Я видывал всадников, сидящих в седлах, подпруга которых лопнула, и все же не падавших с лошади. Всадник может упасть разве что с дикой лошади, если лопнет подпруга или если упадет сама лошадь; в последнем случае он, не выпуская из рук чылбыр, отталкивается от стремени и, прежде чем лошадь окажется на земле, спрыгивает в нескольких шагах от нее, крепко держа в руках чылбыр, чтобы лошадь не убежала. А в том, сколь мало устают алтайцы от верховой езды, я мог убедиться, когда мы послали одного из наших проводников из Бураты в Муйту и на пятый день он возвратился в Бураты. Только с одной ночевкой он проехал около 200 верст по самым ужасным дорогам.

Женщины ездят верхом совершенно так же, как мужчины, с той же ловкостью, уверенностью и выдержкой.

Сбруя алтайцев весьма проста. Недоуздок сплетают из шерстяных веревок или изготовляют из сыромятного ремня. Железный мундштук всегда отсутствует, а на левой стороне недоуздка прикрепляют веревку или ремень, обычно в сажень длиной. Этот недоуздок снимают с лошади, лишь когда выпускают ее на свободу, в табун. А так он остается на голове лошади, даже если, смиряя ее, надевают трензель. Узда лошади (*їгӧн*) изготовляется обычно из тонких сплетенных ремешков, она состоит из двух боковых ремней, идущих от удил вдоль головы, наносника, проходящего поперек носа и соединяющего боковые ремни на уровне середины головы, и поперечного ремня, проходящего под головой. Боковые ремни прокладываются за ушами лошади. Удила здесь трензельные, с небольшими кольцами по сторонам, к которым привязан повод, вырезанный из узкого ремня. Постоянное ношение лошадьми недоуздка объясняется тем, что, если бы здесь, в пустыне, от всадника убежала лошадь, это было бы для него равносильно смертельной опасности. Всегда наготове и повод недоуздка, с помощью которого можно привязать и удержать лошадь, так что всадник спокойно может спять и узду и удила,

не опасаясь, что лошадь ускачет. Каркас алтайского седла состоит из двух продольных тонких дощечек шириной около $2^3/_4$ вершка и 12 вершков в длину, к обоим концам которых прикреплено кожаными ремнями по сильно изогнутой дуге, вырезанной из свилеватого дерева. Между этими дугами помещается круглая или уплощенная планка таким образом, чтобы своды дуг сильно выдавались над ней. В продольных дощечках на концах находится по два отверстия. Первые предназначены для прикрепления подпруги, вторые — для стременных ремней. На заднем конце продольных дощечек имеется еще по отверстию для прикрепления подхвостника и еще одно отверстие, к которому прикрепляются тонкие ремни длиной в три четверти аршина (*канджыга*). Обе подпруги обычно тоже изготовлены из узких сплетенных ремешков с очень маленькой пряжкой. Одна стягивается непосредственно за передними ногами, другая — на задней части туловища. На вышеописанный каркас седла меж поперечных деревянных дуг прикрепляется седельная подушка из слоев войлока вершков в восемь длиной. Под седло тоже подкладывается войлок, и перед тем, как положить седло на спину лошади, кладут еще несколько слоев войлока (*токум*). На более дорогих седлах поперечная дуга (*каш*) тонкой работы и красиво изогнута, седельная подушка обтянута черной кожей, а стремена изготовлены из железа, обычно собственного производства, как и мундштуки; к более дешевым седлам они вырезаются из свилеватого дерева. Дорогие седла и сбруя с украшениями и железной оковкой попадаются очень редко. Чаще всего — в Чуйской степи, и всегда оказывается, что они куплены у монголов или тюрбётов.

Женская упряжь верховой лошади у алтайцев ничем не отличается от мужской, но у женщин чаще можно встретить сбрую из черной дубленой кожи, украшенной железной оковкой собственного изготовления.

Как я уже говорил, летом алтаец почти ничем на занят, ибо лишь одиночные любители бродят в это время года по высокогорным районам и охотятся на оленей и горных серн [22]. Зимой же охотой занимается все мужское население. Вообще-то уверяют, что дичи на Алтае стало гораздо меньше. Раньше именно тайга была лучшим местом для охоты на крупную дичь. Олень-марал (Cervus elaphus) встречается повсюду в тайге; на него особенно ревностно охотятся весной, так как самое ценное в этом животном — молодые рога, еще наполненные кровью; за них китайцы дают большие деньги. Кроме того, еще и шкура марала представляет собой определенную ценность. Несмотря на то что русские крестьяне, живущие по границам Алтая и на Уймоне, приручили и разводят теперь маралов и могут продавать рога дешевле, цены на рога застреленных маралов не падают, так как китайцы платят гораздо больше за рога, на нижних концах кото-

рых еще остается верхняя часть черепной коробки. Горный баран водится главным образом в высокогорных районах Чуи и Средней Катуни, но обширные стада его можно встретить и восточнее, вплоть до Курайской степи. Далее на восток, в горах, окаймляющих Чуйскую степь, живет на вершинах дикий баран аргали (алтайцы называют барана *кочкор*, а самку — *аркар*), в Чуйской и Курайской степях водятся большие стада серн (*йäрäн*), а на Алтае, западнее Катуни, и лань (*элик*) [23]. На всех этих животных летом охотятся ради мяса, а в начале зимы — ради шкуры. Реже на Чуе встречается кулан (по-монгольски — *джикитäй*) — похожее на лошадь непарнокопытное, и лось (*пулан*). Часть последних живет и западнее Катуни. На всю эту крупную дичь охотятся любители, так как такая охота требует большой ловкости. Добыча же промысловой охоты, кроме отстреливаемых весной маралов, относительно невелика. Охотой на пернатую дичь — уток, глухарей и диких гусей — тоже занимаются только охотники-любители. Серьезным объектом зимней охоты является мелкий пушной зверь, ценный мех которого всегда можно хорошо продать купцам. Самым ценным считается мех черной лисы (*кара тӱлкӱ*), которую встречают на Алтае чаще всего у Башкауса; но, так как она и здесь крайне редка, на нее, собственно, нельзя регулярно охотиться, просто она может попасться, если повезет.

Простая лиса встречается по всему Алтаю, хоть и не очень часто. Она ценится гораздо меньше, чем черная, за шкурку которой дают 150—200 рублей. Раньше охотники добывали на Алтае много соболя, теперь он стал редок. Чаще всего его еще можно встретить на берегах Катуни, у Сумулту, в горах Аргыт и на Катунских Альпах, а также на Улбе. Соболя выслеживают с собаками. Обнаружив его нору, охотники окружают ее и обносят охотничьей сетью, выкуривают соболя из норы и убивают дубинками, когда он запутается в ячейках сети. Огнестрельного оружия не употребляют, дабы не повредить ценной шкурки. К концам сети прикрепляются маленькие колокольчики, благодаря которым охотники сразу же слышат, на каком ее участке зверек пытается прорваться. Кроме того, на берегах Катуни стреляют куниц, на Сумулту и на Катунских Альпах — много белок, а в районе Верхней Чуи — множество сурков.

Летом алтайцы обычно ездят на охоту верхом и поодиночке, а зимой в богатые дичью местности охотники отправляются небольшими группами на лыжах, имея при себе маленькие санки с запасом еды и питья.

Сегодня алтайцы употребляют на охоте только огнестрельное оружие, стрела и лук исчезли уже с начала столетия. В каждой юрте найдешь одно-два ружья, чаще всего это алтайские винтовки, рассчитанные главным образом на крупную дичь. Винтовки

с очень толстым стволом и маленького калибра — для пушной охоты — встречаются здесь очень редко. Алтайские ружья часто переделаны из старых русских солдатских, так как алтайские оружейники при своем примитивном оборудовании не в состоянии выковать хороший ствол. У алтайских ружей — длина обычных мушкетов и длинный, очень узкий приклад из неполированного легкого дерева. Примерно в пяти дюймах от начала приклада прикреплена на шарнирах деревянная вилка, которую можно отгибать вперед, к стволу. Собираясь стрелять, охотник сначала отгибает вилку назад, вертикально по отношению к стволу, втыкает ее нижней подпоркой в землю, опускается на правое колено и кладет конец приклада на правое плечо[24]. Сбоку на прикладе помещается фитильная сумка. Неподалеку от фитиля в прикладе имеется простой курок, который движется по продольной оси ружья вокруг металлического стержня, расположенного внутри приклада в поперечном направлении. Нижний конец курка служит спуском (без предохранителя), а верхний — представляет собой небольшой вилкообразный отросток. Чтобы выстрелить, на вилку курка кладут горящий конец фитиля, тянущийся из фитильной сумки, и, нажимая указательным пальцем правой руки на спусковой крючок, медленно подвигают горящий конец фитиля к полке, наполненной порохом.

Алтайцы употребляют пули, выкованные из железа, несколько меньшие, чем этого требует калибр ствола; при зарядке ружья они попадают в конический затвор и благодаря силе тяжести скатываются до тех пор, пока не закрывают довольно точно канал ствола. Но между пулей и порохом все-таки остается небольшое пространство, и поэтому при выстреле возникает такой сильный толчок, что, если его не ожидать, ружье чуть ли не вырывается из рук. Алтайцы обращаются со своими ружьями очень ловко и умело, заряжают и стреляют очень быстро, гораздо быстрее, чем это возможно с ударным ружьем, так что фитильные ружья для них не так уж плохи, недостаток их лишь в том, что много времени занимает первоначальная подготовка — зажигание фитиля, а кроме того, ими совершенно нельзя пользоваться при сырой погоде. Беглый огонь осуществляется следующим образом: охотник кладет в рот много пуль, поднимает дуло ружья к груди, снимает затем большим пальцем правой руки пробку патронной трубки, висящей на его груди и схваченной остальными пальцами, слегка подняв правую руку, сыплет порох из трубки в ствол, одновременно посылает в него пулю изо рта, опускаясь на колено, опускает ружье, пока оно не обопрется на вилку, поднимая в то же время приклад на правое плечо, и ссыпает остаток пороха на полку, мизинцем прихватывает конец фитиля, кладет его на вилку курка и молниеносно нажимает на курок. По описанию все эти манипуляции могут показаться очень длитель-

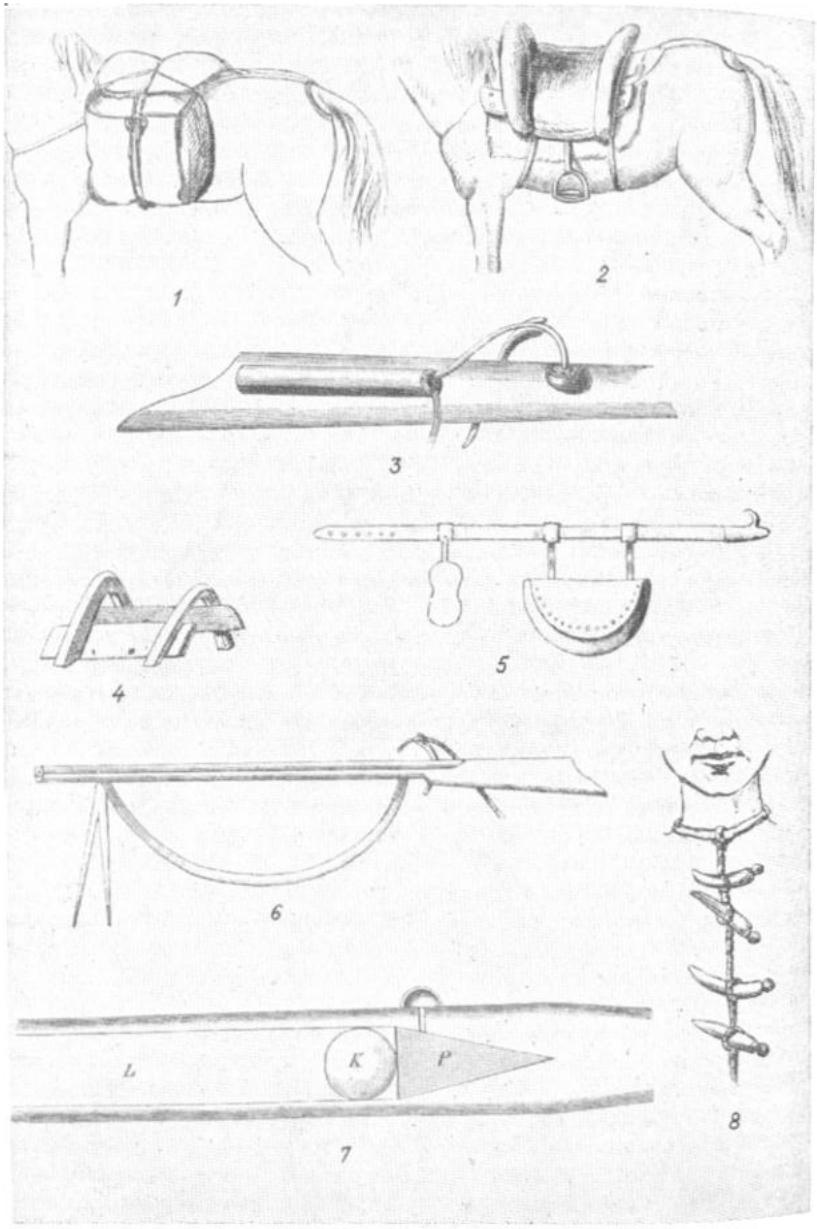

Таблица 7. *1* – вьючный конь; *2* – алтайское седло; *3* – приклад ружья с запалом; *4* – вьючное седло; *5* – патронташ и мешочек для пуль; *6* – ружье с сошками; *7* – внутренняя часть ружья; *8* – алтайские ружейные патроны

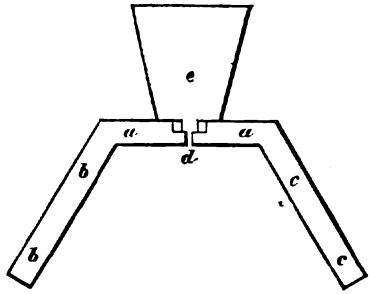
ными, на самом же деле они совершаются с молниеносной быстротой, и охотник настолько к ним привык, что может делать два-три выстрела в минуту, если зажженный фитиль, порох и пули у него наготове. У алтайцев есть, кроме того, и ружья поменьше, которыми они стреляют с лошади. Отправляясь на охоту, стрелки надевают кожаный пояс с патронташем и сумкой для пуль, а на шею повязывают шнур, на котором прикреплены заткнутые пробками рожки с порохом. Алтаец, отправляющийся на охоту верхом, носит ружье на ремне за спиной, из-за вилки, торчащей вверх, оно выглядит довольно нескладно.

Хотя алтайцев и нельзя назвать подлинно охотничьим народом, однако почти все они пусть немного, но занимаются охотой и большинство их — превосходные стрелки.

Домашними работами мужчины занимаются крайне мало. Если уж они и снисходят до того, чтобы помочь по дому, то их помощь ограничивается изготовлением решеток для юрт, выдалбливанием и вырезанием деревянной утвари — корыт, трубок, чашек, мисок, плетением топких ремешков, вырезанием ремней, изготовлением сосудов из бересты, рубкой и колкой дров. Выполнять такие работы умеют все мужчины, но богатые обычно перекладывают их на бедного соседа и за эту помощь кормят его. От людей, особенно ловких в выполнении тех или иных работ, соседи постоянно требуют изготовления определенных предметов, и такие люди повсюду желанные гости; в этом можно уже усмотреть самую раннюю стадию ремесленной профессионализации и выделения мастеров по дереву, плетельщиков, шорников, кожевенников. Наиболее далеко шагнуло кузнечное ремесло. Ему обучаются лишь отдельные личности, пользующиеся всеобщим уважением, так как кузнецов очень мало.

Алтайские кузнецы считаются большими мастерами, их хорошая работа повсюду славится. Они умеют особенно хорошо закалять железо, так что алтайские ножи предпочитают русским. Все русские купцы, разъезжающие по Алтаю, обзаводятся алтайскими ножами. Кроме них алтайские кузнецы изготовляют: резаки, илбеки (инструмент для выдалбливания деревянных сосудов), топоры, огнива, мундштуки для лошадей и ружья. На берегу озера Кенги мне довелось осмотреть алтайскую кузницу, и я был поражен ловкостью работника.

Оборудована кузница была таким образом. Посередине юрты, на месте очага, глиняная стенка толщиной в 2—3 вершка и высотой с пол-аршина. Задняя стенка (*a*) была длиной примерно в ½ аршина, и к ней под тупым углом примыкали две боковые стенки, каждая в аршин длиной (*b* и *c*). В середине задней стенки (*a*) находился вертикальный вырез длиной примерно в два вершка (*d*), тонкий, как лезвие ножа, в него вставляется кузнечный мех (*e*). Пространство, ограниченное этой трехсторонней

Устройство алтайской кузницы

стенкой, было заполнено очень мелким углем лиственницы. Инструмент кузнеца состоял из двух молотов, двух щипцов и маленькой наковальни (все — русской работы). Пользуясь этим простым приспособлением, он и изготовляет вышеуказанные предметы, может быть и не очень изящные, но удобные и прочные. Особо следует упомянуть необыкновенную ловкость кузнеца в приковке и приварке. На моих глазах этот мастер безо всякого соединительного материала приварил сломанную швейную иглу.

Такая работа возможна благодаря тонкому отверстию кузнечного меха, который, как паяльная лампа, концентрирует жар в одной точке и накаляет в измельченном угле только тоненькую, как волос, линию. Самой трудной работой является для кузнеца изготовление ружей. Новых ружей не производят почти никогда, так как лишь небольшому числу подлинных мастеров удается изготовить ствол в примитивных условиях алтайской кузницы. Обычно алтайские кузнецы покупают у русских купцов старые солдатские ружья, сбивают с них затворы и приковывают новые — конической формы. Эта приковка требует особой ловкости, так как здесь нельзя употреблять соединительных материалов. Кузнец располагает ствол и затвор таким образом, чтобы тонкий язычок раздутого пламени раскалил добела и край ствола, и край затвора, и, как только температура дойдет до точки плавления, соединяет их вместе сильными ударами молота.

В то время как мужчины в юрте постоянно предаются лени — настолько, что просто удивляешься, как можно жить при таком полном безделии,— женщины непрерывно заняты работой по дому. На них лежат все домашние обязанности — забота о детях, приготовление пищи и запасов еды, одежды для всей семьи, изготовление всей кожаной утвари, возделывание небольшой пашни, уход за скотом и даже заготовка необходимого топлива. В услужение нанимаются только женщины, главным образом молодые девушки, а мужчина, даже едва не умирая с голоду, считает

позором потерять свою свободу; он слоняется полуголый по соседним юртам, не помышляя о том, чтобы улучшить свое положение прилежанием и собственноручным трудом.

Задолго до восхода солнца, когда мужчины еще предаются сладкому сну, поднимаются все женщины — хозяйка, родственницы до определенного возраста, дочери старше двенадцати лет и служанки. Одни выходят с ведрами и доят коров, овец и коз, находящихся около юрты. Другие поят молодняк, а одна-две из них заготовляют топливо и делают первые кухонные приготовления. Через час в юрту вносят ведра, полные молока. Огонь под котлом уже зажжен; молоко кипятят и выливают в большие бурдюки. Сразу же ставят на огонь котел и готовят утреннюю еду. В богатых домах — кирпичный чай, в домах победнее — айран и очень жидкая мучная тюря. Во время этих приготовлений поднимаются мужчины и сразу же, чаще всего не умываясь, садятся за еду, сопровождая ее оживленной, громкой беседой. Когда вслед за этим мужчины покидают юрту, чтобы подоить кобылиц и приглядеть за лошадьми, женщины в юрте занимаются малыми детьми и кормят их. О детях заботится почти всегда только мать, а дочери и служанки выполняют остальную работу по дому. Потом хозяйка принимается за шитье, чинит старое и изготовляет новое платье и обувь, шьет чепраки и кожаные мешки, в этом ей помогают взрослые дочери, а родственницы или служанки занимаются кухней: переливают и смешивают айран, снимают сливки, сбивают масло, перегоняют водку. Все это время непрерывно курят (мужчины, женщины и дети бросают трубку лишь тогда, когда их вынуждает к этому еда или какое-нибудь иное занятие). Через несколько часов жители юрты опять собираются у огня поесть. Теперь достают бурдюк с водкой и начинается общая выпивка. В богатых домах появляются соседи, пьют и болтают. Из женщин вместе с мужчинами пируют только старухи, уже не принимающие участия в ведении домашнего хозяйства. Разливает, как правило, хозяин. Так как молочная водка обычно очень слаба, ее пьют в огромных количествах, пока она не подействует. Во время этой пирушки женщина работает или пытается утихомирить детей и предотвратить эксцессы между мужчинами. Если в доме много водки, то все участники попойки пьют до тех пор, пока не упьются вконец, тогда они подкладывают себе под голову седло или чепрак и засыпают там же, где сидели. Если в доме мало водки, мужчины вскоре покидают этот дом в поисках другой юрты, где можно продолжить выпивку. Никакие трудности пути не удержат их от того, чтобы совершить с этой целью даже дальнюю поездку. Пока мужчины спят, женщины продолжают домашние работы. С приближением вечера деятельность в юрте и вокруг нее опять оживляется, так как к юрте возвращаются коровы и нужно доить их и заготавливать молочные продукты.

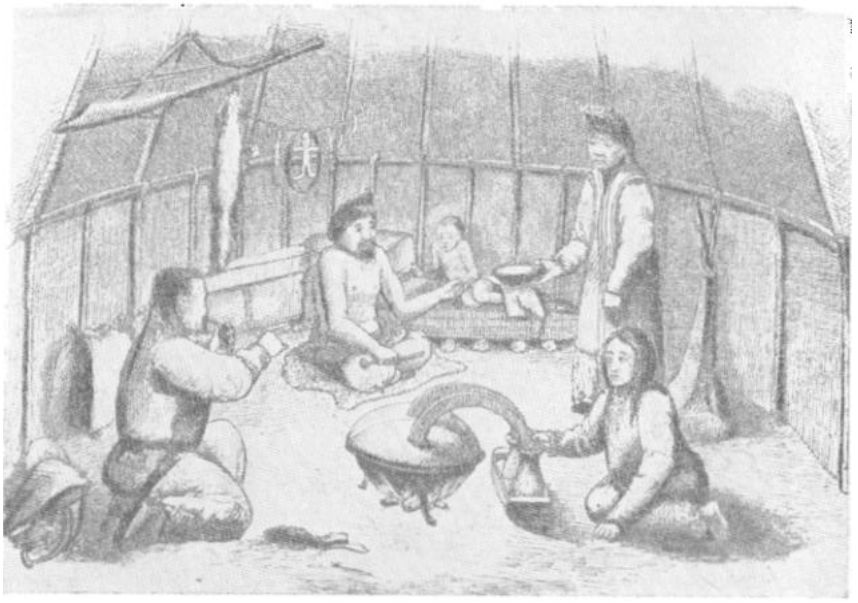

Таблица 8. Внутренность алтайской юрты по рисунку Павла Ивачева

Тем временем мужчины опять просыпаются, и женщины подают им ужин. И много позже того, как мужчины улягутся на ночь, женщины приляжут наконец, чтобы на следующее утро опять на заре взяться за свой тяжкий каждодневный труд.

Кроме всех этих работ женщины по преимуществу обрабатывают мотыгой и засеивают ячменем небольшие — всего в несколько квадратных сажепей — пашни, обнесенные изгородью. Бо́льшие пашни, например на Среднем Урусуле, обрабатывают мужчины. Мне рассказывали, что даже и сенокос взваливают на женщин.

По своему образу жизни алтайцы в основном карнофаги, так как питаются они почти исключительно теми продуктами, что получают от своего скота,— молоком, жиром и мясом. Ячменя они сеют так мало, что он составляет лишь небольшую долю их пищи, и только в неурожайные годы они покупают муку. Никогда не пьют они сырого молока, а кипятят его сразу же после дойки и сквашивают затем в больших бурдюках; получается густое кислое коровье молоко — *айран,* довольно вкусное, если его чисто приготовить; оно и составляет основную пищу алтайцев на протяжении всего лета. Сквашенное кобылье молоко — *чегäн,* как называют его алтайцы,— гораздо жиже. На Алтае этот напиток

готовят невкусно, чаще всего к нему тут примешивают коровье молоко. Впрочем, в первые годы он казался мне еще сносным, но позже, привыкнув к превосходному кумысу киргизов, я уже не мог пить алтайский чегень. Сквашивание айрана и чегеня происходит под воздействием остатков кислого молока и грязи, оставшихся в бурдюке. Оба напитка часто смешивают, а так как творожистая гуща всегда оседает на дно, сильно взбалтывают, прежде чем вылить в миску. После кипячения снимают сливки (*каймак*) и собирают их в специальные сосуды. Часть молока перерабатывают в сыр, который высушивают на воздухе и сохраняют на зиму. Часть айрана перегоняют на молочную водку, а оставшуюся створоженную массу (*иримчик*), сладковатую и очень приятную на вкус, собирают в мешки. Кроме айрана и чегеня летом продуктом питания служит еще и кирпичный чай, который готовят с молоком, сливками и солью, ужасный на вкус непривычного к нему человека. Люди побогаче едят с чаем еще и творог иримчик, но это уже лакомство. Летом едят мясо только самые богатые люди, остальные едят его лишь в тех случаях, когда животное падет или с ним произойдет несчастье, да еще на праздничном пиршестве или при жертвоприношении. Только осенью происходит массовый убой старых животных, и мясо их заготавливается на зиму. Зима — плохое время года для алтайца, бедняк голодает, так же как и его скотина, ибо ему не запасти необходимого количества сыра и мяса, а летом ему и в голову не приходит обработать поле. Оттого и посещают его постоянно голод и болезни, унося за собой много людей и сокращая численность этого народа. Рассказывают даже, что в тяжелые годы бедняки с отчаяния направляются к русским деревням и продают своих детей, чтобы не видеть их гибели. Этих детей покупают обычно бездетные крестьяне, крестят их и воспитывают как приемных детей. Я лично много раз встречал таких калмыков, выросших совершенно как русские крестьяне. Из скота на мясо забивают главным образом лошадей, овец и коз, а коров и быков предпочитают продавать русским. Твердые сыры зимой разбалтывают в воде, и тогда, говорят, на вкус они похожи на айран. Из сливок готовят масло, а из него — еду, которую берут с собой на охоту. Ячмень подсушивают, размалывают и варят в воде.

Вот в основном и все меню алтайской кухни. И бедный и богатый едят одно и то же. Разница лишь в величине котла и количестве пищи. Бедный ест то, что у него имеется, а у него мало что имеется, и он давно бы умер с голоду, если б у богатого не было такого излишка еды, что он готов оказать полное гостеприимство всякому, кто появится летом в его юрте. В таких условиях желудок алтайца приобрел поразительные свойства. С ранних лет он привык к крайней нерегулярности в приеме

пищи. Алтаец может голодать днями, и никто не услышит от него жалобы на отсутствие еды, но, когда она появится, он может есть без конца. Мой казак говорил мне, что не раз видел, как четыре наших проводника поедали в один присест большую жирную овцу. В 1860 г. на Салджаре я узнал, что может переварить алтайский желудок. Однажды моя жена готовила котлеты и у нее осталась большая деревянная миска горячего несоленого топленого масла фунтов на восемь, из которой она взяла лишь несколько ложек. Миска стояла на виду, и я заметил, что один из моих проводников бросал на нее вожделенные взгляды. Я спросил его, не хочет ли он отведать масла, сказав при этом, что не могу дать ему хлеба, которого у нас очень мало. Мой казак, смеясь, сказал: «Да он один съест всю миску». Я не мог поверить, но сам проводник подтвердил это, и я дал ему миску с условием, что он все съест. Мой калмык и впрямь с удовольствием принялся за еду, опустошил всю миску (как я уже говорил, не менее чем на восемь фунтов) без соли и хлеба и выгреб пальцами последние остатки. Потом я ехал весь день рядом с ним и не заметил в нем ни малейших следов недомогания.

Так как мы постоянно давали в пищу нашим проводникам мясо, я часто мог наблюдать, как калмыки готовят его. Они режут его на мелкие кусочки и варят в котле без соли. После того как мясо покипит не более десяти минут, они снимают котел с огня и поедают его полусырым, уверяя при этом, что только в таком виде мясо сохраняет хороший вкус. Бульон они не уваривают и в пищу употребляют его лишь частично. Несколько лучших кусков мяса они поджаривают, насадив их на палки, воткнутые в землю у самого костра, и несколько раз повертывая их.

Алтаец совсем неразборчив в пище, он поедает все, что съедобно, его не очень волнует, когда пища подпорчена, плохо пахнет или пригорела. Но его рот не выносит чуждого ему острого или кислого вкуса. Горчица, перец и даже уксус вызывают у него ужас. В том же, 1860 г. на Улёгёне мы ели однажды маринованных рябчиков, полученных на дорогу от знакомого, и один алтаец попросил кусочек, желая попробовать диковинную еду. Но едва он взял в рот пикантное, очень приятное на вкус кислое мясо, как мгновенно выплюнул его и с воем стал кататься по земле с таким видом, как будто он обжег рот. Не любят алтайцы и очень соленой пищи. Я видел только, что они кладут соль в чай, но пищу свою они солят очень редко. Я убедился, к своему сожалению, как мало соли они употребляют, когда в 1860 г. на обратном пути из Чуи обнаружилось, что повар заседателя случайно прихватил с собой мой запас соли и мы остались за Чибитом без соли, так и не сумев получить ни в одной из юрт на нашем пути ни крупинки.

Из процессов заготовки продуктов питания подробного описания заслуживает, пожалуй, лишь перегонка молочной водки, которая летом составляет бо́льшую часть женских работ. Большой котел наполовину наполняют кумысом и айраном, закрывают котел двумя половинками выпуклой деревянной крышки, точно подогнанной по верхнему краю котла, и замазывают щели смесью глины и навоза. В середине каждой половинки крышки имеется отверстие длиной в два вершка. В каждое из этих отверстий вставляется по точно подогнанной деревянной трубке, и все зазоры тщательно замазываются. Деревянные трубки (*чорго*) образуют тупой угол и вставляются параллельно таким образом, чтобы одни концы входили в крышку, а другие — более длинные — доставали до двух глиняных горшков, стоящих в корыте (*тоскур*), наполненном холодной водой. Затем под котлом разводят небольшой огонь, и поддерживают его так, чтобы жидкость в котле не кипела. От жидкости поднимаются водяные и алкогольные пары и охлаждаются в глиняных сосудах. В котле остается вкусный примчик, а в глиняных кувшинах собирается мутная жидкость, содержащая алкоголь (*аракы*, т. е. молочная водка). Такая молочная водка очень слабая, и, чтобы она хоть сколько-нибудь напоминала нашу, ее следует перегонять дважды. Но это делают только завзятые пьяницы. Водка хранится в специально приготовленных для нее кожаных бутылях (*тажуур*) с деревянной пробкой и позвякивающими железными украшениями. Ее пьют, слегка подогрев. Летом эту молочную водку поглощают в огромных количествах, так что в самые богатые молоком месяцы пьяно почти все алтайское население. Даже женщины и дети пьют ее, хотя и в очень умеренных количествах. У молочной водки кислый неприятный вкус и столь же неприятный запах, так что первое время нужно сделать над собой усилие, чтобы выпить ее, но, когда пьешь ее часто, привыкаешь и уже не замечаешь запаха. Можно выпить одну-две маленькие деревянные плошки, не почувствовав никакого действия.

Путешественнику трудно нарисовать ясную картину будничной жизни и деятельности алтайцев. Само его появление в ауле событие столь исключительное, что при уединенной жизни жителей алтайских долин его вполне можно сравнить с настоящим праздником. Узнав о появлении каравана путешественника, стар и млад выбегают из юрт, известие о прибытии гостей распространяется по соседним аулам, и через несколько часов все юрты наполняются людьми, а возле них начинается столь оживленное движение, какого обычно не бывает и за месяцы. И только когда подольше поживешь на одном месте, жизнь становится спокойнее, но, как я сам мог убедиться, и через несколько недель не может прийти к полному равновесию. Гораздо меньшей помехой является прибытие чужеземцев на праздники, на которые уже и

так собрался народ. Тогда здесь все настолько заняты своими делами и гастрономическими удовольствиями, что интерес к чужим отступает на задний план. Я не раз имел случаи побывать на таких праздниках. Религиозные праздники принесения жертв я еще опишу при случае. В качестве особенно важных мне называли весенний и осенний праздники. А кроме того, у богатых людей часто бывают пиры, когда летом забивают таких крупных животных, как лошади, или по случаю семейных торжеств, когда празднуют свадьбу или нарекают сына именем, или просто когда со скотиной произойдет несчастье и ее приходится заколоть. Как воронье накидывается на околевшее животное, желая урвать свою долю добычи, так при забое скота стекаются со всех сторон и окружают это место не только родственники, вплоть до самых дальних, но и бедные соседи. Все мужчины, случившиеся тут, пытаются оказать хоть какую-нибудь помощь в забое, снятии шкуры и разделывании туши. Кровь собирается в миски и чаще всего отправляется в юрты бедных соседей; только небольшую ее часть выпивают сразу же. Бедняки стремятся завладеть теми частями потрохов, которые презирают богачи. Но за эту добычу им приходится биться с собаками, которые со всех сторон пробиваются сквозь толпу к месту убоя скота, несмотря на то что люди отгоняют их громкими криками, палками и камнями. После того как забьют и освежуют скотину, тушу разделывают и мясо делят на три части: в одну кучку кладут мясо, предназначенное для варки,— мясо с конечностей, нарезанное узкими длинными полосками, кости, на которых еще остается мясо в дюйм толщиной, и куски от лопаток, шеи, хвоста. Вторую кучку составляют голова, конечности до коленного сустава и потроха. Третью — грудинка и ребра. Когда женщины подготовят котел, в нем варят куски мяса с конечностей, лопаток и хвост, а длинные полоски мяса развешивают у юрты. Часть головы, задних конечностей и потрохов варят в отдельном котле для бедных гостей, а остальное раздают бедным соседским семьям, которые со своей добычей сразу же исчезают. Но соседи-мужчины остаются на месте, так как они еще имеют возможность участвовать в пире. Грудинка, кое-что из потрохов, жир и ребра вносятся на нескольких чепраках в юрту и кладутся недалеко от почетного места. Теперь гости толпой устремляются в юрту и располагаются строго по общественному положению и влиятельности. Бедные прихлебатели садятся на корточки у самой двери. Пока в котле кипятится вода, хозяин, почетный гость и хозяйка в строго обдуманном заранее порядке раздают присутствующим куски, лежащие на чепраках, и каждый в соответствии со своим положением получает кусок получше или похуже. Теперь начинают действовать гости. Каждый готовит себе жаркое. Одни берут хорошие куски мяса и жира и насаживают их на шестивершко-

вые палки (*тиш*), другие растягивают на палочках куски грудинки, третьи соскабливают мясо с нижнего края ребер и навертывают полоски мяса на верхний конец, кто-то очищает руками лучшие куски потрохов и навертывает их на палки, а потом каждый втыкает свою палку или кость в землю к самому огню и прилежно вращает ее, чтобы мясо равномерно поджарилось.

Не успеет мясо в котле свариться, как его распределяют между гостями, и делают это тоже хозяин, почетный гость и хозяйка. Оделив им всех гостей, бросают оставшиеся куски к двери; их жадно ловят ожидающие там голодные бедняки, но часто им приходится драться за них с собравшимися здесь же собаками. При распределении мяса нужно следить, чтобы гость успел подставить хозяину полу кафтана или шубы и поймать в нее мясо, потом на все время пира она будет служить ему тарелкой; едят мясо ножом и руками, обычно — немытыми. Объев с костей мясо получше, важные гости бросают их беднякам, которые продолжают обгладывать кости со всех сторон, работая зубами и ножами, а когда на них не остается уже больше ничего съедобного, бросают собакам, и те разгрызают и размалывают их зубами у самой юрты. Во время еды царит полная тишина, прерываемая лишь треском разгрызаемых костей, скрежетом зубов при раскусывании хряща да лязганьем собачьих зубов. После еды гости вытирают жирные руки о шубу и обувь и берутся за жареное мясо, счищая с него подгоревшие места и жадно поедая остальное. Объедки, как и прежде, переходят к беднякам и собакам. Покончив с лакомой едой, бедняки покидают юрту, и остаются только приглашенные гости. Теперь начинается общая беседа. Хозяин дома достает *тажуур* (бутыль с водкой) и пускает по кругу деревянные чаши. Каждый из гостей разбрызгивает указательным пальцем правой руки по нескольку капель из чаши, бормоча при этом благословение, и выпивает ее залпом [25]. Затем не самые близкие из гостей удаляются и остается только родня, которая продолжает пить до тех пор, пока все присутствующие не напьются окончательно и не лягут спать.

В таких условиях удобнее всего наблюдать приветственный церемониал алтайцев и, если можно так выразиться, формы общения. Каждый вновь прибывший входит в юрту, не говоря ни слова, сразу же садится, вынимает из-за голенища свою трубку, набивает ее и зажигает от костра. Хозяин делает то же самое, затем оба обмениваются трубками со словами: *нä табыш бар*? — «что слышно нового?» (следует заметить, что слово *табыш* у алтайцев означает «дурные вести, несчастье»), на что другой отвечает: *табыш йок* или *табыш йогыла* — «ничего не слышно». Первым обращается более высокопоставленный или хозяин. Только после этого справляются о здоровье, затем гость дает каждому из присутствующих свою трубку с теми же словами, получает в

ответ трубку и те же слова. Проходит много времени, пока эта церемония окончится. При этом строго соблюдается порядок приветствий, начинают с хозяина и хозяйки и кончают младшими членами семьи и самым незначительным из присутствующих. Каждый из входящих занимает то место, которое следует ему по рангу и положению. Хозяин и равные ему по положению гости-мужчины сидят, подвернув под себя ноги, женщины и зависимые люди опускаются на левое колено, оперев правую ногу на ступню. Женщинам вообще никогда не позволяется сидеть иначе. Обслуживая господ, слуги опускаются на оба колена. Я научился сидеть, подвернув под себя ноги, но сидеть по-алтайски на левом колене так больно, что я никогда не мог выдержать и минуты в такой позе. Левую стопу кладут при этом подушечкой большого пальца и внутренней стороной пятки к земле и всей тяжестью тела опускаются на наружное ребро стопы.

Во всех церемониях алтайцев и при общении их друг с другом можно наблюдать известную торжественность и строгое приличие. Женщины крайне скромны, мужчины — сдержанны и степенны. Не услышишь пустой и самодовольной болтовни, не увидишь резких движений; во всем царит спокойствие и умеренность. Такое поведение, правда, продолжается до тех пор, пока им в голову не бросится водка, тогда они начинают петь и громко смеяться; но и от пьяных я ни разу не слыхал непристойности, не видел никогда заигрывания с женщинами или какого-либо иного нарушения нравственности.

Уже при описании юрт и одежды алтайцев я не раз имел возможность указать на те грехи алтайцев, которые при первой же встрече с ними бросаются в глаза всякому цивилизованному человеку: леность, нечистоплотность и любовь к алкоголю.

Леность алтайских мужчин я уже достаточно обрисовал при описании их занятий. Алтаец явно проводит большую часть своей жизни в полном ничегонеделании. Его пассивность столь велика, что он и пальцем не пошевелит, чтобы создать самому себе какое-либо удобство. Если уж он сел, то не сделает и двух шагов, чтобы достать себе удобную подстилку; если юрта прохудилась и прямо на него капает дождь, он отодвинется в сторону не раньше, чем промокнет его шуба. Если даешь поручение проводнику, то он передаст его другому, пока наконец не поднимется на ноги самый молодой или наименее уважаемый и нехотя выполнит его. Сидящий неподвижно на своем месте хозяин предоставляет всем в доме обслуживать себя и со своего места отдает приказания, встанет он лишь в случае крайней необходимости, и при каждом его движении видно, с каким трудом оно ему дается. Но те же ленивые и беззаботные люди, если их вынудят к тому обстоятельства, могут проявить гораздо большую физическую выдержку и выносливость, чем мы с нашей постоянной деловитостью. Лишь

по неразумению и связанному с ним недостатку воли чуждаются они всякой деятельности. И в то же время я часто восхищался энергией моих алтайских проводников. Напомню хотя бы о том, как я заблудился в долине Кемчика в 1861 г., где мы неделями блуждали в горах с моими проводниками-тёлёсами, неизменно преследуемые непогодой, промокшие до нитки. Ни холод, ни жара, ни далекие переходы, ни трудности пути по скалам, ни болота и бурные ручьи, ни голод и жажда не производят, казалось бы, ни малейшего впечатления на моих проводников — от них не услышишь ни жалобы, ни упрека, ни даже недовольного ворчания, все та же неутомимость, то же ровное настроение и постоянная готовность прийти на помощь. Должен признаться, что такое поведение моих проводников немало способствовало поддержанию во мне мужества, и в моменты малодушия мне бывало стыдно перед этими детьми природы. Но тот же алтаец, безропотно вынесший целый день страшного пути, таскавший, несмотря на то что ему трудно передвигаться пешком, на своих плечах тюки по непроходимым для вьючных лошадей горным тропинкам и делавший все это с радостью и безропотно, хоть пот и лил с него ручьями, не сделает и шага ради собственного удобства и предотвращения грозящей ему исподволь опасности. Он напрягает свои силы лишь тогда, когда его вынуждает к этому необходимость, и только тогда он добровольно подчиняется этой необходимости. И даже женщина, деловитость, подвижность и прилежание которой всегда восхищают путешественника, работает только потому, что, завися от мужчины, рассматривает эту работу как навязанную ей необходимость. А по отношению к себе она столь же ленива, как и мужчина. Обязанности матери и жены заставляют ее беспрерывно действовать, для своего же удобства она не сделает и шага. И какой только нужды и страданий не выносит алтаец из-за этой своей лени! Бедность, голод, страшная зима, падеж скота и болезни! Из-за лености все это становится его уделом и требует от него в конце концов затраты гораздо больших усилий и труда, чем потребовалось бы на предотвращение всех этих несчастий.

Еще более, чем леность, бросается в глаза нечистоплотность алтайцев. Она страшно отравляет жизнь среди них, и проходит очень много времени, пока привыкнешь к этому пороку. Перо отказывается нарисовать полную картину нечистоплотности алтайцев, но сделать это — наша прямая обязанность, ибо она имеет непосредственное отношение к характеристике народа.

У алтайца настоящая водобоязнь. Под платьем его кожа покрыта сплошной коркой грязи. Если же части тела, свободные от одежды, почище, то уж вовсе не потому, что их моют (настоящего мытья тела я вообще никогда не наблюдал, скорее, это лишь купание с целью охладиться), а потому, что чистый воздух уда-

ляет с кожи все загрязнения. Одежда, домашняя утварь, посуда, котел, кровать, да и вся юрта, заросли грязью и вызывают отвращение. И никогда не почувствуешь и намека на то, что алтаец замечает, каково его окружение. А суеверия даже с удовольствием поощряют это, изображая, как грязь и нечистоты приносят добро, а чистота — опасность. Больной не должен мыться. Если прополоскать котел, то падет молодняк. Если вымыть молочную посуду, коровы будут давать меньше молока и т. д. И всем этим предрассудкам строго следуют. В котле варят чай, затем мясо, затем кипятят молоко, потом перегоняют водку и после каждой из этих процедур лишь выливают содержимое котла и обтирают его тряпкой, которая скорее пачкает, чем чистит сосуд. Молочной посуды вода никогда не касается, потому и происходит сквашивание молока в бурдюках без каких бы то ни было добавлений. Если приходится есть и пить алтайские блюда, то самое лучшее — закрыть на все глаза, ибо «чего не знаю, того и не вспоминаю». При питье айрана и чегеня я всегда опускал в чашку пальцы и хлебал сомнительную жидкость через образованную ими щель. Таким образом грязь и шерстинки, которых в напитке полно, оставались на пальцах и не приходилось их выплевывать. Нечистоплотность алтайцев вызывает отвращение не только цивилизованных европейцев, но и азиатов, например киргизов. Это доказывает хотя бы сцена, которую я наблюдал в 1865 г. к югу от Курайской степи у подножия горы Тётё. Мы вошли здесь в одну юрту, чтобы немного отдохнуть. Мой слуга киргиз Сапы попросил у хозяйки напиться. Та, еще совсем молодая женщина, взяла одну из стоящих возле нее обычных деревянных чашек и хотела налить в нее айран. Муж крикнул ей, чтобы она дала чистую чашку, как любят русские. Желая выполнить просьбу мужа, но ленясь встать, она схватила кончик грязной шкуры, на которой сидела, и вытерла им чашку, налила и подала Сапы айран, на поверхности которого плавали большие куски грязи со шкуры. Сапы с ужасом посмотрел на чашку, но, не желая обидеть хозяйку, поднес напиток ко рту; однако, коснувшись его губами, он не мог выдержать, выронил чашку на землю, выбежал из юрты, и там им овладел страшный приступ рвоты. Целый день он ничего не ел, и даже на следующий день ему было плохо. Часто видишь такое, что волосы встают дыбом, и путешественник никак не может понять, как самих алтайцев все это нисколько не волнует, и, размышляя над этой психологической загадкой, он забывает об отвращении алтайца к действию. Здесь совершенно обычное дело, чтобы женщина ложкой, которой она только что мешала еду в котле, залезала себе под рубаху и чесала спину, чтобы женщины и девушки на наших глазах искали в головах насекомых. Эту любезность они всегда оказывают друг другу взаимно. Так как бедняки круглый год носят шубы на голом теле,

они полны насекомых, от которых страшно страдают, и на каждой стоянке путешественника ожидает печальная необходимость присутствовать при вылавливании из шуб вшей. <...>

Пьянство у алтайцев настолько всеобщий обычай, что я даже не решаюсь назвать его пороком. Летом, когда текут молочные реки, половина Алтая постоянно пьяна, но, как только иссякает этот источник, приходит конец и выпивкам. Напиваются они столь простодушно, деловито и без малейшего стеснения, что в конце концов уже не удивляешься, когда видишь свое мужское окружение несколько раз на дню в состоянии полного опьянения. Алтайская публика вообще не обращает внимания на пьяных, и, если уж кто-нибудь из них совершит что-либо непотребное, скажут только, пожав плечами: *äсäригилä* (он пьян!). Но в этих словах слышится не осуждение, а скорее полное оправдание. К тому же пьяные алтайцы редко бывают беспокойными и ищут скандала, чаще всего они притихшие и сонные. Молодые женщины и девушки не напиваются, это не в обычае, да и мальчиков и очень молодых людей не увидишь пьяными, разве что в праздник. К тому же пьянство не влечет за собой никаких затрат, молочная водка нигде не продается, и поэтому люди не могут из-за нее погубить себя. Но, конечно, с экономической точки зрения это повальное пьянство очень вредно, так как делает совершенно невозможным подлинно мужской промысел и заботу о зиме. Все калмыки любят пшеничную русскую водку, и счастье еще, что ее перестали ввозить на Алтай, а то это совсем погубило бы местных жителей. Кто из алтайцев пристрастился к русской водке, тот погиб, тот пропьет все до последней рубахи, у него-то и становится пьянство подлинным пороком. В этом отношении очень благотворно влияние зайсанов и русских чиновников, строго запретивших ввоз водки. Если бы русским купцам было позволено ввозить водку, то за несколько лет они пустили бы по миру все алтайское население.

Кроме пристрастия к водке все алтайцы одержимы страстью к табаку, который они частью возделывают сами, а частью покупают у русских (только двоеданцы, живущие вблизи китайской границы, привыкли к китайскому табаку и покупают его у монголов). Алтайцы — мужчины, женщины, молодые люди, даже дети — не могут и часа прожить без табака и проводят полжизни за куреннем. Я видел, как матери, чтобы успокоить грудных детей, совали им в рот трубку. Еще я вспоминаю, как однажды в Барнауле предложил моему Якову пять рублей, если он с обеда до чая (где-то с двух часов до пяти) не будет курить; едва выдержав до трех, он явился ко мне за своей трубкой, которую я отобрал у него, и сказал: *Тамку йок полза арга йок* — «Нет табака, нет и жизни»,— нарушив наш уговор. Летом алтайцы обычно курят собственный табак, они обрывают зеленые листья

и сушат их у огня, потом растирают ладонями и ссыпают тонко растертый табак в кисет (*калта*). Чтобы набить трубку, опустят ее головкой в кисет, повертят ею, вынув правой рукой и, обхватив головку указательным пальцем левой руки, уплотнят табак концом большого пальца, а потом зажгут трубку. После нескольких затяжек весь табак в маленькой головке кончается, тогда выбивают пепел о подошву и сразу же снова набивают трубку. Если к вышеописанным недостаткам характера алтайцев я добавлю еще легковерие и склонность к суеверию, то, пожалуй, список их будет исчерпан. Их недостатки сразу же бросаются в глаза всем путешественникам, а узнать превосходные черты их характера можно, только проживя с ними подольше. Их так много, что я твердо могу сказать, что ни у одного тюркского народа не чувствуешь себя так хорошо, как у алтайцев. Честность и прямота свойственны им в такой степени, как ни одному из соседних народов. Ни одна юрта не запирается, ни в одной юрте нет сундука, скот пасется без пастуха и всякого надзора, и при всем том воровство у алтайцев — нечто неслыханное. Сам я многократно убеждался в их честности. Я оставил в одной юрте бумажник, набитый деньгами, и мне послали его вслед за сто верст. Другим доказательством честности алтайцев является их обычай, согласно которому каждый, кто обнаружит по пути ловушку с попавшим в нее зверем, вынет его, положит слева от капкана и снова зарядит капкан. Мне говорили, что иногда рядом с капканом лежат три ценных пушных зверька, а то и больше, и никто не помышляет о том, чтобы присвоить их; а слышал я это от купцов, которые не упустят случая придраться к алтайцам. В 1870 г. меня уже повсюду заверяли, что честность алтайцев сильно убыла. Однако я не встречал тому доказательств. Но если даже и так, то вызвано это только нищетой и гнетом русских купцов, обделывающих свои грязные делишки, норовящих любым путем нажиться на бедных туземцах и сразу же поднимающих повсюду крик, как только кто-нибудь из обманутых попытается вырваться из железных лап кредитора. Мне встретился лишь один случай нечестности, да и то это был скорее факт лакомства: в юрте зайсана Купы у меня в 1860 г. утащили из мешков часть моего хлебного запаса. А в остальном за время моего пребывания там, длившегося месяцы, у меня никогда не пропадало ни крохи даже из запасов еды. Честность алтайцев бросается в глаза, тем более что соседствующие с ними тюркские племена, киргизы и сойоны, так же как и живущие к востоку от них тюрбёты, честностью своей похвастать не могут.

Другая характерная черта, отличающая алтайцев от всех их соседей,— высокое уважение, оказываемое ими старикам, и безропотное подчинение любой власти. Множество пословиц

свидетельствует о том, как глубоко коренятся в них эти чувства:

Слова старика сунь в мешок,
Речь уважаемого человека сунь в сумку.

Тот, кто уважил господина, станет господином,
Тот, кто уважил богатого, станет богатым.

Тот, кто сражается с морозом, поплатится ухом.
Тот, кто сражается с господином, поплатится головой.

Дети не смеют произнести имени своих родителей, по крайней мере в их присутствии. Старику всегда отводят почетное место. Приказы своего собственного и русского начальства выполняются безропотно и точнейшим образом. Так, в прежние времена казак посылал вестового со своей саблей и приказывал в разных местах держать наготове лошадей для чиновников, и никогда и не слыхивали о случае какого-либо ослушания. Все приказы зайсанов выполняются точно, хотя внешне им не оказывают большого уважения. По-моему, все это связано с культом рода и предков у шаманистов:

Корни дерева – в земле,
Корни человека – в народе.
Без рода нет человека,
Без мерки нет сапога.

Кроме того, это чувство проистекает из крайнего миролюбия и уступчивости алтайского характера.

«Миролюбивую голову меч не сечет» — гласит алтайская пословица. Алтаец не любит брать над кем-нибудь верх, выделяться или хвастать. Его поведение всегда ровно и прилично, нигде не услышишь пронзительного крика, и ругань соседних народов им тоже неведома. Не могу вспомнить, чтобы в моем присутствии произнесли какое-нибудь ругательство, кроме: *адасынг*! (твой отец!).

При всем верноподданничестве и готовности к послушанию по отношению ко всем вышестоящим нет для алтайца ничего ненавистнее холопства, и свобода для него — превыше всего. Слова «работник» и «слуга» так ему ненавистны, что он скорее умрет с голоду, чем поступит в услужение. Только сироты, не имеющие никакой родни, поступают в чужой дом слугами. Отношение простых калмыков к зайсанам и чиновникам совершенно лишено раболепия. Алтаец Яков, живший целый год в моем доме, так сумел поставить себя, что никто из прислуги не считал его слугой. Нет худшего ругательства, чем «слуга». Алтайцу трудно снести ущемление собственной воли, если он не видит в отдающем при-

каз начальника — человека, специально для того и предназначенного, чтобы управлять народом. Каждый бедняк, примкнувший к семье богатого, считает себя ее членом. Он скорее бы умер с голоду, чем подчинился бы желанию богатого соседа, выраженному в тоне приказа.

Такие убеждения каждого отдельного члена рода привели к действительно идеальным внутриродовым отношениям. Весь народ как бы составляет единую семью, где все помогают в беде друг другу. Повсюду царит такое гостеприимство, какого и вообразить немыслимо в других условиях. Каждый входящий в юрту рассматривается чуть ли не как член семьи. Когда семья ест, и он ест вместе с нею, и это угощение не накладывает на него ни малейших обязательств. Если чужеземному гостю предстоит долгий путь, то ему дадут еще и провианта на дорогу.

Дайте калмыку что хотите, и он тотчас же разделит это со всеми, кто есть в юрте. Я часто наблюдал это. Так, например, больше всего они любят сахар и хлеб. Но, если кому-нибудь из присутствующих дать кусок сахара или хлеба, он поделит его на столько кусочков — как бы малы они ни были,— чтобы досталось всем.

Воистину трогательна привязанность алтайцев к своему роду и семье. Как только алтаец расстается со своими, им овладевает ностальгия. Стоит только послушать их песни:

Когда я гляжу на русскую долину,
Я вижу купы черной ивы,
Когда я думаю о далеком брате,
Гнется основание ребер.

Когда я вижу русскую долину,
Виднеются вершины деревьев,
Когда я думаю о родных,
Гнется основание позвоночного столба.

Когда слева подует легкий ветерок,
Шевельнется головка тростника,
Когда я думаю о родных, набегают
Слезы на запавшие глаза.

Когда справа подует легкий ветерок,
Шевельнется головка тростника,
Когда я думаю о родных, слезами
Наполняются запавшие глаза.

Когда зверь не может найти своего детеныша,
Горюет он непрерывно,
Когда отец отсылает своих дорогих,
Плачет он непрерывно.

Когда лань не может найти своего детеныша,
Сокрушается она непрерывно,
Когда мать отсылает своих дорогих,
Плачет она непрерывно.

Супружеская и семейная жизнь алтайцев замечательна. Нарушение супружеской верности здесь большая редкость и подлежит суровому наказанию. Жена целиком подчинена мужу, она не смеет назвать его по имени, а когда говорит о нем, называет его всегда *апшыйагым* (мой старик); она не смеет переступить порога юрты своего свекра и никогда не обнажает при нем головы. Она выполняет все приказы мужа и старается всегда его поддерживать. Зато и муж относится к жене с известным почтением, в разговоре с третьими лицами он называет ее *абакайым* (моя супруга) и никогда не станет шутить или заигрывать с ней в присутствии друзей. Я никогда не слыхал, чтобы мужчина повысил на женщину голос. Неслыханное дело, чтобы алтаец побил свою жену. И тем не менее он рассматривает ее как низшую расу. Это видно даже из порядка наследования у алтайцев. Все имущество переходит лишь к сыновьям и мужской части родственников мужа. Если осталось много сыновей, то в разделе наследства принимают участие только те, кто ко времени смерти отца оставались еще в доме. Те же, которые еще при жизни отца завели свое хозяйство, т. е. получили от отца свою часть (*энчи*), наследства не получают. Если в доме остаются дочери, они рассматриваются как часть наследства живущих в нем братьев. Братья выдадут их замуж и получат за них калым (выкуп за невесту). Но зато они должны кормить и одевать их до замужества. Замужние дочери считаются чужими и не имеют доли в наследстве отца. «Пусть их теперь кормят те люди, которым они принадлежат»,— говорит алтаец. И это вполне понятно, если мы вспомним, что, выйдя замуж, девушка всегда вступает в чужой род. Если же остались только дочери, наследство переходит к родным или в случае их отсутствия — к двоюродным братьям отца, которые тоже будут получать калым за дочерей. И только если у отца нет близких родственников, дочь получает все наследство. Мать, оставшаяся после смерти отца, тоже является частью наследства и остается хозяйкой в юрте, которую наследует сын; он обязан заботиться о матери так же, как делал это отец.

Мужчины и женщины у алтайцев свободно общаются друг с другом, молодые люди разговаривают с девушками и женщинами, и женщина даже не помышляет о том, чтобы прикрыть лицо. При этом я никогда не слышал непристойности или неприличной шутки. Но и женщины и мужчины не очень-то стесняются обнажить друг перед другом какую-либо часть тела. Когда женщина или девушка хочет сплести веревку или ссучить нить, она подворачивает штанину, обнажая колено и ляжку, и сучит нить, катая пеньку ладонью по толстой ляжке. Женщины кормят детей в присутствии посторонних и, если того требуют обстоятельства, обнажают всю верхнюю часть тела, как и муж-

чины. У девушек я этого не наблюдал. Кажется, им запрещено обнажать грудь.

Если мужчина соблазнит девушку, что случается, правда, крайне редко, то собирается вся мужская часть родственников девушки и пытается уговорить соблазнителя взять девушку в жены, увести ее в свой дом и выплатить отцу хоть какой-то калым. Если тот отказывается, все нападают на него и бьют до тех пор, пока он не запросит милости. Тогда он платит отцу небольшой выкуп, дает ружье и шубу и может беспрепятственно отправляться домой. А девушку в таком случае уже не считают больше дочерью, она должна выполнять черную работу как служанка.

Обратимся теперь к праздникам, которые скрашивают монотонную жизнь алтайца. Я имею в виду праздники, сопровождающие рождение, введение в дом жены, и похороны.

Когда женщина должна родить, вся женская родня собирается в юрте матери, а мужчины остаются вблизи юрты. Очевидно, перед ними стоит задача отгонять от юрты злых духов, ибо, как только начинаются схватки, они поднимают страшный вой и крик и бегают вокруг юрты, паля из ружей. И шум этот длится до тех пор, пока не родится ребенок. В самой юрте мучат роженицу: мнут, давят и заставляют принимать разные трудные позы. Имя дается ребенку, как правило, главой семьи сразу же после рождения и обычно по тому, кто первым войдет в юрту, или по предмету, который назовут первым, как, например, Палта (Топор), Мылтык (Ружье) и т. д., или по бросающемуся в глаза свойству человека, вошедшего в юрту сразу же после рождения ребенка: Сары-паш (Желтая голова). Если первые дети умирали тотчас же после рождения, то мальчику дается самое худое имя, как, например, Ит-кёдён (Собачий зад), Палчык (Грязь). Дают и русские имена, если вошедшие в юрту были русские, как, например, Муклай (Николай), Муколка (Николка), Пабыл (Павел) и т. д. Богатые люди устраивают по случаю наречения именем праздник, на котором старейший в семье торжественно провозглашает имя ребенка.

Свадебные обычаи алтайцев таковы: как правило, юноша сам выбирает себе невесту по вкусу и просит своего отца посвататься к ней. У бедных отец сам едет на лошади свататься, у богатых высылают обыкновенно в качестве сватов (*куда*) двух близких родственников. Прибыв к месту назначения, сваты сходят с лошадей в некотором отдалении от юрты и медленным шагом приближаются к ней. Войдя в юрту, они останавливаются у дверей, один стоя набивает свою трубку, другой выбивает огонь и поджигает кусок трута, который держит в руке, затем оба подходят к отцу невесты, становятся на левое колено, делают глубокий поклон, после чего первый сват говорит:

Пред порогом твоего дома
Преклоняю я свое колено,
Я пришел в твой дом
Порадоваться твоему богатству,
Я пришел к юрте,
Чтобы попросить хозяина:
Пусть навсегда нерушимо
Свяжет нас кумовство!
Как неразделимы щеки
Или кольчуга и ее воротник –
Пусть так свяжет нас родство!
Плотно, как слои бересты,
Близко, как тонкий двойной шов!
Потребую я рукоятку от ножа!
Попрошу ушко от котла!
Хоть давно была война,
Хоть разорила девять родов,
Теперь я хочу заключить мир,
Хочу основать родство,
Дай же нам ныне твой ответ!

Произнеся эти слова, первый сват подносит отцу трубку, а второй держит наготове трут, чтобы зажечь ее тотчас же, как отец протянет к ней руку: это считается знаком того, что он благосклонно принял сватовство. Обычно отец сразу же берет трубку, так как уже до официального сватовства тайно навел справки. Если же этого не произошло, он просит сватов повременить немного, так как ему нужно посоветоваться еще с матерью невесты и родственниками. Тогда эти члены семьи уходят в соседнюю юрту и держат совет. Затем отец возвращается в юрту, берет трубку, и в тот момент, когда он подносит ее ко рту, второй сват зажигает ее. Теперь начинается обсуждение калыма (деньги или скот, которые жених должен уплатить отцу невесты) и приданого (*эндйи-кондйи*). Когда денежные дела улажены, все садятся в кружок вокруг огня и начинается веселый пир. Отец невесты подает две первые чаши водки сватам. После этого сваты покидают юрту отца невесты и скачут к жениху, которому почти при том же церемониале сообщают об условиях отца невесты. После приема этих условий и здесь идет широкий пир. Назначается не только размер калыма, но и срок его выплаты.

С этого времени молодых людей рассматривают как обрученных. Жених (*колту*) может посещать невесту (*сыргалы*), но имеет право оставаться в юрте лишь до вечера. Как только отцу невесты выплачен калым, играется свадьба. Отец жениха строит сыну новую юрту и передает ему часть своего имущества (*эндйи*).

В день свадьбы жених в сопровождении двух молодых людей отправляется к юрте невесты. Шагах в ста от юрты они останавливаются, сходят с коней и с пением свадебных песен шагают к юрте:

Что есть ценного в лесу?
Ценен прекрасный соболь.
Что есть ценного у народа?
Это девушка с шестью косами!

Что есть ценного в лесу?
Это соболь четвероногий,
Что есть ценного в народе?
Это девушка с четырьмя косами!

Ты, кто щиплет белую траву,
Белый конь, скажи мне: где ты?
Ты, чьи волосы на затылке желты,
Невеста милая, скажи мне, где ты?

Ты, кто щиплет синюю траву,
Синий конь, скажи мне: где ты?
Ты, чьи волосы на затылке черны,
Невеста милая, скажи мне, где ты?

Родители невесты выходят из юрты и встречают жениха у двери. Затем его очень торжественно вводят в юрту, угощают водкой и тесть передает ему невесту. И тогда молодая пара вместе со всеми родственниками отправляется к юрте жениха. Невеста едет на лошади, особым образом взнузданной для этой цели, меж двух спутников жениха. Каждый из них держит перед собой в седле маленькую березку с прикрепленным к ней пологом, натянутым перед невестой. Она не должна видеть во время всей поездки ни дороги, по которой едет, ни новой юрты, построенной для нее, до тех пор, пока не войдет в нее. Такой свадебный поезд сопровождается большим числом родственников, вплоть до самых дальних, и друзей. Юрта тестя тоже полна гостей и родственников. При отъезде родители благословляют невесту и дают ей наставление, как жить на чужбине. Войдя в юрту свекра, невеста кладет пред очагом земной поклон. Тогда свекор или какой-либо другой родственник со стороны жениха обращает к невесте такое благословение:

Да остановится на тебе взгляд бога!
Да коснутся тебя благословения стариков!
Да остановится взгляд высокого бога!
Да дойдут до тебя благословения самых почетных людей!
Да будет твое жилье богато золою!
Да вырастет у тебя потомство
Многочислепней, чем стада овец и ягнят!
Да вырастет у тебя множество детей,
Многочисленней, чем выводок глухарей!
Пусть их будет больше, чем ивовых кустов,
Больше, чем всходов на поле!
Да сияет перед тобой всегда месяц,
Да светит всегда за тобой яркое солнце!
Пусть перед тобой по твоему подолу идут дети,
А за тобой идут большие стада!

Да принесут твои трехгодовалые кобылы жеребят!
Да достанет семени твоим жеребцам-четырехгодкам!
Да будет платье твое всегда чистым!
Да не худеют табуны твоих лошадей!
Да будет спина твоя всегда здоровой!
Да будет долгой твоя жизнь!
Пусть вечно длятся дни твоей жизни!
Да сможешь ты взять там, где нечего брать!
Да сможешь ты держать там, где уже ничего нельзя держать!
Да будет всегда быстрым твой разум!
Легко владей своим умом!
Пусть никогда не ссорится с тобой толстощекий,
Никогда не угнетает тебя лицемер!
Да будет почва под тобой тверда, как железо!
Будь, как железо, против наступающего на тебя!
Да будет треножник твой всегда крепок, как из камня,
Пусть золы у тебя будет целая куча!
Пусть всегда будет тепло в твоем жилье!
Пусть очаг твой всегда дает жар!
Пусть еда твоя будет сытной!
Пусть стекается к тебе много еды!
Пусть в доме будет много одежды,
И пусть красив будет дом, в который ты вступаешь!
Да укрепит бог твою волю!
Да родишь ты наследника!
Да не заболит никогда твоя рука,
Да не будет никогда боли у тебя под мышкой,
Да будет твой сынок статным!
Чтоб пришлось тебе готовить много пиров!
Чтоб жила ты сотню, сотню лет!
Чтобы ездила на быстром скакуне!

После этих слов свекор подает молодым чашу водки. Когда угостят всех присутствующих, молодых торжественно отводят в их новую юрту. Перед ними опять несут белый полог, натянутый на стволы двух березок. Войдя в юрту, молодая кланяется очагу и тотчас же бросает в огонь кусочек мяса и брызжет в него несколькими каплями кумыса. Белый полог вешают перед ложем молодоженов, и тогда молодые занимают место хозяев новой юрты. Торжество завершается пиром, который продолжается у богатых алтайцев много дней. Так как юрты обычно не могут вместить всего множества гостей, в нескольких местах под открытым небом устанавливают большие котлы, и вокруг каждого костра толпится плотное кольцо гостей. Такой пир, очевидно, напоминает, особенно вечером, полевой лагерь.

Когда алтаец умирает, вдова обязана оплакивать мужа все время, пока он находится в юрте. Вот образец такого причитания:

Когда еще был жив мой богатырь, я носила
Шубу шелковую с золотым воротом,
А после его смерти я ношу
Кожаный халат, как низкие рабы.
Когда еще жив был мой богатырь, я ела
Хлеб и рис китайский.

А после его смерти ем я
Грубую кашу, как рабы.
Красив и статен был мой богатырь,
Радостно было наше ложе,
Богат имуществом был его амбар;
На озере моего супруга
Не отваживался плавать и лебедь,
А теперь к нему слетает
Даже злой ворон,
На озере моего супруга
Не смел и гусь плавать,
А теперь слетается к нему
Даже поганое серое воронье.
Дурные люди, которые раньше
Не смели и приблизиться ко мне,
Теперь дерзко говорят мне:
Ты наша теперь, о вдова!

Хоронят без особых торжеств, тайно. Алтайцы обычно погребают своих мертвых в земле в укрытых местах на горах. Покойника кладут в гроб в полном одеянии, и, кроме того, ему дают еще на дорогу мешочек с едой. Богатым людям полагается похоронить рядом с мертвецом и верховую лошадь. Захоронение на помосте, покоящемся на четырех сваях, встречается на Алтае, очевидно, лишь в немногих местах. Я встречал этот тип захоронения только у сойпов [26]. Только после того как покойник похоронен, родные и соседи должны собраться в его юрте и устраивается пир. После этого торжества оставшиеся родные призывают шамана, чтобы очистить юрту, и переносят ее затем на другое место. Корьевые юрты и юрты, сооруженные из бревен, после смерти одного из членов семьи остаются пустыми, а семья строит себе новую юрту в другом месте. Так, например, проезжая в 1870 г. Ашьякту, я нашел покинутой красивую бревенчатую юрту зайсана Курту, так как к этому времени ее владелец умер.

В 1830 г. в телеутском ауле Улалу поселился архимандрит Макарий и основал там первую христианскую миссионерскую церковь на Алтае. Жизнеописание телеута Чевалкова, опубликованное в моих «Образцах народной литературы» [27], дает нам подлинную картину благословенной деятельности этого благородного человека, начавшейся в самых неблагоприятных условиях. Архимандрит Макарий почти четырнадцать лет стоял во главе миссии и за это время окрестил 366 мужчин и 309 женщин. С тех пор деятельность Алтайской миссии весьма расширилась. Когда я был на Алтае в последний раз, там было уже восемь миссионерских центров, во главе которых стояли местные миссионеры.

1. Главной резиденцией миссии по-прежнему является миссионерский центр в У л а л у, расположенный у впадения этой реки в Майму. Теперь в нем около ста домов. Здесь с самого

начала жил глава миссии, с 1830 по 1843 г.— архимандрит Макарий, с 1843 по 1865 г.— протоиерей Ландышев, после 1866 г.— архимандрит Владимир (нынешний томский епископ). Я сам посетил миссию в Улалу в 1860 г., пробыл там с 22 по 27 августа. Вот заметки из моего дневника:

Миссия в Улалу — огромная деревня с большими аккуратными домами; ее алтайские и телеутские жители находятся совершенно на том же уровне цивилизации, что и русские крестьяне, но очень привержены к своей национальности. Здесь можно явственно увидеть благотворное влияние архимандрита Макария — он не просто формально окрестил туземцев, но и превратил очень многих из них в истинных христиан. Я обнаружил у здешних телеутов такое знание религии, какое мы напрасно бы стали искать в русских деревнях, а кроме того, весьма твердые моральные устои, что уже не раз здесь проявлялось. Так, например, община решила не терпеть в своей среде ни пьяниц, ни картежников и строго наказывает каждого, преступившего этот запрет. Живущие вокруг русские крестьяне не раз убеждались в том, что татары из Улалу ни в чем не желают им уступать, считают себя во всем им равными. Здесь немало татар, знающих русскую грамоту, как это ни удивительно, даже среди пожилых людей, которых учил еще сам отец Макарий.

Все дети умеют читать по-русски, так как теперь уже здесь есть русская школа. Самый образованный из местных жителей — телеут Чевалков, который шесть лет был переводчиком у отца Макария и приобрел за это время немало знаний. (Теперь Чевалков рукоположен в священники.)

Очень интересно наблюдать состояние умов здешнего населения. Христианская религия пустила здесь на самом деле глубокие корни. И все-таки не забыты полностью прежние суеверия, они вошли в идейный круг новой религии. Повсюду можно услышать истории о чудесах, явления святых местным татарам — дело здесь совершенно обычное. Мистические образы христианства — излюбленный предмет вечерних бесед. Прежняя религия представляется дьявольской, а шаман — прямо-таки слугой Вельзевула, от которого ждут вреда прежде всего потому, что отпали от старой веры. Часто это было темой наших бесед. Так, например, мой хозяин рассказал мне, что однажды он ночевал в юрте, где шаман проделывал свои фокусы. Обведя вокруг юрты магический круг, он вошел в нее, но тотчас же выскочил обратно, как бы влекомый неведомой силой; на улице он впал в исступление, непрерывно крича: «В юрте лежит чужой человек, а на груди его — раскаленный уголь, он обжег меня». А рассказчик носил на груди образок, подаренный ему отцом Макарием. Тогда хозяин попросил его переночевать в соседней юрте. И только после того как он ушел из юрты, шаману удалось закончить свое камлание.

Большинство жителей Улалу — зажиточные люди и занимаются земледелием или торговлей.

2. Миссионерский центр М у й т у, расположенный верстах в 130 от Бийска, слева от Катуни, у впадения реки Муйту в Себе. Эта миссия основана в 1845 г. Уже в 1834 г. несколько алтайских семей, крещенных отцом Макарием, не могли оставаться в христианском селе из-за своих очень больших стад и поселились на Муйту, где и зимовали; кроме них здесь жило еще восемь телеутских семейств. Телеуты уже тогда жили в бревенчатых юртах, и вскоре превратились в оседлых туземцев. (Разница между оседлыми и кочевыми туземцами, как они официально называются, состоит в уплате налога: первые платят нечто вроде подушной подати, вторые — определенное количество шкурок с рода.) Уже в 1835 г. эти телеуты были крещены отцом Макарием. В 1839 г. здесь уже был построен молельный дом. В 1845 г. сюда был прислан монах Акакий и построена церковь.

Я не раз бывал в этой миссии; удовлетворимся ее описанием из моего дневника 1860 г.:

Миссия на Муйту представляет собой весьма внушительное село более чем в 60 дворов. Дома построены на русский манер, но меньше размером, есть и много избушек с плоской крышей. Население состоит наполовину из телеутов, переселившихся с севера, наполовину из алтайцев.

Несомненно, что вместе с христианством сюда пришла цивилизация, так как кочевники превратились в оседлых земледельцев и ведут упорядоченную жизнь, как русские крестьяне. Но не обошлось и без грехов цивилизации. Выпивка завладела здесь всеми и превращает половину жителей в нищих. Исчезла и честность горных кочевников, а воровство и обман стали чуть ли не повседневными. Кроме того, алтайцы обеднели от оседлой жизни, ибо хоть они и научились обрабатывать землю, но от своей природной пассивности не избавились, а она при новом образе жизни мешает их благополучию и процветанию.

Отношения крещеных алтайцев с властями очень сложны. Хотя у них и есть в своей деревне старшина и их дела решаются собранием общины, но как отдельные личности они все еще подчинены бывшим зайсанам, а те ненавидят их как вероотступников и при малейшей возможности преследуют их; поэтому во всех спорных делах крещеные всегда терпят поражение. А русские в пограничных деревнях никак не хотят видеть в крещеных алтайцах людей, равных себе, и смеются над ними, когда те требуют, чтобы к ним относились, как к русским.

Несмотря на все это, крещеные алтайцы очень скоро обрусеют совсем, так как уже и теперь они всячески стараются подражать во всем русским, чтобы обрести хоть какую-то точку опоры. Особенно ясно заметно это в их языке. Даже говоря между со-

бой, они употребляют как можно больше русских слов. Крещеный алтаец почитает себя счастливым, получив в жены русскую девушку, так как тогда он может причислить себя к русским. В потомстве таких смешанных браков почти полностью исчезает калмыцкий элемент, и даже родившиеся в миссии дети русских матерей плохо знают или совсем не знают алтайский язык.

Во время пребывания в миссии я нанес визит живущему здесь священнику. Жилье его невелико и примитивно, но в нем царит безукоризненная чистота. Он сетовал, что, несмотря на все его старания приучить калмыков к чистоте и трудолюбию, успехи его весьма невелики. О духовном воспитании своей паствы он, кажется, не слишком заботится, так как даже не понимает ее языка. Он говорил о необходимости создания русской школы и весьма сожалел, что его средства на это слишком ограниченны. Я высказал мнение, что русская школа пока еще совершенно бесполезна. Нужно стараться, чтобы крещеные туземцы сохранили свою национальность, потому что только тогда можно распространить их влияние на некрещеных; но он, кажется, не разделял моих взглядов.

3. Центр У р у с у л, или Ангодай. Открыт в 1856 г. у Урусула, недалеко от устья Ангодая. Миссия была основана монахом Смарагдом и распространяет свое влияние на Юго-Восточный Алтай.

Мой дневник с 28 мая по 3 июня следующим образом отражает впечатление, которое произвела на меня миссия.

Миссия расположена на высоком правом берегу Урусула. Вдали видна маленькая, очень уютная церковка, вокруг которой группируется домов пятнадцать. После нашей жизни в палатках или юртах миссия показалась нам оазисом в пустыне, так как в маленькой комнатке мы были по крайней мере защищены от ветра и непогоды и нам не приходилось мерзнуть ночью.

Некоторые из жителей миссии, очевидно, занимаются рыбной ловлей, но это не алтайцы, а переселившиеся с севера телеуты. Перевозчик, рассказавший мне много сказок, был тоже телеут. Звали его Казандык. Кстати, крещеные телеуты и алтайцы не отказываются от своих языческих имен. Мы разместились в доме одного купца, в совсем маленькой комнате, которая показалась нам очень приятной. Вся меблировка состояла из стола, кровати и двух стульев. Как все это было удобно, как чудесно было сидеть на жестких стульях и есть за столом! Подлинную ценность нашей домашней утвари познаешь лишь тогда, когда на какое-то время приходится ее лишиться. Дождь и ветер настолько измучили нас, что этот покой в доме привел нас в приятнейшее расположение духа. К тому же и превосходная еда: свежий хлеб, чистое молоко, масло, яйца, мед. Я не припомню, чтобы когда-нибудь ел с таким удовольствием. Да и неудивительно, ведь мы неделя-

ми жили на чае, баранине и черных сухарях, окруженные к тому же алтайской грязью.

Миссия на Ангодае, как называют его русские (алтайцы называют его Конгодой), устояла благодаря тактичной, но твердой линии поведения священников, несмотря на враждебность зайсанов, рассматривавших ее создание как посягательство на права своего народа. К сожалению, число новых крещеных еще очень невелико, а вся миссия состоит не больше чем из двадцати семейств, причем некоторые из них крестились раньше и только потом переселились сюда.

В том, что успех так невелик, виноваты не миссионеры, а условия, в которых им приходится работать. У калмыков, как и у всякого угнетенного народа, выработалось отталкивание от господствующей нации. Алтаец боится утратить свою национальность, сблизившись с русскими, и поэтому отдаляется от них. Плотное кольцо русских деревень все теснее смыкается вокруг Алтая, и русские начинают в богатых речных долинах все глубже проникать в сердце края. Поэтому алтаец все больше отступает, все дальше уходит в горы и впадает в нищету, так как лишается прекрасных пастбищ. Если бы он учился у русского и жил бы по соседству с ним, то оба народа могли бы жить рядом богато и счастливо, так как земли достаточно велики и плодородны, чтобы прокормить еще тысячи жителей. Но переход от одной ступени цивилизации к другой не совершается без борьбы, так как человек обычно изо всех сил держится за старое, привычное.

Алтаец-кочевник рассматривает любую миссию как учреждение, наносящее вред его социальному положению. Он по возможности избегает ее, цепко держится своих старых нравов и обычаев и считает предателем каждого, перешедшего в христианство. Да это и понятно, ведь крещеный меняет свое имя и одежду и отказывается от кочевой жизни. В этих сложных условиях миссионеры делают все-таки очень много, так как на всем Алтае теперь 2694 крещеных. (В 1870 г. их число возросло до 4000.) Этот благоприятный в целом результат стал возможен лишь благодаря непрерывной активной деятельности миссионеров. Терпя величайшие лишения, миссионер устремляется в самые негостеприимные края, бродит от юрты к юрте и пытается обрести прозелитов своей веры. В своей миссии он является отцом общины. Он учит свою паству не только вере, но и всем полезным занятиям, воспитывает в ней чистоплотность и прилежание и является советчиком во всех ее нуждах.

В центре миссии стоят пять корьевых юрт, здесь живут только что крещенные калмыки, так как их можно отучить от старых привычек лишь постепенно. Но и эти юрты уже стали другими.

Как это ни удивительно, внутри они опрятны, их не сравнить

с юртами некрещеных. Священник рассказал мне, что он заходит раз-два в день в каждую юрту и корит хозяйку всякий раз, как заметит грязь или беспорядок. Хижины и дома остальных жителей не производят благоприятного впечатления, из чего можно сделать вывод, что легче уничтожить старое, чем ввести новое.

Одежда жителей опрятна и напоминает одежду русских крестьян. Женщины и девушки поселка сами ткут полотно, из которого шьют потом рубахи; и в этом прогресс. Ни одна алтайская женщина не умеет ткать. Все жители занимаются уже земледелием. Земледельческие орудия в хорошем состоянии, получают их благодаря влиянию миссионеров. Сеют они обычно ячмень, а потом приготовляют из него грубую крупу, заменяющую им хлеб. У многих поселенцев уже есть домашняя птица (куры и гуси), которой не найти у некрещеных. Священник по праву может гордиться делом своих рук, ибо создал этот поселок за четыре года. К тому же он собственноручно отделал церковь, которая была ему передана недостроенной, и сам наладил свое домашнее хозяйство, так как отпускаемых ему средств едва хватает на питание и одежду, а ему все время приходится помогать беднякам своей общины.

В миссии есть несколько складов и домов, принадлежащих русским купцам, которые держат на Ангодае свои стада и хранят здесь товары для торговли на Чуе.

4. Миссионерский центр Шамал, в 80 верстах к югу от Улалу и в 35 верстах от Муйту, у впадения реки Шамал, правого притока Катуни. Центр расположен в великолепном месте среди гор. Основал его в 1849 г. монах Иоанн с целью распространения христианства среди алтайцев и черневых татар по обоим берегам Катуни.

5. Миссионерский центр у Черного Ануя, в деревне, расположенной в 150 верстах западнее станции Муйту. Миссионерский центр основан здесь стараниями вдовы крещеного телеута Тютюнекова, убитого алтайцами, и действует с 1849—1851 гг. Потом, до 1856 г., он был присоединен к миссии на Муйту, глава которой был обязан посещать его несколько раз в году. С 1856 г. здесь опять создан самостоятельный миссионерский центр с постоянно находящимся здесь священником и собственной церковью.

6. Миссионерский центр Макарьева в деревне того же названия, расположенной на берегу Бии у рек Каш и Черновой Богучак, верстах в ста севернее Улалу. Здесь живут новообращенные. С 1854 г. здесь постоянно живет миссионер, задача которого — действовать среди живущих на Бие кумандинцев, тогулов и ач-кештымов. Этот миссионерский центр основан на пожертвования томского епископа Парфенуса.

7. Кузудеевский улус на левом берегу реки Кондомы,

в 60 верстах от города Кузнецка, в 80 верстах от города Бийска и 240 верстах от Улалу. Эта миссия основана в 1858 г. миссионером Вербицким [26] со специальной целью распространить христианство среди туземцев Кузнецкого округа.

8. Миссионерский центр у Кебизена, в 130 верстах от Улалу и 12 верстами ниже Телецкого озера, на берегу Бии. Этот центр открылся в 1851 г., его задача — действовать среди живущих к северу и западу от Телецкого озера черневых татар.

Я посетил эту миссию 22 мая 1861 г. Вот отрывок из моего дневника:

Во второй половине дня мы добрались до миссии у Кебизена и стали на квартиру в доме одного русского крестьянина, занимавшегося торговлей; тут мы спаслись от непрерывно льющегося дождя.

Миссия производит не очень-то приятное впечатление. Она состоит из 30—40 корьевых юрт, в которых живут туземцы, и из двух деревянных домов, принадлежащих местным русским купцам. Юрты заросли грязью, как и их жители. Здешние крещеные татары ничем не отличаются от некрещеных. Они не утратили ни своей лености, ни нечистоплотности, зато приобрели иные пороки, которых не знают некрещеные, а именно склонность к русской водке и нечестность. Плохое состояние, в котором находится миссия, является прямым следствием неблагоприятных условий ее существования.

Черневые татары, окружающие миссию, находятся на гораздо более низкой ступени, чем соседние с ними алтайцы. Они ушли от натиска русской цивилизации в темные непроходимые леса и все больше здесь деградируют. К миссиям обращаются или люди, вынужденные к этому страшнейшей нуждой, или отдельные индивидуумы, которые вызвали своей нечестностью ненависть соседей и надеются уходом в миссию и крещением избежать неприятных конфликтов со своими соплеменниками. В таких условиях успехи, достигнутые миссией, могут быть лишь очень невелики.

Напрасно старались священники улучшить положение этой миссии и хоть как-то цивилизовать жителей. Им передали семена, орудия и достаточные суммы денег, построили им жилища, но все напрасно. Они и по сей день сеют только ячмень, обрабатывают землю мотыгой, как их соплеменники, и год от года все больше запускают свои жилища.

Крещеные татары из Кебизена пользуются у соседей не очень доброй славой. Путешественнику трудно установить, все ли здесь правда или многое приписывают им некрещеные из-за враждебного к ним отношения. Мой проводник из рода кёмпёш предупредил меня о необходимости следить за багажом, так как жителям Кебизена доверять нельзя.

Так как остальные восточные роды тюрков — телеуты, татары Северо-Восточного Алтая и абаканские татары не составляют единого народа, как алтайцы, а представляют собой множество живущих рассеянно малых и больших родов, я полагаю, что мне лучше всего удастся описать жизнь и быт этих родов, передав отдельные впечатления, полученные мною за время пребывания у них, в том порядке, как они были записаны в моих дневниках.

2. ТЕЛЕУТЫ [29]

В первом телеутском селе на реке Ур мы остановились в довольно вместительном домике, принадлежавшем богатому и благодаря своему богатству широко известному телеутскому купцу Николаю Сартлаеву. Встретили нас здесь очень приветливо, хоть мы и разбудили этих людей. Дом Сартлаева много больше обычных крестьянских домов. Внизу были чулан и кухня, наверху — разделенные сенями на две половины: справа две комнаты — горница и спальня старика Сартлаева, а слева — очень большая комната, где жил сын Сартлаева со своей женой и детьми. Внутреннее убранство комнат мало отличалось от обычной обстановки русских крестьян. По стенам стояли скамьи, в каждой комнате — кровать с войлочными матрацами, покрытыми множеством овечьих шкур, служивших одеялами. В переднем углу комнаты стоял деревянный, пестро расписанный стол.

Вскоре после нашего прибытия в моей комнате собралась целая компания телеутов, все они были одеты в платье русского покроя: высокие сапоги, прикрывавшие икры, синие или белые льняные штаны (на вдернутом у пояса шнуре), которые они носят заправленными в сапоги; белая или пестрая рубаха из домоткаиого полотна у них длиннее, чем у русских, достает до колен и имеет под мышками большие квадратные красные или желтые ластовицы; шубы из овчины или кафтаны из домоткаиого сукна совершенно русского покроя. Волосы, отросшие на 3—4 дюйма, свисают без пробора, прикрывая лоб до самых глаз. На голове большинство носит суконные шапочки в виде мешочка, оторочеиные внизу узкой полоской меха.

Черты лица у большинства являют собой монгольский тип, но не столь чистый, как у алтайцев: у некоторых — удлиненные лица с заостренным подбородком и слегка выступающими скулами, какие мы часто встречаем у жителей Северо-Восточного Алтая. Цвет кожи желтый, у некоторых — почти коричневый, может быть, отчасти потому, что ее редко моют. Цвет волос сплошь черный. Большинство индивидуумов небольшого роста и коренасты.

Женщины носят длинные полотняные рубахи с поясом; на косах — никаких украшений. Все без исключения замужние женщины носят головные платки.

Большая часть телеутов, живущих на Уре,— из племени ачкештым. Считается, что они прикочевали сюда одновременно с телеутами (теленгетами) и лишь позже смешались с ними. Язык их теперь совершенно телеутский. В деревне на Уре нет еще ни одного крещеного, все жители пока — верные приверженцы шаманизма. В самой деревне живут два шамана.

Здешняя деревня тянется версты на три вдоль правого берега Ура. На ее восточном конце живет десять чисто русских семей, но официально они считаются телеутами и, как и они, платят свой ясак деньгами. По всей вероятности, эти русские — все-таки телеуты, которые в результате смешанных браков с русскими совершенно обрусели, даже внешне. Представление о своем происхождении у них полностью исчезло, так что, живя в телеутской деревне, они даже не владеют татарским языком. Единственное, что привязывает их к татарскому селу,— это маленькие подати, которые они вносят как туземцы, да возможность освободиться от военной службы.

В западной половине деревни стоит около 25 домов, населенных телеутами; но лишь пять-шесть из них построены из бревен наподобие русских изб, остальные возведены из плетеных стен и досок и покрыты глиной и землей. Летом эти дома прохладны, а зимой их легко натопить, да и построить их много легче и дешевле, чем бревенчатый дом. Снаружи эти хижины кажутся очень низкими и некрасивыми, так как наполовину уходят в землю, а внутренность их производит приятное впечатление. Стены и потолок чисто выбелены, а пол глинобитный, гладкий. О внутреннем убранстве много не скажешь, оно почти не отличается от того, что мы обычно видим в русских крестьянских домах. Но при каждом большом дожде такой дом страдает от проникающей сквозь стены воды, и каждый раз после непогоды требуется ремонтировать стены — когда больше, когда меньше. И это единственный недостаток таких домов.

Посетил я и дом одного из местных шаманов (кам), тесный и жуткий, где воздух был так тяжел, что долго в нем было не выдержать. Он состоял из единственной малюсенькой комнатушки, набитой до отказа домашней утварью, на полу возилось полдюжины грязных полуголых детей, а на постели и полатях лежало несколько грязных женщин. На стене висел шаманский бубен. По рисункам на нем и по рукояти он отличался от алтайских.

Кам проводил меня домой и по дороге рассказывал о своей вере. Он отрицал, что имеет какую-либо власть над духами. Его камлание, говорил он, только молитва, мольба, обращенная к выс-

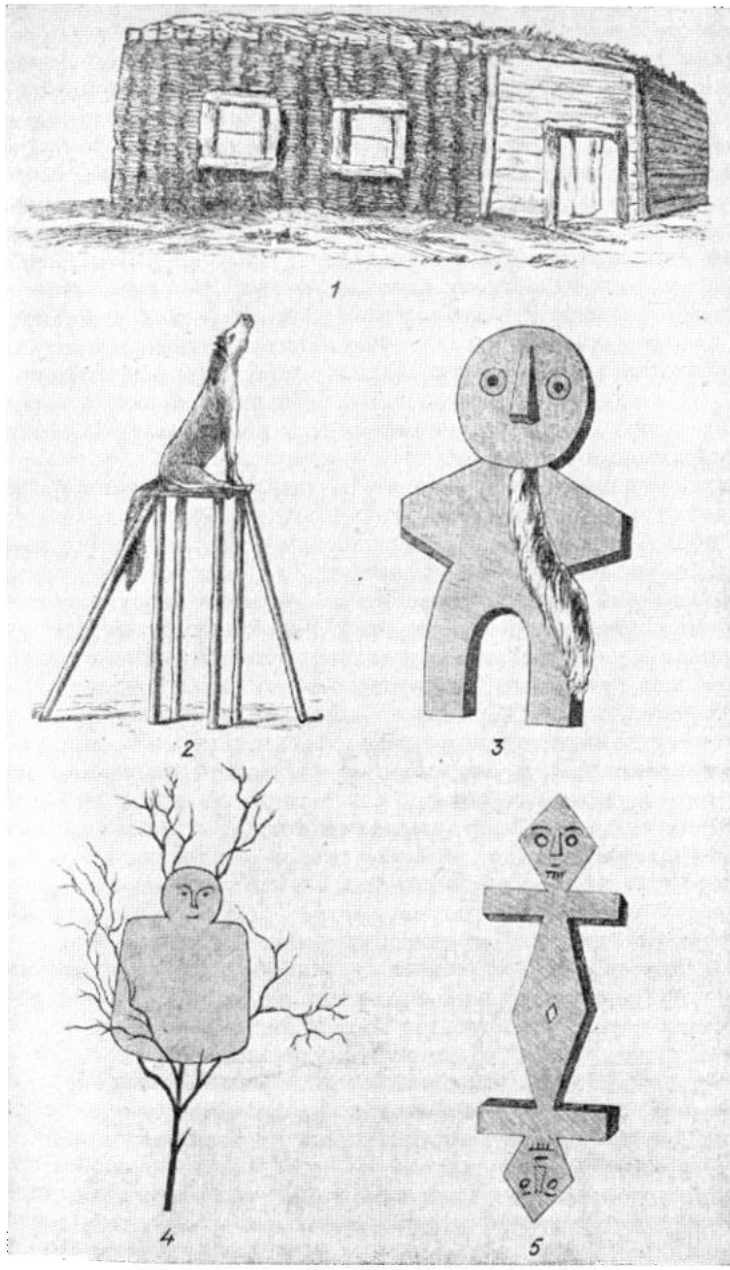

Таблица 9. *1* – телеутский дом из плетеных прутьев и досок; *2* – место жертвоприношений у телеутов; *3* – божок кумандинцев (Сары Кан); *4* – божок шорцев; *5* – божок кумандинцев

шему властителю мира, тому, кто создал все; и, принося высшему божеству в жертву свою собственность, он делает это в знак смирения и преданности. Духи его рода, которых он вызывает,— только ходатаи перед всевышним. Он показал мне и одно из мест, где приносят жертвы. Шкура жертвы не висит на длинном шесте, как у алтайцев, а установлена на помосте меж двух шестов в сидячем положении. Телеуты тоже посвящают божеству только шкуру, а мясо и жир съедают сами на пиршестве, устраиваемом в честь приношения жертвы.

Кам сказал мне, что идолов у них нет, но у каждого дома есть посвященное божеству почетное место. И показал мне, что у каждого дома воткнуто несколько березовых стволов, на которых висит заячья шкурка. Эту заячью шкуру нельзя снимать, пока она не начнет гнить, и тогда вешают новую (и обязательно зимнюю) на новые березовые колья. Дважды в году, весной и осенью, здесь приносят жертву отцу земли и неба (Ӱлгӧн), обрызгивая шкуру молоком.

На следующее утро я выехал из татарской деревни на Уре и отправился в расположенную в двадцати верстах деревню Солкой.

Солкой — большая и богатая деревня — состоит из 60 деревянных домов и 5—6 плетеных хижин. Так как на моей квартире у реки Ур меня страшно мучили насекомые, а погода была ясной и теплой, я распорядился разбить палатку под чистым небом, хотя внешние дома выглядели довольно чистыми. Половина жителей Солкоя ач-кештым, половина — теленгеты. Крещеных татар и здесь очень мало. Здешние татары, как и татары на реке Ур, занимаются земледелием и скотоводством. В Солкое живут один *башлык* (староста) и два шамана. Последние были так пьяны, что я не мог даже приблизиться к ним. Я провел в Солкое почти два дня и записал много песен и легенд.

Одежда телеутов Солкоя такая же, как и на реке Ур. Но мне рассказали, что предки их носили очень своеобразный наряд и несколько таких старинных предметов одежды сохранилось. Мне показали оставшиеся от прародителей: 1) мужскую шапку, 2) женскую шапку, 3) серебряные серьги, 4) лук и стрелы, 5) соболиную шапку. Первые две шапки были из черного сукна и подбиты мехом черного ягненка. Мужская островерхая шапка с наушниками — то, что по-русски называется «малахай»,— по форме напоминала киргизский тумак. Соболиная шапка (*киш пӧрӱк*) была из красного сукна с золотыми галунами и оторочена соболем. Такие шапки и теперь еще по праздникам носят богатые женщины. Лук состоял из четырех слоев: слой рога, потом слой дерева, потом слой сухожилий и наверху — слой березовой коры. Стрелы снабжены железными наконечниками различной величины и формы. Серебряные серьги довольно крупные, тонкой работы; у всех, кто побогаче, есть такие украшения, до-

ставшиеся им в наследство от прабабушек, и женщины носят их и до сих пор.

Сначала люди робели и подходили к моей палатке лишь поодиночке, но скоро она наполнилась телеутами и говорящий на телеутском языке *пии* (чиновник), как я заметил, не без удовольствия вступил со мной в беседу. Вскоре ко мне возымели доверие и стали жаловаться на нужду и несправедливость чиновников. Я не мог, конечно, вдаваться в личные жалобы и обвинения, а посоветовал им обратиться в окружной суд или к томскому губернатору; но для меня все это было интересно и поучительно, так как я узнал из этого разговора многое об их здешней жизни.

Телеуты с завистью смотрят на поселения русских крестьян в здешней долине. «Пятьдесят лет назад,— говорили они,— здесь было очень мало деревень и вся земля принадлежала нам. Но теперь повсюду деревни, и из года в год они увеличиваются и множатся, а нас и нашего богатства становится год от года меньше, теперь нам уж и землю отмеряют, а ведь она повсюду принадлежит нам». Напрасно я пытался разъяснить им, что здешние земли — удельные и русский император имеет право ими распоряжаться; к тому же они до сих пор еще не использовали бы большую часть своей земли.

Условия, в которых живут местные телеуты, являются отчетливым доказательством того, что любой успех цивилизации есть результат борьбы за существование. Все старания империи сделать туземцев Сибири оседлыми и приучить их к земледелию повсеместно проваливались, но здесь сама нужда вынудила людей к оседлости и изменению рода занятий. Так как русские поселения стали теснить их, а характер почвы не позволил туземцам укрыться в непроходимых лесах и пустынях, в результате утеснения настал социальный прогресс: аулы объединились в более крупные деревни, люди построили себе постоянные жилища, начали заниматься в основном земледелием и постепенно учились у соседей, не отказываясь от законов и обычаев предков. Уже пройдена переходная ступень, и я убежден, что через несколько десятилетий телеуты целиком и полностью достигнут той ступени цивилизации, на которой находится русский крестьянин.

Уже несколько лет назад отменен наследственный принцип власти зайсанов (которых раньше было четыре, один управлял ач-кештымами, три остальных — теленгетами). Теперь управление поручено официально старшинам, которые выбираются народом раз в три года. Подати теперь платят деньгами. Телеуты недовольны даже и этим установлением; хотя здесь мало дичи и им приходилось покупать шкурки за большие деньги, все-таки они превозносили этот вид налога. Да, человек — раб привычки, продукт своего исторического развития.

Больше всего на свете боятся телеуты крещения. Они оза-

боченно расспрашивали меня, правда ли, что царь велел, чтобы все его подданные крестились, и что к ним пришлют казаков, которые заставят их креститься. Я заверил их, что это неправда, и они, кажется, успокоились. Такие глупые слухи — иногда, очевидно, идущие от священнослужителей — наносят огромный вред распространению христианства, так как любое запугивание все больше отдаляет этих людей от русских и им не остается ничего иного, как фанатически судорожно цепляться за догмы, завещанные предками.

Из улуса Солкой я отправился в улус Шанды, расположенный лишь в 12 верстах. Здесь я поселился в очень чистой комнатке у бывшего *башлыка* Василия. Внешность и жизненный уклад местных жителей ничем не отличает их от населения улуса Солкой. Мой хозяин показал мне праздничные одежды своей жены, которые, по его уверению, выполнены в точности по покрою старинной одежды, а золотая вышивка заимствована с платьев, унаследованных от предков. Костюм состоит из шелкового нижнего платья, доходящего почти до щиколотки, с короткими рукавами и обшитыми золотой тесьмой нагрудником и воротом. Нагрудник обшит вокруг пуговицами, и шесть штук из них действительно очень старинной работы. Поверх надевается кофта до колен из того же шелка. Рукава ее, узкие и прилегающие, достают до кисти. И кофта, и надеваемое под нее платье — гладкие, без складок. Воротник верхней кофты шириной в три дюйма доходит до груди. Он сделан из черного бархата и украшен золотым кантом и полосками кожи, а на концах его висят две шелковые кисти на золотых шнурах; золотые шнуры явно были старинные.

Мне показали здесь также старинное оружие и кожаный колчан с деревянной подставкой для стрел; этот колчан носили, как меня уверяли, на груди, повесив ремень на шею. На одной из стрел между палкой и железным наконечником был укреплен роговой шарик, продырявленный и пустой внутри. Такие стрелы и сейчас еще употребляют китайцы; в полете они издают свист [30].

Культовое место у домов здесь устроено иначе: стоят в ряд десять-пятнадцать березовых стволов, увешанных множеством белых ленточек.

На следующий день я отправился в Улуаил (Большая деревня). В ней не менее ста домов и 20 земляных юрт. Я остановился в доме башлыка Николая, с которым познакомился три года назад, проезжая Салаир. Он встретил меня как старого знакомого и собрал для меня человек двадцать, умевших петь старинные песни, так что теперь я записал целый ряд исторических песен. У телеутов вообще историческая традиция развита гораздо больше, чем у алтайцев, у которых больше сказок и устных рассказов.

Телеуты живут не только в названных мной деревнях на Бачате, но и в ряде маленьких деревень — Шарту, Оксол и т. д., которые тянутся чуть не до самого томского железоплавильного завода и Кузнецка; часть небольших деревень совершенно обрусела, другая, как и население более крупных деревень, сохранила свое национальное лицо. Говорят, что большинство живущих здесь телеутов — некрещеные, даже те, кто отчасти обрусел; а здешние крещеные телеуты, как правило, совершенно обрусели. В разговоре со мной их называли ясачными крестьянами. Большинство крещеных телеутов уехало в Бийский округ и живет в миссиях на Муйту, Улалу и Шамал. Здешние телеуты делятся теперь на четыре волости.

Мне бросилось в глаза, что, хотя телеуты и очень мало поддались русскому влиянию, большинство из них носят русские имена. Причину этого следует искать в обычае, распространенном и на Алтае: давать ребенку имя того, кто первым войдет в комнату роженицы [31]. Другой удивительный обычай — рано женить мальчиков. Обычно отец берет в дом для своего сына, едва достигшего восьмилетнего возраста, жену, притом не ребенка того же возраста, а взрослую девушку. Эта сноха — работница в доме и заботится о своем муже как мать [32]. Если сыну, когда он вырастет, жена не понравится, он может отослать ее обратно, уплаченный калым тогда пропадает; но меня заверяли, что таких случаев не бывает никогда. Свадебные торжества ограничиваются главным образом свадебной пирушкой; единственная церемония — благословение снохи у культового места нового дома и провожание молодых по селению, причем они получают подарки от всех родственников и знакомых. Как и у алтайцев, запрещаются браки между членами одного рода (*сöктӱнг карандажы*) [33].

Я нигде не встретил подтверждения рассказа Палласа [34] о том, что телеуты хоронят своих мертвецов на деревьях [35]. Все телеуты утверждают, что хоронят своих мертвецов в земле, и решительно отрицают, что у их предков был когда-либо другой способ захоронения.

Мне показали здесь старинное мужское платье, которое носили предки телеутов. Оно было сшито из оранжевой шерсти и украшено черными шнурами и серебряными пуговицами. Оно без рукавов и ворота, и носили его поверх рубахи. Спина гладкая, без украшений; впереди на полах два кармана. Телеуты называли эту одежду *камзал* (камзол), или *кӱрмä*.

Распространенный музыкальный инструмент — *чäртмä* (от глагола *чäрт* — «играть, крутя пальцем») — такой же, как у алтайцев; это нечто вроде грубо сработанной деревянной гитары с резонирующим дном из жеребячьей шкуры. Инструмент имеет две струны из несплетенного конского волоса. Кроме того, те-

леуты исполняют свои мелодии на камышовой флейте (*комыргай*), известной и алтайцам.

Язык телеутов, как я уже говорил, совершенно тот же, что у алтайцев. И поэзия у обоих родов носит совершенно одинаковый характер. Она делится на песни (*кожонг*), которые поются и состоят из регулярных четырехстрочных строф, и на речитативы, состоящие из рифмованных стихотворных строк равной длины, не сгруппированных в регулярные строфы. Рифма при этом троякая: начальная, конечная и внутренняя, или ассонанс. Чтобы наглядно продемонстрировать расположение стихотворных строк в строфе, приведем две песни:

*Ӓ*ки агач тӥымырыт
*Ӓ*лим кäспäсин тӱбӱнäнг,
*Ӓ*лдинг ичиндӓ тӥӱргäндӓ
*Ӓ*лим айтпасын киинимнäнг.

*Тӥа*нгысак агач тӥымырыт
*Тӥа*дым кäспäсин тӱбӱнäнг,
*Тӥа*ттынг ичиндӓ тӥӱргäндӓ
*Тӥа*дым айтпасын киин имнäнг.

Два гнилых дерева
Под корень народ пусть не рубит,
Пусть не поносит меня зло
Мой народ, с которым я живу.

Одно гнилое дерево
Под корень друг пусть не рубит,
Пусть не поносят меня зло,
Когда я живу на чужбине.

Такую четырехстрочную строфу имеют все телеутские исторические песни. Я записал следующие песни: 1) песня Мырад Бия, эпизод из неизвестного вообще телеутам цикла сказаний о Токтамыше; 2) песня Ак Көбөка, распространенная у всех северных тюрков; 3) песня плененного Кангза Бия; 4) песня Саксы Бая; 5) песня Пинташа; 6) причитание юноши-телеута, схваченного пятью киргизами. Четыре последние песни — исключительное достояние телеутов, и относятся они к событиям последних веков.

Чтобы дать представление об исторических песнях, я приведу здесь подстрочный перевод последней из упомянутых песен.

Юноша поехал искать свой скот. По дороге он встретил пятерых киргизов. Когда они схватили его, чтобы убить, юноша спел им такую песню:

Разыскивая белых коров тестя,
Встретил я вас, о мужи!
И, разыскивая красношерстных верблюдов,
Встретил я вас, о богатыри!

Пять киргизов, пять киргизов,
Все пять друг на друга похожи,
Но старик среди вас, киргизы,
Хочет лишить меня жизни.

Белых коров моего отца
Я отдам вам, о пять киргизов,
Если этого дара вы не примете,
Мы на чем-нибудь другом поладим.

Белых коров, собранных мною,
Я отдам вам, о пять киргизов,
Если этого дара вы не примете,
Мы на чем-нибудь другом поладим.

Отца с острой бородой
Я отдам вам, о пять киргизов,
Если не возьмете моего отца,
Мы еще с вами поладим.

Ту, что кормила меня грудью,
Мою мать, отдам я вам,
Если мою мать вы не возьмете,
Мы еще с вами поладим.

Ту, чьи волосы спадают на затылок,
Мою сестру, отдам я вам.
Если вы сестры не хотите,
Мы на чем-нибудь другом поладим.

Ту, чьи косы – крепкие ремни,
Мою жену, отдам я вам.
Если вы моей жены не хотите,
Мы на чем-нибудь другом поладим.

Наверху черный берег,
Красный берег внизу,
Не было б там красного берега,
Не покинул бы я своего дома.

Если ты убьешь меня в низине,
Подними меня на гору,
Если поднимешь меня на гору,
Укрой меня там листьями!

Если ты убьешь меня на горе,
Стащи меня вниз, в низину,
Если ты меня стащишь,
Укрой меня там травами!

Мое белое лебединое тело
Пусть не расклюет ворон!
И мое мясо, белое как снег,
Воронье пусть не растащит!

Кроме таких исторических песен, все импровизированные песни как у телеутов, так и у алтайцев сочинены стихотворным

размером *кожонг*. Каждая импровизация состоит из двух строф, причем вторая всегда является вариацией темы первой строфы. Так как я уже приводил примеры такой импровизации, я ограничусь тем, что приведу здесь в переводе единственную песню с отзвуками исторических событий в форме *кожонг*, записанную мной у алтайцев:

Хвалебная песнь Алтаю

На белой вершине Алтая
Золотой цветок растет.
В стране с золотыми горами
Повсюду светит луна.

На синей вершине Алтая
Серебряный цветок растет.
В стране с серебряными горами
Повсюду светит солнце.

Если копье с еловым древком
Перебьет он – что нам делать?
Если Сандыр со своим народом
Придет с войной, что нам делать?

Если копье из ствола иргаи
Сломает он, что нам делать?
Если Сандыр из далекого края
Придет с войной, что нам делать?

Медведь из зарослей
Не свалил тебя, Ая-пии.
Шестьсот тысяч воинов
Не победили тебя, Ая-пии.

Волку из леса
Не поддался ты, Ая-пии.
Пятьсот тысяч воинов
Не победили тебя, Ая-пии.

Белый Алтай с шестью углами,
Шестьдесят птиц в тебе гнездятся.
Народ и людей ты радуешь,
Благословенна будь, белая гора!

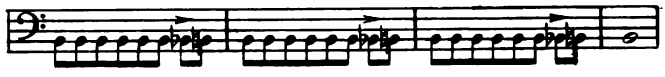
Белый Алтай с четырьмя углами,
Много оленей на тебе пасется.
Ты, радующий большой народ,
Небом благословенна ты, белая гора!

В качестве образца стихотворения, исполняемого речитативом, и как пример распределения поэтических средств и рифмы пусть послужит нам следующее обращение шамана с Чолышмана к Эрлику, властителю подземного мира:

Майма чаштуу Бай Эрлик
Кижи көксӱ к ӧ н ӧ к тӱ
*Йа*шыл т ӓ м и р кылышт у у
*Йа*лбан т ӓ м и р йарынд у у
*Йӓ*лим к а р а йӱ с т ӱ
*Йа*лтак к а р а чачт у у
*Йа*тти ш и р ӓ ӓжиктӱ
*Йӓ*р очокт у у
Кӓрӓ бажы тӓкминдӱ
Тӓмир карачыл у у
Ӓрлӱ ададынг тогуз пуга
Кӓйӓгӓлӓп *ӓр сулган*
*Кӓй*имду а т пыч*кан*
Кол йастандырып *ӓр* йык*кан*
Колонг йастандырып а т йӓнгип *йигӓн.*

Блестящеволосый богатый Эрлик,
Грудь человека – твоя чаша,
Зеленое железо – твой стальной меч,
Железный щит – твоя спина.
Блестит твое черное лицо,
Дыбом стоят твои черные волосы,
У двери стоят твои серебряные троны,
Из глины твой могучий треножник,
Как решетка, твоя лестница,
Из железа крыша твоей юрты,
Смотри, наготове девять быков
С седлами, с чепраками,
Попона из конской шкуры.
Стоит Эрлику протянуть свою руку –
И он одолел человека.
Стоит ему только стянуть на животе свой ремень –
Лошадь падает, и ее съедают.

Таким образом исполняются все легенды, шаманские песни, а также сказки. Последние произносятся вибрирующим на два тона голосом. Такой тип пения алтайцы и телеуты называют *кайларга.* В нотном переложении мелодика исполнения сказки выглядит так:

Каждый такт соответствует стихотворной строке, целая нота произносится легко сомкнутыми губами в виде *бу-у-у* после каждых трех-десяти строк, всякий раз, когда завершается мысль.

Алтайцы и телеуты речитативом исполняют только богатырские сказки, остальные сказки и рассказы исполняются прозой. Кроме уже упомянутых *кожонгов* у телеутов есть еще маленькие шуточные песенки из двухстрочных строф с припевом, совершен-

но неизвестные алтайцам. Я записал из таких песен: 1) «Жалобы сороки»; 2) «Хвалебную песнь зайца»; 3) «Похвальбу ветра перед ленивыми»; 4) «Песнь змеи, расхваливающей своих детей». Для наглядности приведу здесь часть песни «Жалобы сороки»:

Эй! Эй! Эй! Э!
Синяя щука с большими глазами,
Ты птенца моего не видала?
Эй! Эй! Эй! Э!
Если сделать плот из ира,
Не смогу ль его найти я?
Эй! Эй! Эй! Э!
Послушалась я совета малых,
Гнездо построила на деревце.
Эй! Эй! Эй! Э!
Теперь лед сорвал мое гнездышко,
И пропало мое дитятко.
Эй! Эй! Эй! Э!
Белая щука с большой пастью,
Ты о птенце моем не слыхала?
Эй! Эй! Эй! Э!
Если сделать плот из тростника,
Не смогу ль его найти я?
Эй! Эй! Эй! Э!
Не послушала я совета великих,
Низко построила свое гнездо.
Эй! Эй! Эй! Э!
Сорвало его половодьем,
И осталась я без птенчика!
Эй! Эй! Эй! Э!
Если я построю новое гнездо,
Будут ли у меня такие птенчики?
Эй! Эй! Эй! Э!
Если теперь я послушаюсь слов высокого,
Несчастья со мной не случится.
Эй! Эй! Эй! Э!
Послушаюсь совета великих,
Гнездо построю на высоком дереве.
Эй! Эй! Эй! Э!

3. ШОРЦЫ [36]

а) Татары на реке Томь. Первым татарским поселением на реке Томь, в котором мне довелось побывать, была деревня Протока, верст на сорок выше города Кузнецка. Деревня делится на русскую и татарскую половины. В то время как русское селение очень опрятно и производит впечатление зажиточного, татарская часть деревни выглядит жалко. Она состоит из 20—25 маленьких полуразвалившихся деревянных хибарок, обнесенных полуразвалившимися же заборами. Жилища расположены в беспорядке, а свободное пространство между ними на

фут покрыто нечистотами. Чуть ли не перед каждым домом горел огонь, на котором в котле варилась еда. Вокруг огня безо всякого порядка сидели оборванные женщины, мужчины и дети.

Я отправился в дом деревенского старосты (*пашлык*), чтобы заказать на завтрашний день лошадей для поездки. Дом пашлыка был чуть ли не самым худым во всей деревне. Одежда этого должностного лица была изорвана и клочьями свисала с его тела. Вместо шапки вокруг головы был повязан грязный пестрый носовой платок. Истинный представитель своего народа, пашлык сразу же призвал к себе всех мужчин деревни, чтобы решить вопрос о лошадях. Не прошло и четверти часа, как вокруг него собрались все приглашенные. Пашлык уселся в центре собрания на пень и взирал с его высоты на сидящих на земле на поджатых ногах односельчан. Само собрание производило весьма своеобразное, но неприятное впечатление. Оно состояло из 60—80 человек в самых различных одеждах (лохмотьях): тут были мужчины в женских шубах, полуголые женщины в мужских халатах, мужчины с платками на голове, женщины в мужских шапках, короче говоря, всевозможные вариации из пяти предметов: халат, штаны, шапка, головной платок, женское платье. Когда пашлык заговорил, собрание взволновалось, со всех сторон громко кричали. Чем больше пашлык просил успокоиться, тем более народ бушевал. Возник спор на несколько часов, и ни одна сторона не хотела отступить ни на шаг. Кричали и спорили так возбужденно, что можно было подумать, будто речь идет о благе или несчастье всей деревни, а ведь речь шла всего-то о том, что нужно было дать за обычную плату трех лошадей и двух посыльных. Мне все это было очень интересно слушать, ибо нет лучшего способа проникнуть в язык этих людей. Я услышал здесь примечательную смесь русского и татарского. После многочасовых дебатов дело дошло до того, что мирное совещание грозило превратиться в дикую рукопашную. Тогда у меня наконец лопнуло терпение, и я коротко приказал отвести мне место для ночевки. И начался бы новый спор, если бы самый богатый в деревне татарин не предложил мне свой дом. Тогда я велел отнести туда мои вещи и отправился в дом и сам, чтобы поужинать. В этом доме, лучшем во всей деревне, было две крохотных комнатки. В одной жил сын хозяина со своей семьей, в другой — сам хозяин. Хозяин отдал мне свою собственную комнату. Вся ее обстановка состояла из большой русской печи, нескольких полок, уставленных кухонной утварью, одной скамьи, стола и кровати. Эти вещи занимали чуть ли не все пространство комнаты, и мне с трудом удалось поместить сюда еще мою постель. В комнате стояла страшная жара, так как печь была жарко натоплена. Кроме того, весь дом провонял невыносимым для европейского обоняния запахом медвежьего чеснока (Allium ursinum), излюбленного весеннего блюда

здешних татар. Запах был столь невыносим, что я был вынужден просить выставить окна, которые не открывались.

Едва я устроился, как в мою комнату ввалились самые уважаемые татары деревни во главе с пашлыком, чтобы поближе рассмотреть меня, и за несколько минут все пространство, еще остававшееся пустым, оказалось заполненным людьми. Европейцу и не вообразить себе даже, какой тут стала атмосфера, ибо к неприятному запаху *калбы* (медвежий чеснок) добавились еще и другие, например одуряющий запах сивухи, так как половина наших гостей была совершенно пьяна. Поэтому мне уж пришлось быть негостеприимным и прогнать большую часть этих людей из моей комнаты. Оставшихся — пожилых и трезвых — я расспросил об условиях жизни местных татар.

Как мне рассказали, они живут в постоянных стычках с русскими соседями, которые, по уверению татар, вечно ущемляют их интересы. Земледелием и скотоводством занимаются они очень мало, а больше — рыболовством. Обеднели они до крайности, усвоили одежду, религию, образ жизни и отчасти язык русских. На путешественников это население производит отталкивающее впечатление, так как на первый взгляд оно усвоило лишь отрицательные стороны цивилизации. Когда же познакомишься с этими людьми поближе, то сразу замечаешь, что они еще не утратили простодушия детей природы. Хотя все они и христиане, но все равно не знают почти ничего об этом вероучении.

На следующий день я был проездом в татарской деревне Палбы. Она чище и построена лучше, чем Протока, дома больше и в лучшем состоянии, заборы в хорошей сохранности, и у некоторых домов за ними — огороды. Палбы — небольшая деревня, в ней не более пятнадцати дворов. Жители Палбы тоже все крещеные и почти полностью обрусели. К языку здешних татар тоже примешано много русских слов.

б) Татары на Мрассе. У устья Мраса расположена татарская деревня Праспельтеринде. Она гораздо больше деревень на Томи; в ней около сорока небольших дворов, тянущихся почти на четверть версты по высокому берегу вдоль реки.

Внешне здешние татары ничем не отличаются от томских, все — крещеные и переняли русскую одежду. Язык их сохранился в более чистом виде, а женщины говорят только по-татарски. Главное занятие их — рыболовство, здесь оно, должно быть, чрезвычайно выгодно. Женщины и дети плетут сети и продают их в Кузнецк. Этот товар пользуется большим спросом, и отсюда вывозят тысячи саженей сетей. Сети невероятно дешевы, сажень сети (7 футов) шириной в 5 футов стоит всего 2 копейки.

Осенью, когда выпадет первый снег, мужчины отправляются на охоту. Рассказывают, что в этой местности много дичи, особенно белок, соболей (худшего сорта — светлых), огненной куницы;

реже встречаются горностаи и лисицы. Скотоводством здесь занимаются мало. Мне лишь с трудом удалось раздобыть немного молока, так как на всю деревню лишь 20—30 коров. Здесь мало лугов, а зимой очень высок слой снега, поэтому скот не может сам обеспечить себе пропитание, нужно запасать сено, а для этого татары слишком ленивы. Земледелие ограничивается возделыванием ячменя, но сеют его так мало, что не покрывают даже своих потребностей и приходится выменивать его у русских крестьян на рыбу.

Летом их любимая еда — корни кандыка и лилии или медвежий чеснок, которые здесь растут в изобилии. Из-за медвежьего чеснока от всего населения исходит аромат, невыносимый для того, кто чеснока не употребляет. Я последовал совету одного из моих проводников и сам поел его. Он очень приятен на вкус, и действительно, с тех пор я стал меньше страдать от окружающего меня запаха. Говорят, что медвежий чеснок крайне полезен и предохраняет людей от свирепствующего здесь скорбута.

Наречие здешних татар, которому я уделил особое внимание, очень отличается от телеутского.

Вечером следующего дня я оставил деревню Праспельтеринде и поехал в деревню Кызылъяр (Красный берег). Мы добрались до нее уже в полной темноте. В ожидании нашего прибытия здесь на берегу разожгли костер, освещавший багровым светом все селение и противоположный берег и отражавшийся в реке длинными красными полосами. Дерево, очевидно, здесь дешево, так как жители на него отнюдь не скупятся; для костра сложили дров футов на пять вышиной. На берегу тесными кучками стояли люди, и как только мы пристали к берегу, они взяли наш багаж и понесли все на квартиру. Каждый из помогавших нам взял по тюку, а рядом шагал второй — с горящей головешкой, так что мы прошли по селению как бы факельным шествием. Мне светил мой хозяин, молодой человек в суконном кафтане, который заверил меня на очень приличном русском языке, что принимать нас — для него величайшая радость.

Его дом оказался большим, построенным и обставленным совершенно по типу русских крестьянских домов. С первого взгляда было видно, что это весьма богатый дом. Комната была выкрашена масляной краской и обильно заставлена стульями и несколькими шкафами. Меж задней стеной и печкой было поставлено множество обитых жестью ящиков, а пол был покрыт тюменскими коврами. Чтобы угостить меня, мой хозяин принес все, что было в доме: чай, свежий мед, хлеб, яйца, масло, молоко, кедровые орешки и рыбу, так что после вчерашнего скудного дня у нас был здесь лукуллов пир.

На следующий день я убедился в том, что деревня состоит из двух частей: одна расположена на самом Мрасе, другая — на два

километра севернее, у маленькой речушки. Дома по преимуществу большие и имеют при себе все нужные строения — хлевы, амбары и т. п. Большинство жителей этой деревни занимаются торговлей. Здешние торговцы возят в верховья Мраса товары и скот, и по зажиточности всего селения видно, что торговля эта очень выгодна. Иные жители уже составили себе немалое состояние и добывают товары не через кузнецких купцов, а прямо с Ирбитской ярмарки. Те, кто не ведет торговли, занимаются земледелием и скотоводством. Скотоводство здесь довольно развито, так как местная равнина очень богата травами, а кроме того, развитое земледелие требует содержания большого поголовья скота.

К сожалению, вместе с проникновением русской культуры сюда проникло и зло пьянства; я имел возможность наблюдать это на самой уважаемой части здешнего населения. Половина жителей по случаю моего приезда были так пьяны с утра до ночи, что не могли держаться на ногах. Я продолжил здесь сбор лексики и запись текстов.

От Кызыльяра я отправился в деревню Сыбыргы, состоящую примерно из сорока бревенчатых домов. Все эти дома находятся в жалком состоянии и похожи на развалины. Крыши всех домов крыты березовой корой, а внутреннее убранство скуднее и неопрятнее, чем в Протоке. Мужская одежда состоит из рубахи и штанов из очень грубой самотканой конопляной ткани и войлочных халатов вместо шуб. Большинство женщин одето только в длинные, до щиколотки, рубахи. Здесь не такой единообразный тип, как у алтайцев и телеутов. У одного лицо — чисто монгольское, у другого — русые волосы и явственно русские черты лица. Но чаще всего, особенно у женщин, встречаются широкие круглые лица с вытянутой вперед нижней челюстью, полными губами, узким лбом и удлиненными слегка раскосыми глазами. Это своеобразный тип, сильно отличающийся от монгольского.

Основное занятие здешних жителей — рыболовство. Земледелием и скотоводством занимаются весьма мало — местность здесь уже сильно гористая и зимой выпадает очень много снега. Но рыболовство — жалкое занятие, и здесь это видно: добытого едва хватает на то, чтобы прокормить и одеть людей. Летом им еще живется довольно сносно, когда же наступает долгая зима, начинаются мучения; тот, кто не сумел выручить летом за свою рыбу достаточно муки, терпит теперь голод и нужду, а кое-кто и умирает от нехватки еды. И тем не менее простая пища здешнего населения — разболтанная в воде поджаренная ячменная мука и рыба,— должно быть, не так уж дурна, потому что тут особенно много долгожителей. Мне показали здесь, например, вполне крепкого и бодрого человека ста двух лет.

По моему указанию палатку мою разбили на великолепной

лужайке на берегу Мраса, и вскоре вокруг нее собралось все мужское население. Я втуне добивался от них исторических преданий, они не могли мне назвать даже пяти своих предков, что известно, например, каждому алтайцу. Стодвухлетний старик тоже сказал только, что, как он слышал от своего отца, они всегда тихо-мирно жили в этом краю и, кроме веры, у них ничто не изменилось. Рыболовством тоже занимались всегда, и, насколько он помнит, все осталось таким же, как прежде.

Что же касается вероисповедания здешних татар, то христиане они лишь по названию, а о христианской вере им известно лишь то, что надо креститься, осенять себя крестным знамением, а когда приезжает к ним священник, он дает им всегда причастие (*кызыл аракы* — красную водку). Лишь один из местных жителей умел рассказывать сказки.

Весь следующий день я занимался записью сказок. День выдался прежаркий, раскаленные лучи солнца падали прямо на мою палатку. И все-таки я записывал весь день. Только водкой мне удавалось поддерживать в моем исполнителе хорошее настроение.

Еще выше по Марсу я проехал улус Тос и потом деревню Челей, расположенную в 100 км. Она состоит из 15 бревенчатых хижин с плоской крышей и без печей. Избы прямоугольные, и по длинной стороне на середине крыши имеется прямоугольное дымовое отверстие аршина два длиной. Стена у отверстия и пол в хижине выложены глиной, и под дымовым отверстием на полу всегда горит большой огонь. В глиняной стене сделаны отверстия, в них втыкают палки, на которые вешают котел. Внутри хижины по стенам тянется скамья высотой в полфута и шириной в четыре фута, выложенная березовой корой. Под крышей укреплены горизонтальные жерди, и на них перекинуты платья, утварь, сети, ружья и прочее имущество жильцов дома.

Уровень культуры здешних жителей много ниже, чем в низовьях Мраса; робкие и боязливые, они бегают от чужих людей, и лишь подарки могут удержать их в селении. Этот страх перед русскими имеет свои основания, так как они видят от них не много добра. Единственные русские, известные им, это — купец, притесняющий и разоряющий их, священник, сущность которого им совершенно непонятна, или грубые, распущенные парни из золотомоен.

Лишь постепенно жители становились доверчивее, собирались у моей палатки и пускались со мной в разговоры.

Внешне они мало отличаются от уже описанных мрасских татар. Верхнюю одежду мужчин составляет грубый полотняный халат, отделанный синей каймой. А женщины носят короткие синие рубахи с разрезом на груди и поверх них — длинные полотняные халаты, похожие на мужские, но обычно синего цвета

с красной каймой, их стягивают поясом, на котором спереди висят ключи. Волосы они заплетают в две косы и связывают их концы, а голову повязывают платком. Хотя хижины их и выглядят очень бедными, все-таки здешние татары, очевидно, более состоятельны, чем татары на Нижнем Мрасе, так как здесь, в лесах черни, очень богатая охота. Что же касается земледелия, то здесь растят только ячмень, который затем поджаривают в плоских котлах, после чего толкут и перемалывают. Для обработки почвы пользуются мотыгой (*абыл*, *оол*), плуга они не знают. Созревшие злаки они срезают чем-то вроде серпа или ножа.

Все живущие здесь татары некрещеные, но уверяют, будто у них нет шаманов. Представление о религии развито у них очень слабо. Из их религиозных обычаев я видел только то, что, пробудившись утром ото сна, они кланяются на восток, бормоча слова молитвы.

О своем вероисповедании они сообщили мне вкратце. На небе живет бог — *кудай* (распространенное у всех восточных татарских племен персидское название бога), который создал землю. Зовут его Муколы (испорченное русское Николай, которого русские называют чудотворцем). Но под землей живет злой, его зовут Айна. «Когда человек умрет, Айна пожирает его душу».

Еще выше по Мрасу я посетил деревни Узунарга, Карга, Аккая и расположенную на вершине прибрежной горы Кызылкая. Карга — довольно большая деревня, в ней не менее сорока изб. Пашлык селения — единственный, у кого кроме хижины есть еще в качестве зимнего жилища дом. Жители Карги, по всей видимости, самые богатые татары во всей округе, так как прекрасные луга и пастбища, расположенные вокруг, позволяют им держать сравнительно много скота. И здесь я напрасно добивался шамана, мне рассказали, что раньше здесь жил один, но несколько лет назад он умер, и теперь они обходятся вообще без шамана.

Начиная от Карги берег Мраса населен гуще, повсюду видны разбросанные по отдельности жилища.

В Аккая я только сменил лошадей и сделал следующую остановку лишь в Кызылкая (Красная скала). Летние жилища Кызылкая устроены, как в Челее, и, как и там, возведены из досок и березовой коры. Эти невзрачные маленькие хижины, числом не более пятнадцати, расположены почти на вершине прибрежных скал Мраса. Внутри эти хижины почти пусты, так как у местных татар обычно нет никакой одежды, кроме той, что они носят на себе. Их кухонная утварь состоит обычно из плоского котла для поджаривания ячменя (*коорғуш*) и обычного котла для варки. Мисок, чашек, посуды для питья они не знают, все эти лишние для них предметы вполне заменяет им свернутый кусок березовой коры.

На всем Алтае не найдется никого беднее здешних татар. Если не считать мяса убитой дичи, им не известно никакой еды, кроме поджаренного ячменя, калбы, кандыка и луковиц лилии. Они содержат небольшое число верховых лошадей, но кобылиц не доят. Зимой они занимаются охотой, летом сеют немного ячменя, чтобы только-только прокормиться самим. Если же случается неурожай и еда кончается до наступления весны, у них начинается голод и многие погибают, а выжившие бегут тогда в Каргу или на золотомойни и ищут там помощи и приюта.

Одежда жителей Кызылкая такая же, как у мрасских татар. Мужчины носят длинные рубахи и кафтаны из различных тканей, зимой — войлочные шубы. У женщин длинные пестрые, обычно синих тонов, рубахи, обшитые на плечах и груди мелкими раковинами. Косы девушек украшены тяжелым убором из стеклянных бус всевозможной формы и всех цветов, прикрепленным под поясом. Женщины вплетают в косы бронзовые пуговицы и носят серьги, соединенные нитью жемчуга.

Они робки и боязливы, как лесные звери, убегающие при появлении людей в глухую чащу. Сначала они опасались приблизиться к новоприбывшим путешественникам, но потом любопытство одолело страх. За дверью хижины, в которой я остановился, собралось постепенно человек двадцать пять, один за другим они просовывали в дверь свои головы, не решаясь войти. Курят и мужчины и женщины. Трубки они вырезают из дерева, а табак покупают у русских, как и украшения. Моя хозяйка, молодая женщина лет восемнадцати, с изумлением следила за хозяйственными приготовлениями моего слуги и была беспредельно удивлена нашей странной трапезой. При всей своей скромности она свободно отвечала на любой мой вопрос. Она приняла предложенную ей сигару, но не стала ее курить, а передала мужу.

В здешнем улусе живет шаман, который показал мне свой шаманский бубен, мало чем отличающийся от телеутского. Он отказался сообщить мне что-либо о своих молитвах и на все вопросы отвечал: *мән бибäнчадырым* (я не знаю).

На Псасе, притоке Мраса, я посетил еще три деревни, но задержался в них ненадолго, только во второй — Таяше — я переночевал в хижине пашлыка. Татары Таяша живут точно так же, как татары Кызылкая.

в) Татары на Кондоме. Миновав реку Мончуй, мы поднялись по реке Кёрё. Здесь мы неожиданно наткнулись на жилища самых западных шорских татар. Лесной пожар оголил здесь целые горы, и повсюду на вершинах виднеются пашни. Когда мы прибыли в деревню Ашкина, сначала не было видно ни одного человека. Постепенно появились жители. По одежде они мало отличались от мрасских татар. Они принадлежат к

роду сары шор, много занимаются земледелием, а кроме того пчеловодством, которое здесь, по всей видимости, особенно выгодно. И скотоводством здесь, видно, не пренебрегают так, как татары Верхнего Мраса, ибо вблизи селения пасутся коровы. Образ жизни здешних шорцев очень напоминает быт русских крестьян.

Верстах в пяти за Спасской золотомойней, выше по Кондоме, по ту сторону реки Чолым мы встретили юрты шорцев, живущих здесь не деревнями, а небольшими селениями в две-пять хижин. Я остановился в юрте татарина Степки, который считается весьма зажиточным; он держит несколько лошадей и до десяти коров. Обстановка в домах здесь лучше, чем на Верхнем Мрасе. Тут можно увидеть много утвари и одежду в изобилии. Я слышал, что местные татары зарабатывают много денег, тайно скупая золото у рабочих золотомойни, и многие из них очень богаты. Русские говорили мне, что они здесь только притворяются бедными, чтобы не возбудить подозрения властей. А Степка, сказал один из моих проводников, без труда мог бы построить себе каменный дом. Несмотря на это, внешне он не отличается от других татар. Весной любимое блюдо здешних татар — корни кандыка, висящие в любом татарском доме большими связками. Говорят, что в свежем виде они очень вкусны, их варят на воде или молоке, а потом сушат.

Тип постройки здешних жилищ как бы свидетельствует о переходе к русскому дому. У большинства людей есть летние дощатые дома с крышами из березовой коры и зимние бревенчатые юрты. Многие из этих зимних юрт имеют по две двери: первая ведет в сени шириной в два-три аршина, а вторая, расположенная напротив,— во внутреннее помещение. Двери изготовлены из досок и ходят на петлях из ремней.

Очаг находится всегда у стены, слева от двери. Чаще всего у части стены, обмазанной глиной, помещено нечто вроде печной трубы, в которой пекут корни кандыка и пресные плоские хлебы. Над очагом помещается сплетенный из лозы полукруглый, обмазанный глиной дымоход (*шуал*), над ним расположено отверстие для света, которое зимой прикрывается бруском льда. Идущая вдоль стен скамья — высотой в полфута, шириной фута в четыре — покрыта берестой. Стена слева от очага — место семьи, здесь не сидит никто, кроме хозяина, хозяйки и детей. А стена напротив очага — место для гостей. Родственники хозяина, живущие в доме, размещаются справа у двери. И ручная мельница располагается у правой стены. Пол, как правило, аккуратно покрыт досками. Кухонная утварь помещается между очагом и левой стеной. В основном это большие и маленькие цилиндрические сосуды из бересты (*тӱс*), которые сибирские русские называют туесами. Они не круглые, как у русских,

а почти овальной формы, чтобы их удобнее было ставить во вьючные мешки. В таких берестяных сосудах хранятся вода, молоко, масло, водка, мед, а также ячменные зерна. Кроме того, имеются чаши, часто очень красиво изготовленные из бересты, и деревянные миски. У тех, кто побогаче, есть и русские деревянные миски.

Из съедобных корней, употребляемых шорцами в пищу, мне показали здесь луковицы лилий (Lilium martagon), корни кандыка (Erythronium dens canis), которые в жареном виде напоминают на вкус картофель, корни пиона (Paeonia anomala), калбу (Allium ursinum) и сочные стебли гераклеума. Ячмень здесь едят по-разному: 1) в виде крупы, толченым в больших деревянных ступах; 2) в виде талкана, поджаренным и растертым, чаще в сухом виде, но и разболтанным в холодной воде, молоке и меде; 3) вареным на воде или молоке. На Кондоме люди употребляют в пищу и небольшие лепешки из пшеничной муки, очень простые в приготовлении: смешивают муку с водой, добавляют немного соли, лепят из этого небольшие плоские лепешки и выпекают в горячей золе у очага. Чая татары Кондомы совершенно не знают, но готовят суррогат чая из цветов растений Saxifraga cranifolia, Spiraea ulmaria и из молодых побегов шиповника.

Татары Кондомы приготовляют алкогольные напитки: 1) *абыртка* из вареных и затем перебродивших корней кандыка; 2) *аракы* из ячменной муки. Совершенно как и татары Кондомы, живут татары улуса Кыджыаалы на реке Кыджы, притоке Псаса, у которых я тоже провел несколько дней. Они довольно много занимаются земледелием, а кроме того, и животноводством. Так, например, у моего хозяина Сарыкрана было 9 коров и 70 ульев. Здесь мне представилась возможность записать много сказок.

К тому же я узнал кое-что о свадебном обряде шорцев. Обряд венчания состоит в том, что родственники строят для молодых нечто вроде юрты из девяти тонких березок, у которых оставлены лишь самые верхушки кроны, и покрывают их берестой. Потом в нее входят жених и невеста. Жених вынимает огниво и зажигает в юрте огонь. Невеста в это время стоит в дверях и одаривает каждого, кто помог строить юрту, медным колечком. Молодожены должны оставаться в этой юрте три дня, здесь они принимают пришедших к ним в гости родственников. Только через три дня они переезжают в свой настоящий дом. Березы свадебной юрты уносят тогда в лес и прислоняют к дереву, там они и остаются, пока не сгниют.

Церемония разжигания в юрте огня чрезвычайно важна, ибо при этом наблюдают, как высекутся и куда полетят искры, и по ним предсказывают молодым счастье. Следует еще упомянуть, что у шорцев есть обычай умыкания невесты. Молодой человек

получает согласие невесты и в залог ее платок, затем он появляется ночью в сопровождении друзей; по условному знаку девушка выбирается из юрты, и жених сажает ее на свою лошадь. Сначала он привозит невесту в дом своей матери, а позже — в свою свадебную березовую юрту. Принято, чтобы в поездке за невестой жениха сопровождало несколько спутников.

Согласно Вербицкому [37], по случаю свадьбы состоится целый ряд праздников — *байга*. Самая большая байга празднуется у свадебной юрты. Четыре байги у родителей невесты: 1. Через пять-десять дней после умыкания невесты молодые в сопровождении родителей жениха, прихватив с собой аракы в больших количествах, отправляются к родителям невесты, чтобы заключить мир и установить размер калыма. Отец невесты выходит навстречу похитителю с поднятой плеткой. Богатый жених сразу же платит калым, бедный — договаривается о сроках, в которые он будет уплачен. Иногда родители невесты оставляют калым невесте в качестве приданого и добавляют еще кое-что от себя. Но большой калым часто оборачивается несчастьем для женщины, ибо, овдовев, она остается на положении рабы в доме свекра, который разрешит ей новый брак лишь при условии, что новый жених вернет весь калым. А очень трудно найти того, кто захочет уплатить большой калым за вдову. Молодой вдове очень повезет, если у нее есть холостой деверь, который обычно и берет ее в жены. Зависимость от свекра вдове особенно неприятна, так как каждому женатому сыну передается надел земли для возделывания ячменя, которым кормится семья, а, с другой стороны, отец получает доходы сына от охоты и пр. Если остается молодая вдова, то она должна сама обрабатывать свой участок земли и жить этим. Свекор же дает ей только то, что сочтет нужным. Браки обычно заключаются весной. Если свадьба состоялась до первого крика кукушки, то примирительная байга откладывается до первого крика кукушки. 2. Через месяц после свадьбы празднуется так называемая табачная байга, на которой родственники молодого супруга преподносят в дар родственникам невесты пачки табака. 3. После первого урожая богатые люди устраивают так называемую мясную байгу, к этому празднику родителям невесты пригоняют корову, чтобы они принесли ее в жертву. 4. К последней байге родителям молодой с той же целью приводят лошадь.

На всех этих праздниках очень велика роль водки: вся родня приносит на пир как можно больше этого напитка. Здесь пьют, поют, прыгают и устраивают конные состязания, где победителям раздают в награду платки, халаты и сапоги.

Такие же праздники бывают во время больших народных собраний, когда сходятся для уплаты ясака. И здесь тоже устраиваются конные скачки.

Я объединил татар, живущих на Томи, Мрасе и Кондоме, общим названием «шорцы», хотя сами они не называют себя так и не ощущают себя единым народом. Меня побудило к этому то, что они говорят почти на одном языке, который я называю шорским диалектом, и то, что как телеуты, так и их западные соседи — лебединцы и черневые татары — называют всех их *шор-кижи*.

Физиономически шорцы представляют собой весьма своеобразный тип, отличный и от телеутов, и от алтайцев. Среди них, правда, встречается много людей с волосами довольно светлыми, но не они составляют основу населения. Остерегусь утверждать, что эти русые волосы являются родовым признаком, хотя и считаю, как я показал это уже в третьей главе, что шорцы являются потомками енисейско-остяцких родов и возникших позже кузнецких татар. Местные русские жители утверждают, что белокурые шорцы — потомки русских. Рассказывают, что в золотомойнях живут сотни холостых мужчин, которые часто забредают в шорские аулы в поисках любовных приключений, где за украшения — бусы, пуговицы, золотые шнуры и раковины — они находят сколько угодно возлюбленных.

По образу жизни шорцев можно разделить на две группы: 1) шорцы-земледельцы в низовьях Мраса и Томи и на Кондоме и 2) жители черных гор в верховьях Мраса и Кондомы. Хотя официально только первые считаются оседлыми, а вторые — кочующими, это совершенно неверно. Как отчетливо видно из моих описаний, все шорцы живут оседло в деревнях. Именно это и отличает шорцев от других тюркских соседей. Остальные тюркские племена Алтая лишь под влиянием русских и из-за уменьшения площадей пастбищ вынуждены отказаться от кочевого образа жизни. Шорцы же живут оседло, деревнями и там, где русское влияние не может проявиться, например в верховьях Мраса. И если эти лесные жители и находятся на очень низкой ступени культурного развития, то это можно объяснить лишь таким образом: сначала они достигли более высокой ступени культуры, а затем вынуждены были бежать в горы и леса и, поселившись здесь в разрозненных деревнях, далеко от соседей, утратили свою старую культуру. Как можно было бы иначе объяснить то обстоятельство, что, как только шорцы попадают в соприкосновение с русскими, они сразу же с необычайной легкостью поднимаются на более высокую ступень культуры, в то время как алтайцы, например, десятилетиями могут жить вместе с русскими, что нисколько не отражается на уровне их культуры?

Я говорю не о шорцах, живущих на Мрасе и Томи и занимающихся сельским хозяйством,— эти давно живут вместе с русскими. А о тех, которые живут разрозненно в горах. Как

только они вступают в торговые отношения с русскими, уже через несколько лет заметен значительный прогресс. Так, например, вблизи золотомоен, которые существуют всего несколько десятилетий, видишь бревенчатые дома и амбары; более высокий уровень жизни и более богатую одежду; скотоводство, птицеводство и пчеловодство. К сожалению, с увеличением благосостояния падают моральные устои этих детей природы. Ими быстро овладевает корыстолюбие и его прямое следствие — наклонность к обману и вероломству, и этим они невыгодно отличаются от своих честных и открытых братьев пустыни.

Шаманизм у шорцев в состоянии упадка. Даже у некрещеных на Мрасе чаще всего уже нет шаманов.

4. ЛЕБЕДИНСКИЕ ТАТАРЫ [38] И КУМАНДИНЦЫ [39]

Первый улус лебединских татар я встретил в 1861 г. на реке Улбас, верстах в тридцати пяти от золотомойни Царево-Александровской. В нем было восемь-десять юрт с точно таким же убранством, как у шорцев. Одежда этих татар тоже очень похожа на одежду шорцев. Они носят кафтаны, шапки и даже нечто вроде длинных сюртуков русского покроя, застегивающихся на пуговицы. Причина распространения такого костюма в том, что пьянствующие рабочие золотомоен часто за безделицу продают свою одежду, а местные татары покупают и носят ее безо всякого смущения, так как своего национального костюма у них нет. Язык лебединских татар — нечто среднее между диалектами шорцев и алтайцев.

Второй улус лебединских татар я встретил на самой Лебеди. Здесь кончаются деревни, и у реки разбросаны поодиночке их жилища. Лебединские татары называют себя *ку-кижи*, что означает «люди с Лебеди». Христианство сюда еще не проникло. О существовании здесь шаманов я не смог ничего толком узнать.

Последнюю юрту лебединских татар я обнаружил в 1861 г. на реке Тогул, где лебединские татары живут уже вместе с черневыми [40]. Лебединские татары здесь из рода чалган, или чалганду, и одежда у них — совершенно алтайская.

В 1863 г. я встретил первый аул лебединских татар у Откюштё. Там жил тогда богатый татарин со своими семью детьми. Так как в прошлом году здесь свирепствовала лихорадка и очень многих унесла за собой, тамошние татары решили оставить эту местность и подняться еще дальше вверх по Лебеди. Все жители занимаются земледелием, но понемногу. Из-за обилия древесных корней здесь нельзя применять плуг и приходится обрабатывать землю мотыгой. В этих местах тоже растят главным образом ячмень и совсем мало — пшеницы. Лошадей и коров они держат тоже очень немного. Держат понемногу и кур.

Здесь мне рассказали такой миф о сотворении мира: «Сначала была только вода и нигде не было земли. Тогда бог послал на воду белого лебедя и велел принести на небо в клюве воды. Но, когда он нырял, к его клюву пристало немного земли. Лебедь сдул землю со своего клюва, и маленькими пылинками упала она на воду и стала плавать на ее поверхности. Начали эти пылинки расти и шириться, и из них стала земля. Но земля была гладкой и плоской. Тогда бог послал на землю вторую птицу, чтобы она взрыла клювом землю, и от этого на земле стали горы и долины. Но черту не понравилась красивая безлесная земля, и он сотворил чернь с ее болотами, где люди едва могут прожить и очень бедны. Сначала бог создал человека, который жил на земле совсем один. Это был мужчина. Однажды, когда он спал, черт коснулся его груди, и у него из бедра начала расти кость, и, когда стала длиннее, она упала на землю и из нее появилась женщина».

У реки Болым я остановился в ауле зайсана шалганду. Он состоит из четырех хижин с загонами для скота. Построены хижины точно как у шорцев. Зайсан рассказал мне, что в его зайсанство входят 103 податника. Их подать — 20 соболей, каждый рублей по 17, но царская казна считает их только по 2 рубля, кроме того — по 100 огненных куниц, так что в целом подать исчисляется рублей в 260 серебром. Все в зайсанстве шалганду занимаются земледелием, но сажают не больше, чем им нужно для пропитания. Гораздо прилежнее занимаются они охотой. За соболем они охотятся главным образом у истоков Абакана. Летом охотятся на лосей и оленей (*ок киик*), зимой — на Лебеди — только на белок и огненных куниц. Белка стоит здесь до 12 копеек, обычный соболь — 13 рублей, огненная куница — 80 копеек. За зиму каждый охотник убивает в среднем 100 белок и 7—10 куниц. Выдра встречается очень редко. Шкурки здесь — единственный предмет вывоза, их скупают бийские и кузнецкие купцы.

У Болгула я не раз еще встречал группы юрт. В некоторых из них были даже окна. Во многих местах мы видели ограды для скота, а в одном месте — 50 ульев. Пашни расположены далеко от дороги, выше в горах. Часто нам встречались по пути небольшие огороженные поля, засеянные табаком и коноплей. Здесь живет много татар из рода якшылык, по-видимому, еще более малочисленного, чем чалгам. Их зайсан, которого я здесь встретил, как раз собирался в Бийск, чтобы отвезти туда налог в шкурках. Собрать налог здесь, пожалуй, легче, чем сдать его. Прибыв в Бийск, зайсан должен всем и повсюду делать подарки, иначе все его лучшие шкурки будут признаны негодными. Поэтому зайсаны вынуждены собирать ясак чуть ли не в двойном размере, и в результате подати оказываются очень высокими.

Нынешний зайсан уже двадцать лет занимает эту должность, он не является сыном предыдущего зайсана, а выбран народом, так как ко времени, когда зайсан умер, сын его только родился.

У реки Каргызан мы опять встретили на Лебеди татарскую деревню лебединцев, и здесь я задержался подольше. Тут мне сообщили о мифологии лебединских татар следующее: «Прародитель, который создал все,— *кудай* Бай Ӱлгӧн. У Бай Ӱлгӧна четыре сына: Пыршак-кан, Тӧс-кан, Кара-кан и Суйлап. Сын Суйлапа — Сары-кап. Сын Пыршак-кана — Кыргыс-кан, духхранитель здешних татар. Все эти боги, кроме Кара-кана, благоволят человеку. Они дают ему еду и корм и защищают его от опаспостей. Высшему богу, Ӱлгӧну, приносят в жертву белых лошадей, Пыршаку и его потомкам — рыжих лошадей. Кроме того, всем богам уделяют толику и от полевых злаков. Боги живут на небе, которое, по представлениям здешних татар, состоит из семи слоев. В самом верхнем слое живут Ӱлгӧн и его жена Каным, во втором — Пыршак-кан, в третьем — Тӧс-кан, в четвертом — Кыргыс-кан, в пятом — Суйлап, в шестом — Сары-кан, в седьмом — вестники, которых боги посылают к людям. Кара-кап отделился от отца и предпочел темные жилища под землей светлым жилищам богов. У него есть сын Эрлик, а у того, в свою очередь, два сына, Улап и Кӧлӧк. Все эти боги тьмы живут под землей. Общее имя их всех — *аза*. *Аза* насылают на человека свою нечистую силу и всячески его притесняют. Избегнуть этого притеснения человек может только с помощью жертвы. И тогда задача шамана состоит в том, чтобы заставить нечистую силу передать *аза* черное животное, предназначенное в жертву, и в благодарность за это перестать притеснять пожертвователя».

Я встретил здесь, на Лебеди, шамана, употреблявшего при камлании вместо бубна лук[41], с помощью которого он вызывал духов.

За Балыксу на Бие нам встретилась первая кумандинская деревня. В ней было четыре бревенчатых дома, и возле каждого из них были построены амбар и сарай. Название этого селения Тюрегеш; недалеко от него была еще вторая деревенька на пять домов, мне сказали, что она называется Кёльаягы. Еще через девять верст мы приехали к деревне Нержин. Здесь было девять домов, построенных частью из бревен, частью из бересты. При нашем появлении сначала не было видно никого из жителей, но постепенно они стали появляться. Это — нижние кумандинцы. Они заняты почти исключительно земледелием, но землю обрабатывают мотыгой. Пшеницы они сеют мало, больше — ячмень и рожь. Из ячменя делают *талкан* (поджаренную муку),

а из пшеницы и ржи — маленькие хлебцы (*тäртмäк*). Занимаются они и рыболовством, ловят хариуса, щуку, тайменя и кускуча. Охотятся только на мелкую дичь, в основном на белку и огненную куницу. Свой ясак они вносят отчасти деньгами, отчасти шкурками, на каждого приходится по семь беличьих шкурок и по шесть с половиной рублей ассигнациями (1 руб. 90 коп. серебром). Зайсана нижних кумандинцев (*тёбенги кубанды*) зовут Калыпак, а зайсана верхних кумандинцев — Яшкой.

Кумандинцы сеют лен и коноплю и сами изготовляют полотно, получают со своих овец шерсть, выделывают из нее грубое сукно и красят его. Из материи на одежду они покупают только синюю дабу. Единственный товар, который они продают русским,— охотничьи трофеи, но не очень они велики. Меня уверяли, что за зиму мужчина отстреливает здесь 30—50 белок и 3—4 огненные куницы.

Одежда кумандинцев очень проста. У мужчин она почти русская: длинная рубаха из белого или синего полотна, штаны из того же материала, короткий суконный кафтан с шалевым воротником из белой материи с синим кантом или из синей материи с красным кантом и высокие кожаные сапоги, которые женщины шьют сами.

Женщины носят белые, синие или красные полотняные рубахи с широкой каймой по низу и вышитым жемчугом воротом. Поверх рубахи надевается кафтан длиной до колена, отделанный широким пестрым воротником и пуговицами. В уши они продевают серьги с большими подвесками. Замужние женщины носят головные платки, из-под которых свисают две длинные косы, украшенные жемчужными нитями. Девушки носят косы убранными наверх, без украшений, а кроме того, и головные платки. Мужчины подстригаются совершенно на манер русских крестьян.

Дома выстроены из бревен, с небольшими сенями и чуланом. В жилой комнате всегда два окна — застекленных или обтянутых прозрачной пленкой из коровьего желудка. Есть печь, а вдоль стен тянется широкая скамья, кроме того, стоит несколько прбитских сундучков. В целом внутри дома мало порядка.

Ближайшая деревня, в которой мы остановились, чтобы переправиться через Бию, называлась Немегеч. Здесь всего пять домов. Мы остановились в доме, очень похожем на тот, который я описал выше. Напротив двери над окном в этом доме висело пять фигурок божков: первого, висевшего вверх головой, мне назвали Сары-каном, вторую фигурку, висевшую рядом и очень на него похожую,— Кыргыс-каном, третью фигурку они назвали Тöс-каным (у нее была одна голова вверх, другая — вниз). Такая же фигурка, но несколько крупнее предыдущей — Куды-

кан и, наконец, Коп-кäлгäн и Сары-кан, оба с усами. Хозяин не выказывал к своим божкам особого почтения, но трогать их руками он нам запретил.

Здесь мы переправились на лодке через Бию и переночевали в деревне кумандинцев Алакаингач. В ней 20 домов. Местные жители жаловались на власти и на зайсана Торталаша. Из интересной одежды я встретил здесь только женскую обувь: войлочные или ковровые чулки и туфли с красной отделкой.

Деревни кумандинцев располагаются по Бие следующим образом: в 15 верстах от деревни Макарьевск вверх по Бие на левом берегу лежит деревня Тюрегеш (пять домов), против нее на правом берегу — Кёльаягы (пять домов), еще в девяти верстах по левому берегу — Нержин, в двух верстах по тому же берегу — деревня Пази, еще в девяти верстах по правому берегу — Алакаингач, через версту по левому берегу — деревня Немегеч (пять домов), через пять верст по левому же берегу — деревня Пагычак (пять домов) и еще через пять верст — Кюрюкюй (пять домов). Во всех этих деревнях кумандинцы живут так, как я только что описал. Священник в Макарьевске говорил мне, что основная черта характера кумандинцев — упрямство и непреклонность. Он жаловался, что из всех татар кумандинцы больше всех держатся за старое, поэтому очень трудно побудить их к приятию христианства и миссии не могут добиться у них ни малейшего успеха.

5. ЧЕРНЕВЫЕ ТАТАРЫ [42]

На первую деревню черневых татар я наткнулся южнее устья Лебеди, верстах в трех от Бии. Мне сказали, что называется она Кюзёп. В ней живут не только черневые татары из племени кюзён, но отчасти и лебединские и кумандинцы. Несмотря на то что все живут вместе, здесь можно все-таки различить два оттенка диалекта. Язык кюзёнцев много ближе к алтайскому, чем язык кумандинцев и чалганду.

Кюзёнцы резко отличаются от других своих односельчан и одеждой. Кумандинцы, как я уже писал, носят только русскую одежду, а кюзёнцы одеваются, как алтайцы. Единственное отличие состоит в том, что поверх чейимека они обычно носят синий кафтан с красным воротом. Женская одежда отличается от алтайской. Я не встретил тут ни одного чегидека. Алтайские шапки здесь тоже не в моде. Мужчины носят шапки русского покроя, а женщины — платки.

Разве это все не служит доказательством того, что кюзёнцы лишь в последнее время попали под влияние алтайцев? И как всегда, именно женщины — наиболее консервативный элемент —

не приняли новой одежды алтайского покроя, а мужчины, как всегда, оказались более подвержены новому.

В деревне Кюзён 20 домов, большинство сложено из бревен вполне по русскому образцу, а некоторые лица и до сих пор еще живут в остроконечных корьевых юртах. Занимаются здешние жители скотоводством, охотой и торговлей. Землю обрабатывают мотыгой, сеют ячмень и пшеницу, содержат больше лошадей, чем коров. Последних пасется за деревней совсем немного. Поэтому за те два дня, что я здесь пробыл, я не мог получить ни капли молока. На бытовом укладе черневых татар повсюду чувствуется культурное влияние кумандинцев, стоящих на более высокой ступени развития. Торговля здешних черневых татар состоит главным образом в том, что они переправляют к Чолышману и до китайской границы, к сойонам, русские товары. Часть жителей ловит рои диких пчел и продает их русским купцам. Эта отрасль торговли, должно быть, очень доходна и немаловажна. Охота происходит, конечно, осенью. Питание и быт почти во всем такие же, как у всех жителей черни.

Кюзён — самое южное из поселений некрещеных туземцев, к нему еще приложимо название деревни. А дальше на юг и юго-запад черневые татары живут разрозненно, вместе располагаются не более трех-четырех юрт. К тому же они никогда не стоят в долинах рек, а всегда на вершинах прибрежных гор.

По пути мы часто видели такие хижины справа и слева, на холмах и в горах. Я остановился у хижины одного певца, которого мне очень хвалили в Кюзёне. По-видимому, здесь довольно большая плотность населения, так как не прошло и часа после нашего появления, как у нашей палатки собралось около шестидесяти человек. Здесь стоят рядом четыре домика, построенных точно так же, как у лебединцев.

Одежда здешних черневых татар ничем не отличается от одежды кюзёнцев. Только мужчины все поголовно носят здесь шапочки из черного плиса с желтым донышком, монгольского покроя, а женщины — длинные рубахи с прилегающим воротником, обшитым белыми жемчужинами. Эти шапочки сразу бросаются в глаза, так как ни алтайцам, живущим к западу от них, ни лебединским татарам и шорцам, живущим к востоку, ни чолышманским татарам на юге они неизвестны. И поэтому, думается, я не ошибусь, предположив, что черневые татары переселились сюда с северной границы Западной Монголии. На это указывает и имя, которым называют их алтайцы — *туба*; так и по сей день называют еще себя сойоны. Я уже высказывал мнение, что здешние туба — потомки древних самоедских дубо [43]. То, что диалект тюркского языка, на котором говорят туба, родствен алтайскому языку, объясняется тем, что тубалары были тюркизованы как раз под влиянием алтайцев.

Местные жители крайне бедны. В разговорах они любят сетовать на свою горькую долю (и это тоже является подтверждением того, что они переселились сюда) и приписывать вину черни, якобы для того и созданной чертом, чтобы человек здесь изрядно мучился. Причина их бедности не чернь, конечно, а их собственная пассивность, а также обман и эксплуатация их русским населением, находящимся на более высоком культурном уровне. Спасаясь от этой «культуры», они уходят все дальше в неприютные лесистые горы и постепенно вырождаются, так как не борются за существование, а безвольно предаются гибели.

Хотя глубокие снега в зимний период и не позволяют черневым татарам держать так много скота, как алтайцам, все-таки его поголовье могло бы быть гораздо больше, если бы не лень, мешающая им летом заготовить на зиму запас побольше. К тому же обработка земли здесь требует слишком большой затраты труда; а так как здешнюю почву можно обрабатывать только мотыгой, вряд ли можно извлечь большую выгоду из земледелия. Зато чернь вознаграждает их другими своими богатствами. В густом лесу кормится множество животных, особенно белок, огненных куниц, медведей. Если бы эти люди рационально и прилежно занимались охотой, хватило бы и ее одной (как уверяют русские купцы), чтобы прокормить их. Но леность им и тут помехой: они охотятся лишь до тех пор, пока не соберут столько шкурок, сколько необходимо для уплаты подати, а с этим они справляются быстро. Одни расставленные ловушки уже дают богатую добычу.

Такие ловушки можно очень часто обнаружить в лесу. На участке редкого леса устанавливают плетень из прутьев от одного высокого кедра к другому. Так как слишком большое расстояние между кедрами не позволяет белке перепрыгнуть с дерева на дерево, она бежит по плетню к другому дереву. В середине же плетня имеется небольшой просвет, а над ним укреплен согнутый дугой гибкий прут длиной около пяти дюймов; как только белка достигнет просвета, прут срывается, прихлопывает ее и сразу же убивает. Здесь, как и на Алтае, каждый прохожий обязан вынуть мертвого зверька из ловушки и опять установить дугой прут. Нарушение или несоблюдение этой заповеди встречается крайне редко, так как считается, что это навлечет божий гнев.

Другим, еще более важным источником дохода являются для жителей черни ульи и кедровые орехи. На огромных лесных просторах — бесчисленное множество роев диких пчел, строящих свои соты в дуплистых деревьях и приносящих много меда. Татары извлекают эти рои вместе с медом и продают их русским купцам. За каждый рой дают по рублю. Если бы черне-

вые татары, вместо того чтобы продавать их по столь смехотворной цене, содержали бы эти рои сами и занимались бы пчеловодством, то это занятие могло бы прекрасно прокормить и даже обогатить их. Пчел тут разводить легко (это видно уже по обилию диких пчел), и здесь они собирают очень вкусный мед. Мне рассказывали, что раньше пчел на Алтае не было и ввезли их только русские, а затем многие рои одичали и число их безмерно умножилось. Теперь черневые татары видят, что в каждой русской деревне все разводят пчел и без большого труда богатеют на этом (я видел крестьян, у которых до 2000 ульев, а каждый из них приносит в год 1—2 рубля дохода), и все же не подражают этому легкому и выгодному промыслу, а в росте пчеловодства и проникновении русских видят ущемление своих интересов. Лишь крайняя нужда заставляет этих людей стать на путь прогресса. Добрый пример не побуждает их двигаться вперед, в умах отсталых людей он способен породить лишь зависть и недовольство. Когда я спрашивал у них, почему они не занимаются пчеловодством, они отвечали, пожимая плечами: «У нас это не принято, нам не везет».

Но самый богатый источник дохода всей черни — от Томи до Телецкого озера — дают кедровые орехи, маленькие орешки шишек кедровой сосны (Pinus cembra=*мöш*, или *кусук-агач*). Значительная часть огромной области, простирающейся от Томи до Телецкого озера и до Катуни, покрыта огромными кедровыми лесами, приносящими несметное множество кедровых орехов. По словам местных жителей, большие деревья дают до тридцати пудов кедровых орехов, а самые захудалые — никак не меньше двух пудов. Цена на кедровые орехи довольно высока, и спрос на этот товар необычайно велик, ибо это — любимое лакомство русского населения Сибири и всей Северной России. На месте стоимость пуда орехов один-два рубля ассигнациями, т. е. копеек 50—60.

Сбор орехов не представляет трудностей. Им всегда занимается сразу много людей. Одни забираются на дерево и сбивают длинными шестами шишки с каждой ветки. Внизу шишки собирают и укладывают в небольшие бревенчатые амбары. Позже шишки кладут в горячую золу, вышелушивают из шишек орехи и провеивают их. В урожайный год два человека шутя могут собрать 20—30 пудов орехов в день. В хорошие годы, стало быть, на работника может прийтись 3—5 рублей чистого заработка в день, а то и больше. К тому же возможности такого заработка неограниченны, так как местные жители не в состоянии собрать более десятой доли урожая кедровых орехов. В неурожайные годы этот труд, конечно, становится более тяжелым, но все равно можно заработать до двух рублей на душу. Орехи собирают в августе, а провеивают их гораздо позже, зимой.

Торговля кедровыми орехами, которая, казалось бы, должна способствовать благосостоянию местных жителей, к сожалению, является главной причиной их бедности и главным источником доходов русских купцов. Богатый урожай кедровых орехов бывает далеко не каждый год (здесь говорят, что три урожайных года сменяются тремя неурожайными; самому мне трудно судить об этом, могу лишь передать то, что мне говорили), но в такой год их родится так много, что, несмотря на свою пассивность, татары собирают очень много орехов. В те же годы, когда орехов мало, для того чтобы получить хоть небольшой доход, нужно затратить много труда, поэтому татары в эти годы почти не занимаются сбором орехов. А в годы, когда нет кедровых орехов, и белок, говорят, гораздо меньше. Таким образом, понятно, что эта периодичность изобильного урожая и удачной охоты имеет своим последствием и чередование благосостояния и голода. В неурожайные и голодные годы русские купцы и крестьяне, занимающиеся куплей-продажей, пользуются затруднениями туземцев: в первый тощий год они щедро раскрывают перед ними свои склады, но лишь при условии, что осенью они станут продавать им кедровые орехи по рублю ассигнациями (30 копеек) за пуд. Если же должник не может выполнить этого обязательства, он должен уплатить купцу по два рубля ассигнациями за каждый недоданный пуд. За два следующих года долг вырастает настолько, что должник будет рад, если ему удастся за урожайные годы набрать столько орехов, чтобы удовлетворить своих заимодателей. Чтобы пояснить сказанное, приведу один пример: некий татарин берет в начале плохого года у купца товаров на 20 рублей ассигнациями (6 рублей серебром) и обещает отдать за это осенью 20 пудов орехов. Но может отдать только 10 пудов и поэтому остается должен купцу 20 рублей ассигнациями. Купец переносит долг на следующий год на том же условии; но, так как должник опять берет в долг, он может поставить на следующий год только 5 пудов орехов и, стало быть, остается должен купцу уже 30 рублей. На третий год он опять не может отдать более 5 пудов, и теперь его долг вырастает до 50 рублей ассигнациями, хотя он и отдал уже 20 пудов орехов, т. е. свой первоначальный долг. Если даже предположить, что в первый урожайный год он сможет отдать 30 пудов орехов, он остается должен купцу еще 20 рублей и должен отдать ему на будущий год 40 пудов орехов и, если отдаст ему на следующий год еще 30 пудов, все-таки останется должен ему еще 10 рублей и на третий год должен отдать ему 20 пудов орехов. Таким образом, за свой первоначальный долг в 20 рублей он отдает купцу 100 пудов орехов, что стоит в среднем 200 рублей. А так как купец продает к тому же товары по розничным ценам, он получает 1000% дохода. Правда, торговля

не всегда протекает так гладко. Иной должник выплачивает, например, лишь троекратный долг, а потом отказывается платить, или купцу удается взыскать этот троекратный долг с помощью чиновников, которых ему приходится хорошенько «подмазать», и т. п. Но каковы бы ни были его потери, торговец взимает всегда такие страшные ростовщические проценты, что народ неизбежно разоряется. А по мере обнищания растет и ненависть притесняемых; они стараются обмануть своего мучителя, который, в свою очередь, кричит об их нечестности, хотя сам и толкает бедных туземцев на эту нечестность. Увы, я должен сознаться, что в таких отношениях я не вижу совершенно ничего удивительного: требовать от правительства создания условий для того, чтобы местные жители учились у русского населения, ибо бедный дикарь мечтает вступить на путь прогресса,— не более чем смехотворная филантропия. Разумеется, правительство обязано защищать угнетаемых. Но защита эта никак не может изменить условий. Туземец погибает, так как он не в состоянии выдержать борьбу за существование. А тот, кто придет ему на смену, сможет, к счастью, умножить богатство этой земли; и место разрозненного, уменьшающегося, непроизводительного татарского населения займет плотное и более экспансивное русское население, стремящееся к прогрессу и лучшему будущему.

Впоследствии я остановился на один день в юрте зайсана Орошока, живущего лишь в полутора верстах от Телецкого озера. Здесь нас приветствовало около 150 человек, собравшихся вокруг юрты. Зайсан вышел мне навстречу, помог сойти с лошади и повел в свой дом, где угостил меня кумысом и сыром. Юрта была побольше остальных татарских юрт, но по внутреннему убранству отличалась от них лишь тем, что по одну сторону стояло множество мешков с пожитками зайсана. У средней стены стоял большой деревянный сосуд с кумысом. Так как продолжал идти дождь, большинство собравшихся черневых татар набилось в юрту, и все жилье, обычно просторное, оказалось набитым людьми. Одежда местных жителей почти ничем не отличается от алтайской, даже треугольные алтайские меховые шапки носят здесь и мужчины и женщины.

Зайсан был очень словоохотлив, сначала он расспросил меня, кто я таков, откуда прибыл, чем занимаюсь, куда хочу поехать, откуда родом, а потом заговорил о комете и небесных явлениях вообще. Разговор был очень интересным, и я хочу привести его здесь:

Орошок: Ты прибыл издалека, видел много стран и знаешь, наверное, и о делах, касающихся неба. Мы же здесь понимаем в этом не более чем звери лесные, и ничего не ведаем. Уже пять или шесть дней, как на небосводе появляется хвостатая

звезда (*куйруктыг чаган*), мы уж думали и так и этак, но узнать ничего не можем; не скажешь ли ты нам, что это такое?

Я: Сказать по правде, Орошок, я знаю об этом не более чем ты; насколько мне известно, это звезда, такая же, как и другие, а почему у нее такой длинный хвост, не знает никто на земле.

Орошок: Прошлой ночью она вышла за задней сторопой моей юрты и исчезла за передней, будет ли следующей ночью наоборот? или она больше уж не возвратится?

Я пытался объяснить ему, что звезды движутся всегда в одном направлении и нам лишь кажется, что они движутся, на самом же деле земля за сутки поворачивается вокруг своей оси.

Орошок: Хотел бы я тебе поверить, но сдается мне, что ты собираешься обмануть меня. Уж тридцать лет живу я в моей юрте, а земля не подвинулась ни на пядь. Но скажи мне, что это за звезда, просто ты хочешь скрыть от меня правду. Мы уж всяко думали, но не можем решить, то ли это князь, вырвавшийся от дьявола, то ли злой демон, направляющийся на землю, чтобы принести нам несчастье и болезни.

Я: А что, там, наверху, тоже есть злые духи?

Орошок: Ты ведь должен знать об этом лучше, чем мы, ты ведь знаешь грамоту и прочитал много книг о боге. А самого могучего демона о семи головах, живущего там, наверху, зовут Йälбäгäн. Он часто пожирал луну, но от этого ему было мало пользы, так как Улгöн всякий раз заставляет его исторгнуть ее из себя обратно. Он нападает и на звезды и откусывает от них кусочки, а потом выплевывает их на землю.

И так как я, разумеется, не мог дать ему ответа, который был бы ему понятен, он вскоре прервал этот разговор. Он не мог, а может быть, и не хотел рассказать мне поподробнее о Йälбäгäне, но мне показалось, что он перед ним трепещет.

Упомяну здесь, что хотя алтайцы и говорят о лунном затмении: *Айды Йälбäгäн йäди* (Йälбäгäн съел луну), но чаще они говорят: *Ай Пырган болды* (Луна стала Бурканом, Буддой), что, безусловно, отражает проникшие к ним буддийские верования.

Этот Йälбäгäн встречался мне и во многих сказках, например на Алтае в сказке о Тарданаке. Там он — семиглавый людоед, который живет на земле и собирается сожрать Тарданака, но тот хитростью вынуждает его съесть своих собственных детей и в конце концов убивает его.

Следует упомянуть также, что здешние татары исчисляют и время года по лунным месяцам, прибывающий месяц они называют *айдынг йäнгызы* (новизна месяца), а убывающий — *айдынг äскизи* (старость месяца), полнолуние — *айдынг толоны*

(полнота месяца), день перед полнолунием — *айдынг кызыл толоны* (красная полнота месяца), день после полнолуния — *айдынг кара толоны* (черная полнота месяца), новолуние — *айдынг ӱчӱлӓр ӓскизи* (затухающая старость месяца). Как алтайцы, так и черневые татары делят год на тринадцать месяцев.

Приведу еще некоторые предания черневых татар:

1. Семиглавый Йӓлбӓгӓн пришел к лисенку и спросил: «Как мне перебраться через реку?» Лисенок сказал: «Сделай себе плот из тростника, садись на него и плыви!» На середине реки плот зашатался. «Что мне теперь делать?» — крикнул он лисенку. «Качайся! качайся!» Он стал качаться, плот развалился, а он упал в воду.

2. Давным-давно великий Паяна создал человека, но душу он сделать не сумел. Он отправился к великому Кудаю попросить душу. Но собаке он сказал: «Ты оставайся здесь, карауль и лай!» Паяна ушел, а собака осталась. Тогда пришел Эрлик и заговорил с ней, желая ее обмануть. «У тебя нет волос, я дам тебе золотые, отдай мне этого человека без души!» Собаке захотелось иметь золотые волосы, и она отдала ему человека. А Эрлик заплевал человека с головы до ног. Когда вернулся Кудай, чтобы дать человеку душу, Эрлик убежал. Кудай увидел оплеванного, но не смог очистить его и вывернул его наизнанку. Поэтому слюна осталась внутри человека. А собаку Кудай побил и сказал ей: «Ты будешь всегда поганой! И пусть человек делает с тобой все, что захочет, пусть бьет и убивает тебя! Будь настоящим псом!»

3. Изобретение огня. Когда Кудай сделал человека, он сказал: «Человек будет гол, как же жить ему в холоде? Нужно изобрести огонь!» Но три дочери Улгёна не смогли сделать огня. Приходит тогда Кудай. У него длинная борода, он на нее наступает и спотыкается. Три дочери Улгёна насмехаются над Кудаем, и Кудай, рассердившись, уходит. Три дочери Улгёна спрятались на его пути, чтобы услыхать, что он скажет. Он сказал: «Три дочери Улгёна насмехаются надо мной и высмеивают меня, хотя самим им не найти остроты камня и твердости железа». Услыхав это, три дочери Улгёна взяли остроту камня и твердость железа и высекли огонь.

Возвращаясь с Телецкого озера в 1861 г., я повернул с его южного берега прямо на запад, к Катуни. И на этом пути я тоже встретил юрты черневых татар у Бижи, где много разбросанных поодиночке корьевых юрт татар и множество маленьких деревушек. Во многих местах я видел стога сена и засеянные поля. Устройство и убранство юрт такое же, как на Бие. На реке Ульгён я нашел поселение русских ясачных крестьян и крещеных татар, которое показалось мне весьма зажиточным. Здесь много занимались земледелием и пчеловодством. На берегу

Кёпчю я встретил юрту татарского зайсана из племени кёмпеш. И здесь татары живут точно так же, как татары Бии; можно заметить лишь один шаг в сторону прогресса: они начинают заниматься здесь пчеловодством. Дальше вниз по Кёпчю я проехал мимо деревни Паспагыл, где живут крещеные татары. Здесь живет единственный крещеный зайсан черневых татар. Наконец, у Ижи я миновал село кумандинцев Ташту. Здешние кумандинцы живут точно так же, как кумандинцы на Бие.

6. АБАКАНСКИЕ ТАТАРЫ [44]

О различных этапах предыстории абаканских татар я подробно говорил уже в третьей главе и обратил внимание на то, что абаканские татары — пестрая смесь различных племен, которые, кочуя, спустились в XVII и XVIII вв. в освобожденную Абаканскую долину [45]. Благодаря длительному совместному существованию и все большей нивелировке языка, абаканские татары образовали здесь две большие культурные группы, которые соотносятся так же, как жители черни и скалистых гор, так как эти культурные группы начинают, в свою очередь, сближаться. И все-таки мы не имеем права описывать здесь абаканских, или, как называет их князь Костров [46], минусинских, татар как единый народ, так как по своей культуре они и сегодня еще представляют собой два народа с совершенно различным образом жизни. Западная группа — это татары оседлые, а восточная — кочевники [47].

Рассмотрим сначала западную группу. Я отношу к ней подданных степных дум — объединенных родов различного происхождения — и подданных Кызылской степной думы. Культура всех этих татар поэтому примерно такая же, какую мы уже наблюдали у черневых татар. Это и понятно, если мы вспомним, что в большинстве своем эти татары и были первоначально жителями черни, так как лишь небольшая часть сагайцев жила уже в XVII в. в просторных Абаканской и Кызылской степях, а часть их и до сих пор еще живет в черни, как татары на Мадыре, пришедшие сюда с Томи 50 лет назад и до сих пор платящие ясак в Кузнецк, татары на Се, Таштыпе и, наконец, татары в долинах рек обоих Юсов. Быт татар, живущих по ту сторону Таштыпа, представляет собой переходную ступень от уклада жителей черни к укладу оседлых ясачных крестьян, а многие общины целиком превратились в общины ясачных крестьян. Юрты на Се, Таштыпе и Верхнем Абакане устроены точно так же, как юрты шорцев и черневых татар. Это — полухижины, полуюрты, крытые берестой. Они разбросаны по долинам рек до самых прибрежных гор; но у Таштыпа и на Аба-

канской равнине юрты скорее обретают характер крестьянских дворов, так как здесь они обнесены плетнем, образуя загон для пригоняемого к юрте скота. Эти татары уже повсюду занимаются земледелием, на склонах прибрежных гор везде видпеются пашни. Их обрабатывают здесь теперь не мотыгой, а весьма примитивными плугами (*салла*). Говорят, что все татары уже сеют рожь, пшеницу и ячмень. Повсюду здесь у них водится немного скота: коров, лошадей, овец, хотя и гораздо меньше, чем у русских крестьян. Юрты почти всюду обставлены одинаково, и лишь в деревнях, где татары живут в качестве ясачных крестьян, можно увидеть настоящие русские избы и русское убранство. Лучшие юрты обставлены примерно таким образом: справа от двери к степе прибиты деревянные полки, на которых стоят посуда, бутыли и прочая утварь. Против двери расположена кровать, она состоит из множества тонких матрацев, сложенных на грубо сработанном деревянном помосте; подушки — треугольные. Справа от кровати — сундуки и все имущество, на них — постели детей. За очагом — два шеста с перекладиной. Юрты побогаче выглядят очень опрятными, те, что победнее, чаще всего находятся в весьма жалком состоянии. Мужчины носят русскую одежду, а женщины, напротив,— свою особую: очень длинные и широкие платья, вышитые на плечах и у ворота. Как у черневых татарок, косы их увешаны украшениями. Девушки заплетают до пятнадцати кос. У них есть шапки с меховой опушкой на манер алтайских, но носят они их только по праздникам. Длинные шубы зажиточных женщин оторочены мехом выдры, а поверх них они носят короткую безрукавку [48].

Восточная группа минусинских татар — нечто переходное от настоящих кочевников к оседлым крестьянам. К этой группе относятся татары, находящиеся в подчинении Качинской степной думы. Живут они в юртах, похожих на алтайские. Это или решетчатые юрты, крытые войлоком, или бревенчатые, как юрта зайсана Курту на Алтае. Эта группа минусинских татар тем и отличается от алтайцев, что кроме летних юрт у них есть еще зимние бревенчатые избушки, где они проводят холодные месяцы. И здесь тоже образовались различные переходные типы от кочевников-скотоводов до ясачных крестьян-скотоводов. Татары этой группы гораздо богаче западных, земледелием они тоже занимаются лишь отчасти, в основном же — скотоводством, а некоторые качинцы, как говорят, содержат очень крупные стада. Здесь, как и у кочевников, скот живет стадами, лошадей содержат больше, чем коров. Одежда качинцев еще менее специфична, чем одежда их западных соседей.

Обычаи абаканских татар в общих чертах те же, что и у алтайских татар. Почти все они — крещеные, но христиане они лишь по названию. Во многих юртах совершенно открыто висят

шаманские бубны. По ночам я часто слышал глухие удары этого инструмента. Насколько мне удалось узнать, при камлании абаканские шаманы надевают своеобразную одежду — кожаный халат, увешанный пестрыми лепточками с колокольчиками и погремушками, и специальную шапочку. Лишь один раз мне представилась возможность присутствовать в сагайской юрте при камлании. Здесь обряд камлания совершала шаманка, но никакой специальной одежды на ней не было. Она была старая, страшно худая, в короткой рубашке. Вела она себя куда более дико, чем алтайские шаманы, прыгала вокруг огня, пела измененным голосом, подражая разным зверям, и таким образом изображала восхождение из одного небесного круга в другой, потом «поймала» в бубен помощников, которые и помогли ей изгнать из юрты злых духов. Вернувшись в юрту, она впала в транс, сначала уронила бубен, а потом и сама свалилась замертво [49].

Должно быть, здешних шаманов вознаграждают скудно и чаще всего деньгами. За 30 копеек шаман должен работать полдня. Несмотря на то что абаканские татары христиане, их шаманам приходится камлать чаще, чем у язычников алтайцев. Обычно абаканские татары скрывают от русских свою приверженность старой вере и любят прикидываться в их присутствии правоверными христианами. Я часто замечал, например, что при моем приближении открывались сундуки и выставлялись иконы, а после моего отъезда их снова запирали в сундуки. Однажды на Аскысе мне пришлось из-за плохой погоды провести полдня в юрте, и татары считали своей обязанностью молиться в моем присутствии. На один сундук поставили целый ряд икон, и все члены семьи по очереди опускались перед ними на колени и крестились. Я наблюдал это целый час, а потом спросил хозяина, действительно ли он столь набожен. Он ответил мне дурацкой ухмылкой. Но так как я прекрасно понял, в чем дело, я коротко сказал ему, что мне совершенно все равно, молится он или нет. И тогда он спокойно сложил свои иконы в сундук. А позже я узнал, что сам этот человек — знаменитый шаман.

Религиозный праздник, сохранившийся у качинцев до сих пор,— встреча прихода весны (*тйас тойы*). Его и поныне, видимо, празднуют так же, как описал Паллас [50]. В различные дни июня (*улу шилкäр ай*) жители близлежащих аулов собираются вместе на это торжество. Каждый хозяин припасает для празднества как можно больше молочной водки и, вознеся молитву божеству, приносит жертву. Для этого праздника намечают и новые животные жертвы, метя их, как и у алтайцев, ленточками. Утверждая, что предназначенная в жертву лошадь, *ызык*, была обязательно мерином, Паллас все-таки, наверное, ошибает-

ся, ибо я никогда не видел иных животных жертв, кроме молодых жеребцов и кобыл. После весенней религиозной церемонии начинается праздничный пир, скачки, состязания в борьбе, песни и танцы [51].

Свадебные торжества почти такие же, как у западных соседей: сватовство, уплата калыма, свадебные проводы и свадебный пир. Чаще всего, как и у шорцев, невест тайно умыкают, а потом уже ведут переговоры о выплате калыма. В браке абаканские татары также сохраняют верность, но, рассказывают, что у них чаще, чем у алтайских татар, случаются разводы. По закону абаканских татар муж должен в таком случае вернуть жене только приданое, но может оставить себе детей и потомство от скота, полученного в приданое. Если же жена оставила мужа, то родственники обязаны вернуть калым. Супругам положено жить в отдельной юрте, поэтому при женитьбе сыну сразу же отводится новая юрта. Но, несмотря на это, главой семьи остается отец или после него старший брат, и все подчиняются его авторитету [52].

Обряд наречения именем таков же, как и у алтайских татар, с той только разницей, что здесь новорожденный, по народному обычаю, получает татарское имя, а через полгода его официально крестят и дают ему христианское имя, которое в быту никогда не употребляется.

Кастрен описывает похоронный обряд следующим образом: «При известии о чьей-либо смерти собирается большое число татар, чтобы выкопать умершему могилу. Каждый татарин считает своей святой обязанностью отдать умершему этот последний долг, ибо родственникам не полагается принимать в этом участие. Нынешние татары хоронят своих покойников на высоких местах и следят за тем, чтобы все могильные холмики на общих местах захоронения были выстроены в ряд и чтобы каждая могила была расположена в направлении с востока на запад. Что касается размера, то современные могилы татар имеют в длину только 2—4 аршина и редко более чем аршин в глубину. Для лиц постарше в самой могиле устраивают нечто вроде деревянного ящика, шаманов кладут обычно просто в землю, а детей заворачивают только в бересту. Покойного обычно обертывают шелком или какой-нибудь другой тонкой материей и одевают в его лучшее платье. По нынешнему обычаю, покойный должен быть помещен в могилу лежа, с обращенным вверх лицом и глазами, направленными на восток. Для каждого покойника, за редкими исключениями, роют особую могилу. К ногам покойного кладут седло и в качестве провианта „на дорогу“ запас водки, сыра, мяса, масла и т. д. Могилу, как обычно, заполняют землей, насыпают холм в один-два фута высотой такой же удлиненной формы, как и могила, и покрывают его

кампями. После того как покойника хоронят описанным выше образом, присутствующие, главным образом родственники покойного, устраивают тут же, у могилы, поминки — обычно на третий день после смерти покойника. На двадцатый день родственники опять собираются у могилы, чтобы почтить память покойного. Эта церемония повторяется и на сороковой день, и по этому случаю убивают любимого коня покойного, отпущенного в день его смерти на свободу. Теперь его вылавливают из табунов улуса и съедают у могилы, а голову насаживают на шест и втыкают в конец могильного холма. На сотый день после смерти еще раз устраивают поминальный пир, и как раз на такое пиршество, устраиваемое койбалами у могилы, и направлял я мои стопы...

Здесь собралось около сорока гостей, и каждый принес с собой айран, вареное и жареное мясо, сыр, молоко, масло и прочую снедь. Но к моему приходу почти все было уже выпито и съедено, и многие гости уже лежали пьяные на земле. Те, кто еще держался на ногах, спокойно курили свои трубки и огорченно трясли пустые бутылки из-под айрана. У одной из могил, крайней, сидели справа от холмика несколько женщин, они попеременно ели, пили, курили, плакали и пели причитания. Одна из них, очевидно, была вдова покойного, ибо в память о своих прошлых обязанностях она раскладывала на могильном холме ломти мяса и поливала их айраном из большой чаши. Напротив нее, слева от могилы, сидела в полном одиночестве старая женщина с худыми руками, грустными глазами, ввалившимися щеками и трясущимися руками и ногами. Она была закутана в грубый черный, свисающий лохмотьями халат, в руке держала палку. Оказалось, что это семидесятилетняя мать покойного, похоронившая своего единственного тридцатилетнего сына, последнюю опору ее старости. Она часто протягивала к могиле свои худые руки и разражалась дикими рыданиями, пока наконец какой-то молодой татарин, сжалившись над ней, не посадил ее в свою телегу и не увез из этого скорбного места» [53].

В целом абаканские татары музыкальнее своих западных соседей — им известны четыре различных музыкальных инструмента. Кроме уже описанных, имеющихся и у алтайцев, камышовой свирели [54] и гитары я обнаружил у них *кобыз* (род скрипки) [55] и *чаттаган* [56], лежачую арфу. Кобыз по форме похож на глубокую сковородку с длинной ручкой. Резонатором служит туго натянутая над углубленным дном звериная шкура, выделанная, как пергамент, в середине ее находится довольно большое круглое отверстие, окруженное множеством маленьких, над ними установлена деревянная подпорка, поддерживающая струны. Натягиваются всего две струны: дискантная, состоящая из трех конских волос, и басовая — из шести. Играют на этом инструменте

смычком, напоминающим по форме маленький лук, из которого дети стреляют деревянными стрелами. На смычок натянуты, разумеется, тоже конские волосы. Чаттаган представляет собой плоский ящик с двойным дном длиной в аршин и шириной в три-четыре вершка, чаще всего из ели или кедра. На этом ящике — вдоль него — укреплены шесть струн различной толщины. Под каждую струну по отдельности вставляется подпорка, которая после натяжения струны сдвигается таким образом, чтобы более короткая правая часть звучала дискантом, а левая — басом. Музыкант сидит перед чаттаганом и правой рукой исполняет мелодию на дискантной части, а левой — аккомпанемент на басовой. Мне приходилось слышать хороших исполнителей, игравших на этом инструменте, и мелодия звучала бы очень приятно, если бы инструмент был лучше настроен.

Сообщу кое-что об административном управлении абаканских татар по данным князя Кострова [57].

Официально абаканские татары причисляются к кочевым племенам, вернее, к таким, которые, несмотря на наличие постоянных мест жительства, проводят по крайней мере часть года не в своих деревнях. Во главе каждого рода абаканских татар стоит башлык, которому помогает есаул. Раньше должность башлыка передавалась по наследству, теперь же башлык избирается народом на несколько лет. Есаула раньше тоже, кажется, выбирали. Башлык — это нечто вроде начальника и представителя всего рода, поэтому он обязан заботиться о его благоденствии и процветании. Официально его должность соответствует должности окружного крестьянского старосты. Он следит за выполнением всех приказов властей, касающихся его рода, он собирает со своего народа все подати и доставляет их Степной думе и в согласии с народными обычаями налагает на своих подданных небольшие наказания за совершенные проступки. Наконец, он обязан сообщать высшим властям о всех чрезвычайных происшествиях, случившихся с его соплеменниками. Абаканские татары управляются тремя степными думами, две из них — у Абакана: Степная дума, объединяющая различные роды, и Качинская степная дума — обе относятся к Минусинскому округу. Третья степная дума находится в Юсской степи и называется Кызылская; она относится к Ачинскому округу. Степная дума состоит из головы, двух депутатов и писаря. Все эти чиновники выбираются самими туземцами. В обязанности Степной думы входит контроль над управлением родами и административная власть над данной народностью. Степная дума обязана следить за тем, чтобы строго выполнялись все законы, установленные родовыми обычаями или приказом правительства, чтобы родовые власти не превышали своих полномочий, не угнетали и не обижали бы своих подчиненных. Административная деятельность Степной думы состоит в

том, что она следит за выполнением всех приказов высших властей, своевременно и правильно взимает подати, защищает своих членов от оскорблений и унижений, находит и предоставляет в распоряжение властей нужных личностей из входящих в состав Степной думы родов. Как административные власти степные думы непосредственно подчинены окружному полицейскому управлению.

По существующим законам абаканские татары имеют право решать все спорные вопросы гражданского характера в соответствии со своими традиционными обычаями, например, споры при купле-продаже, о праве владения, праве чести и наследственных делах. В отношении последних Костров приводит следующие подробности: если после смерти главы семьи не остается наследников, все имущество переходит роду умершего. При отсутствии детей наследство переходит к ближним родственникам по отцу покойного, в первую очередь — к братьям покойного, в случае их отсутствия — к братьям отца и двоюродным и троюродным братьям. В случае, если у покойного нет братьев, наследство переходит сестрам (мне это представляется невозможным). Если у покойного нет родственников по нисходящей линии, наследство переходит к родственникам по восходящей линии. Если остаются жена и дети, то жена получает пятую часть наследства, дочь — десятую, а остальное делится между братьями (мне кажется, что эти данные настолько противоречат идеям различия полов и духу кочевников, что мне неприятно приводить здесь эти данные Кострова, и если я и делаю это, то лишь потому, что князь Костров много лет управлял Минусинским округом и может считаться авторитетом в этих вопросах). Если вдова выходит снова замуж, ей остается вся ее одежда и украшения, даже те, что приобретены при жизни мужа; вся остальная домашняя утварь, а также ее наследство от мужа остаются детям от первого брака. Если у вдовы было приданое, при вторичном вступлении в брак оно ей не выплачивается, а делится между ее детьми.

В соответствии с традиционными обычаями выносятся и наказания за мелкие преступления, совершенные туземцами,— это обычно воровство, особенно конокрадство. Пятьдесят лет назад абаканские татары славились своей честностью. Купец Анянин, проживающий в селении Аскыс, рассказывал Кострову, что его брат вел здесь крупную торговлю и записывал всех своих должников в книгу. Случилось так, что однажды эта книга сгорела. Анянин очень испугался, так как помнил только общую сумму долга, но не мог точно указать ни одного должника. Тогда он поехал по аулам, в которых вел торговлю, и стал спрашивать, кто и сколько ему должен. Должники нашлись и добровольно назвали ему размеры своего долга. Вернувшись домой и

произведя расчеты, он получил точно тот результат, который был в его сгоревшей долговой книге.

Но теперь все по-иному. Говорят, что особенно много воров стало среди койбалов. Частично виновны в этом падении нравов сосланные, поселившиеся в деревнях неподалеку от юрт. Конокрадство, говорят, чаще всего случается у сагайцев. Виновных наказывают обычно розгами, и они обязаны вернуть украденное в двух-, трех- и четырехкратном размере, в зависимости от того, который раз они попадаются на воровстве.

Такие тяжелые преступления, как разбой, грабеж, убийство, подлежат рассмотрению регулярного суда в соответствии с русскими законами. Но, по заверению Кострова, такие случаи встречаются крайне редко.

В отличие от всех остальных восточных братьев у абаканских татар чрезвычайно высоко развита эпическая поэзия — стихотворные сказки и героический эпос. Нигде нет стольких певцов — исполнителей этого эпоса, как у абаканских татар. О богатстве этой поэзии, на которую обратил внимание еще Кастрен, красноречиво свидетельствует второй том моих «Литературных образцов» [58]. Характеристика этой поэзии завела бы меня слишком далеко. Я приведу здесь лишь два образца героических песен — частью в отрывках, частью в пересказе,— так как они отражают весьма характерные черты жизненного уклада обеих культурных групп.

Героические сказания, как и у алтайцев, поются речитативом, обычно вечером, чаще всего на ночевках во время осенних охотничьих вылазок. Певец, исполняющий сказание, освещенный огнем костра и окруженный толпой, с интересом внимающей ему,— картина, достойная кисти художника.

1. Ай Мökö (Почерпнувший силу от луны)
(*Записано на реке Се*)

Сестрица и братец
Без отца, без матери
Жили вместе вдвоем.
Не было еды, чтоб поесть,
Не было шубы, чтоб одеться,
Кормились луковицами лилий
И ели корни пионов.
И сказала тут братцу сестрица:
«До третьего года жизни
Я кормила тебя, о братец,
Все лилии и пионы
Выкопала я, братец.
Далеко идти боюсь я,
Я ведь только девочка, братец,
Так как тебе уже три года,
Иди-ка сам на охоту,
Ставь силки в горах».

Брат выполняет приказ своей сестры и на следующий день находит в своем силке лисицу. Он хочет убить ее поленом, но лисица говорит ему:

Не убивай меня, мальчик, – сказала она, –
Гляди, мяса моего не ест ни один человек,
Так как мясо мое куда хуже,
Чем мясо маленькой мышки;
Только богатый носит мой мех
На шапке и воротнике.
Тебе, бедняку, он никак не пойдет,
Смеяться будут над тобой люди,
Нет у тебя еды, чтоб поесть,
Нет у тебя платья, чтоб одеться.

Мальчик отвечает, что у него есть сестра и ей решать, убивать лису или отпустить. Увидав лису, сестра соглашается с ее словами, и мальчик отпускает лису. В благодарность лиса дает им совет отправиться в путь. Она говорит им, что через семь дней они найдут по ту сторону горы золотой дом с семьюдесятью окнами. В нем живет князь, они должны отдать себя в его руки. Брат и сестра следуют ее совету:

Пошли они вдоль моря
И пришли к горе,
Пришли они совсем изголодавшиеся,
Едва смогли взобраться на гору.
Сестра упала и не могла встать,
Мальчик один поднялся наверх.
Увидел дом с семьюдесятью окнами,
Увидел множество народа
И огромное стадо скота,
Возвратился к своей сестре,
Привел ее с собой за руку,
Довел ее до вершины горы.

Он утешил ее, что теперь их несчастья кончились, и уговорил пойти вместе с ним:

Когда они пробирались там среди людей,
Люди пугались их:
«Смотрите, что это за люди?
Голод изглодал их,
Не айны ли это из глубин,
Люди ли это, на земле рожденные?
Людей, настолько исхудавших,
Мы еще никогда не видали!»

И так они добрались до дома и, теряя сознание, прислонились к дверному косяку. Вышел хозяин дома, увидел их и, проникнувшись сочувствием, повел их в свое жилище.

Он спрашивает их имя,
А девочка потеряла дар речи,
Потерял дар речи и мальчик.

Он зачерпнул миской молока,
Зачерпнул миской сливок,
Смазал сливками их головы,
Влил им молока в рот,
И они обрели дар речи.

Узнав, что они круглые сироты и жили одни в степи, хозяин дома решает усыновить их и устраивает пир наречения именем. Народ не осмеливается дать им имя, тогда выходит старик и дает мальчику имя Ай Мökö, а его сестре имя Алтын Арыг (Чисто золотая). Таким образом у здешнего князя Алтын Аргäка появился младший брат, найденный в степи Ай Мökö, и младшая сестра, Алтын Арыг. Однажды Ай Мökö просит своего брата отпустить его на охоту:

И дает брат Ай Мökö
Прекрасного белого скакуна.
Сел мальчик на этого коня
И поскакал к Алтаю;
На вершине Алтая
Вышел навстречу ему человек,
Он перебил там всю дичь,
Ай Мökö не нашел уже никакой дичи.
И крикнул ему Ай Мökö:
«Скажи, на моем охотничьем угодье
Почему ты охотишься на дичь?»
Отвечал человек на красном коне:
«Землю эту создал бог,
У тебя ли мне просить ее?
Есть наверху бог всевышний,
А внизу– белый царь».
Но сказал маленький мальчик:
«У каждого человека есть свое имя,
У каждого оленя есть своя шерсть,
Назови же мне свое имя».
И сказал тогда тот мальчику:
«Я – Кайгалак Кан, – сказал он, –
На кроваво-красном коне;
Не чту я кудая на небесах,
Великих героев я убиваю в бою,
А малых – убиваю плеткой».
Начали они тогда бороться,
Кайгалак на красном коне
Напал с плеткой на Ай Мökö,
Хлестал его три дня подряд,
Потом схватил его руками.

Тут откуда-то вдруг вылетает стрела, пропзает Кан Кайгалака и остается торчать в скале. Мальчик удивляется, кто мог послать эту стрелу, так как на всей земле нет у него ни одного родственника. Но тут он видит, что к стреле прикреплена записка. Он берет ее и читает:

В стране, где живут Кадаи,
Чäс Мökö на медно-буланом коне,

Великий богатырь – вот кто я,
Это я пустил стрелу,
Не бери ее в руки,
Стрела полетит дальше,
Туда, к князю Акыранг Тасу
На бело-голубом коне,
Полетит теперь дальше стрела,
Вонзится в косяк его двери.
Когда исполнилось мне девять лет,
Сражался я с Акыранг Тасом,
Были мы равны силами.
Потом, когда мне было тридцать лет,
Снова сражались мы,
Но напрасно, так как и тогда
Опять мы были равны силами,
Теперь мне семьдесят лет,
Я опять отправляюсь сражаться.
Жди здесь, на Алтае,
Я разыщу страну, где ты родился,
Найду тебе твоего отца.

Стрела полетела дальше, а Ай Мökö поехал по вершинам Алтая. Видит он, что в отдалении по дороге скачут два всадника, и, следуя за ними, приезжает в резиденцию князя. Там он видит белобородого старца, пасущего табуны жеребцов. Он беседует со стариком, назвавшим себя Алтын Айры, и рассказывает ему, что у него нет отца. Тогда старик жалуется ему:

Гляди-ка, дитя мое, в голой степи
И я оставил двух детей.
Не слыхал ли ты об этом, мальчик,
Не видел ли ты этих сирот?
Здесь, в этом княжестве,
Живут теперь два могучих брата,
Алтын Пыргы, Кӱмӱс Пыргы,
Они захватили меня в плен,
И я оставил моих детей,
Мальчика и девочку.

Ай Мökö спрашивает его, узнал бы он мальчика. Старик говорит, что у мальчика меж плеч была родинка.

Тут соскочил Ай Мökö с коня,
Сорвал со спины свою одежду,
Показал бедному старику родинку,
Тот воскликнул со страшной болью:
«Ай Мökö, ты – мое дитя!»
Всхлипывая, плакал Ай Мökö,
И старик плакал от радости:
«Алтын Пыргы, Кӱмӱс Пыргы
Пошли на меня войною,
Угнали множество стад,
Но детей тех я спрятал.
Смотри, стада собственного скота
Приходится мне теперь пасти здесь,
Но, дитя мое, не умру я,

Так как тебя я, сына, увидел,
Ах, я стал стариком,
Ушла вся моя сила,
Возьми ты весь этот мой скот,
Если отдаст его тебе Чäс Мökö.
Чäс Мökö, герой из Китая,
Исполнен разума Чäс Мökö,
Исполнен чистой мудрости Чäс Мökö,
Следуй теперь его совету.
Пусть будет милостив к нам
Там, наверху, высокий Кудай,
А здесь, на земле, пусть решает
Могучий Чäс Мökö.
Увидишь, он рассудит нас справедливо!»

Тогда Ай Мökö отправляется в юрту обоих Пыргы и встречает там старика Чäс Мökö. Узнав молодого героя, он требует, чтобы братья вернули мальчику его имущество. Так как те несогласны, Ай Мökö начинает с ними борьбу:

С героем Алтын Пыргы
Схватился теперь Ай Мökö,
Бились они три полных дня,
Дрожа, колеблется земля,
Когда бросает он его оземь
И убивает чистую душу.
Как увидал это Кӳмӱс Пыргы,
Спешит он броситься на Ай Мökö,
Схватил его своими руками.
Семь дней они боролись,
Никто не упал на землю;
Потом боролись еще девять дней,
Никто не упал в пыль,
Только на двенадцатый день борьбы
Бросил тут он Пырги
На землю, убил его,
Отлетела душа богатыря.

Чäс Мökö и отец Ай Мökö выходят из юрты и поздравляют молодого богатыря. В счастье он вспоминает о своем благодетеле Алтын Äргäке, и все отправляются к нему. По пути Чäс Мökö прощается и говорит, что должен отправиться на бой с Акыранг Тасом; он предвидит, что умрет в этом бою, но судьба влечет его туда. Пусть никто не следует за ним, так как поехавший туда не вернется. И продолжает:

Смотрите, теперь я иду умирать,
Ах, не родилось от моей печени
Ребенка, который бы от меня остался!
Не родилось у меня брата,
Который закрыл бы мне глаза.
Увы, черный ворон
Выклюет мне глаза. –
И, попрощавшись, он уехал,
Совсем один поскакал Чäс Мökö,

Слезы струятся из его глаз,
Вода течет у него из носа,
Мокрой становится седая борода.

Но Ай Мökö раскаивается, что не проводил храброго героя; он решает последовать за ним — застать его живым или увидеть его останки. Несмотря на отговоры своего отца, он пускается в путь. Тем временем Чäс Мökö достиг дома Акыранг Таса, он здоровается с ним, вызывает его на бой и кончает обращение к нему словами:

Если я умру теперь в бою,
Китай-страна тогда осиротеет,
Там ведь не живет другой такой богатырь;
Если я умру теперь в бою,
Небо ведь не обрушится,
Не упадет на землю.
Если умрет герой Акыранг Тас,
Земля тоже никуда не денется,
И текущей из земли воды
Не станет от этого больше.
Эта страна, которую создал Кудай,
Не погибнет с нашей гибелью.

Они долго сражаются, и наконец Акыранг Тас поверг Чäс Мökö на землю. Дрогнула тогда земля, загремело в небе, и отлетела чистая душа Чäс Мökö. Пришли тогда шестьдесят богатырей Акыранг Таса и положили покойного на белое войлочное покрывало. Тут является мститель Ай Мökö, убивает Акыранг Таса и оплакивает своего убитого друга так горько, что печенка его дрожит от боли, а кости стучат; жаль ему, что человеку такого благородного происхождения пришлось умереть на чужбине. Потом Ай Мökö возвращается к юрте Алтын Äргäка. Брат устраивает на радостях пиршество, чтобы отпраздновать его возвращение, и угощает людей красным мясом темных жеребцов. Потом Ай Мökö женится на дочери Кичикäя, богатыря на оленешерстном, мышасто-белом коне, и жены его, красавицы Алтын Чўстўк. Алтын Äргäк приглашает к себе и Ай Мökö, и его отца, подъехавшего как раз со своими подданными и скотом.

Но отец говорит: «Нет, Ай Мökö, дитя мое, хоть и невысокая, да своя у меня гора; хоть и неглубокая, да своя у меня вода, давай вернемся». Тут они прощаются, и Ай Мökö возвращается с отцом и сестрой в свою собственную страну. Там они живут в мире до конца дней своих.

2. Картага Мерган

Живет он в стране в уголке далеком
И водичку пьет того уголка.
Полна добра была его юрта,
Полна скота была его степь.

На берегу белого моря,
Под белой горою
Жил Картага Мерган,
У него был прекрасный белый конь в яблоках,
Чтобы ездить на охоту,
И второй конь – чалый,
Чтобы отправляться с ним на войну.
Эту ночь он спал в доме;
Когда небо побелело,
Поднялось, сияя, солнце,
Поехал богатырь на охоту.
Стрелял дичь на склонах горы,
Птиц на берегу моря,
Навьючил их на лошадь позади себя,
Возвратился к своему дому
И наделил добычей
Свой многочисленный народ.
Дает лошадь тому, кто идет пешим,
Дает платье голому.

Усталый, ложится богатырь спать, а когда наступает утро, он садится на своего белого коня и покидает юрту. Его младшая сестра Кан Пуркан поднимается с золотой постели и видит, что брат уже покинул юрту. Она выходит из дому и видит, как брат уезжает. И даже когда она окликает его, он делает вид, что не слышит. Она бежит за ним и настигает его за тремя горами. Тут она спрашивает его, куда он едет. Он отвечает уклончиво, и тогда она говорит ему, что к юрте приедет богатырь, убьет ее и угонит скот. Она хватает повод, пытаясь удержать брата. Картага Мерган гневно восклицает:

Длинен, о женщина, твой волос,
Но короток твой ум,
Глупой кажется мне твоя речь,
Отпусти повод, я поеду!
Если же ты не выпустишь повода,
Я убью тебя здесь, сестра!

Но она не отпускает повода, тогда он вынимает свой стальной меч, перерубает поводья и спокойно уезжает. По горам он скачет, по степи, за два дня проделывает месячный путь, за семь дней — путь целого года. Тут его конь для охоты останавливается и просит богатыря вернуться домой, так как враг напал на его юрту. Но он сердится на коня и ударами вынуждает его ехать дальше. Долго едут они так, но наступает момент, когда ему уже никакими силами не удается сдвинуть коня с места, и теперь, когда конь еще раз говорит о своих опасениях, он решает вернуться домой. Приехав к своей юрте, он видит, что его люди мирно живут, но, войдя в юрту, он не находит в ней сестры. Он расспрашивает о сестре всех вокруг, от мала до велика, но никто не может дать ему ответа. Тогда он садится на своего белого ко-

ня в яблоках и едет по ее следу. Он скачет по берегу белого моря и вызывает хозяина моря:

Хозяин вод, батюшка,
Скажи мне, где моя сестра,
Знаешь ты это, о хозяин вод? –
Нет, мой друг, я этого не знаю.–
Если ты этого не знаешь, старик мой,
Что же ты здесь делал? –
Я считал мои камни,
Пересчитывал каждую песчинку,
Я не ведаю пути ее, богатырь,
Но я поищу в воде;
Если она в воде, о богатырь,
Я сестру твою найду.

Хозяин вод погружается в море, оборачивается щукой и уплывает. Теперь Картага Мерген скачет по вершине горы. Тогда белый конь напоминает ему, что его отец вырастил за тремя небесными странами двух орлов, и предлагает позвать их. Богатырь зовет их и спрашивает о сестре, но и они говорят, что не видели ее, так как вскармливали двух своих птенцов. На требование отправиться на поиски его сестры они выражают опасение, что их дети останутся без корма; тут богатырь, отвернувшись, хватает появившихся вдруг у него неведомо откуда девять кобыл и отдает их орлам, и тогда они заявляют:

Теперь мы полетим с радостью,
Девять небесных стран в вышине
Мы облетим по девять раз,
Все семь небесных стран
Облетим мы семь раз,
Поищем потерянную сестру.

Орлы улетают, а Картага Мерген возвращается домой. Потом он зовет своего боевого коня чалой масти и спрашивает, где его сестра. Конь ничего не знает о сестре и оправдывает себя тем, что спал. Хозяин посылает коня искать сестру на земле.

Тут выходит из моря хозяин вод и сообщает ему, что напрасно искал сестру; затем прилетают орлы с такой же вестью. Возвратившись домой, Картага видит своего боевого коня, бегущего по вершине горы, он добегает до юрты, но, не успев произнести ни слова, падает замертво у золотого столба. Лошадь для охоты требует, чтобы с нее сняли сбрую и седло, и, как только это делают, она начинает кататься по земле и, превратившись в птицу Йалбагай, взлетает к белым и черным облакам и сгоняет с неба на землю птичку. Картага Мерген ловит эту птичку, и его лошадь для охоты снова принимает свое прежнее обличье и открывает хозяину, что эта птичка — душа его боевого коня, пусть он засунет ее обратно в глотку коня, и тот сразу же ожи-

вет. Ожив, боевой конь рассказывает богатырю, что он сорок дней и ночей бежал по стальной степи, лежащей за морем, потом забрался на вершину горы, усеянной остриями копий, как черным лесом, и бесстрашно проскочил сквозь войско, так что ни одна стрела не попала в него, ни один меч не разрубил его и ни одно копье не пронзило его; потом поскакал по огненному морю и встретил рыжего коня с поводом, наброшенным на головку передней луки седла, а рядом с ним лежал труп его хозяина. Боевой конь оживил его, и богатырь рассказал, что был убит преследуемым им Кан Тёнгӱсом, похитителем прекрасной Кан Пуркан. Через три дня и три ночи боевой конь увидел солового коня и около него тоже труп богатыря. Он и этого оживил; это был Куттан Алып, тоже убитый Кан Тёнгӱсом. А теперь Куттан Алып зовет Картага Мергäна вместе преследовать похитителя его сестры.

Оседлал тогда своего белого коня
И сел на него богатырь,
Взмахнул кнутом, подняв его,
Сначала переезжает он гору,
Потом проезжает степь.
На путь целого года
Понадобилось ему лишь семь дней,
На путь месячный
Понадобилось лишь два дня;
Скачет вверх по отвесной скале
И глядит оттуда вдаль –
Раскинулась там стальная степь,
Ее за сорок дней и ночей
Вряд ли сможет проехать всадник.
Заносит плетку над своим конем,
И мчится тот по степи.
Сорок дней, сорок ночей
Бежит добрый белый конь,
Громом гремит стук его копыт,
Далеко разносится его храп.
Когда он взмыл по отвесной скале
И поглядел оттуда вдаль,–
Разливается там море огня;
Дым от этого моря огня
Поднимается высоко к небу,
А наверху, в вышине неба,
Ярко горит красный огонь,
И черная трава земли
Полыхает ярким пламенем.
Заносит тогда богатырь плетку,
И в диком прыжке перелетает
Его белый конь через море огня
По краю черной земли,
По глуби высокого неба.
Стоит там горная вершина,
Взлетает он на нее.
За ней раскинулось белое море;

У края белого моря
Расположено селение. Как белые гниды,
Кишит в нем желтый скот,
Кишит в нем народ да люди.

Он едет теперь к одному из домов селения, видит там множество богатырей и открывает им цель своей поездки. Он пирует с ними девять дней. Тут заржал его белый конь, напоминая ему о поездке. Он садится на него и уезжает; но тут его конь замечает, что он забыл свою шапку. Но он успокаивает коня, уверяя, что его суженая, дочь Алтын Кана прекрасная Алтын Арыг, сохранит уж его шапку.

Он снова скачет в далекую даль и, поднявшись на один из горных хребтов Алтая у края земли, видит селение и привязанного к золотому столбу огненно-рыжего коня. Он спешивается у этой юрты, входит в дом и рассказывает богатырю о своей поездке. Богатырь сообщает ему:

Богатырь ростом в шесть саженей,
Кан Тӧнгӱс, увез ее.
Мало хлестал богатырь своего коня,
Больше хлестал он красавицу,
И плакала красавица,
Рыдала прекрасная женщина,
Кровью становились слезы ее глаз,
В лед превращалась вода ее носа.
Я не мог этого вынести,
Поскакал вслед за богатырем,
Чтобы отнять у него красавицу,
Но он схватился за налучье с луком,
Вытянул оттуда могучий лук,
Схватил колчан, вынул стрелу,
Потом выстрелил, натянув лук,
Подстрелил меня издали,
И лежал я мертвый на земле,
Пока конь не вернул мне жизнь.

Картага Мерґän требует, чтобы богатырь поскакал вместе с ним. После некоторого сопротивления тот соглашается, и они вместе отправляются к Каттан Алыпу, богатырю на черно-соловом коне. И этот богатырь рассказывает, что не мог спокойно видеть дурного обращения с Кан Пуркан и последовал за разбойником, как он был им убит, а затем оживлен чалым конем. После долгой скачки они приезжают в белоснежное селение. В центре его стоит девятиугольный каменный дом, а перед ним у золотого столба привязан карий конь. Богатыри отказываются пойти вместе с Картага Мерґäном в селение, говорят, что обещали только помочь ему в сражении. Картага Мерґän отправляется один.

И вот входит он в белое селение,
Подходит к столбу, к которому привязывают коней,
Привязывает к нему и своего коня,
А потом подходит к двери дома.

У столба привязаны там
На цепях две собаки.
Когда он хочет открыть двери,
Вскакивают обе собаки,
Но Картага Мерган, он хватает
Первую собаку одной рукой,
А вторую – рукой другою,
Разрывает железные цепи,
Разбивает обеих собак
Об острый угол дома.
Когда он открывает дверь,
За ней оказывается вторая дверь,
И перед ней лежат два седых медведя.
Вскакивают они, чтобы схватить его,
Но он хватает обоих медведей,
Поднимает обоих вверх,
Разрывает железные цепи
И уничтожает обоих медведей;
Открывая дверь, входит
И видит за ней третью дверь,
И перед ней стоят два богатыря,
У одного в руке стальной меч,
А у другого – копье.
Один говорит: «Шею Картага
Я отрублю мечом!»
А другой: «Воткну меч
С девятью зазубринами ему в сердце!»
Когда же оба слуги-богатыря
Бросаются на Картага,
Отрывает он одному богатырю
Голову, бросает ее оземь,
Другому богатырю руку
Отрывает он и отбрасывает,
Убивает там обоих богатырей,
Открывает тут третьи двери,
Входит тогда в белый дом он.
Кан Тёнгёс, величественный богатырь,
Спит на своей золотой постели,
Семь желтых девушек поддерживают
Голову его, спящего.

Тут дает ему Картага пощечину, но Кан Тёнгёс продолжает спокойно спать. Когда он ударяет его во второй раз, спящий шевелится и вместе с ним весь каменный дом, тогда он ударяет его в третий раз, и богатырь вскакивает.

Схватились оба в борьбе,
Разнесли они в куски каменный дом,
Потом вышли из него на волю,
Долго ли они дрались,
Коротко ли они дрались,
Ни один из них не упал на землю;
На вершину горного гребня
Забрались они, сражаясь,
Как два молодых могучих быка,
С ревом они забрались наверх.

Потом в пропасть, к дому,
Борясь, стаскивали они друг друга,
Как два диких молодых жеребца,
Заржав, стаскивали они друг друга.
Семь лет они сражались,
Ни один не упал на землю,
Картага, героем рожденный,
Редко становился на ноги,
Чаще он опирался на ладони;
Кличет двух своих спутников:
«Идите же сюда ко мне, помогите!»
Но оба друга боятся,
Отказываются помочь ему.
И домой спешат вернуться.
Картага, рожденный героем,
И могучий Кан Тёнгӱс
Бились долго, бились коротко.
Кан Тёнгӱс, рожденный героем,
Поднимает противника вверх,
Клоня его к черной земле,
Бросает его долу,
Но не может он его убить;
Прижмет он к земле его голову,
Поднимет тот свой зад,
Прибьет он к земле его зад,
Поднимет тот свою голову.
Вскакивает вдруг Картага,
Опять бьются оба героя,
Семь дней бьются они.
Ни один не упал на землю.
Потом бьются девять дней,
Ни один не упал в пыль.
Когда прошли так девять дней,
Кан Тёнгӱс, величественный богатырь,
Редко становился на ноги,
Чаще он опирался на ладони.
Когда теперь Картага противника
Поднимает высоко в небо,
Восклицает Кан Тёнгӱс в страхе:
«Милые женщины-лебеди в земле
И женщин-лебедей зять,
Тйер Кара, о айна, приди!
Из-под земли приди мне на помощь!»
Картага делает прыжок,
Бросает его на черную землю,
В шести местах бедра
Растоптал ему Картага,
Тут и умер Кан Тёнгӱс, богатырь.

Айна земли выходит тогда из-под земли и сражается с Картага Мергáном. После девятидневной борьбы Картага Мергäн поднимает его к небу и зашвыривает за черные облака. Тот призывает семь женщин-лебедей и главную над ними — Тйекчäкäй с желтыми когтями, оловянными глазами и косами из пеньки, ту, что приходится ему тещей. И все-таки Картага Мергäн бросает его о землю и убивает. Тогда появляется женщина-лебедь;

сражаясь с ней, он обрывает ей обе косы и швыряет ее на землю. Из одной косы вырастает черная гора, из другой — белая гора. Обе горы сливаются, меж них герой сражается с женщиной-лебедью. Его белому коню ничего этого не видно, но он слышит стон своего хозяина. В страхе сетует он на то, что Картага совсем один, нет у него родственников. Семь раз обегает он небо и не находит ему брата, девять раз обегает землю и не находит ни одного родственника. Он является к Каттан Алыпу и Кан Мергäну и просит их о помощи, но они насмехаются над ним, ловят его и привязывают к железной лиственнице с девятью ветвями.

Привязанный, плачет белый конь,
Кровью становятся слезы его глаз,
Льдом становится вода его носа,
Так стоял он здесь семь дней,
Не может больше вынести муки,
Извивается он, бьет ногами,
И рвет повод конский:
«Коль останусь я здоровым,
Оживлю моего богатыря.
Буду из собачьей миски
Я давать вам, злыдням, пищу.
Сквозь ушко железной иголки
Покажу тогда вам солнце,
Не могу жить на земле я
Без благородного моего богатыря,
Подпимусь сейчас на вершину горы,
Брошусь оттуда в пропасть.
Если я не смогу там умереть,
Спущусь я в морские глубины,
Умру на дне моря!»
Он спешит на вершину горы,
Бросается в глубокую пропасть;
Не умирает внизу, в глубине.
Бросается в глубокое море,
Столбом вздымает морской песок,
Заставляет иссякнуть воды моря,
Но умереть он не может.
Опять выходит из моря,
Приходит на край черной земли,
Ко дну высокого неба,
Бежит вверх, на вершину горы,
Смотрит на страну, лежащую по ту сторону,
Смотри-ка, там желтая степь,
Куда не спустится и сорока,
Бледная широкая степь,
Куда не спустится и ворон!
У подножия горы
Стоит там белая береза,
Листья ее из золота,
И из серебра ее кора.
Говорит себе верный конь:
«Если бы я возвратился домой,
Кто бы смог нас оживить?

Ни одного брата нет на родине,
Ни одного родственника нет в доме;
Пойду-ка я к той березе,
Умру у ее подножия,
Умру от голода, не буду есть травы,
Умру от жажды без воды».
Бежит туда добрый белый конь,
Останавливается у подножия березы,
Не ест травы, как ни голоден,
Не пьет воды, как ни жаждет,
Близится час его смерти.

Тут черно-белый конь видит, что по вершине горы мчится конь, и узнает в нем чалого коня. Но из черного леса выходит богатырь, натягивает лук и стреляет в копя. Конь отклоняется, и стрела не попадает в него. Когда черно-белый конь узнает в стрелявшем Каттан Алыпа, он сердится и грозит отомстить ему. Собравшись с последними силами, бежит он к чалому коню, но со стоном валится у его ног. Чалый велит ему трижды поесть травы и трижды выпить воды. Белый конь оживает. Он рассказывает теперь о приключениях своего богатыря и о том, что сейчас богатырь сражается с женщиной-лебедью, добавляя, что неизвестно даже, жив ли он еще или нет. Чалый требует, чтобы белый конь показал ему дорогу, и оба коня отправляются на поиски хозяина.

Впереди бежит белый конь в черных яблоках,
За ним, как жеребенок,
Бежит теперь чалый конь.
К черной и белой горе
Прискакали оба коня;
Жив ли их хозяин, богатырь,
Не знали оба коня.
Но звук человечьего голоса
Услыхали оба коня,
Но не знали того кони,
Доносится ли он снизу, из-под земли,
Доносится ли он сверху, с неба?
И снова звучит стон,
Никто не знает, откуда он доносится.
Тут чалый конь, дрожа,
Отряхивается,
Превращается в золотую кукушку
Величиной с лошадиную голову;
Взлетает теперь птица вверх,
Меж черных облаков
И облаков белых пролетает птица,
Внизу, кажется, стонет человек;
Спускается тогда вниз кукушка,
И звучит стон человека
Теперь из глубины горы.
И опускается золотая кукушка
Теперь меж двух скал,
Но не находит там человека,

Так как могучая белая скала
Выросла, спустившись с небесного шатра,
И выросла прямо из-под земли
Эта черная мощная скала.
Меж этих двух скал
Кричит теперь золотая кукушка;
Тут плавится черная скала,
Течет на землю черным оловом,
И белая скала поднимается
Белым туманом вверх, к небу.
А когда исчезли обе скалы,—
Лежит на черной земле,
Стонет там Картага Мерган.
Из-под земли выходит женщина-лебедь.
И снова начинается сражение,
Сражаются, пока не сменятся луны,
Сражаются, пока не кончится год.

Оба коня знают, что душа женщины-лебедя находится не в ее теле, и знают, где она находится. Они отправляются рысью под землю, там текут девять морей, сливающихся в единое море. У слияния девяти морей поднялась до поверхности земли медная скала, она доходит как раз до середины между небом и землей. У подножия этой скалы есть черный ящик, на дне которого находится душа женщины-лебедя. Это — семь птичек, если их убить, умрет и женщина-лебедь.

Ногою бьет белый конь
Об эту медную скалу,
Посередине, в черной пыли,
Стоит там черный ящик,
Крышку этого черного ящика
Сбил он своим копытом;
Лежит в нем золотой ящик,
Взял его в зубы белый конь,
И побежали тогда оба коня,
Прибежали к своему господину,
Еще сражались там герои.

Оба коня держат совет, как им убить птенцов. Чалый конь превращается в лысого человека. Лысый открывает ящик и берет в горсть семь птенцов, потом хватает меч, отброшенный богатырем Картага Мергáном, и перерубает всем семерым шеи. Тут валится женщина-лебедь. Картага Мерган обнимает своих коней за шеи и плачет от радости. Потом он садится верхом на белого коня в черных яблоках и едет к юрте Кан Тöнгуса, а чалый конь следует за ним, как жеребенок. Потом Картага Мерган отправляется на поиски своей сестры Кан Пуркан, но она умерла, и чалый может указать ему лишь место, где лежат ее кости. Картага Мерган собирает эти кости. Он собирает их целый месяц, складывает из них скелет и пытается оживить сестру с помощью чудесного снадобья, но все его старания напрасны, сестра не оживает.

Услышав его жалобу, белый конь в черных яблоках говорит [59]:

Ты сними седло, хозяин,
И узду с меня стяни ты;
На краю страны железной
Есть гора железной тверди.
Сверху на горе железной
Новые творцы, кудаи,
Те, которые там правят,
Сотворили нам на благо
Белую траву в шесть листьев,
Что от смерти пробуждает,
Оживляет все живое.
Я траву достану эту;
Если путь удачным будет,
На четвертый день вернусь я.

Конь убегает и приносит траву. С помощью белой травы Картага Мерген оживляет свою мертвую сестру. Тут сестра превращается в ястреба и улетает ввысь, а Картага Мерген увозит юрту Кан Тёнгёса.

Весь домашний скот он угоняет,
Угоняет и множество людей,
Все имущество погружает на лошадей,
А сокровища все – на верблюдов,
И едет через горные вершины,
И едет по широкой степи.

Посреди дороги он встречает плешивого юношу, очень приглянувшегося ему утром. Он кажется ему богатырем. Картага обещает ему платье и доброго коня, если тот отвезет к нему домой всех этих людей и весь скот. Юноша соглашается. Картага Мерген выбирает лучшее платье и дает его плешивому, затем берет шестисаженного карего скакуна Кан Тёнгёса и дарит его юноше, и, наконец, он дает ему богатырское имя, нарекая его предводителем этих людей, героем Тас Кинасом на карей лошади. Дает он ему в одну руку только что отломленную палку, в другую — сухую и велит ему как можно скорее гнать домой скот и людей. Наказывает ему, чтобы он не позволял никому отставать в пути. Через некоторое время Картага Мерген объявляет, что он поскачет вперед, так как у него есть дело по пути, пусть Тас Кинас потом догонит его.

Теперь ударил он плеткой коня белого в яблоках,
Умчался прочь на своем коне,
Как жеребенок, следует за ним
Его чалый конь.
Так проскакал он много дорог,
Подъехал к вершине одной горы,
Поднимаясь на нее, глядит вокруг:
Каттан Алып с черногривой соловой
Жил здесь в широкой степи.

Картага Мергäн, богатырь,
Зовет теперь во весь голос:
«Привязан ли соловый,
Дома ли Каттан Алып?»
Услышал это Каттан Алып,
Поспешил он выйти из дома,
Быстро садится на своего солового,
Мчится к горной вершине,
Соскакивает со своего коня,
Быстро стаскивает с головы шапку,
Прижимает ее к ключичной ямке,
И, ведя своего коня под уздцы,
Кланяясь, приближается к богатырю:
«Не убивай меня, Картага!
Теперь я пойду впереди тебя,
Буду служить тебе наковальней,
Верно пойду за тобой.
Если ты поедешь на трудный бой,
Буду я заслоном твоей голове,
О Картага, пощади меня!»

Богатырь не дает ему ответа, он хочет дождаться Тас Кинаса и предоставить решение ему. Когда подъезжает Тас Кинäс, Картага Мергäн рассказывает ему о проступке Каттан Алыпа и просит его вынести приговор этому богатырю. Тас Кинäс бьет его сухой палкой и велит ему самому погнать к Картага Мергäну весь свой скот и своих людей. После долгого пути они достигают юрты Кан Мергäна. И этот тоже просит простить и пощадить его, и ему велит Тас Кинäс доставить к Картага Мергäну весь скот и все юрты.

И опять Картага Мергäн посылает вперед Тас Кинäса, сам он хочет поехать за женой. Он скачет к Алтын Кану и сватается к его дочери Алтын Арыг. Потом устраивает свадьбу и везет жену домой.

Картага Мергäн, богатырь,
Возвращается к себе на родину,
Присоединился к богатырю и Тас Кинäс,
Пригнал сюда множество скота
И большие толпы людей.
Каттан Алыпа, его, богатыря,
Сделали они табунщиком коней,
А богатыря Кан Мергäна
Сделали пастухом коровьих стад.
Устраивает он пир
И собирает весь народ,
Насытил он голодавших,
Сделал жирными худых людей,
Тем, кто пешком пришел,
Дал он по прекрасному скакуну,
Голым людям дал он платье.
Только когда кончился пир,
Тогда разошлись люди.
Когда они проспали ночь,
Наступило белое утро,

Взошло, сияя, солнце,
И от создателя наверху приходит послание:
«Доставь нам Кан Пуркан,
Пусть здесь, у нас, будет она Пуркан (Будда)».
Тогда Кан Пуркан, женщина,
Поднялась на плечи Картаги
И превратилась в дым,
Поднялась вверх, к небу;
Картага Мергän, богатырь,
Жил теперь в своем доме.

Эти две сказки отнюдь не отличаются особым мастерством рассказчика. Я избрал их, как уже говорил выше, по иной причине.

Своими сказками абакапские татары создали себе идеальный мир, занимающий очень важное место в их духовной жизни, нечто подобное я встречал еще только у одного тюркского народа — у черных киргизов. Это подлинно поэтическое восприятие мира. Бесполезно пытаться согласовать это мировосприятие с религиозными взглядами шаманизма [60]. Хотя божества и живут в верхних сферах неба, но это не боги шаманизма. Их редко называют по именам, обычно это просто *кудай* (бог) или *тйайаан* (создатель, творец); но если какое-то имя и упоминается, оно никогда не совпадает с именами известных богов. В подземном мире живет Эрлик со своими злыми помощниками-айнами, а кроме того, и женщины-лебеди, совершенно неизвестные шаманизму. Мир состоит из земных и небесных сфер, и в каждой из них есть свои моря, степи, алтайские, или горные, хребты, в которых равным образом живут боги, богатыри и айны. Между двумя последними нет строгого различия, часто они вступают в связи друг с другом и борются друг с другом не на жизнь, а на смерть. Божество обычно миролюбиво и мало вмешивается в дела земного и подземного миров. Оно создает героев-богатырей и заранее определяет их судьбу. Сопротивление божеству можно встретить крайне редко, в целом все подчинено его воле, которая, впрочем, никогда не является людям помехой в их деятельности.

В своей земной жизни герой борется и побеждает до тех пор, пока наконец не находит своего земного счастья в женитьбе. Он счастлив в браке, если ему удастся вырастить сыновей-наследников, ибо тогда, если вражеское нападение и разрушит его земное счастье, у него есть сын, который отомстит за его гибель.

Народ в таких героических сказаниях играет всегда столь же подчиненную роль, как в вышеизложенном сказании. Герой обязан заботиться о его благоденствии, и народная толпа, как стадо, полное безразличия, переходит из-под власти одного богатыря во власть другого в зависимости от того, кому улыбнется военная удача и вознесет его над врагом [61].

Глава V

ТЮРКСКИЕ СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ

Введение. I. Казак-киргизы[1]. Физические особенности. Физиогномика. Кочевание. Зимние и летние стоянки. Киргизское скотоводство: овца и продукты овцеводства; коза; крупный рогатый скот и получаемые от него продукты; лошадь, описание киргизской лошади, верховая езда и сбруя, кумыс и другие продукты, получаемые от лошади; верблюд; знаки собственности; болезни животных. Убранство юрты. Мужская и женская одежда. Жизнь в юртах. Земледелие. Искусственное орошение. Охота. Промышленность и ремесла. Религия. Распространение ислама. Гадание на шариках и по лопатке. Праздничные ритуалы при рождении, сватовстве и свадьбе. Супружеская жизнь. Поминальные пиры по покойным. Игры. Состязания певцов. Народные и литературные песни. Речь. Характер киргизов. Социальная структура и управление. Юрисдикция. II. Кара-киргизы[2].

Тюркские степные кочевники Западной Азии состоят из четырех народностей: казак-киргизов, кара-киргизов, каракалпаков и туркмен; три первые в языковом отношении относятся к западным, четвертая — к южным тюркским племенам[3]. Я познакомился только с двумя первыми народностями, да в долине Среднего Зеравшана встретились мне лишь переселившиеся сюда племена каракалпаков. У этих степных кочевников — очень своеобразная цивилизация, и поэтому они заслуживают особого рассмотрения. У всех соседей они пользуются дурной славой диких, разнузданных разбойничьих шаек, издавна досаждавших своими бандитскими набегами безобидным пахарям и миролюбивым купцам.

С кем вы ни поговорите — с персами и азербайджанцами о туркменах или с русскими и татарами-переселенцами Западной Сибири и Оренбурга, китайцами и кокандцами о киргизах,— всюду услышите то же отрицательное суждение, которое вынес мулла Гази в сатирическом стихотворении о киргизах. Этот мулла рисует казак-киргизов как потомков четырех воров и двух нищенок, вступивших в связь и бежавших в степь. Здесь они говорят:

Если мы отправимся в город,
Схватят нас и казнят,
Распознают нашу порочность,
Лучше уж останемся пока в степи.

Потому-то и потомки столь же дурны, как и их прародители:

Воровство досталось им в наследство от отцов,
Попрошайничество – наследье их от матерей,
Клятвоотступничество, супружеские измены –
Так живет теперь это нечистое племя.

Но не только соседи, и сам киргиз высмеивает свое поведение, смеется над самим собой в пословице:

Кашкыр, казак хăм орус-казак ӳш агайны
(Волк, киргиз и русский казак – три брата).

Да не только живущие по соседству с киргизами народности, но и такие научные авторитеты, как Левшин[4], резко отрицательно отзываются о киргизах. Вот что пишет этот ученый в 1832 г.:

«Покорность его (киргизского народа.— *Примеч. пер.*) чужеземным правительствам рождается, изменяется и оканчивается вместе с нуждами: переходя от границ наших к пределам Хивы или Китая, делается он из русского подданного китайским или хивинским, а приезжая в Ташкенд или Коканд, называет себя ташкендским, кокандским, и проч...

Частые нападения на военные линии наши, отгоны лошадей, увлечения в плен людей, разграбления караванов, сражения с нашими отрядами и множество подобных происшествий показывают, какое понятие имеют киргизы о подданстве своем России. Так же поступают они и с другими соседственными державами, которые называют их подданными своими.

Точно так же думают они и об отечественных властях, переменяя подчиненность свою по обстоятельствам. Когда один признанный ими над собою начальник начинает преследовать их за какое-нибудь преступление, то они переходят к другому; если же и сей последний не захочет укрывать их, тогда ищут они третьего...

Благодаря невежеству, грубости и алчности народной таковые снисходительные покровители преступников очень часты в киргизских ордах. Число оных еще более умножается от бессилия родоправителей...

Какого порядка ожидать и от самого честного начальника толпы людей, повинующихся только тогда, когда необходимость понуждает, и совершенно ничем не жертвующих для общего блага; людей, в которых стремление к грабительству беспредельно, которых невозможно удержать в зависимости без послабле-

ния и из которых всякий ищет сам повелевать, если имеет хотя бы малую к тому возможность?»

Читая такие тирады, легко прийти к мысли, что киргизы — отбросы тюркского населения Западной Азии, воры и бандиты, бежавшие в широкую степь, так как не желали привыкать к упорядоченной жизни оседлых народов, одним словом,— раса, заслуживающая быть уничтоженной. Но на самом деле это совсем не так. Разве не изображали с давних времен и бедуинов как народ воров и разбойников, живущий в полной анархии? Однако бедуины — иного рода и племени, и с тюркскими кочевниками их объединяет лишь то, что и те и другие — степные кочевники. Просто мы имеем здесь дело со ступенью цивилизации, противоположной культуре эпохи оседлых народов, и нужно смотреть на их поступки и поведение с другой точки зрения. На правильность моего предположения яснее всего указывает то, что киргизы, несмотря на всю свою ненавистную окружающим анархию, живут состоятельно и у них отмечается весьма значительный прирост населения.

Я сам долго жил среди киргизов и имел возможность убедиться в том, что у них господствует не анархия, а лишь своеобразные, отличающиеся от наших, но по-своему вполне урегулированные культурные отношения.

1. КАЗАК-КИРГИЗЫ

На протяжении нескольких столетий стечение весьма счастливых обстоятельств позволяло ордам казак-киргизов совершенно свободно и неограниченно, следуя лишь собственному инстинкту, передвигаться по широкой Киргизской степи от Балкашской низменности до реки Урал и от речных систем Сырдарьи и Шу до Среднего Тобола, Ишима и Иртыша. Оба могучих соседа киргизов — русские и китайцы — соприкасались с Киргизской степью лишь своими дальними границами и не укрепили еще на этих границах своей мощи настолько, чтобы думать о завоевании Киргизской степи, которая, впрочем, казалось, не обещала ни одному из обоих государств больших преимуществ.

Власть же среднеазиатских соседей давно уже не была настолько сильна, чтобы удерживать в узде столь многочисленный народ, как киргизы. В результате всего этого в последние столетия киргизы совершенно свободно кочевали по степи, подчиняясь сфере влияния одного из своих соседей лишь тогда, когда им угрожало бо́льшее давление с другой стороны или когда какая-то часть киргизского народа стремилась избежать последствий междоусобных ссор или укрыться от врагов. В этом мы видим неосуществившееся стремление киргизских племен объ-

единиться в прочную силу и образовать хоть сколько-нибудь упорядоченное государственное правление. Но у этих кочевников не было главного условия для создания государства — сильного, общего интереса, ведь только он один мог бы объединить отдельные племена и роды. Нигде ханская власть не была в состоянии обеспечить отдельным индивидуумам их владения и защитить их от нападений соседей; она могла управлять лишь небольшой частью гигантской территории, частью, которая была значительно меньше той, что считалась — номинально — подвластной хану. Всякая попытка хана расширить эту область в каком-то направлении сопровождалась потерей им силы власти на противоположном конце периферии. Могущество диких орд, сгруппировавшихся вокруг князя, может проявиться лишь тогда, когда эти орды нападают на вражескую область и когда противопоставление себя угнетаемым врагам вынуждает разные племена из чувства самосохранения держаться вместе, т. е. когда вся орда превращается в единое войско, как это было с ордами Чингиз-хана. Но с киргизскими ордами последних двух столетий этого не случилось. Здесь каждое племя чувствовало себя как дома и стремилось достичь наивысшего благосостояния; за оружие хватались лишь тогда, когда побуждала к тому угроза собственности или если политическая жизнь и борьба соседей обещали быстрый захват огромных богатств.

Всякое оседлое племя давно погибло бы, если бы ему пришлось столько скитаться по необозримым степям, пережить столько битв и восстаний, сколько известно нам из истории киргизов за прошлое столетие; а для кочевников, напротив, это была счастливая пора, ибо именно в этих условиях выросли богатство и влияние киргизов. С тех же пор как в Киргизской степи воцарились мир и покой, все более заметен упадок благосостояния киргизских племен, усугубляющийся по мере нарастания порядка. В дальнейшем я попытаюсь объяснить это бросающееся в глаза явление, так как оно, очевидно, является следствием кочевого образа жизни, который я и собираюсь описать.

Несмотря на то что казак-киргизы, живущие в обширной степи, в языковом отношении составляют столь неразрывное целое, что вряд ли можно заметить диалектальные различия в языке киргизов у Каспийского моря и на Верхнем Иртыше, несмотря на то что всюду бросается в глаза единообразие их обычаев, привычек, быта, характера и повсюду их резко отличает от других тюркских народов общее им всем осознание принадлежности к народу казаков и к одному из братских племен этого широко разветвленного народа, внешность казак-киргизов все же свидетельствует о том, что этот народ — смесь народов монгольского и кавказского типов. Большинство киргизских физиономий обнаруживает явные следы монгольского

антропологического типа. Левшин объясняет это тем, что киргизы на протяжении столетий старались брать калмыцких жен, особенно часто это имело место в прошлом столетии, после уничтожения возвращавшихся с Волги орд торгутов. Поэтому, утверждает он, и до сих пор женщины в большинстве своем черноволосы, а у мужчин волосы — с каштановым отливом. Я же думаю, что смешение это следует отнести к более раннему времени [5], так как, по-моему, имеются целые племена киргизов чисто монгольского происхождения, например пайманы. Монгольский тип у киргизов выражен не так ярко, как у алтайских калмыков; у них, правда, тоже широкие плоские лица, но лоб уходит назад не так круто, скулы выступают меньше и носовая кость возвышается над уровнем лица гораздо больше, чем у калмыков. У них маленький рот, черные узкие, но не раскосые глаза и слабая растительность на щеках и подбородке. Наряду с такими близкими монгольскому типу физиономиями большинства киргизов почти в любой семье можно найти отдельных индивидуумов совершенно иного типа: продолговатые, овальные лица, более крупные, еще более интенсивно черные глаза, густые кустистые брови, густая растительность на щеках и подбородке и большой крючковатый нос.

Рост киргизов в целом средний, хотя среди них можно встретить иногда и очень высоких людей — широкоплечих, коренастых, с широким, часто бычьим затылком [6]. К тому же с возрастом они обретают склонность к полноте (конечно, только те, кто побогаче); я видел довольно много людей, чрезмерная полнота которых бросалась в глаза, особенно в Большой орде. Мне даже кажется, что конституция тела богатых киргизов (т. е. тех, которые могут есть всегда сколько хотят) является лучшим доказательством того, что самой естественной пищей человека является мясо, так как невозможно обнаружить столь мощных тел у тех, кто не ест мяса. Напротив, черневые татары, употребляющие в пищу коренья и муку, в сравнении с киргизами имеют весьма жалкие фигуры. Насколько сильна природа карнофагов, живущих под открытым небом, доказывает, между прочим, и то обстоятельство, что киргизам Большой орды, живущим в районе китайской границы и являющимся страстными курильщиками опиума, длительное употребление опиума не нанесло ни малейшего вреда; если китайские курильщики опиума превращаются в жалкие развалины, то киргизские выглядят здоровыми и цветущими.

Различия между мужским и женским типом в восточных районах степи, на которое указывает Левшин, я нигде не заметил. У женщин, так же как и у мужчин, мы встречаем два различных типа. Что же касается женских лиц, то они, если монгольский тип не выражен в них слишком сильно, в молодости

отнюдь не уродливы; особенно приятное впечатление производят девушки в 16—20 лет; недурны молодые женщины до 25 лет (...); редко встречал я хорошо выглядевших матрон. Женщины менее склонны к полноте, чем мужчины.

Больных и хилых среди киргизов мало, и вообще благодаря здоровой пище и жизни на свежем воздухе у них, по-видимому, встретишься с немногими болезнями. Их единственными опасными врагами являются оспа и сифилис, но и они в целом не опасны, так как едва только случится где-нибудь оспа, все юрты покидают эту местность, а семьи, в которых есть больные, остаются. Что же касается сифилиса, то заболевшие им члены семьи помещаются в специальной, отделенной от остальных юрте, им доставляют еду и питье, но прекращают всякое общение с ними, и, таким образом, заражение совершенно исключается.

Очень часто умирают лишь маленькие дети, так как наиболее слабые из их числа не могут перенести сурового климата. Многие киргизы доживают до глубокой старости; в некоторых местностях я встречал людей, перешагнувших свое восьмидесятилетие. Говорят, что не редкость и столетние старики.

Походка киргизов, как всякого народа, проводящего бóльшую часть своей жизни на лошади, неловкая и беспомощная, чему немало способствует их неудобная для ходьбы обувь. Верхом же они — ловки, подвижны и выносливы. А у киргизских женщин, особенно молодых, напротив — легкая покачивающаяся походка.

Изо всех чувств у киргизов особенно развито зрение, да это и неудивительно. Киргиз живет обычно в широкой пустой степи и поэтому смолоду привыкает вглядываться вдаль. Не раз приходилось мне удивляться, как мои проводники на огромном расстоянии точно определяли одежду или другие признаки всадника, которых я еще не в состоянии был разглядеть. К тому же киргиз смолоду привык к непрерывному наблюдению над окружающей природой и поэтому замечает и видит все, что может представлять для него хоть какое-то значение. Он может целыми днями ехать по следу пропавшего животного и не потеряет этого следа, даже если он ведет через пастбище большого стада, испещренное следами животных. По следу животного он часто поразительно может определить его особенности. Так, например, в одном киргизском анекдоте рассказывается, как киргиз спросил человека, ищущего потерявшееся животное, не слепо ли оно на один глаз, не прихрамывает ли оно на левую заднюю ногу, не рыжей ли оно масти и т. п. И так как хозяин животного принимает спрашивающего за вора, ибо тот отрицает, что видел животное, он ведет его к судье, где обвиняемый говорит, что не видел животное, но узнал о всех названных свойствах по его

следу: правая нога всегда давала сильный отпечаток, отсюда ясно, что животное прихрамывало, на кусте терновника остался клок шерсти, по которому он определил масть, и, наконец, животное по пути объедало сочные травы и цветы лишь на левой стороне своего пути, оставив нетронутыми те, что были справа, и это указывает на то, что оно было слепым на правый глаз. Этот анекдот уже сам по себе доказывает, как высоко ценит киргиз наблюдательность. Один заседатель в Сергиополе уверял меня, что однажды во время дождя он потерял перчатку и послал двух казаков разыскать ее на дороге. Они вернулись ни с чем. Тогда поехал проводник-киргиз и нашел перчатку в шести верстах езды. Киргиз рассказал, что лошадь задней ногой наступила на перчатку, глубоко вдавив ее в грязь; он нашел ее лишь потому, что этот след в размягченной почве был не столь отчетлив, как другие следы копыт. Киргиз упомянул это лишь для того, чтобы объяснить то обстоятельство, что перчатка была вся в грязи и промокла.

Гораздо менее, чем зрение, развиты у них обоняние и вкус, хотя киргизы и в этом преуспели больше, чем алтайцы.

Киргизы — подлинно кочевой народ, скитающийся круглый год по степям и разбивающий свои стоянки всегда там, где есть корм для его стад. Нравы, обычаи, образ мышления, словом, вся жизнь и деятельность киргизов тесно связаны с этими переездами ради животных, и я смогу лишь тогда перейти к описанию всех этих категорий, когда мы познакомимся с кочеванием и животноводством киргизов.

Не следует представлять себе эти перекочевки как беспорядочное блуждание по степи. Без определенного плана кочуют в тундрах и лесах Северной Сибири лишь охотничьи семьи, задерживаясь в тех местах, где случай принес им большую добычу, позволив пожить некоторое время спокойно. Таким образом, пути, по которым они движутся, не зависят от их собственного выбора. К тому же тот или иной район может прокормить только крайне немногочисленное охотничье население. Как только численность населения на том или ином охотничьем угодье увеличивается, охотники вынуждены искать способы урегулировать получение добычи. Для этого они содержат стада дичи (оленей) и бродят с ними по лесам и тундрам [7]. А владелец оленей при своих переездах должен уже учитывать интересы своих животных и выбирать те маршруты, на которых его стадам не угрожает опасность [8].

В отношении же такого народа, как киргизы, содержащего столь много скота, не может быть и речи о неплановых переездах. Поэтому каждому скотоводу приходится при своих переездах прежде всего думать о том, чтобы найти места, наиболее благоприятные для его скота.

И тут, конечно, сталкиваются интересы соседей, как это показано еще в Книге Бытия, в столкновении пастухов Авраама и Лота [9]. Стало быть, начинается какое-то разделение земли: племя или племенное подразделение рассматривает какую-то территорию как свою собственность и не терпит вторжения на нее соседей. В свою очередь, племенное подразделение состоит из родов, а те делятся на родовые группы, которые тоже рассматривают части общеплеменной территории как свою собственность. Поэтому мы наблюдаем такую путаницу территориальных участков, по которым кочуют отдельные аулы и их объединения, что путешественнику немыслимо представить себе ясную картину разделения всей территории.

Для степного скотовода особенно важно найти места, подходящие для зимних и летних кочевий, так как не всякое место пригодно для любого времени года. Весну и осень он может в крайнем случае провести где угодно, так как весной скот повсюду найдет в изобилии воду и траву, осенью тоже много осадков, способствующих росту свежей травы. Но зимние и летние стоянки требуют совершенно определенных условий, отсутствие которых делает невозможным благополучное существование и рост скота. Для зимней стоянки необходимо место, по возможности обеспечивающее скоту защиту от непогоды в это суровое время года: или в лесистой местности, или в низкой речной долине, укрытой от ветра; не менее необходимо обилие воды и дров и пастбища с возможно меньшим слоем снега. Для летних стоянок, напротив, желательно иметь свободные открытые пространства с хорошим водоснабжением — на берегах озер или текучих вод — и вдобавок такие места, где скот будет меньше страдать от насекомых.

К зимним стоянкам предъявляется гораздо больше требований, чем к летним, к тому же последние легче найти, особенно в горных районах. И поэтому именно зимние стоянки определяют плотность расселения кочевников и от них зависит благополучие поголовья скота. Не случайно для кочевника богатство какого-то района определяется обилием и удобством зимних стоянок, и можно считать, что все сражения и военные походы киргизских орд в прошлые столетия были не чем иным, как постоянным стремлением захватить лучшие зимние стоянки. Теперь, когда киргизам отданы определенные округа и районы и место землевладения закреплено, борьба за зимние стоянки прекратилась и уступила место урегулированному владению определенными участками. Теперь каждая киргизская семья имеет в своих границах определенный зимний участок (*кыстау*), который является наследным владением семьи и может перейти к другой семье лишь по юридически оформленной купчей. Такая купчая оформляется всегда в присутствии многих свидетелей

(соседей). Переход зимних участков из рук в руки происходит непрерывно, так как потребность в них неизменно зависит от размера стад его владельца. Поэтому, как только у киргиза уменьшается поголовье его скота, он стремится продать свою зимнюю стоянку более состоятельному соседу. Когда же, напротив, поголовье возрастает, он стремится увеличить свою зимнюю стоянку или по крайней мере добиться временного права пользования соседней стоянкой за годичную плату. Богатый киргиз старается еще при жизни дать самостоятельность старшим сыновьям, он наделяет старшего сына значительной долей своего скота и, если считает свою зимнюю стоянку недостаточной, покупает ему новый зимний участок. Если же у него самого достаточно большая зимняя территория, выделяя каждому сыну его наследственную долю скота, он определяет ему и место для собственного зимнего кочевья. Наследник имущества, оставшегося после смерти отца, и отцовской зимней стоянки — младший сын.

Если же остается много сыновей, то скот делится между ними и зимнее кочевье считается общим, если они не договорятся мирно о его разделе. Но происходит это крайне редко, так как невыгодно младшему сыну. Ибо в случае, если поголовье скота увеличится настолько, что не станет умещаться на зимней стоянке, старший брат, по киргизскому обычаю, обязан обеспечить себя новым зимним стойбищем, пользуясь при этом лишь частичной поддержкой младших братьев. Если же через некоторое время поголовье скота возрастет настолько, что стоянка окажется недостаточной для оставшихся братьев, то опять должен выделиться старший из оставшихся сыновей, и так до тех пор, пока на отцовской стоянке не останется младший сын.

Ежели с увеличением поголовья скота зимняя стоянка семьи все более расширяется, то с его уменьшением она все уменьшается, пока владелец не отказывается от нее и не продает ее, прибившись с остатками своих стад к какому-нибудь родственнику, у которого он в обмен на определенные услуги получает право пользоваться зимней стоянкой. Если же у него перемрет весь скот, ему не остается ничего иного, как пойти в работники.

Зимние стоянки обычно распределены таким образом, что отделяются от соседних естественной границей — речками, озерами, холмами, горными склонами и т. п. При отсутствии естественной границы устанавливаются искусственные пограничные знаки, например столбы или камни. Границы отдельных участков точно известны всем родственникам и соседям, они считаются неприкосновенными и находятся под охраной рода.

Не все зимние стоянки равно хороши, оттого и цена на них разная. Но всякий сколь-нибудь состоятельный киргиз всегда

стремится улучшить свою зимнюю стоянку путем прикупа, обмена или аренды.

Если зимние стойбища являются собственностью, закрепленной за отдельными лицами, то летние стойбища являются собственностью рода. Насколько мне известно, никогда не было здесь разделения летнего ареала между отдельными семействами. Здесь всяк, будь он беден или богат, имел право поселиться там, где ему угодно. Конечно, эта свобода была полной только теоретически. Человек богатый и влиятельный всегда мог устроить так, чтобы ему досталось лучшее место.

До середины апреля киргизы обычно остаются на зимних стоянках, а потом начинают перекочевывать. Чтобы захватить наиболее удобные летние стоянки, каждый аул, состоящий чаще всего из трех-пяти юрт, по возможности держит в тайне время, когда он собирается сняться, и место, куда он направляется. Но тем не менее ведутся тайные совещания с другими аулами, особенно с родственниками и друзьями; а потом аулы вдруг снимаются и стараются как можно быстрее достичь намеченного места. Если оно уже занято, то аул занимает ближайшую свободную территорию. Вслед за переездом одного аула обычно снимаются все аулы данной местности. Каждый старается поскорее устроиться на новом месте и не просто найти благоприятный участок, но и такой, который был бы удобен для последующих кочеваний и находился бы на пути к хорошему пастбищу, куда предстоит отправиться в разгар лета. В начале весны, когда травы еще мало, аулы лишь недолгое время могут оставаться на одном месте. Они меняют его чуть ли не каждые два-три дня. А в начале лета, когда трава выросла высокая, они часто остаются на одном месте неделями. В разгар лета движение опять усиливается, а осенью, по мере увеличения влаги, становится опять медленнее. Обратный путь с летних стоянок по всей степи происходит где-то в середине августа и обычно по тому же пути, которым следовали весной. Осенняя стоянка длится, как правило, с 15 сентября до 15 октября, а затем быстро возвращаются на зимние квартиры, где обычно устраиваются в начале ноября. Летние и осенние стоянки распределяются не по семьям, а по родовым подразделениям, и распределение по аулам зависит здесь от воли старейшин рода и других влиятельных людей. Само собой разумеется, что при этом не всегда соблюдается закон и справедливость, ибо не случайно говорится в киргизской поговорке:

О чем говорят члены многолюдных семей?
Они говорят о несправедливостях, которые совершили
по отношению к менее многолюдным семьям,
О чем говорят члены менее многолюдных семей?
Они говорят о несправедливостях, которые выпесли
от многолюдных семей.

Единственным средством борьбы против несправедливостей и насилия является тесное содружество семей и соседей под предводительством назначенных лиц; в таких объединениях заложен зародыш постоянно возникающих новых группировок родов [10].

На зимние квартиры киргизы отправляются только со стадами верблюдов, крупного рогатого скота и овец. Конские табуны они оставляют на осенних стоянках, расположенных, как правило, всего в 15—25 верстах от зимних квартир. Здесь лошади остаются обычно до начала сильных снегопадов, а затем их опять перегоняют на летние стоянки, особенно в такие места, которые остались неиспользованными летом из-за слишком высокого уровня воды, или в такие, где вследствие сильных осенних дождей опять выросла новая трава. Только бедняки и люди среднего класса совершают описанный путь вместе со всеми стадами. Богатые не могут пасти все свои стада в одном и том же месте. Они пасут раздельно своих коз, лошадей, коров и верблюдов в подходящих для них местностях, и там каждое стадо по отдельности совершает свой собственный круговорот. Потому-то и скот у богатых растет быстрее, так как каждый вид получает наиболее полезный ему корм. Так, например, верблюд, овца и коза любят пахучие жесткие травы, которые киргизы называют *кёкпёк* и *джуусан*, верблюды довольствуются даже репейником и колючками, а зимой — тонкими ветками ивняка. Лошадь же, напротив, любит больше всего сочную горную траву (*бетäкä* и *торлау*), растущую в расселинах скал, а коровам полезнее всего мягкая луговая трава.

На равнинах и холмах северной степи отдельные дороги, по которым перевозят юрты, так перекрещиваются и переплетаются, что постороннему невозможно разобраться во всей этой путанице. В южной же степи, где большинство горных хребтов вздымается до границы вечных снегов, круговорот кочеваний регулируется географическими условиями. Сама долина реки, обычно расположенная ниже степи, с берегами, поросшими негустым лесом и тополем, удобна для зимней стоянки, так как обеспечивает защиту от ветра и изобилие топлива. Летом же в низинах не живут, потому что бесчисленные тучи комаров, мух, оводов, слепней и мошкары погубили бы стада. Поэтому летом киргиз покидает низину и постепенно поднимается все выше в горы. Весной его стада пасутся на залитых солнцем горных склонах, где в это время года благодаря стекающим с вершин снеговым водам появляется наиболее богатая растительность. Когда же набирающее силу солнце начинает сжигать здесь траву, он поднимается все выше по открытым террасам, пока в самый разгар лета не добирается до границы вечного снега, где в приятной прохладе и проводит самое жаркое время года. А потом, осенью, караваны юрт снова направляются вниз, но не на открытые гор-

ные террасы, а в прикрытые ущелья и долины, туда, где солнце еще не спалило богатый травяной покров.

Скот, как видно уже из этого краткого обзора кочеваний киргизов, является основным жизненно важным условием для жителя степи, это его единственное средство существования, и потеря скота грозит ему голодной смертью. Для всего скота у него есть общее название *мал* (арабское слово, собственно означающее «имущество»). О том, как высоко он ставит скот, свидетельствует обязательный порядок в обычном приветствии киргизов: *мал джанынг аманна* (здоров ли твой скот и твои люди?) — сначала киргизы всегда справляются о благополучии скота, а потом уже — о здоровье людей.

Киргизы содержат пять видов скота: овец, коз, крупный рогатый скот, лошадей и верблюдов. В целом киргиз разводит больше овец и коз, чем крупного рогатого скота. Но так как и здесь очень многое зависит от местности, в Акмолинском округе содержат преимущественно овец, в Каркаралинском — больше крупный рогатый скот, как и в северной части Семипалатинского округа и на Кулунде, в южной части восточной степи — больше овец, а в горах — больше коз. Разведением верблюдов везде занимаются весьма умеренно, а коневодство повсюду распространено гораздо более, чем это может быть выгодно коневоду,— обстоятельство, единственным объяснением которого может служить лишь то, что разведение лошадей является неотъемлемой потребностью этого народа истинных всадников.

Перейдем к более подробному рассмотрению домашних животных киргизов.

I. Овца

На всем пространстве Киргизской степи выводится лишь одна порода овец — овца с жировым наростом у хвоста (Ovis steatopyga Turcomaniensis). Киргизы не без гордости называют ее *казак-кой*, т. е. киргизской овцой, в отличие от русской и калмыцкой овцы, которые тоже известны киргизам. Своими размерами она намного превосходит русскую овцу: до аршина вышиной, до полутора аршин в длину. Киргизская овца имеет крепкое сложение и очень мясиста, но покрыта очень жесткой шерстью, поэтому шубы из шкур киргизской овцы не считаются ценными. Чаще всего эти овцы — коричневого цвета, но встречается и много белых, черные же попадаются очень редко. По форме головы киргизская овца отличается от русской главным образом тем, что ее носовая кость изогнута гораздо больше, почти крючкообразно (в бараний рог), и гораздо уже, чем у русской овцы. По ушам киргиз различает два основных вида: 1) вислоухих (*салпанг ку-*

лак), со свободно свисающими вниз ушами шириной пальца в три, длиной с вершок, и 2) прямоухих (*джебй кулак*), со слегка завернутыми стоячими ушами длиной в вершок. Два эти вида распространены повсюду; третий вид — безухие овцы (*кулдур шулак кой*) — встречается куда реже.

Характерным признаком киргизской овцы является ее жировой нарост (*куйрук*). Он формируется с раннего возраста и состоит из двух толстых сальных подушек, отделенных друг от друга хвостовыми позвонками (*купшшак суёк*). У взрослых овец этот курдюк приобретает большие размеры и может весить до пуда. Такой курдюк животное уже не в силах носить и с трудом волочит его по земле на согнутых задних ногах. Киргизы говорят в таких случаях *кой куйругун шауланады*, и тогда человек приходит на помощь бедному животному и укрепляет под хвостом подставку на двух колесах, с ее помощью животному становится легче передвигаться, но все-таки оно еще довольно неуклюже. Курдюк весом в пуд действительно совершенно непропорционален, если вспомнить, что киргизская овца дает не более пятидесяти фунтов мяса.

Господин Барлиан пишет, что сальные подушки бесхвостых овец исчезают, как только их покупают русские купцы и переселяют с киргизской земли на свою. Но это не что иное, как заблуждение. Киргизские овцы не могут потерять в других землях свой курдюк точно так же, как другие виды овец — обрести его в киргизской земле. В Кулундинской степи киргизские овцы живут вместе с русскими. Если бараны в стаде — русские, то у новорожденных овец курдюк уменьшается, но исчезает совсем он лишь в третьем поколении. Если же в стаде киргизские бараны-производители, то постепенно появляются курдюки. Мне довелось наблюдать на берегах Исиккёля, что и там, существуя вместе, в одних и тех же условиях, монгольские и киргизские овцы продолжают сохранять свою породу.

Просто киргизская порода овец не распространяется в России потому, что овец и баранов ввозят из степи лишь на мясо и никогда не ввозят баранов-производителей, так как вряд ли кто-нибудь станет трудиться над разведением жесткошерстой киргизской овцы.

По-киргизски овца — *кой*, баран — *кошкар*, овцематка — *туу кой*, баран-самец — *эркäк кой*. Новорожденный ягненок называется *козы*, он обычно рождается в марте. Ягнение по-киргизски *кой козdайды*. Если овца ягнится слишком рано (в феврале) или слишком поздно (в мае или июне), то говорят: *кой арамза козdадыы* (овца отъягнилась неправильно). С осени до весны, т. е. во второй половине первого года, ягненка называют *токту*, на втором же году уже *сек кой*, на третьем — *кунан кой*, на четвертом — *дёнён кой*, на пятом — *бестä кой*. Кастрировать бара-

на — по-киргизски *койду тартып джибäрÿди*. Покрывание овцы — *кошкар койду кашырады* (баран гонит овцу). При купле-продаже возраст овцематок определяют по числу ягнений. Так, например, четырехлетнюю матку называют *ÿш кездаган кой* (овца, ягнившаяся три раза), пятилетнюю — *тöрт кездаган кой* (овца, ягнившаяся четыре раза).

Пасут овец отарами, у богатых бывает по нескольку отар, так как у них водится иногда и по нескольку тысяч овец. Бедняки из одного аула объединяются и вместе пасут своих овец. У менее богатых киргизов овец и коз гонят на пастбище вместе. Пастухи (*койшу*) обычно мальчики, на эту работу нанимают обедневших сирот. Поэтому во всех киргизских сказках пастуха называют *таша* (паршивый), так как у бедных из-за невозможности достаточно заботиться о своем теле часто встречается парша. Впрочем, в киргизских сказках пастух часто играет важную роль и достигает высокого положения, точно так же как в немецких сказках девушка, пасущая гусей, или свинопас.

Пастух седлает молодого вола (двухлетку—четырехлетку) и верхом на нем, вооружившись длинной палкой, гонит на пастбище свои стада. По животному, на котором едет пастух, всегда можно узнать, кому принадлежит стадо: киргизу или купцу-татарину, так как пастухи татар всегда ездят на лошадях, а пастухи киргизов — на волах. Овец гонят на пастбище и летом и зимой, и, как я уже говорил, всегда большими отарами. В северной части степи на сто овец приходится обычно два барана-производителя. Последних так мало потому, что всем овцам полагается ягниться только в определенное время года, а именно весной, ибо при отсутствии зимних стойл ягнята, родившиеся осенью, зимой погибли бы. Немногих ягнят, случайно родившихся осенью, содержат в юртах. Чтобы предотвратить возможность осенних ягнений, к телу барана-производителя прикрепляется под животом вертикально свисающий кусок войлока, и он носит это украшение много месяцев. А в южной степи, например в долине Или или Шу, поздно родившиеся ягнята легко переносят зиму, поэтому там держат обычно на сто овец четырех баранов-производителей.

Овцы, объягнившиеся весной, проводят со своими ягнятами несколько дней у юрты. Потом маток угоняют вместе с отарой, а у юрты остаются лишь ягнята. Только через несколько недель из ягнят формируют особые отары и гонят их на пастбище отдельно от маток. Зимой большие отары пасут, разделив их на три обособленные части: маток, баранов и ягнят. Рано утром отары овец отгоняют от юрты, в полдень они возвращаются. После обеда их снова гонят в степь, и возвращаются они лишь к вечеру. На ночь отары остаются вблизи юрт. У юрт имеются канаты, натянутые между палками, воткнутыми в землю (*көгöн*), а к ним

прикреплено на расстоянии примерно в пол-аршина друг от друга множество веревок. К этим веревкам в шахматном порядке привязываются овцематки — головами к канату. Первая овца привязывается справа от каната, вторая — слева, третья — опять справа и т. д.

Для ягнят в небольших отарах имеются более низкие *көгёны* с более часто привязанными к ним веревками. А при более крупных отарах для ягнят устраивают загоны.

Овцематок, привязанных к *көгёну*, доят дважды в день — в полдень и вечером. Обычно один *көгён* доят две женщины, одна — овец, стоящих от него справа, другая — стоящих слева. При дойке деревянный подойник (*агаш шелäк*) ставится меж задних ног, и овцу доят сзади, вытянув вымя между ногами. Если овца не сразу дает молоко, доильщица грубо ударяет кулаком по вымени (*йелин*), и тогда овца сразу же дает молоко. Естественно, что при таком расположении доящей животное очень часто пачкает ей руки, а также и доильник, по этому придается мало значения, так как киргиз говорит: *койдунг богу арам эмäс* (овечий навоз не нечистый, т. е. не названный в Коране греховным). Попавшую в доильник грязь вынимают из ведра небольшой палочкой. Обычно овцу доят четыре месяца, говорят, что на четвертом месяце она дает уже очень мало молока. Осенью молоко есть только у поздно ягнившихся овец (*кенджä коздаган койлар*). Овца дает в день лишь немногим более четверти литра молока. Правда, овец не выдаивают целиком, а оставляют в вымени немного молока; его высасывают ягнята, которых после дойки пускают к матери (называется это *козу джамырады*).

Летом и зимой овцы свободно пасутся в открытой степи и зимой тоже сами отыскивают себе корм, выкапывая передними ногами из-под снега траву; только маленьким ягнятам дают зимой сено, заготовленное летом у зимних стоянок. Для ягнят устраивают у зимних стоянок нечто вроде стойла. На Иртыше и Кулунде у киргизов, живущих вблизи русских поселений, стойла для ягнят построены из бревен, а в степи это углубления, вырытые в земле. Летом пасущихся овец два раза в день гонят на водопой, зимой в этом нет надобности, так как животные утоляют жажду, поедая снег.

Лучшее пастбище для овец — солончаки, а их излюбленный корм — травы *көкпöк* и *джуусан*.

В ясный, безоблачный осенний день овец гонят к озеру или близлежащему ручью и заставляют их несколько раз медленно пройти по воде (*суга чогутады*), чтобы вода смыла грязь с их шерсти. С реки овец гонят прямо к юрте и там стригут. Стричь овец умеют далеко не все, а лишь немногие киргизы, которые обычно превращают это умение в ремесло. Таких умельцев специально приглашают для стрижки, хорошо угощают и дают им

в качестве оплаты какую-то часть с остриженной шерсти. Овцам связывают все четыре ноги и стригут их большими железными ножницами (*кыртык*), начиная от зада. Опытный стригаль не отводит ножниц, пока не острижет всю овцу, и состриженная шерсть выглядит почти как целая овечья шкура. Шерсть сбрасывают в одну кучу независимо от ее цвета и качества.

Посмотрим теперь, как употребляют киргизы сырье, получаемое от овцы.

1. Молоко. Выдоенное молоко приносят в подойниках в юрту и выливают в длинные окуренные кожаные бурдюки (*саба*), привязанные справа от дверей к решетке юрты. Когда саба, вмещающая четыре-шесть ведер молока, наполнится, в котел наливают немного свежего овечьего молока и ставят на слабый огонь. В разогретое молоко вливают закисшее молоко (*айран*) и дают всей смеси свернуться. Потом сливают сыворотку, а свежий творог вываливают в миски. Сыворотку снова ставят на огонь, кипятят и кипящую выливают в саба, наполненные овечьим молоком. Затем обычно хозяин приглашает жителей остальных юрт аула отведать свежего творога. Гости садятся вокруг очага, и каждый получает немного свежего творога, а когда он съеден, один из гостей произносит масляное благословение (*май батасы*), кончающееся словами: *Майынгыз көп болсун*! (Да получится у вас много масла!). Как только гости удаляются, в сабу опускают палку-мешалку (*пистäк*) и завязывают отверстие сабы конским поводом. Потом с час сбивают молоко пистеком и осторожно открывают сабу, чтобы взглянуть, собирается ли в ней масло. Если масло сбилось, то вынимают пистек, плотно завязывают отверстие сабы и внутренней стороной миски придавливают снаружи кожаный бурдюк, чтобы спрессовать масло (*май калынг болсун деп толкуйду*). Когда масло спрессуется в один кусок, сабу открывают. Женщина засучивает рукав рубахи до самого плеча (*субанады*), вынимает масло рукой из сабы и кладет его в деревянное корыто (*астау*). Здесь она, помешивая тростниковой палочкой (*шиш*), удаляет из него куски навоза, шерсть, соломинки и прочую грязь. Потом хозяйка, самолично занимающаяся маслоделием, берет немного масла и смазывает им верхние концы решетки юрты — дает и им попробовать масла, чтобы они помогли испросить благословения на получение масла (*тиläӱдäс боп турсун!*). Потом дает каждому члену семьи и каждому вошедшему в дом немного масла в левую ладонь. Получивший масло перекладывает его в правую ладонь и вылизывает левую, потом перекладывает его из правой руки в левую и лижет правую ладонь и т. д., пока не вылижет постепенно все масло.

После всех этих ритуальных угощений, необходимых для того, чтобы удалось масло, его, не промывая, солят и помещают в вымытый овечий желудок, заворачивают в войлочную кошму.

Желудки, наполненные маслом, хранят в ящике на трех ножках (*кебäшä*), крышка которого или запирается на ключ, или по крайней мере привязывается веревкой, чтобы уберечь масло от лакомок-детей и работников.

Когда собирается несколько саба с творогом и пахтаньем, у юрты роют в земле яму в пол-аршина шириной и глубиной, длиной в 4—5 аршин (*йäр-ошак*), над ней ставят два-четыре котла, опирающихся краями на стенки ямы, а в котлы выкладывают творог и наливают пахтанье. Под котлами разводят слабый огонь. Уже заранее работник подвозит на верблюде несколько вьюков сухого навоза, употребляемого в качестве горючего материала, а теперь служанка (у бедных людей — хозяйка) следит за котлами, в то время как работник следит за огнем. Когда в котлах образуется пена, служанка пальцами снимает ее и с удовольствием слизывает, но делать это нужно тайно, так как, увидь это хозяйка, она сразу же закричит: *Курттунг мангысы кетäди, джалама*! (Не лижи, а то сыр потеряет вкус!). Как только творог закипит, служанки и работники берут по палке длиной в аршин с железной лопаткой на конце (*калак темир*, или *булгауш*), садятся перед котлом и непрерывно водят лопаткой по дну котла. Так как эта продолжительная работа не требует умственного напряжения, ее делают обычно в полудреме, прижав палку к груди и механически двигая взад и вперед верхней частью корпуса. Творог варят до тех пор, пока мешалка не застрянет в нем. Тогда его вываливают в деревянные корыта и оставляют в них на сутки. На следующее утро от него отходит еще немного сыворотки. Тогда творог перекладывают в мешок, изготовленный из верблюжьей пряжи, и подвешивают его к крыше юрты таким образом, чтобы остальная сыворотка стекала в корыто. А потом из творога формуют небольшие круглые сыры, высушивают их на воздухе на козлах, покрытых тростниковыми циновками. При сильной жаре сыры высыхают за три дня, иной раз на это уходит и неделя. Эти сыры, твердые как камень (*курт*), составляют очень важную часть зимних запасов провианта.

Кроме этих сыров из овечьего молока изготовляют еще и крошеный сыр (*эримшик*). Для его приготовления в доме всегда хранят в запасе высушенные желудки новорожденных ягнят (*мейäк*). Эримшик приготовляют так: свежее овечье молоко наливают в котел, кладут туда один *мейäк* и постепенно нагревают котел. В молоке, стоящем на огне, *мейäк* остается около часу. Затем его вынимают, молоко доводят до кипения и снимают с огня. Молоко очень быстро свертывается. Это свежесвернувшееся молоко по-киргизски называется *ак эримшик* (белый эримшик). Его снова ставят на огонь и варят до тех пор, пока не выпарится вся сыворотка, а сырная масса покраснеет и начнет пригорать. Тогда ее вынимают комками из котла, высыпают на камышовые

циновки и высушивают на воздухе до тех пор, пока она не превратится в мелкие желтые крошки. Они называются *сары эримшик* (желтый крошеный сыр).

На вкус европейца сыр (*курт*) ужасен — он кислый, горький, с песком. Более сносен он, если его растереть и смешать с водой, именно так и употребляют его зимой киргизы — как суррогат отсутствующего в это время года молока.

Эримшик же, напротив, в сушеном виде имеет приятный сладковатый вкус, и его едят с чаем. Женщин, пришедших в гости, обычно угощают эримшиком и маслом. Придя на праздничный пир, женщины приносят в подарок хозяевам эримшик и курт. Хорошую хозяйку узнают по тому, какой у нее эримшик. Иногда, правда довольно редко, эримшик готовят и из коровьего молока. Столь же редко приготовляют из овечьего молока айран (кипяченое кислое молоко). Те, у кого мало скота, сливают вместе в сабу коровье и овечье молоко.

2. Мясо и жир. Старых, уже не ягнящихся овец, забивают в начале зимы вместе с остальным убойным скотом впрок на зиму. Затем отделяют курдюки и нарезают их вдоль полосками (*тилäм*). *Тилäм* кипятят и хранят вместе с маслом. Зимой ими, как особым лакомством, угощают гостей или употребляют их при варке *баурсака* (маленькие кусочки теста).

А в остальном овец забивают только по случаю праздничных пиров, для больного, если так распорядится *бакса* (знахарь), и для приема особо дорогого гостя. Баран, забитый в честь гостя, называется *конаг асы*. Это почетное блюдо съедают обычно в один или два присеста, ибо лакомое угощение привлекает очень многих соседей, и каждому из них достается по куску. Сначала живого барана вводят в юрту и демонстрируют гостю, который произносит благословение. Потом его выводят из юрты, забивают и снимают шкуру. Легкие и кишки[11] бросают собакам, так как *öкпÿ ас бомас* (легкие — не еда), как говорится в киргизской пословице. Мясо, сердце и желудок кладут в котел, солят и варят. Но голову и грудинку вместе со шкурой (шерсть с нее сбривают ножом) жарят на очаге на палках. Опалив шерсть на голове, ее очищают и кладут в котел, не выбивая зубов, как того требует Коран; киргиз считает выбивание зубов дурным предзнаменованием для молодняка. Пену с котла тщательно снимают и уваривают очень сильно бульон. Когда мясо готово, гостю в деревянную миску кладут заднюю часть, грудинку (*сÿбö кабырга*), кости переднего бедра (*ортан джилик*), задние бедра (*токпак джилик*) и кусок курдюка. Вымыв руки, гость отделяет мясо от костей и макает его в сильно посоленный бульон. Хозяин еще не садится с гостем. Приготовив мясо таким образом, гость обращается к хозяину: *ас näсимäн татты, аска отурунгуз*! (еда вкусна только с хозяином, садитесь и ешьте!). Хозяин отвечает:

Алла разы болсун, ризабыз ашангыз! (Бог вас награди, благодарю, кушайте же!). Но гость не отстает. Так как хозяин продолжает отпекиваться, он отрезает большой кусок мяса (*джапрак эт*) от грудинки, подзывает хозяина и руками засовывает его ему в рот. Потом отрезает второй кусок и подает его хозяйке, но не руками, а кладет его для нее в чашку. Только теперь хозяин подсаживается к гостю и ест с ним из одной миски, все время предлагая гостю лучшие куски. Теперь гость нарезает мясо и жир на множество маленьких кусков и раздает их пальцами правой руки остальным присутствующим (*бесбармак*). Он берет по три куска и засовывает их разом в рот приближающимся к нему по очереди людям. Те широко открывают рот и вытягивают шеи. Небезынтересно наблюдать за выражением ожидания на физиономиях людей, получающих еду. Но в этом кормлении есть и неприятный момент: считается оскорблением хозяина и гостя, если получивший куски не проглотит их сразу же, а станет помогать себе пальцами. Если же попадаются куски побольше, проглотить их не так уж легко, и мученик этикета часто давится, лицо его становится сине-багровым, он вот-вот задохнется. Тогда бедному помогают соседи, один в страхе кричит: *как*! *как*! (постучи! постучи!), другие сильно колотят несчастного кулаками по спине, пока мясо не достигает благополучно желудка. Весь обливаясь потом, бедняга отдыхает после такого угощения. Говоря о бесбармаке уместно вспомнить о киргизском законе, согласно которому в случае если дающий положит более трех кусков или среди них попадется кость и угощаемый, бедняга, умрет в результате от удушья, то первый должен уплатить полный *кун* (штраф за убийство). Если же он дал три куска, то, как бы велики они ни были, в случае удушения он штрафа не платит.

Киргизы мастера варить баранину: нигде я не ел столь вкусного вареного мяса, как у них. В Ташкенде я познакомился с губернатором, который держал помимо русского повара еще и киргизского, специально для того, чтобы он готовил ему вторые блюда из баранины, забитой по-киргизски.

После мяса пускают по кругу деревянную миску с уваренным бульоном (*сорпа*), и каждый из присутствующих отпивает по нескольку глотков. Печень и часть мякоти мелко режется и поджаривается с кусками курдюка. Это блюдо называется *курдак* и подается после сорпы. Грудинку (*төстіјк*) жарят на открытом огне на палках, это считается особым лакомством.

После еды каждый из присутствующих вытирает жирные пальцы о голенища сапог, потом передает из рук в руки *джаулук*, белое льняное полотенце, но все уже пропитанное жиром и оттого стоящее колом, а потом уж моют руки и полощут рот водой. После трапезы все держат горизонтально перед грудью сложенные ладони, а гость произносит благословение хозяину, за-

вершающееся словами *Аллах экбäр* (бог велик) и оглаживанием бороды.

Вот несколько примеров таких благословений (*бата*):

Бог, господин, о будь милостив!
Будь милостив и дай ему скот!
Сделай его лучшим в народе!
Но у того, кто враждебен ему,
Возьми скот и разори его!
Аллах экбäр!

Или:

Будь милостив к нему, о мой бог!
И дай ему богатые дары!
Исполни ты все его желания!
Дай же ему в изобилии имущества,
Отвори ему руку для добрых дел,
Сделай благоприятной его жертву!
Исполни ты его просьбы!
Сделай его род благородным!
А врага, злодея,
Повергни к его стопам!
Аллах экбäр!

3. Ш е р с т ь. После того как весь скот острижен, собираются все соседские женщины, девушки и молодые парни, чтобы валять из шерсти войлок. Шерсть толстым слоем раскладывают на голой коровьей или конской шкуре (*тулак*). Вооружившись двумя длинными прутьями (*сабан*), люди становятся вокруг шкуры и под звуки бодрой песни в такт мелодии бьют шерсть по очереди правым и левым прутом. Побив шерсть, ее щиплют.

Расщипав и измельчив шерсть, ее раскладывают на двух сшитых соломенных циновках от четырех до семи аршин длиной двумя толстыми слоями; вниз кладут коричневую шерсть (*конгордау джӱн*), сверху белую (*акындау джӱн*). Теперь все это сильно смачивают и сворачивают в трубку вместе с циновкой. Сверток снаружи плотно обвязывают толстой веревкой из конского волоса, десять человек становятся в ряд справа от него и десять — напротив них — слева. Стоящие справа одновременно правой ногой ударяют по свертку и перекатывают его стоящим напротив, те уже приготовились, подняли правые ноги и перекатывают сверток опять своим визави. Такое перекатывание продолжается около полутора часов. Затем развязывают веревку и разворачивают войлок. Женщины подтыкают платье, засучивают рукава до локтей, опускаются на колено вокруг войлочной кошмы и равномерно, в такт похлопывают по войлоку, пропуская его между ладоней. Эта работа продолжается часа три. Потом берут кошму и грубыми стежками обшивают края. Затем садятся в кружок вокруг кошмы и медленно вертят ее по кругу, причем каждый

подвигает ее соседу (*кииз кёлёлёк айналады*). Когда войлок затвердеет, вынимают нити, которыми он был обшит, и раскладывают его на просушку.

Таким образом изготовляют обычные войлочные кошмы, которые по своей прочности намного превосходят калмыцкий и монгольский войлок. У киргизов этот войлок употребляют для покрытия юрт, и только очень бедные люди используют его как ковер на пол; кроме того, кошмы подкладывают под седла, матрацы и многое другое; множество таких кошм вывозят в Среднюю Азию и Россию. Киргизы изготовляют и более тонкие кошмы для ковров таких сортов:

1) обычные войлочные кошмы. Верхняя сторона их украшена различными узорами из шерсти разных цветов. Эти узоры накладываются на войлок, когда он еще находится в работе и свалян наполовину;

2) тонкие белые войлочные кошмы из отборной тонкой одноцветной шерсти;

3) крашеные тонкие кошмы;

4) цветные кошмы с вшитыми в них различными узорами из войлока другого цвета. Всегда изготовляют по две таких кошмы с совершенно одинаковым узором, вшивая узоры, вырезанные из одной кошмы, в основной фон другой. Узоры обшивают тонким шнуром, а всю кошму — цветной бахромой из козьей шерсти;

5) стеганые одноцветные кошмы;

6) Кошмы, вышитые цветными шерстяными шнурами.

Окраска войлока и шерсти частью производится растительными красителями, частью красками, купленными у русских.

Прядут лишь очень небольшое количество шерсти, большую ее часть перерабатывают на шнуры и тесьму. Шерстяные веревки из овечьей шерсти изготовляют только киргизы, живущие в южной степи, главным образом на реке Шу, и киргизы у Ташкента.

4. Шкура. Шкуру овец и ягнят сначала высушивают, а затем выдерживают шесть-семь дней в деревянном ведре с жидкостью, которую называют *ии* (смесь айрана, муки и сыворотки). Когда можно легко выщипать волосы, то говорят, что кожа готова (*терä ии болупту*), вынимают шкуры, очищают и сушат их; потом трут их железным инструментом (*темир ирäк*) до тех пор, пока они не станут мягкими (*укалайды*). Телячьи шкуры разминают до мягкости меж ладоней. Из этих шкур киргизы шьют шубы и шапки. Самые маленькие телячьи шкурки (*элтир*) дубленными в больших количествах скупают русские. Огромное число больших телячьих шкур, но только в недубленом виде, вывозится из степи. Овечьи шкуры из Северной Киргизской степи отправляют обычно через Петропавловск и Семипалатинск в Тюмень, где их употребляют в дело.

О ценах на овец и на продукты овцеводства могу сообщить следующее.

Цена на овцу одна и та же почти по всей степи. От Семипалатинска до Верного взрослая большая овца с большим курдюком стоит 3 рубля серебром. Трех- и четырехлетние овцы стоят 2 рубля, а маленькие годовалые (*токту*) — 1 рубль.

Цены на овечьи шкуры: большая овечья шкура стоит обычно 40 копеек, шкура годовалой овцы или двухлетки — 30 копеек, шкура полугодовалого ягненка — 20 копеек.

Шерсть от 100 овец мне посчитали оптом примерно в 5 рублей серебром. Аршин обычного войлока стóит в степи 30—40 копеек, белого войлока — 60—80 копеек. Тонкие войлоки идут по столь различным ценам, что трудно указать их единую стоимость.

Что же касается дохода от одного стада, то от Копала до Сергиополя мне исчисляли его следующим образом: 1000 овец дают в год примерно 420 голов молодняка, хозяева поедают около 70 овец и 280 продают, остальное добавляется к стаду, так что в хорошие годы оно вырастает до 1070—1100 голов. На кошму длиной в 6 аршин идет шерсть примерно 40 овец. Таким образом, от 1000 овец можно получить около 25 кошм, общая стоимость которых составит 60—65 рублей. Отсюда явствует, что выгода от овечьего стада очень велика, так как кроме молока оно дает еще 30—35% чистой прибыли.

II. Коза

По моим наблюдениям, повсюду в Киргизской степи разводят лишь один вид коз. Киргизская коза отличается от русских крестьянских коз тем, что она мельче, имеет меньшие рога и сильно изогнутую носовую кость. Шерсть киргизской козы средней длины, лохматая и жесткая. Нельзя сказать, чтобы у коз, как у овец, преобладал какой-то определенный цвет.

По-киргизски коза как вид называется *эшки*, так же называется и коза-самка. Козел по-киргизски — *текä*, козлята до шести месяцев — *лак*. Поэтому козленне по-киргизски — *лак-тайды*, а суягная коза — *лакты эшки*. Холощеных козлов второго года называют *серкäш*, а коз — *шыбыш*, на третьем году их называют соответственно *кунан текä* и *кунан эшки*, на четвертом — *дöнöн текä* и *дöнöн эшки*, на пятом — *бестä текä* и *бестä эшки*.

Киргизы считают коз и овец почти одинаковыми животными, пасут их обычно вместе, и, когда киргиз сообщает о численности своих стад, он говорит обычно: *кой эшки* (т. е. овец и коз) у меня столько-то. Поэтому я не могу сообщить ничего нового о содержании этих животных и об их выпасе — они точно такие же, как и для овец, даже привязывание молодых козлят у юрты

и доение происходит точно таким же образом. Козье и овечье молоко сдавают в один и тот же подойник. От козы киргизы получают следующие продукты:

1. Молоко (его употребляют, как и овечье).

2. Мясо (как и овечье). Но следует упомянуть, что из-за жирности овечье мясо предпочитают козьему, поэтому не принято угощать гостя мясом козы (это считается признаком скупости или по крайней мере недостатка щедрости или показателем неуважения).

3. Шкура. Как правило, у киргизов не принято выделывать козьи шкуры с шерстью, как это делают со шкурами овцы, так как шуб из козьего меха носить не любят: они получаются жесткими, тяжелыми и из-за неэластичности волоса гораздо менее теплыми, чем шубы из овчины. Если же их все-таки дубят, то поступают с ними точно так же, как с овечьими шкурами.

Чаще всего из козьих шкур выделывают кожу (*джаргак*). Это делается таким образом: высушив шкуры, сначала сбривают острым ножом шерсть, затем готовят жидкость под названием *малма*, отличающуюся по составу от *ши*. Кожу вымачивают в этой жидкости несколько дней, потом ее вынимают и сдирают слой кожи, находящийся на стороне, где растут волосы (*карты*), специальным инструментом под названием *орак*. Потом на три дня кладут кожи в соленое молоко, пока они, как говорят киргизы, не напитаются молоком (*сўткё тойады*). Затем шкуры растягивают, сушат и растирают, чтобы размягчить их (*укалайды*), точно так же, как я уже описал, говоря об овечьих шкурах. Из козьей кожи делают в основном длинные кожаные штаны (*шалбар*). Собственно говоря, шалбар — это штаны, служащие киргизу для верховой езды. Русские крестьяне в холода, отправляясь в путь, надевают такие же штаны поверх шуб и называют их «шаровары»,— очевидно, испорченным киргизским словом. Обычные желтые шалбар из козьей кожи стоят полтора-два рубля. Их вывозят в русские деревни большими партиями.

4. Шерсть. Козью шерсть киргизы обрабатывают по-разному. Длинные пряди вычесывают, удаляя из них грязь, красят и употребляют затем на кисти и бахрому для ковров и одеял. Короткий пух (*тўбўт*) прядут, и чаще всего из него изготовляется широкая, часто богато украшенная тесьма для крепления кошм на юртах. Цена тонкой козьей шерсти обычно 15—20 копеек серебром за фунт.

III. Крупный рогатый скот

Насколько я мог заметить, киргизы содержат только один вид крупного рогатого скота, но корова южной степи крупнее и сильнее, чем корова степи северной, что, конечно, зависит от

климатических условий, а может быть, и является следствием смешения с более мелкими коровами сибирских русских (*мӧшкӧ*). Киргизские коровы обычно среднего размера и мясистее, но беднее молоком, чем коровы русских. Их шкура покрыта короткой и гладкой шерстью, рога длинные и сильно изогнутые. Выведение породы коров встречается столь же редко, как и у овец. Вывоз убойного скота в русскую Сибирь очень велик.

Крупный рогатый скот как вид называется по-киргизски *сиир*, так же называется и корова. Бык по-киргизски — *бука*, вол — *өгүз*. Новорожденных телят называют *бузау*, а отел поэтому *бузаулайды*. Дойную корову, т. е. корову с теленком, называют *бузаулаган сиир*. Теленок первого года называется *торпак*, на втором году — *таинша*; молодых быков — *таинша* — кастрируют, так что на третьем году уже различают *кунан бука, кунан өгүз* и *кунан сиир*. Также и на четвертый год различают *дөнөн бука* и т. д., на пятом — *бестӓ бука* и т. д.

Коров пасут и большими стадами, и небольшими, так, чтобы в среднем на одного быка приходилось бы 30—40 коров. В быки-производители отбирают обычно телят от лучших молодых коров. Как правило, содержат больше коров, чем волов, соотношение между ними обычно 3 : 2. На пастбище все коровы и волы одного хозяина пасутся вместе и не делятся, как лошади, на отдельные стада. Как правило, все стада аула пасутся на одном месте. Но быков и коров пасут по отдельности.

Летом стада ночуют у юрт где попало. На зиму для взрослого скота строят маленькие дворы, обнесенные деревом, камнем и глиняными стенами (*кора*), для телят сооружают крытые хижины (*үшүк*). Стада обычно пасутся без пастухов и не удаляются особенно от юрт. Ночью, когда коровы возвращаются к юртам, телят привязывают в ряд к натянутым веревкам. Поэтому и коровы остаются у юрт, а утром телят отвязывают и по одному подводят к маткам. После того как теленок немного пососет, его отрывают, и корова дает спокойно подоить себя. Выдоив ее на три четверти, к ней снова подпускают теленка и дают ему высосать остатки молока. Потом телят опять привязывают, а коровы сами отправляются на близлежащие пастбища. Только после ухода коров телят снова отвязывают и дают им свободно пастись у юрты. К вечеру их опять привязывают в ожидании возвращения коров. Вечерняя дойка происходит затем точно так же, как и утренняя. Доят коров только при участии телят и этим добиваются того, что коровы не уходят далеко от аула, сами регулярно возвращаются к юртам и проводят ночи около телят. Киргизы утверждают, что их коровы никогда не дадут молока, если теленок не пососет их и не будет при дойке стоять рядом с матерью.

Быков, как я уже говорил, пасут отдельно от коров. При них

постоянно находится пастух, который следит, чтобы они оставались на одном месте. Они пасутся недалеко от юрт, их никогда не подгоняют к самим юртам.

Зимой и летом коровы и быки должны сами добывать себе в степи пищу, сено ставят лишь для родившихся осенью телят (*кенджä бузау*).

Доят коров только летом, по два раза в день — вечером и утром. Период дойки продолжается месяцев шесть, с весны до поздней осени. Каждая корова кроме того, что выпивает теленок, даст еще около двух с половиной кварт молока в день. Зимой доят только коров, оставшихся весной яловыми (*кысыр сиир*) и отелившихся осенью. Этих коров, как и мелкий скот, кормят зимой сеном, но, несмотря на это, они дают обычно не более полутора кварт молока в день.

Крупный рогатый скот киргизы используют и в качестве верхового, но только при выполнении работ неподалеку от дома. Дети и мальчики садятся на него, если нужно выполнить какие-либо поручения вблизи от юрт, пользуются им и чабаны. Ездят только на двух- и трехлетних коровах, а на волах — когда они и постарше. Взрослых волов (*кöш*) используют и как тягловый скот. Для этого на них надевают, как на лошадей, вьючные седла, и они переносят тяжести до десяти пудов весом. У молодых телят всегда вокруг шеи обвязана веревка, при помощи которой их в любой момент можно привязать к длинной веревке для телят (*йäли*). У всех коров и быков, используемых для поездок верхом и перевоза тяжестей, имеется *мурундук* — заостренная на концах палочка длиной примерно в два дюйма, вдетая в пробуравленную носовую кость. На одном конце такой палочки прикреплена веревка длиной в полтора аршина (*бас джиби*), которой всадник пользуется как поводьями. Эта веревка проходит по лбу между рогами, и ею всадник направляет животное. Когда волы навьючены или свободно бродят по пастбищу, повод подвязан к одному из рогов. Особых седел для крупного рогатого скота не существует. Бедняки ездят на всех молодых коровах и всех волах, какие только у них имеются. Богатые люди отбирают для верховой езды самых сильных волов и отделяют их от других, содержащихся у юрты.

Крупный рогатый скот живет здесь в среднем только 15—16 лет. Быки покрывают коров на исходе второго года жизни (*бука таинша кӱнӱндö кашырады*), поэтому и кастрируют их на втором году. Коровы обычно телятся в первый раз на третьем году. Возраст стельной коровы исчисляется также по числу принесенных ею телят: *бир бузаулаган сиир, эки бузаулаган сиир* (телившаяся раз и два раза корова) означает четырех- или пятилетнюю дойную корову. Крупный рогатый скот киргиз забивает крайне редко, только зимой старых яловых коров (*туу*

сиир). Цены на крупный рогатый скот таковы: новорожденный теленок стоит 1 рубль, двухлетка — 3 рубля, трехлетка — 5 рублей, четырехлетка — 10 рублей. Дойная корова с теленком (*бузаулаган сиир*) стоит 12—15 рублей, а большой жирный убойный вол — до 17 рублей. Конечно, цена на скот колеблется. После эпизоотии или большого падежа скота из-за весенней непогоды она намного возрастает. На моих глазах в 1862 г. в Аягусе за дойную корову уплатили 25 рублей.

Из продуктов, получаемых от крупного рогатого скота, я упомяну здесь следующие.

1. Молоко. Только бедняки сливают коровье и овечье молоко вместе, зажиточные собирают его раздельно.

С коровьим молоком поступают следующим образом: выдавают его в деревянные ведра, сливают в котлы и кипятят сразу после дойки. Когда отстоятся сливки, их снимают и сбивают из них масло. Потом его растапливают в котле на слабом огне, солят и наполняют им кишки. Молоко разбавляют водой, сливают в котел и добавляют туда кислое молоко (*уйутку*). Тогда все молоко свертывается (*уйуйду*). Постоянно помешивая, его доводят на слабом огне до полного свертывания и тогда выливают в большие бурдюки (*саба*) и сбивают еще два-три часа специальной мутовкой (*пистäк*). Через 24 часа вследствие дальнейшего скисания образуется излюбленный и наиболее распространенный молочный продукт киргизов — айран. Это — густое, очень приятное на вкус кислое молоко. Из части кислого молока без добавления воды путем нагревания приготовляют творог (*катык*), а из него сыр (*курт*).

Айран пьют обычно в чистом виде из больших деревянных мисок, каждый раз перед тем, как налить в миску, его вымешивают в сабе пистеком. Кроме того, его едят ложками, добавив к нему пресного или кислого масла (получаемого при изготовлении айрана), или со свежими сливками (*каймак*). Наконец, из айрана готовят следующие блюда:

1) айран с сырой пшеничной мукой, замешанные в жидкую кашицу;

2) айран с поджаренной мукой (*талкан*), замешанные в густую кашу;

3) айран с поджаренным пшеном;

4) айран варенный с пшеничной крупой, излюбленное блюдо, называемое *кöшö*.

2. Мясо и жир. Взрослое животное дает до двенадцати пудов мяса и пять-шесть пудов жира. Жир сразу же после убоя вытапливают и продают потом русским и татарским купцам. Торг происходит в самом начале зимы. Говядины богатый киргиз не есть никогда, да и бедный ест ее весьма неохотно. Киргизы считают, что говядина трудно переваривается и поэтому она —

очень нездоровая еда, вызывающая несварение желудка и боли в сердце. Причина такого мнения, конечно, в том, что киргизы едят мясо только старых коров, не отличающееся вкусом и действительно твердое и жесткое, особенно если его варить в открытом котле.

3. Шкура. Киргизы очень редко обрабатывают коровьи шкуры, только для изготовления больших и маленьких жестких кожаных мешков (*торсук* и *саба*). Кожу выделывают точно так же, как козлиную. Вымочив в молоке (*сӱткӧ тойады*), ее растягивают при помощи колышков, выкраивают и сшивают предварительно высушенными и отбитыми до мягкости сухожилиями. Потом изготовленный таким образом мешок высушивают и придают ему правильную форму; высохнув, он становится совершенно жестким. Когда мешок высохнет, его окуривают, чтобы он не придавал помещенной в него жидкости своего вкуса и запаха.

Бо́льшую часть коровьих шкур продают русским и татарам. В степи одна такая шкура стоит 3 рубля. Но купцы получают эти шкуры по куда более низкой цене, так как они уже весной выплачивают вперед деньги за шкуры, которые получат осенью.

IV. Лошадь

Киргизская лошадь (*казак мал*) в целом не крупнее сибирской крестьянской лошади (*мӓстӓк*). По красоте она много уступает калмыцким лошадям Алтая. Она невелика ростом, обычно высотой лишь два аршина и полвершка, у нее удлиненная голова с массивной мордой, с сильными ганашами и очень маленькими глазами; красиво посаженные, пропорциональные уши, как правило, раздвоены, шея мясистая, часто напоминает оленью. Почечная область красиво округлена, круп короткий и пологий, высоко посаженный хвост даже в состоянии покоя она держит слегка отставленным. Грудь в поперечнике достаточно широка, а на конечностях с коротким путовым суставом и отчетливо выделяющимися мускулами и маленькими крутыми копытами напрасно было бы искать наливов в области сустава или подколенных опухолей.

Обычно считают, что в Северной Киргизской степи встречается только одна порода лошадей; это, однако, совершенно неверно. Калнинг сообщил мне, что киргизские лошади делятся на две разных породы. Одна из них, особенно соответствующая вышеописанному типу, преобладает и представляет собой первоначальный и наиболее ярко выраженный тип киргизской лошади. Внешний вид второй современной породы киргизских лошадей совпадает с породой алтайской калмыцкой лошади. По Калнин-

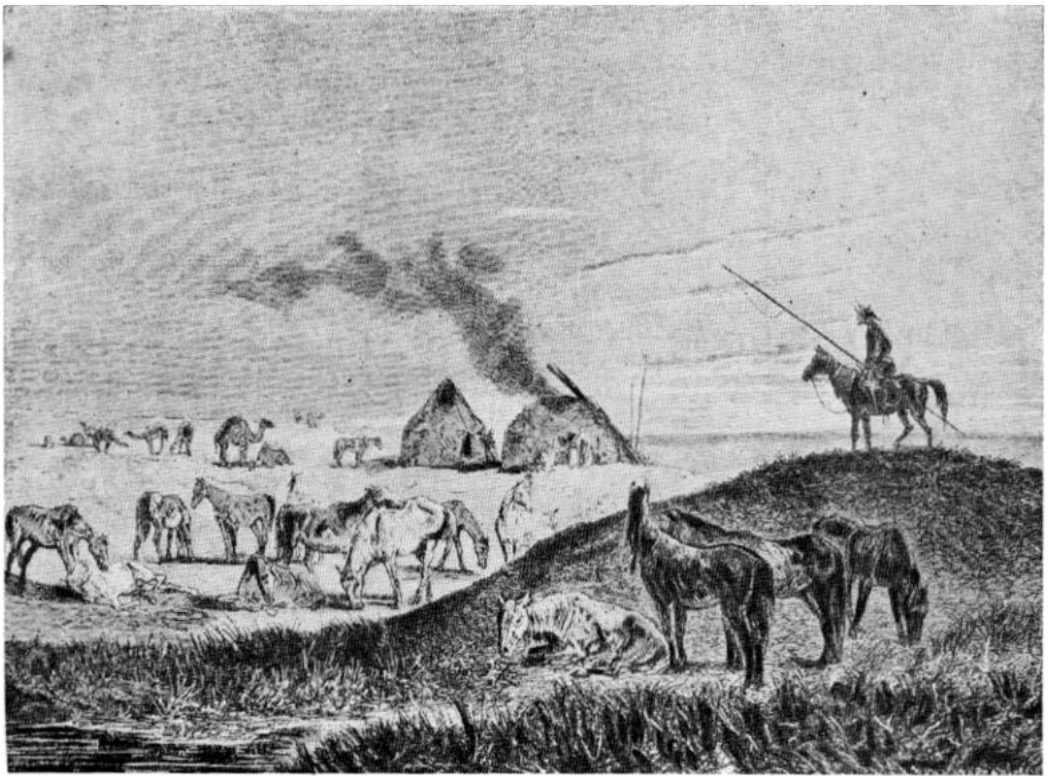

Таблица 10. Сцена в Киргизской (Казахской) степи

гу, киргизы объясняют появление алтайской лошади в Киргизской степи следующим образом. В давние времена калмыки еще кочевали от Семипалатинска до Орска. В прошлом столетии пришли с юга киргизы, разбили калмыков, изгнали их из этой области и захватили их красивых лошадей. Сейчас в Киргизской степи не часто встретишь алтайскую лошадь, а если и встретишь — то только у богатых киргизов или у потомков бывших султанов, которые содержат их в особых табунах и следят за чистотой породы. Киргиз особенно высоко ценит этих лошадей за их стать и силу и платит за такую лошадь гораздо больше, чем за обыкновенную киргизскую.

Киргизскую лошадь отличает выносливость. Как и весь киргизский скот, она сама отыскивает себе корм и поэтому не капризна; она может долго терпеть голод, не теряя сил. Это — подлинно степная лошадь, дикая и горячая. Не столь злая, как монгольская, но в любом возрасте — коварная и своенравная.

Кроме киргизских лошадей у киргизов южной степи встречаются порой и отдельные арабские породистые лошади, высокие и очень красивого сложения. Называют их *аргымак*, чаще всего это жеребцы и мерины. Все аргымаки содержатся в качестве верховых лошадей у богачей, и зимой их кормят сеном. Так как эти породистые жеребцы покрывают некоторых кобыл, в стадах богатых купцов встречается уже немало высоких лошадей смешанной породы.

Для киргиза лошадь — это высшее средоточие красоты, жемчужина среди всех его животных. Он любит свою лошадь больше, чем возлюбленную, и красивые лошади часто превращают честных людей в воров. Конокрадство рассматривается как некий подвиг, в то время как кража другого животного может вызвать только презрение. Своего скакуна киргиз отдает в чьелибо временное пользование крайне неохотно.

Свое уважение к коню киргиз выражает уже при помощи имени, которое дает ему. Он называет его коротко: *мал*, т. е. животное, так как лошадь для него — воплощение всего животного мира. Киргизская лошадь живет на свободе в табуне (*ӱрлӱ мал*). Табуны лошадей по-киргизски — *жылкы*, или *жылкы мал*. Каждый конский табун пасется по отдельности, и глава табуна — жеребец — не позволяет лошадиным семьям из соседних табунов смешиваться с его лошадьми. Каждый табун (семейство — *ӱӱр*) состоит в лучшем случае из 50, а самое меньшее — из 15 голов. «У богатых лошади растут лучше, чем у бедных»,— гласит киргизская пословица. Обычно семейство лошадей состоит из одного жеребца (*айгыр*), защитника и хозяина семьи, девяти кобыл-маток (*биӣ*), девяти новорожденных жеребят (*кулун*, а зимой их уже будут называть *жабага*), восьми жеребят-второгодок (*тай*), пяти-восьми жеребят-трехлеток (*кунан*), пяти-шести же-

ребят-четырехлеток (*дөнөн*) и нескольких более старых меринов (*ат*) (пятилеток называют *бестä ат*, шестилеток — *алтыда ат*). Кобылу, до того как она ожеребилась, называют *бойдак байтал* или, коротко, *байтал*, на четвертом и пятом году жеребята кобылы называются *кунажын* и *дөнөжўн байтал*, так как кобыла жеребится только на пятом году (*бестäсиндä кулундайды*). Хороший жеребец покрывает до девяти кобыл, плохой — только пять или шесть. Кобылы жеребятся в марте; кобыла, не ожеребившаяся до лета, называется *кысыр биä*, если же она вообще неспособна понести, она называется *туу биä*. Жеребец покрывает (*кашырады*) кобылу только на пятом году, поэтому и холостят жеребцов на пятом году. При выборе жеребца обращают внимание только на породу и стати, но не на масть коня, и поэтому у киргизов встречаются лошади самых удивительных мастей и особенно много пятнистых.

Жеребец — защитник и охранитель єтада. Он защищает стадо от нападения диких животных. У хорошего жеребца волк не украдет жеребенка. Он не терпит рядом с собой соперника и изгоняет всякого жеребца, приблизившегося к его кобылам. Когда молодые жеребцы вступают в четвертый год жизни, родной отец кусает их до тех пор, пока они не покинут табун, и бедные изгнанники пасутся тогда в одиночку в известном отдалении от табуна, пока хозяин не присоединит их к другому табуну. Жеребец также никогда не покрывает собственных жеребят-кобылиц. Если молодая кобыла в период течки бросается на отца, он кусает и ее, пока она не покинет табун. Тогда она бежит прямо против ветра, пока не наткнется на другой табун. Точно так же молодой жеребец, которого придают стаду, никогда не покрывает свою мать. Если его оставляют жеребцом-производителем в собственном табуне, то приходится удалить из него мать.

Так как в одном табуне вырастают кони различной масти, табуны, конечно, становятся очень пестрыми, но господствуют буланые, затем следует гнедая масть, затем белая, вороные встречаются очень редко.

Я кратко перечислю здесь все главные масти по киргизской классификации, сильно отличающейся от нашей.

1. Лошади, основная масть которых белая; *кызыл ат* (букв.: красная лошадь) называются такие, масть которых сплошь белая, а непокрытые шерстью участки кожи у пасти и паха цвета мяса; *көк ат* (голубая лошадь) или *боз ат* (белая или седая лошадь) называются лошади той же масти, но с черной кожей.

Разновидности белой по преимуществу лошади:

кызыл көк (красно-голубая). Белая с рыжиной лошадь, основная масть которой белая, но на голове, задних ляжках, гриве и хвосте заметен коричневый оттенок;

кара кӧк, или *кара боз*,— когда на этих же местах имеется более темный, сероватый оттенок.

2. *Кара ат* — вороной.

3. *Джиирӓн ат* — рыжая.

4. Гнедые лошади с черной кожей и черными гривой и хвостом:

торо — рыже-гнедая;

хара торо — темно-гнедая;

кӱрӧнг — саврасая;

кара кӱрӧнг — темно-саврасая;

сары ат (желтая лошадь) — гнедая лошадь с переходящим в желтизну животом;

кара сары — черно-желтая;

кызыл-сары — рыже-желтая.

5. Гнедые лошади с белой кожей у пасти и в паху:

шабдир ат — темно-гнедая лошадь с белой грудью;

кер ат — темная лошадь с белыми гривой и хвостом.

6. Буланые (светло-желтые лошади с темными гривой и хвостом):

кара кула — черно-буланая;

кызыл кула — рыже-буланая;

сары кула — изжелта-буланая.

7. *Конгур ат* — светлые лошади со светлой гривой.

8. *Буурул ат* — лошади смешанной масти, т. е. такие, у которых подшерсток темный, а шерсть светлая. Много оттенков:

кара буурул — вороная со светлой шерстью;

кызыл буурул — рыжая со светлой шерстью;

сары буурул — желтая со светлой шерстью.

9. Пегие — *ала ат* — чисто-белые лошади с большими темными пятнами:

кӧк ала — голубая пятнистая — белая лошадь в крупных серых пятнах;

кара ала — черно-пятнистая — белая лошадь в больших черных пятнах;

кызыл ала — красно-чалая и т. д.;

сары ала — желто-чалая и т. д.

10. Барсовая лошадь — *шыбар ат* — светлая лошадь в небольших темных пятнах (чубарая):

кӧк шыбар — в мышастых пятнах;

кара шыбар — в черных пятнах;

буурул шыбар — в пестрых барсовых пятнах и т. д.

Кобылы жеребятся обычно в марте, и их спокойно оставляют в стаде до мая. В начале мая кобыл-маток вместе с жеребятами переводят к юртам и там привязывают жеребят за недоуздки к длинным веревкам (*джели*). Пока жеребята привязаны, кобылы свободно пасутся у юрт, все время оставясь неподалеку от них.

Но, прежде чем отвязать жеребят, нужно обязательно привязать кобылиц длинными веревками к колышкам, врытым в землю, иначе они обязательно вернутся вместе с жеребятами в табун на пастбище.

За одну дойку кобылицы дают очень мало молока, поэтому приходится доить их 6—7 раз в день, и все-таки хорошая кобыла дает в день лишь около двух кварт молока, так как значительную часть высасывает жеребенок. Дойка кобылиц — весьма тяжелая работа и опасная для доящего, поэтому выполняется она всегда мужчинами. И нельзя пользоваться деревянным подойником (*шелäк*), который лошадь может легко разбить ударом копыта или по меньшей мере перевернуть. Поэтому пользуются кожаным ведром (*кöнöк*). Для дойки требуются минимум два человека, а для дойки более диких кобыл — и все три. Сначала спутывают кобыле передние ноги путами (*тусак*), потом один мужчина накидывает на шею кобылы петлю (*курук*), довольно сильно затягивает ее и держит обеими руками в продолжение всей дойки. Если кобыла дикая, то петлю с трудом удерживают двое мужчин. Доящий опускается на колено слева от живота лошади и ставит подойник на левое колено. До и после дойки нужно подпустить к кобыле жеребенка. Выдоив кобылу, дают жеребенку пастись некоторое время у привязанной матери.

Кобылиц доят таким образом четыре месяца, и до осени, пока не пожелтеет трава, они остаются у юрты, а потом вместе со своими жеребятами возвращаются в табун. Впрочем, у менее зажиточных людей всех жеребят оставляют у юрты на четыре месяца. Богатые киргизы содержат у юрты попеременно определенное число кобылиц, обеспечивающих молоко, нужное для получения кумыса. В хорошую зиму, когда мало снега и лошади без труда находят вблизи юрты достаточно корма, кобыл, ожеребившихся осенью, оставляют у юрты и доят зимой. И тогда зимой несколько юрт совместно собирают кобылье молоко.

Кроме кобылиц у юрт оставляют еще и несколько меринов для верховой езды. Обычно им спутывают три ноги, чтобы помешать убежать обратно в табун. Богатые лишь на короткое время оставляют верховых лошадей у юрты и часто меняют их в течение года. Впрочем, и они своего любимого коня всегда держат у юрты и даже прикармливают его сеном. Но ни у одной юрты не содержится более трех верховых лошадей.

Содержание лошадей на пастбищах семейными табунами доступно, конечно, лишь богатым людям. Бедные пускают нескольких своих лошадей в табун богатых, а то и дают им пастись по отдельности вблизи юрт. У бедных не доят кобылиц, пользуются для верховой езды и кобылами и жеребцами, а состоятельные люди ездят только на меринах или отборных жеребцах, которых всегда держат отдельно от стада.

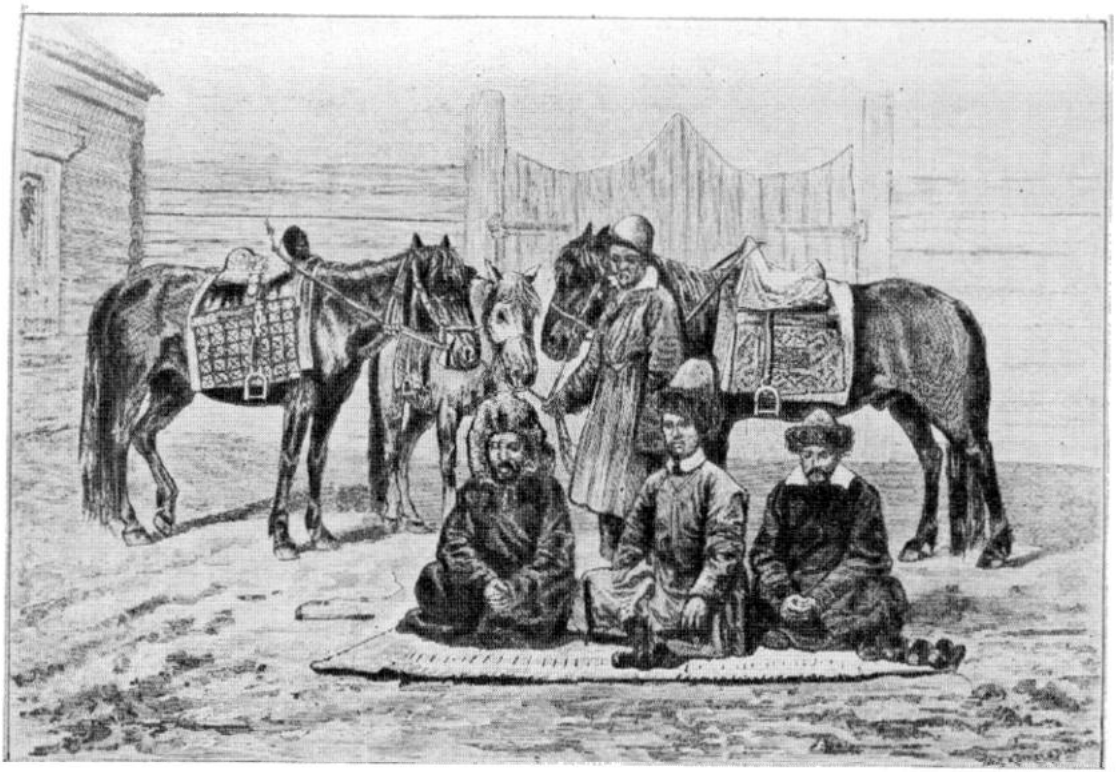

Таблица 11 Почтовая станция в Киргизской (Казахской) степи

На юге киргизы содержат в целом гораздо меньше лошадей, чем овец и коров, но, как правило, все-таки больше, чем им это необходимо. Люди, содержащие три конских табуна, считаются уже богатыми. Но встречаются, хоть и не часто, богачи, имеющие по 80—100 табунов.

Причина того, что лошадей содержат относительно мало, заключается в характере подножного корма, а кроме того, от лошади, пасущейся в табуне, выгода владельцу не очень велика: продает лошадей он крайне неохотно, ибо, как гласит киргизская пословица, «продажа лошади мешает росту табунов». Главная выгода киргизу от лошади — в использовании ее для верховой езды или на убой и для дойки, а для этого достаточно и небольшого числа лошадей.

Киргизы ездят на лошадях с раннего детства, уже в младенчестве их привязывают к *ашамаи* (детскому седлу). Поэтому неудивительно, что каждый взрослый мужчина — превосходный наездник. В седле киргиз сидит твердо и спокойно, хоть его посадку при верховой езде никак нельзя назвать красивой. Лошадь под киргизом никогда не устает. Не раз я имел возможность с восхищением наблюдать это: во время моей поездки в Кулджу выбилась из сил лошадь сопровождавшего меня казака и он поменялся лошадьми с нашим проводником-киргизом, но через два часа и эта лошадь под казаком устала и не желала сдвинуться с места, тогда он снова пересел на свою лошадь, отдохнувшую тем временем под киргизом, а тот снова сел на свою лошадь, которая еще более часа безотказно несла его.

Киргизы ездят верхом в коротких стременах, а так как каблук киргизских сапог расположен чуть ли не посередине подошвы и, как французские каблучки наших дам, наклонен вперед, в стремена можно продеть вообще лишь треть стопы. Ляжки наездника свисают совершенно свободно и вовсе не прилегают плотно к туловищу лошади, только колено касается переднего края очень высокого седла. Таким образом, всадник, сидя свободно, балансирует и держится в седле только благодаря своей посадке, ничуть не досаждая лошади излишним давлением. Киргизы вообще ездят только шагом или галопом. При езде рысью они стоят в стременах, пригнув голову вперед к самой шее лошади. При езде шагом и при галопе они сидят прямо, при скачке в карьер они тоже нагибаются вперед. Погоняют лошадь только кнутом, который висит на ременной петле на среднем и указательном пальцах правой руки всадника. Повод всадник держит в левой руке, обычно в кулаке. Так ездят и мужчины и женщины.

Сбруя (*эр тууранаы*) у киргизов такова.

Снаряжение головы: 1) узда (*джўгён*), состоящая из мундштука или трензеля (*ауздук*), колец по обе стороны губ (*суулук*), подчелюстного ремня (*сагалдырык*), налобного ремня

(*кенгсäрäк*), пащечных ремней (*джаактык*), затылочного ремня (*джелкäлик*), поводьев (*тизгин*) и чембура (*шылбыр*) длиною примерно в полторы сажени, прикрепленного к левому кольцу недоуздка, всадник всегда держит его в руке вместе с поводьями;

2) ременной недоуздок (*нокта*);

3) седло (*иер*): а) киргизское, с головкой передней луки (*кас*) в форме полумесяца, на котором ездят мужчины; б) кокандское (*сырлы иер*, или *сарт иер*) для женщин. Кокандское седло изготавливается из склеенных слоев березовой коры, лакировано и украшено инкрустациями из кости. Головка передней луки заострена и заканчивается наверху витой шишечкой. Части киргизского седла таковы: передняя часть (*алдыгы кас*), задняя часть (*арткы кас*), крылья (*каптал*). На деревянном каркасе покоится седельная подушка (*көпшӱк*), под седло подложены войлочные кошмы (*кеджим*), на них — чепрак (*токум*). Поверх чепрака, обычно изготовленного из «русской» кожи, кладут свисающие с обеих сторон четырехугольные куски кожи, чтобы каблуки не касались боков лошади, называются они *тебиши*. Поверх седельной подушки обычно крепится ковер ремнем, который называется *пыстан*. Ремни, удерживающие седло, называются: *аил* (подпруга), *ӧмӱлдрӱк* (нагрудный ремень) и *куискан* (подхвостник). К заднему деревянному краю седла прикреплены две пары тонких ремешков для привязывания одежды или других вещей, называются они *канджыга*. Небольшие боковые сумки для хранения провизии, перекинутые через седло, называются *иер коршун*.

Самые дорогие киргизские седла украшены серебром. Их, конечно, покупают только богатые. У женщин сбруя, как правило, украшена богаче, чем у мужчин. Уздечки даже у самых бедных женщин выложены серебром. При перевозке юрт чепраки под женскими седлами — из красного сукна (*кызыл манат*) с отделкой из плюша (*макпал*); кроме того, на седло накинута большая попона из красного сукна (*джамджа*), а перед седлом крепится вещевой мешок, тоже обтянутый красным сукном, с самой лучшей одеждой (*бокша*). У женщин помоложе при переезде на этом мешке покоится люлька с младенцем.

Для детей двух-четырех лет имеются детские седла (*бала ашамай*), к которым ребенка привязывают. Дети старше четырех лет ездят верхом уже в обычных седлах. Киргизы — подлинный народ всадников. Детьми они вырастают вместе с жеребятами и до смерти живут со своими лошадьми. Надо ли удивляться, что во всем, что с ними происходит, важную роль играет лошадь. Вместо того чтобы сказать «слева», киргиз употребляет выражение *минäр йак* (т. е. сторона, с которой садятся на лошадь), а вместо «справа» — выражение *камшы йагы* (т. е. сторона, с которой держат кнут). В любом возрасте, на любом семейном тор-

жестве лошади отведено почетное место. Даже на поминальном пиру, чтобы почтить умершего, устраивают верховые состязания.

Киргизу лошадь представляется идеалом красоты. Когда невесту ведут в юрту жениха, певец обращается к ней:

Невеста, о невеста, милая ты невеста,
Ты, жеребенок темной кобылицы.

Свои шутки и игру с женихом девушка сравнивает с играми жеребят. Когда юноши кричат невесте:

На ноге есть и колено и лодыжка,
У князя одного – ум многих людей.
Не плачь по отцу, бедная девушка,
Здесь теперь свекор – совсем твой!

Она отвечает:

Скажите, куда делась игра в белый пух?
Куда делась игра наших пестрых жеребят?
Как ни хорош здесь свекор,
Не таков он, как мой отец, о, знайте это!

Верховая лошадь — гордость девушки и юноши. Хваля коня, выражают похвалу всаднику и оскорбляют его, осуждая его коня. Нанести удар чужому коню значит нанести удар всаднику. Верховая лошадь доставляет юношу к невесте и, усталая, стоит на привязи у юрты, пока он весело проводит время со своей возлюбленной; верховая лошадь несет героя на битву, и ей по праву принадлежит честь участвовать в оплакивании мертвого героя.

Когда умирает богатый киргиз, на седьмой день люди собираются и устраивают пир. Седло умершего кладут перевернутым на его верховую лошадь. На нем раскладывают платье умершего, а поверх кладут его шапку-малахай, и в таком виде лошадь привязывают за недоуздок к юрте умершего. Под пение причитаний лошади отрезают хвост. На такую лошадь уже никто никогда не сядет, ее называют овдовевшей (*тулдаган ат*). Если киргиз умер на чужбине, то его лошадь с перевернутым седлом доставляют домой и только у дома обрезают ей гриву и хвост.

Лошадь, кроме того,- единственное животное, достойное того, чтобы определять по ней цену человека. В лошадях исчисляется калым, выкуп за невесту, в лошадях назначаются штрафы как эквивалент жизни человека или его поврежденных членов.

Киргиз получает от лошади следующие продукты.

1. Молоко. Кобылье молоко некипяченым сливается в большой кожаный мешок (*саба*), и его часами сбивают там пистеком. Через четыре дня скисшее молоко превращается в кумыс, любимый напиток киргизов. У кумыса очень тонкий кисло-

ватый вкус, и он слегка опьяняет. Нельзя, чтобы в нем образовался газ, тогда он считается уже перекисшим. Кумыс оседлых татар в России и на волжских курортах не похож на киргизский. Киргизский кумыс — напиток очень приятный на вкус, если привыкнуть к своеобразному запаху, сообщаемому ему сабой. Его держат всегда холодным, и он утоляет одновременно и жажду и голод. По количеству кумыса исчисляют богатство человека. В дом богатого собираются со всей окрестности бедняки, чтобы вкусить этого нектара. На больших пирах потребляется невероятное количество кумыса, так как сотни людей пьянеют от этого напитка, а для того чтобы опьянеть, человеку, привычному к кумысу, нужно не менее 4—6 кварт. Я пил его часто и очень помногу, но ни разу не испытал чувства опьянения, хоть он и действовал на меня настолько усыпляюще, что я остерегался пить много кумыса, если мне предстояла долгая поездка по солнцепеку.

Разливают кумыс с большим тщанием. Занимаются этим исключительно мужчины, обычно — хозяин или старейший член семьи. Хозяйка дома ставит перед хозяином кумыс, налитый в лучшую в доме миску, вычищенную до блеска. В юрте царит полная тишина, и по благоговейным лицам присутствующих видно, что они, подобно нашим любителям вина, уже заранее предвкушают момент, когда в их рот попадет этот освежающий напиток. Кумыс помешивают, набирают чистой оловянной или мельхиоровой поварешкой и подают гостям в фарфоровых или деревянных лакированных чашках. Подать важному гостю иной напиток, а не кумыс — значит оскорбить гостя.

Когда кумыс еще не дозрел, он называется *сау-мал*. Это же слово является поэтическим названием кумыса вообще. Кумыс держится только несколько часов, самое большее — полдня, а потом начинает пениться и считается перекисшим. Недобродивший кумыс тошнотворен, он имеет противный кисло-сладкий вкус.

Кое-где мне предлагали кумыс, разбавленный водой (*шалап*); делают это лишь тогда, когда кумыс кончается. Только на юге я видел, как кумыс употребляли в пищу с поджаренными мукой или пшеном. Но и там это встречается довольно редко.

Никакие иные молочные блюда из кобыльего молока не готовятся.

2. Мясо. Конина ценится киргизами очень высоко, они предпочитают ее не только говядине, но и баранине. Киргизы победнее скупают у русских весной или летом старых лошадей и летом дают им разжиреть на хорошем пастбище, а затем забивают их осенью, после первого снега. Богатые забивают молодых, еще не жеребившихся кобылиц и жеребят. На пирах мясо

молодых жирных кобылиц — самое большое лакомство. Перед забоем на кобылиц садятся и скачут на них до тех пор, пока они не покроются пеной, затем их сразу же опрокидывают и забивают. Говорят, что благодаря такой скачке мясо разогревается, жир доводится до состояния готовности и приобретает приятный вкус.

Самое большое лакомство — путряной жир (*казы*), его солят и набивают им кишки, а затем его коптят и употребляют как колбасу. На вкус эти жировые колбасы, действительно, очень приятны и пикантны. Почетного гостя на пиру всегда угощают путряным жиром. Самым нежным куском считается задняя часть. Шейный жир также солят и коптят. Кишки лошади считаются чистыми, их употребляют в пищу, у прочего же скота их считают нечистыми и выкидывают собакам. От лошади люди не едят только легкие — их сразу же после забоя бросают собакам. Одна лошадь должна дать 15—18 пудов мяса и пуд жира. Киргизы считают лошадиный жир очень концентрированным и всепроникающим; он легко пропитывает самую толстую кожу. Поэтому им часто пользуются для смазывания кожи. Но купить его негде, им не торгуют.

3. Шкура. Конская шкура ценится обычно в 2 рубля серебром. Но вообще-то продают ее редко, чаще всего ее обрабатывают сами киргизы. Особенно успешно ее употребляют для нарезания тонких ремешков, из которых изготовляют различные плетения. Киргизы — особые мастера тонкого кожаного плетения, они изготовляют таким манером поводья, уздечки, подбрюшные и подхвостные ремни и в первую очередь — плетки. Плетка состоит из кнутовища в 2—2,5 пяди длиной из *тобулгу* [12] и шнура длиной в 3—3,5 пяди и в палец толщиной, состоящего из кожаной сердцевины, оплетенной 24 ремешками. Исключительные по своей прочности плетеные поводья и сбрую постоянно и охотно покупают русские.

4. Конский волос. Конский волос (*кыл*) у киргизов очень высоко ценится, так как они не любят стричь своим лошадям гривы и хвосты. Поэтому в продаже его очень мало, он идет только на изготовление толстых веревок для обвязывания юрт. Их плетут обычно очень красивыми узорами. Поводки, скрученные из конского волоса, у киргизов встретишь редко. Их часто привозят соседи — калмыки. У самих киргизов конский волос отнюдь не составляет важного предмета торговли.

V. Верблюд

Киргизы держат очень мало, по сравнению с другими животными, верблюдов. У южных киргизов их можно встретить чаще, чем у северных. У богатого киргиза редко бывает более 50 верблюдов, у бедных их не более трех-четырех. Верблюды пасутся не семьями, на пастбище гонят вместе всех верблюдов аула.

Как вид верблюд по-киргизски — *түё*, верблюд-самец — *буура*, самка — *ингән*, холощеный верблюд — *атан*. Верблюжат на первом году жизни называют *бота*, на втором — *тайлак*, на третьем — *кунанша*, на четвертом — *дөнөншө*, на пятом — *бестätүё*. Верблюжьих самок на третьем году называют *кунашын*, на четвертом — *дөнөшүп*.

Разводят почти исключительно двугорбого верблюда — дромадера [13] (*айры өркөш түё*). Одногорбые верблюды (*нар*) попадаются редко. У монголов одногорбый верблюд и вовсе не встречается, зато в Средней Азии — очень часто. Кроме того, имеется здесь и гибрид обеих разновидностей (*коспак*), славящийся своей силой. У этой разновидности оба горба расположены так близко друг к другу, что образуют один двухвершинный горб.

Как правило, верблюд очень кроток. Его легко поймать, и он добровольно идет на зов хозяина. По команде: *чок*! *чок*! — он становится на колени и дает навьючить себя. Когда поклажа начинает соскальзывать, верблюд сам останавливается. Но в период течки у верблюдиц молодые самцы очень возбуждаются и нападают на людей и животных. Кто бы ни попался тогда на пути разъяренного животного — он пропал, так как даже самый быстрый конь не сможет перегнать этого гигантского бегуна. Поэтому в этот период молодых самцов верблюдов заковывают в железные цепи. Но этот период продолжается лишь до мая; как только из-под земли появляется свежая зелень, верблюд-самец становится смирным и кротким, как выхолощенный.

Верблюдица-самка носит верблюжонка больше года, приносит она на пятом году жизни. Летом верблюдиц-маток держат у юрт и доят пять раз в день. Матка дромадера дает молока гораздо меньше, чем матка одногорбого верблюда, от которой за одну дойку надаивают полный подойник.

Для верховых поездок верблюдами пользуются редко, да и то лишь для поездок на короткие расстояния. На них ездят обычно без седла и вдвоем, а то и втроем на одном верблюде. Тогда третий сидит за задним горбом и крепко держится за него руками. Для поездки на более далекие расстояния верблюда седлают, подбрюшный ремень тогда затягивают вокруг переднего горба, а подхвостный — вокруг заднего.

Главная обязанность верблюда — перевозка тяжестей. Прежк-

де чем навьючить животное, его горбы обертывают кусками войлока, потом по бокам от горбов привязывают жерди с толстым войлоком (*ком*). На дромадера эти жерди крепятся только двумя подбрюшными ремнями, *ком* одногорбого верблюда имеет и подбрюшный и подхвостный ремень. К нему привязывается и укрепляется ремнями и веревками поклажа. При навьючивании верблюда нужно особенно следить за тем, чтобы поклажа равномерно распределялась по обе стороны. Горбы верблюда очень нежны, и при малейшем их повреждении животное становится непригодным к работе. Изо всего домашнего скота киргизов верблюды вообще самые изнеженные. Зимой нельзя допускать, чтобы они становились на колени в снег, а нужно всегда подкладывать им попону. Нельзя и перегружать их, ибо если верблюд ложится от усталости, то обычно он тут же на месте и умирает. Верблюд не выносит укусов комаров и других насекомых. Его светлая кожа от таких укусов чернеет и покрывается пятнами, а от многочисленных укусов он может даже умереть.

Дромадер перевозит 25—30 пудов поклажи, одногорбый верблюд — до 40 пудов. С такой поклажей верблюд проделывает 25—30 верст в день. Если предстоит далекое путешествие, то с нагруженными верблюдами нельзя преодолеть более 20 верст за день. Верблюды без поклажи или же с всадниками могут пробежать за день 50—60 верст. Навьюченное животное идет шагом, его нельзя даже пускать рысью, так как при раскачивании расслабляются ремни, увязывающие поклажу.

Верблюд пользуется у киргизов огромным уважением, в известной мере его даже рассматривают как священное животное. «Создав его, Аллах назначил погонщиком верблюдов великого Аулию (святого)»,— гласит легенда. Считается, что есть верблюжье мясо особенно полезно для души (*түёнүнг эти käсийäти кöп*). Поэтому забивают верблюдов обычно только тогда, когда дома случилось большое несчастье. Очень богатые люди забивают на праздник курбан одного верблюда, и считается, что он заменяет семь овец. Но вообще-то верблюд не является животным, которое держат ради мяса. Говорят, что с одного верблюда мяса получают не больше, чем с лошади, но он дает семь-восемь пудов жира. Жир не считается вкусным, и его не едят, а продают купцам.

Единственный полезный продукт, который киргизы получают от верблюда,— это шерсть, разумеется, кроме молока, которое обычно в смеси с кобыльим заквашивают на кумыс.

Весной верблюд теряет свой густой зимний мех, линяющий большими, свалявшимися комьями. Эти комья собирают и перерабатывают. Весной один верблюд дает не более пуда шерсти, так как половина теряется на пастбище. Пуд верблюжьей шерсти 4—5 рублей. Самая лучшая шерсть у верблюда — на груди,

передних ногах, на шее и затылке. Часть верблюжьей шерсти тонко щиплют и используют для подбивки зимней одежды, часть ее прядут (*ирäди*). При прядении киргизы укрепляют пучок верблюжьей шерсти (*шӱкö*) на среднем пальце правой руки и левой рукой вертят шпульку (*уршук*), скрученную нитку сматывают в клубки размером с голову (*тумалак*). Верблюжья пряжа — единственный вид ниток, употребляемых киргизками для шитья. Из верблюжьей пряжи киргизы ткут верблюжье сукно (*öрмöк*) — материю шириной в четверть локтя, из которой изготовляют нечто вроде плащей для защиты от дождя. Ткацкие инструменты очень примитивны, они состоят из воткнутых в землю палок, на которые натянуты продольные нити (*узун джип*). Уток (*аркау*) движется сверху вниз, после каждого уточного ряда нить для плотности прибивается палочкой (*кӱзӱ агаш*). Верблюжье сукно очень ноское. Множество кафтанов из верблюжьего сукна вывозят и продают русским.

Киргизы гораздо реже пользуются тамгами для мечения своего скота, чем их соседи — алтайцы. Левшин указывает следующие тамги:

Малая орда

Род захаклы			Род машкар
" кара кисэк			" тазлар
" шюмöкöи			" шеркэс
" дöрт кара			" табын
" адаи			" тама
" джаплас			" кердэри
" алаша			" джагалбайлы
" бюршю			" керэит

Средняя орда

Род кыпчак			Род урак
" найман			" кирэи

В завершение моего обзора домашнего скота киргизов я хочу еще кратко перечислить его болезни, часто перерастающие в степи в эпизоотии, и сделаю это точно в той же форме, как мне сообщили об этом сами киргизы:

Топсалан. У крупного рогатого скота, овец и коз, а также у верблюдов. Свирепствует весной и во время летней жары. Симптомы болезни: живот раздувается, глаза краснеют, мясо чернеет. Эта болезнь поражает обычно большие стада. Лекарств не применяют.

Кўл. У овец и коз. Оспа. Все тело покрывается оспинами, особенно вокруг глаз. Болезнь появляется обычно весной, раз в три-четыре года. Падеж небольшой. Лекарств не употребляют.

Йелим. У овец и коз. В теле образуется гной, и гной течет из глаз. Очень большой падеж. Лекарств не существует.

Сарпы. У всех видов скота. Заболевание копыт. Копыта гниют, гнойные образования появляются и в полости зева. Болезнь вспыхивает раз в два-три года, продолжается двадцать дней. Погибают лишь немногие животные. Овцам делают над копытом кровопускание и привязывают к ногам соль. Коров, если у них болит пасть, кормят только мучной кашицей. Верблюдам и лошадям натирают ноги мылом, лошади обычно лежат, пока ноги не заживут. Если болезнь продолжается до зимы, копыта совсем отпадают.

Джылданды. Вертячка у овец.

Ак бас. У лошадей. На одной ноге копыто гниет и кровоточит, оно всегда вылечивается, но лошадь остается хромой.

Ыссык ёлўм (горячая смерть). Антонов огонь в селезенке у лошадей.

Мäлик. У всех видов скота. Кровавый понос. Случается часто, как зимой, так и летом, особенно у крупного рогатого скота. От этой болезни гибнут целые стада. Животные лежат больные пять-шесть дней и потом умирают. Немногие выжившие животные болеют по нескольку недель. По киргизскому поверью, во сне хозяину скота являются две старухи и две девушки. С веселыми песнями они угоняют скот.

Карасан. У всех видов скота. Анемия. Скот становится очень вялым, мясо его — совершенно белым, болезнь длится всего несколько дней. Заболевают лишь некоторые животные.

Кебäнäк. У коз. Легкое белеет, и на нем образуются язвы. Из глаз текут слезы, а изо рта — гной. Болезнь поражает чаще всего большие стада, но только коз, ей никогда не подвергаются пасущиеся в этом же стаде овцы. Эпизоотия разражается раз в четыре-пять лет. Животные болеют четыре-пять дней, и большинство их гибнет [14].

Киргизы живут в переносных жилищах — круглых войлочных юртах, которые с древнейших времен в обиходе у всех кочевников — тюрков и монголов [15]. Это диктуется их чисто кочевым образом жизни. Своим внутренним устройством киргизская юрта нисколько не отличается от алтайской, которую я уже подробно описал. Единственное различие заключается в том, что киргизские юрты сделаны значительно лучше, в них чище и они больше, чем юрты алтайцев. Решетчатый остов юрты везде одинаково прочен и сделан аккуратно. Диаметр круга дымового

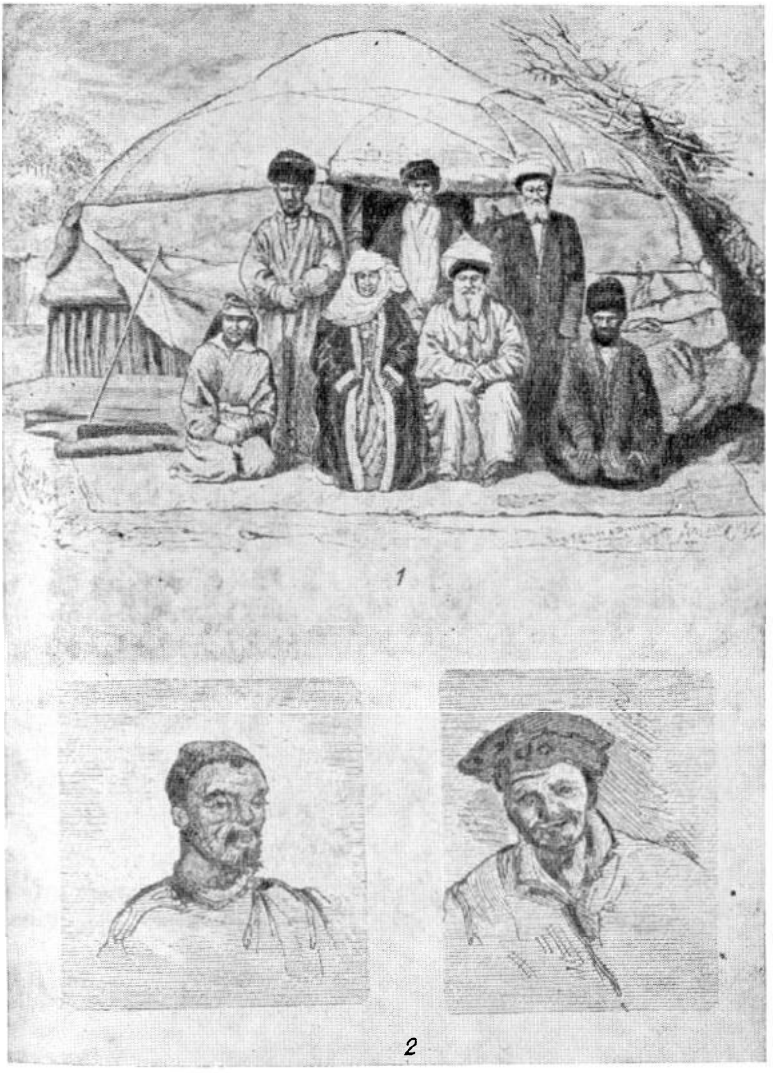

Таблица 12. *1* — среднеазиатские киргизы (казахи); *2* — киргизские (казахские) типы

отверстия (*шанырак*) равен полутора-двум аршинам. У этого обруча есть дыры, проделанные на равном расстоянии друг от друга. Чтобы покрышка дымового отверстия не проваливалась в юрту, внутри круга укреплены крест-накрест две пары изогнутых перекладин. Жерди крышки (*кўлдрёўш*) не прямые, как в

Киргизы резко отличаются от тюрков-кочевников Алтая, и по своему образу жизни и мышления они находятся на более высоком уровне. Это обусловлено исламом, который киргизы исповедуют уже много столетий. Несомненно, именно благодаря влиянию мусульманской религии киргизам присущ больший порядок в одежде и устройстве жилища, чистота, упорядоченные семейные отношения и более совершенные этические принципы. Широко распространено ложное представление, будто бы киргизы лишь в последнее время полностью обратились в ислам и, более того, еще и по сей день остаются чуть ли не язычниками. Киргизы уже несколько веков как окончательно приняли ислам и могут с полным правом считаться правоверными, можно даже сказать, фанатичными мусульманами, хотя, разумеется, киргизское мусульманство приобрело своеобразную окраску, обусловленную особым образом жизни этих степных кочевников.

Киргиз строго придерживается всех формальных предписаний ислама. Обрезание производится неукоснительно, у мужчин всегда гладко выбриты головы (единственным исключением являются баксы, и, кроме того, у так называемых *эркä бала*, любимых сыновей, до десятилетнего возраста оставляют на голове с двух сторон пучки волос), усы всегда подстрижены и подбриты. Все строго соблюдают время молитвы, хотя во внутренней степи нередко приходится заменять предписанное омовение сухим обтиранием. Хоронят в точном соответствии с мусульманским ритуалом. Посты, напротив, соблюдаются менее строго. Подают милостыню и платят все религиозные сборы, как того требует Коран. Кроме того, всем известен целый ряд арабских изречений, и их произносят постоянно, хотя и в искаженном виде, считая их священными и приносящими удачу. Как уже было сказано, все эти предписания ислама выполняются неукоснительно, ибо это сулит человеку блаженство на том свете и вход во врата рая, в то время как любое невыполнение этих требований влечет за собой адские муки.

Мусульмане, живущие рядом с киргизами, упрекают их в пренебрежении многими законами шариата, в незнании догматов веры и часто называют их кафирами (неверными). Действительно, у них сохранились некоторые языческие обычаи, которые внушают ужас правоверным мусульманам, и киргизы, в сущности, плохо разбираются в учении ислама. Так, почти все молодые люди не читают в течение дня молитвы. Точно так же не слишком строго соблюдают посты и считают, например, вполне дозволенным нюхать во время поста табак. Омовениями часто пренебрегают вполне намеренно, так как у киргизов есть такое суеверное представление, что человек, часто умываясь, приносит этим вред молодому скоту. Те, кто молится в положенное время, часто знают лишь внешнюю сторону церемонии и вместо молит-

вы произносят бессмысленные тюркские фразы. Хотя скот забивают по мусульманскому обряду, однако следуют этому обряду не слишком строго. Если падет лошадь, бедный киргиз часто совершает церемонию ее умерщвления много времени спустя после ее смерти, убеждая себя, что животное было еще живым, и ест потом мясо павшего животного. Это происходит повсеместно, когда весной в плохую погоду из-за отсутствия корма начинается падеж скота. Кроме того, вопреки требованиям мусульманского обряда у животного не выбивают зубы, так как считается, что это причинило бы вред молодому скоту. Более того, киргизы употребляют в пищу кровь, которую тайком собирают во время убоя, что, разумеется, вызывает ужас у правоверных мусульман.

Мы могли, однако, наблюдать, что оседлые соседи-мусульмане оказывают на киргизов, особенно в последние десятилетия, все большее влияние. В настоящее время у киргизов северной степи принято брать в дом учителей. Это в основном тара-татары и тобольские татары, которые ежегодно сотнями отправляются в киргизские степи, и там богатые киргизы нанимают их в качестве учителей. Затем богатый киргиз открывает в своей юрте бесплатную школу для детей из ближних аулов. Я сам неоднократно видел такие школы. Учителя нанимают обычно на два-три года, и в большинстве случаев ему удается выучить 30—50 детей чтению, письму, преподать им догматы ислама и сделать из них истинных мусульман. Немалое влияние оказывают также разъезжающие по степи казанские купцы, которые берут на себя и роль миссионеров. В западных степях влияние ислама уже настолько велико, что сотни юношей-киргизов, получившие дома начальное образование, отправляются в татарские медресе Северной России, чтобы глубже изучать там ислам. Так, уже в течение нескольких десятилетий в медресе селения Стерлебаш Уфимской губернии находится до 150 киргизов, которые живут там по крайней мере десять лет. Более того, даже в Казани я встретил пять человек из степей. Один из них прожил в медресе в Казани 15 лет и в прошлом году вернулся в степь.

Несмотря на это, грамотность и изучение арабского языка распространено по степи не слишком широко. Нередко случается (я сам однажды имел возможность это наблюдать), что читающему Коран гостю-татарину предлагают покинуть юрту, так как в ней нет покойников и хозяин опасается, как бы чтение Корана не вызвало пагубные последствия. Бормоча проклятия, правоверный с искаженным презрением и насмешкой лицом вышел из юрты, уселся шагах в пятидесяти от нее и там продолжал чтение.

Самой действенной пропагандой ислама в степи являются так называемые книжные песни, такие, как «Зар заман» («Время

бедствий»), «Ахыр-заман» («День Страшного суда») и многие другие, которые в форме киргизских песен распространяют мусульманские догмы и сказания. Об этом я еще буду говорить более подробно.

Интересны многочисленные отголоски старых языческих обычаев, и по сей день широко бытующие у киргизов-мусульман. Те приемы врачевания, которыми пользуются представители полностью исчезнувшего шаманства — *баксы*, и их песни я опишу подробнее, когда буду говорить о шаманстве. Но и кроме баксы есть много прорицателей, предсказывающих будущее по овечьему помету и по лопатке.

Гадание на овечьем помете киргизы называют *кумалак ашады* или *бал ашлды*. Этим видом гадания пользуются все: профессиональные прорицатели, *баксы*, *хожи* [21], а также простые киргизы.

Для такого гадания требуется 41 *кумалак* (шарик). Сперва гадающий кладет эти кумалаки на белую войлочную кошму, затем, бормоча заклинания, перемешивает их. После этого он берет несколько кумалаков и, склонив голову, прикладывает их ко лбу со словами: *бисмилла* (во имя бога). Потом делит всю кучу на три части, раздвигая шарики в стороны правой и левой рукой одновременно, после чего отсчитывает от каждой кучки по четыре шарика до тех пор, пока в каждой из них не останется по 1—4 шарика. Эти шарики он кладет тремя кучками в ряд, а с прочими проделывает ту же процедуру, т. е. перемешивает их, произносит заклинание, делит их на три кучки и снова отсчитывает по четыре шарика, пока в каждой кучке не останется по 1—4 шарика. Их он раскладывает во втором ряду под первыми тремя кучками. С остатком все то же самое проделывается в третий раз, и теперь в девяти местах лежит по 1—4 шарика. По расположению шариков и гадают. Расклад шариков показывает следующая табличка:

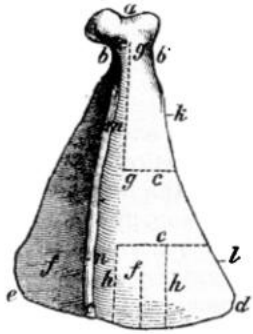
a	b	c
d	e	f
g	h	i

Три кучки справа (*c*, *f*, *i*) называются «своя сторона» (*бз джак*), т. е. сторона того лица, которому гадают. Три кучки слева (*a*, *d*, *g*) называются «чужая, вражеская сторона» (*дуспан джак*). Средний вертикальный ряд (*b*, *e*, *h*) называется «дорога» (*джол*). Места *a* и *c* в верхнем горизонтальном ряду называются «подушки» (*джастык*). *a* — вражеская и *c* — своя. Во втором горизонтальном ряду *d* и *f* называются «стороны» (*бўр*). *d* — вра-

женская, а *f* — своя. В третьем горизонтальном ряду *g* и *i* называются «дверные пороги» (*босага*) или «привязанный за седлом» (*бöктöншöк*). В среднем вертикальном ряду *b* называется «лоб» (*мангдай*), *e* — «сердце» (*джiрöк*), *h* — «хвостовой ремень» (*куискан*). Само толкование при этом, так же как при любом гадании у всех народов, смутно и неопределенно, и умение правильно разобрать и истолковать все эти комбинации считается большим искусством. Я смог усвоить только, что, если в одну кучку попадает четное число шариков (два и четыре), это рассматривается как дурное предзнаменование, в то время как числа «один» и «три» считаются счастливыми. Я собрал множество различных гаданий, но мои попытки выяснить, откуда берутся те или иные толкования, были напрасны. Киргизы считают такое гадание богоугодным делом, а способность предсказывать — пророческим даром.

Второй способ гадания, широко распространенный у киргизов,— это гадание по трещинам на бараньей лопатке, которую некоторое время подержали в огне. Этим также занимаются в равной мере как профессиональные прорицатели, так и другие люди. Именно по трещинам на лопатке легче всего узнать, куда делась пропавшая лошадь, и определить, где искать вора или украденную вещь. Лопатку следует с определенными заклинаниями очистить. Нельзя ни обгладывать ее, ни срезать хрящи ножом. Точно так же лопатку, по которой гадали, нельзя сразу бросать собакам, это принесет дому несчастье. Надо сперва с заклинаниями разломить ее руками на куски. Когда предсказатель заканчивает гадание, во время которого он всегда сидит спиною к дверям, он бросает лопатку за спину. Если лопатка попадает при этом в верхнюю часть двери, то все, что было предсказано, сбудется.

В пояснение приведу данный Потаниным рисунок лопатки с обозначением ее частей и трещин:

a — котел (*казан*); *bb* — шейка лопатки (*бауздау*), *c* — задняя часть (*аркалык*), гребешок; *d* — правый угол лопатки (ухо, *кулак*); *e* — лоб (левый угол) [*мангдай*]; *f* — низ лопатки (*джаурундынг этяги*); *be* — бок (*кыр*); *bd* — главная дорога (*кара джол*); *gg* — хвостовой ремень (*куискан*), т. е. параллельные трещины по обеим сторонам гребешка; *hh* — речь, известие (*тил*); *ii* — преграда, препятствие (*бёгёт*); *k* — дорога с близкими людьми (*джакын ялдяги джол*); *l* — дорога с далекими людьми (*алыс ялдяги джол*); *m* — хорошее известие (*сюинщю*); *n* — рот лошади (*ат ауз*) [22].

Всю лопатку киргизы называют *джаурум*, а гладкую часть — *алакан* (ладонь).

Трещина около *b* на гладкой части означает, что привезут связанных воров.

Гадание по трещинам на лопатке встречается у всех народов, которые еще придерживаются шаманизма [23].

Другие языческие обычаи, до сих пор распространенные у всех киргизов,— почитание огня и жертвоприношения у одиноко стоящих в степи деревьев, у источников и на берегах больших рек. Обряды, связанные с почитанием огня, выполняют исключительно молодые женщины, которые и впервые входя в юрту, и при рождении первого ребенка кланяются огню и бросают в него куски жира. Жертвоприношения около отдельно растущих в степи деревьев, у источников или на берегах рек совершают женщины, страдающие бесплодием, в надежде иметь детей. Эти женщины тайно отправляются пешком в такие места и там приносят овцу в жертву духу-покровителю этого места, теперь постепенно получившему имя одного из мусульманских святых [24].

Когда юноши и девушки собираются почью вокруг юрты тяжелобольного человека и поют хором,— вероятно, чтобы отогнать злых духов,— это тоже, несомненно, языческий обычай.

Бóльшая часть празднеств и обычаев, сопутствующих жизни киргизов,— это смесь обычаев исконно киргизских, т. е. языческих, и мусульманских.

Празднества, связанные с рождением ребенка, не представляют собой ничего необычного. Как у всех некультурных народов, несчастная мать подвергается ужасным мучениям и истязаниям. Она должна принимать всевозможные противоестественные позы и выполнять бессмысленные церемонии, которые только усиливают родовые муки. При наречении имени и при обрезании устраивают пир и обычно приглашают ходжу, который своим благословением и пророчествами должен принести ребенку счастье. Если новорожденный — сын, в доме царит величайшая радость, в то время как рождение дочери встречается полнейшим равнодушием. Мальчики и девочки растут вместе в одинаковых условиях, хотя отец часто отдает предпочтение мальчику, осо-

бенно если это единственный сын. Отношения между таким единственным сыном и отцом обычно самые нежные. Мальчик поставлен настолько выше девочек и даже матери, что на постороннего это нередко производит комическое впечатление. При этом отец зачастую руководствуется весьма своеобразными педагогическими принципами. Так, я много раз наблюдал, как отец, нежно обняв своего своенравного сына трех-шести лет, говорил ему полусмеясь-полусердито: *шешäнгди бокта*! (ругай свою мать!), обучая его при этом бранным словам. Любимому сыну и любимой дочери отца разрешается буквально все.

Когда мальчик достигает примерно десятилетнего возраста, отец находит ему невесту и если небогат, то старается уже с этого времени начать постепенную выплату денег за невесту — калым, который у киргизов в большинстве случаев действительно очень велик. Обычно калым составляет семь раз по семь или девять раз по девять голов скота. Однако эту формулу трудно понять, и, хотя мне не раз ее разъясняли, я так и не смог постичь этот расчет. В большинстве случаев юноша женится лишь после подстригания бороды (*бурут кесими*), торжества, на котором юноша объявляется совершеннолетним. Однако бывают случаи, когда отец женит своего любимого десяти-двенадцатилетнего сына на девочке такого же возраста. Дети спят в одной постели и сначала, разумеется, растут вместе как брат с сестрой. Такая женитьба воспринимается как шутка, и, конечно, это делают лишь состоятельные люди. Обычно женитьба сына происходит следующим образом. Сначала сват договаривается в общих чертах о калыме. Затем отец жениха отправляется к отцу невесты, где для него и сопровождающих его лиц устраивают угощение. При этом отец жениха дарит отцу невесты *кият* — лошадь, халат и т. д.— в зависимости от того, насколько он богат. К вечеру все вопросы, связанные со свадьбой, улажены, и оба отца съедают голову, грудинку, хвост и печень забитого по этому случаю барана.

Когда выплачена бóльшая часть калыма, жених получает право посещать невесту, однако это происходит как бы без ведома родителей. Невестки и братья с сестрами ставят отдельную юрту, в которой спит невеста. Ночью появляется жених, спешивается недалеко от аула и ждет невесток, которые тайком ведут его к ложу его невесты. Однако он должен уехать из аула до восхода солнца, пока не встали родители невесты. Очень часто такие посещения длятся годами, прежде чем будет совершено бракосочетание. Разумеется, такие отношения порождают безнравственность невест, так как теперь они могут безнаказанно вступать в связь и с другими юношами из соседних аулов[25].

Наконец весь калым выплачен, и тогда происходит бракосочетание. Для сына ставят отдельную юрту. Сам свадебный об-

ряд — мусульманский. В доме невесты в отсутствие вступающей в брак пары прочитывают *никах* — формулу венчания, а затем устраивается пир в доме невесты и жениха.

Когда невесту увозят из дома ее отца, на нее, по древнему обычаю, надевают платье из красного сукна, обшитое галуном, и остроконечную шапочку невесты (*сäўкäлä*) с мишурой и всевозможными металлическими украшениями. Раньше молодые женщины носили саукеле в течение целого года, теперь ее часто не надевают даже к свадебной процессии. Прежде чем невесту увезут, собираются все соседские юноши и девушки, их угощают кумысом, и несколько певцов начинают утешать невесту, исполняя свадебные песни, так называемые джар-джар.

Утешают девушку в этих песнях потому, что она должна расстаться со всеми своими родными: теперь вместо отца ей будет свекор, вместо матери — свекровь и т. д. Достаточно привести только один раз те две строфы, которые повторяются при упоминании каждого родственника. Я записал три таких песни джар-джар.

На ноге колено и лодыжка, джар, джар.
Лишь князь, один он, обладает умом многих людей, джар, джар.
Не плачь об отце, бедная девушка, джар, джар.
Теперь здесь есть свекор, он совсем твой, джар, джар.

Скажи, игра белых пушинок, где она? джар, джар.
Заигрывание нашего жеребенка, где оно? джар, джар.
Хотя здесь и хороший свекор, джар, джар,
Знайте, он не таков, как мой отец, джар, джар.

Подними полог постели и взгляни на отца! джар, джар,
Пусть он льет слезы по своей дочери, джар, джар.
Год за годом покупал я много товаров, джар, джар,
Теперь нет на мне долга, так говорит отец, джар, джар.

Я купил черную ткань, принес ее милой невесте, джар, джар,
Теперь ты носишь, милая невеста, темную саукеле, джар, джар.
Не плачь, говоря: «о отец!», бедная милая невеста, джар, джар.
Теперь здесь вместо отца будет свекор, джар, джар.

Когда невеста подъезжает к дому жениха, она закрывает лицо, и так ее вводят в дом. Здесь она прежде всего приветствует огонь, а затем садится на место хозяйки дома. Собираются братья, сестры и родственники жениха, чтобы взглянуть на невесту, но она закрыта покрывалом. Тогда рядом с молодой женщиной садится какой-либо певец и, слегка приподнимая палочкой покрывало невесты, поет такую песню:

Говори, о невеста, ты, милая невеста,
Подними голову коня, о невеста,
Невеста, ты целомудренней сороки,
Невеста, ты белее яйца.

Невеста, о невеста, ты, милая невеста,
Ты, жеребенок темной кобылицы.
Один верблюд толкает теперь вперед,
А другой тащит затем назад!

Пока один толкает так вперед,
Не бей по спине, моя милая невеста,
Пока другой тащит назад,
Не бей по голове, милая невеста.

Когда ты утром встанешь, милая невеста,
Не иди с поднятой головой,
Когда к юрте приближается скот,
Не бей его подпорками юрты.

Рано поднявшись с ложа,
Не кради сыр, милая невеста!
Если твой муж еще объят сном,
Не тревожь его, о милая невеста!

Уродливо сморщив рот и нос,
Не произноси лживых слов, милая невеста!
Перед старшим братом мужа
Не проходи, моя милая невеста!

Шаркая большими сапогами,
Не бегай по лесу, моя милая невеста!
Шаркая кожаными сапогами,
Не бегай по аулу, моя милая невеста!

Взгляните-ка на невесту, на милую невесту!
Быстро отдайте ей дар за смотрины,
Не говорите красивых слов,
А назовите масть скота!

Тут родственники перечисляют дары за смотрины (*көрӱмдӱк*), т. е. указывают, какой скот они принесут в дар молодой женщине, чтобы получить разрешение взглянуть на ее лицо. Каждый раз, когда называют очередной подарок, певец поднимает палочкой покрывало и показывает лицо молодой женщины. При этом он поет, обращаясь к родственникам:

Если даешь лошадь, дай серую!
Дай сильную, которая бежит иноходью!
Привет свекру!

Верблюда дай белого!
Такого, который хорошо растет.
Привет свекрови!

Если даешь корову, дай черную!
Она не падет от ран.
Привет старшему деверю!

Если даешь овцу, дай желто-серую,
Такие хорошо растут, слышишь?
Привет золовке!

Из коз дай желтую!
Голос ее звучит жалобно.
Привет младшему деверю!

Ее рог дает нам рукоятки для ножей,
А ее шкура дает кожаные штаны,
Пах ее — молочный родник,
Ее утроба наполнена козлятами!

Как в доме отца невесты, так и в доме отца жениха сверстники и родственники новобрачных поют кроме этих свадебных песен еще и много других. Эти песни особенно интересны тем, что в них перечисляются обязанности молодой жены, возлагаемые на нее киргизскими обычаями.

Прежде всего, от невесты требуется не задирать спесиво голову; молодой жене положено скромно опускать взор, потому что ей не разрешается смотреть прямо в лицо ни одному из старших родственников мужа. Она должна скромно уступить дорогу старшим родственникам и не смеет пройти перед ними. Считается позором для молодой жены показать им свое лицо, и точно так же она не должна произносить их имен. Более того, если имя одного из старших родственников сходно по звучанию с названием какого-либо предмета, она должна найти для этого предмета новое название или выйти из положения, описав этот предмет. Например, если старшего родственника зовут Каскыр Бай (букв.: волк-господин), то она называет волка по-татарски *бөрү* или *улулама* (воющий). Если его имя Койши (Овечий пастух), то овцу она назовет *манграма* (блеющая). Если его зовут Кожа, что звучит похоже на слово *козы* (ягненок), то ягнят она называет *манграманынг баласы* (детеныш блеющей). Этот обычай нередко дает повод для самых комических сцен. Так, мне рассказали один киргизский анекдот. Молодая женщина из-за имен своих деверей не должна была произносить слова: волк, ягненок, вода, камыш. Однажды она, к ужасу своему, увидала, что по ту сторону водоема волк потащил сквозь камыши ягненка. Тогда она закричала своему мужу, находившемуся недалеко от юрты: «Посмотри туда, там лающий по ту сторону блещущей несет детеныша блеющей через шумящие!».

Во всех песнях девушку уговаривают не принимать близко к сердцу разлуку с родными; ведь в родительском доме она оставалась бы чужой, так как участь девушки — быть главой дома не среди своих, а у чужих. Лишь на чужбине она может стать настоящим (самостоятельным) человеком, и в этом — ее назначение.

Каждая девушка думает о замужестве,
Хочет быть главою дома,
Хочет назвать скот своим собственным,
Выполнить свой человеческий долг.

Я хочу войти в белый дом,
Одеться в сукно и шелка,
Этого желает каждая девушка,
Хочет баюкать ребенка!

Когда молодая женщина входит в свою новую семью, она должна быть все время начеку, так как приходят товарищи ее мужа и, испытывая ее, начинают над ней подшучивать. Согласно обычаю, она должна разговаривать с ними и давать остроумные ответы. Она должна под наблюдением свекра и свекрови принимать людей как положено и не хмурить сердито брови. Ее обязанность — собирать разбросанные вещи, ухаживать, словно батрак, за скотом, выполнять работу служанки и делать все так, как это по вкусу свекру и свекрови. Тогда они с радостью назовут ее дочерью и станут повсюду расхваливать, так что она приобретет всеобщее уважение. Она должна прежде всего неукоснительно выполнять свой долг. Человеку долга будет везде хорошо.

Ты оберегай своего супруга!
Оказывай уваженье своему главе!
Ибо, как бы ты ни сердилась,
Вы никогда не сможете расстаться.

Ты не рви свои платья!
Не выбрасывай хорошие вещи!
Если рядом с тобой будет твой муж,
Облегчи ему то, что для него тяжело.

Если вы всегда почитаете друг друга,
Весело проводите свои дни,
Если ты выполняешь свой долг,
Жизнь твоя отрадна, как у охотничьего сокола.

Скудную пищу преврати в обильную,
Приготовь пищи много, как озеро!
Пусть ее будет больше — много, как море.
Щедро накорми своих гостей.

Тогда твой супруг обрадуется,
Он одобрит твои труды,
Так как жена следит за порядком,
Он назовет ее сокровищем.

Никогда не будь несправедлива к служанке,
Не обижай ее, если даже она ошибется,
Если у тебя есть сладости,
Не лакомись ими потихоньку, моя милая невеста!

Не бей своего слугу,
Не будь к нему несправедлива,
Ты только подумай, ведь он сирота;
Верь всем моим словам!

Никогда не будь скупой,
Не откликайся на зов скупости,
Если в твой дом придет гость,
Не угощай его кишками и желудком!

Наконец, невесте в виде предостережения описывают качества плохой жены. Плохая жена не умеет себя вести, у нее крепкий сон, кожа покрыта грязью, и от нее дурно пахнет. Она дает людям в пищу горелое зерно. Если кто-либо загрязнит почетное место, она бросает мусор в огонь[26]. Умывальником ей служит горшок, и, умываясь, она рукой черпает из него воду; ее лицо, ее голова грязны. Головной платок повязан небрежно и свисает, штанины болтаются вокруг сапог, волосы на лбу треплет ветер, груди отвислые. Она не стыдится людей, не бережет свое имущество и даже не знает свой скот.

Совершенно иначе звучит песня, которую девушки поют невесте, уходящей из отцовской юрты. Будет небезынтересно привести также несколько строф такой песни, показывающих отношение девушки к замужеству:

Погляди, у тебя белая верховая лошадь,
А юноша – твой жених,
Пророки тоже отдавали своих дочерей,
Это – древний обычай.

Как прекрасно расшит чепрак,
Джар, джар! Пою я, не горюй;
Хорошее дитя, это сорок лошадей,
Это калым всему виной!

Погляди, у тебя рыжая верховая лошадь,
Она стоит спокойно, пока ты садишься на нее,
Теперь ты станешь благоразумной,
Жеребенок тоже становится кобылицей.

Ваша свадьба в среду,
Тогда помчатся овцы, спасаясь бегством,
Твоя мать будет тужить,
Но в конце концов утешится.

Если овод взлетает в небо,
Он потом опускается в тень,
Если в доме не остается сестры,
Матери будет тяжело.

У тебя ведь пегая верховая лошадь,
Здесь подруги твоего детства,
Сядь на лошадь, девушка, не плачь,
Ведь осенью и весною ты придешь домой.

Твоя верховая лошадь – серая в яблоках,
Здесь подруги твоего детства,
Если ты даешь платок, то дай шелковый,
Тогда тебя здесь всегда будут хвалить.

Богатые подарки
Рассыпает твоя матушка перед дверью,
Тот, кто принес калым,
Вечером освободится от тяжкой ноши.

Бабочка прилетела,
Посмотри, твой жених – глупец,
Раз ты стала его женой,
Он будет тебя бить, ты с ним света божьего
не увидишь.

В целом можно сказать, что положение женщины по отношению к мужу и вообще в доме гораздо хуже, чем у калмыков [27] Алтая.

Киргиз смотрит на жену как на собственность, которую он приобрел за относительно большой калым. Он обращается с женой значительно строже, а зачастую даже грубо. Я неоднократно был свидетелем ссор между супругами. Киргиз высказывает жене свои требования очень резко и тоном категорического приказа. Отчасти это может объясняться тем, что он уже в достаточной мере мусульманин, чтобы видеть в женщине существо низшего порядка. Он редко пользуется своим правом на многоженство и еще реже решается на то, чтобы, согласно мусульманскому закону, дать жене развод. Редко можно увидеть в одном доме двух или трех жен. В большинстве случаев многоженство встречается лишь тогда, когда старшая жена бездетна или по крайней мере не рожает сына, а это киргиз считает величайшим несчастьем. Тогда младшая жена, которую называют *токал катын* (*токал* означает «комолая корова»), оказывается в очень скверном положении. Конечно, муж любит ее больше, но старшая жена, которая у киргизов считается единственной и полновластной хозяйкой в доме, заставляет ее расплачиваться за это. Она обращается с соперницей гораздо хуже, чем с работницей, и той даже нередко приходится выносить телесные наказания. Богатые киргизы, у которых есть юрты в разных местах, часто поселяют своих жен врозь и имеют таким образом несколько разобщенных семей, с которыми живут поочередно в определенные времена года. Лишь один раз видел я юрту, в которой жил седобородый богатый киргиз с тремя совсем юными женами 16—20 лет. У меня создалось впечатление, что все три живут почти как сестры. Это было в Большой орде, недалеко от станции Кёксу. Они весь день играли друг с другом, как дети, смеялись и шутили, особенно когда строгого супруга не было дома.

Жена, купленная за калым, является собственностью не только мужа. В известной мере она принадлежит также всей семье, и, если в доме есть младший брат мужа, она переходит к нему по наследству. Так, я неоднократно встречал женщин, которые после смерти мужа были выданы за маленьких мальчиков, не

старше двенадцати лет. Само собой разумеется, что такое положение не способствует росту нравственности. Основная работа по дому у киргизов также лежит на женщине, в то время как мужчина, хотя он и работает больше, чем калмык, все же тратит значительную часть своего времени на поездки в гости или принимает гостей у себя. При всем при том женщина все-таки пользуется большей свободой, чем у калмыков. Она принимает участие в различных празднествах, причем для женщин ставятся специальные юрты. Женщины из соседних аулов часто бывают в гостях друг у друга. Нередко даже устраиваются угощения и пиршества, в которых участвуют только женщины.

Разумеется, у кочевого народа не может быть и речи о таком же строгом разделении полов, как у оседлых мусульман. Ни девушки, ни женщины не закрывают лица. Они принимают участие в каждом собрании, в играх и вместе с мужчинами поют в хоре и при состязаниях певцов. В разговоре мужчины и женщины обмениваются шутками. Более того, киргизские женщины позволяют себе общаться с мужчинами гораздо более свободно, чем, например, русские женщины и девушки.

Сами похороны у киргизов происходят теперь всецело по мусульманскому ритуалу. В этих случаях приглашают муллу, т. е. человека грамотного, который следит за выполнением предписаний Корана при обмывании, молитвах и погребении. Напротив, все обряды, связанные с похоронами, и поведение жены и родственников по отношению к усопшему до сих пор полностью определяются чисто киргизскими обычаями, чего смертельно боится оседлый мусульманин. При виде покойника женщины и родственники начинают причитать, женщины с воем и криками раздирают себе ногтями лицо, рвут на себе волосы и так провожают усопшего до самой могилы. Жена, стеная, сидит в юрте до седьмого дня после смерти мужа и ежедневно поет перед одеждой покойного длинные причитания. Причитания в юрте продолжаются в течение целого года после смерти. Если умирает мужчина, то причитает его жена; если умирает сын или дочь, причитает мать. В случае смерти женщины, имеющей взрослую дочь, причитает эта последняя, если же дочери нет, эту обязанность выполняет одна из ближайших родственниц. Из мужчин траурные песни поют только знаменитые певцы или ходжи, притом лишь в память о каком-либо известном человеке и при большом стечении народа или на богатых поминках по умершему.

Для характеристики такой траурной песни достаточно привести одно из причитаний. Когда умерла дочь султана Батыр-бека Бальгын, ее мать пела:

Я вижу твою шапку на шесте,
Напрасно блестит белое серебро,
С этого пути ты не вернешься,
Потому так скорбит мое сердце.

Когда тебе было семь лет,
Я отдала тебя в ученье мулле,
Ведь в доме не осталось сестры,
Почему же отдала я мужчине тебя, единственную?

Я привяжу своего коня и буду петь,
Пусть он стоит привязанный,
Бедный Батыр, которому уже пятьдесят лет,
Родится ли у тебя дитя, подобное Бальгын?

Я буду восхвалять тебя, моя любимая, ты была прекрасна,
Подобно хлебу, пропитанному маслом,
Похвала тебе делает мне честь,
Ты была лучшей среди подруг.

Когда ты, моя милая, была жива, я была богата,
Теперь горе сделало меня бледной,
Зимою пришла ко мне скорбь,
Я лишилась единственного ребенка.

К козленку приходит белая коза,
Поит его молоком из своего вымени,
Приди ко мне, будем плакать вдвоем!
Неужели это не достигнет слуха божьего?

Белая коза, ты породила двух козлят,
Один из козлят у тебя умер,
Утешься, милая белая коза,
Ибо ты родишь еще много козлят.

Белая коза, мы обе печальны,
Все мы в горе.
Утешься, милая белая коза.
Бог непременно даст тебе еще детей.

Народ прошел мимо Дёжёна,
Замерзая, стою я в легкой одежде,
Я стою здесь скорбя и плачу,
Миновало сияние Бальгын.

На Дёжёне одна-единственная могила,
Бог безжалостно забрал мое дитя,
Бедный Батыр, ты стал стар,
Бог разлучил тебя с твоей любимицей.

После смерти человека устраивают несколько поминок, на которые приглашают родных и знакомых. Эти торжества (*ас* — «трапеза») происходят на седьмой, сороковой и сотый день в первый год, а иногда и в течение девяти лет после смерти. На эти торжества приглашают как можно больше народа. Разумеется, люди бедные приглашают только родственников и ограничивают-

ся тем, что режут одну овцу, дабы почтить усопшего. Напротив, богачи устраивают пышные поминки. На торжества, которые происходят в память людей уважаемых, особенно в первую годовщину их смерти, часто приглашают много тысяч гостей.

Поминки на седьмой день относятся к церемонии погребения. В этот день, как я уже писал, подстригают хвост и гриву любимому коню умершего.

В Большой орде, севернее реки Мейке, я присутствовал на поминках, которые устраивал киргиз Ата Бек по поводу годовщины со дня смерти своего отца. Как и все такие поминки, они продолжались четыре дня. Родственники и жители ближайших аулов собираются в первый день, когда устраивают очаги, т. е. копают подряд несколько ям под костры, над которыми устанавливают котлы для варки мяса. Мы приехали вечером второго дня, когда резали скот для угощения и ставили юрты для гостей, ожидавшихся на следующий день.

Мы увидели здесь уже около ста юрт, поставленных для гостей, и четыреста-пятьсот собравшихся. Все они были заняты тем, что устанавливали юрты и забивали скот. Все юрты были из белого войлока и покрыты внутри расшитыми коврами или кошмами. Они были пусты, и лишь в нескольких, предназначенных для высоких гостей, на пол были постелены ковры. Мне предоставили юрту, в которой мы устроились очень уютно. Затем мы отправились к месту убоя скота и увидели там горы мяса, сложенного около котлов. Всего должны были забить 30 лошадей и 150 овец. Площадка для убоя была весьма живописна. Здесь резали скот, там его свежевали или разделывали туши и складывали мясо около котлов. Площадку окружала толпа зрителей. Вокруг сновали сотни собак в надежде урвать свою часть добычи. Внутренности и худшие куски сразу раздавали бедным, которые уходили, нагруженные этими сокровищами.

Уже поздно вечером прибыло несколько почетных гостей, которые нанесли мне визит. По просьбе присутствующих знаменитый певец кара-киргизов, приехавший со мной, исполнил прекрасную хвалебную песнь в честь высоких гостей. Он вызвал восхищение слушателей, которые здесь почти все владеют языком кара-киргизов, а Султан Адам Кул в восторге снял с себя шелковый шапан и бросил его певцу в награду за хвалебную песню. Лишь поздней ночью гости покинули мою юрту.

На третий день гости начали прибывать еще до восхода солнца. Султан Тезек и Султан Али со своими родственниками приехали уже ночью. Прибывали все новые и новые толпы людей, так как приглашения были разосланы обоим султанствам Большой орды и роду бугу черных киргизов. К полудню собралось тысяч пять. Все юрты были заполнены знатными гостями, а простой народ расположился вокруг юрт. Мясо и все кушанья в

vk.com/ethnograph

больших деревянных мисках подпесли к юртам. Были розданы большие бурдюки с кумысом, и все ели и пили до позднего вечера. Моему певцу был оказан прекрасный прием, на него со всех сторон сыпались приглашения, и он каждый раз приносил богатые подарки. Халатов он получил не меньше десятка. Так как он был человеком бедным, эти подарки пришлись весьма кстати. Трапеза шла обычным порядком. В каждой юрте на почетное место сел самый именитый гость, а хозяина дома заменил один из его родственников. Высокий гость разделил между гостями *баш-баймак* [28]. После еды подали кумыс и айран, затем начались веселые разговоры, шутки. Настроение было чрезвычайно веселым, и ничто не напоминало о печальном поводе для этого торжества. Вечером наш лагерь выглядел весьма своеобразно. Нас окружала цепь огней, так что, несмотря на ночную тьму, вся равнина была освещена. Вокруг костров и между ними всю ночь напролет царило оживление. Гости прибывали до поздней ночи.

На четвертый день мы встали очень рано, так как сразу же после восхода солнца должны были начаться скачки (*байга*). Выйдя из юрты, мы увидали, что многочисленные группы людей вокруг заняты едой. Мы прежде всего осмотрели призы, которые были выставлены в конце ряда юрт.

Для победителей скачек было предназначено десять призов. Первым была небольшая юрта, крытая красным сукном, со всей необходимой домашней утварью. Перед ней на оседланной лошади сидела девушка в костюме невесты, на ее голове — саукеле. Кроме того, около юрты находилось пятьдесят голов разного домашнего скота (верблюды, лошади, коровы и овцы). Второй приз составляли десять ямбов серебра [29] и по десять голов каждого вида скота и т. д. Последний приз — пять лошадей. Весь этот скот был явно в более чем неважном состоянии, да и невеста первого приза отнюдь не отличалась красотой.

Вскоре народ собрался на скачки. Все зрители верхом на лошадях растянулись двумя длинными шеренгами по обеим сторонам скаковой дорожки, которая была обозначена шестами. В стороне от зрителей собрали участвующих в скачках лошадей, большей частью великолепных крупных животных, на которых сидели маленькие мальчики от шести до десяти лет. Сначала лошадей медленно провели перед зрителями, которые встретили их возгласами одобрения. От каждой хорошей лошади публика приходила в восторг. Сидя на конях, присутствующие собирались группами, и со всех сторон слышался оживленный разговор, суждения о лошадях и предположения об исходе скачек. Затем вереница лошадей медленно тронулась в путь и направилась к началу скаковой дорожки, верстах в двадцати пяти. Было видно, что часть зрителей, держась на некотором расстоянии, сопровождает лошадей.

После того как лошади отъехали на несколько верст, площадь перед юртами вновь заполнилась людьми, и начались различные состязания. Справа от моей юрты на обнесенной канатом площадке происходила борьба. На арену вышло примерно 50 борцов, которые сбросили с себя всю одежду, кроме штанов. Штанины были высоко закатаны, а по бедрам повязан широкий матерчатый пояс. Борцы сошлись вплотную и, ухватив один другого обеими руками за пояс, старались повалить друг друга. Это было великолепное зрелище — мощные торсы с напряженными мускулами. Боролись по три пары одновременно. Побежденные покидали арену, победители получали хорошие награды: шелковые халаты, овец, пояса, седла, уздечки с серебряным набором и т. д. [30].

В другом месте происходили иные игры: на землю был положен серебряный ямб. Наездник должен был рысью проскакать мимо и, резко перегнувшись с седла, схватить рукой серебряную монету [31]. Каждый раз, когда один из наездников, пытаясь схватить монету, падал с лошади, поднимался общий хохот. Я только два раза видел, как наезднику посчастливилось схватить монету. После каждой удачи раздавались громкие одобрительные крики, и монета доставалась победителю в качестве награды.

В другом месте участники представления также показывали свою силу. Сидя на лошади, всадник хватал стоящую на земле овцу за заднюю ногу, поднимал вверх и, раскачав, резко отбрасывал, так что в руке у него оставалась нога и часть шкуры, а животное падало мертвым на землю. Это варварское зрелище сопровождалось ликующими воплями зрителей.

Все вместе напоминало ярмарочные увеселения в большом европейском городе. Однако то обстоятельство, что все присутствующие были на лошадях, придавало сцене особый колорит. Внезапно со всех сторон раздались крики: *ат кäлä* (лошади идут). Все бросились к скаковой дорожке, и вскоре по обеим ее сторонам собрались толпы зрителей. Небольшая часть зрителей поскакала навстречу лошадям, чтобы, как мне объяснили, разгорячить их.

Вдали уже можно было разглядеть несколько фигур: это были приблизительно двадцать пять лошадей, которые значительно опередили остальных. В этот момент разыгралась дикая сцена. Едва лошади оказались в версте от финиша, как к ним поскакали их владельцы вместе со своими родственниками и стали подгонять отстающих животных, свистя, бросая в них камни, крича и нахлестывая их плетками. Когда эта дикая орда приблизилась к финишу, было уже невозможно что-либо разобрать. Это была летящая среди невероятного шума и воя сплошная масса — более сотни скачущих лошадей, и я был не в состоянии следить за ними.

Мне посоветовали отойти в сторону, так как вскоре должна была начаться сцена, присутствовать при которой было небезопасно. Действительно, я потом поблагодарил сопровождавшего меня человека за добрый совет, так как начались такие дикие скачки, что вполне можно было оказаться сброшенным с лошади и растоптанным мчавшейся толпой. Вся публика ринулась прямо к призам, одни — чтобы принять участие в зрелище, другие — чтобы отобрать у победителей их трофеи. Я был не в состоянии разобраться в том, что разыгрывалось у меня на глазах. Слышались неистовые крики, шум, брань. Было видно, как всадников стаскивали с лошадей и как народ кинулся к призам, так что в несколько мгновений от них ничего не осталось. Впоследствии мне рассказали, что победители мало что получили: бóльшую часть их наград захватили и с триумфом увезли зрители. Говорят, на скачках так всегда и бывает. Никто не посылает свою лошадь на скачки ради приза, так как хозяину лошади этот приз никогда не достается. Он делает это лишь из тщеславия, предпочитая любой награде славу владельца хорошего скакуна. Даже если ему и удается завладеть всей наградой, он должен, согласно обычаю, раздать все полученное родственникам и соседям по аулу, иначе его повсюду ославят как страшнейшего скрягу.

Кроме уже перечисленных существуют еще определенные мусульманские праздники — праздничный день после рамазана, курбан, науруз, сопровождающиеся различными играми, состязаниями и т. д. Наконец, во многих местах имеются местные и семейные праздники, которые отмечаются таким же образом. На всех этих праздниках происходят также игры девушек и юношей. Это — хоровое пение, состязания певцов, состязания в беге, силовые номера и состязания наездников. Последние весьма своеобразны. Девушки и юноши скачут парами. Девушке дается фора в несколько корпусов коня, а затем юноша должен догнать свою противницу. Если ему это удается, он получает право обнять ее и обеими руками коснуться ее груди. Девушке же разрешается пустить при этом в дело свою плетку. Эта игра — великолепное зрелище, если девушки и юноши искусные наездники и если у них хорошие лошади. Копи летят стрелой. Вот всадник настиг девушку. Но как только он наклоняется вперед, чтобы схватить ее, плетка со свистом рассекает воздух. Однако юноша не зевает, он быстро пригибается, и кнут проносится над его головой. Если юноше удается схватить свою добычу, возвращающуюся пару встречают громкими приветствиями. Нередко незадачливый наездник падает с лошади и возвращается ни с чем, с кровоточащими царапинами на лице. Тогда ликует женская половина играющих. Однако иногда дело решает отнюдь не ловкость и сноровка: если юноша нравится девушке, она нередко сдается добровольно.

Разумеется, зимой молодежь устраивает свои игры в юртах, и тогда у них иные развлечения, например игра в кости. Юноши и девушки усаживаются в кружок. Девушке кладут в подол маленькую косточку, а каждый юноша становится перед ней на колени, раскидывает руки в стороны и наклоняет корпус вперед, пока ртом не поднимет кость с колен девушки. Если этот фокус удастся, кругом раздаются радостные крики, а если нет, то девушка слегка ударяет неловкого юношу кнутом. Когда все юноши попытали счастья, один из них берет косточку в рот, и тогда все девушки подходят к нему и стараются также зубами схватить косточку, пока юноша не закрыл ее губами. Если девушке это не удается, она в наказание должна поцеловать юношу.

Вперемежку со всеми этими играми поют хором, проводят состязания певцов, состязания в пении и импровизации между двумя юношами или между юношей и девушкой, причем каждый старается заставить другого замолчать. Во время больших народных праздников происходят состязания между прославленными певцами различных родов. Для того чтобы дать представление о таком состязании, я опишу одно из них. При этом я должен заметить, что такие песни, как и все импровизации киргизов, слагаются в форме четырехстрочных газелей. У певца уже имеется какое-то количество готовых пар рифмующихся строк, которыми он начинает газель, и лишь две последних строки, из которых конечная рифмуется с двумя первыми, собственно, и выражают содержание строфы.

Состязание в пении между юношей Мёнёком и девушкой Опан Кыз

Юноша Мёнёк пришел к найманам, чтобы украсть скот, но попал в руки врагов. Как раз в это время шел пир, и, когда Опан Кыз предложила присутствующим петь, связанный Мёнёк, находившийся там, вызвался участвовать в состязании.

Девушка: Колышатся перья на моей шапке,
Очень нежны корни моих черных волос:
Тот, кто внезапно встревожил мой мирный народ,
Тот, кто пришел пешком, где он, скажи мне?

Юноша: Колышатся перья на твоей шапке,
Ты ищешь выгоды, но тебе трудно ее найти,
Я пришел ради выгоды пешком издалека,
Где же Опан Кыз, о ней я мечтаю.

Девушка: Юноша, ты проехал землю и небо,
Юноша, ты прошел землю и небо,
На ноге у тебя путы, как у рабочей лошади,
Скажи, кто твой народ, назови его имя.

Юноша: Род багапалы, его высоко чтут.
Наше богатство – табуны серых коней,

Если богатырь Наур Кул соберет сейчас весь свой народ,
Я посажу тебя, дитя мое, позади себя на коня.

Девушка: Как же ты отправишься к отцу, как назад, скажи,
Скача на коне сквозь толпу, ты хочешь сейчас взять меня,
Ведь ты идешь пешком, ты здесь босой,
Как же ты посадишь Опан позади себя?

Юноша: Когда ты поёшь, Опан, ты подбираешь слова,
Если господь прикажет, ты умрешь в любом месте,
Если я сейчас соберу здесь всех людей Наур Кула,
Посмотри, тогда поспешно уберется кучка найманов.

Девушка: Говори, как тебе теперь подобает, ах ты, бедняга,
Скажи, что же ты, бедный, похваляешься своим превосходством,
Ведь ты стоишь сейчас здесь перед нами босой,
Ну скажи, станешь ли ты хвалиться своей отвагой?

Юноша: Раз я умею петь свою песню, я говорю тебе это прямо,
Если бы я не умел ее петь, какой был бы мне от нее прок,
Ведь я – сын от старшей жены,
Поэтому я по достоинству восхваляю себя.

Девушка: Ты, бедняк, ходящий пешком, говоришь гордо,
Как богач, чей дом – полная чаша,
Мы здесь никогда не устаем петь,
Скажи мне, как дела у богатырей твоего народа?

Юноша: Девушка Опан, селения есть на равнинах и в горах,
Бог помогает мне, бедному, когда я его молю;
Молод годами, остался у нашего народа
Богатырь Шорман, которого я всегда поддерживаю.

Девушка: Бедный юноша, ты поешь непрерывно,
Ты будешь следовать за моими юртами в кожаном одеянии.
Того, кто никогда не удерживает виновных и дурных,
Этого молодого пустомелю Шормана, ты хвалишь.

Юноша: Шонг Би расстался с жизнью,
Теперь Шорман должен говорить здесь вместо него,
Он, превосходный, отважно вступил в борьбу,
Живет в жестокой вражде с Майкы и Бошаном.

Девушка не нашла ответа, и тогда юноша, перейдя в наступление, продолжал:

Юноша: Смотри, вот купец, он продает пестрый халат,
То, что помогает бедняку идти,– посох,
Дай мне теперь, милая, чашку кумыса,
Ведь и такие бедняги, как мы, заслуживают это.

Девушка: Мы тоже хорошие ходоки, с песнями бежим мы рысью,
Если ты сфальшивил во время пения, это твоя забота.

Если ты поёшь, испытывая жажду, ты, идущий пешком,
Ты чувствуешь себя сытым, как будто ты выпил кумыс.

Юноша: Так как я напился, я утолил жажду,
Теперь я согласен остаться у Опан,
Я бы охотно взобрался на белую грудь Опан,
Тогда я бы выполнил обычай моего народа.

Девушка: Посмотри-ка, в руке у меня плетка,
Если я попаду тебе в глаз, не жалуйся на меня.
Так как ты хочешь взобраться на человека,
Пусть ты никогда не увидишь покрытый шерстью скот.

Юноша: Я обобран, потому что меня [сюда] послали,
И меня охватило сильное желание добыть скот,
Не зная этого, ты взяла свой скот,
Ночью вор ничего не видит, когда он осматривается.

Девушка: Когда мой народ отправляется в путь, приходит ли
он на луга Есили?
Если вор даже и клянется, исполняет ли он свою клятву?
Весь мой скот чист и принадлежит мне по праву,
И все же вор до него добрался, он думает только о краже.

Юноша: Речь моя правдива, девушка, верь мне,
Ведь я прекрасен, я всегда буду ездить с тобой,
Ведь я – дитя от старшей жены,
В полдень мы будем пасти твои стада.

Девушка: Черная степь – летнее стойбище моего народа,
Песня твоя течет быстро, только шутки у тебя плохие,
Пой свою песню, певец, прекрасный Мёнок,
Нынче мой брат лежит тяжело раненный.

Юноша: Придержи голову коня, пусть он рысью идет,
Смотри, я убивал найманов, как овец,
Нынче я пролил черную кровь твоего брата,
Я охотно умру, больше нет у меня перед богом забот.

Девушка не нашла ответа и с плачем села. Вместо нее, чтобы ее заменить, поднялась другая девушка, превосходная певица, но уже имеющая ребенка, и начала:

Ах ты, вор с черными путами,
Вору везде плохо приходится,
Скажи, где нашла тебя, беднягу, Опан?
Теперь тебя, беднягу, увезут на верблюде.

Юноша: Ах ты, вор с черными путами,
Хотя они и давят, я все-таки еще не пропал,
Я вернусь к моему народу, ведь я мужчина,
И все же упаси меня бог от тебя, ведь у тебя
уже есть ребенок.

Когда девушка услыхала это, она поспешила как можно скорее уйти.

На всех публичных празднествах киргизов, когда собирается много народа, обычно выступают певцы (*акыны*), которые развлекают присутствующих как историческими песнями, так и своими импровизациями на состязаниях певцов и при исполнении хвалебных песен. Певцы эти весьма многочисленны. Их повсюду радостно встречают и охотно принимают у себя. Киргизы вообще прекрасно владеют речью, любят рассказывать, часто каламбурят. Их беседы всегда остроумны и полны подтруниваний друг над другом. Неудивительно поэтому, что у них возникла богатейшая народная поэзия.

Киргизы делят произведения своей народной поэзии на два вида: народную, или черную, речь (*кара-сёз*) и книжную речь (*китап-сёз*). К первой относятся все те произведения, которые не записаны, а существуют в устной передаче. В большинстве случаев они известны только людям неграмотным, так как мулла, т. е. грамотей, подозревает в них нечто нечестивое и поэтому относится к ним с пренебрежением. Книжные сказания называются так потому, что певец обычно не исполняет их наизусть, а читает по рукописной книге. Авторы таких книжных сказаний — муллы, которые приспособили сюжеты мусульманских рассказов, легенд и религиозных сочинений к народному мировоззрению киргизов.

Итак, в то время как народные сказания являются достоянием и выражением самого духа киргизского народа, а потому повсеместно распространены в народе и пользуются всеобщим признанием, книжные песни — послы ислама. Это еще немногие, но уже прочно укоренившиеся в жизни киргизов ростки религии, пересаженные сюда с целью постепенно распространить учение ислама, все больше и больше вытесняя народное начало. Эти песни и в самом деле действуют как медленно проникающий яд, и влияние их все время растет. Именно из-за них народный дух стал уже совершенно чужд грамотной части народа, в общем еще незначительной. Теперь люди грамотные стараются с помощью этих песен познакомить с учением ислама тех, кто до сих пор еще не был им затронут. Длинные и короткие сказания, такие, как «Боз Джигит», «Хäмра», «Сäйпўл Мäлик», «Кик», «Шарйар» [32], так удачно приспособлены к народному духу, а содержащиеся в них религиозные мотивы так естественно вплетаются в повествование, что они получили огромное распространение среди народа, особенно в северных степях. Теперь их уже нередко исполняют и неграмотные певцы, считая чисто киргизскими сочинениями. Именно благодаря этим сказаниям значительная часть народа оказалась подготовленной к восприятию основных догм ислама. Песни «Жаворонок», «Печальные времена», «Конец

света» и «Череп» — это чисто дидактические стихотворения, которые служат народу как бы катехизисом. Чтобы пояснить это, я передам содержание песни «Жаворонок» и приведу несколько наиболее характерных строф из нее.

Во времена правителя Али жил один бедняк. Бог давал ему пропитание, ежедневно посылая ему одну рыбку, когда тот удил рыбу. Так и жил какое-то время бедняк со своею женой. Однажды он закинул удочку и ничего не поймал. Почувствовав голод, он отправился к одному неверному, чтобы попросить у него еды.

Однако злой неверный не дал ему еды даром, а потребовал по рублю за каждый день. Так как бедняк ничего нигде не мог найти и изо дня в день напрасно забрасывал свою удочку, его долг возрос до тысячи рублей. Тогда он решил обратиться со своей бедой к пророку Мохаммеду. Бедняк и неверный с поклоном предстали перед Мохаммедом. Мохаммед приветствовал бедняка такими словами:

Будь и ты счастлив, бедняк.
Что это за неверный рядом с тобой?
Оба твоих глаза полны слез, бедный,
Куда ведет он тебя? Говори!

Бедняк:

Если ты молишься, прежде всего помолись богу,
Когда пришла беда, трудно молиться,
Я должен этому неверному тысячу рублей,
Я не нашел ни копейки, чтобы ему отдать.

Мохаммед:

Нас создал единый бог,
Он создал и заставил светить солнце и месяц.
Если у тебя нет ни копейки, чтобы отдать ему,
Куда же ты идешь, чтобы отдать долг?

Бедняк:

Нас создал единый бог,
Он создал и заставил светить солнце и месяц,
Вы — властители восемнадцати тысяч миров,
Неужели вы не сможете мне помочь?

Пророк не собирал для себя имущества,
Богатые спутники бездушны,
Когда сидящие кругом спутники посмотрели:
Там тихо сидел Мохаммед.

Теперь разгневался богатырь Али.
Бог создал его душу подобной озеру Шалкар.
Отец мой взирает на землю, говорит Али,
Дай свое благословение, я заплачу́, говорит он,
поднимаясь.

Дай свое благословение, я заплачу́, говорит он,
поднимаясь.
Сильно разгневался богатырь Али,
Волосы, покрывавшие все его тело,
Проступили сквозь одежду, как острия копий.

Мохаммед дает свое благословение. Али отдает неверному в качестве заложников своих сыновей Хусайна и Хасана и уезжает, чтобы достать деньги. Али видит в степи надгробный памятник и молится там. На могиле сидел жаворонок, который был так красив, что Али захотел поймать его, чтобы отдать для забавы своим сыновьям Хусайну и Хасану. Но, когда Али поймал его и схватил за лапку, жаворонок взлетел, и эта маленькая, величиною с кулак, птица легко подняла в воздух могучего богатыря. Жаворонок пронес его по небу и перенес через горы к какому-то народу, который был Али неизвестен. Он вошел в один темный дом и увидал там старуху, сообщившую ему, что это — народ неверных и что сейчас все мужчины отправились на пир.

Али взволнован. Прежде всего он уговаривает старуху произнести мусульманский символ веры. Так как она отказывается, Али в ярости хватает ее и вешает. Затем он отправляется на пир. Али заколдовывает глаза неверных и остается среди них незамеченным. Мулла неверных поднимается на минарет и начинает нечестивый призыв к молитве такого содержания:

Он проклял пост, молитву и вероучение,
Он проклял книгу Коран,
Двадцать четыре тысячи пророков он проклял,
Не было ни одного святого, которого бы он не проклял.

Затем он хочет говорить, но у него перехватывает дыхание, так как сила духа Али чрезвычайно велика. Мулла не может произнести ни слова, и тогда неверные начинают наседать на него. Наконец мулла говорит:

Я знаю, что путь на тот свет тяжел,
Я знаю, что у пророка четыре халифа,
Нет у меня ни слова из тех, что я говорил ежедневно,
Я знаю, что здесь один из пророков.

Люди принимаются искать пророка, но не находят его, потому что их глаза заколдованы. Они обвиняют муллу в вероотступничестве и грозят убить его. Тогда Али охватывает гнев, в его жилы вливается сила *бисмилла* (восклицание «во имя бога»), он встает и показывается неверным, которые тотчас его окружают. Они хотят его убить, но мулла говорит, что он сам это сделает

и убьет его насмешкой, когда вступит с ним в религиозный спор. Затем он обращается к Али с предложением ответить на десять вопросов. Али соглашается, но, в свою очередь, требует, чтобы и мулла ответил ему на три вопроса.

Мулла: Отвечай быстро, не раздумывая, а не то я тебя убью: что бывает только одно, а не два? Что я имею в виду?

Али: Почему же должно быть два, ты, злодей! Тот, кто всех нас создал,— это единый бог.

Мулла: Сейчас я тебе отрежу голову, отгадай быстро: чего бывает только два, а не три? Что я имею в виду?

Али: Почему же должно быть три, ты, проклятый неверный. Бог их создал, и их два: солнце и месяц.

Мулла: Отвечай быстро, а не то я тебя убью: чего бывает только три, а не четыре? Что я имею в виду?

Али: Почему же должно быть четыре, проклятый неверный. В конце ночной молитвы — *отурашып*.

В такой же форме задаются следующие вопросы, и Али отвечает: есть четыре халифа, двое — Омар и Осман; один — Али, оставленный народом; один — Абу Бекр, он праведный; почему же должно быть пять, ты, проклятый неверный.

Затем Али перечисляет пять молитв с омовениями, шесть формул вероучения, семь преисподних для грешников, восемь райских мест для праведных, девять сыновей пророка Ибрахима, десять месяцев, в течение которых женщина носит под сердцем ребенка.

Мулла признает, что Али дал правильные ответы на все его вопросы, однако отказывается ответить на три вопроса Али. Народ настаивает на том, чтобы мулла ответил, и тот в конце концов соглашается выполнить эту просьбу, но при условии, что все присутствующие обещают повторить за ним его ответы. Люди соглашаются, и Али спрашивает: «Что написал бог на вратах рая?»

Мулла отвечает: «В загробном мире есть мост из конского волоса, длина его больше года пути. Я стоял у врат рая, на них написано: *Бисмилла ир рахнан, ир рахим*[33] (Во имя бога всеблагого, всемилостивого)».

Затем Али спрашивает, что написано в раю на почетном месте, и мулла отвечает: *Ла илла иллалахи* (Нет бога, кроме Аллаха). После этого Али спрашивает, что написано в раю в месте отдохновения, и мулла снова отвечает: *Ла илла иллалахи.*

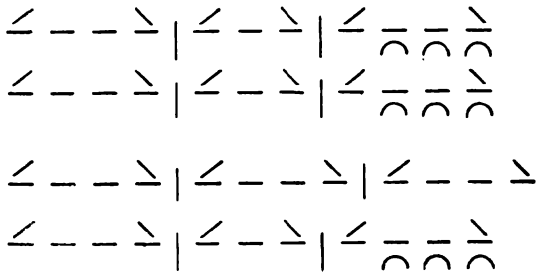
Произнеся эти слова, мулла становится мусульманином, а все присутствующие их повторили, чем также признали себя исповедующими ислам. Все радуются обращению в новую веру и спрашивают Али, как они могут выразить ему свою признательность. Он просит лишь золота и серебра для своего бедняка и, после того как новообращенные мусульмане нагромоздили

перед ним целую гору этих металлов, возвращается с помощью жаворонка в Медину, где этим золотом и серебром платит долги бедняка.

Стихотворную форму имеют такие виды народного творчества: притчи, благословения, свадебные и похоронные песни, песни, исполняемые на состязаниях певцов, короткие песни и импровизации и, наконец, поэтические рассказы, легенды и героический эпос. Все они отличаются явно лирическим характером. Я привел уже достаточно образцов киргизской народной литературы, чтобы дать представление об этих видах поэтического творчества.

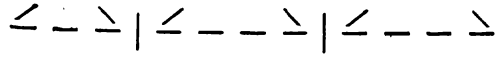
Что же касается тех ритмических законов, по которым строится стихотворная речь киргизов, то здесь мы ясно видим сильное влияние персидской поэзии. Ископно тюркские стихотворные размеры утрачены, и вместо характерных для них рифм появились стихи с конечной рифмой. В качестве основы всех стихотворных форм можно привести два вида, которые киргизы различают как *ёлёнг* и *джыр*.

1. Олёнг состоит из четырехстрочных строф, первая, вторая и четвертая строка которых имеют конечную рифму. Каждый стих состоит из трех стоп. Каждая стопа имеет сильное ударение на первом и последнем слоге. Цезура между стопами всегда приходится между двумя словами. Рифма охватывает большей частью три последних слога, однако нередко ее образует одно лишь созвучие гласных. Обычная схема для ёлёнга такова:

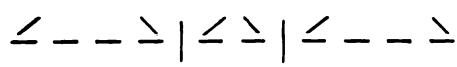
Регулярны сокращения стоп: например, первая стопа — трехсложная:

сатканы сүндәгәрдинг бойактары

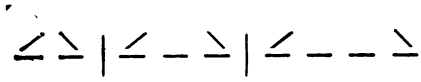
или вторая стопа — двусложная:

каркарамнынг ӱшӱ айдас айдас

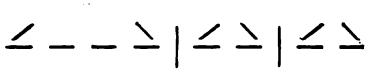
Даже первая стопа бывает иногда двусложной, но только в том случае, если один из слогов имеет естественную долготу и потому считается за два слога:

румду сурасанг баганагы

Совершенно неправильны такие стихотворные строки, как:

э джигиттäр майда майда

Удлинение стихотворной строки путем добавления четвертой стопы встречается очень редко:

каркарангды басынга койгусаин кӱӱк кылып

Ӧлӧнг особенно употребителен в песнях и импровизациях. Большие легенды и предания редко слагаются размером ӧлӧнг. Это — преобладающая форма всех книжных стихотворных произведений.

2. Джыр, так же как стихотворный размер героического эпоса минусинских татар, гораздо меньше связан со строгими правилами стихосложения, чем ӧлӧнг. Обычно он состоит из трех стоп (но часто и из двух), каждую из которых без всяких правил образуют два-четыре слога. Конечные рифмы общеупотребительны, но размещаются певцом совершенно произвольно. В произведениях, отличающихся правильной формой, конечная рифма проходит через целый ряд стихотворных строк. Например:

Кара бир таудунг джылгасы,

Калкына баглан кулджасы,

Сўндўктўнг агасы,

Алтыннан салган сыргасы,

Алаштан туспан сöс келсä,

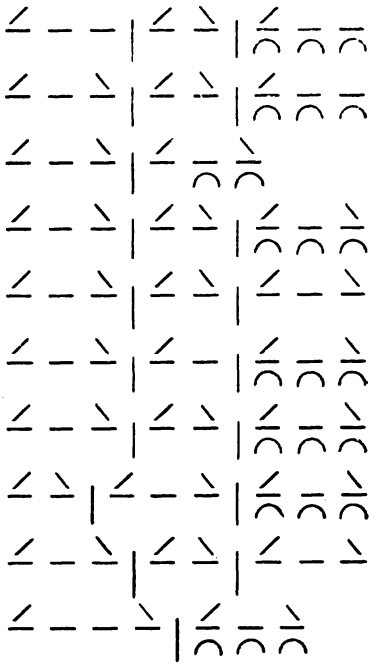
Алдында джелäр джоргасы,

Кара бир таудунг ўлгўсў,

Аты Алтайдынг серкäси,

Джорлыгы джалган болмаган,

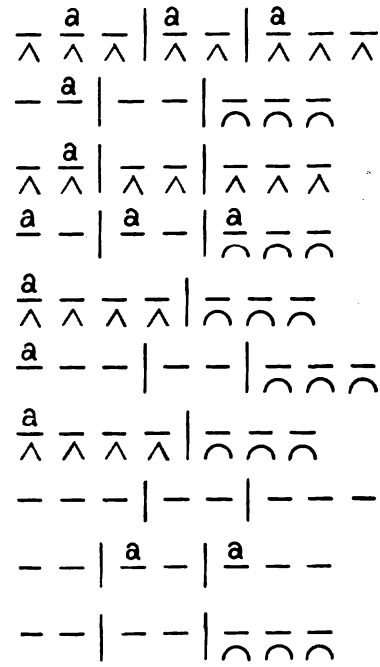
Кан каранынг эркäси.

Он был потоком с черной горы,
Прекрасен для своего народа,
Старший брат Сўндўка,
Серьга, сделанная из золота;
Если доносилась молва о другом народе,
Он был инохóдцем, идущим перед ними;
Образом черной горы он был,
Предводителем всего алтайского племени.
Его решение никогда не было несправедливым,
Он был любимцем султана и народа.

В джырах нередко проступают следы древних тюркских законов стихосложения, т. е. аллитерация, акростих и внутренняя рифма. Особенно часто это встречается в старых притчах. В качестве примера приведу следующую притчу, обозначив в схеме аллитерацию $\underline{a}$, конечную рифму $\overline{\frown}$ и внутреннюю рифму $\overline{\wedge}$:

Үлкöнгö кирсäнг калды да,
Ас куйунду тегäшкä,
Үлкöн билäр калганда
Кулдар кирди кенгäскä,
Кенгäскäндä не дестä?
Тырнадай мойнун тенгäсти;
Тенгäскäндä не дести?
Биринä бири серт кылды,
Үйгö кедäй келгäндä
Бир айак ас бермäскä.

Если ты войдешь к знатным, перед могущественным
Будет еда, налитая в большую миску;
Когда уйдут господа,
Рабы соберутся на совет,
Совещаясь, что они говорили?
Как журавли, склоняли они шеи друг к другу,
Совещаясь, что они говорили?
Они клялись друг другу,
Если войдет в дом бедняк,
Не давать ему и миски еды.

Кроме этих двух видов стихов имеются и другие, употребляемые реже. Это в большинстве случаев стихи, написанные размером джыр, поделенные на строфы и имеющие обязательные конечные рифмы и рефрены.

Песни киргизов непременно поются, так же как легенды и героический эпос. Я слыхал примерно 14—15 различных мелодий для ölöнга. Певец всегда сопровождает ölöнг игрой на двухструнном инструменте, напоминающем русскую балалайку. Другие музыкальные инструменты — кобыз, нечто вроде двухструнной скрипки, почти точно такой же, как кобыз минусинских та-

тар (этот инструмент я видел у баксы), дудка (*сыбызгы*) и, наконец, варган.

Киргизы во всем являются прямой противоположностью алтайцам. В то время как последние в общем спокойны и рассудительны, киргизы изменчивы и всегда в движении. В любой киргизской юрте постоянно толчея. Ни женщины, ни мужчины не сидят на одном месте подолгу. Все — мужчины, женщины, дети — непрерывно болтают, повсюду слышатся шутки, смех, поддразнивания. Часто ссорятся, громко, неприлично бранятся, и постороннему случается быть свидетелем даже потасовок.

Едва путешественник окажется в какой-либо юрте, как она тотчас наполняется мужчинами, женщинами и детьми. Сначала они рассматривают незнакомца, затем подходят поближе, и вскоре бедняге приходится совсем худо от назойливости гостей, пока наконец он не придет в ярость и просто не выгонит из дому бо́льшую часть присутствующих. Этого, однако, хватает ненадолго. Очень скоро дом опять заполняется, и непрошеных гостей приходится выдворять снова. Особенно неприятна назойливость киргизов во время еды. Как только кушанья поданы, непременно появляются гости, которые жадно смотрят в тарелки и стараются схватить какой-нибудь лакомый кусок. Мой слуга киргиз Сапы, сопровождавший меня в моем путешествии по степям, всегда отдавал присутствующим часть обеда, так как считал, что в противном случае нас ославят как людей жадных. Однако в основном он это делал потому, что благодаря этим угощениям нас бесплатно снабжали кумысом. При этом он ухитрялся отдать гостям лишь то, что сами мы не стали бы есть, т. е. хрящи, куски пленок, жир и т. д. Напротив, полученный как подношение бешбаймак он умел превратить в прекрасное блюдо, добавив в него жиру. Если путешественник ест какую-то незнакомую или редкую пищу, зрители непременно станут ее выпрашивать. Больше всего они любят сахар и сухари. Первый они всегда выпрашивают под тем предлогом, что сахар — прекрасное лекарство от глазных болезней. При этом киргиз рассказывает, что дома у него жена или ребенок, у которых очень болят глаза, поэтому-де он и просит кусочек сахару. Если дать ему кусок сахару, он аккуратно завязывает его в уголок платка. Но проходит немного времени, и киргиз, получивший сахар, вынимает его и начинает в нашем присутствии грызть. Однако каким бы маленьким ни был полученный кусок, он его всегда разделит на несколько частей, чтобы и соседи могли полакомиться. Особенно назойливыми часто бывают молодые замужние женщины, и, если их мужей при этом нет в ауле, они очень надоедают, выпрашивая сладости и лакомства. Девушки всегда сдержанны.

В общем, однако, следует сказать, что назойливость киргизов не производит на гостя тягостного впечатления. Несмотря на их

бороды, а нередко и седые волосы, эти люди — просто большие дети, охваченные любопытством, любовью к лакомствам и жаждой развлечений. Настоящие наглость и нахальство — очень редкое явление.

Особенно надоедают путешественнику гости-киргизы своей словоохотливостью, говорливостью. Если несколько киргизов собираются вместе, они не в состоянии держать язык за зубами. Пока обстановка непривычна и занимает их, они беседуют довольно тихо. Но как только они освоились с чужеземцем, тотчас же начинаются разговоры, и вскоре приезжий окружен группами беспрестанно болтающих людей, которые о нем уже и не думают. Если держать много слуг-киргизов, как часто бывало у меня, когда я, например, на Берели или в южных степях раскапывал курганы и нанимал при этом от 20 до 30 рабочих-киргизов, то непрестанный разговор и смех слышится буквально день и ночь. На Берели я не мог спать и потому разбил свою палатку в ста шагах от юрты рабочих, так как они бодрствовали и болтали посменно. Пока одна партия предавалась ночному сну, остальные сидели у огня, и текла задушевная беседа. Но едва они укладывались, как поднимались первые, и возобновлялся только что прерванный разговор. Слышались всякие россказни, сказки, рассказы, героические песни; в промежутках пили, шутили и говорили друг другу колкости.

Болтливость считается основным свойством женщины, умение вести беседу в обществе рассматривается как долг мужчины. Об этом говорится в старой притче:

Не приводи в табун маленького жеребца,
Потому что у него взъерошенные хвост и грива;
Не бери плохую жену
Только потому, что мал калым;
Если ты приведешь в табун маленького жеребца,
Не родится боевой конь;
Если ты возьмешь плохую жену,
Не родится хороший сын,
Который сумеет говорить в собрании;
Если ты возьмешь плохую жену,
Ты не сможешь отправить ее обратно,
Тебе будет плохо на ее ложе;
Если придут твои друзья молодости,
Она не найдет удачного ответа,
Она только опозорит тебя.

Нет ничего удивительного, что народ, который так любит поболтать, как киргизы, достиг также и большого красноречия. Киргизы выделяются среди всех своих соседей даром речи. Речь каждого киргиза течет плавно и свободно. Киргиз так владеет словом, что он не только может произносить длинные импровизации в стихах, но и обычная его речь отличается определенным рит-

мом в построении фраз и периодов, так что и она нередко подобна стихам. Она образна, выражения ясны и точны, так что киргизов можно с полным основанием назвать французами Западной Азии. Нет ничего удивительного в том, что именно у такого народа, как я уже писал, возникла особенно богатая народная литература.

Разумеется, разговорчивость киргизов породила и некоторые недостатки — болтливость, хвастливость, лживость, любовь к злословию, от чего нередко приходится страдать тем, кто имеет с киргизами дело. Никогда нельзя верить киргизу, которого мало знаешь. Для того чтобы выставить в более выгодном свете свой дар рассказчика, он старается всячески приукрасить свое и без того неубедительное повествование. Очень трудно получить от киргиза сведения о местных условиях, так как он всегда отвечает без запинки на любой вопрос, хотя не имеет ни малейшего представления о том предмете, о котором идет речь. В своих хвастливых рассказах он неизменно старается выставить в самом выгодном свете себя, свою деревню, свой род и с удовольствием чернит всех более далеких соседей. Поэтому нет более ненадежного переводчика и информатора, чем киргиз. Но ко всем этим недостаткам примешивается какое-то детское добродушие, так что их россказни вызывали у нас лишь улыбку, и мы нередко с удовольствием слушали их бессовестное бахвальство. А так как с этим сочетается врожденная хитрость, можно сказать плутовство, то путешественник по киргизским степям должен быть всегда начеку, чтобы, находясь среди киргизов, не оказаться в неприятном положении. Приходится неустанно следить за ними, чтобы не стать на каждом шагу жертвой обмана. Я должен, однако, признаться, что это состояние непрекращающейся войны имеет известную привлекательность. В хитрости и плутовстве с киргизами могут сравниться только наши сибирские казаки, которые также служат обычно проводниками путешественников, и тут надо стараться не попасть между Сциллой и Харибдой.

Когда раньше ездили на подводах (т. е. на лошадях, которые предоставлялись чиновникам в обязательном порядке), приходилось все время следить за тем, чтобы, с одной стороны, казак не затребовал слишком много лошадей и, только получив подарки, уменьшил свои требования, а с другой — чтобы киргизы с целью избавить себя и своих соплеменников от поставок лошадей не направили его к чужому табуну, нередко заставив при этом сделать большой крюк. То киргизы жаловались на казаков, то казаки на киргизов, и далеко не всегда было легко принять правильное решение. В совершенстве владея киргизским языком, я все-таки никак не мог воспрепятствовать тому, что вещевые мешки сопровождавших меня казаков постепенно наполнялись подарками, полученными путем вымогательства. Можно написать целую

книгу рассказов о том, как обманывают друг друга киргизы и казаки. Находившиеся раньше при почтовых станциях казаки старались любыми способами раздобыть запасы мяса из киргизских аулов, в то время как все помыслы киргизов были направлены на то, чтобы угнать со станции лошадей. Приведу забавный анекдот, рассказанный мне казачьим полковником.

«Я прибыл на станцию между Коналом и Аягусом и удобно расположился в почтовом помещении, когда брань и крики заставили меня снова выйти из дома. Я увидал четырех киргизов верхом на лошадях. Они указывали казаку на следы украденного у них быка, которые привели их как раз во двор станции. Как только киргизы увидали меня, они обратились ко мне и потребовали защиты от казаков, укравших у них молодого бычка. Следы вели прямо во двор, и животное должно было находиться еще здесь. Казаки уверяли, что даже не видели животное. Однако следы были вполне отчетливыми, и я разрешил киргизам обыскать все помещения станции. Но все было напрасно. Следы обрывались на середине двора. На станции животного не было, но на много верст вокруг не было видно и обратных следов, хотя следы были свежие и было ясно, что кража совершена не более часа тому назад.

Итак, киргизы уехали, ничего не добившись. Я ночевал на станции. На другое утро ко мне пришел урядник и спросил, не хочу ли я свежего мяса. Я засмеялся, так как это предложение было равносильно признанию в краже бычка, и попросил его честно рассказать, каким образом они обманули киргизов. Сперва урядник отмалчивался, но в конце концов рассказал. На середине двора они погрузили животное в почтовую кибитку, в которой я только что приехал, и, когда киргизы ворвались во двор, ямщик не торопясь выехал со двора. Киргизы не обратили на повозку никакого внимания, и казак смог совершенно спокойно отвезти животное на соседнюю станцию, где его забили и сегодня рано утром прислали сюда половину мяса. Я от души смеялся, но все же сказал, что нехорошо присваивать чужую собственность. „Ах, ваше благородие,— с полным спокойствием возразил казак,— только на прошлой неделе эти собаки угнали со станции трех лошадей, а это для нас гораздо больший убыток, чем бычок для них. Это не кража; мы все время находимся в состоянии войны с ними“».

Казак был совершенно прав, это действительно некая разновидность состояния войны, когда киргизы похищают имущество друг у друга и у ближайших соседей, и было бы величайшей ошибкой из-за этих частых хищений считать киргизов ворами по существу. Я часто подолгу жил среди киргизов, и ни разу моему имуществу не был нанесен даже самый незначительный ущерб. Дурная слава, которой пользуются киргизы у своих соседей, со-

вершенно незаслуженна и возникла исключительно в результате своеобразных социальных отношений у этого народа.

Верно, что киргизам до сих пор присущи некоторые пороки детей природы, находящихся на нижних ступенях цивилизации. По сравнению с оседлыми соседями их в большинстве случаев можно считать ленивыми, нечистоплотными, безрассудными и суеверными, хотя эти недостатки свойственны им в гораздо меньшей степени, чем алтайцам, стоящим во всех отношениях значительно ниже киргизов. Особенно возвышает их над народами Алтая чувство собственного достоинства и воинственный, я бы даже сказал рыцарский, дух, до сих пор присущий всем киргизским племенам.

Что касается отношений между полами, то здесь дело обстоит не лучшим образом. Обычай, допускающий интимные отношения между невестой и женихом еще до переселения новобрачной в дом мужа, позволяет девушке последние годы перед браком безнаказанно вступать в любовные связи. Однако до этого она должна всячески остерегаться, так как обманутый жених имеет право снести юрту, в которой он с невестой располагался, публично подвергнуть невесту оскорблениям, а также потребовать обратно калым. Но говорят, что и супружескую верность киргизы соблюдают не особенно строго и как мужчины, так и женщины не отказываются от тайных любовных приключений. Отношения между полами у киргизов совсем не так благопристойны, как у алтайцев. Шутки между сверстниками мужа и нередко очень молодой женой, так же как разговор между мужем и женой в присутствии свидетелей, часто становятся совершенно непристойными, приобретая чрезвычайно чувственный и похотливый характер. Однажды на Бухтарме я наблюдал танец двух киргизов, отчетливо показавший, какое удовольствие получают киргизы от проявлений самой грубой чувственности. Оба танцора с помощью своего рода пантомимы изображали различные любовные отношения. Сперва они грубо, наглядно и точно изображали различные виды домашних животных в момент половых сношений, а затем и людей в этом же положении. Все это проделывалось с такой похотливостью, что даже европейские проститутки самого последнего пошиба не могли бы быть бесстыдней. Публику составляли не только мужчины, но также старые и молодые женщины, даже юные девушки, и все смотрели на это омерзительное представление, вскрикивая от удовольствия. И после этого еще говорят об испорченности цивилизованного мира и даже о ложной морали христианства, которое запретом плотской любви якобы породило порок отказа от чувственности [34]!

Такое зло, как пьянство, киргизам совершенно несвойственно. Казак-киргизы знают лишь один опьяняющий напиток, кумыс, который они, если его много, потребляют в таких количествах,

что он в конце концов вызывает что-то вроде опьянения. Когда я однажды сделал выговор такому подвыпившему человеку, зашедшему в мою палатку, он попросил прощения и ответил, что не пил. «Меня разобрало от хорошей еды»,— сказал он. Только черные киргизы делают молочную водку, но и то в очень небольших количествах. Даже когда киргизы живут в русских городах, они не пьют водку и постоянно указывают на то, что водка запрещена законом. В этом отношении они более правоверны, чем живущие в городах татары, которые в последнее время нередко предаются пьянству. Курения киргизы не знают, но зато все мужчины степей — страстные любители нюхать табак.

Если мы теперь обратимся к социальному устройству киргизов, то совершенно отчетливо увидим, что оно находится в тесной взаимосвязи с укладом их жизни. Киргиз — истинный кочевник и, как таковой, нуждается в большой территории, чтобы достичь определенного благосостояния. Их летние и зимние кочевья нередко удалены друг от друга на несколько миль, и, как я уже писал, только зимние можно считать собственностью отдельных лиц. По этой территории и кочует киргиз со своим движимым имуществом (своими бесценными стадами), которое легче, чем другая движимость, может стать добычей соседей и исчезнуть из поля зрения своего владельца. Степь широка и свободна, и враждебно настроенный сосед может с большой скоростью проделать много миль пути, подвергая опасности благосостояние киргиза. Эти обстоятельства заставляют степных кочевников не распылять свои силы, кочуя отдельными семьями, как это делают горные кочевники и лесные охотники. Киргиз всегда нуждается в небольшом военном отряде, который поможет ему в случае нападения защитить свое имущество, а при необходимости и отбить захваченную врагом добычу. С другой стороны, инстинкт самосохранения нередко заставляет этот народ нарушать право собственности своих соседей. Для того чтобы сохранить главное достояние киргизов — скот, требуется определенное количество травы. Если травы не хватает, скот гибнет, и, что бы его владельцы ни предпринимали, они не в силах предотвратить беду. Следовательно, хорошее состояние стад или их гибель не зависят от действий их владельцев. Потеря скота влечет за собой изменение социальной значимости его хозяина, безвозвратно лишая его возможности еще когда-нибудь занять утраченное положение. Обедневший киргиз неминуемо окончательно опускается. Так, например, причиной того, что целые области лишаются своих стад, нередко оказывается плохая погода. Если весной после первой оттепели внезапно наступает сильный мороз и тонкий слой снега в одну ночь покрывается ледяной коркой в дюйм толщиной (это явление киргизы называют *уйут*) [35], то скот не в состоянии достать траву из-под снега, а хозяин не имеет никакой возмож-

ности добыть для своего скота необходимый корм. Если холода держатся, то нередко за несколько недель гибнут сотни тысяч голов скота, и целые области, жившие чрезвычайно богато, сразу впадают в нищету, почти полностью теряя все свое имущество (как это произошло, например, в 1861 г. в Каркаралинском округе).

В этих случаях никакая, даже самая напряженная деятельность не может вернуть людям их достояние. Они могут либо сидеть сложа руки, всецело положившись на волю судьбы, либо попытаться улучшить свое положение, вторгнувшись во владения соседа и нарушив тем самым право собственности. Как только случается *уйут*, киргизы покидают свои стойбища и продвигаются в области соседей. Они движутся до тех пор, пока не доберутся до места, где имеется корм для их скота. Если им это удается, то хотя бы часть скота будет спасена, и тогда они с изменением погоды возвращаются с остатками своих стад на старые стойбища. Если же их скот погибнет, они обречены на голодную смерть, и тогда они нападают на богатого соседа и угоняют часть его поголовья, которое должно стать основой их будущих новых стад. Однако и этот агрессивный метод возможен и успешен лишь в том случае, когда для совместных действий объединяется максимальное количество людей, т. е. если в народе сформировались определенные группы людей, объединенных общими интересами.

Само собой разумеется, что эти необходимые кочевникам социальные группировки возникают на основе естественного единства семьи. Члены семьи, находящиеся в наиболее близком родстве, были тесно связаны друг с другом общими интересами, общим нераздельным владением, являвшимся условием существования менее крупных стад. К ним примыкало несколько более далеких родственников, а также семей, связанных с ними другими отношениями, и таким образом возникала первичная социальная единица — аул (название *аул* возникло из слова *агыл*, что означает «ограждение, загон»). Этот аул остается вместе и зимой и летом. Он состоит из шести-десяти семей. Главой аула является старейший представитель той семьи, у которой больше имущества и с которой большинство жителей аула состоит в родстве. На зимних стойбищах несколько аулов объединяются в бо́льшую группу, так как в зимнее время часть стада не находится при ауле, охрана стад также требует больше людей, да и суровую зиму с ее лишениями легче перенести бо́льшим обществом. Так возникает родовое подразделение, которое зимой живет в общем стойбище, а летом расселяется по более обширной территории, не теряя, однако, известной связи и сплоченности, чтобы в случае нападения иметь возможность решительно выступить против общего врага [36]. В таком родовом подразделении пред-

ставлены уже как общие интересы, так и интересы отдельных аулов, часто вступающих друг с другом в конфликты. Поэтому здесь уже необходима судебная власть, которая должна улаживать эти конфликты и выносить решения по спорным вопросам. Такая власть представлена людьми, отличающимися богатством, умом и справедливостью, а также имеющими много родни, способной в случае необходимости перейти от слов к делу. Этих людей киргизы называют *бий* (*бег* — «господин») [37]; в их руках судебная власть. Они разрешают споры по поводу владений на зимних кочевьях, улаживают недоразумения между аулами и судят тех, кто, считая распределение имущества несправедливым, хочет увеличить свое стадо силой. Так как кочевникам совершенно неизвестна система выборности предводителей, то бий обычно приобретает власть путем узурпации, и ее редко признают безоговорочно все. Поэтому судебный приговор, который выносят бии, это в большинстве случаев третейский суд, которому добровольно подчиняются обе стороны. Вообще тут трудно выявить какие-то общие правила. Есть бии, которых народ слушается безоговорочно, которые завоевали свое положение справедливостью и разумными суждениями. Другие удерживают свое положение только благодаря своему богатству и большой родне. Наконец, некоторых признает небольшая часть их родового подразделения, и они имеют несколько конкурентов. Одно можно сказать с уверенностью: авторитет и сила родового подразделения, безусловно, зависят от авторитета и влияния бия, и те родовые подразделения, которыми управляют бии, пользующиеся уважением, увеличиваются очень быстро, потому что к ним присоединяются как отдельные семьи, так и новые аулы. Нередко небольшие родовые подразделения сливаются в новый род, который принимает имя возглавляющего его бия. С давних пор несколько родовых подразделений образуют бо́льшие или меньшие роды. Это — исторические группировки, которые возникли уже много столетий тому назад, объединенные общим происхождением, совместными перекочевками, военной ситуацией. Роды также образуют единое целое, скрепленное общими интересами по отношению к соседним родам. Конфликты внутри рода улаживает третейским судом корпорация биев. В качестве судей здесь выступает несколько биев, каждый из которых представляет интересы своего родового подразделения. Влияние биев и здесь зависит от обстоятельств. Есть бии, которые могут одним лишь своим приговором или приказом прекратить самые жестокие распри. В то же время с решением, принятым целой корпорацией биев, иногда не считается ни одна из сторон. В былые неспокойные времена из родов образовались новые конгломераты людей, племена, в свою очередь соединившиеся в большие орды (*йуз* — «сотни»). Орды, так же как племена и роды, образуют замкнутое

целое лишь постольку, поскольку они противостоят другим ордам, племенам и родам. Орда защищает составляющие ее подразделения от прочих орд, точно так же делает это племя и род. Таким образом, все три — в полном смысле «страховые» объединения, существующие для охраны общих интересов.

Как я уже говорил, возникновение племен и орд относится к тем далеким временам, когда у киргизов существовало самостоятельное государство кочевников и большие политические события делали такие крупные конгломераты необходимыми. Теперь они сохраняются лишь как исторический пережиток, так как для завоеванных русскими киргизов давно уже стало невозможным сколько-нибудь значительное политическое движение. Те давно прошедшие бурные времена принесли некоторым племенным старшинам и их семьям княжескую власть. Верхушка их получила название ханов. Родичи ханов заняли особое положение среди остальных киргизов и составили знать этого народа. Народ называл их *ак сөк*, т. е. «белая кость», или, скорее, «белые роды», так как слово *сөк* употребляется как синоним слова *руу* — «род». В отличие от знати (*төрө*, русские называют их султанами) простой народ (*кара калк*) называют еще *кара сөк* (черные роды).

Разумеется, во времена независимых киргизских ханов знати была дана большая сила, так как она являлась как бы опорой властей. Момент появления ханов и период их владычества представляется нам тем доисторическим временем, о котором у нас не осталось никаких достоверных сведений [38]. Во всяком случае, это была цепь узурпаций власти, которыми каждый раз сопровождались захватнические походы киргизских орд. В те времена, о которых мы получили от киргизов достоверные данные, власть самих казак-киргизов уже уменьшилась и орды превратились в разрозненные объединения. Эти объединения выбирали из среды своей знати ханов, часть которых правила лишь номинально. Русские и китайцы, признав этих ханов, тем самым поддерживали их, считая такое содействие лучшим способом сохранить свою власть над ордами кочевников.

Левшин так описал избрание ханов в начале этого века: «Как скоро в назначенное для сего время и место начнет собираться народ, тотчас открываются частные совещания; тотчас составляются маленькие круги для решения, кого избрать себе главою и кому поручить быть представителем каждой толпы в верховном совете знатнейших правителей народных? Когда число прибывших на выбор сделается довольно велико, назначают решительное общее собрание и расстилают рядами ковры и войлоки, на которых Султаны, старейшины, Бии и родоначальники садятся по старшинству в знатности или власти; а простой народ становится за ними сзади. Начало сего заседания, как и везде, тихо, а окончание всегда шумно. Почетнейшие по летам и опыт-

ности открывают опое; смелейшие оживляют; сильнейшие дают направление; и, наконец, все вместе производят споры, которые продолжаются иногда дни два, три и более. Когда же Хан избран, несколько знатных Султанов и старшин идут объявлять ему о том, сажают его на тонкий белый войлок и, подняв на головы свои, опять опускают на землю. Тут на смену их с стремлением бросается народ, так же поднимать нового повелителя своего, и качать его несколько времени при громких восклицаниях и криках. В заключение войлок, служивший вместо трона, и иногда самую одежду ханскую разрывают на мелкие части, и всякий старается унести с собой какой-нибудь из них лоскуток, как памятник того, что он был участником выбора.

Благодарность нового Хана за полученное достоинство изъявляется немедленно праздником, который он дает всему присутствующему народу, и на котором не щадит он ни баранов, ни лошадей, ни кумысу» [39].

Однако полученное таким образом ханское достоинство было не более чем титулом, так как хан был лишен какой бы то ни было власти над своими подданными. Вообще звание хана имело значение лишь до тех пор, пока отдельные роды и племена получали прямую выгоду от военных походов хана, захватывая хорошие зимние стойбища или военную добычу (как в период войн с калмыками), или, с другой стороны, пока власть хана гарантировала им защиту от нападений вражеских отрядов и обеспечивала сохранность их имущества. Пока эта выгода была очевидной, они мирились с необходимостью подчиняться чужому приказу и нести расходы по содержанию хана [40]. Если же это больше не сулило народу выгод, племена, роды и родовые подразделения тотчас же распадались на отдельные группы, стремившиеся кочевать и содержать свои стада по возможности независимо друг от друга. Однако любая угроза извне немедленно вызывала к жизни новый конгломерат племен, который, по-видимому, больше всего соответствовал таким периодически возникавшим обстоятельствам.

Таким образом, в подобных условиях устойчивые формы административного управления и прочная общественная структура были и остаются совершенно невозможными для такого чисто кочевого народа, как киргизы. Происходит и происходило постоянное изменение соотношения сил племен, вызванное необходимостью сохранения и защиты богатств этих истинных кочевников и обусловленное требованиями естественного перераспределения скота в масштабах всего народа. Я считаю, что такая гибкость является главным условием благосостояния кочевого народа. Однако поскольку такая, если можно так сказать, гибкость социального устройства кочевников при каждом соприкосновении с каким-либо оседлым народом неминуемо приводит к столкновениям,

то среди оседлого населения кочевники слывут разбойниками и ворами и считаются нежелательными соседями. В то время как кочевник, выследив похищенное у него имущество, может сразу же собрать для защиты своих прав необходимые в этих условиях силы, оседлый крестьянин беззащитен против кочевника. Похищенное сразу оказывается вне поля его зрения, и он лишен возможности выследить его. Если след украденного скота приведет к чужому роду, киргиз с помощью своего родового подразделения угонит скот из первого же аула того рода, к которому принадлежит вор. В этом случае либо претензии будут признаны и аул, понесший потери, получит от вора компенсацию, либо возникнет военный конфликт, при котором оба враждующих рода будут наносить друг другу ущерб до тех пор, пока третейский суд не урегулирует спор. Все эти способы возместить утраченное чужды человеку оседлому, он и представления о них не имеет. Как может крестьянин понять, что какой-то сосед, чей работник нарушил интересы киргиза, станет взыскивать возмещение за убытки за счет имущества человека, совершенно ко всему этому непричастного? Даже если бы оседлое население знало правовые отношения кочевников и умело отобрать украденный скот, оно все равно оставалось бы всегда в убытке, потому что после прекращения военных действий киргиз получает полное возмещение всех своих потерь. При этом он не считается с трудностями, они лишь вносят разнообразие в его монотонную жизнь, а так как он дома не работает, то ему не страшно потерять время. Земледелец же теряет рабочее время, свое и своей лошади, и уже не может его наверстать.

Нарекания тех культурных народов, которые живут в областях, примыкающих к степям, дали их правительствам повод неизменно считать киргизов врагами общества и нарушителями порядка и породили у них идею подчинить себе киргизов, обеспечив тем самым мир и покой жителям пограничных областей.

В одной из предыдущих глав мы уже вкратце описали, каким образом удалось русским постепенно покорить киргизов [41]. Теперь надо рассказать, какие изменения произошли в жизни киргизов благодаря тому, что они оказались под скипетром России. Первым законом, изданным с целью упорядочить административное управление в Средней орде, явился Устав о сибирских киргизах, который постепенно был распространен на всех киргизов Средней орды. Этот Устав пытался ввести все киргизское население в твердые административные рамки [42].

Киргизы были подчинены двум областям, Омской и Семипалатинской; во главе каждой стояло губернское управление и военный губернатор, находившиеся в городах Омске и Семипалатинске. Омская губерния делилась на уезды Кокчетав, Атбасар, Акмола, Баянаул и Каркаралы. Семипалатинская губерния —

на уезды Павлодар, Семипалатинск, Сергиополь, Кёкпекти, Копал и Алматы. Во главе этих уездов стояли уездные военные начальники, резиденции и управления которых находились в уездных городах. Киргизы каждого уезда составляли подразделение, имевшее собственное киргизское административное управление (сначала носившее название «приказ», а позднее — «уездное управление»), которое осуществляло полицейские функции и являлось верховным судом уезда.

В регламентации прочих административных подразделений киргизов Устав стремится приспособиться к их общественным отношениям. 50—70 юрт образуют единицу, которая называется *аул*. Во главе каждого аула стоит аульный старшина, по своим обязанностям и рангу примерно соответствующий русскому сельскому старосте. Аульного старшину народ избирает сроком на три года простым большинством голосов всех присутствующих. Избранный аульный старшина вступает в должность только после того, как его утвердит уездный начальник. 10—12 аулов образуют волость, во главе которой стоит волостной старшина. Раньше это был потомственный султан (дворянин), сан которого наследовался по прямой линии. Султаны получали признание своего дворянства и узаконенную власть, причем им даже присваивался определенный чин по табели о рангах [43]. Впоследствии этих дворян отстранили от управления волостью, и их место заняли правители, избираемые народом также на три года. Каждый уезд состоял из 15—20 волостей, а уездная управа — из председателя, старши-султана (султан-старшина — *ага төрө*) [44], двух русских заседателей и двух заседателей из числа знатных киргизов. Султана-старшину выбирали султаны сроком на три года; киргизы-заседатели избирались народом, и только на два года.

Обязанности уездной управы заключались в следующем: 1) предохранять народ от бедствий и вовремя оказывать ему помощь; 2) распространять в народе знания и приобщать его к прогрессу; 3) ликвидировать все беспорядки (военные столкновения, грабежи, воровство и т. д.); 4) следить за осуществлением правосудия; 5) вести статистический учет населения; 6) наблюдать за торговлей; 7) выполнять обязанности судей в уголовном судопроизводстве.

Всем перечисленным киргизским чиновникам выплачивалось жалованье из уездной казны. Кроме того, в ведении уездных управ находились госпитали, школы, уездные врачи, склады.

С киргизов взимался определенный налог (*ясак*), которым облагался весь скот (за исключением верблюдов) в размере одной сотой его стоимости. Кроме уплаты ясака киргизы должны были обеспечивать специальными курьерами казенную почту аулов, волостных и уездных управ и, наконец, предоставлять лошадей чиновникам, совершающим служебные поездки.

Что касается суда у киргизов, то уездная администрация судила по российским законам лишь следующие преступления: государственную измену, убийство, грабеж и отказ подчиняться властям. Все остальные процессы считались гражданскими, и судили в них бии на основании обычного права. Каждый киргиз может подать в губернскую управу апелляцию на решение бия (назначение и утверждение которого в должности не обсуждается). Если протест обоснован, дело передается уездным властям, которые рассматривают его также на основании киргизского обычного права.

По Уставу, киргизам предоставлялись все права российских подданных. Они могли покидать степи и, получив вид на жительство, переселяться во внутренние губернии России. Им было дано право поступать в русские учебные заведения и после получения диплома выходить из общественных объединений киргизов. Однако в степях они могли кочевать только в своей волости, в местности, принадлежащей их аулу. Для перехода в другой аул надо было получить согласие соответствующего общественного подразделения.

Так как Устав ввел выборность части киргизских чиновников, но при этом сохранил личную власть султанов, то с самого начала в администрации возник разлад, который все возрастал. Очень скоро это привело к тому, что власть султанов была ограничена и из числа султанов разрешили выбирать только председателя уездной управы — ага-султана.

Введение Устава действительно внесло успокоение в степи и придало бóльшую устойчивость и силу киргизскому управлению в Средней орде, а после покорения Ташкенда — и в Большой орде. Правительство год от года становилось сильнее, в то время как право свободного передвижения киргизов все больше ограничивалось. Однако ясак был крайне незначительным, так как русское правительство было не в состоянии контролировать количество скота, а киргизы, благодаря тому что наиболее богатые из них сами занимали административные посты, не указывали и десятой части своих стад. Поэтому в середине шестидесятых годов был установлен новый порядок, по которому вместо налога на скот был введен налог в 3 рубля с дыма, т. е. с каждой обитаемой юрты. Путем переписи было установлено количество юрт, и от каждых десяти юрт избрано по одному человеку для несения полицейской службы. Затем — по депутату от каждых пятидесяти юрт. Эти депутаты ежегодно съезжались в свои волости, чтобы распределить налоги в соответствии с имущественным положением. Все чиновники были выборными, и власть султанов была полностью ликвидирована. К тому же киргизы были освобождены от обязанности предоставлять проезжим чиновникам лошадей. Конечно, проведение таких радикальных преобразований в админи-

стративном управлении киргизов стало возможно лишь тогда, когда власть русских распространилась не только на всю Киргизскую степь, но и на все прилегающие к ней земли.

Я совершенно не в состоянии судить о действиях новой администрации, так как побывал у киргизов сразу же после ее введения, когда еще невозможно было наблюдать последствия всех этих преобразований. Жалоб я слышал порядочно как со стороны киргизов, так и со стороны чиновников, но это еще мало о чем говорит, ибо люди встречают враждебно всякое нововведение.

Однако у меня было довольно случаев наблюдать действие прежнего Устава. Он устанавливал порядок и, кроме того, обеспечивал защиту оседлым земледельцам, живущим по соседству с киргизами. Но нельзя отрицать, что с установлением порядка благосостояние народа уменьшалось. Внутренняя орда возле Семипалатинска, полностью усмиренная, почти совсем разорена, в то время как по мере приближения к Большой орде богатство народа возрастает. <...> Следует упомянуть, что Россия вынуждена ежегодно затрачивать огромные суммы на то, чтобы поддержать бюджет местного административного аппарата в степных областях, в то время как Китай не только не расходует на это ни гроша, но еще и собирает со своих кочевников солидную дань. Было бы не лишено интереса вкратце обрисовать поведение китайских властей по отношению к кочевникам.

Всех степных кочевников китайцы называют чужими людьми (*вайгу жэнь*) и считают, что эти подданные полезны государству именно в их теперешнем положении. Поэтому правительство ничего не предпринимает для того, чтобы улучшить положение кочевников, побудить их заниматься земледелием или создать для них более благоприятные условия. Прежняя администрация упрочила свои позиции, назначив всех чиновников из числа свободных монголов и пожаловав им китайские чины и звания. Кроме того, она создала из них единую степную армию и подчинила ее китайскому верховному командованию. Монголы были вынуждены содержать почтовые тракты и всех китайских чиновников. Более того, все путевые издержки разъезжавших там чиновников возмещались за счет прямых натуральных податей. Затем часть народа поселили на почтовых станциях, других посадили на землю, чтобы они, занимаясь земледелием, поставляли провиант. И, наконец, песенные службы в пикетах и гарнизонах было доверено монголам. Однако китайское правительство совершенно не вмешивалось в самоуправление кочевников, а также не допускало никакого сближения жителей степей с оседлым населением Китая или какого бы то ни было их отхода от кочевого образа жизни.

Я вовсе не хочу представить такое административное устройство как идеальное. Однако я считаю, что действия китайского

правительства показывают, насколько вредно навязывать кочевникам новые представления, в то время как помад лучше всех знает, что для него благо. Гуманные побуждения русской администрации, ограничившей необходимую кочевнику свободу, нанесли благосостоянию этого народа гораздо больший вред, чем те значительно более высокие налоги, которые собирают со своих подданных китайцы. Как я уже подробно изложил выше, социальный строй кочевников и их правовые воззрения совершенно иные и, естественно, должны быть иными, нежели социальный строй и правовые нормы оседлых народов. Дальнейшее развитие отношений и форм существования, несомненно, должно происходить в степях само собой. Порядок, навязанный извне и основанный на пустом теоретизировании, может лишь помешать истинному прогрессу. Большая часть степей по своим природным условиям пригодна только для кочевой жизни, и, если вынудить кочевников перейти к оседлости, это, безусловно, явится причиной регресса и приведет к обезлюдению степей [45].

Прежде чем завершить описание современного положения казак-киргизов, я дам краткий обзор киргизского обычного права. Древнее киргизское право предусматривало очень немного преступлений, за которые лица, совершившие их, должны были понести наказание. Такими преступлениями считались убийство, прелюбодеяние, изнасилование, и в этих случаях родственники были вправе требовать смертной казни преступника. Кроме того, человек, лишившийся по вине другого лица какой-либо части тела, мог потребовать, чтобы у виновного была отрублена такая же часть тела.

Однако каждый пострадавший имел право предъявить преступнику гражданский иск и потребовать выплаты ему денежного штрафа, взимаемого с преступника в качестве компенсации за совершенное им преступление. Существует штраф двух видов: 1) штраф, который выплачивается за уголовные преступления и называется *кун* и 2) штраф, который взимают за мелкие преступления и проступки и называют *айп*.

1. *Кун*. Единицей куна является штраф за убийство свободного человека (конкретные обстоятельства преступления, как умысел, месть, убийство с отягчающими обстоятельствами, не принимаются во внимание). Он равен 100 лошадям (=1000 овец).

За убийство султана его родственникам выплачивается кун в семикратном размере.

В случае убийства женщин, девушек и рабов выплачивается половина куна, т. е. 50 лошадей (500 овец), и, кроме того, в качестве айпа — девятка (*бир тогуз*), т. е. девять голов разного скота.

Если силой уведена женщина, состоящая в браке, или изнасилована девушка, то муж этой женщины или родственники девуш-

ки вправе потребовать половину куна, т. е. столько же, сколько за убийство.

За убийство ребенка моложе десяти лет выплачивается треть куна, т. е. 30 лошадей (300 овец).

Если человеку выбьют глаз или повредят правую руку, так что он не сможет больше работать, он также получает полкуна. Если такие же телесные повреждения нанесены женщине, то она вправе требовать четверть куна.

Если мужчина убьет свою жену, застигнув ее в момент нарушения супружеской верности, он наказанию не подлежит. Точно так же не подлежат наказанию родители, убившие своих детей, или хозяева, лишившие жизни своих рабов. Напротив, женщина, убившая мужа, или слуга, лишивший жизни своего хозяина, безоговорочно караются смертью.

2. *Айп.* Самый большой штраф — три девятки (*ӱш тогуз*), т. е. три раза по девять голов скота. Этот штраф платят за перелом плеча, повреждение левой кисти или стопы, а также за удар, нанесенный султану.

Две девятки (*эки тогуз*) должен внести тот, кого застанет у женщины ее муж.

Наконец, одну девятку (*бир тогуз*) выплачивают за сломанный большой палец или за оскорбление султана.

Тот, кто собьет с ног беременную женщину, так что она из-за этого родит мертвого ребенка, должен уплатить за ребенка по одной лошади за каждый месяц, если беременность была меньше пяти месяцев; если же беременность была свыше пяти месяцев, то виновный отдает за каждый месяц по верблюду.

Одну лошадь и халат отдают за выбитый зуб, за сломанный палец и за рану на голове. Если сломан указательный или средний палец, виновный должен помимо этого публично стать на колени.

Воровство наказывается тремя девятками (*ӱш тогуз*). При выплате штрафа один верблюд приравнивается к трем лошадям или тридцати овцам. Вора, пойманного с украденной лошадью, наказывают так: 1) у него отнимают лошадь, на которой он ездит верхом (*канды ат*, т. е. кровная лошадь); 2) он должен отдать в качестве штрафа еще двух лошадей — одну в придачу за шею украденной лошади (*мойнуна косак*), а вторую — для поддержки ее крупа (*көтӱнӧ тиркӓӱ*).

Судебное разбирательство всегда ведет третейский суд (один или несколько биев), причем все участники процесса должны заранее признать обязательным для себя решение судьи. Судья всегда требует наличия двух или трех свидетелей. Если истец не может представить свидетелей, то должна быть принесена присяга. При этом присягает не преступник, а какое-нибудь лицо, пользующееся репутацией честного человека. Ложной присягой

этот человек принял бы на себя грех преступника. Присягают обычно над стволом заряженного ружья. Если никто не приносит за преступника присягу, то выносится обвинительный приговор. Женщины и слуги не могут выступать в качестве свидетелей.

Если осужденный не в состоянии уплатить штраф, его могут взыскать с родственников виновного или с жителей того же аула. Если же виновный отказывается платить, то пострадавший обращается к старшему в юрте или к главе родового подразделения. Затем с согласия его собственного племени объявляется война, и у соплеменников виновного насильно отбирают скот. Десятую часть взысканной суммы получают судьи в оплату за труд [46].

Новый Устав об административном управлении киргизов, стремясь упорядочить судопроизводство, ввел еще одну должность — уездных судей, стоящих над судьями (биями).

Из киргизского уложения о наказаниях мы видим, что у киргизов, при их делении на султанов и простых людей, нет равенства. Хотя новый административный порядок отменяет права султанов и поэтому престиж их все падает, тем не менее я повсеместно наблюдал, что и после введения нового порядка султаны все еще пользуются известным авторитетом. Так, в 1869 г. бывший ага-султан Большой орды Тезек дал мне открытое письмо к своим друзьям, благодаря чему я встретил самый предупредительный прием у всех тех племен, к которым это письмо было обращено. Султаны и по сей день носят на шапочке перья совы. Обращаясь к ним, люди всегда называют их *таксыр* (благородный господин) и при этом скрещивают руки на груди. Любой человек, приближаясь к аулу султана, спешивается, не доезжая до аула, и идет к юрте, ведя лошадь под уздцы. Никто не осмелится войти в юрту султана с плеткой на запястье, так как в этом случае султан имеет право приказать забрать у виновного его коня. Если султан богат и знатен, каждый киргиз непременно будет придерживаться принятого церемониала. Однако я сомневаюсь, что такая же честь будет оказана бедному, захиревшему султану. Бывшие крепостные и рабы султана, отпущенные на свободу уже много десятков лет тому назад, все еще стараются кочевать поблизости от него, и, хотя они имеют теперь точно такие же права, как и все остальные киргизы, их все еще называют *төлөнгүт*. Это название я могу истолковать только так: многие крепостные первоначально были военнопленными из числа телеутов, и поэтому в силу привычки название *төлөнгүт* постепенно превратилось в имя нарицательное со значением «военнопленный вообще» и, наконец, со значением «крепостной султана».

Названия *кул* (раб) и *кунг* (рабыня) теперь приобрели значение «слуга» и «служанка».

2. КАРА-КИРГИЗЫ [47]

На такой же точно ступени цивилизации, как казак-киргизы, находятся их юго-восточные соседи, черные киргизы (*кара-кыргыз*). По языку, обычаям, одежде, устройству жилища, так же как по занятиям и образу жизни, кара-киргизы очень мало отличаются от казак-киргизов [48]. Тип кара-киргизов, безусловно, иной, чем у казаков [49]. Это особенно бросилось мне в глаза при моем первом посещении кара-киргизов рода бугу, которых я встретил в 1862 г. на реке Каркара. Лица кара-киргизов очень напомнили мне лица алтайских горных калмыков и телеутов. Своей одеждой черные киргизы очень мало отличаются от казаков. Единственное отличие, бросившееся мне в глаза,— это обшитые пестрыми шнурами кафтаны, патронташи и белые войлочные шапки, которые у казаков встречаются очень редко и благодаря которым народ получил название *ак-калпак* (белые шапки). Они мало отличаются от казаков и устройством своих юрт, только в их юртах увидишь меньше ковров и расшитой тесьмы. Кроме того, около каждой юрты стоит копье, чего нет у казаков.

Занятия черных киргизов почти такие же, как у казаков. Основное занятие — скотоводство, которое здесь ведется описанным ранее способом. Следует, однако, заметить, что черные киргизы держали относительно больше лошадей и крупного рогатого скота, чем мелкого скота и верблюдов. Их лошади мельче и очень похожи на лошадей монгольской породы. Помимо тех четырех видов скота, которые держат казаки, черные киргизы разводят еще тибетских яков (Bos gruniens), которых они называют кудасами. В общем можно сказать, что у черных киргизов меньше скота, чем у киргизов Большой орды. Люди, владеющие 2000 лошадей и 3000 овец, считаются уже чрезвычайно богатыми.

Кочевка черных киргизов по своему характеру отличается от кочевки казаков. Черные киргизы живут не аулами, а целыми родами, зимой — поставив свои юрты по берегам рек непрерывной цепью, которая нередко тянется верст на двадцать и более. Летом они таким же образом перемещают юрты все выше и выше в горы, так что каждый род выпасает свои стада на отдельном горном склоне. Такой способ кочевки определяется отчасти природными условиями, отчасти же весьма воинственным характером народа. Такое расположение юрт позволяет черным киргизам в течение нескольких часов привести армию в полную боевую готовность. Возможно, раньше и казаки кочевали так, потому что это единственный способ кочевки свободных номадов, пригодный в военное время [50]. Когда я в 1864 г. был у солту [51], чиновники рассказывали мне, что, будучи окончательно покорены русскими, черные киргизы начали изменять расположение своих юрт и стали делиться на аулы совершенно так же, как казаки.

Охотятся здесь, так же как и киргизы, почти исключительно для развлечения. Очень немногие являются профессиональными охотниками, но и они охотятся только весной, когда у маралов появляются молодые рога, которые китайцы покупают по очень высоким ценам. Охота с ловчими птицами распространена так же, как у казаков.

Земледелие распространено у черных киргизов еще шире, чем у казаков. Они тщательнее обрабатывают землю и собирают в среднем десяти-пятнадцатикратный урожай зерна. Поля нуждаются в искусственном орошении. Как правило, у черных киргизов оросительные работы производятся тщательнее, чем у казаков. У бугу [52] поля расположены главным образом на берегах озер Терскей, Кюнгей, Туйкал, у сары багыш — между реками Кюрмет и Кисингир. Черные киргизы сеют пшеницу, ячмень и несколько сортов проса. В качестве корма для лошадей употребляют ячмень и особый сорт проса. Из проса черные киргизы приготавливают нечто вроде пива (*буза*), из которого затем гонят водку. Эту водку они пьют зимой. Летом, как уже упоминалось, они делают молочную водку.

Все прочие занятия у них те же, что и у казаков, но женщины умеют делать превосходные белые войлочные туфли из козьего пуха, а также войлочные плащи с рукавами, которые они называют *кибенек*. Казаки не умеют это делать.

Как и казаки, все черные киргизы — мусульмане (*бусурман*), но, очевидно, они приняли ислам значительно позже, чем те. Татары утверждают, будто кара-киргизы — совершенные язычники, они не соблюдают постов и не знают ни молитв, ни догматов веры, даже имя пророка им неизвестно. Говорят, что больше всего на свете они любят спиртные напитки и вовсе не считают грехом напиться до бесчувствия. У них якобы еще сохраняются различные пережитки былого язычества. Мне рассказывали, что как мужчины, так и женщины поклоняются огню, причем льют в него жир. Такие церемонии они якобы совершают по четвергам перед девятью огнями. Говорят также, что мужчины иногда зажигают лампы в священных рощах, где, как гласит народная молва, когда-то жили святые. Далее, у бугу мне сообщили, что в тех краях есть три места, которые у черных киргизов до сих пор считаются священными: гора Кюнремен у истока Шу, гора Чулпаса у реки Койсу и гора Алабашы-Ата у Теса. Даже казаки Большой орды осуждают все эти обычаи как идолопоклонство, хотя и сами они не слишком строгие мусульмане.

Со своей стороны, я могу лишь сказать, что черные киргизы считают себя правоверными мусульманами и чуждаются калмыков, на которых смотрят как на неверных. Несмотря на свои скудные познания в догматах веры, они относятся к инаковерующим с бо́льшим фанатизмом, чем казаки, и в их сказаниях по-

вествуется о войнах за веру. Отчасти это может объясняться тем, что они живут в тесном соседстве с неверными.

Их религиозные воззрения лучше всего рисует один отрывок из народного эпоса [53], в котором описывается, как принял ислам калмыцкий князь Алман Бет [54].

На берегу Исиккёля Алман Бет встречает охотящегося там Кёкчё и обращается к нему с калмыцким приветствием. Кёкчё говорит, что он его не понимает. В ответ на это Алман Бет растолковывает ему свое приветствие и затем продолжает:

Когда мы покидаем этот мир,
Чтобы отправиться на тот свет,
Есть ли для нас дорога?

На это отвечает Кёкчё:

Если ты острижешь усы,
Если ты отпустишь бороду,
Сбреешь волосы с головы,
Снимешь с шапки на голове шишку.
От пятницы до пятницы
Всего семь дней,
Вместе с пятницей восемь дней,
Тогда попадешь в рай;
Бог, господь, вседержитель,
Он повелел солнцу сиять в небе,
Он повелел месяцу сиять в небе,
Повелел земле согреваться от них.

Сказал на это Алман Бет:

Если я остригу усы,
Отпущу себе бороду,
Появится знамя, блещущее золотом,
Появится войско из шестидесяти отрядов.
На боку у тебя ножницы,
Сбоку у тебя еще и нож,
На груди у тебя еще и книга,
На шее у тебя Коран;
Покажи мне Коран, я хочу его видеть,
Хочу читать твою книгу!

Тут Кёкчё ставит свою кибитку и собирается угостить Алман Бета чаем. Однако тот отказывается пить чай, пока он не станет мусульманином. Тогда Кёкчё еще раз предлагает ему сделать то, о чем говорилось выше.

Алман Бет, подобный тигру,
Он остриг свои усы,
Он отпустил бороду,
Сбрил с головы волосы,
Раскрыл великое писание,
Положил его перед собой,
Читал Коран без чьей-либо помощи,

Без поддержки он читал эту книгу,
Сказал сын Кара Кана,
Алман Бет, подобный тигру:
«Теперь я буду мусульманином»

После этого он становится другом Кёкчё, а потом уезжает.

Теперь я отправлюсь к моему народу,
Отправлюсь к моей юрте,
Буду говорить с моим народом,
Буду говорить с моей юртой!
Если мой народ не прислушается к моим словам,
Я расточу свои богатства;
Если я убил князей пылких ойротов,
Я обращусь в бегство.
Прислушайся, мой народ, к моим словам,
Я хочу шестерых сыновей Ойрота,
Из страха убежавших вниз по течению реки,
Сыновей трех отцов
Поселить среди мусульман,
Хочу переписать их скот,
Хочу освятить весь их скот,
Хочу также пересчитать их имущество,
Освятить их имущество,
Хочу жить потом с мусульманами.

После этого Алман Бет едет к своему отцу.

Когда этот Алман Бет
Вошел в дом своего отца,
Он сказал: «Салам алейкюм, отец».
Хотя он сразу произнес приветствие,
На его приветствие все же не ответили,
Никто не встал с места.
Алман Бет стал там у самого огня и сказал:
«Пусть я останусь бездетным!
Пусть состарюсь, не вырастив детей!
Здесь – мир лжи,
На том свете – мир истины;
Давайте ради того света
Мы уже здесь познáем добро,
Кукулдабат куалдат,
Давайте познаем слова Корана,
Давайте вымолим себе место
Между раем и Меккой,
Вымолим себе середину,
Станем мусульманами!
Теперь держите между собою совет,
Завтра я приду, выслушаю вас».

Когда Алман Бет приходит на другое утро, он снова призывает своего отца стать мусульманином, повторяя вчерашние слова и добавляя:

Лучше я буду слугой мусульман,
Чем князем кафиров.

Однако отец и мать отказываются последовать совету своего сына, так же как и весь народ ойротов. Тогда Алман Бет покидает родительскую юрту и одерживает победу в войне с полчищами калмыков.

Алман Бет водрузил свое знамя,
Погнал пылких ойратов
Далеко на восток.
«О душа в груди, единственный друг!
О язык в глотке, единственный друг!
Да помогут нам ангелы!
От пылких ойратов
Я бежал, не взяв пестрого коня,
Я бежал, не последовав за буланым.
В чем мое преступление, создатель?
Боже, что я сделал?»

Теперь Алман Бет готовится к войне и издает воинственный клич.

Тут Алман Бет издал крик
Бесчисленного множества людей,
Топот множества лошадей
Произвел его рыжий конь;
Из шапок он создал горы,
Из калмыцких халатов – дома.
Он уничтожил все свое имущество.
Он бежал, убив князей
Пылких ойратов.
Он затмевает свет луны.
Сына Айдара, хана Кёкчё,
Крепко обняв, он стал его другом,
Чтобы стать мусульманином.

В сущности, этот отрывок свидетельствует лишь о крайне скудных познаниях в исламе. Возникает впечатление, что вообще представления кара-киргизов о религии едва ли намного обширнее тех, что описаны в этой песне. И все-таки — удивительна человеческая природа! — эти поверхностные познания могут наложить отпечаток религиозной общности на целый народ и даже породить в нем фанатизм и ревностную веру.

Черные киргизы пользуются у всех своих соседей весьма дурной славой. Мне характеризовали их как людей хитрых и ненадежных, любопытных и льстивых, всегда много обещающих и никогда не выполняющих принятых на себя обязательств. Но особенно сильную ненависть они вызывают у своих соседей грабежами и военными набегами, во время которых проявляется полное единство всего народа, которое напрасно стали бы искать у казаков. Я прожил у черных киргизов слишком мало и потому не могу высказать какие-либо суждения о них. Однако я твердо убежден, что они гораздо лучше, чем о них говорят. Веками они для своих соседей были точно мяч: то калмыки, то китайцы, то

кокандцы притесняли их и наносили ущерб их имуществу. Разве удивительно, что такой воинственный и отважный народ, как черные киргизы (а эти качества признают за ними все их враги), старается отомстить своим соседям за обиды? Достаточно, например, посмотреть, какие подати взимали раньше с черных киргизов кокандцы: 1) *тӱнлӱк зäкät* (налог с юрты) — одна овца с каждой юрты; 2) *алал зäкät* (налог со скота) — одна голова с каждых 50 голов скота; 3) *харадж* (налог с урожая) — три овцы с каждого гумна; 4) кроме того, периодически взимался военный налог в размере одной золотой монеты (*дилла*) =3 овцы с юрты. Все эти налоги всегда взыскивались насильно.

То, что кара-киргизы ничуть не хуже своих северных соседей, казаков, лучше всего доказывает, по-моему, следующее обстоятельство: сары багыш и солты, у которых я был в 1869 г., всего лишь пять лет спустя после их завоевания Россией были уже совсем мирными. Я ездил повсюду один, без всякого конвоя, и нигде не встретил даже намека на враждебное отношение. Более того, они без малейшего сопротивления приняли новый административный порядок и примирились с новыми условиями быстрее, чем их северные соседи.

Еще несколько слов о прежних формах управления и о социальных отношениях черных киргизов. По сообщению казаков, название *кара-кыргыз* (черные киргизы) дано этому народу потому, что у них ханы никогда не стояли у власти и не было знати, которую казаки называют б е л ы е роды. И у самих киргизов бытует сказание, что они всегда жили без ханов и поэтому попросили великого хана дать им в князья своего сына Д ж у д ж и. Но Джуджи, маленький мальчик, по дороге попал в стадо куланов, и они увели его с собой. Аксак Кулан Джуджи-хан якобы и был первым и последним ханом киргизов.

Структура рода у них точно такая же, как у казак-киргизов, но вместо султанов у них были избираемые ими из простого народа правители, которых они называли *манап*. Как мне говорили, манапы обладали почти деспотической властью над своими подданными. Киргизы рассказывают, что манапы появились у них только с прошлого века, а это название идет от одного из биев племени сары багыш, который всецело захватил власть над племенем сары багыш, и поэтому после его смерти все последующие бии принимали наименование *манап*. Этот рассказ кажется мне несколько неправдоподобным [55].

У кара-киргизов дольше всех сохранялся старый способ ведения войны, присущий жителям степей. Раньше они всегда находились в состоянии открытой войны со всеми соседями. Все боеспособные мужчины рода должны были по первому зову манапа взяться за оружие, чтобы отразить нападение или совершить его. Оружие было в основном огнестрельным, главным образом ко-

кандской работы. Кроме того, они пользовались казак-киргизским оружием — копьем, палицей (*сойил*) и секирой (*айбалта*) — и, толпами бросаясь на врага, издавали крики *ур*! *ур*! и, кроме того, *уран* (боевой клич рода) точно так же, как это делали казак-киргизы. Говорят, что боевым кличем племенного подразделения сол был *кунек*, а племенного подразделения оңг — *джанкурас*.

Тамга (знак собственности) бугу и сары багыш: ,

ее называют *джагалбай*, солту же употребляют *ай тамга* (месяц-тамга): .

Что больше всего отличает кара-киргизов от казаков — это язык, который стоит гораздо ближе к алтайскому и имеет очень древние черты. Народная литература носит такой же характер. Кара-киргизы как раз переживают подлинно эпический период. Отдельные сказания и легенды остальных тюркских народов слились у киргизов в великий эпос, главные герои которого — князь-мусульманин Манас и герой неверных Джолой. Этот эпос, точно так же как героические сказания греков, дает яркую картину духовной жизни и обычаев всего народа. С эпической широтой в нем рисуются военные походы, сватовство, похоронные обряды, скачки, домашний быт и т. д. Все персонажи этих сказаний выступают перед нами как живые и становятся как бы реально существующими людьми; мы видим, как они действуют, что думают. Основной момент всего повествования — победа мусульман над неверными. Каждый черный киргиз знает часть этого эпоса, который живет в сознании народа и не допускает появления рядом с собой каких-либо иных поэтических творений. Поэтому стихотворный размер ӧлӧңг полностью вытеснен размером джыр. Не стоит приводить здесь образцы этого эпоса, потому что по ним невозможно составить себе представление обо всей поэзии.

Глава VI

ШАМАНСТВО И ЕГО КУЛЬТ

Распространение шаманства среди тюркских народов. – Мировоззрение шаманистов собственно Алтая. – Культ шаманов. – Следы шаманства у киргизов и других тюркских племен.

Все народы Северной Азии, принадлежащие к восточным ветвям урало-алтайской семьи народов, т. е. все тунгусские, монгольские и тюркские племена, раньше были приверженцами шаманства [1]. Теперь культ шаманов повсеместно распространен лишь у тунгусов, все без исключения племена которых являются приверженцами шаманства, кроме разве маньчжуров, исповедующих теперь государственную религию Китая и буддизм [2]. Монголы благодаря тибетскому влиянию теперь почти все — ревностные буддисты, и лишь у живущих у озера Байкал бурятов повсеместно распространено шаманство; встречаются ли еще следы шаманства у монголов Гоби, я сказать не могу [3]. И наконец, тюрки, раньше всех из трех названных групп покинувшие Центральную Азию, на протяжении многих веков подвергались влиянию ислама и, за исключением жителей Алтая и Сойонских гор, являются весьма ревностными мусульманами [4]. Лишь совсем небольшая часть тюркских племен, живущих в России и Сибири, перешла в христианство, и только часть сойонов [5] в Западной Монголии стали буддистами. Мы видим, что древняя вера в шаманов сохранилась лишь у тех племен, которые в процессе переселения тюрков на запад и юг осели в плодоносных долинах восточной части великой горной цепи Алтая и оказались разобщенными со своими откочевавшими соседями. Большое влияние на эти осевшие племена приобрели народы, ставшие теперь их соседями, так что шаманство с востока теснит буддизм, а с севера и запада — христианство. Так как все абаканские татары официально числятся крещеными, а многие сойоны стали буддистами, то открыто исповедуют шаманство в основном лишь алтайские горные калмыки, телеуты, черневые татары и шорцы. Часть сибирских татар лишь в последнее столетие подверглась в русских землях влиянию ислама. Это — барабинские татары, тара-татары (курдак) и так называемые томские телеуты [6].

Прежде чем описывать шаманское камлание, я попытаюсь изложить мировоззрение шаманистов. Это очень сложная задача, если иметь целью представить общую картину, ибо целое приходится воссоздавать на основе отрывочных противоречивых сведений. Притом, исследуя шаманство, мы не можем опереться хотя бы на какое-то подобие письменных документов. Насколько же труднее поэтому составить общую картину в данном случае, если так трудно, например, соединить в одно целое дошедшие в письменной передаче мифы античной Греции. К тому же народ, который является при этом нашим единственным источником, имеет о своей вере весьма смутное представление. Сами же шаманы, которые могли бы оказаться нашим единственным надежным источником, обычно боятся выдать свои секреты и всегда напускают на себя таинственность, столь необходимую в их занятии. Поэтому я немало обрадовался, когда в миссии на Кебизене [7] встретил двух крещеных шаманов, и надеялся получить от них сведения. К сожалению, мои надежды и в этом случае не оправдались, ибо на все вопросы я не получил от них никакого другого ответа, кроме как: «Наш прежний бог уже и так разгневан, что мы его покинули; что же он сделает, если узнает, что мы теперь еще и предаем его? Но еще больше мы боимся, что русский бог услышит, как мы говорим о старой вере. Что же спасет нас тогда? (*ауда арга нä полор*?)». И все-таки, несмотря на эти трудности, я со временем нашел немало намеков и указаний на религиозное мировоззрение этого народа во множестве их легенд, сказаний, сказок, рассказов, песен. К этому прибавились отрывочные высказывания приверженцев шаманства и самих шаманов, так что я, пожалуй, в состоянии нарисовать общую картину мировоззрения шаманизма [8], хотя картина эта во многих частях имеет пробелы.

По воззрениям шаманистов, мир состоит из множества слоев, над истинным устройством которых люди не ломают себе голову [9]. Понятие слоя заимствовано, разумеется, от горных пластов, которые как бы громоздятся перед взором жителей гор, когда они находятся на значительной высоте. Эти слои отделяет друг от друга нечто, так как шаман при камлании должен затратить определенное усилие, чтобы проникнуть из одного яруса в другой, и это усилие всегда сопровождается треском.

Семнадцать верхних ярусов образуют небо, царство света, и семь или девять ярусов образуют подземный мир, царство тьмы. Между небом и подземным миром располагается поверхность земли — место обитания рода человеческого, так что поверхность земли со всеми ее жителями находится под воздействием обоих названных царств.

Все добрые духи и божества, которые создают, охраняют и поддерживают слабое людское племя, живут в верхних ярусах

света, так как свет — друг всех людей, хранитель всех проявлений жизни в природе. Однако в нижних ярусах тьмы человека подстерегают чудовища, злые духи и божества, которые стараются навредить человеку, уничтожить его и в конце концов, несмотря на его борьбу с ними, все-таки утаскивают его в вечную тьму.

Причину такого устройства мира объясняют легенды о сотворении мира. Вот одна из них.

Прежде чем были созданы земля и небо, повсюду была вода, не было земли, не существовало неба, не было солнца и луны. Тогда Тенгере Кайра Кан, главный среди богов, начало всего сущего, отец и мать рода человеческого, создал существо себе подобное и назвал его человеком (*кижи*). Кайра Кан и человек тихо пари́ли над водой; они пари́ли, подобно двум черным гусям. Но человек не был доволен этим блаженным покоем, он захотел подняться выше Кайра Кана. Из-за этой своей дерзости он утратил способность летать и низвергся в глубины, в бездонные воды. Очутившись в беде, утопая, воззвал он к Тенгере Кайра Кану (Милостивому Небу) [10] о помощи. Кайра Кан приказал человеку подняться из глубин, и человек поднялся, затем он велел подняться из моря звезде, чтобы человек мог сесть на нее и спастись от потопа. Так как человек больше не мог летать, Кайра Кан задумал создать землю; поэтому он повелел человеку нырнуть глубоко в воду и достать из глубин землю и затем рассыпал эту землю по поверхности вод. Когда человек доставал из воды землю, часть ее он засунул в рот, чтобы тайком создать для себя сушу. Однако, когда он всплывал на поверхность, земля набухла у него во рту, так что он не мог дышать и задохнулся бы, если бы Кайра Кан не приказал ему выплюнуть землю. Суша, которую создал Кайра Кан, была ровной и гладкой, но земля, вылетевшая изо рта человека, разлетелась во все стороны и покрыла всю поверхность болотными кочками. В гневе назвал Кайра Кан человека Эрликом [11] и изгнал его из царства света. Затем он создал новых людей, которые должны были заселить землю. Он вырастил на земле дерево с девятью ветвями и под каждой ветвью создал по человеку; эти девять человек были прародителями тех девяти племен, которые до сих пор населяют мир.

Когда Эрлик заметил людей, новых обитателей земли, и увидал, что все они красивы и хороши, он попросил Кайра Кана отдать ему эти создания. Кайра Кан отказал ему в этом подарке; тогда Эрлик сумел совратить их и силой завладеть ими. Кайра Кан разгневался на глупый род людской, который позволил Эрлику так легко соблазнить себя, и потому он решил с этого момента предоставить человечество самому себе, а Эрлика вновь проклял и прогнал в третий ярус подземного царства тьмы; для

себя же он создал семнадцать ярусов неба с его обитателями и избрал самый верхний ярус местом своего постоянного обитания. Защитником и учителем одиноких теперь людей он оставил великого Май-Тäрä [12]. Когда Эрлик увидел прекрасное небо, он решил сделать небо и себе и, получив на это разрешение Кайра Кана, поселил там своих подданных — злых духов, совращенных им людей. И злые духи жили много лучше, чем созданные богом люди земли. Это вызвало гнев Кайра Кана, и он послал героя Мандыширä [13] разрушить небо Эрлика. Загремело небо под мощными ударами копья Мандыширä, а небо Эрлика разлетелось на мелкие куски и упало на землю, и земля, которая до этого была гладкой и ровной, оказалась испорченной, так как из-за падения на нее обломков образовались огромные горы и глубокие ущелья, а между ними выросли непроходимые леса. А Эрлика Кайра Кан прогнал в самый глубокий ярус земли, где не светят ни луна, ни солнце, куда не проникает сияние звезд, и приказал ему оставаться там до конца света.

Есть много легенд о создании мира, и, разумеется, все они описывают процесс его создания по-разному. Это вполне понятно, ибо все эти рассказы — лишь выражение ребяческих умозрительных рассуждений народа о непонятном человеку процессе возникновения и истоках всего существующего. А так как любое объяснение самого этого процесса для совершенно необразованного человека всегда неминуемо полно противоречий, то он ищет все новые объяснения непонятному и с удовольствием выведывает, что думают об этом другие. Таким образом, получается, что именно легенды об истоках бытия передаются от народа к народу и становятся сходными у различных народов скорее, чем все прочие легенды. Потому мы и находим у алтайских шаманистов много вариантов таких легенд, и во всех этих легендах обнаруживаются отчетливые следы как библейской истории сотворения мира, так и буддизма, из которых первая попала сюда отчасти через мусульман, отчасти же при посредстве христиан.

Доказательством тому служит вариант, по которому Кайра Кан сперва создал трех огромных рыб, на спинах которых он укрепил землю, а также сказание о грехопадении, которое имеется в рассказанной здесь мною легенде, но которое я опустил, так как оно почти полностью совпадает с библейским сказанием. Имена Мандыширä и Май-Тäрä, которые имеются в приведенном здесь сказании, указывают на буддийское влияние [14].

Тенгере Кайра Кан до сих пор живет на семнадцатом ярусе неба и оттуда вершит судьбами вселенной. Из Кайра Кана возникли путем эманации три высших божества: Бай Ӱлгӧн, живущий на золотой горе на шестнадцатом ярусе неба и восседающий там на золотом троне; Кысаган Тенгере, могущественный, место обитания которого на девятом ярусе неба, и всемудрейший

Мерген Тенгере, который пребывает на седьмом ярусе неба, где находится также Мать-Солнце (*кӱн äнä*), освещающая небо и землю. На шестом ярусе неба живет Отец-Месяц (*ай ада*). Название «мать-солнце» и «отец-месяц», *кӱн äнä* и *ай ада*, возникли лишь благодаря созвучию гласных и более никакого значения мифологического характера не имеют. На пятом ярусе неба живет верховный творец, которого называют также богом творцов (*кудай йайучи*). У великого Бай Улгöна два сына, Йайык, которого называют еще Май-äнä, и Май-Тäрä, защитник и покровитель человечества. Они живут на третьем ярусе неба; здесь также есть Сӱт-ак-кöл — молочно-белое озеро, первоисточник всей жизни, а вблизи него гора Сӱрö — обиталище семи *кудаев* (*йäтти кудай* — «семь богов»), которые живут здесь среди своих подданных — *йайучи* (т. е. творцов), ангелов-хранителей и спутников людей. Здесь же находится рай (*ак* — «белый»), где блаженные и праведники (*акту* — обладающие белым, т. е. праведностью) ведут счастливую жизнь. Эти последние — предки ныне живущих людей, они живут здесь родами, благодаря силе семейных связей осуществляют посредничество между небесными божествами и своими живущими на земле потомками и в случае нужды могут им помочь.

Сама земля, на которой живут люди, выступает персонифицированно как некое сообщество духов, благодетельных для человечества, и, как таковое, почитается людьми под именем Йäр-су [15] (Земля-вода). Я говорю «сообщество духов», так как под Йäр-су понимается совокупность семнадцати великих ханов (властителей). Все эти властители обитают на снежных вершинах гигантских гор-великанов у истоков рек, орошающих почву и приносящих ей плодородие. Самый могущественный из этих семнадцати ханов — Йо Кан. Он живет там, где пуп земли, ее центр, где растет самое высокое из всех земных деревьев, гигантская ель, вершина которой достигает дома Бай Улгöна. Это дерево — знак того, что могущество Йо Кана почти равно силе высшего небесного божества. У Йо Кана два сына, Соо Кан и Темир Кан, которые тоже принадлежат к властителям земли; они охотно принимают от людей жертвоприношения. Четвертый из могущественных властителей земли — Талай Кан, властелин моря, покровитель умерших; его называют также Йайык Кан (Властитель разлившихся вод). Живет Талай Кан около устья семнадцати морей, он верховный властитель всех вод земли. Пятый хан — Адам Кан (персонаж, проникший сюда через посредство киргизов от мусульман). Шестой — Мордо Кан, или Абакан Кан, владыка реки Абакан, живущий у истоков этой реки к востоку от Телецкого озера, где он почитается как податель дождя. Седьмой властитель — Алтай Кан, благодетель алтайских народов, место обитания которого — у истоков

Катуни и вздымающейся до неба Белухи. Восьмой хан — Кыргыс Кан, богатый хозяин Кемчика, области у истоков Енисея. Девятый хан — Йабаш Кан; десятый — Эдäр Кан. Семь остальных властителей у разных племен носят самые разные имена. На Северном Алтае их называют: Йаабыр Кан, Кайра Кан, Пуйсан Кан, Нäрби Кан, Мапсар Кан, Пырчу Кан и Окту Кан. Никаких подробностей о месте их обитания и о их значении я сообщить не могу.

Все эти божества верхнего мира, живущие в ярусах неба и на земле, считаются творцами, кормильцами и защитниками человечества. Ближе всего человеку божества Йäр-су, благодеяния которых он принимает непосредственно и с которыми поэтому осмеливается вступать в прямую связь и приносить им жертвы. К божествам верхнего неба, равно как к духам тьмы, слабый человек не отваживается обращаться, для этого ему нужен посредник, а именно предок, живущий в раю. Через таких своих предков он сообщает высоким небесным богам о своей беде и просит их о помощи. Поэтому в каждой юрте на месте, предназначенном для идолов, висит изображение высших богов в круге, означающем ярус неба, а рядом *сомо* — девять предков, охраняющих человека. Однако не все люди могут обращаться к предкам с успехом, или, более того, не всем предкам дана сила оказывать действенную помощь. Сила эта присуща лишь немногим родам, родам шаманов, от отца к сыну передающим эту силу вместе с ее видимым символом — шаманским бубном, посредством которого шаман благодаря мощи своих предков может вызвать духов Йäр-су и принудить их оказать действенную помощь. Как производится такое обращение к предкам, мы можем видеть по двум коротким молитвам, которые я сам записал при их вознесении (что во время камлания невозможно). Первая из этих молитв — молитва о даровании хорошей погоды. Ее возносил один из моих проводников из племени тёлёс (на Чолышмане), когда нас в 1861 г. недалеко от истоков Абакана неделями преследовала отвратительная погода. Молящимся был так называемый *йадачы* (делающий погоду), который за неимением *йада-таша* [16] придал молитве действенность с помощью взятого из моей дорожной аптечки лекарства. После того как он разогрел лекарство в ложке над огнем, он поднял обе руки и ложку к небу и сказал:

Кайра Кан, Кайра Кан!
Алáс! Алáс! Алáс!
На ширину ладони раскрой ты небо!
Раскрой на ширину иглы!
Я из рода делающих дождь,
Я корень кедра,
Мое имя Абу Тобу,
Мое имя Онгустай Кулдурак.

Да будет на земле пуп неба!
Да будет на небе пуп земли!
Я зову Паштыгана, предка,
Открой путь неба!
Раскрой небо на ширину ладони!
Раскрой на ширину иглы!
Ты проникаешь сквозь высокие горы;
От истоков Абакана,
Кайра Кан, о Кайра Кан!
Алáс! Алáс! Алáс!

Вторая — благодарственная молитва, которую в моем присутствии возносил и позднее продиктовал мне мой хозяин на Бачате, телеутский шаман.

Ты, живущий в вышине,
Небесный господин Кан Абыйаш,
Вырастивший траву на земле
И листья на деревьях!
На бедре создавший мясо
И волосы на голове.
Ты, творец созданного!
Ты, небо для всех созданий!
О вы, шестнадцать могущественных властителей,
Которые возвеличили мне отца,
Ты, великий Улгён-Бай,
Который возвеличил мне мать,
Господи боже, дай ты скот!
Господи боже, дай ты хлеба!
Дай главу дому!
Ты, творец созданного!
Небо ты для всех созданий!
Через отца молю я тебя;
Дай мне благословение, о отец!
Отец, помоги же!

(Здесь отсутствует имя отца и рода — конечно, из пиетета.)

Моему главе здесь, в доме,
Моему скоту в поле!
Я склоняюсь перед тобой,
О ты, творец созданного!
Небесный властитель всех созданий.

Как я уже упоминал, подземное царство тьмы состоит из девяти ярусов. Во всех этих ярусах царит присущий им страшный свет от своего солнца, светящего в преисподней. Здесь обитают все злые духи, т. е. те существа, которые преследуют человека, которые только и помышляют о том, чтобы причинить ему вред. Эти враждебные силы алтайцы называют общим именем Тýмäнги Тус (Нижний мир). Он состоит из безобразных гномов, дев-лебедей, *айна* и *кöрмöсов*, *эткäров* и *йаман йсýтов*.

Владыка всех этих обитателей преисподней — Эрлик Кан, которого создал сам Бай Улгён. Эрлик Кан, свирепый властитель,

сидит на черном троне в пятом или девятом ярусе подземного царства; он окружен своими придворными, всеми перечисленными злыми гениями. Еще глубже, чем Эрлик, обитают про́клятые — в ужасном аду (Казырган), где те, кто грешил и совершал преступления в этом мире, несут на том свете заслуженную кару за свои прегрешения. Эрлик Кан — страшный враг человечества, но, несмотря на это, его называют отец Эрлик, «так как все мы ему принадлежим и в конце концов он лишает нас жизни». Даже внешний облик Эрлика вызывает ужас; в шаманских заклинаниях его вид описывается следующим образом:

Ты, Эрлик на черном коне,
У тебя постель из черного бобра,
Твои бедра такие мощные,
Что никакой пояс не может их охватить.
Твою шею мощнейшую
Не может обнять ни одно дитя человеческое;
Брови твои — шириною в пядь,
Черно твоей бороды изобилие,
Запятнан кровью твой страшный лик.

О ты, богатый Кан Эрлик,
Чьи волосы, лучась, искрятся,
Всегда служит тебе ведром
Грудь мертвеца;
Человеческие черепа — твои кубки,
Меч твой — зеленого железа,
Железо — твои лопатки,
Искрится твой черный лик,
Развеваются твои кудри.
У дверей твоей юрты
Стоит много огромных тронов.
У тебя есть глиняный треножник,
Крыша твоей юрты железная.
Ты ездишь верхом на огромном быке.
Чтобы обтянуть твое седло,
Мало лошадиной шкуры.
Ты протянешь руку — валятся богатыри,
Лошади падают, если ты, устрашающий,
Лишь затянешь ремень на поясе.
О Эрлик, Эрлик, отец мой,
Что же ты так преследуешь людей?
Скажи, зачем ты губишь их?
Всегда черен, как сажа, твой лик,
Тускло блестит, как уголья,
О Эрлик, Эрлик, отец мой,
Из поколения в поколение
В длинной веренице лет
Дни и ночи воздаем мы тебе почести,
Из поколения в поколение
Ты высокочтимый властелин!

Как же не бояться бедному, запуганному человеческому сердцу этого Эрлика? Ведь от него все беды, он ввергает в грех, ва-

лит человека с ног болезнью, насылает смерть, которая разлучает его с близкими. Плохой рост, эпизоотии и нищету — все, все насылает Эрлик. Поэтому и нет у человека более важного долга, чем постоянно воздавать почести этому Эрлику, называть его отцом и властелином и добиваться его благосклонности с помощью богатых жертвоприношений.

Когда человек должен родиться, Бай Ӱлгӧн прежде всего отдает приказ своему сыну Йайыку. Тот, выполняя распоряжение отца, поручает по просьбе предков это рождение одному из *йайучи*, который берет из Сӱт-ак-кӧля, молочно-белого озера, жизненную силу, дает новорожденному появиться на свет и в течение всей его земной жизни охраняет его и помогает ему. Однако Эрлик, знающий о рождении этого человека, одновременно посылает одного из *кӧрмӧсов*, который старается помешать родам или, если это не удается, сделать их тяжелыми, так что бедная мать по вине *кӧрмӧса* терпит невыносимые родовые муки. Если, несмотря на это, роды заканчиваются благополучно, *кӧрмӧс* не покидает новорожденного, но по приказу Эрлика преследует его до конца его земного существования. Таким образом, каждый человек имеет двух постоянных спутников: у его правого плеча стоит *йайучи*, у его левого плеча — *кӧрмӧс*. Оба спутника непрерывно следят за человеком в течение всей его жизни. *Йайучи* записывает все добрые дела человека, в то время как *кӧрмӧс* отмечает все его дурные поступки. Когда наконец Эрлику удается подточить жизненные силы человека, т. е. когда человека настигает смерть, *кӧрмӧс* хватает еще живую душу этого человека и уносит ее в седьмой ярус преисподней на суд Эрлика. Здесь оба спутника умершего, *йайучи* и *кӧрмӧс*, сообщают о его делах и поступках. Если у человека добрых дел было больше, чем дурных, Эрлик Кан не имеет над ним власти, *кӧрмӧс* отходит от него, и *йайучи* выносит его из царства тьмы. Напротив, душу плохого человека ее дух-покровитель *йайучи* покидает, и *кӧрмӧс* тащит ее вниз, в самый нижний ярус преисподней, где находится страшный ад. Здесь стоит гигантский котел, наполненный кипящей смолой, и в этот котел *кӧрмӧс* швыряет душу грешного человека. Спустя некоторое время эта душа поднимается над поверхностью бурлящей смолы на определенную высоту. Самые страшные грешники, не совершившие за все свое земное существование ни одного доброго дела, остаются под смолой навеки, а душа человека, чьи грехи навлекли на него меньше проклятий, поднимается так, что из черной жидкости котла выглядывает макушка с косой. Люди лучше погружаются менее глубоко, так что вся та часть головы, которая покрыта волосами, находится вне котла. Чем больше своих добрых дел может человек перечислить, тем выше поднимается он из котла, так что у одних виднеется лоб, у других брови и так, постепенно, глаза,

нос, рот, наконец, вся голова до подбородка, а затем и шея. Таким образом, оказывается, что добрые дела, которые совершил человек при жизни, не пропадают и после его смерти, что страшная кара Эрлика, проклятие,— не навеки. Блаженные на небесах не забывают услуг, которые им оказывали грешники. Они и предки грешника посылают своих *йайучи* в ад, дабы оказать помощь своим томящимся там благодетелям. *Йайучи* разыскивает благодетеля и потомка своего прежнего подопечного, хватает его за косу (почему каждый калмык и носит ее) и старается вытащить его из кипящей смолы. Силы *йайучи* возрастают в зависимости от значения услуги, оказанной грешником, так что постепенно *йайучи* поднимает грешника все выше. Если ему в конце концов удается вытащить грешника из кипящей жидкости, он берет его на руки и несет в верхний мир.

Однако в мире шаманства нет вечной справедливости. Как боги света, так и боги тьмы отнюдь не действуют исключительно в соответствии с этическими принципами. Их можно подкупить и воздействовать на них с помощью сладких жертвенных яств, и, получив богатые дары, они охотно смотрят на многое сквозь пальцы. Они завидуют богатству людей и ото всех требуют дани. Поэтому необходимо постоянно вступать в сношения с духами света и тьмы при посредстве имеющих особый дар людей. Эту задачу посредничества принимают на себя шаманские роды.

Пока могучий Эрлик заточен во тьме и ни он, ни его духи не показываются на свет, во вселенной сохраняется постоянный порядок, такой, каким его создала воля божества,— до скончания этого мира, который, как и все созданное, также будет иметь конец. Когда же приблизится конец света:

Тогда воспламенится черная земля,
Погибнут целые народы,
Реки покатят кровавые волны,
Содрогаясь, перевернутся горы.
С треском рухнут скалы,
Дрожа, покачнется небосвод,
Станут громоздиться друг на друга морские валы,
Так что обнажится дно морское,
На дне морском теперь расколются
Девять больших черных камней,
И из каждого из этих камней
Поднимется железный богатырь:
Могучие железные богатыри
Поскачут на девяти железных конях.
У передних ног коней
Ярко блещут девять железных мечей,
А у их задних ног
Сверкает по девять железных копий.
Если они в своем беге налетят на деревья,
Упадут все деревья;
Если встретятся им живые существа,
То упадут замертво.

Кайра Кан, бог, отец.
Он, творец этого мира,
Зажимает себе тогда уши.
Не слушает криков людей,
Тщетно зовет тогда шалйимä
Мандыширä на помощь,
Тот ему не отвечает.
Тщетно призывает он Май-Тäрä,
Май-Тäрä хранит молчание.
Тогда два богатыря Эрлика,
Каран-богатырь и Кере-богатырь,
Поднимаются из земли.
На этих богатырей бросаются
Май-Тäрä и Мандыширä,
От крови Май-Тäрä
Загорается земля.
Таков будет когда-нибудь конец света.

Таково в общих чертах представление о мире, которое повсеместно распространено у придерживающихся шаманства тюркских племен Алтая. Более точную картину нарисовать невозможно, так как при описании деталей мы наталкиваемся на самые противоречивые сведения, которые лишь искажают общую картину, если только не уничтожают ее совсем [17].

Уже этот набросок показывает, что здесь мы имеем дело с персонификацией сил природы, фантастическое и нередко вычурное изображение которых обусловлено влиянием разнообразных мифологических представлений соседних народов. Основная идея всего этого искусственного построения такова: род человеческий находится под постоянным влиянием двух противостоящих друг другу сил — силы света и силы тьмы. Первая из них обитает, естественно, наверху, на небе, откуда благотворное солнце шлет свои согревающие лучи на холодную землю и мощью своей порождает все живое на земле, откуда даже ночью мягкий свет луны и звезд старается умерить тьму, окутывающую землю. Вторая сила обитает в первоисточнике тьмы, в недрах холодной, застывшей земли. Ее порождение — ночная тьма, холод, уничтожающий все живое, и смерть, после прихода которой закоченевшее тело человека погружается в темную землю.

Между обеими этими могучими силами лежит родная человеку, полная жизни земная поверхность, которую он может воспринимать с помощью своих органов чувств и частью которой он сам является,— Йер-су со своими семнадцатью горами и морями, которые дают человеку все необходимое для поддержания его физической жизни, в изобилии снабжая его пищей, одеждой и жильем. Эта земля так близка человеку, так по своей природе даже родственна ему, что он может без боязни обратиться к ней. Поэтому каждый человек приносит Йер-су жертвы и дары, дабы проявить свою благодарность и почитание. Восхвалять его в песнях и благочестивых речениях и почитать его может каж-

дый без всякого для себя ущерба. При каждом опасном горном переходе, при каждой переправе через бушующие потоки путешественник приносит благодарность божеству этого места, кладя камень на груду камней (*обоо*) [18], сложенную из таких приношений, или привязывая тряпочку к священному дереву. Однако свойства земли изменчивы, как и сама жизнь человека, в ней нет ничего прочного, постоянного, и поэтому она при всех своих благах не является надежной опорой человека в его жизни и судьбе. Поэтому человек больше всего почитает те непостижимые для него силы света и тьмы, которые правят как его судьбой, так и самой землей. Но эти силы так могучи и их проявления настолько непостижимы, что он не отваживается вступать в непосредственное общение с ними. Для этого он прибегает к тем существам, которые уже хорошо знают богов (т. е. к своим умершим предкам) и которые сами живут как божества в царстве света. Лишь они в состоянии помочь ему в беде.

Он прекрасно понимает, что силы света сильнее сил тьмы. Но так как все то хорошее, что он получает в изобилии изо дня в день, он принимает без долгих размышлений, в то время как зло, которое он претерпевает, и нужда, которая настигает его, отчетливо доходят до его сознания, то само собой разумеется, что он чаще вспомнит о враждебных силах, чем о дружественных ему. Страх перед силами тьмы, преследующими его — из-за чего он никогда не чувствует себя в безопасности,— заставляет его искать способ, с помощью которого можно узнать заранее о намерениях злых духов, предотвратить их нападения, привлечь их на свою сторону. Такой способ он видит только в содействии всемогущих шаманов, которые благодаря посредничеству своих предков могут вступать в связь с силами нижнего мира, ублажать их дарами и, исполняя все их желания, предотвращать грозящие человеку несчастья. Это стремление шаманистов поддерживать с помощью шаманов добрые отношения с силами тьмы создало у соседнего русского населения представление, будто религия шаманистов — религия дьявола [19].

Характерной для шаманства и отличающей это религиозное направление от прочих является вера в тесную связь, которая существует между ныне живущими людьми и их давно умершими предками. Вера в прочность этой связи является причиной постоянного почитания предков. При таких обстоятельствах выступать и действовать в качестве жреца, шамана, мог лишь тот, кто был в состоянии вступить в наиболее тесную связь со своими предками, или, иными словами, возможно было лишь наследственное шаманство, присущее определенным семьям.

Итак, шаманскую силу и искусство шаман получает от своих предков. Благодаря эманации их силы он приобретает способность бить в шаманский бубен, призывать пением предков и

духов и с их помощью отделять свою душу от тела и посылать ее в царство света или в великую тьму.

Жрец шаманства, посредник между людьми и духами,— это, как уже говорилось, шаман, которого у тюркских народов называют *кам*; он совершает жертвоприношения, заклинает духов, очищает дом от душ умерших, возносит молитвы и благодарственные славословия; наконец, он врач, провидец и предсказатель погоды. Поэтому могущественные шаманы пользуются у народа особым уважением, однако страх перед ними гораздо больше, чем любовь к ним.

Способность к шаманскому действу, знание его является, как уже упоминалось, наследственным и переходит от отца к сыну, а в особых, хотя и редких, случаях — от отца к дочери [20]. При этом будущий шаман не получает от отца ни уроков, ни наставлений, он и не готовится к этому занятию — нет, шаманская сила приходит к нему внезапно, как болезнь, которая охватывает всего человека. Лицо, которому благодаря силе предков предназначено быть шаманом, внезапно ощущает во всем теле изнеможение и слабость, дающие знать о себе сильной дрожью. На него нападает неестественно сильная зевота, он испытывает огромную тяжесть в груди, что-то заставляет его внезапно издавать громкие нечленораздельные крики, его сотрясает озноб, он быстро вращает глазами, внезапно вскакивает и кружится как одержимый, пока, весь в поту, не падает и не начинает кататься по земле в эпилептических конвульсиях и судорогах. Его конечности ничего не ощущают, он хватает все, что попадает ему под руку, и непроизвольно проглатывает все то, что он схватил,— раскаленное железо, ножи, гвозди, топоры, причем это не причиняет ему никакого вреда. Через некоторое время он отрыгивает все проглоченное сухим и невредимым. (Я все это знаю, разумеется, лишь понаслышке, хотя и от лиц, всецело заслуживающих доверия, однако, когда дело касается суеверий, это, конечно, значения не имеет. Трудно решить, кто здесь обманут; вероятно, самообман и намеренный обман идут здесь рука об руку.)

Страдания эти все усиливаются, пока в конце концов подвергающийся таким мучениям человек не хватает шаманский бубен и не начинает камлать. Лишь тогда организм человека успокаивается. В него перешла сила предков, и теперь он иначе уже не может, он вынужден камлать. Если предназначенный для шаманства человек противится воле предков и отказывается камлать, он подвергается страшным мучениям, которые кончаются тем, что либо он вообще теряет все душевные силы, т. е. становится слабоумным и ко всему безразличным, либо впадает в буйное помешательство и обычно вскоре кончает с собой или умирает во время сильнейшего припадка [21].

Итак, искусство и сила шамана проявляются в камлании, которое шаман проводит либо с жертвоприношением, либо без него.

Во время камлания шаманы алтайцев надевают не очень отличающийся от обычного наряд: открытый кафтан с нагрудником из меха и красную шапку с перьями тетерки. Шаманы живущих на Северном Алтае черневых татар, шорцев и телеутов вообще не имеют какого-либо определенного наряда, а камлают в своей обычной одежде. Напротив, у лесных тунгусов и других восточносибирских народностей шаманская одежда украшена на спине, груди и рукавах множеством железных подвесок в виде различных животных; эти подвески, при каждом движении ударяясь друг о друга, производят сильный шум.

Одежда не имеет влияния на акт камлания, но очень важен для него так называемый шаманский бубен, без которого камлание не имеет силы. Возносить благодарения или молитвы и пророчествовать шаман может и без бубна.

Шаманский бубен (*тӱнгӱр* или *тӱр*) имеет в основании деревянный обод шириной 3—4 дюйма, изогнутый, подобно ободу решета, в виде более или менее правильного овала, больший поперечник которого равен примерно 1 аршину. На этот деревянный обод натягивается, как на барабан, выдубленная шкура марала, однако шкура эта обтягивает и наружную поверхность деревянного обода. Внутри бубна, как раз вдоль большей оси обода, имеется рукоятка в форме палки. Рукоятка обычно представляет собой изображение человека, стоящего с раскинутыми в стороны руками, которого называют хозяином бубна (*тӱнгӱр äзи*). Иногда рукоятка тщательно вырезана. Однако в большинстве случаев это гладкая палка, на верхнем конце которой укреплена большая круглая голова с глазами из пуговиц, а на нижнем — две расположенные под углом к рукоятке цилиндрические деревяшки, которые изображают ноги. Руки *тӱнгӱр äзи* изображает укрепленная немного ниже головы проволока, которая образует перпендикулярную рукоятке хорду, увешанную всевозможными железными палочками и множеством железных бубенчиков, сильно звенящих, если встряхнуть бубен. Кроме того, на рукоятке укреплено много тряпочек или лент красного и синего цвета, которые посвящены предкам шамана. Натянутая на шаманский бубен шкура расписана по наружной стороне красными узорами. Несмотря на то что рисунок грубый, ясно, что верхняя часть изображает небо, в середине отчетливо видны солнце и луна, а над ними множество звезд. Внизу нарисована земля, на которой с обеих сторон видны деревья, падающий человек с раскинутыми руками, всадник на лошади, звери и птицы. Мне объяснили, что лошади — это жертвенные лошади, птицы — гуси и орлы, а всадник — шаман. Деревья должны изображать посвя-

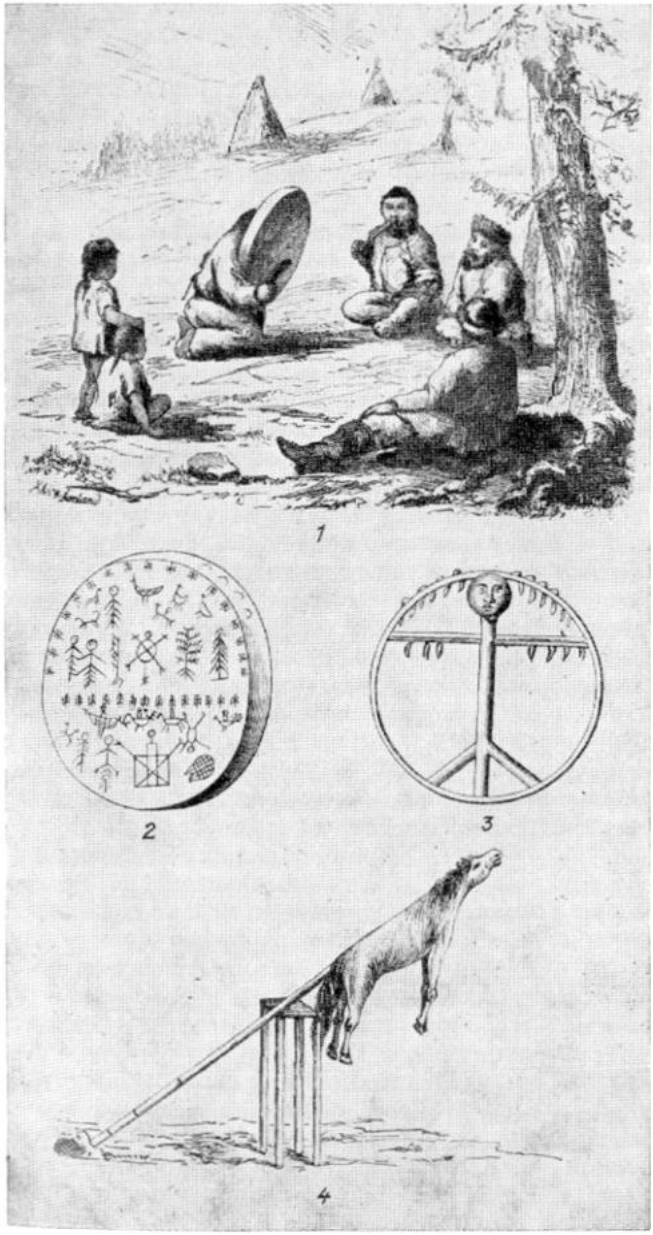

Таблица 1. *1* – алтайцы во время заклинания духов шаманом; *2* – внешняя сторона шаманского бубна; *3* – рукоять шаманского бубна; *4* – жертвенное место у алтайцев

щенные богам березы (*сомо*). Шаман держит бубен левой рукой за середину рукоятки, в правую руку он берет колотушку, которая называется *орбу*. Колотушка деревянная, с рукояткой длиною примерно 4—5 дюймов, нередко покрытой поистине художественной резьбой. Сама колотушка плоская, шириной примерно 2 дюйма и обтянута войлоком, а поверх него мехом (собольим, горностаевым или заячьим), чтобы удар по бубну звучал совсем глухо.

Шаманское камлание с бубном происходит при всех перечисленных жреческих действах. Шаман появляется только по приглашению хозяина дома, который чаще всего делает ему за это небольшие подарки. Так как обычно с камланием связано жертвоприношение, то шамана зовут только в крайних случаях, при угрожающем или уже свершившемся несчастье, как болезнь или смерть одного из членов семьи или эпизоотия. Появившись, шаман произносит краткое заклинание, в котором он осведомляется у своих предков о причине несчастья. После окончания заклинания он сообщает причину и определяет, что должно произойти, нужна ли вообще жертва, какому божеству следует ее принести и, наконец, из чего эта жертва должна состоять. При этом он указывает цвет и те или иные признаки, которыми должно обладать жертвенное животное, дабы жертву приняли благосклонно и она принесла успех. Жертву, приносимую Эрлику, убивают на том месте, где произошло несчастье, т. е. или в самой юрте, или на могиле умершего, в то время как Бай Улгёну приносят жертву в уединенном месте, по возможности в березовой рощице около новой юрты. При этом последнем жертвоприношении могут присутствовать только мужчины, и шаман, приносящий жертву, непременно должен быть мужчиной. В трапезе по поводу жертвоприношения могут участвовать оба пола, причем девушки — на месте самого жертвоприношения, а женщины — лишь вдали от него. Получение подробных данных о текстах камлания связано с большими трудностями, так как осведомитель опасается за свое собственное благополучие. Единственная сравнительно большая запись такого рода находится с начала сороковых годов в Алтайской миссии, где мне, однако, в 1861 г. не разрешили эти записи посмотреть. В 1870 г. их опубликовал в томской газете миссионер Вербицкий [22]. Хотя он приводит все шаманские заклинания в подлинниках, однако в столь искаженной форме, что многие места понять вовсе невозможно. К тому же он не дает перевода. Так как этот текст, как уже было сказано, является единственным сравнительно большим текстом такого рода, я попытаюсь на основании его подробно описать одну церемонию жертвоприношения Улгёну и в соответствующих местах привести заклинания в настолько точном переводе, насколько это возможно при таких текстах.

Церемония этого самого большого из всех жертвоприношений обычно делится на три празднества, каждое из которых занимает целый вечер.

В первый вечер, как только солнце скроется за горами, начинаются приготовления к жертвоприношению (*таилга*), выбор места для жертвоприношения, выбор жертвенного животного из стад владельца и мучительное умерщвление этого животного.

Шаман сам указывает подходящее для жертвоприношения место в какой-либо уединенной березовой рощице. На указанном им месте, обычно на небольшой поляне, ставится с помощью всех присутствующих совершенно новая юрта, которую покрывают войлоком и коврами. В центре юрты устанавливают молодую, с густой зеленой листвой березу, вершина которой высовывается в дымовое отверстие. Нижние ветви этой березы срезают у самого ствола, а на одной из верхних укрепляют кусок материи, свисающий подобно флагу. На стволе березы внизу делают топором девять зарубок, настолько глубоких, что на них можно поставить ногу; они называются ступенями (*таптыы*). Дверь юрты, поставленной для жертвоприношения, всегда обращена на восток. Перед этой дверью сооружают из березовой коры и воткнутых в землю палок небольшую ограду, которая должна изображать загон для скота. Та часть ограды, которая обращена к двери юрты, остается открытой, и на этом месте втыкается в землю березовый шест, к верхнему концу которого прикреплен аркан из конского волоса.

Животным, которое приносится в жертву Улгёну, должна быть лошадь светлой масти. Когда шаман находит лошадь, пригодную для жертвоприношения, на спину ей ставят деревянную чашку, затем животное ударяют так, что оно отскакивает, и чашка падает на землю. Если чашка при этом ложится на землю вверх дном, то животное непригодно для сегодняшней жертвы; если же чашка лежит вверх открытой частью, то животное объявляется подходящим для успешного жертвоприношения. Если жертвенное животное — кобылица, то эту чашку моют ее же молоком. При описанной процедуре произносят следующее заклинание:

Если жертва угодна,
Пусть Он взглянет правым глазом
На предложенное!
Я предложил чашку,
Но благодать исходит от Вас;
Подавая нам добрый знак,
Пусть Он поглядит вниз.

Человек, назначенный самим шаманом, держит выбранное таким образом жертвенное животное за длинный недоуздок, сплетенный из конского волоса. Этого человека называют *баш-туткан*

кижи (держащий голову), и в этом звании он участвует во всей церемонии жертвоприношения. Шаман с березовой веткой, густо поросшей листьями, подходит к жертвенному животному и ударяет этой веткой по спине лошади. Этим шаман изгоняет душу из жертвенного животного и гонит ее к Улгёну. По верованиям алтайцев, одновременно с душой жертвенного животного изгоняется и душа *баш-туткана* и сопровождает первую к Улгёну.

Затем шаман входит в юрту, где рядом с березой разведен огонь; дымом от можжевеловых веток, которые бросают в огонь, он окуривает бубен, затем усаживается на землю около огня и начинает камлание, призывая в свой бубен помощников из числа духов для первого этапа жертвоприношения:

Иди сюда, о молодая туча,
Надави на мою лопатку!
Все люди, сжимая мои плечи,
Идите сюда ко мне!
Тäнг-Сары, ты сын неба,
Сын Улгёна, о Кергидäй!
Ты мой глаз, чтобы мне смотреть,
Моя рука, чтобы мне хватать,
Ты моя нога, чтобы мне поспешно уйти,
Ты мое копыто, как только я споткнусь.
Моя правая рука ведет орбу.
Звеня, приди к моей правой руке!

После этого призыва шаман измененным высоким стонущим голосом произносит ответ того, к кому он обращался: *аа кам ай*! (э, шаман, я здесь!) — затем, слегка наклоняя бубен к внешней стороне, покачивает рукой, чтобы было ясно видно, что дух припят в бубен. Затем он продолжает:

С посохом из желтого камыша,
С желтой лошадью буланой, ты,
С желтыми шелковыми поводьями,
С шубой из желтого шелка;
Кан Картыш, сын Улгёна,
Играючи, приди к моей правой руке,
Которая поднимается, ударяя орбу.

Дух отвечает: *аа кам ай*! — и его принимают в бубен.

Ты, на красном жеребце,
С красными шелковыми поводьями,
С жезлом из радуги,
Отец Кызууган Тепгрä,
Приди теперь, звуча, как *йалама*,
К моей правой руке!

Дух отвечает: *аа кам ай*! — и его принимают в бубен.

Ты, скачущий под громом,
Приходящий, играя при молниях,
Чреватая громом осенняя туча,

Богатая молниями весенняя туча,
Чья поступь грохочет:
О мой отец Мерган Кан,
Приди теперь, звуча, как *йалама*,
К моей правой руке!

Дух отвечает: *аа кам ай*! — и его, как и остальных, принимают в бубен.

Затем шаман поднимается и медленно выходит из юрты. Неподалеку от юрты он поставил набитый сеном и обтянутый тряпьем предмет, который должен изображать гуся. Шаман садится на этого гуся и делает обеими руками резкие движения, как будто он летит ввысь; при этом он медленно поет громким голосом:

Ниже белого неба,
Выше белой тучи;
Ниже синего неба,
Выше синей тучи,
Поднимайся к небу, птица!

И сам отвечает, подражая голосу гуся:

Унгай гак-гак! унгай гак!
Кайгай гак-гак! кайгак гак!

Шаман: Укрепите золотой забор!
Гусь: Унгай гак-гак! и т. д.
Шаман: Схватите золотой аркан!
Гусь: Унгай гак-гак! и т. д.
Шаман: Взгляните на протяженность месяца!
Гусь: Унгай гак-гак! и т. д.
Шаман: Взгляните на белое Молочное озеро!
Гусь Унгай гак-гак! и т. д.
Шаман: Взгляните на протяженность дня!
Гусь: Унгай гак-гак! и т. д.
Шаман: Взгляните на гору Сӱрӧ!
Гусь: Унгай гак-гак! и т. д.
Шаман: Пусть он не приносит себе для еды
Пищу с горы Сӱрӧ!
Пусть он не приносит себе для питья
Напиток с белого Молочного озера!
Гусь: Унгай гак-гак! унгай гак!
Кайгай гак-гак, кайгай гак!

При этих выкриках шамана душа жертвенного животного, называемая *пура*, начинает ржать; шаман сам, подражая ему, испускает это ржание: *Мыйак, мыйак, мыйак*! Так как теперь душа жертвенного животного улетает, шаман гонится за ней на своем гусе. Когда *пура* опускается на землю, шаман тоже делает это. Опустившись, он отпускает гуся и быстро бежит вдогонку за *пурой*. Все присутствующие принимают участие в этой охоте и с криком: *ай хай*! *ай хай*! — выбегают вместе с шаманом из юрты якобы вслед за убегающей душой жертвенного животного,

пока в конце концов не удается заставить *пуру* войти в загон. Там стоит березовый шест с арканом, изображающий стража души жертвенного животного (*пура-сакчы*). Шаман громко кричит этому стражу:

Возьмите золотой аркан!
Хай, хай, хай!
Быстро взмахните вожжами!
Хай, хай, хай!
Наденьте золотую уздечку!
Хай, хай, хай!

Под эти крики шаман мчится к юрте, одним броском перекидывает бубен через левое плечо и, держа орбу правой рукой, левой хватает аркан из конского волоса, символически поймав таким образом душу жертвенного животного. При этом он снова подражает голосу лошади, шея которой перехвачена веревкой, он прыгает, лягается и всеми своими движениями подражает пойманной дикой лошади. Бубен, брошенный во время этой ловли через левое плечо, подхватывает в воздухе кто-либо из стоящих рядом. Если бубен упал на землю — значит, душа жертвенного животного в последний момент вырвалась и убежала, и тогда вся церемония ловли должна быть начата снова. Если же пура поймана, шаман отдает приказы своим якобы стоящим вокруг него слугам, особенно *пура-сакчы* (стражу души). Последнему он передает пуру, говоря:

Оседлайте его золотым седлом,
Наденьте на него золотой подхвостник,
Крепко затяните золотую подпругу.

Затем шаману дают зеленую ветку можжевельника, он окуривает ею пуру со всех сторон, причем медленно и размеренно поет:

Ала́с, ала́с, ала́с, о буланый!
Ты — жертва Ӱлгӧн Кана!
Ты — жертва мудрого Ӱлгӧна!
Ала́с, ала́с, ала́с.

Лишь теперь шаман отпускает гуся, на котором он ехал верхом, причем с таким благословением:

Возьми пищу с горы Сӱрӧ!
Питье возьми из белого Молочного озера!
Мать гусей, ты, моя гогочущая,
Мать птиц, Кургай Кан,
Мать людей, Энгай Кан!
Оставайся около людей!
Обратитесь к ней, говоря: ау! ау!
Призовите ее, говоря: йӓ, йӓ!

Затем он резко поднимает вверх бубен, одновременно сильно ударяет по нему колотушкой и издает крик, чтобы изобразить таким образом внезапный взлет гуся.

Лишь теперь, после того как душа жертвенного животного вернулась в юрту, шаман с помощью присутствующих ведет само жертвенное животное в уединенное место, где должно произойти жертвоприношение. Затем он торжественно произносит:

Я поддерживаю тебя теменем,
Защищаю тебя своими плечами,
Приношу тебя в жертву;
Ты, мой благословенный жеребенок,
Поднимись к юрте,
Вознесись к девятому ярусу,
Легко опустись у белого шатра,
У шатра Улгёна;
Встав на дыбы, подойди к Бай Улгёну,
Подойди к его правой руке,
Покажись его правому глазу,
Принеси нам хороший приговор.

После этого заклинания шаман вместе с некоторыми из присутствующих принимается мучить жертвенное животное, чтобы довести его до смерти, в то время как остальные устраивают место для жертвоприношения (*таскак*). Для этого четыре березовых шеста диаметром приблизительно 4 вершка и длиной в 4—5 аршин вертикально втыкают в землю так, чтобы они стояли по четырем углам квадрата примерно на расстоянии 2,5 аршина друг от друга. Наверху эти шесты соединяют поперечинами и покрывают хворостом, так что они образуют как бы постамент в форме четырехгранной призмы.

Умерщвление жертвенного животного — чудовищное мучение. Это проделывается следующим образом. Лошадь ставят так, чтобы ее голова была обращена на восток, и затем туго завязывают ее пасть веревкой. К каждой из четырех ног также привязывают прочную веревку. Затем животному кладут вдоль спины крупную жердь и наматывают на эту жердь привязанные к ногам лошади веревки таким образом, что когда часть людей пригибает жердь книзу, а другая тянет за концы веревок, то передние ноги лошади они сильно вытягивают вперед, задние — назад и по возможности равномерно приближают их к жерди. Естественно, в результате этой операции, которая производится с большой тщательностью и постепенно, позвоночник лошади оказывается переломанным в нескольких местах, а ноги выдернуты из суставов. Вдобавок жертве плотно забивают травой все отверстия — ушные, носовые и задний проход, чтобы не вытекала кровь.

Когда окончательно замученная лошадь умирает, с нее сдирают шкуру таким образом, чтобы весь череп и ноги до колен остались в этой шкуре. Лишь язык вырывают из пасти. Шкуру разрезают на шее и брюхе так, что можно вынуть все туловище, не повредив больше кожу. Шкуру с черепом и ногами, которая

называется *байдара*, укрепляют на жерди (*тӱкӧлӧ*) в 12—16 аршин длиной таким образом, что острие жерди можно воткнуть в заднее отверстие черепа, середина спины лежит на жерди, а все четыре ноги свисают вниз. Перед местом жертвоприношения, вплотную к нему, втыкают в землю небольшой кол с развилкой на конце, на которую кладут *тӱкӧлӧ*, так, что байдара с головой, обращенной на восток, висит в воздухе над *таскаком*. Такое положение придают жертве только у алтайцев. У телеутов, как я мог убедиться на Уре, байдару помещают на таскаке в сидячем положении.

Когда туша жертвенного животного вынута из байдары, из нее извлекают внутренности и затем расчленяют животное, разрезая мясо на суставах, но не повреждая костей. Кости вырезают из мягкого мяса, т. е. из задней части и из передней части, а затем кладут отдельно спину, ребра и грудную часть. Снятое с костей мягкое мясо разделывают сырым. Спину, заднюю часть, ребра и мелкие кости, а также грудную часть варят в воде в больших котлах, ничего не добавляя.

Разделку следует производить очень умело, ибо, как уже было сказано, ни на одной кости не должно быть ни малейшего повреждения, а потому дело это доверяется знатоку. На двух выбранных поваров возлагается почетная обязанность перемешивать мясо в котлах. Когда мясо совсем готово, его выкладывают на длинные, в 3 аршина, подстилки из березовых прутьев, разрезав его при этом на мелкие куски. Затем шаман берет деревянную чашку, кладет в нее мясо, поливает его отваром, направляется с этим к месту жертвоприношения и, обратившись лицом на восток, совершает жертвенное возлияние предкам и духам-покровителям юрты.

Сперва он обращается к *баш-туткану* (держащему голову) и произносит следующее заклинание:

При чистом сиянии луны,
При ярком блеске солнца,
Когда его старый год прошел,
Когда новый год начался;
При смене его года,
Когда осенью все пестро,
Когда верхушки тростника развеяны по ветру,
Я, чтоб полон был горшок,
Чтоб благоухала пища,
Приношу здесь Кайра Кану этот дар.

Затем он произносит заклинание от имени хозяина дома, который при этом подходит к нему:

Вот прошел его старый год,
Вот начался его новый год,
Он поддерживает его обоими плечами.

Поднимает его своим теменем!
Если он не поддержит его своими плечами,
Если не поднимет его своим теменем,
Пусть он получит суровое наказание,
Наказание нескончаемое.
Прими это, о Кайра Кан!

То, что еще осталось в горшке, шаман подносит хозяину юрты, который съедает очень немного, а остальное шаман делит затем между родственниками хозяина. Когда горшок пуст, шаман, раскрутив его, перебрасывает через *теле*. Если горшок падает дном вниз — это признак того, что жертва милостиво принята, если же горшок падает дном вверх — это плохой знак. Улгён недоволен жертвой. Тем не менее празднество все-таки продолжается

Пока шаман совершает жертвенное возлияние, несколько человек держат поднятые вверх березовые ветви с мясом. Хозяин берет при этом лучшую, заднюю часть и дарит ее шаману. Тот отрезает для себя бо́льшую часть мягких кусков и предлагает оставшееся одному из гостей, тот ест немного и передает другому, и так пока не съедено все мясо. При этом следят за тем, чтобы как-нибудь не повредить кости. Затем хозяин предлагает грудную часть одному из почетных гостей, который также отрезает немного мяса и снова передает кусок другому гостю, тот — третьему и т. д., пока не съедено все мягкое мясо и хрящи. После этого все оставшееся мясо соскабливают с костей и вносят в юрту, где празднества по случаю камлания будут продолжены через два вечера. Часть мяса хозяин режет на совсем маленькие куски, берет несколько из них большим, указательным и средним пальцами правой руки и сует каждому из гостей прямо в рот. Какое-то количество мелко нарезанного мяса раскладывают в несколько горшков и посылают через нарочных тем родственникам или приглашенным, которые не присутствуют на празднике. При этом нарочный, который приносит такой подарок, должен вместо пославшего его хозяина собственноручно сунуть мясо каждому в рот.

Тем, кто помогал при умерщвлении жертвы, при устройстве таскака, а также при трапезе, часть мяса дается в подарок, и они берут его домой. Больше всего получает, разумеется, сам шаман.

Кости старательно собирают и кладут на березовые ветки, а затем поднимают на помост для жертвоприношения (*таскак*) и там покрывают еще одним слоем березовых веток и листьев. Там они остаются, как бы посвященные божеству. Если бы на помосте для жертвоприношения оказались не все, хотя бы и мельчайшие, кости, это принесло бы большое несчастье.

На следующий вечер с заходом солнца снова начинается праздник жертвоприношения; именно в этот день происходит большое камлание, являющееся гвоздем торжества.

С наступлением сумерек шаман входит в юрту, в которой уже горит огонь. Сперва он берет немного жертвенного мяса, сваренного накануне, и угощает им хозяина бубна, т. е. персонифицированную шаманскую силу его рода.

Возьми это, о Кайра Кан!
Хозяин бубна с шестью горбами,
Приди к мне, звеня!
Если я крикну «чок!» – поклонись.
Если я крикну «мä!» – прими это!

Затем он обращается к хозяину огня, горящего в этой юрте, т. е. к персонифицированной мощи рода хозяина дома, приносящего жертву:

Возьми это, о Кайра Кан!
Тридцатиглавая мать огня!
Сорокаглавая мать девушек!
Если я крикну «чок!» – поклонись!
Если я крикну «мä!» – прими это!

Произнося это, шаман обеими руками поднимает чашку вверх, как бы поднося ее невидимым гостям, затем производит ртом шум, как будто бы собралось много невидимых гостей. После этого он разрезает мясо в миске на мелкие кусочки и проворно раздает его находящимся в юрте людям, которые жадно проглатывают эти куски. Это входит в обряд, так как наслаждающиеся едой люди изображают поглощающих пищу невидимых духов.

После этого шаман развешивает на натянутой перед юртой, украшенной лентами веревке, так называемой *сӧлтӣ*, девять одежд из хлопка, сукна или шелка; это дары, которые приносит хозяин юрты Ӯлгӧну. Эти одежды окуривают можжевельником, в то время как шаман поет:

Дары, которые не увезти никакой лошади,
Алáс, алáс, алáс!
Которые не поднять ни одному человеку,
Алáс, алáс, алáс!
Одежды с тройным воротником,
Трижды перевернув, взгляните на них!
Да будут они попоной для скакуна,
Алáс, алáс, алáс!
Владыка Ӯлгӧн, ты, радостный!
Алáс, алáс, алáс!

Тут шаман хватает левой рукой свой бубен и окуривает его, затем надевает свое шаманское одеяние, снова берет бубен и молча держит его над огнем так, чтобы дым охватил его со всех сторон. После этого шаман садится на скамеечку и начинает

медленно и размеренно ударять по бубну колотушкой и торжественным голосом призывает к себе духов. Каждый призываемый отвечает шаману: *аа кам ай*! — после чего его принимают в шаманский бубен. Шаман каждый раз демонстрирует это, соответствующим движением наклоняя бубен. Сперва зовут Йайык Кана, властителя моря, затем Кайра Кана, после него Пайзын Кана, а потом — в очень длинном обращении — Йаабыр Кана. Этот последний призыв кончается словами:

Ты услышь эту мою мольбу
И исполни эту мою просьбу!
Дай покой на долгие дни!
Дай сон в долгие ночи!
Дай собрание, густую гриву,
Дай ночной покой длиною в локоть,
Дай покой тысячи домов,
Сон тысячи очагов;
Играючи приди к моей правой руке,
Которая, ударяя, машет колотушкой.

После этих слов хозяин дома подходит к шаману. Шаман встает со своего места, обнимает хозяина таким образом, что тот оказывается между ним и бубном, слегка ударяет колотушкой по бубну и поет при этом:

Садись на лошадь! Веди к нам!
Не останавливайся в ущелье!
Открой дверь дома!
Упрись правым коленом!
Обопрись на мой кнут!
Освободись моим зубом!
Заговори моим языком!

После этого шаман, выпустив хозяина из своих объятий, обращается к семье Бай Ӱлгёна:

Отец всех, Бай Ӱлгён!
Ты, великая мать, Тызыган!
Пура Кан с гривой из туч!
Вы, девять дочерей по правую его руку
И семь дочерей по левую руку!
Чарующая Кулай Кан,
Благородная Косту Кан,
Подобная полной луне Тӱстӱ Кан.
Вы, прекрасные дочери Ӱлгёна!

Затем шаман снова садится на скамеечку и начинает призывать в свой бубен множество божеств более низкого ранга, так как он не может без их помощи совершить ту поездку в небесные ярусы, которую он должен предпринять во время камлания. Каждый дух, которого он призывает более или менее длинным или коротким заклинанием, отвечает ему: *аа кам ай*! — и входит в бубен. Некоторые из этих заклинаний очень длинные и крайне

однообразные. Поэтому я ограничусь здесь тем, что приведу лишь очередность этих призывов, опустив тексты заклинаний.

Прежде всего он обращается к Тоо Кану с гривой жеребца, к могущественному Мансар Кану, к Соо Кану, сыну Эркина, к Пырчу Кану на белом коне, который осмеливается состязаться в верховой езде даже с Ак Ӱлгёном. После них — к бесстрашному Телегею, который ни с кем не заговаривает, чья выпущенная из лука стрела проникает сквозь скалы, чья речь слышна повсюду. Потом он обращается к всесильным властителям, хозяевам Абакана и Алтая:

О герои Абакана,
Вы, в белых шелковых шубах,
Вы, на красных могучих конях,
Придите мне на помощь!
Мордо Кан, ты могущественный господин!
У истоков Абакана,
На горе с тысячей вершин
Ты живешь, о Мордо Кан!
Приди сейчас мне на помощь!
Услышь, о властитель, мое слово!
Тот, кто увешан золотыми колокольчиками,
Тот, кто ограбил шестьдесят героев,
Тот, кто отправился на состязания в стрельбе,
Алтай Кан, о могущественный властитель!
Тот, кто увешан серебряными колокольчиками,
Тот, кто ограбил сорок [человек],
Тот, кто отправился на состязания в борьбе,
О Алтай Кан, могущественный властитель!
Тот, кто прострелил железные дуги,
О батюшка Алтай Кан!
Кого не отваживается везти ни один конь,
С песней приди мне на помощь!

После того как шаман таким же образом призовет еще много других духов, как Окту Кан, Пурхан Кан, Йажын Кан, сын Ӱлгёна, великий Кергӓдӓй и дух жертвы Перби Кан, и всех их примет в свой бубен, он заканчивает свое заклинание обращением к небесным птицам *мӓркӱт*:

Птицы небесные, пять *мӓркӱт*,
Вы, с мощными медными когтями,
Из меди коготь, словно месяц,
И из железа клюв, словно месяц.
Мощен размах широких крыльев,
Подобен вееру длинный хвост,
Левое крыло закрывает месяц,
А правое крыло — солнце;
Ты, мать девяти орлов,
Кто не собьется с пути, перелетая Яик,
Кто не утомится на Эдиле,
С песней приди ко мне!
Играючи, приди к правому глазу!
Сядь на правое плечо!

После этого обращения к птице *маркӱт* шаман отвечает, подражая голосу птицы, выкрикивая: *Кагак, как, как! кам-ай!* При этом шаман немного опускает плечи, чтобы показать, как тяжело ему нести огромную птицу. Затем он начинает заклинать божество-покровителя того рода (*сӧк* — кости), к которому принадлежит хозяин юрты. Так, люди, принадлежащие к роду тёлёс и мундус, обращаются к Тотой Пайану, повелителю града, грома и дождя, со следующим заклинанием:

Ты вихрем мчишься подобно граду,
Падаешь, барабаня, как град.
Ты, отпрыск Музыган Кана,
Ты, отец мой, Кем Тотой!
С той стороны, где всходит месяц,
Появляются золотые письмена.
А со стороны солнца
Появляются серебряные письмена.
Ты, совсем закрывающий месяц,
Ты, затмевающий солнце,
У кого там двенадцать высоких ступеней,
У кого там двенадцать ярусов игр,
Тринадцать шестов, наполненных радостями.

Чем больше духов принимает шаман, тем сильнее бьет он в бубен. Бубен кажется теперь на руке настолько тяжелым, что под этой тяжестью он начинает раскачиваться. Наконец шаман поднимается, несколько раз обходит вокруг поставленной в юрте березы, потом направляется к двери и, дойдя до нее, останавливается, смиренно поворачивается к стражу дверей (духу, который якобы присутствует), опускается на колени и низко кланяется, как своему господину. После этого он упирает бубен ободом в колено и начинает тихо бить в него, двигая при этом рукой вперед и назад, так что инструмент раскачивается, и поет тихим, молящим голосом:

Ты, ты — мудрый господин,
Я, я — глупый слуга.
Ты, ты — благородный господин,
Я — раб, пришедший с просьбой.
Какого властителя мне молить?
Кого из господ просить?
Ты, слуга всех властителей,
Ты, предводитель всех господ,
Направь ко мне посланника,
Чтобы он указал мне теперь дорогу!

После этого он, изменив голос, поет за стража дверей:

Моли Пыркана Тенгре,
Проси отца Пыркана,
Приказы этого властителя
Прими со смирением,
Держись Пыркана Тенгре.

Получив от стража дверей такой благоприятный ответ, шаман поднимается с места, упирает обод бубна в грудь и, не отнимая от груди бубна, трижды низко кланяется всей верхней частью туловища, при этом он поет:

Трижды обращаюсь к тебе с мольбой,
Ты, благородный Пыркан Тенгре,
Скажи мне доброе слово!
Поддержи меня своими коленями!

Он опять трижды кланяется, затем говорит смиренным голосом, вновь обращаясь с просьбой к стражу дверей:

Стой на страже у дверей!
Обопрись на медный меч!
Держи медное ружье!
Если придет айна, прогони его!
Если придет злой дух, изгони его!
Не давай злому духу что-нибудь увидать!
Что-нибудь проклятому узнать!
Да не придет тот, кто внутренне нечист!
Да не войдет в чистое место!
Не дай ему проникнуть сюда!

После этого шаман медленно наклоняется, держа бубен, внезапно поднимает его перед грудью, так что слышно громкое звяканье и стук кусочков железа, затем быстро выходит на середину юрты и, охваченный воодушевлением, начинает резкими и сильными движениями правой руки бить в бубен, одновременно вызывая грохотание отрывистыми ударами левой руки. При этом он производит различные судорожные движения верхней частью туловища и издает невнятное бормотание. Теперь хозяин юрты подходит к *тапты*, шаман слегка ударяет его колотушкой и затем проводит широкой поверхностью колотушки поперек его спины. Это движение, которым он как бы что-то соскабливает, должно наглядно изобразить очищение души, которая, по представлениям алтайцев, находится в спине, и лишить Эрлика какого бы то ни было влияния. При этом он поет:

Вынь выпущенную стрелу!
Возьми ее, мой искусный посланник!
Не возвращайся шестьдесят лет!
Оставайся вдали семьдесят лет!
Возьми выпущенную стрелу!
Унеси ее отсюда быстрее,
Чем текут речные воды!

Затем он обнимает хозяина и хозяйку, а также детей и близких родственников таким образом, что при объятии бубен оказывается перед грудью обнятого, а колотушка — за его спиной. Этим объятием он от имени Пыркана Тенгре с помощью всех находящихся в бубне духов очищает людей от всякой беды и

вреда, которые могут им причинить злые силы. Прошедшие очищение затем снова отправляются на свои места, а шаман быстро подходит к двери, держит около нее свой бубен и сильно ударяет по нему колотушкой, чтобы таким образом прогнать через двери все то зло, которое было снято с хозяев и их близких при помощи бубна и колотушки, при этом шаман медленно поет песню, в которой приказывает злу удалиться по указанной им прямой дороге и больше не возвращаться:

Чок! Чок!
Не сходи с дороги, на которую ступил!
Не отходи от воды, через которую перешел!
Перелетай через каменные горы!

После этого, обращаясь к хозяину, он говорит, тихо ударяя по бубну:

Золотая сила, подобная голове коня,
Да проникнет теперь в твой спинной хребет!
Коричневая сила, подобная голове овцы,
Да проникнет в твой позвоночник!

Тут он опять подходит к хозяину, поднимает бубен и держит его у самого уха хозяина, потом несколько раз с силой ударяет колотушкой по бубну, заставляя этим душу и мощь предков хозяина проникнуть в его ухо, чтобы он был в состоянии услышать предсказания шамана и правильно их понять. Затем он подходит к хозяину, хозяйке и остальным членам семьи и как бы надевает на каждого из них кольчугу и шапку, после чего поспешно возвращается к очагу, подходит к толу, быстро наклоняется, держа бубен, и делает вид, будто он с помощью колотушки и бубна что-то быстро берет и поднимает с земли из-под толу. Все это шаман проделывает с удивительной быстротой и точностью под сильные удары по бубну и громкие выкрики. После этого дети и люди боязливые покидают юрту. Шаман же все более и более впадает в экстаз, он совершает дикие прыжки, ударяя и пиная ногами тех из зрителей, которые неосторожно наклоняются или проталкиваются вперед. Схватив толу, он вдруг ступает ногой на первую ступеньку танты, поднимает бубен вверх, изо всех сил бьет по нему колотушкой и под страшный грохот кричит громким голосом: *Чок*! *Чок*! Всеми этими движениями он стремится показать, что теперь он поднимается на небо.

Высоко, высоко, вверх!
Толу, который не несет человека.
Высоко, высоко, вверх!
Толу и тот, кто несет толу,
Лошадка и коновод.
Высоко, высоко, вверх!

Золотая веревка и золотой таскак,
Золотое ложе, золотой шест,
Высоко, высоко, вверх!

После этого шаман спускается с первой ступени, быстро садится на землю и ударяет об нее бубном, так что бубен гремит, затем прижимает его колотушкой и трижды сильно ударяет по нему; снова быстро вскакивает и громко кричит: «Смотри, я ее пробил!» Затем он в еще большем экстазе, сильно ударяя в бубен, с грохотом обегает вокруг тапты и очага, чтобы выразить свою радость по поводу того, что он достиг неба. Подражая разыгравшейся здесь грозе, он громко кричит под грохот бубна:

Шагарбата! Шагарбата! Шагарбата!

Потом он мчится к скамейке, на которую положен чепрак и которая должна изображать душу жертвенного животного (*пура*), быстро садится на нее и кричит:

Я поднялся на одну ступень,
Айхай! Айхай!
Я достиг одного яруса,
Шагарбата!
Я взобрался на голову тапты,
Шагарбата!
Поднялся до самой луны,
Шагарбата!

Шаман все больше впадает в экстаз, совершает все более дикие прыжки и бьет в бубен все сильнее, так как теперь он спешит на второе небо; при этом он говорит жертвенному животному:

Оборотись к ясному небу!
Пусть играют твои ноги!
При молнии, при громе
Мчись к Улгёну, к отцу Пыркапу,
К властителю неба!

Душа баш-туткана (держащего голову) находится у пуры. На этот призыв шаман отвечает за баш-туткана, изменив голос:

Труден путь к Улгёну!
А, хо, хо!
Шаман: Отпусти поводья пуры!
Баш-туткан: Путь к Улгёну тяжел!
Шаман: Не держи морду пуры!

Подгоняя таким образом пуру и баш-туткана, шаман еще раз быстро обегает вокруг тапты, внезапно останавливается перед ним и ставит ногу на вторую зарубку тапты. Затем он опять садится на пол, опять бьет бубном по земле в знак того, что

теперь он проломил и дно второго яруса неба, и кричит:

Я проломил второе основание,
Достиг второго яруса,
Смотрите, лежит в развалинах основание!

Затем он снова поет, подражая грозе:

Шагарбата! Шагарбата!
Я взобрался уже на две ступени,
Шагарбата!
Поднялся уже на два яруса,
Шагарбата!
Взобрался на голову тапты,
Шагарбата!
Поднялся до луны,
Шагарбата!

Подгоняя пуру и баш-туткана точно так же, как и перед этим, и произнеся совершенно такой же диалог, он таким же образом взбирается на третье небо, чье основание он символически проломил. На третьем небе жертвенное животное начинает уставать, поэтому наездник передает его полностью на попечение баш-туткана и велит ему медленно двигаться вперед. Шаман зовет гуся, чтобы верхом на нем снова догнать отправленных вперед пуру и баш-туткана. Он призывает гуся следующими словами:

Тот, кто не заблудился на Яике,
Ты, гусь с крепким клювом!
Унгай гак-гак, унгай гак!
Кто на Эдиле не устанет,
Ты, гусь с крепким клювом!
Унгай гак-гак, унгай гак!
С песней приди сейчас ко мне!
Играя, приди к правому глазу!
Опустись на правое плечо.

Изменив голос, шаман кричит, подражая гусю:

Кагак, кагак! Шаман, я здесь!

После этого шаман встает, делает вид, как будто взбирается на гуся, затем медленно шагает вперед, тихо напевая и делая руками движения, подобные взмахам крыльев, чтобы изобразить полет гуся. При этом он еле-еле ударяет в бубен. Делая вид, будто улетает на гусе, он показывает знаками, что это очень тяжелое путешествие, и корчит всевозможные гримасы, которые должны передать его изнеможение.

Расправь правое крыло!
Ын, ын, ын!
Подогни левое крыло!
Ын, ын, ын!

Убери кости крыльев!
Ын, ын, ын!
Ударяй своими крыльями!
Ын, ын, ын!
Взмахивай своими крыльями,
Лети в высокое небо!
Ын, ын, ын!
Выше белых облаков,
Туда, где небо белое,
Ын, ын, ын!
В недра голубого небесного простора,
Где виден путь луны,
Ын, ын, ын!
В недра голубого небесного простора,
Выше синих туч,
Ын, ын, ын!
Ты, моя белая милая лошадка,
Скажи, когда я тебя настигну?
Ын, ын, ын!

Шаман окликает людей, сопровождающих *пуру*: *хе, хе*! — и отвечает измененным голосом: *О*! *О*! *кам-ай*! Наконец всадник настигает пуру. Затем он обращается в песне к баш-туткану, прижимает бубен к своей груди, бьет по нему тихонько колотушкой и говорит звонким голосом, подражая гусю:

Ты, севший на лошадку,
Хорошо ли ты сюда добрался?
Унгай гак-гак, унгай гак!
Вы все у толу, смотрите!
Вы все с таскака, смотрите!
Вы все у коня, смотрите!
Вы все у веревки жеребенка, смотрите!
Унгай гак-гак, унгай гак!
Ты, севший на лошадку,
Хорошо ли ты сюда добрался?
Унгай гак-гак, унгай гак!
Слуга, направляющий голову коня,
Мирно ли ты сюда добрался?
Унгай гак-гак, унгай гак!

Так как гусь хорошо сослужил свою службу и доставил пуру и баш-туткана, шаман отпускает его и при этом поет:

Гусь! Пей теперь из Молочного озера!
Ищи еду на горе Сӱрӧ!
Гусь! Всегда приходи, когда я тебя зову,
Если я скажу: «Хе!», ты тоже говори: «Хе!»
Если я крикну: «ау!», ты тоже крикни: «ау!»
Всегда слушайся моего приказа!

Погоняя гуся, шаман поднимает свой бубен, с силой бьет по нему и издает губами нечленораздельные звуки, которые должны изображать взлет гуся. Затем, стоя и раскачиваясь всем туловищем из стороны в сторону, он обращается к баш-туткану. При

этом он держит бубен перед грудью и поет сильным и радостным голосом:

Слуга, направляющий голову коня,
Теперь ты говори, подав голос.

Потом, изменив голос, он плаксиво поет, подражая голосу баш-туткана:

Я хочу вернуться обратно,
Батюшка шаман!
У меня болит позвоночник,
Батюшка шаман!
И ребра мои болят,
Батюшка шаман!
Оторвались мои кости,
Батюшка шаман!
Отделились друг от друга мои кости,
Батюшка шаман!
Вылез глаз мой из орбиты,
Батюшка шаман!
Смотри, жена моя отстала,
Батюшка шаман!
И отец, вскормивший меня, тоже,
Батюшка шаман!
Лучше бы я не видел эту землю,
Батюшка шаман!
Не ступал бы на этот путь,
Батюшка шаман!
Я хочу вернуться обратно,
Батюшка шаман!
Я хочу пойти в свою юрту,
Батюшка шаман!

На это шаман отвечает своим собственным, на сей раз очень строгим голосом, прижимая бубен к груди и с силой ударяя в него:

Позволь увидеть грудь Улгёна!
Позволь нам отправиться к нему!
А-хо-хо! Хо-хо!

И с плачем продолжает голосом баш-туткана:

Не хочу прийти, сказал я,
Батюшка шаман!
У меня есть мать, сказал я,
Батюшка шаман!
Смотри, он послал ко мне мать,
Батюшка шаман!
Тебе дадут мяса, сказала она,
Батюшка шаман!
Я пришел сюда взять мясо,
Батюшка шаман!
Смотри, все копыто изранено
И расколот венчик [над копытом]!
И, и, и, и! (плачет)

Ми, ми, ми, ми!
Стерты копыта!
И, и, и, и!
В кровь растерта шея,
Батюшка шаман!

После того как баш-туткан попытался таким образом оправдаться, шаман останавливается и прерывает поездку. Он осматривается и сообщает слушателям, что он увидал или услыхал здесь, на третьем небе,— все, что имеет отношение к жизни людей и о чем им потому хочется услышать, например о предстоящей погоде, о грозящих им болезнях и эпидемиях или о том, что ему встретился здесь другой шаман, что́ он от него узнал или о чем говорил с ним; или же он извещает о бедах, угрожающих соседям, о жертвах, приносимых людьми вокруг и т. д. Если, например, скоро начнется снегопад, он говорит:

Смотрите, клонится верхушка березы,
Каждая ветка сгибается вниз,
Опускается белый туман,
Ослепительно вспыхивают и сверкают молнии,
Все покрывает иней.

Если начнет таять снег, он сообщает об этом так:

Смотрите, клонится верхушка березы,
Желтизна покрывает ее.

Если поднимется сильный ветер с дождем, он кричит:

Кара Шурлу с шестью шестами
Капает на низину,
Никто не может защититься копытами,
Никто не может удержаться когтями!

Такого рода предсказания делают не только в этом месте, их могут высказывать в любом ярусе неба и при любых обстоятельствах, как только шаман найдет это уместным.

После того как баш-туткан выплакался и успокоился, он обращается к шаману с такими словами:

Да, теперь я поскачу дальше,
Хочу взять дочь Ак-Улгёпа!

Здесь шаман снова прерывает речь баш-туткана и измененным голосом говорит от имени слуги шамана Кара-куша (Черная птица), который просит у баш-туткана трубку для курения:

Белый дым стал теперь мне виден
На расстоянии одного дня пути,
На пути в один месяц
Попадает мне дым в глаза.
Твою трубку из трех частей,
Подай мне ее, баш-туткан.

Баш-туткан подает трубку Кара-кушу. Однако шаман, держащий эту трубку в руке, боязливо ее осматривает со всех сторон, медленно поворачивая двумя пальцами, как будто опасается, что она его укусит. Внезапно он поднимает ее вверх и снова рассматривает, а потом фыркает, как лошадь, и кричит: *Ки-гилик*! Он держит трубку одной рукой, изображая баш-туткана, и поет голосом Кара-куша:

Закалили черный панцирь,
Надета кольчужная рубашка,
Темная собака с золотыми ушами,
Горе! Она вытянутая в длину.
Она облизывает нос и рот,
Ты слышишь, о Кара-куш,
Я не тащу, она тащит,
Ки-гилик! Ки-гилик!

После этого шаман берет трубку, якобы поданную баш-туткаком, и курит ее, как будто он Кара-куш, не притрагиваясь к трубке руками. Потом он кричит: *Ау*! *ау*! *ау*! — и отбрасывает трубку. Затем становится одной ногой на четвертую ступень тапты и поет:

Я поднимаюсь к вершине тапты,
Вот я добрался до луны,
Поднялся теперь на четыре ступени.
Да благословит меня властитель неба.

Снова спрыгнув, он садится на пол и, как и раньше, проламывает и в этот раз твердь, разделяющую третье и четвертое небо, четырежды обегает вокруг очага и опять изображает гром и молнию.

Ай, хай, хай!
Шагарбата, шагарбата!
Я проломил четыре яруса,
Расшатав их, поднялся вверх,
Шагарбата, шагарбата!
Благослови в круге дня,
Всех людей в круге луны,
Шагарбата!
Ты, мой конь, тот, что скачет,
Шагарбата!
Скачет наперегонки с властителями неба,
Шагарбата!

Шаман снова сердится на баш-туткана, а тот отвечает ему плаксивым голосом:

Какая солнечная страна!
Это прекрасная страна!
Как хотел бы я здесь жить!
Здесь хотел бы проживать!
Вырос густой лес на горе,

Лес полон дичи,
Здесь я с радостью жил бы!
Я не хочу возвращаться отсюда домой,
Батюшка шаман!

На четвертом небе шаман изображает, как Кара-куш охотится на кукушку. Шаман подражает голосу кукушки сперва так как будто он доносится издалека, затем громче и громче: *Кукук*! *Кукук*! Изображая Кара-куша, он подносит правую руку к глазам, озирается по сторонам, смотрит вверх и вниз, направо и налево. Однако так как, несмотря на все усилия, он не может обнаружить птицу, он протирает глаза и поет:

Горе тебе, о Кара-куш!
Она улетела в небо?
Или упала на землю?
Ружье мое семилинейное,
Я хотел бы в нее выстрелить,
Попасть ей в самую середину тела;
Она на ветке березы
Или на вершине тапты?

Чтобы изобразить стрельбу Кара-куша, он держит бубен в горизонтальном положении перед глазами, так что ему как раз видна верхняя поверхность шкуры, натянутой на бубен, резко проводит колотушкой по бубну и кричит: *ау*! — подражая звуку выстрела. Затем становится одной ногой на пятую ступень и поет:

Вот я поднялся на пять [ступеней] тапты,
Вскарабкался на пять вершин,
Вот я достиг полной луны,
Благослови нас, о небесный властитель.

Спрыгнув со ступеньки, он в полном экстазе пятикратно обегает вокруг очага, ударяя в бубен, и выкриками *шагарбата* изображая гром и молнию, пробивает основание пятого небесного яруса вышеописанным способом.

Здесь, на пятом небе, живет могущественный Йайучи (верховный творец). Шаман обращается теперь к нему и мелодично поет, медленно и торжественно ударяя в бубен:

Ай-а, хай, хай, хай!
Сын Улгёна, ты, Кергедай,
Сын Адама, ты, Кан Пыркан,
Сын неба, Ажын Кан,
С песнями окажите мне поддержку!
С помощью придите ко мне!
Ждите у дверей властителя!
Ай-а, хай, хай, хай!

Теперь шаман добрался до юрты Йайучи, он сразу же входит в дверь и, придав своему голосу торжественный и почтительный оттенок, тихо поет, слегка ударяя в бубен:

Йайучи на пятом небе,
Молочное озеро, очищающее от грязи,
Тапкай, который перерезает пуповину,
От всей души молю я властителя Йайучи.

На свою просьбу шаман отвечает за Йайучи громким, угрожающим голосом:

Скажи, от кого ты пришел?
Говори, чей ты потомок?
У каждого человека есть имя,
У всякого зверя – своя масть,
Назови мне свое имя и путь!
У кого крылья, тот летает,
У кого когти, тот бегает,
Жук двигается на запах,
Откуда ты прибыл сюда?
А, а, и! а-и!

Как бы испуганный гневным голосом Йайучи, шаман быстро, словно ища спасения, отскакивает назад, затем смиренно, маленькими шажками снова идет вперед и с множеством глубоких поклонов подобострастно говорит: «Послушай, Йайучи, я молю!» Йайучи прерывает молитву громким криком «А! а! и!». Тогда шаман останавливается, однако Йайучи гневно продолжает:

Ты открываешь мою дверь,
Поднимаешь шум у меня в ушах,
Щекочешь мою правую подошву,
А, а, и! а-и!

Шаман вновь смиренно приближается и просит выслушать его молитву. Однако Йайучи еще раз прерывает его речь вопросом:

Скажи, от кого ты произошел?
Говори, чей ты потомок?

Шаман отвечает ему, снова благоговейно кланяясь и при этом прижимая бубен к груди:

От кого же я могу происходить?
Чьим же потомком могу я быть?
О отец-властитель Йайучи,
О мать-властительница Йайучи,
Я произошел от Кара кама,
Я потомок великого кама,
Потомок кама Тестӱ,
Потомок Учукчи,
Потомок прорицателя,
Поэтому выслушай, Йайучи,
О великий, мою мольбу,
Я пришел в твой дом,
Чтобы обратиться к тебе с просьбой,
Задать тебе вопрос,

Оказать тебе почести;
Я произошел от кама Чомчо,
Происхожу от кама Сарга,
С песней иду к Улгёну.
О признай мой бубен,
Услышь мою мольбу, Йайучи!

После того как шаман еще раз глубоко кланяется, Йайучи принимает его наконец приветливо. Теперь шаман заходит вместе с Йайучи в дом и, беседуя с ним, получает различные сведения о настоящем и будущем. Он не имеет права сообщать кому-либо все то, что он узнает, он лишь нечленораздельно бормочет об этом. Отчетливо он сообщает только некоторые предсказания. Сперва он передает младшему сыну следующие слова Йайучи:

Я создал это дитя,
Он будет богат одеждой,
Он будет возделывать землю на холме,
Длиннее станет веревка его жеребенка,
Широким станет его тонкое тело,
Когда-нибудь будут полны лошадей
Его огромные стада,
Его юрта будет полна людьми.

Затем он передает среднему сыну такие слова Йайучи:

Его одарили властители,
Он не покорился ни толстощеким,
Ни человеку с широкими плечами!
Пусть долгой будет твоя жизнь!
Не будут короткими твои дни!
Да будет он полон сил!
Да будет как кольчуга его кафтан,
Да пролетит его стрела между звезд,
Да будет он всегда отомщен,
Злобная толпа его врагов
Да умрет, скуля, как собаки,
Да умрет, блея, как овцы.

И наконец, он сообщает, что сказал Йайучи о старшем сыне:

Я создал это дитя,
Уже двадцать пять лет
Как я завершил это с благословением,
Да собирает он со всех сторон
Большие богатства,
И да раздает он также на все стороны;
Да не возымеют над ним власти слова,
Обращенные к нему спереди,
Да не коснется его розга сзади,
Пусть живет он еще сорок лет,
Да не попадет ему в грудь стрела,
Никто никогда не схватит его за горло;
Не знайся со злыми духами!

Для людей будь миротворцем!
Будь пуговицей на шубе!
Живи еще больше пятидесяти лет!

Когда начинается пророчество, члены семьи бросают свои шапки под бубен. После каждого предсказания шаман слегка приподнимает бубен и ударяет по нему колотушкой. Если предсказание неблагоприятное, шапки вываливаются из бубна, если же оно счастливое, то каждый как можно быстрее выхватывает свою шапку из бубна и сжимает ее, чтобы счастье там осталось. После того как все пророчества закончены, шаман снова склоняется перед Йайучи и при этом поет:

Услышь мою мольбу, Йайучи.
Взгляни на меня правым глазом,
Благослови меня.

Пока шаман взбирался на четвертое и пятое небо, пура отдохнул и теперь просит шамана напоить его:

В прекрасной солнечной стране
Есть хороший водопой,
Он появился перед моим глазом!
О шаман!
Ма-ák, Ма-ák, Ма-ák!

Изображая баш-туткана, шаман берет миску с водой и свистит, чтобы пура пил. При этом шаман своими движениями изображает пуру, он громко фыркает и лягается, но в конце концов все-таки пьет. Попив, он хватает миску зубами и бросает ее вместе с бубном вверх, затем, уже в качестве баш-туткана, подхватывает их и окуривает можжевельником.

После этого шаман поднимается на шестое небо; став на шестую ступеньку и пробив дно, он шесть раз обегает вокруг очага с точно таким же пением, как и раньше. Так как здесь, на шестом небе, живет месяц, он подобострастно кланяется ему и поет:

Услышь мою мольбу! Услышь мою мольбу!
Отец-месяц на шестом небе!
Услышь мою мольбу! Услышь мою мольбу!

После этих слов шаман в экстазе трижды обегает вокруг тапты и трижды кланяется, оборотившись на восток. Затем он внезапно замечает убежавшего зайца и тотчас же посылает за ним своего слугу Курулдака:

Курулдак, поторопись,
В сером кустарнике
Скрылся серый,
Чу-у-ук!

Курулдак, который тщетно искал зайца (что также с помощью пантомимы показывает шаман), отвечает, изменив голос:

Увы! Увы!
Он скрылся в двух лесах,
Он скрылся в трех лесах,
У, у! Увы! Увы!

Затем шаман вводит в действие новую фигуру, еще раз изменив голос, а именно некоего Керелдäя, который подтрунивает над Курулдаком и, передразнивая его голос, обращается к нему:

Тéте, тéте, тéте-тé!
Эй, эй, эй! Старик!
Что же случилось,
Болтаются его уши,
Нагрелся мех на его брюхе.

Затем, имея в виду пуру, он продолжает:

Смотри, ее хвост болтается,
Разве твоя лошадь не живая?
Что же с тобой, старик?
Эй, эй, эй! Старик!
Смотри, заяц! Он в лощине,
Спрятался в кустах,
Чу-у-ук!

С последним возгласом шаман, изображающий Керелдäя, вскидывает колотушку снизу вверх. Затем он меняет позу и голос, изображая Курулдака, преследующего зайца, и кричит:

У, у, у!
Он уже пробежал через два лесочка,
У, у, у!
Он пробежал уже через три лесочка!
Увы, увы, увы!
Зайчик, ты там не оставайся!

Поймать зайца, несмотря на брань Керелдäя, все-таки не удается. Тогда шаман все тем же способом поднимается на седьмое небо и, после того как он при громе и молнии проломил дно и семь раз обежал вокруг тапты, склоняется перед обитающим на седьмом небе солнцем, с благоговением прижимая к груди бубен:

Услышь мою мольбу, мою просьбу,
Мать-Солнце, здесь живущая!
Услышь мою мольбу, мою молитву!

Таким же порядком — с всевозможными происшествиями, разыгранными им сценами, с молитвами, предсказаниями, благословениями и т. д.— шаман поднимается и проламывает восьмое и девятое небо. Чем большей силой обладает шаман, тем выше он может взобраться. Существуют шаманы, которые в состоянии подняться на десятое, одиннадцатое, двенадцатое небо и даже

еще выше, но такая сила присуща лишь очень немногим. После того как шаман достиг самого высокого места, на которое его сила может его вознести, он взывает к самому Ӱлгӧну. Он обращается к нему со следующей молитвой, опустив при этом бубен, тихо ударяя по нему колотушкой и смиренно кланяясь:

Властитель, к которому ведут три лестницы,
Бай Ӱлгӧн с тремя стадами,
Синий склон, который появился,
Синее небо, которое показалось,
Синяя туча, которая туда плывет,
Синее небо недостижимо,
Белое небо недостижимо,
До воды год пути,
Отец Ӱлгӧн, трижды возвышенный,
Которого избегает лезвие лунного топора,
Который пользуется конским копытом.
Всех людей, которые с шумом нас окружают,
Ты создал, Ӱлгӧн.
Ты даешь весь скот, Ӱлгӧн,
Не предавай нас беде!
Дай нам противостоять злому духу!
Не показывай нас *кӧрмӧсу!*
Не отдавай нас в его руки!
Ты, тысячу, тысячу раз повернувший
Усыпанное звездами небо,
Не осуждай мои грехи.

От Ӱлгӧна же шаман узнает, принята ли жертва благосклонно. Он также получает от него самые точные предсказания о том, сохранится или изменится погода, о неурожае, недороде, а также о том, ожидает и требует ли Ӱлгӧн еще жертв и каких именно. Относительно последнего требования шаман неизменно дает положительный ответ и часто называет того или иного соседа, от которого ожидается жертвоприношение. Нередко он указывает также масть и внешний вид жертвенного животного. Похоже, при этом шаман всегда действует в своих интересах, так как владелец названного животного в большинстве случаев остерегается не выполнить требование Ӱлгӧна.

После беседы с Ӱлгӧном шаман впадает в крайний экстаз, пока наконец не валится в полном изнеможении. Тогда к нему подходит баш-туткан и берет из его рук бубен и колотушку. Шаман под конец три раза щелкает пальцами по бубну и, подергивая головой и производя руками движения как при ударах по бубну, напевает про себя: *а-а-а-а-а! и-и-и-и!* В конце концов он совсем затихает и остается совершенно неподвижным. Некоторое время спустя, когда в юрте царит еще полное молчание, он протирает глаза, приглаживает волосы, потягивается и выжимает свою пропитанную пóтом рубаху. Затем медленно обводит глазами все вокруг и здоровается с окружающими: *Эсӓн-салам! Эсӓн-салам* [23].

Нередко праздник жертвоприношения заканчивается этим вторым актом камлания, однако в большинстве случаев этому торжеству посвящается еще одна, третья ночь, особенно у людей состоятельных. Третий акт празднеств, связанных с жертвоприношением,— это жертвенные возлияния и грандиозная попойка, причем поглощаются огромные бурдюки кумыса, молочной водки, а у северных шаманистов (телеутов и шорцев) — много ячменного пива.

Необходимые для такого бражничанья напитки заготавливаются еще до того, как ставят юрту для жертвы, и никто не осмеливается притронуться к ним до окончания второго жертвоприношения. Лишь теперь вносят напитки в юрту для жертвоприношения. Женщины приготавливают все, что нужно для этого торжества. Они покрывают пол юрты коврами и в третий вечер (после захода солнца) разжигают огонь около тапты.

Затем с места жертвоприношения приносят 9—12 берестяных черпаков и наполняют айраном столько же китайских деревянных чашек. Эти деревянные чашки ставят вокруг огня, и позади каждой чашки становится человек. С правого края, налево от двери,— шаман, за ним баш-туткан, потом хозяин дома и после него — те старики соседи, в семьях которых за последние годы никто не умер.

Каждый из стоящих зачерпывает ковшиком из чашки немного айрана и затем все разом с возгласом: *чек* — брызгают айраном в сторону тапты. Этот возглас и жертвенное возлияние повторяются трижды, после чего все двенадцать участников подбрасывают черпаки вверх. После того как ложки эти упали на землю, смотрят, как они легли. Если ложка лежит выпуклой стороной вверх, значит, у бросившего ее весь следующий год будет несчастливым, в то время как обратное положение ложки сулит счастье и удачу. Затем чашки наполняются снова, и все стараются как можно быстрее выпить их содержимое. Шаман же, опорожнив свою чашку, выбрасывает ее за дверь. По тому, как легла эта чашка, можно, так же как и по положению брошенных черпаков, определить, будет ли человек, приносящий жертву, счастлив.

После завершения этой церемонии начинается общая попойка. Все присутствующие гости рассаживаются группами вокруг бурдюка, и один из родственников хозяина ухаживает за ними. Пьют, поют песни, кричат и смеются, пока большинство присутствующих не упьется до потери сознания, и на том самом месте, где они свалились пьяные, они и остаются лежать до утра, пока не проспятся. Опьянение не считается позором, оно рассматривается как нечто совершенно естественное. Впрочем, следует заметить, что женщины знают меру; они укладывают поудобнее и укрывают пьяных мужчин, когда те валятся без памяти. Чувство

долга по отношению к детям — вот что не позволяет женщинам напиваться до потери сознания.

Следует заметить, что не все шаманы проводят камлание таким образом. У разных родов (*сӧк*) церемонии совершаются по-разному, но в значительной мере это зависит от бо́льших или меньших познаний и искусства шамана. В общем же можно сказать, что все праздники жертвоприношения проходят, как только что описанный. Некоторые шаманы при камлании закрывают глаза, другие камлают с открытыми глазами. Некоторые так дико пляшут, что под конец падают как бы замертво, другие впадают в столь сильный экстаз, что их приходится в конце концов схватить и связать, а это под силу лишь нескольким человекам и притом требует крайнего напряжения. Связанный шаман еще какое-то время трясется и вздрагивает и старается распутать веревки, пока у него не выпадает из рук бубен, и тогда он часами лежит как мертвый. Другие же шаманы значительно спокойнее и сами прекращают камлание.

Камлания отличаются друг от друга также в зависимости от того, кому приносятся жертвы. Больше всего отличается от других жертвоприношение Эрлику, однако об этом жертвоприношении я не смог получить никаких достоверных сведений. Это и понятно, так как в таких случаях слишком велик страх перед наказанием.

Самого большого искусства требует от шамана так называемое очищение юрты. Это происходит на сороковой день после смерти одного из членов семьи. Лишь немногие шаманы обладают даром проводить это камлание всегда успешно, а потому нередко богатые люди издалека приглашают для этой церемонии шаманов, которые пользуются широкой известностью, и щедро вознаграждают их за их усилия. Очищение юрты обычно производится с особой помощью Йайык Кана, и за эту помощь ему также приносят жертву. Особенно необходимо очищение юрты в тех случаях, когда в семье несколько смертей следуют одна за другой. По представлениям алтайцев, душа умершего стремится пробыть еще какое-то время в доме и неохотно покидает его одна, но часто уводит с собой в царство мертвых других членов семьи, или ближайших соседей, или хотя бы скот. Самый верный способ, которым Йайык Кан может добиться возврата уже частично уведенных душ, а душу самого умершего отправить в подземное царство,— это наслать потоп.

Эта вера во вредоносное влияние души умершего обусловлена отчасти представлением о прочных семейных связях между мертвыми и их живыми сородичами, которое можно считать основой религиозных воззрений шаманистов. С другой стороны, вера эта возникла из-за частых эпидемий, которые нередко истребляют лишенных какой бы то ни было врачебной помощи алтайцев.

В июле 1860 г. мне самому представился случай присутствовать на такого рода очищении дома, которое происходило близ озера Кенги, где я в то время находился. Когда я вскоре после захода солнца вошел в юрту, где должна была состояться церемония, там уже собралось человек двадцать — как мне сказали, родственников и соседей, которые должны были присутствовать на этой церемонии. Хозяин по имени Попой очень приветливо поздоровался со мною и отвел мне почетное место у самой стены юрты. Он объяснил мне, что несколько недель тому назад у него умерла жена и вот теперь он пригласил с Катуни испытанного шамана, чтобы тот произвел очищение его дома. Насколько я мог заметить, присутствующие алтайцы не испытывали особенного благоговения. Напротив, они запросто болтали и курили, как будто никакого особого торжества и не предвиделось.

Когда начало смеркаться, в некотором отдалении от юрты раздались глухие удары шаманского бубна. Я подошел к двери юрты и увидал, как шаман размеренным шагом, с монотонным, заунывным пением обходит вокруг юрты примерно в сотне шагов от нее, время от времени сильно ударяя в бубен. Постепенно круги, описываемые шаманом, все сужались и сужались, пока наконец он не подошел вплотную к наружной стене юрты и, пройдя вдоль этой стены, вошел через дверь в юрту, освещенную ярко пылающим огнем. Здесь он приблизился к огню, повертел над ним бубен, так что дым коснулся и внутренней и наружной поверхности кожи, натянутой на бубне. Затем он торжественно уселся между дверью и огнем и завел монотонную, скрипучую песню, состоящую из коротких отрывистых звуков. Пение становилось все тише и удары, которые он время от времени наносил по бубну, все мягче, пока песня наконец не перешла в тихое жалобное хныканье и шепот. Вслед за тем шаман осторожно встал и крадущимися шагами обошел вокруг огня, выкрикнул имя умершей и повертел во все стороны головой, как бы отыскивая в доме ту, которую он позвал. Время от времени он говорил фальцетом, подражая голосу умершей, которая жалобно умоляла шамана оставить ее с ее близкими. Ее страшит путь, говорила она, который так бесконечно длинен, что она не сможет сама вернуться назад. Ей так хочется остаться здесь, с детьми. Безжалостно гоняет ее шаман из одного угла юрты в другой благодаря мощи своего бубна, в который он еще до своего появления в юрте вселил множество могучих духов. Лишь после долгих поисков и усилий ему удается зажать душу умершей между бубном и колотушкой и затем придавить ее бубном к земле. Его пение звучит теперь громче, но его все еще прерывает тихое жалобное стенание поймапной души.

Потом шаман поворачивает колдовской бубен передней стороной к земле и ударяет в него так, что удары звучат глухо, слов-

но они доносятся из-под земли. Пение также становится все глуше и под конец переходит в бормотание, так как шаман отходит от юрты и направляется по дороге, ведущей в преисподнюю, в царство мертвых (*ӱсӱттӓр ӓӓринӓ*). Пение становится все тише и в конце концов переходит в еле слышный шепот. Наконец он сильным ударом извещает о своем прибытии в царство мертвых. Теперь начинается разговор с находящимися в царстве мертвых ранее умершими родственниками, к которым шаман привел покойную. Они не принимают новую душу. Шаман старается уговорить их, просит, умоляет. Все напрасно. Тогда он хватает бутылку с водкой и потчует мертвых этой живой водой. Они радостно принимают угощение, звучит нестройный хор самых разных голосов, которые постепенно становятся все менее отчетливыми, так как водка оказывает свое действие. Мертвые поют, издают ликующие крики, и поэтому ему наконец удается оставить там под шумок новую душу. Теперь пение шамана становится все громче, так как он покинул царство мертвых и приближается к этому миру. Достигнув его, шаман внезапно вскакивает, и у него начинаются сильнейшие судороги. Под конец песня переходит в дикие выкрики. При этом шаман, совершая чудовищные прыжки, несется в танце по юрте, пока, обливаясь потом, не падает без чувств.

Эта дикая сцена, магически освещенная огнем, произвела на меня такое сильное впечатление, что я какое-то время наблюдал только за шаманом и совершенно забыл об окружающих. Алтайцы также были потрясены этой дикой сценой, их трубки были опущены, и добрых четверть часа царила мертвая тишина.

Сцену в царстве мертвых разные шаманы и при разных обстоятельствах также проводят неодинаково. Иногда не удается оставить там умершего, а в других случаях душа убегает от шамана и возвращается в юрту. Тогда он идет за ней, и вся сцена начинается сначала. Если шаман призывает на помощь Йайык Кана, веселая попойка в царстве мертвых внезапно прерывается наводнением. Начинается всеобщее смятение, дикая беготня. Шаман подражает реву прибывающей воды. Умершие молят о помощи, плачут и стенают. При этом возвращают на землю уже угнанный умершими скот или души сородичей. Для такого камлания некоторым шаманам приходится мазать себе лицо сажей, чтобы в подземном мире их не узнали умершие.

Жертвоприношение и очищение дома являются основными жреческими действами (если можно так выразиться) шамана. Именно в них должен он проявить все свое искусство, и настоящий шаман тот, кто умеет пробудить в своих зрителях страх и доверие. Тогда они верят, что предсказания шамана — истинные откровения, и, руководствуясь ими, они стараются восславить и ублажить богов. Всем прочим шаманским действиям значения не

придают. Любой другой смертный может возносить благословения и молитвы, а также совершать жертвенные возлияния Йерсу. Точно так же не только шаман делает погоду, пророчествует и т. д. В торжествах по поводу рождений, свадеб и смерти шаман не принимает никакого участия, и только если этим событиям сопутствуют неблагоприятные предзнаменования, которые люди хотят попытаться обезвредить с помощью заклинаний, то зовут шамана, и он проделывает часть тех церемоний, которые мы описали выше как шаманское камлание.

Теперь перед нами встает вопрос: искренни ли шаманы в своем поведении, убеждены ли они в действенности своего камлания, или это лишь комедия, разыгрываемая шаманом ради собственной выгоды перед суеверными людьми?

И уже давно крещенные, и лишь недавно перешедшие в христианство алтайцы, телеуты и т. д., так же как и русские, считают шамана настоящим слугою дьявола, который своим камланием действительно может совершить нечто сверхъестественное. Это отражено в целом ряде историй, которые рассказывают русские крестьяне и крещеные алтайцы о знаменитых шаманах: как шаман нечувствителен к физической боли и какие страшные вещи проделывает он со своим телом (например, сует в рот раскаленное железо, так что оно шипит), не причиняя себе этим никакого вреда. Таким образом, мы видим, что как раз явные трюки производят наибольшее впечатление. Этот же вывод мы можем сделать и из того, что алтайцы, недавно крещенные и, как я удостоверился, действительно принявшие христианство по убеждению, заболев, все еще ночью тайком зовут шамана, чтобы он своей дьявольской силой отвратил беду, и что наряду с верой в божественную мощь христианства нерушима вера в дьявольскую силу заклинателя.

Так, Чевалков в своем жизнеописании пишет мне (см. мои «Образцы фольклора», том I) [24]: «Я сказал шорцу: „Не верьте речам шаманов, это лживые речи. Шаманы не знают веры в истинного бога, они верят в дьявола и камлают с его помощью“». Миссионер Вербицкий в упомянутой выше статье в «Томских губернских ведомостях» также говорит следующее: «Что такое сущность шамана — болезнь, безумие или притворство? Ни одно из них. Верховный владыка посылает человеку с небес добрых ангелов, дабы они оберегали его и приносили ему счастье, но что же делают злые духи? Так как они — существа бестелесные и разумные, они, конечно, не могут пребывать в полной бездеятельности. Так как следует безоговорочно принять, что они стремятся к какой-то деятельности, то, само собою разумеется, деятельность эта направлена на недоброе. На кого же они стремятся воздействовать в своей злобе? Материальный мир нечувствителен к

их поступкам, и поэтому единственным объектом их вредоносных действий является род людской. Они живут среди людей, подобно льву в пустыне, и, как разбойники, стараются повсюду подстеречь людей и причинить им вред. Их прямое вмешательство сказывается на наших мыслях, желаниях и поступках. Если мы бдительны, мы боремся с ними и изгоняем их с помощью божьей и силой креста. Но с помощью чего отгонит их человек некрещеный, который, будучи таковым, находится всецело в их власти?» Этот же миссионер в другом месте говорит: «Есть пример того, что шамана, впавшего в экстаз, казаки не могли вывести из этого состояния даже ударами плетки; с другой стороны, существуют примеры (я говорю по собственному опыту), когда благословения священника было достаточно для того, чтобы у впавшего в экстаз шамана мгновенно выпал из рук бубен». Я не мог отказать себе в том, чтобы дословно и полностью привести здесь высказывание почтенного миссионера,— не для того, чтобы опровергнуть его, но потому, что оно самым отчетливым образом показывает, как противостоят здесь друг другу христианство и язычество и каким покровительством пользуется христианство. Как миссионер, он рассуждает вполне правильно, когда изображает прежнюю религию новообращенных порождением дьявола и делом злых духов, ибо он тем самым выставляет крест, который он проповедует, в более выгодном освещении и яснее ясного показывает все преимущества перемены религии. Однако если господин миссионер произносит эту тираду в заключение своего описания жертвенного шаманского камлания, обращенного к Улгёну, высшему небесному божеству, когда шаман благоговейно склоняется перед божеством и молит его о милосердии и сострадании, просит защиты от злых духов, а перед началом церемонии он молился «духу-хранителю дверей», чтобы тот не подпускал злых духов к юрте, дабы они не помешали ему, шаману, в его действиях и не послужили бы причиной неблагоприятного исхода жертвоприношения,— тогда эта тирада производит поистине комическое впечатление. И тогда можно лишь сказать вместе с Орлеанской девой Шиллера:

> Ты мнишь, что я волшебница, что ад
> Союзник мой... но разве миротворство,
> Прощение обид есть дело ада?
> Согласие ль из тьмы его исходит? [25]

Я думаю, что, прочитав заклинания, произносимые при жертвоприношениях, каждый читатель убедится, что бедные шаманы далеко не так плохи, как их ославили. Они — носители этической идеи своего народа. В их молитвах отражается тот же страх перед злыми силами, та же надежда на помощь божества света, которые движут их народом, и, если можно так выразить-

ся, в той же материальной, бездуховной форме. В действиях шамана тесно переплетены и нерасторжимо слиты воедино правда и вымысел, так же как и у многих жрецов других религий. Разумеется, шаман внутренне убежден в истинности своих представлений. Он, конечно же, впадает в настоящий экстаз, и галлюцинации, близкие к безумию, могут довести его до бессознательного состояния. Этим я не хочу сказать, что он камлает только в таком состоянии. Конечно, он достаточно часто произносит известные ему формулы потому лишь, что это — его ремесло. Вполне возможно, что нередко он, заранее все обдумав и действуя совершенно намеренно, просто старается заработать своими пророчествами жирный кусок при жертвоприношении. Однако это отнюдь не мешает ему верить в действенность церемоний, которые он совершает. Ведь он — дитя природы, которым правят главным образом одни лишь внешние впечатления. Вообще, я не думаю, что шаманы много хуже, чем жрецы других религий. Конечно, есть немало и христианских священнослужителей, которые без всякого смысла, как пустые формулы, бормочут возвышенные слова Евангелия. Они твердят святые слова и совершают обряды, предписанные их церковью, лишь ради собственной выгоды, а не с верой и по убеждению. Никто не станет спорить с тем, что шаманизм стоит ниже, чем окружающие и как бы теснящие его три великие религии — христианство, мусульманство и буддизм; однако не менее справедливо и то, что он также придерживается определенных этических принципов [26].

Влияние буддизма по большей части вытеснило у сойонов древнюю шаманскую веру [27]. Я не в состоянии определить, какова степень воздействия буддизма и вызванного его проникновением ослабления шаманизма, так как у меня нет данных для более точных выводов. Гораздо большее влияние оказало на тюркские народы мусульманство, которому, как я уже упоминал выше, в большинстве случаев удалось полностью искоренить шаманизм. Несмотря на это, мы еще находим у отдельных племен тюрков-кочевников отчетливые следы прежней религии. Более подробные данные об этом я могу привести лишь о казак-киргизах.

У киргизов сохранилось еще множество обычаев, которые явно можно считать остатками прежних шаманских верований. Описание всех этих языческих обычаев завело бы меня слишком далеко. Достаточно будет упомянуть здесь баксы [28], или знахарей, каковые, по-видимому, как раз и являются шаманами. Мулла вытеснил их с позиций религиозного главы народа, но как колдуны, знахари и прорицатели шаманы пользуются еще некоторым признанием в народе. Небезынтересно будет проследить, какие изменения претерпели шаманские камлания под воздействием мусульманского вероучения [29].

Уже своим внешним видом бакса отличается от правоверного мусульманина, т. е. от общераспространенного теперь внешнего облика киргизов. В то время как последние обычно гладко бреют голову, баксы выбривают лишь середину головы, оставляя по ее сторонам волосы шириною примерно в пять пальцев над висками и ушами, причем они свисают дюйма на 3—4. Такая языческая прическа вызывает омерзение у фанатичных мусульман. Я сам видел, как татарские купцы с отвращением отворачивались от баксы и с ужасом отплевывались.

В одежде бакса отличается лишь тем, что носит несколько более высокую тюбетейку, чем остальные, и, кроме того, прикрепляет к ней пучок перьев. Вместо шаманского бубна бакса употребляет некую разновидность скрипки, или, скорее, виолончели, которая имеет примерно 3—4,5 фута в высоту и называется «кобус». Этот кобус бакса ставит перед собой, как наши музыканты виолончель, и водит по нему смычком, похожим на смычок контрабаса. На кобус натянуты две струны из крученого конского волоса, а на грифе расположено множество железных погремушек, которые бренчат, когда музыкант двигает свою скрипку. Кроме того, у баксы имеется палка (*аса*) с укрепленной на ее верхнем конце четырехугольной дощечкой, на которой висит несколько колокольчиков и кусочков железа. Человек начинает свои фокусы (у киргизов камлание баксы не имеет никакого иного значения) игрой на кобусе, которую он сопровождает монотонным пением. Затем он хватает палку и размахивает ею в каком-то диком танце, вызывая этим невероятный шум. Часто камлают вместе два баксы, и тогда один играет на кобусе, а другой скачет и пляшет с палкой. Есть и другие баксы, которые камлают без всяких инструментов. Во время камлания фокусник точно так же впадает в экстаз, как и шаман, так что и его должны держать несколько человек, чтобы он не натворил беды. И так как вера в баксу не имеет больше у народа этического обоснования, то, по-видимому, бакса еще в большей мере, чем шаман, должен стараться внушить своими действиями страх. Поэтому он совершает ужасающие прыжки, страшно вращает глазами, скрежещет зубами, подергивается и кидается, как безумный. В экстазе он проделывает невероятные трюки, о которых киргизы не могут говорить без ужаса. Мне повсюду рассказывали, что баксы берут в руки раскаленное железо, втыкают себе в тело дюймовые гвозди, лижут раскаленное железо, становятся на него босыми ногами, так что оно шипит, как будто на него льют воду. Я сам наблюдал страшные прыжки и гримасы баксы, однако он отказался проделать по моему требованию другие трюки; это-де он может делать лишь тогда, когда на него в самом деле снисходит дух. Разумеется, упомянутые действия баксы — фокусы, которыми он обманывает зрителей. Притом бакса всякий раз, ког-

да проделывает что-либо страшное, громко выкрикивает: «Не смотрите сюда! Не смотрите сюда! Дух заворожил ваши глаза!» Разумеется, зрители смотрят лишь вполглаза и, вероятно, видят со страха больше, чем происходит на самом деле. Только так могу я объяснить подобные рассказы людей, в остальном вполне заслуживающих доверия. Однако из всех их сообщений мне стало ясно одно — киргизы уважают баксу тем больше и вознаграждают тем богаче, чем чаще проделывает он перед ними свои ужасные трюки.

Если киргиз заболевает так, что опасаются за его жизнь, а врачебное искусство старух не помогает, то велят позвать баксу (т. е. баксу зовут такие люди, которые не получили мусульманского воспитания, получившие же мусульманское воспитание велят позвать муллу и читать молитвы). Бакса сначала щупает пульс больного, причем произносит различные непонятные слова. Затем он садится, берет кобус и играет больному разные мелодии, сопровождая их бряцанием кобуса и напевая при этом вполголоса свои песни. После этого он берет *кумалак* (овечий помет) и по нему определяет, чем болен человек и какая требуется жертва, чтобы его вылечить.

Он дает точное описание жертвенного животного, т. е. указывает масть и ряд признаков, по которым можно узнать эту овцу. В доказательство того, что предсказания баксы правильны, мне рассказывали, что столь точно описанную овцу находили в стаде хозяина либо по крайней мере у какого-нибудь его соседа. Я в этом не усматриваю ничего, кроме, разумеется, того обстоятельства, что бакса до своих пророчеств осмотрел стада больного или поручил сделать это какому-нибудь своему сообщнику. Одним из постоянных признаков такой овцы является как раз то, что она большая и жирная.

Животное режут по мусульманскому обряду, бакса не совершает при этом никаких церемоний. Мясо разрезают, кладут в котел и приглашают соседей на трапезу. Как только овца зарезана, бакса, бормоча заклинания, сам вырезает из нее легкое, поспешно идет к больному и трижды ударяет его еще теплым легким. Затем он бросает это легкое, в которое, как он полагает, перешла болезнь, собакам и следит за тем, чтобы оно было съедено без остатка.

Затем он берет свою палку (*аса*) и исполняет с ней какой-то дикий танец, впадая при этом в сильнейший экстаз. После того как камлание баксы закончено, приступают к трапезе, в которой участвуют все, кроме больного. В качестве вознаграждения за свою работу бакса получает во время трапезы лучшие куски и, кроме того, шкуру жертвенного животного. Люди богатые делают баксе и другие подарки — овцу или кафтан из *дурйа*. После еды бакса обычно сообщает, что именно он узнал от духа

(*джина*), однако эти сообщения никогда не бывают четкими и определенными. Например: если погода в течение восьми дней изменится, больной выздоровеет, в противном же случае он умрет; или: если больной в течение стольких-то дней не умрет, то выздоровеет. До назначенного срока бакса остается около больного и ежедневно устраивает пение и танцы с камланием. Фокусы с ножами или раскаленным железом бакса повторяет почти при каждом камлании, и каждый раз физические мучения заклинателя должны уменьшить на какую-то частичку болезнь, так как он в экстазе принимает боль своего пациента на себя. Кости принесенной в жертву овцы тщательно очищаются, затем бакса рисует на ее черепе различные фигуры, лепит из теста всевозможных животных — верблюдов, лошадей, коров, овец и коз — и, обмотав их пестрыми нитками, кладет кости и все эти фигурки в мешок. Этот мешок он сам относит в какое-нибудь пустынное место и с различными церемониями погребает. Никто не должен знать это место, так как, если кости найдут, у человека, принесшего жертву, произойдет ужасное несчастье.

Надо добавить еще следующее: мне рассказывали, что бакса, не любит посещать тяжелых больных, однако он очень охотно камлает и проводит сеансы лечения легких больных. Иногда он даже вынужден заявить больному, что здесь его камлание не поможет. Если больной к назначенному сроку поправится, бакса получает дорогой подарок.

Дар баксы, как и сила шамана, передается в семье по наследству. Однако каждый начинающий бакса должен пройти выучку у какого-либо опытного члена корпорации, и лишь после длительного совместного проживания учитель дает своему ученику благословение; после этого тот начинает самостоятельную деятельность как бакса. Все время, пока длится обучение, ученик сопровождает своего наставника при камланиях, ассистирует ему и даже время от времени поет вместо него или гремит *асой*. Если в церемонии участвуют два баксы, то один из них непременно учитель, а другой — ученик.

Значительная часть киргизов считает баксы мошенниками и шарлатанами. Большинство киргизов, однако, полагает, что они одержимы злыми духами и все описанные чудеса творят именно благодаря силе обитающих в них духов. Те баксы, которых я видел, произвели на меня впечатление шарлатанов и фокусников, втирающих людям очки своими трюками. В их походке и манерах какое-то притворство и неестественность. Во всяком случае, они хотят казаться более значительными, чем есть в действительности, и даже во всех своих повседневных делах демонстрируют, что они — баксы. Один из виденных мною баксы постоянно произносил благочестивые изречения. Что бы он ни делал — пил, садился и т. п.,— он со вздохом громко говорил: *бисмилла*! (во

имя бога) и к каждой своей фразе добавлял: *валлахи, биллахи*! (с богом), что у киргизов обычно делают лишь некоторые глубокие старики. Вероятно, этими изречениями он хотел зарекомендовать себя правоверным мусульманином. Иной бакса притворяется душевнобольным и постоянно корчит гримасы, как будто он, даже когда и не камлает, все равно одержим злыми духами.

На Кулунде мне удалось записать песню баксы. Однако я приведу ее здесь лишь частично и в отрывках, так как в основном она является набором совершенно непонятных намеков [30]. Песня начинается мусульманским обращением к богу, Мохаммеду и пророкам. Бакса стремится таким способом зарекомендовать себя истинным мусульманином, что для него очень важно. Пусть его считают одержимым, это ему не повредит, но только он не должен прослыть неверным (*капыр*).

Сначала я обращаюсь к тебе, о боже,
Помоги нам, мы тебе молимся,
Дай нам то, что мы просим!
Дай ты женщине детей!
Добрый бог, ты щедрый!
Ты сначала создал небо,
Затем ты создал землю,
К тебе первому, о боже, обращаю я молитву.
Затем я молюсь Мохаммеду;
Тому мы – слуги, рабы,
Этому – верующие товарищи.
Третий есть еще – бог небесный,
А четвертый – халифы,
Потом восемьдесят восемь шейхов,
Потом сто двадцать тысяч,
Множество пророков,
Все святые Мекки
И святые Медины.

К этой молитве прибавляется обращение к некоторым святым, напоминающим Йер-су алтайцев,— это семнадцать камов гор и рек, которых шаман призывает в свой бубен, прежде чем начать камлание.

Ты, святой Чингиз Кан!
Вы, девы-святые
На красной горной вершине!
Вы, быки-святые
На вершине бычьей горы!
Вы, лысые святые
На вершине бараньей горы!
И дракон на горе лося,
Вышедший из тьмы горы,
Бек Асыт, отец Бекпана,
Который не мертв, хотя я и называю его мертвым,
Не живой, я называю его живым.

Затем бакса обратился к предкам киргизских родов Средней орды, а именно племени аргын, к которому он сам принадлежал.

(Таким образом, мы видим здесь также следы древнего почитания предков, характерного для настоящего шаманства.)

Он, Кёкчё, предок Увака [31],
Чья богатырская сила нам известна,
Многих застрелил он из лука,
Тысячи – из своего ружья.
Кара-Кожа, отец Аргына!
Абылай, властитель орды.
Некогда убил Казы-Бека;
Он, босоногий Азиз,
Он покорился господину.
Тор-Айгыр с четырьмя сыновьями,
Турду Бек – это был его дядя.
Он – отец моей матери,
Тунгкат из джагалбай-племени.

Точно так же обращается он к Кубан-баю, предку кара-кезеков; к Кенды-баю, предку кара-кереев; к Шöин-Кара, предку племени тас; к Кент Буга из племени терстен бала; к Бурлубаю, предку племени басентин.

Теперь бакса обращается к духам, которые должны помогать ему при врачевании.

Прежде всего бог создал духов,
Создал их лучше, чем прочих,
Кент Буга, предка духов,
Сары Азбана, отца духов
(Не мучай меня, Сары Азбан!),
Берди-Бая, отца духов;
Аркäў – воинственный клич духов,
У меня на небе пятеро духов,
Режут меня сорока ножами,
Колют меня сорока иглами,
Они вырастили у меня на макушке
Длинную косу!
Отдали меня в подчинение демону,
Обучили меня необычному,
Крепко привязали меня к кобусу,
Приказали мне произнести благословение,
Они велели убить в доме
Жертвенных овец с желтыми головами,
Они прочно уселись в теле,
Скручивают мне судорогой члены.

После непонятного мне обращения к десяти *кожа* долины и к сорока *кожа* возвышенности с их главой Казрäт Кожа [32], оживляющим умерших и дающим плодородие скоту и человеку, он продолжает камлание:

Я обвожу круг моей правой рукой,
Спрашиваю мою левую руку,
Склонив голову в молитве,
Расчесывая свои волосы к солнцу,
Я не знаю влияния отца,

Я не вкушал материнского молока.
Я пригнал сюда ветром семь зайцев,
Связав их волшебным способом.
Семь обухов на меня давили,
Меня погружали в семь котлов.
Я призывал с Камбара духов,
Живущих там, вдали,
Привет железной душе!
Пошли мне весть, железная душа!
Собери мощное войско!
Подними железное знамя!
Прибежав из долины,
Теперь приходят десять волков,
Среди всех этих волков
Есть синий с шестью пастями;
У людей синего духа
Живет дитя Джума-Бая,
Коза-Бай, синий кабан,
Самый злобный среди духов,
Сильно хмурит лоб,
Ссорится со всеми духами,
Ты повис на моих пеленках,
Отыскал меня на одиннадцатом году.

Среди множества совершенно непонятных намеков, которые бакса так и не смог или не захотел мне растолковать, несмотря на все мои расспросы, он упоминает еще целый ряд духов: Бай Кабыл, Койбак, Кäмäнгäр Кöзүмбöт, Мäнгäй-Джүзöй, перечислением которых я не стану напрасно утомлять читателя. В заключение он, совершенно в духе всех киргизских певцов, обращается к слушателям с восхвалением нынешнего главы рода аргун, ага-султана Семипалатинского округа:

Вот на дороге расположилось войско,
Среди этих больших отрядов
Находится султан Кара Бек,
Находится властитель Тилäу Бäрди,
Казы Аргына, моя опора,
Совершенство долины,
Дитя властителей ты, [пришедший] с высоты!

Уже по этому отрывку из заклинаний баксы, который был мне продиктован,— конечно, не полностью и неточно,— можно видеть, что камлание баксы утратило связь с религиозным мировоззрением шаманизма — почитанием природы и, потеряв какую бы то ни было этическую основу, превратилось в некий мистический комплекс механически заученных наизусть формул, непонятных самому говорящему. И тем не менее, несмотря на это, сохранились следы всех прежних элементов шаманского камлания — обращение к земным героям, живущим в горах, и перечисление предков. Однако внутренний смысл этих призывов полностью утрачен.

О том, что шаманство было раньше распространено у всех тюркских народов, отчетливо свидетельствует распространение тюркского названия шамана — слова *кам*. Древнейший письменный памятник тюркской литературы — созданный в 1069 г. уйгурский «Кутадгу Билик» — знает слово *кам*, и Вамбери переводит его в своем издании этого памятника как «знахарь, прорицатель» [33]. Я не могу судить, точен ли этот перевод. Это слово встречается в «Кутадгу Билик» дважды. В первом отрывке говорится:

Есть много знахарей,
Которые исцеляют болезнь ветра,
К ним, господин, ты должен обратиться,
Заговоры помогают от болезни;
Но, если тебя будет лечить *кам*,
Ты должен, господин, полностью ему верить,
Врач не любит его речи,
Он отходит от *мукасима*.

Слово *мукасим*, равнозначное здесь каму,— слово арабское и означает «тот, который дает клятвы». Во втором месте говорится: «Либо придерживайся врача, либо придерживай кама». Здесь снова противопоставление *отчи* (врача), т. е. того, кто дает лекарства, каму, который лечит словами и заклинаниями.

В своих «Чагатайских исследованиях» Вамбери [34] приводит слово *кам* как употребляемое в Средней Азии еще и поныне и именно в значении: врач, знахарь, чародей, доктор-чудотворец; это же у Паве де Куртея в «Dictionnaire Turc-Orientale». Точно так же мы находим слово *кам* во втором по древности памятнике тюркского языка — в составленном одним итальянцем в 1303 г. списке слов языка команов, т. е. тюркского племени, обитавшего в то время в Южной России и уже в XII в. частично переселившегося в Венгрию. Этот список слов содержится в «Codex Cumanicus», и поныне находящемся в библиотеке св. Марка в Венеции [35]. Там на странице 9 издания графа Кууна мы находим Incantatrix (ведьма), переданное как kam katun kisi dir. Однако это — человек, названный женщина-кам [36]. А несколькими строками выше adiuino = «я совершаю заклинание» передано как kamlik etermen, т. е. «я совершаю дело кама». (*Камлик* на Алтае имеет значение «камлание кама».)

Глава VII

СИБИРСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Описание погребений. надгробные камни; каменные погребения долины Енисея, каменные погребения Алтая; каменные курганы, земляные курганы. – Раскопки каменных погребений в долине Енисея и на Алтае. – Раскопки каменных курганов в Уймонской степи и на Берели. – Раскопки курганных погребений. – Причины разрушения погребений. – Древности медного периода. – Переход от медного периода к железному; древнейший и новейший железные периоды. – Гипотезы относительно остатков древней культуры и предыстории Сибири.

Едва переехав через Урал и оказавшись в бассейнах Тобола и Иртыша, мы на каждом шагу встречаем на огромных степных пространствах сохранившиеся с глубокой древности громадные курганы, которые группами возвышаются вдоль высоких речных берегов. Еще больше погребений по Оби. В Северной Киргизской степи [1] характер этих погребений мало меняется, но к западу от Верхнего Иртыша вместо земляных курганов часто попадаются курганы из дикого камня. Напротив, в долинах рек Алтая, на берегах Верхнего Енисея и в Абаканской степи мы находим многочисленные погребения, огороженные и украшенные стоячими каменными плитами. Все эти погребения свидетельствуют о том, что в древности здесь имелось значительное население, часть которого достигла уже довольно высокого уровня культуры; это видно по самим погребениям и по обнаруженным в них предметам старины.

Прежде чем перейти к описанию этих древностей и позволить себе сделать выводы относительно той стадии культурного развития, на которой находились древние насельники Сибири, я опишу внешнюю форму курганов. Начну это описание с погребений Енисея и Алтая, потому что благодаря украшающим их камням возможна точная их характеристика [2].

В лежащих значительно выше уровня реки степях Абакана, по его притокам и на Верхнем Енисее, к югу от Красноярска и даже в Сойонских горах, так же как в степях обоих Юсов вплоть до Кузнецкого Алатау, мы находим — чаще всего на высоких местах, где земля камениста и не затопляется,— кладбища всевозможных размеров (от 10 до 200 и более погребений) [3]. По-

гребения резко отличаются друг от друга как по величине, так и по форме.

По форме эти погребения можно классифицировать следующим образом [4].

1. Погребения в форме квадрата. В большинстве случаев они или плоские, или на них насыпан совсем небольшой холм, максимум 1—2 аршина высотой. Там, где такая насыпь имеется, она состоит из смешанной с мелкими камнями земли, такой же, как и почва под самими погребениями. Эти погребения обнесены оградой из вертикально поставленных каменных плит высотой нередко до полутора саженей и толщиною в 3—6 вершков. Они часто врыты в землю на глубину в 1 аршин и укреплены у основания положенными вокруг них небольшими камнями, так что изменить вертикальное положение этих каменных глыб невозможно, если только закрепляющие их камни не были вынуты впоследствии из земли при раскопках. Такие погребения мы встречаем во многих местах Абаканской степи. Особенно характерны квадратные погребения неподалеку от устья Аскыса, близ каменного изваяния Куртуяк-таш [5]. Здесь вертикально поставленные каменные плиты имеют гигантские размеры. Так как нигде поблизости никаких камней нет, доставка этих огромных глыб была, очевидно, делом очень трудным. Квадратные погребения отнюдь не отличаются своими размерами. Я нигде не встретил погребений этого типа, в которых стороны квадрата превышали бы 4—5 саженей. Следует еще заметить, что такие стоячие каменные глыбы — это чаще всего плоские плиты, поставленные вдоль сторон квадрата.

2. Крупные курганы в 1—1,5 сажени высотой и 10—25 саженей в диаметре. Такие курганы насыпаны из той же земли, на которой они стоят. Об этом свидетельствуют углубления, обычно находящиеся по сторонам курганов. На этих курганах вертикально поставлены каменные плиты, образующие прямоугольники. Плиты на всех могилах почти одинаковой величины, но высота их не всегда пропорциональна высоте кургана. Некоторые менее высокие курганы обнесены бóльшими каменными блоками, в то время как на других, очень высоких курганах плиты высотой лишь в несколько футов. Около многих могил такие плиты достигают едва ли не сажени. Плиты закреплены в земле точно так же, как и в квадратных погребениях. Положение каменных плит этих погребений отличается от положения их в квадратных погребениях тем, что здесь все они ориентированы в одном направлении, с востока на запад, и потому на восточной и западной сторонах прямоугольника они стоят поперек. Ограниченный этими камнями прямоугольник расположен так, что его короткими сторонами являются северная и южная, а длинными, которые почти всегда вдвое длиннее коротких,— восточная и западная.

По длинным сторонам стоит большей частью 12—18 каменных плит, а по коротким обычно 3—8. Такие курганы с высокими плитами я встретил в четырех или пяти местах на Абакане и в Юсской степи недалеко от Кызылской управы. Однако в целом и эти погребения довольно редки.

3. Основную массу составляют могилы, ограниченные прямоугольниками, составленными из десяти камней. Эти каменные прямоугольники, точно так же как описанные выше курганные погребения, обращены короткими сторонами на север и на юг. Камни, огораживающие прямоугольник, на каждом из погребений почти одинаковой высоты. Нередко они возвышаются над землей более чем на один аршин, но в большинстве случаев — на пол-аршина или еще меньше. Камни эти — большей частью плиты или очень грубо обтесанные глыбы. Они расставлены в прямоугольнике так, что четыре камня стоят по его углам, по коротким сторонам помещается только по одному камню посредине, в то время как на каждой из длинных сторон стоит еще по два камня. Расстояние между камнями везде одинаковое, так что короткие и длинные стороны относятся друг к другу как 2 : 3. Эти прямоугольные могилы редко бывают единичными, обычно они расположены по две-четыре в ряд, соприкасаясь короткими сторонами [6].

У многих из этих больших погребений, огороженных десятью камнями, мы видим еще два камня к востоку от обоих средних камней восточной длинной стороны, так что рядом с большой четырехугольной могилой оказывается еще маленький квадрат. Кроме того, на расстоянии чаще всего 10—50 шагов к востоку стоят большие вертикальные каменные блоки или колонны, более или менее хорошо отесанные. Русское население называет их маяками. Некоторые путешественники считают их дорожными знаками, другие — надгробными камнями. Что же касается меня, то я считаю их местами жертвоприношений, связанными с упомянутыми погребениями, так как они всегда находятся к востоку от этих погребений. Я приказал выкопать несколько таких маяков и не нашел ничего, кроме укрепляющих их основание камней, а вокруг — крепкую нетронутую землю. Я раскопал также некоторые из упомянутых выше прямоугольников, образованных четырьмя камнями с восточной стороны погребения, но и тут нигде не обнаружил могил. Поэтому я и их считаю местами жертвоприношений.

4. Прямоугольные плоские погребения, огороженные только рядом лежащих в земле камней. Эти погребения расположены так, что камни одного одновременно ограждают и другое. Прямоугольники разной величины. Самые большие имеют 4 сажени в длину и 2,5—3 сажени в ширину. Большинство погребений длиной в 4,5 аршина и шириной 2—3,5 аршина, а самые ма-

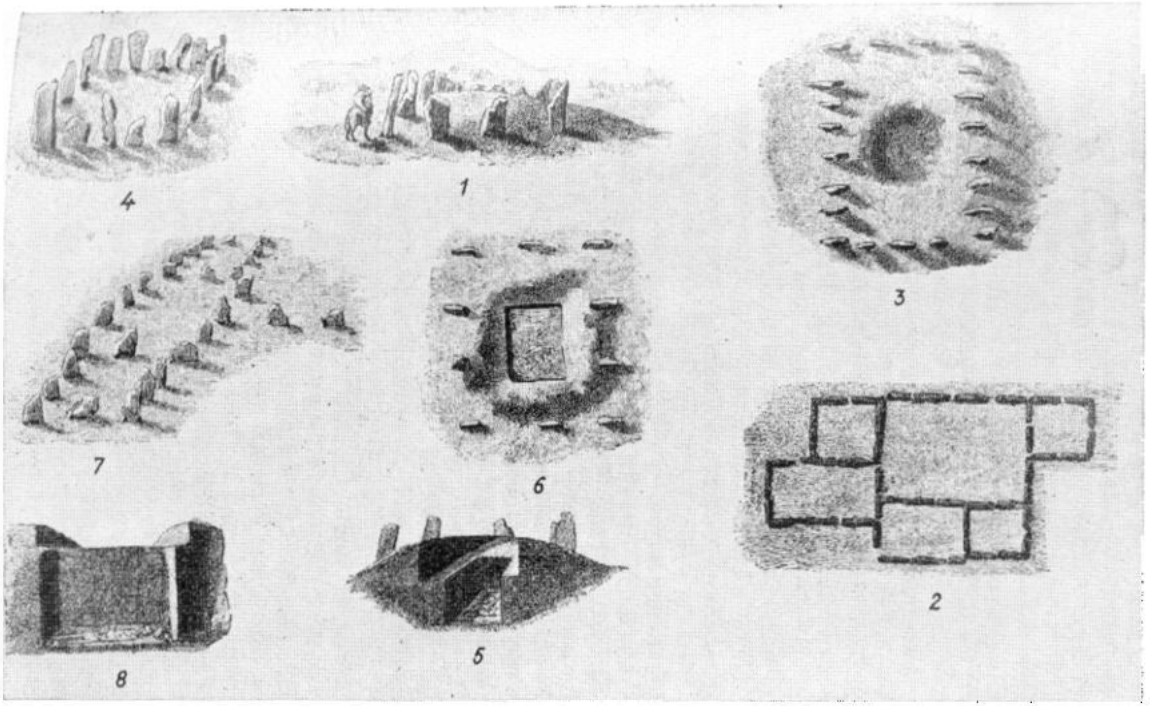

Таблица 2. Каменные могилы на Абакане: *1* – могильник; *2* – прямоугольные плоские могилы; *3* – большая прямоугольная могила; *4* – квадратная могила; *5* и *8* – разрезы; *6* и *7* – прямоугольные могилы

ленькие — 1 аршин в длину и $^3/_4$ аршина в ширину. Длинные стороны этих погребений всегда обращены на север и на юг, а короткие — на восток и на запад. Они встречаются группами по 10—25 погребений, образуя как бы сеть. Иногда три погребения примыкают друг к другу длинной стороной и составляют прямоугольник большего размера. Камни, огораживающие эти погребения, лежат вровень с поверхностью земли; в основном это каменные плиты, высота которых 6—10 вершков, длина 1—1,5 аршина и толщина 2—4 вершка. Они вкопаны в землю и соприкасаются друг с другом узкими сторонами.

5. Круглые плоские могилы, огороженные каменными кругами. В Абаканской степи эти погребения встречаются очень редко; я видел только три таких на Нижнем Абакане, в то время как четырехугольных погребений были тысячи. Диаметр круглых погребений на Абакане 5—6 саженей, они плоские, без каких бы то ни было насыпей. Камни, обычно петесаные, были вкопаны в землю и очень мало возвышались над поверхностью. По всем этим погребениям отчетливо видно, что их уже раскапывали[7].

На собственно Алтае, т. е. в чрезвычайно плодородных долинах левых притоков Катуни и правых притоков Иртыша, мы находим во многих местах обширные кладбища, состоящие из могил, украшенных врытыми в землю камнями. Все эти могилы — такие же, как описанные в пункте 5 погребения на Енисее, т. е. плоские и круглые. Встречаются и единичные низкие могильные холмы с каменными кругами. Следует при этом заметить, что погребения во внутренних областях Алтая, т. е. на Нижней Катуне, на Ангодае, Урусуле и Чуе, обычно очень невелики. Точно так же диаметр круглых каменных погребений на Уймоне не превышает 3—4 саженей. Намного больше круглые погребения на Бухтарме и в районе Верхнего Иртыша, встречавшиеся мне на востоке почти до города Сергиополя, а на Иртыше до самого Семипалатинска. Между последними попадалось много могильных холмов высотой в несколько футов.

На Ангодае, Уймоне и Чуе я встречал кроме этих круглых каменных погребений огороженные камнями прямоугольники, которые и здесь были расположены рядами. Однако сколько таких прямоугольников я ни обследовал, ни в одном из них я не обнаружил могилы, так что вполне могу считать все эти прямоугольники местами жертвоприношений[8].

Во время моего путешествия в Кобдо в Западной Монгольской степи я также во многих местах встречал каменные погребения, однако они своей формой отличались как от погребений на Енисее, так и от погребений на Иртыше и Алтае.

1. Между станциями Боробургазун и Бёлю, по ту сторону Кошдабы, в долине реки Сок. Эти погребения состоят из боль-

ного круга врытых в землю камней, в середине которого находится небольшая куча крупных обломков камня. Диаметр внешнего круга равен 4—6 саженям, а насыпанный из камней курган имеет только 2—3 сажени в диаметре и 1—1,5 аршина высоты. Все курганы имели правильную форму, и ни на одном из них не было никаких следов прежних раскопок.

2. В долине Окату, так же как и Кобдо, встречались каменные погребения трех различных конструкций: а) круглые кучи камня, большей частью сложенные из крупных обломков скальных пород; б) четырехугольные погребения, образованные стоймя вкопанными в землю камнями, с низким курганом из крупных камней в середине; в) узкий прямоугольник, образованный 3—4 стоящими параллельно камнями, вкопанными в землю.

3. Два больших каменных погребения к востоку от Мёстюбулака. Они состояли из большого круга, образованного 10—12 каменными кругами меньшего размера. Каждый из маленьких кругов состоял из шести камней. В середине одного погребения находились пять сложенных из крупных камней холмов, из которых четыре меньших были расположены по углам квадрата, а пятый, значительно больше остальных,— в центре этого квадрата. Одно погребение представляло собою курган, огороженный кругом камней, а вокруг этого круга шел пояс большего диаметра, образованный маленькими каменными кругами.

4. На Хонгошуруке — погребения, подобные описанным в пункте 2.

5. К западу от города Кобдо — как круглые каменные погребения с одним каменным курганом, так и погребения из пяти куч камней, подобные описанным мною в пункте 3. Наконец, большое количество погребений, состоящих только из пяти камней. Камни этих последних погребений были расположены таким образом, что четыре из них находились по углам квадрата, в то время как пятый камень лежал в его центре.

Могильники такого типа, которые монголы называют керексурами, Потанин встречал по всей Западной Монгольской степи. Как показывают зарисовки Потанина [9], все эти могильники по внешнему виду очень похожи на те, которые я видел. Они все без исключения состоят из бóльших или меньших курганов, насыпанных из обломков скальных пород, и огорожены рядами камней, врытых в землю. Кроме описанных мною каменных кругов Потанин упоминает и другие украшения — ряды камней, врытых в землю, описание которых завело бы меня слишком далеко.

Кроме каменных курганов, которые были описаны до сих пор, мы находим как на Алтае, так и в Киргизской степи и во всех степных районах южной части Западной Сибири, вплоть до Урала, многочисленные кладбища, состоящие из могильных холмов разной величины. Большинство этих курганов насыпано из

земли. При этом в тех местах, где почва гумусовая или глинистая, они из земли, а там, где она каменистая, т. е. вблизи гор и в долинах рек,— из земли с камнями. Лишь в Уймонской степи на Алтае, на Бухтарме и около Сергиополя, так же как во всей восточной части Киргизской степи и в Центральных горах в Абаканской степи, мы обычно встречаем курганы, которые состоят только из обломков скальных пород, притом именно в тех местах, где почва гумусовая, и, следовательно, камни пришлось доставлять сюда издалека.

В Киргизской степи, а также в Южной Сибири есть отдельные очень большие курганы до 20 аршин высотой и 50 и более аршин в диаметре. В Киргизской степи мне встретилось несколько таких высоких погребений, украшенных по-иному. Так, например, около города Копал стояло три огромных кургана, вокруг одного из них было обведено два каменных кольца диаметром аршин в 100, а другой находился в центре рва, который квадратом огибал курган. Посредине восточной стороны квадрата ров прерывается, так что в этом месте как бы проходит дорога шириною в 4—5 аршин, ведущая к кургану.

На Каркаре (к востоку от Исиккёля) я обнаружил два высоких кургана, примыкавших друг к другу в направлении с востока на запад. От восточного погребения, которое было сажени на полторы ниже, чем западное, полукругом отходили на север и на юг два вала высотою примерно в 10 аршин.

Как на Алтае, так и в Восточной Киргизской степи каменные курганы значительной высоты, и диаметр их нередко равен 15—25 аршинам. Однако каменные курганные погребения в центральных горах Абаканской степи очень невысокие, не выше аршина, а их диаметр равен только 1—2 саженям. Они образуют здесь тесные кладбища, нередко с сотнями находящихся близко друг от друга погребений. Для последних характерно то, что они расположены всегда попарно, причем каждую пару образуют один круглый курган и один продолговатый. Во время путешествия по Южной Сибири и Киргизской степи я произвел раскопки очень большого количества могил. В 1862 г. в Кулундинской степи около города Семипалатинска, к северу от города Копал, к востоку от станицы Кёксинской, на реке Каркаре восточнее Исиккёля и, наконец, в Илийской долине и около города Верного. В 1863 г. на левом берегу Абакана около впадения реки Ис, примерно в 20 верстах вниз от Абакана, около первого качинского аула; поблизости от Абаканской управы, на реке Юс, севернее Кызылской управы; на реке Аскыс; на реке Чердат (между Чолымом и Кией). В 1865 г. на собственно Алтае по рекам Урусул и Ангодай, в Чуйской степи, в Уймонской степи, в районе деревни Катанда, в Берельской степи на Верхней Бухтарме. В 1866 г. в Барабинской степи южнее и севернее города Каин-

ска и в Киргизской степи между озером Чаны и городом Павлодаром, близ озера Сарыозёк, в городе Семипалатинске, около города Кёкпекти.

Раскопки всех описанных выше погребений доказали мне самым убедительным образом, что мы имеем здесь дело с памятниками четырех различных культурных эпох.

1) Все каменные курганы долины Енисея и Алтая, так же как многие курганы Киргизской степи, Кулунды и Барабинской степи, относятся к медному и бронзовому периодам.

2) Курганы из больших камней в Уймонской степи, на Бухтарме и в Восточной Киргизской степи, а также бо́льшую часть курганных погребений Южной Сибири следует относить к древнейшему железному периоду.

3) Небольшие курганы Абаканской степи, которые местное население называет киргизскими могилами, относятся к более новому железному периоду [10].

4) Погребения на Чердате датируются более поздним временем, так как найденная в них монета указывает на XVII в.

Прежде чем перейти к описанию культуры этих четырех эпох, я хочу упомянуть о тех трудностях, которые сделали для исследователя сибирских древностей почти невозможным нормальные и успешные раскопки могил. Эти трудности порождены тем злосчастным обстоятельством, что во многих погребениях находились довольно большие клады золота. Это поистине пагубное обстоятельство на протяжении столетий заставляло жителей Сибири пытать счастье, раскапывая могилы. Каким образом выкапывали эти клады в прошлом веке, мы можем узнать из путевого дневника Мессершмидта [11].

В нем Мессершмидт 25 мая 1721 г.[12] между прочим пишет: «Русские, живущие по верхнему течению Оби, называются ишимцами; они-то и отправляются на промыслы за откапыванием золота и серебра, находимого в могилах; впервые занялись этим русские, жившие на Ишиме; оттуда они подвигались все далее и далее, пока при своих поисках таких могил не дошли до Оби; поэтому всех поселяющихся здесь, на Оби, пришельцев из Тара-Нарима, Тобольска, Казани, Соликама и других местностей называют ишимцами или ишимскими. В этой Чапской Слободе около 150 жителей; занимаются они хлебопашеством и торговлей мехами... Но главным образом они зарабатывают много денег раскопками в степях. С последним санным путем они отправляются за 20—30 дней езды в степи; собираются со всех окрестных деревень, в числе 200—300 и более человек, и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь. Затем эти отряды расходятся в разные стороны, но лишь на столько, чтобы иметь всегда между собою сообщение и в случае прихода калмыков или казаков быть в состоянии защищаться;

им нередко приходится с ними драться, а иным и платиться жизнью. Найдя такие насыпи над могилами язычников, они иногда, правда, копают напрасно и находят только разные железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей, фунтов по 5, 6 и 7, состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов».

О том, насколько основательны были эти розыски, свидетельствует запись в том же дневнике от 28 ноября 1725 г.: «Лейтенант Рудольфи сообщил мне, что несколько лет тому назад по берегам Оби находилось много языческих могил, наполненных множеством золота и серебра, но что в настоящее время они разрыты русскими бугровщиками так, что нужно обладать особенным счастьем, чтобы случайно напасть еще на что-нибудь, да притом весьма неважное» [13].

Миллер, побывавший в Сибири в 1735 г., сообщает о раскапывании погребений следующее [14]: «Русские крестьяне стали раскапывать погребения на Иртыше, Тоболе, Оби и Енисее лишь в начале этого века, после того как оттуда ушли калмыки и киргизы. Я встречал еще в Сибири немало людей, которые раньше этим делом кормились, хотя в мое время уже этим никто больше не занимался, так как все могилы, в которых можно было надеяться отыскать клад, были уже разрыты. Точно так же, как люди партиями отправляются на охоту на соболя, так и здесь они собирались в большие партии, чтобы распределить между собой работу и быстрее справиться с разными курганами зараз. На западном берегу Иртыша вплоть до того времени, когда я был в Сибири, мало кто отваживался на это, так как тут почти постоянно бродили киргиз-казаки. Вполне возможно, что в будущем в этих местах будет найдено еще немало ценностей».

К сожалению, эта надежда Миллера не осуществилась. Произведенные мною раскопки погребений в Киргизской степи ясно показали, что эти погребения точно так же основательно обысканы, как и могилы на Оби, Алтае и Енисее. Так как это относится даже к местам южнее Копала около Верного и на Иссыккёле, то можно предположить, что такими розысками сокровищ занимались не только русские, но также и прежнее население Киргизской степи. Поэтому исследователь старины должен считать удачей, если среди сотен погребений он отыщет одно или два таких, которые не имеют внешних признаков прежних раскопок, и если ему удастся из десятка этих погребений обнаружить одно-единственное, оставшееся неповрежденным [15].

БРОНЗОВЫЙ И МЕДНЫЙ ПЕРИОДЫ

В Абаканской и Юсской степях я раскопал свыше тридцати каменных погребений, но нашел лишь одну-единственную нетронутую могилу. Точно так же и на Алтае я нашел только два неповрежденных, совсем незначительных круглых каменных погребения этого времени. Несмотря на это, мне удалось благодаря раскопкам многочисленных уже разоренных могил составить довольно отчетливую картину внутреннего устройства всех каменных погребений бронзового периода.

Сами могилы во всех этих погребениях помещаются на 1,5—3 аршина ниже поверхности земли и в большинстве случаев только в центре кургана или прямоугольного погребения. На Алтае могилы часто находятся на глубине лишь в пол-аршина, так как каменистая почва делает весьма затруднительным устройство более глубоких могил. В прямоугольных погребениях, огороженных десятью камнями, средние камни, по-видимому, обычно ограждают саму могилу, так что углы могилы попадают на линии, соединяющие четыре средних камня. При этом ширина могилы равняется примерно одной трети длинной стороны большого прямоугольного погребения, уменьшаясь или увеличиваясь в зависимости от размеров наружного прямоугольника. Напротив, длина могилы всегда равна 2,5—3 аршинам и не зависит от величины погребения. Длинные стороны здесь всегда параллельны коротким сторонам наружного прямоугольника, т. е. идут с востока на запад. Дно могилы либо просто утрамбовано, либо выложено тонкими каменными плитами. На дно могилы положены покойники, головою к востоку. У найденного мною на Юсе неповрежденного скелета голова была повернута немного набок, руки вытянуты и прижаты к туловищу, большие пальцы повернуты кверху. Примерно в четырех вершках от головы, к северу, находился глиняный сосуд конической формы. Трупы, лежащие на дне могилы, либо были прикрыты сверху толстым слоем дерева, либо на них были положены одна или несколько больших, толщиной нередко в 2—4 вершка, каменных плит. Поверх них в могилу насыпáли камни разной величины, а затем гальку и землю.

Об устройстве могил больших квадратных погребений на Абакане я ничего сообщить не могу, так как не раскопал ни одного из них.

Лишь в одном прямоугольном погребении на Юсе я нашел кроме большой могилы в центре прямоугольника еще вторую могилу, меньших размеров, в южной части этого прямоугольника. Обе могилы были прикрыты большими каменными плитами. В двух других погребениях я обнаружил со стороны головы, восточнее самой могилы, маленький, сделанный из каменных плит

гроб длиной около аршина, в котором лежали ломаные детские кости. Эти каменные гробы находились под землей на глубине лишь в пол-аршина.

В прямоугольных погребениях, огороженных камнями, нет таких однотипных могил. В большинстве случаев могилы находятся в середине погребений; размеры их самые разные, и в них захоронено от одного до трех покойников. Они обычно прикрыты небольшими каменными плитами, хотя нередко там оказываются и деревянные настилы. В одном из таких погребений я нашел настоящий саркофаг из каменных плит. Глубина этих могил нигде не превышала полутора аршин.

В бо́льших могилах прямоугольного погребения часто оказывалось три-пять костяков. Однако самое большое число скелетов я нашел в очень большой могиле на Юсе: в ней оказалось 22 расколотых черепа, и среди них еще несколько детских черепов. Если судить по обнаруженной здесь медной утвари, в этой могиле были захоронены исключительно женщины [16].

Каменные могилы Алтая устроены точно так же, как и погребения на Енисее. В отдельных погребениях этого периода, которые мне удалось раскопать около города Сергиополя, могила представляла собою ларь глубиной в аршин, сложенный из каменных плит; однако дном его служила утрамбованная земля. Ларь был закрыт сверху также каменными плитами, на них положена груда крупных обломков камней, а сверху насыпан не очень высокий курган [17].

В городе Семипалатинске я раскопал пять погребений бронзового периода. В одном из них я обнаружил могилу глубиной аршина в полтора, в которой лежал человеческий скелет головой на восток и, очевидно, на левом боку. Ноги его были слегка согнуты. Точно определить положение скелета было невозможно, так как кости почти совсем истлели. Рядом с покойником лежал медный нож.

Медные ножи я находил также в некоторых курганах Барабинской и Кулундинской степей, но, так как эти погребения были уже разрыты ранее, я не могу сделать какие-либо выводы об их устройстве. Внешне эти курганы ничем не отличались от остальных, относящихся, если судить по найденным в них вещам, к железному веку. На основании этого мы, очевидно, вправе предположить, что люди медного периода, населявшие северные степи, знали только курганные погребения, так как они не находили здесь обломков скальных пород и камней, необходимых для устройства их погребений.

Я не могу сказать, относятся ли к медному периоду каменные погребения Западной Монголии, так как о раскопках погребений в этих районах до сих пор ничего не известно.

Во всех каменных погребениях, которые я здесь описал, обнаружены исключительно остатки предметов, отлитых из меди или бронзы. Это обстоятельство дает нам право предположить, что народы, оставившие такие надгробные памятники, еще не знали добычи и употребления железа. Медные или бронзовые предметы, найденные в этих погребениях, и богатые находки таких же вещей, которые попадаются населению этой местности на пашнях, позволили нам довольно подробно обрисовать уровень культуры и степень развития людей медного периода.

Сделанные из меди и бронзы предметы древнейшего культурного периода Южной Сибири — это всевозможные орудия и утварь, которые употребляются в повседневной жизни. Оружие: кинжалы, стрелы, наконечники копий. Орудия: ножи, серпы, зубила, топоры, иглы, шилья, сверла. Части конской сбруи: пряжки, стремена[18], удила. Украшения: серьги, пряжки, пуговицы, браслеты, зеркала, всевозможные украшения в форме различных животных. Утварь: котлы, чаши. Кроме меди народы медного века, безусловно, знали и золото, из которого богатые люди делали свои украшения. Сам я нашел только в одном детском погребении медного века детскую серьгу из крепкой золотой проволоки, однако в Императорском Эрмитаже в Петербурге имеется некоторое количество украшений из самородного золота, которые полностью совпадают по форме с медными украшениями, найденными мной в Абаканской степи. Кроме того, Витсен[19] также приводит рисунки золотых украшений этого времени.

Так как Алтай и Сойонские горы отличаются своими богатыми запасами золота и медных руд, мы можем a priori предположить, что древнее население этих областей само изготавливало перечисленные здесь предметы из меди и золота, т. е. из металлов, которые оно само и добывало.

Это наше предположение подтверждается тем, что на Алтае встречаются многочисленные так называемые чудские шурфы, т. е. остатки шахт, в которых древнее население добывало медь[20]. Каменные молоты и каменные клинья, встречающиеся в этих шурфах повсюду, доказывают, по-моему самым убедительным образом, что древние рудокопы еще не знали добычи и применения железа.

Разработку шурфов эти рудокопы вели по рудным жилам, которые идут из глубин к поверхности земли. Все шахты наверху шире, чем внизу, так как несовершенные орудия рудокопов вынуждали их работать большей частью на поверхности. Глубина шурфов нигде не превышает семи саженей. Правда, эти древние рудокопы уже умели крепить свои шурфы, так как во многих из них под кровлями рудников были найдены деревянные подпорки. Однако, по-видимому, они делали это не очень умело,

так что в шахтах происходили обвалы, рудокопов засыпáло и они погибали. Об этом свидетельствуют скелеты, которые часто находят в засыпанных шурфах, и обнаруженные около этих скелетов кожаные сумки, наполненные рудой.

Большое число этих старых чудских шурфов указывает на такое повсеместное распространение горного дела и на такую богатую добычу меди, что мы можем, пожалуй, с полным правом считать, что эти люди добывали медь не только для собственных нужд, но и вели широкую торговлю добытым металлом. То, что положение рудокопа было здесь весьма почитаемым, убедительнейшим образом доказывает медная статуэтка рудокопа, находящаяся в Императорском Эрмитаже в Петербурге, и особенно то обстоятельство, что повсюду, где жили эти люди, встречается множество изящных заостренных молотков, в большинстве случаев таких маленьких и непрочных, что они могли служить только украшением для палок. Некоторые из этих молоточков сделаны так тонко и аккуратно, что они, конечно, не были собственностью простых рудокопов. Население само добывало золото; это видно по тому, что во многих золотомойнях Киргизской степи и Кузнецкого Алатау в золотом песке, часто на глубине в несколько саженей, находили медные орудия и оружие. Я сам присутствовал при том, как нашли медное оружие в золотомойне около Кёкпекти, а на Кие мне подарили два больших медных топора (кельта); они, как мне сказали, были найдены в золотомойнях и, несомненно, служили для того, чтобы разбивать руду.

Для плавки медной руды были устроены специальные плавильные печи, остатки которых встречаются еще и теперь на Алтае и в Сойонских горах, а также в Восточной Киргизской степи, например у впадения реки Шулбы в Иртыш и в Каркаралинском округе. Полученный таким образом необогащенный металл прямо от этих плавильных печей необработанным отправляли в разные части страны, и там его обрабатывали искусные мастера. Почти повсюду на Абакане, Енисее, на Оби и у ее истоков, а также на Иртыше и даже в Барабинской степи я находил маленькие кусочки меди с обломанными краями, несомненно являвшиеся остатками металла, образующимися около отверстий плавильных форм.

Уже при первом взгляде на собранные мною древности ясно, что как на Алтае, так и в степях по Енисею выплавляли бронзу, различную по составу. Для того чтобы выяснить, случайно ли получались такие сплавы, или это основано на определенных познаниях в области литья металлов, я попросил господина Генриха Струве подвергнуть анализу некоторые из найденных мною бронзовых изделий. Господин Струве опубликовал результат этого анализа в «Бюллетене Петербургской Академии наук» (1866, том IX).

Химический анализ четырех бронзовых ножей, найденных в числе прочих древностей в долине Абакана, дал следующие результаты:

	1	2	3	4
Медь	90,20	88,67	93,00	99,00
Олово	9,64	10,10	6,35	0,32
Железо	0,05	0,28	0,18	0,34
Итого	99,89	99,53	99,66	99,43

По мнению Струве, эта таблица доказывает, что нож под номером 4 следует рассматривать как сделанный из чистой меди, потому что небольшие примеси можно считать случайными. Номера 1, 2, 3 — это настоящая бронза лишь со следами железа.

Струве сравнил с результатами своих анализов анализы алтайской бронзы, произведенные Гёбелем. Гёбель сделал анализ обломков бронзовых сосудов и фигур и получил следующие результаты:

	Медь	Олово	Свинец
1)	80,27	19,66	—
2)	73,0	26,74	—
3)	87,97	9,38	2,5
4)	91,50	6,75	1,75

На основании результатов, полученных Фелленбергом, который произвел анализ 180 различных образцов древней бронзы, Струве позволяет себе сделать вывод, что найденные около свайных построек бронзовые предметы, такие, как оружие, ножи и другие орудия, которые должны были обладать большой прочностью, как правило, изготавливались из меди с примесью 10% олова. Если же дело касалось изготовления каких-либо украшений, то добавлялся свинец или еще больше олова, чтобы получить таким образом более легкоплавкий и лучше поддающийся обработке сплав. По заключению господина Струве, сделанному им на основании отдельных анализов Фелленберга, таковы же и бронзовые изделия из кельтских курганов Мекленбурга. По мнению Струве, с этими выводами согласуются также его собственные анализы и результаты анализов, сообщенные Фр. Гёбелем.

Это в высшей степени интересное исследование Струве убедительнейшим образом доказывает, что население Алтая и Сойонских гор древнейшего бронзового периода обладало познаниями и опытом в изготовлении сплавов металлов. Насколько значительны были познания древних литейщиков, показывает совершенно удивительная твердость некоторых искусно сработанных бронзовых ножей и кинжалов, при изготовлении которых литейщики, вероятно, проявляли больше усердия и внимания, так как за такие изделия платили дороже.

Некоторые самые хорошие изделия отличаются чудесным литьем. Лучшие из них после отливки искусно шлифовались и полировались; только так можно объяснить тонкую и тщательную отделку некоторых украшений. Литье, как правило, очень гладкое и чистое свидетельствует о немалом мастерстве литейщика: из многих сотен металлических изделий, которые я видел, только два отличались плохим литьем, так что пришлось заполнить расплавленной красной медью те дыры, которые образовались при отливке. Одним из этих изделий, кстати, был котел весом в 75 фунтов. Из того, что некоторые предметы обработаны хуже, чем остальные, по-моему, вовсе не обязательно делать вывод, что они относятся к более ранней эпохе. Я, например, нашел в одном и том же захоронении нож, сделанный очень грубо, и другой — чрезвычайно тонкой работы [21].

Бóльшая часть металлических изделий имеет богатый орнамент, свидетельствующий о хорошем вкусе. Орнамент бывает: 1) прямолинейный, т. е. состоящий из параллельных и пересекающихся под различными углами линий, которые образуют зубцы и чередуются с точками; 2) из окружностей, полукругов, квадрантов и концентрических кругов; 3) из изогнутых линий. Последний всегда повторяет очертания и формы животных, воспроизводя извивающихся змей, изогнутые птичьи клювы, птичьи головы, шеи птиц, головы других животных и т. д. Очень часто различные предметы украшены изображением животного целиком или частично. При этом следует отметить, что для орнаментики этой эпохи характерно стремление передать очертания животного с максимальной точностью, так что его можно узнать с первого взгляда. Всякое искажение или неестественный поворот, всякое фантастическое переплетение или изображение мифических чудовищ совершенно чуждо орнаментам того времени [22].

Если мы теперь рассмотрим в подробностях металлические изделия бронзового периода, то увидим особенно большое разнообразие колющего оружия и режущих предметов, главным образом кинжалов с обоюдоострыми лезвиями и ножей. У всех них рукоятка и клинок отлиты из одного куска. Рукоятки ножей и кинжалов — очень короткие, и это позволяет сделать вывод, что у людей, пользовавшихся этими ножами, были очень маленькие руки. Самые простые и грубо сделанные ножи — это полоски меди или куски бронзы длиной в 3—5 вершков и шириной четверть — полвершка; с одной стороны они немного толще, чем с другой. Один конец заострен, а на другом есть отверстие или ушко. Острый конец заточен с одной стороны на полтора-два вершка; незаточенная половина ножа служила рукояткой. Эти ножи совершенствовали и украшали следующим образом: острый конец закругляется к спинке ножа, ручка делается у́же и более круглой, вместо отверстия или ушка появляется кольцо диамет-

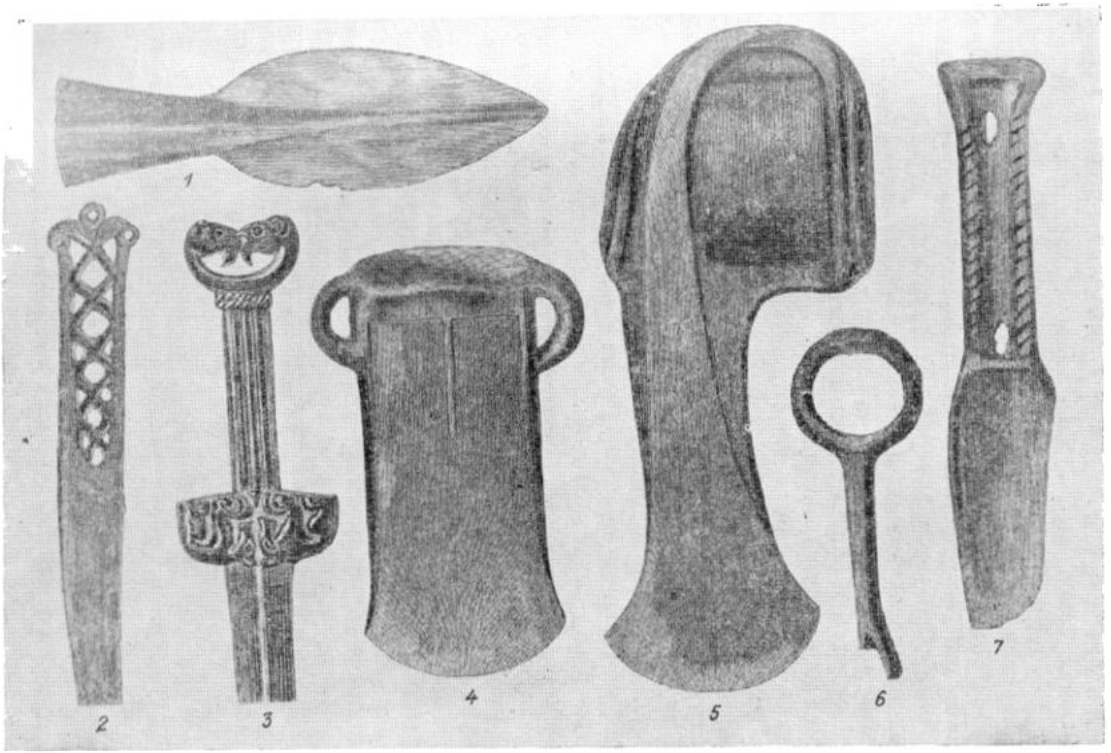

Таблица 3. Древности бронзового века: *1* – ост рие копья; *2* – нож с Абакана; *3* – кинжал; *4* – кельт; *5* – топор с Алтая; *6* – удила; *7* – нож с Алтая

ром приблизительно в полвершка, овал с украшениями в месте прикрепления. Ручка тщательно закруглена и сделана по руке, чтобы удобно было держать. Она украшена завитками и ламелями, ажурная, а на ее конце — изображения звериных голов, птичьих клювов, голов змей и даже животных целиком. Из многих сотен тех бронзовых ножей, которые я видел, без дыры или круглого отверстия на конце рукоятки нашелся только один, так что мы вправе считать, что эти ножи носили на поясе, повесив их на ремень или шнурок. Кинжалы с обоюдоострыми лезвиями — самых разнообразных размеров, их длина от 3 до 6 вершков. У таких кинжалов кольцо на конце рукоятки бывает редко, так что, быть может, мы вправе предполагать, что и их носили у пояса. Кинжалы в общем сделаны тщательнее и аккуратнее, чем ножи. На конце рукоятки обычно головка, а между рукояткой и клинком — выступающие в обе стороны поперечины, так что рука может при нанесении удара удержать оружие. Рукоятка либо гладкая, либо имеет продольные полосы. К концу клинок с обеих сторон сужается, постепенно заостряется и обычно имеет желобки для стока крови. Украшения находятся либо на головке, либо между рукояткой и клинком. На одном прекрасно сделанном кинжале, который я сам нашел, на конце рукоятки были две отогнутые назад змеиные головы, а между рукояткой и клинком два отлично выполненных животных [23]. Несколько ножей имеют своеобразную форму, лезвие и рукоятка образуют тупой угол. Это, разумеется, резцы для работ по дереву. Для выдалбливания дерева употребляли долота.

В то время как ножи и кинжалы находят во всех погребениях, медные наконечники стрел встречаются в общем гораздо реже, а наконечники копий — совсем редко [24]. Наконечники стрел в большинстве случаев имеют отверстие, в которое вставляется древко. Чаще встречаются наконечники стрел, вырезанные из кости. Наконечники копий я видел двух форм: один, длиной примерно 8 вершков, сердцевидный, а второй, длиной около 8 вершков, ланцетовидный. Первый был найден на Алтае, последний — в Киргизской степи.

Кроме медных наконечников копий в употреблении были также наконечники, вырезанные из кости. Я сам нашел такой наконечник на Абакане при раскопках одного погребения медного века.

Почти так же часто, как режущие инструменты, мы находим кельты из меди и бронзы в самых различных сплавах и разных размеров. Часть из них сделана совсем грубо, часть — настолько тонко, что приходится считать такие кельты предметами украшения. Некоторые кельты, несомненно, употреблялись как топоры, другие — в качестве оружия, а часть из них, несомненно, служила для того, чтобы дробить руду в золотомойнях. Конечно,

такие кельты прикреплялись к концу короткого колена кривой палки.

Что касается формы кельтов, то обычно они были в полтора раза больше в длину, чем в ширину, а у лезвия — либо той же ширины, что и в верхнем конце, либо более узкими; реже встречаются такие, у которых лезвие шире. Проушины бывают либо две на верхнем конце кельта, по обеим сторонам, либо одна в середине широкой стороны, и поэтому можно предположить, что кельты привязывали к топорищу. Лишь у некоторых очень маленьких кельтов на широком конце имеются отверстия — ясно, что эти кельты прикреплялись к топорищу гвоздями или штырями. Отверстия для топорища обычно продолговатые; круглые я встречал очень редко.

Кельты Алтая и Киргизской степи отличаются по форме от кельтов из долины Енисея. Те в большинстве случаев имеют форму лопаты. В Эрмитаже в Петербурге находится очень большая медная кирка по форме точно такая же, как наши топоры. Она, конечно, служила оружием; это можно заключить по ее весу и по тому, как тщательно она сделана [25].

Из инструментов для прокалывания я собрал довольно полную коллекцию шильев; некоторые из них очень тонкие и маленькие, и следует думать, что их употребляли вместо игл при шитье материи и кожи. Бо́льшая часть этих шильев четырехгранные, с маленькой головкой на конце. Иголок с ушками я вовсе не нашел. Одно очень крепкое четырехгранное шило из бронзы имело весьма прочное большое кольцо, в которое вставлялся деревянный цилиндрический стержень; это четырехгранное шило имело очень острые грани и, очевидно, служило бура́вом. Другое шило, цилиндрическое и сделанное очень изящно (Паллас помещает его в своих рисунках),— это, вероятно, большая игла, которая служила украшением одежды. Медных бура́вов с винтовой нарезкой я не находил. Во всяком случае, бронза — слишком мягкий металл, чтобы применять его таким образом.

Очень часто попадались повсюду разнообразные заостренные молотки самой разной величины и прочности. Простейшие из них состоят из круглого стержня длиной в 2—4 вершка, один конец которого заострен а другой — закруглен. На расстоянии около полутора вершков от заднего конца имеется круглое отверстие, в которое можно вставить палку примерно в палец толщиной. У молотков большего размера вместо этих отверстий — цилиндры длиной в пол-полтора вершка, в которые и вставлялась палка. У некоторых из этих молотков острия четырех- или шестигранные, сильно и тщательно заострены, а на задней стороне имеется животный орнамент, чаще всего один или два каменных козла. Некоторые топоры очень крепкие, прочно сделанные, так что

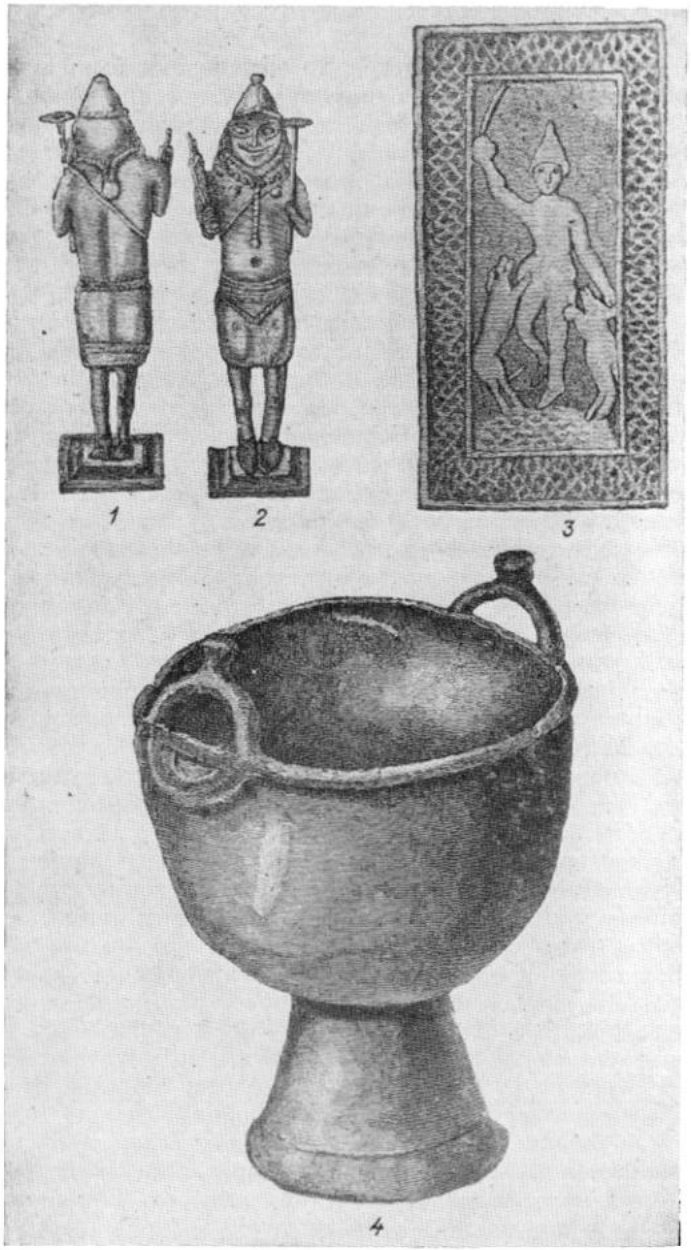

Таблица 4. *1—2* – бронзовая статуэтка (спереди и сзади); *3* – бронзовая пластинка; *4* – бронзовый котел

их, конечно, использовали как инструменты или оружие, но есть и такие непрочные, что они могли быть только украшением или безделушкой. Возможно, маленькими топорами наносились наскальные рисунки [26].

Конскую сбрую находили, по-видимому, редко. Я видел лишь части двух удил и, кроме того, нашел в долине Абакана кусок красной меди, который я считаю частью стремени. В Императорском Эрмитаже имеются две медные уздечки с Алтая [27].

Из орудий я нашел на Абакане еще два медных серпа, которые явно привязывались к рукоятке ремнем.

На Алтае, так же как в Киргизской степи, на Енисее и Абакане, повсюду находили на полях медные котлы, всегда имевшие одну и ту же форму. Орнамент на некоторых из них убедительно доказывает, что они относятся к бронзовому периоду. В большинстве случаев котел состоит из самого сосуда в форме полого полушария или чаши и из ножки в форме усеченного полого конуса, которая укреплена в середине дна котла. Котел и ножка всегда отлиты из одного куска металла. Как правило, на ободе котла имеются две стоячие ручки, более или менее орнаментированные. Верхний край сосуда либо гладкий, либо загнутый, либо имеет орнаментированный ободок. У некоторых котлов пониже края идет украшение в виде шнура. Самый большой экземпляр я нашел в Шуской волости, к югу от Минусинска. Он весил 75 фунтов. Форма котлов доказывает, что люди бронзового века не знали треножников и ставили котлы прямо в огонь. В Императорском Эрмитаже выставлен подобный котел из скифского захоронения в Крыму [28].

Очень разнообразны металлические украшения, относящиеся к бронзовому периоду. Во-первых, это украшения, которые надевали на себя: золотые и медные серьги с шариками из сердолика и металла; булавки и фибулы с изящными головками в виде звериных голов, четвероногих животных или птиц; пряжки для поясов с золотыми и медными украшениями; украшения для поясов и ремней, состоящие из рельефных изображений животных — каменных козлов, оленей, коз (с внутренней стороны этих украшений имеются ушки, за которые их пришивали к ремням); золотые и медные пуговицы, последние большей частью в форме полых сегментов. Чрезвычайно широко распространенным украшением являлись круглые медные пластинки, у которых с одной стороны в центре имеется ушко. Другая сторона гладко отшлифована. Я полагаю, что самые маленькие из этих пластинок, диаметром 1—2 вершка,— это украшения для одежды, а большие, диаметром 3—5 вершков,— зеркала. У части последних маленькая ручка или ушко помещается на ободе, из чего видно, что их носили на шнурке. У других зеркал в центре одной из плоскостей находится крупная головка, прикрепленная к пластине тре-

мя или четырьмя медными штифтами. У одного зеркала, известного нам по рисунку Палласа, вместо такой головки — фигурка овцы. У одного из найденных мною зеркал задняя поверхность была тщательно отделана, у другого на ней имелся выпуклый рант [29].

В одном погребении на Юсе, в котором находилось, как я уже писал, 22 женских и детских костяка, я обнаружил очень изящно сделанную медную подставку для маленького сосуда с круглым или острым дном, может быть, лампы. Подставка имела форму кубка или котла и состояла из трех кругов, соединенных тремя изогнутыми поперечинами. По верхнему краю над этими тремя поперечинами были три фигурки каменных козлов.

Кроме этих украшений находили еще медные колокольчики в форме полушарий с изображениями каменных козлов или оленей. В Императорском Эрмитаже есть пять таких колокольчиков, некоторые высотой в четыре вершка. Для чего служили эти колокольчики, невозможно даже представить себе [30]. Из украшений заслуживает особого упоминания найденная на Алтае пластина шириной в два вершка и длиной в четыре вершка, на которой изображен охотник с двумя собаками, и, кроме того, отлитая из бронзы статуэтка рудокопа. Оба эти предмета также находятся в Эрмитаже.

Кроме этих изделий из металла во всех могилах имеются остатки глиняных сосудов. Эти сосуды все без исключения, даже найденные в богатых погребениях, изготовлены из темно-серой, крупнозернистой, плохо обожженной глины, сделаны очень плохо и имеют неправильную форму; поэтому мы вполне можем считать, что они сделаны не на гончарном круге, а вручную. Многие из этих сосудов имеют форму горшков для молока, употребляемых в Сибири и по сей день, т. е. маленькое круглое дно, а от него вверх идут постепенно расширяющиеся, слегка выпуклые стенки. Сосуды, которые я находил около головы покойников, книзу заострялись, и, конечно, их ставили на деревянные или металлические подставки. Нижняя часть этих глиняных сосудов обычно гладкая, орнамент идет только по верхнему краю. Как правило, его образует процарапанный в мягкой глине ряд узоров, который имеет несколько дюймов в ширину и состоит из треугольников, зубцов, параллельных линий, ямок, точек и т. д. Все попадавшиеся мне глиняные изделия этого периода доказывают, что их изготовлению люди уделяли далеко не столько же внимания, сколько выделке металлических предметов. Правда, возможно, что мне просто случайно попадались плохо сделанные глиняные сосуды, так как трудно себе представить, что те самые люди, которые были в состоянии создавать столь прекрасное литье, проявляя при этом такой тонкий вкус, умели делать лишь эту грубую глиняную посуду.

По-видимому, людям бронзового века было хорошо известно ткачество. Во всяком случае, мне удалось найти небольшой кусок ткани, который, безусловно, относится к тому времени. Я нашел его в глазнице черепа в одной нетронутой могиле на Юсе. Ткань была довольно грубой, и невозможно было определить, из чего она сделана. В ее структуре были отчетливые признаки ручного плетения, и она была очень похожа на те ткани, которые киргизы и по сей день изготавливают из верблюжьей шерсти с помощью воткнутых в землю колышков.

На некоторых больших камнях каменных курганов имеются изображения, явно высеченные каким-то острым твердым орудием. Вероятно, раньше их было гораздо больше, потому что, конечно, основная их часть за много столетий выкрошилась и погибла в результате выветривания. Они выполнены повсюду одним и тем же способом и одинаковыми орудиями. Кроме того, по своему виду и по способу исполнения они полностью совпадают с большим количеством изображений, которые встречаются на многих гладких выступах скал по берегам Енисея и Юсской степи. Поэтому мы можем безоговорочно отнести все изображения, выполненные вышеупомянутым способом, к бронзовому периоду [31]. Это грубые изображения стоящих, лежащих, падающих людей, людей с поднятыми руками (это, конечно, люди, возносящие молитвы), животных, деревьев, луны и солнца. Среди них имеются и непонятные фигуры, являющиеся, как мне кажется, знаками собственности. Люди почти все без исключения пешие, и лишь крайне редко удается увидеть всадника. Из животных можно сразу распознать лошадей и животных с рогами (крупный рогатый скот?), а один раз мне попалось изображение человека верхом на рогатом животном.

Точное значение этих изображений установить невозможно, но это, во всяком случае, не забава, так как нанести их на камень при отсутствии острых железных инструментов было, конечно, достаточно трудно.

Кроме упомянутых изображений на камнях и скалах мы находим и другие следы искусства скульптуры бронзового периода. Некоторые каменные плиты, стоящие вблизи погребений (маяки), имеют орнамент [32]. Другие — это более или менее удачно выполненные скульптуры, изображающие человеческие фигуры; такие скульптуры встречаются в Южной России в значительно бо́льших количествах. Русские называют их каменными бабами [33].

Одна статуя, найденная Мессершмидтом на Ак-Юсе, полностью совпадает по форме с каменными бабами южнорусских степей; в правой руке у нее погребальная урна. Насколько мне известно, около каменных могильников на Енисее и в Абаканской степи по сей день стоят следующие изваяния.

1. Куртуяк-тас (Камень старухи) [34], как его теперь называют абаканские татары. Он находится близ устья реки Аскыс, на Абакане, и стоит около квадратного погребения с огромной каменной оградой. Камень имеет форму почти четырехгранной призмы, очень грубо обтесан, и только его верхний конец является изображением человеческой головы. Лицо сделано превосходно и отчетливо передает черты старухи, несмотря на то что резкость черт в значительной степени сглажена выветриванием. Население до сих пор оказывает этому изваянию известные почести. Ему приносят жертвы, смазывая камень жиром. В то время, когда в этих местах побывал Мессершмидт (в 1722 г.), Куртуяк-тасу, очевидно, поклонялись, теперь этого уже нет. В записи от 18 августа 1722 г. Мессершмидт сообщает следующее: «Она иссечена из серого песчаника и косо врыта в землю (камень стоит криво, т. е. немного наклонно вперед, и по сей день.— *В. Р.*). Сзади на спине висит толстая коса, какую еще и теперь носят калмыцкие и татарские женщины. Надписи на статуе не видно. Языческие не-белтирские татары оказывали ей большое почтение; каждый из них три раза ездил вокруг нее и по совершении этой церемонии приносил ей в жертву часть своего провианта или клал ей пищу у подножия под траву, с тем чтобы она могла питаться ею сообразно своему аппетиту. На вопрос мой: почему они думают, что этот безжизненный камень заслуживает такого почета, и неужели они не видят, что жертва их потом съедается хищными птицами, лисицами и т. д., они отвечали, что, по словам предков их, эта Куртуяк была важная матрона и Кайра-ханом или всемогущим богом превращена в камень и что они в память ее оказывают ей этот почет, хотя и полагают, что иногда жертву их поедают хищные птицы. Я не умел решить вопроса, не слышали ли эти народы, по преданию от евреев, о превращении жены Лота в столб сланый, или не были ли эти народы в Великой Татарии остатком исчезнувших израильских племен, как это уже предполагали многие из наших европейских ученых; с своей стороны я никаких дальнейших предположений высказать не могу» [35].

2. Кыс-тас (Девичий камень) — каменная плита овальной формы высотой приблизительно 1.5 аршина, на плоской поверхности которой имеется довольно грубое рельефное изображение лица девушки [36]. Это изваяние находится теперь на одной могиле на Исе. Что оно является изображением лица девушки, татары заключают на основании свисающих по обеим сторонам лица прядей волос; у абаканских татар девушки так носят волосы и по сей день. Говорят, что раньше этот Девичий камень стоял в другом месте и, как сказал мне один старик, был установлен здесь лишь лет пятьдесят тому назад.

3. Неподалеку от Кыс-таса стоят три каменные плиты, на узких передних сторонах которых было высечено лицо, а на одной плоской поверхности были какие-то изображения. Очевидно, эти три камня раньше стояли вертикально, в один ряд, на расстоянии примерно в сажень друг от друга. Лет двадцать тому назад местный судья по распоряжению сверху произвел под этими камнями раскопки. Однако ничего, кроме семи глиняных сосудов, найдено не было [37].

4. В двенадцати верстах к северу от устья Аскыса находится грубо изваянная из гранита овца. Туловище сохранилось хорошо, но голова сильно повреждена. Теперь этот камень лежит на высоком кургане, но первоначально он, конечно, стоял не здесь.

5. Барна Куртуяк (Старик с реки Барна), описанный Мессершмидтом 21 июля 1722 г. «Недалеко от реки Барна мы набрели на четырехугольный коричневый камень, который стоял слева на песчаной тропе и напоминал человеческую фигуру, но из-за его древности уже невозможно было понять, что он изображает». (Камень находится не очень далеко от так называемого Божьего Озера.)

6. Козан-Куш-таш (камень Козан-Куша) [38]. Мессершмидт переводит: «Хансен девичий камень» (я думаю, что Козан-Куш — это имя богатыря). В горах Кара- и Ак-Юса. Мессершмидт описал его 20 июля 1722 г. [39]. «Козен-Куш-Таш находится налево от дороги, в хорошенькой долине, поросшей березами и соснами. Она была 5,5 фута вышины, иссечена из камня красной скалы и представляла, по моему мнению, китайца (??), обращенного лицом к югу; в правой руке он держал урну наподобие чайной чашки, левой же придерживал край своей одежды. Вокруг талии он был опоясан, и по обеим сторонам кушака висело по мешочку. Голова была покрыта точно чепцом (из-под которого выглядывали лишь уши) и, по-видимому, случайно была отбита, а потом снова лишь приставлена, без железной скрепы, которая не была бы забыта, если бы голова умышленно была изображена в таком виде. Усы были похожи на польские, борода же была на подбородке довольно длинна и редка; видно, что это мужская, а не женская статуя. Проезжающие татары питают к ней большое уважение и никогда не упускают случая принести ей в дар что-нибудь из своих съестных припасов, как-то: мясо, коренья и т. д. Так, например, у подножия ее я нашел очень много сараны, или Radices Lilii reflexi; рот ее также весь был вымазан жиром или маслом и блестел на солнце так, как будто был покрыт лаком».

7. Статуя на Бире [40]. Описана Мессершмидтом 4 августа 1722 г. «Узнав, что на р. Бире, неподалеку от юс-сагайских юрт, находится прекрасный памятник с неизвестными письменами,

я тотчас же отправился туда для осмотра его... Камень находился в обширной равнине, не далее двух ружейных выстрелов от того места, где я в прошлом году останавливался на Юс-Сагае, но ни от кого я тогда не слышал об этом. Он состоял из красного булыжника, торчал вверх в виде венгерской сабли, на 125 дюймов над горизонтом, шириною в 31 дюйм (рейнская фортификационная мера), и изображал большую голову или лицо, обращенное на юг. С западной стороны на нем начертаны были разные безобразные знаки, но не буквы; северный же и восточный углы были закруглены и совершенно гладки».

Мне известны только две статуи с Алтая, находившиеся до семидесятых годов в Барнаульском музее. Обе были из гранита, примерно в полтора аршина высоты и 8 вершков ширины. На передней стороне были высечены две фигуры, державшие урны для праха. На лице одной из них были большие усы и отчетливо видная борода, лицо другой фигуры, изображавшей, вероятно, женщину, было безволосым.

В Киргизской степи я видел три каменных изваяния, находившихся около большого надгробного памятника в южной части города Аягус (Сергиополь) на возвышении на правом берегу реки Аягус. Киргизское предание связывает эти статуи со сказанием о Козы Кёрпёше и считает фигуру мужчины изображением самого Козы Кёрпёша, одну женскую фигуру — его возлюбленной Байансулу, а вторую женскую фигуру — своячерицей. Эти три каменные статуи явно не имеют никакого отношения к памятнику Козы Кёрпёшу, который, безусловно, является киргизским памятником, относящимся, вероятно, к XVII или XVIII в.[41], в то время как эти фигуры, конечно, старше более чем на тысячу лет. Они, несомненно, установлены здесь позднее; их нижняя часть обломана и теперь они стоят, прислоненные к боковой стенке гробницы справа от входа. Мужская фигура имеет 2 аршина 7 вершков в длину и 10 вершков в ширину, одна женская фигура — 1 аршин 3 вершка в длину и 10 вершков в ширину, а вторая — 1 аршин 5 вершков в длину и 11 вершков в ширину. Все три статуи обеими руками держат ниже груди продолговатые погребальные урны. На одежде отчетливо виден круглый вырез у шеи. У женских фигур — островерхие шапки со свисающим набок концом и, кроме того, висящие по обеим сторонам лица пряди волос. На статуе мужчины — круглая шапочка, закрывающая лоб до середины и образующая два выступа надо лбом. Так как статуи довольно хорошо сделаны, отчетливо видно характерное строение их лиц. Это широкие лица с удлиненным, но не косым разрезом глаз.

Потанин сообщает[42] о каменных памятниках Монгольской степи, что их составляют частью неотесанные глыбы, частью же

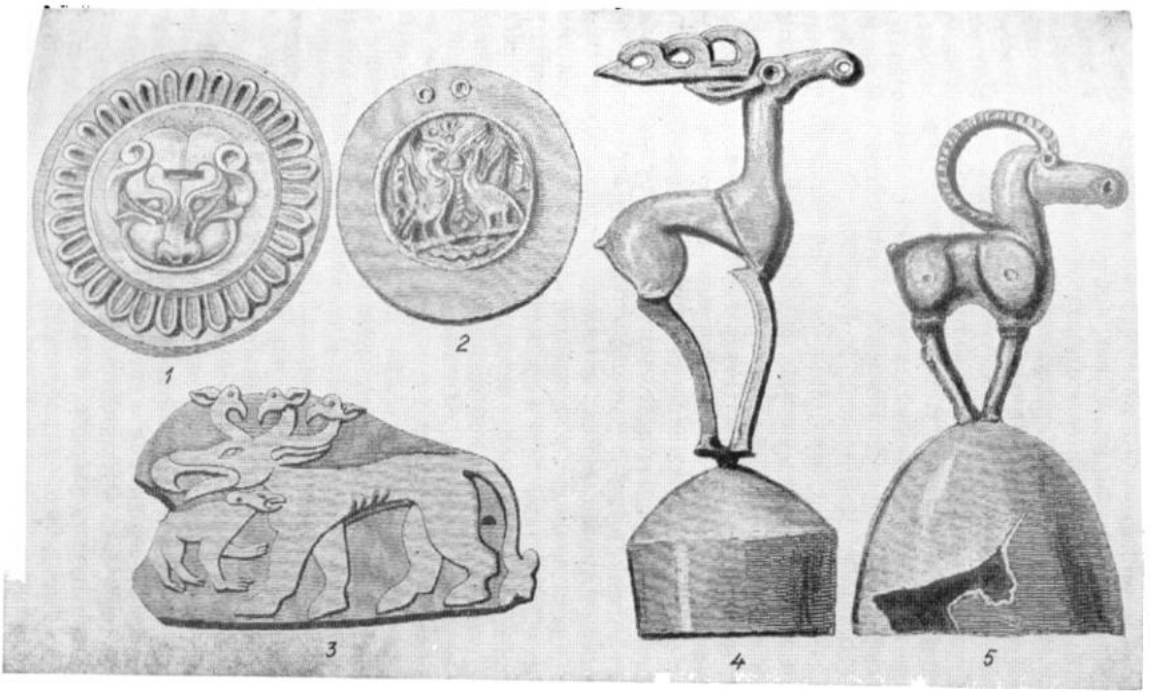

Таблица 5. *1* и *3* – резные изделия древнейшего железного века; *2* – украшение из серебра того же времени; *4* и *5* – украшения из бронзы

тесаные камни и изображения человеческих фигур. Очевидно, монголы все эти камни называют *киша-чило*. Он встречал такие неотесанные киша-чило, например, на Буянту, недалеко от города Кобдо, где они стояли у четырехугольных каменных могил. Говорят, что такие киша-чило очень часто встречаются в западных районах Монгольской степи. Видимо, часть из них стоит беспорядочно, часть — ровными рядами. (Быть может, эти киша-чило — четырехугольные каменные погребения?) Бо́льшая часть тесаных киша-чило — это четырехугольные каменные колонны и плиты, на которых можно различить весьма неотчетливые изображения (круги и линии)[43].

Потанин перечисляет следующие изваяния: 1. Плоские камни с рельефным изображением лиц (типа Кыс-тас на Исе) в долинах Киана и Кандагатая. 2. Грубое изваяние из серого гранита в метр высотой, на Даингуле. Голова видна отчетливо. В то время как лица двух первых скульптур безбородые и, следовательно, явно изображают женщин, на последнем отчетливо видны следы бороды и усов. 3. Очень грубо выполненные скульптуры на озере Караусу между реками Буянту и Кобдо, две стоящие и третья — лежащая. Длина лежащей фигуры была свыше 5 аршин. Фигуры гладко обтесаны. В руках — погребальные урны. Можно различить следы пояса. Голова совершенно бесформенная, с чрезвычайно длинным подбородком и носом. На голове следы шапки. У лежащей фигуры шапка длиной в пол-аршина. 4. В одной версте к югу от Кобдо — четырехгранная колонна с хорошо выполненной головой, на груди погребальная урна, руки не видны, лоб низкий, нос длинный, следы усов и бороды; высота 7 футов 10 англ. дюймов, ширина 1 фут 11 дюймов.

Кроме этих изваяний, внешне полностью совпадающих со статуями Алтая и Южной Сибири, Потанин упоминает еще одно большое каменное изваяние на Даингуле. Киргизы называют его Даин-Батыр, а урянхайцы — Олдзе-Даин. Высота его 150 см, ширина — 38 см. Оно состоит из четырехгранного отесанного камня и крупной головы высотой 56 см. Форма лба и косой разрез глаз ясно указывают на монгольский тип. Кроме того, на лице — только усы. Ярко выраженный здесь монгольский тип, который в других статуях вовсе незаметен, позволяет предположить, что это изваяние в отличие от остальных относится к другой, гораздо более поздней эпохе. Кроме того, Потанин отмечает тщательную обработку и хорошую сохранность статуи. Очевидно, население до сих пор почитает ее особенно, так как над нею возведено нечто вроде деревянного балдахина, под которым натянут шнур, увешанный шелковыми тряпочками[44].

Эти многочисленные памятники бронзового периода позволяют судить о состоянии культуры народа. Я уже говорил

о познаниях в горном и литейном деле и о других его навыках. Теперь я хочу бросить взгляд на прочие стороны жизни и занятия этого народа. Первый вопрос, который мы невольно задаем себе, разумеется, таков: принадлежат ли эти памятники древности кочевому народу, или мы имеем дело с оседлым населением? Я думаю, что население эпохи бронзы следует считать оседлым. В пользу этого говорит, прежде всего, повсеместное распространение горного и литейного дела, а также то обстоятельство, что среди всех этих древностей крайне редко встречается конская сбруя, а в наскальных изображениях фигурируют почти исключительно пешеходы. Далее, в пользу оседлого образа жизни этого народа говорят многочисленные остатки древних оросительных сооружений, которые мы обнаруживаем во многих местах, например на левом берегу Абакана, на правом берегу Енисея, в Уймонской степи, и, кроме того, тот факт, что каменные погребения находятся в большинстве случаев вблизи от плодородных долин, пригодных для земледелия. Последний из приведенных фактов, так же как и найденные почти повсюду медные серпы, говорит о том, что это древнее население много занималось земледелием.

Должно быть, широкое распространение у людей бронзового века имела охота. Это доказывают не только многочисленные изображения сцен охоты, которые мы находим в наскальных рисунках, но и то, что люди бронзового века постоянно украшали свои ножи и т. п. изображениями убитых на охоте животных, а также многочисленные литые и вырезанные из кости стрелы и копья. Как показывают орнаменты, люди, обладающие этим оружием, убивали медведей, оленей, каменных козлов и аргали, которые в больших количествах водились в ближних горах. Изображение охотника с двумя собаками, происходящее с Алтая, и множество орнаментов на кинжалах свидетельствуют о том, что эти люди охотились с собаками.

Наименее ясное представление мы можем составить о том, в каком объеме занимались они скотоводством и каких домашних животных они держали и разводили. Им явно была известна лошадь, о чем свидетельствуют орнаменты и наскальные изображения, а также находки медных удил. Они использовали этих лошадей и как верховых животных и знали узду и стремена [45]; об этом говорят наскальные изображения, а также найденная медная лошадиная сбруя. Им, безусловно, были известны овца и коза, это видно по высеченным из камня изображениям овец и по многочисленным орнаментам. Неясно, знали ли они крупный рогатый скот, так как ни в одном наскальном изображении или орнаменте я не нашел фигуры животного, которое можно было бы безоговорочно считать быком, в то время как голова быка настолько характерна, что ее легко узнать

даже в самом грубом изображении. Хотя в одном из наскальных рисунков на Юсе и представлен всадник на рогатом животном, я все же склонен считать, что этот всадник едет на северном олене и, вероятно, здесь изображен какой-либо соседний лесной житель. Кроме перечисленных животных это древнее население знало еще собаку и кур; это доказывает головка медной булавки в виде курицы, изображенной чрезвычайно точно.

В еще большей неизвестности оставляют нас все эти древности бронзового периода относительно одежды и жилища этих народов. Наскальные рисунки нигде не дают хотя бы признаков одежды на изображенных там людях, точно так же как охотник на упомянутой медной пластинке и очень хорошо выполненная статуэтка горняка кажутся почти голыми. На последней ясно виден фартук, какой рабочие повязывают вокруг бедер. Так как здешний климат совершенно исключает возможность того, что люди ходили без одежды, мы вынуждены предположить, что одежда этих людей была плотно прилегающей и что они не носили длинных вещей. Найденные в одной могиле на Юсе остатки ткани свидетельствуют, что им были известны тканые материи и они использовали их для изготовления одежды. Каменные изваяния показывают, что они подпоясывали свою одежду на талии кушаком. Пряжки для поясов и предметы, явно служившие украшениями для поясов и имевшие штифтики и петли, свидетельствуют, что эти пояса часто были кожаными. Как показывают изображение охотника и статуэтка горняка, мужчины носили на голове либо островерхие шапки, либо, насколько можно судить по некоторым скульптурам Козан-Куш-таша на Юсе и по изваянию мужчины у могилы Козы Кӧрпӧша на Айягусе, плотно облегающие головы шапочки. Женщины, если судить по скульптурам на Айягусе, также носили островерхие шапки со свисающим набок концом. На шапке рудокопа виден кусок кожи, спускающийся на затылок. Таким образом, островерхая шапка могла походить фасоном на киргизский малахай. У рудокопа ясно видна кожаная сумка, висящая через плечо на ремне; вероятно, эта сумка служила для сбора кусков руды, хотя она и недостаточно велика для этого. По каменным скульптурам видно, что мужчины носили короткую бороду и довольно большие усы, а у женщин волосы спадали прядями по обеим сторонам лица на шею и грудь. Дошедшие до нас предметы старины не дают никакого представления о характере жилища этих народов. Мы нигде не находим изображения домов. Во всяком случае, у этих людей не было прочных каменных построек, так как нигде не сохранилось их остатков.

Раньше я считал, что люди бронзового периода, жившие на Алтае и в сопредельных районах, принадлежали к угро-самоедским народам, так как именно эти племена заселяют в настоя-

щее время весь север Западной Сибири и, следовательно, должны были раньше всех покинуть Алтай. Однако, изучив теперь более тщательно сообщения китайцев о народах Южной Сибири, я вынужден признать свою прежнюю точку зрения неверной. Как я уже говорил раньше, китайцы упоминают ряд сибирских народов, в начале VII в. направлявших свои посольства к китайскому двору, и среди них — явно из района Алтая и из степей к северу от него — дубо [46] и биле, или гелочи [47]. Первые — это, как я уже говорил выше, явно самоеды-оленеводы и предки тубинцев, койбалов, маторов и черневых татар. Если такой многочисленный народ, как дубо, еще в VII в. находился на столь низкой стадии развития, то часть этого народа, живущая в степях, никак не могла несколькими столетиями раньше стоять на такой высокой ступени культуры, какую занимали люди бронзового века. То, что население Алтая еще в середине VI в. занималось обработкой металла, доказывают свидетельства китайцев. Они сообщают, что правитель жуан-жуанов с гневом ответил послам Тамына, князя тукю (подданными которого было, очевидно, также население, находившееся на стадии ранней бронзы, живущее в северных районах Алтая и занимавшееся горным делом), когда тот посватался к его дочери: «Как осмеливаешься ты, мой плавильщик металла, делать мне такое предложение?» То, что сами тукю не плавили металл, можно считать бесспорным, так как их описывают как кочевников, занимавшихся скотоводством [48].

Напротив, биле, или гелочи, еще в VII в. находились на крайне низкой стадии культурного развития. Они жили в срубных домах и занимались земледелием, а следовательно, не были народом наездников. Сведения о том, что гелочи брили головы и носили шапки из бересты, подтверждаются, как мне кажется, головными уборами каменных статуй, относящихся к бронзовому веку. Точно так же сообщения о том, что они держали лошадей, но не ездили на них верхом, говорят в пользу того, что именно биле — народ, оставивший памятники бронзового века.

Помимо этого китайцы называют биле народом, похожим на хакасов, а следовательно, они также должны были быть голубоглазыми и рыжеволосыми. При этом они, очевидно, говорили не как хакасы, а на ином языке, т. е. не на тюркском, на котором хакасы, несомненно, уже говорили в VII в. Если бы биле говорили на каком-то самоедском языке, китайцы, разумеется, упомянули бы об этом и привели бы его вместе с языком дубо. Мы встречаем на Енисее и севернее Алтая остатки некогда довольно большого народа енисейцев (ассаны, арины, сагайцы, котты), часть которых спустя много столетий все еще ведет оседлую жизнь и вплоть до XVII в. занимается обработкой ме-

талла, почему и носит название *кузнецы*, кузнецкие татары. Далее, все эти народы, которые теперь насчитывают всего несколько сотен семейств, говорят на особом языке, не принадлежащем к урало-алтайской семье языков. Поэтому следует полагать, что раньше вокруг Алтая, в Западной Монголии, на Тарбагатае, в Восточной Киргизской степи и в Южной Сибири жили народы енисейской группы [49], резко отличавшиеся типом лица от соседних народов урало-алтайской семьи. Западная часть этих енисейцев, хакасские племена, подверглись вначале тюркскому влиянию, остались кочевниками и очень рано усвоили тюркский язык. Напротив, западные енисейцы расселились в богатых речных долинах и степях и, как свидетельствуют памятники эпохи бронзы, достигли здесь довольно высокой стадии культурного развития. Под натиском своих южных соседей угро-самоедские племена, разумеется задолго до рождества Христова, частью южнее Алтая переселились на запад, частью же были оттеснены в леса Сойонских гор и восточнее Алтая отошли на север. Часть из них, дубо, осела в лесистых горах. Невозможно установить, находились ли раньше эти угро-самоеды на более высокой ступени культуры; в VI в. их образ жизни полностью совпадал с образом жизни нынешних самоедов-оленеводов. Возможно, часть енисейцев была истреблена наступавшими на них угро-самоедами, так как енисейцы издавна были миролюбивыми ремесленниками. Когда именно первые тюркские племена, тукю, подчинили себе западных енисейцев, исторически установить невозможно. Несомненно лишь, что это произошло уже очень давно, а именно, как мы увидим дальше, в то время, когда народы эпохи бронзы стали обрабатывать также и железо. Очевидно, к началу VI в. они уже давно были под владычеством тукю. Разумеется, впоследствии енисейцы уже никогда больше не смогли вернуть себе независимость. Их все больше и больше поглощали их владыки — тюрки, пока наконец остались лишь малочисленные племена в Кузнецком Алатау, на Верхней Томи, Абакане и Среднем Енисее. Прежний язык сохранили только котты, арины, ассаны и енисейские остяки [50], в то время как сагайцы, бельтиры и кузнецкие татары уже в XVI в. говорили исключительно на тюркском языке. Благодаря многократным скрещиваниям все племена енисейского происхождения к XVI в. давно уже утратили свои расовые признаки (светлые волосы и голубые глаза) [51].

Разумеется, невозможно установить, когда енисейцы бронзового периода узнали железо, стало ли оно им известно сперва благодаря торговле, или же они научились добывать его при посредстве вступивших в сношения с Китаем тукю. Однако можно утверждать, пожалуй, безоговорочно, что это они изготавливали также и железное оружие. Правда, я ни в одной мо-

гиле эпохи бронзы не обнаружил остатков железа, однако в Абаканской степи, по Енисею и на Алтае были найдены кинжалы и ножи, выкованные из железа и, несмотря на это, точно совпадающие по форме с ножами медного и бронзового периодов. Железные ножи этого типа повторяют почти все формы медных, часть из них — это железная полоска длиной лишь в три-четыре вершка, один конец которой заострен, а другой — закруглен и имеет отверстие; иногда это — маленькие острые ножи, также сделанные из цельного куска железа, заточенные до середины и имеющие на конце ручки крючок, похожий на петлю. Третья категория — это уже тщательно сделанные ножи; ручка вершка два длиной — узкая, с закругленными сторонами, на конце ручки кольцо; лезвие шире и имеет острый конец, а спинка ножа мягко закругляется к режущей части. У одного из найденных мною железных ножей этого периода ручка и лезвие образуют тупой угол, точно так же как у ранее описанного бронзового ножа, который явно употреблялся ремесленниками как инструмент [52].

Среди железных кинжалов этого типа также представлены почти все формы кинжалов медного века. Клинок и рукоятка всегда выкованы из цельного куска. Воспроизведены даже украшения бронзовых кинжалов. Отличие лишь в том, что здесь больше нет изображений животных, а вместо них просто изогнутые линии. Это вполне объяснимо: люди умели в формах для литья наносить тонкие узоры орнамента, а после отливки изделия подправлять орнамент шлифовкой. Однако выковать такие же тонкие узоры было невозможно, и люди довольствовались тем, что воспроизводили общий характер орнамента. Наиболее отчетливо это видно, если сравнить бронзовый кинжал, кольцо рукоятки которого образуют две звериные головы, с железным кинжалом, имеющим похожую рукоятку. Я нашел лишь один-единственный кинжал этой эпохи с настолько тонкой и изящной железной рукояткой, что в таком виде его, конечно, употреблять не могли; рукоятка непременно должна была иметь деревянную насадку или кожаную (ременную) обмотку.

Перейдем теперь к надгробным памятникам и древностям второго культурного периода Южной Сибири, который мы в отличие от бронзового и медного периодов назовем железным. К этому периоду следует отнести все уже описанные нами погребения, кроме каменных могил, т. е. все насыпные, или курганные, погребения юга и бо́льшую часть земляных курганных погребений севера. Поскольку все земляные курганы внешне одинаковы, мы никак не можем определить по их виду время их появления. Однако на юге мы, несомненно, находим два резко отличных друг от друга типа каменных курганов: 1) большие насыпные каменные курганы Юго-Западного Алтая (Уй-

монская степь и Бухтарма) и Тарбагатая и 2) небольшие насыпные каменные курганы в центральных горах на границах Абаканской степи, которые татарское население Абаканской степи называет киргизскими могилами.

ДРЕВНЕЙШИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ПЕРИОД НА ЮЖНОМ АЛТАЕ

Как я уже писал выше, могилы этого периода отличаются главным образом тем, что курганы разных размеров насыпаны из небольших и, как видно, искусственно размельченных каменных обломков. Ветер заполнил пространство между камнями землей и пылью лишь до половины высоты курганов, и только эта покрытая землей часть прорастает травой. Благодаря этому более высокие курганы этого времени приобрели характерный, своеобразный вид. Верхняя часть кургана состоит из камней и выступает как скалистая горная вершина из травянистого кольца, образующего нижнюю часть этого кургана. В основном на таких больших каменных курганах крайне редки следы прежних раскопок, так как вскрытие такого кургана, как мы увидим ниже, сопряжено с немалыми трудностями и, конечно, то небольшое количество золота, которое обнаруживают в этих могилах, не вознаграждает за затраченные усилия.

Раскопки кладбищ этой эпохи я производил в двух местах: 1) в Уймонской степи; 2) на Бухтарме, недалеко от устья реки Берель.

Недалеко от деревни Катанда, расположенной на левом берегу реки Верхняя Катанда, находятся четыре весьма значительных кладбища. Первое кладбище, на левом берегу нижнего течения Катанды, состоит из 30—40 могил, курганы над которыми насыпаны из крупных камней. Все эти курганы небольшие, 1—5 саженей в диаметре. Около этого кладбища расположено в ряд семь каменных кругов, каждый из которых образован семью большими неотесанными каменными глыбами, до половины зарытыми в землю. Второе кладбище удалено от деревни приблизительно на две версты и лежит в широкой долине между Верхней и Нижней Катандой. Это кладбище состояло из большого кургана, в сажень вышиной и 14 саженей в диаметре, причем сам холм из крупного булыжника был приплющен. Вокруг этого зеленого кургана находилось еще около 20 погребений меньшего размера с курганами, насыпанными из камней. Рядом со вторым кладбищем были отчетливо видны следы больших каналов, по которым прежнее население этих мест, несомненно, подводило воду к отдаленным полям. Третье кладбище находилось на правом берегу Верхней Катанды и имело доволь-

но большое сходство с первым. Наконец, четвертое кладбище было расположено на берегу самой Катуни, западнее места впадения Катанды, и состояло из нескольких небольших могил с каменными курганами.

Раскопки первого могильника 18—20 июня 1865 г.

Первый день я начал с исследования нескольких каменных кругов, выложенных из семи камней. Я велел раскопать на глубину в полторы сажени все внутреннее пространство трех таких кругов, диаметр каждого из которых был равен приблизительно сажени. Почва была глинистой и везде одинаково твердой, в ней были видны ровные горизонтальные напластования. Это самое убедительное доказательство того, что земля здесь оставалась нетронутой и что, следовательно, каменные круги были не надгробными памятниками, а, очевидно, местами жертвоприношений [53]. После обеда я начал раскопки четырех совсем маленьких холмиков, которые по виду несколько отличались от остальных. Они были насыпаны из камней и земли, а в восточной части окружности был врыт в землю каменный столб высотой в 6—8 вершков, слегка наклоненный к востоку. Около одного из этих курганов под камнями были найдены железные лошадиные удила, у другого — железный нож. Так как и под этими курганами не оказалось никаких могил, я ограничился тем, что проник лишь на полсажени вглубь.

19 и 20 июня я раскопал восемь курганных погребений высотой в пол-аршина и 1—2 сажени в диаметре, на которых не видно было следов прежних раскопок. Оказалось, что четыре из них были уже ранее обшарены. Из оставшихся три были не повреждены и устроены совершенно одинаково. Устройство этих могил следующее: могильный холм в пол-аршина высотой состоял из мелких обломков камня без примеси земли, и трава на нем нигде не росла. Земля под ним была выкопана еще на четверть аршина вглубь, и углубление это заполнено такими же камнями. Затем посредине кургана оказалась четырехугольная яма в сажень длиной и почти в два аршина шириной. Эта яма была наполнена смесью глины и крупных камней. В западной части ямы, обращенной длинными сторонами к востоку, камни были крупнее и их было гораздо больше, чем в ее восточной части. На глубине в полтора аршина в яме все еще были почти исключительно камни. Под этими камнями в одной могиле оказались две лежащие на боку лошади, обращенные головами на запад, во второй — две лошади и один жеребенок, положенный таким же образом, а в третьей — три лошади. В каждой моги-

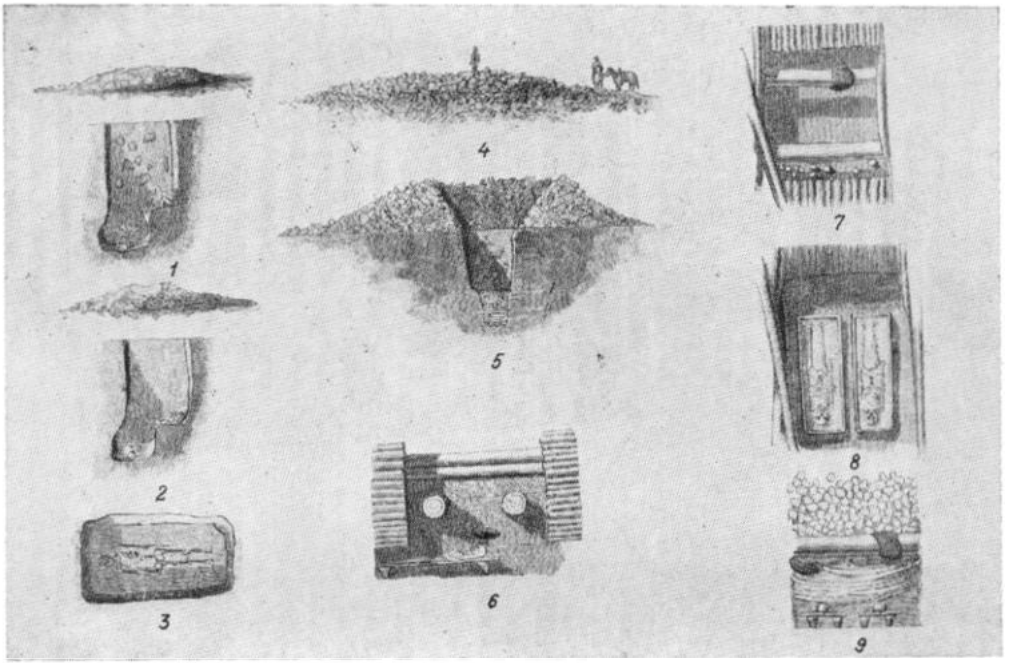

Таблица 6. Древнейший железный век. Могилы на Катанде.
1–3 – могилы в первом могильнике; *4–9* – большой могильный склеп во втором могильнике: *4* – наружный вид; *5* – вертикальный разрез по направлению с севера на юг; 6 – вертикальный разрез нижней части могильной ямы по направлению с востока на запад; 7 – горизонтальный разрез восточный; *8* – горизонтальный разрез северный; 9 – вертикальный разрез могильной ямы с севера на юг

ле во рту у одной из лошадей были остатки железных удил. Под лошадьми был слой мелких камней, а под ними — нетронутая твердая земля, т. е. дно могилы. В северной части могила была сделана более широкой и более глубокой. Когда мы раскопали северную половину могилы еще приблизительно на пол-аршина вглубь, мы наткнулись на ряд позвонков одной овцы, а затем на три человеческих скелета. Скелеты лежали на спине, головами на запад (от 270 до 275°), руки плотно прижаты к корпусу, большие пальцы направлены вверх. Позвоночник овцы был положен покойникам на грудь. Предметы, найденные около скелетов, доказывают, что два трупа были мужскими, а третий — трупом женщины. Первый мужской скелет был длиной в 2 аршина 7 вершков, второй — 2 аршина 8 вершков, а женский — 2 аршина 4 вершка. Около женского скелета были найдены медные серьги, а на голове — остатки головного убора из ткани, украшенного медными пластинками. Сбоку лежал железный кельт и рыбьи кости, на пальце правой руки — сломанное серебряное кольцо и круглый продырявленный камень, несомненно от веретена, у ног — остатки обуви (чулок) с медными украшениями. Близ мужских скелетов справа и слева, около кистей рук, лежали оселок, железные и костяные стрелы, ножи, накопечник копья и обломки лука [54].

В последний день я раскопал круглое, насыпанное из камней погребение еще бо́льших размеров, трех саженей в диаметре и в аршин высотой. Здесь под землей, на глубине в полтора аршина мы нашли скелет лошади, лежавший головой на восток. Примерно на аршин глубже оказались штаны и чулки, завернутые в какой-то мех. Штаны были из домотканой материи, а чулки из войлока, со стеганой подошвой. Несколько кусков этой одежды очень хорошо сохранилось, потому что они были завернуты в мех, но сам мех казался пучком волос и на воздухе превратился в прах.

РАСКОПКИ ВТОРОГО МОГИЛЬНИКА 21—29 ИЮНЯ

При подробном осмотре большого кургана на этом кладбище оказалось, что в трех или четырех могилах есть отчетливые следы прежних попыток вскрыть эту могилу. Однако имевшиеся углубления показались мне незначительными, и я решил, что бугровщики (люди, грабящие могилы) не добрались до дна огромной могилы. Так как в маленьком курганном погребении трупы лежали в направлении с запада на восток, я решил проложить в кургане ход шириной в 7 саженей, удалив из него камни. Длина этого хода была 11 саженей. Среди камней кургана мы нашли кости по меньшей мере шести лошадей и час-

тично разломанные человеческие кости. Кроме того — шесть железных удил, различные железные и костяные стрелы, один железный и один медный нож, железный заступ, железную саблю, множество синих стеклянных бус и два сердолика в форме сердечка, несомненно являвшихся частью серег. Все эти предметы были разбросаны в беспорядке; их, конечно, выбросили из могилы те, кто раскапывал ее до нас. Расчистка кургана шла довольно быстро, так как камни были невелики и неплотно лежали друг на друге. Мы закончили работу в три дня. В центре кургана под могильным холмом находилась могила длиной в 2 сажени и шириной в 2.5 сажени, наполненная крупными камнями и землей. Мы легко очистили эту могилу от ее содержимого на глубину в 1 аршин, после чего наша работа внезапно остановилась. Земля здесь сильно промерзла, и в могилу со всех сторон просачивалась вода. Вычерпывать из ямы воду и удалять промерзшую землю оказалось так тяжело, что мы за весь день смогли углубиться далее лишь на пол-аршина. Поэтому я приказал части рабочих доставить сюда сухих дров, разложить их на дне могилы и разжечь, а затем вынуть верхний оттаявший слой земли. После этого могилу снова отогрели и т. д. Разумеется, работа шла очень медленно, так как в могиле было полно огромных каменных глыб. Однако вполне можно было извлечь содержимое могилы, не повредив его при этом. Под землей, на глубине в 2 сажени, мы нашли среди камней сперва раскиданные человеческие и лошадиные кости и железные удила с большими кольцами. Приблизительно на пол-аршина глубже мы натолкнулись на устроенные по сторонам могилы четырехугольные помосты из бревен лиственницы, которые у восточной и западной стен были сделаны из прямых, уложенных слоями поленьев длиной в аршин, а у северной и южной (длинных сторон могилы) — из длинных балок, соединенных друг с другом крест-накрест под очень острым углом. Деревянный настил на этом помосте оказался только в северной части, южная его половина, несомненно, исчезла во время предшествующих раскопок могилы. Ниже настила, на глубину в полтора аршина, могила была заполнена огромными каменными глыбами, а между ними лежали неправильной формы куски бересты и несколько клочков расшитой кожи. Когда эти камни были убраны, мы наткнулись на два гигантских бревна, положенных поперек могилы и соединенных с помостом. На западном бревне лежал какой-то кожаный узел, вершка на три покрытый крепкой коркой льда. Я велел вырубить бревно и вынуть его из ямы вместе со льдом. После того как лед растаял, оказалось, что этот узел — какая-то похожая на фрак одежда из собольего меха, крытая шелком, с отделкой из кожи и маленьких кусочков золота по краю. Люди, раскапывавшие

Таблица 7. Деревянные резные изделия из большой могилы на Катанде

эту могилу до нас, добрались, очевидно, только до этого места, так как под бревнами оказался неповрежденный слой березовой коры, заполнявшей всю могилу. Несколько ниже поперечных бревен среди бересты в куске льда была найдена свернутая одежда из горностаевого меха, окрашенного в зеленый и красный цвета, с пуговицами и маленькими золотыми пластинками в качестве украшения, с длинными узкими рукавами и высоким воротником. Там был также нагрудник из меха горностая и укрепленные на шелковой ленте изображения лошадей и сказочных животных, вырезанные из дерева, и, кроме того, миска и несколько рельефов с фантастическими изображениями животных, например оленей и медведей. Полностью удалив слой бересты, мы добрались до дна могилы, глубина которой была свыше трех саженей. Нижняя часть могилы была заполнена водой и не замерзла. На дне могилы стояли в направлении с востока на запад два стола на четырех ножках. На каждом из этих столов лежал скелет головой на восток, без каких-либо украшений. Столы были очень тщательно обработаны топором, но не струганы, а по краям их шел рант высотой приблизительно в 1 дюйм. Доска, рант и ножки в форме усеченного конуса были сделаны из цельного куска дерева. Вокруг ножек северного стола были укреплены медные ободы вершка в 2,5 шириной. Так как в могилу со всех сторон стекала грязь и вода, там с трудом удалось собрать золотые пластинки и несколько клочков одежды. Скелеты совсем истлели и при прикосновении рассыпались в прах. Длину скелетов не удалось определить точно; она составляла 2 аршина 5 вершков — 2 аршина 7 вершков. По-моему, могила была уже ранее раскопана до поперечных балок и разграблена; захороненные с покойниками вещи и лошади, несомненно, находились поверх этих балок. Это подтверждают найденные нами в верхней части могилы и в кургане разбросанные лошадиные кости и железные предметы, которые люди, вскрывавшие могилу, оставили в ней как ненужные [55].

Кроме большой могилы я приказал раскопать на втором кладбище еще девять маленьких, четыре из которых оказались нетронутыми. Во всех четырех были мужские скелеты, если судить по найденным около этих скелетов вещам. Первая могила была расположена восточнее большого кургана. Устройство то же, что и в могилах первого кладбища. На глубине в 2 аршина мы наткнулись на скелет лошади (лежащий головой к востоку), около него были железные удила, стремена и железная пряжка. На пол-аршина глубже — мужской скелет длиной в 2 аршина 7,5 вершка. Слева от него находился прямой острый меч, 17 трехгранных железных наконечников стрел и несколько костяных. На груди лежало несколько кусков ткани, немного выше — позвоночник овцы. Там, где должна была быть голова,

стоял маленький серебряный сосуд с ручкой. Все кости лежали в полном порядке, лишь голова находилась по правую сторону от трупа, справа от ложных ребер.

Второе погребение отличалось тем, что здесь и лошадь и труп мужчины были положены головой на запад. Около мужского трупа кроме нескольких железных стрел находились огниво и какой-то красный камень, который, очевидно, служил кремнем [56].

В третьей и четвертой могилах, по своему устройству ничем не отличавшихся от описанных выше, кроме железных стрел и украшений для лука был найден еще железный кельт и вырезанная из кости пряжка от пояса.

В пятой, совсем маленькой могиле, холмик над которой был едва ли больше двух аршин в диаметре, на глубине в пол-аршина была закопана овца.

Раскопки могильника в Берельской степи, недалеко от берега Верхней Бухтармы 12 июля — 9 августа 1865 г.

Примерно в шести верстах ниже устья реки Берель отроги северных гор образуют небольшое горное плато, расположенное на 30—40 саженей выше уровня Берельской степи. На этом плато, недалеко от его южной оконечности, имеется около 20 довольно значительных курганов, насыпанных из крупных камней. Диаметр большинства этих курганов превышает восемь саженей. Только четыре кургана расположены около реки, остальные же — примерно в полутора верстах дальше на север.

Здесь я раскопал четыре кургана около реки и, кроме того, еще три кургана из второй группы. Один курган, у самой реки, имел 2,5—3 сажени в высоту и более 14 саженей в диаметре. Он был абсолютно правильной формы, и на нем не было видно никаких следов прежних раскопок. В народе живет предание, что здесь похоронена принцесса, сидящая на золотом престоле. Курган был так велик, что я решил снять весь холм. Для того чтобы убрать этот курган, состоящий целиком из камней, мы вынуждены были работать до 23 июля. Камни кургана лежали друг на друге ровными рядами — сперва слой плоских камней, затем слой круглых, а промежутки между круглыми камнями были заполнены речной галькой. Среди камней кургана был обнаружен скелет лошади, железные удила и два железных стремени. Я не могу сказать, лежали ли кости животного в естественном порядке. Мои рабочие скрыли от меня эту находку, и железные вещи были мне отданы лишь назавтра. Когда мы добрались до поверхности земли, в центре кургана оказалась

большая могила длиной в 3,5 сажени и шириной в 3 сажени. Хотя земля здесь и была насквозь промерзшей, все-таки можно было тщательно обследовать могилу, так как она была заполнена песком и глиной. Нам удавалось продвигаться в промерзшей земле только с помощью огня. Работа и здесь шла крайне медленно, так что к 28 июля мы сумели проникнуть в могилу лишь на глубину в 2.5 сажени. На этой глубине мы натолкнулись в южной части могилы на слой бревен. В верхней части могилы на глубину в 1 сажень не было и следа камней, но затем как в западной, так и в восточной части стали появляться отдельные огромные каменные глыбы. Когда 29 июля я приказал очистить равномерно весь склеп, мы обнаружили в южной его части слой дерева, а в северной — слой бересты. Убрав бересту, мы увидели, что вся северная часть покрыта скелетами лошадей. Здесь лежало 16 лошадей, все головами на восток,— четыре ряда по четыре лошади. У лошадей двух первых рядов, обращенных на восток, оказались железные удила. Эти восемь лошадей лежали под толстым слоем украшений, вырезанных из бересты и дерева и по большей части покрытых тонкими золотыми пластинками. Особенно много золотых пластинок оказалось в первом ряду. Под лошадьми была твердая земля. Невозможно было точно установить положение лошадей и украшений, потому что снег, таявший на стенках могилы, стекал вниз и могила постепенно наполнялась слоем жидкой грязи толщиной в несколько дюймов. На следующий день я велел расчистить слой дерева в южной части могилы и затем вынуть его. В восточном и западном конце могилы мы обнаружили четыре тщательно отесанных деревянных поперечины, а между ними лежали плотно соединенные друг с другом по длине доски. Впоследствии оказалось, что в центре находилась выдолбленная половина ствола дерева диаметром в полтора аршина, на которой были укреплены две планки. Все это было сделано из лиственницы и покрыто берестой. Когда сняли верхний слой бересты, оказалось, что на четырех углах выдолбленного ствола были прикреплены четыре отлитые из меди птицы, на каждой стороне — одна птица с поднятыми крыльями и одна с опущенными. По обеим сторонам полого ствола мы обнаружили два правильных прямоугольника, выложенных из каменных плит. Когда все это дерево и камни были вынуты, открылась прямоугольная могила, несколько меньшего размера, нежели деревянный настил, и заполненная на глубину около полутора аршин глиной и речной галькой. Под деревянным настилом находился совершенно истлевший скелет лошади. Здесь земля уже не была промерзшей. На глубине в 10,5 аршина я наткнулся на человеческие кости, а именно кости рук и ног. Однако они лежали не вдоль могилы, а поперек нее. Кости рук находились как раз у северного

края могилы. Я приказал перекопать всю северную стенку, но нашел лишь остатки двух или трех ребер. Кости так пострадали от сырости, что их можно было извлечь только в виде пыли и обломков. Около человеческих костей находилось несколько остатков пластинок из меди и немного маленьких золотых пластинок. В юго-восточном углу ямы, на той же глубине, что и скелет, оказалась груда угля и золы. Под человеческими костями был каменный пол,—очевидно, пол склепа. Так как все последние дни шли дожди, края могилы стали обваливаться, и мы были вынуждены 8 августа прекратить работу. Во всяком случае, мне кажется, что сама могила была ограблена. То, что это произошло ночью во время наших раскопок, представляется мне невероятным, так как часть человеческих костей лежала в порядке и, кроме того, я выставил у могилы охрану. Но, возможно, могила уже была ограблена к моменту начала работ.

Все остальные, меньшие, курганы, которые я раскапывал в Берельской степи, были устроены так же, как и погребения на Катанде. Во всех могилах оказывались лошади, в одной даже пять, и всегда они были захоронены приблизительно на полтора аршина выше, чем люди. Следует еще заметить, что в нескольких могилах были серебряные украшения, затем очень хорошо сделанная глиняная посуда, нож в ножнах, а также нож и кинжал, совершенно такие же, как ножи и кинжалы медного века, но сделанные из железа, только железные рукоятки обоих были покрыты тонкими золотыми пластинами. Около одного трупа я нашел длинный меч с железной рукояткой и кольцом, совсем такой же, как рукоятки кинжалов медного века, и куски железного панциря из продолговатых, длиной в 2 вершка, железных пластинок, которые, судя по всему, были укреплены на коже [57].

Раскопанные мною земляные могильные курганы к северу от Алтая, в Кулунде, в Барабинской степи и около Барнаула по своему устройству большей частью совпадали с могилами древнейшего железного периода, с тем лишь отличием, что здесь в меньших по размеру могилах не было лошадей, а там, где они имелись, они лежали рядом с человеческими скелетами. По найденным в этих могилах вещам можно определить, что могилы эти относятся к более позднему времени, чем насыпные погребения Южного Алтая. Сомнительно, чтобы они принадлежали одному и тому же народу, так как здесь отсутствуют характерные признаки южного железного периода.

Приведем описание некоторых раскопок, чтобы сравнить устройство этих погребений с устройством насыпных могил Южного Алтая.

1. Раскопки погребения на Кулунде

Круглый земляной курган высотою в сажень, равномерно поросший травой. Диаметр равен приблизительно 16 аршинам. Вершина кургана немного сглажена, однако снаружи не видно никаких признаков того, что курган был раньше разрыт. Раскопки производились с 14 по 15 мая 1862 г. Весь курган был из той же глинистой почвы, что и кругом в степи. В середине кургана была проложена шахта шириной примерно в три аршина в основном направлении с севера на юг. Когда курган был раскопан, мы натолкнулись на земляной пол, который можно было определить по тому, что вместо желтой глины здесь повсюду был черный гумус. Только в центре шахты оказался прямоугольник желтого цвета — это и была могила. Длина ее равнялась 3,5 аршина, ширина — 3 аршинам. Она находилась в западной половине кургана и лишь на пол-аршина заходила на восточную половину. На глубине примерно в 1 сажень мы натолкнулись на слой древесного угля, равномерно покрывавшего все дно могилы. Толщина этого слоя равнялась 1 дюйму. Когда уголь убрали, мы увидели слой деревянных брусьев, положенных в направлении с севера на юг. Толщина этих брусьев равнялась вершкам трем, они были тесаными и плотно прилегали друг к другу, как бы образуя настил. Вынув их, мы обнаружили второй слой таких же брусьев, положенных в направлении с востока на запад. Под последним слоем дерева в южной части находились скелет лошади и вплотную к нему два человеческих скелета, лежащих в северо-восточном направлении (70°). Человеческие скелеты лежали на спине, кисти рук около туловища, большие пальцы кверху, головой к востоку. Длина первого скелета равнялась 2 аршинам 5 вершкам, длина второго — 2 аршинам 6,5 вершка. У скелета, находившегося севернее, около правого плеча лежал колчан, а около левого — восемь коровьих позвонков, по обеим сторонам предплечья — стремена, посредине тела — медная пряжка, с левой стороны, вниз от таза,— железный меч (прямой, с одним лезвием, украшенный набалдашником, рукоятка обтянута кожей), на пальцах левой руки два медных кольца. Подле левой кисти лежал нож. Около скелета, лежащего с южной стороны, над головой стоял наконечник копья (без древка), ниже левого плеча находился железный меч, между ногами лежало восемь коровьих позвонков. У скелета лошади в пасти были остатки железных удил, на голове — кусочки железа от какой-то части сбруи, с обеих сторон — железные стремена.

2. Раскопки погребений под Барнаулом

Нетронутыми кажутся только совсем небольшие курганы, в основном в пол-аршина высотой и диаметром 2—3 сажени. В августе 1862 г. я раскопал четыре таких погребения. В центре каждого погребения была прямоугольная могила. Длина такой могилы равнялась примерно 3 аршинам, ширина трех из них — 1,5 аршина, а четвертой — 2,5 аршина. Глубина нигде не превышала 1,5 аршина. В глубине двух могил находился слой дерева толщиной вершка в два, однако он покрывал лишь половину дна. В третьей из этих маленьких могил лежал только слой березовой коры, так же как и в четвертой. Под слоем дерева или бересты находились человеческие скелеты, в двух могилах — по два, лежащих вплотную друг к другу. (Могила 1: направление скелета головой на северо-восток, 85°; могила 2: северо-восток, 72°; могила 3: оба скелета — северо-восток, 73°; могила 4: оба скелета — северо-восток, 77°.) Все скелеты лежали на спине, голова склонена набок, руки прижаты к туловищу. На груди каждого скелета лежало четыре-пять овечьих позвонков. Длина скелетов равнялась 2 аршинам 3 вершкам — 2 аршинам 5,5 вершка. У двух скелетов на животе были медные пряжки, а сбоку ножи, так что эти покойники были, вероятно, мужчинами; кроме этого я нашел только незначительные украшения.

3. Раскопки погребений в Барабинской степи

1 июня 1866 г. Около деревни Кызыр, в 25 верстах от озера Уба, находилось несколько кладбищ, состоящих из 10—25 курганов. Самый большой из них имел 1 аршин в высоту и 3 сажени в диаметре. На этих кладбищах я работал в течение пяти дней и раскопал в трех разных местах 26 курганов. Все могилы здесь были глубиной в 1—2 аршина. Работа в этом месте была очень трудна, так как и курганы, и верхние части могил были заполнены твердой как камень землей. Ее приходилось разбивать заступами, но на глубине в 2 аршина земля была вязкой, и вода быстро заполнила могилы до половины. Несмотря на это, удалось точно установить, что бóльшая часть покойников лежала головой на восток и только два из них были обращены головой на запад. Около головы каждого скелета лежал железный кельт, а около туловища на уровне кистей рук у мужчин были мечи, стрелы, остатки украшений луков, а у женщин — ножи. Кроме того, около всех трупов имелись всевозможные украшения из меди и железа. У женщин на уровне ушей были стеклянные бусы, а на груди медные пряжки или пластинки. Около двух мужских скелетов имелись остатки стремян

и удил. Кости совсем истлели, а все металлические предметы были настолько разъедены сыростью, что их удалось извлечь из земли совсем раскрошившимися. Длина мужских скелетов равнялась 2 аршинам 3 вершкам — 2 аршинам 5,5 вершка, длина скелетов женщин не превышала 2 аршин 2 вершков; около большей части скелетов я обнаружил овечьи позвонки. Не все скелеты были прикрыты берестой, некоторые лишь засыпаны землей. Около части из них лежали небольшие куски древесного угля. К сожалению, я мог сообщить о погребениях северного железного периода лишь эти скудные сведения, так как основная часть могил этого периода, раскопанных мною на севере Алтая и в Киргизской степи, была уже прежде разграблена. Это относится в особенности к тем погребениям, которые отличаются своими размерами. Раскопанные мною совсем небольшие погребения этого района устроены совершенно так же, как те могилы под Барнаулом и в Барабинской степи, которые я описал ранее. Я не могу утверждать, что эти погребения принадлежат тому же населению, что и большая могила на Кулунде, описанная мною выше. Последняя похожа на курганы Северного Алтая, в то время как прочие погребения вполне мог оставить другой народ,— возможно, потомки енисейцев бронзового века. Во всяком случае, здесь оружие встречается реже, чем в южных погребениях.

Теперь обратимся к погребениям позднейшей железной эпохи, также отличающимся вполне определенным, очень характерным устройством.

ПОГРЕБЕНИЯ НОВЕЙШЕЙ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА АБАКАНЕ

К погребениям этого периода я отношу все малые курганы, найденные на кладбищах центральной части горного хребта в Абаканской степи и известные среди населения под названием «киргизские могилы».

Диаметр этих курганов в большинстве случаев равен лишь полутора саженям, и расположены они вплотную друг к другу группами по 60—80 могил. Отчетливо видно, что малые курганы обычно стоят попарно, причем один из них всегда имеет круглую форму, а другой — овальную. Кладбища такого типа я видел только на Среднем Абакане, но местные жители уверяли, что множество таких кладбищ встречается повсюду в прибрежных горах Абакана и Енисея. Очевидно, малые размеры этих погребений, их удаленность от реки и то обстоятельство, что они расположены в скрытых от глаз местах и в них мало благородных металлов, являются причиной того, что местное население

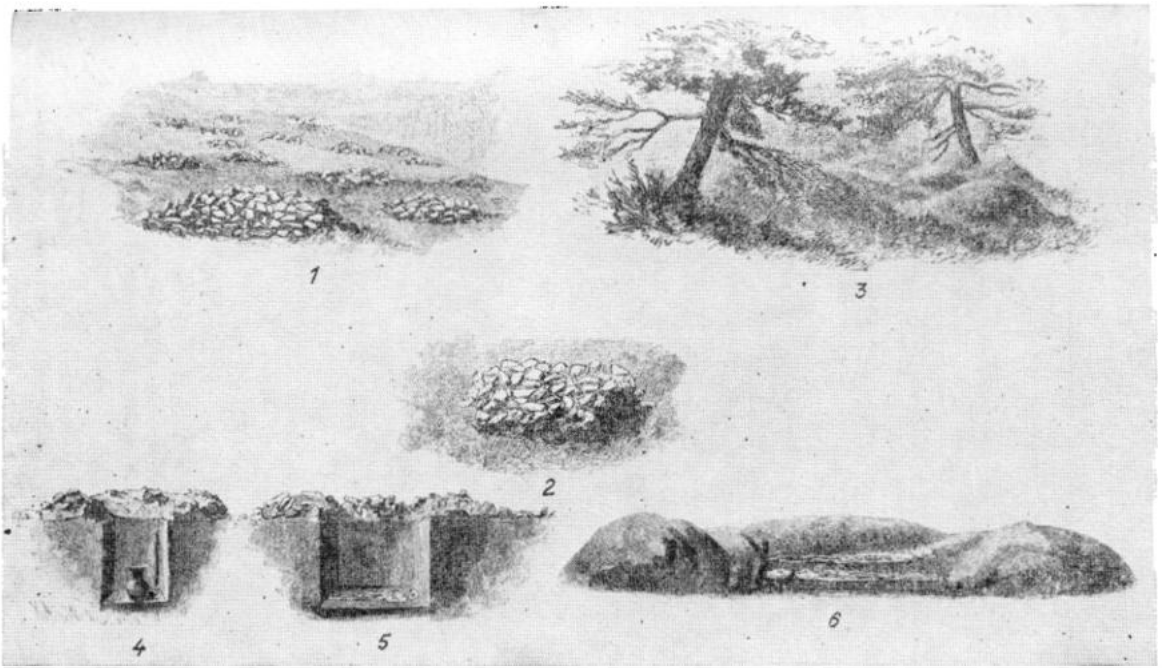

Таблица 8. Новейший железный век: *1*, *2*, *4*, *5* – **киргизские могилы на Абакане:** *2* – могильный холм; *4* – разрез могильной ямы, содержащей утварь покойника; *5* – разрез могильной ямы с остовом; *3* **и** *6* – **могилы на Чолыме:** *3* – **могильник в лесу;** *6* – разрез вскрытой могилы

не интересуется ими и лишь ничтожная часть их носит следы прежних раскопок. Как сообщил мне один из моих проводников, среди койбалов распространено поверье, будто это — поля сражений некогда столь диких киргизов, которые здесь же и хоронили своих покойников. Раскопки большого количества таких погребений убедительнейшим образом доказали, что эта история высосана из пальца, так как я повсюду находил мужские, женские и детские скелеты, причем трупы были захоронены в величайшем порядке, что, разумеется, вовсе не свойственно военным погребениям. Я произвел раскопки большого количества таких киргизских могил в 7 верстах от устья Аскыса.

Расположение исследованных мною погребений было таким: между первыми грядами пограничных гор на высоте 100 футов над степью и приблизительно в 50 шагах друг от друга находились две группы курганов. Западная состояла примерно из 80 курганов, в то время как в восточной их было не более 30. Я начал с раскопок западного кладбища и раскопал, пожалуй, половину всех курганов, выбирая такие, которые не имели никаких следов прежних раскопок. При раскопках этих могил оказалось, что действительно с одним погребением всегда связано два кургана. Убрав камни продолговатого кургана, мы обнаруживали слой гальки или рыхлой земли толщиной примерно в пол-аршина. Под этим слоем помещались скелеты (на глубине не более чем в 1 аршин под поверхностью земли). Очевидно, малая глубина могил объясняется свойствами земли, которая была так тверда, что мои рабочие могли разбить ее только с помощью топоров и ломов. Глинистая почва, в которой лежали кости, была настолько твердой, что я был вынужден выкапывать каждую кость острым ножом, и поэтому мне удалось лишь в нескольких могилах точно установить положение скелета. Все скелеты лежали на спине, в направлении с востока на запад, повернув голову на запад. Голова немного склонена набок, руки прижаты к телу, большие пальцы направлены вверх. Около этих скелетов нигде не было остатков одежды или утвари, только около ступней каждый раз находили остатки дерева,— вероятно, дощечек, в которые упирались ступни покойников.

Напротив, во втором, круглом кургане никогда не было скелета; там помещались утварь и оружие, которые клали вместе с покойником в могилу. Удалив камни кургана, нужно копать еще примерно на пол-аршина твердую глину, после чего наталкиваешься на глиняный сосуд, высотой обычно в три четверти аршина, с узким горлом, прикрытым плоским камнем. Эти глиняные вазы всегда пусты; конечно, в них был какой-то напиток, который давали покойнику с собой в могилу. Когда глиняный сосуд вынешь, под ним оказывается слой костей животных, часть которых сожжена, часть же — в полной сохранности.

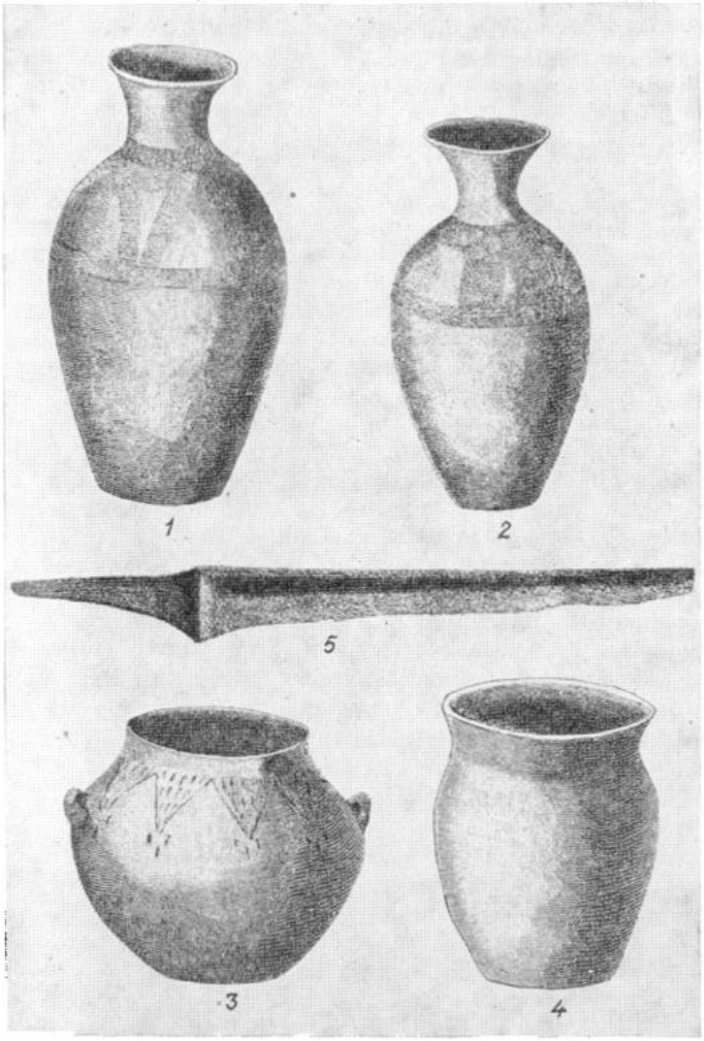

Таблица 9. *1–2* – погребальные урны из мужских киргизских гробниц на Абакане; *3–4* – погребальные урны из женских киргизских гробниц на Абакане; *5* – нож из киргизской гробницы

Чаще всего это овечьи кости, редко — кости лошадей и крупного рогатого скота. Вперемешку с этими костями лежит много железных предметов; топоры кельты, ножи, наконечники стрел, стремена, лошадиные удила [58]. Курганы, в которых находятся

эти предметы, расположены иногда к востоку от курганов, заключающих в себе скелеты, иногда — к западу от них.

Во всех могилах западного кладбища я обнаружил предметы, сделанные исключительно из железа, и притом лишь такие, которые являлись оружием или орудиями мужчин. По-иному обстояло дело на восточном кладбище, которое я обследовал позже.

Я напрасно искал на кладбище, расположенном с восточной стороны, нетронутые курганы. Все курганы здесь были перерыты, хотя я и раскопал свыше тридцати из них. Однако, несмотря на это, было ясно видно, что и здесь каждое погребение состояло из двух курганов, под одним из которых лежал скелет взрослого человека или ребенка без каких бы то ни было вещей, а под другим находилась могила с вещами, данными умершему с собой.

В то время как на первом кладбище были обнаружены только железное оружие и инструменты, в могилах восточного кладбища я нашел исключительно остатки украшений, сделанных из меди, серебра и золота. Из этих последних прекрасно сохранились: 1) очень искусно сделанная золотая серьга (немного похожая на прекрасные изделия из золота, рисунки которых приводит Витсен); 2) две серебряных серьги; 3) несколько тонких серебряных пластинок с чеканкой, которыми, очевидно, были покрыты медные или деревянные предметы. Нигде не было и следа высоких, искусно сделанных глиняных ваз, подобных тем, которые были найдены на западном кладбище. Вместо них во всех могилах попадались черепки маленьких, неприглядных горшков, в основном ручной работы. Кроме того, во всех могилах, содержащих вещи, находились кости животных, чаще всего овечьи.

Эти раскопки погребений убедительнейшим образом доказывают, что люди новейшего железного периода хоронили мужчин и женщин в разных местах. По-видимому, маленьких детей хоронили там же, где и женщин, а мальчиков постарше — с мужчинами. В погребениях мужчин я нашел два скелета мальчиков максимум 12—14 лет. Вместе с мужчинами клали в могилу только железное оружие и орудия, а кроме того, мясо для еды в пути и большой сосуд с водкой. Напротив, с женщинами зарывали их украшения и, кроме того, горшки с мясом.

Если сравнить устройство могил новейшего железного периода на Абакане с могилами древнейшего железного периода на Южном Алтае, то, несмотря на большие различия между ними, все же можно найти и некоторое сходство. В то время как в погребениях раннего периода лошадь и человека хоронят хотя и в одной могиле, но в разных ее частях, здесь мы находим погребение, полностью разделенное на две обособленные

части. Такое разделение, однако, вполне могло явиться результатом развития старых форм погребения.

Прежде чем перейти к описанию состояния культуры народов железного периода, я опишу устройство могил новейшего железного периода.

Севернее города Мариинска, на берегах Верхней Кии и речки между Кией и Чолымом, я наткнулся на насыпные земляные курганы, которые по большей части стояли тесными группами по берегам рек. Во многих местах эти небольшие курганы носили следы прежних раскопок, особенно вблизи русских селений, однако никто из жителей не помнил, чтобы тут когда-нибудь копали. Только в двух местах, по пути на Чердат, я увидал могилы, которые казались нетронутыми, поэтому здесь я и произвел раскопки. Подобные кладбища встречаются в этих местах очень часто, и можно поэтому предположить, что население, оставившее такие курганы, долгое время прожило на этой территории. Многие из этих курганов стоят теперь в густом лесу, так что кое-где на них растут могучие сосны.

Расположение и устройство могил вкратце таково: на самом берегу реки, обычно на более высоком месте, или на краю поросшего лесом склона лежит кладбище, состоящее из 10—40 холмов, которое иногда занимает территорию длиной свыше 100—200 шагов. Холмы большей частью имеют 1—3 аршина в высоту и 3—6 аршин в диаметре. По форме они закругленные, как шаровой сегмент. Расположены они так близко друг к другу, что иногда соприкасаются краями. Я произвел раскопки этих курганов на Улукёле, примерно в 60 верстах от Мариинска, и на реке Чердат. Так как курганы земляные, раскопки не представляли трудностей, и мне хватило всего нескольких дней на то, чтобы раскопать большое количество курганов и составить себе ясное представление об их внутреннем устройстве.

Покойников здесь клали на землю головой на восток, а ногами на запад, руки плотно прижаты к телу, большие пальцы кверху. Верхняя часть туловища и особенно руки были обычно покрыты слоем бересты. В головах или в ногах покойника ставили либо котел из железа или листовой меди, либо глиняный сосуд. Затем над трупом по всей его длине укладывали доски толщиной в 2—3 вершка и погребенный таким образом труп засыпáли землей, которую утрамбовывали около него как можно плотнее. Таким образом, этот тип захоронения полностью соответствует устройству погребений железного века в северных степях, с тем лишь отличием, что там труп клали не на землю, а в могилу в земле.

На Чердате оказалось несколько курганов, содержащих не по одному покойнику. В одном из таких курганов два скелета

лежали один на другом, отделенные друг от друга лишь слоем бересты. Нижний покойник лежал, как обычно, головою на восток, а верхний,— наоборот, головою на запад. Нижний скелет, судя по находившимся около него вещам, был мужским, а верхний — женским. В другом кургане оказалось три скелета, нижний — также головой на восток, а верхние, отделенные слоем земли в 4—5 вершков,— один головою на север, а второй на юго-запад. Все скелеты были средней величины, женские 2 аршина — 2 аршина 3 вершка, а мужские — не более 2 аршинов 6 вершков. Все трупы были захоронены с одеждой и украшениями, рядом с ними лежало оружие и инструменты.

Относительно возраста этих курганов, которые никак не могли принадлежать предкам проживающих в этих местах кюэрик-татар, мы можем судить по найденным в одной могиле русским медным монетам: все они относились к первой половине XVII в.

Если мы сравним устройство могил железного века с описанным китайцами порядком захоронения у уйгуров, тукю и хакасов, то обнаружим некоторое совпадение только с описанием погребения у уйгуров. Потому что там как раз говорится: «Они помещают покойников в вырытую могилу». Когда китайцы рассказывают, что покойника ставили в могилу и надевали на него все оружие, как если бы он был живым, то первое утверждение, конечно, ошибочно. Оно было вызвано рассказами о том, что уйгуры давали своим покойникам все то оружие и утварь, которыми те пользовались при жизни, и рассказчик добавил, явно по ошибке, будто им в могиле придавали и позу живых людей. Описание похоронных обрядов тукю также, конечно, содержит много неверных сведений. Во всяком случае, то, что говорится о сожжении трупов, неверно, так как я нигде не слыхал, чтобы на Алтае, в Киргизской степи и по Енисею были найдены урны с сожженными человеческими костями [59]. Напротив, вполне достоверны описания богатых жертвоприношений животных по случаю смерти. Я вспоминаю, что в одной могиле мы нашли 16 лошадей. Верно также, что утварь, принадлежавшую умершему, клали покойнику в юрту (?). Рассказы о том, что людей, умерших весной и летом, хоронили лишь тогда, когда желтела и начинала опадать листва, а умерших осенью и зимой хоронили весною, когда начинали появляться листья и цветы, позволяют сделать вывод о существовании двойной церемонии похорон. Вероятно, этим можно объяснить двухъярусные могилы раннего железного периода на Южном Алтае. Если мое предположение верно, то покойника хоронили сразу после смерти и при этом засыпáли могилу наполовину. Спустя несколько месяцев, возможно во время весенних или осенних праздников, совершались большие жертвоприношения и производилось захоронение какого-то

количества верховых лошадей. Далее, хотя в китайском описании и сказано: «Они устанавливают на могиле изображение умершего и на этой статуе отмечают все битвы, в которых похороненный здесь человек участвовал при жизни. Если он убил только одного человека, устанавливают один камень; на некоторых могилах стоит до сотни и более камней»,— однако это просто недоразумение, возникшее из-за рассказов путешественников о надгробных статуях. Эти статуи относятся к гораздо более раннему времени [60]. С такими смещениями мы сталкиваемся часто. Напомню относящееся к 1253 г. сообщение Рубруквиса, который по пути к Менги-хану увидал в Южной России надгробные изваяния и приписал их куманам, населявшим в то время эти места. Он говорит следующее: «Куманы делают над покойником большой холм и устанавливают на нем статую, которая обращена лицом на восток и перед пупком держит в руке сосуд». Между тем каменные бабы, которые он, очевидно, имеет при этом в виду, относятся к периоду, на несколько столетий предшествовавшему проникновению тюрков в Европу [61].

Очень сомнительны сообщения китайцев о погребении покойников у древних хакасов. «Во время похорон они не раздирают себе лицо (как ту-киу), а трижды обертывают труп и плачут. Затем они его сжигают и по прошествии года хоронят кости. Позднее они в определенное время устраивают поминки». Что означают слова «они трижды обертывают труп и по прошествии года хоронят кости»? Я думаю, что это следует понимать так: сначала покойника хоронят без всяких украшений и при этом в честь духов сжигают определенные части жертвенного животного. (Это отчасти доказывают сожженные овечьи кости, которые были найдены около трупов в погребениях позднего железного века на Абакане.) По истечении года совершают жертвоприношение, причем хоронят вещи покойного, а затем насыпают курган [62].

Мы располагаем таким богатым собранием древностей железного века из Южной Сибири, что совсем нетрудно проследить историю развития культуры этого народа. Особенно интересно то, что мои раскопки больших курганов на Катанде и Бухтарме указывают на древнейший период железного века [63]. Именно здесь наряду с железным оружием и ножами, по форме соответствующими изделиям позднейшего железного периода, я обнаружил меч, кинжал и нож, полностью сходные с изделиями древнейшего бронзового периода, т. е. такие, у которых рукоятка и клинок сделаны из одного куска. У кинжала даже имелось на конце рукоятки кольцо, образованное двумя змеиными головами. Это обстоятельство дает мне основание считать, что могилы, в которых было такое оружие, относятся к тому времени, когда севернее, на Алтае, происходил переход от бронзовой культуры к железной. Поскольку, как мы видели по приведенному выше

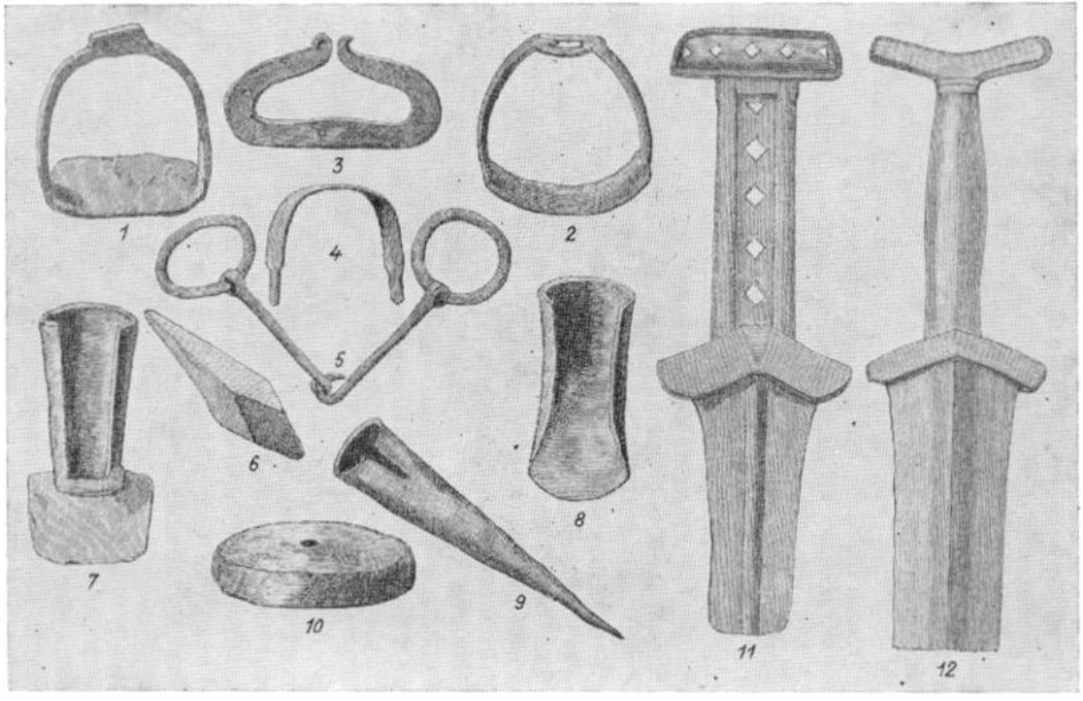

Таблица 10. *1, 2* – стремена; *3* – огниво; *4* – орудие; *5* – удила; *6* – острие стрелы из кости; *7–8* – кельты; *9* – острие копья; *10* – круглый камень из гробницы в Катанде; *11–12* – железные кинжалы с Алтая. Переходные формы от бронзового века

описанию погребения на Катанде, устройство каменных курганов совершенно отлично от устройства погребений бронзового века, мы вправе считать, что народ, оставивший курганы, проник с юга на Южный Алтай примерно в начале железного века. По-видимому, он не дошел до Среднего Иртыша, так как уже около Усть-Каменогорска и Кёкпекти я нигде не встретил каменных курганов. Так как эти новые пришельцы, очевидно, были исключительно кочевниками, занимавшимися, разумеется, только скотоводством (об этом говорит множество лошадей, захороненных в более богатых могилах), мы вправе считать, что они получали металлические изделия с севера, от покоренных ими народов бронзового века.

Сделанные из металла древности, относящиеся к железному веку, доказывают, что людям этого времени были с самого начала известны медь, железо, золото и серебро. Очевидно, не подлежит сомнению, что эти металлы добывались и обрабатывались здесь же, на Алтае. Медь и золото добывали и обрабатывали на Алтае уже много веков. Железо и серебро в начале железного века, возможно, приобретали путем торговых сделок, однако позднее их стали добывать на Алтае, что доказывают встречающиеся во многих местах чудские шурфы в серебряных рудниках и найденные мною кое-где груды доменного шлака.

Что касается обработки золота в древнейший железный период, то она носила весьма своеобразный характер. Именно здесь золото прокатывали в тонкие листы и этим листовым золотом покрывали украшения и пуговицы. Я нашел много такого золота на Катанде и Берели. Им были покрыты рукоятки железных ножей и кинжалов, по форме относившихся к древнейшим временам, и это свидетельствует о том, что тогда еще не умели инкрустировать железо золотом и серебром. Кроме того, листовым золотом покрывали деревянные и медные пуговицы и прикрепляли к кантам и кожаным бортам одежды тонкие золотые пластинки и вырезанные из листового золота фигурки и изображения зверей — тигров, кошек, змей, а также людей, всадников. Таким золотом покрывали и узоры, вырезанные из бересты. Как показывают маленькие отверстия на краях некоторых таких пластинок, они пришивались к вещам нитками.

К новейшему периоду железного века относятся очень изящные и искусные изделия из золота. Это доказывает найденная мной на Абакане серьга и обнаруженные в Западной Сибири изделия из золота, зарисовки которых сделаны Витсеном. К позднему периоду относится также инкрустированная золотом железная отделка конской сбруи и седел.

Сначала из серебра делали украшения для сбруи и седел, затем для людей неимущих из серебряной проволоки изготавливались кольца и серьги, а в более позднее время серебром стали

инкрустировать железо. Кроме того, с самого начала делали серебряные сосуды, нередко прекрасной формы и с изящной гравировкой.

Железо сразу же приобрело большое значение и, конечно, полностью вытеснило медь и бронзу при изготовлении орудий и оружия, требовавших наиболее твердого материала. Как я уже упоминал, в ранний период железные ножи и кинжалы ковали из железа целиком, как прежде медные. Позднее поняли, что при большой прочности железа такая обработка этого металла не требуется, поэтому у клинков стали выковывать тонкие концы, на которые затем насаживали рукоятки из дерева и рога. Так как железные вещи раннего периода обычно лежали в сырой земле, они пострадали настолько, что мы не можем судить об искусстве ковки, изяществе формы и качестве стали. Часть ножей и наконечников стрел позднего железного века сохранилась прекрасно, и их тонкая работа и высокое качество стали вызывают у нас восхищение. Это оружие было изготовлено целиком из стали и обладало большой прочностью. Мне показали много очень изящных и сделанных с большим вкусом наконечников стрел. Особенно много железных изделий было найдено на пашнях по берегам Енисея. Русское население утверждает, что для него эти вещи не представляют никакой ценности, так как русские кузнецы не могут их перерабатывать: как ни тверды эти ножи и оружие, однако, когда их бросают в печь, железо становится мягким и ломким и не поддается никакой обработке.

Господин Струве был настолько любезен, что подверг исследованию также несколько железных ножей и стрел как раннего, так и позднего железного века. Результат произведенного им химического анализа таков: «Все сделанные из железа предметы состоят из чистого железа, без примеси иных металлов. Естественно, все они содержат небольшие дозы угля и кремня. Чтобы доказать чистоту этого вида железа с помощью количественного анализа, один нож раннего периода подвергли анализу, и оказалось, что в 100 частях содержится 99,43 части железа, т. е. это превосходное сортовое железо, которое хорошо поддается ковке». К сожалению, господин Струве не подверг количественному анализу какой-либо из очень твердых предметов новейшего железного периода, и относительно этих вещей мы располагаем главным образом свидетельствами русских крестьян.

Из железных вещей этого периода мне было предоставлено: 1. Конская сбруя и отделка снаряжения верховой лошади: удила (в ранний период в большинстве случаев с боковыми кольцами большего или меньшего размера, в более позднее время — с кольцами на боковых стержнях длиной в 2,5—3 вершка, самой разной формы, чаще всего сделанные очень хорошо и с большим вкусом); круглые и четырехугольные

пластинки для украшения нагрудников и подхвостников (в более позднее время инкрустированных серебром и золотом); седельные крепления (седельные бляхи позднее инкрустировались золотом); заклепки и кольца от задней части седла для прикрепления ремней (по-татарски *канчыга*); стремена (большей частью с очень широкой подножкой и дужкой из круглых стержней. Верхняя петля, сквозь которую пропускается ремень, обычно очень широкая. Подножка часто ажурной работы. Я нашел только одно стремя, инкрустированное серебром) [64]. 2. Инструменты: кельты (отличающиеся от кельтов медного века главным образом тем, что их задняя часть открыта); лопаты, зубила, сверла, топоры и паяльники (в общем эти инструменты встречаются в погребениях редко, в могилах на Абакане только один раз, а на Барабе и около Барнаула — часто). 3. Режущие инструменты и оружие: ножи (почти в каждом погребении, самых разных размеров. В могилах более раннего времени я нашел по нескольку ножей в одних деревянных ножнах; возможно, они были китайской работы, так как китайцы и по сей день изготавливают такого рода футляры с несколькими ножами. У ножей более позднего периода совершенно прямая спинка, и они в какой-то мере похожи на ножи сартов); кинжалы (очень редко, только в одной могиле древнейшего железного периода); мечи (очень часто, в большинстве случаев свыше 1 аршина длиной, с узким клинком, почти прямым, с одним лезвием, конец немного загнут назад, головка меча из железа или меди, чаще всего в форме розетки; только в одном древнем погребении на Берели я нашел более длинный широкий меч с железной рукояткой и с большим кольцом вместо головки на ее конце); наконечники копий (в общем редко, обычно с длинным острием, некоторые наконечники очень тонкой работы); наконечники стрел (самой разной формы и величины: стреловидные, копьевидные, в форме листа, треугольные, переходящие впереди в лезвие шириной от четверти до двух с половиной дюймов. Особенно характерны трехгранные стрелы с Абакана, страшное оружие). 4. Панцири (крайне редко, состоят из искусно выкованных прямоугольников, нашитых на материю или кожу [нижнее платье]). 5. Огниво. 6. Сельскохозяйственные орудия: серпы и плуги (из последних я нашел на Абакане один, полностью соответствующий плугам сартов). 7. Украшения: пряжки всевозможных размеров, заклепки и украшения для поясов, застежки.

Таким образом, железо отодвинуло на задний план употребление меди и бронзы, так что как та, так и другая стали применяться только для изготовления сосудов, накладок и украшений. Из последних были найдены главным образом накладки для ремней конской сбруи и для поясов, затем пряжки для поясов и

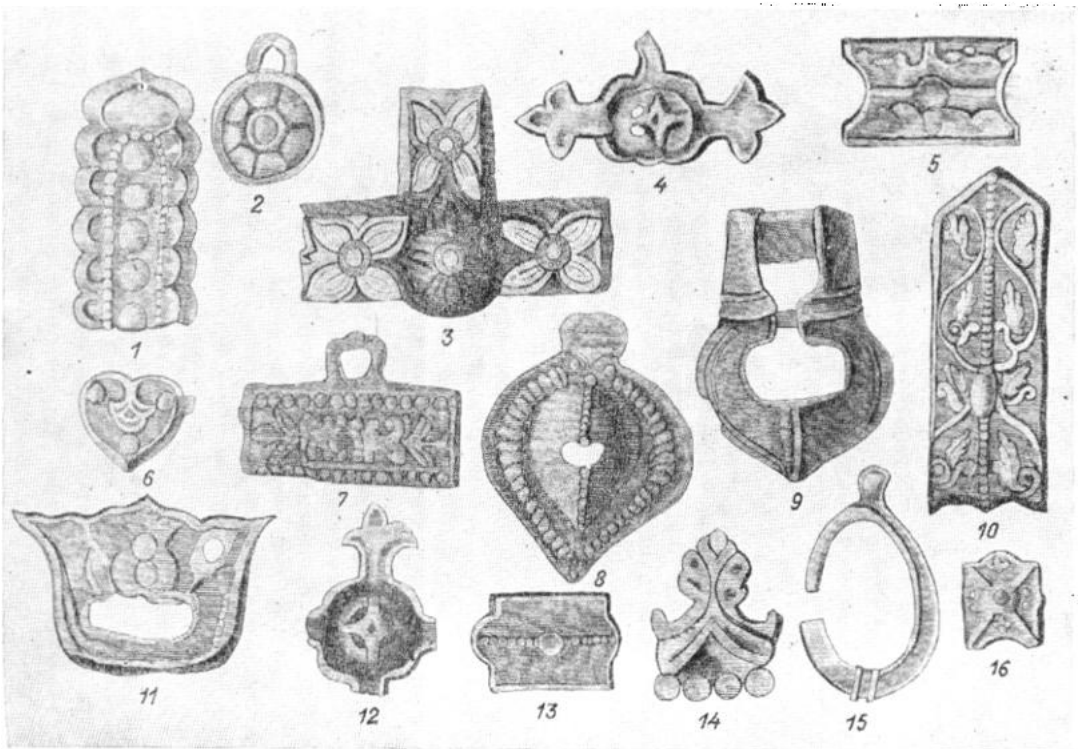

Таблица 11. Медные украшения ремней одежды

застежки, серьги, кольца, бусы, колокольчики, браслеты, ожерелья, маленькие статуэтки. Описание различных форм этих вещей завело бы нас слишком далеко. Достаточно привести несколько рисунков. Часть вещей сделана грубо, а часть украшена очень тонким и изящным орнаментом. Особенно хороши крупные пряжки для поясов. Для простых изделий в большинстве случаев употребляли только чистую медь, а для тонких работ — более желтый сплав, имевший большую примесь олова и свинца (как показали анализы Гёбеля, 20%), так как этот сплав более плавкий и лучше поддается обработке. Удивительным оказался состав бронзы одного относящегося к позднему железному веку украшения с Абакана: 89,70% меди, 0,63% олова и 9,10% железа. Эта бронза была очень твердой и ломкой, а на изломе мелкозернистой и серого цвета. По данным Струве, такие бронзы изготавливались очень редко и изготовление их было весьма сложно. Кроме этих бронз для изготовления украшений употребляли беловатый металл, состав которого мне неизвестен. Я сам находил такие украшения на Енисее, а в Петербургском Императорском Эрмитаже имеется богатая коллекция древностей из подобного же металла, найденных на Алтае. Зеркала железного века с самыми разнообразными украшениями имеются повсюду. Отлиты они из различных сплавов, чаще всего беловатого или серожелтого цвета. Мессершмидт находил зеркала с очень красиво орнаментированной тыльной стороной. Особенно красиво зеркало, зарисовку которого оставил Мессершмидт; оно сделано из стали (?) и богато орнаментировано. У всех тех зеркал, которые я находил или видел, в центре тыльной стороны имеется петля для ремня. Паллас приводит рисунок двух зеркал с ручками. Мне кажется, что изображение обратной стороны этих зеркал неоспоримо доказывает их китайское происхождение.

Почти во всех погребениях древнейшего железного века мы находим кроме перечисленных вещей из металла украшения, вырезанные из кости и дерева. Особенно часто встречаются костяные пряжки для поясов с костяными или железными язычками. Много таких вещей имеется в Эрмитаже. Некоторые из них вырезаны удивительно изящно и тщательно и украшены выпуклым узором. Очень часто на костяных или деревянных пластинках вырезаны изображения животных, резко отличающиеся от изображений бронзового периода тем, что они не воспроизводят реальных животных, а дают искаженные образы и сказочные сочетания каких-то фантастических чудовищ: лошадей с птичьими головами, птиц с головами тигров, тигров с хвостами, на концах которых изображены змеиные или птичьи головы; лосей и оленей, на концах рогов которых помещаются головы птиц, а на морде — птичий клюв и т. д. Это явно изображения мифических животных и, возможно, копии идолов.

К последнему предположению меня приводит в особенности то обстоятельство, что, как я уже упоминал, в большом погребении на Катанде в слое бересты, примерно в полутора аршинах над скелетами, были найдены всевозможные резные деревянные изображения, завернутые в одежду. Они, очевидно, были не украшениями, а предметами, явно имевшими религиозное значение. Это было несколько вырезанных из дерева и нашитых на шелковую ленту реалистических изображений лошадей, копыта которых были украшены золотыми пластинками. У одной из лошадей была птичья голова с резко изогнутым клювом. Затем нечто вроде чаши, на дне которой было изображение двух переплетенных друг с другом вытянутых тигров с птичьими головами на кончиках хвостов и совершенно фантастического огромного лося, а напротив него — реалистическое изображение медведя. Кроме этих фантастических изображений животных для орнамента железного века особенно характерны арабески и перевитые линии, очевидно воспроизводящие очертания растений, в то время как ни один предмет бронзового века, имеющий украшения такого рода, мне неизвестен.

Во всех погребениях железного века мы находим глиняные сосуды, однако они уже с древних времен резко отличаются от глиняных изделий бронзового века. На Южном Алтае и на Бухтарме в погребениях древнейшего периода железного века были найдены прекрасно обожженные глиняные сосуды, далеко превосходившие грубые глиняные изделия бронзового века тщательной обработкой самой глины и искусным обжигом. О еще более значительных успехах в изготовлении глиняных сосудов свидетельствуют погребальные урны новейшего периода железного века на Абакане. Форма у большей части из них чрезвычайно изящная, они сделаны из хорошо обработанной серовато-голубой глины и так прекрасно обожжены, что при ударе издают чистый, почти металлический звон. Очевидно, население новейшего железного периода имело хорошие печи для обжига посуды, так как стенки сосудов, нередко толщиной в 3—4 линии, все без исключения прожигались равномерно, в то время как сосуды с более тонкими стенками, относящиеся к раннему железному периоду, сильнее обожжены снаружи, нежели внутри. Ни на Енисее, ни на Южном Алтае я не обнаружил сосудов, покрытых глазурью, но на Алтае я находил бусы из стекла или глины, покрытые искусственной глазурью. Думаю, что эти стеклянные предметы не делали на Алтае, а покупали и завозили с юга.

Перечисленные здесь древности дают нам довольно отчетливое представление о быте и занятиях населения раннего железного века на Алтае и в Восточной Киргизской степи. Мы явно имеем здесь дело с чисто кочевым народом, таким, как описывают китайцы тукю, хакасов [65] и уйгуров. Большое количество

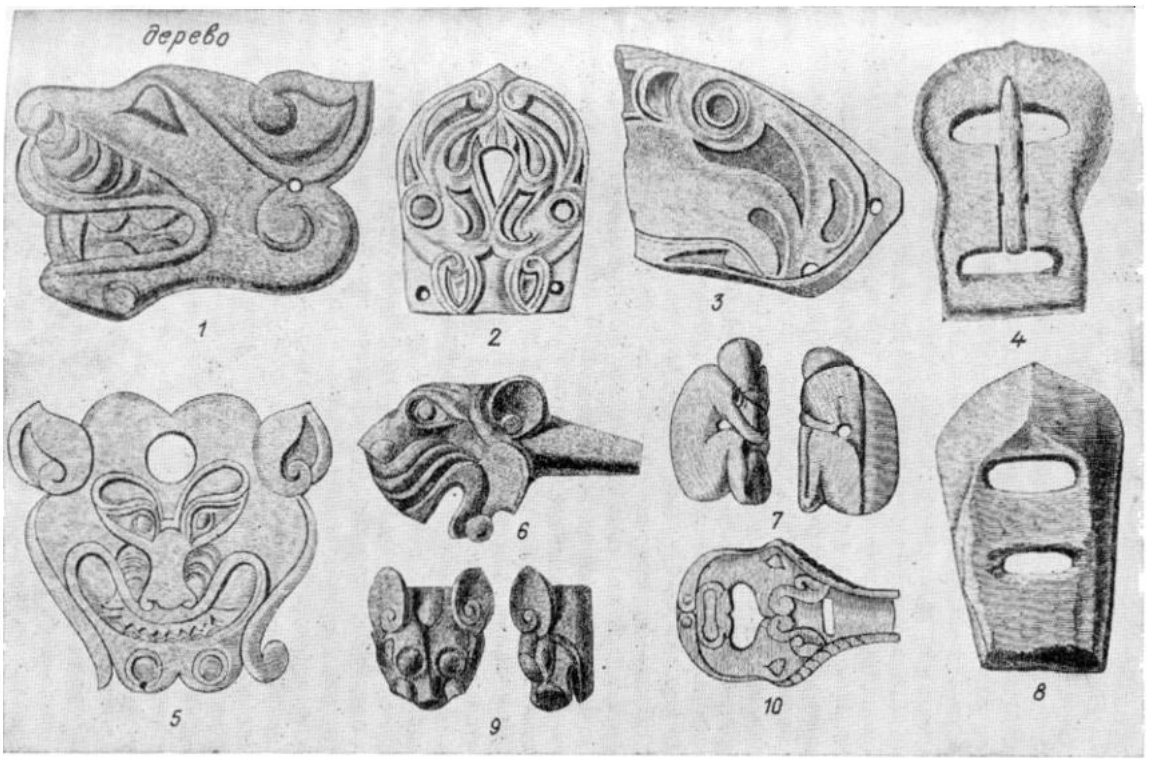

Таблица 12. Резные предметы из кости древнейшего железного века на Алтае (*1* — дерево)

различного оружия, как мечи, копья, кинжалы, стрелы и т. д., обнаруженного во всех погребениях той эпохи, убедительно доказывает, что оно принадлежало не мирному трудовому народу, каким, очевидно, были люди бронзового века, а народу воинственному, наводившему ужас на всех соседей и тревожившему их набегами диких конных полчищ, т. е. народу, очень похожему на описанных китайцами тюрков. Посмотрим, что говорят китайцы о тукю: «Из оружия у них есть роговые луки и свистящие стрелы, копья, сабли и мечи. Тукю очень метко стреляют с гор. Свои набеги и грабежи они обычно совершают в полнолуние». Напротив, о хакасах, которые хотя и не были тюркским народом, однако очень рано смешались с тюрками и восприняли их обычаи, китайцы сообщают: «В бою они пользуются луками и стрелами. Всадники закрывают кисти рук и ступни маленькими деревянными щитами. Их войско насчитывает 80 000 человек и находится под командованием трех полководцев. В бой они идут верхом на лошадях, вооруженные луками и копьями». Все эти сведения об оружии древних тюрков подтверждаются находками из погребений железного периода, так как в древних погребениях на Берели обнаружены даже остатки пластинок от панцирей. Древние кольчуги, найденные в различных районах Алтая, очевидно, относятся не к этой эпохе, а были завезены гораздо позднее из других стран, так как по своему виду они полностью совпадают с кольчугами, которые сделаны в Южной Азии. Конечно, такой воинственный народ, как древние тюрки, постоянно носил свое оружие в качестве украшения, и нет ничего удивительного в том, что оружие, постоянный спутник мужчины, давали ему с собой в могилу и мертвому, чтобы и на том свете оно служило ему для защиты. Мечи древних тюрков имели в длину до 1 аршина 18 вершков, были с одним лезвием и немного изогнутые. Копья состояли из древка длиной в несколько аршин, на конце которого был укреплен железный, чаще всего копьевидный наконечник, т. е. оно имело ту же форму, что и *найза* нынешних казак-киргизов. Стрелы и кинжалы этого времени я уже подробно описал выше.

Следует еще упомянуть, что мечи, кинжалы и наконечники копий попадались только в погребениях древнейшего периода железного века, в то время как в могилах более позднего периода на Абакане из оружия встречались лишь наконечники стрел. Это обстоятельство указывает, что тюрки этого позднего периода уже не являлись тем значительным народом, который выставлял против врага большую армию. Как я уже писал выше, разнообразие наконечников стрел доказывает, что древние тюркские племена применяли это оружие не только на войне, но и на охоте. Некоторые из этих наконечников так малы, что они явно употреблялись при охоте на мелкого зверя, такого, как белка,

горностай, соболь, куница, лиса, шкурку которых старались как можно меньше повредить. Для этой же цели могли служить и некоторые тупые деревянные и костяные стрелы. Найденная в погребениях на Катанде одежда, так же как и данные, содержащиеся в китайских источниках, служат доказательством того, что этих зверей действительно добывали. Стрелы с широким острием служили для охоты на птиц: гусей, уток и лебедей, а также на глухарей и тетеревов, которые в больших количествах водились летом на Южном Алтае, в Сойонских горах и в прилегающих степях. Прекрасное изображение сцены охоты имеется на серебряной чаше с Енисея, рисунок которой приводит Мессершмидт. Мы видим на этом изображении несколько всадников, которые охотятся верхом на лошадях. Один из них стреляет в летящую над его головой птицу, другой держит на левом кулаке ловчую птицу, еще три всадника в разных позах стреляют в бегущих впереди них антилоп, а шестой стреляет в какого-то хищного зверя, по-видимому преследующего его. Эти охотничьи сцены дополняются наскальными рисунками на Юсе, которые обнаружены наряду с упомянутыми выше рисунками бронзового периода, но отличаются от них правдивостью изображения, и, очевидно, процарапаны на скалах какими-то острыми железными инструментами. По своему характеру эти рисунки совпадают с изображением на вышеупомянутой серебряной чаше, так что мы можем с уверенностью приписать их населению позднего железного века на Енисее. Наряду с другими охотничьими сценами на них изображены охотники верхом на лошадях, вооруженные луками и стрелами и преследующие косуль, оленей, лосей и лисиц. Один из всадников преследует этих зверей и с лошади, по-видимому стоя в седле, посылает им вслед смертоносную стрелу. В другом месте изображена охота на хищных зверей. Здесь мы видим тигров, рысей, волков и медведей. Однако охотник не отваживается напасть на этих хищников, сидя на лошади, ибо при этом он не сумеет метко выстрелить, а стрела, пролетевшая мимо цели, может принести ему гибель. Спешившись, он подкрадывается к зверю на расстояние выстрела, опускается на правое колено, упирает левый локоть в левое колено, правой рукой оттягивает тетиву до плеча, левой же держит лук и посылает своим грозным противникам стрелу, несущую верную смерть [66].

Заслуживает особого внимания то, что во всех погребениях раннего железного века было найдено большое количество лошадиных скелетов. Так, в большом погребении в Берельской степи мы обнаружили, как я уже упоминал, 16 скелетов лошадей, а в других погребениях по восемь, шесть и четыре лошади. Даже в небольших могилах на Катанде оказалось по две-три лошади. Это обстоятельство, так же как и наскальные рисунки того вре-

мени, на которых изображены исключительно всадники и нет ни одного пешего, доказывает, что население древнейшего железного периода было безусловно народом всадников. Китайские источники так и описывают с древних времен тюркские народы как народы всадников. Это не должно вызывать у нас удивление, так как, где бы тюрки впоследствии ни появлялись на исторической арене, они всегда выступали ордами всадников, так же как и по сей день остаются истинными конниками тюрки степей Западной Азии, киргизы, кара-киргизы, каракалпаки и туркмены. Но и те тюркские племена, которые были заброшены в Южную Сибирь, тоже не изменили своего образа жизни. Об этом свидетельствуют как погребения новейшего железного периода на Абакане, в которых повсюду найдена в изобилии конская сбруя, так и образ жизни и обычаи алтайцев и качинцев. Само собой разумеется, что народы-всадники дают своим усопшим в дальний путь на тот свет сбрую верховой лошади.

Найденные в погребениях железного века древности говорят о том, что народам железного века были издавна известны седла и стремена. Я сам нашел пару стремян в одном древнем погребении на Бухтарме, а в большом погребении на Катанде среди вырезанных из дерева статуэток, описанных выше, оказались лошадки с седлами на спине; передняя часть их была украшена золотыми пластинками. Копыта этих лошадок также были покрыты золотом. Возможно, это указывает на то, что древнее население железного века украшало копыта своих лошадей. О том, что они всячески украшали конскую сбрую, свидетельствуют не только шнурки с нанизанными на них кабаньими клыками, которые мы нашли на шее лошадиных скелетов в нескольких могилах на Бухтарме, но и деревянные, покрытые золотом украшения из большого погребения на Берели, которые, очевидно, были прикреплены к гривам лошадей. Я не могу сказать, ковали ли лошадей в древние времена, потому что ни в одном из старых погребений не нашел остатков подков. Однако найденные в одной могиле на Абакане куски подков, представлявших собой тонкие железные пластинки с отверстиями для гвоздей и соответствующие тем подковам, которые употребляют в Китае и по сей день, доказывают, что позднее у народов железного века вошло в обычай ковать лошадей. Кроме того, мы повсюду находим удила с большими кольцами по бокам, а в могилах более позднего времени — с изящными боковыми стержнями самой разной формы. К кольцам на удилах прикреплялись боковые ремни, а к ним — поперечный ремень. Иногда эти ремни крепились непосредственно к кольцам удил, иногда же — с помощью металлических накладок. Все ремни уздечки имели металлические украшения, которые в древнейшие времена у людей богатых представляли собой нашитые на ремни тонкие золотые бляшки

и массивные серебряные накладки, прикреплявшиеся с помощью серебряных заклепок, а у бедных — такие же медные накладки. В более поздний период употребляли также железные накладки для ремней, инкрустированные золотом или серебром, какие встречаются у богатых киргизов и поныне. К налобным и наносным ремням часто прикреплялись круглые бляшки с маленькими колокольчиками. Седла у народов железного века, очевидно, имели спереди широкий и высокий деревянный борт, какой еще и теперь наблюдается у китайских седел. У богатых людей этот борт был украшен металлической обшивкой, которая, разумеется, гармонировала с накладками на ремнях. К задней части седла, как свидетельствуют найденные металлические обивки, с древних времен прикреплялись два ремня, которые были соединены кольцами с подхвостником. В последующий период стали применять еще и нагрудники, о чем убедительно свидетельствуют три металлические накладки, укрепленные на большом кольце; их часто находили в погребениях позднего периода. Как и теперь у азиатских народов-всадников, подпруги, крепящие седло, были узкими; об этом говорят пряжки подпруг, найденные около лошадиных скелетов. Покрытые золотом украшения из бересты, обнаруженные в большом погребении на Берели среди лошадиных скелетов, говорят, как мне кажется, о том, что на спинах лошадей лежали чепраки, украшенные золотыми бляшками. У стремян обычно очень тонкие дужки, но широкие подножки, которые в поздний период железного века нередко были богато украшены.

Совершенно очевидно, что основным занятием этого народа конников было скотоводство, которое и заставляло их вести кочевой образ жизни. Как свидетельствуют наскальные изображения на Юсе и Енисее, кроме лошадей они разводили овец, коз, крупный рогатый скот и верблюдов. Это же сообщают китайцы о хакасах: «Лошади у них высокие и сильные, и лучшими считаются те, которые любят драться друг с другом. У них есть также верблюды и крупный рогатый скот, и его больше, чем овец. У богатых людей его по нескольку тысяч». О тукю упоминается только, что они приносят овец и лошадей в жертву. И далее об их образе жизни: «Хотя ни у кого нет постоянного местожительства, однако каждый имеет свой земельный надел». Я уже говорил, что эти наделы, разумеется, относятся только к зимовьям. Пастбища отдельных аулов распределялись по семьям, как это делают и по сей день у киргизов-кочевников. Народы, у которых так сильно развито скотоводство, как это было, по сообщению китайцев, у хакасов, вообще могут вести только кочевой образ жизни, иначе их стада будут страдать от недостатка травы. Китайцы очень подробно рисуют нам жизнь этих древних кочевников, описывая обычаи древних каоче

(уйгуров). Там сказано дословно следующее: «Каоче кочуют с места на место в зависимости от обилия воды и травы». При перекочевках каоче пользовались высокими двухколесными повозками, и это, по сообщению китайцев, явилось причиной того, что их называли *као-че* (высокие повозки). О том, что такими же повозками пользовались и народы железного века, говорит наскальный рисунок недалеко от Юса, изображающий крытую повозку на двух высоких колесах, в которую запряжен верблюд.

Кроме скотоводства эти народы железного века занимались еще и земледелием, так же как им занимаются и теперь все тюрки-кочевники. Разумеется, они тоже обрабатывали свои поля близ зимовок и, перекочевывая со своими стадами на летние пастбища, часть работников и слуг оставляли на этих полях. По сообщениям китайцев, хакасы на зимовках строили хижины из бересты (так называемые *алачык-јўй* нынешних тюрков), а летом жили в войлочных юртах. Насколько распространен был у древних тюрков обычай жить зимой на постоянных стойбищах, показывает, между прочим, то обстоятельство, что живущие теперь оседло узбеки Зеравшанской долины называют свои поселки *кышлак* (т. е. зимовка). Говоря о земледелии у древних тюрков, китайцы приводят подробные сведения только о хакасах, которые, по китайским данным, сеяли просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Посев они производили в третий месяц, а сбор урожая — в девятый. То, что хакасы занимались земледелием в небольшом объеме, вытекает из сообщений китайцев, хотя эти сообщения и не следует принимать безоговорочно: «Они питаются мясом и кумысом, и только *ажо* (властитель) ест пищу, приготовленную из зерна». Я понимаю это так, что лишь богатые люди (как и по сей день у киргизов) могли заниматься земледелием, потому что одни они были в состоянии оставлять на все лето юрты и работников на полях и кормить этих работников.

На занятия земледелием и на употребление народами железного века бобовых[67] растений указывают найденные во многих местах плуги и серпы, а также круглые жернова от ручных мельниц и шероховатые каменные плиты для растирания зерна. Об употреблении хакасами ручных мельниц говорят и китайские источники. Вероятно, часть старых каналов для искусственного орошения степи, обнаруженных в Абаканской степи, на Уймоне и на Бухтарме, также могла быть проложена народами железного века, хотя мне, впрочем, представляется маловероятным, что кочевые народы часто строили такие крупные оросительные сооружения. Они, несомненно, по большей части восстанавливали и использовали такие сооружения, созданные прежним населением (бронзового века).

По данным китайцев, хакасы занимались также рыболовством. То, что им занимались и народы железного века, доказывают рыбьи кости, найденные во всех древних погребениях Южного Алтая, так же как и железный инструмент с крюком, который я нашел на Абакане и считаю острогой.

Мне кажется, что сообщения китайцев об одежде хакасов в известной мере соответствуют одежде народов железного века вообще. Об этом говорят найденные мною части одежды из могильников раннего железного века, сохранившиеся благодаря льду в погребениях на Катанде.

Первый из этих предметов одежды — плащ с длинными, но такими узкими рукавами, что, как мне кажется, вообще невозможно было просунуть в них руки. Плащ был подбит собольим мехом, который в некоторых местах остался абсолютно неповрежденным. Крыт был плащ горностаевыми шкурками ворсом наружу. Этот горностаевый мех был выкрашен в красный цвет и нарезан подковообразными и четырехугольными кусками, между которыми были вшиты полоски этого же меха, выкрашенные в зеленый цвет. На узкие подковообразные зеленые полоски меха, расположенные рядами, повсюду было нашито до одиннадцати круглых деревянных пуговиц, покрытых золотыми пластинками. Вшитые между подковками зубцы были соединены совсем узенькими кожаными ремешками, на которые — около каждого зубца — было нашито по 16 маленьких четырехугольных золотых бляшек. По вороту и по переду плаща было пришито вплотную друг к другу на ширину в 4—5 вершков 14 рядов четырехугольных деревянных пуговиц, которые были покрыты золотом таким образом, что одна пластинка захватывала четыре пуговицы. Восемь рядов таких же пуговиц шли по нижнему краю плаща. На плечах тоже были такие полосы, состоящие из пяти рядов пуговиц, на концах рукавов — полоса в восемь рядов, а по внешней линии рукава, от плеча до конца рукава,— два ряда таких пуговиц. Такие же узкие полосы пуговиц спускались от подмышек и от середины воротника по спине до нижней широкой каймы.

Второй предмет одежды очень странного вида и напоминает наш фрак. Она тоже была подбита собольим мехом, но верх был из темной шелковой материи (возможно, что ее краска потемнела от долгого лежания). Перед этого одеяния — доходящая примерно до талии куртка, без воротника и с острым вырезом до середины груди. Спинка на бедрах удлиняется, образуя полосу шириной фута в полтора, спускающуюся до щиколоток. По вороту и по низу этой одежды шла кайма — полоска кожи шириной в полтора вершка, по обеим сторонам которой были нашиты в ряд изящные золотые зубчики. Между этими двумя рядами зубцов на кожаную полоску были нашиты попарно, на расстоянии примерно дюйма друг от друга, маленькие круглые золотые

бляшки. Похожая кожаная полоса шла с плеча по груди и до наружного края ворота, а также по спине примерно на уровне лопаток. Такой же полосой кожи были оторочены и рукава. От плеч по внешнему шву рукава и от лопаток по шву спинки тоже спускалась кожаная полоса, но вдвое у́же и украшенная только зубчатыми полосками золота.

Третьим предметом одежды был нагрудник, тоже подбитый собольим мехом и крытый шелком. Он имел форму трапеции и был обшит просто полосой кожи, край которой украшала изящная золотая полоска. К углам узкого верхнего края нагрудника были прикреплены короткие ремешки или тесемки, которые завязывались вокруг шеи, а к нижним углам — более длинные тесемки, которые завязывались на талии. Хотя китайцы, рассказывая о хакасах, сообщают, что шелковую и шерстяную одежду у них носили только женщины, мне, однако, все-таки кажется, что вся описанная здесь одежда, найденная в одном месте, была мужской, потому что нагрудник, несомненно, мог принадлежать только мужчине. То, что люди бедные носили шубы из овчины совершенно так же, как пишут китайцы о хакасах, доказывают остатки такой шубы в небольшом погребении на Катанде. К сожалению, невозможно по этой находке установить покрой шубы, потому что кожа совсем истлела и уцелело лишь несколько клочков. Среди остатков этого меха сохранились отдельные куски от штанов, которые были сделаны из довольно грубой домотканой материи и покроем явно походили на тканный из верблюжьей пряжи киргизский *ёрмёк*. Сохранился совершенно неповрежденный нижний край одной штанины, такой узкий, что, очевидно, эти штаны носили заправленными в узкие сапоги. С одной стороны внизу штанина была надрезана, и этот разрез, так же как и весь нижний край, обшит тонким шнурком, концы которого свисали и, очевидно, служили для того, чтобы завязывать нижний край штанов у щиколотки. Как можно установить по нескольким кускам, шнурок, которым завязывали штаны внизу и на поясе, был плетеным, а не крученым. Там же, в другой могиле, оказался войлочный сапог или чулок, у которого была насквозь проношена подошва, сделанная из очень тонкого войлока. Верхняя часть голенища, длина которого составляла около полутора-двух пядей, была отогнута примерно на один вершок. Кроме этой одежды у двух женских скелетов были обнаружены на шее остатки узкого, около вершка шириной, стоячего воротника из очень тонкой материи, на котором были рядами нашиты мелкие круглые и овальные медные бляшки. Часть этих медных бляшек была той же формы и величины, что и некоторые из найденных в большом погребении бляшек из золота.

Ни в одном из погребений железного века я не обнаружил остатков шапок или каких-либо других головных уборов. Однако

в одном погребении на Бухтарме я нашел вырезанную из золотой пластины фигурку всадника, у которого на голове, по-видимому, была островерхая шапка, высотою равная почти половине верхней части туловища. Островерхая шапка изображена и на голове одного из всадников с наскального рисунка на Юсе. Такими описывают китайцы шапки хакасов. Им соответствуют и островерхие шапки трех всадников, изображенных на упоминавшемся уже серебряном сосуде, рисунок которого оставил Мессершмидт, но эти шапки значительно ниже, чем на наскальном рисунке. Я хочу еще прибавить, что нога упомянутого всадника с наскального рисунка на Юсе сверху донизу расчерчена поперечными полосками. Я думаю, что это — изображение меховых сапог, которые шились из полосок меха с ног косули и поэтому были полосатыми. Такие сапоги некоторые алтайцы носят и по сей день поверх длинного мехового чулка.

Украшения из золота, серебра, бронзы и меди, которых в раскопанных мною погребениях оказалось очень немного,— это, как я уже писал, пуговицы, накладки на пояс, застежки, пряжки для пояса, нашитые на одежду металлические пластинки, кольца и серьги, маленькие бубенчики и металлические украшения для кос.

Я намеренно употреблял все время выражение «народы железного века», потому что произведенные мной раскопки погребений и имеющиеся древности не дают мне достаточно оснований для того, чтобы рассматривать их порознь. Очевидно, народы железного века, обитавшие на юге и оставившие большие каменные курганы, были тюрками. Это же относится к народу, оставившему более поздние погребения на Енисее,— енисейским киргизам или потомкам рано тюркизованных хакасов, так как они постоянно жили в долинах и степях по Верхнему Енисею и Абакану с VI по XVII в. Точно так же мне кажется, что и погребения в Восточной Киргизской степи к северу до Среднего Иртыша принадлежат тюркским племенам. Оставлены ли также тюрками погребения железного века на Северном Алтае, между Иртышом и Чолымом и по берегам Тобола, Ишима, Нижнего Иртыша и Тары, или же они принадлежали угро-самоедским племенам или енисейцам, я никоим образом не могу ни утверждать, ни оспаривать. Для решения этого вопроса требуется еще много исследований и раскопок, которые должны быть предприняты главным образом на Нижнем Иртыше, по Тоболу, в Северной Киргизской степи, в районах Средней Оби и на Томи. Столь же существенным явилось бы изучение погребений в Монгольской степи и, наконец, раскопки богатых кладбищ между Бухтармой, Нор-Зайсаном и городом Сергиополем.

В то время как тюрки Средней Азии благодаря связям с южными культурными народами достигли более высокой ступени го-

сударственного развития, у их северных братьев и у подчиненных им племен угро-самоедов и енисейцев, лишенных какого бы то ни было более близкого общения со своими соседями, уровень культуры все больше снижался. Они распались на малые племена, истреблявшие друг друга в непрерывных междоусобных войнах, и в конце концов пришли в то жалкое состояние, в котором и нашли их русские в Сибири в XVII в. Естественно, с упадком политического значения этих народов и уровня их культуры уменьшились их богатства и стало меньше рабочей силы, так что вскоре они уже не были в состоянии воздвигать своим покойникам высокие надгробные памятники. В конце концов у них полностью исчез обычай насыпать курганы, и они переняли отчасти мусульманский порядок погребения, отчасти — монгольский. Мне кажется, однако, что в некоторых частях Сибири обычай насыпать курганы сохранялся дольше, чем в других. Во всяком случае, я могу доказать это в отношении одного района, где курганы насыпали вплоть до XVII в. Я имею в виду район на Чолыме, севернее Мариинска, где я обнаружил большое количество уже описанных кладбищ самого нового времени.

Уровень культуры жителей Чолыма XVI и XVII вв. был примерно таким же, что и тот, на котором находится еще теперь большинство туземцев Южной Сибири. Как показывают найденные в погребениях вещи, этот народ умел делать мелкие предметы из меди и железа, так как не вызывает сомнения, что некоторые ножи, железные стрелы и выкованные из листового железа и красной меди котлы были сделаны на месте. Однако ясно, что металлы, которые они обрабатывали, они не добывали сами, а получали железо и медь в виде брусков и листов при посредстве русских купцов. Другие вещи из железа, меди и латуни, очевидно, завезены из России. К ним я отношу некоторые ножи, топоры, ножницы и т. д., а также все украшения: кольца из латуни, серьги из латуни, латунные застежки, пряжки, металлические и стеклянные бусы и т. д.

Найденное в больших количествах оружие (костяные и железные наконечники стрел) доказывает, что эти народы занимались охотой, являющейся и по сей день основным занятием населения тех мест. Оказавшиеся в погребениях удила говорят о том, что эти люди, кроме того, имели лошадей и использовали их для верховой езды. Находки из погребений этой эпохи не позволяют судить о том, держали ли они и другой скот. Невозможно с уверенностью сказать, занимались ли они земледелием и каким способом. Я нигде не нашел серпов, но часть больших железных кельтов, которые, очевидно, были местной работы, возможно, служила в качестве мотыг для рыхления земли. В таком случае древнее население Чолыма обрабатывало землю тем же способом, что и черневые татары. Небольшие железные кельты такой же

формы употреблялись, разумеется, для выкапывания корней кандыка и луковиц лилий [68], являвшихся с незапамятных времен основным продуктом питания самоедских народов. Кроме того, из железных инструментов я нашел резец и несколько маленьких кельтов, которые, вероятно, использовались при выделке деревянных чашек. Такие чашки, иные с ручкой, которые явно употреблялись как чашки для питья, я нашел в нескольких погребениях. Я нашел единичные черепки глиняных сосудов, и притом только в курганах, так что они относятся, вероятно, к более позднему времени. То обстоятельство, что древнее население Чолыма вместо прежних глиняных сосудов стало класть с покойниками в могилу котлы из листового железа или меди и деревянные чашки, говорит о том, что эти люди разучились делать глиняную посуду. Относительно котлов следует еще упомянуть, что медные котлы делали из одного куска, а железные состояли из двух частей, стенок и дна, и обе части были скреплены друг с другом большими заклепками. Только в одном погребении я нашел железный чешуйчатый панцирь. Панцирь был на шерстяной подкладке, от которой остались целые куски, прекрасно сохранившиеся. Шерстяная материя была очень грубой и напоминала шерстяную пряжу русских крестьян, так что мы, пожалуй, вправе считать, что она была собственного производства. Кусок льняной ткани, найденный в женском погребении на Чердате, несомненно, завезен русскими торговыми людьми.

Относительно одежды жителей Чолыма на основании найденных около скелетов остатков ее можно с уверенностью сказать лишь следующее: как женщины, так и мужчины носили шапки из меха косули. Их основной одеждой была шуба из меха зверей, которых они убивали на охоте. Их сапоги были изготовлены из меха или кожи и доходили почти до колен, а на подошве и под каблуком были вделаны куски бересты, которые в большинстве случаев оказывались единственной сохранившейся частью совсем истлевшего сапога. Женщины носили серьги и кольца, а на шее часто железный обруч, на котором были укреплены длинные шнурки с бусами. В косах также были стеклянные бусы. Кроме того, женщины носили с левой стороны аграф, или крючок, на котором висело украшение из бус. На этом же крючке висела сумка со всем необходимым для шитья, наперстком и ножницами. Мужчины носили пояс с металлическими накладками или без них, а на левом боку — нож в деревянных ножнах. На руках мужчин также оказывались кольца из желтой меди с вделанным в них стеклом или без него.

Устройство погребений на Чолыме совпадает с устройством погребений древнего населения бронзового века; кроме того, именно в районах, где расположены эти погребения, названия рек указывают на то, что в конце концов здесь жили енисейцы.

Поэтому мы, вероятно, вправе предположить, что это — погребения древних аринов, которые считают себя потомками населения бронзового века. В своей более ранней работе о древних насельниках Сибири, которую я опубликовал в «Живописной России», я высказал предположение, что как погребения древнейшего бронзового периода, так и могильники на Чолыме оставили угро-самоеды, причем я считал, что енисейцы, находившиеся в состоянии дикости, обитали в горах Алтая до самоедов и не оставили никаких памятников своей культуры. Я изменил свою точку зрения после тщательного изучения китайских источников, и в особенности потому, что в трудах китайцев уже в VII в. самоедов описывали как лесных жителей, питающихся кореньями, и называли их тем же именем, которое до сих пор носят их потомки в Сойонских горах, а именно дубо (=туба) [69]. Однако в то же время они сообщают о северных соседях живущих по Енисею киргизов — о гелочи — и описывают их как народ, родственный светловолосым киргизам, и как культурных земледельцев. Итак, поскольку алтайских гелочи описывают как светловолосых людей, говоривших, очевидно, на ином языке (отличном от языка тюркоязычных киргизов), а все племена Центральной Азии, которых китайцы называют светловолосыми народами, явно исчезли, то более вероятно, что все эти племена принадлежали к енисейцам, которые и по языку также полностью отличаются от черноволосых урало-алтайцев. У меня нет иных доказательств, кроме уже приведенных, и мое мнение, что енисейцы являются потомками более раннего культурного народа Сибири,— это только гипотеза, которая, возможно, в какой-то мере вероятна. Если бы можно было доказать, что народы, достигшие на Алтае уже значительного уровня развития культуры, впоследствии переселились на запад и перешли за Урал, то эти племена вполне могли бы быть родственны светловолосым финнам. Более того, нет ничего невозможного в том, что некоторые индогерманские племена, как полагает Риттер [70], проникли в Центральную Азию, так что, возможно, германцы или славяне поднялись на определенную ступень культуры в северных областях Центральной Азии, однако впоследствии были полностью уничтожены вторгшимися с юга ордами. Однако до тех пор, пока в пользу этой последней теории нет иных доказательств, кроме наименований «светловолосый» и «голубоглазый», я считаю свое предположение более правдоподобным. К сожалению, вопрос о происхождении древнейших насельников Сибири, вероятно, никогда не удастся решить [71].

< Из главы VIII

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ К СОЙОНАМ В 1861 г. [1]>

(...) Путешествие к сойонам у Каракёля и мои блуждания между истоками Кемчика и Абакана в 1861 г. (...)

(29 июня.) Сегодня мы смогли отправиться в путь с Чолышмана лишь около десяти часов, так как двое из моих проводников предпочли нарушить наш договор и исчезнуть ночью вместе со своими лошадьми. Сначала мы переправились на лошадях через Чолышман, который образует здесь два очень широких рукава и потому мелководен. Несмотря на это, переход был небезопасным, так как течение стремительное. Горы на том берегу скудно поросли лесом, так как к солнцу обращена эта сторона, а на противоположном берегу возвышаются голые скалы. Видишь то романтические нагромождения скал, то склоны гигантских гор, обрывающиеся совершенно отвесно от вершины к подножию. Сама долина — довольно широкая и покрыта прекрасным травяным ковром. Во многих местах она даже распахана, и на нижней гряде гор беспорядочно разбросаны среди скал и покрытых камнями холмов маленькие участки пашни. Долины у подножия прибрежных гор лежат значительно выше реки, и потому они очень сухие, так что население проложило здесь каналы для искусственного орошения. Примерно через три версты мы добрались до речушки Карасу, где нашли четыре-пять бедных юрт. Близ устья Карасу долина густо заросла кустарником. Проехав Карасу, мы покинули долину Чолышмана. Сначала дорога вела нас густым лесом вверх от устья этой речушки. Дальше дорога стала извиваться и петлять вверх по голому и крутому скалистому берегу. Дорога здесь очень трудная, часто шириной всего в несколько футов. Пролегая то по высоким скалам, то по глубоким ущельям, она время от времени приближается к реке, и тогда видно, как серебристо сверкающая вода пенясь мчится вниз меж огромных скал. Берега Карасу покрыты богатейшей растительностью; высокие травы, пышные цветы, кустарник и возвышающиеся там и сям одинокие пихты придают поистине живописный вид стиснутым между зубчатыми скалами берегам. После того как мы в течение часа взбирались на скалы, мы решили, что достигли вер-

шины прибрежных гор Карасу; однако, добравшись до самой высокой точки, мы увидели стоящую перед нами гору вдвое выше. Так, с уступа на уступ, поднимались мы на головокружительную высоту и лишь к трем часам пополудни достигли гребня обрывистой скалы, вновь подошедшей вплотную к речушке Карасу. Теперь мы очутились на отвесной скале, однако отнюдь не на вершине прибрежных гор, которые поднимались все выше и выше уступами, густо поросшими лиственницей. Так как наши лошади были измучены тяжелой дорогой, по которой им пришлось частично идти под палящим солнцем, а впереди у нас было еще несколько дней пути, я последовал совету моего проводника, сделал остановку и приказал разбить в подходящем месте лагерь для ночлега.

С вершины открывается великолепный вид на долину Чолышмана. Долина выглядит довольно широкой, так как отсюда кажется, что к ней относятся и нижние террасы прибрежных гор, и она тянется как гигантское ущелье между возвышающимися до небес отвесными степями гор. По долине извивается, как змея, освещенная солнцем река, и мне кажется, что эта путаница фантастических извивов и дала реке ее название (глагол *чолыш* означает «перекрещиваться, идти крест-накрест») [2]. Насколько хватает глаз, берега реки окаймлены лесами. С востока в Чолышман впадает Чёльчю. В месте впадения этой реки долина расширяется и при взгляде сверху представляется огромным лесным массивом. Сама Чёльчю не видна, она совершенно скрыта прибрежными лесами. Горы на правом берегу кажутся цепью трехгранных пирамид, в широких ущельях между ними до самого гребня поднимаются пихтовые леса. Левый берег значительно выше правого. Уже на вершинах прибрежных гор местами можно увидеть снежные поля. Вдали же виднеются гораздо более высокие снежные вершины.

(30 июня.) Покрытые лесом горы и уступы, которые мы видели вчера, гораздо круче, чем казалось снизу. На них можно взобраться лишь с северной стороны и только зигзагом. Здесь мало леса, но склоны густо поросли травой. Дорога, ведущая к этим склонам, шириной максимум в пол-аршина, так что, когда, сидя на лошади, глядишь в пропасть, все время боишься свалиться туда. Проехав таким образом примерно три версты, мы добрались до верхней точки первой террасы гор. Здесь снова появился густой лиственничный лес. Мы ехали этим лесом по гребню горы, взбираясь все выше, и через час пути достигли поросшего лесом обширного плато, вокруг которого поднималось около десятка куполообразных гор, покрытых лесом. Дорога стала невыносимо скверной — болото, усеянное каменными глыбами. Чем

выше мы поднимались, тем гуще становился лес, сперва лиственничный, затем постепенно сменившийся кедровником. После того как мы еще около часа ехали в гору, лес начал все больше редеть, и наконец стали встречаться лишь отдельные низкие кривоствольные кедры, сильно изогнутые ветром в одну сторону, а под конец исчезли и они. Земля наверху была покрыта мхом, из которого кое-где торчали кусты можжевельника высотой в поларшина. Земля здесь была сплошь болотистая и дорога отвратительная. Эти каменистые болота, если можно их так назвать,— истинная мука для едущего по ним всадника. Лошади то и дело увязают в грязи, и их с трудом удается заставить двигаться по этой топи дальше. Езда здесь из-за болот требует неусыпного внимания всадника.

У истоков Артыша, через который мы перебрались, и по его берегам мы снова увидели несколько низких кривых кедров, покрытых желто-коричневой хвоей. По ту сторону Артыша дорога паша опять пошла вверх, и нам пришлось во многих местах переезжать обширные снежные поля. Лишь примерно через три версты добрались мы на той стороне Артыша до вершины гребня гор, который тянулся между Карасу и Чёльчю.

Погода сегодня была крайне неблагоприятной, в низине мы попали под дождь, который выше перешел в град и снег. Наверху было так холодно, что наша промокшая одежда, промерзнув, совсем затвердела.

С вершины горы открылся широкий обзор на юго-восток, однако этот вид не очень радовал глаз. Высокие голые громады скал полосами пересекают местность, а к югу тянется огромный зубчатый горный кряж, покрытый вечными снегами. Калмыки назвали эти снежные вершины Кыяк и сказали мне, что они находятся по ту сторону Чёльчю.

С вершины гребня дорога повела нас вниз, в долину. Мы спускались с гор добрых два часа по каменистой топкой местности, пока в более теплом поясе снова увидели темную кедровую рощу. Земля здесь поросла высокими разноцветными мхами, которые, чередуясь, покрывали ее как мозаика. Деревья тоже были покрыты как бы вуалью из свисающих белых гирлянд мха, сквозь которые лишь кое-где проглядывала темная зелень деревьев. Многие деревья не смогли выдержать эту массу растений-паразитов, засохли, и мох погиб вместе с ними. Теперь стволы стояли как будто в трауре, так как мох свисал с голых ветвей подобно клочьям черной вуали.

Гора здесь снова стала обрывистой. Чем ниже мы спускались, тем реже попадался мох; под конец он вовсе исчез, и деревья вновь радовали взор своей свежей зеленью. Снова стало легче дышать, и наши проводники опять начали петь, чего они не делали весь день.

У подножия горного склона мы оказались на реке Сарысу, впадающей в Чёльчю. Мы перешли через эту реку и продолжали наш путь, пожалуй версты четыре, по ее маленькому притоку Келегей. Окружавшие нас горы были невысоки, сплошь покрыты кедровым и лиственничным лесом, и лишь к югу возвышались обширные ледяные поля Кыяка. Вся долина реки Келегей была топкой и густо поросла мхом; это указывало на то, что здесь, в долине, мы находимся еще на значительной высоте.

(1 июля.) Сегодня погода также была неприветливой и дождливой. Сначала мы переехали через Келегей, затем поднялись на прибрежные горы по ту его сторону. Горы здесь низкие, округлые, густо поросли лиственничным лесом и кедрами. Дорога идет мимо двух озер, тёлёсы [3] называют и то и другое Арсаякбажы (т. е. исток Арсаяка). Из обоих озер длиной, пожалуй, не более полуверсты, вытекают две речушки Арсаяк, которые через две версты далее к востоку соединяются и затем впадают в Чёльчю. По эту сторону Арсаяка дорога была очень плохая — сплошь усеянное камнями болото.

Много лет тому назад здесь бушевал страшный лесной пожар; на 15 верст вокруг на всех близлежащих горах видны остатки сгоревших лесов. Мощные деревья-великаны поднимаются к небу. Многие из них под действием непогоды сгнили и рухнули. Нередко они, громоздясь друг на друга, перегораживают дорогу и вынуждают путешественника зигзагами прокладывать себе между ними новый путь. Эти выгоревшие леса являют собой грустное зрелище; голые, обожженные, иной раз совсем обугленные стволы придают и без того лишенной свежей зелени природе тусклый, свинцовый колорит, почти не отличающийся от черно-серого неба.

Примерно в три часа пополудни мы увидели на севере большое озеро (Сайконышбажы, исток Сайкопыша), за которым вздымались высокие горы. Это озеро также является истоком одного из притоков Чёльчю (Сайкопыша). К югу от него мы проехали через большое болото, где лошади во многих местах погружались по брюхо. Здесь вновь появились злые духи лесистых гор — комары и мошкара, до сих пор щадившие нас. Тучи этих мучителей облепили нас, не давая ни минуты передышки. Мы переправились через реку Сайкопыш. Она имеет футов 40 в ширину, высота ее берегов равна примерно 60 футам, и она с шумом мчится меж огромных скал. По обоим ее обрывистым берегам тянется большое голое плато шириной версты в четыре, окруженное горами, которые густо поросли лесом. Мы взобрались на горы, окаймляющие эту котловину с севера. Хотя дорога здесь была очень крутой и каменистой и потому создавала немало трудностей людям и лошадям, я все-таки обрадовался и почувствовал, что ожил, когда мы покинули пустынную болотистую долину. Яр-

кая зелень лиственниц и пестрая, поросшая цветами и травами земля подействовали живительно на мои чувства, притупившиеся от вида печального, пустынного ландшафта.

Наконец мы достигли поросшего лесом каменистого берега Чёльчю. Самой реки еще не было видно, лишь слышался в глубине сильный шум воды. Тропа здесь вилась среди разросшегося дикого кустарника вниз по громадным каменным плитам, и нам приходилось то пробираться между скалами, то ехать по осыпающимся, ускользающим из-под ног гладким камням по самому краю крутого обрыва. Измученные, добрались мы до речки Сору и переправились через нее примерно в 150 шагах от ее впадения в Чёльчю, к которой и подъехали через несколько минут. Крепкие ветви в кровь разодрали нам во время спуска лицо и руки, и я был рад, что избавился наконец от трудностей долгого и опасного пути. Как уютно почувствовал я себя в своей наполненной густым дымом тлеющего гнилого дерева палатке, которая по крайней мере сулила мне спокойную ночь.

(2 июля.) Берега Чёльчю очень разнообразны. Долина густо поросла травой, из которой кое-где поднимаются высокие лиственницы и кедры. Прибрежные горы, часть которых покрыта лесом, часть — голые скалы, имеют тот неопределенный блеклый цвет, который придает самым высоким горным пикам печальный, мертвенный вид. Правый берег, вдоль которого мы теперь ехали вверх по течению, был топким, с трясинами, так что нельзя было сойти с дороги, не рискуя утонуть в болоте. До того места, где мы должны были переправиться, река была шириной не более 50 шагов и пенясь с шумом неслась по камням. Однако от места переправы она стала вдвое шире, и на середине ее появились мелкие и песчаные места. Здесь нетрудно было перебраться вброд, и все же одна из вьючных лошадей попала в пучину, и ее с трудом вытащили из воды. На левом берегу, по которому мы теперь следовали, мы отдалились от реки на целую версту и ехали через густой лес, закрывавший от нас вид на реку. Переехав Шибит, небольшой приток Чёльчю, мы вскоре увидали озеро Чёльчюнин-Бажы — длиной верст в десять. Берега озера поросли густым лиственничным лесом, по обе его стороны поднимаются высокие скалы, вершины которых покрыты снегом. На противоположном берегу видны в отдалении высокие куполообразные снежные вершины, которые тёлёсы называли Абаканын-Бажы (Истоки Абакана).

Берега озера почти сплошь болотисты и кишат бесчисленными полчищами насекомых.

С севера в озеро вливается река Кумны, через которую мы переправились недалеко от места ее впадения. Видимо, местность вокруг озера и по Чёльчю богата дичью, так как мы обнаружили здесь во многих местах охотничьи хижины, построенные

из ветвей и дерна, в которых охотники обычно ночуют в зимнее время. Тёлёсы рассказывали мне, что по ту сторону Чёльчю проходит граница охотничьих угодий сойонов, а эти хижины построены тёлёсами. Однако границы охотничьих угодий здесь, в пустынных местах, соблюдаются не строго, и сойоны часто заходят во время охоты на Чёльчю, в то время как охотники-тёлёсы нередко добираются и до Каракёля.

Лес по ту сторону озера кончился, и перед нашими глазами расстилалась голая болотистая равнина. С обеих сторон — низкие гряды холмов, вершины которых, однако, покрыты снегом. Кумны, по течению которой мы теперь шли, очень широка, ложе ее каменисто, в нее вливается множество небольших притоков. Выше по течению она делится на две реки, из которых текущая с востока называется Карасу, а с северо-востока — Ташту (Каменистая).

Мы отправились вдоль по течению Ташту, и чем выше, следуя ее течению, мы поднимались, тем шире расстилалась на северо-восток упомянутая равнина. Земля здесь покрыта большей частью галькой и мхом. В некоторых местах нам встречались холмы белого песка высотой футов 30—40, настолько рыхлые, что лошади глубоко погружались в песок. Каким образом образовались здесь песчаные холмы, я объяснить не могу. Деревья здесь, на равнине, встречаются очень редко, да и те — совсем скрюченные кедры. На одном из этих песчаных холмов мы и разбили наш лагерь для ночлега.

(3 июля.) Сегодня мы продолжали наш путь по правому берегу Ташту. Все та же пустынная равнина с обрамляющими ее грядами покрытых снегом холмов. Переправившись через Ташту, мы взяли немного больше на восток, к цепи холмов. Здесь мы достигли наконец верхней точки водораздела между системой Оби и системой Енисея. По ту сторону водораздела местность также постепенно понижалась, однако вдали виднелись значительно более высокие горные массивы, а к востоку — цепь высоких снежных вершин. Первой рекой системы Енисея, через которую мы переправились, была Мён, впадающая в Каракёль (Черное озеро). Мы следовали теперь вдоль стремительной Мён по левому берегу и вскоре достигли второго ее рукава. Долина здесь заметно понижается, нас окружают зубчатые горы. Природа предстает в романтическом чередовании диких пейзажей. Здесь возвышаются громадные скалы причудливых очертаний, сплошь покрытые желтым и красным мхом, там — болота и поросшие лесом горы; здесь — голые разломы скал, там — пустынные вершины гор, которых лесной пожар лишил украшавших их деревьев; затем снова пышная растительность — все вперемешку.

Здесь мы натолкнулись на небольшой приток Мёна, Кулагаш, извивающийся в узком каньоне между отвесными прибрежными

горами. Дорога вниз к этой реке была такой крутой, что нас ежеминутно охватывал страх, как бы не сорваться. Переправа через эту маленькую речушку также была сопряжена с опасностью, так как течение очень сильное, а ложе реки покрыто крупными камнями, которые делали поступь лошадей неуверенной. Противоположный берег Кулагаша густо порос лиственничным лесом. Так как мы могли рассчитывать добраться до Каракёля только поздним вечером, а передвижение в темноте возможно лишь с опасностью для жизни, я приказал разбить здесь лагерь для ночлега.

От нашего лагеря открывается прекрасный вид на Кулагаш. Река вьется между крутыми берегами. На ближнем берегу — гряды гор, одетых свежей зеленью лиственниц, на противоположном — серо-желтые зубчатые скалы, впереди, по ущельям, обрамленные деревьями. На заднем плане возвышается черная сланцевая гора, на вершине которой расстилаются гигантские снежные поля.

(4 июля.) К северу от Кулагаша мы едем через густой лиственничный лес. Земля то каменистая, то болотистая. На вершине гребня гор лес стал реже, а земля еще более каменистой. Гора подступает здесь к Мёну огромной, почти совершенно отвесной скалой, и по этому скалистому выступу вплотную к краю обрыва, на высоте примерно 800 футов, по наклонно лежащим каменным плитам проходит дорога. Лошади были напуганы и отказывались ступать на опасную тропу, по самому краю которой они должны были пробираться; лишь плетка проводника заставила их сделать это. И хотя за время двух моих первых путешествий по Алтаю я достаточно свыкся с опасными дорогами и уже не был подвержен головокружениям, однако сейчас мужество покинуло меня и я с ужасом смотрел вниз, в пропасть, куда мы могли свергнуться в любой момент. Глубоко внизу шумел Мён, и его глухой рокот казался мне предостережением. На крайнем участке выступа, который представляет собою наклонную каменную плиту длиной в шесть футов и шириной самое большое в четыре фута, надо было повернуть лошадей, так как дорога здесь перекинулась на левую сторону скалы. Этот поворот был возможен, только если левым поводом пригнуть голову лошади чуть не вплотную к левому стремени и тем самым заставить ее повернуться, не сходя с места. Даже самые отважные горные всадники совсем притихли, их оживленная болтовня прекратилась, и каждый из них бросал боязливые взгляды на опасное место. У меня буквально волосы встали дыбом от этого ужасающего зрелища, и, когда подошла моя очередь, я, закрыв глаза, точно и, к счастью, удачно повторил маневр моих проводников.

Хотя тропа вниз, к Мёну, по ту сторону выступа скалы была узкой и крутой, однако после только что пройденного места она

показалась нам дорогой удобной и приятной. Спустившись в долину, мы переехали через бурный водопад Сайлуырлаш, который шагов через сто впадает в Мён, затем снова вскарабкались на гористый берег и проехали по его гребню и склонам верст пять-шесть. Долина реки Мён здесь широка и лесиста. Горы правого берега крутые и скалистые, в то время как на левом берегу они поднимаются под углом максимум 50° и покрыты травой и валунами. Здесь дорога также весьма опасная, так как она проходит большей частью на значительной высоте по краю обрыва. По мере спуска вид на долину меняется: она то широкая и покрытая зелеными лужайками, подобно долине Чолышмана, то лесистая, затем вновь зажата меж скалистыми высокими прибрежными горами. Во второй половине дня мы увидели у Мёна неподалеку от Каракёля (Черное озеро) шесть сойонских[4] юрт на большом, ярко освещенном лугу. Так как сойоны слывут в этом краю ворами, я приказал из осторожности собрать моих лошадей и поклажу в одно место и в сопровождении трех тёлёсов отправился в юрту сойонского смотрителя (*шангда*).

Юрта, типа алтайской, была войлочной, в форме сахарной головы; ее внутреннее убранство также ничем не отличалось от алтайских юрт. Навстречу мне вышел сойон и приветствовал меня, схватив обе моих руки и прижавшись к ним лбом. Затем с множеством церемоний и поклонов он усадил меня. После этого вытащил белый ремень из козлиной кожи и просил меня принять его как почетный знак. Так как этот сойон часто бывал на Чолышмане, он владел телеутским диалектом настолько, что я мог его понять. Я сообщил ему, что намереваюсь отправиться к Абакану, но так как мои лошади устали и измучены, я хочу передохнуть здесь три-четыре дня. Затем я сказал ему, что, как мне стало известно, пребывание у сойонов опасно для чужеземца и они не уважают чужую собственность. После чего дал ему понять, что я получил приказ моего правительства объехать эти земли, а так как между белым ханом и желтым ханом (китайским императором) дружба, то я не потерплю ни малейшей обиды, а тотчас же буду искать справедливости у китайского губернатора, который знает меня лично. Я потребовал, чтобы он отдал своим людям необходимые распоряжения. Видимо, слова эти достигли цели, так как он заверил меня, что нигде в мире я не буду в большей безопасности, чем здесь. Мы можем пустить своих лошадей пастись свободно, и нам не надо охранять свой багаж, у меня не пропадет ничего. Затем он подал мне чашку кумыса и свою табакерку с нюхательным табаком. Я распорядился разбить мою палатку недалеко от его юрты.

(5—7 июля.) Обещания, данные мне шангдой, он сдержал полностью, так как за время моего трехдневного пребывания рядом с ним мне не причинили ни малейшей неприятности. Я даже добился с помощью подарков того, что он продал нам провиант, т. е. баранов и коз, за бархат, холст и пуговицы для военного обмундирования.

К сожалению, я смог узнать об обычаях сойонов немного, так как здесь очень мало юрт, а кроме того, я был вынужден остерегаться, дабы не возбудить своими вопросами подозрения. Насколько мне удалось узнать, сойоны — очень значительное племя, живущее по Енисею и к югу от русской границы [5]. Мне рассказывали, что здешние сойоны делятся на 14 зайсапств, во главе которых стоят зайсаны, по своему должностному положению сходные с зайсанами Чуи. Над всеми ними стоит сойонский князь Мӱнкӧ, а также несколько китайских офицеров, которые наблюдают за деятельностью Мӱнкӧ и зайсанов [6]. Здесь, в Китае, власти опираются на самостоятельное племенное управление туземцев, в то время как в России правительство везде поставило над туземцами новую русскую администрацию. Зайсаны Алтая — лишь статисты без прежней власти, они не осмеливаются предпринять что-либо или принять какое-нибудь решение без русских чиновников. Поэтому русские чиновники и смотрят на зайсанов лишь как на сельских старост. Такие отношения между зайсанами и чиновниками лишили первых их престижа у народа. Даже у двоеданцев зайсаны пользуются большей независимостью, а потому и бо́льшим уважением населения. Сойонский зайсан действительно единственное местное начальство. Он носит на шапке шишку — знак всех китайских чиновников. Свои распоряжения правительство передает населению только через зайсанов. Зайсан сам разрешает все недоразумения между своими подданными, и ему дано право подвергать их телесному наказанию. При таком положении вещей сойон ставит своего зайсана неизмеримо выше себя и, приближаясь к нему, преклоняет колено; он никогда не осмелится также сесть в его присутствии, если ему не будет это разрешено. У зайсанов в подчинении целая армия низших чиновников: демичи, тарга и шангда, выполняющих распоряжения зайсана и поставляющих ему сведения о его подданных.

Все сойоны — кочевники и занимаются исключительно скотоводством. Основное их богатство — крупный рогатый скот. Стада овец и коз у них меньше, лошадей же — меньше всего. Поэтому они используют волов как для верховой езды, так и для перевозки поклажи. Один старый сойон был поражен, узнав, что русские не ездят на волах, и уверял меня, что вол намного предпочтительнее лошади. Вол, сказал он, может везти вдвое больше лошади и выдерживает вдвое больше, чем лошадь. При этом он

лучше взбирается на гору, а его копытам не вредят ни камни, ни вода, что у лошадей бывает, к сожалению, очень часто. В скорости и выносливости он также не уступит лошади [7].

Седла, которые сойоны кладут на своих волов, устроены точно так же, как лошадиные, однако волов не взнуздывают. Через носовую перегородку вола продевают палочку, к которой привязана веревка; веревку пропускают по лбу и между обоими рогами животного, и, когда всадник тянет веревку направо или налево, он заставляет животное повернуть в нужную сторону. Если же он тянет веревку назад, вол вынужден поднять голову, и таким образом его заставляют остановиться. Езда и перевозка грузов на волах нередко встречается и у тёлёсов на Чолышмане. Земледелием сойоны занимаются крайне редко и сеют исключительно просо. Напротив, охота — излюбленное занятие сойонов; они широко славятся как превосходные охотники. Так же как и двоеданцы, они отправляются на охоту целыми группами и, как и те, неделями блуждают в неприютных горах, летом на лошадях, а зимой на лыжах. Они, как и тёлёсы, также построили во многих местах хижины из ветвей, и зимой охотники используют эти хижины для ночлега. Ружья они получают от монголов, а порох изготавливают сами [8].

Пища сойонов летом состоит главным образом из молока, которое потребляется в виде творога, сыра, кумыса и молочной водки [9]; кроме того — из мяса дичи (ради мяса они охотятся на дичь и летом, чего алтайцы не делают), овец, коз, лошадей и крупного рогатого скота. Лошадей и волов, которых используют для езды или перевозки грузов, не забивают, так как считается, что мясо этих животных жесткое и невкусное [10]. Сойоны неимущих классов занимаются также сбором кореньев и употребляют в пищу кандык, корни лилий [11], калба (allium ursinum) и дикую редьку, которую во множестве запасают на зиму.

Распределение имущества у сойонов очень неравномерно. Весьма значительные богатства соседствуют здесь с ужасающей нищетой, и последняя встречается во много раз чаще. Здесь, как и у тёлёсов, бедняки живут в основном на счет богатых [12]. Однако рассказы Пестерева [13] о том, что сойоны ели кожу и даже человеческое мясо,— это сказки. Мои проводники, которые очень хорошо знают своих соседей, стали громко смеяться, когда я спросил их об этом.

Сойоны, так же как алтайцы и двоеданцы, живут в войлочных юртах. Внутреннее убранство юрты в общем то же, только вместо кожаных мешков у стен стоят китайские сундуки, а полы у богатых людей устланы коврами [14], чего у алтайцев я нигде не встречал. С первого же взгляда на домашнюю утварь становится ясно, что народ, снабжающий сойонов предметами роскоши,— китайцы [15].

Мужская одежда очень простая и состоит из коротких кожаных штанов, сапог и шубы. Только богатые люди носят рубашки и кафтаны из хлопчатобумажной ткани. На голове, которую они, как и алтайцы, бреют, местные сойоны носят монгольские шапки, обшитые тяжелым овечьим мехом. Женщины носят длинные платья из хлопчатобумажной ткани или шубы. Волосы они, как и алтайские женщины, заплетают в две косы, но только никаких украшений на них не вешают [16].

У всех своих соседей сойоны пользуются дурной славой: их считают вероломными, мстительными и ворами [17]. Я не могу вынести о них в этом отношении никакого компетентного суждения, так как мое пребывание здесь было слишком кратковременным, для того чтобы узнать что-то более достоверно.

Религия живущих у Каракёля сойонов, так же как у их алтайских соседей,— шаманизм. Очевидно, дальше к востоку у сойонов повсеместно получил распространение буддизм [18]. Уже и здесь можно заметить, что монгольские соседи оказали на обычаи и язык сойонов гораздо более сильное влияние, чем на алтайцев. Здесь многие умеют даже писать по-монгольски [19].

Своих покойников сойоны кладут на помост из жердей и укрывают их одеждой. Мне показывали такой помост для покойника недалеко отсюда. Он был очень похож на место для жертвоприношений у алтайцев и сооружен из четырех толстых жердей. Рядом с покойником лежали его уздечка, седло и стремена [20].

Я нашел здесь подтверждение сообщению двоеданцев, что сойоны называют себя *туба*. Шангда сказал мне, что местные жители — люди туба (*туба кижи*) [21] и принадлежат к роду сойонг. О других родовых названиях и знаках собственности я никаких сведений не получил. Так как у меня недостаточно сведений о сойонах, я приведу здесь то, что говорит о них в своем жизнеописании телеут Чевалков [22]:

«Я спросил одного тёлёса по имени Пырынг: выгодно ли поехать к живущим по Кемчику сойонам и заняться там торговлей? Он ответил: когда едут к сойонам и продают русские товары, то цены на них оказываются очень высокими, в то время как сойонские товары получаются при покупке очень дешевыми. За русские товары стоимостью в рубль ассигнациями дают взамен сойонские товары стоимостью в пять рублей ассигнациями. За фунт табаку получают шубу войлока (т. е. столько войлока, сколько требуется на шубу), а это стоит у черневых татар пять рублей ассигнациями. На Кемчике за фунт железа дают две овечьих шкуры. Но хотя такая торговля весьма выгодна, все же вести ее опасно. Когда мы отправляемся туда, мы идем компанией в 20—30 человек. Если же идет мало народу, то все-таки 10—15 человек, потому что если там не быть все время начеку, то у тебя все украдут.

Если туда отправляется много народу, то все товары складывают в одно место, прикрывают их войлоком, подоткнув его края, и половина прибывших рассаживается вокруг. Лишь несколько человек идут навстречу сойонам и ведут с ними торг. Кто-нибудь из сойонов рванет к себе то, что ты держишь в руках, чтобы украсть это, и бросится бежать. Если ты побежишь за ним, чтобы его задержать, то остальные расхватают оставшиеся твои товары и также убегут, а потому не двигайся с места.

Если ты что-нибудь подаришь зайсану, то он в качестве ответного подарка отдаст в твое распоряжение одного шангду на все то время, пока твоя торговля не подойдет к концу. Этот шангда с палкой вместо меча в руке будет стоять около тебя на страже. Если ты ему хоть что-нибудь подаришь, он будет сторожить хорошо, если же ничего ему не подаришь, он, даже и увидав вора, промолчит. До твоего возвращения один или два человека должны стреножить твоих лошадей железными путами и сторожить их, а с наступлением ночи привести их, привязать около дома и следить за ними не смыкая глаз. Люди, которые вознамерятся украсть их, разденутся и на животе подползут к лошадям, бесшумно отвяжут их, вспрыгнут на них и ускачут. Если ты побежишь вдогонку, так как это твою лошадь украли, у тебя за спиной окажутся другие люди, которые также разделись и выжидают. Как только они увидят, что ты ушел, они захватят еще оставшихся около кибитки твоих лошадей и угонят их. Если же люди, находящиеся в кибитке, все оставят и, раз их друг кого-то преследует, побегут за лошадьми, то за это время выкрадут из кибитки все твое имущество. Вот почему, чтобы поехать на Кемчик и торговать там, требуется много людей.

Если человека ограбили и он требует у зайсана правосудия, тот говорит: „Поймай того, кто тебя обокрал, приведи его сюда, и я вынесу приговор. Если ты не схватил человека, откуда же мне знать, кто тебя обокрал?"

Один русский поехал с двумя лошадьми к сойонам, чтобы там торговать. Приехав туда, он связал своих лошадей друг с другом железными путами, затем стал пристраивать около своей кибитки котел. Обе стреноженные лошади пошли по долине вниз и пропали из виду. Когда торговец принялся готовить в своем котле еду, явился какой-то человек с закопченным лицом, раздетый и с подвернутыми штанинами. Он уселся около торговца и спросил: „Что продаешь?" Пока купец вытаскивал свой мешок, этот человек опрокинул котелок, затем схватил его за дужку и пустился бежать. Купец бросил свой мешок и побежал вдогонку. Однако, догнав его, он никак не мог его, голого, схватить. Преследующий был в одежде, так что во время погони он еле переводил дух от жары и не мог снова догнать вора. Вернувшись

к своей кибитке, он увидел, что там побывали другие люди и украли мешок и все товары. Когда же он решил поехать к зайсану и стал искать своих лошадей, то оказалось, что одна из лошадей убита, нога ее, на которой были путы, отрублена, а вторая лошадь уведена. Ограбленный с плачем отправился к демичи, чтобы заявить ему о происшедшем. Но демичи сказал: „Ты, собака с покрытой волосами головой, почему ты явился сюда, чтобы торговать? Если местные люди взяли твою лошадь и товары, кто же станет их преследовать? Убирайся-ка ты лучше восвояси". Тогда торговец заплакал и пешком воротился домой» [23].

По сообщению Чевалкова, сойоны Кемчика образуют два племени: черные сойоны и желтые сойоны (*кара-сойонг* и *сары-сойонг*). Черные сойоны, по его словам, живут поблизости, а желтые — дальше в глубь страны [24]. Среди черных сойонов мало светловолосых (я не видел ни одного), но много черноволосых. Они более высокого роста, чем алтайцы, но лица у них удлиненные. Половина желтых сойонов, по его словам,— светловолосые, и говорят, что они — беглые русские, женившиеся на сойонках. Это последнее сообщение Чевалкова ошибочно: несмотря на все мои старания, я ничего не смог узнать о светловолосых сойонах. Племя сары-сойонг весьма многочисленное, но название *сары* никак не связано с цветом волос. Чевалков еще добавляет, что, по некоторым сведениям, половина черных сойонов — из рода киргизов, которые смешались с сойонами (эти данные абсолютно верны) [25]. Таковы сообщения Чевалкова.

Язык сойонов является также тюркским диалектом, однако настолько отличается от диалектов алтайцев, что сойоны и алтайцы с большим трудом понимают друг друга. Вполне можно предположить, что монголизация сойонов будет постепенно так усиливаться, что сойонский язык вовсе исчезнет [26].

По рассказам тёлёсов, у сойонов очень много песен. Мне удалось записать здесь только две сказки и несколько песен, которые, однако, имеют большое значение как единственные образцы сойонского языка [27]. Никакого другого языкового материала я за время моего недолгого пребывания здесь собрать не смог.

(8 июля.) Во время нашего пребывания у Каракёля была по преимуществу сухая погода, так что наши лошади, копыта которых сильно пострадали из-за каменистых дорог и дождей, смогли отдохнуть.

К сожалению, со вчерашнего дня снова началась обычная скверная погода, и, так как мы намеревались сегодня выехать, наши проводники решили наколдовать хорошую погоду.

Вера в заклинание погоды распространена у всех народов

Алтая, так же как и у сойонов. Есть определенные семьи, в которых эта сила передается от отца к сыну. Некоторые из этих заклинателей погоды широко известны, и в народе говорят, будто есть люди, власть которых над погодой настолько велика, что они могут сделать так: в лицо тебе будет светить солнце, а на спину в это же самое время лить дождь. При заклинании погоды применяют «камень погоды» (*йада таш*); камень, которым пользовались при мне, был горным хрусталем [28]. Однако этот камень должен обладать определенными свойствами, которые может распознать в нем лишь посвященный и о которых мне не сказали, так как это — тайна.

Какая-то сойонка принесла яда-таш, и один из моих проводников проделал с ним всю церемонию. Веревкой длиной в фут он привязал камень к палке и сперва подержал его над огнем, чтобы его окурило дымом, а затем, размахивая палкой во все стороны, стал громко петь заклинание.

Несмотря на колдовство, погода ничуть не улучшилась, и сегодня рано утром мы покинули Каракёль в страшную непогоду. Мы повернули на северо-восток и стали взбираться на северную горную гряду в долине речки Эльдюкем, притока реки Мён. Сначала дорога шла по нескольким ярко-зеленым лугам, расположенным террасами, затем мы въехали в густой лиственничный лес. Примерно через пять верст лес стал редеть и на вершине горы совсем исчез. Здесь вокруг нас снова были голые купола гор, покрытые большей частью галькой и болотами. На вершине гребня гор, где уже во многих местах лежал снег, было так холодно, что наша мокрая одежда заледенела, и поднялся ураган такой силы, что всадники лишь с трудом удерживались на лошадях. Дождь постепенно перешел в густой снег. С вершины горы должен был бы открыться широкий обзор, если б погода была лучше, но, к сожалению, весь ландшафт был окутан непроницаемым туманом и только видно было, как лучами протянулись огромные цепи гор. В самой высокой точке горного перевала находился *обо* (куча камней) [29], каждый из наших проводников положил туда в качестве жертвоприношения камень.

По ту сторону горного хребта мы увидели три маленьких речки, которые сбегали по ущельям к северу; наши проводники сказали, что они впадают в Абакан. Дорога на другой стороне была много труднее, горные склоны гораздо круче и покрыты огромными валунами. Нам пришлось проехать по гребню версты три, пока мы нашли менее крутой участок, где был возможен спуск, да и здесь можно было продвигаться к долине лишь с большим трудом. После многих усилий мы попали в ущелье, по которому бежал ручеек. Здесь снова появилась обильная растительность, и чем ниже мы спускались, тем живее становились берега. По склонам тянулись светлые лиственничные леса.

Покрытая яркими цветами и сочными травами земля радовала глаз, и нередко преграждал путь буйно разросшийся цветущий кустарник. Но этот прекрасный вид недолго тешил наш взор; скоро мы покинули реку, а с ней и роскошную долину и опять стали взбираться на отвесные, поросшие лесом берега. И снова исчез на вершине лес и нас окружали все те же желто-серые голые купола гор. Дорога теперь шла по высокому гребню гор, мы перебрались через четыре или пять горных вершин и лишь очень редко спускались так низко, что нам попадались скрюченные высокогорные кедры. Поздно вечером мы расположились на ночлег в небольшом ущелье под самой линией снегов.

(9 июля.) До самого полудня мы продолжали свой путь по вершине гребня гор. Сегодня погода была несколько благоприятнее, чем вчера, и мы могли совершенно отчетливо различить многие цепи гор, которые, казалось, тянулись параллельно друг другу на северо-восток. К востоку горы становились все выше и поднимались далеко над границей снегов, в то время как к западу не видно было снега даже на самых высоких вершинах. Так мы проехали приблизительно через десяток горных гряд, нигде не спустившись к лежащим в долинах лесам.

Около полудня мы добрались до высокой горы, вершина которой была покрыта снегом; так как к востоку она скалистая, нам пришлось объехать ее с западной стороны. Здесь она спускается прямою линией под углом приблизительно в 45° до самого подножия, в сизую глубину, и по ее гребню мы и должны были ехать. Камни, покрывающие склон горы, непрерывно выскальзывали из-под копыт наших лошадей на краю узкой тропы и с грохотом скатывались в бездну. Один неверный шаг — и конь и всадник неминуемо рухнули бы в пропасть. После доброго часа такой езды по камням нас окутал густой туман. В десяти шагах ничего не было видно, и нам пришлось передвигаться тесно сомкнутой цепью, чтобы не потерять друг друга. Еще час спустя мы благополучно объехали эту гору и стали взбираться на очень трудный для подъема гребень горы. Чем выше мы поднимались, тем плотнее становился туман, и, взобравшись в конце концов на вершину, мы оказались на краю скалистого обрыва, довольно крутого. Проводник заявил, что он больше, чем следовало, повернул к востоку, и надо идти обратно. К счастью, южный склон, по которому мы теперь спускались, был менее крутым, и нам, хотя и с огромным трудом и напряжением, удалось добраться до долины реки. Так как здесь невозможно было отыскать место для ночлега, мы снова стали подниматься на расположенную западнее гряду гор и попали на небольшую тропу, по которой поехали, так как нам показалось, что она вела вниз,

в долину. В долине был сильный дождь, и мы старались как можно быстрее двигаться вперед. К нашему ужасу, дорога, сделав поворот, пошла в гору и повела нас все выше и выше, так что вскоре мы снова оказались в сплошном тумане. Внезапно дорога исчезла; теперь мы ехали напрямик на север. Начало уже смеркаться, когда вдруг снова раздался крик: *туйук*! (Прохода нет!). Мы опять оказались у крутого обрыва. О возвращении нечего было и думать. Мы спешились и стали карабкаться по краю обрыва, ведя лошадей в поводу. Через полчаса мы нашли менее обрывистое место и смогли наконец спуститься в долину. Насквозь промокшие и совершенно измученные всеми трудностями этого дня, мы в полной темноте добрались наконец до маленького ручья, у которого смогли остановиться на ночлег.

(10 июля.) Рано утром наш проводник выехал на поиски дороги. Он возвратился очень радостный, с известием, что к востоку простирается равнина, по которой тянется широкая дорога. Поэтому я приказал как можно быстрее седлать лошадей. Погода была хорошей, небо — совершенно чистым, так что мы с места нашей стоянки могли наслаждаться прекрасным видом на юго-востоке. К востоку, словно причудливые волны, громоздились цепи гор, все выше и выше, и на горизонте сияли снежные вершины Сойонского хребта. Группы невысоких гор на переднем плане были покрыты темными лесами, а огромные, террасами поднимавшиеся на заднем плане горы-великаны высоко вздымали свои голые скалистые гребни к синему небосводу. Мрачное безмолвие царило вокруг. Ни один зверь не забредет на эти пустынные горные тропы. Цветы и даже травы боятся холодного ветра, который непрерывно дует над вершиной горы, и спускаются в низины. Немногие низкорослые искривленные кедры с их блекло-желтым скудным одеянием и узловатыми согнутыми стволами выглядят как преждевременно состарившиеся деревья-подростки.

После примерно полутора часов быстрой езды мы достигли обещанной долины, которая имела шагов пятьсот в ширину и густо заросла травой. Посредине протекала довольно широкая река, по берегу которой шла дорога. У нас появилась надежда на то, что мучения наши позади, и мы с легким сердцем поехали вниз, к долине. Горы вдали казались гораздо ниже, и наш проводник утверждал, что мы уже миновали *обо* (китайский пограничный знак) [30] и к завтрашнему вечеру сможем добраться до Абакана.

Дорога шла вдоль долины, которая на протяжении нескольких часов пути не меняла своего облика, лишь густой кустарник и хвойный лес нередко подступали к берегу реки. Внезапно зем-

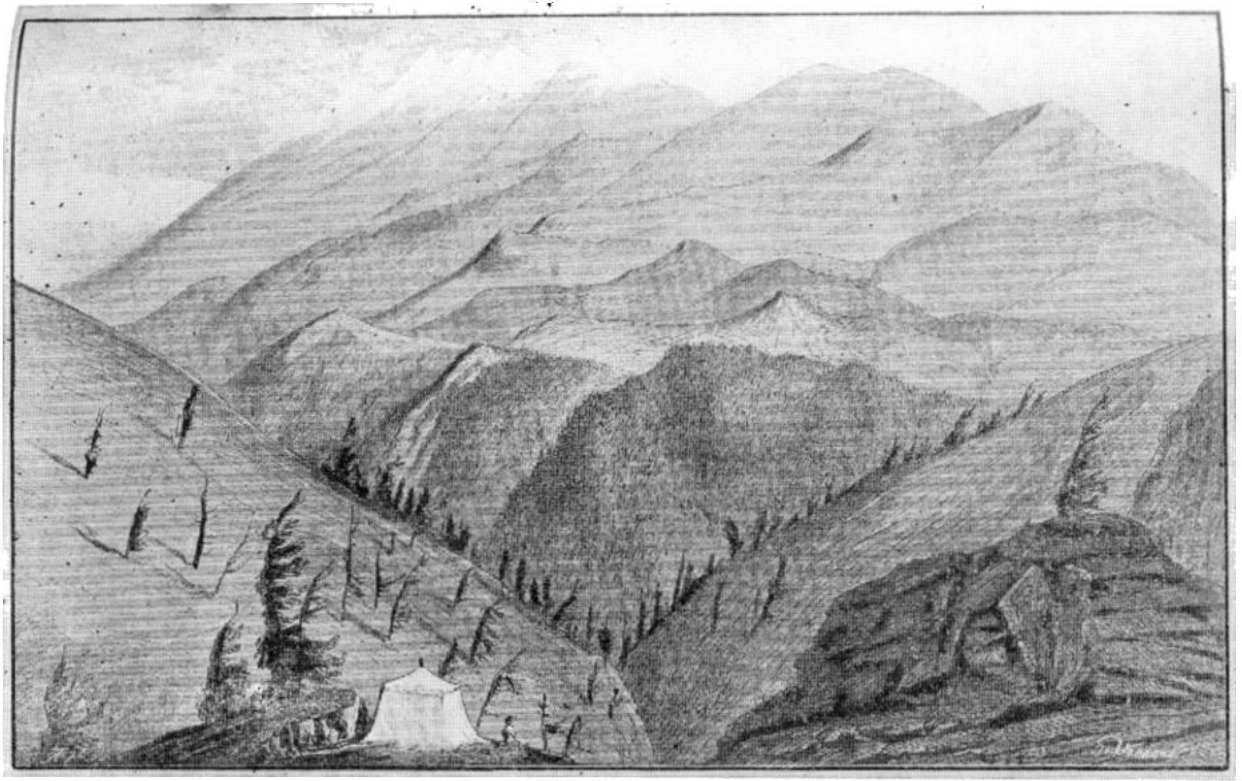

Таблица 13. Вид на Сойонские горы

ля стала топкой, дорога повернула к прибрежным горам, начала петлять меж огромных валунов по направлению к востоку, и вскоре мы потеряли из виду широкую речную долину.

После нескольких часов пути дорога снова спустилась в долину какой-то маленькой речушки, которая, очевидно, была притоком уже упомянутой реки. Здесь наша дорога разделилась на две тропы, одна из которых свернула прямо на восток, а другая — на северо-запад. Несмотря на мои возражения, наш проводник утверждал, что мы должны ехать по второй, так как уже слишком сильно уклонились к востоку. Он говорил, что знает этот горный хребет и может совершенно точно ориентироваться. Поэтому мы поехали дальше вдоль речки. Около версты ехали мы по безлесному лугу, затем попали в густой кедровый лес. Земля здесь была покрыта густым мхом, и не видно было даже следа дороги. Из-за поваленных деревьев, оврагов, каменных глыб и валунов нам приходилось продвигаться, все время меняя направление, так что когда мы к вечеру добрались до горного ручья, то уже не могли двинуться с места и были рады, что можем разбить здесь свой лагерь для ночлега.

(15 июля.) После пяти тяжелых дней мы наконец снова оказались в прекрасной долине реки, которую покинули утром 10 июля. Но в каком состоянии добрались мы до нее! Тогда мы были счастливы, что нашли правильный путь, а свежая зелень долины увеличивала радость от путешествия. Мы были исполнены светлых надежд, так как цель наша, населенный Абакан, была от нас лишь в двух днях пути. Насколько же сегодня все иному! Неописуемые трудности последних пяти дней совершенно обессилили нас. У нас кончился провиант, и единственная пища моих людей — это почти гнилое мясо одной из наших лошадей, забитой 11 июля. Я последние три дня питался только затхлым горохом, сваренным в воде без соли, и растопленным полугнилым маслом, а также чаем с сахаром. Наши лошади в жалком состоянии. Их копыта, все время мокрые из-за почти непрерывных дождей, совсем стерлись на каменистой почве и превратились в кровавые шишки, спины почти у всех без исключения стерты, и несчастные животные могут передвигаться лишь с большим трудом. До сойонов остается еще два дня пути; не знаю, как мы туда доберемся. Нас может спасти только хорошая погода.

Невозможно описать страдания, которые мы испытали в минувшие дни. Целых три дня мы кружили по пустынному лесу, который вполне заслуживает название девственного. В первый день наш проводник уверял, что мы непременно должны переправиться через реку, около которой мы ночевали. К сожалению,

найти брод не удалось, так как огромные массы воды, пенясь, с такой силой перекатывались через каменные глыбы в 3—4 фута высотой, что ни одна лошадь не смогла бы удержаться на ногах. Поэтому мы пошли вдоль берега вверх по течению. Земля здесь была покрыта сплошным плотным гладким мхом, который маскировал все неровности почвы и даже большие валуны. Нередко этот обманчивый покров расступался под ногами наших лошадей, и лошадь с всадником проваливались в яму глубиной в 4—5 футов. При этом приходилось останавливаться всему каравану, и иной раз лишь с трудом удавалось общими усилиями вытащить лошадь из ямы. Продвинувшись после часа таких мучений на одну или две версты, мы попали в болото, в котором лошади часто проваливались по самое брюхо. Поэтому мы были вынуждены сделать большой крюк, чтобы не утонуть. Только к вечеру нам удалось добраться до оставленной нами реки. Мясо, которое я взял с собой с Каракёля, протухло из-за непрерывных дождей и стало несъедобным, пришлось его выбросить; поэтому, чтобы обеспечить моих людей пищей, я был вынужден приказать забить одну из наших лошадей.

На следующее утро мы нашли недалеко от нашей стоянки брод и перешли через реку без больших потерь — только одна из наших лошадей была сбита водой с ног, но и та доставлена на противоположный берег невредимой. Земля здесь оказалась менее каменистой, зато появились новые беды. Бесчисленные стволы поваленных деревьев всюду перегораживали путь, вдобавок прибрежные горы, на которые нам надо было взбираться, были настолько круты, что мы вынуждены были почти каждые полчаса останавливаться и давать отдых измученным лошадям. На каждом шагу встречали мы препятствия: то поваленные стволы деревьев громоздились неприступной стеной и лошадей можно было только насильно провести или перетянуть через нее; то между стволами так густо поднялся мелкий кустарник, что лишь с величайшим трудом удавалось при помощи топора проложить путь, причем усаженные колючками ветки хлестали проезжающих по лицу и рукам, раздирая их в кровь.

Проблуждав так в течение двух дней с утра и до наступления ночи под непрекращающимся проливным дождем по заросшим лесом грядам гор, мы сделали наконец привал у подножия высокой горы, вершина которой была безлесной, и разбили здесь лагерь на ночь.

Утром четвертого дня мы благополучно добрались до вершины этой горы и отсюда смогли разобраться в маршруте наших странствий. Так как наши лошади были слишком измучены для того, чтобы еще сегодня добраться до Абакана и двигаться по его течению, а проводник заявил, что он потерял даже след дороги и не знает, куда идти, я решил вернуться назад. Один

из моих проводников, старый охотник-тёлёс, показал мне отсюда ту гряду гор, по которой мы пришли сюда от Каракёля, и вызвался провести нас обратно. Принятое решение было тотчас приведено в исполнение.

Хотя наш новый проводник оказался в этой местности впервые и, следовательно, знал только те горы, по которым мы прошли (причем всего один раз, во время наших скитаний), он все же сумел в густом лесу, даже не думая о моем компасе, так точно взять нужное направление, что на второй день привел нас целыми и невредимыми обратно в прекрасную долину. Уверенность проводника внушала доверие к нему. На мой вопрос, как смог он все-таки найти дорогу, он ответил со смехом: «Места, по которым я прошел один раз, я не забуду до конца моей жизни». Обратный путь показался мне менее тяжелым, хотя и тут приходилось преодолевать много трудностей и идти по скалам, засекам и болотам. Наш проводник много раз пользовался небольшими охотничьими тропами, на которых нам встречалось меньше препятствий. Больше всего нам досаждала погода, которая теперь была очень переменчива; солнце непрестанно сменялось дождем, так что наши плащи начали гнить, а наши запасы мяса протухли уже через 24 часа.

Я должен был пустить в дело весь свой авторитет, чтобы защитить прежнего проводника от ярости остальных калмыков. Мне было жаль беднягу, так как в наших скитаниях было повинно не столько его неумение найти дорогу, сколько неблагоприятная погода, из-за которой с гор ничего вокруг не было видно. На протяжении всего обратного пути он служил мишенью для насмешек, по всякому поводу его осыпали бранью, и не вмешайся я, дошло бы, конечно, до кулачной расправы.

Одного из сопровождавших меня людей, у которого начались боли в желудке, я с помощью имевшихся у меня лекарств избавил от страданий. Это внушило тёлёсам доверие к моей аптеке, так что все они стали просить у меня лекарства от всяких хворей.

Яшык, наш заклинатель дождя, уже в течение нескольких дней утверждал, что сойонский яда-камень не имел силы, и считал, что было бы лучше всего, если бы он заколдовал дождь с помощью моих хороших лекарств. До сих пор я противился этим глупостям. Однако сегодня вечером, желая привести моих людей в хорошее настроение, я вынужден был уступить. Получив мое согласие, Яшык тотчас же начал приводить свой план в исполнение. Он явился с деревянной ложкой, и моему слуге пришлось принести аптечку. Я положил ему в ложку английской соли, глауберовой соли, горчичного спирта, шпанских мушек и липкого пластыря. Со счастливой физиономией он подошел к огню, окурил лекарства и, громко выкрикивая свои заклина-

ния, помахал ложкой во все стороны, а потом с возгласами: *Кайракан, Кайракан! Алас, алас, алас!* — вытряхнул ее содержимое в огонь. Когда горчичный спирт ярко вспыхнул, все присутствующие издали громкий радостный крик, усмотрев в этом хорошее предзнаменование. Вечером среди моих людей царило бурное веселье, так как каждый из них был уверен, что завтра непременно наступит хорошая погода.

(19 июля.) 16-го и 17-го действительно была прекрасная погода (для чего только не сгодится английская соль!), так что уже поздним вечером 17-го мы под уверенным руководством нашего проводника снова прибыли на Каракёль. Разумеется, езда была крайне тяжелой, так как лошади могли идти только очень медленно. Чтобы сократить время путешествия (нас вынуждало к этому отсутствие провианта), мы пускались в путь с восходом солнца и останавливались лишь с наступлением ночи. Путь, найденный нашим проводником, был короче и гораздо легче, чем тот, которым мы ехали сюда. Немало способствовала этому и хорошая, ясная погода, при которой открывался широкий обзор. Когда мы добрались до вершины последнего перед Мёном горного кряжа, мы увидели возвышающиеся вдали две огромные снежные цепи гор, о которых мне сказали, что с них берет начало Кемчик. С покрытых лугами террас по эту сторону сойонских юрт мы увидели на востоке зажатый между почти отвесными стенами скал Каракёль. На переднем плане, при впадении в это озеро Мёна, прибрежные горы и долина реки покрыты густым лиственничным лесом, а позади поднимаются семью террасами высокие горы, три самых высоких гребня которых покрыты вечными снегами.

Когда мы прибыли на то место, где раньше стояли сойонские юрты, их нигде не было видно; очевидно, жители откочевали дальше в горы.

На следующее утро в наш лагерь явился шангда в сопровождении сойонского зайсана, который как раз инспектировал здешний округ. Увидав наше бедственное положение, они приняли высокомерный тон, и зайсан отказался позволить своим людям снабдить нас провиантом в обмен на товары. Только после того как я подарил ему фунт мокрого пороха и бутылку водки, он разрешил нам торговлю и двухдневное пребывание здесь.

К сожалению, во время наших странствий, после того как мы забили одну из вьючных лошадей, мы бросили весь лишний багаж — котел, треножник, войлочные попоны и т. п., чтобы по возможности облегчить лошадям груз. Таким образом, у нас оказалось очень немного вещей, которые были бы нужны сойонам. Несколько фунтов пороха и свинца мы выменяли на двух бара-

нов, и, чтобы получить хотя бы еще одну козу, я срезал со своего сюртука все металлические пуговицы, а так как этого было недостаточно, добавил пестро расшитый жилет.

На этот раз пребывание здесь не дало мне ни малейшей возможности вести наблюдения, так как зайсан не разрешил мне хотя бы разыскать юрты сойонов, да и своих людей не подпускал к нашим палаткам. Несмотря на это, мне удалось составить небольшой список слов.

Каждое утро мои проводники заставляли Яшыка снова заклинать дождь, причем сильно страдала моя походная аптечка, и, как будто для того чтобы укрепить людей в их суеверии, небо после этих заклинаний неизменно становилось чистым. Мои проводники-двоеданцы с помощью очень простого средства сделали наших лошадей с больными копытами пригодными для дальнейших путешествий. Принесли много дров, сложили из них костер и зажгли. Вечером горящие сучья и раскаленные угли распались и рассыпались по площадке примерно в 4—6 квадратных саженей, так что к утру все это место было покрыто горячей золой. Тогда на каждой лошадиной ноге над копытом сделали острым ножом три-четыре глубоких надреза, так что потекла кровь. После этого лошадей отвели на покрытое горячей золой место и продержали там около четверти часа, пока не перестала течь кровь из ран. Это средство оказалось весьма действенным, так как остатки копыт затвердели, и лошади смогли ступать, не чувствуя сильной боли.

(24 июля.) Сегодня после четырех дней пути мы благополучно прибыли к Чолышману. Почти все лошади были в хорошем состоянии до самого Арсаяка, однако после него мы вынуждены были оставить в разных местах семь лошадей, которых должна была привести на обратном пути в Чолышман группа торговцев-двоеданцев, направлявшаяся в Алаш. Для того чтобы они увидели оставленных лошадей, мы каждый раз там, где была оставлена лошадь, устанавливали на открытом месте возле дороги шест с привязанным к нему вьючным седлом, к которому был прикреплен сук, указывающий концом в сторону Чолышмана. К суку был привязан пучок волос из гривы лошади. На мой вопрос проводник объяснил мне, что каждый тёлёс, который пройдет по дороге, поймет этот знак таким образом: «Здесь оставлена лошадь такой же масти, как этот пучок волос, оседлай ее этим седлом и приведи туда, куда указывает конец сука». Охотники по-разному используют такие знаки, чтобы сообщить друг другу свои пожелания. Например, ветка, укрепленная на шесте горизонтально, означает: «Приходи туда, куда указывает конец сука». Два сука, укрепленные таким же образом, но так, что концы их

направлены в противоположные стороны, значат: «Я пошел туда, однако ты возвращайся сюда и здесь жди!» Палочки, воткнутые рядом друг с другом, показывают, через сколько дней человек намерен вернуться, и т. д.

Путешествие наше проходило хорошо, без каких-либо новых неприятностей; мы ехали день за днем, с восхода солнца до наступления ночи. В последние два дня погода вновь испортилась, и все заклинания дождя Яшыка были безуспешными.

Вечером 21 июля мы съели последние крохи нашего провианта и потому страдали от голода не меньше, чем от сильной усталости и изнуряющего холода. 22-го под вечер мы встретили восемь человек черневых татар и, увидев их вдалеке, стали погонять лошадей, надеясь получить у этих людей какой-нибудь провиант. Однако это было напрасной надеждой, они и сами были уже третий день без еды. Теперь голод подгонял нас, и самые ужасающие обрывы, по которым шла дорога к Чолышману, не могли заставить нас отказаться от продолжения нашего пути даже темной ночью. В час ночи мы благополучно пришли к первым юртам на Чолышмане, где я с величайшим аппетитом пил кумыс и айран и ел поджаренную ячменную муку из грязных калмыцких [31] мисок, не обращая ни малейшего внимания на то, как грязна эта пища. Я не помню, чтобы когда-нибудь казалась мне такой вкусной какая-либо другая еда. Поистине голод — лучший повар. Наши вьючные лошади отстали и прибыли лишь через несколько часов.

* * *

Глава IX

ИЛИЙСКАЯ ДОЛИНА

Путешествие от Кёксу до Кулджи в июле 1862 г.– (...)
Состояние долины Или и ее население в 1862 г.– (...)

ОТРЫВОК ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА ЛЕТА 1862 г.

(23 июля.) Сегодня мы покинули станицу Кёксинская – расположенный ближе всего к китайской границе пункт почтового тракта между Копалом и Верным. Это довольно большое казачье село лежит на берегу Кёксу, притока Каратала, впадающего в Балкаш. На востоке – южные отроги гор Алатау, главный хребет которых является границей между Китаем и Россией. Наш путь ведет на восток, прямо к видным из Кёксинской снежным вершинам, которые мне назвали Уйгёнташ (Груда камней,– разумеется, из-за находящегося на перевале обо калмыков) [1]. В основном дорога идет по горным плато, поросшим травой, между многочисленными киргизскими аулами [2]. Примерно через десять верст мы поднимаемся выше в горы и ночуем по эту сторону Уйгёнташа в киргизской юрте. Здесь мне удалось нанять одного киргиза по имени Тутай, которого мне еще в Кёксу рекомендовали в качестве переводчика. Он долго жил в Кулдже, говорит на северно- и южнокитайском наречиях и по-монгольски и хорошо знаком с условиями этого края. Мне кажется, что китайские киргизы и по сей день не прекратили своих связей с Китаем и служат и нашим и вашим – ведут себя с русскими как русские верноподданные, однако и по отношению к китайцам делают то же самое. Тутай даже доверительно сообщил мне, что многие аулы проводят часть года на китайской территории.

(24 июля.) Отправились в путь очень рано. Дорога ведет все выше в горы, однако в основном направление на юго-восток. Переход через горный перевал Уйгёнташ не был труден. Поселения киргизов на русской территории доходят лишь до горного хребта Кушмурун (Птичий клюв). Дальше на восток земля камениста и пустынна; скудная трава, и лишь отдельные деревья

по берегам ручьев; все горы скалистые; частые обвалы в горах. Переход по этим местам, очевидно, небезопасен. Опасным делают путь киргизские и калмыцкие разбойники, потому что им легко уйти безнаказанно и спрятаться в пустынных пограничных горах. Так как наш маленький караван состоял из семерых мужчин, трое из которых были хорошо вооружены, мы могли особенно не опасаться. Однако купцы вынуждены ради безопасности предпочесть путь через горный перевал Алтынэмель и вдоль берега Или по землям солонов [3]. К востоку от чрезвычайно живописной долины Кёксу и вплоть до Кушмуруна ландшафт приобретает однообразный степной характер: обширные, покрытые травой равнины и холмы, над которыми возвышаются по большей части голые горы. Здесь же, в самой долине, все покрыто валунами и каменными глыбами. Голые горные кряжи тянутся лишь к северу, местность постепенно переходит в понижающееся к югу плато, перерезанное родниковыми ключами реки Борохудзир, которые текут по долинным ложбинам, нередко расположенным на 20—30 саженей ниже уровня плато. С плато эти ложбины вовсе не заметны, и лишь добравшись до его края, можно увидеть долину с журчащей рекой и берега, густо поросшие кустарником, среди которого высятся большие тополя.

Разумеется, эти участки долины являются для киргизов великолепными местами зимовок, и потому зимой они густо уставлены юртами. Русло реки Борохудзир считается границей китайской части долины Или. Здесь же находится китайский пограничный пикет, также носящий название Борохудзир [4]. Его образуют дома, построенные из глины и камня. Нам позволили приблизиться к пикету лишь на пятьдесят шагов, после чего нас остановил китайский солдат, который выехал навстречу нам, вооруженный колчаном, стрелой и луком. Я послал в пикет с моим казаком и с переводчиком свои документы, и меня пропустили. Однако моим людям и вьючным лошадям не позволили приблизиться к пикету. Позади него виднелось несколько деревьев и здание, которое, как мне объяснили, является храмом. Начальник пикета предложил мне сесть и приказал подать мне чашку чаю. Он осведомился о моем имени и о цели моего путешествия, о количестве сопровождающих меня лиц и вьючных лошадей и после обстоятельных переговоров вручил одному из солдат два документа. Затем дал мне наставления, сказав, что я не должен отходить от солдата, должен находиться все время в пути и не имею права предпринимать что-либо подозрительное. Начальник пикета говорил по-китайски; несмотря на это, мне не нужен был здесь переводчик, так как десять-двенадцать изрядно оборванных солдат пикета, которые с любопытством обступили нас, были солонами и бегло говорили по-киргизски. Начальник — маньчжур в чине бошко [5], как показывает медная шишка на шапке. После

приблизительно часа ожидания появился вооруженный луком и стрелами солдат-пограничник, который должен был сопровождать нас в качестве конвоя, или, скорее, стражи. Он отвечал довольно резко, ехал впереди и ни с кем не вступал в разговор. Он лишь время от времени оглядывался и смотрел, все ли мы следуем за ним. Так как мы ехали довольно быстрой рысью, то к ночи добрались до третьего родника, питающего реку Борохудзир, и переночевали в его долине, недалеко от какой-то небольшой киргизской юрты. Конвоир оставил нас здесь и поскакал к караульному помещению, которое находилось на несколько сот шагов дальше по реке. Этот ночлег в дымной юрте был весьма неудобен. Среди ночи я был разбужен сильным шумом, вызванным охотой на диких свиней, которые водятся здесь, очевидно, в больших количествах. Киргизы забили животное дубинками, с лошадей, но не дотронулись до него, так как очень боятся прикосновения к нечистому животному. Утром солдаты пикета забрали животное себе.

(25 июля.) Рано утром к нам прибыл новый конвоир, вооруженный точно так же, как вчерашний. Однако он производил впечатление настолько убогое, что сама мысль о том, что этот воин должен нас стеречь, была нам смешна. Это был совсем низенький человечек, старше шестидесяти лет, с белоснежной косой [6], такой сухонький и так нетвердо стоящий на ногах, что он еле ходил. Ехал он на трехлетней негой кобылке, которая выглядела такой же немощной, как и всадник. К тому же он подложил на свое седло толстую, совершенно новую огромную овчину, так что сидел он чуть не на полфута выше спины своей лошади. Мой казак, так же как и киргизы, дал волю своему остроумию. Однако солон кратко и сердито приказал немедленно седлать лошадей и следовать за ним, что и было выполнено, так как я и сам торопился. Мы доехали без остановок довольно быстрой рысью до берега реки Озёк, очень широкой и бурной, переправа через которую после дождей почти невозможна, так что нередко путешественники вынуждены ждать здесь по нескольку дней спада воды. Переезд через Озёк вброд относится к самым тяжелым переправам, которые мне доводилось видеть. Приходится сидеть в седле с поджатыми под себя ногами или стоять на коленях, так как вода доходит до седла. К тому же течение настолько сильное, что кажется, будто вода сносит лошадь, хотя и едешь под углом 45° к течению. Во время переправы наездники поднимают громкий крик, дабы, с одной стороны, подогнать лошадей, а с другой — подбодрить себя. Наш конвоир немного отстал, и к тому моменту, когда мы уже перешли реку, он добрался только до того берега. Мы крикнули, что пришлем ему лошадь

получше, но он счел это, видимо, ниже своего достоинства и, не обращая на нас внимания, кинулся в реку. Тут и произошло то, что все мы предвидели: лошаденку подхватило течением и потащило, и вскоре мы увидели всадника, лошадь и овчину в трех разных местах. Я тотчас же направил в реку двух киргизов, но они поскакали к лошади и к овчине, вовсе не заботясь об испускающем вопли всаднике. Лишь после моего повторного окрика они повернули к нему. Мой переводчик Тутай, безжалостно схватив старика за косу, вытащил его из воды и посадил позади себя на лошадь. Когда я потребовал от моих людей объяснений по поводу их жестокого поведения, они ответили, что ведь овчина и лошадь много дороже, чем этот малый. Человечек выглядел очень жалким, когда стоял перед нами вымокший насквозь. Мои киргизы стащили с него кафтан и рубашку, отжали их и растянули на солнце. При этом выяснилось, что намокли наши паспорта. Я передал их Тутаю, который осторожно держал их на ладони, пока они не высохли. После того как была вылита вода из сапог, чехла для лука и колчана и немного просохла одежда, мы снова сели на лошадей и поехали дальше. Вскоре высохли и паспорта, однако они так слиплись, что я не знал, удастся ли их раскрыть.

Через несколько верст земля на той стороне Озёка стала более плодородной, и нам начали попадаться поля, засеянные просом или пшеницей. Хлеба были уже большей частью сжаты и сложены в высокие скирды. Внезапно наш конвоир приказал нам свернуть с дороги и ехать примерно версту на юг, после чего мы остановились около юрты, в которой находился местный начальник, фунду-бошко. Мне предложили войти в юрту, и я увидел сидящего там человека в рабочей одежде, который раскрыл один из паспортов, прочел его и затем весьма гордо окинул нас взглядом. Внезапно он начал браниться по-киргизски: что нам здесь нужно, мы, несомненно, шпионы и хотим все разнюхать в стране великого императора. В ярости от его непочтительного поведения я заявил, что поеду прямо на юг, к следующему пункту, который находится в нескольких верстах от нас, и пожалуюсь тамошнему начальству; я не потерплю такого обращения, и пусть консул примет меры. После чего я покинул юрту и сел на лошадь. Тут бошко заговорил по-иному: он-де только пошутил, я должен хотя бы выпить у него чашку чаю. Но я больше не обращал на него внимания, сел на лошадь, приказал моим спутникам сделать то же самое и спокойно поехал дальше. Наш маленький конвоир догнал нас и просил извинить бошко: он-де не знал, что я офицер и т. д. (Наблюдения, которые я смог сделать над земледелием солонов, здесь опущены; они приведены ниже, в описании солонов.)

По ту сторону Озёка дорога еще круче поворачивает на юг. Перед нашими глазами широко простирается долина Или. Чаще

попадаются поля, на дорогах много рабочих с граблями и серпами, мужчин и женщин — все в больших плоских соломенных шляпах и в одежде, похожей на калмыцкую или китайскую: мужчины в коротких куртках или длинных кафтанах, женщины в простых длинных рубахах. Как сказал Тутай, все это сойоны [7], у которых здесь наверху поля. Черные пятна на юге, которые на большом расстоянии похожи на темные тучи,— города сойонов, в то время как меньшие темные участки, виднеющиеся по всей равнине,— это отдельные дворы и мызы, окруженные фруктовыми садами и специально посаженными деревьями. Чем дальше продвигались мы на юго-запад, тем больше становились пашни и тем чаще встречались хижины, крытые соломой, скирды снопов и земледельцы.

Вечером, довольно поздно, прибыли мы к следующему пикету, расположенному недалеко от долины реки Коргос. Он состоит из двух маленьких глинобитных хижин, одна из которых полуразрушена и не имеет ни окон, ни дверей. Около этих домов — окруженный глинобитной стеной скромный сад, в котором, вероятно, находится небольшой храм. Людей мы в пикете не обнаружили. Наш конвоир сказал мне, чтобы я приказал устроить мою постель в одной из этих глинобитных хижин, так как там никто не живет. Мои люди расположились у самого дома и поставили на огонь котлы. Лошадей стреножили и, так как говорят, что здесь часто воруют, их всю ночь охраняли. Наконец, уже когда мы приступили к еде, появился китайский солдат. Он извинился, сказав, что его люди заняты на полевых работах, он теперь в пикете один и намерен проводить нас к следующему караульному пункту. Было бы лучше, сказал он, если бы мы не заезжали в город Коргос. Тутай возражал ему и настаивал на том, что мы должны проехать именно через Коргос. Позже он сообщил мне причины этого. Он сказал, что всегда опасно сходить с большой дороги, особенно вблизи такого города, как Коргос, а кроме того, пришлось бы сделать большой крюк. Солон этого пикета был гораздо приветливее, чем прежний конвоир. Тутай, которого я об этом спросил, сказал, что ко мне возымели уважение, после того как я отчитал бошко. Здешний солдат уже спрашивал Тутая, не *амбань* (генерал) [8] ли я, и он ответил утвердительно. Так как наш старый конвоир также вел себя дружелюбно, я пригласил его поужинать с моими людьми и сделал ему небольшой подарок, за что он благодарил с бесчисленными поклонами.

(26 июля.) Около шести часов утра мы покинули пикет и переехали долину Коргоса, которая лежит лишь на несколько футов ниже уровня степи. Она очень широка, так как река разделяется едва ли не на десяток рукавов, но все они мелководны.

Все русло реки покрыто крупными и мелкими камнями. Должно быть, весной вся долина заполняется водой, и тогда переправа затруднительна. Примерно через пять верст мы добрались до города Коргоса. Путешественник едва ли замечает, что он вступил в черту города. Сперва начинают часто попадаться пашни и между ними отдельные дворы, рощицы, сады и фруктовые деревья, обнесенные глинобитными стенами. Затем видишь на дороге рабочих, пешеходов и постепенно въезжаешь на ограниченную с двух сторон довольно высокими глинобитными стенами улицу, движение на которой еще очень незначительное. Неожиданно улица делает поворот, и мы видим высокие деревья. Проехав по узкому переулку еще шагов пятьдесят, мы замечаем, что картина меняется как по взмаху волшебной палочки. Мы вдруг оказываемся на довольно широкой торговой улице, по которой движется плотная толпа. По обеим сторонам сплошные ряды открытых лавок и мастерских. Сапожники и портные, кузнецы и столяры — все работают чуть ли не под открытым небом. Между ними всевозможные лавки со съестными припасами, посудой и изделиями из дерева. Повсюду большие вывески с огромными китайскими надписями. Тут же харчевни, которые можно распознать издали по заменяющим вывески гигантским рыбам.

Посредине несколько более высокая проезжая часть, по которой двигаются большие двухколесные повозки (*арба*), маленькие тележки, а также всадники и вьючные лошади. По улице ходят всевозможные торговцы, которые несут свои товары на лотках и привлекают внимание покупателей громкими криками. Совершенно опустившиеся нищие в лохмотьях, женщины с красивыми прическами и с цветами в волосах, хорошо одетые прогуливающиеся люди в огромных очках и с зонтами от солнца. Мимо нас проходят калмыки, множество татар и киргизов — короче, необычайно пестрая сутолока, на которую не могут вдоволь насмотреться глаза, привыкшие к однообразию степи. Хотя картина эта была мне чужда, я должен признаться, что почувствовал себя здесь как дома. Во всяком случае, вокруг меня царило оживление и шла работа — совсем как в европейском городе, хотя общий колорит и был непривычен. После пустынной, однообразной степи я почувствовал себя вновь приобщенным к культурной жизни, которую цивилизованный человек начинает ценить по достоинству лишь после того, как поневоле был ее лишен. Так как наш маленький караван привлекал множество любопытных, мы вскоре были окружены плотной толпой и не могли двинуться ни взад ни вперед. Напрасно озирался я в поисках нашего конвоира, он исчез. Тутай также несколько отстал и беседовал с каким-то киргизом. Однако как только он увидал, что мы оказались в затруднительном положении, он поспешил к нам на помощь и стал попросту разгонять толпу плеткой, крича при этом: *Орус*

амбань![9]. Это весьма энергичное вмешательство вскоре освободило нас, толпа расступилась и дала нам дорогу, хотя и с громкими криками и бранью, причем совершенно отчетливо было слышно одно чисто русское крепкое словцо — хотя и искаженное на китайский лад, но все же вполне понятное. Тутай еще до этого обратил наше внимание на то, что в китайских городах следует остерегаться воровства, и поэтому я приказал держаться всем вместе. Эта предосторожность оказалась вполне оправданной, так как какой-то вороватый подданный Небесной империи чуть было не отстегнул мое пальто от седла; когда я это заметил, два ремня были уже расстегнуты. Я последовал энергичному примеру Тутая и, не говоря ни слова, опустил свою плетку на спину наглеца. Он испуганно отскочил и закричал, что хотел пристегнуть этот мундир получше; тем не менее он быстро затесался в толпу, и дальнейших протестов с его стороны не последовало. Так как мы не собирались делать остановки до Кулджи, я решил позавтракать здесь, в Коргосе, и велел Тутаю отвести нас в какой-нибудь сносный трактир. По его приказанию открылись ворота какого-то довольно приличного на вид постоялого двора, и слуга принял наших лошадей. Китаец провел меня в комнату для приезжающих, и здесь мне был подан чай и пресный белый хлеб, сладкое печенье, затем пиво в кувшине и сладковатая водка; после этого — жареная курица и что-то вроде рагу, все очень тонко нарезано и чисто сервировано. Водка была теплой и весьма крепкой, и наливали ее в крошечные чашечки. Еда с помощью палочек из слоновой кости доставила мне немало мучений. Был задан также корм лошадям, и люди мои тоже поели. За все съеденное и выпитое я заплатил 2 рубля 45 копеек. Хозяин принял русские деньги. Тутай заявил, что с меня взяли чересчур много. Теперь он торопил с отъездом, так как путь предстоит еще очень долгий и, кроме того, меняется конвой, что всегда вызывает некоторую задержку. Мы снова вышли во двор, сели на лошадей и, сопровождаемые бесчисленными поклонами слуг постоялого двора, вновь оказались на улице в снующей толпе. Вскоре мы свернули в проулок, так как лучше было сделать крюк, чем ехать прямым путем через базар. В общем у меня создалось впечатление, что народ смотрит на чужака отнюдь не приветливо. Мало видел я лиц, на которых нельзя было бы прочесть неприязнь, а быть может, вражду и презрение. Это, однако, нельзя сказать о хозяевах, у которых преобладал деловой интерес. Я думаю, что эту неприязнь воспитывают в народе искусственно, с помощью изоляции от всего чужеземного, в которой их принципиально держит правительство, и потому все, что они видят редко, представляется им чуждым и вызывает опасения.

Как только мы выехали из города, наш конвоир снова присоединился к нам. Он сказал, что оставил нас лишь из страха перед

своими коргосскими кредиторами; они без всякой жалости арестовали бы его, сказал он, хотя он и находился на службе; как бы он потом держал ответ перед своим начальником? Я упоминаю об этом происшествии лишь потому, что оно показывает, как мало страха испытывают китайские купцы перед солдатами. Говорят, что и к низшим чиновникам они питают очень мало уважения.

От Коргоса наш путь лежал через едва ли не сплошную цепь садов, пашен, хуторов и небольших деревень. Дорога почти повсюду скверная, но весьма оживленная. Пешеходы, носильщики, навьюченные ослы, арбы (тележки) и верблюды все время попадались нам навстречу. Повсюду искусственные лесные посадки. Часто мы проезжали мимо постоялых дворов, в которых было полно постояльцев. Всадники, чиновники и солдаты ехали мимо нас, не обращая на нас ни малейшего внимания. Дети либо с криком убегали прочь, либо останавливались у дороги и выкрикивали в наш адрес не слишком дружелюбно звучавшие слова. Повсюду радостно, весело, оживленно. Все поля выглядели отлично ухоженными. В садах полно плодовых деревьев, сплошь увешанных фруктами, большей частью яблоками, абрикосами и персиками. Хутора — самых разных размеров; иные так велики, что сразу видно, насколько зажиточны их владельцы. Кое-где мы встретили совершенно голых рабочих, о которых Тутай сказал, что это — чемпен. Я уже начинаю привыкать к местной одежде и вполне могу отличить китайских купцов от солдат-солонов. У большинства китайских женщин, в том числе у среднего сословия и у жен крестьян, маленькие ноги. У всех тщательно причесанные головы и цветы в волосах, даже если одеты они в лохмотья.

Под вечер мы проехали большое поселение; это был город Тарджи; мне сказали, что китайцы называют его Талки. Перед самым Тарджи был последний пикет, в котором находились солдаты-маньчжуры. Нас задержали здесь ненадолго и дали нового конвоира, который был одет точно так же, как солдаты-солоны.

За несколько верст до Кулджи мы свернули с дороги, по обеим сторонам которой тянулись хутора, и приблизились к берегу Или, в основном представляющему собой пустынную песчаную местность, поросшую высокими степными травами. Уже с наступлением темноты прибыли мы в Кулджу и спешились в расположенной перед городом русской фактории. <...>

НАСЕЛЕНИЕ ИЛИЙСКОЙ ДОЛИНЫ

После того как я попытался вкратце описать географическое положение Илийской долины, обращусь к населяющим ее племенам. Предшествующая история и китайское господство собра-

ли на этой небольшой территории самые различные народы. Отличающиеся друг от друга происхождением и языком, резко разделенные религией, обычаями, образом жизни и формами правления, эти племена прожили больше века бок о бок друг с другом, даже вперемешку, никогда при этом не смешиваясь и ни в малейшей степени не сближаясь. Каждое племя враждебно другому, но именно на эту их взаимную ненависть и опираются маньчжуры, которых они ненавидят не меньше, чем своих, находящихся под той же властью племенных врагов. Но горе маньчжурам, если когда-либо ненависть к ним станет сильнее, чем взаимная ненависть племен; если объединятся хотя бы два из них, власть маньчжуров будет свергнута навсегда.

Древнейшие насельники Илийской долины, еще живущие поблизости компактными группами,— западные монголы, или калмыки. Когда император Цянь-лун положил конец власти калмыцких ханов, бо́льшая часть их подданных была оттеснена на запад и северо-запад. Лишь через двадцать лет часть из них вернулась на свои прежние места. Однако китайское правительство уже осуществило к этому времени частичную колонизацию Илийской долины и поэтому не позволило им селиться в самой долине, указав в качестве мест поселения пограничные горы. Здесь мы и находим их по сей день; они полукругом охватывают долину. По данным моего информатора, общее число платящих дань калмыков, которые кочуют здесь, в пограничных горах, равняется приблизительно 18 000—20 000 семей; они распадаются на 40 сумулов по 400—500 семей каждый. Эти 40 сумулов распределены приблизительно так:

1. В южных пограничных горах:
   а) Дурган-сумул (6 с.) по Верхнему Текесу;
   б) Арбан-сумул (10 с.) по Нижнему Текесу;
   в) Дёрбюп-сумул (4 с.) к югу и востоку от канала Токустара.
2. В северных пограничных горах:
   Хорум-сумул (20 с.) от Озёка до Каша.

Кроме этих сорока сумулов столько же калмыков живет дальше к востоку и северо-востоку; их называют общим именем *чакор* [10].

По своему образу жизни калмыки очень мало отличаются от киргизов. Как и те, они кочевники, занимающиеся главным образом скотоводством. Они живут в войлочных юртах и меняют свое местожительство в зависимости от времени года, т. е. лето они проводят в горах, а к зиме постепенно спускаются обратно в долины. Количество скота, которым они владеют, очевидно, равно количеству скота у киргизов, и только лошадей у них больше. Земледелием они занимаются гораздо меньше, чем киргизы, за исключением нескольких сотен калмыков на реке Нилка, которые

смешались с земледельцами-татарами и, как и они, живут исключительно земледелием. Сам я в 1862 г. видел мало калмыков и побывал только в двух калмыцких юртах. Устройство их, пожалуй, во всем соответствовало устройству киргизских юрт, но они были много грязнее, так же как и сами калмыки значительно грязнее и оборваннее киргизов.

Все калмыки буддисты. Их верховным священником в Илийской долине является *шамба лама*, резиденцией которого с четвертого по девятый месяц служит храм на Текесе. Второй буддийский храм калмыков стоит на правом берегу Или, между татарской и китайской Кулджой. Здесь шамба лама живет зимой, с девятого по четвертый месяц. Зимой одновременно с шамба ламой на берег Или отправляется приблизительно 200 калмыков. Большая часть их — священники, которых у всех буддистов очень много, а также молодые люди, которых здесь обучают чтению и письму. Все меня уверяют, что среди калмыков широко распространена грамотность.

Раз в год в буддийский храм на Или прибывает на молебствие главный маньчжурский чиновник *цзань-цзюнь*. Так как он появляется здесь в качестве представителя императора, его прибытие связано с множеством церемоний и торжеств. Вообще в зимние месяцы в калмыцком буддийском храме на Или царит оживление, так как к благочестивым калмыцким поселенцам и паломникам присоединяются сотни китайских торговцев. Они разбивают свои лавки вокруг храма, так что это место превращается в небольшой город. Перед храмом, состоящим из трех зданий, находится передний двор, где дважды в день происходят трапезы. К каждой трапезе забивают пять быков и десять овец.

Внутреннее управление калмыков находится в руках племенных князей (*зайсан*) и калмыцких низших чиновников, которые получают от маньчжуров в качестве знаков своего чина шишки на шапки. Верховные племенные князья получают даже чин генерала, т. е. красную шишку на шапку. Однако все эти калмыцкие сановники подчиняются генералу-маньчжуру, *мейен-амбаню*, который, с одной стороны, является посредником между правительством и калмыцким Self-government, т. е. передает приказы цзань-цзюня калмыцким князьям, а их пожелания — цзань-цзюню. С другой стороны, его задача — неустанно следить как за калмыками-чиновниками, так и за всем, что происходит в народе, своими донесениями помогая правительству пресекать всякое стремление к самостоятельности и неповиновение. Для этой последней цели мейен-амбаню придан небольшой отряд солдат-маньчжуров, живущих разбросанно среди калмыков. Чиновники-калмыки должны, с одной стороны, улаживать все недоразумения между своими собственными подданными и следить за спокойствием и порядком, а с другой — заботиться о том, чтобы в срок

вносились налоги и точно выполнялись все введенные китайским правительством повинности. Налоги и повинности калмыков примерно таковы:

1. Налоги: поставка скота земледельцам и военным колониям в Илийской долине, 2000 голов крупного рогатого скота и 500 лошадей в год.

2. Персональные повинности: а) перевозка добываемых в рудниках меди и свинца с гор в Кулджу; б) предоставление необходимого для пограничных пикетов количества солдат; в) в случае войны каждый сумул должен дать 100 солдат; г) в период войны они должны принимать участие в доставке провианта.

Каждому солдату на войне, а также во время службы в пикете положено месячное жалованье в пол-унции серебра (приблизительно четыре с половиной марки); однако правительство давно уже перестало выплачивать эти деньги. Солдат в пикетах ежемесячно меняют. Хотя прежде калмыки относились к китайцам более враждебно, чем к киргизам, однако теперь благодаря своим религиозным воззрениям, обычаям и житейским взглядам они ближе правительству, чем киргизы. И хотя калмыки не питают особой симпатии к маньчжурам, они все же не настроены по отношению к ним враждебно. Маньчжуры сумели добиться этого, предоставив полную свободу местным властям и избегая какого бы то ни было вмешательства в дела, обычаи и воззрения калмыков (что, кстати, обусловлено не политической терпимостью и гуманностью китайцев, а их презрением ко всем *вайгожэнь* — посторонним людям, иностранцам). К тому же то обстоятельство, что калмыков привлекают к военной службе и защите государства, вызывает у них сознание принадлежности к китайской империи. В случае мятежа калмыки не изменят правительству, но и не пожертвуют ничем существенным ради его защиты.

Кочевники-мусульмане, киргизы [11] и буруты (черные киргизы) [12], официально приписанные к Илийской долине, не очень многочисленны. К первым принадлежит лишь та совсем незначительная часть Большой орды, которая проводит зиму в северо-западной части Илийской долины. В основном это — аулы племени суан и отдельные юрты племени алджан. За право пользования китайской землей Большая орда платит китайскому правительству, которое до сих пор считает племя суан китайскими подданными, 40 лошадей. Солоны тесно связаны с суанами, широко ведя с ними торговлю и нанимая их для охраны своих стад. Это действительно самый верный способ обезопасить себя от угона скота киргизами. Буруты (черные киргизы) никогда не спускаются в долину Или, а живут по ту сторону южных пограничных гор на Текесе, по соседству с калмыками. Лишь ничтожная

часть племени бугу все еще не покорилась русским. Китайское правительство до сих пор считает все племя бугу своими подданными и взимает с них подати.

Если мы теперь обратимся к оседлым земледельческим племенам Илийской долины, то увидим во всех ее городах и в самых различных пунктах оседлых земледельцев — татар, которые называют себя *йăрлик* (местные жители), но которых все их соседи называют монгольским именем *таранчи*, т. е. земледельцы [13]. Я уже упоминал, что во времена калмыцких ханов в Илийской долине были расселены военнопленные из Кашгара. Когда же Илийскую долину захватили китайцы, они последовали примеру калмыков и основали на Или многочисленные поселения татар из области Шестиградия [14]. Всего из городов Кашгар, Яркенд, Хотан, Турфан, Аксу и Уш было переселено на Или 6000 татарских семей [15]. В настоящее время количество этих семей выросло до 8000. Переселение этих татар было произведено по двум причинам: во-первых, стремились убрать опасных людей из татарских районов и тем самым сломить их сопротивление; с другой стороны, новые насельники должны были заняться в Илийской долине земледелием и в качестве ежегодной подати давать необходимое для армии зерно, доставка которого из Китая потребовала бы больших затрат. Каждой такой крестьянской семье было выделено 12 десятин земли, и за эту землю глава семьи должен был ежегодно доставлять на правительственные склады 32 ху (китайский центнер) зерна, т. е. по 8 ху пшеницы, ячменя, ржи и проса.

При теперешних ценах на зерно эта натуральная подать равна приблизительно 8—10 *сăр-йармак* [16], или 8—9 рублям серебром, что у нас, учитывая высокую стоимость денег в долине Или, равнялось бы сумме примерно вдвое большей.

Эти 6000 семей расселены в Илийской долине в следующих местах <см. ниже, с. 516>.

При количестве в 6000 семейств ежегодная натуральная подать татарских земледельцев равнялась 192 000 ху зерна, а с 1834 г., когда перепись показала 8000 семейств,— 256 000 ху, т. е. свыше двух миллионов рублей. Несмотря на эти сравнительно тяжелые подати, жизнь тарапчей, как меня уверяли, была вполне сносной до начала восстания в Кашгаре в 1826 г.[17]. Они были в состоянии своевременно вносить подати и могли держать много скота. Мой информатор говорил с особенно большой похвалой о добросердечии и отзывчивости китайцев до этого периода. Они поддерживали благосостояние крестьян, уменьшая подати и оказывая денежную помощь при бедствиях и в случае неурожая. Однако с началом мятежа в области Шестиградия на Илийскую долину и особенно на татар-земледельцев обрушилась беда.

1, На правом берегу Или

а) по ту сторону Каша	500	семейств
б) по каналу Ариостен	600	»
в) по каналу Байтукай	500	»
г) на реке Нилка	400	»
д) на реке Олатай	600	»
е) на реках Боробургазун, Билекей и Чубуркай	500	»
ж) на реке Йыргалан	1000	»
Всего	4100	семейств

2. На левом берегу Или

а) на Тарксыле	100	семейств
б) на Когуши	200	»
в) на Ягыстае	200	»
г) на Кайнаке	200	»
д) на Бугре	200	»
е) на Хонокае	400	»
ж) на Долаты, Галджане и Дадамты	600	»
Всего	1900	семейств

Пока в области Шестиградия происходили военные действия, таранчи Илийской долины были вынуждены не только сдавать двойные поставки провианта, но и доставлять его на своем собственном тягловом скоте к театру военных действий, что было чрезвычайно убыточно при тяжелых переходах через Тянь-Шань. На втором году войны нужда и бедствия татар достигли крайней степени. Зима была затяжной и необычайно суровой, и рассказывают, что таранчи сотнями замерзали на пути в Кашгар. Падеж тяглового скота исчислялся тысячами, а скот, уцелевший в дороге, отнимали находившиеся в бедственном положении воинские части. Даже некитайские подданные в городе Кулджа (купцы из ханств) вынуждены были предоставить 500 лошадей для транспортировки припасов и ни одной из них так больше и не увидели. Это продолжалось несколько лет, пока китайцам не удалось наконец справиться с мятежом и восстановить в провинции спокойствие. Так как местные власти должны были содержать теперь удвоенную армию, но при этом не получали из Китая никакой денежной дотации, они оказались в крайне тяжелом финансовом положении. Когда изыскивались новые источники средств, один из цзань-цзюней сообщил, что число семейств таранчей в Илийской долине возросло до 8000, и в 1834 г. приказал проложить канал Токустара, чтобы при выделении земельных наделов новым семействам таранчей взыскать и с них законные подати. Так как этот канал пришлось прокладывать по каменистой местности к югу от Или, работа длилась целых два года, и в течение всего этого времени таранчи должны были предоставлять безвозмездно 3000 рабочих. В дальнейшем

при распределении наделов выяснилось, что земли хватает только на 1500 семейств, в то время как в Пекин уже непредусмотрительно сообщили о приросте в 2000 семейств. Татарским чиновникам пришлось отдать свои земли по Боробургазуну, а таранчам — за свой счет проложить новые каналы у Боробургазуна и Билекея. Летом 1836 г. оказалось, что канал Токустара прорыт недостаточно глубоко и идущей по нему воды не хватает на все новые поля. В результате поля всех 1500 семейств новых поселенцев высохли, и эти несчастные не могли ни заплатить подати, ни даже прокормиться. Это бедствие длилось целых три года, в течение которых остальные 6000 семейств таранчей не только были вынуждены вносить подати за эти 1500 семейств, но им было еще предписано предоставить 3000 рабочих для продолжения работ на канале и оказать поддержку голодающим па Токустара.

Уже в 1836 г. на Хопокае среди татар-земледельцев начались волнения. Перс по имени Шапмоси, выдававший себя за ходжу, обещал освободить народ от невыносимого гнета китайцев. Десять бедственных лет довели людей почти до отчаяния, и в надежде на избавление от невыносимых страданий они примкнули к мнимому ходже. Все те, кто отказывался признать ходжу, были по его приказу истреблены. Китайцы, однако, получили сообщение о происходящем еще до того, как восстание распространилось на остальные поселения таранчей, так что им было нетрудно подавить этот незначительный мятеж, начатый без всякого плана. Перс, так же как и остальные руководители восстания, был арестован и отправлен в Кулджу. Там перс был публично подвергнут мучительным пыткам, затем его и 16 схваченных зачинщиков обезглавили и, надев их головы на колья, выставили в качестве предостережения на главных дорогах селений таранчей. Человек сто были отправлены в Китай, и многие татарские поселки разграблены солдатами. В 1840 и 1844 гг. в Кашгаре вновь вспыхнули восстания, и в эти годы таранчам опять пришлось много вынести в связи с транспортировкой провианта.

Хотя все эти беды и свели на нет благосостояние таранчей, однако в нормальных условиях, при наличии превосходных почв, они смогли бы вернуть его неустанным трудом, если бы не китайские правители. Не доверяя народу, они внесли в его жизнь страшное зло, которое со временем приведет таранчей к гибели. Эта раковая опухоль — назначенные китайцами чиновники-таранчи. Они, опутав как сетью все татарское население, служат слепым орудием правительства. Корыстолюбие и забота только о своих интересах сделали их чужими для своего народа и превратили в рабов чуждой им расы, под защитой которой они могут безнаказанно совершать любые преступления. Маньчжуры действуют здесь весьма умно: при этих обстоятельствах они сумели,

Таблица 14. Среднеазиатские типы: *1*, *2*, *3* - китайцы; *4*, *5* – дунгане; *6*, *7* – таранчи

воспользовавшись тем, что народ постоянно страдает от гнета чиновников, переключить народную ненависть с себя на них.

Бюрократическая верхушка таранчей — это имеющие резиденцию в Кулдже *хеким* и его помощник *шага*. Оба они носят на шапках как знак своего ранга синюю прозрачную шишку, т. е. находятся в чине полковника (*ухери-да*). Хекиму может быть пожалована и красная шишка (звание амбаня — т. е. генерала), и нынешний хеким ее имеет. Управление всем татарским населением, как земледельцами, так и скотоводами, находится в руках этих двух чиновников. Отчет в своей деятельности они отдают только цзань-цзюню или его заместителю, а тот, в свою очередь, через них передает татарскому населению свои приказы. После полиции и администрации они являются даже высшей судебной инстанцией, если тяжба или преступление касается только татар.

Административно таранчи разделены на восемь округов, шестью из которых управляют *шанг-бек* и *мираб*, а двумя — *ресничи* и *мираб*.

Первые шесть округов:

1) Йыргалан
2) Боробургазун, Чубуркай, Билекей
3) Нилка и Олатай
4) по ту сторону Каша
5) Бугра, Кайнак, Ягыстай, Когуши
6) Дадамты, Долаты, Хонокай.

Два последних округа:

1) Токустара
2) Ариостен, Байтукай.

Как ресничи, так и шанг-бек носят на шапке в качестве знака своего сана белую прозрачную шишку (*джерги йанггин*=чин капитана), мираб также носит этот знак различия. Ресничи может получить в качестве награды синюю шишку.

Каждый такой округ распадается на два подразделения, каждое из которых находится под властью *минг беки* (правитель тысячи); этот носит медную шишку (*тунду бошко*=лейтенант). Над каждой сотней семейств земледельцев стоит *йуз беки* (правитель сотни) и *эллиг беши* (глава пятидесяти). Двенадцать старших *йуз беки* также носят медные шишки. Наконец, над каждым десятком семейств в качестве надзирателя стоит *он беши* (глава десятка). Таким образом, весь бюрократический аппарат составляют: 1 *хеким*, 1 *шага*, 2 *ресничи*, 6 *шанг-беков*, 8 *мирабов*, 16 *минг беки*, 80 *йуз беки*, 80 *эллиг беши*, 800 *он беши* — всего 994 чиновника. Все эти чиновники, за исключением *он беши*, должны быть утверждены маньчжурским правителем. *Он беши* назначаются самим хекимом и сменяются им по своему усмотрению. Все эти чиновники существуют на счет земледельцев, так

как правительство уже много лет тому назад перестало выплачивать им жалованье. Кроме жалованья, земледельцы вынуждены обеспечивать чиновников необходимой прислугой. Благодаря содействию хекима многие чиновники-маньчжуры также получают от земледельцев прислугу и работников. Таким образом, расходы крестьян на чиновников, пожалуй, превышают подати.

«Среди всего населения Или,— сказал один из моих информаторов,— никому не приходится платить такие большие подати и переживать такие тяжелые времена, как земледельцам. Когда мы жалуемся нашим чиновникам, мы не получаем никакой помощи. Каждый, будь то чиновник-маньчжур или татарин, берет то, что ему приглянется. В последние годы мы даже не получаем от калмыков скот, наши чиновники вместе с маньчжурами съели его. Однако чиновников ждет возмездие, потому что написано:

Бу алямнинг бәгләри,
Киамәтнинг сәгләри.

Да, сильные мира сего
На том свете будут собаками!

Наше благосостояние уменьшается с каждым днем; если так пойдет и дальше, все мы умрем голодной смертью».

Кроме уже описанных таранчей к татарскому населению Илийской долины относятся жители татарского города Кулджа, или, как его называют местные татары, Гулджа (Лось). Как я уже упоминал, город Кулджа возник задолго до установления здесь китайского владычества. Бóльшую часть населения составляют старые местные жители Илийской долины — татары (раньше в долине Или жили только татары и говорили здесь на чагатайском языке — см.: Бабур-наме, с. 2) [18] и кроме них ссыльные из области Шестиградия и купцы из Кашгара, Коканда, Ташкента и Бухары, которые уже много лет ведут здесь торговлю и теперь считаются натурализованными подданными. Я не могу привести точные данные о количестве жителей; очевидно, оно должно равняться по крайней мере 80 000 человек. Город Кулджа стоит недалеко от впадения реки Пиличи в Или. Сам город построен в виде прямоугольника и обнесен глинобитной стеной. Попадают в него через четверо ворот, каждые из которых находятся посредине одной из стен; улицы прямые и чаще всего пересекаются под прямым углом.

Хотя власть в городе также находится в руках хекима и шаги, тем не менее у таранчей имеется собственное управление со своими чиновниками, своими учреждениями и особыми податями. Среди должностных лиц города мне были названы *кази* и *ишкал* — судейские чиновники, *паштап* (начальник тюрьмы), *сәдәри* и *минг беки* (полицмейстер и комендант). Подати, кото-

рые платят городские жители, это частью земельный налог, частью промысловый,— точно так же как и налоги населения китайских городов. Хеким может с согласия губернатора-маньчжура перевести провинившихся татар-горожан в крестьянское сословие.

Жители Кулджи совсем не в такой мере страдают от бедности и лишений, как таранчи. Они сосредоточены в одном месте. Это люди, среди которых уже распространена известная образованность и отдельные представители которых являются капиталистами, купцами и духовенством. Они приобретают все больший вес и уже могут противостоять чиновничеству и отклонить любое требование, с которым они не согласны, так что даже при существующих условиях они занимают достаточно самостоятельную позицию.

История последних десятилетий дает множество примеров сопротивления горожан незаконным требованиям чиновников. Так, например, во время первого восстания в Кашгаре жители города Кулджи поставили 500 лошадей. Когда такое же количество было затребовано вторично, городская община отказалась дать лошадей. Поэтому после подавления восстания многие кокандские купцы были высланы, однако против китайских подданных ничего не удалось предпринять. Точно так же в 1862 г. городская община отказалась предоставить 5000 рублей на экспедицию к Исиккёлю, в то время как крестьян-земледельцев заставили заплатить 8000 рублей.

Хотя город резко выделяется среди таранчей происхождением своих жителей, самоуправлением и самостоятельными учреждениями, все же он является ядром и центром всех татар, населяющих Илийскую долину. Уже сами условия сообщения между ними превращают Кулджу в такой центр. Все товары, которые доставляются в долину Или из татарской Средней Азии (Бухары, Коканда, Алтышехера), распределяются между жителями долины через город Кулджу. Здесь тот рынок зерна, на котором крестьянин сбывает свой товар, и здесь же приобретает он все необходимое. Здесь, и именно среди татар, достигли известного расцвета ремесла. Но то, что нерасторжимо связывает город Кулджу с таранчами и окончательно делает его центром татарского населения Илийской долины,— это общая религия всех татар, ислам, который сильнее всего овладевает душами мусульман там, где они живут среди неверных и изнывают под их гнетом. Народ инстинктивно чувствует, что строжайшая правоверность и неукоснительное выполнение всех религиозных предписаний являются тем единственным средством, которое может предохранить его от вредного разлагающего влияния господствующей расы. Насколько же сильнее должно владеть это чувство мусульманами, находящимися под китайским владычеством, если они вынуждены быть

свидетелями молитв их господ перед идолами Будды и столь отвратительного им грубого иконопочитания. Они должны подчиняться людям, чья основная еда — мерзкое свиное мясо, употребление которого в пищу правоверный мусульманин считает смертным грехом.

В этих условиях здесь наряду с бюрократическим аппаратом, навязанным правительством, возникло национальное управление — сильно разветвленная система мусульманского духовенства, которая опирается на религиозное чувство народа и задача которой — охрана национальных устоев и защита от вредного влияния окружающего населения. Кулджа является центром этого духовенства, и именно здесь находится его верхушка.

В каждом даже самом маленьком селении таранчей есть два духовных наставника — священник (имам) и учитель (мулла). Везде имеется также мечеть и школа. Священнослужитель должен тщательно следить за тем, чтобы каждый член общины выполнял религиозные предписания. О пренебрежительном отношении к ним или о их нарушении он сообщает коллегии высшего духовенства (*ахунлар*), которая через хекима назначает провинившемуся наказание. Летом у учителя мало работы, так как занятия проводятся только зимой, по уж зато ежедневно и почти целый день, разумеется, за исключением праздничных. Хотя каждый волен учить или не учить своих детей, и некоторые отцы не посылают детей в школу, потому что учитель получает за каждого ребенка небольшую плату, священник все-таки старается отчасти уговорами, отчасти же принуждением добиться того, чтобы учился хотя бы один ребенок из каждой семьи. В большинстве случаев в этих школах обучают только чтению. Начинают с чтения молитв, Хефтияка [19] и Корана на арабском языке. Дети читают молитвы до тех пор, пока не выучат их наизусть. После того как дети освоят механическое чтение арабских текстов, им дают татарские толкования догматов веры и священные предания. Письму учат лишь очень небольшую часть детей, и учитель получает за это особую плату. Именно поэтому, хотя читать умеет 30—40% населения, едва ли 10% умеет писать. Священнику и учителю платят из пожертвований мусульман на церковь (*зекет*).

В городе Кулджа множество имамов и мулл, которые чаще всего — так же как духовенство и учителя у сельских жителей — являются коренными жителями Кулджи и здесь же получили образование. Казенных школ здесь вообще нет, а учат муллы на дому, частным образом. Число детей различно, и мальчики и девочки разного возраста учатся вместе. Уроки и здесь длятся почти весь день. Муллы получают за обучение месячную оплату с каждого ученика, самую разную, в зависимости от престижа учителя. В среднем за начальное обучение платят один сар

медью (80—90 копеек) в месяц. Богатые люди нанимают своим детям особых учителей. Ученые муллы собирают старших школьников, которых посвящают в догматы мусульманства.

В небольших мечетях Кулджи кроме имамов есть еще коллегия ученых верховных священнослужителей (*ахуны*), которые образуют верховный суд по делам церкви. Большинство этих ахунов получило образование в Кашгаре или Бухаре и в совершенстве владеет арабским и персидским языками. Коллегия *ахунов*, подлинных ученых законников страны, ни в коей мере не подведомственна чиновникам. И хотя она не пользуется ни малейшей поддержкой правительства, однако религиозное чувство всего народа дает ей такую силу, что к ее голосу прислушиваются не только татарские чиновники, но и маньчжуры, ибо ей очень легко разжечь фанатизм толпы. Примером ее влияния может служить такое событие.

Хеким Халисат, который правил татарами в период прокладки канала Токустара (1834 г.), благодаря столь выгодному для китайцев расположению новых пахотных земель стал любимцем чиновников-маньчжуров и получил в награду генеральский чин. Пользуясь покровительством цзань-цзюня, он зазнался и начал всячески притеснять своих соплеменников. Он стал носить китайское платье и отказался от выполнения предписаний ислама.

Он неоднократно уклонялся от встречи с ахунами, которые хотели призвать его к ответу. Тогда ахуны отправили депутацию к цзань-цзюню и потребовали наказать виновного. Хотя цзань-цзюнь и одобрял поведение хекима, он принял ахунов очень приветливо и приказал назначить пять судей из высших татарских чиновников, которые должны были разобраться в этом деле. Когда этот суд признал Халисата виновным, цзань-цзюнь предоставил духовным лицам выбрать наказание. Они заявили, что, по шариату, хеким должен быть подвергнут избиению камнями, но сами просили о смягчении приговора. Халисат был лишен всех чинов и сослан в Турфан.

Таранчи чрезвычайно ревностно выполняют все формальные религиозные предписания, с величайшей точностью соблюдают посты и молитвы и едят только чистую пищу (*халал аш*). Особенно ненавидят они свинину, любимую пищу китайцев. Насколько далеко заводят столь резкие противоречия, свидетельствует ответ, который дал мне один таранчи на вопрос о том, какая пища является самой нечистой. Он сказал: «Есть семь видов нечистой пищи (*харам аш*): свинина и другая животная пища, запрещенная Кораном; награбленная пища; пища, отнятая у сироты; пища, взятая из вверенного тебе имущества; пища, добытая с помощью проституции жены; украденная пища; пища, полученная обманным путем. Однако наказание за последние шесть

не равно каре за первую. Тот, кто ел свинину, совершил самый тяжкий грех».

Тем, что илийские татары так мало подвержены влиянию китайцев и других жителей долины, они обязаны исключительно исламу, в то время как влияние господствующей расы на калмыков и дауров [20] было весьма значительно. По прошествии столетия всей массе татар так же чужды китайцы и их культура, как и в начале переселения. Лишь отдельные лица, постоянно живущие в китайских городах и деревнях, приблизились к китайцам, но и в этих случаях влияние чуждой культуры начинается с пороков. Именно поэтому такие люди редко пользуются доброй славой. Это показывает и приведенный пример хекима Халисата, который предавался пьянству и вел распутную жизнь, связавшись с китайским полусветом.

Поселения крестьян — небольшие аулы в 10—30 дворов, обычно стоящих довольно близко друг к другу без всякого порядка, не образуя улиц. Такое расположение, с одной стороны, возможно, является реминисценцией прежней кочевой жизни тюрок, а с другой,— несомненно, определяется условиями орошения. Все дома таранчей построены из глиняного кирпича, высушенного на воздухе, и имеют форму прямоугольника; они невысоки и все без исключения с плоской крышей. Каждый дом всегда состоит из двух частей — сеней и жилого помещения. Сени занимают половину постройки, и летом там живет вся семья. Из сеней одна дверь ведет в кухню, рядом с которой помещается кладовая, а вторая — в жилую комнату. В ней обычно стоит совсем низкий круглый обеденный стол, а вдоль стен — сундуки с одеждой и всяким домашним имуществом. Пол покрыт коврами или кошмой. В кухне налево от входной двери помещается очаг, стенка около которого обмазана глиной. Вместо дымохода в потолке над очагом проделано отверстие.

Вокруг дома расположены хозяйственные постройки и помещения для скота.

Почти у всех без исключения крестьян только по одной жене, хотя закон разрешает иметь несколько. В городе Кулдже также довольно редко встречается многоженство, и лишь некоторые богатые люди имеют двух жен. Только об одном татарине говорили, что у него четыре жены. На женщинах лежит весь дом, а также забота о коровах, быках и овцах; о лошадях заботятся мужчины. Во время сева и уборки урожая женщины должны принимать участие и в полевых работах.

Пища сельского населения очень проста: кирпичный чай, баранина, ячменная и ржаная мука, из которой варят похлебку и пекут хлеб, а также рис и просо. Из фруктов и овощей выращивают яблоки, шепталу [21], персики, абрикосы, дыни, арбузы и огурцы.

Одежда у таранчей в общем такая же, как и у всех татар-мусульман. Мужчины носят открытую спереди рубаху с воротником шалью, сшитую из домотканого льняного полотна, и широкие штаны из этой же материи, заправленные в доходящие до икр мягкие татарские сапоги с галошами. Летом поверх рубахи они обычно надевают халат из грубой китайской материи такого же фасона, что и рубаха. Зимой носят несколько таких халатов, один поверх другого; верхний из них шьется на вате. Иногда надевают также свободную шубу из овечьего или козьего меха. Знатные люди по праздникам надевают халаты из *дурйа* (кокандской полушелковой ткани). Одежда женщин отличается от мужской лишь тем, что их рубахи и халаты длиннее и рубахи спереди закрытые.

Мужчины, по мусульманскому обычаю, надевают на гладко выбритую голову шапочку. Девушки заплетают волосы в косы, женщины носят на голове платок. И те и другие ходят с открытым лицом. Праздничная одежда женщин шьется из *кимхаба* — бухарской материи, затканной металлической нитью.

Здесь, так же как и у всех мусульман, женщина занимает подчиненное положение; отчасти это продиктовано уже самими законами ислама. Чаще всего с женщиной обращаются очень грубо. Калым за жену тестю не выплачивают. Представители обеих сторон договариваются об определенной сумме, которую муж должен будет внести отцу своей жены в том случае, если он отошлет ее к нему обратно.

Добродушие, чистосердечие и трудолюбие являются основными чертами характера таранчей, и это видно даже по лицам большинства из них. Однако длительное угнетение и страшная нужда придала всему их облику выражение подавленности, робости и недоверчивости. И все-таки их сила отнюдь не сломлена, в них горит пламя ненависти к угнетателям. Они вынуждены влачить свое существование в тяжком труде, физическом напряжении и лишениях, которые укрепляют дух этого маленького народа, а их трудолюбие и выносливость поистине удивительны. Земледелие, единственное занятие таранчей, требует здесь двойных усилий: они должны не только обработать землю своими примитивными орудиями, но и, кроме того, на каждом поле прорыть канавы глубиной в два-три фута, соединить эти канавы с главным каналом или с рекой и содержать их в порядке. Эту работу приходится делать заново по нескольку раз в год, так как сильный напор воды легко размывает канавы, проложенные в жирной глинистой почве. Кроме того, при каждом заполнении водой приходится чистить маленькие каналы.

Так как в Илийской долине цены на зерно чрезвычайно низкие, урожай едва вознаграждает за тяжкий труд. Поэтому таранчи зачастую вынуждены посылать своих сыновей в разные горо-

да на заработки. Потому-то во всех городах Илийской долины много татар — рабочих и ремесленников. Они заняты главным образом теми работами и ремеслами, которые требуют физической силы, потому что им охотно уступают такие места слабосильные и в большинстве своем истощенные китайцы. Таранчи чаще всего кузнецы, столяры, плотники, грузчики, извозчики и т. д. Торговлей эти татары занимаются очень редко; она находится почти исключительно в руках коренных жителей города Кулджи и татар, переселившихся из Алтышехера.

При существующих обстоятельствах вполне естественно, что язык таранчей содержит множество чуждых элементов. Религия и возникшее благодаря ей влияние книжного языка, равно как близость Бухары, принесли им массу персидских и арабских слов; точно так же значительно обогатили их словарь калмыки, дауры и китайцы. Самую большую роль сыграл тут китайский язык, давший не только многие технические термины и слова, связанные с явлениями китайской культуры, но также все слова, относящиеся к управлению, судопроизводству и политической жизни. Хотя эти заимствования и придали языку таранчей весьма своеобразный оттенок, однако собственно тюркская речь сохранилась в чистом и неискаженном виде. Язык таранчей очень близок к языкам области Шестиградия, и я полагаю, что эту группу языков можно с полным правом называть уйгурской — группой, которую всю в целом следует считать частью среднеазиатских языков. Мне представляется бесспорным, что таранчей и татар из области Шестиградия следует рассматривать как потомков древних уйгуров. Китайцы по сей день называют вышеупомянутых татар *хуэйцзы* и под этим названием строго отличают от среднеазиатских татар (кокандцев, ташкендцев и бухарцев), которых они называют *шаньду* (чалма). Если же они иногда называют *шаньду* также и некоторых китайцев, то только с целью показать, что эти китайцы — мусульмане. Китайцы-мусульмане Западного Китая, которых в Кулдже называют дунганами, у китайцев носят название *хуэйхуэй*, т. е. тем самым указывается, что они и уйгуры, и соплеменники *хуэйцзы*. На то, что уйгуры носят оба китайских названия уже много веков, указывает одно место из китайской истории «Сычуань цяньлу»: «Первоначально *хуэйху* носили название *хуэйшэ*, вплоть до середины года Юань-хэ династии Тан (т. е. между 806 и 820 гг.), когда их стали называть *хуэйху*. Обычно это название произносят *хуэйхуэй*. Во времена монголов в Китае их называли *уйгуор* (уйгуры)». На собственно илийском наречии говорят в городе Кулдже, где произошло смешение различных элементов. В крестьянских селениях, благодаря тому что проживающие в каждом из них семьи обычно были переселены из одного и того же места Алтышехера, основные особенности языка сохранялись дольше, так что в не-

которых местах теперь говорят на кашгарском, а в других — на турфанском диалекте.

О том, что нужда и насилие еще не совсем согнули таранчей и не отняли у них все душевные силы, говорит самобытная, яркая поэзия народа, существующая в виде песен и сказок[22]. В качестве образца такой поэзии я приведу небольшую песню, которой и закончу описание таранчей. Эту песню продиктовал мне один неграмотный певец-таранча. Ее почти дословный перевод таков:

Твои брови – черные бобры!
Прийти мне вечером или днем?
Если я приду ночью, все будут молчать,
Если я приду днем, начнут злословить.

Девушка, ты в моем сердце,
Ты зажгла мое сердце, девушка,
Я люблю твои брови, девушка,
И твои волосы, девушка-Сулейман[23].

Я сеял в саду пшеницу,
Выросла теперь по пояс пшеница,
Едва мы познакомились,
Нас снова разлучил господь бог.

Свивая камышинку с камышинкой,
Делают перевясло для пшеницы;
Кто лишь недавно влюбился,
Подобен охваченному безумием.

Налетает черная буря,
Приносит гибель цветам,
Спутывает ветви
И губит все цветы.

Ах, жизнь без милой,
Пусть она длится хоть тысячу лет, не стоит она и дня!
Сильнее адского пламени
Горит в сердце жар любви.

Если придет к тебе сегодня дурной человек,
Он уже назавтра позабудет милую,
Но хороший человек никогда не забудет
Милую, которую он прежде целовал.

Весело играют темные брови,
До пояса ниспадают твои волосы;
Не выходи из дверей своего дома.
Тех, кто тебя любит, ты вызываешь на бой.

Душа милой подобна соколу,
Я для нее гусь, добыча,
Мои ресницы – приманка,
Моя грудь – приманочный бубен.

Последняя строфа станет понятной, только если представишь себе соколиную охоту в Средней Азии. Когда появляются дикие гуси, с сокола, сидящего на руке охотника, снимают колпачок. Сокол взлетает и устремляется за гусем. Чтобы призвать назад птицу, не поймавшую гуся, охотник начинает бить в приманочный бубен, висящий у его правого плеча, а в качестве приманки для сокола держит в руке кусок мяса. Сокол возвращается и садится на левую руку, и ему тотчас же дают приманку.

Дауры, которых китайское правительство поселило здесь в середине прошлого века для защиты Илийской долины, принадлежат к двум тунгусским племенам, шибе и солонам. Они вместе с семьями были переселены сюда за счет правительства и сразу же по прибытии получили очень богатые угодья: последние (солоны) — между реками Тюрген и Коргос, на правом берегу Или, а первые — на левом ее берегу, напротив татарской Кулджи. Земли, предоставленные военным колонистам, не облагались налогами, но зато все мужчины, способные носить оружие, зачислялись на воинскую службу и в военное время подлежали призыву. Все эти колонисты были разбиты на четырнадцать отрядов — *сумулов*, из которых шесть сумулов состояли из солонов, а восемь — из шибе. В этом столетии из шибе сформировали еще два новых сумула и причислили их к солонам, так что теперь восемь сумулов шибе и восемь — солонов. Каждому из этих сумулов отведены земли на 500 семейств, и, таким образом, можно считать, что общее число даурских семейств равняется примерно 8000, т. е. их столько же, сколько и семейств таранчей. Так как каждой семье отведена значительная площадь, то, очевидно, в каждом семействе в среднем трое мужчин, способных носить оружие, и, таким образом, по данным моего информатора, даурские поселения могут выставить в случае войны 20 000—25 000 человек. По-моему, эта цифра весьма преувеличена, так как, пожалуй, у любого народа нельзя мобилизовать больше трети всех мужчин, а потому войско, которое дают военные поселения, едва ли может насчитывать более 10 000 человек. Шибе и солоны начинают отбывать воинскую повинность с девятнадцати лет. С этого времени они проходят в своих поселениях военное обучение под руководством своих же офицеров. В мирное время едва ли не тысяча из них находится на действительной службе, причем их набирают по очереди из каждого поселения. Те солдаты, которых посылают в южные районы провинции, должны прослужить там два года, а те, которые несут службу на пограничных постах Илийской долины, служат лишь один месяц. Так как военнообязанный не должен непременно явиться сам, но может прислать вместо себя другое лицо, то армия мирного времени состоит в

основном из нанятых заместителей, а гарнизон пикетов — из слабосильных и стариков, непригодных к полевым работам, или из распущенного оборванного сброда, чей облик вызывает у проезжего жалость и отвращение. Из-за плохого финансового положения правительство давно уже перестало выплачивать солдатам пограничных постов положенное им жалованье в размере 3 рублей в месяц, а потому каждый старается либо отправить на эту службу члена семьи, неспособного к труду, либо кого-нибудь нанять по дешевке вместо себя. В последнем случае он нанимает в качестве замены какого-нибудь бездельника, который считает своим долгом немедленно пропить полученные деньги и затем на протяжении всей своей пограничной службы только что не умирает с голоду. Я сам имел возможность наблюдать на заставах таких шибе и солонов; эти жалкие фигуры, доведенные до ужасного состояния дурным питанием и курением опиума, напоминают скорее толпу нищих, нежели пограничную стражу.

Такое небрежное отношение к пограничной службе и к военной службе вообще, которое высшие чиновники допускают, разумеется, в собственных интересах, хотя и укрепило военные поселения экономически, однако полностью уничтожило в них воинский дух, так что в час опасности они окажутся слабой защитой правительству.

Каждым из этих двух племен управляет маньчжур, амбань; подчиненные ему офицеры и чиновники — дауры. Если же даурский чиновник получает звание генерала (красную шишку на шапку), то он приравнивается к чиновникам-маньчжурам и может занимать такие же посты, как генерал-маньчжур.

Как шибе, так и солоны отличаются резко выраженным типом лица. Они среднего роста, но не очень крепкого телосложения. Они научились у китайцев курению опиума, из-за чего у многих болезненный вид. Мужчины одеты как китайские солдаты: длинная белая рубаха из хлопчатобумажной ткани, из такой же материи синие штаны ниже колена; короткий китайский жилет, который носят либо поверх длинного кафтана, либо поверх рубахи; китайские суконные туфли на войлочной подошве или сапоги до колена и китайская шапка с твердым бархатным околышем и шишкой. Летом они обычно надевают на работу короткую рубаху и круглую соломенную шляпу. Подобно китайцам они бреют бороду, а усы оставляют. Женщин я видел только во время полевых работ, когда они были в длинных синих рубахах и соломенных шляпах. Дауры, так же как маньчжуры и бóльшая часть китайцев,— буддисты и одновременно конфуцианцы.

Язык шибе полностью совпадает с маньчжурским литературным, т. е. язык их точно такой же, как тот, на котором маньчжуры пишут, но не тот, на котором они говорят. Так, шибе говорят *гисун* (слово) точно так же, как по-маньчжурски пишется; одна-

ко маньчжуры хотя и пишут *гисун*, но произносят *цзисун*. Таким образом, шибе, очевидно, происходят из того же племени, к которому принадлежали маньчжуры, переселившиеся в XV в. в Китай. В настоящее время необразованные маньчжуры совсем забыли свой язык и говорят только по-китайски, а маньчжуры образованные изучают его по книгам как иностранный. А так как маньчжурский язык является официальным языком делопроизводства, то во всех канцеляриях у чиновников-маньчжуров в качестве писцов сидят шибе. Поскольку должность писца при чиновнике-маньчжуре очень выгодна, почти все шибе учатся писать по-маньчжурски. Солоны не всегда говорят одинаково: одни — на чисто тунгусском языке, у других же в речи явно присутствует большое количество монгольских слов, как видно по ряду записанных мною слов языка солонов.

По характеру солоны и шибе заносчивы и хвастливы и к тому же очень вспыльчивы и несдержанны. Будучи солдатами императора и племенем, родственным господствующей расе, они считают себя гораздо выше татар и китайцев. Очевидно, особенно много приходится терпеть от них татарам. Китайцы не очень боятся этих солдат и часто называют их бранным словом *вайгожэнь* (посторонние люди=варвары), из-за чего и происходят ежедневные стычки. Основное занятие шибе и солонов — земледелие, точно так же как и таранчей. Однако помимо этого они владеют очень большими стадами, летний отгон которых к северным пограничным горам они поручают киргизам. Особенно много они разводят овец и лошадей.

Так как мне было разрешено передвижение в Кулджу только по верхней пограничной дороге, я, к сожалению, не смог побывать в тех селах солонов, которые находятся южнее. Мой информатор назвал эти селения городами, и уже одно это показывает, что они, по-видимому, построены иначе, нежели поселки таранчей. Как мне сказали, два из них очень велики: Аккент (Белый город) и Яркенд (Прибрежный город). Как свидетельствует мой дневник, поля солонов я встретил на своем пути только в одном месте, между вторым и третьим пограничными постами. В центре довольно большого поля стояло несколько порядочного размера сараев и две юрты, в которых живут работники в период уборки урожая; помимо солонов я увидел там трех работников-таранчей. Недалеко от юрт стояли под открытым небом три огромных копны, ничем не прикрытые, так как в это время года (в июле) здесь не приходится бояться дождя. Около каждой копны земля была утоптана и устроен таким образом круглый ток для обмолота зерна. Молотят зерно большими каменными катками. Эти катки, приблизительно в 2 аршина длиной и 6—8 вершков в диаметре, обтесаны так, что имеют форму восьмигранника, и просверлены по продольной оси. Через это находя-

щееся в середине отверстие продет стержень футов в пять длиной. К концам стержня, торчащим из камня, прикреплены веревки, за которые лошадь тащит этот каток. Восьмигранный каток, двигаясь, вращается вокруг собственной оси и своей тяжестью выбивает зерно из колосьев, рассыпанных тонким слоем на току.

Из других сельскохозяйственных орудий я видел здесь серпы и короткие косы, последние с косовищем длиной примерно в аршин. Ширина лезвия косы равна приблизительно полутора вершкам, оно остроконечное, очень слабо изогнуто и укреплено почти под прямым углом к косовищу. Здесь было также несколько плугов, чрезвычайно грубо и неуклюже сделанных. К концу длинной палки приделана деревянная поперечина, к которой припрягают двух тягловых животных; на нижнем конце этой палки укреплен лемех, а на несколько дюймов выше лемеха к палке приделан выгнутый кверху кусок дерева, которым и направляют плуг.

Убраны были только пшеница и ячмень, просо еще не скосили. Как я здесь узнал, солоны употребляют в пищу только пшеницу, ячмень же служит кормом для лошадей. Овес не сеют. Мне представился здесь случай посмотреть искусственно выращенные луга, которые также поддерживаются с помощью искусственного орошения. Эти луга засевают растением, которое китайцы называют *мусюй*, а татары — *бäдä* [24], т. е. так называемым китайским клевером. У этого растения тонкие ланцетовидные листья и лиловые цветы. *Бäдä* растет так быстро, что его можно косить по три-четыре раза за лето, и каждый раз он будет вышиной в аршин. Это — многолетнее растение, которое, будучи раз посеянным, живет восемь-десять лет. Лошади предпочитают его всякому другому корму, и притом он так идет им на пользу, что лошади, которых кормят этим клевером, даже не получая зерна, пригодны для самых тяжелых работ.

В то время как солоны сеют главным образом зерновые культуры, шибе вынуждены выращивать в основном табак и хлопок. Этот табак высоко ценится в Илийской долине и у киргизов; говорят, что он очень крепок и обладает приятным запахом. Вероятно, собрав табак, шибе вымачивают его в каком-то составе. Хлопок у них много хуже среднеазиатского и употребляется только как вата. Интересен, однако, сам факт, что в Илийской долине можно выращивать хлопок. (...)

* * *

Глава X

ДОЛИНА СРЕДНЕГО ЗЕРАВШАНА

ИСКУССТВЕННОЕ ОРОШЕНИЕ

Безлесные горные цепи и долины к северу и югу от Зеравшана все, за исключением высоких скалистых участков, покрыты ровным слоем очень жирной глинистой почвы. Однако для того чтобы на этой глинистой почве в условиях длительного жаркого и засушливого лета могла быть обильная растительность, необходимо большое количество воды. Поэтому, если не подвести туда воду искусственно, земля покрывается лишь скудной, чахлой травой, которая на равнинах полностью исчезает уже в начале лета, а в горах, в узких долинах и ущельях, куда попадает меньше солнца и может дольше сохраняться влажность почвы, держится до середины лета. Такое свойство почвы придает местности облик пустыни.

Однако этот облик сразу же меняется, как только человек подведет к почве необходимое ей количество воды. Тогда почва становится одной из самых плодородных на нашей земле, тогда появляются покрытые буйными травами луга, тучные поля, роскошные сады, подобные райским оазисам в пустыне. Поэтому население и поселки должны точно соответствовать массе воды, необходимой для орошения почвы, и численность населения здесь строжайшим образом ограничена. Можно смело утверждать, что долина Зеравшана и прилегающие к ней районы заселены настолько плотно, насколько позволяет имеющееся количество воды. Вода используется вся до капли, и нет никакой возможности выстроить новый поселок, хотя бы и самый маленький, не нарушив интересы уже живущих здесь людей.

Если прежде население здесь было многочисленнее, то это могло иметь место лишь при условии, что и количество воды превышало нынешнее.

Действительно, количество воды здесь, очевидно, уменьшилось, что, несомненно, тесно связано с полным исчезновением леса на горах.

Лишь многовековая практика сделала возможным устройство такой оросительной системы, с помощью которой удачно решает-

ся проблема орошения максимальной площади с наименьшей утечкой воды.

На небольших притоках, где напор воды довольно значителен, это легко было сделать, так как этой водой можно оросить лишь ничтожную часть земель, пригодных для земледелия и садоводства. Трудности начинаются в широкой долине Зеравшана, где надо абсолютно равномерно снабдить водой поверхность в 150—200 верст в длину и шириной по большей части верст в 10—15. Здесь приходится размещать пашни на разных уровнях и прокладывать систему петляющих и перекрещивающихся каналов, которые то разливают воду по полям, то снова собирают ее. Эта оросительная система — чудо техники, которое поистине вряд ли легко далось бы нашим столь ученым инженерам. Она вызывает восхищение, которое возрастает при мысли, что простые крестьяне, взявшиеся за этот гигантский труд, были полностью лишены научных познаний, которыми мы располагаем в таком большом объеме. Я не в состоянии дать полную картину этой оросительной системы и попытаюсь обрисовать ее лишь в основных чертах.

Займемся сперва орошением от притоков Зеравшана. На малых реках невозможно орошение больших площадей, поэтому здесь орошаются в основном только сады в нескольких поселках. Чтобы потери вследствие испарения воды из маленьких ручьев были не слишком велики, оросительные каналы делаются как можно короче, и потому сады тянутся узкими полосками вдоль самой реки. Поэтому поселки здесь представляют собой длинный ряд совершенно обособленных дворов. Так, например, селение Джисман тянется на 10 верст, точно так же как селение Кошрават между Актагом и Каратагом. Здесь легко организовать полив. В качестве примера приведу ручей Джисман. По нему расположены три селения: 1) в верхнем течении — Джисман; 2) в среднем течении — Ортабулак (в этом селении имеется и несколько отдельных источников); 3) в нижнем течении — Науандак. Первое из них имеет право пускать воду на поля трижды в неделю. Ортабулак получает воды на два дня, Науандак также на два дня. В те дни, когда селениям полив запрещен, они должны перекрывать свои каналы. Люди здесь воспитаны в полном понимании законов и порядка полива, так что, как меня многократно уверяли, по этому поводу никогда не бывает столкновений.

У Акчапа, поселка между Актагом и Каратагом, я видел искусственный ручей. На склоне холма выкопали подряд несколько колодцев, примерно восемь-десять в ряд, и соединили их под землей друг с другом. Из колодца, расположенного ниже других, появился искусственный ручей, хотя и совсем маленький, но все-таки снабжающий водой десять-пятнадцать дворов.

В верхнем течении река Зеравшан по своему основному руслу доходит до города Самарканда и даже до горы Чопонаты. Город Пенджикенд и его окрестности получают необходимую для полей воду из маленьких горных речек, берущих начало на горе Алтаба, точно так же как и все селения у подножия горы Алтаба (как Кырказа, Мумынават, Ургут, Каратепе и т. д.). Примерно в 15 верстах к западу от Пенджикенда на левом берегу Зеравшана выведен большой канал, который орошает южную равнину между Алтабатагом и Зеравшаном. Этот канал разделяется на три меньших. Самый крупный из них — средний, Ангарарык, который проходит через село Джумабазар, орошает ряд селений, при высоком уровне воды течет на запад за Самарканд и впадает, по-видимому, в Кумарык.

Из этих трех каналов восточный, Лазан, дает воду густо населенной группе деревень вокруг поселка Мин, а западный — поселку Пейшемби и его окрестностям.

В одной или двух верстах западнее этого южного канала от правого берега Зеравшана по крупному каналу отведено большое количество воды в северную долину, лежащую у подножия Чункартага. Вдоль этого канала, между Чункартагом и дорогой из Джизака в Самарканд находится множество поселков (*кышлак*). На севере от него отходит большой канал, который называется Тайлан и обводняет большое торговое село Актепе. Дальше главный канал разветвляется на много малых каналов и обводняет большую группу кишлаков, которая объединена под названием Бешарык (Пять каналов). Примерно в восьми верстах к северо-востоку от села Актепе, расположенного, как уже упоминалось, у канала Тайлан, с востока на запад протекает в глубоком русле довольно большой водный поток. На пути из Джизака в Самарканд переходят через этот поток по мосту Хишкёпюр (Кирпичный мост). Я не смог выяснить, отведен ли этот поток искусственно из Зеравшана, или же это особая река, стекающая с Чункартага. Мне все-таки кажется, что это искусственное сооружение, так как глубокое русло образовалось, видимо, не слишком давно. В пользу этого говорит то, что, во-первых, по обеим сторонам потока, недалеко от моста, еще видны остатки селений, покинутых максимум пятьдесят лет назад, в то время как при нынешней глубине русла орошение этой водой невозможно, а никакой другой поблизости нет. Во-вторых, немного севернее Хишкёпюра я обнаружил многочисленные остатки прежних оросительных сооружений, которыми больше нельзя было пользоваться, так как очень понизился уровень главного канала. Понижение уровня искусственных каналов вследствие вымывания мягкой глинистой почвы — явление здесь весьма частое. Все, что мне удалось узнать об этом потоке,— это то, что в верхнем течении он называется Тюэтартар (Верблюды идут[1]), в среднем, т. е.

около моста,— Туяклы (Имеющий копыто), а в нижнем течении — Булангыр. Действительно, в нескольких верстах к югу от города Чилек я обнаружил поселок, который называется Булангыр, т. е., очевидно, он расположен около этого же потока.

К юго-востоку от уже упомянутого Бешарыка от правого берега Зеравшана отходит канал Янгыарык (Новый канал), на котором стоит деревня Янбай. Это — последнее селение по пути в Самарканд к северу от Зеравшана. Дальше, западнее Янгыарыка, из Зеравшана отведены в северном направлении три канала: 1) Мырзаарык (Господский канал) [2], от которого позже был отведен другой канал, Ишмакса; 2) Тонгусарык (Свиной канал) и 3) Хошкола. Три этих канала обводняют всю равнину между городом Чилек и Зеравшаном, и вода по ним идет дальше в западном направлении до селения Митан.

К северу от Самарканда — точнее, от горы Чопонаты около Самарканда — вся масса воды Зеравшана разделена искусственной плотиной на два протока, которые снова сливаются на 80—100 верст западнее. Северный проток — Акдарья (Белая река), южный — Карадарья (Черная река). Акдарья больше и течет в первоначальном русле Зеравшана, но, очевидно, это искусственное разделение реки было произведено уже давно, так как русло Карадарьи очень глубокое, а дно сплошь покрыто галькой. Акдарья должна обеспечивать необходимым количеством воды часть долины Нижнего Зеравшана, т. е. к западу от города Катырчы. В долине Среднего Зеравшана из нее отведено лишь очень немного небольших арыков, чтобы обводнить несколько мест на правом берегу Акдарьи, между Митаном и Катырчы. Поэтому Акдарья доносит почти всю свою воду до города Катырчы. Напротив, назначение Карадарьи — снабдить водой всю равнину до самого города Катырчы и Зиаддинское бекство к югу от него. Плотина, разделяющая Зеравшан на два рукава, стоит у самого подножия горы Чопонаты, и дважды в год, весной и осенью, ее приходится чинить. Насколько эти работы значительны, можно судить по тому, что для приведения в порядок канала требуется 5000 рабочих, из которых 2000 дают бекства Каттыкурган и Пейшемби, а 3000 — Зиаддинское бекство. Такое неравное распределение объясняется тем, что в случае нехватки воды в Карадарье больше других страдает бекство, расположенное на западе; поэтому оно и должно дать больше рабочих для поддержания плотины.

Равнину между Акдарьей и Карадарьей в основном снабжают водой наряду с многочисленными маленькими арыками четыре больших канала, отведенных из Карадарьи в северо-западном направлении: 1) Аферинкенд, берущий начало верстах в пятнадцати-двадцати к западу от Самарканда, около селения Найманча; он служит главным образом для орошения городка Янгыкурган (на картах он назван Кыпчак-Янгыкурган) и его ок-

рестностей; 2) Ходжаарык (Ходжа-канал), который отведен из Карадарьи верстах в двадцати вниз от Аферинкенда и орошает кишлаки Тербистабак, Иштихан и др.; 3) Минарык; он берет начало у деревни Аманходжа и орошает все селения, расположенные вокруг торгового села Джумабазар; 4) канал Кылычават, орошающий селения, находящиеся восточнее Каттыкургана, т. е. город Нейшемби и его окрестности.

Однако эти четыре канала, а также все маленькие, идущие от Карадарьи на север, забирают лишь половину всего запаса воды Карадарьи, и вода эта никогда в нее не возвращается, так как отводится в Акдарью. Для того чтобы обводнить южную часть долины в окрестностях Каттыкургана и примыкающее к ней с юго-запада Зиаддинское бекство, от левого берега Карадарьи отведен крупный канал Нурпай [3]. Канал Нурпай имеет по меньшей мере восемь-десять саженей в ширину и весьма глубок. Это видно уже по тому, что около каждой деревни через него переброшен деревянный мост, а при высоких ценах на дерево здесь строят такие мосты только в случае крайней необходимости. Правда, когда я видел Нурпай, уровень воды в нем был так низок, что его можно было перейти вброд. Однако это объяснялось тем, что из-за военных действий плотина у Чопонаты весной не была починена, и Карадарья не получила и половины необходимого ей количества воды. Канал Нурпай начинается у деревни Алджан. Мне рассказывали, что прежде он начинался у деревни Чимбай. Около города Каттыкурган Нурпай получает воду дополнительно из текущей с юга речушки. Так как я видел только восточную часть Нурпая, то мало что могу сообщить о всей этой системе орошения. Мне назвали четыре небольших арыка между деревнями Арабхане и Кошакурган (где я пробыл несколько дней), которые отходят от Нурпая: на север — Ябискор и Бешандак, а на юг — Казакарык и Дамарык.

После приведенного здесь краткого обзора системы орошения Среднего Зеравшана я упомяну в нескольких словах о происшествии, вызвавшем прошлым летом много разговоров. Возможно ли, что Зеравшан был перекрыт около Самарканда и Бухара лишена воды? Я думаю, что это нужно считать порождением богатой фантазии людей, не знакомых с условиями жизни этой страны. Долина Зеравшана ограничена с двух сторон возвышенностями, так что огромная масса воды Зеравшана может пробить себе дорогу только в западном направлении. Какая же рабочая сила потребовалась бы для того, чтобы перекрыть Акдарью, если одна плотина требует усилий 5000 рабочих в течение нескольких недель. Но если даже предположить, что такое возможно, то в этом случае переполненные водой Карадарья и Нурпай очень скоро проложили бы себе новый путь к Акдарье, так как оба эти потока уже и теперь связаны множеством небольших арыков, кото-

рые при большом напоре воды и при мягком глинистом дне были бы легко размыты. Но во всяком случае при большом потреблении воды в долине Среднего Зеравшана можно вызвать перебои в снабжении водой и нехватку ее в западной части долины.

СЕЛЕНИЯ (КИШЛАКИ, ТОРГОВЫЕ СЕЛА И ГОРОДА)

Так как вся долина Зеравшана, как мы показали выше, покрыта сетью каналов, по ней тянется непрерывная цепь селений. Когда едешь вдоль гребня пограничных гор, то видишь внизу полосу темного леса, резко отделяющуюся от светлой степи [4]. Это — покрытая селениями долина Зеравшана. Здесь поле вплотную примыкает к другому полю, сад — к другому саду. Обработан каждый клочок земли. Когда спускаешься с голых вершин в долину, то кажется, что попал из пустыни в рай. Прекрасные луга, засеянные зеленой травой *бедё* [5], красуются в весеннем зеленом наряде; рядом с ними богатые поля табака, турецкой пшеницы, арбузов, дынь. Все поля разбиты на правильные прямоугольники. Между ними журча бегут быстрые ручьи, по берегам которых почти сплошь тянутся плотные ряды деревьев. Между полями — сады, над низкими глинобитными стенами которых поднимается густой лес деревьев. Здесь высокие тополя с серебристо-серой зубчатой листвой поднимают высоко в небо свои стройные стволы, перемежаясь с мощными темными карагачами, увенчанными круглыми, шарообразными кронами. Там — сочная зелень фруктовых деревьев, склонивших свои ветви под грузом яблок, персиков, абрикосов и т. д. Здесь видны покрытые водою желто-зеленые рисовые поля, там — хлопковые. Невозможно наглядеться на окружающее нас полное разнообразия великолепие. Кажется, что все это — сон. Только что мы были в пустынной степи, нас жгло палящее солнце, вокруг простиралась бесконечная серо-желтая степь, люди и животные обессилели в безлюдной, лишенной всякой жизни местности. И вот мы отдыхаем в тени могучих деревьев, перед нами расстилается великолепный ландшафт. Повсюду кипит жизнь. Мы видим, как люди на полях занимаются своим повседневным трудом. Хотя жара здесь сильная, нам она кажется прохладой по сравнению с палящим зноем степей.

И всем этим великолепием и роскошью человек обязан одной лишь воде, которая по серебряным артериям бежит по степи и превращает ее в рай. Нигде на всей земле нельзя увидеть благотворное действие воды так ясно, как здесь.

Итак, долина Зеравшана — это почти сплошной сад, и прибывшему в этот край чужеземцу было бы трудно отличить одно се-

ление от другого. Здесь нет таких деревень, как у нас, потому что из-за каналов, этих жизненных артерий поселков, в одном месте можно сгруппировать лишь небольшое количество домов и садов. Несколько таких беспорядочно разбросанных групп домов, пользующихся одним главным каналом, образуют кишлак. Слово *кышлак* первоначально означало зимнее стойбище. Киргизы и теперь называют свои зимние стойбища *кыстау*. У этого слова могло быть именно такое происхождение, потому что первые появившиеся здесь поселенцы-тюрки были кочевниками и проводили у рек и в садах только зиму. Так как арыки здесь петляют самым прихотливым образом, нередко случается, что дворы одного кишлака стоят вперемежку с дворами другого кишлака. Несмотря на эту разбросанность отдельных дворов, канал создает такую прочную связь между ними, какую едва ли дает нашим деревням их территориальная общность. Совместное исправление повреждений канала и регламентация пользования водой сплачивают крестьян.

Я имел возможность наблюдать это при установлении границ между Бухарой и русскими владениями [6]. По долине Зеравшана пришлось провести границу со всевозможными извилинами и изгибами, так как нельзя было вырвать хотя бы один двор из кишлака, не поставив людей с их сложившимся укладом в самое тяжелое положение.

В этой непрерывной цепи кишлаков образовалось много узловых пунктов, которые больше похожи на наши деревни. Это торговые села (*базар*). Обычно базары — это очень большие кишлаки, в центре которых, вокруг самой рыночной площади, дворы группируются плотнее.

Здесь селятся ремесленники, в то время как в кишлаках живут только земледельцы и садоводы. Купцов здесь мало. Рыночная площадь, которая находится в центре, это чаще всего большая пустая территория, где стоят отдельные глинобитные бараки. Эти глинобитные хижины, похожие на ящики без передней стенки, пустуют, и лишь в базарные дни они заполняются. В остальные дни эти рыночные площади — единственные пустынные места среди поселков. Но едва лишь наступает базарный день, площадь преображается. Глинобитные бараки заполняются торговцами, предлагающими свои продукты или товары. На площади кишат необозримые толпы. Стар и млад стекаются сюда из всех кишлаков. Селения в эти дни пустеют, потому что каждый, кто только может, отправляется на базар; даже если он ничего не намерен купить и ему нечего продать, он не пропустит базарного дня. Блаженно, не спеша бродит он среди торгующих. Я не стану даже пытаться нарисовать такую базарную сценку. Тысячи и тысячи мужчин, детей и женщин кружатся в этой плотной движущейся толпе. Серая, пустая базарная площадь расцвечена са-

мыми яркими красками; белые, коричневые, красные, зеленые тюрбаны мужчин, яркие цветные халаты, темные платья женщин; лошади с блестящими уздечками и чепраками; мулы, ослы, высокие арбы (повозки) — все это заполняет и оживляет площадь.

Торговля на таких базарах удовлетворяет только потребности крестьян, продающих здесь продукты своего труда. Торговцев из городов мало. Они появляются на базарах лишь во время сбора шелка, табака и хлопка, чтобы сделать более крупные закупки. Из городских товаров сюда привозят только железные инструменты и ткани. Торгуют в основном продуктами полеводства, сельскохозяйственными орудиями, горшками, арбами, колесами, сбруей для верховых лошадей и т. д., и все это — изделия самих крестьян. Самые большие торговые селения из виденных мною — поселок Актепе между Хишкёпюр и Самаркандом и поселок Дагбит на Акдарье, к северу от Самарканда. Здесь были уже настоящие улицы, отдельные лавки купцов и ремесленников, открытые ежедневно, а также караван-сараи с большими дворами и галереями, где постояльцы могут получить еду, питье, табак и многое другое. Я был очень удивлен, увидев в обоих поселках русские самовары.

Я могу перечислить торговые села и базарные дни в тех местах Зеравшанской долины, по которым я проезжал:

1) Минбазар на Карадарье. Базарный день — понедельник.
2) Пейшемби (город) — в среду и четверг.
3) Джумабазар — в пятницу.
4) Зиребулак, к югу от Нурпая,— в пятницу.
5) Йорганбазар, севернее Джумабазара. Базарный день — воскресенье.
6) Митанбазар, к северу от Акдарьи. Базарный день — понедельник.
7) Иштиханбазар, базарный день — четверг.
8) Чимбайбазар, недалеко от впадения Нурпая в Карадарью. Базарный день — воскресенье.
9) Каттыкурган (город). Базарные дни — среда и суббота.

Остальные базары, базарные дни которых мне неизвестны, следующие: 1) Янгыкурган; 2) Дагбит, между Ак- и Карадарьей; 3) Даул, к югу от Карадарьи; 4) Пейшемби (четверг), юго-восточнее Самарканда; 5) Джумабазар, по дороге на Ургут; 6) город Чилек; 7) Джумабазар, между Ходумтагом [7] и Карашатагом. Места базаров в Нуратанын-Тагы я перечислю ниже.

Объединяющим центром для нескольких таких торговых местечек являются города, главные узловые пункты всех селений. Они также выглядят как огромные кишлаки и состоят из собственно города с крепостью, окруженного большим кольцом садов, которое имеет несколько верст в окружности [8]. Я даю здесь об-

щую картину таких городов, так как по всей Средней Азии тип их совершенно одинаков и отличаются они друг от друга только большей или меньшей протяженностью.

В собственно городе центром является крепость (*арк*). Чаще всего она стоит на искусственной возвышенности и обнесена более или менее высокой зубчатой глинобитной стеной. Сама крепость заполнена внутри домами и улицами, где кроме бека и какого-то количества солдат живут и другие горожане. Вокруг крепости, обычно лишь с трех сторон, лежит город, который также обнесен глинобитной стеной, и вход туда возможен только через ворота (*дарвазä*). Улицы узкие и извилистые и образованы в большинстве случаев только глинобитными стенами, так как дома всегда стоят в глубине дворов. Лишь на немногих стенах имеется орнамент, садов же, за очень небольшим исключением, нет совсем. Только в больших городах, где очень дороги участки для застройки, дома стоят вдоль улицы, причем обращены к ней задней стеной; окна всегда смотрят во двор. Единственные здания, нарушающие это единообразие,— мечети и медресе. Первые обычно состоят из галереи, опирающейся на деревянные колонны, и примыкающего к ней сзади здания. Открытая мечеть предназначена для богослужений в летнее время, а закрытая — для зимних и пятничных богослужений. Торговые ряды несколько шире всех прочих улиц и частью крытые, частью же — нет. Двери лавок и мастерских всегда открыты на улицу, и в них сидят торговцы и ремесленники, все время занятые работой. Для базарных дней обычно имеется еще открытая базарная площадь. Медресе расположены большей частью рядом с базарной площадью; это единственные здания, построенные целиком из обожженного кирпича. Как правило, они имеют форму четырехугольника, внутри которого находится двор. Кельи мулл обращены во двор, у каждой отдельный вход. Часть здания, обращенная к улице, построена очень тщательно, орнаментирована и имеет прекрасно сделанные ворота.

Отдельные кварталы образуются, как и в деревнях, из нескольких узких дворов и одноэтажных хижин, стоящих не в ряд. В более обширных дворах имеется пруд и даже несколько деревьев. Арыки проложены таким образом, что проходят через каждый двор. В этих арыках моются, моют домашнюю утварь и вовсе не заботятся о том, что вся грязь попадет в питьевую воду соседа. Поэтому для европейца питьевая вода в этих городах — поистине адский напиток.

Улицы обычно пусты, так как каждый житель города проводит весь день в своем доме, и лишь изредка можно увидеть мужчин или закутанные в черное женские фигуры, медленно движущиеся по улице. Только в базарные дни здесь тоже царит оживление.

Как уже говорилось, такой город окружен кольцом садов. Улицы между садами шире. Совсем не видно домов, одни лишь глинобитные стены вокруг садов, которые, кстати, в большинстве своем намного выше и построены лучше, чем в самом городе. Однако свежая зелень густых рощ над оградами придает прелесть поездке мимо этих садов и тешит глаз своим разнообразием. Разумеется, нечего и говорить о том, что воздух, который в городах в палящий зной ужасен, здесь гораздо чище, а деревья дают тень и прохладу.

Таков общий облик всех городов. Дальше я приведу более подробные сведения о некоторых из них и особо отмечу то, что отличает их от других городов.

1. Пенджикенд — маленький город с довольно большой крепостью. Он стоит на левом берегу Зеравшана. Сады в этом городе получают воду из довольно большой горной речки, текущей с горы Алтаба.

Пенджикенд окружен горами, и считается, что город расположен необыкновенно красиво. Раньше в Пенджикенде жил бек, который зачастую держался независимо по отношению к эмиру бухарскому и в случае войны нередко выступал на стороне абсолютно самостоятельного бека Шехрисебза.

Что касается населения Пенджикенда и его окрестностей, то у всех жителей Зеравшанской долины они пользуются славой метких стрелков и храбрых воинов. Все думали, что они будут продолжать борьбу с русскими и вступят в союз с беком Шехрисебза. Этого, однако, не произошло. Жители Пенджикенда предпочли без всякого сопротивления присоединиться к русским.

2. Самарканд. Город Самарканд — столица Тамерлана, Мекка Средней Азии, стоит на левом берегу Зеравшана, верстах в пяти от реки. Часть воды Самарканд получает из речки, стекающей с южных гор. Тот, кто создал себе идеальный образ этого города на основании тех пышных имен, которые давали ему персидские поэты, и нарисованных ими поэтических картин, испытает огромное разочарование, посетив Самарканд. Самарканд ничем не отличается от прочих среднеазиатских городов. То же кольцо садов, те же узкие переулки, образованные глинобитными хижинами и полуразвалившимися стенами, та же тишина на отдаленных от базара улицах. Единственное отличие Самарканда от остальных городов — это архитектурные памятники, сохранившиеся от лучших времен, но эти здания наполовину лежат в развалинах и с укором взирают на торгашей, которые не сумели сохранить святыни прошлого хоть в мало-мальски пристойном состоянии.

В Самарканд я попал в очень неблагоприятное время, так что смог составить представление об этом месте, лишь сравнивая его с другими городами. Когда я въехал в Самарканд, бóльшая часть

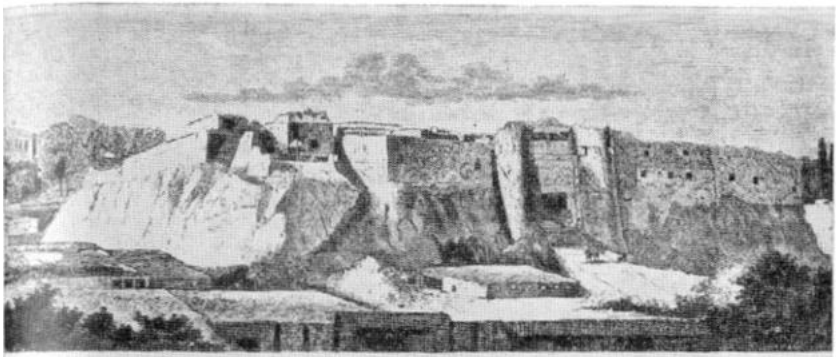
базара была превращена в груду пепла, который еще дымился. Из-за рухнувших домов улицы были покрыты слоем пыли толщиною в фут. При каждом шаге лошади эта пыль поднималась тучей и залепляла рот и глаза всадника, так что трудно было смотреть. Население бежало, особенно ученые, большинство которых опасалось гнева русских за свое вероломство, и даже уцелевшая часть базара в основном пустовала и в базарные дни. Поэтому я смог собрать здесь очень мало материалов, и мне пришлось довольствоваться посещением древних архитектурных памятников и еврейской части города.

Разумеется, архитектурные сооружения Самарканда — это только медресе, мечети и гробницы, ибо чем же как не памятниками архитектуры может мусульманин Средней Азии возвысить свою ложную религию? Хотя Вамбери уже описал бо́льшую часть памятников Самарканда, я тоже сделаю это, потому что в описание Вамбери вкралось много ошибок.

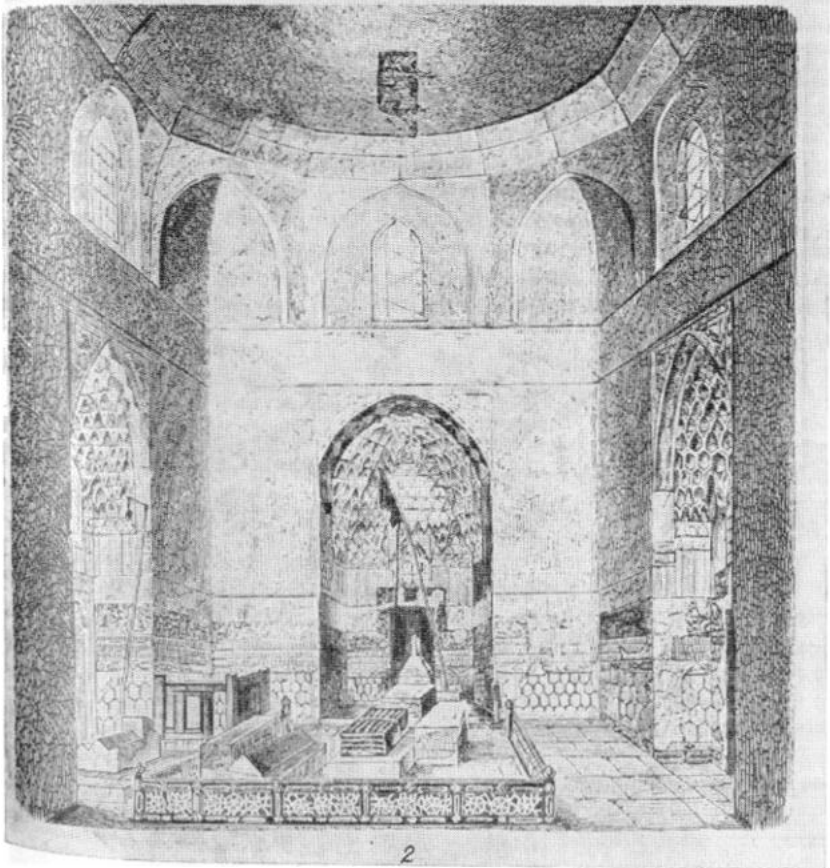
Древнейшие памятники относятся ко времени Тимура. Самый интересный из них и сохранившийся лучше других — усыпальница Тимур-Ленга, завоевателя мира, Тюрбети-Тимур. Она построена из кирпича, покрытого снаружи глазурью, так что наружные стены украшены художественными мозаичными арабесками. Мавзолей восьмигранный, с покрытым синей глазурью куполом в форме дыни. По сторонам купола возвышаются две мощные высокие колонны, сложенные из кирпича. Раньше в них вела наверх винтовая лестница, теперь по ней можно взобраться лишь с опасностью для жизни. Колонны также покрыты мозаичным узором из глазурованного кирпича. Перед мавзолеем — ворота, украшенные, как и мавзолей, на фронтоне которого над воротами можно прочесть слова:

عمل العبد المضعّف محمّد ابن محمود ال اسفهان

(«Это сделал жалкий раб Мохаммед, сын Махмуда из Испахана»). Из этого Вамбери делает совершенно правильный вывод, что памятники Самарканда построены персами. Если через вторые ворота войти в усыпальницу, узкая сводчатая галерея вдоль левой стены подведет к самому мавзолею, состоящему из купола и четырех ниш. Стены внутри него выложены великолепными яшмовыми пластинами, покрытыми тонкой резьбой — всевозможными надписями и арабесками. Так же прекрасно украшены потолки в нишах. Посреди мавзолея на выложенном каменными плитами полу находятся семь надгробий, а со стороны, обращенной к Мекке, столб, на котором укреплено знамя. Но жалок вид этого прекрасного строения. Часть украшений осыпалась. Посредине лежит большая куча извести. Пострадавшие места надгробий и стен отремонтированы небрежно и не все, да и это сделано лишь

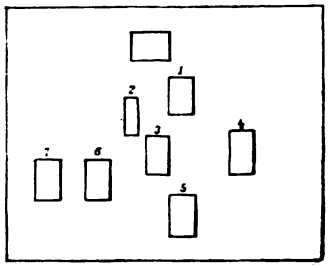
1

2

Таблица 15. *1* – цитадель Самарканда; *2* – гробница Тимура в Самарканде

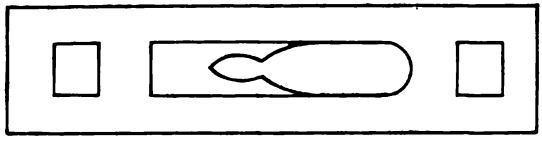
в последнее время, после того как генерал Кауфман выделил на это значительную сумму. Надгробия в мавзолее окружены плохой, почти совсем сломанной деревянной оградой. Они расположены в следующем порядке (см. рис.):

1. Надгробие, длина 3 аршина, ширина $^3/_4$ аршина, серый мрамор. Верхняя плоскость теперь побелена. По сообщению моего проводника, здесь похоронен Мир-Сеид-Береке шейх, учитель Тимура, который, согласно преданию, умер через два года после смерти Тимура.

2. Надгробие, всего в $1^1/_4$ аршина длиной и лишь две пяди в ширину. Плита серого мрамора, с надписями. Надгробие Мирзы Абдул Латиф Мирзы, сына Улук-Бека, умершего в 854/1450 г.

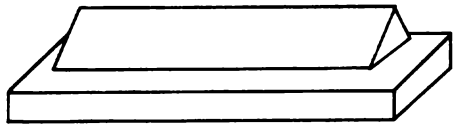
3. Надгробие из черного мрамора, 3 аршина длины и $^3/_4$ аршина ширины. В середине разбито. На камне следующее изображение.

По краю очень неясная надпись. Это — надгробие Тимура, умершего в 807/1403 г.[9].

4. Надгробие, серый мрамор с надписью, 3 аршина в длину, $^1/_2$ аршина в ширину. Надгробие Мирзы Улук-Бека, внука Тимура; он умер в 853/1449 г. Боковые стенки и часть верхней плоскости покрыты известью.

5. Надгробие разрушено, на его месте сложена из кирпича трехгранная призма, недавно побеленная известью. Это было надгробие Мирзы Ибрагима, сына Мирзы Улук-Бека; он умер в 854 г.[10]. Лежащая под призмой каменная плита — из беловатого мрамора.

6. Надгробие, целиком покрытое известью. Вероятно, это надгробие умершего в 853 г. Мирзы Бедика, сына Мирзы Улук-Бека [11].

7. Надгробие из серого мрамора, хорошо сохранившееся, 3½ аршина длины, сплошь покрыто изречениями из Корана. Это надгробие Мирзы Наина, сына Улук-Бека. Год его смерти мне сообщить не смогли.

Около самого входа в мавзолей в полу имеется люк, от которого идет лестница, ведущая в обширный склеп под мавзолеем. Он построен из грубых кирпичей, прекрасно сохранившихся, но без всяких украшений и неоштукатуренных. В этом склепе как раз под надгробиями мавзолея лежат также семь надгробий, плоских мраморных плит, и именно здесь похоронены перечисленные выше лица.

В центре города, около самого базара, расположены три медресе, чьи прекрасно орнаментированные главные фасады образуют три стороны квадрата. Это — единственное в Самарканде место, где видно стремление зодчего создать гармоничный ансамбль, расположив здания симметрично. Если бы эти постройки содержались в хорошем состоянии, а площадь — хотя бы в относительной чистоте, то этот ансамбль был бы поистине редкостным украшением города.

Однако жители города не проявили ни малейшего понимания идей зодчего и загромоздили всю площадь лавками и сараями, которые подходили вплотную к стенам медресе, и только верхушки зданий медресе виднелись над рядами безобразных лавок. Во время большого пожара на базаре эта часть пострадала больше всего. Сгорели все лавки, так что медресе видны во всем их великолепии.

Однако и по пожарищу ясно видно, что расстояние между рядами было не более 3—5 саженей. Поэтому я не понимаю, как Вамбери, который еще видел это скопище лавок, целым и невредимым, мог в описании своего путешествия дать такую картину. Как сообщил мне главнокомандующий, он отдал приказ расчистить эту прекрасную площадь и запретил кому бы то ни было строить здесь новые лавки. Таким образом, только теперь, с тех пор как сюда пришли неверные, это прекраснейшее место Самарканда оценено по достоинству и вызывает восхищение.

К сожалению, я нашел медресе пустыми, так как муллы раз-

бежались, и в своих заметках я вынужден основываться на скудных сообщениях моего чичероне.

Три медресе носят следующие названия: Медресе-и-Ширудар, Медресе-и-Тилле-Кари и Медресе-и-Улук-Бек [12]. Их обращенные к площади главные фасады украшены мозаикой из покрытых светло-зеленой, темно-синей, белой и красной глазурью кирпичей, как на Тюрбети-Тимур. Над главным порталом медресе Улук-Бека имеется мозаичное изображение двух огромных тигров. У обоих медресе, расположенных напротив, перед главными фасадами стоят справа и слева кирпичные колонны, также покрытые мозаичным узором. Каждое медресе построено как квадрат, замыкающий внутренний двор. Окна имеются только на фасаде, на других стенах они обращены во двор. Фасады украшены высокими порталами со стрельчатыми сводами, остальные три стороны украшают купола в форме дыни.

1. Медресе-и-Ширудар построил Яланг Туш Багадур в 1010 г.[13]. Когда через главный портал входишь во двор, то посредине каждого флигеля видишь высокий портал. Между порталами тянутся в два этажа ряды дверных ниш. Каждая дверь ведет в келью, в которой живут двое мулл. В медресе 64 таких помещения, всего в них живет 128 мулл. Двор медресе вымощен.

2. Медресе-и-Тилле-Кари построено позже, чем медресе Ширудар, в 1020 г.[14]. Внутреннее устройство точно такое же, как и в медресе Ширудар. Оно меньше последнего, в нем 56 комнат, в которых живет 112 мулл. У левого флигеля расположена мечеть с высокими стрельчатыми сводами. Лестница для имама мраморная. В нишах мечети — орнамент, явная копия орнамента гробницы Тимура.

3. Медресе Мирзы Улук-Бека, внука Тимура. Оно значительно меньше двух остальных, одноэтажное. В нем только 24 комнаты, в которых живет 48 мулл. В заднем флигеле мечеть, которая разрушилась и была отстроена заново. Теперь у нее деревянный потолок, покрытый резьбой и опирающийся на деревянные колонны.

Однако великолепнее всех, поистине шедевр — это возведенное во времена Тимура Медресе-и-Ханум; оно построено в 791 г.[15] женой Тимура. Конечно, оно послужило образцом при постройке трех медресе, описанных выше, так как оно полностью им соответствует, но значительно превосходит их по размеру. Колонны главного фасада имеют такую же окружность, как купола трех вышеназванных медресе. Теперь они почти разрушены, и из осыпавшихся кирпичей на прилегающих улицах построены целые ряды домов. От главного фасада сохранилась только арка портала. Боковые флигеля разрушены полностью, и часть левого флигеля используется теперь под склад. Лучше всего сохранилась мечеть, находившаяся в заднем флигеле. Свод ее купола —

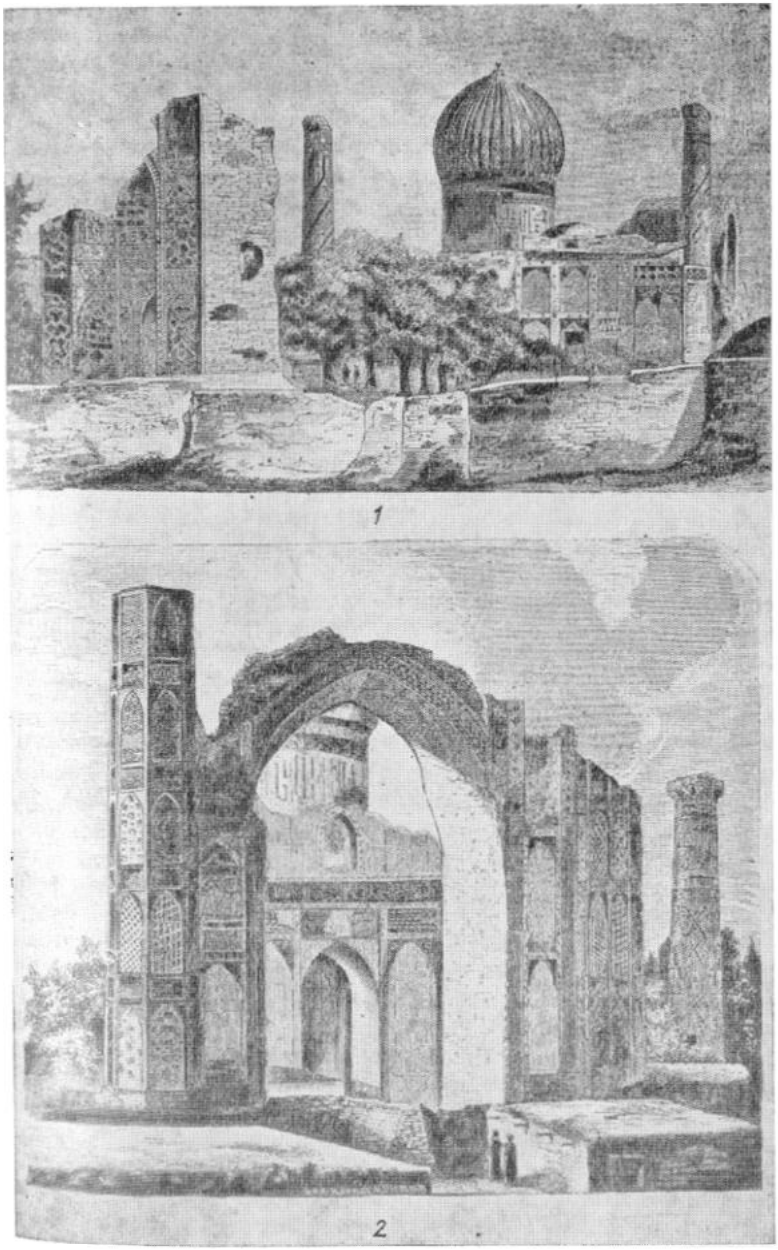

Таблица 16. Медресе-и-Ханум ⟨Биби-Ханум⟩ в Самарканде:
1 – вид сбоку; *2* – вид спереди

огромной высоты. Мозаика, украшавшая внутренние стены, осыпалась, купол в середине треснул, и образовалась щель шириной в несколько аршин. Но, несмотря на это, мечеть стоит еще крепко и незыблемо. Внутри мечети гигантский стол из белого мрамора. Поистине удручающее впечатление производит прекрасное здание, мозаичные украшения которого так удивительно красивы,— здание, почти разрушенное из-за небрежности и скупости населения, ничего не желающего предпринять для того, чтобы сохранить этот шедевр. Если сравнить величину Медресе-и-Ханум с другими, то можно сказать почти с полной уверенностью, что оно давало кров сотням мулл.

Вне города, к северо-востоку от него, находится мавзолей Хазрет Шах Зинде (Касим бен Аббас). Здание, где помещается гробница, стоит на довольно высоком холме и окружено огромным кладбищем, которое доходит теперь до городских стен. Вся терраса от улицы до самого мавзолея застроена всевозможными зданиями, которые уже самим своим разнообразием свидетельствуют о том, что появились в разное время. К мавзолею Касим бен Аббаса ведет пролегающий между постройками довольно узкий переулок, вымощенный булыжником. Мраморных ступеней я не видал нигде.

В сопровождении нескольких мулл мы идем к зданию; вокруг мертвая тишина. В переулке там и сям распростерлись на земле паломники, погруженные в благоговейную молитву.

Когда мы подошли к мавзолею, нас провели через портал и узкий коридор, образованный стрельчатыми сводами, к мечети, стены которой были покрыты прекрасным орнаментом. Здесь мои провожатые прочитали короткую молитву, а затем мы через маленькую дверь вошли в небольшое помещение, где находилось знамя святого. У западной стены помещения была поставлена железная ограда, а за ней — гробница святого. Мои провожатые благоговейно прижали лица к ограде и провели по ней руками, после чего была прочитана *Фатиха* [16].

Я подошел к ограде и увидел за ней небольшое, облицованное красным мрамором помещение, в котором находилось кирпичное надгробие. На самой могиле лежала груда зеленых и синих лоскутков. Мои провожатые сказали мне, что надо сделать небольшой подарок сторожу гробницы, который является потомком этого святого. Я дал встретившему нас у входа мулле русский бумажный рубль. До этого времени в помещении царила благоговейная тишина, но сейчас другой находившийся здесь мулла потребовал у первого эти деньги на том основании, что он является сторожем и потомком святого. Началась яростная перепалка, которая, несмотря на святость этого места, была насыщена в высшей степени оскорбительной бранью. В ссору вмешались все присутствующие. Эта сцена произвела на меня такое тяжелое впе-

чатление, что я поспешил покинуть святое место. Как видно, когда-то и мечеть и мавзолей были прекрасны, однако и здесь давно уже исчезло былое великолепие. Бо́льшая часть разноцветной глазури, в изобилии украшавшей стены и потолок, осыпалась и реставрирована очень неумело и безвкусно. Когда я спросил, здесь ли была летняя резиденция Тимура, никто из присутствующих не смог мне ответить. Я узнал только, что здание возведено в 795 г. и что Касим бен Аббас еще при жизни велел похоронить его в этой могиле [17].

В южной части города находится Самаркандская крепость. Для такого города она очень велика и имеет, пожалуй, несколько верст в окружности. Опоясывающий ее вал не очень высок, стена же довольно высокая и крепкая. Так как здесь совсем недавно шли ожесточенные бои и крепость была лучше подготовлена к обороне, я нашел все в величайшем беспорядке и, конечно, совсем не в том виде, как прежде. Насколько можно понять, раньше вся территория крепости была заполнена узкими улицами и переулками. В центре этого клубка перепутанных улиц находился замок эмира, в котором эмир обычно проводил несколько месяцев в году и где каждый новый эмир короновался. Снаружи замок мало отличается от прочих строений, только стены его несколько выше и выведены правильнее. Замок состоит из множества дворов, флигелей, построек и галерей, примыкающих друг к другу. Однако все дома из глины, и лишь некоторые из них оштукатурены. Я нигде не обнаружил и следа роскоши или княжеского блеска. Возможно, прежде все это выглядело не так, как теперь, когда здесь устроили полевой госпиталь. Из всего, что я увидел в замке эмира, достоин упоминания лишь один широко известный Кёк-Таш, на котором эмиры короновались. Он помещается в большом дворе, в центре очень тщательно построенной галереи. В стене позади камня ниша, орнаментированная по образцу ниши Тюрбети-Тимур. Кёк-Таш (Голубой камень) — глыба белого мрамора с едва заметными голубыми прожилками; она гладко отесана, и только на ее верхней плоскости — арабески, выполненные с большим вкусом. Вышина Кёк-Таша — полтора аршина, длина его — 15 пядей, а толщина — 7 пядей. На стене еще и теперь висят оба фирмана [18], которые упоминает Вамбери, но написаны они не золотыми буквами, а обыкновенными чернилами. В стену вмурован продолговатый черный камень, на котором высечена формула благословения.

По всему видно, что замок эмира — здание новое. Да и во всей крепости нет и следа старинных построек, за исключением кладбища, которое расположено с одной стороны крепости и на котором находится гробница Кутфи Чердауна. Над гробницей возведен купол, украшенный мозаикой. Пройдя под ним по разным галереям и подземным переходам, пролегающим значитель-

но ниже уровня крепости, попадаешь в конце концов к гробнице святого, которая, так же как и гробница Хазрет Шах Зинде, сложена из кирпича и на которой тоже лежит груда тряпья. Раньше никто не смел зайти за ограду, поставленную и здесь перед могилой, дабы ничьи нечистые руки не коснулись святыни. Теперь же ограда была открыта, и, так как около могилы никого не было, я мог рассмотреть ее в подробностях. На могиле я увидал черный продолговатый камень с надписью, точно такой же как в стене около Кёк-Таша, но только надпись эта была во многих местах почти совсем неразборчива. Она была выполнена тем же письмом, что и вышеупомянутая. Очевидно, эта гробница построена во времена Тимура.

При Тимуре, когда Самарканд был гораздо больше, цитадель находилась не здесь, а в 3—5 верстах от города. Я обследовал это место и обнаружил довольно высокий холм, подступы к которому были почти недоступны. На этом холме имелась еще и искусственная возвышенность, где можно было видеть немногие остатки некогда существовавших укреплений. Место, на котором стояла эта цитадель, было превосходно для обороны, ее защищала от нападений сама природа, и при этом она благодаря своей близости к городу всецело господствовала над ним. Здесь было вырыто в земле много пещер, в которых, как мне объяснили, в военное время прятали имущество.

К юго-востоку от города, примерно в полутора верстах от Бухарских ворот, стоит среди садов Медресе-и-Ходжа-Эхрар. Оно построено в стиле Медресе-и-Ширудар и украшено таким же мозаичным орнаментом. Считается, что оно построено 320 лет назад. Купол над мечетью уже обвалился. В этом медресе 30 келий, в которых живут 60 мулл. Около медресе великолепный сад с гигантскими деревьями. В саду построена новая мечеть, которая, однако, тоже сильно пострадала и 14 лет тому назад была отремонтирована, как и медресе. В этом саду на сложенном из кирпича четырехугольном постаменте находится гробница ходжи Эхрара. На могиле высокая плита из черного мрамора, сплошь покрытая надписями. Перед могилой возвышается столб, на котором зажигают светильники, и большое знамя с конским хвостом. Мне сказали, что ходжа Эхрар умер 396 лет назад.

Из новых медресе заслуживает упоминания только Медресе-и-Али. Оно построено эмиром Музафаром и представляет собой большой одноэтажный четырехугольник из неоштукатуренного кирпича. В нем 48 келий для мулл. Во дворе этого медресе большой пруд, окруженный высокими деревьями.

Кроме этих медресе и гробниц святых в городе и его окрестностях множество мечетей и мест захоронения, которые пользуются большей или меньшей известностью и являются местами

паломничества. Я перечислю наиболее значительные из них, в которых я сам побывал.

1. Мехтум-и-Хорезм, большое, с множеством могил кладбище семьи, переселившейся сюда из Хоразма приблизительно 120 лет назад. На многих могилах очень красивые мраморные плиты. Около кладбища две мечети и великолепный плодовый сад с прудами, который охотно посещают жители города. При мечети — маленькое медресе с шестью кельями. Здесь и по сей день живут потомки святого. Все обитатели медресе бежали после второго занятия Самарканда.

2. Гробница ходжи Инспетдара, умершего приблизительно 800 лет назад. Гробница сложена из кирпича и обнесена деревянной оградой. Рядом с гробницей мечеть, построенная богатым купцом Хаджи Баем.

3. Гробница святого ходжи Якуба. Гробница украшена куполом, построенным, вероятно, при Тимуре. Около могилы — мечеть в стиле Тюрбети-Тимур, а рядом с ней новая мечеть, выстроенная по повелению купца Хаджи Бая. В старой мечети имеется ход, ведущий к могиле ходжи Якуба. У могилы Якуба я нашел черный продолговатый камень с неразборчивой надписью, похожей на уже упоминавшиеся.

Месджет-и-Календер, гробница святого Календера Хаджи Сефа, пришедшего в Самарканд из Мекки. Она сложена из кирпича, под деревянной крышей и с деревянной оградой. Недалеко от гробницы стоит простая мечеть, а при ней огромный великолепный плодовый сад и виноградник. В этом саду множество домиков, в которых находят приют бедняки и странники. Им же принадлежит урожай с этого сада.

В Самарканде несметное количество простых мечетей с открытыми галереями для молитв в летнее время. Вообще мечети здесь — место собраний населения. Это — единственные тут тенистые места, так как при каждой, даже самой маленькой, мечети есть водоем и небольшой сад. Поэтому около мечетей всегда царит оживление. Вот с горячей молитвой распростерлись верующие; рядом с ними расположились торговцы и обсуждают какую-то крупную сделку; там уселись в кружок и внимательно слушают религиозные сказания; тут, сидя на корточках, едят скудный обед, состоящий из хлеба и фруктов. Толпа непрестанно движется взад и вперед. Начинает казаться, будто здесь увеселительный сад, и только молящиеся, распростертые между всеми этими группами, напоминают о доме божьем. Фанатизм этих мусульман — вещь непостижимая! Те же самые люди, которые только что готовы были уничтожить каждого неверного, приглашали меня позавтракать в мечети, и я ни разу не заметил, чтобы кафир внушал кому-либо ужас. Они вмешивались в наш разговор, часто весьма оживленный.

Вообще же нельзя отрицать, что мы, христиане, видели здесь мало приветливых лиц. Нередко черные глаза из-под кустистых черных бровей вспыхивали диким огнем, и мы невольно украдкой хватались за оружие, встретив такой колючий взгляд. Только одна часть населения, хотя и очень незначительная, встретила христиан с настоящим энтузиазмом — это евреи. Что за удивительная судьба! Еврей, в Европе веками живший во вражде с христианином, здесь смотрит на этого же христианина сияющими глазами, радостно слушает его и счастлив, если может приветливо ему кивнуть. Он с гордостью смотрит на христианина как на своего друга, своего заступника. Находясь рядом с ним, он с презрением взирает на мусульманина.

Несколько евреев пригласили нас посетить еврейский квартал [19]. Едва мы зашли в первые же дома еврейского квартала, который внешне совершенно не отличается от прочих частей города, как нас окружила ликующая толпа и с триумфом повела по улице. Нас пригласили в несколько домов, и везде мы встретили самый радушный прием. Нас угощали хлебом, фруктами, чаем и виноградной водкой, и мы ели на галерее, окруженные плотной толпой, которая с любопытством нас разглядывала. Дома евреев построены точно так же, как мусульманские, и в большинстве случаев сложены мастерами-мусульманами. Некоторые евреи производят впечатление весьма зажиточных, особенно *ак-сакал* (старейшина), у которого мы гостили.

У него была прекрасно убранная комната для гостей, к дому примыкал большой сад. Хозяин много путешествовал и рассказывал нам о Германии, в которой побывал несколько лет назад. Причина восторженного приема, оказанного христианам, заключается в том, что мусульмане подвергали евреев сильнейшему угнетению. Евреи должны были отличаться от мусульман даже в одежде, подпоясываться они могли только пеньковой веревкой и были обязаны носить на голове высокую остроконечную войлочную шапку, чтобы ни один правоверный мусульманин не отдал им по ошибке поклон.

Им было запрещено садиться верхом на лошадь или осла, и они были обязаны почтительно уступить каждому правоверному дорогу и молча склониться перед ним. При этом они постоянно подвергались публичным оскорблениям и не смели ни жаловаться на это, ни защищаться. Теперь они, разумеется, носят пояс и, так же как и все прочее население, ходят в шапках, обычно отороченных мехом, как у киргизов. Они, как и мусульмане, бреют голову, но оставляют над висками две пряди волос, которые в большинстве случаев спускаются завитками на грудь. Это — единственное, что позволяет отличить еврея. Помимо обычных податей они должны были платить еврейский налог, составлявший от 2 до 12 рублей в год. Еврейские погромы были

вполне обычным явлением, и нередко, когда эмир или один из беков испытывал нужду в деньгах, они грозили перебить всех евреев, если те немедленно не доставят им деньги. Они все еще не рискуют носить тюрбаны и делают это исключительно ради своих единоверцев в Бухаре, которым эмир угрожает резней, если здешние евреи осмелятся надеть священный головной убор правоверных мусульман. Основным занятием здешних евреев является торговля, а именно торговля шелком, который они в большинстве случаев сами красят, а также винокурение, причем водку уже при прежнем правительстве у них покупали правоверные. Теперь они прибрали к рукам и торговлю с русскими, выступая главным образом в качестве посредников и в большом количестве посещая лагерь.

Здешние евреи полностью сохранили чистоту своего типа, о чем свидетельствуют длинные искривленные носы и узкие бледные лица с выступающими губами, часто с благородными, тонкими чертами. Женщин я видел мало, девушки же в большинстве случаев отличаются поразительной красотой. В том, что все существо еврея в еще большей мере, чем у нас, носит печать унижения, нет ничего удивительного при том положении, в которое они до сих пор были поставлены по отношению ко всем остальным местным жителям. Насколько мне удалось заметить, они стремятся к наживе и любят поторговаться ничуть не меньше, чем их европейские единоверцы, однако их соседи-мусульмане им в этом не уступают. Когда евреи говорят между собой [20], они пользуются исключительно персидским языком, но все они, даже самые маленькие дети, понимают тюркский язык, а многие из них сумели за те несколько недель, в течение которых здесь находятся русские, выучить много русских слов, так что о простых вещах они уже могут объясниться и по-русски.

Во время своего пребывания в еврейском квартале я побывал в синагоге. Мы остановились перед маленьким домиком, затем прошли через три или четыре двора и наконец очутились в большом дворе, где под навесом сидели около сорока маленьких мальчиков. В центре находился молодой человек лет двадцати с Библией в руках и громким голосом читал нараспев древнееврейский текст, раскачиваясь взад и вперед в такт своему чтению. Мальчики по трое сидели поджав под себя ноги вокруг Библии и хором повторяли слова учителя; они тоже непрерывно наклоняли вперед верхнюю часть туловища. Мне сказали, что здесь только читают и что учитель никак не разъясняет смысл прочитанного. Через некоторое время мы двинулись дальше, прошли еще один двор и по узкому переулку подошли к маленькому, запрятанному между высокими строениями домику, перед которым была широкая галерея. На ней сидело тоже около сорока мальчиков, но уже постарше, десяти-шестнадцати лет. Их обучал ста-

рик, заставлявший их по очереди читать и объяснявший им прочитанное. Читающие также все время наклоняли вперед верхнюю часть туловища. Я попросил показать мне несколько библий и к величайшему своему удивлению обнаружил исключительно венские и лондонские издания. Я спросил учителя о старых книгах; он объяснил мне, что здесь их не найти, а что эти библии попали сюда в основном из Индии и из России [21].

О происхождении местных евреев он рассказал мне следующее: примерно сто — сто пятьдесят лет тому назад они переселились из Персии в Бухару, а оттуда пришли в Самарканд. Он знал несколько стариков, которые родились еще в Персии. Отсюда в Ташкенд евреи переселились в более позднее время. Численность еврейского населения здесь — свыше тысячи человек [22]. Большинство из них грамотны. Затем он повел меня в вышеупомянутый маленький домик без окон — синагогу. Она была лишена каких бы то ни было украшений; в одной стене были двери, за которыми хранились молитвенные свитки в футлярах из красного бархата. Все эти торы были написаны на тонкой бумаге, и в них не было ничего древнего. Когда я высказал удивление по поводу того, что синагога так мала, он объяснил мне: до сих пор они могли совершать только тайные богослужения, и, если бы мусульмане узнали о существовании синагоги, это стоило бы евреям жизни. Однако теперь они собираются построить новую большую синагогу. У евреев я встретил также много индусов из Пенджаба. Они бежали к евреям, находившимся во время осады в крепости русских. Говорили, что значительная часть индусов была перебита во время сражений. Это же постигло и многих евреев. В Самарканде очень мало индусов; здесь, как и в других городах Средней Азии, они живут ростовщичеством и ненавистны мусульманам в еще большей мере, чем евреи.

Я не могу привести статистических данных о Самарканде. Вероятно, в нем около 20 000 жителей. По своей величине Самарканд гораздо меньше Ташкенда, который, безусловно, является самым большим городом ханства. Роль Самарканда как торгового центра также значительно меньше, чем Ташкенда, так как он осуществляет торговое посредничество лишь между Кокандом и Бухарой.

Русские и индийские товары доставляются сюда через Бухару, причем в количестве, потребном для самого Самарканда, так как Коканд получает все русские товары через Ташкенд. Слабо развита в Самаркапде и промышленность; здесь имеется лишь очень немного фабрик, производящих хлопчатобумажные и шелковые ткани. Основные занятия населения — садоводство и шелководство. Главное отличие Самарканда от остальных городов — в его прошлом, в большом количестве святынь, к которым совершает паломничество множество окрестных жителей.

3. Каттыкурган. В Каттыкургане — городе, расположенном приблизительно в 60—70 верстах к западу от Самарканда на канале Нурпай, мне пришлось пробыть вопреки моему желанию больше недели, так как бухарские пограничные комиссары заставили себя ждать. Здесь нас очень хорошо устроили; мы поставили свои палатки в великолепном саду эмира вокруг большого пруда, в аллее, на которую бросали густую тень могучие карагачи. Сад эмира довольно большой и, хотя он не соответствует нашим представлениям о парке загородного замка, тем не менее выгодно отличается своими правильными посадками, которые полностью отсутствуют в здешних садах, своими гигантскими деревьями и красивыми широкими дорожками между высокими шпалерами, увитыми виноградом. Около сада — дом эмира, состоящий из множества флигелей и дворов. Это очень приятное летнее жилье, которое, однако, отнюдь не отличается особым убранством. В главном флигеле есть зал с двумя выходящими в сад и открытыми днем окнами и с галереей, обращенной во двор, который находится с другой стороны. В этом дворе стоит небольшая мечеть, а рядом с ней — жилое помещение для чиновников. Справа от главного здания — помещения для жен, с крытым двором посредине, куда свет проникает сквозь окно в крыше. Стены везде скромно побелены. К этому двору примыкает еще несколько дворов, где находятся конюшни и помещения для слуг. Эмир проводит здесь обычно один-два месяца летом, и до меня дошли просто страшные рассказы о его безнравственном поведении. Его постоянно сопровождала целая свита женщин и мальчиков, и он беспрестанно пополнял ее свежим товаром из числа дорогих его сердцу подданных. Я предпочитаю умолчать о непотребствах этих летних сезонов, намного превосходящих самый необузданный разврат нашего цивилизованного мира.

Сад эмира находится примерно на полверсты южнее самого города. Отсюда к городу ведет улица, прямая, как стрела; нигде в Средней Азии я не видал другой такой. Сам город Каттыкурган почти квадратный. В середине каждой из четырех сторон — ворота. С южной стороны находятся Самарканд Дервази (Самаркандские ворота), с восточной — Айдар-Чаман Дервази, с северной — Базар Дервази и с западной — Бухара Дервази. В центре города на небольшом возвышении стоит довольно неприметная крепость. Улицы узкие и извилистые, а дома и стены — по большей части полуразвалившиеся. В городе я видел лишь один сад и кроме него несколько куп деревьев около мечетей. Здесь только одно кирпичное здание — мечеть, которая находится у самой крепости, близ базара. Она называется Медресе-и-Накып и построена лет семьдесят назад. Она также имеет форму четырехугольника с внутренним двором. Летом медресе пустует; в нем остаются только два *мюдерриса* (учителя), хатиб, имам и муэдзин и, кро-

ме того, пятнадцать слепых. Говорят, что зимой в нем живет до ста человек. Базар представляет собой улицу со множеством изгибов и поворотов. Она начинается от южной стороны крепости и тянется до Базар Дервази. В обоих рядах домов, образующих эту улицу, стоят открытые лавки, большинство которых в небазарные дни закрыты. Ежедневно открыты только лавки, в которых сидят ремесленники. На базаре я видел лишь два караван-сарая. Как уже говорилось, дома, как правило, очень маленькие и по большей части разрушенные. Многие из них теперь пустуют, потому что в них жили чиновники и солдаты. Жители самого города большей частью очень бедны, это главным образом ремесленники, рабочие и мелкие торговцы. Здесь также живет тридцать-сорок семейств евреев. Богатых купцов всего лишь двое или трое. В небазарные дни город пуст. На базаре еще можно увидеть несколько групп людей, остальные улицы кажутся вымершими. Я познакомился здесь с одним очень богатым купцом, афганцем по происхождению, который переселился из Кабула лет пятнадцать назад. Он пригласил меня к себе, и я охотно принял это приглашение. Его владения состояли из нескольких дворов, где находились склады товаров и шелкопрядильни. В центре стоял двухэтажный жилой дом, на верхнем этаже которого были очень красиво отделанные комнаты для гостей. Стены были из гипса, с прекрасными ажурными украшениями и узорами. Поверхность стен была расписана яркими букетами цветов, а потолок блистал поистине волшебными красками. Все полы покрывали туркменские ковры. Угощение было обычным: пилав с кусочками моркови, чай и фрукты. Для меня было очень существенно то, что я смог получить от своего хозяина некоторые сведения о торговле шелком.

Лучшие коконы в Зеравшанской долине — бухарские. В Бухаре один черек (5 фунтов) этих коконов стоит 4—5 коканов (20 копеек=1 кокану), а цена на самые лучшие коконы из Каттыкургана не поднимается выше 7 коканов. Еще лучше бухарских — кокандские коконы, но кокандцы не умеют обрабатывать шелк, поэтому бухарские шелка ценятся гораздо выше кокандских. После местной обработки 32 черека коконов дают 2 черека шелка самого высокого качества; шелка более низкого качества из того же количества коконов получается от 4 до 5 череков. Шелководство вокруг Каттыкургана сильно развито, и мой хозяин считает, что Каттыкурган и Пейшемби дают до 500 батманов (5000 пудов) шелка-сырца.

Весь смотанный здесь шелк идет целиком в Бухару [23], и даже бо́льшая часть шелка из Самарканда отправляется туда же, так как в самом Самарканде и его окрестностях иранские поселенцы ткут очень немного шелковых материй. В Каттыкургане шелкоткачества нет вовсе. Много шелка-сырца отправляют из Бухары

через Афганистан в Индию. Цена хорошего сырца здесь — 100 коканов (20 рублей серебром) за черек, в то время как низкосортный шелк стоит только 3 дилла 5 коканов (13 рублей).

Я наблюдал также шелкопрядение. Нет ничего удивительного в том, что при таких несовершенных методах прядения удается получить только $^1/_{16}$ чистого шелка. Здесь шелк наматывают на мотовила диаметром аршин в семь; эти мотовила делают такими большими для того, чтобы добиться большей скорости вращения, так как колесо крутится вокруг собственной оси. Зубчатые колеса для увеличения скорости не применяются. При каждом мотовиле нужны два рабочих, один из которых вращает колесо, а второй — направляет нить. Просто удивительно, что с помощью столь несовершенного приспособления все-таки получают довольно много шелка.

Вокруг Каттыкургана довольно развито также хлопководство, но перерабатывается здесь лишь ничтожная часть выращенного хлопка. Основная часть хлопка, притом лучшего качества, отправляется в Бухару неочищенной. Я побывал и в здешних ткацких мастерских, где нашел подтверждение всем сведениям, сообщенным мне моим хозяином. Здесь, в Каттыкургане, вырабатываются следующие материи из хлопка и продаются по приведенным ниже ценам:

Боз — кусок в 8 аршин	— 60	копеек серебром
Алача »	— 70	»
Каламп »	— 60	»
Астар (подкладочный)	—30	»

Ткани из хлопка очень узкие; те, которые здесь производятся, совсем не идут на экспорт [24].<...>

СЕЛЕНИЯ ГОРНЫХ РАЙОНОВ, ОКАЙМЛЯЮЩИХ ДОЛИНУ ЗЕРАВШАНА

В то время как долина Зеравшана заполнена сплошной цепью поселков, селения в окаймляющих ее горах разбросаны между отдельными возвышенностями. Конечно, это обусловлено исключительно нехваткой воды, так как там, где выбивается из-под земли хотя бы самый небольшой источник, мы сразу же видим несколько дворов.

Поселки в горах, примыкающих к долине с юга,— небольшие деревушки из нескольких домов, стоящих среди голой степи. Самые значительные из них — Карасу, Даул, Шоркудук и Зирабулак. Грустное впечатление производят эти деревни. Дома того же пепельно-серого цвета, что и выжженная степь, и около них нет деревьев, которые превращают поселки долины в оазисы среди пустыни. Эта роскошь здесь недоступна из-за ничтожного

количества воды, которой едва хватает для утоления жажды людей и скота и для получения которой нередко приходится рыть колодцы. Зато длинные гряды гор между этими селениями покрыты необозримыми полями, засеянными злаками, которые, как это ни удивительно, не требуют искусственного орошения. Почти непостижимо, как могут здесь при такой сухости вызревать хлеба. И все-таки эти поля производят такое же грустное впечатление, как и вся степь. Это не наши тучные поля, на которых волнами колышется под ветром светлое море колосьев. Здесь поля поросли короткими жесткими стеблями, такими редкими, что между ними видна серая глинистая почва; засеянное поле вовсе не отличается от степи. Урожай здесь, разумеется, ничтожный, в хорошие годы не более чем сам-четыре или сам-пять. Так как именно в этих областях сильнее всего свирепствовала война и бо́льшая часть населения бежала поэтому на юг, весь урожай с полей между Даулом, Зиребулаком и Тимтагом (из которых поля, лежащие к западу от Зиребулака, являются вакуфом [25] самаркандского медресе Ялантуш) не убран, и весь высох.

К северу от Зеравшана есть довольно крупные источники, и поэтому мы видим здесь более значительные поселки, с деревьями и обширными полями и лугами. В основном селения между Актагом и Зеравшаном ничем не отличаются от поселков Зеравшанской долины, но у них более свободная застройка, группы домов и садов находятся на некотором расстоянии друг от друга и тянутся вдоль узких речных берегов. Здесь также на многих горных склонах посеяна пшеница.

В горной местности Нуратынн-Тагы, т. е. между хребтами: северным — Каратаг и южными — Актаг, Карашатаг и Ходумтаг, расположены селения, сравнительно немногочисленные из-за нехватки воды. Западная часть до селения Сарай относится к горам Нурата. Город лежит у западного подножия Нуратынн-Тагы, и говорят, что он меньше Каттыкургана. Тем не менее это самый значительный и чуть ли не единственный город во всем бекстве. Кроме него есть еще несколько торговых сел — Чюэ, Багаджат, Акчан, Джуш, Кошрават, Пшат, которые состоят из 50—150 разбросанных дворов. В некоторых из них, например в Акчане, Джуше, Пшате, много больших садов. Остальные селения состоят всего лишь из нескольких дворов и большей частью разбросаны по горным склонам. Здесь тоже люди существуют только за счет земледелия на неорошаемых горных склонах. Выращивание фруктов ничтожно, а рис и хлопок не сеют совсем, так как в горах климат значительно холоднее, чем в Зеравшанской долине. Скота горные жители Нуратынн-Тагы держат очень мало, потому что цены на траву и сено чрезвычайно высокие.

Часть горной местности Нуратынн-Тагы, лежащая на восток от Сарая, раньше относилась к Джизакскому бекству. Она засе-

лена еще слабее, чем западная часть, и все поселки, за исключением крупного селения Тюрсюпа, состоят в большинстве случаев из разбросанных дворов. Люди живут большей частью в войлочных юртах по берегам ручьев, обычно очень небольших. Сады здесь исключение, чаще всего видишь лишь отдельные искусственно выращенные лужайки вблизи юрт. Караабдал и Накрут населены гуще.

Лишь у восточной границы Карататага, начиная от поселка Копрат, население резко увеличивается, а у селения Джумабазар оно настолько возрастает, что кажется, будто вы снова очутились в Зеравшанской долине. Отсюда на юго-запад тянется сплошная цепь поселений вплоть до города Чилек, небольшого, еще меньше Каттыкургана, городка, раньше являвшегося резиденцией бека.

Дать более подробные сведения об окрестностях Чилека я не могу, так как я заболел и лишь с величайшим трудом смог проделать обратный путь от Джумабазара до Самаркапда.

Я не был в местности к северу от Каратага, также относившейся прежде к Джизакскому бекству. Говорят, она очень мало отличается от горной местности между Каратагом и Актагом. Единственный значительный пункт там — крепость Ухум.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Основные дороги, проходящие по Зеравшанской долине с востока на запад,— это дороги, которые связывают Бухару с Ташкендом (Кокандом). Кратчайший путь из Ташкента в Бухару проходит по безводной степи через крепость Чинас на Джизак. Под Чинасом, где надо переправляться через Сырдарью, теперь ходит превосходный железный паром. Раньше чаще всего пользовались именно этой дорогой, о чем свидетельствует великолепный, сложенный из кирпича караван-сарай Мырзарават, стоящий примерно на полпути между Джизаком и Чинасом. Этот Мырзарават теперь почти разрушен, и несколько искусственных водоемов также находятся в жалком состоянии. В последние годы этой дорогой пользуются гораздо реже, потому что предводитель киргизов Садык Төрө, бесчинствующий к востоку отсюда, по приказу Бухарского эмира сделал всю эту местность небезопасной. Путешественники могут проехать по ней в Джизак только под охраной большого эскорта; такой эскорт правительство предоставляет путешественникам раз в месяц. Более длинный путь из Ташкента в Джизак пролегает через город Ходженд (теперь там тоже есть удобный паром через Сырдарью), Нау, Уратепе и Замин. Длина первой дороги только 189—200 верст, в то время как последняя, пожалуй, свыше 350. Дорога в Коканд сливается с ней южнее Ходженда.

Из Джизака в Бухару ведут три разные дороги: 1) северная дорога: севернее Каратага к городу Нурата и отсюда прямо на Бухару; 2) средняя дорога: через горный перевал Биришек на Джумабазар, Чилек, Митан, Иштихан, Катырчы и т. д.; 3) южная дорога: через так называемые Ворота Тамерлана на Йыланотю немного севернее Янгыкургана на Самарканд. От Самарканда эта дорога разделяется на внешнюю, т. е. южнее Зеравшанской долины, через Даул, Чимбай, Шоркудук, затем через гору Тимтаг и степь Ортачёль, и внутреннюю — по самой Зеравшанской долине через Янгыкурган и Каттыкурган. Так как западная часть внешней дороги очень бедна водой, а продвижение по восточной части внутренней дороги местами затруднительно из-за большого количества селений и оросительных каналов, то путешественники едут по внешней дороге до Шоркудука, а отсюда поворачивают на Каттыкурган и через Кермине следуют по внутренней дороге на Бухару.

Из дорог между городами Зеравшанской долины и пограничных гор упомяну лишь основные. В северных горах южнее Каратага тянется с востока на запад большая дорога, соединяющая Янгыкурган с Акчапом и Нуратой. Она проходит главным образом через селения Караабдал, Накрут, Сарай, Кошрават, Джуш, Акчап. От нее отходят на юг следующие дороги: 1) от Караабдала между Карашатагом и Ходумтагом на Чилек; 2) от Накрута через Тюрсюн на Чилек; 3) от Кошравата через Пшат, Актепе на Митан; 4) от Кошравата через Татты на Сербент; 5) от Кошравата через Кереген на Сербент; 6) от Караташа через Коуншы на Андак; 7) от Караташа через Каратут на Бюрген; 8) от Багаджата через Тикенлик на Джисман. Дороги 1, 2, 3 и 8 — это основные пути сообщения с югом, так как здесь переход через горные перевалы не представляет трудностей. Тикенлик (8) доступен лишь для вьючных лошадей, но в общем не опасен. Говорят, что дороги 4, 5, 6, 7 местами очень плохие, и поэтому ими весьма мало пользуются.

На север отходят следующие дороги: 1) от Акчапа на Темиркаук; 2) от Сарая на Джуш через Сеурюк, Уестюк на Ухум; 3) от Караабдала через Сорбель на Кулму. Говорят, что все эти дороги — тяжелые, особенно перевал на Ухум.

В Джизак можно попасть с западной стороны через три перевала: 1) через Йыланотю (обычный путь в Янгыкурган); 2) через перевал Биришек; 3) через перевал Сарысай, восточнее речки Куакна.

Разумеется, из самой Зеравшанской долины очень много дорог. Самые значительные из них — это, конечно, те, которые связывают между собой наиболее крупные селения, т. е. дороги между Чилеком, Самаркандом, Янгыкурганом, Пейшемби, Каттыкурганом, Катырчы и Зиаддином. От Самарканда идет боль-

шая дорога на восток к городу Пенджикенду и оттуда на Урмитан. От этой дороги отделяются: 1) дорога через Каратепе на Шехрисебз; 2) дорога через Джумабазар на Ургут и Джам; 3) дорога от Пенджикенда через Хурму к крепости Магиан.

К югу от Каттыкургана дорога через Сарайкурган и Улус поворачивает на Джам и Шехрисебз. Отсюда ответвляется дорога на Карши через Сипке. Другая дорога соединяет Катырчы с Карши, она идет через Ширинхотун на Сипке.

Все эти дороги находятся в жалком состоянии. Огромные колеса арб проложили глубокие борозды в мягкой глинистой почве. Эти борозды, размытые вышедшими из русла или подмывшими берега арыками, часто превращаются в глубокие канавы. Постоянная угроза затопления заставляет жителей хоть как-то ремонтировать дороги в Зеравшанской долине.

Дороги, расположенные выше, в пограничных горах, никогда не ремонтируются, так как здесь не опасаются наводнений. Поэтому дороги эти сильно разрыты, и на них передко образуются овраги глубиною более чем в сажень.

Мосты здесь величайшая редкость, и наводят их только в случае крайней необходимости, чаще всего через глубокие искусственные каналы, где, при отвесных берегах и илистом дне, без них переправа была бы совсем невозможна. Так, построено много мостов через Нурпай и через наиболее крупные каналы на юго-востоке. Эти мосты сооружены очень грубо из неотесанных стволов, и переход через них нередко сопряжен с опасностью для жизни. Во всей долине Среднего Зеравшана есть только один кирпичный мост, расположенный на пути из Джизака в Самарканд и широко известный под названием Хишкёпюр. Азиаты считают его шедевром архитектуры, однако для европейца это — жалкое сооружение, по сравнению с которым даже самые плохие наши мосты — настоящее произведение искусства. Этот мост построен отцом нынешнего эмира, тридцать лет назад. Через естественные водоемы (реки и ручьи) мостов нет. На больших реках, особенно на глубокой Акдарье, в тех местах, где они пересекаются с основными дорогами, имеются неуклюжие лодки для перевозки людей и товаров. В мелководных местах через реки переправляются вброд, как, например, через Зеравшан у горы Чопонаты. Нет мостов и на небольших каналах, и путешественник по Средней Азии со страхом думает о переправах с илистым дном, на которых завязпувшая повозка вынуждает его часами стоять под палящим солнцем.

Единственный мост, вызывавший восхищение как шедевр архитектоники, был перекинут через Зеравшан у самой горы Чопонаты, как раз в том месте, где мы теперь с опасностью для жизни переезжаем бурный поток вброд. Он был построен целиком из кирпича и, как видно по немногим все еще поднимающимся

высоко вверх руинам, соединял берега могучей реки большими стрельчатыми арками. Теперь бо́льшая часть сооружения разрушена, и только две громадные арки, которые пощадило время, вдаются в реку. Сейчас уже невозможно понять, не было ли строительство моста лишь начато и потом заброшено, так как кроме этих двух арок, поднимающихся над водой саженей на пять, нигде нет и следа какого-либо сооружения. Так как плотины, перегораживающие Карадарью и Акдарью, были сооружены на этом самом месте, то можно предположить, что огромный мост не только облегчал переход через реку. Его громадные кирпичные быки служили и дамбой, разделяющей рукава Зеравшана. Я так и не смог выяснить, кто строил этот мост. Но, во всяком случае, он представляет интерес как единственный памятник гражданской архитектуры.

НАСЕЛЕНИЕ

По языку все население Зеравшанской долины можно разделить на две группы: 1) племена, говорящие на тюркском языке, и 2) племена, говорящие по-персидски. Первые составляют основную часть населения, в то время как последние живут разбросанно в разных местах. Всех говорящих на персидском языке называют таджиками; более того, все необразованные сельские жители и все кочевники называют персидский язык *таджик-тили* (таджикский язык).

Большинство таджиков живет в городах и занимается там исключительно торговлей и ремеслами. В их состав входят персы, живущие здесь с незапамятных времен, и персы, переселившиеся сюда, а также вольноотпущенники из числа тех персов-рабов, которых в больших количествах ежегодно продавали в ханства туркмены. Вновь прибывшие сюда персы обычно носят название *иран*, и часть из них — шииты, хотя они и держат это в строжайшем секрете. Основное местожительство таджиков (этим общим именем я буду называть всех персов) — города Ходженд на Сырдарье (где таджикский город отделен от узбекского), Уратепе, Джизак (в котором живут почти одни только таджики) и Самарканд. В Самарканде во внутренней части города живут едва ли не исключительно таджики, и на улицах почти не слышна никакая иная речь, кроме персидской. В садах, расположенных к западу от Самарканда и в его окрестностях, тоже живут почти одни таджики. Здесь возникло также несколько поселков, население которых — иранцы, занимающиеся главным образом шелководством. Я напрасно расспрашивал таджиков об их племенных названиях, и о своей истории они также ничего не могут сказать.

Остатком прежнего населения являются и так называемые горные таджики, или гальча[26], которые живут в различных пунктах довольно обширной территории. Создается впечатление, будто эти древние насельники спасались в разных высоко расположенных местах от надвигающегося потока. Насколько мне удалось узнать, эти крупные таджикские селения следующие: 1) в одном дне пути от Коканда по дороге в Дауан, где мне назвали деревни Шайдан, Бабадурхан и Янгас; 2) в горах к юго-западу от Ташкенда; 3) на северной оконечности Каратага между Джизаком и Темиркоуком; 4) в верхнем течении Зеравшана, к востоку от Пенджикенда, где мне назвали население гальча и кара тегинов[27]. К сожалению, я не смог побывать ни в одном из этих персидских селений и, следовательно, не могу сообщить о них более подробные сведения. Однако из того, что я слышал, следует, что люди там мало отличаются своими обычаями и образом жизни от остального населения.

Тюркское население Зеравшанской долины — это большей частью узбеки, за исключением отдельных пунктов на Нурпае в Каттыкурганском и Зиаддинском бекствах, где имеются крупные арабские селения. Однако арабы давно уже находятся под влиянием тюрок и в настоящее время говорят на тюркском языке.

Основные узбекские племена вовсе не живут строго разграниченно; напротив, они все перемешались, хотя в основной своей массе они всегда оказываются рядом друг с другом. Уже значительное число таких названий кишлаков, которые часто (и это отчетливо видно) связаны с названиями небольших племенных подразделений, свидетельствует о том, что здесь многократно происходило такое смешение. Так, у кипчаков есть поселки Мин, а также Джалаир, Конрат и т. д. Существует множество рассказов о близком родстве между отдельными племенами, как, например, рассказ о том, что мангыты и кенегесы ведут свое начало от двух братьев. Я считаю излишним вникать в эту вымышленную генеалогию. Замечу лишь одно: хан бухарский, который происходит из племени мангыт, должен каждый раз, вступая на престол, садиться на войлочную кошму, которую держат за углы представители четырех племен. Это племена м и н г, а л л а т, б е х р и н и б а т а ш[28].

Как уже ясно из вышеизложенного, в Зеравшанской долине, как и во всем Туране, говорят на двух языках, персидском и тюркском. Я не берусь высказывать суждения о персидском языке, однако мне кажется, что тот персидский, на котором здесь говорят, мало отличается от литературного персидского языка. Что же касается тюркского, то здесь представлены четыре говора: киргизский, языки кара-калпаков и туркменов и чагатайский, или узбекский.

Первые три из этих говоров очень близки друг другу, в то время как узбекский резко отличается от них. Письменность имеет только узбекский. Разумеется, на обширной территории, занимаемой узбеками, наблюдаются диалектные различия, но в общем этот язык можно рассматривать как единое целое. Во всяком случае, жители Бухары и туркестанские сарты понимают друг друга без всякого труда, что неудивительно при тех тесных связях, которые всегда существовали между городами Средней Азии.

Что касается чистоты тюркского языка, то на нем говорят в основном в степях, куда еще не проникла цивилизация ислама, разрушающая язык и умерщвляющая дух народа. Меньше всех употребляют в своей речи арабские и персидские слова киргизы, а те чуждые элементы, которые они заимствовали, они всецело превратили в свои собственные. Однако в некоторых местах и у них началось мощное проникновение в язык чуждых слов, что наиболее заметно у всех киргизов, живущих по соседству с сартами. По чистоте очень близок к киргизскому язык кара-калпаков и язык туркменов в горах Нурата, хотя оба эти народа по своей социальной организации значительно уступают узбекам и потому уже заимствовали много чуждых слов.

С точки зрения своей чистоты язык узбекского сельского населения Зеравшанской долины сильно отстает от вышеназванных языков. Даже люди неграмотные в изобилии употребляют арабские и персидские выражения. Больше всего испорчен язык в городах, где уже считается хорошим тоном рядиться в чужие перья. В городах такое искажение языка увеличивается по мере приближения к образованным кругам, где говорят на совершенно особом языке. Здесь не только употребляют огромное количество заимствованных слов и выражений. Здесь также изменили и превратили в чуждый тюркскому весь строй предложения родного языка. Закон гармонии гласных нарушен и изменен в угоду чужеродным пришельцам. Создается впечатление, будто эта искусственность — необходимое условие образованности, так как муллы заставляют своих учеников при чтении произносить слова не по-тюркски и строго наказывают за правильное, народное произношение. Поэтому люди малообразованные при чтении выговаривают слова, как мулла.

Образование как бы стремится искоренить народный язык. Простой человек, не будучи ученым, умея лишь читать и писать, пишет и читает на тюркском языке. Но стоит ему поучиться хоть немного подольше, и он с ужасом отрекается от такого свидетельства своего невежества, от духовной пищи простого человека и углубляется в изучение персидского языка. При письме такой недоучка пользуется тюркским языком, так как он еще недостаточно силен в персидском. По-арабски он только читает Коран,

заучивает молитвы и штудирует несколько арабских книг с подстрочным переводом. Но если такой ученый дошел до арабской грамматики и приобрел какие-то познания в арабском языке, он забрасывает также и персидский и изучает один лишь арабский. Это цель каждого ученого. При письме такие ученые пользуются большей частью только персидским языком, не заботясь о том, понимает ли их адресат по-персидски. А между тем этому бедняге нередко приходится отправляться на поиски муллы, чтобы тот перевел ему послание его соотечественника. Повсюду, даже в Коканде, персидский является языком официальной переписки, документов, правительственных распоряжений и т. п. Это обусловлено тем, что каждый чиновник имеет при себе муллу, который, разумеется, пишет по-персидски. Мне пришлось неоднократно наблюдать, как пишутся официальные бумаги. Чиновник излагает мулле (мирзе) содержание документа, тот сам его пишет, и чиновник просто ставит свою печать.

При таком положении вещей вполне объяснимо стремительное проникновение в язык чужих слов. Хуже всего то, что эти заимствования продолжают жить в языке самостоятельно, подобно французским выражениям и словечкам, уснащавшим в прошлом веке речь немецких аристократов. К тому же здесь засоренность языка все время увеличивается, так как любая попытка оказать этому противодействие и сохранить чистоту языка обречена на провал.

Никто не станет спорить с тем, что умственный труд (исследование и учение) укрепляет дух и шлифует ум. Однако здесь мы видим, к сожалению, прямо противоположное. Только у совсем необразованных людей можно встретить разумные суждения и известную проницательность.

Речь киргизов плавна. Они красноречивы, остроумны и язвительны, зачастую поразительно находчивы, и каждый, даже самый необразованный из них, настолько владеет своим языком, что в Европе нечто подобное можно увидеть лишь у французов и русских. Киргизам-рассказчикам присуща веселая и приятная манера изложения. Кара-калпаки, туркмены, а также узбеки-крестьяне, живущие в долине Зеравшана, говорят хуже, чем необразованные кочевники, а образованные классы городского населения владеют речью совсем плохо, затрудняются в подборе слов, и беседа с ними крайне неинтересна. Да и как может быть иначе? Они занимаются в основном тем, чего не могут понять из-за незнания языка. Киргиз слушает сказки, сказания и песни на своем родном языке. Благодаря этому он усваивает выражения, которые он запоминает и которым подражает. Узбек слушает даже простейшие рассказы на мало понятном ему языке, и чем больше углубляется он в науку, тем непонятнее становится ему язык науки. Вырабатывается привычка угадывать смысл прочи-

танного (услышанного), а непонятные слова просто механически повторять и заучивать. Разумеется, при этом развивается одна лишь память, в то время как все прочие свойства ума слабеют. В течение пятнадцати-двадцати лет учащийся вынужден постоянно бороться с языковыми трудностями. Преодоление их — главная цель ученого. Однако мало найдется счастливцев, которым это удается.

Центром образованности являются медресе; здесь дают только религиозное образование, и считается грехом заниматься изучением поэзии или других видов литературы. Это воззрение распространено повсеместно и ведет к тому, что лишь крайне редко можно увидеть сочинение о поэзии или истории, написанное на тюркском или персидском языке. Даже у народа в большинстве случаев можно найти только религиозные сказания и хикметы[29]. Поэтому собственно народной литературы очень мало, и я ничего о ней не пишу, так как Вамбери уже привел основные ее материалы в своих «Чагатайских исследованиях». Конечно, из уст народа можно было бы услышать еще много нового.

Разумеется, это преобладание религиозной учености объясняет, почему в ханствах образованность сочетается с фанатизмом. Чем больше отдается человек науке, тем более фанатичным мусульманином он является, и как раз самые крупные ученые разжигают религиозную нетерпимость. Они — постоянные подстрекатели и зачинщики беспорядков в Средней Азии. Они заставили эмира начать в этом году войну. Они повинны в том, что Самарканд лежит в развалинах. И они вынудят каждого хана расторгнуть договоры с неверными, которые уже с самого начала являются предательством. Эмир бухарский и его чиновники вынуждены держаться заодно с учеными, так как знают, что в этом гарантия их власти. Поэтому все они крайне правоверны и сами оказывают поддержку этим столпам религии.

Большинство образованных людей принадлежит к торговому сословию. Эти торговцы менее фанатичны, чем ученые и чиновники, и потому не так враждебно настроены по отношению к русским. Но и они слишком хорошие мусульмане, чтобы не стать на сторону защитников веры, когда ее преследуют, хотя они с готовностью подчиняются новому господину, как только этого требуют обстоятельства.

Наконец, народ апатичен и лишен характера, он строго выполняет все религиозные предписания. И хотя он ненавидит своих мучителей — чиновников и ученых, эти ученые с помощью всякого рода мистификаций с легкостью разжигают в нем фанатизм.

Киргизы и кара-калпаки в конечном счете лишены мусульманского фанатизма. Хотя они крайне строгие приверженцы ислама или по крайней мере считают себя таковыми, однако их не

коснулось пагубное дыхание фанатизма. Кроме того, они ненавидят сартов, особенно мулл, которые, в свою очередь, называют киргизов неверными из-за их пренебрежения к некоторым религиозным предписаниям. Отсюда постоянная готовность киргизов бороться против горожан, и потому они приняли с самого начала сторону русских. К этому их вынуждает отчасти ненависть, однако в значительной мере и алчность, так как во время военных походов всегда можно захватить богатую добычу.

Таковы условия духовной жизни народа. Мы видим борьбу двух элементов: народного тюркского и персидско-арабско-мусульманского. К сожалению, последний уже взял верх и тормозит развитие народа. Прогресс был бы здесь возможен лишь в том случае, если бы народный тюркский элемент смог получить со стороны европейской цивилизации помощь, которая парализовала бы превосходство мусульман. Сейчас, когда в степях еще силен народный дух, это не трудно, но помощь должна быть оказана немедленно.

Точно так же как в Турции хитрый, изворотливый и деятельный грек противостоит ленивому, инертному, но честному турку, в Средней Азии хитрый, целеустремленный перс является противоположностью нерасторопному, инертному татарину. Как уже заметил Вамбери, бухарские таджики составляют значительную и влиятельную часть чиновничьего аппарата эмира. Вследствие смешения с персидским элементом тюркское население городов во многих отношениях приблизилось по характеру к таджикам. Мы видим здесь народ, который, подобно таджикам, написал на своем знамени слова «Барыш и нажива»,— народ, высший идеал которого — материальная выгода. Несмотря на присущее исламу пренебрежение к мирской суете, деньги — единственный кумир этих людей, и даже узы кровного родства не могут им помешать, если удастся извлечь из чего-то прибыль. Потому-то торговля и является основным занятием горожан, ибо при этом можно получать большие барыши без каких-либо физических усилий, которые им так же ненавистны, как и персам. Пожалуй, нигде так не торгуются, как на среднеазиатских базарах. При этом торговец старается где только можно обсчитать и обмануть покупателя. Корыстолюбие горожан не имеет границ. Со мною самим произошел такой случай: один богатый человек, который сопровождал меня в Самарканд, дал мне попять через одного киргиза, что он хотел бы получить подарок. Когда я на пробу дал ему двадцатикопеечную монету, он принял этот дар с величайшей радостью. Повсюду слышится слово «подарок» (*силау*), его произносят при самой ничтожной услуге, например указав улицу или дом, и сопровождают это слово весьма выразительным жестом. Даже торговец, продав товар, просит еще и *силау*. Основной чертой характера горожанина наряду с алчностью является скупость. Он никогда

не произнесет слов *фани дунйа* (этот непрочный мир), если можно нажить что-либо, но повторяет их тем чаще, когда надо скрыть свою скупость. Поэтому люди богатые живут почти так же нищенски, как и бедняки, и едят ту же пищу, у них лишь жилье бывает получше и комната для гостей отделана поприличней. Кроме корыстолюбия и жадности основными чертами их характера являются трусость, жестокость, коварство и лицемерие. Достаточно увидать их сражения с русскими, их жестокое обращение со случайно попавшими в их руки пленными, будь то русские или киргизы, которых они подвергают страшным мучениям. Так, у одного пленного вывихнули суставы, а потом переломали кости рук и ног. У одного киргиза ежедневно вырывали по зубу, потому что его зубы, которыми он ел хлеб неверных, недостойны и дальше пережевывать пищу, данную богом. Об этом говорят и события, имевшие место в прошлом году в Джизаке: когда эмир назначил там награду за голову каждого убитого русского, то закалывали по ночам часовых или выкапывали на кладбище покойников, отрезали у них головы и несли эмиру в качестве трофеев. Довольно увидать хотя бы дервиша, который на базаре собирает вокруг себя толпу верующих и рассказывает им выдуманные сны, мошеннически выманивая у них таким образом деньги.

Сельские жители Зеравшанской долины производят гораздо более благоприятное впечатление, так как им присуще известное прямодушие, которого полностью лишены горожане. Они также корыстолюбивы, но не в такой мере, как те. Притом в них нет предприимчивости торгашей. Они более флегматичны и ленивы, но не боятся физического труда, связанного с их занятиями. Они не любят таджиков, чья ловкость внушает им страх. К тому же они пугливы и робки.

Кара-калпаки, туркмены и киргизы — настоящие дети природы. Изворотливые и хитрые, в сущности они, однако, чистосердечны, добродушны и преданны. Они — заклятые враги любого труда и предпочитают, чтобы всем необходимым их обеспечивала добрая природа. Я и здесь не обнаружил никакой воинственности, скорее изрядную трусливость. Они с любопытством толпятся вокруг всякого вновь прибывшего и нередко бывают так назойливы, что с трудом удается отвязаться от них. В нравственном отношении они выгодно отличаются от узбеков, у которых царит ужасающая безнравственность.

Что касается внешнего вида, то и здесь ископная тюркская часть населения резко отличается от персидского или от того, которое смешалось с персидским. Киргизы, кара-калпаки и туркмены, которые еще являются представителями чисто тюркского элемента, большей частью среднего роста, коренастые, крепкого телосложения. У них широкие лица с выступающими

скулами, широкий нос, покатый лоб. Волосы у них черные с легким коричневатым оттенком. Брови узкие, борода скудная. Таджики, северные сарты и значительная часть узбеков, как правило, высокого роста и стройны, слабого телосложения. Лица у них узкие, с резкими чертами, посы большие и изящно выгнуты; брови кустистые, и великолепная борода обрамляет правильное лицо с благородными чертами. Угольно-черная борода и черные глаза, обычно горящие недобрым огнем, придают им облик чрезвычайно мужественный, так что на первый взгляд они даже производят впечатление людей сильных и решительных. Этому немало способствует выражение глубокой серьезности, которое почти всегда лежит на их лицах. Однако это иллюзорное впечатление сразу исчезает, как только такое лицо скривит сладкая, но исполненная скрытой злобы улыбка.

Существование жителей Средней Азии так же однообразно, как и их города́, как и окружающая их природа. Подобно всем мусульманам, в общественной жизни у них принимает участие только мужчина. Мы видим, как он медленно и важно шествует по улице в своем пестром длинном халате, в светло-зеленых калошах поверх высоких сапог и в белом, зеленом или красном тюрбане, самым фантастическим образом намотанном вокруг головы. Задушевно беседуя, сидит он на базарах и около мечетей. Лишь изредка проскользнет между пестрыми группами мужчин маленькая тщедушная фигурка в длинном синем, закрывающем голову халате, длинные рукава которого свисают до земли и на концах зашиты. Спереди на груди этот халат наглухо застегнут, а к стоячему воротнику пришит кусок сетки из конского волоса, который полностью закрывает раскрытую часть халата перед лицом[70]. Это — женщины. Они крадутся, словно преступники, боящиеся дневного света, мимо групп мужчин, почтительно уступая дорогу каждому встречному.

Покинув улицу и войдя через узкие ворота во двор, мы увидим около ворот кормушки для лошадей под опирающейся на деревянные столбы саманной крышей. В больших городах, вблизи рынков, где живут весьма скученно, эти кормушки помещаются в широком проходе, ведущем в очень маленький двор. Двор обычно квадратный и обнесен стенами, одна из которых является и стеной жилого дома. В дом ведет несколько маленьких дверей, украшенных грубой резьбой, перед которыми находится глинобитная площадка высотой примерно в фут; на ней расстелено несколько ковров. Двери ведут в гостиные хозяина дома, куда свет проникает через дверь и маленькие окошки, затянутые бумагой. Стены гостиных обычно неоштукатурены, покрыты глиной и только у людей богатых они побелены или расписаны узорами. Потолок белый, и лишь богачи покрывают его узорами, нанесенными яркими красками и золотом. В стенах — ниши, где обычно

помещается чайная посуда, а также библиотека хозяина дома, состоящая в большинстве случаев из истрепанных книг. Коран или Хефтияк — непременный элемент такой библиотеки. Пол в гостиных покрыт туркменскими коврами, повсюду лежат подушки в пестрых шелковых наволочках. Для самых почетных гостей в каждой комнате имеется толстое ватное одеяло, крытое шелком. В другой стене двора находится дверь большего размера, и в ней время от времени появляются головы детей, украдкой подглядывающих за вновь прибывшими. Эта дверь ведет во второй двор, который в общем устроен так же, как и первый, и где живет вся семья.

Большинство жилищ состоит из двух дворов, и только у бедняков — один двор, поделенный на две части камышовой циновкой. Мужчина, особенно состоятельный, редко появляется на заднем дворе. Там живет несчастная рабыня мужчины, которая робко изо дня в день занимается своим однообразным, безотрадным трудом. Она сидит там в уединении, около нее играют дети. Она шьет, прядет, готовит пищу, а потом укладывается спать в каком-нибудь тенистом месте. Я имел возможность наблюдать такой женский двор одного из домов и вполне мог убедиться в том, какова жизнь женщины. Она медленно делает свою однообразную повседневную работу, и ясно видишь, как опротивела ей эта жизнь. Она не знает никаких развлечений; лишь изредка проскользнет к ней соседка, ее единственная собеседница. Хорошо еще, что зной действует на нее усыпляюще, иначе трудно было бы вынести такое существование.

Мужской двор бóльшую часть дня пустует, потому что мужчина не может не пойти на базар и в мечеть. Однако к вечеру часто приходят гости, и тогда здесь становится более оживленно. Подаются чай, фрукты и еда, и присутствующие коротают вечер в веселой беседе. Такое собрание бывает особенно оживленным, если его почтит своим присутствием мулла в высоком опрятном тюрбане из тонкого белого английского муслина, который важно входит в дом, опираясь на свой длинный, украшенный серебром посох. Он тотчас же направляется к лежащим на полке книгам и прочитывает что-либо весьма назидательное из какой-нибудь арабской книги. Крайне сомнительно, однако, настраивает ли это чтение гостей на религиозный лад, потому что сразу же вслед за уходом муллы и после появления еще нескольких соседей приводят мальчика в женском платье. Присутствующие усаживаются во дворе полукругом, и мальчик начинает свой танец, состоящий из ужасно непристойных вихляющихся телодвижений и в высшей степени гадких и непристойных ужимок. Танец сопровождается игрой на чрезвычайно неблагозвучном струнном музыкальном инструменте, а зрители в такт хлопают в ладоши. Все смотрят жадным похотливым взором на танцующего бачу,

который бросает на седобородых, почти обезумевших, влюбленных стариков кокетливые взгляды, а тем, кому он отдает предпочтение, он иногда кидает кусочки сахару или хлеба, которые те с восторгом ловят и жадно проглатывают. Эти танцы обычно длятся до поздней ночи, и я лучше умолчу о том, чем завершается праздник. Порочность этих людей разрывает всякие семейные узы и ведет к тому, что здесь ежегодно ввергают в мерзкий разврат и морально убивают тысячи мальчиков восьми — десяти лет.

Пища жителей Зеравшанской долины очень проста и одинакова во всех слоях общества. Бедняк и работник живут в основном на хлебе и фруктах. Хлеб замешивают из пшеничной муки, воды и соли и сразу, не заквашивая, пекут в виде тонких круглых лепешек. Свежий он очень вкусен. Кроме него пекут еще маленькие круглые хлебцы, в которые добавлено баранье сало; они отвратительны на вкус. Фрукты, разумеется, разные, в зависимости от времени года. В конце лета излюбленная еда — дыни, которые очень вкусны. Из горячей пищи самым распространенным является плов, который здесь называют просто *аш* (еда). Это — рис, сваренный с бараниной и с тонко нарезанными ломтиками моркови. Плов — блюдо, которое всегда предлагают гостям, и потому я поел его вдоволь. Его подают на стол как у богатых, так и у бедных. Другим любимым блюдом является лапша, которую варят в молоке или в мясном бульоне. Реже можно получить мелко нарезанное мясо, жаренное в бараньем сале. Молочные кушанья, как, например, кислое кипяченое молоко (*айран*), встречаются здесь довольно редко. На базарах продают еще завернутые в тесто и сваренные на пару мясные клецки. Они очень вкусны, но чересчур жирные. Основной частью питания является чай, у людей богатых зеленый, к которому подают миндаль, изюм и сухие фрукты, но, к сожалению, он чрезвычайно невкусный, так как его кипятят на огне в высоких и узких металлических чайниках. В некоторых караван-сараях, даже в деревнях, я видал русские самовары, однако население пользуется ими редко. Из напитков упомяну еще шербет, который делают из меда. Мед наливают в глиняные кувшины, которые наглухо закупоривают и закапывают в землю. Он становится густым, как коричневый сироп. Пьют его, смешав с водой. Водку я видел только у евреев в Самарканде. Все эти блюда здесь едят и богатые, и бедные. Думаю, даже стол эмира мало чем отличается.

Мясо я здесь встречал только баранье и говяжье. По-видимому, конину, которую так любят киргизы и русские татары, здесь совсем не употребляют в пищу. Едят обычно на очень грязных скатертях, которые расстилают на полу поверх ковров. При еде пользуются исключительно собственными пальцами, которые, согласно предписанию Корана, моют до и после еды. Ложки и вилки нигде не употребляют.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Зеравшанская долина на всем своем протяжении принадлежала Бухарскому ханству. Эмир как верховный правитель ханства раньше всю зиму жил в Бухаре, а лето проводил в Карши, Каттыкургане и Самарканде. Последний год он в Самарканде не был. Его резиденцию в Каттыкургане я описал, когда рассказывал об этом городе.

Административное управление Бухарского ханства — это смесь военной и клерикальной деспотии. По форме оно чисто военное. Все ханство поделено на бекства, которыми управляют назначенные эмиром беки. До прихода русских долина Среднего Зеравшана делилась на следующие бекства: 1) Джизак, 2) Самарканд, 3) Пенджикенд, 4) Чилек, 5) Нурата, 6) Пейшемби, 7) Каттыкурган, 8) Катырчы и 9) Зиаддин. Беки являются командующими приданных им войских частей, которые стоят гарнизоном в главном городе бекства. Кроме того, беки — представители самого эмира, обладающие почти неограниченной властью во вверенной им области. Главная их обязанность по отношению к эмиру заключается в том, чтобы обеспечивать поступление определенной суммы налогов и удерживать бекство под верховной властью эмира, т. е. предупреждать или подавлять любые мятежи. По-видимому, они зачастую правили как независимые властители и вели междоусобные войны. Очевидно, и их восстания против самого эмира также были отнюдь не редкость. Потому-то эмир не любит оставлять беков подолгу на этом посту и при назначении их очень осторожен. Он выбирает их из своего ближайшего окружения и по прошествии определенного времени отзывает обратно ко двору. Количество солдат, находящихся в распоряжении бека, различно и зависит от величины бекства. Однако это всего лишь несколько сотен всадников, получающих по 20 тенги (4 рубля) жалованья в месяц. Офицеры, состоящие при беке: *юзбаши* (под командой которого 100 человек), *мирахор, пенджабаши* (под командой которых 50 человек) и *онбаши* (10 солдат). Однако с возникновением угрозы войны бек должен с помощью уговоров, принуждения и денег увеличить свое постоянное войско по крайней мере втрое и присоединиться с ним к верховному властителю — эмиру. Все путешественники, побывавшие там раньше, даже Вамбери, сильно преувеличивают армию эмира, которую составляют войска бекств и лейб-гвардия самого эмира. Я уверен, что эта армия обычно не превышает 8000 человек, следовательно, в военное время может быть доведена до 20 000. Для того чтобы сделать эту армию более внушительной, из ближних деревень незадолго до начала военных действий сгоняют насильно как можно больше мирного населения, так что численность армии увеличивается примерно до 40 000.

Само собой разумеется, что эта в основном безоружная толпа увеличивает армию лишь по видимости, а по существу приносит ей только вред. Потому-то мы и наблюдаем, как при каждой стычке с русскими бóльшая часть войска обращается в бегство при первом же пушечном выстреле. При захвате городов значительную часть людей, их обороняющих, составляют жители, и именно они воюют лучше, чем сражающиеся за них солдаты. Я повсюду слышал это от очевидцев.

Во главе армии стоит *аскер баши*, который находится в Бухаре при эмире. Во время войны этого года главнокомандующим армии был Осман-бек, казак, бежавший несколько десятков лет тому назад с сибирских рубежей. Вообще дезертиры и пленные русские солдаты, часть которых раньше была мусульманами, по-видимому, занимают в армии крупные посты. Значительную часть войск эмира составляют наемники-афганцы, из которых человек двести-триста под командованием Искендера-хана перешли к русским. Я сам их видел. Это сброд, поступивший на военную службу только ради добычи. Говорят, что в этом году они храбро сражались против своих единоверцев и прежних хозяев, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести. Бóльшую часть армии составляет кавалерия (войска бекства и вновь завербованные вспомогательные отряды), которая очень по-разному вооружена и бросается на врага без всякого порядка. Пехота гораздо малочисленнее. Это главным образом лейб-гвардия эмира.

Пехотинцы вооружены лучше, и говорят, что иные уже имеют что-то вроде форменного обмундирования. По-видимому, некоторые из них уже обучены, частью русскими дезертирами, частью афганцами, которые служили в Индии сипаями. Артиллерия до сих пор была лишь крепостная. Однако в последний год ее использовали уже и на полях сражений, сделав пушки транспортабельными. По-видимому, у эмира свыше сорока-пятидесяти пушек. Эта артиллерия очень неумело стреляет и не наносит врагу почти никакого урона. Сами пушки очень плохие, стволы их плохо отлиты, а ядра шероховатые. Когда в прошлом году был взят в плен один русский офицер-артиллерист, эмир потребовал, чтобы он обучал его артиллеристов. Когда офицер после длительного сопротивления все-таки отправился на учебный плац, он при виде нелепых манипуляций с трудом удержался от смеха. Однако командир артиллеристов шепнул ему, что он должен здесь все хвалить, иначе ему не сносить головы. Кстати, сказано это было по-русски. Пленный офицер так и поступил. Эмир сделал ему подарки и больше его не беспокоил. Насколько развито военное искусство у бухарцев и что думают они о победах русских, показывают усердные поиски и расспросы бухарского посла Мусабая: он разыскивал книги, по которым можно изучить искусство

побеждать, и, говорят, выразил полную уверенность в том, что здесь не обойтись без *дуа* (заклинаний).

Случайно присутствуя при пограничном урегулировании, я познакомился с некоторыми из высших бухарских чиновников: с двумя посланцами, доставившими подписанный эмиром мирный договор в главную квартиру в Самарканд, и с тремя беками.

Что касается посольства эмира, то оно состояло из трех лиц: Муса-бая, *мирахора* эмира, одного представителя духовенства (*ишана*) и одного чиновника, ведавшего финансами. Муса-бай был изворотливым стариком, ловким льстецом, который вел сладкие речи и раздавал самые щедрые обещания. Мы с ним стали закадычными друзьями, так что уже при второй встрече он преподнес мне одно персидское историческое сочинение, которое хотел, однако, подержать у себя еще несколько дней. Я подарил ему взамен прекрасный Коран. Но он уехал, так и не отдав мне книгу, подаренную им столь любезно. Он много разговаривал, но большей частью это была пустая болтовня. Второй посланец, высокое духовное лицо, по происхождению туркмен, произвел более благоприятное впечатление. Он был серьезен, строг и прямодушен и держал себя с большим достоинством. Во время наших встреч он много рассказывал мне о туркменах. Однако в основном мы беседовали об исламе. Он старался убедить меня в превосходстве этой религии и даже хотел склонить к принятию ислама. Порой наши споры становились ожесточенными, и я должен признать, что он вел их весьма искусно. От третьего посланца я так и не услышал ни слова, он был просто статистом. Посланцы были одеты в прекрасные шелковые халаты, нисколько не отличавшиеся своим покроем от обычной одежды. Чепраки их коней были расшиты золотом. Оба светских посланца были опоясаны саблями, а у духовного лица был лишь подобающий его сану посох. Когда этот сановник садился на коня, он отдавал свой посох слуге, который нес его за хозяином.

Три бека, с которыми я познакомился во время пограничного урегулирования,— это Рахмет-бий, бек Зиаддина, Бахадур-бий, бек Катырчы, и Абдулгафар, бек Нураты. Рахмет-бий, тот самый, о котором Вамбери упоминает как о правителе крепости Бухары, был по происхождению таджиком. Он прибыл сперва в Каттыкурган, чтобы оттуда отправиться в Самарканд и возглавить там работы по устройству плотины на Зеравшане, которая нужна в основном Зиаддинскому бекству. Однако здесь он получил предписание эмира, повелевавшего ему принять участие в пограничном урегулировании. Держал он себя просто, хотя и с достоинством, и в короткое время превосходно усвоил формы обхождения с европейцами. Он старался с помощью любезного обращения везде добиться преимуществ. Я быстро познакомился с ним, но он искусно уклонялся от всех расспросов о Бухаре. Рахмет-

бий проявил себя как очень ловкий и дельный человек и отлично понял современное положение Бухары. Поэтому при нем дело пошло хорошо. Местные жители относились к нему с глубоким уважением, и он как бек умело управлял народом, что ему отнюдь не мешало возить за собой двух бачей. Говорят, что эмир очень его ценит.

Полной противоположностью ловкому, вкрадчивому Рахмет-бию оказался бек Катырчы Бахадур-бий. Он был замкнутым и бестолковым и, по-видимому, обладал самыми ничтожными способностями. Приближенные вели себя с ним грубо и нагло, и, когда он беседовал со мной и переводчиком, один из его спутников не раз замечал ему, что при его сане и положении не подобает так много говорить.

Когда мы прибыли в Катырчы и письмом пригласили его в наш лагерь, он отговорился тем, что не имеет никаких указаний от эмира. Он сказал, что передаст свою печать своему родственнику и назначит в помощники ему нескольких аксакалов, которые смогут вместе с нами проводить разграничение. Разумеется, это было отклонено, и ему было повторно предложено прибыть лично. Тогда он наконец сдался и в качестве места встречи назвал Тасмачы. Не осмеливаясь покинуть свое бекство, он отказался приехать даже в Кимедыс, а прислал подарки, которые при таких обстоятельствах не были приняты. Мы встретились в Тасмачы. Он принял нас на веранде очень красивого дома в присутствии окружавшей его свиты человек в сто. Рядом с ним сидели его *ясаулбаши* и несколько мулл. Говорил он очень мало, вместо него вели переговоры ясаулбаши и один мулла. Они первым делом разъяснили нам, что этот бек — совершенно иной человек, нежели Рахмет-бий. Он узбек княжеского рода, родственного эмиру, в то время как Рахмет-бий таджик и выходец из низов. В этот же день он нанес нам визит. Назавтра начиналось пограничное урегулирование, и мы были поражены, когда на следующее утро увидели, что нас с нашей небольшой кучкой людей окружают от 800 до 1000 всадников, составлявших эскорт бека. Около 200 из них были с ружьями. Вокруг бека находилось 10 ясаулов, вооруженных палками. Он старался не ехать вместе с нами, останавливался у каждой деревни и дважды сослался на болезнь, чтобы иметь повод отъехать от нас. Впоследствии мы узнали, что он с трепетом принял наше приглашение и, быстро собрав по окрестным деревням свой эскорт, строго-настрого приказал ему постоянно находиться при его особе и защищать от возможного нападения. Когда по окончании работ я передал ему на подпись протокол, он взял его, приложил, даже не взглянув на него, свою печать и вернул мне. Я попросил бека все-таки прочитать этот документ, и лишь тогда он передал его своему мулле, который громко прочел протокол вслух.

Третий пограничный комиссар, Абдулгафар, также сначала хотел послать вместо себя сына, но потом все-таки приехал в Акчап сам. Он произвел на меня наиболее благоприятное впечатление: не был ни раболепно угодлив, как Рахмет-бий, ни беспомощен, как Бахадур-бий. Он проявил знание дела и был весьма энергичен. Его не сопровождала свита, и впереди него не скакали ясаулы, вооруженные палками. Насколько мне удалось заметить, население относилось к нему с величайшим уважением.

Для того чтобы вести переговоры с послами-азиатами, требуется большое искусство. Они всегда готовы к уловкам и увертками и стараются унизить в глазах окружающих представителей противоположной стороны. Так поступил Рахмет-бий с одним офицером, который был послан ему навстречу в Каттыкурган, чтобы приветствовать его. Увидев этого офицера, он сделал вид, будто слезает с лошади, но одну ногу оставил в стремени. Когда же офицер, не заметив это, слез с лошади и отдал ее казаку, Рахмет-бий быстро вскочил снова в седло. Затем, сидя на лошади, он подал руку спешившемуся офицеру и гордо поскакал дальше, нимало о нем не заботясь.

Обратимся теперь к внутреннему административному устройству. Назначенный эмиром бек является заместителем самого эмира во всех делах бекства. Однако основная его задача — сбор налогов и пересылка их эмиру. Он получает такое же ничтожное жалованье, как его низшие чиновники, и вынужден содержать подчиненных, вплоть до своих солдат, за счет местных ресурсов. Для этой цели в его распоряжение отдается часть налогов. Ближайшие помощники бека — его родственники, которых он облекает полномочиями и от своего имени рассылает во все уголки области. Он выбирает именно своих родственников, так как надеется, что они не станут злоупотреблять его доверием. Им оказывают те же почести, что и самому беку. Кроме того, бек окружает себя ясаулами, число которых зависит всецело от него самого. Во главе их стоит ясаулбаши. Эти ясаулы большей частью его приближенные, они же — его шпионы, а нередко им поручают и некоторые дела в округах.

Каждое бекство, в свою очередь, поделено на небольшие округа, во главе которых стоят аксакалы. Наиболее влиятелен аксакал резиденции бека, который одновременно имеет титул амина. Аксакалы должны в своем округе проводить в жизнь приказы бека. Однако главная их задача состоит в том, чтобы собирать для бека налоги. Для этого у них имеются сборщики налогов. Аксакал есть также в каждом селении. На базаре и для надзора за арыками тоже назначают аксакалов. Содержат всех этих чиновников также за счет местных средств. Перед своим начальством они несут ответственность главным образом за порядок в своих округах. Очевидно, никаких специальных уставов и ин-

струкций, регламентирующих административную деятельность, здесь не существует, и каждый чиновник, выполняя то, что от него требуется, вынужден действовать по собственному усмотрению.

Наряду со светскими властями существуют духовные. Кажется, здесь царит еще бóльшая путаница. Духовные власти — это каста ученых, которые группируются вокруг бека в его резиденции и которые разбросаны по всей территории бекства. Внешне они как будто не связаны друг с другом, на самом деле опутывают все бекства крепкой сетью. Единственные чиновники из числа духовенства — это назначенные в разные пункты *кази*, т. е. судьи. Я так и не смог выяснить, кем они назначаются; видимо, это делают муллы совместно с беком. Судья улаживает частные споры и судит за уголовные преступления. Так как законы (шариат) написаны по-арабски и во многих отношениях не соответствуют местным условиям, а кроме того, здешние юристы не дали отдельным положениям шариата какого-либо определенного толкования, то возможности у кази при вынесении приговора самые широкие, ибо он является одновременно и переводчиком и толкователем закона. В своих решениях он исходит главным образом из умственных способностей тяжущихся и из степени их влияния на население. Я не могу сказать, как судят за уголовные преступления. Кажется, в этих случаях кази призывает на помощь аксакала и других уважаемых людей. Я не знаю также, насколько широки полномочия кази. Возможно, в серьезных случаях кази должен действовать совместно с беком. Бек имеет право утверждать смертный приговор, но при этом должен испросить согласия окружающего его духовенства. С другой стороны, однако, я слыхал, что в небольших округах выносят смертные приговоры и без участия бека. Во время мятежей бек действует по собственному усмотрению и вешает столько людей, сколько ему вздумается. Говорят, что прежде часто происходили страшные сцены такого рода, так как престиж бека измерялся числом повешенных. Жители Зеравшанской долины так привыкли к повешению, что оно не производит на них ни малейшего впечатления и они называют его *тамаша* (зрелище).

Каста духовенства строжайше следит также за правоверностью населения, и те, кто уклоняется от выполнения религиозных предписаний, предстают перед духовным судом, который образован из представителей того же духовенства. Такие случаи совершенно вне компетенции бека, и он приносит эту жертву фанатизму, который необходим ему для других целей. Однако, по-видимому, в некоторых случаях и эмир, и даже беки противятся муллам, и те получают по заслугам. Так, в прошлом году Музаффар-эддин приказал повесить в Самарканде многих ученых, которые настраивали против него народ.

В настоящее время, по крайней мере когда я был в Средней Азии, все ханство охвачено смутой. Эмир заключил мирный договор, но вопреки воле фанатичного духовенства. В конце концов он рассорился с ним. Было бы еще лучше, если бы он сделал это в начале кампании этого года, так как тогда были бы предложены наиболее приемлемые для него условия. Тогда ученые переманили на свою сторону его сына и заключили союз с главой киргизов Сыдыком и некоторыми беками, поддерживавшими фанатиков. На помощь им поспешил старый враг эмира, бек Шехрисебза, и, таким образом, можно считать, что войска эмира были не больше войск инсургентов. Однако, как показывают последние газетные сообщения, русские поддержали авторитет эмира: зайдя с флангов, они вынудили бека Шехрисебза отойти от мятежников, изгнали самих повстанцев из Карши и вернули этот город эмиру. Надолго ли хватит у эмира смелости, пользуясь поддержкой неверных, противостоять своим ученым, покажет будущее. Во всяком случае, жребий его незавиден, точно так же как и участь кокандского хана, который ежеминутно подвергается величайшей опасности. Однако Худаяр-хан совсем не такой человек, как Музаффар-эддин. Худаяр уже давно знает русских, сам жил среди них и прекрасно понимает, чего бы он мог добиться, выступив против них, и каково соотношение сил. Я вовсе не хочу сказать, что русским в Средней Азии грозит какая-либо опасность; этого нет и в помине. Однако дружественные отношения с соседними непокорепными ханствами — это лишь мечта. <...>

В заключение скажу несколько слов о податях, которые должно было платить правительству население Зеравшанской долины. Эти подати были трех видов: 1) харадж, 2) танап, 3) зекет. Харадж — налог с урожая, который земледелец вносил в зависимости от размеров урожая. Я получил самые различные сведения о величине этой подати — от $^1/_8$ до $^1/_5$ урожая. Харадж взимался с пшеницы, ячменя и риса. Танап — налог с садоводства, с фруктов, овощей, лугов, хлопка. Его вносили деньгами в зависимости от площади посадок. Тутовые деревья облагались особым налогом. Наконец, зекет — подать, которая взималась с товаров, доставлявшихся караванами, со всего того, что продавалось на базаре (фруктов, скота и т. д.), и, наконец, с мастерских ремесленников и с харчевен. Я не в состоянии дать точные сведения об этом последнем налоге, так как по понятным причинам рассказы местных жителей очень противоречивы. Все налоги очень тяжелые и взимаются несправедливо, так как облагается не имущество, а рабочая сила. Будем надеяться, что благодаря наблюдениям чиновников, назначенных в недавно занятые районы, мы скоро получим более подробные данные об экономических условиях новых владений [31].

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая

[1] Первая глава книги В. Радлова «Aus Sibirien» (далее: AS) носит название «Geographische und statistische Uebersicht von Westsibirien und den südlichen Grenzländern» («Географический и статистический обзор Западной Сибири и южных пограничных земель») (AS, I, с. 1–31*). Она содержит обширную географическую и статистическую характеристику Западной Сибири и сопредельных территорий, включая вместе с тем небольшой раздел с информацией о научных поездках автора, совершаемых им из Барнаула в 1860–1870 гг. (AS, I, с. 10–14). Сохранив в переводе лишь этот раздел главы, мы сочли возможным опустить ее остальную часть, которая включает главным образом сведения, почерпнутые Радловым из опубликованной на русском языке работы П. П. Семенова «Западная Сибирь в ее современном экономическом состоянии» (см.: Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, экономическом, племенном и бытовом значении. Т. 11. СПб.– М., 1884) и предназначенные автором прежде всего для немецких читателей книги. Главе предпослан краткий перечень ее содержания, также опущенный в переводе.

[2] Телеуты – тюркоязычная южноалтайская этническая общность, консолидирующаяся с рядом других этнических групп в алтайскую народность. В состав России телеуты входили постепенно, начиная с XVII в. В XIX – начале XX в. они включали четыре этнографические группы: бачатскую, томскую, чумышскую, алтайскую. В настоящее время телеуты проживают в нескольких районах Алтайского края (Шебалинский, Заринский, Кытмановский), а также в Кемеровской обл. (Беловский р-н, по р. Большой и Малый Бачат). Потомки томских телеутов – калмаки в настоящее время слились с чатами и еуштинцами, образовав этнотерриториальную группу томских татар (см.: *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; *Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1980; *Батьянова Е. П.* Этнографические группы телеутов в XIX в. Депонирована в ИНИОН в 1978 г., № 4188; *Томилов Н. А.* Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978).

[3] Имеется в виду территория Тувы, которая во время поездки В. В. Радлова находилась в подчинении Китая.

[4] Киргизами в этом труде Радлов именует главным образом казахов, хотя и указывает, что их правильное название и самоназвание *казак* (AS, I, с. 192–193), но иногда он использует и последнее название (AS, I, с. 527–529). Такое ошибочное название казахов получило в дореволю-

* Здесь и далее при ссылках на «Aus Sibirien» том и страницы указаны по немецкому изданию: Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten. Von Dr. Wilhelm Radloff. Erster Band mit farbigem Titelbilde und 15 Illustrationstafeln. Lpz., 1893 [т. 1]; anderer Band mit einer Karte und 16 Illustrationstafeln. Lpz., 1893 [т. 2].

ционной литературе широкое распространение. Их именовали также казак-киргизами, киргиз-кайсаками, киргиз-казаками, но отнюдь не из-за отсутствия самоназвания народа – казах (казак), которое существовало по крайней мере с XV в., а в русских документах применялось уже в XVI—XVIII вв., что отметил еще в начале XIX в. А. Левшин в своей статье «Об имени киргиз-казачьего народа...». Он писал, что «киргиз-кайсакам дают чужое имя, которым ни сами они себя, ни соседи, исключая россиян, не называют... Киргиз есть название народа совсем другого... Название казак... принадлежит киргиз-кайсакским ордам с начала их существования, они себя иначе не называют. Под этим же именем известны они персианам, бухарцам, хивинцам и прочим народам Азии» (*Левшин А.* Об имени киргиз-казачьего народа и отличии его от подлинных или диких киргизов.– Московский вестник. 1827, ч. 4, № 14, с. 432–433). Замена самоназвания народа другим названием, как полагают исследователи вопроса, произошла в результате стремления отличать в официальных документах этот народ от русского казачества соседних районов Сибири. Ошибочное название казахов дожило до Октябрьской революции и национального размежевания Средней Азии. На V съезде Советов Казахстана в 1925 г. национальная автономия казахов, носившая название Киргизской АССР, была переименована в Казакскую АССР. Таким образом было официально восстановлено правильное наименование казахов. В 1936 г. Казакская АССР преобразована в Казахскую Советскую Социалистическую Республику (Казак Советтик Социалистик Республикасы).

[5] Речь идет об одной из этнотерриториальных групп сибирских татар – барабинцах (барабинских татарах) (см. также примеч. 155 к гл. III).

[6] Солоны – тунгусоязычная субэтническая группа в составе эвенков. По устному сообщению финского ученого проф. Юха Янхунена, посетившего солонов Китая в 1986 г., они живут двумя группами в Северном Китае. Одна группа – у г. Хайлар во Внутренней Монголии (пров. Хулун-Буйр), другая – у г. Цицикар (пров. Хэйлунцзян). Испытали сильное влияние маньчжуров и монголов, особенно дауров, и частично ими ассимилированы. Основное занятие – земледелие, животноводство и охота. Они до сих пор в Эвенкийском автономном знамени (пров. Хулун-Буйр) сохраняют свою этническую самобытность и язык в многонациональном окружении китайцев, монголов и бурят. В начале XX в., по данным посетившего солонов Г. Рамстедта, они насчитывали всего около ста человек. Были известны в китайских источниках с XIII в. как обитатели Северной Маньчжурии. Часть солонов была переселена маньчжурами в XVIII – начале XIX в. в Семиречье в качестве военной силы и военных поселенцев, обязанных пахать землю и охранять границу.

Глава вторая

[1] Речь идет об алтайце (см. примеч. 3).

[2] Термин *зайсан* происходит от наименования китайского титула *цзяй-сян*. Этот термин был широко распространен у монголов в период Юаньской династии и позднее, обозначая правителей отоков или улусов. На Алтай данный титул проник от монголов, когда алтайцы находились под властью ойратов. Он обозначал здесь представителей своеобразной родовой и наследственной аристократии. Зайсаны управляли местными административными единицами – дючинами, включавшими группы родов коренного населения. Власть зайсанов была наследственной, но со временем, после реформы 1822 г., согласно Уставу об инородцах в Сибири их начали выбирать лишь на определенный срок. Выборы проходили с ведома и под контролем русской администрации, которая в отдельных случаях не ут-

верждала их результаты. На выбор зайсанов оказывали влияние также миссионеры, стремившиеся выдвинуть наиболее угодных им лиц.

[3] Калмыками здесь названы алтайцы. В русских документах и свидетельствах путешественников алтайцев именовали алтайскими калмыками, алтайскими татарами, горными, порубежными или белыми калмыками. Последнее название особенно часто употреблялось в отношении телеутов. Название «калмыки» в отношении алтайцев вызвано тем, что они длительное время находились в контактах с ойратами, а с XVIII в. большая их часть входила в состав Джунгарского ханства, образованного ойратами. Ойраты – западная часть монгольских племен – были известны в русской литературе как «черные калмыки» в отличие от телеутов – «белых калмыков». Та часть ойратов, которая переселилась на Волгу, получила название астраханских, или волжских, калмыков. Первоначальное название Горно-Алтайской авт. обл. как Ойротской авт. обл. (с 01.06.1922 по 07.01.1948 г.) было недостаточно правомерно (см.: *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.–Л., 1953; *Уманский А. П.* Телеуты и русские. Об этимологии термина *калмык* см.: *Дарбакова В. П.* К этимологии этнонима калмык.– Этнонимы. М., 1970).

[4] У телеутов до христианизации господствовал шаманизм. Крещение телеутов, начавшееся еще в XVII в., проводилось особенно активно после организации Алтайской духовной миссии в 1828–1830 гг.

[5] Конские шкуры, наброшенные на длинные жерди, которые Радлов видел на жертвенных местах алтайцев,– один из элементов обряда *тайылган*, совершавшегося в честь горных духов. Этот обряд в сходных формах был известен всем народам Саяно-Алтая, а также бурятам и монголам и, по-видимому, восходит к достаточно древней тюрко-монгольской традиции (см.: *Глухов А. Н.* Тайэлга.– Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 1. Л., 1926; *Потапов Л. П.* Алтае-Саянские этнографические параллели к древнетюркскому обряду жертвоприношения домашних животных и их историческое значение.– УЗГАНИИЯЛИ. 1974, вып. 2, с. 51–62; *Дашиева Н. Б.* Бурятские тайлганы.– ПИИЭ-82. 1983; *Вайнштейн С. И., Денисова Н. П.* Историко-этнографические исследования в Туве в 1975 г.– ПИИЭ-75. 1977).

[6] Сарлык – местное название одомашненных яков, которых разводит население ряда районов Саяно-Алтая (см.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972, с. 42–44).

[7] Речь идет о тувинских названиях рек у алтайцев (см.: *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. Об этнониме *сойон* см. примеч. 7 к гл. III).

[8] Амурсана – представитель правящей джунгарской аристократии, возглавивший в середине XVIII в. восстание джунгар против маньчжурских завоевателей (см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Л., 1926, с. 677–680; *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. М., 1964; *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии. Новосибирск, 1983, с. 20–25, 70–72).

[9] Пом (алт. *боом, поом*) – в Горном Алтае обычно обозначает узкое место между горой и рекой, где пролегает дорога, а также скалистый обрыв, крутой обрывистый берег. В географической литературе под бомами понимают высокие утесы в виде мыса, вдающиеся в реку и сильно затрудняющие путь по берегу. Монг. *бом* – «крутой и высокий мыс, вдающийся в сторону скала на берегу реки» (*Казакевич В. А.* Современная монгольская топонимика. Л., 1934, с. 16); тув. *боом* – обрыв горного хребта над рекой; якутск. *буом* (1) препятствие, преграда, трудный переход, ущелье. Апеллятив известен на Алтае повсеместно, широко представлен в именах гор и населенных пунктов области (см.: *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая, с. 29–30).

[10] Обычно двоеданцами в дореволюционной литературе именовали теленгитов бассейна р. Чуи (которых нередко называли «чуйцы», *чу-кижи*, т. е. человек с р. Чуи), а также тёлёсов Улаганского нагорья, так как после включения в состав России они были обложены ясаком, но одновременно платили алман Китаю и таким образом стали двоеданцами (см. также примеч. 65 к гл. III).

[11] В современной литературе предложены и иные гипотезы происхождения названия «Алтай» (см., например: *Конкашпаев Г. К.* Название «Алтай».– Географические науки. А.-А., 1974).

[12] О взаимоотношениях телеутов и России см.: *Уманский А. П.* Телеуты и русские.

[13] Кузнецкие, реже кондомские или мрасские, татары – устаревшие собирательные названия ряда тюркоязычных родо-племенных групп, главным образом предков современных шорцев, населявших Кузнецкий уезд в бассейне верхнего течения р. Томи и двух ее притоков, Мрассу и Кондомы. В 1618 г. русскими служилыми людьми был построен Кузнецкий острог на р. Томи напротив устья р. Кондомы. С 1622 г. Кузнецк уже считался городом (образование Кузнецкого уезда относится к 1618–1622 гг.). Кузнецк получил название в связи с занятием местных жителей кузнечным промыслом вопреки мнению, что свое русское название они имели по названию города, рядом с которым жили. Известный историк Сибири Г. Ф. Миллер еще в начале XVIII в. писал, что русские стали называть местное население кузнецами «потому, что в этой местности находится много железной руды, из которой татары плавили железо и делали из него всякую железную посуду и охотничьи принадлежности» (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.–Л., 1937, с. 318; см. также: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1969, с. 104–118; примеч. 58 к гл. III).

[14] О них см. примеч. 45 к гл. III.

[15] О кумандинцах см. примеч. 46 к гл. III.

[16] Термин *чала-казак* (букв.: полуказах, не вполне казах) известен у казахов и их тюркоязычных соседей. Им называют как отдельных людей, родившихся в смешанных браках казашек и не-казахов (главным образом узбеков и татар), так и метисированные группы казахов в самом Казахстане и за его пределами. Например, у киргизов Средней Азии чала-казаками называют смешанную с казахами группу киргизов, живущую в западной части г. Фрунзе и некоторых населенных пунктах Таласской долины. Чала-казаками называли также селившихся среди казахов выходцев из Средней Азии не-казахов (см.: *Валиханов Ч. Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль.– *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. А.-А., 1961, с. 229; *Кармышева Дж. Х.* Казахстанский историк-краевед и этнограф Курбангали Халиди.– СЭ. 1971, № 1, с. 107).

[17] После основания в 1847 г. Копальского укрепления вблизи Семиреченского Алатау весь Семиреченский край до р. Или был включен в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1853 г. начинается освоение русскими Заилийского края, и вскоре (1854 г.) было заложено укрепление Верное на р. Алматы. В результате весь Заилийский край вошел в состав России. Процесс присоединения Семиречья к России прошел мирным путем. Заключенный с Китаем в 1860 г. Пекинский договор определил общее направление границы России с Западным Китаем, но казахские и киргизские земли подлежали еще конкретному размежеванию между Китаем и Россией (см.: *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах, с. 116–117). Граница России и Китая между китайским Восточным Туркестаном, с одной стороны, и Семиречьем и Ферганой – с другой, была установлена договором 1881 г.

[18] Кара-киргизами Радлов именует киргизов Средней Азии. Это их название имело широкое распространение в дореволюционной литературе

наряду с другими (дикокаменные киргизы, черные киргизы, буруты), хотя самоназвание народа «киргиз» было известно еще в древности. Такие неверные названия в отношении киргизов использовались в литературе, чтобы отличить этот народ от казахов, которых, как уже отмечалось выше (см. примеч. 4 к гл. I), ошибочно именовали киргизами.

[19] Черные киргизы – перевод названия *кара-киргизы* (*кара* – черный), одно из устаревших названий киргизов (см. примеч. 18).

Глава третья

[1] Третья глава книги Радлова «Aus Sibirien», названная им «Die Bevölkerung Südsibiriens und der Dsungarei» («Население Южной Сибири и Джунгарии») (AS, I, с. 122–248), состоит, по существу, из двух самостоятельных частей – исторической и этнографической. Первая из них, сравнительно большая по объему (AS, I, с. 122–204), посвящена истории народов Южной Сибири и Центральной Азии. Основанная главным образом на опубликованных ко второй половине XIX в. письменных источниках, она включает, в частности, извлечения из переведенных на европейские языки китайских хроник, а также русских источников XVI–XVII вв. Здесь содержатся сведения о хунну, усунях, тукюе, дубо, енисейских кыргызах, о государстве алтын-ханов в Северной Монголии, о Джунгарии, о хане Кучуме, Ермаке, истории казахов и некоторые другие. Хотя приведенные данные и имеют важное значение для познания прошлого изучаемых народов, но за столетие, прошедшее после издания книги, круг источников по истории народов этого региона был существенно расширен и они подверглись более углубленному исследованию. Так как их сводка в данной главе представляет историографический интерес главным образом для узкого круга специалистов, было решено не включать эту часть в предлагаемый перевод, отсылая читателя как к «Aus Sibirien», так и к более новым изданиям источников и их интерпретации [см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2 (Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии). Л., 1926; История Сибири. Т. 1–2. Л., 1968; *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. Вып. 1. М., 1968; вып. 2. М., 1973; *Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (*T'u-küe*). Bd. 1–2. Wiesbaden, 1958; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964; *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Т. 1. М.–Л., 1941; История Узбекистана в источниках. Таш., 1984; История Казахской ССР. Т. 1–3. А.-А., 1977–1979; История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе, 1968; Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 и мн. др.]. Вторая часть этой главы, посвященная этнографическому обзору тюркских племен Сибири, Северо-Западной Монголии и Средней Азии (AS, I, с. 207–248), сохранена полностью. Следует отметить, что она в значительной мере основывается на ранее опубликованной на немецком языке работе Радлова «Ethnographische Übersicht der Türkstämme Sibiriens und der Mongolei» («Этнографический обзор тюркских племен Сибири и Монголии», отд. отт. из: Phonetik der nördlichen Türksprachen. Lpz., 1883). Вместе с тем опубликованная Радловым в «Aus Sibirien» этнографическая часть третьей главы имеет определенные отличия и уточнения по сравнению с указанной публикацией (см. статью «В. В. Радлов и его труд „Из Сибири“» в «Приложении» к этой книге).

[2] Карагасы – устаревшее название тофаларов, употреблявшееся до первых лет советской власти. Самоназвание народа *тофа* (*тыфа, тыпа*). Они наиболее близки родственной им этнотерриториальной группе тувин-

цев-оленеводов (тувинцев-тоджинцев). Ныне тофалары – одна из самых малочисленных народностей нашей страны, насчитывающая в местах своего расселения 476 человек (по переписи 1979 г.). Проживают в селах Алыгджер, Верхняя Гутара, Нерха Нижнеудинского р-на Иркутской обл. (см.: *Петри Б. Э.* Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927; *Сергеев М. А.* Тофалары.– Народы Сибири. М., 1956; *Вайнштейн С. И.* Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов.– СЭ. 1968, № 3; Социально-экономические изменения в жизни тофаларов. Иркутск, 1980; *Кривоногов В. П.* К современной этнической ситуации в Тофаларии.– СЭ. 1987, № 5. О языке тофаларов см.: *Дыренкова Н. П.* Тофаларский язык.– Тюркологические исследования. М.–Л., 1963; *Рассадин В. И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971).

[3] Сведения взяты Радловым из «Вестника Русского географического общества» (кн. 6. СПб., 1854, с. 229).

[4] Камасинцы – небольшая самодийскоязычная народность, населявшая ко времени прихода русских в Сибирь верхнее течение р. Кан и ее притоки. В этногенезе камасинцев главную роль сыграли древние аборигенные самодийские племена. В середине XVII в. камасинцы насчитывали около 500 человек. Камасинская землица, основанная русской администрацией в XVII в., по данным Б. О. Долгих, включала шесть улусов: Татарсанг, Бугасанг, Ургупэсанг, Силисанг, Нигисанг, Байгасанг. По своему хозяйственно-культурному типу камасинцы в конце XVIII – начале XIX в. делились на степных, занимавшихся скотоводством, охотой и, вероятно, в небольшой мере земледелием, и лесных – охотников-оленеводов. Название народа *кангмашесанг* (по К. Доннеру) – территориальное, означающее обитателей верхнего Кана. Лесные камасинцы называли степных *ну* (мн. ч. *нусанг*). В ходе своей этнической истории камасинцы смешивались со своими соседями, причем степные – главным образом с тюркоязычными качинцами, одной из этнических групп предков хакасов, входивших в Угумаковский улус Кашинской землицы, а лесные – с кетоязычными коттами, а также тофаларами, причем те и другие – также с русским крестьянским населением: но еще в начале XX в. оставалось несколько камасинцев, помнивших свой родной самодийский язык (см.: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав, с. 237–241; *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 122–127; *Николаев Р. В.* У последних камасинцев.– УЗХНИИЯЛИ. 1969, вып. 13; *Вайнштейн С. И.* К реконструкции хозяйственно-культурных типов у южносамодийских народов Саян в XVII—XVIII вв.– Проблемы типологии в этнографии. М., 1979, с. 158–165).

[5] Матиас Александр (Матвей Александр) Кастрен (1813–1852) – финский ученый и путешественник, один из крупнейших исследователей народов Севера России и Сибири, выдающийся лингвист, описавший 20 языков и диалектов и составивший их обширные словари. В работах Кастрена, основанных на материалах его путешествий 40-х годов XIX в. по Сибири, содержатся, в частности, ценнейшие сведения о тофаларах, включая словарь их языка. Однако лишь немногие материалы, собранные Кастреном, увидели свет в его прижизненных публикациях. Полностью их обработал и опубликовал в 12 томах на немецком языке академик Петербургской Академии наук А. Шифнер (см.: *Castrén M. A.* Nördische Reisen und Forschungen. СПб., 1853–1858, 1862. О тофаларах см.: *Castrén M. A.* Reiseberichten und Briefe aus den Jahren 1845–1849. St.-Pbg., 1856, с. 383, 388–392. Об истории изучения тофаларов см.: *Рассадин В. И.* Этнографическое и лингвистическое изучение тофаларов.– ТС-75. 1978).

[6] Термин «род», употребляемый Радловым здесь и далее для характеристики родо-племенной структуры саяно-алтайских народов, основывается на представлении, что известные у этих народов экзогамные патрилинейные подразделения «сеок» (*сёёк* – «кость») могут рассматриваться

как роды. Такое отождествление сеоков с родами разделяется большинством исследователей этих народов.

В литературе были приняты следующие названия тофаларских родов: *хаш* (точнее, *хааш*), *сарыг-хаш* (*сары-хааш*), *чогды, кара-чогды, чептей.* Проведенные мною исследования позволили прийти к выводу, что еще во второй половине XIX в. у них были следующие родовые подразделения: ирге-хаш (ирге-хааш), кара-хаш (кара-хааш), сарыг-хаш (сары-хааш), тенек-хаш (тенек-хааш), кара-йогду (кара-йогды), чогду (чогды), чептей. В этногенезе тофаларов основным субстратным компонентом были самодийские родо-племенные группы, полностью тюркизированные к началу XIX в. [По вопросу о тофаларских родах, их названиях, расселении и происхождении народа см.: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири, с. 254–257; *Вайнштейн С. И.* Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов (до начала XX в.).– СЭ. 1968, № 3; *он же.* Происхождение саянских оленеводов (проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов).– Этногенез народов Севера. М., 1980; *он же.* Социальная организация саянских оленеводов-охотников (тофалары).– Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с. 300–312. См. также примеч. 2, 9, 10].

[7] **Сойонами, сойотами, урянхами, урянхайцами** в дореволюционной литературе именовали тувинцев (самоназвание *тыва*; фонетические варианты: *туба, тува*). Названия «сойоны», «сойоты» связано с этнонимом древнего племени соян, вошедшего в состав тувинцев. Радлов впервые установил, что тувинцы называют себя *туба* (*тыва*), во время посещения им небольшой группы тувинцев, живших у берегов оз. Кара-Холь, о чем речь пойдет ниже (гл. VIII), но тем не менее в своей книге «Aus Sibirien» и других трудах использовал главным образом установившееся тогда в отношении тувинцев название «сойоны» (об этнониме *тыва, тува* см.: *Вайнштейн С. И.* Этноним тува.– Этнонимы. М., 1970, с. 218–222; *он же.* Очерк этногенеза тувинцев.– УЗТНИИЯЛИ. 1957, вып. 5; *он же.* Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961, с. 20–36. *Маннай-оол М. Х.* К образованию этнонима «тыва кижи».– По пути Великого Октября. Кызыл, 1981; *Татаринцев Б. И.* О происхождении этнонима «соян» и его носителей.– Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984. См. также примеч. 19).

[8] Качинцы – тюркоязычная этническая группа, населявшая до начала XVIII в. районы вблизи Красноярска. После ухода основной массы енисейских кыргызов из Минусинской котловины переселилась туда в 1720 г., сыграв впоследствии важную роль в этногенезе хакасов (см.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М.– Л., 1941, с. 331–333; *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав, с. 229–232; *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование, с. 175–197).

[9] Речь идет о влиянии тюркоязычных уйгуров на самодийские субэтнические группы в составе тофаларов. Древние уйгуры, создавшие в Центральной Азии каганат (VIII–IX вв.), включали в свои владения также и значительную часть Тувы, на ее территории сохранились их археологические памятники: крепость Пор-Бажин в юго-восточной части Тувы, на оз. Тере-Холь, которую воздвиг хан Боян-Чор; ряд городищ в *штейн С. И.* Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве.– УЗТНИИЯЛИ. 1959, вып. 7; *он же.* Древний Пор-Бажин.– СЭ. 1964, № 6; История Сибири. Т. 1, с. 284–291; ср.: *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува. М., 1979, а также обстоятельную рецензию на эту книгу Ю. А. Заднепровского и Д. Г. Савинова в СЭ. 1982, с. 147–151).

В результате военного поражения, которое потерпели уйгуры в борьбе с енисейскими кыргызами в середине IX в., основная их масса переселилась на юго-запад, главным образом в Гаочан, Ганьчжоу и Сучжоу, и соз-

дала здесь позднее несколько государств. Однако часть уйгуров, входивших в конфедерацию теле, осталась в Туве. Смешавшись с местными племенами, они передали им некоторые свои культурные достижения. Есть основания полагать, что древнеуйгурские племена проникли и в таежные районы Восточного Саяна, оказав влияние на тюркизацию аборигенных племен, в том числе предков тувинцев-тоджинцев и тофаларов, на что первым справедливо указал Радлов (см.: *Вайнштейн С. И.* Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. докт. дис. М., 1969, с. 10–11; *он же.* Происхождение саянских оленеводов, с. 68–88). Вероятно, и этоним тувинцев и тофаларов (*тыва, тофа*) восходит к древнеуйгурскому этносу (см. также примеч. 20).

[10] По своему происхождению, хозяйству, материальной и духовной культуре тофалары, как уже отмечено выше (см. примеч. 2), наиболее близки к тувинцам-оленеводам (тоджинцам) (см.: *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы).

[11] Абакапские (минусинские) татары – устаревшее собирательное название разноэтничного населения Минусинской котловины, формировавшегося в один народ, который в советское время получил название «хакасы». О том, как и почему абакапские татары получили в советское время название «хакасы», пишет Н. Н. Козьмин, утверждающий, что его предложила местная интеллигенция в память о государстве «хакасов», существовавшем здесь в прошлом, по данным китайских источников (см.: *Козьмин Н. Н.* Хакасы. Иркутск, 1925, с. VI). В период экспедиции Радлова коренное население Минусинской котловины последний термин в качестве самоназвания не употребляло, и вообще он не был им известен как этноним. Местное население (включая и немногочисленную в то время интеллигенцию) именовало себя татарами, добавляя к этому свою родо-племенную (этнотерриториальную) принадлежность. В качестве примера приведем выдержку из «Автобиографии» известного хакасского тюрколога, языковеда и этнографа Н. Ф. Катанова (1862–1922): «Отец мой был татарин племени Сагай, а мать татарка колена Пюрют» (Автобиография Н. Ф. Катанова.–*Иванов С. И.* Николай Федорович Катанов (1862–1922): Очерк жизни и деятельности. Изд. 2-е. М., 1973, с. 94).

Существовавшее ранее мнение, которого придерживался Радлов (оно приведено в опущенной нами исторической части этой главы: AS, I, с. 136 и сл.), что древнее название населения Минусинской котловины (см. примеч. 36) звучало как «хакас» (hakas), основано, очевидно, главным образом на транскрипции известным русским синологом Н. Я. Бичуриным этнонима «кыргыз» в китайской летописи танского времени (Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа. Ч. 1. СПб., 1851, с. 443–449). Уже после выхода книги Н. Я. Бичурина немецкий синолог В. Шотт подчеркивал, что термин «хакас» – это «искажение народного названия „кыргыз"» (*Schott W.* Uber die echten Kirgisen. B., 1864, с. 432 и сл.; см. также: *Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк.– *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963). В. В. Бартольд писал также: «...ныне живущие на Енисее тюркские народности, принявшие после Октябрьской революции наименование „хакас" (это слово по происхождению является неправильным чтением китайской транскрипции слова *кыргыз*)» (*Бартольд В. В.* Тюрки. Историко-этнографический обзор.– *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1968, с. 593). Как убедительно показал в своей работе известный советский синолог С. Е. Яхонтов, встречающееся в китайских источниках слово *хягасы*, обозначавшее енисейских кыргызов, наиболее вероятно имело исходную форму «хїг qi's, γіг qї's». Далее он приходит к выводу, что основанием для прочтения *хягасы* китайских источников как *хакас*, вероятно, послужила форма *хагас*, которой пользовался Н. Я. Бичурин. «Но в действительности она представляет лишь искусственное упрощение китайского слова...

Форма *хягасы* не может передавать звуки *хакас»* (*Яхонтов С. Е.* Древнейшие упоминания названия «киргиз».– СЭ. 1970, № 2, с. 117–118). Однако мнение о том, что этноним «хакас» был известен уже в древности, по-прежнему разделяет археолог Л. Р. Кызласов (см., например: НАА. 1968, № 4), но такое суждение в свете современных исследований ошибочно (об этом подробнее см.: *Худяков Ю. С.* Кыргызы на Енисее. Новосибирск, 1987, с. 10–36).

[12] Термин «племя» Радлов применяет к качинцам, сагайцам, койбалам и кызыльцам для обозначения этнотерриториального образования (см. примеч. 24).

[13] Официальное название Сагайской степной думы: Степная дума соединенных и разнородных племен (см. примеч. 22).

[14] Родовые названия являются важным этнографическим источником для изучения происхождения хакасов, как и других народов, но далеко не единственным. Проблемы этногенеза решаются комплексным использованием различных источников, в том числе этнографических, антропологических, лингвистических и др. Да и сам Радлов в данном труде, обращаясь к проблемам этногенеза, нередко привлекал различные виды источников, а не только родовую этнонимику.

[15] П. Кеппен (1793–1864) – один из создателей Русского географического общества, крупный специалист в области статистики и этнографии. Опубликованные им экономико-статистические и этнографические сведения представляют значительную научную ценность.

[16] К о й б а л ы – смешанная по происхождению этническая группа, вошедшая в состав хакасов (см. также примеч. 34).

[17] Речь идет об «Истории Сибири» Герхарда Фридриха Миллера (1705–1783), выдающегося ученого, члена Петербургской Академии наук (с 1731 г.). Миллер, выходец из Германии, жил в России. Совершил путешествие по Сибири в 1733–1743 гг. Первый том «Истории Сибири» был опубликован на русском языке в 1750 г. под названием «Описание Сибирского царства» и переиздан в 1787 г. как «История Сибири». Второй том был опубликован на немецком языке в 1763 г. Третий том оставался в рукописи. Новое издание двух первых томов «Истории Сибири» было осуществлено в советское время (т. 1. М.– Л., 1937; т. 2. М.– Л., 1941), а третий, заключительный, том, полностью подготовленный советскими учеными к печати в послевоенное время, и поныне остается, к сожалению, неизданным и хранится в рукописи в архиве Института этнографии АН СССР.

[18] А р и н ы, а р и н ц ы (а р а) – небольшая кетоязычная народность. Аринцы занимались кочевым скотоводством, охотой, рыболовством и, вероятно в небольших размерах, также земледелием. Населяли бассейн Среднего Енисея в районе Красноярска (Тюлькинская землица), с 1628 г.– Аринская подгородная землица Красноярского уезда. Часть аринцев жила и в бассейне р. Оби, по р. Кети. К началу XVIII в. подверглись ассимиляции. Приняли участие в формировании хакасской народности. В этническом составе хакасов еще в начале XX в. было известно родовое название *ара*. В составе алтайцев также отмечен род ара, населявший долину р. Чарыш (в Усть-Канском р-не) (см.: *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование, с. 71–83; *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав, с. 223–229).

[19] Речь идет о тувинцах – коренном населении Тувы – и тубинцах. Последние входили в Тубинский улус Койбальской землицы (долина р. Абакан), в которой в начале XVIII в., после ухода кыргызов, насчитывалось 16 улусов. Число тубинских семей в это время было очень невелико. В русских источниках 1704 г. упоминаются плативших ясак всего «остальцев тубинцев семи человек...» (см.: Памятники Сибирской истории XVIII в. Кн. 1. СПб., 1882, с. 233–236), т. е. около 35 человек, которые

были, по всей вероятности, тюркоязычны и именовались *туба*. Тувинцы же, как упоминалось выше, называли себя *тыва* (*тыва кижи*), реже *танды тывазы*, т. е. тувинцы гор Танну-Ола (см. также примеч. 7). Этим они отличали себя от тувинцев Монгольского Алтая, самоназвание которых также было *тыва*. Последние называли себя также *хомду тывазы*, т. е. кобдинские тувинцы, тувинцы реки Кобдо (тув.: Хомду) [см.: *Вайнштейн С. И., Таубэ Э.* Тувинцы Монгольского Алтая (кобдинские тувинцы).– ПИИЭ-80–81. 1984, с. 233–241].

[20] Есть основания считать, что племена туба были тюркскими по происхождению, а не самодийскими, как полагает здесь Радлов (эту точку зрения разделял и ряд позднейших исследователей). Китайские источники именовали племена туба, населявшие Саяны, *дубо* (см. примеч. 55). Племена туба (дубо) в Саянах можно рассматривать как непосредственных предков тувинцев-тоджинцев (см.: *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы, с. 20–36). Впрочем, и сам Радлов, относивший в данном труде тюркоязычных туба к самодийским по происхождению народам главным образом на том основании, что у них издавна господствовали охотничье-оленеводческие формы хозяйства, позднее пришел к выводу, что туба – одно из уйгурских племен [см.: *Радлов В.* К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика). СПб., 1893 (ЗИАН по историко-филологическому отд. 72. 1893, прил. № 2). О проблеме этнонима *туба* см.: *Вайнштейн С. И.* Происхождение саянских оленеводов, с. 83–84; *он же.* Этноним тува; *Маннай-оол М. Х.* К образованию этнонима «тыва кижи»]. Работая над проблемой этногенеза тувинцев, я пришел к выводу, что этноним *тыва* (*тува, туба*), ставший самоназванием тувинского этноса, восходит к древнеуйгурскому этнониму *туба*, носителями которого была часть уйгуров, проникших в Туву еще в VIII в. и сыгравших важную роль в этногенезе тувинцев. В этой связи я не считаю возможным придерживаться прежней моей гипотезы о роли тубинцев начала XVIII в. в этом процессе (см.: *Вайнштейн С. И.* Очерк этногенеза тувинцев, с. 211).

[21] Здесь идет речь о енисейских кыргызах, населявших Минусинскую котловину, которые были уведены джунгарами в начале XVIII в. из бассейна Среднего Енисея (см. примеч. 36).

[22] В 1822 г., в соответствии с принятым царским правительством Уставом по управлению инородцами, в Сибири была проведена реформа, предусматривавшая для населения Минусинской котловины, как и для бурят, учреждение Степного управления. Были созданы степные думы, или степные инородческие управы. Вторая степная дума, или, как ее называли в официальных бумагах, Степная дума соединенных и разнородных племен, среди местного населения именовалась Сагайской думой, так как сагайский род был здесь преобладающим.

[23] В «Aus Sibirien» (AS, I, с. 208): Irgit Etschig, т. е. как наименование одного рода *иргит-ечиг*, но здесь, вероятно, описка и речь идет о двух родах – *иргит* и *ичиг* (*ичиге*).

[24] Кочевья сагайцев в XVII в. находились в верховьях рек Томь и Июс, по соседству с территорией основных кочевий енисейских кыргызов, кыштымами (данниками) которых они были. Сагайцы вошли в состав России в середине XVII в., продолжая оставаться кыштымами енисейских кыргызов вплоть до их ухода из Минусинской котловины в начале XVIII в. О родовом составе сагайцев помимо сведений, приводимых Радловым, имеются сведения Н. Ф. Катанова: сагай, туран, сарыг, кыргыс, пюрют (*Катанов Н. Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии.– Уч. зап. Казанского ун-та. 1897, с. 62; ср.: *он же.* Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губернии.– Живая старина. 1893, т. 3. О сагайцах и их этническом составе см. также: *Потапов Л. П.* Этнический состав сагайцев.–

СЭ. 1947, № 3; *он же*. Происхождение и формирование, с. 253–278). Отмечая вслед за Радловым их сложный родо-племенной состав, Потапов возражает против отнесения сагайцев к одному племени, как это «принято считать со времени уже ранних публикаций В. В. Радлова» (*Потапов Л. П.* Происхождение и формирование, с. 254). Но следует отметить, что Радлов, называя сагайцев племенем, рассматривал здесь «племя» не как характерный для первобытного общества специфический социальный организм, связанный общностью происхождения, а как сравнительно позднюю этническую общность, сложившуюся постепенно из разных, более мелких родо-племенных групп. Радлов писал, что абаканские татары «соединились теперь в четыре больших племени (Volksstämme): качинцы, сагайцы, койбалы и кызыльцы, сложившиеся постепенно из многих более мелких племен (Stämmen)» (AS, I, с. 206). Радлов использует здесь в отношении сагайцев, качинцев, койбалов, кызыльцев термин «Volkstamm», которым он, вероятно, обозначал не столько «племя» в узком смысле слова, сколько «этническую группу» (в отличие от термина «Stamm» – племя, род). Заключение Потапова о формировании сагайской этнической общности из разных родо-племенных групп в рамках административной Степной думы не противоречит высказанному здесь мнению Радлова.

[25] О происхождении табан-бельтиров и их отношении к «табанским людям» русских документов XVII в. см.: *Вайнштейн С. И., Долгих Б. О.* К этнической истории хакасов.– СЭ. 1963, № 2, с. 93–97. О бельтирах см.: *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование, с. 234–238; *Патачаков К. М.* Родовой состав и народные предания о происхождении бельтиров.– УЗХНИИЯЛИ. 1959, вып. 7.

[26] В опущенной нами исторической части третьей главы «Aus Sibirien» имеется раздел, посвященный енисейским кыргызам (AS, I, с. 181–190). Он в основном включает сведения по их истории в XVII в., о их взаимоотношениях с русскими. Здесь же приведена легенда о выселении енисейских кыргызов (кыргысов), записанная Радловым северо-западнее Аскыза, в сагайском роде кыргыс. В ней рассказывается, что после выселения кыргысов в родных местах удалось тайно остаться лишь двум братьям – кыргысам; из иргитов – только одному человеку, из сагайцев – трем братьям, а также – одному тйода (с. 184–186).

[27] Речь идет о труде Г. Ф. Миллера «История Сибири» (см. примеч. 17), в котором сообщается, в частности, о посылке русских служилых людей в 1611 г. в Обинскую волость, где они должны были построить среди кузнецких татар, подвластных князю Базаяку, укрепление, «чтобы под его защитой спокойно и с большим успехом собирать ясак». Миллер высказывает предположение, что упомянутая Обинская волость была в действительности Абинской, «так как часть татар, живущих в Кузнецке, из которых некоторые были приняты на кузнецкую службу, сами себя называли аба, во множественном числе абалар, русские же называли их абинцами». Там же Миллер приводит сведения о том, что в 1615 г. сотник Иван Пущин и атаман Бажен Константинов «повоевали» Абинский улус. В 1622 г. Абинскую волость в Кузнецком уезде «повоевали» киргизы (енисейские кыргызы) (см.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1, с. 319, 321, 421, 435–436, 442–443; т. 2, с. 286–287). Абинцы – одно из племен предков северных шорцев, живших по р. Томи в районе г. Кузнецка, в устье р. Абы, а также в устьях и низовьях рек Кондомы и Мрас-Су. Кузнецкий острог был построен в 1618 г. в Абинской земле (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1, с. 321), и поныне в шорских и телеутских преданиях и обыденной речи г. Кузнецк именуется Аба-тура, т. е. город абинцев. И. Георги и И. Гмелин описали северных шорцев под названием абинцев. В хозяйственно-культурном отношении абинцы были в основном охотники-скотоводы (см.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири; *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав, с. 109–110; *Потапов Л. П.*

Очерки истории Шории. М.– Л., 1936, с. 13; *он же.* Шорцы.– Народы Сибири. М.– Л., 1956; см. также примеч. 58).

[28] Речь идет о енисейских кыргызах (киргизах), населявших Минусинскую котловину (см. примеч. 36).

[29] В данном случае речь идет о киргизах Средней Азии, ныне коренных жителях Киргизской ССР. Родовое название *сарыг* (мн. ч. *сарыглар*) встречается не только у названных Радловым народов, но и у тувинцев, где потомки сарыгларов ныне населяют главным образом Барун-Хемчикский р-н (в начале XX в. они насчитывали в Туве более тысячи человек). У киргизов этот этноним известен в форме *саруу*, у алтайцев – *сары*, у енисейских кыргызов *джети-сары* и *алты-сары* (см.: *Вайнштейн С. И.* Очерк этногенеза тувинцев.– УЗТНИИЯЛИ. 1957, вып. 5, с. 181. Об этническом составе киргизов см.: *Абрамзон А. М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии.–ТКАЭЭ. Т. 4. М., 1960, с. 1–136).

[30] О кузнецких татарах см. примеч. 13 к гл. II и примеч. 58.

[31] Род шор (сор), вошедший в состав сагайцев, переселился из мест своего прежнего обитания не полностью. Часть его оставалась и в составе шорцев (роды кара-шор и сарыг-шор) (см. примеч. 58).

[32] У тувинцев этот род носит название *чооду* и известен как среди западных, так и восточных тувинцев (тувинцев-тоджинцев), у последних носит название *чогду*. *Чогду* и *чооду* – фонетические варианты одного названия (см.: *Вайнштейн С. И.* Очерк этногенеза тувинцев, с. 197).

[33] У тофаларов были известны, в частности, родовые названия *чогду* (*чогды*), *кара-йогду* (*кара-йогды*) (см. примеч. 6). То обстоятельство, что этноним *чогду* и его фонетические варианты встречаются только у тех тюркских групп, которые жили по соседству с самодийскими племенами либо имели самодийский субстрат, позволяет полагать, что этот этноним связан своим происхождением с самодийцами (об этническом взаимодействии самодийских и тюркских этнических групп в лесостепной и степной зонах Западной Сибири см.: *Вайнштейн С. И., Васильев В. И.* К проблеме этнической принадлежности коренного населения лесостепного и горнотаежного регионов Западной и Средней Сибири ко времени прихода русских.– Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983, с. 88–95).

[34] Еще в XVII в. койбалы были отдельным родом самодийскоязычных маторов, который с середины XVII в. получил название по имени своего предводителя Койбала (см.: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав, с. 270–271). Позднее, населяя Койбальскую землицу Красноярского уезда, они включали наряду с самодийцами также кетоязычные и тюркские группы, однако вплоть до начала XIX в. среди них были еще люди, знавшие самодийскую речь. Приведенные здесь родовые названия, записанные у койбалов Кастреном во время его пребывания в Минусинской котловине в середине XIX в., по мнению Л. П. Потапова, включают наименования административных улусов XVII и XVIII вв., из которых была образована Койбальская землица, а затем и Койбальская степная дума, причем русские наименования улусов не всегда совпадали с родо-племенными названиями. Вместе с тем Л. П. Потапов (Происхождение и формирование, с. 251) не отрицает, что среди этих названий могли сохраниться также родовые, а возможно, и племенные названия, как, например, «мадор или матор, тьеда или чота, байгодо, богоджи». В предлагаемом переводе нами дается транскрипция названия рода не *мадор*, или *матор*, а в написании Радлова: *мадыр* (Madyr).

Свой вывод о сложном этническом составе койбалов, в формировании которых главную роль сыграли «самоедские» (самодийские) по происхождению роды и роды одного происхождения с «енисейскими остяками» (кетами, см. примеч. 42), Кастрен основал на сравнительном изучении

как родового состава койбалов, так и их преданий и языковых реликтов. Он отметил также этнокультурное родство койбалов с тофаларами и северо-восточными тувинцами (тоджинцами) (см.: *Кастрен А.* Путешествие в Сибирь.– Магазин землеведения и путешествий. Т. 6. М., 1860, с. 375, 392 и сл.; *Castrén M. A.* Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. St-Pbg., 1856, с. 322). Следует отметить, что еще до Кастрена П. Паллас в конце XVIII в. указал на самодийскую речь койбалов. Он писал, что «разговор их весьма походит на самоедский, и хотя много примешано в нем и татарских наречий, однако легко еще распознать останки самоедского...» (*Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина первая. СПб., 1788, с. 523–524). Он же привел сравнительный лексический материал самоедских, койбальских, маторских и карагасских (тофаларских) слов. Значительно более полный словарь составил Г. Спасский во время своего изучения койбалов в 1806 г. Он же пришел к выводу, что «койбалы отличаются языком и видом от соседственных народов, сходствуя в том с жителями отдаленной Сибири, каковы самоеды и остяки» (Сибирский вестник. СПб., 1819, ч. 5, с. 58).

Составленный им словарь койбальского языка, впервые опубликованный Л. П. Потаповым в 1957 г., подтверждает указанные выше выводы П. Палласа и самого Г. Спасского (см.: *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование, с. 279–290). Улусы Койбальской землицы известны в документах с начала XVIII в. (Памятники Сибирской истории. Кн. 1. СПб., 1882, с. 235). Основным занятием койбалов в XVII—XVIII вв. было скотоводство, охота и в небольшой мере земледелие, однако оленеводство, характерное для южных самодийцев, им не было известно (см.: *Вайнштейн С. И.* К реконструкции хозяйственно-культурных типов у южносамодийских народов, с. 158–165). Самодийские и кетские этнические группы в составе койбалов были ко второй половине XIX в. полностью тюркизированы. Население Койбальской землицы вошло позднее в состав хакасской народности.

[35] Рода кёль у тувинцев не было. В Восточной Туве существовали административные объединения: арбан и сумон Кол (в переводе – основной), которые отдельные исследователи рассматривали как род, а его название ошибочно считали этнонимом (см.: *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы, с. 35, 39 и сл.).

[36] Речь идет о енисейских кыргызах (киргизах), населявших Минусинскую котловину уже с первых веков нашей эры. Основная их масса ушла отсюда не в конце XVII в., как пишет здесь Радлов, а в начале XVIII в. (1703 г.). Уход кыргызов вызвал значительные перемещения этнических групп в Минусинской котловине и на сопредельных территориях (см.: *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование, с. 161–168). Минусинскую котловину покинуло «полутысячи с три дымов» кыргызов, т. е., по определению Б. О. Долгих, около 1500 юрт, или 4–5 тыс. человек (см.: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав, с. 117). По мнению С. В. Бахрушина, они в дальнейшем рассеялись и потонули среди племен, входивших в состав Джунгарской державы. Часть из них, «несомненно, попала», как он считал, на территорию современной Киргизии, где слилась с «народом, тоже носившим название киргизов». Он же приводит сведения о пребывании части переселившихся кыргызов на р. Или в Туркестане и на Большой Угре в Монголии (см.: *Бахрушин С. В.* Енисейские киргизы в XVII в.– *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. М., 1955, с. 224). Радлов считал (см. ниже в этой главе – AS, I, с. 221), что часть енисейских кыргызов, уведенных джунгарами, поселилась в Туве и их потомками является тувинский род кыргыс, составлявший отдельный сумон. Точку зрения Радлова поддержал Л. П. Потапов (СЭ. 1953, № 2, с. 77, 79), однако последующие исследования не подтвердили этого вывода, показав более древ-

нее происхождение тувинской родо-племенной группы кыргыс, которая хотя и восходит к енисейским кыргызам, но к проникшим на территорию Тувы значительно раньше – еще в конце I тысячелетия н. э. (см.: *Вайнштейн С. И.* Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири.– УЗТНИИЯЛИ. 1957, вып. 5, с. 215–219; см. также примеч. 118). Э. Р. Тенишев опубликовал очень интересное сообщение, что в Маньчжурии (близ Фуюя) проживает небольшая группа тюркоязычного населения с самоназванием *кыргыз*, у которой сохранилось предание, что она переселилась на север Китая из Алтая примерно 300 лет назад, т. е. на рубеже XVII—XVIII вв. (см.: *Тенишев Э. Р.* О языке кыргызов уезда Фуюй.– ВЯ. 1966, № 1, с. 88). Не исключено, что это потомки енисейских кыргызов. Вместе с тем следует отметить, что упомянутая выше точка зрения С. В. Бахрушина о «несомненном» переселении части енисейских кыргызов в начале XVIII в. в Киргизию, имеющая и ряд других приверженцев, остается весьма спорной и пока никем не доказанной, хотя о древних этнокультурных связях киргизов Тянь-Шаня и Енисея имеются важные свидетельства (см.: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. М.– Л., 1971, с. 10–70; *Караев О.* К вопросу о передвижении киргизов на Тянь-Шань и ассимиляции ими местных племен в XIII–XIV вв.– СЭ. 1966, № 4; *Петров К. И.* Очерк этногенеза киргизского народа. Фрунзе, 1963; *Вайнштейн С. И.* К вопросу о происхождении оленеводства (об одной параллели в материальной культуре киргизов и саянских оленеводов).– История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 360–362).

[37] Академик Иоганн Эбергард Фишер – известный ученый, участник Великой северной экспедиции Российской Академии наук (1733–1743). Речь, вероятно, идет о книге И. Фишера «Сибирская история» (СПб., 1774).

[38] Здесь: енисейские кыргызы (киргизы) (см. примеч. 36).

[39] См. примеч. 18.

[40] Здесь: казахи (см. примеч. 4 к гл. I).

[41] О калмаках см. примеч. 2 к гл. I.

[42] Енисейские остяки (енисейцы) – устаревшее название кетов. Они населяют бассейн среднего и нижнего течения Енисея: сложились здесь в результате смешения южных кетоязычных и местных аборигенных племен. Говоря об участии енисейских остяков в этногенезе кызыльцев, Радлов имел в виду кетоязычные племена Южной Сибири (см.: *Вайнштейн С. И.* К вопросу об этногенезе кетов.– КСИЭ. 1951, вып. 13, с. 3–7; *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав, с. 143 и сл.; *Алексеенко Е. А.* Кеты. Л., 1967; *Николаев Р. В.* Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985).

[43] Сохранена транскрипция Радлова «чолымские татары» (die Tscholym Tataren), которая отличается от принятого в современной литературе написания: «чулымские татары».

[44] Чулымские (чолымские) татары (были известны в дореволюционной литературе также как «мелесские татары») издавна населяли берега Чулыма более чем на тысячу километров вверх от его устья (включая притоки Чулыма в его нижнем и среднем течении – Яю, Кию Берешу, Урюпу и др.). С конца XVI – начала XVII в. здесь упоминаются татарские волости: Байгульская, Кызылдеева, Карагачина, Аргунская, Ячинская, именовавшиеся Чулымскими (Чюлимскими) землями. В число татарских волостей входили также Мелесские земли по среднему течению Чулыма. Ныне потомки жителей этих волостей населяют относительно компактно Тегульдетский р-н Томской обл. Небольшая группа чулымцев живет в Тюхтетском р-не Красноярского края. Общая численность современного чулымско-тюркского населения составляет около 1000 человек [см.: *Львова Э. Л.* Чулымские тюрки (историко-этнографические очерки). Авто-

реф. канд. дис. М., 1978, с. 6–7]. По данным исследователя языка чулымских татар А. П. Дульзона, их язык, относящийся к уйгуро-огузской группе восточнохуннской ветви тюркских языков (классификация Н. А. Баскакова), делится на два диалекта: нижнечулымский и среднечулымский. В этногенезе чулымских татар важную роль сыграли наряду с тюркскими местные самодийские и кетские субстратные компоненты. Традиционные формы хозяйства: скотоводство, земледелие, рыболовство, охота, собирательство (см.: *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование, с. 139 и сл.; *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав, с. 94–103; *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в.– Труды Томского университета. 1951, т. 112; *Дульзон А. П.* Чулымские татары и их язык.– Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та. 1952, т. 9; *он же.* Диалекты и говоры тюрков Чулыма.– Вопросы тюркологии. Баку, 1973, 5; *Львова Э. Л.* Чулымские тюрки, с. 3–17; *Томилов Н. А.* Чулымские тюрки в конце XVI – первой четверти XIX в.– Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987, с. 145–176).

[45] До революции коренное население Алтая не имело общего этнического самоназвания. Оно делилось на ряд различающихся по происхождению и языку племенных и территориальных этнических групп: собственно алтайцы (или алтай-кижи), теленгиты, телеуты, тёлёсы, тубалары, челканцы (или лебединцы), кумандинцы. Последние три этнические группы принято относить к северным алтайцам, которых именовали также черневыми (таежными) или ясашными татарами (иногда к ним причисляли и шорцев – см. примеч. 58). Остальные этнические группы называют южными алтайцами, которых, как уже отмечалось (см. примеч. 3 к гл. II), именовали до революции алтайскими татарами, горными, алтайскими, пограничными, белыми, или бийскими, калмыками. После революции различия между отдельными этническими группами стираются и они консолидируются в алтайскую народность.

[46] Кумандинцы населяли главным образом северо-западную часть Горного Алтая по р. Бие от устья р. Лебедь, а также правобережье низовьев Катуни, главным образом в бассейне р. Иши. Ныне населяют Солтонский и Красногорский районы Алтайского края, Турачакский р-н Горно-Алтайской авт. обл., Таштагольский р-н Кемеровской обл., а также живут в городах Бийске и Горно-Алтайске. Подразделялись на две административно-территориальные группы: верхние кумандинцы (по верхнему течению р. Бии, от устья р. Лебедь до прежнего селения Макарьевск) и нижние кумандинцы (по нижнему течению р. Бии и ее притокам Неня, Сузоп, Кожа, Ипша). Основным занятием верхних кумандинцев, живших в окружении лесов, были охота и земледелие; у нижних – в степной зоне – скотоводство, земледелие. «Кумандинцы» не самоназвание, так именовали их соседние племена по основному и самому многочисленному роду куманды (кубанды). Сами же себя они называли *татар кижи* (см.: *Сатлаев Ф.* Кумандинцы. Историко-этнографический очерк. Горно-Алтайск, 1974, с. 23). Этноним *куманды* с его основой *куман*, по мнению О. Прицака, к которому присоединился Л. П. Потапов, адекватен названию половцев (кипчаков) (см.: *Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker.— Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. 24, 1952, H. 1–2, с. 49–104; *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 60; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2, с. 487; *Потапов Л. П.* Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.– Л., 1935; *он же.* Из этнической истории кумандинцев.– История, археология и этнография Средней Азии. Сборник в честь 60-летия С. П. Толстова. М., 1968, с. 111–112; *Сатлаев Ф.* Кумандинцы).

[47] Зайсанства, о которых здесь идет речь,– кумандинские волости, во главе которых стояли зайсаны (или паштыки), избиравшиеся на сходках взрослых мужчин сроком на три года и утверждавшиеся губернским

начальством. До 1822 г. должность зайсанов была наследственной (см. примеч. 2 к гл. II). По данным Б. О. Долгих, у кумандинцев в XVII—XVIII вв. было три волости – Кумандинская, Керсагальская, Чабатская – с общей численностью жителей 360 человек (*Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав, с. 111–112).

[48] Говоря о пяти родах, Радлов называет четыре. Л. П. Потапов (Этнический состав, с. 57) дает следующую транскрипцию радловских названий верхних и нижних кумандинских родов: *со, кубанды, тастар, дьуты* (*чооты*), *чабаш* (*чабат*) и *ток* (*ток-кубанды*).

[49] По переписи 1926 г., кумандинцев насчитывалось 6327.

[50] В современной этнографической литературе лебединцев (*куу-кижи*), которых, по наблюдению Радлова, именуют так по р. Лебедь, называют также челканцами, по одному из входящих в них родов – чалкан (шалган). Впервые выделены в этнографической литературе как отдельная группа Радловым. С XVII по XIX в. были представлены одной Шелканской (Шелкальской) волостью. По данным Л. П. Потапова, челканцы называют свои роды *чалканыг* (по моим данным, более точно: *шалганныг*) и *шакшылыг* (или *шакшы*). Л. П. Потапов считал, что лебединский род шакшылыг тёлёсского происхождения (см.: *Потапов Л. П.* Этнический состав, с. 70–78). По мнению Б. О. Долгих, челканцы представляют собой обособившуюся часть кумандинцев или часть шорцев (*Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав, с. 112). По современному административному делению населяют Турачакский р-н Горно-Алтайской авт. обл.

[51] В современной этнографической литературе их называют более правильно «тубалары» в соответствии с самоназванием *туба* (мн. ч. *тубалар*). Они живут по рекам Большой и Малой Ише, Сары-Кокше, Пыже и др. в Горно-Алтайской авт. обл. (см. также примеч. 56).

[52] Радлов имеет в виду упоминание тубинцев в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (см. примеч. 87).

[53] Есть серьезные основания полагать, как уже отмечалось выше, что туба были племенами не самодийского, а тюркского происхождения (см. примеч. 20).

[54] Здесь: енисейские кыргызы (киргизы) (см. примеч. 36).

[55] Дубо – китайское название племен туба, населявших в конце I тысячелетия Восточный Саян и принявших участие в этногенезе восточных тувинцев (тоджинцев) и тофаларов (см.: *Бичурин Н. Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.– Л., 1950, с. 348, 354; *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы, с. 27–30; *он же.* Происхождение саянских оленеводов. См. также примеч. 20).

[56] Здесь Радлов черневыми татарами называет лишь тубаларов, хотя этим термином обозначали всех северных алтайцев – тубаларов, челканцев, кумандинцев, а нередко и шорцев (см. примеч. 45 и 58). Род *йобур чыгал*, вероятно, описка, так как речь, несомненно, идет о двух родах: йобур и чыгал. Л. П. Потапов на основе своих полевых материалов считает, что правильнее не *йобур*, а *ябыр*, не *чыгал*, а *чыгат* (*Потапов Л. П.* Этнический состав, с. 47); по моим данным,– *чагат*. Названия пяти родов тубаларов, приведенные Радловым, почти полностью совпадают с названиями волостей старого русского административного деления. О них на основе своих материалов, собранных на Алтае в конце XIX в., сообщает В. Вербицкий: Кузенская, Южская, Комляжская (или Кондожская), Кергежская, Тогульская (*Вербицкий В.* Алтайские инородцы. М., 1893). В 1897 г. тубаларов обследовала статистико-экономическая экспедиция С. П. Швецова и выделила среди первых четырех волостей на основе переписи 22 рода: комдош (кондош), юсь, чагат, тогус, кузен, ярык, тентерек, тибер, ялан, чор (сары чор, шор), танды, юуты (тюуты), юртас (тюртас), санмай, мундус, тастар, кергиль, соён, байлагас, сарыглар, дьеты сары,

палан (*Швецов С. П.* Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. Барнаул, 1900, с. 105). Среди них к собственно тубаларским, по мнению Л. П. Потапова (с предлагаемыми им уточнениями в названиях), относятся сеоки: кондош (комнош), кузен, юс, тибер, тогус, а также их ответвления: палан, педебеш и тентерек (*Потапов Л. П.* Этнический состав, с. 48–49).

[57] Общее число тубаларов, таким образом, составляло 3464 человека. По переписи 1897 г., тубаларов насчитывалось 4318.

[58] Радлов впервые в этнографической литературе выделил этническую группу шор, получившую в русской литературе название шорцев. До революции их называли также кузнецкими, кондомскими, мрасскими татарами; самоназвание – *шор* (*шор-кижи*, т. е. человек-шор). Населяют главным образом юг Кемеровской обл. в бассейне рек Кондомы и Мрассу. Общая численность – 16 тыс. человек (перепись 1979 г.). Некоторые исследователи включали шорцев в состав северных алтайцев. Однако такая их классификация весьма условна и не является общепринятой. Сам Радлов рассматривал их лишь как жителей Северного Алтая, не включая в состав алтайцев. Не вошли они в состав алтайцев и в сводном исследовании «Народы Сибири» (М., 1956, с. 492–529). В этногенезе шорцев участвовали угорские, самодийские, кетские и тюркские компоненты. В этнокультурном отношении шорцы близки северным алтайцам и сагайцам, вошедшим в состав хакасов (см.: *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г.– ЗРГО по общей географии. 1881, т. 11; *Дыренкова Н. П.* Шорский фольклор. М.– Л., 1936; *Потапов Л. П.* Очерки по истории Шории; *Алексеев В. П.* Антропологические данные к проблеме происхождения шорцев.– УЗХНИИЯЛИ. 1965, вып. 11, с. 86–100).

[59] Енисейцы, или енисейские остяки,– прежнее название кетов (см. примеч. 42).

[60] Здесь: енисейские кыргызы (киргизы).

[61] Шорские роды были зафиксированы также А. В. Адриановым в 1881 г. Он приводит названия и места расселения 14 родов (*Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны).

[62] Расселение шорских родов с привлечением позднейших данных приводит также Л. П. Потапов (Разложение родового строя у племен Северного Алтая, с. 9–10).

[63] Речь идет об этнических группах южных алтайцев – собственно алтайцах (*алтай-кижи*), теленгитах и телеутах (см. примеч. 45). Следует отметить, что термин «татары», восходящий к этнониму средневековых племен Центральной Азии, утратил свое первоначальное этническое значение еще в XIII в. Отдельные народы России имели общее название «татары», нередко несмотря на отсутствие между ними этнического родства и различие в происхождении. Первое упоминание этнонима *татар* в письменных памятниках относится, по всей вероятности, к VI в. (см.: *Вайнштейн С. И.* Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербпс-Баары.– УЗТИИИЯЛИ. 1963, вып. 10, с. 266–267).

[64] Речь идет о южных алтайцах (см. примеч. 45).

[65] Двоеданцами здесь названы теленгиты (см. примеч. 10 к гл. II). В раздел «Татары собственно Алтая», помещенный Радловым в ранее изданном «Ethnographische Uebersicht der Türkenstämme Sibiriens und der Mongolei» (Lpz., 1883; см. также примеч. 1), были включены следующие дополнительные сведения об этих группах, не вошедшие в «Aus Sibirien»: «Называются они двоеданцами, потому что платили дань как русским, так и китайцам (русским 160 маральих шкур, а китайцам – соболиные меха)... Как алтайцы, так и двоеданцы – настоящие кочевники и живут почти исключительно скотоводством (впрочем, алтайцы, которые теперь сильно обеднели, принимаются за обработку земли). Лето и зиму они живут в круглых войлочных юртах. Они сохранили свой старинный ко-

стюм и в большинстве своем остаются шаманистами. Как только алтаец переходит в христианство, он покидает свое племя и поселяется в так называемых миссионерских станах».

[66] См. примеч. 3 к гл. II. Ойраты в алтайском произношении именуются *ойрот*, что и послужило основанием для написания Радловым этого слова в «Aus Sibirien» как öiröt.

[67] Группа алтайцев, населявшая р. Башкаус, названная здесь уланами, по-видимому, получила свое название по притоку указанной реки – Улаган. По мнению Л. П. Потапова, уланы входили в состав тёлёсов (телесов) (см.: *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев, с. 6). Тёлёсы жили не только по р. Чолышман, но и по рекам Башкаус, Улаган вплоть до границ Хакасии и Тувы, а также в бассейне р. Чуи, среди телеутов в бассейне рек Большой и Малый Бачаты (ныне Кемеровская обл.). Происхождение тёлёсов представляет значительный интерес. Н. А. Аристов и ряд других исследователей считали их потомками тюрков-тугю, в числе главных племен которых, по их мнению, были тёлёсы (см.: *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен.– Живая старина. 1896, вып. 3–4, с. 67; *Гумилев Л. Н.* Алтайская ветвь тюрок-тугю.– СА. 1959, № 1). Однако эта точка зрения оспаривается рядом исследователей. Часть алтайских тёлёсов, вероятно, вошла в состав киргизов Тянь-Шаня (см.: *Абрамзон С. М.* Из этнической истории киргизов.– ТС. 1966, с. 165 и сл.). Есть основания считать, что современные алтайские тёлёсы – потомки племени, обитавшего в XVIII в. к югу от Телецкого озера и после вхождения в состав России широко расселившегося по Горному Алтаю (см.: *Потапов Л. П.* Алтайские тёлёсы в этническом отношении.– Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987).

[68] Речь идет о казахах.

[69] При переписи 1897 г. на Алтае у собственно алтайцев, т. е. алтай-кижи, было зафиксировано 36 родов, перечень которых приводится в книге С. П. Швецова «Горный Алтай и его население» (Т. 1. Вып. 1. Барнаул, 1900). В их названиях есть некоторые различия с приведенными в данной работе Радлова. По мнению Л. П. Потапова, собственно алтайскими из них являются лишь сеоки: тодош, иркит, найман, кыпчак, мундус, кергиль, тонгжоан, чапты, очы, байлагас, кообалы (по моим данным – кооболы), дьети-сары, олюп, меркут, тумат (см.: *Потапов Л. П.* Этнический состав, с. 33).

[70] Чуйцами Радлов называет теленгитов, населявших бассейн рек Чуи и Аргута, которые именовали себя также *чуй-кижи*, т. е. человек с р. Чуи. Перечень родов теленгитов, проживавших в Чуйской долине (1-я и 2-я Чуйские волости) в конце XIX в., приведен С. П. Швецовым на основе переписи 1897 г. (*Швецов С. Н.* Горный Алтай, с. 98, а также Приложение V, с. 8–23; см. также примеч. 10 к гл. II).

[71] Эту группу телеутов с самоназванием *теленгет* не следует отождествлять с теленгитами (чуйцами) (см. примеч. 70).

[72] Вероятно, здесь допущена неточность: речь идет не об одном роде, а двух родах: кыпчак и сарт.

[73] Л. П. Потапов считает, что данный этноним звучал как *ак-кештим* (*Потапов Л. П.* Этнический состав, с. 24).

[74] Роды чюнгюс и анг никем из последующих исследователей не были выявлены у телеутов. Но у А. В. Анохина (рукопись, архив ЛО Института этнографии АН СССР, ф. 11) и в работе А. И. Ярхо (Алтае-Саянские тюрки. Абакан, 1947, с. 12) упоминается *сёёк чинзан*. Не исключено, что при записи телеутских родовых названий Радлов допустил неточность, восприняв название этого сеока у его информаторов как название двух сеоков.

[75] Сарты – древняя оседлая часть узбеков (см. также примеч. 127).

[76] Речь идет о енисейских кыргызах (киргизах) (см. примеч. 36).

[77] Зайсанство передавалось по наследству до реформы 1822 г. (см. примеч. 2 к гл. II).

[78] Речь идет о енисейских кыргызах (киргизах).

[79] Тувинцы, попадая за пределы Тувы, называли себя не только *тыва, тыва-кижи,* т. е. человек тыва (тува), но и *таңды тывазы* или *таңды*, т. е. тувинцы гор Танну-Ола (тув.: Танды-Уула), чтобы отличить себя от тувинцев Монгольского Алтая, а также от некоторых других этнических групп с этнонимом *тыва, туба* (см. примеч. 19).

[80] Татарами Западной Монголии Радлов называет тувинцев, так как в период, когда Тува была подчинена цинькому Китаю, ее территория считалась в европейской науке частью Монголии.

[81] Григорий Николаевич Потанин – выдающийся русский географ и этнограф, исследователь Центральной Азии и Сибири (1835–1920). Радлов имеет в виду материалы экспедиций Потанина в Северо-Западную Монголию (1876–1877 и 1879–1880) (см.: *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Т. 1–4. СПб., 1881–1883).

[82] Название *урянхай* (*урянкат, урянх*) употреблялось монголами в отношении тувинцев и ряда других народов. Так, урянхайцами монголы называли иногда и теленгитов. Что касается термина *урянкат*, то он является одним из древних тюрко-монгольских этнонимов. В «Сокровенном сказании» урянкаты упоминаются среди племен, существовавших еще до мифической прародительницы Чингисидов Алангоа (см.: *Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.– Л., 1941, с. 80). Среди сподвижников Чингисхана «Сокровенное сказание» указывает на несколько лиц «из племени урянхана» (там же, с. 107). Могущественный монгольский эмир Субэдей-Бахадур был из племени урянкат (*Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.– Л., 1952, с. 159). Рашид ад-Дин утверждает, что урянкаты известны под этим названием с древнейших времен (там же, с. 75), и приводит некоторые слова их языка (существующие и в современном тувинском языке). Он же говорит об урянкатах степных и лесных.

Ныне монголы называют урянхайцами также монголоязычную группу в Северо-Западной Монголии, которая, вероятно, связана своим происхождением с тувинцами. В русских документах XIX – начала XX в. Тува носила название Урянхайского края, Урянхайской земли (подробнее см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1. Л., 1926, с. 1–183; *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы, с. 30–31. Об алтайских урянхайцах см.: *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2, с. 34–38; *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия. Т. 3. Вып. 1, с. 170–173).

[83] С 1757 по 1911 г. население Тувы находилось под властью маньчжурской династии Китая.

[84] См. примеч. 19.

[85] К о к ч о л у т ы (к о к ч о л у т у н ы) – название, которое дал этнической группе тувинцев, населявших Северо-Западную Монголию в бассейне р. Кобдо, Г. Н. Потанин (Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 1, с. 9 и сл.). Этого же названия придерживался Г. Е. Грумм-Гржимайло (Западная Монголия. Т. 3. Вып. 1, с. 18 и сл.). Их называли также мончак-урянхайцами (современную сравнительно-этнографическую характеристику кобдинских тувинцев см.: *Вайнштейн С. И., Таубе Э.* Тувинцы Монгольского Алтая (кобдинские тувинцы); *Монгуш Д. А.* О языке тувинцев Северо-Западной Монголии.– Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983).

[86] См. примеч. 55.

[87] Речь идет об «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, в которой неоднократно упоминаются тубинцы (тубинские люди, туба) (см.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1, с. 323, 325, 423, 449, 508; т. 2, с. 351–352, 374,

439–440 и др.). Тубинцы – тюркоязычная племенная группа, которую в русских источниках XVII—XVIII вв. часто именовали также киргизами-тубинцами.

[88] Во второй половине XIX в. тувинцы жили на значительной территории бассейна Верхнего Енисея от Алтайских гор на западе до хребтов Восточного Саяна на востоке, от Саян на севере до гор Танну-Ола на юге, а также к югу от этих гор. Общая площадь расселения тувинцев, не включая кобдинских тувинцев, составляла около 200 тыс. кв. км (площадь Тувинской АССР – 170, 5 тыс. кв. км).

[89] См. примеч. 85.

[90] Распространение буддизма в Туве началось в конце XVI в. одновременно с его широким внедрением в Монголии, где он хотя и был возведен в ранг государственной религии еще в XIII в., при Хубилае, но вплоть до XVI в. значительного влияния не имел.

[91] См. примеч. 19 и 79.

[92] В административном отношении Тува, находившаяся под властью Китая, в XIX – начале XX в. имела следующую структуру. Во главе тувинских хошунов (у Радлова: *кошун* – koschun) стоял амбынь-нойон – удельный князь Оюнарского хошуна (хошун амбынь-нойона), владевший княжеским титулом гуна (князь пятой степени). Он ведал не только остальными четырьмя тувинскими хошунами (Салчакский, Тесингольский, Тоджинский, Хубсугульский), каждый из которых возглавлял огурда (ухерида) – наследственный правитель, но номинально ему подчинялись также тувинские хошуны, принадлежавшие монгольским князьям (Бэйсе, Маады, Шалык, Нибазы). Он был подчинен китайскому генерал-губернатору, управлявшему Северной Монголией. Каждый хошун, в свою очередь, подразделялся на сумоны (у Радлова: *сумын* – sumyn), а те – на арбаны. Во главе сумона стоял чангы – чиновник, назначавшийся правителем хошуна (см.: История Тувы. Т. 1. М., 1964, с. 240–244).

[93] Число сумонов в хошунах не было столь определенным, и некоторые из них включали большее или меньшее количество сумонов: например, Хемчикский хошун – 10 сумонов, Бейсе хошун – 17 сумонов. Шалык хошун – 2 сумона.

[94] Дзиндзиликский хошун (название дано Радловым по пограничному караулу Дзиндзилик) носил у тувинцев название Салчакский (или Хемгольский) хошун. В него входили тувинцы, кочевавшие на юго-востоке Тувы к северу от гор Танну-Ола по рекам Бюрень, Эржей, Эрзин, Шивей, Улуг-Шивей, Иртыш, Каа-Хем (правобережье), Тарыс, Белим и др., а также в котловине озера Таре-Холь. Ныне это территория Таре-Хольского сельсовета (Кызылского административного подчинения), часть Каа-Хемского и Эрзинского районов. Он включал четыре сумона: Салчак, Байгара, Кыргыз, Холь.

[95] В Дзиндзиликский (Салчакский) хошун входили роды салчак, кыргыс (кыргыз), балыкчы, кара-иргит, сарыг-иргит, хертек, хоскан, ак-соян, кара-соян, баяут, кускун, хойюк, олет, байгара, мунгат. Около половины всех жителей хошуна относили себя к роду кыргыс. До недавнего времени тувинские кыргызы находились под сильным влиянием монгольской культуры, даже их разговорным языком был монгольский, который лишь в советской Туве вновь сменяется тувинским. Роды балыкчы, сарыг-иргит, кара-иргит, хертек, хоскан до реформы 1923 г. входили в сумон Холь (Нур) рассматриваемого хошуна (см.: *Вайнштейн С. И.* Этнографическая экспедиция Тувинского музея в юго-восточную Туву.– СЭ. 1954, № 2; *Сердобов Н. А.* История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971, с. 207). Автором комментария учтены собственные полевые материалы.

[96] Озеро Таре-Холь. Здесь находился сумон Холь (тув. *хöл* «озеро»).

[97] Сумон носил название по этнониму рода салчак, входившего в этот сумон.

[98] Слияние рек Каа-Хем и Бий-Хем в районе современного г. Кызыла дает начало Енисею (тув.: Улуг-Хем). Здесь находился сумон Байгара, получивший свое название по входившему в него роду байгара.

[99] Хошун амбын-нойона, или Оюнарский хошун, включал тувинцев, кочевавших по обе стороны хребта Танну-Ола, в долинах озер Чедер, Чагатай и Хадын, по левобережью Улуг-Хема и рек Шурмак, Мажалык, левобережью р. Тес, по р. Нарын. Включал сумоны Оюн, Иргит, Сояп, Чооду. В них зафиксированы представители родов оюн, сат, иргит, чооду, тонгак, байгара, кезек-соян, тодут, олет, сарыг, телек, ёлюп (см.: История Тувы. Т. 1. с. 251).

[100] Речь идет о Г. Н. Потанине (см. примеч. 81).

[101] Речь идет о Хемчикском хошуне (Даа-хошуне), территория кочевок которого включала обширную часть Тувы от Саянских гор на севере до гор Танну-Ола на юге, от Алтая на западе до р. Элегест в Центральной Туве. Он состоял из десяти сумонов: Хомушку, Иргит, Монгуш, Кара-Монгуш, Сая, Ишти-ооржак, Ондар, Кедээ-ооржак, двух сумонов Ховалыг. Их названия отражали этнонимы родов, входивших в эти сумоны. Кроме одноименных с сумонами родов здесь жили представители родов олет, дербет, хойюк, сарыг, кара-ондар, чанагаш-ондар, ой-ондар, уйгур-ондар, кыргыс (см.: История Тувы. Т. 1, с. 252). Автором комментария здесь учтены также собственные полевые материалы.

[102] Рода *тоджи* у тувинцев не было. В Туве был Тоджинский хошун, названный так по оз. Тоджа (Азас). Выезжая за пределы хошуна, его житель называл себя *тоожу-кижи* (тоджинец). Вместе с тем известно, что на территории Тоджи в прошлом жили племена, именовавшиеся в русских источниках XVII в. как точигасы (точи), но позднее этот этноним здесь не был зафиксирован (см. также примеч. 112).

[103] Более верное название этого тувинского рода – *маады*. В «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера неоднократно упоминаются маты, мадоры, маторские (матарские) люди, маторцы, матские люди (см., например: История Сибири. Т. 1, с. 323, 325, 422, 423, 449. О тувинских маады и их этнических связях, вопросах происхождения см.: *Вайнштейн С. И.* Очерк этногенеза тувинцев, с. 193–194; *Дулов В. И.* Социально-экономическая история Тувы: XIX – начало XX в. М., 1956, с. 125–127).

[104] У тувинцев был хошун Шалык, кочевья которого располагались к югу от Танну-Ола. Хошун, состоявший из двух сумонов, принадлежал монгольским князьям. В литературе имеется упоминание и о тувинском роде шалык (см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3, с. 18, 23, 152), но позднейшими исследованиями, в том числе проведенными мною, его существование у тувинцев не подтверждено.

[105] Рода с названием *кемчик* у тувинцев не было (Хемчик – название одного из крупных притоков Енисея).

[106] В районе оз. Косогол (Хубсугул) располагался Хаазутский (Хубсугульский) хошун, владения которого простирались от оз. Хубсугул до р. Шишкид. Он включал сумоны Холюш, Иргит, Хаазут (Хаазыт), Аргымык. Здесь жили главным образом представители родов хаазут, иргит, холюш, сояп, тодут.

[107] О кобдинских тувинцах см. примеч. 85.

[108] Казахи.

[109] Приведенные здесь названия отражают маньчжуро-китайские звания лиц, вероятно возглавлявших эти подразделения.

[110] См.: *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4, с. 111.

[111] О поездке Радлова в 1861 г. к тувинцам, жившим у оз. Кара-Холь на западе Тувы, см. гл. VIII.

[112] См.: *Castrén M. A.* Reiseberichte und Briefe, с. 360. Как и полагал Кастрен, некоторые тувинские родовые группы имеют, вероятно, самодий-

ское происхождение, в особенности это относится к восточным тувинцам (тувинцам-тоджинцам), населяющим северо-восточную Туву в горной тайге Восточного Саяна. Среди родо-племенных групп XVII – начала XX в. к самодийским здесь могут быть отнесены роды хаазыт (хаазут), чооду (чогду), а также родо-племенная группа точи, известная в русских документах XVII в. под названием точигасов, но позднее не зафиксированная в Тодже. Возможно, что и родо-племенная группа маады (у Радлова *маттер*) была самодийской по происхождению, но маады (маты, матцы русских источников) были по крайней мере с XVIII в. тюркоязычными степными скотоводами-кочевниками в отличие от самодийцев маторов, преимущественно охотников со слаборазвитым скотоводством (охотники-скотоводы). Что касается тувинского рода тодут (у Радлова *тот*), то он был, вероятно, кетоязычным. Ссылка Кастрена на то, что в роде тот была та же речь, что и у койбальского рода кёллёр, не может служить свидетельством его самодийского происхождения, так как Г. Ф. Миллер еще в первой половине XVIII в. установил, что население койбальского улуса Кёль (мн. ч. *кёллар*) было кетоязычным. Участие кетоязычных племен в происхождении тувинцев не вызывает сомнений (см.: *Вайнштейн С. И.* Очерк этногенеза тувинцев; *он же.* Тувинцы-тоджинцы, с. 20–27; *он же.* К реконструкции хозяйственно-культурных типов, с. 158–165).

[113] См.: *Castrén M. A.* Reisebericht und Briefe, с. 396. Потомки тувинцев, перекочевавших в Тункинскую степь и известные под названием тункинских сойотов, полностью обурятились и живут теперь в местностях Сорок-Окинского, Жемчук-Тункинского, Улекчин-Знаменского районов Бурятской АССР. Тункинские тувинцы, населявшие долину р. Иркут, принадлежали к одному роду иргит.

[114] Свои выводы об особенностях тувинского языка на основе карахольских материалов Радлов изложил в более ранней работе (*Radloff W. W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen. Lpz., 1882). Собранные позднее Н. Ф. Катановым материалы по тувинскому языку были опубликованы Радловым (*Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Т. 9. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. СПб., 1907), а также легли в основу труда о тувинском языке (*Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903). Большая часть тувинцев говорит ныне на центральном диалекте тувинского языка, который, по мнению ряда исследователей, еще в прошлом приобрел наддиалектные черты, став основой тувинского литературного языка (см.: *Чадамба З. Б.* Тувинские диалекты и их отношение к литературному языку.– Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983, с. 19–20).

[115] Тувинский язык, по современной классификации Н. А. Баскакова, относится наряду с современным тофаларским и древними тюркскими языками к уйгуро-тукюйской подгруппе уйгуро-огузской группы языков (см.: *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, с. 323).

[116] Уйгуры приняли значительное участие в этногенезе тувинцев, причем поныне в составе тувинцев имеется род уйгур-ондар (см.: *Вайнштейн С. И.* Очерк этногенеза тувинцев, с. 178–214; *он же.* Происхождение и историческая этнография тувинского народа, с. 8–15; см. также примеч. 9, 20).

[117] Радлов имеет в виду увод джунгарами из Минусинской котловины в 1703 г. вместе с енисейскими кыргызами и значительной части тубинцев (туба), а также, возможно, и части маторов. На основе комплексного изучения различных источников мы пришли к следующим выводам относительно этногенеза тувинцев: 1) формирование тувинской народности шло главным образом в пределах территории современной Тувинской АССР; 2) в основе этногенеза западных тувинцев, составляющих подавляющее

большинство тувинского народа, лежат древние тюркоязычные племена Центральной Азии (главным образом тугю, уйгуры, енисейские кыргызы) и тюркизированные ими монголоязычные группы. В происхождении восточных тувинцев наряду с тюркоязычными племенами, участвовавшими в этногенезе западных тувинцев, важную роль сыграли самодийские и в меньшей мере кетские, а на раннем этапе, вероятно, и тунгусские компоненты; 3) длительный процесс сложения тувинской народности завершился в конце XVIII – начале XIX в. (см.: *Вайнштейн С. И.* Происхождение и историческая этнография тувинского народа, с. 8–15).

[118] Гипотеза Радлова о появлении в составе тувинцев родо-племенной группы кыргыс в результате переселения енисейских кыргызов из Минусинской котловины противоречит имеющимся фактам по этнографии тувинской группы кыргыс, которую можно рассматривать как потомков енисейских кыргызов, проникших на территорию Тувы еще в период их экспансии в IX в. (см.: *Вайнштейн С. И.* Этнографическая экспедиция; *он же.* Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири, с. 217–219).

[119] Монгольский язык особенно сильное влияние оказал на тувинцев южных и юго-восточных районов Тувы. В начале 50-х годов нашего столетия в районе Тере-Холя почти все тувинцы говорили по-монгольски, а многие даже не понимали тувинского языка (см.: *Вайнштейн С. И.* Этнографическая экспедиция, с. 168), но теперь они вновь стали тувиноязычными. На тувинскую лексику монгольский язык оказал значительное влияние (см.: *Татаринцев Б. И.* Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976).

[120] Роль племен хунну (у Радлова *хионг-ну* – hiong-nu), тукю и уйгуров в формировании тюркоязычных народов рассматриваемого региона несомненна, но вопрос о языке хунну окончательно не решен. По мнению ряда современных исследователей, принадлежность хуннуского языка к тюркской семье остается не доказанной (см.: *Яхонтов С. Е.* Языки северных соседей китайцев в I тысячелетии до н. э.– Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Таш., 1986, с. 73).

[121] См.: *Потанин Г. И.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2, с. 16 и сл. Хотоны, составлявшие сумон в дэрбэтском хошуне Хошойцинь-вана в Кобдосском округе Северо-Западной Монголии, были крепостными князя – правителя хошуна. Они вели кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, пользовались юртами, были мусульманами и считали себя родственными киргизам Средней Азии. Есть основания полагать, что они были выходцами из Восточного Туркестана. Включали следующие роды: аджу-хурмян, яс, ильбя, бурут, удзюбук, касыль, джуппар, худайберды, шава, нилва, шалбак, ёзбёк, хаси, цёс (см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия. Т. 3. Вып. 1, с. 213, 274–284; *Владимирцов Б. Я.* Турецкий народец хотоны.– ЗВОРАО. 1916, т. 23, с. 265–277).

[122] Таранчи – название, означающее буквально «земледелец». Так именовали одну из групп кашгарцев, переселенных маньчжурским правительством в XVIII в. из Кашгарии в Илийский (Кульджинский) край. После Октябрьской революции таранчи Синьцзяна совместно с группой уйгуров, населявших Ферганскую долину, консолидировались в одну народность, приняв в качестве самоназвания этноним *уйгур* (о термине *таранчи* см.: *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов.– *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1968, с. 228; *он же.* Тюрки.– Там же, с. 594).

[123] Радлов ссылается на книгу известного лингвиста Ю. Клапрота (*Klaproth J.* Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren. Nebst einem Wörterverzeichnisse und anderen uigurischen Sprachproben, aus dem Kaiserlichen Übersetzungshofe zu Peking. Hrsg. von J. Klaproth. P., 1820).

[124] *Потанин Г. И.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2, с. 10.

[125] Приводимое Радловым название *Хомул* образовано от уйгурского наименования оазиса Хами (уйг. Кумул).

[126] Название реки Чу по-казахски: Шу.

[127] Комментируя эти сведения Радлова, В. В. Бартольд отмечает неточность данного им определения сартов и территории их расселения. В частности, Бартольд упрекает Радлова за то, что он, отмечая районы расселения сартов, не включил в них Фергану, где «это народное название особенно распространено. Столь же неверно,– пишет далее Бартольд,– что в Хиве сарты говорят по-персидски» (*Бартольд В. В.* Памяти В. В. Радлова. 1837–1918.– ИРГО. Т. 54, вып. 1, 1919, с. 185–186=*Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 9. М., 1976, с. 684). Название *сарт* встречается уже в средневековых письменных памятниках. Первоначально монголы называли так приезжавших к ним мусульманских купцов, среди которых были почти исключительно таджики. Тюрки, завоевавшие Среднюю Азию, также начали называть горожан-таджиков сартами. Узбеки, подчинившие в начале XVI в. владения Тимуридов, называли сартами оседлое местное население в противоположность узбекам и другим кочевникам. Но позднее содержание термина изменилось. Так как большинство оседлого населения после узбекского завоевания говорило по-тюркски, то сартами стали называть только горожан и оседлых жителей оазисов – тюрков – в противоположность как кочевникам, так и таджикам. Таким образом установилось различие между терминами *сарт* и *таджик*, которые некогда были синонимами (см.: *Бартольд В.* Еще о слове «сарт».– *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964, с. 310–314; *он же.* «Сарт».– Там же, с. 527–529; Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962, с. 169–170).

[128] Казахи.

[129] Современное представление о родо-племенном составе этой группы узбеков см.: *Файзиев Т.* О родо-племенном составе узбеков-кураминцев конца XIX – начала XX в.– Общественные науки в Узбекистане. Таш., 1963, № 11.

[130] Происхождение узбеков, сохранявших вплоть до XX в. пережитки родо-племенной структуры, сложно. Основная часть их переселилась в Среднеазиатское междуречье из Дашти-кыпчак на рубеже XV—XVI вв., во время завоевания Шейбани-ханом тимуридского государства (см.: *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с. 162–164, 209–211).

[131] Киргизы Средней Азии.

[132] Радлов излагает народную этимологию этнонима *узбек*. По этому вопросу существуют и иные точки зрения. Этот этноним связан с именем хана Золотой орды в 1313–1342 гг., Узбек-хана. Персидский историк и географ Хамдаллах Казвини (XIV в.) в одном из своих трудов называет узбеками войско этого золотоордынского хана, отправленное им в поход на Азербайджан (о происхождении этнонима *узбек* см.: *Ахмедов Б. А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965, с. 11–17).

[133] Узбеки группы кытай (хытай) связаны своим происхождением с киданями (кара-китаями), завоевавшими часть Средней Азии и Казахстана в XII в. (см.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. А.-А., 1979, с. 37).

[134] О кипчаках (кыпчаках) в составе узбеков см.: *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Таш., 1974.

[135] Правильнее: канходжа кытайюзи (кытай юзи).

[136] Л. П. Потапов считает это утверждение Радлова ошибкой. Он пишет: «...в „племени" Юс не могло быть и не было сеока Шор. Речь идет о Южской волости, в которой шорцы жили и в 1897 г. (51 человек)» (*Потапов Л. П.* Этнический состав, с. 47). О том, что в составе пяти племен черневых татар было племя юс, включавшее роды юс и шор, Рад-

лов пишет также выше, в разделе, посвященном черневым татарам (AS, I, с. 212–213). У тубаларов, которых относили к числу черневых татар Алтая (см. примеч. 45), имелся сеок юс (юз), включавший четыре подразделения: тау-юстар (горные юсы), сары юс (желтые юсы), шанмай-юз, саргайчы-юз (юзы – собиратели сараны). Сеок юс, составлявший Южскую волость Алтая, по преданию, произошел от сеока кондош. Согласно этому преданию, девушка из сеока кондош родила мальчика. Когда его потомство достигло ста человек, оно выделилось в особый сеок, получивший числовое название *юс*, т. е. сотня. По записям С. П. Швецова, тубалары Южской волости считают себя остатками особого народа, коренного обитателя этих мест, ныне занятых тубаларами (см.: *Потапов Л. П.* Этнический состав, с. 49–55; *Швецов С. П.* Горный Алтай, с. 104).

[137] Об этимологии этнонима *кыргыз* высказывались различные точки зрения (см.: *Баскаков Н. А.* К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз».– СЭ. 1964, № 2; *Петров К. Н.* К этимологии термина «кыргыз»; Цветовая древнетюркская топоэтнонимика Южной Сибири.– СЭ. 1964, № 2; *Кононов А. Н.* Еще раз об этнониме «кыргыз».– Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970).

[138] Здесь и ниже при ссылках на труд Макшеева Радлов имеет в виду следующую работу: *Макшеев А. И.* Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае.– ЗРГО. 1871, с. 38–39 (сведения А. И. Макшеева относятся к 1867 г.).

[139] Хотя Радлов ссылается на данные Макшеева, по транскрипции этнонимов, приводимые в «Aus Sibirien» и работе Макшеева, несколько различаются. По Макшееву (Географические... материалы, с. 39):

I. *Парчаюз.*
- 1. Баймаклы. } Уш-тамгали
- 2. Биран-садак. } Уш-тамгали
- 3. Алмачи. } Уш-тамгали
- 4. Мирза. } Уш-тамгали
- 5. Сиргали. } Уш-тамгали
- 6. Уйюли. } Уш-тамгали
- 7. Каракалпак. } Уш-тамгали
- 8. Поджегай. } Уш-тамгали
- 9. Ак-кигиз. } Турт-тамгали
- 10. Куян-кулаклы. } Турт-тамгали
- 11. Белгалы. } Турт-тамгали
- 12. Иш-кули. } Турт-тамгали
- 13. Токбай. } Турт-тамгали

II. *Хитай-юз.*
- 1. Хан-ходжа:
- а) Небусе.
- б) Сард-юз.
- в) Каракурсак.
- 2. Тегрик:
- а) Беш-куп.
- б) Куш-казан.
- в) Баки-мучап.
- 3. Хаджи-хитай-юз.
- а) Чиркираук.
- б) Могол.
- в) Алмасуан.
- 4. Туркмен.
- 5. Джалаир.

III. *Салин.*
- 1. Шадман-тупи.
- 2. Науфераш.
- 3. Тогай-тупи.
- 4. Каурек.
- 5. Давлой.
- 6. Кырк-Садак.

IV. *Уяс.*
- 1. Ак-чакман.
- 2. Нарин.
- 3. Чункан.
- 4. Сирбуюндук.

V. *Карабуш.*
- 1. Бурджеган.
- 2. Кунгурбай.
- 3. Сакиз-сарп.
- 4. Найман.
- 5. Хоканди.
- 6. Куш-тамгали.
- 7. Очамейли.
- 8. Мангыт.
- 9. Кенаюс.
- 10. Баяут.

VI. *Найман-ирсанакли.*
- Чальджлут.

VII. *Беш-юз.*
- Коштамгали.

VIII. *Сулакли.*
- 1. Культепелик.
- 2. Бешкель.
- 3. Гафур.
- 4. Чаркраук.
- 5. Мирза.
- 6. Арык.
- 7. Бекляр-тупи.

[140] Об узбеках буркут см.: *Кармышева Б. Х.* Новые материалы по этнографии населения Нуратинского хребта.– ПИИЭ-76. 1978, с. 150–153.

[141] О родо-племенном составе узбеков см. также: Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1; Территория и население Бухары и Хорезма. Таш., 1926, с. 175–179; *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории.

[142] О каракалпаках Зеравшанской долины см.: *Толстова Л. С.* Материалы этнографического обследования группы «каракалпак» Самаркандской области Узбекской ССР.– СЭ. 1961, № 3.

[143] Группа *тюрюкпеч*, живущая в горах Нураты и на сопредельных территориях, именует себя *туркмăн* и относит к числу узбекских племен. Их узбекская принадлежность подтверждается этнографическими исследованиями. Однако своим происхождением они связаны с туркменами (см.: *Мошкова В. Г.* Некоторые общие элементы в родо-племенном составе узбеков, каракалпаков и туркмен.– Труды Института истории и археологии АН УзССР. Т. 2. Таш., 1950; *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории, с. 228–230).

[144] Этноним *бёгёшёлю* (Bögöschölü) Радлов приводит и в другом написании: бюгёшюлю (*Радлов В. В.* Средняя Зеравшанская долина.– ЗРГО по отд. этнографии. 1880, т. 6, с. 63–64). По данным Б. Х. Кармышевой, этот род носит название *богаджэли* (см.: *Кармышева Б. Х.* Новые материалы по этнографии населения Нуратинского хребта, с. 154).

[145] К у р а м а (букв.: лоскутные, составленные из разных частей) – тюркоязычная субэтническая группа в составе узбеков, образовавшаяся в основном из различных узбекских и частично казахских племен и родов. Населяют главным образом юго-восточные районы Ташкентской обл., а также некоторые кишлаки Андижанской обл. (см.: *Файзиев Т.* О родо-племенном составе узбеков-кураминцев конца XIX – начала XX в.– Общественные науки в Узбекистане. № 11. Таш., 1963, с. 43–47). Некоторые исследователи полагали, что в состав кураминцев вошли и монгольские компоненты из племени джалаир (см.: *Грумм-Гржимайло.* Западная Монголия. Т. 3. Вып. 1, с. 293, примеч. 1).

[146] Первая всеобщая перепись населения в России была проведена в 1897 г., вскоре после издания труда Радлова «Aus Sibirien». Эта перепись включила 146 народов в соответствии с числом языков и наречий, выявленных переписью, в том числе и жителей Туркестана (см.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи. Т. 2. СПб., 1905). Общая численность, по этой переписи, в России: казахов – 4084,1 тыс., киргизов – 201,7 тыс. тюркоязычных сартов – 968,7 тыс., узбеков – 726,5 тыс., таранчей – 56,9 тыс., кашгарцев – 14.9 тыс., таджиков – 350,4 тыс. (см. также: Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 36–41).

[147] К северным степным кочевникам Радлов отнес киргизов и казахов. Это название условно, так как кочевники южносибирских степей населяли более северные территории Азии.

[148] Кара-киргизами, как уже отмечалось выше, Радлов называет киргизов Средней Азии.

[149] Речь идет о не включенной в перевод первой части данной главы, в которой Радлов приводит исторические сведения главным образом из известных в то время письменных источников (современную литературу по этому вопросу см.: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971).

[150] О родо-племенном составе киргизов см. также: *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований.– Живая старина. 1894, вып. 3–4, с. 391–

486; *Винников Я. Р.* Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии.– ТКАЭЭ. Т. 4. М., 1960; *Абрамзон С. М.* Этнический состав; см. также примеч. 51 и 52 к гл. V.

[151] Итог подсчета здесь и в ряде случаев ниже ошибочен. Общее количество кибиток здесь – 4525, а не 4925. Возможно, что эта и другие ошибки такого рода, которые мы ниже не оговариваем, результат типографских опечаток, однако мы во всех случаях сохраняем в переводе цифры подлинника.

[152] Правильнее: бултан.

[153] Правильнее: керей.

[154] О динамике численности казахов после революции см.: Современные этнические процессы в СССР, с. 287.

[155] Барабинские татары (барабинцы) являются одной из этнотерриториальных групп западносибирских татар. В составе западносибирских татар можно выделить следующие группы: барабинские (самоназвание *бараба*), тобольские (тоболик), тарские (тарлик), томские (калмак, еуштинцы, чаты), а также бухарские, которые именовали себя *бухарлык* либо сартами, некоторые – узбеками. Первая попытка этнотерриториальной классификации сибирских татар и выяснения их происхождения была предпринята Радловым на лингвистической основе. Он пришел к выводу, что в языковом отношении сибирские татары разделяются на барабинцев и иртышских татар, из которых первые образуют особую народность, между тем как вторые представляют смесь древних обитателей Сибири и переселившихся сюда тюрков Средней Азии. Барабинский диалект был причислен им к восточной ветви тюркских языков наряду с языками алтайцев, тувинцев, уйгуров и др., а диалект иртышских татар – к западной (кыпчакской) ветви, куда вошли также башкирский, казахский и другие языки (см.: *Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen, с. 28; *он же.* Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен... собраны В. В. Радловым. Ч. 4: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872). Классификация сибирских татар, предложенная Радловым, была поддержана рядом других исследователей, в частности Н. Ф. Катановым, Н. А. Аристовым и др. (*Катанов Н. Ф.* Этнографический обзор турецко-татарских племен.– Ученые записки Имп. Казанского университета. Т. 6. Кн. 3. 1894, с. 203; *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, с. 370; см. также: *Дмитриева Л. В.* Язык барабинских татар.– Языки народов СССР. Т. 2. М., 1966; *Тумашева Л. Г.* Язык сибирских татар. Казань, 1968; *Валеев Ф. Т.* Западносибирские татары. Казань, 1980). Современные данные лингвистики, антропологии, этнографии и археологии позволяют сделать вывод, что в этногенезе сибирских татар основную роль сыграли как местные племена, так и древнетюркские компоненты и кипчаки. Подчиненные монголами Чингисхана, они после падения ханства Кучума (1582 г.) вошли в состав России (см.: *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в.– Научные труды. Т. 3. М.– Л., 1955; *Трофимова Т. А.* Тобольские и барабинские татары. Антропологический очерк.– ТИЭ. Новая серия. 1. М.– Л., 1947; *Томилов Н. А.* Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978; *Валеев Ф. Т.* Западносибирские татары).

[156] Барабинцы населяют Барабинскую степь по р. Оми – правому притоку Иртыша. Смешиваются с переселившимися в эти районы казанскими татарами.

[157] Мусульманизация татар произошла в XVI в., при хане Кучуме, но пережитки домусульманских верований сохранялись здесь долго и отмечались исследователями еще в начале XX в. Барабинцы делились в прошлом на несколько этнотерриториальных групп: тереня, барама, тунус,

тураш, чой, любей, каргалы (см.: *Миллер Г. Ф.* Описание Сибирского ханства и всех происходящих в нем дел. Кн. 1. СПб., 1750, с. 299; *Валеев Ф. Т.* Западносибирские татары, с. 22; *Храмова В. В.* Западносибирские татары.– Народы Сибири. М.– Л., 1956).

[158] В состав западносибирских татар обычно включается большая группа бухарцев – выходцев из Бухары, начавших переселяться в Западную Сибирь в период Кучумова царства, в XVI в. Часть из них переселилась сюда позднее.

[159] Тобольские татары наиболее крупная группа западносибирских татар, составляющих около 70 тыс. человек. Тобольские татары включают разнородные по происхождению группы, в том числе так называемых заболотных татар (о последних см.: *Храмова В. В.* Заболотные татары.– ИВГО. 1950, т. 52, вып. 2). Называемые здесь Радловым «роды» тобольских татар – курдак, тогус (тугус), яскалбы, нанга – в прошлом являлись, по-видимому, подразделениями отдельных племен.

Глава четвертая

[1] Предложенное Радловым общее название народов Алтая и Минусинской котловины – «немусульманские тюркские племена Западной Сибири» – было не вполне удачным и не получило достаточного признания в научной литературе. Оно почти не употреблялось другими учеными.

[2] Речь идет скорее не о социальной, а о хозяйственной неоднородности. Действительно, среди этих народов были и кочевые скотоводы, и оседлые земледельцы, и охотники-собиратели тайги. Что же касается оленеводов, то на Алтае и в Минусинской котловине в XIX в. таковых не было. Свидетельства существования оленеводства в этом районе относятся к более раннему времени (см.: *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии.– СЭ. 1970, № 6; 1971, № 5; *он же.* К реконструкции хозяйственно-культурных типов у южносамодийских народов Саян в XVII–XVIII вв.).

[3] Речь идет об алтайцах (*алтай-кижи*), ошибочно именовавшихся горными калмыками (см. примеч. 3 к гл. II).

[4] Здесь Радловым, по-видимому, допущена описка при написании этнонима *алта-кижи*; в других случаях ученый употребляет более верное написание: *алтай-кижи*.

[5] О двоеданцах см. примеч. 10 к гл. II и примеч. 65 к гл. III.

[6] См. примеч. 3 к гл. II.

[7] Зайсанства – административные единицы, волости, возглавлявшиеся зайсанами (см. также примеч. 2 к гл. II).

[8] Административное управление, установленное российским правительством на Алтае, основывалось первоначально не на территориальном, а на родо-племенном принципе. Несколько родовых (родо-племенных) групп образовывали одну дючину, во главе которой стоял зайсан, ему подчинялись демичи, представлявшие каждый из входивших в дючину родов. Члены одной дючины не были связаны территориально, и нередко в одном селе жили люди, относившиеся административно к различным дючинам. Но уже в середине XIX в. часть дючин Алтая была основана на территориальном принципе, что и отмечает здесь Радлов, выделяя оставшиеся «кровные» дючины, т. е. основанные на родовом принципе. Такое положение существовало до 1912 г., когда царское правительство окончательно упразднило зайсанат и заменило его характерной для России того времени системой волостного управления. Все алтайские родо-племенные группы были приписаны к волостям, образованным по территориальному принципу (см.: *Потапов Л. П.* Очерки, с. 364; *Саглаев Ф.* Кумандинцы, с. 29; см. также примеч. 2 к гл. II).

[9] Радлов имеет в виду этнографический сборник статей алтайского миссионера В. И. Вербицкого «Алтайцы». Томск, 1870.

[10] Об этническом составе и происхождении алтайцев см.: *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей; *Швецов С. П.* Горный Алтай и его население; *Потапов Л. П.* Этнический состав.

[11] Об одежде алтайцев и других сибирских народов см.: *Прыткова Н. Ф.* Верхняя одежда.– Историко-этнографический атлас Сибири. М.– Л., 1961, с. 227–328.

[12] Предложенная здесь классификация народных жилищ алтайцев была первым опытом такого рода. Однако ныне она в значительной мере устарела. Юртой в современной этнографической литературе принято называть лишь тип жилища с цилиндрическим сборно-разборным решетчатым остовом (см.: *Вайнштейн С. И.* Проблемы истории жилища кочевников Азии.– СЭ. 1976, № 1).

[13] О классификации алтайских жилищ см.: *Попов А. А.* Жилище.– Историко-этнографический атлас Сибири. М., 1961. Об алтайских жилищах и их убранстве пишет также Е. М. Тощакова (Традиционные черты культуры алтайцев. Новосибирск, 1978, с. 70 и сл.), однако она пользуется в своей работе устаревшей терминологией типов жилищ.

[14] Многоугольные срубные «юртообразные» жилища, описанные Радловым, появились у алтайцев впервые лишь в середине XIX в. (см.: *Тощакова Е. М.* Традиционные черты, с. 75).

[15] Речь идет о работе А. А. Бунге (1802–1890) – русского ботаника, совершившего в 1830–1832 гг. путешествие на Алтай, в Монголию и Китай. Основные труды: *Bunge A.* Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges. B., 1830; *он же.* Flora Altaica. T. 1–4. СПб., 1829–1833 (совместно с Ледебуром и Мейером).

[16] О возрастных названиях лошадей и других домашних животных в тюркских языках см.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография, с. 44–51.

[17] Дэрбэты – монголоязычная народность, входившая вместе с олетами, торгоутами, баятами, захчинами и другими этническими группами в состав западных монголов-ойратов. Ныне населяют Убсунурский аймак, в меньшей мере – Кобдоский и Баян-Улэгейский аймаки МНР.

[18] Традиционные формы коневодства у алтайцев, как и скотоводства в целом, имели много общих черт с таковыми у других скотоводческих народов Саяно-Алтая, в особенности тувинцев (см.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография, с. 11–87).

[19] Речь идет не о неспособности алтайцев как народа освоить богатства Алтайского края – подобная ошибочная трактовка данной фразы Радлова встречается в работах отдельных авторов (см., например, в книге Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев», М.– Л., 1953, с. 34), а о невозможности этого для кочевников (!), что в целом верно. Переход алтайцев к коллективным формам хозяйства и в условиях Алтая убедительно доказал возможности приумножения богатств края бывшими кочевниками, перешедшими к оседлости.

[20] Перекочевки у кочевых скотоводческих народов были обусловлены не загрязнением жилищ, а исторически сложившимися хозяйственно-бытовыми традициями, прежде всего связанными с потребностями животноводства (см.: *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. М., 1973; *он же.* Историческая этнография, с. 57–77; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976).

[21] У всех коневодческих народов всадник садится на коня слева, что является очень древней традицией (см.: *Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры.– СЭ. 1966, № 3, с. 62 и сл.; *Вайнштейн С. И., Крюков М. В.* Седло и стремя.– СЭ. 1984, № 6.

[22] В тексте «Aus Sibirien» (AS, I, с. 290) – Gemse, т. е. горная серна (Capella rupicapra), но это ошибка, и речь, вероятно, идет о горном козле (Capra sibirica, Mey; нем. Gemsbock).

[23] В тексте неточность: речь идет не о лани, а о косуле (Capreolus pygargus, Pall; алт. *элик*).

[24] О приемах стрельбы такими ружьями см.: *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы, рис. 21–25.

[25] Разбрызгивание указательным пальцем правой руки нескольких капель водки, молока перед едой представляет собой особый обряд угощения духов, характерный в прошлом не только для алтайцев, но и для ряда других народов Южной Сибири, у которых господствовали шаманистские верования.

[26] О погребальных обрядах тувинцев см.: *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975; *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы, с. 192–194.

[27] Речь идет о М. В. Чевалкове, обучавшемся грамоте у архимандрита Макария (Глухарева) и служившем ему переводчиком. Уже после пребывания Радлова на Алтае, Чевалков был возведен в сан священника. Он был первым алтайским писателем, писавшим стихи и прозу на родном языке, но его сочинения имели в основном назидательный религиозный характер. Сохранилась и его автобиография, напечатанная на алтайском и русском языках. Его «жизнеописание» Радлов приводит в своей книге «Образцы народной литературы тюркских племен» (Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 1. Поднаречия алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев, саянцев. СПб., 1866). Об Алтайской духовной миссии, которую характеризует здесь Радлов, см. также: *Потапов Л. П.* Очерки, с. 242–249; *Бедюров Б.* Слово о предтечах (вместо послесловия).– Мудрый богатырь. Поэмы. Стихи. Басни. Пер. с алтайского. (Михаил Чевалков, Павел Чагат-Строев, Мирон Мундус-Эдоков). Горно-Алтайск, 1987, с. 113–135.

[28] Речь идет о миссионере В. И. Вербицком, который наряду с миссионерской деятельностью занимался этнографическими исследованиями среди алтайцев: сборник его этнографических статей составил солидную книгу «Алтайские инородцы» (М., 1893); написал труд по грамматике алтайского языка (опубликован в 1860 г. в Казани) и «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (Казань, 1884), сохранившие поныне свое научное значение.

[29] О них см. примеч. 2 к гл. I.

[30] Такие свистящие стрелы кочевники Центральной Азии и Южной Сибири начали широко использовать главным образом для военных целей еще в гуннское время, в конце I тысячелетия до н. э. Они сохранялись в XIX в. не только у китайцев, как пишет здесь Радлов, но и у народов Сибири (до начала XX в.). Использовались ими на охоте, чтобы, вспугнув скрытую ветвями дерева белку, заставить ее сменить место на дереве и тем самым облегчить меткий выстрел в нее (см.: *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы, с. 49–50, рис. 15, 16).

[31] Обычай давать имя ребенку по имени того, кто первым войдет в дом роженицы, был известен не только алтайцам, но и ряду других народов, в частности тувинцам (см.: *Вайнштейн С. И.* Личное имя, термины родства и прозвища у тувинцев.– Ономастика. М., 1969).

[32] Такой обычай был широко распространен у многих и земледельческих и скотоводческих народов мира.

[33] По данным Л. П. Потапова, алтайцы называли людей своего сеока *карындаш* (т. е. единоутробный, от *карын* – утроба) (*Потапов Л. П.* Очерки, с. 252). Отмечаемая Радловым у алтайцев экзогамия (запрет на вступление в брак в пределах рода) была известна всем народам мира, сохранявшим родовую организацию.

[34] Петр Симон Паллас (1741–1811) – русский естествоиспытатель, путешественник, академик Петербургской Академии наук, немец по национальности. Руководил экспедицией Петербургской Академии наук (1768–1774), исследования которой включали, в частности, Южную Сибирь. Ее результаты опубликованы (см.: *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 1–3. СПб., 1773–1788). Об алтайцах Паллас пишет в ч. 3 указанного труда, на который и ссылается здесь Радлов.

[35] Речь идет о так называемом воздушном захоронении, когда умершего клали на ветви деревьев или помост. Такие захоронения были известны многим народам Сибири (см.: Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980, с. 91–229), в том числе алтайцам (см.: *Шатинова П. И.* Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981, с. 94–104). Знали их и телеуты, что было отмечено не только Палласом, но много позднее М. Швецовой, которая писала: «Покойников телеуты подвешивают в лесу на деревьях...» (*Швецова М.* Алтайские калмыки.– ЗСОИРГО. 1898, кн. 23, с. 18).

[36] О них см. примеч. 58 к гл. III.

[37] Речь идет о книге В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы» (см. примеч. 28).

[38] О них см. примеч. 50 к гл. III.

[39] О них см. примеч. 46 к гл. III.

[40] См. примеч. 51 к гл. III.

[41] Об употреблении лука в шаманстве алтайцев см.: *Потапов Л. П.* Лук и стрела в шаманстве алтайцев.– СЭ. 1934, № 3.

[42] О них см. примеч. 51 к гл. III.

[43] О них см. примеч. 20 к гл. III.

[44] О них см. примеч. 11 к гл. III.

[45] Заселение Минусинской (Абаканской) котловины основной массой предков современных хакасов, входивших в различные этнические группы, началось не в XVII в., как об этом пишет Радлов, а с начала XVIII в. (см. примеч. 36 к гл. III).

[46] Речь идет о русском ученом XIX в. князе Н. А. Кострове – авторе ряда этнографических исследований о народах Сибири, в том числе об этнических группах, вошедших в состав хакасов (см. его труды: Очерки быта Минусинских татар.– Труды IV Археологического съезда. Т. 1. 1884; Качинские татары. Казань, 1852; Кизильцы. Казань, 1853; Бельтиры.– ЗСОИРГО. 1857, кн. 4; Койбалы.– ЗСОИРГО. 1863, кн. 6).

[47] В середине XIX в., когда вел свои исследования Радлов, «восточные» этнотерриториальные группы формировавшейся хакасской народности, в том числе жители степей, вели уже не кочевой, а преимущественно полуоседлый и даже оседлый образ жизни, что признает ниже и Радлов, когда пишет, что они представляют собой переходное явление от настоящих кочевников к оседлым крестьянам (см. также: *Патачаков К. М.* Культура и быт хакасов. Абакан, 1958, с. 18–21).

[48] Подробнее об одежде хакасов см.: *Шибаева Ю. А.* Одежда хакасов. Сталинабад, 1959.

[49] Это интересное описание камлания хакасской шаманки нуждается в некоторых пояснениях. Прежде всего следует сказать, что состояние транса было характерно для хакасских шаманов (как и для шаманов других сибирских народов) не при окончании камлания, а почти на всем его протяжении. Описываемые Радловым прыжки вокруг огня, подражание голосам зверей и другие действия шаманки совершались ею, несомненно, в состоянии транса. Сообщение Радлова, что шаманка по завершении сеанса камлания, уронив бубен, «свалилась замертво», не следует понимать буквально. Нередко шаманы, в особенности пожилые, испытав большое напряжение в ходе камлания, завершив его, валились на пол в состоянии, напоминающем обморок. Описание камлания хакасской шаманки в сере-

дине XX в. приводит Ю. А. Шибаева (см.: *Шибаева Ю. А.* Встреча с шаманкой.– СЭ. 1978, № 1). Сходные формы камлания были у тувинцев (см.: *Вайнштейн С. И.* Встреча с «великим» шаманом.– Природа. 1975, № 8) и у других народов Сибири (см.: *Алексеев Н. А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984).

[50] Речь идет о книге П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям» (ч. 3, кн. 1, СПб., 1788), в которой приведены, в частности, сведения об обычаях и обрядах отдельных этнических групп минусинских татар (хакасов).

[51] До революции у качинцев и у других этнических групп, вошедших в состав хакасов, были широко распространены дохристианские общественные моления, причем не только в связи с приходом весны, но и посвященные небу, духам гор, рек, домашних животных и др. Такие моления сопровождались жертвоприношениями. Упрек Палласу, который здесь делает Радлов, вряд ли оправдан, так как меринов также можно было приносить в жертву духам (о дохристианских религиозных обрядах у хакасов см.: *Костров Н.* Качинские татары. Казань, 1852, с. 56–60; *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900, гл. VII; *Патачаков К. М.* Культура и быт, с. 94–100).

[52] О свадебной обрядности хакасов см. также: *Патачаков К. М.* Культура и быт, с. 78–87; *Наумова О. Б.* Хакасы.– Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980, с. 24–26: *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор; *Костров Н.* Качинские татары, с. 11 и сл.; *Старынкевич И. Л.* Формы заключения брака у турецких племен Сибири и у кочевников Средней Азии.– СМАЭ. 1930, т. 11.

[53] Радлов цитирует: *Castrén M. A.* Reiseberichte und Briefe. О похоронном обряде хакасов см. также: *Караганов И.* Черты внешнего быта качинских татар.– ИРГО. 1884, т. 20, вып. 6; *Костров Н.* Кизильцы; *Катанов Н. Ф.* О погребальных обычаях тюркских племен с древнейших времен до наших дней.– ИОАИЭК. 1884, т. 12, вып. 2; *Усманова М. С.* Хакасы.– Семейная обрядность, с. 108–113.

[54] Речь идет о хакасском музыкальном инструменте хобрах, изготовлявшемся из стебля тростника, на который натягивалась кишка животного. Инструмент напоминает алтайский шоор.

[55] Речь идет о двухструнном или трехструнном щипковом инструменте хомыс. Его струны изготовлялись из конского волоса. Он использовался и как щипковый инструмент, и как «скрипка» (когда применялся смычок). В последнем случае его называют *ыых*. Отмечая у хакасов гитару, Радлов, вероятно, также имеет в виду хомыс.

[56] Этот струнный инструмент, по-хакасски *чатхан* (или *чатыган*), в прошлом иногда называли лежачей арфой. Он был распространен у многих народов – тувинцев, казахов (здесь он носит название *жетыген*) и др. (о музыкальных инструментах хакасов и других народов СССР см.: *Вертков К. А.* Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М., 1975).

[57] См. примеч. 46.

[58] Радлов имеет в виду свою книгу: Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. 1 отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым. Ч. 2. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызылское и чулымское (кюэрик). СПб., 1868.

[59] В эпосе тюркских и монгольских народов конь обычно выступает как мудрый друг и помощник богатыря, разговаривает с ним, дает советы (из последних исследований по этому вопросу см.: *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984).

[60] Радлов, несомненно, верно подметил отсутствие существенных следов религиозных взглядов шаманизма в эпической поэзии хакасов, хотя

она и уходит своими истоками в глубокое прошлое. Аналогичное явление характерно и для героического эпоса тувинцев и некоторых других тюркоязычных народов Сибири. Объяснение этому, казалось бы, парадоксальному обстоятельству лежит, на мой взгляд, в том, что шаманизм, по всей вероятности, не получил заметного развития у древних тюрков, которые, как известно, оказали значительное влияние на формирование эпического творчества степных кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Есть все основания считать, что шаманизм у тюркоязычных народов Сибири формировался главным образом на основе субстратных верований аборигенных племен, подвергшихся тюркизации (см.: *Вайнштейн С. И.* Роль культурно-исторических контактов в генезисе шаманства у тюркоязычных народов Сибири.— Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986, с. 17–19).

[61] О народном поэтическом творчестве хакасов см.: *Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е.* Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972.

Глава пятая

[1] Казахи (см. примеч. 4 к гл. I).

[2] Киргизы Средней Азии (см. примеч. 18 к гл. II).

[3] Впоследствии Радлов не раз изменял и уточнял свою классификацию тюркских языков. Современные исследователи выделяют в тюркских языках западную (западнохуннскую) ветвь, включающую узбекский, казахский, туркменский, новоуйгурский, каракалпакский и другие языки, и восточную (восточнохуннскую) ветвь, в которую входят древнеуйгурский, тувинский, алтайский, киргизский и другие языки (см.: *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М., 1960).

[4] Автор имеет в виду А. И. Левшина – писателя, ученого и государственного деятеля, который, будучи чиновником, по поручению Азиатского департамента выезжал в казахские степи в 1820 и 1822 гг. На основе собранных, как мы бы теперь сказали «полевых», материалов и изучения обширной литературы он издал солидный труд «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» (Ч. 1–3. СПб., 1832), во многом сохраняющий важное научное значение поныне, но в отдельных своих разделах существенно устаревший. Радлов ссылается здесь на данный труд Левшина (об истории этнографического изучения казахов см.: *Масанов Э. А.* Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР. А.-А., 1966).

[5] Радлов правильно подметил смешанность антропологического типа казахов, вызванную целым рядом особенностей формирования казахского народа на протяжении многих веков. Позднейшие исследования этого вопроса внесли ряд существенных коррективов в представления о процессе формирования казахов (подробнее см.: *Исмагулов С.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. А.-А., 1970).

[6] Здесь в характеристике конституционных особенностей казахов Радлов придерживался господствовавших в его время представлений, которые в значительной мере устарели (о конституционных особенностях казахов в начале XX в. см. подробнее: *Баронов С. Ф.* К изучению конституционных особенностей казахов.— Казаки. Л., 1930, с. 99–136).

[7] Радлов полагал, исходя из представлений середины прошлого века, что животных, в том числе оленя, первоначально одомашнили охотники. Современной наукой установлено, что доместицировали животных (исключая собаку) не охотники, а оседлые земледельцы. Переход к кочевому скотоводству у охотников происходил, по всей вероятности, в результате заимствований уже одомашненных животных у соседних оседлых народов

(см.: *Вайнштейн С. И.* Происхождение и формирование хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов; *он же.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии; *Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М., 1970).

[8] Традиционные маршруты кочевок оленеводов определялись прежде всего необходимостью обеспечить оленей соответствующими пастбищами, а также другими хозяйственными факторами (близость мест стоянок к охотничьим угодьям, возможность обеспечения топливом и др.).

[9] Речь идет о библейском рассказе (Быт. XIII, 1–13) о том, как Аврам (в тексте Радлова – AS, I, с. 414 – неточность: Аврам сменил свое имя на Авраам, согласно Ветхому завету, позднее описываемого события) и Лот со своими стадами и шатрами переходили с места на место, меняя пастбища. Но скота у них было много и выпасать его совместно на пастбищах было невозможно. «И был спор между пастухами скота Аврамова и между пастухами скота Лотова... И сказал Авраам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами твоими и пастухами моими; ибо мы родственники. Не вся ли земля пред тобою? Отделись же от меня. Если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево» (Быт. XIII, 7–9).

[10] О характере хозяйства и социально-экономических отношениях у казахов см.: *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX в. А.-А., 1971; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976, с. 136–205; Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв.: Материалы к историко-этнографическому атласу. А.-А., 1980. *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. А.-А., 1984.

[11] Здесь неточность: кишки забитых овец обычно не выбрасывали, а использовали, как частично и легкие, для приготовления пищи. Так, например, *куырдак* – жаркое в масле – готовили из мелко нарезанных кишок, легких, печени и мяса; бульон *сорпа* варили из мелко нарезанных кишок. Овечьи кишки шли также на изготовление струн для домбры.

[12] Имеется в виду таволга (спирея) – кустарниковое растение с крепкой древесиной.

[13] Радлов (здесь и ниже) допускает ошибку: двугорбый верблюд в научной классификации носит название «бактриан», а не дромадер. Последнее название применяется к одногорбому верблюду. Бактриан в отличие от дромадера сохранился также в диком состоянии. Казахские бактрианы образуют особую породу верблюдов (в СССР разводятся бактрианы еще двух пород – калмыцкие и монгольские). Гибридизация дромадеров и бактрианов, о которой пишет Радлов, дающая в первом поколении более мощных животных, давно практикуется многими народами Азии.

[14] Сведения Радлова о скотоводстве у казахов, об основных породах разводимых животных, их хозяйственном использовании, болезнях, тамгах и др. и поныне имеют очень большую научную ценность. В основных своих чертах описанные особенности скотоводства характерны не только для казахов, но и для ряда других в недавнем прошлом кочевых скотоводческих народов Южной Сибири и Средней Азии (подробнее см.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев, с. 11–87). Интересные сведения по вопросам скотоводства у казахов, дополняющие материалы Радлова и характеризующие северо-восточных казахов, приведены в работе: *Руденко С. И.* Очерк быта северо-восточных казаков.– Казаки. Л., 1930, с. 1–22. О традиционном скотоводстве казахов см. также: Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв., с. 31–136. К сожалению, ценнейшие материалы Радлова о скотоводстве у казахов оказались в этих работах совершенно не учтенными.

[15] Юрты вошли в быт кочевых скотоводческих народов евразийских степей еще в середине I тысячелетия н. э. (см.: *Вайнштейн С. И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии.– СЭ. № 4, 1976).

По своим конструктивным особенностям они делятся на два типа – монгольский и тюркский. Казахская юрта – тюркского типа в отличие от алтайской, которая, как и монгольская, калмыцкая, тувинская и бурятская, относится к монгольскому типу. Однако конструктивные различия этих типов незначительны (подробнее о казахской юрте см.: *Муканов М. С.* Казахская юрта. А.-А., 1981).

[16] Имеется в виду верхняя часть рукояти мутовки – писпека (в написании этого слова здесь и ниже в «Aus Sibirien» неточность, см.: AS, I, с. 458, 469).

[17] Имеется в виду не юрта – для юрты характерен решетчатый складной остов (см.: *Вайнштейн С. И.* Проблемы истории жилища, с. 43),– а конический шалаш с остовом из жердей, который служил казахам в основном временным жилищем.

[18] О прическах, одежде и украшениях казахов подробнее см.: *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда. А.-А., 1964.

[19] Автор имел здесь в виду использование казахами древней системы орошения, которая сохранилась в степях Евразии и использовалась в земледелии кочевыми скотоводческими народами, в том числе казахами, много веков спустя после ее создания.

[20] Юрты казахов украшались различными художественными изделиями, среди которых были войлочные мозаичные и аппликационные ковры (*сырмак*), войлочные многоцветные ковры (*текемет*), узорные тканые ленты (*баскур*), ворсовые и безворсовые тканые ковры, узорные циновки, а также вышивки, о которых пишет Радлов, украшавшие предметы быта и одежду [см.: *Гейне А. К.* Киргиз-кайсаки (в Зауральской степи).– Собрание литературных трудов. Т. 1. СПб., 1897, с. 161–162; *Мошкова В. Г.* Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX в. Ташк., 1970; *Муканов М. С.* Казахские домашние художественные ремесла. А.-А., 1978; *он же.* Казахская юрта, с. 47–186].

[21] Хожа.– Радлов приводит здесь казахское произношение слова *ходжа* (по-казахски более верно *кожа*), которое в мусульманском мире означает потомков, как правило мнимых, сподвижников пророка Мухаммеда (см.: *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Узбекистана и Таджикистана. М., 1976, с. 148–150).

[22] В тексте имеются небольшие расхождения со сведениями Потанина по этому вопросу, на которые ссылается Радлов (см.: *Потанин Г. Н.* Очерки. Вып. 2. СПб., 1881, с. 89, табл. XIX).

[23] Гадание по лопатке не связано с шаманизмом. Вместе с тем, характерное для ранних форм верований, оно было широко распространено среди многих азиатских, в том числе сибирских, народов, сохранивших шаманистские представления.

[24] О развитом культе святых в исламе, включавшем многих доисламских духов-покровителей, см.: *Басилов В. Н.* Культ святых в исламе. М., 1970.

[25] Описанные здесь обычаи в сходных формах были широко распространены также у народов Средней Азии, у ряда народов Сибири, что связано с особенностями исторического развития у них семейно-брачных отношений (см.: *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969; Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978).

[26] Это свидетельство Радлова является еще одним доказательством сильных пережитков языческих (домусульманских) верований у казахов середины XIX в., для которых, в частности, было характерно почитание огня, в особенности домашнего очага. Поэтому бросить в него сор или плюнуть значило осквернить очаг. Выше уже приводилось мнение Радлова о живучести языческих верований у казахов. Современник Радлова казахский просветитель Чокан Валиханов (1835–1865) писал, что в прошлом

казахи «поклонялись духу предков – арваху, огню как очистительной силе, луне, солнцу, земле и животным, составляющим их богатство» (*Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений в 5 томах. Т. 5. А.-А., 1951, с. 212).

[27] Как уже отмечалось выше (см. примеч. 3 к гл. II), речь идет об алтайцах.

[28] Здесь и ниже описка: надо *бесбармак*, как Радлов писал выше (AS, I, с. 429).

[29] Ямб – китайские денежные единицы в виде слитков серебра трех величин. Наибольшая содержала $4^3/_8$ фунта серебра.

[30] Описываемая здесь борьба была широко распространена у многих скотоводческих народов Азии. Под названием *хуреш* (или в сходных названиях) она была известна тувинцам, алтайцам, киргизам, монголам, бурятам, калмыкам и др. Древнейшие свидетельства о ней встречаются уже в памятниках изобразительного искусства на рубеже нашей эры (см.: *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 36–37).

[31] Речь здесь идет не о монете, а о серебряном слитке – ямбе (см. примеч. 29).

[32] Казахское название, приводимое здесь Радловым,– «Шар-йар» – близко к персидскому *чар яр* (четверо друзей), означающему первых четырех халифов – сподвижников и преемников пророка Мухаммеда.

[33] Здесь, вероятно, опечатка: правильно *бисмиллах ир-рахман ир-рахим*.

[34] Радлов описывает здесь традиции, связанные с древним культом плодородия, который никоим образом не отражает якобы упадок нравственности. Разумеется, что эти традиции нельзя смешивать с европейской проституцией и т. п. (о танцевальной практике, связанной с культом плодородия у разных народов мира, см.: *Королева Э. А.* Ранние формы танца. Кишинев, 1977, с. 65–81).

[35] Речь идет о джуте (каз. *жут*).

[36] Радлов впервые описал у казахов аул как семейно-родственную группу и пытался вскрыть ее исторические корни. Однако далеко не у всех кочевых скотоводческих народов аулы зимой объединялись в большие кочевые общины-стойбища, а летом расселялись. У тувинцев и некоторых других народов было наоборот – объединение аулов происходило в летнее время, что вызывалось рядом причин, в первую очередь экологических. Более подробно о казахских семейно-родственных группах см.: *Курылев В. П.* Семейно-родственные группы у казахов конца XIX – начала XX в. (по некоторым литературным источникам).– Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978, с. 132–143 (к сожалению, ценные суждения Радлова о казахском ауле остались совершенно не учтенными в указанной работе).

[37] *Бий* у казахов первоначально означало «лицо благородное и власть имущее» (см.: *Семенов А. А.* Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени.– Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 25. Сталинабад, 1954, с. 60). В XVIII–XIX вв. у казахов биями именовались правители кочевых родов, в функции которых входило также осуществление судебных обязанностей (фактически или формально они подчинялись ханам и султанам). К концу XIX – началу XX в. понятие *бий* у казахов обозначало, как правило, лишь судебное лицо, что было вызвано внедрением в Казахстане царской администрацией системы выборов «народных судей» – биев (см.: *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана.– Сочинения. Т. 2. Ч. 1, с. 353, 355, 367, 379–382; История Казахской ССР. Т. 1. А.-А., 1957, с. 411–413; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976, с. 150). Радлов здесь впервые дал столь полную характеристику социального института биев, который хотя и привлекал позднее внимание

ряда исследователей, но остается поныне недостаточно изученным, а суждения по нему в определенной мере противоречивыми. Несмотря на полноту характеристики бийства как социального явления, Радлов обошел важный вопрос о системе подчинения биев ханам и султанам.

[38] Институт ханов – правителей у тюрко-монгольских народов (он был известен у древних тюрок, уйгуров, кыргызов, аваров, монголов и др.) складывался в течение длительного времени в процессе формирования степной родовой аристократии и подчинения зависимых от нее слоев населения. Первоначально ханы, как, например, у древних монголов, становились правителями лишь на время войн, набегов, причем титул хана принимали вожди как крупных племенных объединений, так и мелких групп, включавших несколько ветвей отдельных родов. По мере развития социальной структуры и формирования раннеклассовых обществ у кочевников ханы узурпировали почти всю полноту политической власти и становились в отдельные исторические эпохи неограниченными правителями, как это имело место, например, в Монголии эпохи Чингисхана (см.: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. М., 1934, с. 72 и сл.). В Казахстане власть ханов была ограничена. До середины XVIII в. ханов выбирали, причем в их выборах участвовали относительно широкие слои населения, но постепенно круг избирателей сокращался. Власть казахских ханов усиливалась лишь во время военных действий, но в целом авторитет ханской власти был невысок, и они правили нередко лишь номинально, что отмечено здесь Радловым.

[39] См.: *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 3. Этнографические известия. СПб., 1832, с. 126–128.

[40] Уже в XVIII в. имел место кризис ханской власти у казахов в Младшем и Среднем жузах (о жузах см. примеч. 42), а в XIX в. ханская система правления фактически отмирает, что было вызвано рядом причин, в том числе теми, о которых пишет Радлов,– борьбой народных масс; политикой царского правительства, ставившего цель сначала использовать ханскую власть, а затем уничтожить ее; сепаратизмом султанов и крупных представителей знати [см.: *Сабырханов А.* Исторические предпосылки ликвидации ханской власти в Казахстане.– Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). А.-А., 1981, с. 149–163].

[41] Взаимоотношения казахов с Россией в историческом плане коротко охарактеризованы Радловым в третьей главе «Aus Sibirien», где истории казахского народа посвящен небольшой раздел (AS. I, с. 192–204), не вошедший, как и вся историческая часть третьей главы, в перевод (см. примеч. 1 к гл. III; о взаимоотношениях Казахстана и России см.: *Аполлова Н. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960; Казахско-русские отношения в XVI—XVII вв.– Сборник документов и материалов. А.-А., 1961).

[42] Казахи до их вхождения в состав России делились на три родоплеменных объединения – жуза, нередко именовавшиеся в литературе ордами. Старший жуз (Старшая орда) населял восточные и юго-восточные районы Казахстана; Средний жуз (Средняя орда) кочевал в центральной части, а Младший жуз (Младшая орда) – в северо-западной части казахских степей. Территории кочевий были относительно постоянными, но границы между жузами не были достаточно четкими и часто нарушались. В Старшем жузе не было племенного деления, в него входило 10 «родов», в Среднем жузе было 43 «рода», входивших в 4 племени (аргин, гирей, кипчак, найман), в Младшем жузе было 25 «родов», входивших в два племени – алчин и жедгиру, причем первое делилось на два отдела. Законы по упорядочению административного управления у казахов были введены Россией в начале XIX в. (Устав о сибирских киргизах) (подробнее см.: *Левшин А.* Описание, приложение – Устав о сибирских киргизах;

Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898; *Востров В. В., Муканов М. С.* Родо-племенной состав и расселение казахов. А.-А., 1968).

[43] В Средней Азии и Казахстане, по крайней мере со времен кочевых узбеков (XIV—XV вв.), султаном называли каждого члена династии, происходившей от Чингисхана.

[44] Наряду с термином *султан* для обозначения широкого круга знатных лиц, судей, чиновников употреблялся термин *тёре* (о семантической основе этого термина см.: *Кононов А. Н.* Опыт анализа термина *тӱрк.*— СЭ. 1949, № 1, с. 45).

[45] Радлов в свете истории номадизма в XX в. ошибался, полагая, что переход кочевников к оседлости непременно приведет к регрессу и обезлюдению степей. Опыт ряда кочевых народов, перешедших к оседлости, в особенности в социалистических странах — СССР и Монголии, доказывает возможность успешного развития экономики и культуры этих народов, роста численности их населения (см.: *Дахшлейгер Г. Д.* Маршрутом социального прогресса. А.-А., 1978; *Грайворонский В. В.* От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979; Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, и др.).

[46] Об обычном праве казахов см. также: *Культелеев Т. М.* Уголовное обычное право казахов. А.-А., 1955.

[47] Речь идет о киргизах Средней Азии (см. примеч. 18 к гл. II).

[48] Казахи. См. примеч. 4 к гл. I.

[49] Казахи.

[50] Куренные формы кочевания, характерные для киргизов до их присоединения к России, Радлов справедливо рассматривал как необходимость организации самозащиты в условиях возможных военных нападений. Такая форма была характерна на определенных этапах истории и для всех других кочевых народов, знали ее и монголы в период, предшествующий созданию их империи, и в первое время после ее образования. Переход к аульной форме кочевания, более благоприятной для ведения хозяйства кочевыми скотоводами, происходил в условиях относительной безопасности жизни в степях (см.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография, с. 74—77).

[51] Здесь и ниже (AS. I, с. 230 и сл.) Радлов ведет речь о племенах правого (*онг*) и левого (*сол*) крыла киргизов. К *онг* он отнес племена (Stämme) бугу, сары багыш, солту, эдигена, чонг багыш, черик. К *сол* им отнесены племена (Geschlecht) сары, беш берен, мундуз, тӧнгтӧриш, кутшу, кӱркӱрен етиген. По данным С. М. Абрамзона и некоторых других исследователей, структура правого и левого крыла киргизов имеет различия с приведенными выше сведениями Радлова (см.: *Абрамзон С. М.* Этнический состав, с. 3—136; а также примеч. 150 к гл. III).

[52] О расселении и структуре племен, приведенных Радловым здесь и в III главе, см.: *Абрамзон С. М.* Этнический состав, с. 15 и сл.

[53] Речь идет об отрывке из киргизского героического эпоса «Манас», начало изучению которого было положено трудами Ч. Валиханова и Радлова, записавшего и опубликовавшего свыше 12 тыс. стихов. Записи снабжены им переводом и вводной статьей (см.: Наречия северных тюркских племен. I отделение. Образцы народной литературы северных тюркских племен, собраны В. В. Радловым. Ч. V: Наречия дикокаменных киргизов. СПб., 1885).

[54] Эпос «Манас» состоит из трех поэм о богатыре Манасе, о его сыне Семетее и внуке Сейтеке. Алмамбет (здесь: Алман Бет), о котором идет речь в приведенном отрывке,— один из ближайших соратников Манаса, его названый брат, катайский царевич, отрекшийся от язычества ради «истинной веры». Современные исследователи позволили вскрыть многослойный характер процесса формирования этого эпоса и генезис образа

Алмамбета (см.: *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л., 1971, с. 25–92).

[55] Институт манапов сложился, по-видимому, в конце XVIII – первой половине XIX в. в Северной Киргизии, постепенно вытеснив понятие *бий*. До этого манапами называли всех лиц, принадлежавших к одному из подразделений племени сары багыш, которое носило название *манап* по имени своего родоначальника, жившего в XVII в. Верхушка подразделения манап, заняв привилегированное положение вначале в своем племени, потом распространила свою власть и на ряд других киргизских племен. Вначале манапами называли только представителей этой верхушки, но потом название стало нарицательным и им именовали биев многих киргизских племен. Таким образом, сомнение Радлова в правдоподобности записанного им рассказа о происхождении названия *манап*, как показали позднейшие исследования, было неоправданным. Вместе с тем утверждение Радлова об избрании правителей – манапов – из простого народа вряд ли может быть принято в свете позднейших изысканий советских историков, которые пришли к выводу, что власть манапов передавалась по наследству и восходила, вероятно, к военно-племенной знати, причем манапы в зависимости от их значимости делились на ряд категорий от старших по положению до низших, среди которых могли быть и разорившиеся бедняки.

Глава шестая

[1] Исходя из представлений, господствовавших в европейской науке в середине XIX в., Радлов считал, что шаманство как определенная религиозная система было присуще лишь ограниченному кругу азиатских народов, а именно народам тунгусским, монгольским и тюркским, у которых оно постепенно вытеснялось другими религиями. Однако в действительности шаманство было характерно для всех народов Сибири, в том числе также для угров, самодийскоязычных, кетоязычных и палеоазиатских народов, хотя степень его развития была у них различной. Вопрос о месте шаманства в истории религиозных верований и поныне не может считаться окончательно решенным, но большинство советских ученых рассматривают шаманство как одну из ранних форм религии, которая была присуща всем народам мира (см.: *Токарев С. А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, с. 278–305).

[2] У маньчжуров также был распространен шаманизм, пережитки которого сохранялись до недавнего времени [см.: *Руднев А. Д.* Новые данные по живой маньчжурской речи и шаманству. СПб., 1912; *Кротков Н. И.* Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибо, живущих в Илийской области и Тарбагатае.– ЗВОРАО. 1913, т. 21, вып. 2–3; Нишань самани битхэ (Предание о нишанской шаманке). Изд. текста, пер. и предисл. М. П. Волковой. М., 1961 (ПЛНВ. Тексты. Малая серия. VII)].

[3] У монголов, в том числе населяющих район Гоби, шаманистские верования сохранялись еще до недавнего времени.

[4] Радлов допускает здесь неточность. Мусульманство не получило распространение также у якутов и долган – тюркоязычных народов, живущих за пределами Алтая и Саянских гор.

[5] Как уже отмечалось выше (см. примеч. 7 к гл. III), сойоны – устаревшее название тувинцев. Буддизм в ламаистской форме получил распространение у всех групп тувинцев, в том числе у тувинцев монгольского Алтая, начиная с конца XVI в. (см. примеч. 90 к гл. III).

[6] Среди тюркоязычных народов Сибири мусульманство получило распространение лишь у сибирских (западносибирских) татар, к которым оно проникло еще в XVI в., при Кучуме. Упоминаемые Радловым барабинские

татары – наиболее крупная этнотерриториальная группа в составе сибирских татар (см. примеч. 155 к гл. III). В прошлом у сибирских татар были племенные подразделения, одно из которых – курдак, входившее в тобольскую группу, отмечено здесь. По данным Ф. Т. Валеева, татары группы тара (тара-татары) и курдак – это различные группы (см.: *Валеев Ф. Т.* Западносибирские татары, с. 22; ср.: *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск, 1981, с. 113 и сл.). Ныне племенное деление забыто. В Сибири помимо татар ислам исповедовали также казахи, переселившиеся на Алтай в конце XIX в. (Кош-Агачский р-н Горно-Алтайской авт. обл.).

[7] Речь идет о православной духовной миссии на р. Кебизень (Көп-Өлбн) в Горном Алтае, ныне здесь пос. Турочак.

[8] Современные научные представления не позволяют говорить о «мировоззрении шаманизма», так как он не образует целостную религиозную систему. Воззрения на мир в шаманстве различных народов имели существенные отличия. Их объединяла лишь вера в определенных лиц–шаманов, которым приписывалась способность вступать в непосредственное общение с духами главным образом в состоянии экстаза.

[9] Представление о мире как о множестве слоев, или ярусов, характерно далеко не для всех шаманистов. В шаманской мифологии сибирских народов существовало также весьма древнее представление о делении вселенной на три мира – небесный, земной и подземный, иногда на два мира – нижний и верхний, что находило отражение, в частности, в рисунках вселенной на шаманских бубнах тувинцев, хакасов, алтайцев и других народов Сибири. Вместе с тем для мифологии ряда сибирских народов характерно представление о множественности слоев вселенной. У некоторых из них оно, вероятно, связано с более поздним влиянием буддизма. Любопытно, что у отдельных народов, например у тувинцев и алтайцев, существовали представления как о трех мирах вселенной, так и о множественности ее сфер (см.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976; *Алексеев Н. А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984).

[10] Упоминаемое здесь божество восходит к древнетюркскому божеству Неба (Тенгри). У древних тюрок это было верховное божество, божество верхнего мира, представления о котором сохранялись у ряда алтайских народов (см.: *Roux J. P.* Tängri.— Revue de l'Histoire des religions. P., 1962. t. 149, № 1–2; *Harva U.* Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker. Helsinki, 1938). Культ Неба среди народов Саяно-Алтая был отмечен главным образом у хакасов (качинцев, бельтиров, сагайцев), но, как пишет Л. П. Потапов (Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов.– Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 63, 64), шаман в молении Небу не участвовал. Это можно объяснить тем, что древнетюркская традиция в верованиях саяно-алтайских народов не была связана с шаманизмом (см.: *Vainstein S. I.* Shamanism in Tuva at the turn of the 20th century.— Shamanism in Eurasia. Budapest, 1984; *он же.* Роль культурно-исторических контактов, с. 17–18).

[11] Эрлик в мифологии саяно-алтайских тюркоязычных народов, а также бурят, калмыков и монголов – владыка подземного мира, высший правитель царства мертвых. Предполагается, что это имя восходит к древнеуйгурскому представлению об Эрлик-кагане – владыке буддийского ада. Имя Эрлик встречается в древнетюркских рунических памятниках, отражая существование представления о нем также и в древнетюркской мифологии (см.: *Кляшторный С. Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках.– ТС-77. 1981, с. 117–138); об Эрлике в мифологии

алтайцев см.: *Сагалаев А. М.* Мифология и верования алтайцев: Центрально-азиатские влияния. Новосибирск, 1984, с. 41–48).

[12] Имя Май-Тäрä может быть сопоставлено с известным буддийским персонажем – грядущим буддой Майтреей.

[13] Имя Мандыширä восходит, вероятно, к буддийскому персонажу бодхисаттве Манджушри.

[14] В легендах-мифах алтайских шаманистов влияние мифологии буддизма велико и не ограничивается восприятием персонажей буддийской мифологии. Это влияние связано с историческими особенностями формирования развитых форм шаманизма у алтайцев, тувинцев и других народов Южной Сибири и Центральной Азии (см.: *Попов И.* Мифология буддизма в Тибете и Монголии. Казань, 1910; *Вайнштейн С. И.* Тувинское шаманство. М., 1964; *Жуковская Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977).

[15] Пäр-су (Пер-су) (тюрк.: земля-вода) в мифологии алтайцев, киргизов, хакасов олицетворяло обожествленное представление о Земле и Воде как высших духах (см.: *Каруновская Л. Э.* Представления алтайцев о вселенной.– СЭ. 1935, № 4–5, с. 162–163; *Стеблева И. В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы.– ТС-71. 1972, с. 215–216).

[16] Имеется в виду «магический камень» яда-таш, который, как полагали шаманисты, мог влиять на погоду. Магические обряды с яда-ташем, описанные еще у средневековых тюркских племен, совершались до недавнего времени не только у алтайцев, тувинцев, но и у других тюркских народов (см.: *Малов С. Е.* Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая.– СЭ. 1947, № 1). Приведенные ниже шаманские тексты даны в «Aus Sibirien» в переводе с алтайского на немецкий язык. Оригинальные тексты на алтайском языке, как и их перевод, опубликованы Радловым в его труде «Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи». I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен... собраны В. В. Радловым. Ч. 1. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866. В немецком переводе (AS, II, с. 9 и сл.) имеются отдельные уточнения.

[17] О представлениях алтайцев о мире см. также: *Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы, с. 91 и сл.; *Анохин А. В.* Материалы по шаманству алтайцев. Л., 1924; *Каруновская Л. Э.* Представления алтайцев о вселенной.– СЭ. 1935, № 4–5; *Дьяконова В. П.* Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке.– Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. Но в указанных работах ценнейшие свидетельства Радлова о мировоззрении алтайцев, к сожалению, остались неупомянутыми.

[18] Культ *обоо* (*обо, ова*) связан своим происхождением с широко распространенными в прошлом у тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии культом духов-хозяев местности и культом гор. Складывание куч камней (носивших название *обо, ова*) на горных перевалах, берегах озер и рек отражало почитание духов-хозяев гор, воды. Этот обычай сохранялся еще в XX в. у бурят, монголов, тувинцев, части алтайцев (см.: *Кагаров Е. Г.* Монгольские «обо» и их этнографические параллели.– СМАЭ. 1927, т. 6; *Герасимова К. М.* Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии.– Этнографический сборник. Вып. 5. Улан-Удэ, 1969; *Дьяконова В. П.* Религиозные культы тувинцев.– СМАЭ. Т. 33. 1977).

[19] Представление о шамане как слуге дьявола было широко распространено в прошлом не только у переселившихся в Сибирь русских крестьян, оно проникло также в научную литературу. Первые путешественники, познакомившиеся с сибирским шаманством в XVIII в., также полагали, что шаманы – слуги дьявола, причем это нашло отражение и

в известной работе Гр. Новицкого «Краткое описание о народе остяцком», написанной в 1715 г. (СПб., 1884, с. 48–49), а также в упомянутой выше книге миссионера В. Вербицкого, изучавшего быт алтайцев в XIX в. (Алтайские инородцы, с. 75).

[20] Переход «шаманского дара» от отца к дочери был не столь уж редким явлением у шаманистов, как об этом пишет Радлов. По данным моих информаторов – тувинцев и алтайцев,– женщина в равной мере могла наследовать «шаманский дар» как от отца-шамана, так и от матери-шаманки, то же относится к наследованию этого «дара» мужчинами. Вместе с тем число женщин-шаманок было несколько меньше, чем мужчин-шаманов. Например, у тувинцев число последних было на 25–30% выше. По переписи 1931 г., у тувинцев число женщин-шаманок составляло 314, а мужчин 411 (Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. М., 1934, с. 19, табл. 2).

[21] Становлению шамана у сибирских народов посвящена обширная литература, однако этот вопрос нельзя считать достаточно исследованным (см.: *Дыренкова Н. П.* Получение шаманского дара по воззрениям турецких племен.– СМАЭ. 1930, т. 9; *Токарев С. А.* Ранние формы религии, с. 292–298; *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы, с. 176–179; *Басилов В. Н.* Избранники духов. М., 1984, с. 52 и сл).

[22] О миссионере В. И. Вербицком см. примеч. 28 к гл. IV.

[23] Формула приветствия, пожелания здоровья. В алтайском: *эзен* – здоровый, здравствуйте [см.: *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, с. 308]; *салам* (араб.) – привет, приветствие.

[24] Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен... собраны В. В. Радловым. Ч. 1. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866.

[25] Действие 2, явление 9. Стихи Ф. Шиллера даны в переводе В. Жуковского.

[26] Сибирскому шаманству посвящена обширная литература, принадлежащая как перу дореволюционных исследователей, так и современная [см.: *Михайловский В. М.* Шаманство (сравнительно-этнографические очерки).– ИРГО. Т. 25. Вып. 1. Труды этнографического отдела. 1892; *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936; *Ксенофонтов Г. В.* Культ сумасшествия в урало-алтайском шаманизме. Иркутск, 1929; *Широкогоров С.* Опыт изучения основ шаманства у тунгусов. Владивосток, 1919; *Трощанский В.* Эволюция черной веры у якутов. Казань, 1902; *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев.– СМАЭ. 1924, т. 4, вып. 2; *Токарев С. А.* Ранние формы религии: Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981; *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984; *Алексеев Н. А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984; Shamanism in Siberia. Budapest, 1978; Glaubenswelt und Folklore der Sibirischen Völker. Budapest, 1963; *Eliade M.* Schamanismus und archaische Ekstasetechnik. Stuttgart, 1957].

[27] Несмотря на то что буддизм в его ламаистской форме становится в Туве начиная с XVII в. официальной религией и активно поддерживается властями, шаманство у тувинцев было широко распространено до XX в., уживаясь с ламаизмом. Еще в 1931 г. в Туве насчитывалось свыше семисот шаманов (см.: *Кон Ф.* Экспедиция в Сойотию.– За пятьдесят лет. Ч. 3. М., 1934; *Вайнштейн С. И.* Тувинское шаманство. М., 1974).

[28] Слово *баксы* (диалектная форма *бакса*) у киргизов и казахов означает шамана, прорицателя, исцеляющего больных заклинаниями. По мнению В. В. Бартольда, появилось в восточнотюркском и персидском языках в монгольскую эпоху, обозначая прежде всего представителя буд-

дийского духовенства. У туркмен оно означает народного певца, а в калмыцком, монгольском и маньчжурском языках *бахши* обозначает лиц высокого духовного звания. Предполагается, что это слово проникло в тюркскую речь из санскритского *бхикшу* (см.: *Бартольд В. В.* Бахши.— Сочинения. Т. 5. М., 1968, с. 501).

[29] Следует отметить, что не только шаманизм претерпел изменения под влиянием ислама, но и в исламе, в особенности в культе святых, значительны влияния шаманизма (см.: *Басилов В. Н.* Культ святых в исламе. М., 1970, с. 92–118; Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975).

[30] Призывание казахского шамана (*баксы*), помещенное в «Aus Sibirien», воспроизводит перевод на немецкий язык опубликованного В. В. Радловым ранее в «Образцах народной литературы тюркских племен» (Ч. 3. СПб., 1870, с. 46–51) текста на казахском языке. В «Aus Sibirien» даны пространные отрывки из этого полного текста, а некоторые места лишь пересказаны. Сопоставление переводов в «Образцах...» (с. 60–66) и в «Aus Sibirien» позволяет прийти к выводу, что, подготавливая последнее издание, В. В. Радлов уточнил ранее сделанный перевод, в том числе устранил некоторые неточности.

[31] Строки песнопения казахского шамана, приводимые ниже, опубликованы В. В. Радловым в книге: Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым. Ч. 3: Киргизское наречие. СПб., 1870, с. 46–51. Публикуя перевод текста в «Aus Sibirien», В. В. Радлов счел возможным некоторые фразы опустить.

[32] Казрет (Азрет, Хазрет) Кожа – Ходжа Ахмед Ясави, почитаемый казахами мусульманский святой, основатель суфийского ордена ясави; над его могилой в г. Туркестане (Чимкентская обл.) был сооружен великолепный мавзолей, ныне широко известный как памятник средневековой среднеазиатской архитектуры.

[33] В. В. Радлов имеет в виду труд Г. Вамбери: Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Uigurische Text mit Transcription und Übersetzung... von H. Vámbéry. Innsbruck, 1870. «Кутадгу Билик» был издан уже после опубликования «Aus Sibirien» также В. В. Радловым (Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun. Hrsg. von W. Radloff. T. 1. Der Text in Transcription. St.-Pbg., 1891: T. 2. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo. St.-Pbg., 1900–1910).

[34] Речь идет о книге: *Vámbéri H.* Cagataische Sprachstudien, enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomathie und Wörterbuch der čagataischen Sprache. Lpz., 1867.

[35] Этому памятнику посвящен труд В. В. Радлова, написанный уже после опубликования «Aus Sibirien»: *Radloff W.* Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. Manuscript der Bibliothek des Markus-Kirche in Venedig. Nach der Ausgabe der Grafen Kuun. St.-Pbg., 1887. Об изучении памятника и библиографию см. также: *Gabain A. v.* Die komanische Literatur.— PhTF. T. 2, с. 243–251.

[36] О названиях шаманов в тюрко-монгольских текстах см.: *Roux J.-P.* Le nom du Chaman dans les textes turco-mongols.— «Anthropos». Vol. 53, 1958.

Глава седьмая

[1] Речь идет о степях Северного Казахстана.

[2] Каменные оградки и отдельные плиты, устанавливавшиеся на погребальных сооружениях ряда эпох, имеют важное значение для классификации и датировки памятников, отражая особенности погребально-поминальной обрядности. Однако более точная их характеристика возможна лишь в результате археологических раскопок, детального изучения всего памятника, в том числе инвентаря.

[3] В указанном регионе встречаются могильники, включающие и менее десяти погребений, и огромные древние кладбища, насчитывающие многие сотни могил.

[4] Предлагаемая В. В. Радловым классификация южносибирских погребений главным образом по их внешним признакам была первым опытом типологической характеристики курганов в степях Южной Сибири, в особенности в Минусинской котловине (Абаканской степи), но ныне устарела. Позднее, в 20-е годы нашего столетия, научную классификацию погребальных сооружений в Минусинской котловине разработал С. А. Теплоухов (см.: *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае.– Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 2. Л., 1926; *он же.* Опыт классификации металлических культур Минусинского края.– Материалы по этнографии. Т. 4. Вып. 2. Л., 1929). Периодизация С. А. Теплоухова, в которой важное место уделено также внешним признакам, сохранила в основном свое значение до нашего времени. Эта хронологическая периодизация памятников рассматриваемого региона была позднее уточнена и углублена в трудах С. В. Киселева, М. П. Грязнова, Н. Л. Членовой и других исследователей (см.: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1949; *Грязнов М. П.* Тагарская культура.– История Сибири. Т. 1. Л., 1968, с. 187–195; *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972; *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986 и др.).

[5] Об этом изваянии см. примеч. 34.

[6] Здесь и выше речь идет о курганах тагарской культуры, существовавшей у населения Минусинской котловины на протяжении длительного периода – около семи столетий, от VII до I в. до н. э. Для курганов тагарской культуры характерны прямоугольные каменные ограды и отдельные столпообразные камни. Тагарские курганы образуют обычно группы, которые заметны по стоящим на их углах и сторонах высоким камням. Некоторые курганы имеют высоту десять и более метров, а камни в их оградах возвышаются на 3–4 м. М. П. Грязнов и ряд других современных исследователей выделяют в хронологическом развитии тагарской культуры четыре этапа: баиновский (VII—VI вв. до н. э.), подгорновский (VI—V вв. до н. э.), сарагашенский (IV–III вв. до н. э.) и тесинский (II–I вв. до н. э.). Внешние признаки тагарских курганов каждого из этих этапов имели свои особенности, которые позволяют археологам почти безошибочно определять их относительную и абсолютную хронологию, как правило подтверждаемую в процессе исследования памятников. Так, у курганов баиновского этапа ограды были высокие, до 1 м, квадратными в плане, каждая могила имела свою ограду. Ограды обычно примыкали друг к другу. Курганы следующего, подгорновского, этапа, составляющие большую часть известных памятников тагарской культуры, имеют вид небольших, нередко малозаметных, плоских или холмообразных возвышений, в основании которых установлены четыре камня и имеется прямоугольная ограда (она выявляется обычно лишь в процессе раскопок). Иногда высокие камни стоят и посредине каждой стороны ограды, и тогда число камней в ограде достигает восьми. Курганы сарагашенского этапа обычно больше по размерам, а каменные конструкции их значительнее, причем на-

сыпь выше и заметнее. Ограда обставлялась восемью, а чаще – десятью высокими камнями, в числе которых четыре угловых. Курганов тесинского этапа известно очень мало. Это огромные курганы, стоящие поодиночке. Они обставлены большим числом высоких камней. К этому же этапу относят и могильники из примыкающих друг к другу больших групп могил (от 10 до 100 и более) с невысокими оградками (см.: *Грязнов М. П.* Тагарская культура, с. 187–194. О происхождении тагарской культуры см.: *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история тагарской культуры. М., 1967). На табл. 2 к т. 2 изображены курганы тагарской культуры (рис. 5, 6), а на табл. 3 к т. 2 показаны предметы тагарской культуры: нож (рис. 2), кинжал (рис. 3), кельт (рис. 4), на табл. 4 к т. 2 – котел (рис. 4).

[7] Здесь и выше (четвертый тип) речь идет о погребениях карасукской культуры, характерной для населения Южной Сибири, Казахстана, Монголии в конце II – начале I тысячелетия до н. э. Внешне могилы карасукской культуры заметны по окружающей их квадратной каменной ограде из вертикально поставленных плит или по круглой ограде из мелкого плитняка (см.: *Грязнов М. П., Пяткин Б. Г., Максименков Г. А.* Карасукская культура.– История Сибири. Л., 1968, с. 180–186; *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972; *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники, с. 51–76). На табл. 2 к т. 2 в книге Радлова показан план одного из карасукских могильников (рис. 2). По существу, Радлов впервые выделил в своей классификации памятники этой культуры.

[8] «Огороженные камнями прямоугольники» без могил в них – это древнетюркские поминальные оградки второй половины I тысячелетия. Судя по описанию, Радлов обследовал оградки кудыргинского типа (см.: *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.– Л., 1986, с. 14–18; *Кубарев В. Д.* Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая.– Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979, с. 135–160; *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984, с. 68–71).

[9] Автор имеет в виду книгу Г. Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии» (Вып. 2. СПб., 1881). Керексуры в этой книге изображены на табл. I–VII, их описание – на с. 47–63.

[10] Предложенная здесь менее дробная периодизация археологических памятников Алтая, Минусинской котловины, восточной части Казахстана и сопредельных районов, где вел раскопки Радлов, явилась, так же как и уже отмеченная выше (см. примеч. 4), первым опытом обобщенной периодизации и в целом верно отразила основные тенденции развития культур этого обширнейшего региона от памятников эпохи бронзы до курганов енисейских кыргызов, которые, судя по составу могильников и местонахождению погребений, «зарытых в землю», относились к IX–X вв. (см.: *Худяков Ю. С.* Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982, с. 8). Что же касается выделения здесь «древнейшего» и «более нового» железных периодов (ниже последний именуется также «новейшим»), то в современных археологических периодизациях железный век принято делить на ранний и поздний.

[11] Мессершмидт Даниил Готлиб (1685–1735) – известный ученый, исследователь Сибири. По национальности немец, находился на русской службе с 1716 г. Вел по заданию Петра I обширные экспедиционные исследования в Сибири в 1720–1727 гг., в ходе которых собрал ценнейшие материалы о сибирской природе, экономике, этнографии, истории, включавшие обширные археологические записи (собранную им коллекцию древностей он привез в Петербург). Им был составлен также атлас, тридцать пять таблиц которого включали изображения каменных изваяний, прорисовки надписей, сохранившихся на памятниках, рисунки различных найденных и виденных им древностей. После Мессершмидта и другие ученые, путешествовавшие по Сибири в XVIII–XIX вв. (Страленберг,

Миллер, Гмелин, Паллас, Георги и др.), если в той или иной мере фиксацию древних памятников. Записи Мессершмидта, содержащие археологические сведения, по хранящейся в Академии наук рукописи были частично опубликованы Радловым [см.: *Радлов В.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1888 (Имп. археол. комисс. Материалы по археологии России. № 3). Приложение, с. 5–19]. Труд Мессершмидта, включающий его сведения о древностях, опубликован полностью в ГДР: *Messerschmidt D. G.* Forschungsreise durch Sibirien. T. 1. B., 1962.

[12] Здесь Радловым допущена неточность: запись сделана Мессершмидтом не 25 мая, а 25 марта 1721 г. (см.: *Радлов В.* Сибирские древности. Приложение, с. 10).

[13] Это также извлечение из путевого дневника Мессершмидта (см.: *Радлов В.* Сибирские древности. Приложение, с. 19).

[14] Г. Ф. Миллер, как уже отмечалось выше (см. примеч. 17 к гл. III), участвуя в Великой Северной экспедиции Академии наук, находился в Сибири с 1733 по 1743 г., а не только в 1735 г., как об этом пишет здесь Радлов. Об ограблении древних могил Миллер писал в своей статье «Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных», включенной в «Историю Сибири». В тексте, цитируемом в «Aus Sibirien», имеются некоторые различия с текстом этой статьи Миллера (*Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1, с. 524), отрывок из которой мы приводим ниже: «Сии могилы (по рекам Иртышу, Тоболу, Оби, Енисею.– *С. В.*) свободно рассматривать возможно уже стало с нынешнего столетия, когда калмыки и киргизы (енисейские кыргызы.– *С. В.*), кои набегами своими оные страны беспрестанно обеспокоивали, оттуда удалились. Еще многих людей застал я в Сибири, кормившихся прежде такою работой, но в мое время никто больше на сей промысел не ходил, потому что все могилы, в коих сокровища найти надежду имели, были уже разрыты. Не инако, как люди, ватагами ходя на соболиный промысел, так и здесь великими партиями собирались, чтоб разделить между собою работу и тем скорее управиться с многими курганами. К тому же еще и по отходе калмык страна между Обью и Иртышом от разъезжающих киргиз-казаков находилась в опасности. А на западную сторону Иртыша по то время, как я был в Сибири, еще никто ходить не смел, потому что там киргиз-казаки почти непрестанно разъезжали, и не так еще, как ныне, крепостями ограждены были. Может быть, что в оных странах откроют впредь еще многие драгоценности».

[15] Действительно, как показали позднейшие археологические исследования, ограбление могил совершалось преимущественно еще в древности. Находки археологами неограбленных погребений, содержащих драгоценности, сравнительно редки.

[16] Очевидно, это одно из погребений тесинского этапа (II–I вв. до н. э.). Возможно, что здесь находились отдельные захоронения черепов (см.: *Э. Б. Вадецкая.* О культе головы по древним погребениям Минусинских степей.– Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980, с. 104–117).

[17] Скорее всего это захоронение андроновской культуры (вторая половина II тысячелетия до н. э.).

[18] Указание на находки стремян в памятниках раннего железного века ошибочно. Металлические стремена впервые в Южной Сибири появляются в древнетюркское время [см.: *Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве).– СЭ. 1966, № 3, с. 62–74; *Вайнштейн С. И., Крюков М. В.* Седло и стремя].

[19] Витсен (Витзен) Николай Корнелиуссон (1641–1717). Голландский географ и юрист, бургомистр Амстердама. В 1664–1667 гг. был в Москве с голландским посольством, собирал сведения о народах и областях России, в том числе и об археологических памятниках. Издал в Амстердаме

карту России и труд, включавший, в частности, сведения о сибирских древностях (*Witsen N. C.* Nord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692). Извлечения из этого труда в переводе Э. И. Ваншейдта приведены Радловым в его книге «Сибирские древности» (*Радлов В.* Сибирские древности. Приложение, с. 3–5).

[20] Чудь – древнерусское название эстов, а также других финских племен, живших к востоку от Онежского озера. «Чудские шурфы», о которых говорит Радлов,– бытовое название древних выработок, шахт, которые местные жители ошибочно относили к чуди.

[21] О бронзовом литье в карасукскую и тагарскую эпохи см.: История Сибири. Т. 1. Л., 1968, с. 183 и сл.

[22] Здесь и далее речь идет об изображениях в скифо-сибирском зверином стиле (см. табл. к т. 2: 5, рис. 3–5; табл. 7, рис. 1, 2; табл. 12, рис. 1, 3, 5, 6, 9), получившем развитие у кочевых скотоводов евразийских степей в I тысячелетии до н. э. Некоторые традиции этого стиля сохранялись в народном искусстве кочевников до этнографической современности. В тагарской культуре звериный стиль имел ряд особенностей. См.: *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история, с. 110 и сл.; *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее. Л., 1983.

[23] Речь идет о ножах и кинжалах тагарской культуры. Бронзовые ножи (табл. 3 к т. 2, рис. 2) являются самыми массовыми находками в курганах тагарской культуры. На раннем этапе характерны цельнометаллические ножи с плоской рукоятью, имеющей на конце кольцо или полукольцо. Плоскую рукоять обматывали ремешком или обкладывали деревянными пластинками. Делали и ножи с гладкой рукоятью и с дырочкой для ремешка на конце. Позднее преобладают ножи пластинчатые с рукоятью, имеющей отверстие. Иногда клинок и ручка образуют угол, подобно ножам предыдущей эпохи (коленчатые ножи). У ножей нередко ручка завершается фигурками животных (чаще головы козла, птиц). Существуют и некоторые другие типы ножей. На последнем этапе тагарской культуры появляются железные ножи, так же цельнометаллические (см.: *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история, с. 166–210; *Грязнов М. П.* Тагарская культура, с. 188–194). Значительное число разнообразных бронзовых ножей карасукской и тагарской культур великолепно изображено на таблицах в труде В. Радлова «Сибирские древности» (Т. 1. Вып. 1, табл. I–VI). Кинжалы, как и все виды оружия, в тагарской культуре сделаны из бронзы в отличие от многих других культур евразийских степей, где железное оружие начали употреблять значительно раньше (например, у скифов еще в VII в. до н. э.). Все тагарские кинжалы цельнолитые с прямым или бабочковидным перекрестием, причем первые более древние. Встречаются и небольшие модели настоящих кинжалов. Нередки кинжалы с ручками, декорированными фигурками животных (табл. 3 к т. 2, рис. 3). Судя по находкам кинжалов в вечной мерзлоте, образовавшейся в курганах, в том числе в раскопанном мною могильнике Казылган в Туве, носили их в деревянных ножнах, обтянутых выделанной кожей; кожаным ремешком обтягивали и рукоятки кинжалов (см.: *Вайнштейн С. И.* Памятники скифского времени в Западной Туве.– УЗТНИИЯЛИ. 1955, вып. 3, рис. 4–*4, 11, 12*; *он же.* Археологические исследования в Туве в 1955 г.– УЗТНИИЯЛИ. 1956, вып. 4, рис. IV–3; о типологии тагарских кинжалов см.: *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история, с. 14–25, табл. 3–6).

[24] Радлов верно отметил то обстоятельство, что в Минусинской котловине бронзовые накопечники стрел находят реже, чем ножи и кинжалы. Это отражает специфическую для тагарской культуры особенность (о типологии тагарских стрел и копий см.: *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история, с. 39–65).

[25] Кельты (табл. 3 к т. 2, рис. 4) сравнительно редкие находки как в погребениях тагарской культуры Минусинской котловины, так и в курганах Алтая (о типологии сибирских кельтов см.: *Грязнов М. П.* Древняя бронза Минусинских степей.– Труды отдела истории первобытной культуры. Т. 1. Л., 1941).

[26] Имеются в виду чеканы тагарской культуры. Радлов здесь впервые описал различные типы тагарских чеканов, но он ошибочно полагал, что они могли быть не только оружием, но и рабочим инструментом. В действительности чеканы являлись только боевым оружием ударного действия (заостренным концом старались ударить противника в голову). Справедлива впервые высказанная Радловым мысль о том, что маленькие чеканы были моделями. Древние чеканы найдены во многих районах Южной Сибири, Монголии. Отдельные их находки известны и в других районах Азии и в Восточной Европе (классификацию тагарских чеканов см.: *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история, с. 25–38).

[27] Радлов имеет здесь в виду не уздечки, а удила. О стремепах см. примеч. 18.

[28] Речь идет о котлах, широко распространенных в евразийских степях в скифскую пору. Наряду с котлами с поддоном, о которых пишет Радлов (табл. 4 к т. 2, рис. 4), у племен скифского времени в Средней Азии и Казахстане делали также котлы на трех ножках. Котлы с поддоном продолжали бытовать и в гуннское время (о древних котлах см.: *Спасская Ю. Е.* Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии.– УЗАГПИ. Т. 11(1), серия общ.-полит. А.-А., 1956; *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история, с. 92–109).

[29] Речь идет о бронзовых зеркалах скифского времени, широко распространенных в Евразии. В Минусинской котловине использовались и привозные зеркала, попадавшие сюда главным образом из Китая (см.: *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975; *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история, с. 92–109).

[30] Речь идет о колоколовидных тагарских павершиях (табл. 5 к т. 2, рис. 4, 5) (об их назначении см.: *Вадецкая Э. Б.* Тагарские погребальные ложа.– Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975, с. 167–175).

[31] Исследования, проведенные в последние десятилетия, позволили установить, что наскальные рисунки в Южной Сибири относятся к разному времени – от эпохи бронзы до этнографической современности (см.: *Дэвлет М. А.* Большая Боярская писаница.– СА. 1965, № 3; *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980; *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы, с. 163–165; *Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.* Народные рисунки хакасов. М., 1980).

[32] Об изображениях на минусинских курганных плитах см.: *Савинов Д. Г.* К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран).– Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976, с. 57–72.

[33] Каменные бабы – распространенный в Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, восточноевропейских степях вид монументальных антропоморфных памятников. Основная масса этих памятников относится в Южной Сибири к древнетюркской и кыргызской эпохам, главным образом к VII–IX вв. В южнорусских степях каменные бабы сооружались преимущественно половцами (см.: *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.– Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952, № 24; *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961; *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М.–Л., 1966; *Кляшторный С. Г.* Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (к интерпретации Ихе-Ханып-норской надписи).– ТС-74. 1978; *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы, с. 67–72; *Плетнева С. А.* Половецкие

каменные изваяния.– САИ. 1974; *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984; *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири, с. 57 и сл.).

[34] Куртуяк-тас – изваяние окуневской культуры (XVIII–XIII вв. до н. э.) (см.: *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980). У местного населения это изваяние известно под названием Улуг Хуртуях тас (Большая каменная старуха). Оно было перевезено в Хакасский областной краеведческий музей в 1954 г. (см.: *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакассия. М., 1986, с. 127–129).

[35] Это изваяние обнаружил и впервые описал Мессершмидт (см. примеч. 11). Извлечение из его полевого дневника, касающееся данного изваяния, было опубликовано Радловым (*Радлов В.* Сибирские древности. Приложение, с. 17; см. также: *Messerschmidt D. G.* Forschungreise durch Sibirien 1720–1727, Th. 1. B., 1962, c. 300, Abb. 7; *Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р.* Древние изваяния Минусинских степей.– МЭ. 1929, табл. V, рис. 43).

[36] Кыс-тас – изваяние окуневской культуры.

[37] Это, очевидно, изваяния таштыкской культуры (I–V вв.) (см.: *Кызласов И. Л.* Поминальные памятники таштыкской эпохи.– СА. 1975, № 2, с. 30–47).

[38] Козап-Куш-таш – изваяние таштыкской культуры.

[39] Извлечение из путевого дневника Мессершмидта (опубликовано также: *Радлов В.* Сибирские древности. Приложение, с. 16). В цитированном Радловым в «Aus Sibirien» тексте Мессершмидта есть разночтения с публикацией в «Сибирских древностях».

[40] Изваяние на р. Бире окуневской культуры. Ниже следует извлечение из дневника Мессершмидта (там же).

[41] Датировка Радловым архитектурного памятника Козы-Көрпөшу (XVII или XVIII в.), возможно, завышена. На территории Казахстана известны и другие подобные памятники, причем нередко с каменными изваяниями возле них. Такие сооружения в виде конусообразных башен казахи называют *дынг* (башня). В Казахстане встречаются также каменные юртообразные сооружения, именуемые казахами каменными домами (*уйтас*). По мнению казахского ученого А. Х. Маргулана, оба эти типа каменных памятников относятся к доисламскому времени (см.: *Маргулан А. Х. и др.* Древняя культура Центрального Казахстана. А.-А., 1966, с. 33–34).

[42] *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2, с. 64–74, табл. VIII–IX, XI–XV.

[43] Имеются в виду так называемые оленные камни, широко известные в настоящее время на Алтае, в Туве, Монголии и в более западных районах. Наибольшее количество «оленных камней» открыто в Монголии (см.: *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981; *Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984; *Кубарев Д. А.* Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979).

[44] Речь идет главным образом о каменных бабах – памятниках древних тюрок, уйгуров, кыргызов (см. примеч. 33).

[45] О стременах см. примеч. 18.

[46] О дубо см. примеч. 20 и 55 к гл. III.

[47] В китайских источниках («Юаньцзяньлэйханьшу», т. XVI, кн. 1, гл. 241; «Тайпинхуаньюйцзи», т. VI, кн. 6, гл. 200) описывается народ била, или элочжи (по Радлову: биле, или гелочи), живший к северу от тукюе. О них говорится, что они кочевали, любят жить в горах. В их стране выпадает глубокий снег. Пашут на лошадях, но на них не ездят, а лишь пьют кумыс. Живут в домах, срубленных, как колодцы, и покрытых берестой. Занимаются также охотой и рыболовством. Одежду шьют из шкур. Утварь делают из глины и бересты. Воюют с кыргызами, но

имеют иной язык. В период танской династии отправляли послов к китайскому двору (650–656) (см.: *Кюнер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 52–53).

[48] Излагая свои взгляды на этнический состав и культуру населения Саяно-Алтая и сопредельных территорий, Радлов вряд ли был прав, отрицая, что древние тюрки (тугю) на Алтае занимались плавкой металла, так как были кочевниками. Ныне не вызывает сомнений развитие у древних тюрков Алтая металлургии, горного дела, знакомого многим кочевым народам, у которых ремесло тем не менее в условиях кочевого быта не отделилось от сельского хозяйства (о роли и специфике ремесла в хозяйстве кочевых скотоводов см.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография, с. 263–287; о культуре населения Алтая в эпоху тугю см.: *Киселев С. В.* Древняя история, с. 273–314).

[49] Племенами енисейского происхождения, енисейцами, Радлов называет в соответствии с научными представлениями своего времени этнические группы, говорившие на кетских языках. Происхождение и этническая история различных кетоязычных народов весьма сложны. Радлов, несомненно, прав, что в сложении предков современных хакасов приняли участие субстратные, рано отюреченные кетские племена. Кетоязычные племена, продвинувшиеся в I тысячелетии н. э. из Южной Сибири в бассейн Среднего Енисея под давлением тюрков смешались там с аборигенными племенами уральской языковой семьи, передали им свой язык, но сами восприняли многие черты их культуры (совр. кеты) (см.: *Вайнштейн С. И.* К вопросу об этногенезе кетов.– КСИЭ. 1951, вып. 13, с. 3–7; *Алексеенко Е. А.* Кетская проблема.– Этногенез народов Севера. М., 1980; *Дульзон А. П.* Древние передвижения кетов по данным топонимики.– ИВГО. 1962, т. 94, вып. 6).

[50] Енисейские остяки – устаревшее название кетов, живущих в бассейне Среднего Енисея (реки Енисей, Подкаменная Тунгуска, Елогуй и др.). Ныне лишь кеты (по переписи 1979 г.– 1100 человек) сохранили свой язык. Остальные кетоязычные народы – котты, ассаны, арины – свои языки утратили еще к концу XIX в., частично смешавшись с русскими, частично войдя в состав хакасов и отюречившись.

[51] Говоря об особых расовых признаках кетоязычных племен, Радлов придерживался той точки зрения, что их прямыми предками были динлины китайских летописей, которых они рисовали как светловолосых с голубыми глазами (о динлинской проблеме см.: *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Белокурая раса в Средней Азии.– Сборник в честь Г. Н. Потанина. СПб., 1909; *Дебец Г. Ф.* Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии.– Северная Азия. 1931, № 5–6; *Ярхо А. И.* Алтае-саянские тюрки. Абакан, 1947, с. 114–120).

[52] О древней металлургии железа в Южной Сибири см.: *Хоанг Ван Кхоан.* Технология изготовления железных и стальных орудий труда в Южной Сибири.– СА. 1974, № 4; *Сунчугашев Я. А.* Древняя металлургия Хакасии: эпоха железа. Новосибирск, 1979. Следует отметить, что в Минусинской котловине население начало применять железо для изготовления оружия и орудий труда позднее, чем на сопредельных территориях, в частности на Алтае и в Туве, где железо для этих целей широко использовалось, начиная с V в. до н. э. См.: *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история, с. 14 и сл.

[53] Круги, сложенные из семи камней, встречаются довольно часто на Алтае и в Туве. Они сооружались в скифское время и действительно были не погребальными, а номинальными сооружениями, на которых, как справедливо отметил Радлов, по всей вероятности, совершались жертвоприношения.

[54] Имеются в виду погребения берельского типа (IV–V вв.) (см.: *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.–Л., 1965, с. 55–56, рис. 4).

[55] Большой курган на втором могильнике, раскопанный Радловым в конце июля 1865 г., известен в науке как Большой Катандинский курган (табл. 6 к т. 2, рис. 4–9; табл. 7 к т. 2). Это один из самых замечательных археологических памятников скифского времени в Южной Сибири, которому поныне уделяется чрезвычайно большое внимание. Этот курган находился в центре могильного поля в верховьях р. Катунь, на ее левом берегу, между речками Верхняя Катанда и Нижняя Катанда в 2 км от нынешнего с. Катанда. Почти сто лет спустя курган был доисследован ленинградским археологом А. А. Гаврилovой (*Гаврилова А. А.* Раскопки Второго Катандинского могильника.– СА. Т. 27. Вып. 1, 1957). Раскопанный Радловым курган имел каменную наброску высотой более 2 м и 30 м в диаметре, под которой находилась обширная могильная яма прямоугольной формы размером 4,7×5,2 м, глубиной около 5 м. Гаврилова, доисследуя этот курган, обнаружила между северными стенками погребальной камеры и могильной ямы скелеты 22 лошадей, уложенных рядами. Уникальные вещи, в том числе прекрасно сохранившаяся одежда из собольего и горностаевого меха, разные художественные изделия из дерева (табл. 7 к т. 2) были неоднократно изданы (см.: *Захаров А. А.* Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г.– ТГИМ. 1926, вып. 1: *Видонова Е. С.* Катандинский халат. Сборник статей по археологии СССР.– ТГИМ. 1938, вып. 8; *Киселев С. В.* Древняя история, табл. XXXI, рис. 1, 3, 5–12). Наиболее вероятная датировка кургана – V в. до н. э. (*Руденко С. И.* Культура Центрального Алтая в скифское время. М.–Л., 1960, с. 335–341).

[56] Речь идет о погребениях берельского типа.

[57] Это курган так называемого катандинского типа, датируемый VII–VIII вв. н. э. (см.: *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири, с. 61–62; *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ, с. 61–64).

[58] Речь идет о погребениях и изделиях древних кыргызов, хоронивших по обряду трупосожжения (табл. 11 к т. 2, рис. 1, 2) (см.: *Киселев С. В.* Древняя история, с. 314 и сл.; *Худяков Ю. С.* Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982).

[59] Действительно, достоверных древнетюркских погребений, совершенных по обряду трупосожжения, в Южной Сибири и Центральной Азии до сих пор не обнаружено. Но это отнюдь не означает, что сведения китайских хроник в отношении обряда похорон у тугю ошибочны. В. В. Бартольд в связи с этими высказываниями Радлова, в частности, писал: «...едва ли есть основание отвергать китайское известие о сожжении трупов... Китайцы имели возможность много раз близко видеть турецкое погребение; некоторые ханы, бежавшие от своих врагов в Китай и там умершие, были погребены там на глазах населения по обычаям своего народа, так что возможность ошибки почти исключается» [*Бартольд В. В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии.– *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. М., 1968, с. 30; см. также: *Трифонов Ю. И.* Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю).– ТС-72. 1973, с. 350–374; *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири, с. 56–57].

[60] Радлов ошибался, полагая, что каменные изваяния и ряды балбалов по числу убитых врагов, связанные с погребальными обрядами, которые описаны в китайских источниках, цитируемых в «Aus Sibirien» (см.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений. 1, с. 230), и отнесенные в них к тугю, в действительности устанавливали в более раннее время. Ныне не вызывает сомнений, что древние тюрки сооружали поминальные комплексы, вклю-

чавшие каменные изваяния и ряды балбалов (см.: *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния; *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы, с. 67–72; *Шер Я. А.* Каменные изваяния; *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири, с. 57–60; *Кляшторный С. Г.* Храм, изваяние и стела; *Кубарев В. Д.* Древнетюркские изваяния Алтая).

[61] Нельзя согласиться с высказанным здесь предположением Радлова, что Рубрук ошибся, приписав встреченные им в южнорусских степях каменные изваяния куманам (команам – половцам русских летописей) (*Рубрук Г.* Путешествие в Восточные страны. М., 1957, с. 102), так как эти памятники относятся к периоду, на несколько столетий предшествовавшему появлению тюрков в Европе. Мнение Радлова было оспорено еще Бартольдом, который объяснил его ошибку тем, что «тогда (в период написания „Aus Sibirien".– *С. В.*) еще не был открыт ключ к чтению енисейских надписей; на многих енисейских балбалах, как и на некоторых орхонских, сохранились надписи, теперь, после открытия ключа к ним, прочитанные по-турецки (по-тюркски.– *С. В.*), и в турецком происхождении так называемых „каменных баб" теперь уже не может быть сомнения» (*Бартольд В. В.* Двенадцать лекций, с. 29). О половецких каменных бабах см.: *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния.

[62] Судя по этому мнению Радлова, он принял погребения по обряду трупосожжения за особые курганы над остатками тризны и сопроводительным инвентарем. Современный исследователь археологических памятников кыргызов в Минусинской котловине Ю. С. Худяков отмечает, что Радловым исследовались курганы кыргызов IX–X вв. При этом он справедливо отмечает, что эти работы Радлова явились важной вехой в изучении минусинского средневековья и надолго определили пути дальнейшего исследования в этой области (*Худяков Ю. С.* Кыргызы на Табате. с. 8, 9). Вместе с тем высказанное здесь Радловым сомнение в верности сведений китайских источников о погребальном обряде древних кыргызов (см.: Таншу, гл. 217б; *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений, с. 353) не получило подтверждения в последующих исследованиях их археологических памятников (см.: *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948; *Худяков Ю. С.* Кыргызы на Табате).

[63] Радлов впервые выделил в Южной Сибири погребения раннего железного века, справедливо отнеся к нему большие курганы Катанды, что подтвердилось последующими археологическими исследованиями (см. примеч. 55).

[64] Речь идет о форме стремян, характерных для енисейских кыргызов IX–X вв.

[65] Речь идет о средневековых енисейских кыргызах (см. примеч. 11 к гл. III).

[66] Здесь и далее речь идет о рисунках известной Сулекской писаницы на севере Хакасии (р. Черный Июс).

[67] Здесь в подлиннике Hülsenfrüchten (нем.: бобовые), что, вероятно, описка. Речь, по-видимому, идет о злаковых.

[68] Имеются в виду луковицы саранки (Lilium martagon L).

[69] Речь идет о таежных тувинцах (тоджинцах) и тофаларах, населяющих горную тайгу Восточных Саян (о дубо и туба см. примеч. 20, 55 к гл. III).

[70] Имеется в виду книга: *Ritter K.* Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen. B., 1866.

[71] Изложенные выше взгляды на ранние этапы этнической истории народов Сибири и сопредельных районов в свете позднейших исследований в значительной мере устарели и представляют главным образом историографический интерес (см.: *Киселев С. В.* Древняя история; История Сибири. Т. 1. Л., 1968).

Глава восьмая

[1] Восьмая глава книги Радлова «Aus Sibirien» (AS, II, с. 144–258) носит название «Поездки к китайской границе и в Западную Монголию и тамошние торговые связи между монголами и русскими» («Streifzüge zur chinesischen Grenze und in die westliche Mongolei und die dortigen Handelsbeziehungen zwischen Mongolen und Russen»). Перевод главы дается с сокращениями. В него включены материалы дневников поездки Радлова в 1860 г. к китайской границе восточнее Чуйской степи (AS, II, с. 144–162) и поездки 1870 г. к Кобдо (AS, II, с. 190–286). Перевод включает раздел главы, содержащий материалы дневника ученого о его поездке к тувинцам в 1861 г. («Tagebuch meiner Reise zu den Sojonen im Jahre 1861») (AS, II, с. 162–189).

[2] Река Чулышман имеет в диалектах и говорах алтайцев различное произношение: Чолышман, Чулышман, Чолушпан, Чулюшман, Челушман. По всей вероятности, название реки Чулышман является вторичным образованием. Ее более древнее название Чулусба, где некоторые исследователи находят возможным элемент *ба* (Чулус-ба) рассматривать как самодийский компонент (*бу, ба* – река, вода), входящий также и в прежнее название Телецкого озера: Теленба (см.: *Розен М. Ф.* Словарь географических терминов Западной Сибири. Л., 1970, с. 13; *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая, с. 343–344).

[3] Тёлёсы – одна из этнических групп алтайцев, населяющая долины рек Чулышмана, Башкауса и его притока Улагана и в меньшей мере – бассейны рек Чуи и Урсула (см. примеч. 45 к гл. III).

[4] Речь идет о юртах тувинцев. Сойонами, как указывалось выше (примеч. 7 к гл. III), Радлов именовал тувинцев.

[5] Во время путешествия Радлова Тува находилась в подчинении Китая. Называя тувинцев племенем, Радлов имел в виду не племя в узком смысле слова, а этнос, народность. Тувинцы сложились в народность, как отмечалось выше (примеч. 117 к гл. III), к концу XVIII – началу XIX в.

[6] Радлов приводит здесь сведения об административном делении Тувы, основанные на не вполне точной информации, полученной, вероятно, в среде алтайцев. Поэтому речь идет о делении Тувы в административном отношении на зайсанства, а не на хошуны, а их правители названы зайсанами, а не ухерида (огурда, гурта), как было в действительности и о чем сам Радлов писал в третьей главе этой работы (AS, I, с. 218) (см. примеч. 92 к гл. III).

[7] Сообщение Радлова о том, что лошадей у тувинцев мало и они ездят на волах, относится не ко всем тувинцам середины XIX в., а лишь к группе западных тувинцев района Кара-Холя и прилегающей местности, в частности в верховьях р. Алаш. Этот любопытный факт был отмечен и П. Чихачевым, посетившим тувинцев в районе р. Алаш в 1842 г. Он писал: «Лошадей у них почти нет. Для передвижения они пользуются быками, которых седлают и взнуздывают как лошадей с той только разницей, что не пользуются удилами... Эти животные не только используются для обычных перевозок, но и применяются на охоте» (*Чихачев П.* Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974, с. 172). Данные свидетельства не противоречат тому факту, что у западных тувинцев-кочевников, как и у других кочевых скотоводов евразийских степей, основным верховым животным служила лошадь, хотя иногда для верховой езды использовали и волов. Последних употребляли главным образом для перевозки грузов вьюком, реже при помощи волокуш. Однако, беседуя в начале 50-х годов с тувинцами Кара-Холя, мне удалось установить, что еще в конце XIX в. верховая езда на волах была очень широко распространена в Кара-Холе, причем на них даже ездили на охоту. В определенной мере сходную картину описал С. И. Руденко в начале XX в. у кереев (одно из основных

племен казахов). Он писал: «Аулы кереев поражают своей бедностью... В связи с отсутствием лошадей рогатый скот – быки являются не только вьючным, но и верховым животным. Если у найманов на быках ездят только пастухи,– у кереев большинство, по крайней мере в тех аулах, которые мы посетили, ездит верхом на быках» (*Руденко С. И.* Очерк быта северо-восточных казаков, с. 61–62; об использовании лошадей и быков у тувинцев см.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография, с. 27–39).

[8] Об охоте у тувинцев и традиционных способах изготовления пороха см.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография, с. 183–215.

[9] Молочная водка (*арага*) изготовлялась тувинцами путем перегонки из кислого молока и кумыса (о пище тувинцев см.: *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, с. 168–203).

[10] Это утверждение может быть отнесено лишь к богатым скотоводам.

[11] Речь идет о клубнях саранки (Lilium martagon L) (о собирательстве у тувинцев см.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография, с. 226–230).

[12] У кочевых народов с господствующим патриархальным укладом и присущими ему формами собственности и эксплуатации скот богатых семей выпасали их обедневшие родственники, которые получали за это некоторое вспомоществование, что создавало впечатление, что они живут на счет богатых (см.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография, с. 77–87; *он же.* О сущности и роли патриархального уклада в социальной истории кочевников Азии.– Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972, с. 90–91).

[13] Егор Пестерев – русский пограничный чиновник, неоднократно встречавшийся в 1772–1781 гг. с тувинцами. Опубликовал в 1793 г. свои наблюдения, содержавшие сведения о таежных и степных тувинцах (см.: Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях, как российских ясачных татарах, так и китайских мунгалах и сойотах, сделанные Егором Пестеревым с 1772 по 1781 г.– Новые ежемесячные сочинения... Ч. 79–82. СПб., 1793). В своих «Примечаниях» Е. Пестерев с глубоким сочувствием писал о страданиях тувинского народа, его нищете, о разительном социальном неравенстве и приводил даже примеры людоедства в голодные годы. Однако последнее, по-видимому, все же не было характерно для тувинцев даже в периоды самых тяжелых голодовок.

[14] Тувинцы пользуются также и кожаными мешками для хранения и перевозки имущества. Сундуки (*аптара*), которые Радлов именует китайскими, изготовлялись самими тувинцами из дерева и обычно богато орнаментировались. Ковры были стеганными войлочными (см.: *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы, с. 112–120).

[15] Ф. Кон, изучавший этнографию тувинцев в начале XX в., также отмечал, что предметами роскоши богатых тувинцев снабжали китайцы, в то время как Россия своими товарами одевала по преимуществу бедноту (см.: *Кон Ф.* Экспедиция в Сойотию, с. 168).

[16] Замечание Радлова о том, что тувинские женщины не вешали на косы украшения, по-видимому, ошибочно. В конце XIX – начале XX в. и, по всей вероятности, ранее – в середине XIX в. тувинки использовали для украшения кос черные шелковые нитки и плоские накосники *чавага*, которые изготовляли из серебряных или медных пластин и орнаментировали полудрагоценными камнями (см.: *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы, с. 93 рис. 61).

[17] Такое мнение о тувинцах Радлов, по всей вероятности, слышал от богачей, купцов, чиновников из среды соседних народов, до которых, несомненно, доходили сведения о вольнолюбивой борьбе тувинских аратов, проявлявшейся, в частности, в угоне скота у баев и чиновников. Таких аратов, прятавшихся в горах и совершавших набеги на богачей, а нередко и на приезжих купцов, называли *дургунами* (беглецами). Во время поез-

док Радлова в 60-х годах XIX в. особую известность приобрели дургуны Сарыг-Самдан и Ерехоо, которые, совершая набеги, в течение нескольких лет оставались неуловимыми. Позднее, в конце 80-х годов и особенно в начале 90-х годов, «дургунство» стало более массовым, приобретя характер восстания, известного под названием движения *алдан маадыр* (шестидесяти богатырей) – 1883–1885 гг. (см.: *Дулов В. И.* Социально-экономическая история Тувы: XIX – начало XX в. М., 1956, с. 264–312; *Аранчын Ю. Л.* Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск, 1982, с. 33–36).

[18] Это сообщение Радлова представляет большой интерес, позволяя сделать выводы, что буддизм к середине XIX в. еще не распространился среди части западных тувинцев.

[19] О влиянии монгольского языка на тувинский см. примеч. 119 к гл. III. По данным ряда авторов, знание монгольской письменности, грамотность до революции и в первое десятилетие после нее были характерны лишь для небольшой части тувинцев, главным образом лам. В этом отношении показательны данные о грамотности участников VIII съезда Тувинской народно-революционной партии, состоявшегося в 1929 г. Из 148 его делегатов всего десять человек хорошо знали монгольскую грамоту, а 100 человек были совершенно неграмотными (см.: История Тувы. Т. 2. Кызыл, 1964, с. 175). Тувинская национальная письменность на основе латинизированного алфавита была введена в 1930 г. (позднее принят алфавит на основе кириллицы).

[20] Радлов имел в виду, вероятно, один из способов погребения шаманов. Западные тувинцы хоронили их обычно на помостах или в небольших срубах (подробнее о погребальных обрядах тувинцев см.: *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы, с. 192–194; *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975; *Kenin-Lopsan M. B.* The Funeral Rites of Tuva Schamans – Shamanism in Siberia. Budapest, 1978, с. 291–298).

[21] Самоназвание тувинцев – *тыва* (*тыва-кижи*) имеет ряд фонетических вариантов в различных диалектах и говорах тувинцев (*тыва – туба – тума – туха*) (см.: *Вайнштейн С. И.* Этноним тува, с. 218–220).

[22] О Чевалкове и его жизнеописании см. примеч. 27 к гл. IV.

[23] Подробнее о русской торговле с тувинцами и ее особенностях во второй половине XIX в. см.: *Дулов В. И.* Социально-экономическая история, с. 312–338.

[24] Уточняя приведенное здесь сообщение, что сойоны, живущие по Хемчику, образуют два рода: кара-сойон и сарыг-сойон (по-тувински более верно *кара-соян* и *сарыг-соян*), я в начале 1950-х годов беседовал со старейшими тувинцами – жителями этих мест, но они единодушно отрицали существование здесь таких родов, называя лишь род хертек-соян, входивший в одноименный сумон Бээзи хошуна. Объяснить это загадочное обстоятельство позволило лишь предание, записанное мною у глубокой старушки-тувинки 1865 г. рождения. Согласно этому преданию, в здешних местах действительно раньше жили кара-сояны и сарыг-сояны, но потом из-за эпидемии большинство их вымерло. На опустевшие кочевья переселилось много людей из рода хертек. Часть их смешалась с выжившими соянами, образовав род хертек-соян и сумон того же названия, а остальные хертеки, сохранив свой род, создали соседний сумон Хертек.

[25] Сведения Чевалкова, будто бы половина черных сойонов – из рода киргизов, основаны, вероятно, на том факте, что в сумоне Кыргыз Салчакского хошуна (см. примеч. 95 к гл. III) на юго-востоке Тувы был также род кара-соян и, возможно, часть кыргызских кара-соянов переселилась оттуда на Хемчик. Что касается светловолосых тувинцев, то, несомненно, прав Радлов, возразивший Чевалкову (об антропологическом типе тувинцев см.: *Ярхо А. И.* Пигментация волос, глаз и кожи у народ-

ностей Алтае-Саянского нагорья.– Русский антропологический журнал. 1929, т. 17, № 3–4, с. 24–58; *Левин М. Г.* К антропологии Южной Сибири.– КСИЭ. 1954, вып. 20, с. 17–26).

[26] В этом своем предположении Радлов ошибся (см. примеч. 119 к гл. III).

[27] Радловым были записаны четыре песни и две сказки на тувинском языке: «Кужуттум Модун» и «Пагай Чуру» (см.: Наречия тюркских племен. отд. 1, ч. I).

[28] О камне яда-таш см. примеч. 16 к гл. VI.

[29] Об этом см. примеч. 18 к гл. VI.

[30] Китайские пограничные знаки нередко делали в виде куч камней, которые местное население также называло *обо* (*ова*) (см. примеч. 18 к гл. VI).

[31] Речь идет об алтайцах (см. примеч. 3 к гл. II).

Глава девятая

[1] Речь идет об ойратах.

[2] Имеются в виду казахские аулы.

[3] О солонах см. примеч. 6 к гл. I.

[4] При последующей демаркации границы с Китаем пикет Борохудзир (ныне город) вошел в состав России.

[5] Бошко – мелкий чиновник, ведавший сбором налогов и выполнявший полицейские функции. Разноцветные стеклянные, а также металлические «шишки» на остроконечных шапках служили знаками отличия чиновников разных рангов.

[6] Мужчины – маньчжуро-китайские подданные, в том числе казахи, тувинцы и другие, заплетали волосы в косу. Мне еще в начале 1950-х годов пришлось видеть пожилого тувинца с седой косой.

[7] Здесь описка: речь идет не о сойонах (тувинцах), а о солонах (см. примеч. 6 к гл. I).

[8] Амбань – один из высших чинов маньчжурской администрации, соответствующий воинскому званию генерала.

[9] *Орус амбань* означает в переводе «русский генерал».

[10] Чакор (чахары) – одно из монголоязычных племен, его потомки населяют Чахарский аймак МНР. В XVIII в. маньчжурское правительство переселило часть чакоров в Синьцзян, где они жили в качестве военных поселенцев.

[11] Казахи (см. примеч. 4 к гл. I).

[12] Киргизы Средней Азии (см. примеч. 18 к гл. II).

[13] О таранчах см. примеч. 122 к гл. III.

[14] Шестиградие (Алтышехер, Алты-Шехр – «Шесть городов») – название части Китайского Туркестана, включающей города Куча, Аксу, Уч-Турфан (Уш-Турфан), Кашгар, Яркенд, Хотан. Впервые название появилось, вероятно, в XVIII в. (см.: *Бартольд В.* Алты-Шехр.– *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 3. М., 1965, с. 318).

[15] Речь идет о переселении тарапчей и начале формирования в этом регионе новой уйгурской этнической общности. Формирование крупных компактных групп уйгурского населения на территории Средней Азии, по мнению ряда исследователей, связано с периодом завоевания маньчжуро-китайцами Восточного Туркестана (1758–1759) и переселением из Синьцзяна в Илийскую долину значительного числа уйгуров. Часть уйгуров в то время бежала от преследования колонизаторов в Кокандское ханство. Особенно значительное переселение уйгуров в Среднюю Азию было связано с происходившими в Восточном Туркестане антикитайскими восстаниями (1816, 1826–1828, 1830, 1847, 1857–1858, 1864). В 1871 г.

Илийский край отошел к России, а когда в 1881 г. он вновь перешел под власть Китая, в оставшейся под управлением России части Средней Азии жило уже много уйгуров, носивших название таранчей. Те уйгуры, которые, спасаясь от китайского преследования или от малоземелья, переселились в Ферганскую долину из Кашгарии, получили название кашгарцев. К началу XX в. в Средней Азии насчитывалось свыше 300 тыс. уйгуров. Ныне советские уйгуры добились больших успехов в развитии своей национальной культуры (см.: *Исхаков Г. М.* Формирование уйгурского населения на территории Средней Азии.– Тезисы III Всесоюзной тюркологической конференции. Литературоведение и история. Таш., 1980).

[16] Сăр-йармак – местное название китайской монеты.

[17] Восстание местного населения в Кашгаре в 1826–1828 гг. было направлено против маньчжурского владычества.

[18] Радлов, очевидно, имел в виду свидетельство «Бабур-наме» о том, что население города Андижана в Фергане говорило по-тюркски на том литературном (чагатайском) языке, на котором писал основоположник узбекской литературы Алишер Навои. Здесь же Бабур перечисляет и другие среднеазиатские города, в том числе расположенный в бассейне Или г. Алмату (современный Алма-Ата). Приводим это свидетельство в тексте «Бабур-наме»: «Жители Андиджана – все тюрки; в городе и на базаре нет человека, который бы не знал по-тюркски. Говор народа сходен с литературным: сочинения Мир Алишера Навои... (написаны) на этом языке» (Бабур-наме. Пер. М. А. Салье. Таш., 1958, с. 12).

[19] Хефтияк – название седьмой, последней части Корана, которая существует в виде отдельной книги.

[20] Дауры (дагуры) – народ, населявший до середины XVII в. верховья р. Амура, долины рек Аргуни и Зеи. Часть дауров в середине XVIII в. была переселена маньчжурскими властями и ныне населяет главным образом северные районы КНР. Вопрос об этнической принадлежности дауров в прошлом остается спорным. Язык монгольской группы, шаманисты.

[21] Шаптула (шептала) – местное название персиков.

[22] В Советской Средней Азии уйгуры успешно развивают свою национальную художественную культуру. Среди советских уйгуров большая группа творческой интеллигенции – артисты, поэты, художники, музыканты. В Алма-Ате создан Уйгурский национальный театр, публикуются книги на уйгурском языке.

[23] Девушка-Сулейман означает здесь: девушка мудрая, как Соломон (Сулейман).

[24] Речь идет о люцерне.

Глава десятая

[1] Более точно «верблюды тащат» (узб.).

[2] В. В. Бартольд отмечает, что, по местному преданию, этот канал прорыт мирзой Улугбеком, но достоверных сведений об этом не имеется; по исследованию В. Л. Вяткина, арык в XV в. носил название Султани, так что приурочение к мирзе Улугбеку относится к более позднему времени (см.: *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана.– *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 3, с. 196).

[3] Этот канал местные жители ныне называют Нарпай.

[4] Это очень выразительное разграничение темной полосы садов и степи привлекло внимание еще средневекового путешественника Клавихо, который писал: «Столько этих садов и виноградников, что когда приезжаешь к городу, то видишь точно лес из высоких деревьев, и посреди его самый город» (*Клавихо Р. Г. де.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде, 1403–1406 гг.– Сборник отделения русского языка и словесности

Академии наук. СПб., 1881, т. 28, № 1, с. 325). См. также интересную работу Б. Х. Кармышевой «Таджикско-узбекский народный географический термин *вилаят*» (Этнография имен. М., 1971).

[5] См. примеч. 24 к гл. IX.

[6] Разграничение границы с Бухарой проводилось в 1868 г.

[7] У местного населения эти горы носят название Гобдунтау.

[8] В долине Зеравшана, как и в ряде других районов Среднеазиатского междуречья, существовала древняя традиция переселения горожан летом в свои пригородные усадьбы, что и придавало отмеченный Радловым специфический облик среднеазиатским городам, окруженным кольцом садов (см. также: *Сухарева О. А.* Традиция сочетания городских и сельских занятий в Средней Азии конца XIX – начала XX в.– Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979).

[9] Тимур (Тамерлан) умер в 1405 г.

[10] Год смерти Мирзы Ибрагима указан по мусульманскому летосчислению (по хиджре). Умер в 1450 г.

[11] Год смерти Мирзы Бедика указан по мусульманскому календарю, соответствует 1449 г.

[12] Названия этих медресе в современном произношении: Шир-Дор, Тилля-Кари, Улугбека.

[13] Радлов приводит данные о постройке медресе Шир-Дор в соответствии с мусульманским летосчислением. Это медресе, построенное Яланг-туш-бахадуром, было заложено в 1619 г. и закончено в 1635–1636 гг. Даты приведены в надписях, украшающих вход в медресе.

[14] Здесь также данные о постройке медресе Тилля-Кари приводятся по мусульманскому летосчислению. Строительство этого медресе по приказу Яланг-туш-бахадура было начато в 1646–1647 гг., через десять лет после завершения постройки медресе Шир-Дор.

[15] Биби-Ханым – ансамбль архитектурных памятников, включающий соборную мечеть Тимура (т. е. Биби-Ханым) и медресе Сараи-Мульк-Ханым (сохранился угловой мавзолей). Данные о времени этих построек приведены по мусульманскому летосчислению. Он строился в 1399–1404 гг. Величественные руины Биби-Ханым сохранились до наших дней и, как и другие ценнейшие памятники Самарканда, частично реставрированы и охраняются государством.

[16] Фатиха – первая, самая краткая, сура Корана; употребляется как молитва, приуроченная к началу какого-либо действия молящегося, а также как благословение, напутствие.

[17] Речь идет об одном из мавзолеев ансамбля Шахи-Зинда. Название ансамбля, состоящего из большой группы мечетей и мавзолеев, означает в переводе «живой царь». Дата 795/1392-93 г., приводимая Радловым относительно постройки мавзолея Касим бен Аббаса (вернее, Кусама ибн Аббаса), также дана по мусульманскому летосчислению. Ансамбль Шахи-Зинда сооружался в XI–XV вв.

[18] Фирман (перс.) – указ, постановление.

[19] Здесь и далее автор рассказывает о специфической субэтнической группе евреев, так называемых бухарских евреях, живших в городах Средней Азии, в том числе в Самарканде, Бухаре, Ташкенте, Душанбе. В настоящее время они насчитывают около 50–70 тыс. человек. Их история тесно связана с судьбами евреев Ирана, с которыми они составляли единое целое на протяжении многих веков. В начале XVI в. еврейская община Ирана раскололась на две части – собственно персидских евреев и евреев Афганистана и Средней Азии. Только в конце XVIII в. среднеазиатские, или бухарские, евреи сформировались в отдельную субэтническую группу, обособившись и от афганских евреев. В описываемое время подавляющее большинство евреев Средней Азии проживали на территории

Бухарского эмирата, по которому они и получили свое название. Основным занятием их было ремесло (крашение пряжи и тканей) и торговля. В их среде имелось небольшое число крупных торговцев, участвовавших в торговых связях с Россией и Индией. Из них выбирались руководители еврейских общин – *калантары*, у одного из которых гостил Радлов. (При написании примечаний о бухарских евреях использована неопубликованная рукопись М. А. Членова «Бухарские евреи». Выражаю ее автору благодарность за предоставление этой возможности.)

[20] Разговорным языком бухарских евреев является особый этнолект таджикского языка, который до 1929 г. использовал еврейскую письменность, а затем латинскую. В настоящее время бухарские евреи широко пользуются узбекским и русским языками.

[21] Здесь описана традиционная религиозная школа бухарских евреев *хомло*. Религиозная жизнь среднеазиатских евреев, почти угасавшая к концу XVIII в. в результате преследований со стороны властей эмирата и углублявшихся процессов ассимиляции, была возрождена усилиями марокканского раввина Иосифа Магриби, поселившегося в 1793 г. в Бухаре. Он, в частности, ввел сефардский порядок литургии вместо принятого ранее персидского, что сыграло определенную роль в консолидации группы и обособлении ее от прочих еврейских общин Ирана и Афганистана. С конца XIX в. бухарские евреи стали объектом внимания различных европейских еврейских просветительных и благотворительных организаций, широко распространявших религиозную литературу среди еврейских общин Переднего Востока и Индии.

[22] По имеющимся оценкам, численность бухарских евреев в конце XIX в. составляла около 16 тыс. человек. Крупнейшая община в то время находилась в Бухаре, а вторая по численности – в Самарканде.

[23] Более подробно об изготовлении шелковых тканей в дореволюционной Бухаре см.: *Сухарева О. А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX в.: Ремесленная промышленность. Таш., 1962, с. 58.

[24] О развитии традиций ткачества в Узбекистане в наши дни см.: Народное декоративное искусство Советского Узбекистана: Текстиль. Таш., 1954.

[25] Вакуф – имущество, завещанное или переданное каким-либо лицом мусульманскому духовному учреждению с правом использования доходов от этого имущества, но без права продажи.

[26] Гальча – пренебрежительное название горных таджиков, главным образом верховьев Зеравшана (об этимологии этого слова см.: *Бартольд В. В.* Таджики.– *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 1, с. 458).

[27] Речь идет о горных таджиках и жителях Кара-Тегина (подробнее см.: Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1–3. Душ., 1966–1976).

[28] Подробнее см.: *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.

[29] Хикметы (араб.) – религиозно-нравоучительные стихи, приписываемые суфийскому отшельнику и проповеднику XII в. Ахмаду Ясави.

[30] Имеется в виду паранджа (от араб. *фараджийя* – верхняя свободная одежда) – старинная женская верхняя одежда в виде халата с ложными рукавами, покрывающего женщину с головой. Но спереди на груди паранджа не застегивалась, и Радлов, отмечая это, допускает неточность. Паранджу носили вместе с чачваном – густой черной сеткой из конского волоса, которая закрывала лицо и шею. Эту одежду носили в соответствии с установлениями ислама. Ныне у народов Советской Средней Азии паранджа вышла из употребления.

[31] В последующем были проведены исследования общественной структуры и хозяйства узбеков долины Зеравшана. См.: *Ташев Х.* Хозяйство и общественный быт узбеков долины Зеравшана в конце XIX – начале XX в. Таш., 1987 (на узб. яз.). Книга В. В. Радлова в работе не упомянута.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ – Вопросы языкознания. М.
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб., Пг.
ЗИАН – Записки Императорской Академии наук. СПб.
ЗРГО – Записки Имп. Русского географического общества. СПб.
ЗСОИРГО – Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.
ИВГО – Известия Всесоюзного географического общества. Л.
ИОАИЭК – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.
ИРГО – Известия Имп. Русского географического общества. СПб.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М. – Л.
МЭ – Материалы по этнографии. Л.
ПИИЭ – Полевые исследования Института этнографии. М.
ПЛНВ – Памятники литературы народов Востока.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических исследований. М.
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии при (Имп.) Академии наук. М., Л.
СЭ – Советская этнография. М. – Л., М.
ТГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР. М.
ТКАЭЭ – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТС – Тюркологический сборник. М.
УЗАГПИ – Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического института.
УЗГАНИИЯЛИ – Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
УЗТНИИЯЛИ – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
УЗХНИИЯЛИ – Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
AWKR – Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, hrsg. von A. Erman. B.
BAIS — Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg.
MPGA — Dr. A. Petermanns Mitteilungen aus Justus Perthe's geographischer Anstalt. Gotha.
PhTF – Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden.
ZGE — Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin.

ОБЪЯСНЕНИЕ РУССКИХ МЕР И ВЕСОВ, УПОМИНАЕМЫХ В ЭТОЙ КНИГЕ

Меры длины

1 фут = 12 дюймам = 120 линиям (?) = 0,305 метра
1 сажень = 7 футам = 3 аршинам = 2,133 метра
1 аршин = 16 вершкам = 0,711 метра
1 верста = 500 саженей = 1,07 километра

Меры площади

1 десятина = 2400 квадратных саженей = 1,092 гектара

Меры верна (сыпучих продуктов?)

1 четверть = 8 четвериков = 64 гарнца (?) = 2,679 гектолитра (?)

Меры жидкостей

1 бочка = 40 ведрам = 400 штофов = 0,123 гектолитра

Меры веса

1 пуд = 40 фунтам = 16,380 килограмма
1 фунт = 32 лотам = 96 золотникам = 409,5 грамма

Приложение

С. И. Вайнштейн

В. В. РАДЛОВ И ЕГО ТРУД «ИЗ СИБИРИ»

Имя выдающегося отечественного ученого академика Василия Васильевича Радлова навсегда вошло в историю науки. Он был крупнейшим языковедом-тюркологом, замечательным этнографом и археологом, увлеченным путешественником, труды которого оказали огромное влияние на развитие мирового востоковедения [1]. Будучи родом немцем (его немецкое имя Фридрих-Вильгельм), Радлов после окончания Берлинского университета летом 1858 г. юношей уехал в Россию и связал с нею всю свою последующую жизнь. Здесь сформировался его интерес к тюркологии, здесь он создал свои выдающиеся труды, здесь нашел широкое признание научных заслуг и обрел свою вторую родину.

Радлов родился в Берлине 5 января 1837 г. в сравнительно небогатой семье чиновника — городского комиссара полиции. Его родители старались дать сыну возможно лучшее образование, учесть при этом его вкусы и желания. Еще гимназистом он проявил большой интерес к филологии, в особенности к классическим языкам. Семнадцати лет он поступает на философский факультет Берлинского университета, но пробудившийся в первые месяцы студенчества интерес к философии, которая преподавалась в духе модного тогда гербартианства, сменился вскоре вновь глубоким увлечением филологией. Немалую роль сыграло в этом и то, что среди университетских учителей Радлова были такие выдающиеся ученые, как основоположник сравнительного языкознания знаменитый Франц Бопп, один из создателей урало-алтаистики, Вильгельм Шотт, основатель «психологического направления» в языкознании и теории «психологии народов» Герман Штейнталь и др.

[1] См.: *Штернберг Л. Я.* Из жизни и деятельности Василия Васильевича Радлова (берлинский, алтайский и казанский периоды). – Живая старина. 1909, 18, вып. 2–3, с. I–XXV; *Бартольд В. В.* Памяти В. В. Радлова. 1837–1918. – ИРГО. 1919, т. 54, вып. 1, с. 164–189; то же: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 9. 1976; *Кононов А. Н.* В. В. Радлов и отечественная тюркология. – ТС-71. 1972, с. 7–15; *Вайнштейн С. И., Кляшторный С. Г.* В. В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов. – Там же, с. 20–31; Хронологический перечень трудов В. В. Радлова и литературы о нем (составлен Н. А. Дулиной). – Там же, с. 261–277.

О страстной увлеченности студента Радлова филологией говорит и такой примечательный факт. Выдающийся ученый в области сравнительного языкознания и фонетики, основоположник научной этимологии Август Потт читал в ту пору лекции не в Берлине, а в г. Галле. Молодой студент без колебаний уезжает туда, чтобы в течение двух семестров слушать блестящие и глубокие лекции этого ученого, оказавшиеся столь полезными для последующих научных изысканий Радлова. Вернувшись в Берлин, он продолжает углубленные занятия филологией. Немалую роль в формировании его последующих научных взглядов сыграл и преподававший в Берлинском университете прославленный историк и географ Карл Риттер [2]. Но особое влияние на развитие научных интересов Радлова и желание посвятить себя ориенталистике оказал В. Шотт, у которого он знакомился с многими восточными языками — монгольским, татарским, маньчжурским, китайским и др., с новейшими теориями и проблемами урало-алтаистики. К тому же Шотт имел тесные связи с русскими учеными, участвовавшими в создании в Берлине специального периодического издания, знакомившего западный мир с достижениями науки в России [3]. Эти связи Шотта оказали влияние на желание Радлова связать свою научную судьбу с Россией.

Но если под влиянием занятий у Шотта Радлов решил стать ориенталистом, то концепции К. Риттера в значительной мере повлияли на формирование его исторических и этнографических взглядов. К. Риттер и его историко-географическая школа связывали историческое развитие народа с природными условиями населяемой им страны. Они считали, что разнообразие естественной среды не позволяет говорить о народах вообще, есть лишь люди, живущие в данной стране, в данных географических условиях, которые в конечном счете и определяют их историю. А поскольку природная среда в каждом случае своеобразна, то вследствие этого у каждого народа закономерно возникают свои особые традиционные устойчивые хозяйственные и этнобытовые черты.

Весной 1858 г. Радлов, защитив диссертацию «Über den Einfluss der Religion auf die Völker Asiens» («О влиянии религии на народы Азии»), получает в Йене звание доктора философии, а вскоре принимает окончательное решение об отъезде в Россию для занятий там научной работой. Еще в студенческие годы он начал серьезно изучать русский язык, так что ко времени окончания университета уже владел, хотя, впрочем, и не вполне свободно, этим языком.

---

[2] Курс лекций издан посмертно: *Ritter K.* Geschichte der Erdkunde und der Entdeckungen. B., 1861.

[3] Archiv zur Wissenschaftlichen Kunde von Russland.

Перед отъездом Радлов обручился с молоденькой учительницей Паулиной Фромм, ставшей впоследствии не только женой, но и верным другом, надежным помощником во всех его начинаниях. Приехав летом 1858 г. в Петербург с рекомендательным письмом Шотта, он быстро налаживает связи с рядом видных петербургских ученых и влиятельных лиц. Вскоре ему было обещано участие в экспедиции Русского географического общества на Амур для изучения тунгусских народов, а пока, в ее ожидании, приходилось скромно жить на средства от частных уроков. Но поехать в эту экспедицию ему так и не удалось, зато было получено новое, причем, как считал Радлов, очень заманчивое предложение. Ему предоставили возможность занять должность учителя немецкого и латинского языков в Барнаульском горном училище, которое должно было быть позднее преобразовано в гимназию. При этом Радловым было поставлено непременное условие, чтобы во время летних отпусков он мог совершать экспедиционные поездки по Алтайскому краю. Для этой цели ему были обещаны ежегодные правительственные субсидии по 700 руб. в течение пяти лет. Сдав необходимый в таких случаях экзамен на звание учителя гимназии, он через год после приезда в Петербург уезжает на Алтай.

Поездка на перекладных в столь отдаленный край заняла у Радлова пять долгих недель. Местная русская администрация и сравнительно немногочисленная интеллигенция отнеслись к приезду нового учителя очень доброжелательно. По воспоминаниям жившего в ту пору в Барнауле горного инженера, всем понравился новый учитель училища — высокий, худощавый и белокурый юноша, отличавшийся жизнерадостностью и любознательностью. Сам влиятельнейший в Барнауле начальник горного округа А. Е. Фрезе приглашает юношу-учителя в ознакомительную поездку в Кузнецкий округ, где Радлов с большим интересом впервые знакомится с бытом местных жителей и впервые же получает возможность стать свидетелем камлания шамана.

Так начался исключительно важный для становления ученого и очень плодотворный алтайский период его деятельности. Годы, проведенные на Алтае (1859—1871), определили весь дальнейший научный и жизненный путь Радлова.

Приехав в Барнаул, он почти сразу же намечает для себя план, который включает и изучение языков местного тюркоязычного населения, и собирание образцов его фольклора, и знакомство с бытом, с памятниками истории. Молодой ученый, можно полагать, хорошо понимал не только все значение поставленных перед собой задач, но и те огромные трудности, которые его ждали на пути их реализации. В качестве первого шага в этом направлении Радлов счел необходимым получить возможность изучать живую алтайскую речь в домашних условиях. Он сооб-

щает об этом своим новым друзьям. При содействии местного губернатора вскоре один из алтайских зайсанов выполняет просьбу Радлова и присылает ему в услужение коренного алтайца по имени Яков Тонжан — прекрасного знатока родного языка, которого будущий великий тюрколог считал своим учителем этого языка. Яков прожил в небольшой квартире Радлова около полугода. После занятий с учениками в Барнаульском училище Радлов, по свидетельству Л. Я. Штернберга, в долгие зимние вечера превращался в ученика этого доброжелательного и терпеливого алтайца [4].

Как и в этот первый «алтайский» год, вся последующая жизнь Радлова была здесь до предела заполнена интенсивнейшей работой. Восемь-девять месяцев были заняты учительством, в том числе и частными уроками, которые Радлов давал для пополнения своего скудного бюджета. Месяцами труд его был столь напряжен, что он мог позволить себе отвести для сна не более четырех часов в сутки.

Первое путешествие по Алтаю Радлов совершает уже летом 1860 г., взяв с собой молодую жену, только что приехавшую к нему из Берлина, и алтайца Якова. Маршрут экспедиции пролегал по Алтаю через Урсул и Чую к тогдашней китайской границе. Радлова прежде всего интересовали материалы по этнографии, языку, фольклору алтайцев, но, кроме того, он собирал в этой поездке также сведения о торговых связях русских с монголами [5]. На обратном пути, остановившись в православной миссии в Улалу, которую возглавлял известный миссионер и этнограф В. Вербицкий [6], Радлов познакомился с телеутом Михаилом Чевалковым. Тот знал не только свой родной телеутский язык, но и русский, был грамотным — явление довольно редкое в то время среди алтайцев. Он дал согласие приехать к Радлову в Барнаул, где всю последующую зиму тот учился у него телеутскому языку. Здесь же Чевалков написал «Автобиографию»,

---

[4] *Штернберг Л. Я.* Из жизни и деятельности В. В. Радлова, с. X.

[5] Эти материалы были использованы Радловым в его статье «Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность» (ЗРГО по отд. статистики. 1871, т. 2, с. 593–637).

[6] Русский миссионер В. Вербицкий посвятил изучению алтайцев свыше 30 лет своей жизни. Он был одним из первых исследователей их этнографии, языка и фольклора, автором многих ценных трудов по этим вопросам. На труды Вербицкого Радлов неоднократно ссылался в своих работах, давал им высокую оценку (см., например: *Радлов В.* [Рец. на:] В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1889. – ЗВОРАО. 1889, т. 3, с. 138–141). Научные работы об алтайцах Вербицкий начал публиковать с конца 50-х годов XIX в. Был членом Русского географического общества. Основные труды Вербицкого вошли в его посмертное издание «Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований» (М., 1893).

которую Радлов опубликовал в первом томе своего обширного многотомного труда «Образцы народной литературы тюркских племен» [7], включавшем записанные им тексты алтайцев, шорцев и тувинцев.

Весной 1861 г. Радлов вновь отправляется в экспедицию, взяв с собой Чевалкова. На этот раз путешественники прежде всего посетили телеутов на р. Бачат, затем, побывав у шорцев на р. Мрас-Су и у кумандинцев на р. Лебедь, провели исследования вблизи Телецкого озера и по р. Чулышман. Дальнейший их путь лежал через Саянский хребет к жителям Тувы сойонам (тувинцам) — почти совершенно в то время неизвестному народу, жившему за пределами русской границы. Радлову удалось посетить один из тувинских аалов вблизи оз. Кара-Холь, но из-за недоброжелательного отношения к экспедиции со стороны тогдашней китайской администрации пробыть здесь удалось всего четыре дня. Но и такого небольшого срока было достаточно, чтобы собрать об этом народе ценнейшие сведения, в том числе впервые записать по-тувински две сказки, «Кужуттум Модун» и «Пагай Чуру», и четыре песни [8], которые Радлов вскоре издает, справедливо подчеркнув, что эти тексты «важны в лингвистическом отношении, так как по Саянскому языку, сколько мне известно, до сих пор подобных образцов никогда еще издано не было» [9]. Но значение их было не только «лингвистическое». Радлов стал и первым исследователем тувинского фольклора [10].

В 1862 г. Радлов путешествует по Кулундинской степи, изучает население долины р. Или и оз. Иссык-Куль, где знакомится с бытом и языками казахов, киргизов и других народов, выполняет первое историко-географическое описание этих мест. Тем же летом Радлов начал свои археологические изыскания, которые он проводил по поручению Археологической комиссии.

Маршруты экспедиционной поездки Радлова в 1863 г. пролегли по Восточному Алтаю и Минусинской котловине. Теперь он уделяет главное внимание изучению языка и быта абаканских татар (позднее, в советское время, получивших название хакасов), проводит обследование и раскопки археологических памятников, давших ценнейшие материалы для суждения о прошлых насельниках этих мест. Завершив экспедицию, ученый решается вновь обратиться в Петербург за продолжением финансирования

---

[7] Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловым. Ч. 1. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866, с. 113–159.

[8] Там же, с. 399–410.

[9] Там же, с. XIV.

[10] См., например: *Куулар Д. С.* Предисловие. – Тувинские народные сказки. М., 1971, с. 5.

своих полевых работ. Это оказалось не просто, и лето следующего, 1864 г. ушло на поездку в столицу, где удалось добиться продолжения субсидий.

В 1865—1867 гг. Радлов, возобновив экспедиционные поездки, путешествует по Алтаю, а также ведет исследования у западносибирских татар.

В 1868 г. он совершает путешествие из Сибири в Среднюю Азию, посетив Чимкент, Самарканд, долину Зеравшана и ряд других очень интересных в этнографическом и лингвистическом отношении районов этого обширного края. В 1869 г. он вновь едет к киргизам на оз. Иссык-Куль, на р. Чу, к границам Джунгарии; в 1870 г.—в район Кобдо.

Таким образом, Радлову во время его пребывания в Сибири ежегодно, за исключением 1864 г., удавалось проводить исследовательские поездки почти ко всем народам «тюркского мира» России и даже за ее пределами. Он стремился по возможности выезжать в экспедиции с наступлением теплых дней, как только более или менее просыхали дороги и таежные тропы, а возвращаться лишь с наступлением осеннего ненастья. Вернувшись в Барнаул из трудных, изматывающих трех-четырехмесячных путешествий, он сразу же приступал к повседневной педагогической работе и кропотливой «камеральной» обработке собранных экспедиционных материалов и подготовке их к печати. После опубликования в 1886 г. первого тома записанных им образцов алтайских и тувинских текстов, о которых уже шла речь, продолжается публикация текстов на языках абаканских татар, чулымских тюрков, казахов, сибирских татар, киргизов и их переводов на немецкий язык в очередных томах «Образцов».

Совершенно очевидно, что за свой не столь уж продолжительный алтайский период жизни ученый осуществил поистине грандиозный план экспедиционных исследований. Нам даже трудно представить себе, как удалось Радлову в условиях чрезвычайно плохих дорог азиатской части России за очень короткие сроки пройти столь огромные расстояния, посещать столь труднодоступные районы и при этом чрезвычайно продуктивно вести научные исследования. Ведь экспедиции Радлова, включавшие, как правило, всего несколько человек, были, особенно в первые годы работ, очень плохо оснащены, подчас в них использовался совершенно неприспособленный для дальних поездок транспорт.

Тем не менее непоколебимая настойчивость ученого в достижении поставленных перед собой целей, высокая организованность, сочетавшаяся с нетребовательностью к условиям своего полевого быта, и несомненное мужество позволили, выражаясь современным языком, намного перевыполнить первоначально намеченные научные планы.

О том, насколько были подчас трудны экспедиционные будни Радлова и его спутников, можно судить по опубликованным страницам его дневника.

Наиболее тяжелой оказалась первая экспедиция. Надо было привыкать ко многим трудностям и испытаниям. И к скудному питанию, и к бездорожью, и к ночевкам где придется, и к путешествию на плотах по бурным рекам. Юная жена Радлова ехала на необычной повозке-волокуше, сиденье которой было прикреплено к двум оглоблям, тащившимся по земле. В записи, сделанной 28 мая 1860 г., ученый, кратко описывая трудный ночной путь через болото вблизи Туякты, отмечает: «...переход с волокушей моей жены оказался крайне опасным, пять раз повозка переворачивалась» (AS, I, с. 47). Ученому и его спутникам далеко не всегда удавалось передвигаться на лошадях. То надо было прыгать с утеса на утес, то спускаться по отвесным стенам, то лезть по уступам на высокие скалы, а иногда и завершать день высоко в горах после трудного четырех-пятичасового марша, совершенно без сил.

Нередко путешественники ночевали в юртах, чумах, а привыкнуть к этому на первых порах также было нелегко. 21 мая 1860 г. Радлов записывает в дневнике: «Пока горел огонь, юрта была полна дыма, так что нельзя было открыть глаз, а когда огонь погас, стало так холодно, что, несмотря на войлочную кошму, я дрожал всем телом и долго не мог заснуть от чада и дыма. У меня к тому же разболелась голова, да и постелено нам было прямо на твердом полу» (AS, I, с. 43).

Вместе с тем почти повседневные трудности не могли помешать Радлову искренне восхищаться красотой сибирской тайги или замечательными памятниками архитектуры в Средней Азии. Так, во время путешествия Радлова по Алтаю, когда сложились особенно тяжелые условия, он записывает: «Вопреки всем этим страданиям, красота окружающей природы не перестает восхищать нас» (AS, I, с. 82).

Дневники Радлова достаточно полно отражают не только его научные интересы, но и отношение ученого к быту и положению тюркских народов в царской России, свидетелем жизни которых он являлся.

В советской научной литературе, в особенности в послевоенные годы, неоднократно высказывались суждения, что, хотя в своей фактической части труд Радлова «Из Сибири» не потерял поныне своего научного значения, его идейная направленность была якобы порочна и антинаучна, что он выступает в этой книге «как идеолог великодержавной казенной» науки[11], что он был равнодушным наблюдателем народных страданий, стоявшим на ра-

[11] *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.–Л., 1953, с. 34.

систских позициях [12]. Подобные взгляды отражали характерный для того времени нередко вульгаризаторский подход к оценке трудов отдельных ученых в нашей историографии.

Прежде всего отметим, что Радлов, вопреки существующим в некоторых трудах высказываниям в его адрес, отнюдь не избегал фиксации вопиющих фактов чрезвычайно тяжелого положения коренных жителей Сибири, Средней Азии и Казахстана в условиях той, навсегда ушедшей эпохи, когда народы отсталых окраин Российской Империи, презрительно именовавшиеся инородцами, особенно остро испытывали колониальный гнет и были поставлены «в условия жизни еще более бесчеловечные, чем условия жизни русского человека» [13]. Вместе с тем Радлов — человек широких гуманистических взглядов, несомненно искренне уважавший и любивший народы, среди которых он работал, в своих характеристиках все же иногда попадал под влияние атмосферы, в которой нередко проявлялись факты взаимной неприязни отдельных народов, созданной искусно проводимой политикой российского самодержавия, которое, по выражению Ленина, «*все* сделало для *взаимоотчуждения* народов» [14]. К тому же «европеец» Радлов, культурные традиции которого складывались в иной среде, не всегда мог достаточно беспристрастно оценить те или иные обычаи местных жителей, которые ему приходилось наблюдать. Мы избегали купюр в негативных оценках некоторых сторон быта алтайцев, киргизов и ряда других народов как для того, чтобы дать читателю возможность познакомиться с трудом Радлова в «неприглаженном» виде, так и для того, чтобы читатель, знакомый с жизнью этих народов ныне, мог увидеть, насколько разительны изменения в их быте после революции.

Из книги Радлова мы узнаем о бедствиях и вымирании алтайцев, разоряемых российскими чиновниками и купцами, почти зримо ощущаем страдания этого народа. Вот один из примеров — описание нищего и больного старика-алтайца, который, не имея даже тряпья, чтобы укрыться, почти голый лежал на куче сена, а на ухаживавшей за больным дочери были только штаны и рваная овчина. «Эта ужасная нищета производила действительно потрясающее впечатление»,— отмечает в своем дневнике ученый (AS, I, с. 274). Здесь же, на Алтае, Радлов обращает внимание на произвол царских властей, в связи с чем пишет в своей книге: «Мне известны, например, многие случаи, когда при отсутст-

---

[12] *Масанов Э. А.* Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР. А.-А., 1966, с. 182.

[13] *Ленин В. И.* Национальное равноправие. – Полное собрание сочинений. Т. 25, с. 85.

[14] *Ленин В. И.* Украина. – Полное собрание сочинений. Т. 32, с. 342.

вии всякого основания для полицейского вмешательства калмыков заключали в Бийске в тюрьму или когда чиновник наказывал даже зайсана» (AS, I, с. 255). Он пишет о том, что царские чиновники местной администрации, руководствуясь лишь «личной выгодой», вмешивались в жизнь алтайцев (Там же). «Когда я посетил Алтай в 1870 г., я застал там страшную нищету» (AS, I, с. 284). Он считал, что многие из народов, которые он обследовал, были обречены на гибель и вымирание. Так, он относил к вымирающим народам барабинских татар, которым приходилось отступать во все менее плодородные области (AS, I, с. 241—244), тобольских татар, экономическое положение которых становилось все хуже (AS, I, с. 245), алтайцев, которые в условиях номадизма не в состоянии освоить богатства родного края (AS, I, с. 285).

Вместе с тем Радлов был очень далек от понимания тех реальных путей развития общества, которые несколько десятилетий спустя принесли народам Востока в России новую жизнь.

На его взглядах, нашедших отражение в дневниках, сказывались не только его личные симпатии и антипатии, но и воздействие самых различных научных школ, от гербартианства до позитивистских и эволюционно-дарвинистских концепций, применение которых в истории и этнографии получило тогда широкое распространение. Те или иные взгляды Радлова на судьбы угнетенных и вымирающих тюркских народов неизбежно отражали воздействие модного в то время социального дарвинизма, влияние которого достаточно отчетливо проявилось в нескольких высказываниях ученого на страницах этой книги. Так, он справедливо считал, что на обнищании алтайцев в середине XIX в. сказалась не столько чума скота, которая свирепствовала здесь, а «скорее Алтай выкачали русские купцы...». Но он же писал: «Как ни больно и ни грустно филантропу, да и любому порядочному человеку, видеть несправедливость более сильной расы, но все это отвечает законам природы, ибо, честно говоря, должно признать: великолепные долины Алтая слишком хороши для кочевников, которые не могут извлечь и использовать богатство этого края» (AS, I, с. 285). Радлов, испытывая глубокое сочувствие к угнетенным алтайцам, все же не видел истинных корней зла, их первопричины. Лишь послереволюционное развитие народов России, в том числе алтайцев, показало, что дело не в борьбе сильных и слабых рас, а в социальных условиях их существования. Радлов был, несомненно, прав, когда утверждал, что в условиях кочевого хозяйства освоить все богатства края было невозможно. Реальные возможности их комплексного освоения создаются позднее лишь в результате перехода кочевников к оседлости и совместной работы над хозяйственным развитием Алтая всех населявших его народов, включая русских.

Радлов был далек от понимания подлинных причин национального угнетения и социального неравенства у изучаемых им народов, не всегда достаточно верно ориентировался в сложной политической обстановке тех лет, а иногда даже попадал под влияние слухов, ходивших главным образом среди шовинистически настроенного чиновничества, купечества и офицерства. Но он же не раз выступал с их критикой. Вот один из таких примеров. Ученый с возмущением говорит о том, как он познакомился на Алтае с разорительной ростовщической, а по существу грабительской, деятельностью среди северных алтайцев пришлых купцов, которые взимают такие ужасные ростовщические проценты, что народ неизбежно разоряется. Он пишет, что «по мере обнищания растет и ненависть притесняемых; они стараются обмануть своих мучителей, которые кричат повсюду об их нечестности, хотя они сами и толкают бедных туземцев на эту нечестность» (AS, I, с. 370).

Описывая те или иные неприглядные стороны быта алтайцев, Радлов вместе с тем замечает: «...недостатки сразу же бросаются в глаза всем путешественникам, а узнать превосходные черты их характера можно, только проживя с ними подольше. Их так много, что я твердо могу сказать, что ни у одного тюркского народа Северной Азии не чувствуешь себя так хорошо, как у алтайцев. Честность и прямота свойственны им в такой степени, как ни одному из соседних народов. Ни одна юрта не запирается, ни в одной юрте нет сундука, скот пасется без пастуха и всякого надзора, и при всем том воровство у алтайцев — нечто неслыханное. Сам я многократно убеждался в их честности» (AS, I, с. 310).

Научные результаты своих путешествий Радлов начал публиковать, как уже отмечалось выше, еще во время пребывания на Алтае. В 1861—1863 гг. на немецком языке были изданы его «Письма с Алтая» [15]; в 1863—1864 гг. он публикует свои «Наблюдения над киргизами» [16] (так именовались в литературе казахи). Вскоре увидели свет такие написанные по-немецки статьи Радлова, как «Путешествие через Алтай к Телецкому озеру и Абакану» (1865) [17], «Долина Или в Центральной Азии и ее жители» (1866) [18], «Средняя долина Зеравшана» (1871) [19], «Этнографический обзор тюркских племен Сибири и Монголии»

[15] Briefe aus dem Altai.— AWKR. 1861, 20; 1862, 21; 1863, 22.

[16] Kurzer Bericht über eine im Sommer 1862 unternommene Reise in die östliche Kirgisen-Steppe. — BAIS. 1863; Beobachtungen über die Kirgisen. — MPGA. 1864.

[17] Reise durch den Altai, nach dem Telezker See und dem Abakan.— AWKR. 1865, 23.

[18] Das Ili-Thal in Hoch-Asien und seine Bewohner.— MPGA. 1866.

[19] Das mittlere Serafschanthal. — ZGE. 1871, 6; Средняя Зерафшанская долина. — ЗРГО по отд. этнографии. 1880, 6.

(1883) [20] и многие другие. Краткие отчеты о путешествиях Радлова тех лет публиковались и в периодических изданиях Русского географического общества.

В 1871 г. ученый покидает Сибирь и переезжает в Казань, получив должность инспектора татарских, башкирских и казахских школ. Здесь, в Казани, он начинает готовить к изданию наиболее интересные части дневников своих путешествий, которые дополняет отдельными очерками по этнографии и археологии Сибири и Средней Азии, частично включив в них ранее опубликованные материалы. В 1884 г. этот труд Радлова выходит в свет в Германии на немецком языке в двух томах под общим названием «Из Сибири» [21]. Назвав так свою книгу, Радлов хотел подчеркнуть, что все приведенные в ней материалы, характеризующие тюркские народы не только Сибири, но и Средней Азии и Казахстана, были собраны им в ходе его поездок из Барнаула. На характеристике этой книги, первый русский перевод которой предлагается вниманию читателя, мы остановимся несколько ниже.

В 1884 г. Радлов переезжает из Казани в Петербург. Избранный академиком «по части истории и древностей азиатских народов», он ведет очень большую научную и научно-организационную работу. Продолжает здесь тщательно систематизировать многочисленные лингвистические и фольклорные материалы, собранные во время жизни на Алтае, уделяя особое внимание сравнительной фонетике и грамматике тюркских языков, их лексикологии, лексикографии, диалектологии, а также изучению и публикации памятников тюркской письменности.

Богатейшие фольклорные материалы были опубликованы Радловым в фундаментальном труде «Образцы народной литературы тюркских племен» (СПб., 1866–1907). Первые семь томов этого издания составили тексты, собранные «в поле» самим Радловым, а последующие три тома — записи, сделанные другими исследователями языка и фольклора тюркских народов — Н. Катановым, В. Мошковым, И. Купошем. Тюрколог А. Н. Самойлович писал впоследствии, что это издание является «первой серией капитальных трудов Радлова по возведению фундамента туркологии» [22].

Другим изданием, не знавшим себе равных в тюркологии, явился четырехтомный «Опыт словаря тюркских наречий» (СПб., 1888–1911). Собирать материалы для этого «Словаря» ученый начал еще на Алтае. В «Предисловии» к нему он писал: «Приступив в 1859 г. к исследованию тюркских наречий собственно-

[20] Ethnographische Übersicht der Türkstämme Sibirins und der Mongolei. — Phonetik der nördlichen Türksprachen. Lpz., 1883.

[21] Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten. Von Dr. Wilhelm Radloff. Bd. 1–2. Lpz., 1884.

[22] *Самойлович А. Н.* Радлов как турколог. – Новый Восток. 1922, № 2, с. 708.

го Алтая, я с самого начала стал собирать не только произведения народного творчества, но и по возможности объемистый лексический материал»[23]. Чрезвычайно ценным исследованием явился ряд трудов ученого, посвященных изучению и переводу основных памятников древнетюркской рунической письменности[24]. Наконец, необходимо сказать о том, что Радлов был первым, кто обстоятельно исследовал, издал и перевел один из ценнейших памятников древнеуйгурской литературы XI в.— «Кутадгу билиг».

Радлов своими фундаментальными трудами положил, по существу, начало совершенно новому этапу в развитии тюркологии. Многие ученые делят дореволюционную тюркологию на два периода — дорадловский и радловский. Как подчеркивает А. Н. Кононов, «последнее шестидесятилетие дооктябрьского периода прошло под знаком неутомимой деятельности богатыря тюркологии В. В. Радлова. Исключительно обширные знания и изумительная работоспособность В. В. Радлова позволили ему одному, без помощников, проделать работу такого объема, которая, без преувеличения, под силу только целому коллективу опытных исследователей»[25].

Нельзя не отметить большую организационно-административную деятельность Радлова в Петербурге. Ряд лет (1885—1890) он был директором Азиатского музея, а затем (1894—1918) — директором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, сделавшим очень много для улучшения работы этого старейшего музея России, на базе которого позднее был создан Институт этнографии АН СССР; многие годы (1908—1918) был председателем правления Общества изучения Сибири и улучшения ее быта.

Предлагаемый читателю в русском переводе труд Радлова занимает особое место в его творчестве. Как мы уже отметили выше, эта работа, написанная ученым в Казани по-немецки, опубликована в Лейпциге в 1884 г. Она имела подзаголовок «Страницы дневника лингвиста-путешественника». Думается, что издание книги на немецком языке объяснялось, в частности, не только тем, что Радлов владел им лучше, чем русским, но и прежде всего стремлением ученого познакомить как можно более широкие научные и общественные круги Запада со своим трудом. Вскоре на книгу появилось несколько благожелательных рецензий, в том числе написанных В. Томашеком, Г. Герландом и др. Она быстро разошлась, и через девять лет в Лейпциге последовало второе

[23] Опыт словаря тюркских наречий. Вып. 1. СПб., 1888, с. I.

[24] Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. St.-Pbg., 1895; то же: Neue Folge. St.-Pbg., 1897; то же: Zweite Folge. St.-Pbg., 1899.

[25] *Кононов А. Н.* В. В. Радлов и отечественная тюркология, с. 14.

издание, которое вышло почти без изменений, но на этот раз с подзаголовком «Страницы дневника» [26].

Со времени издания замечательного труда Радлова «Aus Sibirien» прошло столетие, но до сих пор он так и не был переведен на русский язык, и это несмотря на его важное значение для отечественной науки и неоднократно высказанные пожелания ряда крупных ученых, прежде всего этнографов, о его полном переводе на русский язык. Еще в 1909 г. выдающийся этнограф Л. Я. Штернберг имел все основания писать, что «книга эта, оставшаяся, к стыду нашей этнографии, непереведенной на русский язык, исключая главу по археологии... сразу приобрела самую широкую известность в Европе и сделала имя автора так же популярным среди этнографов и археологов, как его прежние труды среди специалистов-лингвистов» [27]. В западноевропейских странах труд Радлова переиздавался на немецком языке, но без каких-либо комментариев [28].

Своей книге Радлов предпослал очень краткое предисловие, в котором подчеркнул, что его труд является публикацией как отдельных страниц его дневника, так и ряда очерков, в которых он стремился показать то, что видел в своих поездках и что считал важным в связи со своими исследованиями. Здесь же он писал, что работа над книгой принесла ему много радости и дала возможность вновь пережить давно прошедшие времена, которые были прекраснейшими в его жизни.

Первый том книги открывает вводная глава, содержащая главным образом географический и статистический обзор Западной Сибири и «южных пограничных стран» [29]. Так как глава включает в основном немецкий перевод сведений из опубликованных ранее по-русски сводок П. П. Семенова по географии России и в значительной мере устарела, то в переводе нами сохранен лишь ее небольшой, но вполне самостоятельный раздел, в котором дан краткий перечень маршрутов поездок ученого в алтайский период его жизни.

Вторая глава, названная «Описание путешествий по Алтаю и Восточной Киргизской степи» [30], включает очень любопытные отрывки из дневников, которые ученый вел во время своих поездок по Алтаю весной и летом 1860 г., а также в ходе путешествия по

[26] Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Von Dr. Wilhelm Radloff. Bd. 1–2. Lpz., 1893.

[27] *Штернберг Л. Я.* Из жизни и деятельности В. В. Радлова, с. XXIV.

[28] Последнее известное мне переиздание: Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Von Dr. Wilhelm Radloff. Oosterhout N. B. Niederlande. 1968.

[29] Geographische und statistische Uebersicht von westsibirischen und den südlichen Grenzländern (AS, I, c. 1–31).

[30] Reiseschilderungen aus dem Altai und der östlichen Kirgisen-Steppe (AS, I, c. 32–121).

Западному Алтаю и Казахстану весной и летом 1861 г.; по Кулундинской степи и Восточному Казахстану в 1862 г. В эту главу включены также некоторые записи, относящиеся к тем же районам, но сделанные позднее — в 1868, 1869, 1870 гг. Читатель знакомится здесь с дорожными впечатлениями ученого, бытом населения, характеристикой маршрутов, описанием ландшафтов.

Третья глава, «Население Южной Сибири и Дзунгарии» [31], состоит как бы из двух самостоятельных разделов. В первом из них даны исторические сведения из различных письменных источников о народах, описываемых в книге, в том числе извлечения из китайских исторических хроник о жителях Алтайской горной страны, о древних тюрках-тугю, древних хягасах, туба (дубо) и др. Даны сведения из русских источников XVI—XVII вв. о завоевании Сибири; извлечения из письменных источников о государстве Алтын-ханов; о Джунгарии; материалы по истории казахов и ряд других.

Свидетельства исторических источников, приведенные в этом разделе, имеют, несомненно, важное значение для познания прошлого изучаемых народов, но за столетие, прошедшее после публикации «Aus Sibirien», они были в отечественной и зарубежной науке существенно уточнены и расширены, поэтому их сводка в книге Радлова представляет ныне лишь историографический интерес для специалистов. Что же касается более широкого круга читателей, то сведения по истории тюркоязычных народов Сибири, Средней Азии и Казахстана они смогут получить в ряде специальных изданий [32]. Эти обстоятельства позволили нам не включать в перевод книги исторический раздел данной главы.

Наиболее ценная часть главы, основанная на собранных Радловым полевых материалах, посвящена этническому составу не только тюркских народов Сибири, но и казахов, узбеков, киргизов и уйгуров Средней Азии. В ней сделаны очень важные этногенетические выводы. Сравнительно небольшая по объему, эта сводка предельно насыщена ценнейшим фактическим материалом, поныне сохраняющим свое первостепенное научное значение. Этот раздел книги базировался на опубликованной несколько ранее статье Радлова «Этнографический обзор тюркских племен Сибири и Монголии» [33], которая была переведена Н. Н. Козьминым на русский язык [34].

---

[31] Die Bevölkerung Südsibiriens und der Dsungarei (AS, I, c. 122–248).

[32] См. примеч. 1 к гл. III данного издания.

[33] *Radloff W.* Ethnographische Uebersicht der Türkenstämme Sibiriens und der Mongolei. Lpz., 1883.

[34] *Радлов В. В.* Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Пер. с нем. Н. Н. Козьмина. Иркутск, 1929. К сожалению, Н. Н. Козьмин, как и некоторые другие авторы, писавшие по данному вопросу, ошибочно полагал, что указанная статья вошла в «Aus Sibirien», притом даже как... «вводный очерк». Козьмин отмечал здесь, что «брошюра

По содержанию эта глава в «Aus Sibirien» имела некоторые отличия от опубликованной Радловым отдельной статьи. В частности, в ней с большей полнотой приведены материалы по западносибирским татарам, но исключен раздел о других татарских группах европейской части России и Крыма. Опущены краткие данные о казанских татарах и башкирах, включавшие главным образом сведения об их численности и расселении. Внесены и некоторые другие частные изменения.

Эта сводка Радлова, по существу, впервые позволила научному миру ознакомиться со сложной и вместе с тем в определенной мере взаимосвязанной родо-племенной структурой тюркских народов, их расселением, вопросами их происхождения, наиболее характерными этнографическими особенностями и численностью. Тюркоязычные народы рассмотрены в порядке их расселения с востока на запад — от маленького сибирского народа карагасов (тофаларов) на востоке до узбеков в Средней Азии.

Значительное внимание, которое уделено здесь выявлению почти неизвестного ранее родо-племенного состава тюркоязычных народов, было прежде всего обусловлено тем, что Радлов вслед за Кастреном считал выяснение родового состава того или иного народа важнейшим источником изучения его происхождения. Следует сказать, что этногенетические вопросы, касающиеся происхождения тюркоязычных народов России, в особенности сибирских и среднеазиатских, рассматриваются и в других главах данной книги. Обращаясь к сложнейшим проблемам этногенеза тюркоязычных народов, ученый привлекал не только данные об их родо-племенной структуре, но и другие источники, в том числе свидетельства письменных памятников, язык, фольклорные, топонимические и археологические материалы, а также антропологические наблюдения. Тем самым он во многом предвосхитил разработанную позднее трудами главным образом советских ученых методологию комплексного изучения этногенеза народов мира. Впрочем, необходимо отметить, что Радлов нередко переоценивал значение бытовых особенностей того или иного народа для этногенетических выводов, следуя в этом отношении, в частности, за К. Риттером. Так, Радлов в этой главе относит тюркоязычных туба к самодийским по происхождению народам главным образом на том основании, что у них издавна господствовали охотничье-оленеводческие формы хозяйства и быта, ха-

была уже однажды переведена и издана в Томске (в 1887 г., без обозначения переводчика и издателя). Но этот перевод дал совершенно недопустимую часто транскрипцию турецких племенных названий и изобилует грубыми опечатками» (*Козьмин Н. Н.* Предисловие. – *Радлов В. В.* Этнографический обзор, с. 3). Речь шла о брошюре: *Радлов В. В.* Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Пер. с нем., Томск, 1887. К сожалению, и перевод самого Н. Н. Козьмина содержит много неточностей.

рактерные для самодийских племен. В последующих своих работах он отошел от этой точки зрения и высказал мнение, что туба (дубо китайских источников) — одно из уйгурских племен [35].

Следует отметить и то обстоятельство, что Радлов при характеристике родо-племенной структуры тюркских народов, в частности саяно-алтайских, употребляет термин «род». Обычно этим термином ученый называет подразделения отдельных народов, которые в языках этих — прежде всего саяно-алтайских — народов обозначаются словом *сөөк* (кость). Речь идет об экзогамных патрилинейных подразделениях, которые генеалогически действительно в большинстве случаев восходят к поздним отцовским родам. Их члены, будучи связаны экзогамией, вели свое происхождение от общих предков (часто мифических, легендарных), сознавали свою принадлежность к одному роду и имели общее родовое самосознание. Однако во время исследований Радлова далеко не все тюркские «роды» сохраняли былую экзогамию (так, у тувинцев ее сохраняли только тоджинцы [36]). Но в число родов Радлов иногда включал и чисто административные подразделения (их названия все же, как правило, восходили к родовым этнонимам), а также патронимии в узком смысле этого слова, объединявшие группу относительно близких родственников, которые вели свое происхождение от вполне памятных мужских предков — эпонимов. Вопрос о сущности родовых и племенных подразделений у тюркских народов в XIX — начале XX в. остается поныне недостаточно разработанным, однако понятие «род» в отношении «сөөк'ов» продолжает широко использоваться современными этнографами, в особенности в ходе этногенетических исследований.

В своем этнографическом обзоре Радлов не только впервые ввел в научный оборот большое число неизвестных родо-племенных этнонимов, но и некоторые неизвестные ранее народы. Так, он впервые в этнографической литературе выделил отдельный народ шор, получивший позднее название шорцев. Он же впервые описал родо-племенной состав кумандинцев и ряда других народов, установил самоназвание тувинцев (туба) [37], которые ранее были известны под названием «сойоны», «сойоты», «урянхайцы».

Вместе с тем в свете новейших исследований некоторые выводы Радлова в очерке устарели, встречаются здесь и отдельные неточности. Так, Радлов считал, что древнее название населения

[35] *Радлов В.* К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика). СПб., 1893 (ЗИАН по ист.-филол. отд. 1893. 72, прил. 2).

[36] См.: *Вайнштейн С. И.* Происхождение и историческая этнография тувинского народа. М., 1969, с. 34–36.

[37] Туба — один из фонетических вариантов самоназвания тувинцев — «тыва» (см. примеч. 7 к гл. III данной книги).

Минусинской котловины звучало как «хакас». Это было, вероятно, основано на предложенной транскрипции этнонима «кыргыз» в китайской летописи танского времени отечественным синологом Н. Я. Бичуриным, который читал это слово как «хягас». Синолог С. Е. Яхонтов убедительно показал, что форма «хягас» не может быть фонетическим отражением названия «хакас», а разделяемое поныне Л. Р. Кызласовым мнение, что этноним «хакас» был известен в древности, ошибочно [38].

Не может быть принято и предположение Радлова, что часть енисейских кыргызов, уведенных из Минусинской котловины джунгарами в начале XVIII в., поселилась в Туве и их потомками является тувинская родо-племенная группа кыргыс. Есть все основания полагать, что тувинские кыргысы — потомки енисейских кыргызов, проникших на территорию Тувы в IX в. [39] Наконец, еще В. В. Бартольд отметил неточность в определении термина «сарты» и территории их расселения, данном Радловым в этой главе, в частности обратил внимание на то обстоятельство, что он не включил в район их расселения Фергану [40].

Детально рассмотрев в третьей главе своего труда многие этносы «тюркского мира» России, Радлов не коснулся якутов, у которых ему удалось побывать. Однако позднее, имея в своем распоряжении материалы по якутскому языку, он сделал ряд важных выводов о его составе и происхождении в специальном труде, посвященном этому языку и его отношению к другим тюркским языкам [41].

И хотя отдельные положения Радлова, касающиеся родо-племенного состава и происхождения тюркских народов, были позднее уточнены и даже пересмотрены, но и поныне они сохраняют свое значение и, пожалуй, нет работы по этнографии и этногенезу тюркских народов, где бы они не были в той или иной мере учтены.

---

[38] *Яхонтов С. Е.* Древнейшие упоминания названия «киргиз». – СЭ. 1970, № 2, с. 117–118. О взглядах Л. Р. Кызласова по этому вопросу см. также: *Худяков Ю. С.* Кыргызы на Енисее. Новосибирск, 1987, с. 10–36.

[39] См.: *Вайнштейн С. И.* Этнографическая экспедиция Тувинского музея в юго-восточную Туву. – СЭ. 1954, № 2; *он же.* Об исторических границах расселения кыргызов в Южной Сибири. – УЗТНИИЯЛИ. 1957, вып. 5, с. 217–218.

[40] *Бартольд В. В.* Памяти В. В. Радлова. 1837–1918, с. 185–186 (=Сочинения. Т. 9, с. 684).

[41] *Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. St.-Pbg., 1908 (ЗИАН. Сер. VIII, 8, № 7). В этой работе он отметил, что лишь треть корневых основ в якутском языке – тюркские, около трети – монгольские, остальные неизвестного происхождения; высказал гипотезы о происхождении языка, которые были рассмотрены в плане этногенеза якутов последующими исследователями проблемы (см.: *Окладников А. П.* Якутия до присоединения к русскому государству. М.–Л., 1955, с. 278–279).

Четвертая глава носит название «Восточные, немусульманские тюркские племена Западной Сибири» [42]. Посвященная коренному населению Алтая и Минусинской котловины, она основана на ценнейших материалах, собранных Радловым в ходе его полевых исследований в этом обширном регионе. Читатель знакомится в этой главе с этническими группами, населявшими горно-таежные и степные районы Алтая,— алтайцами (алтай-кижи), теленгитами, телеутами, лебединцами, кумандинцами, челканцами, а также рядом этнических групп Минусинской котловины. Желая выделить тюркоязычные народы этого региона из остальной массы тюркоязычных народов России, Радлов предложил именовать их восточными немусульманскими тюркскими племенами Западной Сибири.

Он обозначил их прежде всего по тому признаку, что они не испытали влияния ислама, т. е. связанных с ним мусульманской культуры, арабского и персидского языков, сохранив в более «чистом» виде свои тюркские языки и старотрадиционные культуры. Этот термин применительно к тюркам Южной Сибири в этнографической литературе почти не используется. Что же касается этнографического материала, то он поныне служит одним из ценнейших источников для современных исследователей исторической этнографии этих народов.

Автор детально останавливается не только на этническом составе описываемых народов, но и на их административном управлении, характере хозяйства, одежде и пище, семейных отношениях, празднествах, верованиях, знакомит с образцами их фольклора. Однако некоторые этнические названия, приведенные Радловым в этой главе, требуют уточнения. Так, собственно алтайцев он именует горными калмыками, как и было принято в литературе того времени (наряду с названием их порубежными или белыми калмыками, алтайскими татарами). Радлов объясняет это тем, что алтайцы сохранили память о своей прежней принадлежности к «калмыцкому (джунгарскому) государству, образованному западномонгольскими ойратскими племенами, в силу чего часть из них продолжает именовать себя „калмак" или „ойрат", хотя их подлинным самоназванием было „алтай-кижи"» (форма «алта-кижи», приведенная здесь (AS, I, с. 250) Радловым, несомненно, описка).

Этнографической характеристике рассматриваемых народов Радлов предпосылает их деление с точки зрения социальной жизни. «Часть их,— пишет Радлов,— следует назвать кочевниками, другие — оседлые земледельцы, третьи находятся на стадии собирательства и рыболовства; есть среди них и содержащие оленей,

---

[42] Die östlichen, nichtmohammedanischen Turkstämme Westsibiriens (AS, I, с. 249–405).

бродячие народы» (AS, I, с. 249). Это замечание Радлова требует уточнений. Не говоря уже о том, что речь идет не о социальных, а о хозяйственных различиях, следует отметить, что в XIX в. оленеводством никто из алтайцев и жителей Минусинской котловины не занимался. Имеющиеся косвенные свидетельства об оленеводстве в этом регионе относятся к более раннему времени, к тому же известные науке сибирские оленеводы тайги (охотники-оленеводы) — это не бродячие народы, а тоже кочевники, совершающие обычно свои перекочевки по определенным сезонным маршрутам. Не было здесь и собирателей-рыболовов. У племен северных алтайцев и некоторых этнических групп минусинских татар, не знавших скотоводства, главным занятием была охота, сочетавшаяся с примитивным земледелием, собирательством и рыболовством, т. е. для них был характерен хозяйственно-культурный тип охотников тайги [43].

Вряд ли с позиций современной науки может быть принят и вывод Радлова, что на Алтае нет подлинного кочевания. Он делает его на том основании, что в столь богатом травами крае даже крупные стада перемещаются на очень небольшом участке, а люди победнее круглый год остаются на том же месте. И заключает далее, что менять место жительства алтайцев вынуждает скапливающийся в местах ночевки скота около юрт навоз и скопление нечистот в жилищах (AS, I, с. 286). При этом ученый исходил, по-видимому, из распространенного в XIX в. устаревшего представления, что подлинные кочевники лишь те, кто чуть ли не постоянно находятся в движении в поисках нужных им пастбищ. Между тем к кочевничеству могут быть отнесены все формы хозяйства и быта, в основе которых лежит экстенсивное скотоводство с сезонным перемещением населения со стадами скота, причем расстояния перегона скота не являются определяющими для отнесения того или иного народа к кочевникам [44]. И разумеется, основной причиной перекочевок является не загрязнение стойбищ, а необходимость обеспечения скота пастбищами и ведения других подсобных форм хозяйственной деятельности. Вместе с тем Радлов был несомненно прав, отметив жесткую связь протяженности и количества кочевок с количеством скота в хозяйствах различных социальных групп, что характерно для всех номадов [45].

[43] *Вайнштейн С. И., Долгих Б. О.* К этнической истории хакасов (бельтирский шаманский бубен с изображением домашних оленей).— СЭ, 1963, № 2; *Вайнштейн С. И.* К реконструкции хозяйственно-культурных типов у южносамодийских народов Саян в XVII—XVIII вв. — Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; *он же.* Этнический состав древнего населения Саян. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.

[44] См.: *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира. М., 1985, с. 57–65.

[45] См.: *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972, с. 57–77; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Взгляды Радлова на связь между хозяйством, общественным бытом и социальной структурой общества затрагивались им в той или иной мере в ряде работ.

Наиболее полно свои взгляды на связь истории с хозяйством и бытом народа Радлов изложил во вводной статье к изданию «Кутадгу билиг» (1893), впоследствии напечатанной на русском языке [46],— статье, являющейся, кстати, первой и до сих пор не утратившей значения сводкой исторических сведений об уйгурах в древности. Теоретической основой представлений Радлова о формах развития человеческих обществ была эволюционная триада — от охотничьего быта к пастушескому, от пастушеского быта к оседлому. В свое время она была широко распространена в трудах историков и этнографов.

Еще В. В. Бартольд отмечал, что Радлов, «говоря об охотничьих народах, имел в виду преимущественно народы „тундр и лесов северной Сибири"; первой ступенью перехода к кочевой жизни было, по его мнению, приручение северного оленя. Переход совершался только под давлением экономической необходимости; без такого давления „обитатели лесов целыми столетиями остаются на той же ступени развития"». В свою очередь, «только нужда и уменьшение количества свободной земли обращают кочевника в оседлого земледельца» [47]. И в том и в другом случае переход к иной форме быта означает переход в иную географическую среду. Радлов утверждал, что в значительной части степи по природным условиям не может быть другой жизни, кроме кочевой. Итак, основываясь на этой концепции, он ошибочно считал, что неизбежным последствием попытки обратить кочевников в оседлых поселенцев были бы регресс и уменьшение населения.

Характеризуя возникновение политической власти в кочевом обществе, Радлов, хотя и не отказывается от некоторых представлений, восходящих еще к теории общественного договора Ж. Ж. Руссо, все же заостряет внимание на двух моментах — неизбежно возникающем у кочевников имущественном неравенстве во владении скотом и пастбищами и на неизбежной узурпации власти в племени наиболее богатым и многочисленным родом [48], что нашло отражение в «Aus Sibirien».

Представляет интерес и первая в научной литературе серьезная попытка классифицировать типы жилищ у народов Южной

---

[46] *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах.

[47] *Бартольд В. В.* Памяти В. В. Радлова. – Сочинения. Т. 9, с. 675 и сл. Гипотеза об эволюционной триаде в развитии была позднее пересмотрена (см.: *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевников-скотоводов умеренного пояса Евразии. М., 1973).

[48] *Радлов В. В.* К вопросу об уйгурах, с. 67–75.

Сибири, предпринятая Радловым в «Aus Sibirien», хотя она в определенной мере уже устарела [49].

Радлов рассматривает также важный для понимания этнических процессов в Южной Сибири вопрос о том, существовала ли в Минусинской котловине в начале второй половины XIX в. единая народность «абаканские татары» (современные хакасы) [50].

Возражая одному из довольно поверхностных исследователей этнографии этого региона, Н. Кострову, Радлов подчеркивает, что «мы не имеем права описывать абаканских татар как единый народ» (AS, I, с. 375). И хотя теория этноса в то время еще не разрабатывалась, Радлов сумел выявить основные закономерности развития этнических процессов у абаканских татар, показав, что в результате длительного совместного проживания у населения Минусинской котловины идет нивелировка языка и консолидационные процессы, протекающие в рамках двух различающихся хозяйственно-культурных групп — западной — оседлой и восточной — кочевой (AS, I, с. 375). Основания для вывода о незавершенности процесса сложения этой народности Радлову давал и анализ ее родо-племенного состава, рассмотренного в предыдущей главе. Он писал там, что абаканские татары, «соединились теперь в четыре больших племени (качинцы, сагайцы, койбалы, кызыльцы) из более мелких племен» (AS, I, с. 206).

Утверждение современного археолога Л. Р. Кызласова и его соавтора Н. В. Леонтьева, что уже к XVII—XVIII вв. хакасы представляли собой «единую сложившуюся народность» [51], противоречит не только свидетельствам такого крупного авторитета, как Радлов, но и всей совокупности фактов, достаточно детально проанализированных в труде Л. П. Потапова, посвященном этнической истории хакасов, в котором он на обширном материале

[49] О современной классификации традиционных жилищ у народов Сибири см.: *Попов А.* Жилище. — Историко-этнографический атлас Сибири. М., 1961.

[50] Термин «хакасы» еще не использовался в XIX в. как название абаканских татар или хотя бы какой-либо из этнических групп Минусинской котловины. Лишь после революции этот термин был предложен как название абаканских татар. Один из причастных к этому предложению, этнограф Н. Н. Козьмин, писал в своей брошюре «Хакасы» (Иркутск, 1925, с. VI), что при национальном возрождении народа его интеллигенция обратилась к тому далекому времени, когда, по китайским источникам, туземцы края были объединены в государстве «хакасов». Название «хакас» заменило имя «татарин», считавшееся пренебрежительным (см. также: *Бутанаев В. Я.* Социально-экономическая история хакасского аала. Абакан, 1987, с. 15). По вопросу об этнониме «хакас» в древности см. выше, а также примеч. 11 к гл. III данной книги.

[51] *Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.* Народные рисунки хакасов. М., 1980, с. 63.

приходит к выводу о завершении сложения хакасов в единую народность лишь к концу XIX — началу XX в.[52].

Свои мысли об этнической истории алтайцев и тюрков Минусинской котловины, сделанные в третьей главе, Радлов дополнил ниже, в седьмой главе рядом выводов об их этногенезе. По мнению ученого, на территории Саяно-Алтая в древности протекали сложные этнические процессы, в которых уже с эпохи бронзы важную роль играли кетоязычные племена, распространившиеся позднее на север. В степных районах Присаянья, в частности в Минусинской котловине, по мнению Радлова, процессы тюркизации аборигенных племен были начаты кыргызами, взаимодействовавшими здесь главным образом с енисейскими остяками (кетами), а также с самодийцами. Позднее, в XVIII—XIX вв., линия тюркского этногенеза была продолжена здесь другими тюркскими племенами, сложившимися, впрочем, на нетюркской аборигенной основе. Вместе с тем Радлов полагал, что непосредственные предки абаканских (минусинских) татар, за исключением койбалов, как бы ни было различно их происхождение, говорили на тюркских наречиях уже во время переселения в долину Абакана. В известной мере продолжая в этой области дело М. А. Кастрена и солидаризируясь со многими его гипотезами в отношении аборигенного населения Саяно-Алтая, сам Радлов, по крайней мере в своих печатных трудах, не поддерживал идеи урало-алтайского родства и высказывался о ней скептически, хотя, по свидетельству Л. Я. Штернберга, в позднейшее время мнение Радлова эволюционировало в сторону сближения с некоторыми положениями М. А. Кастрена[53].

В следующей, пятой главе «Тюркские степные кочевники»[54] дана содержательнейшая этнографическая характеристика казахов, которых Радлов, по сложившейся к тому времени традиции, именует киргизами[55], а также собственно киргизов, называемых им кара-киргизами. Приведены интересные суждения Радлова об антропологических чертах казахов, описание их кочевого хозяйства, домашних животных, жилища и одежды, ремесла, социальных и семейных отношений, верований и фольклора. Интересны также высказанные здесь взгляды ученого на номадизм. Описывая административное устройство казахов, Радлов впервые подробно охарактеризовал поныне недостаточно исследованный социальный институт биев — предводителей родо-племенных

---

[52] *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 278.

[53] *Штернберг Л. Я.* Кастрен — алтаист и этнограф. — Памяти Кастрена. К 75-летию со дня смерти. Л., 1927, с. 47.

[54] Die türkischen Steppennomaden (AS, I, с. 406—534).

[55] См. примеч. 4 к гл. I данного издания.

подразделений, которые вели судебные дела, решали возникавшие в аулах хозяйственные вопросы [56].

Разумеется, что в трактовке вопросов социальной структуры казахского общества Радлов оставался на позициях науки своего времени, что не могло не отразиться на взглядах ученого. Так, он ошибочно полагал, что возникновение племен и орд у казахов относится ко времени, когда у них уже существовало кочевое государство, а возникновение ханской власти уходит в доисторические времена.

Характеризуя развитие жизни казахского народа после его присоединения к России, Радлов подчеркивает, что введение российского законодательства внесло успокоение и дало большую устойчивость казахскому управлению. Вместе с тем, противопоставляя формы управления кочевым населением в России и в Китае, Радлов писал, что китайские власти, подчинившие казахов, считают их «чужими людьми» и ничего не делают для улучшения их положения, что китайцы взимают с подчиненных казахов в отличие от России тяжелые налоги, но «гуманные стремления русского правительства» в отношении казахов, не основанные на знании условий жизни кочевника, принесли им больше вреда, чем пользы [57].

Обращаясь к антропологической характеристике казахов, Радлов обращает внимание на смешанность в их облике «монгольского и киргизского типов», т. е. монголоидных и европеоидных черт. Это отражало реальную историю формирования расового типа казахов и подтверждено новейшими антропологическими исследованиями [58]. Вместе с тем не все наблюдения и выводы Радлова, касающиеся физического типа казахов, могут быть приняты с позиций более поздних исследований, из которых укажем хотя бы на работу С. Ф. Баронова, специально посвященную изучению конституционных особенностей казахов [59]. Касаясь других сторон образа жизни казахов, ученый отмечает у них особенно большую детскую смертность, распространение таких болезней, как сифилис и оспа. Причем борьба с этими страшными болезнями ведется лишь путем откочевывания от семей больных.

Справедливо считая, что кочевое хозяйство определяло всю жизнь и деятельность казахов, Радлов рассматривает его особенно подробно. Он подчеркивает, что перекочевки казахов, как и

[56] См. примеч. 37 к гл. V данного издания.

[57] См.: *Бартольд В. В.* Памяти В. В. Радлова. – Сочинения. Т. 9, с. 678. О роли России в Казахстане см.: История Казахской ССР в пяти томах. Т. 3. А.-А., 1979; *Аполлова И. Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960.

[58] *Исмагулов О.* Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. А.-А., 1970.

[59] *Баронов С. Ф.* К изучению конституционных особенностей казаков.– Казаки. Л., 1930.

других скотоводов-кочевников, не были беспорядочным блужданием по степи, а складывались традиционно и были строго предопределены хозяйственными потребностями и условиями среды. Он знакомит с тем, как кочевник выбирает маршруты кочевок, какова система использования пастбищ, владения ими и их наследования. Впрочем, Радлов не вполне прав, противопоставляя в этом отношении кочевых скотоводов и оленеводов-охотников, которых он рассматривает, о чем уже шла речь выше, как ведущих бродячий образ жизни. Последующие исследования, в особенности советских этнографов-сибиреведов, показали ошибочность такого, весьма распространенного в прошлом взгляда [60].

Приведенные в главе ценнейшие свидетельства ученого о социальных отношениях у казахов в середине XIX в., к сожалению, почти не привлекались в советской исторической литературе не только при разработке проблем социального развития кочевников, но даже вопросов общественных отношений у казахов до революции. Рассматривая господствующие формы использования и владения пастбищами у кочевых казахов, Радлов подчеркивал, что не все пастбищные угодья, а лишь зимники можно считать собственностью отдельных лиц. Он писал: «Если зимние участки являются собственностью, закрепленной за отдельными лицами, летние стоянки — собственность рода. Насколько мне известно, никогда не было здесь разделения летнего ареала между отдельными семействами. Здесь каждый, будь он беден или богат, имел право поселиться там, где ему угодно. Конечно, эта свобода была полной только теоретически. Человек богатый и влиятельный всегда мог устроить так, чтобы ему досталось лучшее место» (AS, I, с. 417). Проблемы собственности на землю у кочевых казахов во второй половине XIX в. привлекали внимание многих позднейших исследователей, подтвердив в целом справедливость основных выводов Радлова [61].

Проницательный взгляд ученого останавливался на многих сторонах быта и культуры казахов, которые не только не были отмечены его предшественниками, но и долгое время спустя были еще недостаточно оценены этнографами и историками. Укажем в этой связи хотя бы на впервые предложенную Радловым характеристику аула не просто как кочевого селения, а как обусловленной кочевым образом жизни «первичной социальной едини-

[60] *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира, с. 222–230; *Вайнштейн С. И.* Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М., 1961, с. 66–68.

[61] Об истории социально-экономических отношений у казахов в XIX в. см.: *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX в. А.-А., 1958; *Толыбеков С. Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX вв. А.-А., 1959; *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976; *Масанов Н. Э.* Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX вв. А.-А., 1984 и др.

цы» — семейно-родственной группы с рядом особенностей, присущих в силу номадизма и другим кочевым народам. Необходимо отметить, что в своем знаменитом «Опыте словаря тюркских наречий» некоторые из этнографических заключений Радлова, сделанных в книге, были уточнены и углублены, в частности в отношении понятия «аул», о котором он писал: «Аул, юрты, находящиеся на одном месте (аул образует всегда одну социальную единицу, зависящую от одного лица, по имени которого аул и называется; кибитки разных, друг от друга не зависящих людей, хотя бы и совершенно близкие одна к другой, считаются разными аулами)»[62]. Это положение ученого получило свое полное подтверждение лишь в исследованиях последних лет на материалах ряда кочевых в прошлом народов евразийских степей[63].

Вряд ли можно согласиться с выводом Радлова о том, что переход к оседлости во всех случаях ведет кочевников к регрессу, что имевшие место в то время взгляды о целесообразности перевода номадов на оседлость основаны на «пустом теоретизировании» и могут лишь помешать «истинному прогрессу». В этом вопросе ученый находился под сильным влиянием европейской исторической традиции, противопоставляющей оседлые и кочевые народы. Его вывод, что переход кочевников к оседлости грозит им упадком благосостояния, в определенной мере был верен для кочевников того времени, так как переходить к оседлости приходилось главным образом обедневшим семьям номадов, которые, потеряв скот, тем самым лишались основного средства существования в условиях кочевого хозяйства. Теперь, когда не только социалистические, но и ряд других государств стимулируют кочевников к переходу на оседлость и оказывают им с этой целью существенную экономическую помощь, отношение к этой проблеме изменилось. Пример тому — переход кочевников на оседлость в социалистических странах и прежде всего в СССР и МНР[64].

Заслуживают внимания великолепные по своей полноте этнографические сведения об отдельных видах домашнего скота — овцах, козах, крупном рогатом скоте, лошадях, верблюдах, о получаемой от них молочной и мясной пище, о шерсти и шкурах. Здесь читатель детально знакомится и с особенностями этих животных, с обычаями, связанными с их содержанием, со знаками собственности — тамгами. Впервые в научной литературе Радлов

[62] *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1, стб. 74.

[63] См.: *Вайнштейн С. И., Денисова Н. П.* Историко-этнографические исследования в Туве в 1975 г. — Полевые исследования Института этнографии. М., 1975, с. 74.

[64] См., например: *Ильясов С. И.* Переход к оседлости и его значение в преобразовании культуры и быта киргизов. Л., 1964; Современные этнические процессы в СССР. М., 1979; *Грайворонский В. В.* От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979; *Штайн Л.* В черных шатрах бедуинов. М., 1981.

дал столь подробную характеристику юрты казахов, описал их одежду, земледельческую и иную хозяйственную деятельность, в том числе охоту с обученными птицами, обнаруживая влияния соседних народов, изменение материальной культуры в процессе исторического развития, социальные различия в одежде и украшениях. Более углубленные специальные этнографические исследования этих вопросов, проведенные уже после выхода труда Радлова, в особенности в советское время, позволили их уточнить и выявить некоторые, впрочем малосущественные, неточности.

С большим интересом читаются страницы, посвященные семейно-брачным отношениям казахов. Мы узнаем об особенностях свадьбы, о многих обычаях, связанных со сговором молодых, выплатой калыма и др. Характеризуя добрачные отношения у казахов в середине XIX в., Радлов отмечает относительную их свободу. Но это отражало вопреки мнению ученого не недостаточную «благопристойность» нравственных принципов, а являлось пережитком всеобщих древних традиций семейно-брачных отношений, а также культа плодородия, характерного в прошлом для многих народов мира.

Мы знакомимся с лиричными и грустными свадебными песнями, песнями расставания с родным домом. Ученый описывает роды и похороны, праздники и игры, рисует картину состязания прославленных народных певцов, их прекрасные поэтические импровизации. Приведены также ценные сведения о верованиях у казахов. По мнению Радлова, казахи по сравнению с кочевниками Алтая находятся на более высоком уровне образа жизни и мышления и это обусловлено мусульманством, которое казахи исповедуют уже много столетий. Не говоря уже о спорности основной посылки такого заключения, отметим, что мусульманство у казахов в рассматриваемое время сосуществовало с языческими домусульманскими верованиями. Оспаривая высказывавшееся другими исследователями мнение, что казахи «еще и по сей день остаются чуть ли не язычниками», Радлов вступает в противоречие со своими же материалами, приводимыми ниже. Он признает, что в верованиях казахов были очень сильны доисламские пережитки. И это действительно так — еще современник Радлова известный просветитель казахского народа Чокан Валиханов, уделявший большое внимание этнографии своего народа, писал, что у казахов в большой мере сохранились наряду с исламом связанные с традиционным кочевым бытом «шаманские обряды, понятия, легенды» [65]. Значительность доисламских верований у

[65] *Валиханов Ч. Ч.* Следы шаманства у киргизов. — Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. А.-А., 1961, с. 470–471; то же: Избранные произведения. М., 1986, с. 299.

казахов, сохранившихся даже в начале XX в., отмечали многие исследователи.

Часть главы посвящена киргизам, которых Радлов именовал кара-киргизами или черными киргизами. Она насыщена исключительно интересным материалом, но охватывает меньший круг этнографических сюжетов, чем раздел о казахах. Здесь отмечены различия физического типа казахов и киргизов; приведены краткие сведения о материальной и духовной культуре киргизов, в частности сведения о скотоводстве, земледелии, жилищах, фольклоре, верованиях. Радлов подчеркивает сохранение значительно большего слоя домусульманских верований у киргизов по сравнению с казахами. Очень интересен приводимый отрывок из киргизского эпоса «Манас», посвященный принятию ислама калмыцким князем Алмамбетом (по Радлову: Алман Бет) и отражающий, по мнению ученого, религиозные воззрения самих киргизов.

Радлов был первым, кто опубликовал великую эпическую трилогию «Манас» по записям, сделанным в 1862—1869 гг. (всего 12 454 стиха, из них 3005 — «Семетей» и «Сейтек»). Им были записаны также связанные с циклом «Манас» сказочные эпические поэмы «Джолой-хан» (5322 стиха) и «Эр-Тёштюк» (2146 стихов). Все записи были снабжены немецким переводом и содержательной вводной статьей, включая интересные материалы о самих сказителях, приемах исполнения, а также общие мысли об эпическом творчестве [66]. Однако, к сожалению, что уже было отмечено В. М. Жирмунским, записи эти имеют неполный, а подчас и случайный характер, так как главное внимание Радлов обращал на сам язык произведений [67]. Следует сказать, что Чокан Валиханов, впервые, еще до Радлова, записавший отдельные части «Манаса» в 1856 г. вблизи оз. Иссык-Куль, опубликовал лишь его краткое содержание, а перевод одного из неоконченных отрывков из этой эпической поэмы был опубликован лишь после смерти просветителя в 1904 г.[68].

Радлов чрезвычайно высоко оценил «Манас», считая, что это «поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа» [69]. Он писал: «Этот эпос, подобно греческим эпическим сказаниям, дает ясную картину духовной жизни и нравов всего народа; с эпической широтой в нем рисуются военные походы, сватовство, поминальные тризны, скачки, домашний быт и т. д.» (AS, I, с. 534). Теперь литература об этом произведении весьма велика, да и само оно зафиксировано в трех огромных полных

---

[66] *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 5, с. 1—589.

[67] *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. М., 1974, с. 30.

[68] *Валиханов Ч. Ч.* Сочинения. — ЗРГО. 1904, т. 39.

[69] *В. В. Радлов.* Образцы. Ч. 5, с. XII.

вариантах[70], но записи, сделанные Радловым, продолжают сохранять значение одного из важнейших источников изучения «Манаса».

В рассматриваемой главе Радлов затрагивает ряд важных вопросов генезиса произведения и его образов, считая, что оно восходит к древнейшей киргизской эпической традиции. Так, он отмечает, что религиозная мусульманская мотивировка походов Манаса — героя эпоса — имеет позднейший наносный и поверхностный характер. Именно это обстоятельство позволяет в истории принятия ислама Алмамбетом видеть отражение не древних, а современных ученому религиозных воззрений киргизов, так как мотивы борьбы из-за веры не свойственны архаичным преданиям киргизов, а внесены в них после войн XVIII в. Радлов считал, что в истории Алмамбета есть очень архаичные элементы, позволившие ученому сопоставить ее с древнетюркским сказанием об Огузхане — легендарном родоначальнике и первом мусульманском властителе огузов[71].

Останавливаясь на материалах этой главы, нельзя не отметить и то, что в них нашли отражение некоторые слухи и рассказы, распространявшиеся представителями царской колониальной администрации, а также находившимися нередко во враждебных отношениях с казахами соседними народами и даже такими шовинистически настроенными «научными авторитетами», как А. Левшин. Это выражалось и в характеристике отдельных нравственных черт казахов, в частности их якобы нечестности. Сам Радлов относился к таким суждениям отрицательно. Так, он привел рассказ казачьего полковника о случае воровства подчиненными ему солдатами бычка у казахов под тем предлогом, что последние сами якобы крали лошадей, но счел нужным в конце этого описания подчеркнуть, что он часто подолгу жил среди казахов и ни разу его имуществу не был нанесен даже самый незначительный ущерб и что «дурная слава», которой пользуются казахи, совершенно ими не заслужена и возникла исключительно в результате своеобразных социальных отношений. Радлов писал: «Читая такие тирады, легко прийти к мысли, что киргизы (казахи.— *С. В.*) — отбросы тюркского населения Западной Азии, воры и бандиты, бежавшие в широкую степь, не желая привыкнуть к упорядоченной жизни оседлых народов, одним словом,— раса, заслуживающая быть уничтоженной. Но на самом деле это совсем не так. Разве не изображали с давних времен и бедуинов как народ воров и разбойников, живущих в полной анархии?.. Я сам долго жил среди киргизов и имел возможность убедиться

[70] *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос, с. 31. Новейшая публикация эпоса: Манас. Киргизский народный эпос. Кн. 1. М., 1984 (Эпос народов СССР).

[71] *Радлов В. В.* Образцы. Ч. 5, с. XIII.

в том, что у них господствуют не анархия, а лишь своеобразные, отличающиеся от наших, но по-своему вполне урегулированные культурные отношения» (AS, I, с. 408).

И в отношении киргизов Радлов приводит некоторые слышанные им в среде соседних этнических групп унижающие достоинство народа оценки. Но ученый, хотя и проживший среди киргизов сравнительно мало, решительно выступал против этих высказываний: «Я прожил у черных киргизов слишком мало, и потому не могу высказывать каких-либо суждений о них. Однако я твердо уверен, что они гораздо лучше, чем о них говорят» (AS, I, с. 532).

Шестая глава, «Шаманство и его культ», открывала второй том немецкого издания. Разумеется, проблемы шаманства как раннего этапа развития религиозных верований народов мира и вопросы его генезиса не могли быть поставлены ученым во всей их полноте, так как они тогда еще почти совершенно не были разработаны в научных исследованиях, тем не менее нельзя не согласиться с В. Бартольдом, что эта глава — одна из лучших в труде Радлова [72]. Она была, по существу, первой опубликованной сводкой по шаманству народов Южной Сибири, в особенности Алтая; в ней были приведены также в ту пору совершенно неизвестные материалы по шаманству народов Казахстана и Средней Азии.

Здесь впервые дано описание мировоззрения алтайских шаманистов, сделана первая попытка дать научную сравнительно-этнографическую характеристику шаманства; рассматриваются особенности распространения шаманства у различных тюркоязычных народов, процесс его вытеснения мировыми религиями — исламом, буддизмом и христианством; предпринята попытка выявить его исторические истоки в целом и более ранние следы шаманства у тюркских народов. Читатель, несомненно, с большим интересом ознакомится с очень живо и ярко описанными сценами ритуальных действий сибирских и казахских шаманов, текстами их камланий (некоторые из опубликованных здесь текстов были изданы Радловым в «Образцах народной литературы»).

В отличие от представлений прежних исследователей народов Сибири, в том числе таких крупных ученых, как Иоганн Гмелин и Петр Паллас, считавших шаманов сознательными обманщиками [73] или подобно Вербицкому убежденных, что шаманы совершают свои обряды при помощи нечистой силы, Радлов подходил к шаманству как к определенной ступени религиозного развития, пытался выявить некое общее «мировоззрение шаманистов». Вместе с тем, исходя из представлений, господство-

[72] *Бартольд В. В.* Памяти В. В. Радлова. – Сочинения. Т. 9, с. 674.

[73] См., например: *Паллас П.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. 4. СПб., 1788, с. 79–82.

вавших в европейской науке в середине XIX в., он считал, что шаманство было присуще лишь ограниченному кругу азиатских народов, а именно народам тунгусским, монгольским и тюркским, у которых оно постепенно вытеснялось другими религиями. Однако, как показали позднейшие исследования, шаманство было характерно для всех народов Сибири, в том числе также для угров, самодийскоязычных, кетоязычных и палеоазиатских народов, хотя степень его развития была у них различной. К тому же можно говорить лишь о некоторых общих чертах шаманства, отличающих его от других ранних форм верований. Это прежде всего вера в определенных лиц — шаманов, которым приписывалась способность, главным образом в состоянии экстаза, вступать в непосредственное общение с духами (от них зависело благополучие человека, его здоровье и т. п.). Что же касается описываемых здесь представлений о мире, то эти воззрения, принадлежащие преимущественно алтайцам, испытали влияние мифологии соседних народов и прежде всего древних цивилизаций Центральной и Восточной Азии — подобно тому как это имело место в шаманстве тувинцев [74].

Приводя интереснейшие материалы о «воззрениях шаманистов», Радлов подчеркивает, что они характеризуют «тюркские племена Алтая», и признает, что более точную картину нарисовать невозможно, так как в деталях мы наталкиваемся на самые противоречивые сведения, которые лишь искажают общую картину, если не уничтожают ее совсем.

И хотя последующими исследованиями ряд положений, выдвинутых в этой главе, оказался пересмотренным, она поныне не утратила значение одного из важнейших источников по шаманству тюркоязычных народов. До сих пор нет ни одного серьезного исследования по шаманству народов Южной Сибири и казахов, в котором не были бы учтены материалы Радлова, изложенные в этой главе.

Самостоятельное значение имела включенная в книгу седьмая глава, «Сибирские древности» [75], посвященная материалам археологических раскопок Радлова и их интерпретации. Обращение ученого к археологическим материалам не было случайным. Крайняя ограниченность письменных источников по древней истории большинства народов, которые изучал Радлов, препятствовала познанию их происхождения, их этнического и культурного прошлого. Несмотря на отдельные раскопки, начатые еще в Петровскую эпоху, в археологическом отношении Сибирь в середине прошлого века была в полном смысле terra incognita.

---

[74] См.: *Вайнштейн С. И.* Тувинское шаманство. М., 1964, с. 9–11.
[75] Sibirische Alterthümer (AS, II, с. 68–143).

Для того чтобы составить себе хотя бы самое общее впечатление о разнотипных памятниках, отражавших историческое прошлое народов Сибири, непригодны были локально ограниченные раскопки, даже в районах такой их небывалой концентрации, как Минусинская котловина. Поэтому Радлов предпочел «экстенсивные» обследования разнообразных памятников, позволившие ему в сравнительно короткий срок создать обобщенную эволюционную археологическую схему, которая могла бы быть применена для обширной территории. Он писал: «Во время моих путешествий по южной Сибири я по поручению Императорской археологической комиссии в 1862, 1863, 1865 и 1866 годах занимался раскопкою довольно большого числа курганов в Абаканской степи, в Алтайских горах, равно как в степях Барабинской и Киргизской, и собирал, где только мог, сведения о найденных уже прежде сибирских древностях. Коллекцию древних вещей, составленную мною во время этих путешествий, я доставил в Императорскую археологическую комиссию, которою она передана была в Московский Публичный музей»[76]. Ныне они хранятся в Москве в Государственном историческом музее, причем часть из них находится в постоянной экспозиции этого музея[77].

За годы пребывания на Алтае ученый раскопал свыше ста различных памятников, причем наибольшее их количество — около семидесяти — в Минусинской котловине и на Алтае, двадцать шесть — в Барабинской степи. Ценные археологические исследования были проведены в Казахстане, впервые им открыты здесь погребения эпохи бронзы[78].

Особо следует отметить, что в числе выдающихся археологических открытий Радлова — всемирно известный памятник скифского времени — Большой Катандинский курган, первый раскопанный курган так называемого пазырыкского типа. В этом кургане у с. Катанды (на р. Катанда), в скрытой под огромной каменной кладкой естественной ледяной линзе, в 1865 г. Радлов обнаружил законсервированные холодом уникальные по сохранности великолепные изделия, в том числе прекрасные образцы

[76] *Радлов В.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1888 (МАР. № 3). с. 11.

[77] В Государственном историческом музее хранятся следующие коллекции из раскопок Радлова: инв. № 54 322 – раскопки 1863 г. – Енисейская губ. Минусинского окр., окрестности Абакана, 42 предмета; инв. № 54 660 – раскопки 1865 г. – Алтай, Томская губ., Барнаульский окр., д. Катанда. 161 предмет; инв. № 54 746 – раскопки 1866 г. – Алтай, Томская губ., Канский окр., Барабинская степь, 16 предметов; инв. № 54 746 – Семипалатинская губ., Змиевский курган – 41 предмет; инв. № 54 322 – Семипалатинская губ., Киргизская степь, 36 предметов.

[78] *Маргулан А. Х. и др.* Древняя культура Центрального Казахстана. А.-А., 1966. с. 33.

искусства древних обитателей Алтая, их одежду из кожи и ткани, разнообразную утварь [79].

Радлов создал первую периодизацию археологических памятников Южной Сибири и северо-восточной части Казахстана, что было важным достижением в археологии. Он подразделил все изученные им памятники на четыре хронологических периода. Медным и бронзовым датировал ряд курганов, в которых были найдены бронзовые изделия, но не было следов железа. К этому периоду помимо курганов, раскопанных на Алтае, в Кулундинской степи, в Барабинской степи и Казахстане, были отнесены некоторые писанцы, а также горные выработки. Следует отметить, что Радловым были впервые открыты в долине Абакана погребения эпохи ранней бронзы (афанасьевского времени), что, к сожалению, оставалось не учтенным в специальных работах, а также несколько погребений карасукской культуры. К древнему железному периоду, или — по современной терминологии — эпохе раннего железа, Радлов отнес курганы, включавшие как бронзовые, так и железные орудия и оружие. К этому периоду он совершенно справедливо причислил впервые раскопанные им курганы пазырыкского типа. К новому железному периоду Радлов отнес главным образом те из раскопанных им в Минусинской котловине курганов, которые местные жители считали кыргызскими. Однако последующие исследования показали, что лишь некоторые из них, содержавшие трупосожжения и характерные кыргызские вазы, могут действительно считаться кыргызскими. Другие же курганы, отнесенные ученым к этому периоду, были оставлены в действительности другим населением, жившим в иные эпохи. Наконец, Радлов выделил позднейший железный период, к которому, по его мнению, принадлежали курганы местных племен вплоть до этнографической современности.

В связи с археологическими исследованиями Радлова следует сказать и о применявшейся им методике раскопок. Он писал в своих отчетах, что старался полностью раскапывать курганы, снимая насыпь и целиком расчищая могилу, т. е., как теперь принято говорить, копал курган «на снос». Для более полной фиксации материалов раскопок ученый составлял схематические чертежи, рисующие конструкцию кургана и положение погребенных. Однако Радлов, к сожалению, не придерживался достаточно последовательно принятого им метода раскопок. Так, Большой Катандинский курган на Алтае был раскопан им не

[79] См.: *Захаров А. А.* Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г. – ТГИМ. 1926. вып. 1; *Видонова Е. С.* Катандинский халат. – ТГИМ. 1938, вып. 8, с. 169–178 (С. В. Киселев ошибочно отнес его не к скифской, а к гунно-сарматской эпохе: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1949, с. 185–189).

«на снос», а при помощи траншеи, пересекавшей насыпь и могильную яму. Это привело к тому, что с большой тщательностью раскопав огромный каменный курган и составив схематические планы насыпи, могильной ямы и положения погребенных, исследователь из-за примененного им «траншейного метода» раскопок не обнаружил находившегося в этом же кургане конского захоронения. Оно было раскопано лишь сто лет спустя ленинградским археологом А. А. Гавриловой и дало дополнительный и очень ценный материал для суждения об этом интереснейшем памятнике ранних кочевников Алтая [80]. В целом же Радлов проводил свои раскопки вполне на уровне применявшихся в то время методов исследования и даже превосходил приемы многих профессиональных археологов тех лет, а в отношении комплексного подхода к археологическим источникам ученый даже превзошел всех других исследователей Сибири XIX в.

Радловым же был подготовлен прекрасный атлас рисунков сибирских древностей, состоявший, по его словам, «из следующих этапов: 1) медная эпоха системы древнего Енисея; 2) медная эпоха Алтая и Киргизской степи; 3) древняя железная эпоха собственно Алтая и западных степей; 4) новая железная эпоха верхнего Енисея; 5) новейшая железная эпоха Мариинского округа» [81]. Атлас вызвал большой интерес у участников III археологического съезда в Казани. Археологическая комиссия взяла на себя труд по его изданию. Радлов в течение ряда лет наряду со своими напряженнейшими исследованиями в области тюркской филологии готовит публикацию отдельных выпусков «Материалов по археологии России», объединенных общим названием «Сибирские древности» [82]. Благодаря им Радлову удалось включить в научный оборот огромное число археологических материалов, в том числе и из частных собраний, среди которых особое место занимает коллекция инженера И. А. Лопатина. Предпринимая этот труд, ученый неоднократно подчеркивал, что изучение древней культуры сибирских народов должно базироваться на сравнительном изучении археологических источников. Свое издание Радлов дополнил ценнейшими сведениями из различных архивных и печатных источников о развитии сибирской археологии от ее первых шагов, от раскопок «бугровщиков» до начала исследований научными экспедициями (Ф. Страленберг, Д. Мессершмидт, Г. Миллер и др.). Поныне многотомные «Сибир-

[80] *Гаврилова А.* Раскопки могильника Катанды II. – СА. 1957, т. 27, с. 250–268.

[81] *Радлов В.* Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Пер. с нем. А. А. Бобринского. СПб. (ЗРАО. 1896, т. 7), с. 11.

[82] Всего было выпущено четыре альбома: Сибирские древности. Т. 1, вып. 1; т. 1, вып. 2. СПб., 1891 (МАР. № 5); т. 1, вып. 3. СПб., 1894 (МАР. № 15); т. 2, вып. 1. СПб., 1902 (МАР. № 24).

ские древности» Радлова служат одним из важнейших источников как для изучения истории сибирской археологии, в особенности ее начала, так и для разработки древней и средневековой истории Сибири. Глава «Сибирские древности» в «Aus Sibirien» вызвала большой интерес и вскоре после ее опубликования была переведена на русский язык [83].

Обращение Радлова к исследованию прошлого тюркских народов получило новый значительный импульс в связи с изучением памятников древнетюркской рунической письменности [84]. Исследования Орхонской экспедиции в Монголии, возглавлявшейся Радловым, дали ценнейшие материалы не только для прочтения рунических памятников древних тюрков. Было проведено также археологическое изучение древнеуйгурской столицы — городища Карабалгасун. По заданию Радлова отряд экспедиции во главе с Д. А. Клеменцом провел также обследование археологических памятников Тувы, что дало чрезвычайно ценные результаты [85]. Д. А. Клеменц открыл остатки городских поселений в Туве, в том числе городище на оз. Тере-Холь, и выдвинул предположение об их принадлежности уйгурам, что нашло подтверждение в результате проведенных мною археологических раскопок этого замечательного памятника — открытии в нем дворца уйгурского кагана Моюн-Чура [86].

Реконструируя быт древних народов Сибири, Радлов прежде всего стремился восстановить картину хозяйственной жизни отдельных племен, в особенности в те периоды их истории, которые не нашли освещения в письменных памятниках. Так, он вполне верно считал, что материалы курганов медного и бронзового периодов позволяют прийти к выводу об оседлом быте южносибирских племен в то время. Характеризуя эпоху раннего железа и отмечая развитие скотоводства, и особенно большую роль коня, ученый сослался, в частности, на 16 конских костяков, найденных в одном из курганов Берельской степи. Последующие раскопки, проведенные в этом районе Сибири, подтвердили и этот вывод Радлова. На основании материалов раскопок он пришел к совершенно верному заключению, также получившему признание большинства исследователей лишь много лет спустя, что кроме скотоводства, которое было главным хозяйственным занятием жителей степей железного века, они «занимались земледелием, так же как и теперь все тюрки-кочевники. Они,— отмечал ученый,— также обрабатывали свои поля близ зимовок и,

[83] *Радлов В. В.* Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири, с. 147–216.

[84] *Щербак А. М.* В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности. – ТС-71. 1972, с. 54–63.

[85] Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 1. СПб., 1892, с. 68–72.

[86] См.: *Вайнштейн С. И.* Древний Пор-Бажан. – СЭ. 1964, № 6.

перекочевывая со своими стадами на летние пастбища, часть работников оставляли на зимних, где они вели полевые работы» (AS, II, с. 135).

Радлов придавал важное значение освоению человеком металла и считал переход от меди и бронзы к железу важным признаком для исторической периодизации памятников. Он справедливо отмечал богатство Алтая и Саянских гор золотом и медными рудами и подчеркивал, что местное население, несомненно, само добывало и перерабатывало металл, причем не только для собственных нужд, но и для торговли; дает описание способов работы древних рудокопов и высказывает предположение, что их ремесло было в большом почете.

Разумеется, суждения Радлова в этой главе отражают уровень изученности археологических памятников начала второй половины прошлого века. Исследования нескольких поколений археологов, в особенности изучение древней истории Южной Сибири в послереволюционное время, позволили уточнить и пересмотреть выводы Радлова, а главное — составить достаточно полное представление о древней истории этого обширного региона [87].

Следующая, восьмая глава носит название «Поездки (точнее: рейды — Streifzüge.— *С. В.*) к китайской границе и в Западную Монголию и тамошние торговые связи между Монголией и русскими» [88]. Она включает дневниковые записи, сделанные восточнее Чуйской степи в 1860 г.; у тувинцев в 1861 г.; во время путешествия в Кобдо в 1870 г.; а также детальные сведения о торговых отношениях России с Монголией. Из этой главы читателю предлагается перевод очень интересных записей, сделанных Радловым во время его путешествия в Туву, названных им «Дневник моего путешествия к сойонам в 1861 г.» [89].

В середине XIX в. о тувинцах знали очень мало, если не считать весьма кратких и противоречивых свидетельств П. С. Палласа, Г. Спасского и Е. Пестерева [90]. Не было известно даже, как отмечено выше, самоназвание тувинцев — их именовали то урянхайцами, то сойонами или сойотами. Все это побудило Радлова настойчиво искать возможности провести исследования среди «сойонов». Тува, расположенная по соседству с Алтаем,

[87] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1–2. Л., 1968.

[88] Streifzüge zur chinesischen Grenze und in die Westliche Mongolei und die dortigen Handelsbeziehungen zwischen Mongolei und Russen (AS, II, с. 144–285).

[89] Tagebuch meiner Reise zu den Sojonen im Jahre 1861 (AS, II, с. 169–190).

[90] См.: *Вайнштейн С. И.* Краткая история этнографического изучения тувинцев. – Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.

находилась в ту пору, как уже отмечалось, за пределами России, под властью цинского Китая, и была очень труднодоступна.

Тем не менее уже во время своего второго «алтайского» путешествия, летом 1861 г., Радлов, завершив намеченные исследования в небольших горных селениях телеутов и шорцев, добирается до р. Бия, а затем по ней до Телецкого озера. Пересекает это озеро на лодке до устья р. Чулышман и отсюда через трудные горные перевалы проходит границу. Так Радлову удается проникнуть в западную часть Тувы у высокогорного озера Кара-Холь. Дальше его не пустили, но и в небольшом стойбище тувинцев Западного Саяна, где он смог пробыть всего несколько дней, ему удалось сделать, как уже также отмечалось нами, исключительно важные записи по языку тувинцев, собрать образцы их фольклора, установить их этническое самоназвание.

С далеким путешествием Радлова в долину среднеазиатской реки Или, протекающей по Казахстану и Китаю, читатель знакомится в девятой главе[91]. Ученый дважды бывал в этих краях (в 1862 и 1869 гг.), внимательно изучая быт местных жителей, условия их существования, памятники культуры, торговлю и административное управление. Открывает главу небольшой, но очень ярко написанный очерк поездки от живописных берегов р. Коксу в Южном Казахстане до китайского города Кульджа, которую Радлов совершил летом 1862 г. Приведенные в этой главе свидетельства ученого впервые познакомили европейскую науку с этим очень интересным в этнографическом отношении и весьма обширным районом. В 1856 г., за несколько лет до путешествия Радлова, этот край посетил и обстоятельно описал известный казахский ученый Ч. Валиханов, однако его дневники об этой поездке увидели свет лишь столетие спустя[92].

Экспедиция Радлова, образуя маленький караван из семерых верховых мужчин с несколькими вьючными лошадьми, прошла значительный путь по не вполне безопасным в то время дорогам и горным тропам из России в Китай. Побывав по пути в нескольких казахских селениях на территории России, ученый со своими спутниками продолжил путешествие по долине р. Или, с тем чтобы посетить Кульджинский край (Западный Китай). Он пристально изучал население, находившееся тогда под властью Китая. Радлов знакомит нас с неожиданными сложностями его «заграничного» путешествия, рисует с тонким юмором сцены встреч с представителями китайских властей, характери-

[91] Das Ili-Thal (AS, II, с. 286–415).

[92] *Валиханов Ч.* Западный край Китайской империи и город Кульджа.– Избранные произведения. Л.-А., 1958, с. 363–443; см. также: *Валиханов Ч.* Собрание сочинений. Т. 2. А.-А., 1962, с. 11–166; *он же.* Избранные произведения. М., 1986, с. 49–112.

зует географическое положение долины р. Или, приводит свои впечатления о г. Кульджа. Раздел главы, включающий дневниковые записи Радлова за период с 27 июля по 3 августа и содержащий также детальные сведения о торговле России с Китаем в этом районе за ряд лет (AS, II, с. 296—322), в переводе опущен.

Значительный раздел главы посвящен населению долины р. Или. Радлов подробно описывает калмыков-буддистов, кочевавших в пограничных с Россией горах, знакомит с административным делением, бытом, религией, внутренним управлением, налогообложением и другими сторонами их жизни.

Радлов говорит и о немногочисленных здесь кочевниках-мусульманах, в том числе казахах Большой орды и киргизах. Большое внимание он уделил описанию оседло-земледельческого населения, как сельского, так и городского, и прежде всего уйгуров. Изучая их жизнь (Радлов именует их таранчами или татарами), он внимательно фиксировал все ее стороны, не оставаясь равнодушным к тяжким страданиям народа под китайским владычеством, которое, как полагал ученый, грозило им гибелью. В главе приведены слова одного из информаторов: «Среди всего населения Или никому не приходится платить такие большие подати и переживать такие тяжелые времена, как земледельцам... Наше благосостояние уменьшается с каждым днем; если так пойдет дальше, все мы умрем голодной смертью» (AS, II, с. 336).

Радлов с сожалением пишет о взаимной враждебности различных этнических групп, населяющих Илийскую долину, подчеркивая, что это лишь на руку завоевателям. И предупреждает в своих записях, сделанных в 1862 г., за год до восстания: «Горе маньчжурам, если ненависть к ним окажется сильнее, чем ненависть племен друг к другу; если соединятся хотя бы два племени, то господство маньчжуров навсегда будет уничтожено» (AS, II, с. 327).

Здесь приведены также интересные сведения о расселении и численности уйгуров; о восстании местных жителей, доведенных до отчаяния гнетом маньчжуро-китайских правителей; о социальном расслоении и административном управлении; о чрезвычайно отсталых формах образования; пище, одежде и хозяйстве. И хотя, отмечает ученый, длительное угнетение и страшная нужда отразились на трудолюбивом народе, все-таки его «сила отнюдь не сломлена, в них (уйгурах.— *С. В.*) горит пламя ненависти к угнетателям. Тяжкий труд, физическое напряжение и лишения, в которых они вынуждены влачить свое существование, укрепляют дух этого маленького народа, а их трудолюбие и выносливость поистине удивительны» (AS, II, с. 343). Далее он подчеркивает, что самобытная культура этого народа, его поэ-

зия особенно ярко свидетельствуют о их душевной силе. И приводит как пример нежную лирическую песню, продиктованную ему неграмотным певцом-уйгуром.

Интересны сведения и о тунгусоязычных солонах и даурах, переселенных маньчжурским правительством в Илийскую долину с Дальнего Востока в качестве военных поселенцев; о живших здесь дунганах, китайцах, маньчжурах, а также об истории восстания 1863—1866 гг.

Заключительная, десятая, глава книги — «Долина Среднего Зеравшана» [93] — посвящена одному из наиболее населенных районов Среднеазиатского междуречья. Глава написана на основе статьи Радлова, опубликованной еще в 1880 г.[94]. Следует отметить, что этот район Радлов посетил еще в 1868 г. вместе с царской армией. В целях сокращения нам пришлось пожертвовать небольшим вводным разделом, включающим, в частности, географическую характеристику гор и рек этой местности (AS, II, с. 416—423). В переводе главу открывает обстоятельное описание системы искусственного орошения.

До Радлова мало кто из путешественников уделял достаточное внимание этой стороне хозяйства оседло-земледельческих народов аридной зоны Средней Азии, представляющей очень большой интерес не только для ирригатора и географа, но и для этнографа, историка. В небольшом, но насыщенном фактическим материалом разделе особенно зримо проявилась широта интересов ученого, его, как бы мы теперь сказали, внимательный экологический взгляд на окружавший путешественника мир природы и человека. Подчеркивая важнейшее значение воды для существования людей в пустыне, Радлов писал, что количество жителей здесь должно точно соответствовать массе воды, необходимой для орошения почвы, и население здесь строжайшим образом ограничено. «Можно смело утверждать,— пишет Радлов,— что долина Зеравшана и прилегающие к ней районы заселены настолько плотно, насколько позволяет имеющееся количество воды» (AS, II, с. 423). Этот вывод получил подтверждение в трудах В. В. Бартольда и ряда других ученых [95]. Радлов детально описывает систему орошения, применяемую в долине Зеравшана, ее особенности, роль в хозяйстве и бытовом укладе, дает исключительно ценную и сравнительно полную характеристику ирригационных сооружений, в том числе отдельных крупных

[93] Das mittlere Serafschan-Thal (AS, II, с. 416—486).

[94] *Радлов В. В.* Средняя Зерафшанская долина, с. 1—92. Текст статьи имеет лишь небольшие различия с десятой главой данной книги.

[95] *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана. — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 3. М., 1965; *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма. Таш., 1957; *Андрианов Б. В.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969; *Мухамеджанов А. Р.* История орошения Бухарского оазиса. Таш., 1978 и др.

арыков, отмечает их расположение. Он был, несомненно, прав, подчеркивая, что лишь многовековая практика сделала возможным устройство оросительной системы, с помощью которой удачно решается проблема орошения максимальной площади с наименьшей утечкой воды.

Радлов не скрывал своего восхищения достижениями простых тружеников. Он писал: «Эта оросительная система — чудо техники... Оно вызывает восхищение, которое возрастает при мысли, что простые крестьяне, взявшиеся за этот гигантский труд, были полностью лишены научных знаний...» И далее справедливо замечает, что «нигде на всей земле нельзя увидеть благотворное действие воды так ясно, как здесь». Он справедливо отметил и то, что здесь использована вся до последней капли вода, что нельзя основать даже ничтожное новое поселение, не нанеся ущерба прежним жителям (AS, II, с. 423). Но это замечание ученого как нельзя лучше опровергает высказанную им же мысль о «флегматичности и лени» земледельцев-узбеков (AS. II, с. 473).

Читатель, несомненно, с большим интересом познакомится со страницами, посвященными небольшим кишлакам, торговым селам и древним городам долины Зеравшана. Увидев воочию селения Зеравшана, ученый искренне восхищается результатами тяжелого повседневного труда простых людей, превративших пустыню в цветущий сад: «Невозможно наглядеться на окружающее нас полное разнообразия великолепие. Кажется, что все это — сон» (AS, II, с. 430). Очень живо, взглядом не только ученого, но и художника, осматривал Радлов лежащие на его пути кишлаки, их яркие и шумные базары с необозримыми толпами, цветными халатами, заполняющими площадь конями, мулами, ослами, нагруженными арбами; старинные города Зеравшана, особенности их планировки, быт жителей. Надеюсь, что читатель с большим интересом прочтет и страницы, посвященные Самарканду середины прошлого века, зримо ощутит тогдашнюю жизнь этого города.

Ученый подробно характеризует Самарканд таким, каким он его видел. Отмечая красоту и величие памятников этого древнего города, ученый вместе с тем описывает без прикрас убогость и бедность, нищету и грязь, окружавшую их. Эти памятники, пишет ученый, наполовину лежат в развалинах и являются укором торгашам, которые не смогли сохранить святыни прошлого, хоть в мало-мальски приличном состоянии.

С горечью пишет он о соборной мечети Биби-Ханым, величественные руины которой высились к востоку от Регистана — знаменитой площади Самарканда, окруженной с трех сторон грандиозными зданиями медресе — мусульманских учебных заведений. «Поистине удручающее впечатление производит пре-

красное здание, мозаичные украшения которого так удивительно красивы,— здание почти разрушенное из-за небрежности и скупости населения, ничего не желающего предпринять для того, чтобы сохранить этот шедевр» (AS, II, с. 440—441). Впрочем, упрек Радлова следовало, конечно же, прежде всего адресовать властям, а не населению города.

Очень интересны приводимые в этой главе описания города Каттыкурган (нынешнее название Каттакурган), сведения о торговле шелком; о селениях в горных районах, окаймляющих долину Зеравшана; о путях сообщения в Зеравшанской долине; о населении, главным образом о таджиках, которыми ученый называет все ираноязычное население, и узбеках. Радлов с сожалением говорит о стремлении мулл искоренить народный язык узбеков, пишет о том, что в медресе дают только религиозное образование и даже изучение поэзии и других видов литературы считается грехом; о фанатизме религиозных «ученых», постоянно подстрекавших к беспорядкам в Средней Азии. Характеризуя условия жизни трудового населения, Радлов отмечает и тяжелое бремя налоговой системы, от которой особенно страдали неимущие крестьяне: «Все налоги очень тяжелые и взимаются несправедливо, так как облагается не имущество, а рабочая сила» (AS, II, с. 486).

Глава включает и любопытные наблюдения Радлова о специфической группе бухарских евреев, живших в городах Средней Азии, которые он посетил (AS, II, с. 446 и сл.).

Как и в других главах книги, Радлов пишет о порожденных дореволюционными условиями и давно уже забытых отдельных уродливых явлениях того времени, унижавших достоинство человека, о разврате, о постоянно разжигавшейся национальной вражде, жадности и корыстолюбии части населения, стремившейся лишь к барышу и наживе. Эти свидетельства Радлова еще раз демонстрируют современному читателю, сколь велики послереволюционные позитивные изменения в жизни народов Советского Востока.

Вместе с тем в главе встречаются отдельные неточности в описаниях, а подчас они даются и несколько односторонне, на что обратил внимание еще В. Бартольд [96]. Так, Радлов пишет, например, что город Джизак населен почти исключительно таджиками (AS, II, с. 465). Однако когда менее чем тридцать лет спустя, в 1897 г., здесь была проведена перепись населения, то оказалось, что таджики составляют ничтожное меньшинство жителей города, заселенного в основном сартами [97]. Трудно до-

[96] *Бартольд В. В.* Памяти В. В. Радлова, с. 185 (Сочинения. Т. 9, с. 684).

[97] В 1897 г. из 15 710 жителей Джизака на сартском языке говорил 14 701 [см.: *Бартольд В. В.* Памяти В. В. Радлова, с. 185 (Сочинения. Т. 9,

пустить мысль, чтобы за столь небольшой срок этнический состав города мог столь коренным образом измениться; значительно более вероятна ошибка Радлова. Думаю, можно согласиться с мнением Бартольда, что эти неточности объясняются теми условиями, при которых Радлову приходилось знакомиться с бытом оседлого населения Туркестана. Как уже отмечалось, Радлов посетил долину Зеравшана вместе с царской армией, причем тотчас после взятия ею Самарканда. Военные обстоятельства не позволяли ученому удаляться хотя бы на несколько верст от армии или ее отдельных отрядов. Не могло быть и речи ни о записывании текстов, ни вообще о лингвистических исследованиях. В своей «Фонетике» [98] Радлов называет туркестанские, или так называемые джагатайские, диалекты, в том числе «диалект узбеков долины Зеравшана», фонетически не исследованными [99]. Как подчеркивает в связи с этим Бартольд, даже географические названия тюркского происхождения иногда передаются Радловым неправильно [100].

Следует иметь в виду, что в пору подготовки «Aus Sibirien» Радлов еще не располагал замечательными древнетюркскими орхоно-енисейскими письменными памятниками, открытыми позднее, а изучение уже известного в ту пору тюркского памятника XI в. «Кутадгу билиг» только начиналось, да и некоторые из проблем, затронутых в «Aus Sibirien», были разработаны Радловым лишь в последующих работах, что также отмечено Бартольдом [101]. В качестве примера можно обратиться к главе о шаманском культе. Так, Радлов не мог учесть для сравнительного анализа названий высших духов алтайских шаманистов Йерсу (Земля-вода) и Умай их упоминаний в древнетюркских текстах. Тюркское название шамана «кам» в «Aus Sibirien» Радлов сопоставляет лишь с двумя его упоминаниями в «Кутадгу билиг» (AS, II, с. 67) и только впоследствии уточняет его упоминание в этом источнике еще в четырех местах [102]. Не было отмечено и то, что название злого духа «айна», о котором речь идет в четвертой главе в разделе о верованиях шорцев (AS, I, с. 351), находит прямую параллель в верованиях монголов XIII в. Это имя, известное по сочинению персидского автора Джувейни, было приведено Радловым лишь в предисловии к «Кудатку Билик» [103].

с. 684); *Вирский М. М.* Самаркандская область по переписи 1897 г. – Справочная книга Самаркандской области. Вып. 8. 1906, с. 320–387].

[98] *Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen (Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen). Lpz., 1883.

[99] Там же, с. 290.

[100] *Бартольд В. В.* Памяти В. В. Радлова.

[101] Там же.

[102] *Радлов В.* Опыт словаря. Т. 2, стб. 476–477.

[103] *Радлов В.* К вопросу об уйгурах, с. 60.

В заключение целесообразно коротко охарактеризовать рукописный фонд Радлова, хранящийся в Архиве АН СССР в Ленинграде (фонд 177). Все бумаги, оставшиеся после смерти ученого, были в 1918 г. внимательно просмотрены известным ориенталистом А. Н. Самойловичем, который составил их опись (оп. 1, № 122). Среди архивных материалов Радлова несомненный интерес вызывают дневники его путешествий в четырех записных книжках и на отдельных листках, заполненных текстом на немецком языке, в том числе путешествие по Туркестану в 1868 г. (оп. 1, № 523), по бассейну р. Кобдо в 1870 г. (оп. 1, № 553), по Крыму в 1886 г. (оп. 1, № 524), Монголию на р. Орхон в 1891 г. (оп. 1, № 522). Дневник путешествия в Кобдо с небольшими изменениями был включен Радловым в «Aus Sibirien» (AS, II, с. 200—233). Здесь же хранится папка с материалами по древнетюркским орхонским надписям (оп. 1, № 545). Любопытные воспоминания Радлова о его морском путешествии из Германии в Россию в 1858 г., о встречах с различными людьми на этом пути, о прибытии в Петербург содержит сравнительно небольшая рукопись на немецком языке, озаглавленная «Воспоминания ученого» (оп. 3, № 22). Важные сведения о чрезвычайно широких научных связях Радлова с отечественными и зарубежными корреспондентами ученого хранятся в многочисленных (более тысячи) письмах. Среди них переписка с такими видными иностранными учеными, как В. Шотт, Эд. Шаванн, А. Бастиан, Ф. Боас, Г. Вамбери, с книгоиздательством Брокгауз в Лейпциге и др., а также многими учеными и общественными деятелями России, в числе которых Д. Клеменц, В. Богораз-Тан, Н. Катанов, С. Малов, Л. Штернберг и др. (оп. 2 — здесь 304 единицы хранения писем от 305 корреспондентов). О стремлении Радлова оказать практическую помощь сибирским народам в создании их письменности говорит его записка 1917 г., озаглавленная «К вопросу составления азбуки для алтайцев». Она написана в связи с обращением к Радлову из Сибири и включает проект ряда специфических букв алфавита, а также просьбу командировать в Петербург алтайца и шорца для консультаций и чтения корректуры азбуки.

Большую ценность для полной научной биографии Радлова, которая еще ждет своего исследователя, представляют и многие другие рукописные материалы архива ученого.

Перевод книги Радлова «Aus Sibirien» на русский язык был связан с определенными трудностями, которые прежде всего касались отождествления местных топонимов с современными географическими названиями этих мест и их транскрибированием, а также с транскрибированием и сопоставлением отдельных этнонимов, встречающихся в труде Радлова с определенными разночтениями.

В «Aus Sibirien» зафиксирован огромный топонимический материал Сибири, Средней Азии, Казахстана, а также Монголии и Китая. Проводя свои исследования, Радлов очень внимательно относился к местной топонимике, так как хорошо понимал всю ценность ее фиксации в условиях быстрого замещения многих традиционных топонимов новыми названиями и нередко утраты памяти о них местными коренными жителями. В специальной литературе уже отмечалось, что труд Радлова включает детальнейшие топографические описания. «В полевых условиях путем сплошного обследования местности и визуального опроса местных жителей записан ценнейший и обширнейший материал по топонимии и микротопонимии», включая фиксацию названий населенных пунктов вплоть до деревень — оронимы и микрооронимы, гидронимы и микрогидронимы. Освещен тот раздел топонимии, по которому до сих пор отсутствует необходимый материал. Причем Радлов применил при собирании топонимического материала методику, вполне отвечающую требованиям современной науки [104]. Однако при транскрибировании и особенно при сопоставлении давно уже вышедших из употребления топонимов с современными потребовалась очень большая и трудная исследовательская работа, которую успешно осуществил Г. И. Донидзе, отразив это в «Аннотированном указателе географических названий», приложенном к данному труду. Достаточно сложную работу по составлению указателя этнических названий взяла на себя Е. П. Батьянова.

Пользуюсь случаем поблагодарить всех, сделавших замечания и содействовавших подготовке этого издания, в особенности Б. Х. Кармышеву, С. Г. Кляшторного, Д. Г. Савинова.

[104] См.: *Благова Г. Ф.* В. В. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем. – ТС-71. 1972, с. 105.

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В указатель вошли все географические названия, фигурирующие в переведенных разделах книги, за исключением названий внутригородских объектов и названий, встречающихся в образцах устного народного творчества.

Каждому названию отведена специальная статья, которая содержит:

— русскую транскрипцию названия с указанием рода объекта (у названий населенных пунктов такого указания нет; если под одним и тем же названием наряду с населенным пунктом упоминаются и объекты типа волость, округ, район и т. п., то в скобках показываются и эти объекты; там, где род объекта не удалось определить, проставлен знак вопроса);

— краткую аннотацию (современное название или русское написание названия, а также характеристику объекта и указание на его местоположение, в ряде случаев ориентировочное, в современных границах);

— страницы перевода, на которых встречается название;

— радловскую транскрипцию названия латинскими буквами с указанием тома и страниц оригинала.

Полужирным шрифтом набраны: в начале статей — названия, совпадающие с современными; в тексте статей — названия, употребляемые в настоящее время вместо отмеченных В. В. Радловым.

Русская передача названий осуществлялась, как правило, согласно следующей таблице:

Латинские буквы и сочетания букв	Русская передача
a	а
ā	а
ä	э — в начале слова и после гласных е — в остальных случаях
b	б
c	—
ch	х
d	д
ds	дз
dsh, dsch	дж
e	э — в начале слова е — в остальных случаях
f	ф
g	г
gh	г
h	х
i	и — в начале слова, после гласных на стыке слогов и после согласных

Латинские буквы и сочетания букв	Русская передача
	ї — после гласных в конце слога
	ий — в русских окончаниях
	ы — в отдельных русских названиях
ie	ие
	ье — в русских названиях
ii	ии — на стыке слогов
	ий — в слоге
	ьи — в русских названиях
ij	ий
j	й — перед гласными о, у и после і в конце слова
	ь — после согласных в конце слова
ja	я
	ья — после согласных в слове
	ъя — после согласных на стыке слов
je	е
jo	йо
ju, jü	ю
jy	йы
k	к
l	л
	ль — перед согласными и в конечной позиции в словах с гласными переднего ряда, а также перед русским -sk(i)
m	м
n	н
ng	нг — между гласными
	н — в остальных случаях
o	о
ō	о
ö	о — в начале слова
	ё — в остальных случаях
p	п
r	р
s	с
	з — между гласными; иногда в начале слова и в соседстве с сонорными согласными
ss	сс — на стыке слов
	с — в остальных случаях
sch	ш
sh	ж
t	т
tt	тт
ts	ц
tsch	ч
tz	ц
u	у

Латинские буквы и сочетания букв	Русская передача
ū	у
ü	у — в начале слова и после гласных ю — в остальных случаях
v	в
w	в
x	кс
y	ы
z	ц

Из вариантов написания одного и того же названия в оригинале для передачи выбирался наиболее соответствующий языку-источнику.

В связи с тем, что многословные названия (как однотипные, так и одни и те же) в оригинале пишутся то слитно, то через дефис, то раздельно, в русской передаче предпочтение отдается их единому слитному написанию. Дефис используется лишь при передаче конструкций с родительным падежом, названий с различительными (бинарными) определениями и двойных названий.

В ряде случаев во внимание принималась и русская традиция употребления конкретных названий.

К указателю прилагается перечень географических названий, встречающихся в послесловии.

Список сокращений

Актюб. обл.	— Актюбинская область
Алма-Ат. обл.	— Алма-Атинская область
Алт. кр.	— Алтайский край
Андиж. обл.	— Андижанская область
АО	— автономная область
АССР	— Автономная Советская Социалистическая Республика
басс.	— бассейн
Башк. АССР	— Башкирская АССР
бол.	— болото
Бур. АССР	— Бурятская АССР
Бухар. обл.	— Бухарская область
вдп.	— водопад
верхн. теч.	— верхнее течение
вост.	— восток; восточный
Вост.-Казахст. обл.	— Восточно-Казахстанская область
г.	— гора
ген.-губ.	— генерал-губернаторство
гор.	— город
горн. прх.	— горный проход
горн. сист.	— горная система
Горно-Алт. АО	— Горно-Алтайская автономная область
гос-во	— государство
Гур. обл.	— Гурьевская область
Джамбул. обл.	— Джамбулская область

Джизак. обл.	— Джизакская область
зап.	— запад; западный
злтм.	— золотомойня
Иркут. обл.	— Иркутсткая область
Иссык-Кул. обл.	— Иссык-Кульская область
ист. обл.	— историческая область
Каз. ССР	— Казахская ССР
кан.	— канал
кар.	— караул
Караганд. обл.	— Карагандинская область
Кашкадар. обл.	— Кашкадарьинская область
Кемер. обл.	— Кемеровская область
Кзыл-Орд. обл.	— Кзыл-Ординская область
Кирг. ССР	— Киргизская ССР
КНР	— Китайская Народная Республика
Краснояр. кр.	— Красноярский край
креп.	— крепость
Кург. обл.	— Курганская область
Куст. обл.	— Кустанайская область
лев.	— левый
Ленинабад. обл.	— Ленинабадская область
МНР	— Монгольская Народная Республика
наст. вр.	— настоящее время
Новосиб. обл.	— Новосибирская область
оз.	— озеро
окр.	— округ
Оренб. обл.	— Оренбургская область
Павлод. обл.	— Павлодарская область
пгт	— поселок городского типа
пер.	— перевал
перепр.	— переправа
Перм. обл.	— Пермская область
п-ов	— полуостров
пос.	— поселок
почт. ст.	— почтовая станция
прав.	— правый
прегр.	— преграда
пуст.	— пустыня
р.	— река
разв.	— развалины
р-н	— район
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
с.	— село
Самарк. обл.	— Самаркандская область
Свердл. обл.	— Свердловская обл.
сев.	— север; северный
сев.-вост.	— северо-восток
Семипалат. обл.	— Семипалатинская область
Синьцзян-Уйг. АР	— Синьцзян-Уйгурский автономный район
ск.	— скала
см.	— смотрите
совр.	— современное (название, написание названия)
ср.	— сравните
ССР	— Советская Социалистическая Республика
ст.	— станция
ст-ца	— станица

Сырдар. обл. — Сырдарьинская область
Тадж. ССР — Таджикская ССР
Талды-Кург. обл. — Талды-Курганская область
Тат. АССР — Татарская АССР
Ташк. обл. — Ташкентская область
Том. обл. — Томская область
Тув. АССР — Тувинская АССР
Туркм. ССР — Туркменская ССР
Тюм. обл. — Тюменская область
Узб. ССР — Узбекская ССР
употр. — употребление
УССР — Украинская ССР
ущ. — ущелье
Ферг. обл. — Ферганская область
форп. — форпост
Хак. АО — Хакасская автономная область
Хорезм. обл. — Хорезмская область
хр. — хребет
Целиногр. обл. — Целиноградская область
Челяб. обл. — Челябинская область
Чимк. обл. — Чимкентская область
юго-вост. — юго-восточный
юго-зап. — юго-западный
южн. — южный
Як. АССР — Якутская АССР

Аба, р., лев. приток. р. Томь; Кемер. обл.: 46; Aba I 74
Аба, р., приток р. Большая Чили; Горно-Алт. АО: 68; Aba I 99
Абакан, р., лев. приток р. Енисей; Хак. АО: 9, 10, 79, 88—91, 211, 227, 359, 360, 380, 410, 412—414, 416, 419, 422, 423, 425, 426, 429, 432, 437, 440, 454, 455, 457, 458, 461, 463, 465, 467, 468, 470, 472, 475, 477, 485, 488, 494, 496, 498, 499; Abakan I 11, 113, 206—210, 360, 382; II 7, 8, 31, 69—71, 75, 78, 82, 86, 88, 91, 97, 101, 116, 119, 122, 124, 126, 127, 129, 130, 132, 133, 136, 139, 169, 172, 180, 183, 184, 186
Абаканская долина; Хак. АО: 88, 89, 91, 222; Abakan-Thale I 206, 207, 209, 210, 375; Abakanthale I 206
Абаканская равнина; Хак. АО: 222, 223; Abakan-Ebene I 375
Абаканская степь; Хак. АО: 91, 222, 410, 411, 414, 416, 417, 419, 421, 431, 441, 442, 454, 474; Abakan-Steppe I 209, 375; II 68, 69, 75, 78, 91, 102, 103, 116, 135; Abakansteppe II 71, 74, 80
Абаканская управа: 416; abakanische Uprawa II 75
Абаканский хребет, левобережье р. Абакан; Кемер. обл. и Хак. АО: 55; Abakanische Gebirge I 84
Абаканын-Бажы, г., в истоке р. Большой Абакан; Хак. АО: 485; Abakanyn Bashy II 169
Абакумовск, пикет, совр. пгт **Джансугуров**; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 78; Abakamow I 111; Abakumowsk I 112
Абатура, местное тюркское название гор. Кузнецк (совр. Новокузнецк): 46; Aba-tura I 74
Аблайкит, разв., в черте совр. гор. Усть-Каменогорск; Каз. ССР: 11; Ablaikit I 12
Абумпом, ?, правобережье р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Abŭm-Pŏm I 62
Агацаул, совр. Агачаулово (?); Новосиб. обл.: 117; Agats-aul I 243
Агачка, совр. **Акешки**; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 81; Agatschka I 115
Агульск; Краснояр. кр., южнее гор. Канск: 10; Agulsk I 12

Адам; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Adam I 224
Адамыш, р., впадает в Телецкое оз. с вост.; Горно-Алт. АО: 64; Adamysch I 95
Адаркая, г.; Горно-Алт. АО: 34; Adar Kaja I 58
Адыртёргюн, р., приток р. Курай; Горно-Алт. АО: 37; Adyr-törgün I 61
Азы; Омская обл. (?): 119; Asy I 246
Ай, р., впадает в оз. Сасыкколь; Семипалат. обл. Каз. ССР: 76, 77; Ai I 109, 110
Айгулак, р., прав. приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 13, 32, 33, 35; Aigulak I 14, 55, 56, 59
Айгулакские горы, совр. **Айгулакский хребет**; Горно-Алт. АО: 13; Aigulak-Gebirge I 14
Айгулактын-Акпомы, прегр., на дороге вдоль р. Чуя; Горно-Алт. АО: 35; Aigulaktyng-ak-Pōmy I 59
Акбом,?; Горно-Алт. АО: 146; Ak Bom I 277
Акдарья, р., один из рукавов р. Зеравшан; Самарк. обл. Узб. ССР: 12, 535, 536, 539, 561, 562; Ak-Darja I 13; Ak Darja II 427, 429, 432, 433, 464, 465
Аккая; Кемер. обл.: 53, 204; Ak Kaja I 81, 351
Аккая, скалы, сев. берег Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 62; Ak-Kaja I 94
Аккент; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 530; Akkent II 350
Аккёль, оз., совр. **Ак-Холь**; Тув. АССР: 98; Ak Köl I 219
Акмола, уезд, ср. гор. Акмолинск (совр. Целиноград); Каз. ССР: 341; Akmola I 518
Акмолинский округ, ср. Акмола; Каз. ССР: 258; Akmolinsche Kreis I 420
Аксу; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 100, 515; Aksu I 222; II 331
Аксу, совр. Теплоключенка (?); Иссык-Кул. обл. Кирг. ССР: 86; Aksu I 121
Аксу, пикет, совр. с.; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 78; Aksu I 111
Аксу, р., совр. **Ак-Суу**, басс. оз. Иссык-Куль; Кирг. ССР: 85; Aksu I 120
Актаг, горы, совр. хр. **Актау**; Самарк. обл. Узб. ССР: 12, 533, 558, 559; Ak-Tay I 13; Ak-Tag II 425, 460, 461
Актакырылган, прегр., на дороге вдоль р. Чуя; Горн-Алт. АО: 35; Akta-Kyrylgan I 59
Акташ, г., у устья р. Чулышман; Горно-Алт. АО: 64; Ak-Tasch I 96
Акташарпом, прегр., на дороге вдоль р. Чуя; Горно-Алт. АО: 34; Ak-ta-schar-Pōm I 58
Актепе; Самарк. обл. Узб. ССР: 104, 534, 539, 560; Ak-Täpä I 228; II 462; Ak Täpä II 426, 432
Актуру, пик, в истоке р. Актуру; Горно-Алт. АО: 37; Ak Turū I 61
Актуру, р., лев. приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Ak Turū I 61
Актыра, р., приток р. Большая Чили; Горно-Алт. АО: 68; Aktyra I 99
Актюбе, к югу от оз. Иссык-Куль; Кирг. ССР: 13; Ak-Tübä I 14
Акчап; Самарк. обл. Узб. ССР: 12, 533, 558, 560, 576; Aktschap I 13; II 460, 462, 463; Aktschab II 425, 482
Ак-Юс, р., совр. **Белый Июс**, одна из образующих р. Чулым; Хак. АО: 91, 431, 433; Ak-Jüs I 210; II 91; Ak Jüs II 93
Алабашы-Ата, г., Кирг. или Каз. ССР (?): 349; Ala-Baschy-Ata I 529
Алакаингач; Горно-Алт. АО (?): 214; Ala Kaingatsch I 364
Алакул, пикет; Семипалат. обл. Каз. ССР: 77, 79; Ala-Kul I 110; Ala Kul I 113
Аламанские горы, в хр. Алтынэмель (?); Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 10; Alaman-Gebirge I 11
Алат; Новосиб. обл.: 116; Alat I 243
Алатау, хр., имеется в виду совр. хр. **Заилийский Алатау**; на границе Каз. и Кирг. ССР: 10, 82, 84, 85, 111, 504; Alatau I 11, 116, 120, 235; II 286; Ala-tau I 118
Алаш; Тув. АССР: 502; Alasch II 189
Алджан; Самарк. обл. Узб. ССР: 536; Aldshan II 429

Алджанадыр, горы, совр. **Альжан**; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Aldschan Adyr I 106
Алджанадыровский, пикет; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Aldschan-Adyrowski I 106
Алджантау, горы, см. Алджанадыр: 74; Aldschan Tau I 106
Александровская, элтм.; Кемер. обл.: 54, 55; Alexandrowski I 83, 84
Александровский; Кемер. обл.: 55; Alexandrowski I 83, 84
Алтаба, г.; на границе Ленинабад. обл. Тадж. ССР и Самарк. обл. Узб. ССР: 534, 541; Altaba II 425, 435
Алтабатаг, г., см. Алтаба: 534; Altaba-Tag II 425
Алтай, горн. сист.; Алт. кр., Каз. ССР, Тув. АССР, МНР: 9, 14, 16, 18, 26, 31, 41—46, 61, 86, 91, 95, 96, 99, 103, 122, 123, 127, 130, 131, 135, 138, 139, 141, 144, 147, 151, 152, 155, 156, 159, 162, 171, 180, 184, 193, 196, 205, 209, 216, 217, 220, 223, 231, 232, 238, 273, 295, 302, 313, 335, 355, 365, 380, 409, 410, 414—423, 425—427, 429, 430, 434, 436—441, 451, 454, 460—463, 467—470, 480, 487, 489, 494; Altai I 10, 32, 35, 38, 48, 54, 67—71, 74, 91, 121, 209, 215, 217, 221, 225, 249, 250, 255, 260, 261, 265, 266, 268, 269, 271, 275, 279, 284, 285, 290, 291, 294, 297, 309, 321, 326, 337, 340, 352, 358, 367, 368, 373, 376, 386, 387, 395, 440, 463, 470, 484, 510; II 11, 14, 31, 67, 68, 72—75, 77—79, 81—84, 86—89, 94, 96, 97, 99—103, 112, 115, 121, 123, 127, 129, 130, 142, 143, 171, 173, 179
Алтайские Альпы, см. Алтай: 41; Altai Alpen I 67
Алтайские горы, см. Алтай: 32, 42, 144; Altaigebirge I 55; Altai-Gebirge I 68; Altai-Berge I 275
Алтайские каменистые горы, см. Алтай: 41, 123; Altaische Steingebirge I 66, 67, 250
Алтайский горнорудный район; Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР, Алт. кр.: 9; altaische Bergwerkbezirke I 10
Алтайское, совр. **Алтайский**; Алт. кр.: 18, 19, 42; Altaiskoje I 38, 68
Алтынтаг, г., совр. **Алтынту**; Горно-Алт. АО: 63, 64; Altyn Tag I 95; Altyn-Tag I 96
Алтынэмель, пер.; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 12, 505; Altyn Ämäl I 13, 14; II 287
Алтынэмель, пикет и почт. ст., совр. с.; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 12, 84; Altyn-Ämäl I 14; Altyn Emel I 119
Алтышехер, ист. обл.; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 521, 526; Alty-schähär II 338, 345; Alty-Schähär II 344
Аманходжа; Самарк. обл. Узб. ССР: 536; Aman Chodsha II 428
Амударья, р., в верхн. теч.— Пяндж, впадает в Аральское море; Афганистан, Тадж., Туркм. и Узб. ССР: 105; Amu Darja I 228
Амур, р.; РСФСР и КНР: 72; Amur I 104
Амыл, р., одна из образующих р. Туба; Краснояр. кр.: 99; Amyl I 220
Ангарарык, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 534; Angar-aryk II 425
Ангодай, совр. **Онгудай**; Горно-Алт. АО: 9, 27, 40, 183—185; Angodai I 10, 48, 65, 325, 327; Kongodoi I 326
Ангодай, плато, совр. **Онгудай**; Горно-Алт. АО: 27; Angodai-Plateau I 48
Ангодай, р., совр. **Онгудай**, прав. приток р. Урсул; Горно-Алт. АО: 27, 149, 183, 184, 414, 416; Angodai I 49, 281, 326; II 72, 75
Андаба, р., совр. **Андоба**, прав. приток. р. Каурчак; Горно-Алт. АО: 56, 58; Andaba I 85, 88
Андак; Самарк. обл. Узб. ССР: 560; Andak II 462
Андиджан, р.; Андиж. обл. Узб. ССР: 107; Andidshan I 231
Ануй, р., лев. приток р. Обь; Алт. кр.: 128, 136; Anui I 257, 267
Ар; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Ar I 224
Арабхане; Самарк. обл. Узб. ССР: 536; Arab Chanä II 429
Арамцас, совр. Арынцас (?); Новосиб. обл.: 117; Aramtsas I 243
Арасан; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 78, 80; Arassan I 112, 115

Арганат, пикет; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 78, 79; Arganat I 111; Arganatski-Piquet I 113
Аргыт, горы, см. Аргытские горы: 156; Arkyt-Gebirge I 291
Аргыт, р., совр. **Аргут**, прав. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 10; Argyt I 12
Аргытские горы, имеется в виду совр. **Северо-Чуйский хребет**; Горно-Алт. АО: 33; Argyt-Gebirge I 55
Ариостен, кан.; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 519; Ari Östän I 222; Ari Östäng II 331; Ari-östän II 335
Аркат, пикет, совр. с.; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Arkat I 106
Арсаклы; Новосиб. обл.: 116; Arsakly I 242
Арсаяк, р., басс. р. Алаш (?); Тув. АССР: 484, 502; Arsajak II 166, 167, 189
Арсаякбажы, оз.; Тув. АССР (?): 484; Arsajak Bashy II 166
Артал, г., к вост. от Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 64; Artal I 96
Артам; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Artam I 224
Артыш, р., басс. р. Алаш (?); Тув. АССР: 483; Artysch II 165
Архалык, хр., совр. горы **Аркалык**; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Archalyk I 106
Архалыкский, пикет; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Archalykski I 106
Аскыс, совр. **Аскиз**; Хак. АО: 228; Askys I 383
Аскыс, р., совр. **Аскиз**, лев. приток. р. Абакан; Хак. АО: 88, 91, 224, 411, 416, 432, 433, 456; Askys I 206, 209, 378; II 69, 75, 91, 93, 117
Астраханская губерния: 112; Astrachanische Gouvernement I 237
Атак; Омская обл.: 119; Atak I 246
Атбалык; Омская обл.: 117; Atbalyk I 243
Атбасар, уезд; Целиногр. обл. Каз. ССР: 341; Atbassar I 518
Аттаманова, совр. **Атаманово**; Кемер. обл.: 47; Attamanowa I 75
Аулиета, (и окр.), совр. **Джамбул**; центр Джамбулской обл. Каз. ССР: 12, 102, 105, 106, 110, 111, 114; Aulieta I 13, 224, 228, 229, 234, 235, 239
Афганистан: 557; Afghanistan II 452
Аферинкенд, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 535, 536; Aferinkend II 428
Афчинитова, совр. **Овчинниково**; Алт. кр.: 15; Aftschinitowa I 33
Ачинск; Краснояр. кр.: 91; Atschinsk I 210
Ачинский округ; Краснояр. кр.: 91, 92, 227; Atschinskische Kreis I 210, 211, 382
Ачыман, г., совр. **Ачелман**, лев. приток. р. Чулышман; Горно-Алт. АО: 66, 68; Atschyman I 98, 99
Ашкина; Кемер. обл.: 205; Aschkina I 353
Ашшыбулак, пикет; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 78; Aschschy Bulak I 111
Ашшыкёль, пикет; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Aschschy Köl I 106
Ашшысу, р., совр. **Ащысу**, р., прав. приток р. Шаган; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Aschschy-Su I 107
Ашьякту, р., совр. **Апшыякту**, лев. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 22—24, 180; Aschjaktu I 321
Аюкечпес, р., впадает в Телецкое оз. с вост.; Горно-Алт. АО: 63; Aju Ketschpes I 95
Аягус, р., совр. **Аягуз**, впадает в оз. Балхаш; Семипалат. и Алма-Ат. обл. Каз. ССР: 75—77, 272, 297, 298, 334, 434, 438; Ajagus I 108—110, 438, 465, 508; II 95, 98
Аягус (Сергиополь), совр. Аягуз; Семипалат. обл. Каз. ССР: 434; Ajagus (Sergiopol) II 95
Аялинская волость; Омская обл.: 119; Ajalinskaja Wolostj I 246
Аялы, совр. **Аялу**; Новосиб. обл.: 116; Ajaly I 242

Бабадурхан, совр. **Бободархон**; Ленинабад. обл. Тадж. ССР: 563; Babadurchan II 446
Бабасауская волость; Тюм. обл.: 120; Babasauskaja Wolostj I 247

Багаджат; Самарк. обл. Узб. ССР: 558, 560; Bagadschat II 460, 463
Багуян; Новосиб. обл.: 117; Bagujan I 243
Байбакты; Омская обл.: 119; Bai Bakty I 246
Байкал, оз.; Иркут. обл. и Бур. АССР: 355; Baikal II 1
Байтукай, кан.; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 519; Baitukai I 222; II 332, 335
Бака, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 35, 36; Baka I 60
Балбы, совр. **Балбынь**; Кемер. обл.: 48; Balby I 76
Балкаш, оз., совр. **Балхаш**; Каз. ССР: 79, 111, 504; Balkasch I 113, 235; II 286
Балкаш, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Balkasch I 62
Балкашская низменность, совр. **Балхашская низменность**; Каз. ССР: 249; Balkaschbecken I 409
Балкаштуяр, ?, Горно-Алт. АО: 38; Balkaschtü-jar I 63
Балыксу, р., приток р. Черга (?); Горно-Алт. АО: 24, 212; Balyksu I 45, 362
Бараба, р.; Новосиб. обл.: 465; Baraba II 126
Барабинская степь, совр. **Барабинская низменность**; Новосиб. обл.: 10, 12, 115, 416, 417, 420, 422, 451, 453, 454; Baraba-Steppe I 12, 241; II 75, 80, 82; Barabinzische Steppe II 75, 112, 115, 116
Барабинская управа; Новосиб. обл.: 116; Barabinskaja Uprava I 242
Барна, р., басс. р. Чулым; Краснояр. кр.: 433; Barna II 93
Барнаул, центр Алтайского края: 9—15, 45, 47, 70, 83, 86, 142, 171, 434, 451, 453, 454, 465; Barnaul I 10—14, 32, 34, 72, 74, 101, 118, 121, 272, 309; II 94, 112, 114, 116, 126
Баровланка, совр. **Боровлянка**; Алт. кр.: 43; Barowlanka I 70
Баскан, шикет; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 78; Baskan I 111
Бачат, р., лев. приток р. Иня; Кемер. обл.: 9, 193, 361; Batschat I 336; II 9; Balschat I 11
Башкаус, р., лев. приток р. Чулышман; Горно-Алт. АО: 65, 66, 68, 95, 128, 136, 156; Baschkaus I 97—99, 215, 257, 267, 291; Pasch-Köbüsi I 97
Башкёль, совр. **Басколь**; Семипалат. обл. Каз. ССР: 72; Baschköl I 104
Баянаул, уезд; Павлод. обл. Каз. ССР: 341; Bajanaul I 518
Бедерова, совр. **Ур-Бедари**; Кемер. обл.: Bederowa I 72
Безрукова, совр. **Безруково**; Кемер. обл.: 48; Besrukowa I 75
Белая, совр. **Белое**; Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР: 10; Belaja I 12
Белекше; Новосиб. обл.: 116; Beläkschä I 243
Белокурихская, ст., вероятно, совр. Старобелокуриха; Алт. кр.: 18; Bjelokurinskaja I 37
Белоярск, ст., совр. пгт в черте гор. Новоалтайск; Алт. кр.: 15; Bjelojarsk I 33
Белуха, г.; Горно-Алт. АО: 360; Belucha II 7
Бельгибаш, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 36; Belgibasch I 60
Белькенектин-Погочозы, пер.; Горно-Алт. АО: 36; Belkenekting Pogotschosy I 61
Берд, р., совр. **Бердь**, прав. приток р. Обь; Новосиб. обл.: 44; Berd I 70
Березов; Тюм. обл. (?): 121; Beresow I 248
Берель, р., прав. приток р. Бухтарма; Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР: 332, 410, 442, 449, 463, 465, 470, 472, 473; Berel I 506; II 68, 103, 110, 124, 126, 130, 133, 134
Берельская степь; Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР: 10, 416, 449, 451, 471; Berelsteppe I 12; II 110, 112; Berel-Steppe II 75, 132
Беркова, ст., совр. с. **Борково**; Новосиб. обл.: 43, 44; Berkowa I 70; Barkowa I 70
Бешандак, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 536; Beschandak II 429
Бешарык; Самарк. обл. Узб. ССР: 104, 534, 535; Bäsch-Aryk I 228; Bäsch-aryk II 426; Besch-aryk II 427
Бёлю, ст.; Горно-Алт. АО (?): 414; Bölü II 72

Бижи, р., см. Пыша: 68, 69, 221; Bishi I 99, 100, 374
Бийск; Алт. кр.: 9, 10, 13, 15—17, 46, 69, 126, 127, 182, 186, 211; Biisk I 10, 11, 14, 33—35, 37, 74, 101, 254—256, 323, 328, 361
Бийская дорога; Алт. кр. и Кемер. обл.: 56; Biisker Strasse I 85
Бийская золотомойня; Горно-Алт. АО (?): 56, 58; Biiskische Goldwäsche I 85, 86
Бийский округ; Алт. кр.: 96, 128, 193; Biisker Kreis I 216, 257, 336
Би-Кем, р., совр. **Большой Енисей (Бий-Хем)**, одна из образующих р. Енисей; Тув. АССР: 97; Bi (Bäi) Käm I 218
Билекей, р. (и окр.), басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 517, 519; Biläkäi I 222; II 332, 333, 335
Бир, р.; Краснояр. кр. (?): 433; Byr II 94
Биришек, пер.; Джизак. обл. Узб. ССР: 560; Bir Ischäk II 562, 563
Биркёль; Новосиб. обл.: 116; Bir Köl I 242
Бирюса, р., басс. р. Ангара; Иркут. обл. и Краснояр. кр.: 87; Birjusa I 205
Бичиктюкая, ск.; Горно-Алт. АО: 32, 33, 36; Bitschiktü Kaja I 56; Bitschiktü Kaja I 61
Бичиктюкаяпом, прегр., на р. Катунь; Горно-Алт. АО: 32; Bitschiktü Kaja Pöm I 56
Бия, р., одна из образующих р. Обь; Горно-Алт. АО: 9, 10, 15—18, 60, 61, 92, 93, 185, 186, 212—214, 221, 222; Bija I 11, 34, 36, 38, 91, 92, 211, 212, 328, 362—364, 374
Богуштан, р., совр. **Башлан**, лев. приток р. Курата; Горно-Алт. АО: 23, 25; Boguschtan I 44, 46; Bogaschtan I 46
Божье Озеро, совр. **Большое Озеро**; Краснояр. кр.: 10, 91, 433; Boshje Osero I 12; Boshcje Osero I 210; Boshije Osero II 93
Болгул, р., басс. р. Лебедь; Горно-Алт. АО: 211; Bolgul I 361
Болджор, г., к сев.-зап. от Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 63; Boldshor I 94
Болым, р., басс. р. Лебедь; Горно-Алт. АО: 211; Bolym I 360
Большой Бачат, р., одна из образующих р. Бачат; Кемер. обл.: 95; gross Batschat I 216
Большой Владимирский, совр. **Большая Владимировка**; Семипалат. обл. Каз. ССР: 72; Bolschoi Wladimirski I 104
Большой Ковы; Омская обл.: 119, Gross-Kowy I 246
Большой Ульгемен, р., см. Ян-Улёгён: 29; gross Ulgemen (Jän Ülögön) I 51
Бомское ущелье; Кирг. ССР: 13, 85; Buam-Schlucht I 14; Bömsche Schlucht I 120
Боробургазун, р., басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 517, 519; Borbugasun I 222; Boroburgasun II 332, 333; Borbogasun II 335
Боробургазун, р., совр. **Боробургазы**, одна из образующих р. Чуя; Горно-Алт. АО: 39; Boro-Burgasun I 64
Боробургазун, ст.; Горно-Алт. АО: 414; Boroburgasun II 72
Боровой, форп.; Алт. кр. (в р-не совр. пгт Волчиха): 10, 71; Borowski I 11; Borowoi I 102
Борохудзир, пикет, совр. пос.; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 12; Borochudsir I 14
Борохудзир, р., басс. р. Или; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 505, 506; Borochudsir II 287, 288
Бошту, ск., на берегу р. Чуя; Горно-Алт. АО: 36; Boschtu I 61
Брыканова; Кемер. обл. (?): 45; Brykanowa I 72
Бугра, р. (и окр.); Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 519; Bugra I 222; II 332, 335
Буканова, совр. **Буканское**; Алт. кр.: 70; Bukanowa I 102
Булангыр; Самарк. обл. Узб. ССР: 535; Bulangyr II 427
Булангыр, кан. (?); Самарк. обл. Узб. ССР: 535; Bulangyr II 427
Буланиха; Алт. кр.: 15; Bulanicha I 33, 34
Бутырки; Алт. кр.: 70; Butirki I 102

Бухара, (и ист. обл.); центр Бухарской обл. Узб. ССР: 12, 101, 104, 520, 521, 523, 526, 536, 538, 553—557, 559, 560, 564, 572—575; Buchara I 13, 223, 227; II 337, 338, 340, 344, 429, 431, 447, 449, 451—453, 461, 462, 467, 477, 479—481
Бухарская волость; Тюм. обл.: 119, 120; Bucharskaja Wolostj I 245, 247; Bucharische Wolostj I 245
Бухарское ханство; Средняя Азия: 572; Chanat von Buchara II 477
Бухтарма, р., прав. приток р. Иртыш; Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР: 10, 19, 111, 147, 335, 414, 415, 417, 442, 461, 468, 472, 474, 477; Buchtarma I 12, 38, 236, 279, 510; II 72, 74, 75, 103, 123, 129, 132, 135, 138, 139
Бухтарминск; Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР: 81; Buchtarminsk I 115
Буянту, р., совр. **Буянт-Гол**, басс. оз. Хара-Ус-Нур; МНР: 436; Bujantu II 95; Bujanta II 96
Быраты; Горно-Алт. или Хак. АО (?): 9, 154; Byraty I 10, 288
Бюрген; Самарк. обл. Узб. ССР: 560; Bürgän II 463

Вагай, р., лев. приток. р. Иртыш; Тюм. обл.: 120; Wagai I 247
Вагайская волость; Тюм. обл.: 120; Wagaiskaja Wolostj I 247
Великая Татария: 432; grosse Tattarei II 92
Венгрия: 409; Ungarn II 67
Венеция: 409; Wenedig II 67
Верный, (и окр.), совр. **Алма-Ата**; столица Каз. ССР: 10, 12—14, 73, 75, 76, 83, 84, 86, 114, 268, 416, 418, 504; Wernoje I 11, 13, 14, 32, 106, 108, 109, 433; II 75, 77, 286; Wernyi I 118, 119, 121; Wernij I 240
Верхнеозёрск, креп.; Челяб. обл. (?): 112; Werchne-Osersk I 237
Верхнеуральск, креп., совр. гор.; Челяб. обл.: 111, 112; Werchni-Uralsk I 236; Werchne-Uralsk I 237
Верхний Абакан, р., см. Абакан: 222; obere Abakan I 375
Верхний Енисей, р., см. Енисей: 410, 477; obere Jenissei II 68, 69, 139
Верхний Иртыш, р., см. Иртыш: 250, 410, 414; obere Irtisch I 410; II 68, 72
Верхний Кушук, совр. **Верх-Кучук**; Алт. кр.: 70; Werchni Kuschuk I 102
Верхний Мрас, р., см. Мрас: 206; obere Mrass I 353
Верхний Текес, р., см. Текес: 512; obere Tekes II 328
Верхняя Бухтарма, р., см. Бухтарма: 10, 416, 449; obere Buchtarma I 12; II 75, 110
Верхняя Катанда, р., см. Катанда: 442; Obere Katanda II 103; obere Katanda II 104
Верхняя Кия, р., см. Кия: 459; obere Kija II 119
Верхняя Кондома, р., см. Кондома: 9; obere Kondoma I 10, 11
Верхняя Омь, р., см. Омь: 116; obere Om I 241
Верхняя Томь, р., см. Томь: 92, 440; obere Tom I 211; II 101
Верхняя Чуя, р., см. Чуя: 38, 156; obere Tschuja I 63, 291
Владимирский, см. Большой Владимирский и Малый Владимирский: 83; Wladimirski I 104
Внутренний Алтай, см. Алтай: 19; innere Altai I 38
Волга, р., впадает в Каспийское море; Европейская часть РСФСР: 110; Wolga I 235
Волчиха; Алт. кр.: 71; Woltschicha I 102
Ворота Тамерлана, горн. прх.; Джизак. обл. Узб. ССР: 560; Tamerlansche Thor II 462
Восточная Киргизская степь, совр. **Восточно-Казахстанская степь**; Каз. ССР: 14, 416, 417, 422, 440, 468, 477; östliche Kirgisensteppe I 32; II 100, 129; östliche Kirgisen-Steppe I 32; II 74, 75, 82, 139
Восточная Россия: 73; Ostrussland I 105
Восточный Алтай, см. Алтай: 123; östliche Altai I 250

Галджан, р., басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 516; Galdshang II 332
Гасфордово ущелье; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 84; Hasfordsche Pass I 118

Германия: 552; Deutschland II 447
Гоби, пуст.; МНР: 355; Gobi II 1
Гоньба, в наст. вр. в составе гор. Барнаул; Алт. кр.: 14, 43; Gonjba I 32, 70
Горадовая волость; Тюм. обл.: 120; Goradowaja Wolostj I 247
Гулджа, см. Кулджа: 520; Guldsha II 336
Гурелетова; Алт. кр.: 70; Gureletowa I 120

Дагбит, совр. **Дахбед**; Самарк. обл. Узб. ССР: 539; Dagbit II 432, 433
Дадаматы, р. (и окр.), басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 516, 519; Dadamty II 332, 335
Дайнгул, р.; МНР: 436; Dain Gul II 96
Дамарык, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 536; Dam-aryk II 429
Дауан; Ленинабад. обл. Талж. ССР (?): 563; Dauan II 466
Даул; Самарк. обл. Узб. ССР: 539, 557, 558, 560; Daul II 433, 459, 460, 462
Джалаир; Узб. ССР: 563; Dschalair II 466
Джам; Самарк. обл. Узб. ССР: 561; Dsham II 463
Джарташ, пикет; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Dschartasch I 106
Джизак, (и окр.); центр Джизакской обл. Узб. ССР: 12, 102—104, 106, 534, 559—563, 572; Dshisak I 13, 224, 225, 227, 229; II 426, 461, 462, 464—466, 578
Джизакское бекство; Узб. ССР: 558, 559; Dshisaksche Begschaft II 460; Dshisak'sche Begschaft II 461
Джисман; Самарк. обл. Узб. ССР: 533, 560; Dshisman II 425, 463
Джисман, р., басс. р. Зеравшан; Самарк. обл. Узб. ССР: 533; Dshisman II 425
Джулукёль, оз., совр. **Джулукуль**; Горно-Алт. АО: 65; Dschulu Köl I 97
Джумабазар; Самарк. обл. Узб. ССР: 12, 534, 536, 539, 559—561; Dshuma Basar I 13; II 428, 433, 461—463; Dshuma-Basar II 425
Джуш; Самарк. обл. Узб. ССР: 558, 560; Dschusch II 460, 462, 463
Джыланды, ? ; Новосиб. обл. или Павлод. обл. Каз. ССР (?): 11; Dshylandy I 12
Джюсагаш, пикет, совр. с. **Жузагаш**; Семипалат. обл. Каз. ССР: 77; Dshü Agasch I 111
Дзинзилик, караул; Тув. АССР: 97; Dsinsilik I 218
Дзунгария, гос-во; в совр. употр. **Джунгария**: 87; Dsungarei I 122
Дзунгарское государство, см. Дзунгария: 123; Dsungaren-Reich I 251
Долаты, р. (и окр.), басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 519; Dolaty I 222; II 332; Dolatai II 335
Дулбо, оз., совр. **Толбо-Нур**; МНР: 98; Dulbo I 219

Европа: 461, 552, 565; Europa II 122, 446, 469
Егорьевск; Новосиб. обл.: 44, 45; Jegoriewsk I 70—72
Егорьевская золотомойня; Новосиб. обл.: 9, 44; Jegoriew'sche Goldwäsche I 11, 71
Енисей, р., впадает в Карское море; Тув. АССР и Краснояр. кр.: 10, 89, 96, 360, 410, 414, 417, 418, 420, 422, 427, 429, 431, 437, 439, 441, 454, 460, 464, 467, 468, 471, 473, 477, 480, 486, 489; Jenissei I 11, 207, 217; II 7, 68, 72, 75, 77, 79, 82, 87, 88, 91, 97, 100, 102, 116, 121, 125, 127, 129, 131, 134, 139, 142, 170, 173
Енисейская губерния: 122; Jenisseijische Gouvernement I 249
Енисейская степь, совр. **Енисейская равнина**; левобережье р. Енисей; Краснояр. кр.: 91; Jenissei-Steppe I 209

Жилина, совр. **Жилино**; Алт. кр.: 15; Shilina I 33

Зайсанская долина; Семипалат. и Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 112; Saisan-Thale I 236

Замал, разв.; на границе Каз. ССР и КНР (?): 12; Samal I 14
Замин (и р-н), совр. **Заамин**; Джизак. обл. Узб. ССР: 12, 102, 103, 106, 559; Samin I 13, 224, 225, 229; II 462
Западная Азия: 247, 249, 333, 472; Westasien I 406, 408, 507; II 132
Западная Монголия; МНР: 97, 100, 215, 355, 420, 440; westliche Mongolei I 217, 221, 336; II 1, 80, 100
Западная Монгольская степь; МНР: 414, 415; westliche Mongolensteppe II 72, 73
Западная Сибирь, см. Сибирь: 73, 87, 122, 247, 415, 439, 463; Westsibirien I 105, 205, 249, 407; II 73, 99, 124
Западный Алтай, см. Алтай: 43; westliche Altai I 70
Западный Китай; в основном Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР: 73, 526; westliche China I 104; West-China II 345
Зеравшан, р.; Тадж. и Узб. ССР: 532—538, 541, 557, 558, 561—563, 565, 574; Serafschan II 423—427, 429—431, 435, 459, 460, 464—466, 469, 481
Зеравшанская долина; Узб. и Тадж. ССР: 102, 103, 105, 120, 474, 539, 541, 556—565, 568, 571, 572, 577, 578; Serafschan-Thal I 224, 228, 247; II 423, 432, 435, 452, 459—463, 465—467, 472, 485, 486; Serafschanthal I 225; II 135, 469, 476, 477
Зиаддин, (и бекство), совр. **Зиадин**; Самарк. обл. Узб. ССР: 560, 572, 574; Siaddin II 428, 463, 478, 481
Зиаддин, горы; Самарк. обл. Узб. ССР: 104; Siaddin I 227
Зиаддинское бекство; Самарк. обл. Узб. ССР: 535, 536, 563; Siaddinische Begschaft II 427, 466
Зиребулак; Самарк. обл. Узб. ССР: 539, 557, 558; Sirä Bulak II 433, 460; Sira Bulak II 459
Змеиногорск; Алт. кр.: 10, 11; Smeinogorsk I 12
Зыряновские серебряные прииски; Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР: 10; Syrjanow'sche Silbergrube I 12

Идола, прежнее название ст. Ильинск; Алт. кр.: 70; Idola I 101
Ижи, р., совр. **Иша**, прав. приток р. Катунь; Алт. кр.: 69, 222; Ishi I 101, 374
Иконикова, совр. **Иконниково**; Алт. кр.: 17, 18; Ikonikowa I 37
Или, р., впадает в оз. Балхаш; КНР и Каз. ССР: 12, 82, 84, 100, 101, 110, 260, 504, 505, 507, 513, 515, 516, 520, 521, 528; Ili I 14, 118, 119, 222, 235, 423; II 286, 287, 291, 328, 329, 331, 332, 336—338, 347
Илийская долина; Каз. ССР и КНР: 10, 416, 511—516, 520, 521, 525, 526, 528, 531; Ilithal I 11; Ili-Thale II 75, 275, 327—333, 336—338, 344, 346, 347, 351
Ильинск, ст.; Алт. кр.: 70; Iliinsk I 101
Ин, р., совр. **Иня**, прав. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 9, 32, 33; In I 10, 55, 57
Ингирский, пикет; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Ingirski I 107
Индия: 554, 557, 573; Indien II 449, 452, 449
Инзес-Цортанлы, ср. совр. Инцисс и Черталы; Омская обл.: 119; Ingsäs Tsortanly I 246
Иня, р., прав. приток р. Обь; Кемер. и Новосиб. обл.: 9; Inja I 11
Ирбитская ярмарка; Свердл. обл. (?): 202; Irbitsche Jahrmarkte I 348
Иргис, р., совр. **Иргиз**; Актюб. обл. Каз. ССР: 295; Irgis I 464
Иркутск, центр Иркутской обл.: 99; Irkutsk I 220
Иртыш, р., лев. приток р. Обь; Каз. ССР, Омская и Тюм. обл.: 10—12, 72, 73, 81, 110—112, 115, 118—120, 249, 261, 410, 414, 418, 422, 477; Irtisch I 12, 105, 115, 235, 236, 241, 245, 246, 248, 424; II 68, 72, 77, 82, 139; Irtysch I 409
Ис, р., совр. **Большая Есь**, лев. приток р. Абакан; Хак. АО: 416, 432, 436; Is II 75; Ys II 92, 96

Исиккёль, оз. (и окр.), совр. **Иссык-Куль**; Кирг. ССР: 10, 13, 79, 85, 106, 107, 110, 111, 259, 350, 416, 418, 521; Issik Köl I 11, 14, 120, 230, 231, 234, 235; Issikkul I 113; II 74, 75, 77; Issik-kŏl I 230, 421; Issik Kul I 529; Issikŏl II 338
Испахан, совр. **Исфахан**; Иран: 542; Ispahan II 437
Иткёль, совр. **Иткуль**; Новосиб. обл.: 115; It-Köl I 241
Иткул, оз., совр. **Иткуль**; Новосиб. обл.: 115; It-Kul I 241
Иткулева; Новосиб. обл.: 10; Itkulewa I 12
Ишар; Новосиб. обл.: 116; Ischar I 242
Ишим; Тюм. обл.: 12, 121; Ischim I 12, 248
Ишим, р., лев. приток р. Иртыш; Каз. ССР, Тюм. и Омская обл.: 111, 249, 417, 477; Ischim I 236, 409; II 76, 139
Ишимская степь, совр. **Ишимская равнина**; на сев.-вост. Казахстана и юго-зап. Сибири: 110—111; Ischim-Steppe I 235
Ишимтамак, совр. Усть-Ишим (?); Омская обл.: 119; Ischim-Tamak I 246
Ишмакса, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 535: Ischmaksa II 427
Иштекская волость; Тюм. обл.: 120; Ischtäkskaja Wolostj I 247
Иштихан (Иштиханбазар); Самарк. обл. Узб. ССР: 536, 539, 560; Ischtichan II 428, 462; Ischtichan Basar II 433

Йодро, р., прав. приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 34; Jodro I 57, 58
Йорганбазар; Самарк. обл. Узб. ССР: 539; Jorgan Basar II 433
Йошту, пик, в верховье р. Йошту, ср. Бошту; Горно-Алт. АО: 37; Joschtū I 61
Йошту, р., лев. приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Joschtu I 61
Йыланотю, пер.; Самарк. обл. Узб. ССР: 560; Jylan-ötü II 462; Jylan-öttü II 463
Йыргалан, р. (и окр.), басс. р. Или, ср. совр. Джыргалан; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 519; Jirgalang I 222; II 332; Jyrgalang II 335

Кабул; Афганистан: 556; Kabul II 451
Казакарык, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 539; Kasak-aryk II 429
Казалинск, окр., ср. совр. гор.; Кзыл-Орд. обл. Каз. ССР: 113, 115; Kasalinsk I 238, 241
Казань; столица Тат. АССР: 303, 417; Kasan I 472; Casan II 76
Казыр, ср. Кызыр (?); Новосиб. обл.: 115; Kasyr I 241
Каинск, совр. **Куйбышев**; Новосиб. обл.: 10—12, 416—417; Kainsk I 12, 13; II 75
Каинчак; Кемер. обл.: 49; Kaintschak I 77
Каймак; Новосиб. обл.: 117; Kaimak I 243
Кайнак, р. (и окр.), басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 519· Kaimak I 222; Kainak II 332, 335
Как, пикет; Горно-Алт. АО: 13; Kak I 14
Калагайтай; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Kalagaitai I 224
Калбакташ, прегр., на дороге вдоль р. Чуя; Горно-Алт. АО: 34; Kalbaktasch I 58
Калмак; Новосиб. обл.; 116; Kalmak I 242
Кама, р., прав. приток р. Омь; Новосиб. обл.: 116; Kama I 242
Камара, р., басс. р. Каменка; Алт. кр.: 20; Kamara I 39
Каменка, р., лев. приток р. Катунь; Алт. кр.: 9, 42; Kamenka I 10, 68
Камышинская, совр. Камышинка (?); Новосиб. обл.: 12; Kamyschinskaja I 12
Кан, р., прав. приток р. Енисей; Краснояр. кр.: 87; Kan I 205
Кандагатай, р., совр. **Хандагайты**, басс. оз. Убсу-Нур; Тув. АССР и МНР: 436; Kandagatai II 96
Канмы, р., совр. **Камга**, впадает в Телецкое оз. с сев.-вост; Горно-Алт. АО: 63; Kangmy I 95

Канонирский, совр. **Канонерка**; Семипалат. обл. Каз. ССР: 72; Kanonirski I 104
Канск; Краснояр. кр.: 10, 87; Kansk I 12, 205
Караабдал; Самарк. обл. Узб. ССР: 559, 560; Kara Abdal II 461, 462
Карабулак, пикет, совр. пгт; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 81, 298; Kara Bulak I 115, 116, 466
Карабурсак, пески, совр. Большие Барсуки (?); Актюб. обл. Каз. ССР: 112; Kara Bursak I 237
Карагай, ср. совр. Большой Карагай; Тюм. обл.: 12; Karagai I 12
Карагайская волость; Тюм. обл.: 120; Karagaiskaja Wolostj I 247
Карадарья, р., южн. рукав. р. Зеравшан; Самарк. обл. Узб. ССР: 535, 536, 539, 562; Kara Darja II 427—429, 432, 433, 465
Каракёль, совр. **Каракуль**; Бухар. обл. Узб. ССР: 104; Kara Köl I 227
Каракёл, совр. **Пржевальск**; Кирг. ССР: 85, 86; Kara-Köl I 120, 121
Каракёль, оз., совр. **Кара-Холь**; Тув. АССР: 9, 98, 99, 486—488, 491, 493, 494, 499—501; Kara Köl I 11, 220; II 169, 170, 172, 176, 179, 180, 185—188; Kara-Köl I 219
Каракёпшю, р., совр. **Каракокша**, прав. приток р. Сарыкокша; Горно-Алт. АО: 69; Kara Köpschü I 101
Каракол, р., прав. приток р. Урсул; Горно-Алт. АО: 26; Karakol I 48
Караколбажы, г., в верховье р. Каракол; Горно-Алт. АО: 26—28; Kara-kolbaschy I 48; Karaköl-bashy I 49, 50
Каракорум, г., к зап. от Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 64; Kara-Korum I 96
Караса, р., басс. р. Катунь; Горно-Алт. АО: 32; Kara-ssa I 55
Карасауайры, р.; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Karassau-airy I 107
Карасу; Новосиб. обл.: 116: Kara-Su I 242
Карасу; Самарк. обл. Узб. ССР: 557; Kara Su II 459
Карасу, р., басс. р. Катунь; Горно-Алт. АО: 23, 26, 29; Karassu I 44, 47; Karasu I 52
Карасу, р., басс. р. Чулышман; Горно-Алт. АО: 481—483; 486; Kara-su II 163—165, 169
Каратаг, хр., ср. Карашатаг; Самарк. обл. Узб. ССР (?): 12, 533, 558—560, 563; Kara-Tay I 13; Kara-Tag II 425, 460—462, 466
Каратал, р., впадает в оз. Балхаш; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 81, 84, 504; Karatal I 116, 118; II 286
Караталка, р., см. Каратал: 79; Karatalka I 113
Караташ; Самарк. обл. Узб. ССР (?): 560; Kara Tasch II 462
Каратепе, совр. **Каратепа**; Самарк. обл., Узб. ССР: 104, 534, 561; Kara Täpä I 227; II 425, 463
Каратут; Самарк. обл. Узб. ССР (?): 560; Kara Tut II 462
Караусу, оз., совр. **Хара-Ус-Нур**; МНР: 436; Kara-usu II 96
Карашатаг, горы, ср. Каратаг; Самарк. обл. Узб. ССР (?): 12, 539, 558—560; Karatscha-Tau I 13; Karatscha Tay I 13; Karatscha-Tag II 433; Karascha-Tag II 460—462
Кара-Юс, р., совр. **Чёрный Июс**, одна из образующих р. Чулым; Хак. АО: 91, 433; Kara-Jüs I 210; Kara Jüs II 93
Карга; Кемер. обл.: 53, 204, 205; Karga I 81, 351, 352
Каргалинская управа; Новосиб. или Омская обл. (?): 117; Kargalinskaja Uprava I 244
Карганск, совр. Карган (?); Новосиб. обл.: 10; Kargansk I 12
Каргат, р., прав. приток р. Чулым; Новосиб. обл.: 115; Kargat I 241
Каргу, р., басс. р. Или; Семипалат. обл. Каз. ССР: 76; Kargu I 109
Каргызан, р., басс. р. Лебедь; Горно-Алт. АО: 212; Kargysan I 361
Каркара, р., басс. р. Или; Алма-Ат. обл. Каз. ССР: 10, 348, 416; Karkara I 11, 526; II 74; Karbara II 75

Каркаралинский округ; Караганд. обл. Каз. ССР: 258, 337, 422; Karkaralinsche Kreis I 420; Karkaralinskische Kreis I 512; II 82
Каркаралы, уезд; Караганд. обл. Каз. ССР: 341; Karkaraly I 518
Картук; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Kartuk I 224
Карши; центр Кашкадарьинской обл. Узб. ССР: 104, 561, 572, 578; Karschi I 227; II 463, 477, 485
Касим; Новосиб. обл.: 116; Kasim I 242
Касма, р., совр. **Касьма**, лев. приток р. Иня; Кемер. обл.: 44, 45; Kasma I 71, 72
Каспа, р., лев. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 23—25; Kaspa I 44—46
Каспийское море; СССР и Иран: 110, 112, 250; Kaspische Meer I 235, 237, 410
Кастек, ущ.; на границе Каз. и Кирг. ССР: 84; Kastek I 119
Кастекский, пер.; в Кастекском хр., между Каз. и Кирг. ССР: 12, 13; Kastek-Pass I 13, 14
Катанда; Горно-Алт. АО: 416, 442; Katanda II 75, 103
Катанда, р., басс. р. Катунь; Горно-Алт. АО: 442—444, 447, 451, 461—463, 468, 471, 472, 475, 476; Katanda II 104, 112, 123, 124, 128, 131, 132, 136, 137
Каттыкурган, (и бекство), совр. **Каттакурган**; амарк. обл. Узб. ССР: 12, 104, 535, 536, 539, 555—560, 572, 574, 576; Katy-Kurgan I 13; Katty Kurgan I 227; II 427, 429, 433, 450, 452, 453, 460—463, 477, 478, 481, 483
Каттыкурганское бекство; Самарк. обл. Узб. ССР: 563; Katty Kurgansche Begschaft II 466
Катунская, совр. **Катунское**; Алт. кр.: 17; Katunskaja I 37
Катунские Альпы, совр. **Катунский хребет**; Горно-Алт. АО: 32, 156; Katunja-Alpen I 55, 291
Катунские горы, см. Катунские Альпы: 10; Katunja-Gebirge I 12
Катунь, р., совр. **Катунь**, одна из образующих р. Обь; Алт. кр.: 9, 13, 17, 18, 23, 24, 29—33, 37, 42, 43, 69, 93, 95, 96, 128, 136, 146, 147, 151, 156, 182, 185, 217, 221, 360, 398, 414, 443; Katunja I 10, 14, 36, 37, 44, 45, 52—56, 61, 68, 69, 101, 212, 216, 257, 267, 277, 279, 284, 290, 323, 328, 368, 374; II 7, 53, 72, 104
Катынсуунун-Помы, прегр., на р. Катунь; Горно-Алт. АО: 31; Katyn-suunung Pomy I 54
Катырчы, (и бекство), совр. **Хатырчи**; Самарк. обл. Узб. ССР: 12, 103, 535, 560, 561, 572, 575; Katyrtschy I 13, 225; II 427, 462, 463, 478, 481
Катырым, р., совр. **Кадрин**, прав. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 24; Katygym I 45
Кача, р., басс. р. Енисей (?); Хак. АО: 89; Katscha I 207
Качабум; Новосиб. обл.: 117; Katschabum I 243
Качинская степная дума; Хак. АО: 88, 227; katschinzischen Stoppengericht I 206
Каш, р., басс. р. Бия; Алт. кр.: 185; Kasch I 328
Каш, р., прав. приток р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 512, 516, 519; Kasch I 222; II 328, 331, 335
Кашгар, совр. **Кашгар (Каши)**; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 100, 101, 106, 107, 516, 517, 520, 521, 523; Kaschgar I 223, 230, 231; II 331—334, 337, 340; Kaschtur I 222
Кебизен, р., совр. **Кебезень**, прав. приток р. Бия; Горно-Алт. АО: 61, 186, 356; Käbisän I 92, 328, 329; Kebisän I 328; Kebisen II 2
Келегей, р., басс. р. Чульча; Горно-Алт. АО: 484; Kelegei II 166
Кемчик, р., совр. **Хемчик**, лев. приток р. Енисей; Тув. АССР: 79, 98, 99, 169, 360, 491—493, 501; Kemtschik I 113, 219, 220, 305; II 7, 176—178, 187
Кенги, оз., совр. **Теньга**; Горно-Алт. АО: 40, 41, 126, 146, 159, 398; Kengi I 66, 67, 277, 294; II 53; Kenggi I 255
Кенги, р., совр. **Теньга**, прав. приток р. Урсул; Горно-Алт. АО: 9, 25, 26, 40, 41; Kenji I 10; Kengi I 47, 66, 67
Кендирлю; Новосиб. обл.: 117: Kändirlü I 243

Кереген; Самарк. обл. Узб. ССР: 560; Kerägän II 462
Кермине, совр. **Навои**; Бухар. обл. Узб. ССР: 104, 506; Kerminä I 227; Kermine II 462
Кёбюр, р., совр. Кабырза (?), басс. р. Мрассу; Кемер. обл.: 94; Köbür I 214
Кёкпекти, (а также окр. и уезд), совр. **Кокпекты**; Семипалат. обл. Каз. ССР: 11, 73, 417, 422, 442, 463; Kokbekti I 12; Kokpekti I 106; Kokbetki I 518, 519; Kökbekti II 75, 82, 123
Кёкпектинск, (и оазис); Семипалат. обл. Каз. ССР: 81, 292; Kokbektinsk I 115, 460
Кёксинская, ст-ца; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 10, 416, 504; Köksinskaja I 11; Koksinskaja II 75, 286; Koksinsk II 286
Кёксу, совр. **Коксу**; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 79, 83; Köksu I 113; Koksu I 113, 117
Кёксу, р., совр. **Коксу**, лев. приток р. Каратал; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 82—84, 504, 505; Koksu I 116—118; II 286, 287
Кёксу, р., совр. **Кокса**, лев. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 128, 136; Koksu I 257, 267
Кёксу, ст.; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 313; Kök-su I 485
Кёкшю, р., совр. **Кокши**, впадает в Телецкое оз. с вост.; Горно-Алт. АО: 64; Kökschü I 95, 96
Кёлёбё, совр. Куляба (?); Новосиб. обл.: 116, 117; Kölöbö I 243
Кёлёндё, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 36; Kelindü, Kölondö I 61
Кёльаягы; Горно-Алт. АО: 212, 214; Köl-ajagy I 362, 364
Кёпчю, р., басс. р. Иша; Горно-Алт. АО: 222; Köptschu I 374
Кёргюрёк, р., совр. **Кюркюрек**, зап. приток Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 63; Körgürök I 95
Кёрё, р., басс. р. Кондома; Кемер. обл.: 205; Körö I 353
Кётюмалды, р., совр. **Кётмалды**, басс. оз. Иссык-Куль; Кирг. ССР: 13; Kötü-maldy I 14
Киан, р., басс. оз. Убсу-Нур; Тув. АССР и МНР: 436; Kian II 96
Кидисбазар, р., приток р. Курата; Горно-Алт. АО: 24, 28; Kidis Basar I 45, 51
Кикшугим; Новосиб. обл.: 116; Kikschugim I 423
Кимедыс; Самарк. обл. Узб. ССР: 575; Kimedys II 482
Киргизская степь, совр. **Казахстанская степь**; Каз. ССР: 73, 84, 249, 250, 258, 268, 274, 275, 279, 296, 298, 344, 415—418, 422, 426, 427, 429, 434, 454, 460; Kirgisen-Steppe I 105, 118, 409, 410, 420, 434; II 74, 75, 77, 82, 86, 94; Kirgisensteppe I 441, 521; II 73, 87, 88, 115, 121
Кисингир, р. басс. оз. Иссык-Куль; Кирг. ССР: 349; Kissingir I 528
Китай: 79, 95, 101, 107, 123, 124, 128, 130, 248, 344, 355, 440, 472, 489, 504, 515—517, 530; China I 113, 114, 215, 223, 230, 250, 252, 256, 260, 407, 522; II 101, 133, 173, 286, 287, 331, 333, 334, 349
Китау; Омская обл.: 119; Kitau I 246
Кичи-Шебис; Новосиб. обл.: 116; Kitschi Schäbis I 243
Киши-Угуй, ср. совр. Угуй; Новосиб. обл.: 117; Kischi Ugui I 243
Кия, р., лев. приток р. Чулым; Кемер. и Том. обл.: 10, 91, 416, 422, 459; Kija I 12, 210; II 75, 82, 119
Коаран, злтм., ср. совр. пос. Корон; Кемер. обл.: 55; Koaran I 84
Кобдо; МНР: 13, 127, 414, 415, 436; Kobdo I 14, 256; II 72, 95; Chobdo II 73
Кобдо, р., впадает в оз. Хара-Ус-Нур; МНР: 97—99, 415, 436; Kobdo I 218—220; II 96
Когуши, р., басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 519; Koguschi I 222; II 332, 335
Койбальская степная дума; Хак. АО: 88; Koibalische Steppengericht I 206
Койсу, р., басс. р. Чу; Кирг. ССР: 349; Koi-su I 529

Коканд; Ферг. обл. Узб. ССР: 101, 103, 106, 107, 248, 520, 521, 554, 559, 563, 565; Kokand I 223, 225, 230, 231, 407; II 337, 338, 449, 450, 461, 466, 468
Кокчетав, уезд; Каз. ССР: 341; Koktschetaw I 518
Кокша, р., лев. приток р. Бия; Горно-Алт. АО: 10; Kokscha I 11
Конгодой, см. Ангодай: 184; Kongodoi I 326
Кондома, р., лев. приток р. Томь; Кемер. обл.: 46, 54—56, 92, 94, 122, 185, 205—207, 209; Kondoma I 73, 83—85, 211, 214, 249, 328, 353, 355, 357
Кондор, р., совр. **Колдор**, басс. Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 62; Kondor I 94
Конрат, совр. **Кунград**; Самарк. обл. Узб. ССР: 559, 563; Kongrat II 461, 466
Кончак, р., басс. р. Лебедь; Горно-Алт. АО: 56; Kontschak I 85
Копал, (а также окр. и уезд), совр. **Капал**; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 10, 12, 73, 79—82, 84, 114, 268, 297, 298, 334, 342, 416, 418, 504; Kopal I 11, 13, 106, 113—116, 118, 240, 433, 465, 466, 508, 519; II 74, 77, 286
Копал, горы; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 78; Kopal-Berge I 111
Копалка, р., совр. **Капал**; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 79, 80; Kopalka I 113, 115
Копальские горы, см. горы Копал: 84; Kopalsche Berge I 118
Копальское плато; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 84; Kopal-Plateau I 118
Коргонские горы, совр. **Коргонский хребет**; Алт. кр.: 32; Korgongebirge I 55
Коргос, р., совр. **Хоргос**, прав. приток р. Или; Каз. ССР и КНР: 508, 528; Korgos II 291, 347
Коргос, разв., ср. совр. с. Хоргос; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 12, 508—511; Korgas I 14; Korgos II 291, 292, 294, 295
Коргош; Новосиб. обл.: 115; Korgosch I 241
Корзина, совр. **Корчино**; Алт. кр.: 70; Korsina I 102
Коротты, р., совр. **Курата**, лев. приток р. Урсул; Горно-Алт. АО: 24—27, 40; Korotty I 45, 46, 48, 66
Космалинск, совр. Касмала (?); Алт. кр.: 70; Kosmalinsk I 102
Космалинское озеро, в верховьях р. Касмала — лев. приток р. Обь (?); Алт. кр.: 70; Kasmalinsche See, Kosmalinsche See I 102
Косогол, оз., совр. **Хубсугул**; МНР: 97—99; Kossogol I 218—220
Коуншы; Самарк. обл. Узб. ССР: 560; Kounschy II 462
Коурдакская волость; Омская обл.: 119; Kourdakskaja Wolostj I 246
Коцугац; Новосиб. обл.: 117; Kotsugats I 243
Кочкорок, г.; на юго-вост. Горно-Алт. АО: 36; Kotschkorok I 60
Кошагач, совр. **Кош-Агач**; Горно-Алт. АО: 9, 13; Koschagatsch I 10, 14
Кошагач, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 38, 39; Kosho-Agatsch I 63, 64
Кошакурган; Самарк. обл. Узб. ССР: 536; Koscha Kurgan II 429
Кошдаба, (?); Горно-Алт. АО (?): 414; Kosch Daba II 72
Кошкаус; Самарк. или Бухар. обл. Узб. ССР: 104; Koschkaus I 227
Кошкёль, совр. **Кошкуль**; Новосиб. обл.: 116; Koschköl I 242
Кошрават, совр. **Кошрабад**; Самарк. обл. Узб. ССР: 12, 533, 558, 560; Koschrawat I 13; II 425, 460, 462
Красноярск; центр Красноярского края: 10, 410; Krasnojarsk I 11, 12; II 69
Красноярск, см. Кызылъяр: 48; Krasnojarsk I 76, 77
Крым, п-ов, Чёрное море; УССР: 429; Krimm II 88
Куакиа, р.; Джизак. обл. (?), Узб. ССР: 560; Kuakia II 463
Кузнецк, совр. **Новокузнецк**; Кемер. обл.: 9, 45—47, 56, 90, 186,193,198, 200, 222; Kusnetzk I 11, 72—74, 85, 208, 328, 336, 343, 346, 375
Кузнецкая тайга; Кемер. обл.: 90; Kusnetzker Taiga I 209
Кузнецкий Алатау, горы, совр. хр.; Кемер. обл. и Краснояр. кр.: 92, 94, 95, 410, 422, 440; Kusnetzkische Alatau I 211, 214, 216; II 69, 82, 101
Кузнецкий округ; Кемер. обл.: 95, 96, 128, 186; Kusnetzkische Kreis I 215, 216, 328; Kusnetzker Kreis I 257
Кузудеевский, совр. **Кузудеево**; Кемер. обл.: 185; Kusudejewskij I 328

Кулагаш, р., басс. оз. Кара-Холь; Тув. АССР: 486, 487; Kulagasch II 170, 179
Кулба, совр. Куляба (?); Новосиб. обл.: 117; Kulba I 243
Кулган; Новосиб. обл.: 116; Kulgan I 242
Кульджа, совр. **Кульджа (Инин)**; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 10, 76, 79, 101, 280, 504, 510, 511, 513, 514, 516, 517, 519—524, 526, 528, 530; Kuldsha I 11, 110, 113, 223, 446; II 286, 294, 295, 328, 330, 333—342, 344, 345, 347, 349
Куликова, совр. **Куликово**; Алт. кр.: 70; Kulikowa I 102
Кулма; Самарк. обл. (?), Узб. ССР: 560; Kulma II 463
Кулунда, р., впадает в оз. Кулундинское; Алт. кр.: 258, 261, 406, 417, 451, 452, 454; Kulunda I 420, 424; II 63, 75, 112, 113, 116
Кулундинская степь, совр. **Кулундинская равнина**; Каз. ССР и Алт. кр.: 10, 14, 71, 259, 416, 420; Kulundinische Steppe I 11, 421; Kulanda-Steppe I 32; Kulunda-Steppe I 104; II 75, 80
Кулундинское, оз., Алт. кр.: 116; Kulunda-See I 242
Кулцын; Новосиб. обл.: 117: Kultsyn I 243
Кумарык, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 534; Kumaryk II 425
Кумны, р., басс. р. Чульча; Горно-Алт. АО: 485, 486; Kumny II 169
Курай, р., прав. приток р. Кызылташ; Горно-Алт. АО: 37; Kurai I 61
Курайская степь; Горно-Алт. АО: 10, 37, 151, 156, 170; Kuraisteppe I 12; Kurai-steppe I 61, 62, 284, 290, 307
Курайские Альпы, см. Курайские горы: 39; Kuraischen Alpen I 64
Курайские горы, совр. **Курайский хребет**; Горно-Алт. АО: 37, 65; Kurai-Gebirge I 62, 97
Курапкай; Новосиб. обл.: 116; Kurapkai I 242
Курган; центр Курганской области: 121; Kurgan I 248
Курмыш; Новосиб. обл.: 117; Kurmysch I 243
Куртумова; Свердл. обл.: 121; Kurtumowa I 248
Куртумовское озеро; Свердл. обл.: 121; Kurtumowsche See I 248
Кутайкёль; Новосиб. обл.: 117; Kutai Köl I 243
Кушмурун, хр.; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 504, 505; Kusch-murun II 287
Кушук, р., совр. Кучук (?), басс. р. Обь; Алт. кр.: 70; Kuschuk I 102
Куяктанар, р., прав. приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Kujak-tanar I 62
Кыджы, р., приток р. Пызас; Кемер. обл.: 207; Kydshy I 355
Кыджыаалы; Кемер. обл.: 207; Kydshy āly I 355
Кызылагаш, р.; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 80; Kysyl-Agasch I 115
Кызылгаш; Омская обл.: 119; Kysylgasch I 246
Кызылдаш, р., совр. **Кызылташ**, прав. приток. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Kysyldasch I 62
Кызылкая; Кемер. обл.: 54, 204, 205; Kysyl Kaja I 83, 351, 352; kysyl-Kaja I 351
Кызылкыя, пикет; Семипалат. обл. Каз. ССР: 77; Kysyl Kyja I 111
Кызылмола; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Kysyl Mola I 106
Кызылотыру, прегр., на дороге вдоль р. Чуя; Горно-Алт. АО: 34; Kysyl Otyru I 57
Кызылская степная дума; Хак. АО: 222, 227; Kysylsche Steppengericht I 375, 382
Кызылская степь; Хак. АО: 222; Kysyl-Steppe I 375
Кызылская управа; Хак. АО: 412, 416; Kysylskaja-Uprawa II 70; Kysylsche Uprawa II 75
Кызылташ, р., приток р. Апшыякту (?); Горно-Алт. АО: 22; Kysyl-tasch I 42
Кызылъяр; Кемер. обл.: 201, 202; Kysyl-jar I 347, 438
Кызыр, ср. Казыр; Новосиб. обл.: 11, 453; Kysyr I 12; II 115
Кылычават, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 536; Kylytsch Awat II 248
Кыпчак-Янгыкурган, см. Янгыкурган: 535; Kyptschak Jangy Kurgan II 428
Кыргап, совр. **Кирган**; Омская обл.: 119; Kyrgap I 246

Кыргыс-Нор, оз., совр. **Хяргяс-Нур**; МНР: 100; Kyrgys Nor I 221
Кырказа; Самарк. обл. (?), Узб. ССР: 534; Kyrkasa II 425
Кырчык; Новосиб. обл.: 116; Kyrtschyk I 242
Кыскол. р., совр. **Коскол**, лев. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 23; Kyskol I 44
Кыяк, г., в верховье р. Чульча; Горно-Алт. АО: 483, 484; Kyjak II 166
Кюверли; Новосиб. обл.: 116; Küvärli I 242
Кюзебе; Новосиб. обл: 116; Küsäbä I 243
Кюзён; Горно-Алт. АО: 60, 214, 215; Küsön I 91, 364—366
Кюнгей, оз.; Кирг. ССР: 349; Küngäi I 528
Кюнремен, г.; Кирг. ССР: 349; Küngrämän I 529
Кюркечю, перепр., на р. Катунь; Горно-Алт. АО: 30, 146; Kör-kötschü I 53; Kür-ketschü I 277
Кюрмет, р., басс. оз. Иссык-Куль; Кирг. ССР: 349; Kürmet I 528
Кюрше; Новосиб. обл.: 117; Kürshä I 243
Кюрюкюй; Горно-Алт. АО: 214; Kürükü i I 364
Кютес; Новосиб. обл.: 116; Kütäs I 242
Кючюсегиртпек, прегр., на дороге вдоль р. Чуя; Горно-Алт. АО: 34; Kütschü Sägirtpäk I 58
Кючю-Улёгён, р., совр. **Кичю-Улегем**, прав. приток р. Урсул; Горно-Алт. АО: 28; Kütschü Ülögön I 50

Лазан, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 534; Lasan II 425
Лебедь, р., прав. приток р. Бия; Горно-Алт. АО: 9, 10, 14, 58—61, 92, 93, 210—212, 214; Lebed I 11, 32, 88—92, 211, 212, 359, 361, 362, 364
Лебелек-Ходжааул; Омская обл.: 119; Läbäläk Chodsha-aul I 246
Лена, р., впадает в море Лаптевых; Иркут. обл. и Як. АССР: 43; Lena I 70
Лепсинск, пикет, совр. с.; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 79,81; Lepsinsk I 111, 115
Лепсинская, ст-ца; Семипалат. обл. Каз. ССР: 76, 81; Lepsinkische Stanitza I 110; Lepsinskische Stanitza I 115
Лисвинка, р., совр. Листвяшка (?), лев. приток р. Бердь; Новосиб. обл.: 44; Liswinka I 71
Лювей; Новосиб. или Омская обл. (?): 117; Lüväi I 244
Лювейская управа; Омская или Новосиб. обл. (?): 117; Lübäiskaja Uprava I 244

Магиан, креп., ср. совр. с. Могиён; Ленинабад. обл. Тадж. ССР: 561; Magian II 463
Мадыр, р., совр. **Матур**, лев. приток р. Абакан; Хак. АО: 10, 91, 222; Madyr I 11, 210, 375
Майзас; Новосиб. обл.: 117; Maisas I 243
Майма; Горно-Алт. АО: 9, 42; Maima I 10, 68, 69
Майма, р., прав. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 9, 42, 128, 136, 180; Maima I 10, 69, 257, 267, 321
Макарьева, ср. совр. Макарьевка; Алт. кр.: 185; Makariewa I 328
Макарьевск, ср. Макарьева (?); Алт. кр.: 92, 214; Makariewsk I 211, 364
Малая Бухария, ист. обл. = Шестиградие: 101; Kleine Bucharei I 223
Малки-Аягуск, пикет; Семипалат. обл. Каз. ССР: 77; Malki Ajagysk I 111
Малый Бачат, р., одна из образующих р. Бачат; Кемер. обл.: kleine Batschat I 216
Малый Владимирский, совр. **Малая Владимировка**; Семипалат. обл. Каз. ССР: 72; Malyi Wladimirski I 104
Малый Ковы; Омская обл.: 119; Klein-Kowy I 246
Малый Улёгён, р., см. Кючю-Улёгён: 28; kleine Ülögön I 50
Малый Ульгемен, р., см. Кючю-Улёгён: 28, 29; Kleine Ulgemen I 50, 51
Мамонова, ст., совр. с. **Мамоново**; Новосиб. обл.: 43, 44; Mamonowa I 70

Мангаш, г.; на юго-вост. Горно-Алт. АО: 36; Mangasch I 60
Мангуцун; Новосиб. обл.: 117; Mangutsun I 243
Мангышлак, п-ов, вост. побережье Каспийского моря; Каз. ССР: 112; Mangyschlak I 237
Мандай, г.; Горно-Алт. АО: 26; Mangdai I 47
Мантыш; Новосиб. или Омская обл. (?): 117; Mantysch I 244
Мариинск; Кемер. обл.: 10, 92, 459, 478; Mariinsk I 12, 211; II 119, 120, 140
Медина; Саудовская Аравия: 327, 406; Medina I 501; II 64
Мейке, р.; Семипалат. обл. (?), Каз. ССР: 316; Mäike I 487
Мекка; Саудовская Аравия: 351, 406, 541, 542, 551; Mekka I 531; II 64, 435, 437, 445
Мексеева; Новосиб. обл.: 116; Meksejewa I 242
Мелике; Бухар. обл. (?), Узб. ССР: 104; Mälikä I 227
Мерке; Джамбул. обл. Каз. ССР: 12, 102, 105; Märkä I 13, 224; Merkä I 228
Мён, р., басс. оз. Кара-Холь; Тув. АССР: 486—488, 494, 501; Mon II 170—172, 180, 187
Мён, р., лев. приток р. Чибит; Горно-Алт. АО: 36; Mön I 60
Мёстюбулак, ?; Тув. АССР или МНР (?): 415; Möstü Bulak II 73
Мёштюйорык, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Möschtü-joryk I 62
Мин; Самарк. обл. (?), Узб. ССР: 534, 563; Ming II 426, 466
Минарык, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 536; Ming-aryk II 428
Минбазар; Самарк. обл. Узб. ССР: 539; Ming Basar II 432
Минусинск; Краснояр. кр.: 10, 429; Minussinsk I 11; II 88
Минусинский округ; Краснояр. кр.: 91, 227, 228; Minussinskische Kreis I 210, 382, 383
Митан; Самарк. обл. Узб. ССР: 535, 560; Mitan II 427, 462
Митанбазар, ср. Митан; Самарк. обл. Узб. ССР: 539; Mitan Basar II 433
Мозихи, совр. **Усть-Мозиха**; Алт. кр.: 70; Mosichi I 102
Монголия, страна: 130, 139, 151; Mongolei I 260, 269, 284
Монгольская степь; МНР: 434, 436, 477; Mongolen-Steppe II 95; Mongolensteppe II 139
Мончуй, р., басс. р. Кондома; Кемер. обл.: 205; Montschui I 353
Мормыш, совр. **Мормыши**; Алт. кр.: 71; Mormysch I 102
Мрас, р., совр. **Мрассу**, лев. приток р. Томь; Кемер. обл.: 9,10, 48—51, 53—56, 60, 61, 92, 94, 122, 200—205, 209, 210; Mrass I 10, 11, 76, 77, 79, 81—85, 91, 211, 213, 214, 249, 346, 348—351, 353, 357—359
Муйту, совр. **Мыюта**; Горно-Алт. АО: 20, 41, 42, 154, 182, 185; Muitu I 40, 68, 288, 323, 328
Муйту, р., совр. **Мыюта**, прав. приток р. Сема; Горно-Алт. АО: 21, 182, 185, 193; Muitu I 40, 323, 328, 336
Мулкар; Омская обл.: 119; Mulkar I 246
Мумынават; Самарк. обл. Узб. ССР: 534; Mumynawat II 425
Мунк; Новосиб. обл.: 116; Munk I 242
Мырзаарык, кан. Самарк. обл. Узб. ССР: 535; Myrsa-aryk II 427
Мырзарават, каравансарай; Сырдар. обл. Узб. ССР: 559; Myrsa Rawat II 461

Надеждинская, ст-ца, совр. гор. Иссык (?); Алма-Ат. обл. Каз. ССР: 10; Nadeschdinskaja I 11
Найманча; Самарк. обл. Узб. ССР: 535; Naimantscha II 428, 429
Накрут; Самарк. обл. Узб. ССР: 559, 560; Nakrut II 461
Нангинская волость; Тюм. обл.: 120; Nanginskaja Wolostj I 247
Нарин; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Narin I 224
Нарын, р., прав. приток р. Тес-Хем; Тув. АССР и МНР: 98; Naryn I 218
Нарын-Сымын, р., ср. Нарын; басс. оз. Убсу-Нур (?); МНР: 97; Naryn-Symun I 218
Нау; Ленинабад. обл. Тадж. ССР: 105, 559; Nau I 229; II 462

Науандак; Самарк. обл. Узб. ССР: 533; Nauandak II 425
Недорезова, совр. **Недорезово**; Кемер. обл.: 46; Nedoresowa I 73
Немегеч; Горно-Алт. АО: 213, 214; Nemegetsch I 363, 364
Нержин; Горно-Алт. АО: 212, 214; Närshin I 362; Närdshin I 364
Нижний Абакан, р., см. Абакан: 414; untere Abakan II 71
Нижний Зеравшан, р., см. Зеравшан: 535; niedere Serafschan II 427
Нижний Иртыш, р., см. Иртыш: 477; untere Irtisch II 139
Нижний Кушук, совр. Кучук (?); Алт. кр.: 70; Nishni Kuschuk I 101
Нижний Мрас, р., см. Мрас: 204; untere Mrass I 350
Нижний Текес, р., см. Текес: 512; untere Tekes II 328
Нижняя Катанда, р., см. Катанда: 442; untere Katanda II 104
Нижняя Катуня, р., см. Катуня: 414; untere Katunja II 72
Нижняя Кия, р., см. Кия: 92; untere Kija II 211
Никши; Новосиб. обл.: 116; Nikschi I 242
Нилка, р. (и окр.), совр. **Нилки**, басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 512, 516, 519; Nilka I 222; II 328, 332, 335
Ном; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Nom I 224
Нор-Зайсан, оз., совр. **Зайсан**; Семипалат. и Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР: 81, 477; Nor Saisan I 115; II 139
Нурата, (и бекство); Самарк. обл. Узб. ССР: 12, 560, 572, 574; Nurata I 13; II 462, 478, 481
Нурата, горы, совр. хр. **Нуратау**; Самарк. и Джизак. обл. Узб. ССР: 105, 558, 564; Nurata I 228; II 460, 467
Нуратанын-Тагы, горы, см. Нурата: 539; 558; Nuratanyng-Tagy II 433, 460
Нурпай, кап.; Самарк. обл. Узб. ССР: 536, 539, 555, 561, 563; Nurpai II 428, 429, 433, 450, 464, 466

Обская низменность; Зап. Сибирь: 43; Ob-Niederung I 70
Обь, р., впадает в Карское море; Зап. Сибирь: 14, 15, 17, 43, 70, 89, 115, 410, 417, 418, 422, 486; Ob I 32, 33, 36, 37, 70, 101, 102, 207, 241; II 68, 77, 82, 170; Obi II 76; Oby II 77
Одун, г., совр. Огутун (?); Кемер. обл.: 50, 51; Odung I 79
Озерки; Алт. кр.: 43; Oserki I 70
Озёк, р., совр. р. **Усек**, басс. р. Или; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 506, 507, 512; Ösök II 289—291, 328
Озин; Новосиб. обл.: 116; Ösin I 242
Ойор, р., совр. **Ойёр**, впадает в Телецкое оз. с сев.; Горно-Алт. АО: 62; Ojor I 93
Ока, р., впадает в Братское вдхр.; Бур. АССР и Иркут. обл.: 87; Oka I 205
Окату, р.; (?): 415; Okatu II 73
Оксол; Кемер. обл.: 193; Oksol I 336
Олатай, р. (и окр.), басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 519; Olatai I 222; II 332, 335
Олётю, р., прав. приток р. Кайырлык; Горно-Алт. АО: 27, 28; Ölötü I 49
Омск; центр совр. Омской обл.: 341; Omsk I 518
Омская губерния: 341; Omsker Gouwernement I 518
Омская область: 341; Omsker Distrikt (Omskaja Oblast) I 518
Омский почтовый трактат: 72; Omskische Poststrasse I 104
Омь, р., прав. приток р. Иртыш; Новосиб. и Омская обл.: 11, 117; Om I 12. 243, 244
Оргюльдёк, пикет; Семипалат. обл. Каз. ССР: 77; Örgüldök I 111
Оргюльдёк, хр.; Семипалат. обл. Каз. ССР: 77; Örgüldök I 110
Оренбург; центр совр. Оренбургской обл.: 112, 247; Orenburg I 237, 407
Оркойтыайры, р., басс. р. Курата (?); Горно-Алт. АО: 25; Orkoitty-airy I 46
Орск; Оренб. обл.: 275; Orsk I 441
Ортабулак; Самарк. обл. Узб. ССР: 533; Orta Bulak II 425

Ортачёль, степь; Самарк. обл. Узб. ССР: 560; Orta Tschöl II 462
Оруч, ср. совр. Ураш; Омская обл.: 119; Orutsch I 246
Орчонойдын-Богачы, пер., правобережье р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Ortschonoidyng Bogatschy I 61
Островo, совр. **Вострово**; Алт. кр.: 71; Ostrowo I 102
Откюштё; Горно-Алт. АО: 210; Ötküschtö I 359

Павловск; Алт. кр.: 70; Pawlowsk I 101
Павлодар, (и уезд); центр совр. Павлодарской обл. Каз. ССР: 11, 342, 417; Pawlodar I 12, 518; II 75
Пагычак; Горно-Алт. АО: 214; Pagytschak I 364
Пази; Горно-Алт. АО: 214; Pasi I 364
Пай; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Pai I 224
Палбы, см. Балбы: 200; Palby I 346
Паспагыл, совр. **Паспаул**; Горно-Алт. АО: 69, 222; Paspagyl I 101, 374
Паташ; Синьцзян-Уйг. АР: 102; Patasch I 224
Патеро, совр. **Батурово**; Алт. кр.: 70; Patero I 101
Патеро, р., басс. р. Обь; Алт. кр.: 70; Patero I 101
Пейшемби, (и бекство), совр. **Пайшанба**; Самарк. обл. Узб. ССР: 104, 534—536, 539, 556, 560, 572; Päischämbi I 227; Peischembi II 426; Peischämbi II 427, 428, 433, 452, 463, 478
Пекин; КНР: 128, 517; Peking I 256, 257; II 333
Пеле, г., совр. **Беле**, к вост. от Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 64; Pälä I 96
Пенджаб, ист. обл.; Индия, Пакистан: 554; Pendschab II 449
Пенджикенд, (и бекство), совр. **Пенджикент**; Ленинабад. обл. Тадж. ССР: 103, 534, 541, 561, 563, 572; Pendshikend I 225; Pentschikend II 425, 435, 463, 466, 478
Пернеш; Омская обл.: 119; Pernäsch I 246
Перовск (и окр.), совр. **Кзыл-Орда**, центр области; Каз. ССР: 113, 115; Perowsk I 238, 241
Петербург, совр. **Ленинград**: 126, 127, 421, 422, 427, 467; Petersburg I 254, 256; II 80—82, 87, 127
Петровка; Алт. кр.: 15; Petrowka I 33
Петропавловск; центр совр. Северо-Казахстанской обл. Каз. ССР: Peterpawlowsk I 433
Пиличи, р., басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 520; Pilitschi II 337
Пиштек (обычно — Пишпек; ошибка?), совр. **Фрунзе**; столица Кирг. ССР: 12; Pischtek I 13
Платова, совр. **Платово**; Алт. кр.: 42; Platowa I 68
Подабас, совр. **Подобас**; Кемер. обл.: 48; Podabas I 76
Подабас, р., совр. **Подобас**, лев. приток р. Томь; Кемер. обл.: 48; Podabas I 76
Поднивая; Новосиб. обл. (?): Podniwaija I 71
Праспельтеринде, совр. Усть-Мрасский (?); Кемер. обл.: 48, 200, 201; Praspältärindä I 76, 346; Pras-Pältärindä I 347
Протока, обиходное название, см. Безрукова: 48, 198, 200, 202; Protoka I 75, 343, 346, 348
Псас, р., совр. **Пызас**, лев. приток р. Мрассу; Кемер. обл.: 54, 92, 94, 205, 207; Psass I 83, 211, 212, 214, 353, 355
Пшат; Самарк. обл. Узб. ССР: 558, 560; Pschat II 460, 462
Пыша, р., совр. **Пыжа**, лев. приток р. Бия; Горно-Алт. АО: 10; Pyscha I 11
Пюрчюктюайры, р., приток р. Курата (?); Горно-Алт. АО: 25; Pürtschüktüairy I 46

Российская империя: 110; russische Reiche I 235
Россия: 12, 72, 79, 107, 119, 123, 248, 259, 267, 283, 341, 343, 344, 353, 355, 478, 489, 504, 554; Russland I 13, 104, 113, 231, 245, 422, 432, 450, 520, 522, 533; II 1, 140, 173, 286, 449

Русская Сибирь: 270; russische Sibirien I 436
Русский Туркестан: 102; russische Turkistan I 224
Рыбинск; Краснояр. кр.: 87; Ribinsk I 205

Сагайская степная дума; Хак. АО: 88; Sagaische Steppengericht I 206
Садакмынар, р., приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 34, 35; Sadakmynar I 57; Sadak-mynar I 58
Садакмынардын-Акпомы, прегр., на дороге вдоль р. Чуя; Горно-Алт. АО: 34; Sadak-mynardyng Ak-pōmy I 58
Сайконыш, р., басс. р. Чульча; Горно-Алт. АО: 484; Say Konysch II 167
Сайконышбажы, оз., в верховье р. Сайконыш; Горно-Алт. АО: 484; Sai konysch Bashy II 167
Сайлукем, хр., совр. **Сайлюгем**; Горно-Алт. АО: 32; Sailū Käm I 64
Сайлуырлаш, вдп., низвергается в р. Мён; Тув. АССР: 488; Sailū Yrlasch II 171
Сала; Тюм. обл.: 12; Sala I 12
Салаир; Кемер. обл.: 45, 192; Salair I 72, 336
Салаирские горы, совр. Салаирский кряж; Алт. кр., Новосиб. и Кемер. обл.: 9, 14, 44; Salair-Gebirge I 10; Salairgebirge I 32; Salairsche Gebirge I 70
Салджар, р., прав. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 9, 31, 32, 164; Saldschar I 10, 54, 55, 299
Салджарбажы, г., в верховье р. Салджар; Горно-Алт. АО: 32; Saldshar bashy I 55
Салджарская долина; Горно-Алт. АО: 31; Saldsharthal I 54
Салджарские горы, совр. хр. **Салджар**; Горно-Алт. АО: 32; Saldshargebirge I 55
Самарканд, (и бекство), центр совр. Самаркандской обл. Узб. ССР: 12, 103, 104, 534—536, 539, 541—543, 545, 547, 550, 551, 554—556, 559—562, 566, 571, 572, 574, 577; Samarkand I 13, 225, 227; II 425—429, 432, 433, 435—437, 439, 444, 445, 449, 450, 452, 461—465, 470, 477, 478, 480, 481, 485
Сангылтай; Тув. АССР: 98; Sangyltai I 219
Саравина; Алт. кр.: 70; Sarawina I 102
Сарай; Самарк. обл. Узб. ССР: 558, 560; Sarai II 460, 462, 463
Сарайкурган; Самарк. обл. Узб. ССР: 561; Sarai Kurgan II 463
Сараса; Алт. кр.: 19, 42; Sarassa I 38; Sarassu I 68
Сараса, р., прав. приток р. Каменка; Алт. кр.: 19; Sarassa I 39
Саргатская волость; Омская обл.: 119; Sargatskaja Wolostj I 246
Сардыма, р., прав. приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 36; Sardyma I 60
Сартлан; Новосиб. обл.: 116; Sartlan I 242
Сарыбалык; Новосиб.: 117; Sarybalyk I 244
Сарыбулак, пикет; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 81, 298; Sary Bulak I 115, 466
Сарыбулак, р.; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 81; Sary Bulak I 116
Сарыкёль, оз.; Алт. кр.: 71; Sary Köl I 103
Сарыозёк, оз.; между гор. Павлодар и оз. Чаны: 11, 417; Sary Ösök I 12; II 75
Сарысай, пер.; Самарк. обл. Узб. ССР: 560; Sary Sai II 463
Сарысу, р., приток р. Чульча; Горно-Алт. АО: 484; Sary-su II 166
Сасыккёль, оз., совр. **Сасыкколь**; Семипалат. и Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 10; Sassyk Köl I 11
Саускан; Тюм. обл.: 12; Sauskan I 12—13
Се, р., совр. Сея (?), приток р. Таштып; Хак. АО: 222, 229; Sē I 375, 384
Себе, пер., совр. **Семинский**; Горно-Алт. АО: 22; Sebe I 42
Себе, р., совр. **Сема**, лев. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 9, 20—22, 41, 182; Sebe I 10, 40—42, 67; Sebä I 323
Северная Азия: 355; nördliche Asien II 1
Северная Америка: 152; Nordamerika I 285

Северная Киргизская степь, совр. **Северо-Казахстанская степь**; Каз. ССР: 267, 273, 410, 477; nördliche Kirgisen-Steppe I 433; II 68; nördliche Kirgisensteppe I 440, II 139
Северная Россия: 217, 303; nördliche Russland I 368, 472
Северная Сибирь, см. Сибирь: 253; nördliche Sibirien I 414
Северный Алтай, см. Алтай: 92, 95, 150, 152, 360, 368, 454, 477; nördliche Altai I 211, 215, 283, 286; II 7, 17, 116, 139
Северный Китай, см. Китай: 101; Nord-China I 223
Северо-Алтайские горы, см. Алтай: 81; nördliche Altai-Gebirge I 116
Северо-Восточная Киргизская степь, совр. **Северо-Восточная Казахстанская степь**: 81; nördostliche Kirgisensteppe I 115
Северо-Восточный Алтай, см. Алтай: 92, 187; nordöstliche Altai I 211, 331
Сейке; Новосиб. или Омская обл. (?): 117; Säykä I 244
Селенга, р., приток оз. Байкал; МНР и Бур. АССР: 99; Selengga I 220
Семейтау (Семипалатинские горы); Семипалат. обл. Каз. ССР: 73; Semeitau (Semipalatinsker Gebirge) I 106
Семенова; Новосиб. обл.: 117; Semenova I 243
Семиверстова, совр. **Селиверстово**; Алт. кр.: 71; Semiwerstowa I 102
Семипалатинск, (а также окр. и уезд); центр совр. Семипалатинской обл. Каз. ССР: 10—12, 72—75, 79—81, 84, 267, 268, 275, 341, 342, 344, 414, 416, 417, 420, 504; Semipalatinsk I 11—13, 105—108, 114, 115, 118, 433, 441, 518, 521; II 72, 79, 286
Семипалатинская губерния; Каз. ССР: 73, 76, 342; Semipalatinskische Gouvernement I 106, 109; Semipalatinsker Gouvernement I 518
Семипалатинская область; Каз. ССР: 341; Semipalatinsker District (Semipalatinskaja Oblastj) I 519
Семипалатинский округ; Каз. ССР: 258, 408; Semipalatinskische Kreis I 420; Semipalatinskische Bezirk II 66
Семиречинская область; Каз. ССР: 76, 110, 114; Semiretschinskaja Oblastj I 234; 240; Sessiretsckinskaja Oblastj I 109
Сербент; Самарк. обл. Узб. ССР (?): 560; Serbent II 462
Сергиополь, (а также окр. и уезд), совр. **Аягуз**; Семипалат. обл. Каз. ССР: 10—12, 73—76, 79, 115, 253, 268, 342, 414, 416, 420, 434, 474; Sergiopol I 11, 13, 106—109, 240, 253, 433, 519; II 72, 74, 79, 95, 139
Сергиопольский, оазис; Каз. ССР: 81; Sergiopol I 115
Сеурюк; Самарк. обл. Узб. ССР (?): 560; Säürük II 463
Сёлёк, г., к вост. от Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 64; Sölök I 95
Сёрёлюой, впадина, у р. **Тыттуой**; Горно-Алт. АО: 35; Sörölü-oi I 59
Сибирь: 43, 45, 47, 99, 152, 191, 217, 355, 410, 417, 418, 430, 478, 480; Sibirien I 72, 75, 220, 285, 334, 368; II 1, 68, 76, 77, 89, 140, 142, 143
Сипке; Самарк. обл. Узб. ССР: 561; Sipkä II 463
Смоленск, совр. **Смоленское**; Алт. кр.: 18; Smolensk I 37
Сойонские горы, совр. **Саяны**; Южная Сибирь: 99, 355, 410, 421—423, 440, 471, 480, 496, 497; Sojonische Gebirge I 220; II 1, 69, 81, 82, 84, 101, 131, 142, 182
Сок, пикет, на реке Сок; Горно-Алт. АО: 9, 13, 127; Suok I 10, 14; Sök I 256
Сок, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 414; Sök II 72
Соколова, совр. **Соколово**; Кемер. обл.: 46; Sokolowa I 73
Соликам, совр. Соликамск (?); Перм. обл.: 417; Solikam II 76
Солкой; Кемер. обл.: 46, 122, 190, 192; Solkoi I 73, 249, 333, 335
Сорбель; Самарк. обл. (?), Узб. ССР: 560; Sor Bel II 463
Сору, р., приток р. Чульча; Горно-Алт. АО: 485; Soru II 168
Сосновая Гора, русское название пос. Тос; Кемер. обл.: 49; Sossnowaja Gora I 77
Софийская, ст-ца, совр. гор. Талгар (?); Алма-Ат. обл. Каз. ССР: 10; Sofiiskaja I 11
Спасская, злтм.; Кемер. обл.: 9, 55, 206; Spaski I 11, 353; Spasski I 83, 84

Спасский, совр. **Спасск**; Кемер. обл.: 55, 56; Spasski I 84, 85
Средний Абакан, р., см. Абакан: 454; mittlere Abakan II 116
Средний Енисей, р., см. Енисей: 440; mittlere Jenissei II 101
Средний Зеравшан, р., см. Зеравшан: 12, 247, 532, 535—537, 561, 572; mittlere Serafschan I 13, 406; II 416, 429, 464, 472; niedere Serafschan II 427
Средний Иртыш, р., см. Иртыш: 111, 463, 477; mittlere Irtisch I 235, 236; II 123; untere Irtisch II 139
Средний Тобол, р., см. Тобол: 249; mittlere Tobol I 409
Средний Урусул, р., см. Урусул: 9, 162; mittlere Urussul I 10, 297
Средняя Азия: 87, 100, 102, 129, 267, 285, 409, 477, 521, 528, 540—542, 554, 555, 561, 564, 566, 567, 569, 578; Mittelasien I 123, 222, 224, 258, 432, 453; II 67, 139, 338, 346, 433, 435, 436, 451, 464, 467, 470, 471, 474, 485, 486; Centralasien II 449
Средняя Катуня, р., см. Катуня: 156; mittlere Katunja I 290
Средняя Обь, р., см. Обь: 477; mittlere Ob II 139
Средняя Омь, р., см. Омь: 116; mittlere Om I 242
Средняя Тара, р., см. Тара: 117; mittlere Tara I 243
Средняя Чуя, р., см. Чуя: 128; mittlere Tschuja I 257
Станица, (?); Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 79; Stanitza I 113
Старая Крепость, пикет, к сев.-зап. от гор. Семипалатинск; Каз. ССР: 72, 73; Staraja Krepost I 104, 105
Стерлебаш, совр. **Стерлибашево**; Башк. АССР: 303; Sterlebasch I 472
Суенга, р., прав. приток р. Бердь; Новосиб. обл.: 44; Sujenga I 70
Суенга, ст., совр. с.; Новосиб. обл.: 43, 44; Sujenga I 70
Султур, р., приток р. Эрзин; Тув. АССР: 97; Sultur I 218
Сумулту, р., совр. **Сумульта**, прав. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 24, 156; Sumultu I 45; Symylty I 291
Сыбыргы; Кемер. обл.: 202; Sybyrgy I 348
Сыбыргы, р., басс. р. Мрассу; Кемер. обл.: 48, 49; Sybyrgy I 77
Сыр, р.; на зап. Каз. ССР (?): 112; Syr I 237
Сырдарьинская область, ср. с совр. областью Узб. ССР: 102, 105, 106, 110, 113; Syrdarjinskaja Oblastj I 224; Syr-Darinskaja Oblastj I 228, 229, 238; Syr Darjanskaja Oblastj I 234
Сырдарья, р., впадает в Аральское море; Тадж., Узб. и Каз. ССР: 249, 559, 562; Syr Darja I 409; II 461, 465
Сыркуван, ?; на зап. Каз. ССР (?): 112; Syr Kuvan I 237

Тава, ср. совр. Большая Тава, Усть-Тава и Тавинск; Омская обл.: 119; Tawa I 246
Тавсконтуская волость; Омская обл.: 119; Tawskontuskaja Wolostj I 246
Тадюлю, р., совр. **Тадилу (Таджилу)**, прав. приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Tadjulū I 61
Тайлан, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 534; Tailan II 426
Так; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Tak I 224
Талас; центр совр. Таласской обл. Кирг. ССР: 106; Talas I 230, 231
Талас, р.; Кирг. ССР и Джамбул. обл. Каз. ССР: 107; Talas I 231
Талду, р., лев. приток р. Урсул; Горно-Алт. АО: 25, 26; Taldū I 46—48
Талдуайры, р., басс. р. Курата (?); Горно-Алт. АО: 25; Taldū-airy I 46
Талицкие Альпы; юго-зап. Алт. кр.: 32; Talizkischen Alpen I 55
Талки, китайское название, см. Тарджи: 511; Talki II 292
Талмен, ст., совр. пгт **Тальменка**; Алт. кр.: 43; Talmen I 70
Танну, хр., см. Тапну-Ола: 97, 98; Tangnū I 218, 219
Танну-Ола, хр.; Тув. АССР: 89, 97; Tangnu-Ola I 207, 217; Tangnū Ola I 218
Тара; Омская обл.: 12, 120; Tara I 12, 247
Тара, р., прав. приток р. Иртыш; Новосиб. и Омская обл.: 116, 118, 477; Tara I 242, 245; II 139
Тара-Нарим, ср. Тара (?): 417; Tara-Narim II 76

Тарбагатай, хр.; Семипалат. и Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР: 10, 440, 442; Tarbagatai I 11; II 100, 103
Тарджи; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 511; Tardschi II 295
Таринский округ; Омская обл.: 118, 119; Tara-Kreis I 245, 246
Тарис-Термис, р., басс. р. Дэлгэр-Мурэн; Тув. АССР: 97; Taris-Termis I 218
Тарксыл, р., басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516; Tarksyl I 222; II 332
Тарлар-Бёргюмак, ср. совр. Бергамак; Омская обл.: 119; Tarlar Börgümak I 246
Тарлыкчын, ? ; Тув. АССР: 98; Tarlyktschyn I 219
Тартас; Новосиб. обл.: 116; Tartas I 242
Тартас, р., прав. приток р. Омь; Новосиб. обл.: 116; Tartas I 242
Таршамул; Новосиб. обл.: 116; Tarschamul I 243
Таслар; Омская обл.: 119; Taslar I 246
Тасмачы; Самарк. обл. (?), Узб. ССР: 575; Tasmatschy II 482
Татты; Самарк. обл. (?), Узб. ССР: 560; Tatty II 462
Ташар; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Taschar I 224
Ташкенд, (и окр.), совр. **Ташкент**; столица Узб. ССР: 12, 84, 101, 102, 105, 111, 112, 114, 115, 248, 265, 267, 297, 301, 343, 520, 554, 559, 563; Taschkend I 13, 118, 223, 224, 228, 235, 237—239, 241, 407, 430, 433, 465, 469, 521; II 337, 449, 450, 461, 462, 466
Ташт ; Горно-Алт. АО: 69, 222; Taschtū I 101; Taschtu I 374
Ташту, р., басс. р. Чульча; Горно-Алт. АО: 486; Taschtū II 169, 170
Таштуйыл, р., басс. р. Курата (?); Горно-Алт. АО: 25; Taschtū-jyl I 46
Таштып, р., лев. приток р. Абакан; Хак. АО: 10, 91, 222; Taschtyp I 11, 210, 375
Таякту, р., совр. **Туэкта**, лев. приток р. Урсул; Горно-Алт. АО: 25, 26; Tajaktū I 46—48
Таяш, ср. совр. **Таяс**; Кемер. обл.: 54, 205; Tajasch I 83, 353; Tagasch I 83
Текес, р., лев. приток р. Или; Алма-Ат. обл. Каз. ССР и Синьцзян-Уйг. АР КНР: 106, 513, 514; Tekes, I 230; II 328, 331
Телецкий хребет; Горно-Алт. АО: 55; Teletzkische Gebirge I 84
Телецкое озеро; Горно-Алт. АО: 9, 10, 14, 61—68, 93, 128, 186, 217, 219, 221, 359; Teletzkische See I 11, 32, 92—94, 96—99, 213, 257, 328, 368, 371, 374; II 7
Телингола, р., басс. оз. Убсу-Нур (?); МНР: 100; Telingola I 222
Тельгирморин, р., совр. **Дэлгэр-Мурэн**, одна из образующих р. Селенга; МНР: 97; Telgir Morin I 218
Темир; Новосиб. или Омская обл. (?): 117; Temir I 244
Темиркаук; Самарк. обл. (?); Узб. ССР: 560, 563; Temir Kauk II 463; Temir Kouk II 466
Темюрте; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Temürtä I 224
Тентек; Семипалат. обл. Каз. ССР: 76; Tentäk I 110
Теплоключинская, русское название, см. Арасан: 78; Tjeplo-Kljutschinskaja I 112
Теппиш; Омская обл.: 119; Teppisch I 246
Тербистабак; Самарк. обл. Узб. ССР: 536; Terbis Tabak II 428
Тереninская управа; Новосиб. обл.: 115; Tereninskaja Uprava I 241
Терешкина, совр. Терехино (?); Кемер. обл.: 46; Tereschkina I 73
Терскей, оз.; Кирг. ССР: 349; Terskei I 528
Тес, р., совр. Терс (?); Кирг. ССР: 349; Tess I 529
Тес, р., совр. **Тес-Хем**, впадает в оз. Убсу-Нур с вост.; Тув. АССР и МНР: 98; Tes I 219
Тёлю, р., приток р. Большая Чили; Горно-Алт. АО: 68; Tölü I 99
Тётё, г.; Горно-Алт. АО: 37, 170; Tötö I 61, 307
Тикенлик; Самарк. обл. Узб. ССР: 560; Tikänlik II 463
Тимакова; Кемер. обл.: 45; Timakowa I 73

Тимтаг; Самарк. обл. Узб. ССР: 558; Tim-Tag II 460
Тимтаг, г.; Самарк. обл. Узб. ССР: 560; Tim-Tag II 462
Тинди; Новосиб. обл.: 116; Tindi I 242
Тобол, р., лев. приток р. Иртыш; РСФСР и Каз. ССР: 111, 112, 118, 119, 249, 410, 418, 477; Tobol I 236, 237, 244, 246, 409; II 68, 77, 139
Тобольск; Тюм. обл.: 12, 119—121, 417; Tobolsk I 13, 246—248; II 76
Тобольская губерния: 118—121; Tobolsker Gouvernement I 244, 246, 248; Tobolskische Gouvernement I 246, 248
Тобольский округ: 118, 120; Tobolsker Kreis I 245, 247
Тоголоктёргюн, р., приток р. Курай; Горно-Алт. АО: 37; Togolok-törgün I 61
Тогул, р., басс. р. Лебедь; Горно-Алт. АО: 60, 210; Togul I 90, 359
Токмак, (и окр.); Кирг. ССР: 12, 13, 84, 85, 102, 110; Tokmak I 13, 14, 119, 120, 224, 234
Токмакский район; Кирг. ССР: 107; Tokmaksche District I 231
Токустара, кан. (и окр.); Синьцзян-Уйг. АР КНР: 512, 516, 517, 519, 523; Tokus-Tara II 328, 333, 334; 340; Tokus Tara II 335
Толгойок, р., басс. р. Катунь; Горно-Алт. АО: 23; Tolgojok I 92
Толой, р., совр. **Тулой**, прав. приток р. Бия; Горно-Алт. АО: 61; Toloi I 92
Толыш, р., совр. **Челюш**, впадает в Телецкое оз. с вост.; Горно-Алт. АО: 64; Tolysch I 96
Томск; центр совр. Томской обл.: 10, 45, 95, 127; Tomsk I 12, 72, 216, 255, 256
Томская губерния: 92; Tomskische Gouvernement I 211
Томская тайга; Том. обл.: 14; Tomskische Taiga I 32
Томь, р., и ав. приток р. Обь; Хак. АО, Кемер. и Том. обл.: 9, 46—48, 56, 60, 89, 90, 93, 94, 198, 200, 209, 217, 222, 477; Tom I 10, 73—76, 85, 91, 207, 208, 213, 214, 343, 346, 357, 358, 368, 375; II 139
Тонгошты, р. совр. **Тондошка**, прав. приток р. Бия; Горно-Алт. АО: 61; Tongoschty I 92
Тонгусарык, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 535; Tongus-aryk II 247
Торайгыр, совр. **Тору-Айгыр**; Иссык-Кул. обл. Кирг. ССР: 85; Tor-aigyr I 120
Тос, совр. **Тоз**; Кемер. обл.: 49, 203; Tos I 77; Tas I 350
Троицк; Челяб. обл.: 111; Troizk I 236
Туйкал, оз.; Кирг. ССР: 349; Tuikal I 528
Тункинская степь, совр. **Тункинская долина**; Бур. АССР: 99 tunkinische Step e I 220
Тункинский район; Бур. АССР: 88; tunkinische Gebiete I 206
Тунушская управа; Новосиб. обл.: 117; Tunuschskaja Uprava I 243
Тура, р., лев. прито р. Тобол; Свердл. и Тюм. обл.: 118; Tura I 24
Туран, ист. обл.; Средняя Азия: 102, 568; Turan I 22 ; II 467
Турашская управа; Новосиб. обл.: 116; Turaschskaja Uprava I 242
Тургай, р.; Куст. и Актюб. обл. Каз. ССР: 111; Turgai I 236
Туринск; Свердл. обл.: 121; Turinsk I 248
Туринский округ; Свердл., Тюм. и Кург. обл.: 121; Turinskische Kreis I 248
Туркестан, (а также ген.-губ. и окр.); Чимк. обл. Каз. ССР: 12, 102, 105, 106, 111—113; Turkestan I 13, 238; Türkistan I 224, 228, 229, 235, 238, 239
Турфан; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 515, 523; Turfan II 331, 341
Турция, гос-во: 567; Türkei II 471
Туяклы, р.; Самарк. обл. Узб. ССР: 535; Tujakly II 426
Тыткескен, р., лев. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 23; Tyt-Käskän I 44
Тыттукем, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Tyttü Käm I 62
Тыттуой, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 35; Tyttü-oi I 59
Тюб, совр. **Тюп**; Иссык-Кул. обл. Кирг. ССР: 85; Tüb I 120
Тюб, р., совр. **Тюп**, впадает в оз. Иссык-Куль с вост.; Кирг. ССР: 13, 85; Tüb I 14, 120
Тюкалинск; Омская обл.: 12; Tjukalinsk I 13

Тюменский округ; Тюм. область: 118—121; Tjumensche Kreis I 244, 248; Tjumener Kreis I 245, 246
Тюмень; центр совр. Тюменской обл.: 12, 118, 120, 121, 267; Tjumen I 13, 245, 247, 248, 433
Тюрген, р., басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР (?): 528; Türgän II 347
Тюрген, разв.; Синьцзян-Уйг. АР КНР (?): 12; Türgän I 14
Тюрегеш; Горно-Алт. АО: 212, 214; Türägäsch I 362, 364
Тюрсюн; Самарк. обл. Узб. ССР: 12, 559, 560; Türsün I 13; II 461; Türsun II 462
Тюрюк; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Türük I 224
Тюэтартар, р.; Самарк. обл. Узб. ССР: 534; Tüä-tartar II 426
Тянь-Шань, горн. сист.; Средн. и Центр. Азия: 90, 102, 106, 516; Thian-schan I 209, 224; II 333; Thian-schan I 230

Уба; Новосиб. обл.: 116; Uba I 242
Уба, совр. Убинское (?); Новосиб. обл.: 116; Uba I 242
Уба, оз., совр. **Убинское**; Новосиб. обл.: 11, 116, 453; Ubinskoje Osero I 12; Uba-See I 241; Ubinsche See II 115
Уба, р., прав. приток р. Иртыш; Алт. кр. и Семипалат. обл. Каз. ССР: 128; Uba I 257
Убаган, р., прав. приток р. Тобол; Куст. обл. Каз. ССР и Кург. обл.: 111; Ubagan I 236
Уватская волость; Тюм. обл.: 120; Uvatskaja Wolostj I 247
Уда, р., совр. **Чуна (Уда)**, басс. р. Ангара; Иркут. обл. и Краснояр. кр.: 87; Uda I 205
Уестюк; Самарк. обл. Узб. ССР: 560; Uestük II 463
Узунарга; Кемер. обл.: 204; Usunarga I 351
Уйгёнташ, г.; Алма-Ат. обл. Каз. ССР: 504; Uigön tasch II 286, 287
Уймон, р., басс. р. Катунь; Горно-Алт. АО: 155, 414, 474; Uimon I 290; II 72, 135
Уймонская степь; Горно-Алт. АО: 10, 37, 410, 416, 417, 437, 441, 442; Uimonsteppe I 12; II 68, 74; Uimon-Steppe I 61; II 75, 97, 103; Uimonsche Steppe II 103; Uimon'sche Steppe II 75
Уйттютерек, р., прав. приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 38; Uittü Täräk I 63
Улалу, совр. **Горно-Алтайск**; центр Горно-Алт. АО: 9, 10, 42, 63, 95, 180—182, 185, 186; Ulalu I 10, 11, 69, 94, 216, 321—323, 328
Улалу, р., приток р. Майма; Горно-Алт. АО: 180, 193; Ulalu I 321, 337
Улба, ? ; Горно-Алт. АО: 156; Ulba I 291
Улбас, р., совр. **Албас**, лев. приток р. Лебедь; Горно-Алт. АО: 58, 210; Ulbas I 88, 89, 359
Улёгён, р., см. Кючю-Улёгён и Ян-Улёгён: 9, 164; Ülögön I 10, 299
Улуапл; Кемер. обл.: 46, 122, 192; Ulu-Ail I 73; Ulu Aul I 249; Ulu Ail I 336
Улугусский, пикет; Семипалат. обл. Каз. ССР: 73; Ulugusski I 106
Улу-Кем, р., совр. **Улуг-Хем**, верхн. теч. р. Енисей; Тув. АССР: 99; Ulu Käm I 220
Улукёль, ?, в верховье р. Кия; Кемер. обл.: 459; Ulu-köl II 120
Улус; Самарк. обл. Узб. ССР: 561; Ulus II 463
Улуц, совр. Улуцк (?); Новосиб. обл.: 117; Uluts I 243
Улу-Шебис; Новосиб. обл.: 116; Ulu Schäbis I 243
Ульгемен, р., см. Кючю-Улёгён и Ян-Улёгён: 28, 29; Ülgemen I 50; Ulgemen I 51
Ульгеменский перевал, совр. пер. **Улегем**; Горно-Алт. АО: 29; Ulgemenski Perewal I 51
Ульгён, р., совр. **Уймень**, приток р. Сары-Кокша (?); Горно-Алт. АО: 69, 221; Ugön 101; Ülgön I 374
Умсер, р., совр. **Кумзир**, сев. приток Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 62; Umsär I 93

Упса, оз., см. Упса-Нор: 90, 100; Upsa-See I 209, 222
Упса-Нор, оз., совр. **Убсу-Нур**; Тув. АССР и МНР: 100; Upsa-Nor I 221
Ур, ср. совр. Ур-Бедари и Урск; Кемер. обл.: 122; Ur I 249
Ур, р., лев. приток р. Иня; Кемер. обл.: 9, 45, 187, 188, 190, 376; Ur I 11, 73, 330, 331, 333; II 26
Урал, горы, см. Уральские горы: 410, 415, 480; Ural II 68, 73, 143
Урал, р., впадает в Каспийское море; РСФСР и Каз. ССР: 112, 249; Ural I 237; Uralfluss I 49
Уральск; Каз. ССР: 112; Uralsk I 237
Уральские горы, на границе Европы и Азии: **111**; Ural-Gebirge I 235
Уратепе, совр. **Ура-Тюбе**; Ленинабад. обл. Тадж. ССР: 12, 102, 103, 105, 106, 559, 562; Ura-Täpä I 13, 224, 225, 229; II 462, 465
Ургё, р., ср. совр. Оргю; басс. Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 62; Ürgö I 93, 94
Ургут; Самарк. обл. Узб. ССР: 104, 534, 539, 561; Urgut I 227; II 425, 433, 463
Ургюль, совр. **ргуль**; Новосиб. обл.: 116; Ürgül I 242
рджар; Семипалат. обл. Каз. ССР: 10, 76, 81; Urdschar I 11, 115; Urdshar I 109
Урмалык, р., прав. приток р. Урсул; Горно-Алт. АО: 26; Urmalyk I 47
Урмитан, совр. **Урметан**; Ленинабад. обл. Тадж. ССР: 561; Urmitan II 463
Урусул, р., совр. **Урсул**, лев. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 9, 10, 13, 14, 18, 23, 25—28, 40, 128, 136, 151, 183, 414, 416; Urussul I 10, 12, 14, 32, 38, 44, 46—48, 50, 66, 257, 267, 284, 325; II 72, 75
Урюс-Карга у; Новосиб. обл.: 117; Ürüs Kargalu I 243
Усмарга; Кемер. обл.: 53; Usmarga I 81
Усть-Ишимское, совр. **Усть-Ишим**; Омская обл.: 12; Ust-Ischimskoje I 12
Усть-Каменогорск; центр совр. Усть-Каменогорской обл. Каз. ССР: 10, **11**, 463; Ust-Kamenogorsk I 12; II 123
Усть-Уйская крепость; Челяб. или Кург. обл. (?): 111; Ust-Uiskaja Krepost I 236
Усу, р., совр. **Уса**, прав. приток р. Томь; Кемер. обл.: 56; Ussu I 85
Уттюкая, р., лев. приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 35; Uttu Kaja I 58, 59
Утус, совр. Утузы (?); Омская обл.: 119; Utus I 246
Уфимская губерния; Башк. АССР: 303; Ufaer Gouvernement I 472
Ухум, креп.; Самарк. обл. Узб. ССР: 559, 560; Uchum II 461, 463
Уш, совр. **Ош**; Кирг. ССР (?): 515; Usch II 331
Уштамак; Омская обл.: 119; Usch-Tamak I 246
Уя, р., совр. **Уй**, лев. приток р. Тобол; РСФСР и Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР: 111; Uja I 236

Фыколка, совр. **Фыкалка**; Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР: 10; Fykolka I 12

Хабарова, совр. **Хабаровка**; Горно-Алт. АО: 28; Chabaroff I 50, 51
Ха-Кем (Хуа-Кем), р., совр. **Малый Енисей** (**Ка-Хем**), одна из образующих р. Енисей; Тув. АССР: 97; Cha Käm (Chua Käm) I 218
Хами, совр. **Хами** (**Кумул**); Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 102; Chami I 223, 224
Хан-Хухей, хр. , совр. **Ханхухийн-Ула**; МНР: 97; Chan-Chuchei I 218
Ханчарвагы; Самарк. или Бухар. обл. Узб. ССР: 104; Chantscharwagy I 227
Харазовка, совр. **Хайрюзовка**; Алт. кр.: 15; Charasowka I 33
Харалык, р., совр. Харалыг-Хем (?), басс. р. Тес-Хем; Тув. АССР: 98, Charalyk I 219
Хива; Хорезм. обл. Узб. ССР: 102, 104, 248; Chiwa I 224, 227, 407
Хишкёпюр, мост; Самарк. обл. Узб. ССР: 534, 539, 561; Chisch Köpür II 426, 432; Chisch-Köpür II 426, 464
Ходжаарык, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 536; Chodsha-aryk II 428

Ходженд, (а также окр. и р-н), совр. **Ленинабад**; Тадж. ССР: 12, 102, 103, 105, 106, 559, 562; Chodshend I 13, 224, 225, 229; Chodschend II 462, 465
Ходумтаг, г.; Самарк. обл. Узб. ССР: 539, 558, 560; Chodum-Tag II 433, 460, 462
Хонгошурук, ?; Тув. АССР или МНР: 415; Chongo Schuruk II 73
Хонокай, р. (и окр.), басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 517, 519; Konokai I 222; Chonokai II 332, 334, 335
Хоразм, ист. обл.; Хорезм. обл. Узб. ССР: 551; Chorasm II 445
Хотан: Синьцзян-Уйг. АР КНР: 515; Chotan II 331
Хотунтам; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Chotuntam I 224
Хошкола, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 535; Choschkola II 427
Хурма, совр. **Хурми**; Ленинабад. обл. Тадж. ССР: 561; Churma II 463

Цаганбургазун, р., совр. **Чаганбургазы**, одна из образующих р. Чуя; Горно-Алт. АО: 38, 39; Tsagan Burgasun I 63, 64
Царево-Александровская, элтм., см. Александровская: 9, 56, 59, 210; Zarewo Aleksandrowski I 11; Zarewo-Alexandrowski I 85; Zarewo-Alexandrowskische I 89; Zarewa Alexandrowsk I 359
Царево-Александровский, см. Александровский: 56, 58, 60; Zarewo-Alexandrowski I 85, 88, 90
Царево-Мариинск, элтм., ср. Мариинск: 56; Zarewo-Mariinsk I 85
Царево-Николаевская, элтм.; Кемер. обл. (?): 56; Zarewo-Nikolajewski I 85
Царево-Николаевский; Кемер. обл. (?): 56; Zarewo-Nikolajewski I 85
Цеко, ср. совр. Чекнаул; Новосиб. обл.: 117; Tsäkü I 243
Центральная Азия: 355, 480: Hochasie II 1, 143
Центральный Алтай, см. Алтай: 38; mittlere Altai I 63
Цурацун; Новосиб. обл.: 117; Tsuratsun I 243
Цюпле; Омская обл. (?): 119; Züplä I 246

Чаган, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Tschagan I 62
Чаганбельтпри; Горно-Алт. АО: 37; Tschagan Bältiri I 62
Чанская Слобода, ср. совр. Чаны; Новосиб. обл.: 417; Tschanski Schlabodde II 76
Чаны, оз.; Новосиб. обл.: 11, 417; Tschany I 12; II 75
Чапчыяк, р., приток р. Апшыякту (?); Горно-Алт. АО: 22; Tschaptschyjak I 42
Чарыш, р., лев. приток р. Обь; Алт. кр.: 128, 136; Tscharysch I 257, 267
Чаяк-Пакты, горы, на вост. от Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 64; Tschajak-Pakty I 95
Челей, ср. совр. Средний Челей; Кемер. обл.: 53, 203, 204; Tschelei I 81, 350, 351
Чемкенд, (и окр.), совр. **Чимкент**; центр Чимкентской обл. Каз. ССР: 12, 102, 105, 106, 111, 114; Tschemkend I 13, 224, 228, 229, 235, 239
Ченченек, р., ср. Чеченек; басс. Телецкого оз.; Горно-Алт. АО: 62; Tschentschenek I 94
Черги, совр. **Черга**; Горно-Алт. АО: 20, 42; Tschergi I 40, 68
Черги, р., совр. **Черга**, лев. приток р. Сема; Горно-Алт. АО: 20, 24; Tschergi I 40, 45
Чердат, р., совр. **Чедат**, лев. приток р. Кия; Кемер. обл.: 10, 92, 416, 417, 459, 479; Tscherdat I 12, 211; II 75, 119, 120, 141
Черновой Богучак, р., басс. р. Бия; Алт. кр.: 185; Tschernowoi Bogutschak I 328
Чёльчю, р., совр. **Чульча**, прав. приток р. Чулышман; Горно-Алт. АО: 482—486; Tschöltschü II 164—169
Чёльчюнин-Бажы, оз., в верховье р. Чульча; Горно-Алт. АО: 485; Tschöltschüning Bashy II 168
Чёрный Ануй; Алт. кр.: 185; Schwarze Anui I 328

Чёрный Иртыш, р., приток оз. Зайсан; Вост.-Казахст. обл. Каз. ССР: 112; Schwarze Irtisch I 236
Чёрный Юс, р., совр. **Чёрный Июс**, одна из образующих р. Чулым; Хак. АО: 91; Schwarze Jüs I 211
Чибекечю, бол.; Горно-Алт. АО: 36; Tschibä Ketschü I 60
Чибит, р., прав. приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 36, 164; **Tschibit** I 60, 30
Чибитютёргюп, р., приток р. Курай; Горно-Алт. АО: 37; Tschibitü-törgün I 61
Чикетаман, г.; Горно-Алт. АО: 29; Tschikä Taman I 51
Чилек, (и бекство), совр. **Челек**; Самарк. обл. Узб. ССР: 12, 103, 535, 539, 559, 560, 572; Tschiläk I 13, 225; II 427, 433, 461—463, 478
Чилик, р., лев. приток р. Или; Алма-Ат. обл. Каз. ССР: 10; Tschilik I 11
Чимбай; Самарк. обл. Узб. ССР: 536, 560; Tschimbai II 429, 462
Чимбайбазар, см. Чимбай: 539; Tschimbai Basar II 433
Чинас, (и креп.), совр. **Чиназ**; Ташк. обл. Узб. ССР: 12, 112, 559; Tchinas I 13, 238; II 461
Чингистау, горы, совр. хр. **Чингизтау**; Семипалат. обл. Каз. ССР: 74; Tschingistau I 107
Чипанова, совр. **Шипуново**; Алт. кр.: 70; Tschipanowa I 102
Чирчик, р., прав. приток р. Сырдарья; Узб. ССР: 105; Tschirtschik I 228
Чолым, р., совр. **Чулым**, прав. приток р. Обь; Красноярск. кр. и Том. обл.: 89, 206, 416, 455, 459, 477—480; Tscholym I 207, 353; II 75, 119, 139—142
Чолымская область: 92; Tscholym-Gebiete I 211
Чолышман, р., совр. **Чулышман**, впадает в Телецкое оз. с юга; Горно-Алт. АО: 9, 61, 64—67, 95, 128, 136, 196, 197, 215, 360, 481, 482, 488, 490, 502, 503; Tscholyschman I 11, 91, 96—98, 215, 257, 267, 341, 365; II 8, 163, 164, 172, 174, 189, 190
Чонская управа; Новосиб. обл.: 116; Tschonskaja Uprava I 241
Чопонаты, г.; Самарк. обл. Узб. ССР: 534—536, 561; Tschoponaty II 425, 428; Tschopanaty II 427, 464
Чубуркай, р., басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 519; Tschuburkai I 222; Tschulburkai II 332, 335
Чувалчикская волость; Тюм. обл.: 120; Tschuwaltschikskaja Wolostj I 247
Чугучак, совр. **Чугучак (Тачэн)**; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 76; Tschugutschak I 109
Чуйская степь; Горно-Алт. АО: 9, 13, 38, 39, 135, 146, 147, 151, 155, 156, 416; Tschujasteppe I 10, 14, 279; Tschuja-Steppe I 62, 64, 265, 277, 284, 290; II 75
Чулпаса, г.; Кирг. ССР: 349; Tschulpassa I 529
Чункартаг, г.; Самарк. обл. Узб. ССР: 534; Tschunkar-Tag II 426
Чуя, р., прав. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 9, 10, 13, 14, 26, 28, 32—40, 95, 128, 131, 133, 136, 138, 139, 151, 156, 164, 185, 414, 489; Tschuja I 10, 12, 14, 32, 48, 50, 55—57, 59—65, 215, 257, 261, 265, 267—269, 284, 290, 300, 327; II 72, 173
Чыбаш, совр. Чуванка (?); Кемер. обл.: 49; Tschybasch I 77
Чыргаргы, совр. Чаргары (?); Новосиб. обл.: 116; Tschyrgargy I 243
Чырлак, вдп., на р. Янгыскаин; Горно-Алт. АО: 35; Tschyrlak I 59
Чюльчё, р., совр. **Чульча**, прав. приток р. Чулышман; Горно-Алт. АО: 65; Tschültschö I 97, 98; Tschöltschü I 97
Чюэ; Самарк. обл. Узб. ССР: 558; Tschüä II 460

Шабалина, совр. **Шебалино**; Горно-Алт. АО: 21; Schabalina I 41
Шабин-Дабага, ? ; на границе Тув. АССР и Хак. АО: 79; Schabin Dabaga I 113
Шаболиха, ст., совр. с. **Шелаболиха**; Алт. кр.: 70; Schabolicha I 101
Шабык; Новосиб. обл.: 115; Schabyk I 241
Шагыр, совр. **Шагир**; Новосиб. обл.: 116; Schagyr I 242

Шаданк. форп., на р. Шадат (?) — лев. притоке р. Амыл; Краснояр. кр.: 99; Schadazk I 220
Шайдан, совр. **Ашт**; Ленинабад. обл. Тадж. ССР: 563; Schaidan II 466
Шакар; Омская обл.: 119; Schakar I 246
Шалу; Новосиб. обл.: 116; Schalu I 242
Шамал. р., басс. р. Катунь; Горно-Алт. АО: 185, 193; Schemal I 328; Schamal I 336
Шанды, совр. **Шанда**; Кемер. обл.: 46, 122, 192; Schandy I 73, 249, 335
Шардже. совр. **Чарджоу**; центр Чарджоуской обл. Туркм. ССР: 104; Schardschä I 227
Шарту; Кемер. обл.: 193; Schartu I 336
Шахи; Алт. кр.: 70; Schachi I 101
Шашакман, р., совр. **Шашикман**, лев. приток р. Урсул; Горно-Алт. АО: 26; Schaschakman I 48
Шейхларауд, волость; Бухар. обл. Узб. ССР (?): 119; Scheichlar-Aul I 245
Шестиградие, ист. обл., см. Алтышехер: 100, 101, 515, 516, 520, 526; Sechsstädte I 222—224; II 331, 332; Sechs-Städte II 337, 344
Шехрисебз, совр. **Шахрисаб**з; Кашкадар. обл. Узб. ССР: 104, 541, 561, 578; Schähri-Sebs I 227; II 435, 463, 485
Шиби; Новосиб. обл.: 116; Schibi I 242
Шибилик, р., прав. приток р. Сема; Горно-Алт. АО: 22; Schiblik I 42
Шибит. р., ср. Чибит: 485; Schibit II 168
Шиле. креп., на прав. берегу р. Чуя; Горно-Алт. АО: 36; Schibä I 61
Шили, р., совр. **Большая Чили**, впадает в Телецкое оз. с зап.; Горно-Алт. АО: 68; Schili I 99
Ширеташ, ? , правобережье р. Чуя; Горно-Алт. АО: 37; Schirätasch I 62
Ширинхотун; Самарк. обл. Узб. ССР: 561; Schirin Chotun II 463
Шмакова, ст., совр. пос. **Шмаковский**; Новосиб. обл.: 43; Schmakowa I 70
Шорзина, совр. Шарчино (?); Алт. кр.: 70; Schorsina I 102
Шоркудук; Самарк. обл. Узб. ССР: 560, 577; Schor Kuduk II 459, 462
Шу, р., совр. **Чу**; Каз. и Кирг. ССР: 12, 13, 84, 85, 102, 106, 107, 249, 260, 267, 349; Schu I 13, 14, 119, 224, 230, 231, 409, 423, 433, 529
Шубенка; Алт. кр.: 15; Schubenka I 33
Шулба, р., совр. **Шульба**, прав. приток р. Иртыш; Семипалат. обл. Каз. ССР: 136, 422; Schulba I 267; II 82
Шульгин Лог; Алт. кр.: 42; Schulgin Log I 42
Шуская волость, имеется в виду Шушенская волость; Краснояр. кр.: 429; Schuski Wolost II 88

Эдиль; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 102; Edil I 224
Эльдюкем, р., совр. **Эльдиг-Хем**, басс. р. Хемчик; Тув. АССР: 494; Äldükäm II 180
Эмба, р.; Актюб. и Гур. обл. Каз. ССР: 112; Emba I 237
Энгильген, г.; Горно-Алт. АО: 62; Ängilgän I 93
Эрзин, кар., совр. с.; Тув. АССР: 97; Ersin I 218
Эрзин, р., прав. приток р. Тес-Хем; Тув. АССР: 97; Ersin I 218
Эски-Угуй, ср. совр. Угуй; Новосиб. обл.: 117; Aski Ugui I 243
Эчкибажы, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 38; Etschki Bashy I 63
Эчкитуру, г., правобережье р. Чуя; Горно-Алт. АО: 36; Etschki Turu I 60

Юго-Восточный Алтай, см. Алтай: 183; südöstliche Altai I 325
Юго-Западный Алтай, см. Алтай: 441; südwestliche Altai II 103
Южная Россия: 409, 431, 461; Südrussland II 67; Süd-Russland II 91; südliche Russland II 122
Южная Сибирь, см. Сибирь: 87, 416, 417, 421, 436, 439—441, 461, 472, 478; Südsibirien I 205; II 74, 80, 99, 100, 103, 132, 140; sudliche Sibirien II 75, 122; Süd-Sibirien II 96

Южный Алтай, см. Алтай: 43, 152, 442, 451, 458, 460, 468, 471, 475; südliche Altai I 69, 285; II 103, 113, 119, 121, 129, 131, 136
Юртучак; Тюм. обл. (?): 12; Jurtutschak I 13
Юс, р., совр. **Июс**, см. Ак-Юс и Чёрный Юс: 90, 91, 222, 410, 416, 419, 420, 430, 431, 438, 471, 473, 474, 477; Jüs (=Üs) I 208; Jüs I 210, 375; II 69, 75, 79, 89, 90, 98, 131, 134, 138
Юсская степь, совр. **Июсская степь**; Хак. АО: 10, 88, 91, 92, 227, 412, 419, 431; Jüs-Steppe I 12, 206, 210, 211, 382; II 78, 91; Jüsstеppe II 70
Юстыт, р., одна из образующих р. Чуя; Горно-Алт. АО: 39; Jüs-tyt I 64

Ябискор, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 536; Jabiskor II 429
Ягыстай, р., басс. р. Или; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 101, 516, 519; Jagustai I 222; II 335; Jagystai II 332
Яйлагуш, р., прав. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 13, 24; Jelagusch I 14; Jailagusch I 45
Ялутровск, совр. **Ялуторовск**; Тюм. обл.: 12; Jalutrowsk I 13
Ялутровский округ; Тюм. обл.: 118, 120, 121; Jalutrowsche Kreis I 244, 248
Янаба, совр. Янабино (?); Новосиб. обл.: 117; Janaba I 244
Янбай; Самарк. обл. Узб. ССР: 535; Janbai II 427
Янгас; Ленинабад. обл. Тадж. ССР (?): 563; Jangas II 466
Янгыарык, кан.; Самарк. обл. Узб. ССР: 535; Jangy-aryk II 427
Янгыаул, волость; Бухар. обл. Узб. ССР (?): 119; Jangy-Aul I 245
Янгыдарья, ? ; на зап. Каз. ССР: 112; Jangy Darja I 237
Янгыкурган; Самарк. обл. (?), Узб. ССР: 12, 103, 535, 539, 560; Jangi-Kurgan I 13; Jangy Kurgan I 225; II 428, 433, 462, 463
Янгылды, совр. Энгельдинка (?); Новосиб. обл.: 116; Jangyldy I 242
Янгысагаш, р.; Талды-Кург. обл. Каз. ССР: 82; Jangys Agasch I 116
Янгыскаин, р., басс. р. Чуя; Горно-Алт. АО: 35; Jangys Kaing I 59
Ян-Коротты, р., совр. **Ян-Курата**, один из притоков р. Курата; Горно-Алт. АО: 24; Jan Korotty I 45
Янсегиртпек, прегр., на дороге вдоль р. Чуя; Горно-Алт. АО: 34; Jan Sägirtpäk I 58
Ян-Улёгён, р., совр. **Ян-Улегем**, лев. приток р. Катунь; Горно-Алт. АО: 29; Jan Ülögön I 51
Янын; Новосиб. обл.: 116; Janyng I 242
Ярбалык, р., прав. приток р. Чуя; Горно-Алт. АО: 35; Jarbalyk I 59
Яркенд, совр. **Яркенд (Шачэ)**; Синьцзян-Уйг. АР КНР: 100, 515, 530; Jarkänd I 222; II 331; Jarkent II 350
Ярки, р., приток р. Чулым (?); Новосиб. обл.: 115; Jarki I 241
Яркун; Новосиб. обл.: 117; Jarkun I 243
Ясаульские Юрты; Тюм. обл.: 120; Jasaulskije Jurten I 247
Яскалбинская волость; Тюм. обл.: 120; Jaskalbinskaja Wolostj I 247
Яштура, местное тюркское название гор. Бийск: 46; Jasch-tura I 74

Перечень географических названий, встречающихся в послесловии

Абакан, р., 649, 661, 671
Абаканская степь 670
Азия 641
Алтай 642, 643, 645—652, 657, 658, 665, 668—672, 674
Алтайская горная страна 653
Алтайские горы 670
Алтайский край 642
Амур, р., 642
Барабинская степь 670, 671
Барнаул 642, 643, 645, 650
Бачат, р., 644
Берельская степь 673
Берлин 640, 641, 643
Бийск 648
Бия, р., 675

Восточная Азия 669
Восточная Киргизская степь 652
Восточный Алтай 644
Восточный Казахстан 653

Галле 641
Германия 651

Дальний Восток 677
Джизак 679
Джунгария 645, 653

Европа 652
Енисей, р., 672

Западная Азия 667
Западная Монголия 674
Западная Сибирь 652, 657, 681
Западный Алтай 653
Западный Кита 675
Западный Саян 675
Зеравшан, р., 645, 649, 677—680
Зеравшанская долина 679

Или, р., 644, 649, 675, 676
Илийская долина 676, 677
Иссык-Куль, оз., 644, 645, 666

Йена 641

Кавказ 654
Казань 650, 651, 672
Казахстан 647, 650, 653, 668, 670, 671, 675, 681
Карабалгасун 673
Кара-Холь, оз., 644, 675
Катанда 670
Каттыкурган (Каттакурган) 679
Киргизская степь 670, 672
Китай 662, 675, 676
Кобдо 645, 674
Коксу, р., 675
Кузнецкий округ 642
Кулундинская степь 644, 653, 671
Кульджа 675, 676
Кульджинский край 675

Лебедь, р., 644
Лейпциг 651

Мариинский округ 672
Минусинская котловина 644, 656—658, 660, 661, 670, 671
Монголия 649, 653, 673, 674
Москва 670
Мрас-Су, р., 644

Петербург 642, 644, 650, 651

Российская Империя 647
Россия 640, 641, 645, 646, 648, 651, 652, 654, 656, 657, 662, 672, 674—676

Самарканд 645, 678, 680
Саяно-Алтай 661
Саянские горы 674
Саянский хребет 644
Северная Азия 649
Северная Сибирь 659
Сибирь 645, 647, 649—651, 653, 668—670, 672, 673
Среднеазиатское междуречье 677
Средний Зеравшан 677
Средняя Азия 645—647, 650, 653, 654, 668, 677, 679, 681

Телецкое озеро 644, 649, 675
Тере-Холь, оз., 673
Тува 644, 656, 673—675
Туркестан 680
Туякты 646

Улалу 643
Урсул, р., 643

Фергана 656

Центральная Азия 649, 669

Чимкент 645
Чу, р., 645
Чуйская степь 674
Чулышман, р., 644, 675
Чуя, р., 643

Юго-Западная Сибирь 681
Южная Сибирь 653, 657, 659, 660, 668, 669, 671, 674
Южный Казахстан 675

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

аба — род сагайцев 90
Aba I 208
аба — род шорцев 94
Aba I 214
аба см. абинцы
абак кирей, абак-киреи — подразделение казак-киргизов Средней орды, племени кирей 111, 112
Abak-Kiräi I 236
абалары см. абинцы
абдан — род казак-киргизов Большой орды 111
Abdan I 235
абдан — род казак-киргизов Средней орды, племени найман 111
Abdan I 235
абинцы, аба, абалары — народ 90, 94, *589*; см. также татары кузнецкие
Abinen I 208, 214
аб а — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Abla I 233
авары *615*
агыш — род казак-киргизов Средне орды, племени аргын 111
Agysch I 236
адай — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112, 287
Abai I 237, 456
аджу-зурмян — род хотонов *601*
азербайджанцы 247
Aderbedschanen I 406
айт кыстык — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Ait Kystyk I 236
ак чекмен, ак-чакман — подразделение узбеков племени кыркменюз, 104, *603*
Ak Tschekmen I 227
ак-бура — род казак-киргизов Средней орды, племени найман 111
Ak Bura I 236
ак-калпак (белые шапки) — одно из названий кара-киргизов 348

* Кроме собственно этнических названий указатель включает наименования макроэтнических общностей (угры, тунгусы и др.), а также генеалогических и локальных подразделений этносов, встречающиеся как в тексте источника, так и в Примечаниях и статье С. И. Вайнштейна.

Варианты наименований одного и того же народа даются большей частью при основном названии.

Самоназвания, даже если они тождественны официальному имени народа или его группы, выделяются отдельными статьями.

Толкования этнических названий, встречающихся в тексте источника, даются по Радлову и в ряде случаев расходятся с современными, что нашло отражение в комментариях С. И. Вайнштейна. Определение типов этнических общностей и их подразделений производится согласно терминологии, используемой Радловым: род (Geschlecht), племя (Stamm, Volksstamm), народ (Volk), группа, подразделение (Abtheilung, Gruppe). При этом следует иметь в виду некоторую условность как самого содержания этих терминов, так и использования их Радловым: одно и то же подразделение он определяет то как племя, то как род. Тем не менее приведение в указателе этих терминов дает возможность отразить типологическую и иерархическую соотнесенность этнических и этноструктурных общностей, упоминаемых в источнике.

Если термин упоминается только в Примечаниях и статье С. И. Вайнштейна, то его толкование дается согласно контексту. Страницы, относящиеся к Примечаниям и статье, в указателе выделены курсивом.

Страницы использования названий этнических подразделений не повторяются в статьях, фиксирующих употребление общего (родового) понятия.

Ak-Kalpak (Weiss-Hüte) I 527
ак-кештим см. ач-кештым
ак-кигиз — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Ak Kigis I 226
ак соян — род тувинцев *598*
ак-тумат — род телеутов 96
Ak-Tumat I 216
ак-чакман см. ак чекмен
ак-чубак — род кара-киргизов племени черик 107
Ak-Tschubak I 231
ак-чыз, ак-чыстар — род бельтиров 90
Ak Tsch s I 208
Ak Tschystar I 208
акы — род кызыльцев 91
Aky I 210
алаша — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112, 287
Alascha I 237, 456
алдан суан — подразделение казак-киргизов Большой орды 114
Aldan Suan I 240
алдаш — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Aldasch I 232
алджан — подразделение казак-киргизов Большой орды 111, 514
Aldshan I 236; II 330
алдияр — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Aldijar I 232
аллат — племя узбеков 104, 563
Allat I 227; II 466
алма-суан, алмасуан — подразделение узбеков племени кыркмен-юз, 104, *03*
Alma-Suan I 226
алмат — род теленгитов-чуйцев 96
Almat I 216, 217
алмачи — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Almatschi I 226
алта-кижи см. алтай-к жи
алтай — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Altai I 236
алтай-кижи, алта-кижи, собственно алтайцы — племя алтайцев 95, 123; см. также алтайцы
eigentlichen Altajer I 215
Alta-Kishi I 250
алтай-кижи (люди Алтая) — самоназвание одного из племен алтайцев 43, 95, *657*
Altai Kishi (Altai-Leute) I 69, 215
алтайцы* 20, 21, 27, 28, 30—34, 36, 43, 90, 93, 95—97, 122, 123, 126—133, 135—147, 149—157, 159, 162—165, 167—176, 179—180, 182—187, 190, 192—198, 202, 203, 209, 210, 214—216, 220—224, 226, 229, 253, 287, 288, 290, 294, 331, 335, 361, 368, 369, 372 376, 382, 397—400, 406, 472, 477, 490, 491, 493, *579—581*, *587*, *590*, *593*, *595*, *596*, *605*, *607*, *609*, *614*, *618—620*, *631*, *634*, *643*, *644*, *647—649*, *658*, *661*, *669*; см. также: калмыки алтайские, татары собственно алтайские
Altajer I 40, 41, 48—51, 53—58, 61, 69, 209, 212, 213, 215—217, 231, 249, 254—262, 265—269, 271, 272, 274, 275, 277—279, 281—288, 290—293, 297—301, 304—316, 320, 323—326, 328—332, 336—338, 340—342, 348, 349, 357—359, 365—367, 372, 373, 376—378, 381, 384, 414, 457, 462, 504, 510; II 10, 17, 21, 26, 34, 52, 53, 55, 56, 64, 132, 139, 175, 176, 178, 179
алтайцы — самоназвание одного из алтайских племен — алтай-кижи 128
Altajer I 257
алтайцы северные, черневые, таежные татары Северного Алтая 92, 94, *593*, *594*, *595*, *649*, *658*
Tataren I 214
Tataren des nördlichen Altai I 215
алтайцы южные *593*, *595*
алты-ата кёктёнгшю (шесть отцов Кёктёнгшю) — подразделение ка-

* В. В. Радлов употребляет этноним «алтайцы» как для обозначения одного из племен «алтайских татар»—алтай-кижи, так и в качестве общего названия группы алтайских племен (алтай-кижи, теленгитов, тёлёсов), которые, по его мнению, представляли некое этническое единство (Volkstamm). Так как в ряде случаев из контекста неясно, какое из значений этнонима «алтайцы» имеется в виду, в указателе не отражены его смысловые отличия.

зак-киргизов Большой орды, племени конграт 112
Alty-ata-Köktöngschü (sechs Vater Köktöngschü) I 237
алты-ата-кёктинг-улы (шесть сыновей отца Кёк) — подразделение казак-киргизов Средней орды, племени конграт 112
Alty-ata-Kökting-ulu (die sechs Sohne des Vater Kök) I 237
алты-сары — племя енисейских кыргызов *590*
алчын, алчин — племя казак-киргизов Малой орды 112, *615*
Altschyn, Alschyn — I 237
алшын — род казак-киргизов Малой орды 112
Alschyn I 237
анг — род телеутов — ач-кештымов 96, *596*
Ang I 216
ара — род алтайцев (алтай-кижи) 96 97, 129, *587*
Ara I 216, 217, 258
ара — род качинцев 89, *587*
Ara I 207
ара см. аринцы
арабы *563*
аргун — род казак-киргизов Средней орды 408
Argun II 66
аргын — род кызыльцев 91
Argyn I 210
аргын, аргыны — подразделение (племя) казак-киргизов Средней орды 91, 111—114, 406, *61*
Argyn I 210, 236, 237, 239; II 64
аринцы (древние), арины — народ 89, 91, 92, 97, 129, 439, 440, 480, *587*, *628*
Arinen I 207, 209—211; II 100, 101
alten Arinen I 217, 258; II 142
артьи — род койбалов 90
Artjy I 209
арык — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Aryk I 232
арык — подразделение узбеков племени кыркмеп-юз 104, *603*
Aryk I 227
арык тукум — род кара-киргизов племени бугу 107
Aryk Tukum I 230
асан-тукум — род кара-киргизов племени бугу 107
Assan Tukum I 230
аскалы — род кара-киргизов племени чон багыш 107
Askaly I 231
ассаны — народ 439, 440, *628*
Assanen II 100, 101
ассык — подразделение (племя, род) кара-киргизов племени сары-багыш 107, 109, 110
Assyk I 231, 233, 234
ассык — род кара-киргизов племени солту 107
Assyk I 231
аталык-матай — подразделение казак-киргизов Средней орды 114
Atalyk Matai I 240
атыгай — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Atygai I 236
афганцы 556, 573
ач кештым — род оседлых татар Кузнецкого Алатау 94
Atsch Keschtim I 214
ач-кештым, ач-кештымы, ак-кештим, ачкештимы — подразделение телеутов 95, 96, 185, 188, 190, 191, *596*
Atsch Keschtim I 216, 331, 333, 335
Atschkeschtimen I 328
ачын — род оседлых татар Кузнецкого Алатау 94
Atschyn I 214
ачын большой — род кызыльцев 91
grosse Atschyn I 210
ачын малый — род кызыльцев 91
kleine Atschyn I 210
аюке — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Ajukä I 233
аялы — род тарских татар 119
Ajaly I 245

баганалы — род казак-киргизов Средней орды, племени найман 111, 320
Baganaly I 236, 494
багыш — род кара-киргизов 110
Bagysch I 234
безентин — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын; племя 111, 40
Basäntin I 236
Bassentin II 65
бай, байгадо, байгодо — род койбалов 90, 99, *590*
Bäi I 220; Baigado (? Bai) I 209
бай джигит — род казак-киргизов

Средней орды, племени кирей 112
Bai Dshigit I 237
бай кючюк — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Bai Kütschük I 233
бай-бакты — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112
Bai-bakty I 237
бй-улы — подразделение казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112
Bai-uly I 237
бай-чубак — род кара-киргизов племени черик 107
Bai-Tschubak I 231
байаут, баяут — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Bajaut I 237
байгадо см. бай
байгара, байгыр — род тувинцев *598, 599*
байлагас — род алтайцев *596*
байлагас — род тубаларов *594*
баймаклы — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Baimakly I 226
баки мешей, баки-месчаи — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Baki Mäschäi I 226
балгалы, белгалы — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Balgaly I 226
балгалы (имеющие молотки) — подразделение узбеков племени кытай-кыпчак 103
Balgaly (mit Hämmern versehenen) I 225
балык — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Balyk I 233
балыкчи — род тувинцев *598*
бана — подразделение кара-киргизов племени бугу 107, 108
Bana I 230, 232
бар-сойат — род шорцев 94
Bar-Sojat I 214
бараба — род барабинских татар 116
Baraba I 242
бараба — самоназвание барабинских татар *605*
барабинцы см. татары барабинские
бас-тамгалы — подразделение казак-киргизов Большой орды 114
Bas-tamgaly I 239
бассагар — род кызыльцев 91
Bassagar I 210
баташ — племя узбеков 104, *563*
Batasch I 228; II 466
бахтияр — подразделение казак-киргизов Малой орды 113
Bachtijar I 239
баш кюрель — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Basch Küräl I 233
башкаус-кижи (люди с Башкауса) — самоназвание группы теленгитов 128
Baschkaus-Kishi (Baschkaus-Leute) I 257
башкиры — *654*
баян — род оседлых татар Кузнецкого Алатау 94
Bajan I 214
баяты — подразделение западных монголов — ойратов *607*
баяут — род тувинцев *598*
баяут см. байаут
беглер тюпи, бекля-тупи — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Bäglär Tupi I 227
бедуины — 249, *667*
Beduinen I 408
бекля-тупи см. беглер тюпи
белек — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Belek I 232
белгалы см. балгалы
бельтир, бельтиры — племя абаканских татар 89—91, 440, *589, 609, 618*
Beltir I 208
Beltiren I 208—210; II 101
бес-тамгалы — подразделение казак-киргизов Большой орды 113
Bäs-tamgaly I 239
бехрин — племя узбеков 104, *563*
Bährin I 227; II 466
беш берен — род кара-киргизов группы сол 107, *616*
Besch Berän I 231
беш бояк — род шорцев 94
Bäsch Bojak I 214
беш-кой, беш-куи — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Bäsch-koi I 226
беш-тенг-бала (пять одинаковых детей) — подразделение казак-киргизов Большой орды 111, *605*

Besch-täng-bala (die fünf gleichen Kinder) I 236
беш юс, беш юз — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Bäsch Jus I 227
бешкел, бешкель — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Bäschkäl I 227
бёгёдьи — род койбалов 90
Bögödji I 209
бёгёшёлю, бюгёшюлю, богадшэли — род туркменов племени уйсюн 105, *604*
Bögöschölu I 228
биле или гелочи, била или элочжи — племя, упоминаемое в китайских хрониках 439, 480, *627*
Bilä oder Gelotschi II 99, 100; Gelotschi II 99, 100, 142
биран-садак см. борун садак
богадшэли см. бёгёшёлю
богоджи — род коибалов *590*
богожы — род карагасов 88
Bogoshy I 205
бор (печень) — подразделение каракиргизов племени бугу 107, 109
Bör (Leber) I 230, 233
борун садак, биран садак — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 193, *603*
Borun Sadak I 226
боршы карпак — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Borschy Karpak I 236
босун — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Bosun I 236
ботпай — подразделение казак-киргизов Большой орды 114
Botpai I 239
бугу (олень) — племя (род) каракиргизов группы онг 85, 106—108, 110, 316, 348, 349, 354, 514, 515, *616*
Bugu (Hirsch) I 119, 230, 232, 234, 235, 488, 526, 528, 529, 534; II 331
булат — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 110
Bulat I 234
булатты — род казак-киргизов Средней орды, племени найман 111
Bulatty I 236
бултун, бултан — род казак-киргизов Средней орды, племени кыпчак 111, *605*
Bultun I 236
бура — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Bura I 233
бурджеген см. бюрджеген
буркут — племя узбеков 104, *604*
Burkut I 227
бурут, буруты — монгольское название кара-киргизов 96, 106, 514, *583*
Burut I 230
Buruten I 217; II 514
бурут — род хотонов *601*
буряты 87, 88, 99, 355, *589*, *581*, *588*, *614*, *618*, *619*
Burjäten I 205
Burjäten I 205, 220; II 1
бусерман — самоназвание группы сартов 100
Busserman I 222
бухарлык, сарты, узбеки — самоназвание бухарцев Западной Сибири *605*
бухарцы — группа среднеазиатских татар 79, 118, 526, 573, *580*
Bucharen I 114, 244; II 344, 480
бухары, бухарцы, татары бухарские, сарт, сарты — подразделение сибирских татар 118—120, *605*, *606*
Buchary I 245
Bucharen I 246, 248
Sart I 245—247
бучман — подразделение кара киргизов племени сары-багыш 109
Butschman I 233
бюгёшюлю см. бёгёшёлю
бюрджеген, бурджеген — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Bürdshegen I 227
бюркют — род сойонов 98
Bürküt I 219
бюршю — род казак-киргизов Малой орды 287
Bürschü I 456

гальча см. таджики горные
гафир, гафур — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Gafir I 227
гелочи см. биле
германцы — 480
Germanen II 143
гиреи — племя казак-киргизов Средней орды *615*

гурта-сойоны, или эджен-сойоны,— самоназвание группы сойонов 98
Gurta- oder Edshen-Sojonen I 219
греки древние — 153, 354, 567
Griechen I 287, 534; II 471

давлой см. даулай
дагуры см. дауры
даулай, давлой — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Daulai I 227
дауры, дагуры — 524, 526, 528, 529, *580*, *635*, *677*
Daurier II 341, 344, 346, 348, 349
двоеданы, двоеданцы — одно из названий телецгитов и тёлёсов 33, 34, 36, 64, 95, 123, 127—131, 133, 135, 136, 139, 171, 489—491, 502, *582*, *595*, *606*
Dwojedaner I 56, 57, 60, 96, 215, 250, 251, 256—261, 265, 267, 269, 309
Dwojedanzi I 215, 250
дербет — род тувинцев *599*
дёлёс — род кара-киргизов племени бугу 107
Dölös I 230
дёлёс — род кара-киргизов племени едигена 107
Dölös I 231
дёлёс — род кара-киргизов племени сары-багыш 107
Dölös I 231
дёрт кара — род казак-киргизов Малой орды 287
Dört Kara I 456
джагалбай, джагалбайлы — род (племя) казак-киргизов Малой орды 112, 287, 407
Dshagalbay I 237
Dschagalbai II 64
Dshagalbaily I 238, 456
джагалбайлы — род оседлых татар Средней Азии, племени курама 102
Dchagalbaily I 225
джадык — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112
Dshadyk I 236
джаланр — племя монголов *604*
джаланр — подразделение казак-киргизов Большой орды 114
Dshalair I 240
джаланр — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Dshalair I 226
джаланр — род оседлых татар Средней Азии, племени курама 102
Dschalair I 225
джаланр шаппас — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Dschalair Schappas I 236
джамыс — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Dshanys I 236
джангы-улы — подразделение казак-киргизов Средней орды 115
Dshangy-uly I 240
джангыс — подразделение казак-киргизов Большой орды 114
Dshangys I 239
джанджар — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Dshandshar I 236
джантай — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Dshantai I 233
джантыкай — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112
Dshantykai I 236
джаппас — подразделение (род) казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112, 113, 287
Dshappas I 237, 239, 456
джез табан (медная подошва) — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112
Dshäs Taban (Kupfer Sohle) I 236
джети-ру — подразделение казак-киргизов Большой орды 113
Dsheti-ru I 239
джети-сары — племя енисейских кыргызов *590*
джетти-ури — подразделение казак-киргизов Малой орды 112
Dshätti-uri I 237
джунгары — племя западных монголов *581*, *588*, *591*, *600*, *656*
джуппар — род хотонов *601*
динлины — народ, упоминаемый в китайских хрониках *628*
долганс — *617*
донгкур — род сойонов 98
Dongkur I 219
дубо, ду-бо, туба — народ, упоминаемый в китайских хрониках 89, 93, 97, 215, 439, 440; *583*, *588*, *594*, *627*, *654*, *655*
Dubo I 207, 218, 366; II 99—101
Du-bo I 213
дубо см. сойоны
дулат чапрашты — подразделение казак-киргизов Большой орды 114

Dulat Tschapraschty I 240
дулаты — подразделение казак-киргизов Большой орды 114
Dulaty I 240
дунгане, дунганы 101, 518, 526, *677*
Dungenen I 223
Dungan II 345
дьети-сары — род алтайцев (алтай-кижи) *596*
дьеты сары — род тубаларов *594*
дьуты (чооты) см. юты (кумандинцы)
дюрт карын — подразделение казак-киргизов Малой орды 113
Dürt-Karyn I 238
дәрбэты см. тюрбёты

евреи — 432, 552—554, 556, 571, *636*, *637*, *679*
Juden II 92, 446—449, 477
едигена — племя кара-киргизов группы онг 107
Edigäna I 231
езентемир — подразделение казак-киргизов Малой орды 113
Esäntämir I 239
енисейцы — народ бронзового и железного веков 94, 439, 440, 454, 477—480, *628*
Jenissejer I 213; II 100; 101, 116, 139, 142, 143
енисейцы см. остяки енисейские
еуштинцы — группа томских татар *579*, *605*
ечиг, ичиг (ичиге) — род сагайцев 90, *588*
Etschig I 208

жедгиру — племя казахов Малой орды *615*
жуан-жуаны — народ, упоминаемый в китайских хрониках 439
Shuan-Shuan II 99

захахлы — род казак-киргизов Малой орды 287
Sahakly I 455
захчины — подразделение западных монголов-ойратов *607*

изенгуль — род казак-киргизов Средней орды, племени найман 111
Isengul I 236
изенгюль — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109, 110
Isängül I, 233, 234
изентемир — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112
Isen-temir I 237
ильбя — род хотонов *601*
индусы 554
Indier II 449
иранцы, иран см. персы
ирге — род карагасов 88
Irgä I 205
ирге — род койбалов 90
Irgä I 209
ирге-хаш (ирге-хааш) — род тофаларов *585*
иргит, иргиты — род сагайцев 90, *588*, *589*
Irgit I 208
иргит см. ыркыт
иркит см. ыргыт
итальянцы — 409
Italiener II 67
ители — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112
Itäli I 236
итенгмен — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112
Itängmän I 236
ичиг (ичиге) см. ечиг
иш-кулы, иш-кули — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, *603* Isch-Kuly I 226
ишимцы (ишимские) — группа русских в верхнем течении Оби 417
Ischimzi, Ischimschen II 76
ишпек — род тобольских татар 120
Ischtek I 247
ишпеки — татарское название остяков 120
Ischtäk I 247

йедигер — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Jädigär I 233
йелден — подразделение кара-киргизов племени бугу 107, 108
Jäldän I 230, 233
йерлик (местные жители) — общее самоназвание среднеазиатских татар хами и таранчей 101, 515
Järlik I 223
Järlik (Einheimische) II 331
йетиген — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 107, 109
Jetigän I 231, 233
йетиген — род кара-киргизов группы сол 107, *616*
Jetigän I 231
йетиген — род кара-киргизов племени солту 107

Jetigen I 231
йобур чыгал, йобур, ябыр — род черневых татар племени тиргеш 93, 594
Jobur Tschygal I 213
йокты см. тйода
йыдак — род теленгитов-чуйцев 96
Jydak I 216
йыттас, йытту ас (вонючий горностай) — род теленгитов-чуйцев 96
Jyttas, jittū-as (riechender Hermelin) I 216
йыш-кижи (люди черного леса) — см. татары черневые

каба — род кара-киргизов племени бугу 107
Kaba I 230
каба — род кара-киргизов племени едигена 107
Kaba I 231
каба — род кара-киргизов племени сары-багыш 107
Kaba I 231
казайаглы — род туркменов 105
Kasaiagly I 228
кайбалы см. койбалы
кайдынг — род койбалов 90, 99
Kaidyng I 209, 220
кайсаки, см. казак-киргизы
казак, казаки — самоназвание казак-киргизов 110, *579*, *580*
Kasak I 235
казак-киргизы, казах-киргизы, киргиз-кайсаки, киргиз-казахи, кайсаки, казаки 19, 71—80, 87, 91, 95, 102—103, 105—107, 110, 111, 122, 145, 163, 170, 194, 195, 247—262, 264, 265, 267—273, 275, 276, 278, 280—284, 286—295, 297—307, 313, 314, 320, 323, 327, 330—345, 347—349, 352—354, 359, 402—406, 417, 431, 436, 470, 472—474, 493, 504—507, 509, 512—514, 530—531, 538, 552, 559, 564—568, 571, 578, *579*, *580*, *582*, *583*, *592*, *596*, *599*, *602*, *604*, *605*, *610—616*, *618*, *620*, *621*, *624*, *627*, *632*, *634*, *644*, *645*, *649*, *653*, *661—663*, *665—667*, *669*, *676*
Cosaken II 76
Kasak I 225, 226, 228, 230, 231, 249, 410, 526, 529, 532—534
Kasak-Kirgisen I 122, 210, 215, 219, 406, 407, 409, 410, 470, 515, 523, 526, 533, 534; II 59, 130
Kasakkirgisen I 519
Kirgis-Kosacken II 277
Kirgisen I 38, 103—105, 107—114, 118, 210, 297, 307, 311, 407, 409—425, 428—430, 432—435, 437—442, 445—452, 455—463, 465, 466, 468—476, 484, 485, 487, 493, 496, 501, 504—513, 515, 517—521, 525—528; II 7, 59—61, 63, 90, 96, 132—135, 179, 286—290, 293, 328, 330, 349, 351, 431, 447, 461, 467, 469—473, 477, 485.
казаки см. казак-киргизы
казахи см. казак-киргизы
калканам — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Kalkanam I 236
каллар — род абаканских татар племени таяс 90
Kallar I 208
калмак — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Kalmak I 239
калмак — род кызыльцев 91
Kalmak I 210
калмак — самоназвание группы телеутов 91, *579*, *605*
Kalmak I 210
калмак — одно из самоназваний алтайцев 123, *657*
Kalmak I 251
калмаки — подразделение томских татар *579*, *605*
калмыки, ойрёты, ойроты, ойраты, калмыки черные, халмик — группа племен западных монголов 84, 95, 96, 99, 100, 340, 349, 351, 352, 417, 418, 504, 509, 512—515, 520, 524, 526, *580*, *581*, *607*, *624*, *676*
Calmüchen II 76
Chalmik I 282
Kalmüchen I 217, 221, 529, 532; II 286, 293, 327—331, 336, 341, 344
Oirot I 530—532;
Öiröt I 215
калмыки алтайские, белые, горные, порубежные — русское название алтайцев 14, 16, 21, 26, 27, 34, 35, 40, 42, 90, 95, 122, 123, 125—127, 148, 149, 151, 163, 164, 171, 173, 174, 183, 184, 251, 313, 314, 348, 355, 364, 483, 500, *581*, *606*, *609*, *648*, *657*
Altai-Kalmücken I 35, 49, 484
Altaischen Berg-Kalmücken I 208
Altaiskije Kalmyki I 215
Altajischen Bergkalmücken I 215

altajischen Bergkalmücken I 217, 250, 251, 526; II 2
Altajische Bergkalmücken I 249
altajischen Kalmücken I 411
Kalmücken I 32, 41, 42, 48, 49, 58, 59, 66, 68, 249, 253, 255, 280, 281, 298, 299, 309, 312, 313, 324, 326, 327, 485; II 12, 165, 186

калмыки астраханские, волжские 275, 284, *581*, *614*, *618*
Kalmüchen I 441, 452

камасинцы, камасины, кангмашесанг 87, 88, 584
Kamassinen I 205, 206
— лесные 87, *584*
Wald-Kamassinen I 205
— степные, ну (нусанг) *584*

камлар — род кизыльцев 91
Kamlar I 210

камлар — род оседлых татар Кузнецкого Алатау 94
Kamlar I 214

кан — род алтайцев (алтай-кижи) 96
Kan I 216

канг — род койбалов 90
Kang I 209

кангбажы — самоназвание лесных камасинцев 87
Kangbashy I 205

кангды — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Kangdy I 236

канглы — племя узбеков 104
Kangly I 227

канглы — подразделение казак-киргизов Большой орды 114
Kangly I 239, 240

кангмашесанг см. камасинцы

кандабас — род кара-киргизов племени чоп-багыш 107
Kandabas I 231

канджыгалы (с ремнем у седла) — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Kandshygaly (mit Riemen am Sattel) I 236

канджыгалы — род туркменов 105
Kandschygaly I 228

канджыгалы (те, кто с ремнем на седле) — подразделение узбеков племени кытай-кыпчак 103
Kandshygaly (die mit Riemen am Sattel) I 225

канходжа кытайюзи (кытай юзи) см. ханходжа кытайсы

каоче, као-че (высокие повозки) — китайское название древних уйгуров 473, 474
Kaotsche, Kao-tsche (hohe Wagen) II 134

каптагай матай — подразделение казак-киргизов Средней орды 114
Kaptagai Matai I 240

кара балык — род казак-киргизов Средней орды, племени кыпчак 111
Kara Balyk I 236

кара йогду см. кара тйогды

кара калпак, каракалпак — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Kara Kalpak I 226

кара калпак — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Kara Kalpak I 236

кара курсак, каракурсак — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Kara Kursak I 226

кара сирак (черные голени) — род узбеков племени кыркмен-юз 103
Kara Sirak (schwarze Schienbeine) I 226

кара тегины — группа таджиков 563
Kara Tegin I 466

кара тйогды, кара чогды, кара йогду (черные тйогды) — род карагасов (тофаларов) 87, 88, *585*, *590*
Kara Tjogdy (schwarze Tjogdy) I 205, 206

кара чыз, кара чыстар — род бельтиров 90
Kara Tschys I 208
Kara Tschystar I 208

кара шор, кара-шор — род шорцев 94, *590*
Kara Schor I 214

кара-алмат — род алтайцев (алтай-кижи) 96
Kara-Almat I 216

кара-бор — подразделение кара-киргизов племени бугу 109
Kara Bor I 233

кара-иргит — род тувинцев *598*

кара-калмак — одно из самоназваний телеутов 95
Kara Kalmak I 215

кара-калпак — подразделение казак-киргизов Средней орды 113
Kara Kalpak I 239

кара-калпак, кара-калпаки см. каракалпаки

кара-каш, кара-хаш, кара-хааш (чёрный каш) — род карагасов (тофаларов) 88, *585*
Kara-kâsch (schwarze Kâsch) I 205
кара-кезек — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111, 407
Kara-kesäk I 236
Kara Kesäk II 65
кара-киргизы, киргизы черные, дикокаменные, среднеазиатские, тяньшанские 84, 85, 87, 90, 96, 106, 107, 110, 246, 247, 301, 316, 336, 348, 349, 352—354, 472, 514, *580*, *582*, *583*, *590—592*, *596*, *601*, *602*, *604*, *605*, *611*, *614*, *616*, *619*, *620*, *634*, *644*, *645*, *647*, *653*, *661*, *666—668*, *676*; см. также ак-калпак, буруты
Dikokamennyje Kirgisy d. h. wilde-Stein-Kirgisen I 230
Kara-Kirgisen I 122, 230, 231, 234, 406, 488, 526, 532—534; II 472
Kara-Kyrgys I 526, 533
Kirgisen I 120, 230, 231, 533, 534
Kirgisen des Thian-schan I 230
Kirgisen des Thianschan I 209, 217
Kyrgys I 225, 231
Thian-schan-Kirgisen I 230
Thianschan-Kirgisen I 217
schwarze Kirgisen I 533; II 330
schwarzen Kirgisen I 119, 120, 405, 470, 488, 511, 526—529, 532—534
кара-кирей, кара-керей — подразделение казак-киргизов Средней орды, племени кирей 111, 112, 115, 407
Kara Keräi II 65
Kara Kiräi I 240
Kara-Kiräi I 240
кара-кисек — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112, 287
Kara-kisäk I 237
Kara Kisäk I 455
кара-китай см. кидани
кара-койлы (имеющие черных овец) — род каракалпаков 105
Kara Koily (die mit schwarzen Schafen) I 287
кара-койлы (имеющие черных овец) — род узбеков племени кыркмен-юз 103
Kara Koily (die mit schwarzen Schafen) I 226
кара-ондар — род тувинцев *599*
кара-сакал — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112
Kara-Sakal I 237
кара-сойон, сойоны черные, кара-соян — род (племя) сойонов (тувинцев) 493, *588*, *633*
Schwarzen Sojonen (Kara-Sojong) II 178
Schwarzen Sojonen II 179
кара-сенгир (черное предгорье) — род каракалпаков 105
Kara Sängir (schwarze Vorgebirge) I 228
кара-тёш — род сойонов 98
Kara-Tösch I 219
кара-тумат — род телеутов 96
Kara-Tumat I 216
кара-хаш, кара-хааш см. кара-хаш
карабчи см. карапча
карагасы, карагас, каргас, каракаш, тофалары 87, 88, 99, 100, *583—586*, *590*, *591*, *600*, *630*, *654*
Karagas I 205
Karagassen I 122, 205, 206, 220, 221
Kargas I 205
каракалпаки, каракалпак, кара-калпаки (черные шапки) 104, 115, 247, 472, 563—566, 568, *604*
Kara Kalpak (Schwarz-Mützen) I 228; II 467
Kara Kalpaken I 467
Kara-Kalpaken I 228, 469, 470, 473
Karakalpaken I 241, 406; II 132
каракас — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112
Karakas I 236
каракаш см. карагасы
каракурсак см. кара курсак
карапча, карабчи — подразделение узбеков племени юз 103, 104, *603*
Karaptscha I 226, 227
карача (черноватые) — род узбеков племени кырк 103
Karatscha (die schwärzlichen) I 226
карга 1-й половины — племя абаканских татар 89
Karga 1. Hälfte I 208
карга 2-й половины — племя абаканских татар 89
Karga 2. Hälfte I 208
карга — род сагайцев 90, 94
Karga I 208, 214
карга — род шорцев 94
Karga I 214

каргали, каргалы — род барабинских татар 117, *606*
Kargali I 244
кас см. качинцы
кас (кач, каш) — самоназвание качинцев 88
Käs (= Kätsch, Kasch) I 207
касыль — род хотонов *601*
каурек см. кеюрек
качинцы, кас — племя абаканских татар 88, 89, 91, 223, 224, 472, *584*, *585*, *587*, *589*, *609*, *610*, *618*, *660*
Katschinzen I 205—207, 210, 211, 377, 378; II 132
каш — род карагасов 87, 88
Kâsch I 205, 206
каш см. кас
кашгарцы, татары кашгарские — группа уйгуров Средней Азии 101, *601*, *604*, *635*
Kaschgar-Tataren I 223
кезек-соян — род тувинцев *599*
кемчик — род сойонов (тувинцев) *98*, *599*
Kemtschik I 219
кенаюс см. кенегес
кендже каптагай — род казак-киргизов Средней орды, племени найман 111
Kendshe Kaptagai I 236
кендже матай — подразделение казак-киргизов Средней орды 114
Kendsche-Matai I 240
кенегес, кенегесы, кенаюс — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, 563, *603*
Känägäs I 227; II 466
кепте — род казак-киргизов Малой орды 112
Käptä I 237
кергиль — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 125, *596*
Kärgil I 216, 253
кергиль — род тубаларов *594*
кердери — подразделение казак-киргизов Малой орды 287
Kerdäri I 456
керент — подразделение казак-киргизов Малой орды 112, 287
Keräit I 237, 456
керей см. кирей
кереш — род шорцев 94
Käräsch I 214
кеты см. остяки енисейские
кецик — племя чулымских татар 92
Kätsik I 211
кеюрек, каурек — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Käuräk I 226
кёбёк — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 125
Köbök I 216, 217, 253
кёбёк — род телengитов-чуйцев 96
Köbök I 216, 217
кёдйо — род алтайцев (алтай-кижи) 96
Ködjö I 216
кёзёгёлю — род алтайцев (алтай-кижи) 96
Kösögölü I 216
кёйёк — род койбалов 90
Köyök I 209
кёк буруи — род казак-киргизов Средней орды, племени кыпчак 111
Kök Burun I 236
кёк-монншак (голубые жемчужины) — см. кокчулуты
кёк-шал — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Kök-Schal I 236
кёлёбё — род барабинских татар 116
Kölöbö I 242
кёллар, кёллёр см. кёль (койбалы)
кёль — род тувинцев *591*
кёль, кёллар, кёллёр — род койбалов 90, 97, 99, *600*
Köl I, 209, 218
Köllör I 220
кёль-сумыны — самоназвание группы сойонов 97
Köl-Sumyny I 218
кёмнёш — род оседлых татар Кузнецкого Алатау ?
Kömnösch I 214
кёмнёш — род черневых татар племени кёмнёш 69, 93, 186
Kömnösch I 101, 213, 329
кёмнёш — племя черневых татар 93, 222
Kömnösch I 213, 374
кидани, кара-китан — племя кипчаков *602*
кизильцы см. кызыльцы
кипчак см. кыпчак (казак-киргизы)
кипчаки см. кыпчак (узбеки)
кипчаки — см. куманы
киргис-казаки см. казак-киргизы
киргис-кайсаки см. казак-киргизы
киргизы — общее название казак-киргизов и кара-киргизов 106, 247—249, 355
Kirgisen I 230, 407, 408; II 1

киргизы см. казак-киргизы
киргизы см. кыргызы (древние)
киргизы-тубинцы см. тубинцы
кирей — племя (род) казак-киргизов Средней орды 111, 112, 287
Kiräi I 236, 456
кирей, киреи, керей, кереи — подразделение казак-киргизов Малой орды 113, 292, *605*, *631*, *632*
Kiräi I 239, 460
китайцы — 36, 79, 89, 93, 97, 99—101, 111, 123, 124, 127, 128, 155, 192, 247, 249, 339, 344, 345, 349, 352, 433, 439, 460, 461, 465, 468, 470, 473—477, 480, 490, 504, 510, 511, 514—518, 523, 524, 526, 529—531, 580, 595, 601, 608, 629, 632, 662, 677
Chinesen I 61, 113, 207, 213, 218, 221—224, 236, 250, 252, 256, 290, 336, 407, 409, 515, 522, 523, 528, 532; II 93, 99, 100, 121, 122, 126, 129, 130, 134—138, 149, 175, 287, 294, 295, 330—334, 340, 341, 344, 345, 348, 349, 351
ките — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112
Kitä I 237
кишкине чикти — подразделение казак-киргизов Малой орды 113
Kischkinä Tschikti I 238
коболу — род алтайцев (алтай-кижи) 125
Kobolü I 253
кобый — племя (род) абаканских татар 89, 90
Kobyi I 208
кобый — род шорцев 94
Kobyi I 214
козуган — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Kosugan I 236
козугун — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Kosugun I 233
койбалы, кайбалы, койбал — племя абаканских татар 88—91, 93, 99, 226, 229, 439, 456, *587*, *589—591*, *609*, *660*, *661*
Koibal I 208
Koibalen I 206, 207, 209, 210, 212, 220, 380, 383; II 99, 116
койы — род шорцев 94
Kojy I 214
кокандцы — группа среднеазиатских татар 247, 355, 526, 556
Kokander I 407, 532; II 344
кокчулуты, кокчулутуны, кокчолуты, кобдинские тувинцы, кёк-моиншак (голубые жемчужины), мончак-урянхайцы — группа сойотов (тувинцев) бассейна р. Кобдо 97, 98, *588*, *597—599*
Kök-Moinschak (blaue Perlen) I 219
Koktscholut I 218
Koktscholuten I 218
Koktschuluten I 219
команы см. куманы
комдош см. кондош
конгиргай, кунгурбай — подразделение узбеков племени юз 104, *603*
Kongirgai I 227
конграт — племя казак-киргизов Средней орды 111, 112
Kongrat I 236, 237
конграт — подразделение казак-киргизов Большой орды 112—114
Kongrat I 237, 239
конграт — род кара-киргизов племени бугу 107
Kongrat I 230
конграт — род кара-киргизов племени едигена 107
Kongrat I 231
конграт — род кара-киргизов племени сары-багыш 107
Kongrat I 231
конгур пёрюк — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Kongur Pörük I 235, 236
конгурбай см. конгирбай
койы — род шорцев 94
Kojy I 214
кондош, комнош — род тубаларов *594*, *595*, *603*
котты — народ 439, 440, *584*, *628*
Kotten II 100, 101
котты — род теленгитов-чуйцев 96
Kotty I 216
кочкор-мундус — род телеутов 96
Kotschkor-Mundus I 216
кош тамга — род кара-киргизов племени чон багыш 107
Kosch Tamga I 231
кош-тамгали, коштамгали, куш-тамгали — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Kosch-Tamgali I 227
кош-тамгалы (с двойной тамгой) — род узбеков племени кыркмен-юз 103

Kosch-Tamgaly (mit doppelter Tamga) I 225
коян-кулаклы, куян-кулаклы (зайцеухие) — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Kojan Kulakly I 226
ку-кижи (люди с Лебеди) — самоназвание лебединских татар 93, 210
Ku-Kishi (Lebed-Leute) I 212, 359
куан дуан — род кара-киргизов племени чон багыш 107
Kuan Duan I 231
кубанды, куманды — род верхних кумандинцев 92, *593*, *594*
Kubandy oder Kumandy I 212
кудай-бакты — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Kudai-Bakty I 232
кузен см. кюзён
кузнецы см. татары кузнецкие
кулача — подразделение казак-киргизов Средней орды 115
Kulatscha I 240
культепелик см. кюль тепюлик
кумандинцы, кумандины — племя татар Северного Алтая 69, 92, 93, 122, 185, 189, 210, 213—215, 222, *582*, *593*, *594*, *606*, *644*, *655*, *657*
Kumandinen I 101, 211, 212, 328, 359, 363—365, 374
Kumandiner I 249
кумандинцы верхние 92, 93, 213, *593*
oberen Kumandinen I 212, 363
obere Kumandinen I 212
кумандинцы нижние, тёбенги кубанди 92, 93, 212, 213, *593*
niedere Kumandinen I 362, 363
niederen Kumandinen (Töbängi Kubandy) I 212, 363
untere Kumandinen I 212
куманды см. кубанды
куманы, команы, половцы, кипчаки 409, 461, *593*, *605*, *626*, *630*
Komanen II 67;
Kumanen II 122
кунгурбай см. конгиргай
кур улус (люди бия Идеге) — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Kur Ulus (das Volk des Idägä Bi) I 236
куралас — подразделение казак-киргизов Большой орды 114
Kuralas I 239
курама, кураминцы — племя оседлых татар Средней Азии 102, 105, 106, *604*
Kurama I 224, 225, 229
курачбек — род кара-киргизов племени бугу 108
Kuratschbek I 233
курдак — род тарских татар 119, 255
Kürdak I 245
Kurdak II 2
курдак — род тобольских татар 120, *606*, *618*
Kürdak I 247
куру казан, кури-казан — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Kuru Kasan I 226
курчык — род кызыльцев 91
Kurtschyk I 210
кускун — род тувинцев *598*
кучу — род кара-киргизов племени солту 107
Kutschu I 231
кучу, кутшу — род кара-киргизов группы сол 107, 110, *616*
Kutschu I 231, 234
куш-тамгали см. кош-тамгалы (узбеки)
куян-кулаклы см. коян-кулаклы
кыдык — подразделение кара-киргизов племени бугу 107, 108, 110
Kydyk I 230, 232, 234
кызай — род сагайцев 94
Kysai I 214
кызай, кызыл-кая — род шорцев 94
Kysai (Kysyl-kaja) I 214
кызыл — род кызыльцев 91
Kysyl I 210
кызыл-кая — племя абаканских татар 89, 90
Kysy-kaja (Kysyl Kaja) I 208
Kysyl Kaja I 209
кызыл-кая см. кызай (шорцы)
кызыл-курт (красный волк) — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112
Kysyl-Kurt (rother Wolf) I 237
кызыл пёрюк — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Kysyl Pörük I 235
кызыльцы, кизильцы — племя абаканских татар 88, 91, 95, *587*, *589*, *592*, *609*, *610*, *660*
Kysyl I 210, 211, 215
Kysyler I 206, 210

кый — племя абаканских татар 89, 90
Kyi I 208
кый — род сагайцев 90, 94
Kyi I 208, 214
кый — род шорцев 94
Kyi I 214
кыйрк садак — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104
Kyirk Sadak I 227
кыпчак, кипчак — подразделение (племя, род) казак-киргизов Средней орды 111, 113, 114, 287, *615*
Kyptschak I 236, 239, 240, 456
кыпчак, кыпчаки, кипчаки — подразделение узбеков племени кытай-кыпчак 103, 120, *563*, *602*
Kyptschak I 225, 247; II 466
кыпчак — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 124, 125, *596*
Kyptschak I 216, 217, 251, 252
кыпчак — род телецитов-чуйцев 96, 125
Kyptscak I 216, 217, 253
кыпчак — род телеутов 96, *596*
кыргыз, кыргызы см. кыргыс (тувинцы)
кыргыз — тюркоязычная группа Маньчжурии *592*
кыргызы, киргизы (древние, енисейские), кыргыз, киргиз 89—90, 93, 96—100, 418, 456, 477, 480, *583*, *585—592*, *594*, *595*, *597*, *600*, *601*, *615*, *623*, *624*, *627*, *629*, *630*, *656*, *661*
Jenissei-Kirgisen II 139
Kirgisen I 207, 209, 210, 213, 217, 221; II 77, 116, 142
кыргыс 103
Kyrgys I 225
кыргыс — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 129
Kyrgys I 216, 217, 258
кыргыс — род сагайцев 90, 99, *588*
Kyrgys I 208, 221
кыргыс, кыргыз, кыргызы, кыргысы — род тувинцев *591*, *592*, *598 599*, *601*, *633*, *656*
кыргыс — самоназвание кара-киргизов 106
Kyrgys I 230
кырк (сорок) — племя узбеков 103, 106
Kyrk (vierzig) I 225, 226, 230
кырк-садак — подразделение узбеков *603*
кыркмен-юз — племя узбеков 103
Kyrkmän-Jüs I 225, 230
кытабак — род казак-киргизов Средней орды, племени кыпчак 111
Kytabak I 236
кытай — род кара-киргизов племени сары багыш 107
Kytai I 231
кытай — род кара-киргизов племени солту 107
Kytai I 231
кытай, хытай — подразделение узбеков племени кытай-кыпчак, племя, 104, *602*
Kytai I 225
кытай кыпчак — племя узбеков 102
Kytai-Kyptschak I 225
кытай-юз — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103
Kytai Jus I 226
кюзён, кюзёнцы — племя черневых татар 93, 214, 215
Kusön I 213
Küsön I 213, 364—366
кюзён, кузен — род черневых татар (тубаларов) 93, *594*, *595*
Küsön I 213
кюэрик, кюерик, кюэрик-татары — подразделение чулымских татар 92, 460, *610*
Küärik I 211
Küärik-Tataren II 121
кюль тепюлик, культепелик — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Kül Täpülik I 227
кюндюлен — род казак-киргизов Средней орды, племени кыпчак 111
Kündülän I 236
кюркюрен — род кара-киргизов группы сол 107, *616*
Kürküren I 231
кючюк — подразделение кара-киргизов племени бугу 107, 108
Kütschük I 230, 232

лебединцы см. татары лебединские
лонга — род барабинских татар 117
Longa I 243
любей, любей — род барабинских татар 117, *606*
Lüväi I 244

маады, маты, матцы *600*
маады — см. маттер
мадор см. мадыр
мадоры см. маторы
мадыр, мадор, матор — род койбалов 90, *590*

Madyr I 209
манап — подразделение кара-киргизов племени сары багыш *617*
мангыт — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *563*, *603*
Mangyt I 227; II 466
маньчжуро-китайцы *634*
маньчжуры — племя тунгусов 355, 505, 511—514, 517, 520, 523, 529, 530, *580*, *617*, *676*, *677*
Mandschu II 1, 288, 295, 327, 324, 330, 334, 336, 340, 348, 349
Mandschuren II 349
маскар — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112
Maskar I 237
мат, маты см. маторы
маттер, маты, маады — род сойонов (тувинцев) 98, 99, *599*, *600*
Matter I 220
Maty I 219
матор см. мадыр
маторы, мадоры, маторские (матарские) люди, маторцы, матские люлюди, мат, маты — древний народ 89, 91, 98, 99, 439, *599*, *600*
Mat I 219
Matoren I 207, 209, 220, 221; II 99
маты см. маады
маты см. маттер
матцы см. маады
мачак — род кара-киргизов племени чон багыш 107
Matschak I 231
машкар — род казак-киргизов Малой орды 287
Maschkar I 455
мезит — подразделение (род) узбеков 104
Mesit I 227
меркит — род казак-кригизов Средней орды, племени кирей 112
Märkit I 236
меркут см. мюркют
минг, минги — племя узбеков 104, 563
Ming I 227, 466
мирза см. мырза
могал, могол — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Mogal I 226
монгол, монгул — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 129
Mongol I 216, 217
Mongul I 258
монголы — 88, 96—98, 100, 101, 106, 129, 145, 155, 171, 285, 288, 301, 355, 436, 490, *580*, *581* *590*, *597*, *602*, *605*, *614—619*, *630*, *643*, *680*
Mongolen I 217
Mongolen I 206, 217, 219, 221—224, 230, 258, 276, 290, 309, 345, 453, 470, 522; II 95, 175, 345
монголы западные 512, *607*; см. также калмыки
West-Mongolen II 327
монгул см. монгол
монгулдур — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 107
Monguldur I 231
монгулдур — род кара-киргизов племени бугу 107
Monguldur I 230
монгулдур — род кара-киргизов племени едигена 107
Monguldur I 231
монгулдур — род кара-киргизов племени солту 107
Monguldur I 231
мопчак-урянхайцы см. кокчулуты
мулку — род казак-киргизов Средней орды 112
Mulku I 236
мунгат — род тувинцев *598*
мундус — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 124, 381, *596*
Mundus I 216, 217, 251, 252; II 32
мундус, мундуз — род кара-киргизов группы сол 107, *616*
Mundus I 231
мундус — род кара-киргизов племени едигена 107
Mundus I 231
мундус — род кара-киргизов племени сары-багыш 107
Mundus I 231
мундус — род кара-киргизов племени солту 107
Mundus I 231
мундус — род теленгитов-чуйцев 96
Mundus I 216, 217
мундус — род телеутов 96
Mundus I 216, 217
мундус — род тубаларов *594*
мурун — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112, *616*
Murun I 237
мушы — подразделение казак-киргизов Малой орды 113
Muschy I 238

Т

мырас-кижи (люди с Мраса) — самоназвание группы шорцев 94
Myras Kishi (Mrass-Leute) I 213
мырза, мирза — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, 104, *603*
Myrsa I 226, 227
мюркют, меркут — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 98, *596*
Mürküt I 216, 217, 219
мюркют — род телеутов 96, 104
Mürküt I 216, 217, 227

надырбек — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109, 110
Nadyrbek I 234
найман — племя узбеков 104
Naiman I 227
найман — подразделение (племя, род) казак-киргизов Средней орды 111—114, 251, 287, 320—322, *632*
Naiman I 236, 237, 239, 240, 411, 456, 493, 494, 496
найман — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Naiman I 227
найман — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 124, 125, *596*
Naiman I 216, 217, 252, 253
найман — род телеутов 96
Naiman I 216, 217
найман ергенекли, найман-ирганакли — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Naiman Ergänäkli I 227
нанга — род тобольских татар 120, *606*
Nanga I 247
нарын, нарин — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Naryn I 227
нау-фереш, науфераш — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Nau-feräsch I 226
небюсе, небусе — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *630*
Nebüsä I 226
немцы — *609*, *623*, *640*
нлва — род хотонов *601*
ну (нусанг) — см. камасинцы степные

огузы — 667
ой-олдар — род тувинцев *599*
оймаут — род каракалпаков 105
Oimaut I 228
ойрёт, ойрат — одно из самоназваний алтайцев 95, 123, *657*
Oiröt I 215; Oirot I 251
ойрёты, ойроты, ойраты см. калмыки
олёт — род тувинцев *598*, *599*
олёты — группа западных монголов-ойратов *607*
олюп — род алтайцев (алтай-кижи) *596*
олюп — род тувинцев *599*
онг (правые) — группа племен кара-киргизов 106, 107, 354, *616*,
Ong (die Rechten) I 230, 231, 534
ондон — подразделение кара-киргизов племени бугу 107, 108
Ondon I 230, 232
остяки 120, *591*
Ostjaken I 247
остяки енисейские, енисейцы, кеты — племя 91, 99, 440, *590*, *592*, *595*, *628*, *661*
Jenissei-Ostjaken I 210, 221; II 101
отакчы — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Otaktschy I 236
отарчы (которые пасут) — род узбеков племени кытай-кыпчак 103
Otartschy (welche weiden lassen) I 225
очамейли — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Otschamäili I 227
очу — род телеутов 96
Otschu I 216
очы — род алтайцев (алтай-кижи) *596*
оюн — род тувинцев *599*

пайлагас — род алтайцев (алтай-кижи) 96
Pailagas I 216
палан — род черневых татар (тубаларов) племени кёмнёш 93, *595*
Palan I 213
педебеш — подразделение тубаларов *595*
персы, персиане, иранцы, иран 247, 517, 542, 562, 567, *580*
Iran II 465
Perser I 406; II 334, 465, 471
перче юз (часть сотни) — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Pärtschä Jüs (der Bruchtheil des Hundert) I 226

Т

пёджегей, поджегай — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Pödschägäi I 226
поджегай см. пёджегей
половцы см. куманы
пурут — род телеутов 96
Purut I 216, 217
пызас-кижи (люди с Псаса) — самоназвание группы шорцев 94
Pusas kishi I 213
пюрют — род сагайцев *586*, *588*

рамадан — подразделение казак-киргизов Малой орды 112, 114
Ramadan I 237, 240
россияне см. русские
русские, россияне 12, 16, 28, 42, 43, 45, 63, 73, 79, 89, 93, 94, 97, 99, 107, 110, 123, 127, 145, 163, 170, 171, 176, 182—184, 187, 188, 192, 200, 203—206, 209, 210, 213, 217, 224, 247, 249, 267, 270, 273, 283, 284, 287, 301, 339, 341, 344, 348, 400, 417, 418, 431, 478, 489, 492, 493, 504, 514, 541, 542, 553, 554, 565—568, 572, 573, 578—*582*, *584*, *589*, *590*, *595*, *628*, *630*, *643*, *648*, *674*
Reuszen II 76
Russen I 13.35, 50, 69, 70, 72, 94, 105, 113, 207, 212—214, 217, 221, 230, 235, 250, 255, 256, 276, 298, 307, 309, 316, 324, 326, 330, 331, 335, 345, 350—354, 358, 363, 368, 377, 407, 409, 432, 433, 436, 440, 451, 452, 455 469, 515, 518, 528; II 56, 77, 91, 140, 174, 178, 287, 331, 435, 436, 447—449, 469—472, 478—480, 485, 486

сабар — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Sabar I 233
сагай — род сагайцев 90, *588*
Sagai I 208
сагай, см. сагайцы
сагайцы, сагай — племя абаканских татар 11, 88—91, 100, 222, 229, 439 440, *586—590*, *595*, *618*, *660*
Sagai I 208, 375
Sagajer I 206, 208,—210, 213, 214, 221, 384; II 100, 101
садыр — род кара-киргизов Средней орды, племени найман 111
Sadyr I 236
саин — род абаканских татар, племени тан-карга 90
Sain I 208
сакал — род теленгитов-чуйцев 96
Sakal I 216
сакиз-сари см. сегис-сари
салин — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Salin I 226
салчак — род тувинцев *598*
самодийцы см. самоеды
самоеды, самодийцы — группа оязычных племен 88—90, 99, 439, 440, *590*, *591*, *600*, *661*
санмай — род тубаларов *594*
сарай — племя узбеков 104
Sarai I 227
саргайчы-юз (юзы — собиратели сараны) — подразделение тубаларов рода юс *603*
саргат — род тарских татар 119
Sargat I 245
сард-юз см. сарт-юс.
сарик — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Sarik I 232
сарт, сарты — см. бухары
сарт — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 129
Sart I 216, 217, 258
сарт — род телеутов 96, *596*
Sart I 216, 217
сарт юс, сард-юз — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Sart Jüs I 226
сарты — племя оседлых тюрков Средней Азии 79, 87, 96, 100—102, 106, 118, 292, 301, 465, 564, 567, 569, *596*, *602*, *604*, *656*, *679*
Sart I 114, 122, 224, 229, 469; II 126, 467, 471, 473
Sarte I 222, 224, 460
Sarten 244
сарты см. бухарлык
сарты-хами см. хами
сару, сары — род кара-киргизов 107, 110, *590*, *616*
Sary I 231, 234
сары см. сару
сары см. сары-алмат
сары багыш (желтые лоси) — племя кара-киргизов группы онг 84, 85, 107, 109, 110, 349, 353, 354, *616*, *617*
Sary Bagysch (die gelben Elennthiere) I 119, 120, 230—234, 528, 533, 534

Sary-Bagysch I 232. 234
сары бас (желтая голова) — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112
Sary Bas (gelber Kopf) I 236
сары калпак (желтошапочники) — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Sary Kalpak (Gelb-Mützen) I 232
сары катын — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Sary Katyn I 233
сары каш см. сарыг каш
сары кыпчак (желтые кыпчаки) — подразделение узбеков племени кытай-кыпчак 103
Sary Kyptschak (gelben Kyptschak) I 225
сары кытай (желтые кытай) — подразделение (род) узбеков племени кытай-кыпчак 103
Sary Kytai (gelbe Kytai) I 225
сары хаш см. сарыг каш
сары шор, сарыг шор — род шорцев 94, 206, *590*
Sary Schor I 353
Saryg Schor I 214
сары юс (желтые юсы) — подразделение тубаларов рода юс *603*
сары-алмат, сары — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 125, *590*
Sary-Almat I 216, 253
сары-бор — подразделение кара-киргизов племени бугу 109
Sary Bôr I 233
сары-сойон, сарыг-сойон, сарыг-саян, сойоны желтые — род (племя) сойонов (тувинцев) 98, 493, *633*
Gelben Sojonen (Sary-Sojong) II 178
Sary Sojong II 179
Sary-Sojong I 219; II 178
сарыг — род бельтиров 90
Saryg I 208
сарыг — род сагайцев 90, *588*
Saryg I 208
сарыг, сарыглар — род тувинцев *590*, *599*
сарыг каш, сарыг хаш, сары каш, сары хаш (желтые каши) — род карагасов (тофаларов) 87, 88, *585*
Saryg Kâsch (gelbe Kâsch) I 205
сарыг шор см. сары шор
сарыг-иргит — род тувинцев *598*
сарыг-саян см. сары-сойон
сарыг-сойон см. сары-сойон
сарыглар — род тубаларов *594*
сас-калкы (болотный народ) — см. тогус (татары тобольские)
сат — род тувинцев *599*
саты — род кара-киргизов племени бугу 108
Saty I 232
саяк — подразделение (род) кара-киргизов племени бугу 107
Sajak I 230
саяк, саяки — племя кара-киргизов 110
Sajak I 234
саяк — род кара-киргизов племени едигена 107
Sajak I 231
саяк — род кара-киргизов племени сары-багыш 107
Sajak I 231
саянцы см. сойоны
се-ян-ту — род, упоминаемый в китайских хрониках 99
Se-jan-tu I 221
себе — род шорцев 94
Säbä I 214
сегис сары — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Sägis Sary I 236
сегис-сари, сакиз-сари — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Sägis-Sari I 227
серикей — род кара-киргизов племени бугу 107
Serikäi I 230
сибидши — род абаканских татар племени так карга 90
Sibidschi I 208
сибо — группа маньчжуров *617*
сир-буйунлук, сирбуюнлук — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Sir-bujunluk I 227
сиргали см. сиргели (узбеки)
сиргели — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Sirgili I 236
сиргели (имеющие серьги), сиргали — подразделение (род) узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Sirgäli (die mit Ohrringen versehenen) I 226
сихым — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Sichym I 236
скифы *625*
славяне 480
Slaven II 143

со — род кумандинцев 92, *594*
So I 212
соён — род тубаларов *594*
сойон — род (племя) алтайцев 28, 96, 125, 129
Sojong I 51, 216, 217, 253, 258
сойон, соян — род сойонов (тувинцев) 491, *599*
сойон см. сойоны
сойоны, сойон, сойоты, саянцы, татары Западной Монголии, тувинцы, туба, дубо — племя 87—90, 93, 96—100, 129, 147, 172, 180, 215, 355, 402, 481, 486, 488—494, 498, 501, 502, *581*, *585*, *597*, *600*, *608*, *617*, *619*, *620*, *631*, *633*, *634*, *644*, *655*, *674*; см. также урянхайцы
Dubo (Tuba) II 142
Sajanzy I 217
Sojong I 218, 221
Sojonen I 122, 205—207, 209, 212, 217—221, 258, 279, 311, 321, 365, 366; II 1, 2, 5, 8, 163, 169, 172—179, 184, 188
Sojoten I 218
Tataren I 218
Tataren des westlichen Mongolei I 217
сойоны желтые см. сары-сойон
сойоны черные см. кара-сойон
сойоты см. сойоны
сол (левые) — группа племен каракиргизов 106, 107, 354, *616*
Sol (die Linken) I 230, 231, 534
солаклы (имеющие загоны), сулахли — подразделения узбеков племени кыркмен-юз 103, 104, *603*
Solakly (die mit den Hürden) I 226, 227
солоны — племя тунгусов 12, 504—508, 511, 514, 528—531, *580*, *634*, *677*
Solonen I 14, 286—289, 291, 292, 295, 330, 346—351
солту, солты — племя (род) каракиргизов группы онг 84, 107, 110, 348, 353, 354
Soltu I 119, 231, 527
Solty I 234, 533, 534
солты см. солту
соян — древнее племя *585*
соян см. сойон (тувинцы)
су какмына — род бельтиров 90
Su Kakmyna I 208
су карга — племя абаканских татар 90
Su Karga I 208
суан — племя казак-киргизов Большой орды 111, 514
Suan I 235; II 330
суан — род казак-киргизов Средней орды, племени найман 111
Suan I 236
сукар — род качинцев 89
Sukar I 207
сулахли см. солаклы
сыйкым — подразделение казак-киргизов Большой орды 114
Syikym I 239
сыргалы — подразделение казак-киргизов Большой орды 114
Syrgaly I 239, 240
сюнну см. хионг-ну
таба — подразделение казак-киргизов Малой орды 113
Taba I 239
табакты — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Tabakty I 236
табан-бельтир — род бельтиров 90, *589*
Taban-Beltir I 208
табын — род казак-киргизов Малой орды 112, 287
Tabyn I 237, 456
тагап — род торцев 94
Tagap I 214
таджики 102, 106, 562, 567—569, 574, 575, *602*, *604*, *679*
Tadschik I 224, 229; II 465, 471, 473, 481, 482
таджики горные, гальча 563, *637*
Berg Tadschik oder Galdscha II 466
так какмына — род бельтиров 90
Tak Kakmyna I 208
так карга — племя абаканских татар 90
Tak Karga I 208
такабай — подразделение (род) кара-киргизов племени бугу 107, 108
Takabai I 230, 232
тама — подразделение узбеков 104
Tama I 227
тама — род казак-киргизов Малой орды 112, 287
Tama I 237, 238, 456
тама — род оседлых татар Средней Азии, племени курама 102
Tama I 225
тана — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112
Tana I 237

тана буга — род казак-киргизов Средней орды, племени кыпчак 111
Tana Buga I 236
танду 97
Tangdu I 217
танду — род алтайцев (алтай-кижи) 96
Tandu I 216
танды см. танну туба
танды тывазы см. танну туба
танну туба, танну тубасы, танды тывазы, танды — самоназвание группы сойонов и койбалов 89, 97, *588*, *597*
Tangnū Tuba I 207
Tangnū Tubasy I 218
тара-татары см. татары тарские
тарак — род карагасов 88
Tarak I 205
тараклы — род казак-киргизов Малой орды 112
Tarakly I 237
тараклы (имеющие гребни) — подразделение узбеков племени кытай-кыпчак 103
Tarakly (mit Kämmen versehenen) I 225
тараклы — род оседлых татар Средней Азии, племени курама 102
Tarakly I 225
таракты — род казак-киргизов Средней орды, племени киреи 111
Tarakty I 236
таранчи, татары илийские — племя оседлых татар Средней Азии 87, 100, 101, 110, 515—528, 530, 531, *601*, *604*, *634*, *635*, *676*
Ili-Tataren II 341
Tarantschi I 122, 222—224, 235; II 331—339, 341—345, 347, 349, 350
Tataren II 331, 333—338, 340—342, 344, 349, 351
тарбыт — род сойонов 98
Tarbyt I 219
тарлык, тарлик — самоназвание тарских татар 118, *605*
Tarlyk I 245
тарткын — род шорцев 94
Tartkyn I 214
тары — род барабинских татар 116
Tary I 241

тас — племя казак-киргизов Средней орды 407
Tas II 65

тастар см. таслар (казак-киргизы)
тастар — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Tastar I 233
тастар — род кумандинцев 93, *594*
Tastar I 212
тастар — род тубаларов *594*
тастар, таслар — род казак-киргизов Малой орды 112, 287
Taslar I 455
Tastar I 237
татар-кижи — самоназвание кумандинцев *593*
татары — название тюркоязычных народов Европейской России, Сибири, Средней Азии 73, 75, 76, 79, 95, 101, 102, 118, 214, 247, 260, 273, 283, 290—292, 303, 336, 349, 509, 513, 525, 567, 571, *582*, *595*, *660*
Tataren I 105, 108, 114, 211, 212, 214, 216, 219. 223, 224, 244, 364, 407, 423, 440, 450, 458—461, 511, 528; II 293, 342, 471, 477
татары абаканские, минусинские — группа племен Минусинской котловины 87, 89, 91, 97, 126, 187, 222—229, 246, 328, 330, 355, 432, 433, *586*, *589*, *600*, *609*, *610*, *644*, *645*, *658*, *660*, *661*; см. также хакасы
Abakan-Tataren I 122, 206, 210, 218, 249, 330, 374—378, 380—384, 405; II 2
Minussinskischen Tataren I 375, 376, 502, 504
Tataren I 376, 377, 379, 380; II 91—94
татары алтайские (собственно алтайские) — общее название алтайцев и телеутов 92, 95, 223, 225, *581*, *657*
Altai-Tataren I 212, 377
altajischen Tataren I 378, 379
Tataren des eigentlichen Altai I 215
татары барабинские, барабинцы — племя сибирских татар 87, 92, 115—118, 355, *580*, *605*, *617*, *648*
Baraba-Tataren I 122, 211, 241, 242, 244; II 2
татары заболотные — подразделение тобольских татар *606*
татары Западной Монголии см. сойоны
татары западносибирские см. татары сибирские
татары илийские см. таранчи

татары иртышские — подразделение сибирских татар 87, 89, 92, 118—121, *605*
Irtisch-Tataren I 122, 207, 211, 244
Tataren I 244—248
татары казанские, поволжские 72, 118, 120, *605*
Kasaner-Tataren I 104
Wolga-Tataren I 244—246, 248
татары кашгарские см. кашгарцы
татары кондомские, Кондомы, на Кондоме — группа шорцев 122, 205—207, *595*
Kondoma-Tataren I 355
Tataren I 353—355
Tataren an der Kondoma I 247, 353
татары кузнецкие, татары-кузнецы — группа племен (потомков енисейцев) в Кузнецком уезде 46—48, 90, 209, 440, *582*, *589*, *590*, *595*; см. также абинцы
Kuznetzken Tataren I 209
Kuznetzker Schmiede Tataren II 101
Schmiede Tataren I 358
Schmiede-Tataren I 209, 213; 214; II 100
Shmiedetataren (Kusnezi) I 74
Tataren I 74
татары лебединские, лебединцы, чалганцы, челканцы — племя татар Северного Алтая 58, 60, 93, 122, 209—212, 214, 215, *593*, *594*, *608*, *619*, *620*, *657*
Lebed-Tataren I 89, 212, 249, 357, 359—361, 364, 366
Tataren I 90, 359—362
татары мелесские см. татары чулымские
татары минусинские см. татары абаканские
татары мрасские, на Мрасе, с Мраса — группа шорцев 53, 122, 200—206, 209, *582*, *595*
Mrass-Tataren I 349, 350, 352, 353, 357
Tataren I 81, 346, 347, 349—353
Tataren am Mras I 249
Tataren am oberen Mras I 353
татары на р. Томь см. татары томские
татары оседлые Кузнецкого Алатау — группа племен 94
Tataren I 215
Tataren des Kusnetzkischen Alatau I 214
татары поволжские см. татары казанские
татары Северного Алтая см. алтайцы северные
татары сибирские, западносибирские — группа племен 247, 355, *579*, *580*, *605*, *606*, *617*, *618*, *645*, *654*
Sibirischen Tataren II 2
Tataren Westsibiriens I 407
татары среднеазиатские, Средней Азии — группа племен 87, 101, 102, 526, *676*;
Tataren I 223, 224
Tataren Mittel-Asiens I 223
Tataren Mittelasiens II 344
татары тарские, тара-татары — племя сибирских татар 118, 119, 303, *605*, *618*
Tara-Tataren I 245, 472; II 2
татары телеутские см. телеуты
татары тобольские, тоболик — племя сибирских татар 119—121, 303, *605*, *606*, *648*
Tobol-Tataren I 244, 246
Tobolsker Tataren I 247, 472
Tataren I 244—248
татары томские — группа сибирских татар *605*
татары томские, на реке Томь — группа шорцев 122, 198—200, 209
Tataren I 344—346
Tataren am Flusse Tom I 343
Tataren des Tom I 249
Tom-Tataren I 357
татары тюменские — группа сибирских татар 118, 120, 121, *605*
Tataren I 121
Tataren der Kreise Tjumen I 248
Tjumen Tataren I 244
татары-хами, сарты-хами, татары-хомуль — племя оседлых татар Средней Азии 101, 102
Chami-Sarte I 224
Chami-Tataren I 224
Chomul-Tataren I 224
Tataren von Chami I 223
татары черневые, черновые, йышкижи (люди черного леса), туба, тубалары — группа племен Северного Алтая 43, 60—63, 68, 69, 87, 90, 92, 93, 95, 99, 100, 103, 120, 122, 128, 185, 186, 209, 210, 214—223, 251, 355, 368, 430, 491, 503, *593—595*, *602*, *603*, *608*, *619*, *620*
Jysch-kishi (Schwarzwald-Leute) I 69, 212

Schwarzwald-Tataren I 91, 93, 122, 208, 212, 213, 215, 221, 225, 226, 249, 257, 328, 329, 357, 359, 364—367, 373—376; II 2, 17, 99, 141,176, 190
Schwarzwaldtataren I 100
Tataren I 92—94, 101, 368—371, 373—375
Tataren des Schwarzwaldes I 411
Tuba I 220, 366
татары чолышманские см. чолышманцы
татары чулымские, мелесские, тюрки чулымские — группа тюрков по реке Чулым 92, *592*, *593*, *645*
Tscholym-Tataren I 211
— татары собственно чулымские — племя 92
eigentlichen Tscholym-Tataren I 211
татары шорские см. шорцы
татары юс-белтирские 432; см. также бельтиры
Tataren vom Ys Beltir II 92
татары ялутровские — группа сибирских татар 118, 120
Jalutrow-Tataren I 244
Tataren der Kreise Jalutrowsk I 248
татош — род алтайцев (алтай-кижи) 96, *603*
Tatosch I 216
таяс — племя абаканских татар 89, 90
Tajas I 208, 209
таяс, сор, шор — род абаканских татар племени таяс 90
Schor I 209
Sor I 209
Tajas (die Sor) I 208
таяш — род сагайцев 94
Tajasch I 214
таяш — род шорцев 94
Tajasch I 214
тебенги кубанди см. кумандинцы нижние
тегрик см. тигирик
теле — конфедерация племен древних тюрков *586*
телек — род тувинцев *599*
теленгет — самоназвание группы телеутов 95, *596*
Telenget I 215
теленгет, теленгеты — подразделение телеутов 95, 188, 190, 191
Telenget I 216, 217, 331, 333, 335
теленгеты см. теленгит
теленгит, теленгиты, теленгеты — самоназвание племени алтайских двоеданцев 95, 123, 128
Telenget I 251
Telengit I 215, 251, 257
теленгиты, теленгеты — племя алтайцев *582*, *593*, *595—597*, *657*; см. также двоеданцы, чуйцы
телеу — род оседлых татар Средней Азии племени курама 102
Teläu I 225
телеуты, татары телеутские — племя собственно алтайских татар 20, 27, 42, 44—46, 87, 90—96, 100, 107, 122, 123, 128, 180—183, 185, 187—195, 197, 202, 209, 347, 348, 355, 368, 376, 396, 400, 491, *579*, *582*, *593*, *595*, *596*, *608*, *609*, *619*, *620*, *643*, *644*, *657*, *675*
Altai-Teleuten I 221
Tataren I 322, 333
Teleuten I 40, 49, 69, 73, 122, 209—217, 231, 249—251, 257, 321—323, 325, 328, 330—332, 334—338, 340, 342, 348, 357, 526; II 1, 17, 26, 50, 56, 176
телеуты кузнецкие 95, 96
Kusnetzker Teleuten I 216
телеуты томские 355, *579*
Tomsker Teleuten II 2
телею — род казак-киргизов Малой орды 112
Teläu I 237
темир — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Temir I 236
темир — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 110
Temir I 234
тенек-хаш, тенек-хааш — род тофаларов *585*
тептей, чептей—род карагасов (тофаларов) 87, 88, *585*
Tjeptei I 205, 206
тербиш — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Terbisch I 236
терене, тереня — подразделение барабинских татар 115, *605*
Täränä I 241
терс-тамгалы — род казак-киргизов Средней орды, племени найман 111
Tärs-Tamgaly I 236
тёлёнгют — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Tölöngüt I 236

т лёс, тёлёсы — племя алтайцев 61, 99, 128, 169, 360, 484—486, 488, 490, 491, 493, 500, 502, *582*, *593*, *596*
Talas I 92
Tölös I 221; II 8, 166, 169, 172, 174—176, 179, 186, 189
Tölös-Leute II 187
Tölös-Volk I 257
Tölössen I 257
тёлёс — род алтайцев (алтай-кижи) — 96, 124, 125, 381
Tölös I 216, 217, 252, 253; II 32
тёлёс — род теленгитов 96, 125
Tölös I 216, 217, 253
тёлёс — род телеутов 96
Tölös I 216, 217
тёлёс — самоназвание двоеданцев племени тёлёс 95
Tölös I 215
тёнгтёрюп, тёнгтёрип — род каракиргизов группы сол 107, *616*
Töngtörüp I 231
тёрт ас (четыре горностая) — род телеутов — ач-кештымов 96
Tört As (vier Hermeline) I 216
тёрт аул — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112
Tört Aul I 237
тёрт кара — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112
Tört Kara I 237
тёрт тамгали, турт тамгали — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Tört Tamgali I 226
тёрт тамгалы (имеющие четыре тамги) — род узбеков племени кытай-кыпчак 103
Tört Tamgaly (mit den vier Tamga) I 225
тёрт-аул — род казак-киргизов Средней орды, племени найман 111
Tört-Aul I 236
тёртаул (четыре аула) — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Törtaul (die vier Aule) I 236
тибер — род тубаларов *594*, *595*
тигирик, тегрик — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Tigirik I 226
тин — род качинцев 89
Tin I 207
тиргеш — племя черневых татар 93
Tirgäsch I 213
тйогды, чогду, чогды — род карагасов (тофаларов) 87, 88, 90, *585*, *590*
Tjogdy I 205, 206, 209
тйода — род койбалов 90
Tjoda I 209
тйода, тйоды, йокты — род сагайцев 90, *589*
Jokty I 209
Tjoda I 208
Tjody I 209
тйылтаг — род качинцев 89
Tjyltag I 207
тоболик см. татары тобольские
тогай тюпи, тогай-тупи — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Togai Tüpi I 226
тогулы см. торгул
тогус — род черневых татар племени тиргеш 93, 103, 120, *594*, *595*
Togus I 213, 225, 247
тогус, тугус, сас-калкы (болотный народ) — род тобольских татар 120, *606*
Sas-kalky (das Sumpfvolk) I 247
Togus I 247
тогус б й (девять богачей) — подразделение узбеков племени кытай-кыпчак 103, 120
Togus Bai (die neun Reichen) I 225
Togus Bai I 247
тоджинцы см. тувинцы-тоджинцы
тоджы, тоджи — род сойонов 98, *599*
Todshy I 219
тодош см. тотош (алтайцы)
тодут см. тот
ток-бай, токбай — подразделение узбеков племен кыркмен-юз 103, *603*
Tok-bai I 226
токаш — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Tokasch I 108
то бай см. ток-бай
токой — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Tokoi I 232
том кижи (люди с Томи) — самоназвание группы шорцев 94
Tom kishi (Tom-Leute) I 213
томь — племя абаканских татар 89, 90
Tom I 203

томь сагай — род сагайцев 90
Tom Sagai I 208
тон — род черневых татар племени кёмнёш 93
Tōn I 213
тон, тон-кубанды — род нижних кумандинцев 93
Tōn-Kubandy I 212
тонгжоан см. тонжон
тонжон, тоншон, тонгжоан — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 125, *596*
Tongschon I 253
Tongshon I 216
тоожу-кижи (тоджинец) — самоназвание тувинцев-тоджинцев *555*
торадяк — род койбалов 90
Toradjak I 209
торго — род кара-киргизов племени бугу 107
Torgo I 230
торгоуты см. тургуты
торгул, торгулы — племя черневых татар 93, 185
Togulen I 328
Torgul I 213
торгул — род оседлых татар Кузнецкого Алатау 94
Torgul I 214
торгул — род телеутов 96
Torgul I 216
торгулба — подразделение казак-киргизов Средней орды 114
Torgulba I 240
торгуты см. тургуты
торо — род телеутов 96, 107
Taro I 216
Toro I 231
торо — род кара-киргизов племени чон-багыш 107
Taro I 231
Toro I 231
торы айгыр — род казак-киргизов Средней орды, племени кыпчак 111
Tory Aigyr I 236
тот, тодут — род сойонов (тувинцев) 99, *599*, *600*
Tot I 220
тотош — род телеутов 96
Totosch I 216, 217
тотош, тодош — род алтайцев (алтай-кижи) 124, 125, *596*
Totosch I 251—253
тофа, тыфа, тыпа — самоназвание тофаларов *583*, *586*
тофалары см. карагасы
точигасы, точи — группа племен XVII в. на территории современной Тувы *599*, *600*
ту-киу см. тугю
туба — род качинцев 89
Tuba I 207
туба — самоназвание койбалов 93
Tuba I 212
туба — самоназвание маторов 89
Tuba I 207
туба — самоназвание тубаларов *594*
туба см. дубо
туба см. сойоны
туба см. татары черневые
туба см. тубинцы
туба-кижи см. тыва
тубалары см. татары черневые
тубинцы, тубинские люди, туба, киргизы-тубинцы — народ, упоминаемый в источниках XVII—XVIII вв. 93, 97, 99, 439, *587*, *588*, *594*, *597*, *598*, *600*
Tuba I 221
Tubiner I 212, 218
Tubinzen II 99
тува-кижи см. тыва
тувинцы см. сойоны
тувинцы кобдинские см. кокчулуты
тувинцы-тоджинцы, тувины-оленеводы, тоджинцы — этнотерриториальная группа тувинцев *584*—*586*, *588*, *590*, *591*, *594*, *597*, *599*, *600*, *608*, *620*, *630*, *655*
тугю, тукю, ту-киу, тукюе, тюркитугю — союз племен древних тюрков 100, 439, 440, 460, 461, 468, 470, 473, *583*, *596*, *601*, *627*—629, *653*
Tu-kiu II 122
Tukiu I 221; II 99—101, 121, 129, 130, 134
тудай — род карагасов 88
Tudai I 206
тукю, тукюе см. тугю
тулат — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Tulat I 236
тумат — род алтайцев (алтай-кижи) *596*
тунгусы — группа тунгусоязычных племен 355, *620*
Tungusen II 1
тунгусы лесные 368
Waldtungusen II 17
тунус — подразделение барабинских татар *605*
туралы — род тарских татар 119
Turaly I 245

туран — род абаканских татар племени су-карга 90
Turan I 208
туран — род сагайцев 90, *588*
Turan I 208
тураш — подразделение барабинских татар *606*
тургай — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Turgai I 232
тургуты, торгоуты, торгуты — племя западных монголов 251, *607*
Turguten I 411
турки 567
Türken II 471
туркмен — самоназвание узбеков группы тюрюк-пен *604*
туркмены, тюрюкпен 104, 105, 247, 472, 563—565, 568, 574, *604*, *621*
Turkmene II 469
Turkmenen II 473, 480
Türkmenen I 228, 406; II 132, 467
Türükpän (Türkmenen) I 228
турт-тамгали см. тёрт тамгали
тусты — подразделение казак-киргизов Средней орды 115
Tusty I 240
туюшка — род казак-киргизов Средней орды, племени кыпчак 111
Tujuschka I 236
туяклы (имеющие копыта) — род узбеков племени кыркмен-юз 103
Tujakly (die Hufe habenden) I 226
тыва, тыва-кижи, туба-кижи, тувакижи — самоназвание сойонов (тувинцев) 97, 98, 215, 491, *585*, *586*, *588*, *597*, *633*
Tuba I 218, 219, 366; II 176
Tuba-Leute (tuba kidji) I 366; II 176
тыва-кижи см. тыва
тыгырык — род узбеков племени кыркмен-юз 103
Tygyryk I 226
тынай — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109, 110,
Tynai I 234
тюменлик — самоназвание ртышских и тобольских татар 118
Tümänlik I 245
тюрбёты, дэрбэты — группа западных монголов 147, 155, 172, *607*,
Türbät I 279
Türböten I 290, 311
тюрки, турки — общее название тюркоязычных народов 97, 106, 187, 288, 355, 440, 461, 470, 472, 474, 524, 538, 563, *596*, *601*, *602*, *605*, *619*, *628*, *630*, *635*, *661*, *673*
Türk-Völkern II 129
Turken II 130
Türken II 1, 122, 132, 135, 466
Türkstämme I 330
тюрки древние 470, 474, 477, *611*, *615*, *618*, *627—629*, *673*; см. также тугю
alten Türken II 130, 135
Türken II 130, 139
Türkstämmen II 139
Türkvölkern II 139
тюрки чулымские см. татары чулымские
тюрки-тугю см. тугю
тюрюк-пен, туркмен, тюрюкпен — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*, *604*
Türük-pän I 226
тюрюкпен — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Türükpän I 236
тюрюкпен см. туркмены
тюрюкпен см. тюрюк-пен
тюты, юты — род телеутов ач-кештымов 90, 96
Jütu I 216, 217
Tjüty I 209
тярым — род качинцев 89
Tjarym I 207
тястыг — род качинцев 89
Tjastyg I 207

угро-самоеды — группа племен эпохи бронзы 440, 478, 480
Ugro-Samojeden II 101, 139, 142
угры *617*, *669*
удэюбук — род хотонов *601*
узбеки см. бухарлык
узбеки, узбек 87, 102, 104, 106, 107, 474, 563—565, 568, 569, 575, *582*, *596*, *602*, *604*, *616*, *637*, *653*, *654*, *678—680*
Ösbek I 225, 228, 229; II 482
Ösbeken I 122, 224, 231; II 466, 467, 473
Usbeken II 135
узбеки-кураминцы *602*
узун — род казак-киргизов Средней орды, племени кыпчак 111
Usun I 236
уйгуёл, уйгуор (уйгур) — древнее китайское название уйгуров 101, 526
Ui-gu-öl (Uigur) I 223

уйгур — самоназвание уйгуров *601*
уйгур-ондар — род тувинцев *599*, *600*
уйгуры — народ 88, 99, 101, 526, *585*, *601*, *605*, *634*, *635*, *653*, *659*
Uiguren I 206, 220, 221, 223; II 345
уйгуры древние 99, 100, 460, 468, 474, 526, *585*, *586*, *588*, *600*, *601*, *615*, *627*, *673*, *676*, *677*
alten Uiguren I 221; II 344
Uiguren II 121, 129, 134
уйсюн — племенное название казак-киргизов Большой орды 111
Uissün I 235
уйсюн — племя туркменов 105
Uisün I 228
уйюли см. юйели
улан — самоназвание группы алтайцев 95
Ulan I 215
уланы, улан — группа алтайцев 128, *596*
Ulan I 258
Ulan-Volk I 257
урак — род казак-киргизов Средней орды 287
Urak I 456
урало-алтайцы — группа племен эпохи бронзы и железа 480
Ural-Altajern II 143
уранхай, урянх, урянхайцы, урянхаи — монгольское название сойонов (тувинцев) и алтайцев 97, 436, *585*, *597*, *600*, *655*
Uranchai II 96
Urangchai I 217
урусул-кижи (люди с Урусула) — самоназвание группы алтайцев (алтай-кижи) 128
Urussul-Leute (Urussul Kishi) I 257
урянкат, урянкаты, урянхаи — племя, упоминаемое в средневековых источниках *597*
урянхайцы см. уранхай
уссюк — подразделение кара-киргизов племени сары багыш 109
Ussük I 233
уста — род шорцев 94
Usta I 214
усуни — древний народ *583*
уч ру (три рода) — подразделение узбеков 104
Utsch ru (die drei Geschlechter) I 227
уч тамгалы, уш-тамгали — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, 603
Utsch Tamgaly I 226
уш-тамгали см. уч тамгалы
уяз, уяс — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Ujas I 227

финны 480
Finnen II 143
французы 333, 565
Franzosen I 507; II 469

хаазут, хаазыт — род тувинцев *599*, *600*
хаджи кытайсы (кытаи Хаджи), хаджи-хитай-юз — подразделение (род) узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Chadshy Kytaisy I 226
Hadshi Kytaisy (die Kytai des Hadshi) I 226
хакасы, хакас *584—587*, *589*, *595*, *609—611*, *618*, *619*, *626*, *628*, *644*, *660*, *661*; см. также татары абаканские
хакасы древние, хакас, хягасы, хягас — народ, упоминаемый в китайских хрониках, 439, 460, 461, 468, 470, 473—477, *586*, *587*, *630*, *653*, *656*, *660*
Hakas II 100, 121, 129, 130, 134—139
alten Hakas II 122
халмик см. калмыки
ханходжа кытайсы, хан-ходжа кытайсы (кытаи хана Ходжи), ханходжа, канходжа кытайюзи (кытаи юзи) — подразделение (род) узбеков племени кыркмен-юз 103, *602*, *603*
Chan-chodsha Kytaisy I 226
Chanchodsha Kytaisy (die Kytai des Chan Chodsha) I 226
хасик — монгольское название казак-киргизов 98
Chasik I 219
хасик — род сойонов 98
Chasik I 219
хаш, хааш см. каш
хертек — род тувинцев *598*, *633*
хертек-соян — род тувинцев *633*
хивинцы *580*
хионг-ну, хунну, сюнну — древний народ 100, *583*, *601*
Hiong-nu I 221
хитай-юз см. кытай-юз

ходжа — подразделение казак-киргизов Малой орды 113
Chadsha I 239
ходжа кирей — подразделение казак-киргизов Малой орды 113
Chodsha Kiräi I 238
хойюк — род тувинцев *598*, *599*
хоканды, хоканди — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Chokandy I 227
холюш — род тувинцев *599*
хомду тывазы — самоназвание кобдинских тувинцев *588*
хомул-ерлик — самоназвание татархами и таранчей 101
Chomul Järliki I 223
хоскан — род тувинцев *598*
хотон, хотоны (горожане) — монгольское название сартов Северо-Западной Монголии 100, 101, *601*
Choton (Stadtbewohner) I 222, 224
хотун — род соёнов 98
Chotun I 219
худайберды — род хотонов *601*
хунну см. хионг-ну
хуэйху, хуэйхуэй, хуэйхэ — древнее китайское название уйгуров 101, 526
Chui-chu II 345
Chui-chui II 345
Chui-sche I 223
хуэйхуэй — китайское название дунган 101, 526
Chui-chui I 223
хуэйцза — китайское название таранчей 101, 526
Chui-sa I 223
хягас, хягасы см. хакасы древние

цувалцык — род тобольских татар 120
Tsuwaltsyk I 247
цыгане 147
Zigeuner I 279

чабаш, чабат см. чабраш
чабраш, чабаш, чабат — род нижних кумандинцев 93, *594*
Tschabrasch I 212
чагалдак — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Tschagaldak I 233
чагат см. чыгал
чакор, чакоры, чахары — группа западных монголов 512, *634*
Tschakor II 328
чал джийит, чальджиут — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Tschal Dschijit I 227
чала-казак, чала-казаки (полукиргизы) — группа казак-киргизов метисов 73, 582
Tschala-kasaken (Halbkirgisen) I 105
чалган, чалганду, шалган, шалганду, чалкан, чалканыг, шалканыг — род лебединских татар 93, 210, 211, 214, *594*
Schalgandu I 360
Tschalgam I 361
Tschalgan I 212, 359
Tschalgandu I 359, 365
чалганцы см. татары лебединские
чалкан, чалканыг см. чалган
чалман — род телеутов 96
Tschalman I 217
чальджиут см. чал джийит
чанагаш-олдар — род тувинцев *599*
чапанашлы — род узбеков племени кыркмен-юз 103
Tschapanaschly I 226
чапты — род алтайцев (алтай-кижи) 96, *596*
Tschapty I 216
чаты — подразделение томских татар *579*, *605*
чарагаш — род шорцев 94
Tscharagasch I 214
чаркраук см. чиркиреюк
чарыш-кижи (люди с Чарыша) — самоназвание группы алтайцев 128
Tschargysch-Leute (Tscharysch Kishi) I 257
чахары см. чакор
чедебес — род сагайцев 111
Tschädäbäs I 214
чедебес — род шорцев 105
Tschädäbäs I 208
чедебес, чединбеш — род абаканских татар племени таяс 90
Tschädäbäs I 208
Tschädibäsch I 209
чединбеш — род черневых татар племени кюзен 93
Tschädibäsch I 213
челей — род шорцев 94
Tschäläi I 214
челек — род кара-киргизов племени бугу 107
Tschelek I 230
челканцы см. татары лебединские
чептей см. тептей

черик (войско) — племя кара-киргизов группы онг 107, 110, *616*
Tscherik (das Heer) 231, 234
чертики — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Tschertiki I 233
четти пюрю — род сагайцев 90
Tschätti, Pürü I 208
чинзан — род телеутов ач-кештымов *596*
чирикчи — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109, 110
Tschirikschi I 234
Tschiriktschi I 234
чиркиреюк, чирки-реюк, чиркираук, чаркраук — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Tschirki-räük I 226
Tschirkiräük I 227
чичей — подразделение кара-киргизов племени сары-багыш 109
Tschitschei I 233
чогду см. чоты
чогду, чогды см. тйогды
чой — подразделение барабинских татар *606*
чолышман-кижи (люди с Чолышмана) — самоназвание группы алтайских двоеданцев 128
Tscholyschman-kishi (Tscholyschman-Leute) I 257
чолышманцы, татары чулышманские — группа алтайских двоеданцев 128, 215
Tscholyschman-Bewohner I 257
Tscholyschman-Tataren I 366
чон багыш (большой лось), чонг багыш — племя кара-киргизов группы онг 107, *616*
Tschong Bagysch I 231
чонг чоро — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Tschong Tschoro I 232
чооду см. чоты
чор см. шор
чорос — род алтайцев (алтай-кижи) 129
Tschoros I 258
чорос — род телеутов 96
Tschoros I 216, 217
чоты, чооду, чогду — род сойонов (тувинцев) 90, *590*, *599*, *600*
Tschoty I 209
чуй-кижи (люди с Чуи) — самоназвание группы двоеданцев-теленгитов 95, 128, *582*, *596*
Tschü Kishi (Tschuja-Leute) I 215
Tschüi-kishi (Tschuja-Leute) I 257
чуйцы, чуй-кижи, чу-кижи — группа двоеданцев-теленгитов 34, 96, 97 123, 130, 144, *582*, *596*
Tschüi Kishi I 250
Tschuja-Leute I 260, 274
Tschuja-Leuten I 57
Tschujer I 216
чудь — древнерусское название группы финских племен 80, *625*
чулымцы см. татары чулымские
чун-кан, чункан — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Tschung-kan I 227
чыгал, чыгат, чагат — род черневых татар племени кёмнёш 93, *594*
Tschygal I 213
чыгат см. чыгал
чылпак — род кара-киргизов племени бугу 108
Tschylpak I 232
чюнгюс — род телеутов ач-кештымов 96, *596*
Tschüngüs I 216

шава — род хотонов *601*
шадман тыпи, шадман-тупи — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 104, *603*
Schadman Typi I 226
шакшылыг, шакшы — род челканцев *594*
шалбак — род хотонов *601*
шалган, шалганду см. чалган
шалкал — род шорцев 94
Schalkal I 214
шалык — род сойонов (тувинцев) 98, *599*
Schalyk I 219
шанмай-юз — подразделение тубаларов рода юз *603*
шанту (тюрбаны), шаньду (чалма) — китайское название мусульманских народов 101, 526
Schan-tu (Turban) II 344, 345
Schantu (Turbane) I 223
шаншыклы — подразделение казак-киргизов Большой орды 114
Schanschykly I 240
шаньду см. шанту
шар-джетим (четыре сироты) — род казак-киргизов Средней орды, племени аргын 111
Schar-dshetim (die vier Waisen) I 236

шеркес — подразделение (род) казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112, 113, 287
Scherkäs I 237, 239, 455
шибе — племя дауров 528—531
Schibä II 346—349, 351
шикти — род казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112
Schikti I 237
шимойын — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112
Schimojyn I 236
ширеюти — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112
Schiräüschi I 236
шор — племя абаканских татар 89
Schor I 208
шор см. таяс
шор, сор — род сагайцев 111, *590*
Schor I 214
шор, чор, сары чор — род черневых татар племени юс 93, 103, *594*, *602*
Schor I 213, 226
шорцы, шор, шор-кижи, татары шорские — группа племен Северо-Восточного Алтая 87, 93—95, 122, 128, 189, 198, 206, 207, 209—211, 215, 222, 225, 355, 368, 396, 400, *582*, *589*, *590*, *593—595*, *602*, *608*, *619*, *620*, *644*, *655*, *675*, *680*; см. также татары кондомские, мрасские, томские
Schor I 213, 214, 216, 245, 257, 343, 353, 355—360, 366, 375, 378; II 17, 56
Schor-kishi I 357
Schoren II 1, 50
шорцы-бельтыры 100
Schor-Beltiren I 221
шыбар-айгыр — род казак-киргизов Средней орды, племени кирей 112
Schybar-Aigyr I 236
шыкманат — род кара-киргизов племени едигена 107
Schykmanat I 231
шыкманат — род кара-киргизов племени сары-багыш 107
Schykmanat I 231
шыкмаят — род кара-киргизов племени бугу 107
Schykmajat I 230
шымыр, шымыр ботпай — подразделение казак-киргизов Большой орды 111, 114
Schymyr I 239
Schymyr Botpai I 236
шю — род кызыльцев 91
Schü I 210, 211
шю — род оседлых татар Кузнецкого Алатау 94
Schü I 214
шюмёкёй — подразделение (род) казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112, 113, 287
Schümököi I 237, 238, 455

ынгара — род койбалов 90
Yngara I 209
ыргыт, иркит — род алтайцев (алтай-кижи) 96, 124, 125, *596*
Yrgyt I 216, 217, 251, 253
ыркыт, иргит — род сойонов (тувинцев) 99, *599*, *600*
Yrkyt I 220, 221
ысты — подразделение казак-киргизов Большой орды 111
Ysty I 236

эвенки *580*
эджен-сойоны см. гурта-сойоны
элим-улы — подразделение казак-киргизов Малой орды, племени алчын 112
Älim-uly I 237
эргенекли — род узбеков племени кыркмен-юз 103
Ergänäkli I 226
эргенекти — род казак-киргизов Средней орды, племени найман 111
Ergänäkti I 236
эсты — финское племя *625*; см. также чудь

юйели, уйюли — подразделение узбеков племени кыркмен-юз 103, *603*
Ujäli I 226
юз см. юс
юз (сотня) — племя узбеков 103
Jüs (hundert) I 225, 226
юртас (тюртас) — род тубаларов *594*
юс — племя черневых татар (тубаларов) 93, 103, *602*
Jüs I 213, 226
юс, юсь, юз — род черневых татар (тубаларов) племени юс 93, 103, *594*, *595*, *602*, *603*
Jüs I 213, 226
юс сагаи — род сагайцев 90
Üs Sagai I 208
юты, дьуты, чооты — род нижних кумандинцев 93, *594*
Jüty I 212

юты см. тюты
юуты (тюуты) — род тубаларов *594*
юш-тамга — род кара-киргизов племени чон багыш 107
Üsch Tamga I 231

ябы — подразделение узбеков 104
Jaby I 227
ябыр см. йобур чыгал
якуты — 99, 100, *617*, *620*, *656*
Jakuten I 221
якшы, якшылык — род лебединских татар 93, 211
Jakschy I 212
Jakschylyk I 261
якшылык — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Jakschylyk I 232
якшылык см. якшы
ялан — род черневых татар (тубаларов) племени кёмнёш 93, *594*
Jalan I 213
яманбай — подразделение кара-киргизов племени бугу 108
Jamanbai I 232
ярмалу — род алтайцев (алтай-кижи) 96
Jaramalu I 216
ярык — род тубаларов *594*
яс — род хотонов *601*
яскалбы — род тобольских татар 120, *606*
Jaskalby I 247

vk.com/ethnograph

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 5
От издательства 8

ПЕРВЫЙ ТОМ

Из главы I. Краткие сведения о научных поездках в 1860—1870 гг. *Перевод Б. Е. Чистовой* 9

Глава II. Описание путешествий по Алтаю и Восточной Киргизской степи. Перевод *Б. Е. Чистовой* 14

Из дневника моего путешествия по Западному Алтаю 43
Из дневника моего путешествия 1862 г. 70

Глава III. Население Южной Сибири и Дзунгарии. *Перевод Б. Е. Чистовой* 87

1. Карагасы 87
2. Абаканские татары 88
3. Чолымские татары 92
4. Татары Северного Алтая 92
5. Собственно алтайские татары 95
6. Татары Западной Монголии 97
7. Оседлые тюркские племена Средней Азии 100
8. Северные степные кочевники 106
9. Барабинские татары 115
10. Иртышские и тобольские татары 118

Глава IV. Восточные, немусульманские тюркские племена Западной Сибири. *Перевод Б. Е. Чистовой* 122

1. Алтайские горные калмыки 123
2. Телеуты 187
3. Шорцы 198
4. Лебединские татары и кумандинцы 210
5. Черневые татары 214
6. Абаканские татары 222

Глава V. Тюркские степные кочевники. *Перевод Б. Е. Чистовой и К. Д. Цивиной* 247

1. Казак-киргизы 249
   I. Овца 258
   II. Коза 268
   III. Крупный рогатый скот 269
   IV. Лошадь 273
   V. Верблюд 285
2. Кара-киргизы 348

ВТОРОЙ ТОМ

Глава VI. Шаманство и его культ. *Перевод К. Д. Цивиной* 355
Глава VII. Сибирские древности. *Перевод К. Д. Цивиной* 410
Бронзовый и медный периоды 419
Древнейший железный период на Южном Алтае 442
Раскопки первого могильника 18—20 июня 1865 г. 443
Раскопки второго могильника 21—29 июня 445
Раскопки могильника в Берельской степи, недалеко от берега Верхней Бухтармы, 12 июля — 9 августа 1865 г. 449
1. Раскопки погребения на Кулунде 452
2. Раскопки погребений под Барнаулом 453
3. Раскопки погребений в Барабинской степи 453
Погребения новейшей эпохи железного века на Абакане 454
(*Из главы VIII.* Дневник путешествия к сойонам в 1861 г.). *Перевод К. Д. Цивиной* 481
Глава IX. Илийская долина. *Перевод К. Д. Цивиной* 504
Отрывок из путевого дневника лета 1862 г. 504
Население Илийской долины 511
Глава X. Долина Среднего Зеравшана. *Перевод К. Д. Цивиной* . . . 532
Искусственное орошение 532
Селения (кишлаки, торговые села и города) 537
Селения горных районов, окаймляющих долину Зеравшана . . . 557
Пути сообщения 559
Население 562
Административное управление 572
Примечания 579
Объяснение русских мер и весов, упоминаемых в этой книге 638
Список сокращений 639

ПРИЛОЖЕНИЕ

С. И. Вайнштейн. В. В. Радлов и его труд «Из Сибири» 640
Аннотированный указатель географических названий 683
Указатель этнических названий 718

Радлов В. В.

Р15 Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем К. Д. Цивиной и Б. Е. Чистовой. Примеч. и послесл С. И. Вайнштейна. Топонимич. редакция, схемы маршрутов экспедиций и аннотир. указатель географич. названий Г. И. Допидзе. Указатель этнич. названий Е. П. Батьяновой.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.— 749 с.: ил., карты.— (Этнографическая библиотека)

ISBN 5-02-017025-9

Издание представляет собой перевод на русский язык книги выдающегося русского тюрколога В. В. Радлова, написанной им в XIX в., в годы работы на Алтае, когда он, совершая неоднократные путешествия по Сибири, Казахстану и Средней Азии, собирал материалы по языку, фольклору и этнографии народов этих территорий.

Р $\frac{0508000000\text{-}161}{013(02)\text{-}89}$ Без объявления

ББК 63.5

Научное издание

Радлов Василий Васильевич

ИЗ СИБИРИ

Страницы дневника

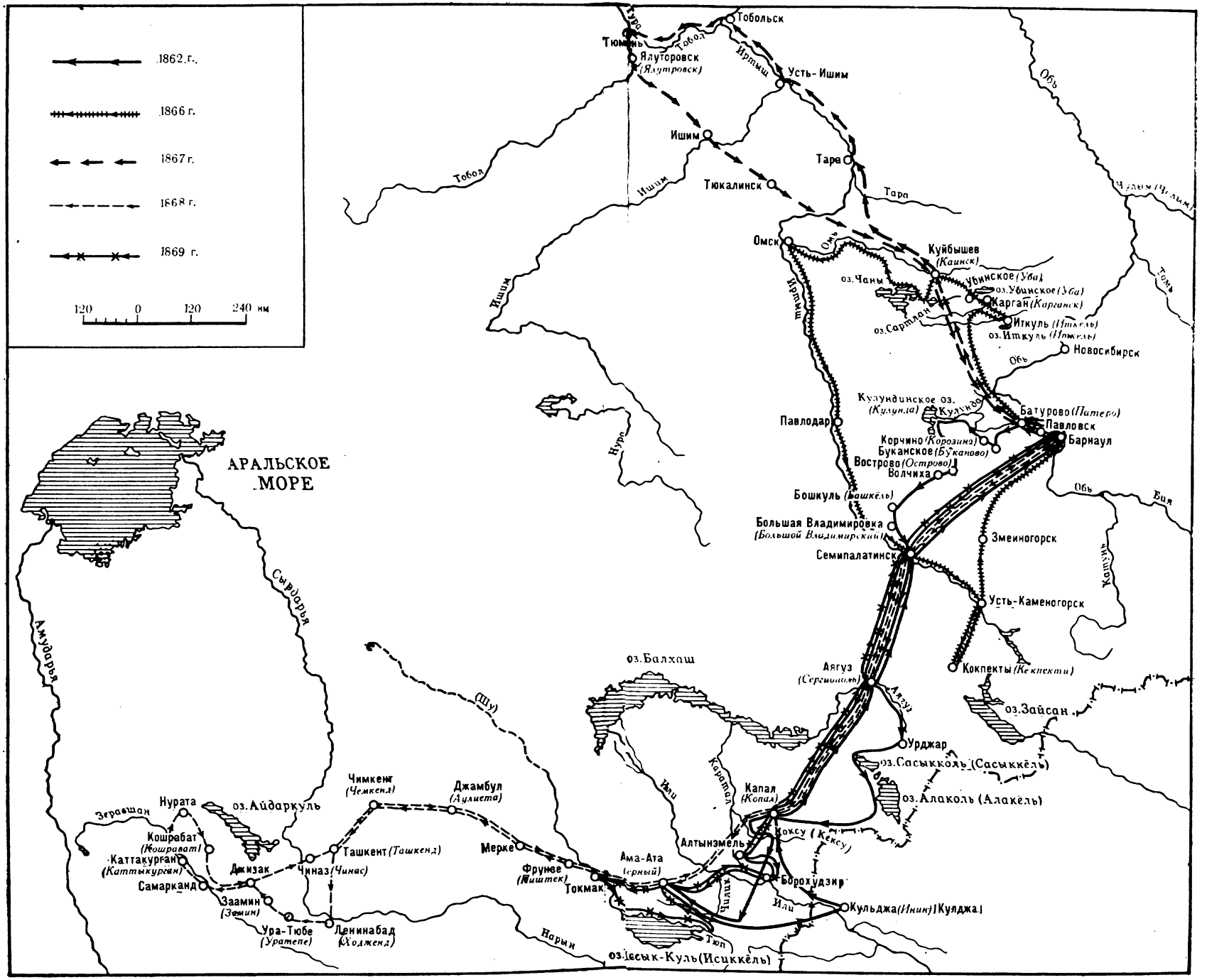
Редактор *Л. С. Ефимова.* Младшие редакторы *Н. Л. Петрова, И. Е. Серегина.* Художник *Э. Л. Эрман.* Художественный редактор *Б. Л. Резников.* Технический редактор *З. С. Теплякова.* Корректоры *Р. Ш. Чемерис, А. В. Шандер*

ИБ № 15927

Сдано в набор 02.08.88. Подписано к печати 24.08.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 47. Усл. кр.-отт. 47.25. Уч.-изд. л. 54,47. Тираж 6400 экз. Изд. № 5174. Зак. № 2071. Цена 5 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103051, Москва, К-51, Цветной бульвар, 21

2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

1862 г.
1866 г.
1867 г.
1868 г.
1869 г.
120 0 120 240 км
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Тобольск
Тюмень
Ялуторовск (Ялуторовск)
Усть-Ишим
Ишим
Тара
Тюкалинск
Омск
Куйбышев (Каинск)
Убинское (Уба)
Карган (Каргинск)
Иткуль (Иткель)
Новосибирск
Павлодар
Кулундинское оз. (Кулунда)
Батурово (Патеро)
Павловск
Барнаул
Корчино (Корозина)
Буканское (Буканово)
Вострово (Островое)
Волчиха
Бошкуль (Башкель)
Большая Владимировка (Большой Владимировский)
Семипалатинск
Змеиногорск
Усть-Каменогорск
Кокпекты (Кекпекти)
оз. Зайсан
Аягуз (Сергиополь)
оз. Балхаш
Урджар
оз. Сасыкколь (Сасыккёль)
оз. Алаколь (Алакёль)
Капал (Копал)
Коксу (Кексу)
Алтынэмель
Борохудзир
Кульджа (Инин) Куяджа
Ама-Ата (Юрый)
Фрунзе (Пишпек)
Токмак
Мерке
Джамбул (Аулиета)
Чимкент (Чемкент)
Ташкент (Ташкент)
Чиназ (Чинас)
Джизак
Самарканд
Каттакурган (Каттыкурган)
Кошрабат (Кошрават)
Нурата
оз. Айдаркуль
Заамин (Зямин)
Ура-Тюбе (Уратепе)
Ленинабад (Ходжент)
оз. Иссык-Куль (Исиккёль)
Тюп
Нарын
Сырдарья
Амударья
Зеравшан
(Шу)
Или
Каратал
Чилик
Тобол
Ишим
Тара
Обь
Иртыш
Омь
Чаны
Сартлан
Кулунда
Бия
Катунь
Чулым (Чулым)
Томь
Курс